Годъ тридцать второй.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1894

9.

Стр.

ПРИЛОЖЕНЪ ПОРТРЕТЪ М. Н. АКСАКОВОЙ.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1894.

«АРХИВЪ КНЯЗЯ Ѳ. А. КУРАКИНА».

Томы I—IV.

Всѣ доселѣ вышедшія книги одобрены Ученымъ Комитетомъ М. Н. П. Главные склады изданія: въ Надеждинской конторѣ князя Ѳ. А. Куракина (г. Сердобскъ, Саратовской губ.) и въ конторѣ Странно-пріимнаго дома князей Куракиныхъ (Москва, у Красныхъ воротъ). Ц. I т. 2 р., остальныхъ по 3 р.; на веленевой бумагѣ на 1 р. дороже; тисненные зол. переплеты по 1 р. 50 к. по желанію, наложенный платежъ. Пересылка за счетъ складовъ.

Указатель историческихъ статей въ духовныхъ журналахъ и Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ.

Антонинъ епископъ, Мое воспоминаніе. **Псковскія Еп. В.** № 3.

Боголюбскій М. С. Историко-географическій очеркъ предѣловъ Московской епархіи. Чтенія въ Общ. Люб. Дух. Просв. № 8

Вержболовичъ М. Второй періодъ существованія Минской духовной семинаріи (1817 — 1840 гг.) **Минскія Еп. В.** №№ 12—13.

Головщиковъ К. Д. Ярославскій архіепископъ Нилъ (Біо-библіографическій очеркъ). **Могилевскія Еп. В.** № 17.

Евтихіевъ А. Историческое описаніе прихода и церкви села Бараитскаго. **Енисейскія Еп. В.** № 9.

Запольскій Г. Христіанское образованіе Русскихъ князей въ X—XIII вв. **Воронежскія Еп. В.** №№ 2, 3, 6, 7.

Здравомысловъ К. Іерархи Новгородской епархіи. **Новгородскія Еп. Вѣд.** № 10.

Лебедевъ А. Святый Іоаннъ, Христа ради юродивый, Устюжскій чудотворецъ, 1494 — 1894. **Вологодскія Еп. В.** № 11.

Леопольдовъ А. Ф. Астраханская семинарія въ первый періодъ ея существованія. **Астраханскія Еп. В.** №№ 9—10.

Леопольдовъ А. Ф. Архимандритъ Меѳодій и протоіерей Николай Скопинъ, питомцы Астраханской духовной семинаріи. **Астраханскія Еп В.** №№ 13—14.

Марковскій П. Изъ воспоминаній о митрополитѣ Евгеніи. **Кіевскія Еп. В.** № 10.

Н—й А. Верхнеднѣпровскъ и его храмъ. **Екатеринославскія Еп. В.** № 11.

Рункевичъ С. Г. Матеріалы для исторіи Минской епархіи. **Минскія Еп. В.** №№ 7—11.

Сацердотовъ М. Древнѣйшія учебныя заведенія Пензенскаго края. **Пензенскія Еп. В.** № 7.

Сибирцевъ І. Историческія свѣдѣнія изъ церковно-религіознаго быта гор. Архангельска въ XVII и первой половинѣ XVIII в. **Архангельскія Еп. В.** №№ 8, 11.

Силинъ П. М. Макарьевская упраздненная пустынь. **Новгородскія Еп. В.** № 11.

Синайскій А. Изъ исторіи мѣропріятій противъ раскола въ первые годы синодальнаго правленія. **Христіанское Чтеніе**, Іюль—Августъ.

Смирновъ В. Исторія Новгородской духовной семинаріи. **Новгородскія Еп. В.** №№ 2, 5, 13.

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ВТОРОЙ.

1894.

III.

„РУССКІЙ АРХИВЪ“ выходитъ двѣнадцатью выпусками въ годъ. Каждые четыре выпуска составляютъ особую книгу, съ отдѣльнымъ счетомъ страницъ. Азбучный указатель личныхъ именъ въ концѣ третьей книги—общій для всего годоваго изданія.

РУССКІЙ АРХИВЪ

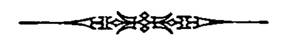
ИЗДАВАЕМЫЙ

Петромъ Бартеневымъ.

Не найдешь въ себѣ—не ищи въ селѣ.
Старинная пословица.

1894.

КНИГА ТРЕТЬЯ.



МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1894.

БИРОНЫ ВЪ ЯРОСЛАВЛѢ.

Какъ извѣстно, Бирону съ его семействомъ императрица Елисавета Петровна ссылку въ Пелымъ замѣнила водвореніемъ въ Ярославлѣ, гдѣ онъ и жилъ въ теченіе 19 лѣтъ съ женою, дочерью и двумя сыновьями *).

Вскорѣ по прибытіи въ Ярославль семейство Бирона познакомилось съ семействомъ богача-фабриканта Ивана Максимовича Затрапезнова. Бывшая Курляндская герцогиня и старшій ея сынъ Петръ (будущій и послѣдній герцогъ Курляндскій) уже въ Іюлѣ 1743 года были воспріемниками младенцу Петру у Михаила Балашова, приходившагося зятемъ Затрапезнову. Въ 1744 году у того же Балашова они же, Биронова жена и ея сынъ Петръ были воспріемниками младенцу Маріи. Въ 1745 г. въ Іюлѣ мѣсяцѣ они же и у того же Балашова были воспріемниками младенцу Сусаннѣ. Кромѣ нихъ воспріемниками этой Сусанны были еще находившійся тогда въ Ярославлѣ «для искорененія воровъ и разбойниковъ» полковникъ Ливенъ, да графиня Параскева Юрьевна, жена графа Петра Семеновича Салтыкова (правовѣрная). Въ 1746 г. Іюля 5-го новорожденному у Балашовыхъ младенцу, опять Петру, воспріемниками были тѣже: Биронова жена и ея сынъ Петръ. Такимъ образомъ три раза у святой купели Бироны воспринимали одни, а другихъ воспріемниковъ правовѣрныхъ не было.

Крестившій съ такими воспріемниками священникъ фабричной Петро-Павловской церкви Никита Ивановъ, наконецъ, долженъ былъ поплатиться за свою подкладность. Возникло дѣло въ Ярославскомъ духовномъ правленіи, куда Балашовъ и іерей Никита были вызваны къ допросу. Тутъ выяснилось, что Балашовъ, предъ крещеніемъ еще перваго своего младенца, просилъ священника Никиту, что «ежели-де

---

*) Прошенія и письма Бирона и его сыновей изъ Ярославля къ разнымъ лицамъ въ С-Петербургъ см. въ „Архивѣ Князя Воронцова“ II, 525—548.

возможно и православному Греческаго закона исповѣданію будетъ непротивно, то бы онъ попъ Биронову жену и большаго сына въ воспріемничество допустилъ». И при томъ онъ Михайло Балашовъ не изъ повелѣнія и не изъ принужденія, но разговорами оному попу Никитѣ предлагалъ, что въ С.-Петербургѣ и Москвѣ, да и въ Ярославлѣ, таковые жъ иновѣрные въ православныхъ церквахъ и у правовѣрныхъ христіанъ при крещеніяхъ воспріемниками довольно-де допускаемы бываютъ и отъ святыя купели воспринимаютъ [1]).

«И по тѣхъ разговорахъ и просьбѣ оный священникъ Никита, разсуждая, что когда-де въ Москвѣ и въ С.-Петербургѣ и въ Ярославлѣ таковые иновѣрные воспріемники допускаются, то знатно-де церкви святѣй противности въ томъ не находится онымъ Бироновѣ женѣ и сыну ея при крещеніи объявленныхъ младенцевъ быть».

Но по взятымъ въ Ярославское духовное правленіе отъ всѣхъ г. Ярославля священно- и церковнослужителей извѣстіямъ оказалось, что хотя въ нѣкоторыхъ церквахъ при крещеніи младенцевъ воспріемниками иновѣрные и были, но не одни, а съ правовѣрными. Тоже бывало конечно и въ столицахъ. Его архипастырство, знаменитый Арсеній Мацѣевичъ разсудилъ, что «оный попъ Никита, знатно, изъ бездѣльной своей корысти то дѣлалъ и къ тому желаніе имѣлъ, чего ему дѣлать было весьма не надлежало и въ томъ слушаться его Балашова было не должно, для того что онъ Балашовъ ему попу не командиръ; а хотя бы онъ Балашовъ ему о томъ и приказывалъ, то и о томъ бы принужденіи надлежало объявить его архіерейству».

За такую его продерзость Арсеній отрѣшилъ попа Никиту отъ той церкви и повелѣлъ въ Ярославскомъ духовномъ правленіи, при собраніи прочихъ священно-и-церковнослужителей, наказать цѣпками съ прочтеніемъ 50-го псалма, и послѣ того благословилъ ему имѣть служеніе въ Ярославлѣ съ крестца [2]), а объ избраніи къ той Петро-Павловской церкви на мѣсто его во священники достойнаго и во чтеніи искуснаго человѣка и о представленіи его преосвященному объявлено было майору Петру Лакостову [3]) вѣдѣніемъ. По епархіи же,

---

[1]) Петръ Великій завелъ это обыкновеніе, неоднократно кумившись съ иновѣрцами. П. Б.

[2]) Т. е. безъ прихода, а по вольному найму. Такіе священники нанимались служить на крестцахъ или перекресткахъ. П. Б.

[3]) Этотъ Петръ Алексѣевичъ Лакостовъ, кажется, сынъ шута-Итальянца, который потѣшалъ еще Петра Великаго (Дневникъ Берхгольца) и Анну Іоанновну и тогда же разбогатѣлъ, запялся фабриками и вступилъ въ родство съ Русскою знатью. Митрополитъ Арсеній черезъ него выписывалъ изъ чужихъ краевъ книги для своей Духовной Семинаріи. П. Б.

чтобъ иновѣрные безъ правовѣрныхъ впредъ нигдѣ въ воспріемники допускаемы не были, отъ консисторіи публиковано указами [1]).

Вскорѣ однако священникъ Никита Ивановъ былъ возвращенъ на прежнее свое мѣсто. Митрополитъ Арсеній, выслушавъ поданную отъ майора Петра Лакостова челобитную о попѣ Никитѣ и учиненныя о немъ засвидѣтельствованія отъ своего ризничаго о знаніи симъ іереемъ символа, а отъ іеромонаха Серапіона о достоинствѣ священнослуженія, хотя и признавалъ, что оному попу Никитѣ за его продерзость надлежало бы съ крестца служеніе имѣть, но, разсуждая представленные отъ майора Лакостова резоны, благословилъ 18-го Августа 1746 г. оному іерею быть по-прежнему при церкви, чтȏ на фабрикѣ и о томъ повелѣлъ дать ему указъ.

Про обычай допускать инославныхъ до крещенія православныхъ митрополитъ Арсеній представилъ донесеніе въ Св. Синодъ; но еще прежде синодальнаго рѣшенія 26 Августа 1747 г. онъ велѣлъ своей консисторіи публиковать по всѣмъ епархіальнымъ церквамъ новыми указами, дабы отъ сего времени священно- и церковно-служители въ воспріемники иновѣрныхъ, хотя и съ правовѣрными, отнюдь не допускали, а допускали бы однихъ правовѣрныхъ по правилу въ Большомъ Требникѣ Московской печати, на листу 8-мъ наоборотѣ напечатанному тако: «Вѣдати подобаетъ, яко во святомъ крещеніи единъ довлѣетъ воспріемникъ, аще мужескій полъ есть крещаемый; аще же женскій, токмо воспріемница; въ нуждѣ же смертнѣй можетъ крещеніе быть и безъ воспріемника».

(Изъ архива Ярославской Духовной Консисторіи, дѣло 15, 1746 г).

(*Сообщено А. А. Титовымъ*).

[1]) Указъ этотъ напечатанъ въ „Ярославскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“ за 1890-й годъ въ № 6-мъ.

КЕНИГСБЕРГСКІЙ АРХИМАНДРИТЪ ТИХОНЪ [1]).

По кончинѣ (Августа 10-го 1760 г.) архимандрита Владимира Каллиграфа, Спасо-Ярославскій монастырь оставался безъ настоятеля. Возникло въ Св. Синодѣ разсужденіе о томъ, а также и о достоинствѣ состоявшаго въ Сухопутномъ Кадетскомъ Корпусѣ іеромонаха Тихона, который «имѣлъ немаловременное и добропорядочное въ томъ корпусѣ обращеніе и къ произведенію въ означенный Спасо-Ярославскій монастырь въ архимандрита оказался достойнымъ». Объ іеромонахѣ Тихонѣ, по дирекціи того Корпуса, Октября 29-го, отъ лица Св. Синода и Его Императорскому Высочеству, Великому Князю Петру Өеодоровичу, было докладывано, и по докладу сему отъ Его Высочества о произведеніи того іеромонаха Тихона во архимандрита благоволеніе воспослѣдовало [2]). Св. Синодъ вслѣдствіе сего приказалъ означеннаго іеромонаха Тихона произвести въ С.-Петербургѣ въ показанный Спасо-Ярославскій монастырь во архимандрита, Ноября 1-го 1760 года, синодальнымъ членомъ преосвященнымъ Веніаминомъ, епископомъ Псковскимъ [3]).

Новопроизведенный архимандритъ Тихонъ, по фамиліи Якубовскій, былъ родомъ Малороссіянинъ, происходилъ изъ уѣзднаго города Коропа, сынъ мѣщанина. Учился онъ сначала въ Черниговѣ, потомъ въ Кіевской Академіи, гдѣ и постригся въ монашество. Оттуда его опредѣлили въ кадетскій корпусъ іеромонахомъ. Не имѣя, по произведеніи въ архимандрита, на содержаніе себя въ С.-Петербургѣ и на исправленіе необходимыхъ потребностей, а равнымъ образомъ и на дорожный до Ярославля проѣздъ, никакихъ денегъ, онъ вошелъ въ Св.

---

[1]) Яросл. Дух. Конс. дѣло 1747 г. по архиву за № 10-мъ.

[2]) Будущій Петръ III-й, какъ извѣстно, считался главнымъ начальникомъ знаменитаго Сухопутнаго Шляхетнаго Корпуса. П. Б.

[3]) Яросл. Дух. Конс. 1761 г. дѣло по архиву за № 40.

Синодъ съ прошеніемъ о выдачѣ ему изъ доходовъ Св. Синода на счетъ Спасо-Ярославскаго монастыря трехъ сотъ рублей. Эти деньги, по указу Св. Синода отъ 11-го Декабря, рѣшено было ему выдать на условіи возврата ихъ съ случайною денежною оказіею въ Московскую Синодальную Контору [1]).

Архимандриту Тихону теперь оставалось только ѣхать въ Ярославль. Отъ 10-го Генваря 1761 г. изъ Ростовской духовной консисторіи въ Спасо-Ярославскій монастырь келарю іеромонаху Іосифу да казначею іеромонаху Пимену посланъ былъ и указъ о назначеніи къ нимъ новаго архимандрита съ повелѣніемъ прочесть оный при собраніи всей братіи и служителей, а также опубликовать и въ монастырскихъ вотчинахъ. Но вмѣсто встрѣчи самого архимандрита монастырскія власти въ тоже время прочли другой указъ консисторіи о высылкѣ изъ синодальныхъ Спасо-Ярославскаго монастыря доходовъ въ Московскую Синодальную Контору 300 рублей; архимандритъ же Тихонъ въ С.-Петербургѣ потребовался для исполненія нѣкотораго нужнѣйшаго дѣла, а именно для православной церкви въ Прусскомъ столичномъ городѣ Кенигсбергѣ, который въ 1758 г. былъ взятъ Россійскими войсками. Туда Тихонъ и отправился и тамъ отправлялъ въ новооснованной церкви священнослуженіе.

Уже изъ Кенигсберга архимандритъ Тихонъ отъ 22-го Іюля 1761 г. обратился къ Ростовскому митрополиту Арсенію съ такимъ всенижайшимъ прошеніемъ (въ которомъ слышна Малороссійская рѣчь).

«Въ данномъ при виправи меня нижайшаго въ Кенишбергъ, на секретную коммисію, Ея Императорскаго Величества, Самодержицы Всероссійскія, изъ Св. Правительствующаго Синода, отъ 8-го Декабря прошедшаго 1760-го года, указѣ повелѣно мнѣ нижайшему, ежели доведется по коммисіи, до опредѣленія на мѣсто архимандрита Ефрема [2]) другаго кого, здѣсь мнѣ остаться, службу Божію отправлять по чину и по мѣсту монастыря Спасо-Ярославскаго».

«Но хотя мнѣ нижайшему, въ силу состоявшіяся во ҂аха (1666) году Августа въ аі (11) день, блаженныя и вѣчно достойныя памяти Великаго Государя Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, всея Вели-

---

[1]) Яросл. Дух. Конс. 1761 г. въ дѣлѣ за № 40 л. 6—11.

[2]) Этотъ Ефремъ, первый архимандритъ Кенигсбергскій или Кролевца Прусскаго (какъ тогда писали и печатали), по преданію, слышанному нами отъ А. С. Хомякова, былъ переведенъ въ Кенигсбергъ изъ Данкова. П. Б.

кія и Малыя и Бѣлыя Росіи Самодержца, грамоты, чинъ священнослуженія онаго Спасо-Ярославскаго монастыря нѣсколько и извѣстенъ, однако я нижайшій того безъ благословенія и повелѣнія вашего высокопреосвященства, яко архипастыря моего премилосердаго, начать не смѣю и по ся поры».

«А что съ прошеніемъ умедлилъ, не утруждалъ, то тому причиною всеминутное ожиданіе моего отсюда спасенія [1]). Нынѣ же, когда по обстоятельствамъ разсуждая, что того счастья скоро дождаться не уповаю, а многіе такого священнослуженія здѣсь ожидаютъ, а особливо господинъ губернаторъ здѣшній Василей Ивановичъ Суворовъ [2]) часто о томъ говорилъ мнѣ, что я бы-де многихъ иностранныхъ въ церковь привелъ, ежели бъ-де такое священнослуженіе отправляемо было: того ради, ежели ненадежно скоро мене нижайшаго отсюда возвратить (чтò единственнѣ на высокоотеческой вашего высокопреосвященства архипастырской милости зависитъ), то рабски молю, да благоволитъ ваше высокопреосвященство архипастырское благословеніе прислать съ высокомилостивоотеческимъ повелѣніемъ и предписаніемъ мнѣ нижайшему, во вящщее благолѣпіе и благоговѣніе богоустроенныя здѣсь Греко-Россійскія православныя церкви, служить по силѣ вышеписанныя Великаго Государя Царя и Великаго Князя, блаженныя и вѣчно достойныя памяти, Алексѣя Михайловича, Самодержца Всероссійскаго, грамоты [3]).

«Я же какъ нынѣ возглашаю, такъ въ ономъ служеніи и сугубо еще вашего высокопреосвященства имя, яко архипастыря моего, возглашать долженствую, точно какъ бы въ своемъ монастырѣ суще. И сіе съ радостію моею особеннѣйшею творю и творить имѣю, что Ростовской митрополіи (святостію и чудесами нетлѣнныхъ мощей своихъ предсѣдателей многопрепрославленной) нынѣшній предсѣдатель, святыхъ подражательнѣйшій, мой истый архипастырь, здѣ Божіимъ изволеніемъ, моими грѣшными устами, въ церквѣ святѣй возглашается. Сіе я за особливѣйшую радость имѣя и всенижайше донося, высоко-

---

[1]) Любопытно это выраженіе, въ которомъ, можетъ быть, надо видѣть только лесть хитраго Малороссіянина передъ властолюбивымъ и въ тоже время могущественнымъ въ Св. Синодѣ Бѣлоруссомъ или Литвиномъ. П. Б.

[2]) Это отецъ знаменитаго Александра Васильевича Суворова, тогдашній генералъ-губернаторъ Восточной Пруссіи. Его отецъ, т. е. дѣдъ великаго Суворова, былъ протоіереемъ Московскаго Архангельскаго собора (хотя былъ стариннаго дворянскаго рода и имѣлъ свой домъ на Большой Никитской). П. Б.

[3]) Почему эта грамота дана царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ Спасо-Ярославскому монастырю и сохраняетъ ли она донынѣ свою силу, намъ неизвѣстно. П. Б.

милостивоотечественной архипастырской, со всеглубочайшимъ моимъ униженіемъ рабскимъ, ожидаю резолюціи и святительскаго благословенія.

Вашего высокопреосвященства, премилосердаго архипастыря моего, всенижайшій рабъ Тихонъ, архимандритъ Спасо-Ярославскій.

Іюля 22 дня 1761 г. Кенишбергъ.

Получивъ это прошеніе, митрополитъ Арсеній Мацѣевичъ повелѣлъ о вышеписанномъ достовѣрно справиться.

Оказалось, что подобное священно-служеніе въ Спасо-Ярославскомъ монастырѣ уже имѣлъ архимандритъ Каріонъ (1734—1737 гг.) и подобное же священнослуженіе преосвященнымъ митрополитомъ отъ 6 Декабря 1747 г. было дозволено архимандриту Варѳоломею Любарскому. «Да и дому его архипастырства экономъ іеромонахъ Амвросій [1]) сказалъ: въ бытность-де его при Ярославской соборной церкви протопопомъ, видалъ онъ, что Спасо-Ярославскаго монастыря архимандриты въ томъ монастырѣ священнослуженіе имѣли на коврѣ съ рипидами и со осѣненіемъ свѣщнымъ, держа въ рукахъ по одной свѣчѣ безъ подсвѣщниковъ».

Митрополитъ Арсеній, вслѣдствіе этого, отвѣчалъ въ Кенигсбергъ архимандриту Тихону такимъ письмомъ за собственноручной подписью.

«Преподобнѣйшій господинъ, отецъ архимандритъ Тихонъ, мой въ Духу Святомъ братъ возлюбленный!»

«Прошеніе вашего преподобія, отправленное Іюля 22, я получилъ въ Ростовѣ сего Августа 17 числа и о служеніи прежнихъ архимандритовъ Спасо-Ярославскихъ справлялся, и оказалось, что оные по грамотѣ, въ вашемъ прошеніи упоминаемой, служивали на коврѣ съ рипидами и со осѣненіемъ свѣщнымъ такъ, что въ рукахъ имѣли по одной свѣчѣ безъ подсвѣщниковъ, каковое служеніе и вамъ я имѣти позволяю и благословляю, и сія предложивъ, навсегда пребываю вашего преподобія доброжелатель и пастырь смиренный Арсеній, митрополитъ Ростовскій и Ярославскій». Послано 18 числа Августа черезъ почту [2]).

*

Только въ 1763 г., т. е. по возвращеніи королю Фридриху нашимъ императоромъ Петромъ III всѣхъ завоеванныхъ нами при им-

[1]) О немъ см. въ № 15-мъ „Ярославскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей“ за 1893-й годъ.

[2]) Подлинная переписка въ Яросл. Дух. Конс. 1761 г. въ дѣлѣ за № 41-мъ

ператрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ у Пруссіи древне-Славянскихъ областей, не стали болѣе нужны въ Кенигсбергѣ ни православная церковь, ни архимандритъ Тихонъ, который посему и прибылъ въ Москву, явился здѣсь въ Генварѣ мѣсяцѣ въ Св. Синодъ, а за тѣмъ отправился въ Ярославль. Въ указѣ Святѣйшаго Синода отъ 18-го Февраля 1763 г. на имя митрополита Арсенія Мацѣевича повелѣвалось архимандриту Тихону «за понесенные его въ Сухопутномъ Шляхетскомъ Корпусѣ труды и честное житіе имѣть мантію со скрижалями красными». Въ указѣ-же архипастырскомъ, между прочимъ, значилось: «такожъ по примѣру тѣхъ же прежнихъ архимандритовъ и надъ обрѣтающеюся въ томъ монастырѣ семинаріею ему архимандриту смотрѣніе имѣть, яко ректору, и въ конторѣ семинарской присутствовать» *).

Въ 1764 г. Генваря 13 учреждена была Московская викарная епархія подъ именемъ Сѣвской, и архимандритъ Тихонъ Іюля 10 былъ опредѣленъ на эту епархію епископомъ, а Августа 8 и хиротонисанъ. Декабря 17 го 1767 года онъ переведенъ на каѳедру Воронежской епархіи. Памятникомъ семилѣтняго своего управленія епархіею онъ оставилъ семинарію, основанную его предшественникомъ Іоакимомъ Струковымъ, а имъ возведенную на высшую степень совершенства. При немъ тамъ открыта была каѳедра для преподаванія живыхъ языковъ, для чего имъ вызваны были воспитанники Кіевской Академіи. Въ 1775 г. 19 Мая онъ переведенъ на Суздальскую епархію и управлялъ ею около 11 лѣтъ; скончался въ 1786 г. Апрѣля 4 и погребенъ въ соборѣ. Тихонъ былъ послѣднимъ епископомъ Суздальскимъ и Юрьевскимъ: послѣ него указомъ отъ 6-го Мая 1786 года епархія Суздальская соединена съ Владимирскою. Извѣстны въ печати слово и рѣчь Тихона при открытіи Владимирскаго намѣстничества. М. 1779.

(*Сообщено А. А. Титовымъ*).

---

*) Напечатанъ въ Яросл. Еп. вѣд. 1882 г въ № 9-мъ.

ВЗЯТІЕ БЕРЛИНА РУССКИМИ ВОЙСКАМИ.

1760.

Изъ Записокъ Гочковскаго.

Geschichte eines patriotischen Kaufmanns aus Berlin, Namens I. E. Gotzkofsky, von ihm selbst geschrieben, Augsburg. 1789. Малая 8-ка, 154 стр. [1]).

На эту рѣдкую книжечку указалъ намъ, въ 1858 году, въ бытность нашу въ Берлинѣ, извѣстный Нѣмецкій писатель Фарнгагенъ-фонъ-Энзе, какъ на содержащую въ себѣ свѣдѣнія о занятіи Берлина Русскими войсками въ 1760 году, и тогда же сообщилъ, что авторъ ея, Гочковскій, былъ Еврей. Фарнгагенъ могъ знать о происхожденіи Гочковскаго отъ покойной знаменитой супруги своей, Еврейки Рахили Левинъ, которая нѣкогда собирала у себя въ домѣ ученое и литературное общество Берлина, у которой (1837—1839) бывали наши Грановскій, Катковъ [2]), Станкевичъ, Фроловъ и другіе Русскіе люди. Самъ же Гочковскій (род. 1710) называетъ себя Польскимъ дворяниномъ.

По бѣдности занявшись торговлею галантерейными товарами, Гочковскій расторговался. Онъ издавна былъ извѣстенъ Прусскому королевскому дому и самому Фридриху II-му, который покровительствовалъ его фабрикамъ, бархатной и шелковой. Черезъ Гочковскаго выписывались картины для Потсдамскаго дворца.

Послѣ Цорндорфской баталіи, т. е. въ 1758 году, Гочковскій оказалъ какія-то услуги находившемуся въ Берлинѣ плѣнному бригадиру Сиверсу, и тотъ впослѣдствіи не позабылъ про нихъ. Годъ спустя, Пруссаки потерпѣли отъ насъ такое пораженіе, что король ихъ, по собственному его свидѣтельству (въ извѣстныхъ его Запискахъ), по-

---

[1]) Исторія купца-патріота изъ Берлина, по имени I. Е. Гочковскаго, написанная имъ самимъ. Издана въ Аугсбургѣ 1789.

[2]) Можетъ быть, позднѣйшее роковое и подъ конецъ весьма заботившее его и тяготившее сближеніе Каткова съ Евреями и объясняется впечатлѣніями тогдашней Берлинской жизни и умными бесѣдами высокоталантливой Рахили Фарнгагенъ-фонъ-Энзе. П. Б.

мышлялъ о самоубійствѣ. Онъ послалъ гонца въ Берлинъ съ приказомъ, чтобы знатные и богатые жители поскорѣе уѣзжали, такъ какъ онъ не въ силахъ предупредить нашествіе непріятеля. По порученію Берлинскаго магистрата Гочковскій ѣздилъ къ королю узнать о дальнѣйшихъ его распоряженіяхъ по поводу перемѣнившихся обстоятельствъ. Фридрихъ находился въ деревушкѣ Рейтвенѣ, близъ Лебуса. Кругомъ его лагеря гарцовали Русскіе гусары и казаки. Гусарскій офицеръ Притвицъ помогъ проворному фабриканту добраться до короля, который обнадежилъ его въ безопасности Берлина.

Но въ 1760 г., 3 Октября н. ст., значительный Русскій отрядъ, подъ начальствомъ гр. Тотлебена, началъ обстрѣливать Прусскую столицу, которая не сдавалась, въ надеждѣ на приходъ принца Виртембергскаго*). Гочковскій и другіе Берлинскіе граждане готовили продовольствіе ожидаемымъ спасителямъ; но въ ночь съ 7-го на 8-е Октября Виртембергскій принцъ, будучи не въ силахъ противостоять Русскимъ (къ которымъ на подмогу пришли Австрійцы подъ начальствомъ генерала Ласси), прошелъ черезъ Берлинъ мимо и направился къ Магдебургу.

Приводимъ разсказъ Гочковскаго.

«8 Октября 1760 г., въ 2 часа утра, меня позвали въ Берлинскую Городскую Думу, гдѣ собралась и находилась въ крайнемъ отчаяніи большая часть членовъ магистрата. Мнѣ сообщили горестную вѣсть объ отступленіи нашихъ войскъ и о беззащитномъ состояніи города. Ничего не оставалось дѣлать какъ постараться по возможности избѣгнуть бѣдствія посредствомъ покорности и уговора съ непріятелемъ. Затѣмъ возникъ вопросъ, кому отдать городъ, Русскимъ или Австрійцамъ. Спросили моего мнѣнія, и я сказалъ, что по моему гораздо лучше договориться съ Русскими, нежели съ Австрійцами; что Австрійцы—настоящіе враги, а Русскіе только помогаютъ имъ; что они прежде подошли къ городу и требовали формально сдачи; что, какъ слышно, числомъ они превосходятъ Австрійцевъ, которые, будучи отъявленными врагами, поступятъ съ городомъ гораздо жесточе Русскихъ, а съ этими можно лучше договориться. Это мнѣніе было уважено. Къ нему присоединился и губернаторъ, ген.-лейтенантъ фонъ-Роховъ, и такимъ образомъ гарнизонъ сдался Русскимъ.

Въ 5 часовъ того же утра опять позвали меня въ Думу. Русскій генералъ Тотлебенъ потребовалъ, чтобы члены магистрата и купечества явились къ Котбусскимъ воротамъ, и для этого выбрали меня съ нѣкоторыми другими лицами.

---

*) Его дочери, родившейся въ Штетинѣ, будущей нашей императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, шелъ тогда второй годъ отъ роду. П. Б.

Городъ ничего не зналъ о томъ чтò происходило ночью. Обыватели преспокойно спали и вѣроятно не помышляли о бѣдѣ, которая витала надъ ихъ головами. Про отступленіе нашихъ войскъ никому не было извѣстно; знали, что они передъ городомъ и тѣмъ себя обнадеживали.

Легко понять, что наша депутація направлялась къ указанному мѣсту въ страхѣ и неизвѣстности о томъ, какъ предотвратится грозившая опасность. Мы прибыли какъ разъ вò-время, ибо Русскіе готовы были вступить въ городъ, и мы едва поспѣли помѣститься у приворотнаго писаря.

Офицеръ, ѣхавшій во главѣ полка, вступилъ въ ворота, спросилъ насъ, кто мы такіе и, услышавъ, что мы выборные отъ Думы и купечества и что намъ велѣно сюда явиться, сказалъ: Тутъ ли купецъ Гочковскій? Едва опомнившись отъ удивленія, выступилъ я впередъ, назвалъ себя и съ вѣжливою смѣлостью обратился къ офицеру: чтò ему угодно?

— Я долженъ, отвѣчалъ онъ, передать вамъ поклонъ отъ бывшаго бригадира, нынѣ генерала, Сиверса. Онъ просилъ меня, чтобы я, по возможности, былъ вамъ полезенъ. Меня зовутъ Бахманъ. Я назначенъ комендантомъ города во время нашего здѣсь пребыванія. Если въ чемъ я могу быть вамъ нуженъ, скажите.

Я исполнился несказанной радостью и тогда же положилъ себѣ воспользоваться этимъ случаемъ не для одного себя, но и для моихъ сограждань, объятыхъ смертнымъ страхомъ.

Я поспѣшилъ въ городъ, разсказалъ о происшедшемъ со мною и старался всѣхъ ободрить и утѣшить.

Графъ Тотлебенъ потребовалъ отъ города страшной суммы въ 4 милліона государственныхъ талеровъ стараго чекана. Городской голова Кирхейзенъ пришелъ въ совершенное отчаяніе и отъ страха почти лишился языка. Нашествіе Австрійцевъ въ Ноябрѣ 1757 г. стало городу всего въ 2 милліона талеровъ, и сборъ этихъ денегъ причинилъ тогда великую тревогу и несказанныя затрудненія. А теперь откуда было взять вдвое больше? Русскіе генералы подумали, что голова притворяется, либо пьянъ, и въ негодованіи приказывали отвести его на гауптвахту. Оно такъ бы и случилось; но я съ клятвою удостовѣрилъ Русскаго коменданта, что городской голова уже нѣсколько лѣтъ страдаетъ припадками головокруженія.

И такъ непріятель овладѣлъ городомъ, безъ всякаго договора и немедленно потребовалъ продовольствія для войска. Никто не зналъ какъ быть. Вторгнувшіяся войска тотчасъ очистили магазинъ главнаго комиссара Штейна, заготовленный имъ для снабженія королевской

арміи и тѣмъ причинили ему 57583 талера убытку, и онъ потомъ никогда не получилъ за то ни гроша. Это продолжалось до 5 часовъ по полудни.

Русскій комендантъ, какъ выше сказано, былъ мнѣ пріятелемъ; но главный начальникъ генералъ Тотлебенъ не зналъ меня. Поэтому я постарался провѣдать, кто и каковъ былъ его адъютантъ и гдѣ онъ помѣстился. Имя его Бринкъ. Онъ служилъ капитаномъ въ Русской арміи. Самъ графъ Тотлебенъ расположился въ домѣ Винцента на Братской улицѣ (Brüderstrasse), а Бринку отвелъ помѣщеніе насупротивъ, въ домѣ Паля. Я настоятельно упросилъ коменданта Бахмана, чтобы этого капитана Бринка перевели на житье ко мнѣ и такъ долго приставалъ къ самому коменданту, что онъ согласился переѣхать въ мой домъ. Я постарался снискать его дружбу и воспользоваться ею для общаго блага. Чего я ни придумывалъ въ его удовольствіе! Вскорѣ я убѣдился, что именно онъ намъ нуженъ, что онъ былъ такъ сказать, правая рука графа Тотлебена. Изъ вѣрнаго источника дошло до меня, что Русскій полный генералъ, графъ Ферморъ, приказывалъ графу Тотлебену взыскать съ Берлина 4 милліона, не причиняя городу особыхъ насилій. Поэтому я началъ всячески убѣждать господина Бринка въ томъ, что Берлинъ не въ состояніи уплатить столь неумѣренныя деньги и убѣдительнѣйше просилъ, чтобы онъ склонилъ графа Тотлебена къ пощадѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что просьба моя была доложена, такъ какъ, вслѣдъ за тѣмъ, магистрату велѣно снова явиться въ 2 часа по полудни къ Котбусскимъ воротамъ, куда онъ и отправился изъ дома г-на Вангенгейма, гдѣ все утро дожидался, что графъ Тотлебенъ туда пріѣдетъ. У воротъ снова не послѣдовало никакого рѣшенія, хотя туда прибыли многіе обыватели и на колѣняхъ просили сбавки. Графъ Тотлебенъ оставался непреклоненъ. Между тѣмъ непріятельская армія находилась по большей части въ самомъ городѣ. Солдаты ходили по всѣмъ улицамъ, изъ которыхъ нѣкоторыя, можно сказать, кишѣли ими. Наступала грозная минута: между солдатами заходила рѣчь о разграбленіи.

Посреди общей бѣды и смущенія пошелъ я съ капитаномъ Бринкомъ къ графу Тотлебену. Съ искреннею, сердечною и въ тоже время правдивою горячностью представилъ я ему, что требованія его нѣтъ возможности исполнить, что Русскіе имѣютъ преувеличенное понятіе о богатствѣ Берлинскихъ купцовъ и въ особенности мѣнялъ-Евреевъ. Моими мольбами и плачемъ довелъ я графа Тотлебена до того, что онъ согласился получить вмѣсто 40 бочекъ золота только 15 и кромѣ того 200 тысячъ государственныхъ талеровъ въ пощадныхъ деньгахъ (Douceurgeld), и не стараго чекана, а тогдашнею ходячею серебряною

монетою или дукатами, считая по 4 талера въ дукатѣ *). Немедленно я, можно сказать, полетѣлъ въ Думу объяснить о томъ магистрату и купечеству. Тотчасъ военный совѣтникъ и бургомистръ Ридигеръ составилъ договоръ о сдачѣ города. Члены магистрата отправились къ графу Тотлебену съ этимъ договоромъ, который и былъ провѣренъ, подписанъ и размѣненъ на обѣ стороны.

9 Октября послѣдовало распоряженіе о доставленіи непріятельскимъ войскамъ уговоренныхъ 200 тысячъ пощадныхъ денегъ, дабы удовлетворить Австрійцевъ, которые иначе не соглашались уходить изъ города. Рѣшено было весь окупъ приносить ко мнѣ въ домъ, гдѣ и происходилъ пріемъ всѣхъ денегъ. Работы у меня, такимъ образомъ, прибыло вдвое. День и ночь непріятельскія войска наполняли мое жилище, въ которомъ и безъ того негдѣ было повернуться отъ лицъ, искавшихъ себѣ убѣжища и отъ несмѣтнаго множества чужой поклажи съ вещами и деньгами. И по ночамъ не давали мнѣ покою, такъ что все время, пока непріятели хозяйничали въ городѣ, я не ложился въ постель. Погода стояла самая дурная. Денно и нощно принужденъ я былъ ходить по улицамъ, удовлетворяя либо Русскихъ и Австрійцевъ, поминутно требовавшихъ то того, то другаго, либо самихъ обывателей, въ ихъ жалобахъ на Русскихъ солдатъ, которые безчинствовали вопреки строжайшимъ приказамъ графа Тотлебена. Благодаря моему доступу къ графу Тотлебену, приказавшему, чтобы часовые пропускали меня во всякое время безпрепятственно, всѣ въ то время обращались ко мнѣ, и я старался, по возможности и безъ отлагательства сдѣлать угодное каждому. О всякомъ доходившемъ до меня своевольствѣ Русскихъ солдатъ я немедленно доносилъ генералу, и тотъ приказывалъ тотчасъ же наказывать провинившагося. Вотъ чѣмъ объясняется отличное поведеніе Русскаго войска во время его здѣшняго пребыванія.

10 Октября гр. Тотлебенъ, по приказанію ген. Фермора, долженъ былъ разорить, разграбить и сдѣлать негодными къ дальнѣйшему производству всѣ находившіяся въ Берлинѣ королевскія фабрики, а равно забрать всѣ воинскіе запасы, находившіеся въ общественныхъ мѣстахъ и, конечно, весьма значительные. Въ спискѣ фабрикъ, подлежавшихъ опустошенію, находилась также золотая и серебряная мануфактура.

Узнавъ о томъ еще наканунѣ, я пошелъ къ графу Тотлебену, сообщилъ ему эту горестную вѣсть и клятвенно увѣрилъ его, что эта мануфактура только по имени своему королевская, но доходы ея не поступаютъ въ королевскую казну, а идутъ всѣ на содержаніе Потсдамскаго сиротскаго дома и многихъ сотень бѣдныхъ сиротъ. Я дол-

*) У Фридриха Великаго приготовлялись тайкомъ и оловянные талеры, и его примѣромъ если не оправдываетъ, то объясняетъ Тьеръ Наполеоновы фальшивыя Русскія ассигнаціи 1812 года. П. Б.

женъ былъ изложить письменно это заявленіе, подписать и подтвердить клятвенно; графъ крикнулъ коменданта и приказалъ ему вычеркнуть обѣ эти фабрики изъ списка.

Только что ушелъ я домой, какъ до меня дошла вѣсть о томъ что въ упомянутой полученной отъ Фермора бумагѣ приказано посадить на гауптвахту обоихъ здѣшнихъ газетчиковъ и на слѣдующее утро прогнать ихъ сквозь строй, къ чему приготовленія уже дѣлались. Мнѣ жаль было обоихъ несчастныхъ людей. Въ 9 часовъ вечера я опять пошелъ къ графу Тотлебену. Онъ уже ложился спать. Я извинился въ частой моей докукѣ и боязливо завелъ рѣчь о томъ, чтобы не позорить этихъ людей. Между прочимъ говорилъ я ему: «Подумайте и обсудите, ваше сіятельство. Вѣдь они вовсе не виноваты и не причастны въ томъ, чтó появилось въ газетѣ и чтò такъ раздражаетъ Русскихъ. Газета зависитъ не отъ нихъ только, но пропускается цензурою. Всѣ мы люди, всегда подверженные ошибкамъ. Не вѣкъ же продлится война? Теперь положеніе дѣлъ можетъ скоро перемѣниться, и тогда, пожалуй, послѣдуетъ отместка за этотъ случай и за оскорбленіе того или другого подданнаго Русской Императрицы, столь же невиннаго, какъ и эти люди. Но не жестоко ли теперь такъ поступать съ Русской стороны?». Графъ Тотлебенъ внимательно глядѣлъ на меня и наконецъ возразилъ, что не въ его власти уклониться отъ исполненія приказа, къ которому нельзя примѣнить никакой оговорки. «Ступайте домой. Ночью я подумаю и окончательное рѣшеніе дамъ завтра утромъ». Въ 4 часа этого утра я уже былъ у графа Тотлебена, привѣтствовалъ его и спросилъ, не прилеталъ ли къ нему добрый ангелъ и не шепнулъ ли о пощадѣ невинныхъ арестантовъ? Онъ сказалъ, что гачетчиковъ приведутъ къ улицѣ, гдѣ назначено прогонять ихъ сквозь строй, и тамъ будетъ имъ сдѣлано только внушеніе, а отъ самаго прогона они освобождаются. Такъ и вышло.

11-го Октября магистратъ увѣдомилъ меня, что графомъ Тотлебеномъ приказано сносить на большую дворцовую площадь всякое безъ исключенія находящееся въ городѣ огнестрѣльное оружіе, о чемъ дано знать къ каждый домъ. Никто не зналъ, по какому это поводу, и жители снова встревожились. Сдача оружія уже началась, когда я поспѣшилъ къ графу Тотлебену и, спросивъ его скромно о причинѣ таковаго распоряженія, представилъ, что большая часть гражданъ имѣющихъ ружья и пистолеты, держитъ ихъ только для своего удовольствія; что имъ горько будетъ это лишеніе, Русскимъ же это оружіе обратится лишь въ тягость. Графъ и этотъ разъ сослался на приказаніе графа Фермора. «Но чтобы показать вамъ, продолжалъ онъ, какъ мнѣ нравится ваше усердіе ко благу города и вашихъ согражданъ, я ве-

лю, чтобы они принесли на площадь нѣсколько сотень старыхъ и негодныхъ ружей; казаки переломаютъ ихъ и побросаютъ въ воду. Такимъ образомъ и это приказаніе будетъ мною для виду исполнено».

Вообще я и весь городъ можемъ засвидѣтельствовать, что генералъ этотъ поступалъ съ нами скорѣе какъ другъ, нежели какъ непріятель. Чтò было бы при другомъ военачальникѣ? Чего бы ни выговорилъ и не вынудилъ бы онъ для себя лично? А чтò произошло бы, если бы попали мы подъ власть Австрійцевъ, для обузданія которыхъ отъ грабежа въ городѣ графъ Тотлебенъ долженъ былъ прибѣгать къ разстрѣливанью.

Графу Тотлебену предписывалось прижать въ особенности Евреевъ и взять въ заложники Ефраима и Ицига. Еврейскіе старшины, три дня сряду остававшіеся въ помѣщеніи графа, повѣдали мнѣ свою бѣду. Я представилъ генералу, что въ договорѣ о сдачѣ города эти Евреи не поименованы особо и что они внесли деньги, сколько приходилось по раскладкѣ на ихъ долю. Мнѣ стоило величайшихъ усилій переубѣдить графа Тотлебена, и Евреи были пощажены.

Наконецъ, графъ Тотлебенъ получилъ приказаніе поспѣшить отъѣздомъ изъ Берлина; но еще многое оставалось уладить, и для того были потребованы къ нему господа Вегéли, Шюце и Вюрстлеръ. Походило на то, что ихъ берутъ въ заложники. Шюце не было въ городѣ. Вегéли и Вюрстлеръ пришли ко мнѣ въ смертномъ страхѣ и просили выручить ихъ. Я рѣшился спросить графа, зачѣмъ нужны ему эти люди. Онъ сказалъ: «Они поѣдутъ въ лагерь, гдѣ перечтутъ собранныя здѣсь деньги и сдадутъ начальству». Я поймалъ его на словѣ и замѣтилъ, что для этого нужны не эти люди, а счетчики. Возражать было нечего, и вмѣсто этихъ господъ взяты три кассира, которые потомъ поѣхали и въ Пруссію, гдѣ ихъ долго продержали подъ арестомъ.

12-го Октября вечеромъ графъ Тотлебенъ и войска его выбыли наконецъ, изъ города, и освободился домъ мой, болѣе походившій на скотный дворъ, нежели на жилище, послѣ того какъ Русскіе наполняли его собою денно и нощно. Все время должень я былъ довольствовать питьемъ и ѣдою всякаго, кто ко мнѣ являлся. Прибавить надо еще многіе подарки, безъ которыхъ не удалось бы мнѣ исполнить то чтò я исполнилъ. Чего все это мнѣ стоило, остается занесеннымъ въ книгѣ забвенія. Городъ не спросилъ меня, сколько я издержалъ, а я не требовалъ, дабы не стали говорить, что я дѣйствовалъ ради собственной выгоды. Въ теченіе двухъ недѣль, со всѣхъ концовъ города и даже изъ чужихъ краевъ, безпрестанно приходили ко мнѣ похвальныя письма, въ которыхъ величали меня спасителемъ Берлина и многихъ тысячъ людей».

Графу Фермору, тогдашнему генералъ-губернатору покоренной нами Восточной Пруссіи, Гочковскій отвезъ въ Кенигсбергъ богатую трость, осыпанную драгоцѣнными каменьями, въ знакъ благодарности города Берлина за отличное поведеніе Русскихъ войскъ. Графъ сначала не хотѣлъ принимать этого подарка, но потомъ взялъ, сказавъ, что покажетъ императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ. Ферморъ говорилъ Гочковскому, что съ Берлина взято мало денегъ въ сравненіи съ тою контрибуціею, которую Прусскій король взялъ съ Лейпцига. Берлинцы взнесли намъ свой окупъ не сполна и выдали на нѣкоторую сумму вексель. Фридрихъ II-й приказывалъ Берлинскому купечеству не уплачивать по этому векселю, и Ферморъ стыдилъ тѣмъ Гочковскаго. Дорогія табакерки, перстни и разныя цѣнныя вещи, которыя имѣлъ съ собою Гочковскій, выручали его изъ затрудненій. Графъ А. Б. Бутурлинъ увидалъ у него золотую табакерку съ бриліантами и портретомъ Фридриха II-го. Ему захотѣлось купить ее; но цѣну нашелъ онъ слишкомъ высокою и спросилъ, нельзя ли пріобрѣсти одинъ портретъ. Гочковскій вынулъ портретъ и приподнесъ нашему главнокомандующему, который подарилъ за то слугѣ Гочковскаго двадцать рублей.

25-го Іюня 1761 г. графъ Тотлебенъ былъ арестованъ и увезенъ въ Петербургъ. Упоминая о томъ, Гочковскій не объясняетъ причины; но ему конечно была она лучше другихъ извѣстна.

Мы извлекли изъ Записокъ Гочковскаго относящееся до взятія Русскими войсками Берлина, о чемъ повѣствуетъ онъ лишь мимоходомъ; главною же цѣлью его Записокъ было показать свои заслуги передъ Прусскимъ правительствомъ. Историкъ Семилѣтней войны можетъ отыскать въ этой книжечкѣ еще довольно любопытныхъ замѣтокъ. О взятіи Берлина написана была графомъ Тотлебеномъ подробная и любопытная реляція, помѣщенная въ VI-й книгѣ «Архива Князя Воронцова» съ современнымъ планомъ города. Про газетчиковъ онъ говоритъ: «Найденныя въ Берлинѣ печатныя письма, которыя въ противность нашему Россійскому двору и союзниковъ Ея Императорскаго Величества арміи, велѣлъ я всѣ собрать и подъ висѣлицею сжечь чрезъ тамошняго палача. А въ ономъ городѣ Берлинѣ кои сочиняютъ газеты, за ихъ противное составленіе, по нынѣшней войнѣ сами они наказаніе заслужили, чтобъ ихъ наказать шпицрутеномъ; а по прошенію того всего города отъ того наказанія уволены изъ высочайшей Ея Императорскаго Величества милости. Однакожъ не плацъ экзекуцію были они выведены и раздѣты были. Также осмотрѣлъ королевскую тамъ камору и которые найдены сундучки и короба съ золотыми, серебряными и другими алмазными вещами, бригадиру Бенкендорфу велѣлъ я запечатанными съ собою къ арміи до Франкфурта взять».

Памятникомъ взятія Берлина Русскими войсками осталась между прочимъ табакерка, описаніе которой ниже слѣдуетъ. П. Б.

ДОСТОПАМЯТНАЯ ТАБАКЕРКА.

Длина около 3 вершковъ; высота: 1 вершокъ. Бѣлая эмаль по золоту. На эмали цвѣтныя изображенія.

1) На крышкѣ снаружи: Русскіе солдаты и казаки (вензель: Е на сабръ-ташѣ) отдыхаютъ у костра подлѣ палатокъ.

2) На крышкѣ изнутри: двуглавый орелъ держитъ на красныхъ лентахъ продолговатый щитъ съ тѣсною Нѣмецкою надписью, помѣщаемою ниже. По сторонамъ: знамена разныхъ цвѣтовъ, барабаны и литавры.

3) Съ боковъ: а) Русскіе солдаты и казаки; б) казакъ, вывѣтривающій свои платья; в) большая телѣга о двухъ лошадяхъ, нагруженная разноцвѣтными знаменами (трофеи?); сзади — часовой; г) Прусскій солдатъ ломаетъ ружье. На землѣ разломанные тесаки, ружья и т. п.; д) снизу—знамя и барабанъ.

Надпись

съ сохраненіемъ орѳографіи и пунктуаціи *).

Die Unternehmung derer Russen auf Berlin. Anno 1760 d. 3-ten October. Lies der General Tottleben die Stadt auforderu, nach diesem starck bombardiren.

D. 4. rückte das Preusisch Printz-Würtembergische Corps hier ein und besetzten d. 5 die Berge und die Stadt der Mauer Seite.

D. 6. wurde die Pallisaden Seite attaquiret.

D. 7. gegen ein ander starck canoniret heute früh stiess das Preüss-Hülfensche Corps zu dem erstern ũ da die Oestereicher unter des General Lasci Comando auch ankamen, so wurde diesen abend gegen 6 Uhr die Stadt zum zweiten mahl aufgefordert.

D. 8. wurde wegen grausamen wind und regen nichts vorgenommen diese nacht capitulierte der Magistrat mit dem General Tottleben und marchirten.

---

*) Списывалъ графъ Алексѣй Александровичъ Бобринскій. С.-Петербургъ 31 Марта 1894 года. Табакерка случайно пріобрѣтена въ Вѣнѣ А. А. Половцовымъ. П. Б.

D. 9. früh die Preusische Truppen von hier aus, dagegen rückten früh um 7 Uhr die Russen, und Oesterreicher hierezu.

D. 10. wurde das Zeug-Haus, ů Mundirungs Cammer ausgeraümet ů geplundert.

D. 11. das Königl. Saltz verkauft gegen Abend marchirten die Oestereicher.

D. 12. die Russen.

D. 13 der letztern rest wieder ab.

Переводъ. Предпріятіе Русскихъ на Берлинъ 1760 года 3-го Октября. Генералъ Тотлебенъ потребовалъ сдачи города и потомъ сильно обстрѣливалъ. 4-го, пришелъ сюда Прусскій принца Виртембергскаго корпусъ и занялъ, 5-го, горы и городъ со стороны стѣнъ. 6-го было нападеніе со стороны палисадовъ. 7-го. Взаимная сильная пушечная стрѣльба. Рано, сегодня, Прусскій вспомогательный корпусъ присоединился къ первому, и такъ какъ прибыли также Австрійцы подъ предводительствомъ генерала Ласси, то сегодня вечеромъ, около 6-ти часовъ, потребована во второй разъ сдача города. 8-го. Ради жестокаго вѣтра и дождя ничего не происходило. Въ эту ночь уговорился въ сдачѣ магистратъ съ генераломъ Тотлебеномъ и пошли. 9-го. Рано вышли отсюда Прусскія войска, а въ 7-мь часовъ рано взошли Русскіе и Австрійцы. 10-го очищены и разграблены цехаузъ и складъ аммуниціи. 11-го продана королевская соль. Къ вечеру пошли Австрійцы. 12-го Русскіе. 13-го ушли остальные Русскіе.

*

По чьему заказу изготовлена была эта исторіографическая табакерка, намъ неизвѣстно; но такъ какъ въ надписи не восхваляются Австрійцы, то можно думать, что она сдѣлана была для кого нибудь изъ Русскихъ. Не для графа ли Ивана Григорьевича Чернышова или для его друга И. И. Шувалова? П. Б.

КЪ БІОГРАФІИ А. П. ЕРМОЛОВА.

Съ 1876 года, по указанію Великаго Князя Михаила Николаевича, въ бытность Его Императорскаго Высочества главнокомандующимъ Кавказскою арміею, издается военно-историческимъ отдѣломъ окружнаго штаба въ Тифлисѣ „Кавказскій Сборникъ“. Цѣль его — „систематическая разработка военно-историческаго матеріала, представляемаго дѣломъ водворенія Русскаго владычества на Кавказѣ“. Сообразно этому, въ „Сборникѣ“ печатаются, какъ воспоминанія о Кавказской войнѣ, такъ и статьи, составленныя на основаніи архивнаго матеріала, преимущественно изъ архива штаба.

Въ недавно вышедшемъ XV-мъ томѣ „Сборника“ помѣщены воспоминанія покойнаго генерала отъ артиллеріи Эдуарда Владимировича Бриммера подъ заглавіемъ: „Служба артиллерійскаго офицера, воспитывавшагося въ I кадетскомъ корпусѣ и выпущеннаго въ 1815 г.“ (стр. 52—260). Авторъ воспоминаній началъ службу на Кавказѣ въ началѣ 1822 г. и затѣмъ большую часть своей дальнѣйшей служебной дѣятельности посвятилъ Кавказу же, гдѣ сдѣлалъ 8 горныхъ экспедицій, Персидскую и двѣ Турецкія войны. Нынѣ напечатанное начало его воспоминаній обнимаетъ время до взятія Тавриза и, кромѣ спеціальнаго интереса для исторіи Кавказской войны, заключаетъ много очень интересныхъ обще-историческихъ данныхъ, между прочимъ объ А. П. Ермоловѣ. Поэтому мы думаемъ, что, въ виду сравнительно-малаго распространенія „Кавказскаго Сборника,“ желательно ознакомить любителей Русской исторіи съ нѣкоторыми чертами изъ воспоминаній Э. В. Бриммера.

Характерную черту изъ Павловскихъ временъ сообщаетъ Э. В. Бриммеръ о своемъ дядѣ: онъ служилъ въ артиллеріи въ чинѣ подполковника, за ошибку на ученіи былъ сосланъ Павломъ *въ Сибирь*, но по пріѣздѣ туда, внезапно, не отдохнувъ отъ курьерской ѣзды, былъ отправленъ для узнанія порядка службы *въ Италію*, въ корпусъ генерала Розенберга!

О первомъ кадетскомъ корпусѣ у автора „осталось мало пріятныхъ воспоминаній“, но нѣкоторыя черты изъ кадетскаго воспитанія и обученія въ самомъ началѣ нашего вѣка онъ сообщаетъ.

Изъ корпуса Бриммеръ попалъ въ корпусъ графа Воронцова, стоявшій во Франціи. О пребываніи тамъ Русскихъ войскъ находимъ у него интересныя подробности. Таковы разсказы его о смотрѣ въ Вертю, въ Шампаньи, гдѣ войска въ теченіе 8 дней питались сухарями, чаемъ, сыромъ и Шам-

панскимъ; о пребываніи въ Коммерси, въ семьѣ Француза, и вообще о взаимныхъ отношеніяхъ Русскихъ и Французовъ; о графѣ Воронцовѣ и его командованіи, навлекшемъ на себя, какъ извѣстно потомъ нареканія въ распущенности, въ чемъ его и старались уличить. „По возвращеніи корпуса въ Россію, разсказываетъ Бриммеръ, пріѣхалъ къ намъ начальникъ артиллеріи 2-го корпуса генералъ Левенстернъ, и пустился въ разговоры съ нижними чинами. Остановившись передъ правымъ флангомъ, онъ поздоровался съ ними и спросилъ: А что, ребята, вы рады, что вернулись въ любезное отечество? — Рады, ваше пр-во. Проходя по фронту и смотря на строй, онъ хвалилъ обмундированіе и былъ, кажется, въ хорошемъ расположеніи духа. Затѣмъ генералъ изъ Нѣмцевъ спросилъ солдатъ: А хорошо вамъ было во Франціи? — Хорошо, ваше пр-ство.— Чтожъ вамъ, досадно, что вышли оттуда?—Досадно, ваше пр-ство. Какъ видите, Русскій солдатъ весь живетъ въ начальникѣ и не понимаетъ противорѣчія". Наряду съ этимъ, Бриммеръ разсказываетъ характерный случай о тогдашнемъ отношеніи къ солдату. Въ ротѣ его былъ коновалъ-самоучка, назначенный въ эту должность, какъ не знавшій никакого другого ремесла. По выходѣ изъ Гейдельберга (гдѣ, замѣтимъ, студенты изъ Остзейскихъ провинцій, провожая роту, кричали: „кланяйтесь Россіи, нашему славному отечеству") одна лошадь захромала. Командиръ роты призываетъ коновала. „Отчего ты лошадь еще не вылечилъ: уже три дня хромаетъ?— Я примачиваю ногу.—Нога болитъ, а оставляешь ее въ запряжкѣ? Вотъ я тебя, с... с..! Розогъ!—Да помилуйте, ваше высокоблагородіе, я больше этой примочки ничего не знаю.—Не знаешь, лѣнтяй! Ложись!—И такъ какъ палки и розги были всегда въ обозѣ, то несчастнаго Чуваша разложили и сѣкли, сѣкли, такъ что онъ и кричать пересталъ. Когда перестали, онъ все лежалъ. „А, встать не хочешь? Воды!" Въ баклагахъ принесли изъ Неккера Декабрской воды и окачивали лежащаго; но солдаты тутъ же подняли его и увели съ глазъ начальника. Сколько такихъ расправъ могъ бы разсказать всякій, служившій въ былое время!"

Въ 1820 г. Бриммеръ, служившій тогда въ Петербургѣ, увидѣлъ А. П. Ермолова. Первый взглядъ на Ермолова сдѣлалъ на меня сильное впечатлѣніе... Высокій, могучій ростъ генерала, его прямая воинская осанка, лицо рѣдко встрѣчаемой мужской красоты, умные глаза и вообще непринужденность и привѣтливость всей особы поразили меня.—„А, кровь моя, артиллеристы!.." и всякаго изъ насъ подарилъ или вопросомъ, или пріятнымъ словомъ. Я вышелъ отъ Алексѣя Петровича совершенно очарованный и, садясь съ товарищами на дрожки, сказалъ: непремѣнно буду служить у него подъ начальствомъ". И дѣйствительно, въ 1822 г. Бриммеръ перешелъ на Кавказъ и тотчасъ пошелъ съ Ермоловымъ въ Кабарду. Оставляя въ сторонѣ живо описанныя военныя дѣйствія, приведемъ нѣсколько чертъ объ Ермоловѣ. Послѣ одного дѣла съ непріятелемъ, причемъ было отбито много скота (баранты), къ начальнику штаба подходитъ маіоръ Павловъ (зять Алексѣя Петровича, бывшій въ отрядѣ за дежурнаго штабъ-офицера) и громко спрашиваетъ: „Не прикажете ли изъ лагеря взять казаковъ, чтобы оцѣпить баранту и пересчи-

тать? — Оцѣпить прикажи, но сегодня не считать, а завтра, отвѣчалъ Алексѣй Петровичъ, чтобы солдаты на вольную руку, еще до счета, могли добыть себѣ шашлыка. На завтра, несмотря на поздній счетъ, оказалось 304 лошади, около 500 штукъ рогатаго скота и 12800 барановъ. Такими распоряженіями добываютъ любовь и признательность солдата."

На обратномъ походѣ на всадниковъ напало множество осъ. „Можно было вообразить свирѣпую нетерпѣливость Алексѣя Петровича, у котораго маленькій Сѣрко былъ облѣпленъ осами. Одинъ штабный офицеръ, веселый малый, проѣзжая мимо меня, говоритъ: „Хочешь послушать, какъ старикъ ругается. Никому нѣтъ спуску, всѣ держатся отъ него подальше, и тезкѣ (Вельяминову) достается". Мы приблизились къ группѣ офицеровъ, ѣхавшихъ позади Алексѣя Петровича, и, увы, услышали, что, перебравъ всѣхъ окружающихъ (тотъ близко подъѣхалъ и осъ съ собою привезъ; этотъ, отмахивая отъ себя осъ, гонитъ ихъ на него: „ужъ пускай бы, сударь, вашу лошадь кусали, да и у васъ-то крови много у самихъ, нечего гнать ихъ на насъ", и прочее въ этомъ родѣ) онъ взялся за мірозданіе „Увѣряютъ, что все отлично-хорошо создано на свѣтѣ. Мудрецы, а все Нѣмцы! Въ халатѣ, за стаканомъ пива ему хорошо. Не угодно ли пожаловать сюда въ Кабарду, г-нъ Gelehrter! Пускай-ка осы васъ покусаютъ, да потомъ и разскажите намъ, зачѣмъ созданы осы, комары, мухи и Нѣмцы, и что отъ нихъ пользы?" Непріятное расположеніе духа выражалось въ такихъ затѣйливыхъ фразахъ и такъ отчетисто, что даже въ самыхъ мелочахъ невольно удивляли и сочетаніе мыслей, и подборъ словъ, и всегда добродушный юморъ. Доѣхали до рѣчки, текущей изъ ущелья, и осы оставили насъ. Алексѣй Петровичъ первый сталъ смѣяться надъ тѣмъ, какъ иногда ничтожное насѣкомое можетъ разстроить расположеніе духа порядочнаго человѣка и, обратился къ одному офицеру, которому сказалъ, чтобы отъѣхалъ отъ него, что онъ ему осъ привезъ: „А вы, милостивый государь, думали, что я и вправду сердился? Совсѣмъ нѣтъ; я только хотѣлъ къ вамъ придраться, чтобы хоть разъ выговоръ сдѣлать; а какъ, по отличной вашей службѣ, вы не дозволяете себѣ выговаривать, такъ вотъ я и придрался, чтобы вы не зазнавались". Такими рѣчами съ молодыми офицерами генералъ Ермоловъ привлекалъ къ себѣ сердца подчиненныхъ Если бы всѣ начальники знали, какъ ласковое слово ихъ много значитъ! Но чтобы понять это, заключаетъ Бриммеръ, надобны умъ и сердце".

Таковъ Ермоловъ въ походѣ. Посмотримъ теперь, каковъ онъ въ мирной жизни.

А. П. Ермоловъ посѣтилъ урочище Гомборы, гдѣ стояла рота Бриммера Офицеры встрѣтили его у квартиры бригаднаго командира Копылова „Здравствуйте, господа артиллеристы!" Увидѣвъ меня: „Ба! И ты тутъ, Тевтонъ? Что у васъ всегда такая пакостная погода? Или вы это для меня подготовили угощенье?" Онъ вошелъ въ сѣни и, замѣтивъ кипящіе самовары, развеселился. „Еще разъ здравствуйте, господа! А что, Гермогенъ Ивановичъ (Копыловъ), кажется, вы насъ чаемъ хотите напоить? И дѣло! Что тамъ ни говори, а лучше самовара и Нѣмецъ ничего не выдумаетъ!" Вечеромъ Алексѣй

Петровичъ играетъ въ карты (въ бостонъ). „Игра осталась за Ховеномъ, Могилевскій пасуетъ, Алексѣй Петровичъ идетъ въ вистъ. Играютъ. Все идетъ хорошо. У Алексѣя Петровича уже двѣ взятки. Ховенъ беретъ свою послѣднюю, пятую; остается на рукахъ по двѣ карты; у Алексѣя Петровича дама бубенъ отыгралась, и онъ разсчитываетъ ею взять третью взятку. Вдругъ Ховенъ ходитъ съ трефъ. Происходитъ взрывъ: Съ бубенъ, ваше превосходительство, съ бубенъ надо ходить! Я вамъ показалъ, что у меня дама бубенъ! — Да у меня бубенъ нѣтъ! — Да я не прошу съ большой — хоть съ двоечки, сударь, съ двоечки!" И видѣть эту колоссальную голову Ермолова, вытянутую впередъ, обѣ ладони вывернутыми надъ столомъ, чуть ли не слезно-умоляющимъ голосомъ взывающаго: „хоть съ двоечки, сударь, съ двоечки!" Когда всѣ бросили карты на столъ, оказалось, что бубенъ ни у кого не было. Говорятъ, что за ломбернымъ столомъ у него всегда вызываются подобныя убѣжденія. Онъ всегда весь въ томъ дѣлѣ, которымъ занятъ". Замѣтимъ, что Ермоловъ никогда не игралъ за себя. Такъ какъ онъ всегда почти проигрывалъ, ибо игралъ рискованно, надѣясь на вистъ, то разъ какъ-то онъ началъ оправдывать свою горячность: „вамъ хорошо проигрывать хладнокровно свое состояніе (игра была всегда самая ничтожная), а я долженъ за игру другого стоять горой". Вообще о поѣздкахъ Ермолова по штабъ-квартирамъ войскъ въ Грузіи Бриммеръ разсказываетъ такъ, что сильно смягчаетъ краски разсказовъ о томъ же Н. Н. Муравьева въ Запискахъ послѣдняго и этимъ подтверждаетъ, что послѣднія, несмотря на свой интересъ, слишкомъ носятъ на себѣ отпечатокъ характера ихъ автора. Кстати Бриммеръ даетъ слѣдующую, характеристику будущаго Кавказскаго намѣстника: „По службѣ педантъ до мелочности, самолюбивъ до уродливости, недовѣрчивъ до обиды; но, когда хотѣлъ, могъ быть любезенъ, привѣтливъ и незнакомыхъ даже обворожить любезностью. Что̀ въ сильномъ характерѣ называется твердостью, у него было упрямствомъ. Онъ никогда не признавалъ причинъ дѣйствій въ другомъ, но свои доводы были въ его глазахъ всегда непогрѣшимы. Человѣкъ былъ своевольный иногда до смѣшнаго, и все изъ самолюбія".

Вотъ еще немалая заслуга Ермолова на Кавказѣ. „По Четвергамъ и по Воскресеньямъ у Алексѣя Петровича собиралось все общество Тифлиса, т. е. только мущины; иногда бывали танцы. Дамъ было весьма мало. Грузинки, только что начинали принимать участіе въ нашей жизни и, кажется, были очень обязаны генералу Ермолову, что онъ убѣдилъ мужей ихъ и отцовъ заняться серьезнѣе хлѣбопашествомъ, распахивая пустопорожнія мѣста. Это убѣжденіе, приведенное почти во всемъ краѣ въ исполненіе, дало намъ хлѣбъ, Грузинамъ — деньги, а красавицамъ — наряды. Въ послѣдніе годы его правленія войска, расположенныя въ Грузіи и Карталиніи, могли уже продовольствоваться туземнымъ хлѣбомъ, тогда какъ доставка его изъ Россіи черезъ Баку и Кавказскія горы обходилась очень дорого. И плугъ понемногу вытѣснилъ саблю изъ занятій обитателей Закавказья".

Любовь, внушаемая личностью Алексѣя Петровича, обрисовывается въ разсказѣ Бриммера о болѣзни его въ 1825 году; а вотъ случай, показывающій,

какъ смотрѣли на него горцы. На ночлегѣ у Терека, во время движенія Ермолова въ 1825 г. къ дер. Андреевой, „ему доложили, что изъ Андреевой пришли два почтенныхъ Кумыка и хотятъ его видѣть. Когда ихъ допустили къ нему, они поклонились и хотѣли уйти. Чтò съ ними? Вѣдь не за тѣмъ же они пришли, чтобы посмотрѣть на меня? сказалъ онъ переводчику.—Именно затѣмъ, сказали Кумыки: у насъ въ Андреѣ распустили слухъ, что ты померъ и что другой генералъ надѣлъ твой мундиръ и называетъ себя Ермолой. Вотъ какъ мы тебя видѣли прежде и знаемъ, то насъ и послали посмотрѣть, и слава Аллаху, что ты живъ; а то не удержать бы нашу молодежь!" Одинъ Кумыкъ говорилъ: „Ермолой—большой человѣкъ, ума много; онъ говоритъ, какъ кулакомъ бьетъ; мало, крѣпко и больно; это хорошо!"—„Напрасно объ Алексѣѣ Петровичѣ говорятъ, что онъ былъ жестокъ, это неправда; но онъ былъ разумно строгъ". „Этотъ харамъ-задà (собачій сынъ) всему виноватъ, говорилъ Чеченецъ-сынъ, указывая на отца, шедшаго сквозь строй; если бы не онъ, насъ бы не били теперь!" Развѣ можно быть добродушнымъ съ народомъ, изъ среды котораго сынъ ругаетъ отца? Эта разумная строгость, это неуклонное исполненіе долга при взысканіяхъ (всегда непріятныхъ для благороднаго человѣка), простое, привѣтливое обращеніе, свято исполняемое обѣщаніе, угроза ли она или милость, все это при колоссальной, могучей фигурѣ, съ нависшими бровями, умной, иногда шутливой рѣчи и знаніи Татарскаго языка, наводило страхъ на горцевъ и внушало имъ уваженіе къ одному имени „Ермолою".

„Однажды, въ Январѣ мѣсяцѣ 1826 года, въ станицѣ Червленной, мы пили чай въ его казацкой хатѣ... Алексѣй Петровичъ сидѣлъ за своимъ письменнымъ столомъ и раскладывалъ пасьянсъ. Онъ былъ въ веселомъ расположеніи духа и разсказывалъ разные случаи изъ своей военной жизни. Припомню нѣкоторые. Извѣстно, что въ Аустерлицкомъ сраженіи мы потеряли много артиллеріи. Вслѣдъ затѣмъ была Прусская кампанія, и эта потеря артиллеріи вызвала у главнокомандующаго приказъ по арміи, въ коемъ сказано было, что офицеръ, потерявшій орудіе, будетъ отданъ подъ судъ. Я командовалъ тогда артиллеріею въ авангардѣ князя Багратіона. Получивъ этотъ приказъ, я пошелъ къ князю и говорю ему, что этотъ приказъ дичь, что его могъ написать только Нѣмецъ.

— Говори, да не ругайся, сказалъ Багратіонъ.

— Если за потерю орудія артиллерійскаго офицера будутъ отдавать подъ судъ, то онъ почтетъ первою святою обязанностью своею не дѣйствовать по непріятелю и сколь возможно болѣе вредить ему, но сохранять въ цѣлости орудія, и потому не будетъ выжидать не только пѣхотнаго наступленія, но и кавалерійской атаки, а проворнѣе удеретъ, чтобъ не попасть подъ судъ. Артиллерія должна дѣйствовать до-нельзя: четыре картечныхъ выстрѣла по наступающей пѣхотѣ и непремѣнно два по кавалеріи. Если не охладятъ ихъ, жарь; если орудія будутъ потеряны, то они окупились сильнымъ вредомъ, сдѣланнымъ непріятелю. Орудіе—кусокъ металла, а честь артиллерійскаго офицера дороже.

Я замолчалъ. Князь Багратіонъ выслушавъ меня, спрашиваетъ: — И все-таки приказъ отданъ; что-жъ тутъ дѣлать? — Я свой отдамъ приказъ по авангардной артиллеріи.—Ну, дѣлай, какъ знаешь!

Я отдалъ приказъ, согласно того, что̀ высказалъ князю, и кончилъ его увѣренностью, что ни одинъ артиллерійскій офицеръ не захочетъ подвергнуться военному суду за раннее оставленіе позиціи.

Чрезъ нѣкоторое время Александръ I догналъ однажды авангардъ и спросилъ, между прочимъ, Ермолова „Какъ ты это позволилъ себѣ отдать приказъ по авангардной артиллеріи, совершенно противорѣчащій приказу главнокомандующаго?

— Ваше Величество, приказъ главнокомандующаго поставилъ артиллерійскаго офицера въ постыдное положеніе забыть присягу, данную Вашему Величеству: служить вѣрою и честію до послѣдней капли крови. Нѣтъ страшнѣе наказанія офицеру, какъ угроза подъ судъ.

И я разсказалъ что̀ говорилъ Багратіону.

— Полагаю, что ты правъ. А главнокомандующій сердитъ?

Тѣмъ дѣло и кончилось.

Ермоловъ замолчалъ. Я воспользовался минутой и спросилъ его: Ваше высокопревосходительство, дозвольте спросить у васъ, правда ли, что вы Нѣмцевъ не жалуете?

— Ну, братецъ, нельзя сказать, чтобы я горячо любилъ вашу братію; но, вѣдь, случаются же и между вами хорошіе люди; вотъ Бистромъ — дѣйствительно человѣкъ безстрашный, я любилъ его*). Есть, есть и между вами порядочные люди; но вѣдь это все Тевтоны.

— Ну, а про ваше выс-ство говорятъ, что вы Нѣмцевъ совсѣмъ терпѣть не можете, и Богъ знаетъ, что̀ разсказываютъ.

— Ну, чтоже разсказываютъ? Говори.

— Будто вы главную квартиру фельдмаршала Барклая называли Нѣмецкою колоніею.

— Ну да, тамъ и была Нѣмецкая колонія.

— Что въ 14-мъ году, пріѣхавши въ Варшаву, вы пришли къ разводу и, озираясь кругомъ, будто ищете кого, подходите къ коменданту главной квартиры генералу Безродному (Ермоловъ улыбается) и по-нѣмецки что-то его спрашиваете. „Я не говорю по-нѣмецки, отвѣчаетъ вамъ комендантъ; я Русскій".—„Русскій! землякъ! говорите вы, обрадовавшись: я думалъ, что тутъ все Нѣмцы; ну вотъ хоть одинъ Русскій, да и тотъ безродный!"

— Хорошій человѣкъ былъ этотъ Безродный, промолвилъ Ермоловъ. Русскихъ такъ мало было въ главной квартирѣ, что ихъ, точно, искать надо было. Ну, что жъ еще разсказываютъ?

— Вотъ и объ Аракчеевѣ говорятъ, что онъ, инспектируя роту вашего высок-ства, нашелъ, что лошади не въ порядкѣ и выговаривалъ вамъ, ска-

*) Въ бесѣдахъ съ А. П. Ермоловымъ (1854 г.), намъ случалось слышать отъ него большія похвалы графу Петру Петровичу Палену. П. Б.

залъ, что этакъ рота репутацію потеряетъ; а вы ему въ отвѣтъ: точно, ваше прев—ство, нынѣ репутація артиллерійскаго офицера отъ скотовъ зависитъ!

— Ужъ будто я такъ сказалъ? Чего не наговорятъ! Алексѣй Андреевичъ былъ очень ко мнѣ расположенъ, и продолжалъ уже объ Аракчеевѣ.

Можетъ показаться страннымъ, что молодой офицеръ позволялъ себѣ такіе разговоры съ высокимъ начальникомъ, но Алексѣй Петровичъ любилъ свободное обхожденіе, а моя непринужденность, никогда не выходившая изъ границъ, и усердная служба, видимо, нравились ему. Такая болтовня за пасьянсомъ была ему отдыхомъ.

Что подобное отношеніе къ подчиненнымъ (примѣровъ его еще много разсѣяно въ Запискахъ Бриммера) не вредило службѣ, лучше всего доказывается и тѣмъ, что̀ сдѣлано Алексѣмъ Петровичемъ съ ничтожными средствами на Кавказѣ, и тою плеядою дѣятелей, которая была оставлена имъ въ наслѣдство своимъ пріемникамъ, къ числу которой принадлежалъ авторъ воспоминаній, достигшій высшихъ служебныхъ положеній.

Примѣръ отношеній къ солдату мы видѣли во время Кабардинской экспедиціи; а вотъ какъ въ Августѣ 1826 г. встрѣчалъ онъ свой „геройскій легіонъ", какъ онъ называлъ Ширванскій полкъ. „Чтобы ускорить прибытіе ихъ, Алексѣй Петровичъ написалъ командовавшему двумя баталіонами подполк. Ускову коротенькое письмо, въ коемъ фраза: „расправьте крылья, Кавказскіе орлы, и спѣшите бить Персіянъ", прочтенная Усковымъ солдатамъ и офицерамъ, замѣнила маршрутъ. Полкъ дѣлалъ до 50-ти и болѣе верстъ въ сутки и не оставилъ ни одного больного или отсталаго на разстояніи 300 слишкомъ верстъ. Можно представить себѣ контрастъ: гвардейскій полкъ при вступленіи въ городъ былъ одѣтъ въ мундиры, со всевозможною опрятностью, а за нимъ шли два баталіона Ширванскаго полка въ походной формѣ, т. е. въ шинеляхъ, вмѣсто ранцевъ—Кавказскіе мѣшечки черезъ плечо, въ фуражкахъ; у офицеровъ вмѣсто шпагъ шашки. Едва прошли мимо корпуснаго командира, какъ передъ баталіонами пѣсенники затянули родныя Русскія солдатскія пѣсни. Проходили по отдѣленіямъ, при чемъ Ширванцы такъ и пожирали глазами любимаго начальника, а онъ — кому привѣтливое слово, кому головой кивнетъ; то слышны „здравствуй, молодецъ Петровъ!", то—„здорово, Сидоровъ!", то—„спасибо, ребята, что поторопились!" и т. д. А генералъ-адъютантъ Паскевичъ стоитъ тутъ же, подлѣ Ермолова, и только что не пожимаетъ плечами, слыша привѣтствія, отпускаемыя Алексѣемъ Петровичемъ этимъ оборванцамъ, и громкое, радостное: „рады стараться!"

Сердечныя отношенія, вытекавшія изъ подобныхъ отношеній и немало способствовавшія и успѣхамъ служебнаго дѣла, видны въ разсказѣ Бриммера о встрѣчѣ его въ Екатериноградѣ съ уѣзжавшимъ въ Россію Ермоловымъ.

— Онъ принялъ меня, какъ роднаго, оставилъ пить чай и продержалъ часа два... Раскладывая пасьянсъ, говорилъ о своемъ смѣщеніи, какъ Дибичъ, присланный Государемъ, усердно работалъ съ нимъ, какъ онъ выспрашивалъ его о всѣхъ приготовленіяхъ, о средствахъ края и ожидаемыхъ изъ Россіи, а также мнѣнія Алексѣя Петровича о планѣ кампаніи. И когда все это было

у него въ карманѣ, прибавилъ Ермоловъ, онъ выждалъ перваго курьера изъ Петербурга и предъявилъ мнѣ высочайшій приказъ, бывшій у него давно за пазухой.

Когда онъ кончилъ, и могучая голова какъ бы съ неудовольствіемъ наклонилась, я хотѣлъ что-то сказать и остановился. Алексѣй Петровичъ поднялъ голову, посмотрѣлъ на меня.

— Ты что-то хотѣлъ сказать, говори.

— Извините, ваше высокопр., такъ, ничего.

— Говори, Тевтонъ! Что̀ ты хотѣлъ сказать?

— Да вотъ, ваше высокопр., мы всѣ думали, что если бы вы на коронацію да поѣхали къ Государю, то всѣхъ бы ихъ тамъ, Петербургскихъ-то, за поясъ заткнули.

Онъ молчалъ и, Богъ вѣсть, не сознавалъ ли въ эту минуту справедливости общаго желанія, выраженнаго въ моей простой рѣчи. Я всталъ, чтобы откланяться. Алексѣй Петровичъ поцѣловалъ меня.

— Прощай, Тевтонъ; прощай, лучшій изъ Нѣмцевъ! Служи хорошенько, чтобы видѣли, что я отличалъ дѣльныхъ офицеровъ. Растроганный, прослезившись, я вышелъ отъ этого необыкновеннаго человѣка.

Благородный *Тевтонъ* оканчиваетъ такъ свои воспоминанія объ Алексѣѣ Петровичѣ:

„Противникамъ его (а у него ихъ было много) я скажу кратко: всякій человѣкъ имѣетъ недостатки; но пускай эти господа заставятъ уважать и любить себя такъ безгранично, какъ уважали и любили Алексѣя Петровича Ермолова, кто его зналъ, и тогда пускай тѣшатся и бросаютъ камни въ его огородъ“.

*

Заключимъ нашу замѣтку благодарностью генералу Чернявскому, редактору „Кавказскаго Сборника“ за помѣщеніе на его страницахъ Записокъ Э. В. Бриммера, и пожеланіемъ, чтобы продолженіе этихъ высоко-интересныхъ Записокъ не заставило себя долго ждать. Онѣ дѣлаютъ честь, какъ внушившему ихъ, такъ и писавшему.

Е. Козубскій.

Т.-Х.-Шура,
23 Іюля 1894 года.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА МУРАВЬЕВА-КАРСКАГО.

1834-й годъ *).

1-го Января провелъ я утро во дворцѣ, а вечеръ въ придворномъ маскарадѣ, на коемъ, полагаютъ, было до 40.000 народа. Съ тѣхъ поръ я провожу время въ самыхъ несносныхъ и безпокойныхъ визитахъ. На дняхъ былъ я у Бенкендорфа, дабы благодарить его за участіе, которое онъ принялъ въ переводѣ брата Александра въ Вятку, со всѣмъ получаемымъ имъ нынѣ содержаніемъ. Послѣ того онъ спросилъ меня, что̀ я располагалъ дѣлать. Я отвѣчалъ, что я нахожусь нынѣ здѣсь безъ дѣла; но онъ прервалъ рѣчь мою, изъявивъ, сколько положеніе мое должно нынѣ быть пріятно: ибо первое лестное порученіе, которое встрѣтится, вѣрно мнѣ дадутъ, а между тѣмъ я провожу время на свободѣ. Давъ ему досказать ошибочное мнѣніе его, основанное на его собственныхъ понятіяхъ, не постигающихъ другихъ наслажденій кромѣ праздной придворной жизни, я, къ удивленію его, отвѣчалъ, что рѣдко когда либо находился въ такомъ скучномъ и затруднительномъ положеніи какъ нынѣ; что по привычкѣ къ дѣятельной жизни, которую велъ въ теченіи 23 лѣтъ, я не могу свыкнуться съ настоящимъ положеніемъ моимъ и желалъ бы имѣть назначеніе внѣ столицы, гдѣ и состояніе мое позволило бы жить лучше чѣмъ здѣсь, между тѣмъ какъ я остаюсь здѣсь въ трактирѣ, въ ожиданіи ежеминутно поѣздки и не имѣя своего угла. «Хотите, чтобы я сіе Государю сказалъ?»—Скажите. Я бы и самъ не скрылъ отъ Его Величества, что мнѣ здѣсь скучно, еслибы имѣлъ на то случай.

8-го числа я былъ дежурный. Бенкендорфъ, выходя отъ Государя, подошелъ ко мнѣ и сказалъ, что онъ сообщилъ Его Величеству все сказанное мною и что Государь приказалъ ему сказать мнѣ, что онъ не можетъ мнѣ дать дивизіи, а корпусовъ вакантныхъ теперь не имѣется и что потому я долженъ ждать; что я могу ѣхать въ отпускъ

---

*) См. въ VIII-мъ выпускѣ „Русскаго Архива".

для свиданія съ отцемъ, но не болѣе какъ на одинъ мѣсяцъ, а что между тѣмъ мое мѣсто при немъ. Il a son chez-soi auprès de moi. —Arrangez vous en conséquence, сказалъ Бенкендорфъ и ушелъ [1]).

Я былъ въ твердомъ намѣреніи лично доложить Государю о себѣ при первомъ случаѣ, который въ тотъ же день представился.

Я былъ приглашенъ къ обѣду у Государыни. Императрица, вышедши прежде, обратилась ко мнѣ и спросила о разводѣ того дня, коимъ Государь былъ очень доволенъ. Я изъявилъ свое восхищеніе, видѣвъ правильныя движенія Семеновскаго баталіона и отличную чистоту въ отдѣлкѣ ружейныхъ пріемовъ. N'est-ce pas, ils ont l'air de poupées? сказала она, дабы изловить меня. Point du tout, Votre Majesté. Je leur trouve l'air très martial. C'est le cas aux gardes, où les hommes sont si biens choisis, surtout au régiment de Pavlowsk [2]). И переводя такимъ образомъ разговоръ на другой предметъ, мы стали оба выхвалять видъ и одежду гренадеръ сего полка.

Вскорѣ вошелъ Государь, и сѣли за столъ, за коимъ были графъ П. П. Паленъ, графъ П. А. Толстой, князь П. М. Волконскій, я, дежурный флигель-адъютантъ Лужинъ, графъ Головинъ и фрейлина графиня Тизенгаузенъ. Во время обѣда Государь спросилъ меня, часто ли я бываю у Ахметъ-паши.—Нынѣ рѣже прежняго. «Неблагодарный! А почему же?»—Потому что онъ рѣдко у меня бываетъ.—«И онъ неблагодарный! Да что же такъ?»—Онъ сталъ важничать, и его нынѣ узнать нельзя. Впрочемъ я у него былъ съ недѣлю тому назадъ.—«И что же, онъ не принялъ тебя?»—Нѣтъ, онъ сего сдѣлать не смѣетъ.—«Вотъ какъ! Что же онъ дôма дѣлаетъ?»—Я засталъ его, что онъ ходитъ около столовъ своихъ, уставленныхъ подарками съ фарфоровыхъ и хрустальныхъ заводовъ, коими его надѣлили и которые его очень занимаютъ. Онъ показывалъ мнѣ и модели орудій морскихъ, которыя онъ хочетъ подарить адмиралу ихъ Тагиръ-пашѣ и которыя онъ доставалъ изъ-подъ кровати своей, гдѣ онѣ были спрятаны. Государь смѣялся сему и сказалъ: «Каково же! Въ дипломатикѣ есть правило, что посолъ, прежде пріѣхавшій, есть старшій, и потому на представленіяхъ, или когда наши послы вмѣстѣ, то первое мѣсто занимаетъ Австрійскій посолъ, второе Турецкій, а третье прежде всѣхъ Французскій маршалъ Мезонъ».

Стали говорить объ одеждѣ Турокъ и эполетахъ ихъ. Они здѣсь только завелись ими, сказалъ я Государю; здѣсь себѣ и шитье на во-

---

[1]) Его домашній уголъ при мнѣ.—Устройтесь согласно этому.

[2]) Не правда-ли, что они похожи на куколъ?—Вовсе нѣтъ, Ваше Величество. Я нахожу, что у нихъ видъ очень воинственный. Такова гвардія, куда набирается такой отличный народъ, особенно въ Павловскомъ полку.

ротникахъ надѣлали; тамъ они ходили безъ оныхъ. Логофетъ, напримѣръ, въ Царьградѣ носилъ солдатскую шинель, которую ему султанъ за отличіе пожаловалъ и которой полы по землѣ волочились. Я имъ за отличіе давалъ выношенныя эполеты всякаго рода, и они съ радостью надѣвали ихъ.—«Онъ жаловалъ у нихъ въ чины! сказалъ Государь смѣючись. Видѣлъ-ли ты рисунки Шифлорда?»—Видѣлъ въ чернѣ.—«Постой, я тебѣ ихъ покажу» и приказалъ послать за ними; но ихъ, не знаю почему, не принесли. Я сказалъ, что у меня есть и рисунокъ камня сего, вновь присланный съ изображеніемъ Турецкой надписи.—«И на моемъ рисункѣ есть Турецкая надпись, сказалъ Государь. Такъ Шифлордъ вѣрно съ моего срисовалъ! Однакоже, продолжалъ Государь, знаешь-ли, что ты начинаешь толстѣть съ пріѣзда твоего?»—Нѣсколько растолстѣлъ, Ваше Величество.—«Вѣдь это не хорошо».—Дѣла не имѣю, Ваше Величество, отвѣчалъ я.—«Я зналъ, что ты это скажешь, повторилъ Государь, нѣсколько разъ погрозившись на меня въ шутку. Да какъ же быть? Вотъ подожди: князь Меньшиковъ пріѣдетъ. Не встрѣтится-ли тогда дѣло для тебя? Я его только ожидаю». —Когда онъ пріѣдетъ, какъ слышно?—«Я слышалъ, что въ началѣ Февраля мѣсяца». Всякій сказалъ, что̀ онъ посему слышалъ, и разговоръ перешелъ къ другимъ предметамъ.

Хотя Государь мнѣ велѣлъ въ тотъ день шарфъ скинуть, но онъ не сказалъ мнѣ домой ѣхать; а потому я остался на дежурствѣ, въ назначенной во дворцѣ комнатѣ, до другаго утра, въ которое и смѣнился послѣ развода.

И такъ мнѣ теперь остается ждать порученія или назначенія; въ отпускъ же на срокъ, и короткій, я не располагаю ѣхать.

11-го пріѣзжалъ ко мнѣ братъ Мордвиновъ, который сказалъ мнѣ, что онъ снова сообщилъ Бенкендорфу мой образъ мыслей на счетъ служенія въ Петербургѣ и что, не соглашаясь на сіе, я вѣрно приму мѣры свои и удалюсь отъ службы, при всемъ желаніи моемъ продолжать оную. Бенкендорфъ долго не могъ понять сего образа мыслей, совершенно противнаго его понятіямъ и, приписывая сіе къ видамъ честолюбія моего, выразился сгоряча довольно неприлично, сказавъ: Ces Russes ne sont jamais contents de rien; ils veulent toujours plus avoir. Voilà maintenant Kisseleff, qui est trop grand seigneur pour commander un corps et qui n'en veut pas *). На это Мордвиновъ ему отвѣчалъ, что конечно Русскіе правы и что въ Германіи можно только видѣть почтмейстеровъ, по 25 лѣтъ на одномъ мѣстѣ остающихся, но что, напро-

*) Эти Русскіе никогда ничѣмъ недовольны; имъ все хочется больше. Вотъ теперь Киселевъ слишкомъ большой баринъ, чтобы командовать корпусомъ, и не хочетъ его.

тивъ того, я движимъ не видами честолюбія, а умѣренности, когда отказываюсь отъ лестнаго служенія при лицѣ Государя.

Вникъ ли Бенкендорфъ въ сіе, какъ должно, только онъ сіе передалъ Государю, который согласился дать мнѣ назначеніе внѣ столицы и сказалъ, что я буду у него Азіатскимъ генераломъ, предположивъ мнѣ дать 6-й корпусъ, отъ командованія коего Киселевъ просился.

И такъ я остаюсь теперь въ ожиданіи сего назначенія; порученіе же, которое мнѣ Государь хотѣлъ дать по возвращеніи князя Меншикова, миновалось.

15-го ввечеру выѣхалъ отсюда обратно въ Гродно братъ Михайло, получивъ въ нынѣшній пріѣздъ корону на орденъ св. Анны 1-й степени, чего домогался уже въ послѣдніе дни своего пребыванія здѣсь черезъ князя Н. А. Долгорукаго.

18-го. Я былъ дежурнымъ. Государь, послѣ занятій вышедши, дабы ѣхать куда-то съ принцемъ Оранскимъ, спросилъ меня только о здоровьи и отпустилъ домой.

20-го ввечеру я былъ у военнаго министра, который между разговоромъ сказывалъ мнѣ, что не проходитъ одного доклада его у Государя, чтобы Его Величество не говорилъ ему обо мнѣ съ различными предположеніями для помѣщенія меня и что повидимому намѣреніе Государя состоитъ въ томъ, чтобы оставить меня при себѣ. Графъ Чернышовъ, можетъ быть и вѣроятно, не зналъ про сказанное Государемъ Бенкендорфу касательно меня; но случай сей доказываетъ мнѣ, что я не могу надѣяться на прочное назначеніе для меня и долженъ имѣть въ виду продолженіе того безполезнаго и скучнаго существованія, которое я веду здѣсь въ Петербургѣ.

26-го, въ 11-мъ часу утра, военный министръ послалъ за мною; я поѣхалъ и въ пріемной комнатѣ министерства встрѣтилъ Нейдгарда, выходящаго отъ министра. Видъ его былъ веселый, и онъ мнѣ немедленно сообщилъ, что назначенъ командиромъ 1-го корпуса на мѣсто Палена. Я тотъ же часъ догадался, что меня готовятъ на его мѣсто генералъ-квартирмейстеромъ. Я вскорѣ былъ позванъ къ министру, который, отведши меня въ сторону, началъ съ того, что объявилъ мнѣ желаніе Государя, дабы я поступилъ на сіе мѣсто и спросилъ меня, согласенъ ли оное принять. Я отвѣчалъ, что не считаю себѣ въ правѣ противиться волѣ Государя, но я не признаю въ себѣ силъ соотвѣтствовать такому назначенію. Два раза онъ домогался моего согласія и спрашивалъ, что̀ ему Государю доложить, и я тоже отвѣчалъ. Наконецъ онъ сказалъ, что доложитъ Государю о моемъ согласіи, что онъ въ особенности будетъ доволенъ со мною служить, будетъ считать меня за ближняго, за друга, за брата и, обнявши меня, сказалъ, что въ

семъ мѣстѣ мнѣ только надобно будетъ имѣть нѣкоторыя уваженія къ генералъ-лейтенанту Шуберту, съ коимъ Нейдгардъ умѣлъ ладить. Онъ описалъ мнѣ квартиру, которую я буду занимать, и всѣ прелести сего назначенія. Я не отвѣчалъ и не изъявилъ согласія, но не смѣлъ и явно объявить моего неудовольствія въ присутствіи многихъ, когда порученіе шло отъ Государя. Во все время разговора министръ, какъ будто опасаясь поднять на меня глаза, смотрѣлъ въ сторону: онъ бы могъ въ глазахъ моихъ видѣть мой образъ мыслей. Но онъ думалъ заманить меня и воспользоваться скромностью моей и, изъявивши мнѣ подобнымъ образомъ удовольствіе свое, черезъ пять минутъ отпустилъ меня, какъ будто окончивши дѣло и взявши съ меня слово.

Мѣсто генералъ-квартирмейстера, которое считается здѣсь важнымъ и которое должно рушиться съ переводомъ Нейдгарда (ибо по преобразованіи министерства предполагалось уничтожить весь штабъ и имѣть только департаментъ генеральнаго штаба), совсѣмъ не соотвѣтствуетъ ни видамъ моимъ, ни желаніямъ. Не любя службу сію, отъ коей я уже два раза отдѣлывался въ теченіи жизни моей, не признавая даже существенность оной (ибо она неопредѣлена никакимъ уставомъ или постановленіями и наполнена молодыми людьми, коихъ воспитываютъ въ тѣхъ мысляхъ, что они должны быть дядьками и наставниками генераловъ, къ коимъ ихъ посылаютъ), я имѣю къ ней отвращеніе и не признаю ее, и потому никогда не допускалъ офицеровъ сихъ къ себѣ во время войны. Съ такими правилами трудно было бы управить корпусомъ, коего назначеніе столь различно отъ моихъ понятій. При томъ же жизнь въ столицѣ, гдѣ и сію даже, пустую, мнимую службу нельзя исполнить съ точностью по безпрерывной суетѣ и собраніямъ при дворцѣ, на парадахъ, маневрахъ и разводахъ, - всѣ сіи причины, вмѣстѣ соединенныя, противились тому, чтобы я принялъ сіе мѣсто съ удовольствіемъ. Вышедши отъ Чернышова, который со мною такъ ложно поступилъ, я зашелъ къ Нейдгарду въ его канцелярію.

Нейдгардъ поздравлялъ меня съ симъ назначеніемъ, говоря, что это собственная мысль Государя и что Чернышовъ весьма досадуетъ, что самъ не предложилъ оной. Но я сказалъ Нейдгарду, что я твердо рѣшился не принимать сего мѣста. Онъ сталъ увѣрять меня, что я черезъ шесть мѣсяцевъ найду средство изъ онаго выдти; но я отвѣчалъ, что я просилъ не совѣтовъ его какъ выдти, но какъ теперь отдѣлаться; ибо я пребывалъ въ твердомъ намѣреніи пожертвовать и службою своею съ тѣмъ, чтобы не быть генераломъ-квартирмейстеромъ, и при томъ предложилъ ему посмотрѣться со мною въ зеркало, дабы увидѣть разность лицъ нашихъ при сихъ назначеніяхъ. Нейдгардъ не умѣлъ мнѣ дать совѣта сего, когда увидѣлъ, что никакія убѣжденія

не могли на меня болѣе дѣйствовать, и сказалъ, что онъ ничего не можетъ болѣе сдѣлать какъ передать дня черезъ два или три въ точности слова мои военному министру.

Я вышелъ и отправился къ графу Орлову, коему объяснилъ случай сей съ жаромъ. Орловъ винилъ меня, что я съ перваго раза не отвѣчалъ довольно сильно и опредѣлительно министру; я отозвался тѣмъ, что не смѣлъ сего сдѣлать, когда порученіе сіе шло отъ имени Государя, но что я готовъ въ отставку выдти, но не останусь въ семъ званіи. Орловъ обѣщался мнѣ помочь и между тѣмъ совѣтовалъ мнѣ написать письмо къ графу Чернышову.

Съѣздивъ домой, я написалъ письмо слѣдующаго содержанія: «Ваше сіятельство, милостивый государь! Съ безпредѣльною покорностью къ волѣ Его Императорскаго Величества я сего утра имѣлъ честь доложить вашему сіятельству, что, не смѣя отказываться отъ принятія назначенія, коего Его Величеству угодно меня удостоить, я не признавалъ въ себѣ силъ для исполненія сей новой обязанности съ пользою для службы, и потому не надѣялся, при постоянномъ усердіи моемъ, соотвѣтствовать лестному званію генералъ-квартирмейстера, на меня возлагаемому. Съ тѣхъ поръ болѣе и болѣе вникая въ новый родъ обязанности, мнѣ предстоящей и съ основательностью соразмѣривъ оную съ силами своими, я счелъ долгомъ еще представить вашему сіятельству образъ мыслей моихъ, кои, по краткости времени, я не могъ изложить передъ вами изустно въ подробности, опасаясь отвлечь васъ отъ занятій вашихъ и не выразить вполнѣ моихъ чувствованій, какъ передъ начальникомъ, коему я не умѣю противорѣчить».

«Въ теченіе службы моей, я два раза уже находился въ генеральномъ штабѣ и два раза оставлялъ сей корпусъ, потому что не имѣлъ склонности къ сего рода занятіямъ и посвятилъ себя совершенно службѣ въ арміи, какъ болѣе соотвѣтствующей и свойствамъ, и привычкамъ моимъ, и нынѣ убѣдительнѣйше прошу васъ принять на себя ходатайство о неназначеніи меня генералъ-квартирмейстеромъ, а о представленіи мнѣ прежняго поприща моего въ арміи».

«Я не рѣшился бы прибѣгнуть къ мѣрѣ, мною теперь предпринимаемой, еслибы я не былъ увѣренъ, что во всякой другой должности, коей меня удостоитъ Государь Императоръ, я всегда буду подъ начальствомъ вашимъ; ибо я уже съ прошедшаго года началъ цѣнить сію лестную и пріятную зависимость, и ближайшее знаніе оной побуждаетъ меня и въ семъ случаѣ прибѣгнуть къ вамъ съ надеждою, что вы уважете просьбу мою, изложенную съ совершенною довѣренностью къ вашему милостивому расположенію: представить Его Величеству готовность мою къ исполненію священной воли его, но вмѣстѣ съ тѣмъ и желаніе мое не быть генералъ-квартирмейстеромъ, коего званіе я со всевозможнымъ усердіемъ никогда не оправдаю по неопытности въ семъ родѣ службы и занятій, мнѣ уже давно чуждымъ».

Письмо сіе было немедленно послано и получено военнымъ министромъ за обѣдомъ. Часа черезъ два послѣ онаго пріѣхалъ отъ него

фельдъегеръ съ приглашеніемъ меня къ графу къ половинѣ девятаго часа вечера. Въ назначенное время я явился. Графъ Чернышовъ началъ съ длинной рѣчи, которую онъ произнесъ съ запинаніями и съ опущенными глазами и въ которой онъ изъявилъ свое удивленіе видѣть, что письмо сіе содержало совсѣмъ иное отъ сказаннаго ему поутру, и между тѣмъ старался убѣдить меня къ принятію назначенія, коего онъ представлялъ мнѣ выгоды и въ настоящемъ, и въ будущемъ, говоря, что оно поведетъ меня къ лучшему еще мѣсту и тому подобное. «Вы теперь въ такомъ положеніи, сказалъ онъ, что вамъ нельзя дать дивизіи; корпуса также нельзя дать, потому есть много старшихъ васъ, и потому это мѣсто будетъ только занятіемъ вашимъ до первой вакансіи».

Сіе могло быть послѣдствіемъ того, что Государь уже черезъ Бенкендорфа обѣщался дать мнѣ корпусъ. Чернышовъ изъ зависти и досады за сіе не допуститъ меня до званія корпуснаго командира. Я видѣлъ сіе. Но я уже твердо рѣшился, во что бы ни стало, не принимать сего назначенія, въ коемъ я бы остался вѣкъ чернорабочимъ у министра, гдѣ безконечные труды мои стались бы въ глуши для собственной его пользы и безъ всякаго поощренія, какъ и послѣдняя моя Египетская экспедиція, умѣрившая совершенно мой видъ честолюбія. Выслушавъ графа, я сказалъ ему, что я никакъ не отрекаюсь отъ сказаннаго мною поутру, что не смѣю противиться волѣ Государя и примусь немедленно за сію должность, противную моимъ видамъ и желаніямъ.

«Государь желаетъ вашего согласія».—Я не могу дать согласія своего въ дѣлѣ, въ коемъ не въ правѣ отказывать.—«Объясните же мнѣ причины вашего нежеланія».—Я не люблю службы генеральнаго штаба, два раза выходилъ изъ оной и буду не на своемъ мѣстѣ, имѣя подъ начальствомъ офицеровъ, коихъ обязанности не опредѣлены и кои я не признаю существенными. Какое я буду въ состояніи имъ дать направленіе, когда понятія мои столь различны отъ принятыхъ всѣми, когда я по сей причинѣ никогда не допускалъ къ себѣ офицеровъ генеральнаго штаба? Я не вѣрю и службѣ сей, коей цѣли и предназначенія не постигаю.— «Мы не имѣемъ права такъ обсуждать предметы и по долгу службы должны только исполнять возлагаемое на насъ. Такъ и я, будучи военнымъ министромъ, вижу множество вещей въ кругу дѣйствій моихъ, которыя бы я считалъ нужнымъ преобразовать, но не вступаюсь въ сіе, какъ въ предметъ не до меня касающійся, и ограничиваюсь однимъ исполненіемъ воли Государя, отъ коего усмотрѣнія преобразованія сіи зависятъ».

Недостойный отзывъ сей исполнялъ меня отвращенія къ нему.

Онъ продолжалъ уговаривать меня, увѣряя, что, въ случаѣ какой либо экспедиціи, она непремѣнно мнѣ поручится и что такъ какъ нынѣ предвидилось нападеніе Французовъ съ Англичанами на Петербургъ, то я непремѣнно буду имѣть лестное командованіе въ семъ случаѣ. Но обманчивыя рѣчи сіи не обольстили меня: ибо я ни въ какомъ случаѣ не желалъ бы имѣть команды въ присутствіи всей столицы, гдѣ бы я имѣлъ нѣсколько сотъ начальниковъ и завистниковъ, которые бы сложили на меня вину всѣхъ ихъ безразсудностей. Я не могъ сказать сего министру; но, продолжая отказываться, сказалъ, что новое назначеніе генералъ-квартирмейстера считалъ я неизбѣжною гибелью моею, потому что я не чувствовалъ въ себѣ способности исполнить свои обязанности къ его удовольствію и лишусь черезъ сіе его довѣренности, а потому и считалъ сіе концемъ моего служебнаго поприща; что, служа при немъ, я буду ему болѣе въ тягость, чѣмъ въ пользу.

Чернышовъ тогда обратился ко мнѣ съ жаромъ и спросилъ, знаю ли я послѣдствія отъ такого рода сужденія и поступковъ. «Какъ? продолжалъ онъ, вы считаетесь при лицѣ Государя, чего ничего не можетъ быть лестнѣе. Вы генералъ-адъютантъ. Государь хочетъ васъ отличить еще отъ среды вашихъ сослуживцевъ, приближая васъ еще къ себѣ и возводя въ званіе, полученіемъ коего всякій почелъ бы себя счастливымъ, и вы можете отказываться?»

Въ семъ случаѣ хладнокровіе всего было нужнѣе съ моей стороны, и я, не перемѣняясь въ лицѣ, голосѣ и положеніи своемъ, отвѣчалъ ему, что рѣшеніе мое опредѣлено прежними отвѣтами моими, что я разсудилъ и о послѣдствіи; а потому, будучи готовъ къ исполненію воли Его Величества, я былъ готовъ и къ послѣдствіямъ, которыя могутъ произойти отъ мнѣнія и поступковъ моихъ, при коихъ я всегда останусь, и что если излагаемыя мною мнѣнія должны бы погубить и всю службу мою и повергнуть меня въ немилость, то я сочту сіе за судьбу свою, fatalité, коей я не могъ избѣгнуть: смирюсь передъ оною и перенесу съ терпѣніемъ.—«Какъ? Вы, умный человѣкъ, говорите мнѣ о судьбѣ! Что̀ вы говорите?»—Назовите это волею Божіею, которая мною руководитъ и коей я покоряюсь.—«Признаюсь вамъ, сказалъ Чернышовъ, перемѣнивъ голосъ, что изъ всего, вами сказаннаго, я ничего не понялъ».—Сіе служитъ вамъ лучшимъ доказательствомъ, что я не могу занять мѣста мнѣ предлагаемаго.

Онъ находилъ сужденія мои неосновательными.—Вотъ еще, сказалъ я, одна причина, по коей я не могу служить въ семъ званіи и корпусѣ: продолжая долгое время службу свою въ арміи, я привыкъ находиться только въ сношеніяхъ двоякаго рода, повиноваться и пове-

лѣвать...»—Онъ прервалъ меня съ угрожающимъ голосомъ. «Какъ? Развѣ вы думаете, что я не буду умѣть васъ понудить къ повиновенію? Вы ошибаетесь, сударь; я умѣю повелѣвать: у меня это и въ правилахъ, и въ характерѣ, и принадлежитъ къ званію моему. Я умѣлъ понудить иныхъ, какъ васъ, къ повиновенію. Что́ вы думаете о моей власти?» Съ тѣмъ же хладнокровіемъ я сказалъ ему, что вѣрно не подалъ бы повода понуждать себя къ повиновенію; но что къ сему выраженію моему послужило поводомъ то, что́ онъ мнѣ поутру сказалъ, что надобно мнѣ будетъ имѣть нѣкоторыя уваженія къ генералъ-лейтенанту Шуберту, чего я не́ разумѣлъ: ибо если Шубертъ мнѣ подчиненный, то сношенія мои съ нимъ не должны выходить, по понятіямъ моимъ, изъ общаго круга начальника съ младшимъ и опредѣлялись уже нашимъ старшинствомъ.

Онъ остановился и опять перемѣнилъ голосъ. «Я, можетъ быть, сего утра вамъ не хорошо объяснился, сказалъ онъ. Шубертъ вашъ подчиненный, и таковы сношенія ваши съ нимъ; но люди бываютъ различныхъ свойствъ и требуетъ различнаго обхожденія. Знаете-ли вы, въ какое положеніе вы и меня поставили? Я давича еще послалъ въ Инспекторскій Департаментъ приказаніе помѣстить ваше назначеніе въ Высочайшихъ приказахъ, и что́ я завтра доложу Государю? Скажите мнѣ, я право не знаю».—Доложите Его Величеству только то, что́ ваше сіятельство изволили отъ меня слышать, и Государь вѣрно пойметъ меня. Меня безпокоитъ только то, чтобы Государь не счелъ меня неблагодарнымъ къ милостямъ его; но я счастливъ былъ бы ему доказать противное и пролить кровь свою за него. Полагаясь на милостивое расположеніе ваше, я не сомнѣваюсь, что вы доложите о семъ Его Величеству въ такомъ видѣ и что я не пострашду за искреннее изложеніе передъ вами правилъ моихъ.

Мы разстались. Графъ Чернышовъ не могъ быть доволенъ упорствомъ, во мнѣ найденномъ; но и я послѣ сего не могъ бы болѣе согласиться служить съ человѣкомъ, старавшимся лишь склонить меня къ себѣ угрозами.

Отъ министра я поѣхалъ прямо къ графу Орлову, которому разсказалъ все случившееся и который уже говорилъ о семъ съ Чернышовымъ по полученіи письма моего. Орловъ сказалъ мнѣ, что министръ обвинялъ его, будто онъ причиною сего назначенія моего; но Орловъ оправдывался отъ сего, говоря, что онъ самъ въ душѣ своей увѣренъ былъ, что эта должность мнѣ не по лицу, находя меня неспособнымъ къ неопредѣлительнымъ должностямъ по правиламъ моимъ. Къ интригамъ, сказалъ я, на коихъ основана вся здѣшняя служба въ Петербургѣ. Но Орловъ въ семъ случаѣ показалъ участіе ко мнѣ; ибо

онъ предупредилъ Чернышова, что служба меня лишится, если будутъ настаивать.

27-го. На бывшемъ по утру парадѣ многіе поздравляли меня съ новымъ назначеніемъ моимъ; другіе спрашивали, кто на мѣсто Нейдгарда назначенъ; иные просили покровительства для нѣкоторыхъ офицеровъ генеральнаго штаба съ переводомъ ихъ въ другія мѣстности. Но Нейдгардъ поздравилъ меня съ неназначеніемъ моимъ, и Орловъ на ухо сказалъ мнѣ, что дѣло кончено (министръ доложилъ Государю о моемъ отвѣтѣ), прибавивъ: C'est une espèce de préjugé oriental qui l'en empêche [1]), смѣшивая употребленное мною выраженіе fatalité съ фатализмомъ Турокъ; что Государь сожалѣлъ о томъ, что я не принялъ мѣста сего, но между тѣмъ сказалъ, что нельзя же противъ желанія насильно опредѣлить меня къ должности, къ коей я имѣю отвращеніе. Я просилъ графа Орлова довершить дѣло и предупредить назначеніе мое для командованія гвардейскою дивизіею, и онъ успокоилъ меня, что сего не будетъ.

Между тѣмъ военный министръ, явившій уже злобу свою ко мнѣ язвительнымъ и ложнымъ докладомъ Государю, разсказалъ всякія нелѣпости родственнику своему генеральнаго штаба полковнику Трескину, нигдѣ не служившему и промышляющему однѣми сплетнями. Онъ пустилъ его въ генеральный штабъ съ разглашеніями всякихъ нелѣпостей и, распущая слухи, что c'est par prédestination, que je me refusais à cette place [2]), что я имѣлъ сильное предубѣжденіе противъ всѣхъ офицеровъ сего корпуса, ненавидѣлъ ихъ, относился дурно о нихъ и множество подобныхъ вздоровъ, которые министръ и старается разсѣять по городу, дабы мнѣ повредить въ общемъ мнѣніи.

Не видя, чтобы въ теченіи службы моей я могъ избѣгнуть вліянія и извѣтовъ сего лживаго человѣка, я готовъ оставить свое военное поприще, на коемъ меня болѣе не удерживаютъ виды честолюбія и которое я считаю себя въ правѣ покинуть послѣ нѣкоторыхъ заслугъ и 23-лѣтняго продолженія дѣйствительной службы сей.

28-го. Я былъ въ ввечеру въ Эрмитажѣ. Графъ Орловъ сказалъ мнѣ, что Государь не сѣтуетъ на меня за отказъ мною данный.

30-го. Мнѣ говорилъ Александръ Мордвиновъ, что Бенкендорфъ сказывалъ ему, чтобъ я написалъ письмо къ Государю съ изъявленіемъ моей покорности, дабы онъ не счелъ меня ослушникомъ его волѣ и доставилъ бы ему сіе письмо для врученія Государю. Я бы никогда не былъ сего мнѣнія и не сдѣлалъ бы сего, ибо оправданіе могло бы

---

[1]) Ему препятствуетъ тутъ что-то въ родѣ восточнаго фатализма.

[2]) Я отказывался отъ этого мѣста, по вѣрѣ въ предопредѣленіе.

только быть слѣдствіемъ вины, которой я за собою не чувствовалъ, и сей совѣтъ, въ коемъ я не нуждался, поставилъ бы меня въ затруднительное положеніе относительно къ Бенкендорфу. Но къ тому времени пріѣхалъ къ Бенкендорфу графъ Орловъ, который разсказалъ ему въ общихъ чертахъ случившійся у меня разговоръ съ министромъ и настойчивость мою не принять мѣста генералъ-квартирмейстера, вопреки всѣхъ усилій графа Чернышова. Орловъ опровергъ мнѣніе его о томъ, дабы я послалъ письмо къ Государю, взявшись лично обо всемъ доложить Его Величеству.

Они оба ненавидятъ графа Чернышова и рады всякому случаю ему противному; но въ сей распрѣ нѣтъ сомнѣнія, что все должно будетъ на мнѣ обрушиться, и потому я не оставлю намѣренія своего или мыслей уклониться отъ круга подобнаго служенія, если не дадутъ мнѣ назначенія внѣ столицы.

1-го Февраля. Я былъ дежурнымъ, но не видалъ Государя; ибо не было приглашенія къ столу. Ввечеру по обязанности былъ я въ театрѣ, въ большой ложѣ, потому что Государь былъ также въ театрѣ въ своей ложѣ. При выходѣ я видѣлся съ графомъ Орловымъ, который увѣрялъ меня, что Государь не перемѣнилъ своего расположенія ко мнѣ по сему случаю, но что хочетъ вывѣдать не менѣе того, какъ министръ о семъ дѣлѣ и объ отвѣтѣ моемъ доложилъ Его Величеству. Я сказалъ, что располагалъ проситься въ безсрочный отпускъ; но Орловъ не совѣтовалъ сего и сказалъ, чтобы проситься на срокъ въ отпускъ.

2-го числа я былъ у Ахметъ-паши, который собирался въ тотъ день выѣхать, но выѣхалъ только вчера, 3-го числа. Вскорѣ послѣ меня прибыли недавно пріѣхавшій сюда изъ Царьграда А. П. Бутеневъ и послѣ него и графъ Орловъ, который сказывалъ мнѣ, что онъ узнаетъ у Государя, какимъ образомъ ему былъ представленъ отказъ мой военнымъ министромъ и слово въ слово сообщитъ мнѣ узнанное.

3-го числа, вчера, я былъ на балѣ во дворцѣ. Государь подошелъ ко мнѣ и упрекнулъ, зачѣмъ я цѣлый день пробылъ, будучи дежурнымъ. «Я уже однажды сказалъ, продолжалъ онъ въ шуткахъ: у меня нѣтъ дежурныхъ генералъ-адъютантовъ, и что они свободны». Я отвѣчалъ, что считалъ сіе своею обязанностью; но что я ѣздилъ и домой въ сей день дежурства моего.

Въ другой разъ, онъ, увидя меня съ Бутеневымъ и вблизи Орлова, подошелъ и сказалъ мнѣ, что сожалѣлъ не видѣть съ нами Ахметъ-паши, дабы уже всѣ вмѣстѣ были. Это вчера случилось, отвѣтилъ я: мы четверо собрались вмѣстѣ у Ахметъ-паши нечаянно. Государь прибавилъ еще нѣсколько словъ на счетъ сношеній моихъ съ Бутеневыми, съ коимъ я нынѣ увидѣлся, былъ веселъ и не показалъ ника-

кого знака неудовольствія. Государь сказывалъ мнѣ, что видѣлся съ генераломъ Отрощенкою, недавно пріѣхавшимъ въ отпускъ сюда и коего онъ назвалъ славнымъ старикомъ. — Онъ достойный служивый Вашего Величества, отвѣчалъ я.

Во время бала сего, однакоже, графъ Орловъ нашелъ случай доложить Государю обо мнѣ. Онъ объяснилъ ему, что я много огорчился предположеніемъ, что онъ, можетъ быть, меня полагаетъ неблагодарнымъ къ милостямъ его или приписываетъ отказъ моей единственно капризу, что я готовъ жертвовать собою на службѣ его предъ бригадою полковъ и даже батальономъ, еслибы въ семъ надобность была, но что избѣгалъ службы не соотвѣтствующей моимъ наклонностямъ, хотя онъ и полагалъ меня способнымъ къ занятію сего мѣста. Государь отвѣчалъ, что это была собственно его мысль, ему вдругъ пришедшая, и что министръ удивился, услышавъ сіе отъ него, но что онъ нисколько не сѣтуетъ на меня за сіе. Такъ мнѣ пересказалъ по крайней мѣрѣ разговоръ сей графъ Орловъ съ желаніемъ мнѣ добра.

Послѣ сего Государь однажды только еще обратилъ вниманіе на меня, когда я располагалъ сѣсть играть въ шахматы и, проходя мимо, спросилъ, въ шахматы ли я располагалъ играть? Обхожденіе Государя со мною показало прочимъ придворнымъ, что онъ благоволитъ ко мнѣ, и согласно сему было и обхожденіе всѣхъ со мною.

Я стоялъ смотря на танцующихъ, какъ вдругъ почувствовалъ сильное пожатіе руки, обернулся и увидѣлъ великаго князя Михаила Павловича. «Муравьевъ, когда ты пустишься въ кадриль, тогда и я за тобою пущусь», сказалъ онъ.—Ваше высочество, я болѣе никогда не буду пускаться въ танцы, а тѣмъ менѣе въ кадрили, коихъ въ мое время еще не танцовали.—«И въ мое время тоже не знали ихъ еще»— При томъ же и служеніе мое не позволяетъ мнѣ болѣе симъ заниматься. — «Да какъ ты находишь балы сіи?» — Я съ удовольствіемъ любуюсь ловкостью и красотою танцующихъ.—«А я такъ тебѣ скажу, что не нахожу ничего скучнѣе какъ оставаться на балѣ до 4-хъ часовъ утра, и гораздо-бы охотнѣе провелъ время сіе дома».—И я тоже охотно провелъ бы время свое дома; но зрѣлище сіе занимательно, коль скоро должно здѣсь быть.

Въ другой разъ сталъ онъ мнѣ говорить объ Ахметъ-пашѣ. Я объяснилъ ему безтолковость мѣры, принятой Турками для образованія, и говорилъ съ нимъ нѣсколько времени о семъ предметѣ. Вообще я замѣтилъ, что отказъ мой произвелъ странное дѣйствіе: всѣ находятъ оный весьма дѣльнымъ и основательнымъ, даже тѣ, которые могли оному дивиться; находятъ и мѣсто сіе негоднымъ, малымъ, отрѣзаннымъ и непріятнымъ и затрудняются въ пріисканіи кого-либо другаго на оное.

И такъ, съ одной стороны дѣло мое кончено, и Государь на меня не сѣтуетъ. Остается принять мѣры, дабы въ другой разъ не случилось что-либо подобнаго, ибо другой отказъ такого рода могъ-бы произвести непріятное вліяніе на будущность мою. Сношенія же мои съ графомъ Чернышовымъ остаются по послѣднему еще не въ добромъ положеніи.

Совѣщавшись вчера и третьяго дня съ Нейдгардомъ и Орловымъ, какъ мнѣ проситься въ отпускъ, я рѣшился просить онаго нынѣ на четыре мѣсяца. Графъ Орловъ не сомнѣвался, что прежде истеченія сего времени я получу назначеніе, но въ противномъ случаѣ совѣтовалъ мнѣ пріѣхать сюда къ маневрамъ, что̀ будетъ впрочемъ отъ меня зависѣть, еслибы я увидѣлъ, что мнѣ безъ пользы надобно будетъ продолжать праздную и суетливую жизнь, которую я нынѣ веду. Орловъ казался мнѣ съ добрыми намѣреніями ко мнѣ и говорилъ, что въ отсутствіе мое онъ не упуститъ ничего изъ виду для пользы моей и что я могу твердо полагаться на его участіе.

Дня три тому назадъ, на парадѣ, военный министръ, который, послѣ случившагося между нами объясненія, на меня все смотрѣлъ косо, подошелъ ко мнѣ и замѣтилъ дружески, что я пересталъ ходить къ нему. Сіе было, помнится мнѣ, 9-го числа. Рѣшившись проситься въ отпускъ, я не могъ сего сдѣлать 10-го, ибо былъ въ тотъ день съ визитомъ у пріѣхавшаго 8-го числа изъ Варшавы фельдмаршала Паскевича, который принялъ меня очень хорошо. (Ввечеру того же дня я видѣлся съ нимъ на балѣ Австрійскаго посланника графа Фикельмонта, куда я былъ приглашенъ).

10-го ввечеру я поѣхалъ къ военному министру и просилъ его исходатайствовать мнѣ отпускъ на четыре мѣсяца; онъ обѣщался доложить о семъ Государю. Разговоръ сей продолжался не болѣе двухъ минутъ, и мы разстались; онъ казался недовольнымъ.

Вчера, 11-го, было общее представленіе фельдмаршалу. Министръ, вышедши отъ него, подошелъ ко мнѣ и объявилъ съ явнымъ неудовольствіемъ, какъ сіе можно было замѣтить, что Государь меня уволилъ по просьбѣ моей. Я не зналъ, на какомъ сіе будетъ сдѣлано основаніи и не просилъ ни о сохраненіи содержанія своего, ни о какихъ-либо преимуществахъ, желая просто удалиться сначала на время, а въ послѣдствіи, глядя на обстоятельства, можетъ быть и совсѣмъ. Въ ожиданіи бумагъ для отпуска сего или приказа, я оставался сегодня дома, какъ получилъ сего числа ввечеру письмо за номеромъ отъ военнаго министра. Онъ увѣдомляетъ меня о согласіи Государя на отпускъ мой, коему однакоже срока не ограничиваетъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ увѣдомляетъ, что сего не будетъ въ приказахъ; что Государь надѣется, что я

возвращусь на службу при первомъ востребованіи его, и что мнѣ оставлено все содержаніе.

И такъ отпускъ сей, означая милость ко мнѣ Государя, не даетъ мнѣ спокойствія, котораго я искалъ: я долженъ буду ежеминутно находиться въ готовности явиться на службу и почти отложить мысли о спокойствіи своемъ.

Вотъ три или четыре дня, какъ я получилъ отпускъ свой уже письменно и все еще далекъ отъ выѣзда отсюда.

13-го я ѣздилъ въ Военное Министерство, дабы благодарить графа Чернышова и спросить, когда я могу откланяться Государю. Мнѣ сказали, что Чернышовъ боленъ и не будетъ въ присутствіи. Я поѣхалъ къ нему; онъ меня не принялъ, а приказалъ извиниться болѣзнью жены своей, отъ которой онъ отойти не можетъ.

14-го я опять поѣхалъ въ Министерство по той же надобности и дожидался долго министра, ибо не знали, будетъ ли онъ; наконецъ, видя, что онъ не ѣдетъ, я зашелъ къ Брискорну, правителю канцеляріи его, который сказалъ мнѣ, что графъ не будетъ и взялся ему сказать о моей надобности и кончить дѣло сіе.

(14-го ввечеру я окрестилъ у Рёльи дочь съ матерью его Xavier).

Сегодня, 15-го я былъ наряженъ дежурнымъ и затруднялся, какъ быть, если получу вмѣстѣ съ тѣмъ и приказаніе быть у Государя: ибо надобно было бы различно одѣться въ одномъ и другомъ случаѣ. Но приказаніе явиться къ Государю, дабы откланяться, не приходило, и я отправился въ обыкновенной формѣ къ разводу. Когда я принималъ отъ Государя рапорты, ему поданные, онъ мнѣ сказалъ только: «здравія желаю» и былъ повидимому веселъ.

Соображаясь со вновь изданною инструкціею на счетъ службы генералъ-адъютантовъ, въ коей сказано, чтобы во время церемоніальнаго марша и представленія ординарцевъ находиться на правой сторонѣ Государя, нѣсколько отступя назадъ, я, для исполненія сего правила въ точности, съ начатіемъ церемоніальнаго марша, всталъ, какъ было предписано, и очутился выше пословъ иностранныхъ и фельдмаршала Паскевича. Государь, увидя сіе, сдѣлалъ мнѣ знакъ стать ниже; сіе было сдѣлано безъ неудовольствія и съ веселымъ видомъ. Я немедленно отъѣхалъ и сталъ ниже; но, соображаясь опять съ тою же инструкціею, въ коей сказано, чтобы о всякомъ словесномъ приказаніи Государя, относящемся до службы дежурныхъ, доводить немедленно до свѣдѣнія Бенкендорфа, я, по окончаніи развода, подошелъ къ нему и доложилъ ему о семъ. Бенкендорфъ сказалъ мнѣ, что инструкція сія относилась до разводовъ, которые бываютъ на площади Михайловскаго замка, а не въ манежѣ. Какъ будто не все равно, что̀ одинъ, что̀ дру-

гой, и притомъ же разводы на площади бываютъ только лѣтомъ или весною, а зимою всегда въ манежѣ, для коего и инструкція сія въ недавнемъ времени издана.

Государь передъ выходомъ изъ манежа подозвалъ меня и, пожавъ мнѣ руку, сказалъ: «Ты въ отпускъ ѣдешь?»—Желалъ ѣхать, Ваше Величество.—«Однакоже я надѣюсь, что когда надобность встрѣтится, то ты опять явишься на службу».—Когда Вашему Величеству угодно будетъ.—«Тебѣ сколько надобно времени въ Москвѣ пробыть?»—Четыре мѣсяца.—«Да, оно почти такъ и выйдетъ до нашего лагеря; у насъ лагерь будетъ въ Іюнѣ мѣсяцѣ. Смотри же, еслибы и срокъ твой не миновался къ тому времени, то пріѣзжай сюда» *).—Слушаю, пріѣду, былъ мой отвѣтъ. И какой могъ я другой дать? Но вмѣстѣ съ симъ разрушаются всѣ мои предположенія. Я хотѣлъ пожить на свободѣ въ Москвѣ, объѣздить родныхъ, заняться, упрочить сколько нибудь будущность свою и возвратиться только по зову, когда бы встрѣтилось для меня назначеніе; но теперь уже сему не бывать, и мнѣ, какъ и теперь, доведется только жить на сторожѣ, въ ожиданіи поминутно временной командировки или Іюня мѣсяца, дабы явиться сюда, но что̀ же—на лагерь, на маневры, коихъ я надѣялся избѣжать, опасаясь, чтобы не поручили мнѣ команду: ибо я никогда не былъ дѣйствующимъ лицомъ на сихъ маневрахъ, въ коихъ трудно угадать, чего хотятъ, и когда надобно побѣдить или положить оружіе; время самое суетливое и безпокойное, издержки, противъ коихъ цѣлое состояніе едва ли можетъ устоять. И одна надежда моя осталась только та, что въ теченіе сихъ трехъ, а уже не четырехъ, мѣсяцевъ могутъ произойти какія нибудь непредвидѣнныя перемѣны.

Но прежде всего мнѣ предстоитъ еще отсюда выбраться, и вотъ уже три дня, какъ я безъ пользы бьюсь и ѣзжу, чтобъ попасть къ Государю, недоступному, потому что у графини Чернышовой болятъ зубы; а то идти другимъ путемъ можетъ меня завлечь въ различныя интриги и неудовольствія, коихъ должно всячески стараться избѣгать.

Но симъ еще не кончился мой день. Я видѣлся на разводѣ, до пріѣзда Государя, съ графомъ Орловымъ и сказалъ ему о преимуществахъ, предоставленныхъ мнѣ при отпускѣ и о затрудненіяхъ, которыя я встрѣчаю дойти до Государя, дабы откланяться. Онъ совѣтовалъ мнѣ написать письмо къ графу Чернышову, если онъ меня не принималъ, благодарить его за участіе и спросить, когда мнѣ къ Государю представиться. Эта мѣра хорошая, сказалъ онъ, ибо Черны-

---

*) Государь сказалъ послѣднія слова сіи почти смѣючись, какъ будто онъ зналъ желаніе мое уклониться отъ лагернаго времени.

шовъ по характеру своему не расположенъ кому либо сдѣлать услуги, и въ этомъ случаѣ онъ поступилъ не по обычаю своему; а письмо нужно: оно все прикроетъ и накинетъ какъ бы покрывало на все случившееся. Слова сіи были сказаны не въ пользу Чернышова и такъ рѣшительно, что они подали мнѣ поводъ думать, что обстоятельства Чернышова не въ самомъ лучшемъ состояніи, въ чемъ я, впрочемъ, можетъ быть, и ошибаюсь; но сіе состояніе домосѣдства, въ коемъ онъ нынѣ находится, не можетъ быть безъ какихъ либо причинъ иныхъ, кромѣ зубной боли его жены.

Я бы не замедлилъ исполнить совѣтъ, данный мнѣ графомъ Орловымъ, еслибъ не разговоръ, который я имѣлъ съ Государемъ при выходѣ его изъ манежа, который я не зналъ, какъ принять: за послѣдній уже передъ выѣздомъ или ожидать мнѣ другаго свиданія въ кабинетѣ его. А потому, вручивши рапорты камердинеру Государя, я и поѣхалъ къ графу Орлову, коего не засталъ дома, оставилъ у него человѣка, дабы меня увѣдомить о его возвращеніи, а заѣхалъ дожидаться у Мордвинова; но вскорѣ получилъ отвѣтъ, что Орловъ возвратился, но извинялся, что не могъ принять меня: ибо сейчасъ выѣзжалъ со двора.

Я поѣхалъ къ Бенкендорфу, коего также дома не засталъ, и остался дожидаться его. Коль скоро онъ возвратился, я спросилъ его: какъ мнѣ было считать разговоръ съ Государемъ—отпускомъ ли, или ожидать другаго, и объяснилъ я ему, какъ я уже третій день задержанъ болѣзнью военнаго министра. Vous auriez du me le dire; car c'était à moi à le faire savoir au comte Tchernichoff, et vous auriez eu réponse.—Je vous prie de me pardonner mon ignorance sur cet article; je croyais avoir du m'adresser au comte Tchernichow[1]).—Oh, ce n'est pas pour cela que je vous le dis, сказалъ Бенкендорфъ, дабы не подать повода мнѣ замѣтить соперничество его съ министромъ, которое явствуетъ изъ всякаго слова обоихъ. Mais qu'a-t-il donc ce pauvre Tchernichow? Il me fait bien de la peine de savoir malade cet pauvre Tchernichow[2]). Могъ ли я не смѣяться внутренно подобнымъ рѣчамъ? Je voudrais, сказалъ я, avoir moi-même l'occasion de remercier le c. Tchernichow de la bonté qu' il a eu de me procurer ce semestre que je n'eus pu obtenir sous de si favorables auspices. Je suis en même tems pénêtré des bontés de l'Empereur, qui a été si gracieux envers

[1]) Вамъ слѣдовало сказать о томъ мнѣ, потому что я долженъ дать о томъ знать графу Чернышову, и вы получили бы отвѣтъ.—Простите мнѣ мое невѣжество въ этомъ случаѣ. Я думалъ, что мнѣ должно обратиться къ графу Чернышову.

[2]) Но что́ такое съ этимъ бѣднымъ Чернышовымъ? Мнѣ очень жаль, что онъ боленъ, этотъ бѣдный Чернышовъ.

moi et dont il me reste à mériter la bienveillance.—Oh, vous en aurez l'occasion: une bataille, et vous les aurez méritées.—Mais comment dois-je considérer la conversation d'aujourd'hui avec Sa Majesté: comme un congé déjà, ou dois-je en attendre encore un?+Venez demain à 11½ au palais et attendez moi; en sortant de chez l' Empereur, je le vous dirai».—Et si en attendant je recevais réponse de m-r Briscorn, comment devrais-je faire?—Voilà ce que c'est! Pourquoi m-r Briscorn et ces messieurs se chargent-ils de choses qui ne les regardent pas? Mais si vous receviez réponse, conformez vous-y *).

Я вышелъ отъ Бенкендорфа довольный его участіемъ, но еще съ бо́льшимъ омерзеніемъ къ гадкимъ интригамъ, коихъ здѣсь миновать нельзя, кои служатъ всему основаніемъ и которыя препятствуютъ всѣмъ дѣламъ, промедляя ихъ до безконечности и направляя всегда по личнымъ видамъ главныхъ особъ.

Изо всего же случающагося мнѣ кажется, что графъ Чернышовъ злобствуетъ на меня, но не смѣетъ явно показать вражды своей по участію, которое приняли во мнѣ графы Орловъ и Бенкендорфъ, въ видахъ неудовольствія на Чернышова поставя меня орудіемъ. Что̀ мнѣ остается желать, какъ не совершеннаго удаленія отъ сего круга злобы, козней и личной вражды, черезъ который только доступенъ Государь, единый изъ нихъ съ правилами прямоты и чести?

15-го ввечеру я получилъ записку отъ военнаго министра, коею онъ увѣдомляетъ меня, что какъ я отправляюсь въ отпускъ съ условіемъ возвратиться при первомъ востребованіи, то Государь разрѣшаетъ мнѣ ѣхать, не представляясь.

16-го я ѣздилъ къ Бенкендорфу показывать записку сію, дабы онъ вторично не доложилъ обо мнѣ Государю. Онъ опять повторилъ мнѣ, дабы я впредъ уже всегда къ нему относился въ подобныхъ случаяхъ, называя для примѣра нѣкоторыхъ флигель-адъютантовъ, коимъ онъ доставляетъ представленія Государю. Могъ ли я ему замѣтить то, чего онъ самъ не разумѣлъ, именно, что флигель-адъютанты, состоя при лицѣ Государя, остаются вообще въ семъ званіи безъ какого либо

---

*) Мнѣ хотѣлось самому имѣть случай, чтобы поблагодарить графа Чернышова за то, что онъ милостиво устроилъ мнѣ этотъ отпускъ, котораго бы я не могъ получить при столь благопріятныхъ условіяхъ; въ тоже время тронутъ я милостями Государя, который такъ благосклоненъ ко мнѣ, что мнѣ остается заслужить его благоволеніе.—О, случай къ тому вамъ представиться: военное дѣло, и вы заслужите его милости. Но какъ мнѣ считать нынѣшній разговоръ съ Его Величествомъ, за отпускъ ли, или мнѣ должно еще ожидать онаго?—Приходите завтра въ 11½ часовъ во дворецъ и подождите меня. Я скажу вамъ о томъ, выдя отъ Государя.—А если, до того, я получу отвѣтъ отъ г-на Брискорна, какъ мнѣ быть?—Вотъ еще! За чѣмъ г. Брискорнъ и эти господа берутся за то, что̀ до нихъ не относится? Ну, если получите отвѣтъ, поступите сообразно съ нимъ.

назначенія, тогда какъ генералъ-адъютанты, и особливо я, пользующійся симъ званіемъ только какъ почестью, бываютъ назначаемы на разныя мѣста, въ коихъ они совершенно зависятъ отъ графа Чернышова, который вѣрно не упуститъ случая отмстить за избраніе инаго кромѣ его пути и тѣмъ удовлетворить свою злобу или зависть къ Бенкендорфу? Вотъ здѣшній ходъ дѣлъ, вотъ упражненія и сношенія здѣшнія. Я продолжалъ въ теченіе дня дѣлать нѣкоторые прощальные визиты у начальниковъ, коихъ здѣсь очень много и съ коими я уже близъ недѣли раздѣлаться не могу, но имѣлъ мало успѣха.

Засталъ я только Клейнмихеля и Канкрина, съ коими и распростился. Первый показывалъ большія расположенія къ угодливости, совершенно лицемѣрныя; послѣдній же много искренности и занялъ меня поучительнымъ и безпристрастнымъ разговоромъ своимъ о дѣлахъ. Человѣкъ сей вѣрно полезнѣе и занимательнѣе если не всѣхъ, то многихъ здѣсь служащихъ вблизи Государя.

17-го я все утро проѣздилъ въ новой формѣ съ прощальными визитами къ тѣмъ лицамъ, которымъ должно было ихъ сдѣлать по необходимости. Сперва былъ я у Клейнмихеля, къ коему еще имѣлъ надобность по случаю, что испрашиваемое мое засвидѣтельствованіе статей къ полученію пряжки уже около года, о чемъ я нѣсколько разъ съ тѣхъ поръ повторялъ записками и на словахъ, было наконецъ прислано ко мнѣ; но какъ никто не позаботился о прочтеніи сего списка, то и написали мнѣ неправильный срокъ, а вмѣсто всей экспедиціи моей въ Египетъ и Турцію написали, что я никакой команды и порученія во все сіе время не имѣлъ. Сіе было подписано и военнымъ министромъ, и дежурнымъ генераломъ! Надобно было все сіе исправить, и Богъ знаетъ, когда статьи сіи снова получатся; но вотъ какимъ образомъ увеличиваются всѣ переписки. Здѣсь дѣла иначе не дѣлаются.

Я былъ у фельдмаршала, князя Волконскаго и графа Толстаго. Послѣдній съ участіемъ радовался тому, что я отказался отъ мѣста генералъ-квартирмейстера и совѣтовалъ мнѣ потерпѣть еще нѣсколько для полученія мѣста корпуснаго командира.

Потомъ я былъ у великаго князя. Кто ѣдетъ къ нему являться, можетъ быть увѣренъ, что на сіе посвятитъ все утро, ибо онъ заставляетъ долго дожидаться. Сіе и со мною случилось; когда же онъ вышелъ, то не сказалъ мнѣ ничего особеннаго кромѣ похвалы о Москвѣ.

Отъ него я пошелъ къ великой княгинѣ, гдѣ дожидался также цѣлый часъ, но и разговоръ мой съ нею продолжался довольно долго: она такъ пріятна, что съ удовольствіемъ проводишь съ нею время. Она говорила со мною о путешествіи моемъ въ Хиву, о пребываніи

въ Грузіи, шутила надъ строгимъ взглядомъ моимъ, съ коимъ я оставался на балахъ, находила, что занятія и родъ жизни здѣсь не могли нравиться порядочному человѣку, привыкшему къ дѣятельности и путнымъ занятіямъ, и не совѣтовала мнѣ дѣлать какія либо усилія надъ собою, дабы привыкнуть къ сему роду жизни, ибо отъ онаго теряются всѣ способности ума и души. «Кто хочетъ не наблюдать, долженъ ѣхать прочь отсюда». Она не могла нахвалиться своимъ пребываніемъ въ Москвѣ. Искренній разговоръ ея склонилъ и меня къ таковому же. Я сказалъ ей чувства сіи относительно къ здѣшнему роду жизни и намѣренія мои навѣстить брата своего въ Вяткѣ. «Это занимательное путешествіе, отвѣчала она; кому не лестно увидѣть богатыя губерніи восточной Россіи? И я бы съ удовольствіемъ побывала въ нихъ».—Вы бы должны предпринять сіе путешествіе, сказалъ я.—«Какъ же можно одной! Развѣ мнѣ сдѣлаться Донъ-Кихотомъ? Да притомъ же и Императрица еще не ѣздила туда».—Вы ѣздите однакоже на воды за границу; почему бы вамъ не съѣздить на Кавказъ, сдѣлавъ небольшой кругъ?—Она воспользовалась симъ случаемъ, дабы обратить разговоръ на Кавказъ и Грузію, слушала со вниманіемъ, что̀ я ей говорилъ о намѣреніяхъ правительства перевести торговлю Индіи черезъ Хиву и Астрахань въ Россію, выхваляла достоинства А. П. Ермолова. Какъ ея разговоръ различествовалъ отъ того, коимъ она занимается въ присутствіи другихъ, говоря только о войскахъ и солдатахъ!

Я вышелъ отъ великой княгини въ восхищеніи отъ ея образа мыслей и разговора; подобнаго я не слыхалъ здѣсь ни отъ кого. Но она не умѣла утаить и соперничества своего съ Императрицею. Между разговорами своими она сказала, что не постигала, какимъ образомъ здѣсь должностные люди умѣли при разсѣянностяхъ еще заниматься дѣломъ. Я отвѣчалъ, что самъ не постигалъ сего и не признавалъ въ себѣ способностей, дабы нести сіи двѣ обязанности вполнѣ съ успокоеніемъ совѣсти на счетъ исполненія ихъ по надлежащему.

Образъ мыслей моихъ не скрытъ болѣе ни отъ кого: всѣ знаютъ, что я избѣгаю двора, столицы и разсѣянностей, и я гласно говорилъ вездѣ, что преданность Государю не знаменуется неутомимою алчностью быть при лицѣ его, ибо служба ему предстояла и въ отдаленныхъ мѣстахъ Имперіи.

18-го я кончилъ послѣдніе визиты свои; былъ и у военнаго министра, который принялъ меня хорошо, но въ глазахъ своихъ не умѣлъ скрыть оскорбленія своего. Былъ у Бенкендорфа, Эссена и, наконецъ, у графа Орлова, который увѣрялъ меня опять въ дружбѣ своей и готовности служить мнѣ. Онъ разсказалъ мнѣ опять снова все, что̀ зналъ

о происшествіи моемъ съ министромъ, говоря, что министръ ему упрекаетъ въ томъ, что меня хотѣли назначить генералъ-квартирмейстеромъ, но Орловъ оправдывался отъ сего. Министръ, по словамъ его, хвалился передъ вечернимъ разговоромъ нашимъ, что онъ меня склонитъ или заставитъ принять сіе мѣсто, но что будто Орловъ предостерегъ его, что ему не удастся и что министръ теперь se sent humilié *) и оттого дуется на меня. Орловъ увѣряетъ, что онъ подстрекалъ меня къ сему отказу, потому что зналъ, сколько мѣсто сіе негодно и не по мнѣ. Я отвѣчалъ, что званіе генералъ-квартирмейстера я могу только сравнить съ состояніемъ Грузинскихъ царевичей, показывающихся во дворцѣ на выходахъ. Онъ смѣялся сему, но нашелъ сравненіе сіе справедливымъ и сказалъ, что мѣсто сіе исполнено интригъ и неудовольствій и само по себѣ ничего не значитъ. Нейдгардъ, сказалъ онъ, извлекъ уже все, чтó изъ онаго можно было, и теперь очень радъ удалиться.—Мнѣ бы предстояло два рода службы, отвѣчалъ я: придворная и обязанность. Еслибъ я послѣдовалъ за первою, то гдѣ бы осталась совѣсть моя, когда бы должность моя осталась заброшенною? Еслибы же я занялся одною обязанностью своею, то я бы былъ самый чернорабочій и не въ силахъ былъ бы при всемъ томъ исполнить ее вопреки принятаго здѣсь хода занятій. За обѣими же я не чувствую въ себѣ силъ угнаться.

Орловъ нашелъ весьма справедливыми мои сужденія и обѣщался самъ по себѣ заботиться о дѣлахъ моихъ въ мое отсутствіе. Онъ совѣтовалъ мнѣ однакоже непремѣнно пріѣхать сюда къ маневрамъ, полагая, что, можетъ-быть, онъ будетъ командовать однимъ войскомъ, а я другимъ. Я говорилъ ему, что дѣло сіе для меня весьма новое и что тутъ множество соображеній входитъ, мнѣ совершенно чуждыхъ; но онъ настаивалъ и говорилъ, что это все очень легко. Онъ не совѣтовалъ мнѣ уѣзжать, какъ я желалъ прежде тогое въ Вятку къ брату Александру, и думалъ, что по окончаніи маневровъ Государь меня охотно отпуститъ туда и даже вспомнитъ о братѣ и замедлитъ и перевести его поближе въ Россію.

Графъ Орловъ не сдѣлаетъ зла тамъ, гдѣ ему не поперечишь, и онъ въ сихъ отношеніяхъ велъ себя очень хорошо со мною.

Завтра, 20-го Февраля, я оставляю Петербургъ и ѣду въ Москву. Оставляю съ удовольствіемъ пребываніе сіе, въ коемъ я много претерпѣлъ мукъ и досады; оставляю его съ желаніемъ болѣе не возвращаться сюда.

---

*) Чувствуетъ себя униженнымъ.

ИЗЪ ПАМЯТНЫХЪ ТЕТРАДЕЙ С. М. СУХОТИНА [1]).

1872-й годъ.

Si chacun, dit Marmontel, écrirait ce qu'il a vu, ce qu'il a fait, qui lui est arrivé de curieux et dont le souvenir mérite d' être conservé, il n'est personne qui ne pût laisser quelques lignes intéressantes [2]).

Праздникъ Рождества я провелъ въ Петербургѣ и воротился въ Москву 11 Января 1872 г. Впечатлѣніе, производимое на меня Петербургомъ, было одно и тоже: тотъ же водоворотъ, таже суета, тоже отсутствіе живыхъ интересовъ въ обществѣ, за исключеніемъ собственныхъ; одинъ идолъ для всѣхъ—это дворъ и угодничество; нѣтъ ни одного государственнаго человѣка, который бы торжественно защищалъ свои убѣжденія и свои даже предложенія. Мнѣ разсказывалъ кн. С. Н. Урусовъ, что, за нѣсколько дней до засѣданія министровъ, назначеннаго подъ предсѣдательствомъ Государя, ** послалъ за нимъ, дабы предварительно побесѣдовать о предполагаемомъ обсужденіи въ этомъ засѣданіи новаго циркуляра относительно измѣненія цензурнаго устава; и тутъ **, нападая на нѣкоторыя статьи этого циркуляра, объявилъ Урусову, что онъ будетъ непремѣнно ихъ опровергать въ присутствіи Государя. За тѣмъ, въ засѣданіи, ни онъ, и никто изъ присутствовавшихъ ничего рѣшительно не сказалъ противъ, тогда какъ Государь настоятельно вызывалъ всѣхъ на опроверженія. Вообще наши современные государственные люди не отличаются гражданскимъ мужествомъ. Къ томуже, почти всѣ они до того поглощены вечерами, обѣдами, праздниками, что я и не знаю, когда они успѣваютъ прочитывать тѣ груды бумагъ, которыя лежатъ на ихъ письменныхъ столахъ. Почтенный членъ государственнаго совѣта П. жаловался тоже на современный низкій уровень нашихъ дѣятелей, которые всѣ находятся подъ какимъ-то страхомъ революціи и смѣшиваютъ въ своемъ воображеніи кошмаръ интернаціоналки съ распущенностью нашей прессы,

---

[1]) См. „Русскій Архивъ“ сего года, выпуски 2—8.

[2]) Мармонтель говоритъ: Если бы каждый записывалъ что̀ онъ видѣлъ, дѣлалъ, что̀ съ нимъ случилось занимательнаго и воспоминаніе о чемъ заслуживаетъ сохраненія, то нѣтъ такого человѣка, который бы не могъ оставить по себѣ нѣсколькихъ любопытныхъ строкъ.

и даже съ прошлогоднимъ адресомъ Московской Думы. А между тѣмъ на рѣчь князя Черкаскаго, признесенную имъ за юбилейномъ обѣдомъ Погодину, никто не обратилъ въ Петербургѣ, или не хотѣлъ обратить, вниманія. Дарованія такихъ людей колятъ глаза неспособнымъ.

Возвратясь въ Москву, я нашелъ Н. А. Мюлютина лучше чѣмъ когда его оставилъ; но это лучше продолжалось недолго, и онъ скончался 26-го Января, оплакиваемый своимъ семействомъ, друзьями и всей мыслящей Россіей. Его имя принадлежитъ Исторіи. Это былъ въ свое время типъ Русскаго государственнаго человѣка.

Въ Москвѣ все тихо и гладко. Эта монотонія была только нѣсколько нарушена дворянскими выборами, гдѣ предложеніе Ю. Ѳ. Самарина надѣлало много шума. Оно состояло въ ходатайствованіи, чтобы всякій дворянинъ, подвергнувшійся административной карѣ, имѣлъ право просить отдачи его подъ судъ, если онъ самъ того потребуетъ до истеченія двухнедѣльнаго срока со дня объявленія ему административнаго распоряженія, которымъ ограничивается его личное право. По поводу этого заявленія въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» появилась статья, которая осуждаетъ это заявленіе, какъ лишенное практичности и обдуманности; статья написанная въ духѣ вредномъ, какъ для Самарина, такъ и для дворянства, его принявшаго. Всѣ благомыслящіе люди, даже защитники Каткова, возстали на него за эту статью, носящую характеръ современной жандармеріи, и Катковъ, уже потерявшій большую долю своего авторитета, еще больше упалъ во мнѣніи общественномъ. А тутъ подоспѣло запрещеніе на четыре мѣсяца газеты «Голосъ», которая получила третье предостереженіе за статью о реальныхъ училищахъ, гдѣ она обвиняетъ дѣйствія и распоряженія министерства просвѣщенія, и этотъ актъ высшей цензуры подогрѣлъ негодованіе публики.

Въ продолженіи четырехъ мѣсяцевъ я не имѣлъ времени вести моего дневника. Изъ событій болѣе замѣчательныхъ была смерть Н. А. Милютина. Историческій человѣкъ сошелъ въ могилу. Я сблизился съ нимъ, когда болѣзнь его совершенно разрушила, и видѣлъ его только раза три, когда онъ былъ еще во цвѣтѣ своей дѣятельности; но я не могу забыть того чарующаго впечатлѣнія, которое онъ тогда произвелъ на меня. Это былъ орелъ, не знавшій препятствій въ своемъ государственномъ полетѣ. Я никогда не забуду его любопытныхъ разсказовъ о Польскомъ дѣлѣ, которые онъ мнѣ сообщалъ въ Райкахъ *), и я слушалъ его съ жадностью въ продолженіи 4-хъ часовъ сряду. Я

*) Подмосковная, гдѣ Милютины живали лѣтомъ. П. Б.

понялъ то мощное вліяніе, которое онъ распространялъ на служившихъ съ нимъ и вообще на всѣхъ его близко знавшихъ.

16 Іюля. На дняхъ возвратился я изъ Кочетовъ, гдѣ провелъ время самымъ пріятнымъ образомъ въ обществѣ Жемчужниковыхъ. Разговоръ о настоящемъ положеніи Россіи во всѣхъ отношеніяхъ, вездѣ теперь происходящій, былъ поднятъ конечно между Алексѣемъ Михайловичемъ и мной, и возбудилъ много споровъ, такъ какъ онъ возвратился изъ за границы съ мрачнымъ, преувеличеннымъ и даже безотраднымъ взглядомъ на застой, въ которомъ находится въ эту минуту Русское общество. Не раздѣляя вполнѣ такихъ пессимистическихъ впечатлѣній, нужно однако признать, что равнодушіе къ общественнымъ дѣламъ и нерасположеніе правительства къ серьезнымъ, бодрымъ и патріотическимъ дѣятелямъ представляютъ мало утѣшительнаго. Та гражданская доблесть, которая оживляла первыхъ дѣятелей великихъ реформъ (крестьянской, земской и судебной), совершенно потухла, и добросовѣстные изъ нихъ исполняютъ свою обязанность больше рутиннымъ образомъ, не проникая въ глубь вопросовъ. Многіе изъ людей практическихъ перешли на службу въ банки, гдѣ наживаютъ большія деньги. Въ Московской Городской Думѣ дѣла идутъ тихо, и городъ остается въ томъ же грязномъ положеніи. Развѣ съ введеніемъ новаго положенія дѣла примутъ другой видъ. А правительство, съ своей стороны, преслѣдуетъ людей даровитыхъ и покровительствуетъ ничтожностямъ; многіе изъ высокопоставленныхъ лицъ пугаютъ заговорами и разными кошмарами, съ цѣлью забрать администрацію въ свои руки и сдѣлать себя неизбѣжными. Подкупы, какъ и прежде, только въ болѣе тонкомъ видѣ, являются особенно по желѣзнодорожному дѣлу: еще недавно г-нъ С. предлагалъ Ѳ. В. Чижову отдѣлить 5 милліоновъ изъ покупной суммы Курской желѣзной дороги въ пользу какихъ-то вліятельныхъ лицъ; но Чижовъ отвергъ это предложеніе и передалъ объ этомъ министру финансовъ Рейтерну, этому рыцарю честности, который поддержалъ его въ этомъ отказѣ, вслѣдствіе чего дѣлаются теперь разныя придирки къ администраціи Курской дороги. Теперь настало царство эгоизма въ службѣ: каждый хлопочетъ только о сохраненіи своего мѣста, а до Россіи никому дѣла нѣтъ. Большая часть людей государственныхъ и талантливыхъ сошли въ могилу или состарились, а Славянскій кружокъ совсѣмъ разсѣялся. Недавно умеръ Гильфердингъ; точно роковая судьба давитъ этотъ кружокъ, изъ котораго остались только въ живыхъ И. С. Аксаковъ, Ю. Ѳ. Самаринъ и отчасти князь Черкаскій, которому между прочимъ **, во время своего послѣдняго пребыванія въ Москвѣ, даже не кланялся. Говоря объ этомъ грустномъ положеніи, я передаю всеобщій от-

голосокъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ не теряю надежды и чувствую полное уваженіе къ тѣмъ людямъ, которые серьезно смотрятъ на исполненіе своихъ служебныхъ обязанностей и не оскудѣваютъ въ своей дѣятельности, помня, что всякое зерно даетъ плодъ и всякое поле со временемъ очистится отъ плевелъ, хотя часто приходится и ждать очень долго.

20 Іюля. Теперь Государь находится въ Москвѣ. Онъ пріѣхалъ вмѣстѣ съ Великой Княгиней Марьей Николаевной и принцессой Баденской, которыя пробыли всего двое сутокъ. Я все время находился при нихъ, сопровождалъ ихъ по дворцу и по выставкѣ; онѣ обѣ произвели на меня самое пріятное впечатлѣніе по ихъ любезности и особенно по простотѣ ихъ обращенія. Марья Николаевна очень постарѣла и легко утомляется; принцеса Баденская вспомнила то грустное для меня время, когда я былъ у нея въ Карлсруе. При Марьѣ Николаевнѣ состоитъ гофмейстеромъ Василій Петровичъ Погенполь, мой старый знакомый, весьма милый и образованный человѣкъ, по крайней мѣрѣ гораздо образованнѣе и любезнѣе бо́льшей части лицъ, составляющихъ свиту Государя. Даже самъ графъ * * * выразился весьма неприлично на одномъ изъ гофмаршальскихъ обѣдовъ: разговаривая съ графомъ Дегенфельдомъ, генераломъ Австрійскимъ, онъ выражалъ свое удивленіе тому, что генералъ-адъютантъ князь Меньшиковъ, состоявшій при эрцгерцогѣ Австрійскомъ Вильгельмѣ, носитъ 1-ю степень Желѣзной Короны, не имѣя никакого на это пра̀ва, и передъ иностраннымъ генераломъ, особенно передъ Австрійцемъ, обзывалъ своего товарища, генералъ-адьютанта князя Меньщикова, хвастуномъ, тогда какъ ему, Меньшикову, порученъ былъ эрцгерцогъ. Конечно Дегенфельдъ, возвратясь во-свояси, не преминетъ разсказать этотъ случай. Въ этотъ пріѣздъ Государь былъ въ очень хорошемъ расположеніи духа и всѣмъ остался доволенъ. Мы узнали о предстоящемъ свиданіи трехъ императоровъ въ Берлинѣ; всѣ заговорили о Sainte Alliance. Дай Богъ, чтобъ насъ-то не надули! Эрцгерцогъ Вильгельмъ очень симпатичнаго вида; онъ имѣетъ репутацію добраго и кроткаго человѣка и потому былъ избранъ, какъ наиболѣе способный человѣкъ, играть роль посредника между Австрійскимъ и Русскимъ дворами. При немъ состоялъ военный агентъ Австріи при Русскомъ дворѣ, Бертольсгеймъ, весьма умный и ловкій господинъ, котораго въ Петербургѣ очень любятъ.

На дняхъ была напечатана телеграмма изъ Бѣлграда, въ которой Сербы приглашали Московскую Думу выслать депутатовъ для присутствованія въ Бѣлградѣ, при торжественномъ объявленіи совершеннолѣтія князя Милана. Московская Дума была въ большомъ затруд-

неніи, такъ какъ никто не соглашался туда ѣхать; наконецъ, вызвались профессоръ Нилъ Александровичъ Поповъ и гласный Матвѣй Григорьевичъ Поповъ. Генералъ-губернаторъ опросилъ телеграммой, черезъ графа Шувалова, и депутація эта не была разрѣшена; а между тѣмъ Дума заказала золотое блюдо для поднесенія князю Милану. Чего испугались? Какой кошмаръ представили на видъ? Вѣдь посланъ же туда флигель-адьютантъ князь Долгоруковъ. А между тѣмъ этотъ невольный отказъ Думы на радушное приглашеніе Сербовъ произведетъ на тамошнее общество и даже правительство самое грустное впечатлѣніе. Надо сознаться, что наша настоящая политика самая антинаціональная. Трудно загадывать; но многимъ кажется, что это свиданіе трехъ государей не принесетъ пользы Россіи; вѣроятно, нашъ Государь сдѣлается въ извѣстномъ отношеніи жертвой этого союза, и два союзника будутъ ставить его въ странныя и, можетъ быть, враждебныя отношенія къ Франціи, а вѣрнѣе всего къ Славянамъ Австрійскимъ.

25 Августа. Были у насъ въ Москвѣ гости, члены Международнаго Статистическаго Конгресса, въ числѣ 160 человѣкъ. Городъ ихъ помѣщалъ и возилъ на свой счетъ. Между ними было много людей ученыхъ и знаменитыхъ, какъ: Quetelet, Engel, Farr и пр. Они были въ восторгѣ отъ Москвы, по крайней мѣрѣ непрестанно объ этомъ говорили. Англичане и Американцы давали обѣдъ городскому головѣ *), дабы возблагодарить въ его лицѣ весь городъ за Московское гостепріимство. Спичамъ не было конца; я удивлялся той ловкости, находчивости и легкости, съ которою они говорятъ. Много было сказано любезнаго и лестнаго для Россіи; между прочимъ одинъ Американецъ, объясняя причины сочувствія, которое господствуетъ между Россіей, Англіей и Америкой, сказалъ, что эти три свободныя державы стремятся къ усовершенствованію общественныхъ учрежденій. Были и дамы между ними, и многія изъ Американокъ, также Англичанокъ, совсѣмъ не говорятъ по-французски. Всѣ эти разнородные языки живутъ въ мирѣ и любви и, повидимому, политикой мало занимаются. Въ гостиницѣ Мамонтова, которая мнѣ была поручена, жили Шведы, Норвежцы, Гамбуржцы, Чехи, Венгры, Румыны и одинъ Грекъ. Изъ Шведовъ былъ одинъ весьма почтенный и образованный человѣкъ Беркъ.

29 Августа. По случаю нынѣшней выставки, дня не проходитъ почти, чтобъ не посѣтилъ Москвы какой нибудь великій князь или принцъ. А любимцемъ нашимъ сдѣлался Великій Князь Константинъ, который очень популяренъ. Сегодня за обѣдомъ разговоръ шелъ о народномъ театрѣ, о хорошей игрѣ актеровъ въ «Ревизорѣ»; и когда ген.-губернаторъ сказалъ ему, что министръ внутреннихъ дѣлъ на-

*) Д. Д. Шумахеру, скорбной памяти! П. Б.

ходилъ, что не слѣдуетъ давать «Ревизора» въ народномъ театрѣ, какъ *вредную* пьесу, Великій Князь сказалъ: Царь жалуетъ, да псарь не жалуетъ. Сегодня утромъ я имѣлъ разговоръ съ Великимъ Княземъ о старокатоликахъ, на переходъ которыхъ въ Православіе онъ сильно надѣется; и когда я навелъ разговоръ на письмо Аксакова къ Дѣллингеру, то онъ сталъ нападать на безтактность и раздражительный тонъ этого письма, хотя приписывалъ ему большое достоинство. Онъ говорилъ также, что очень любитъ Аксакова и уважаетъ его за его правдивость и честность убѣжденій, но что Аксаковъ своей безтактностью всегда вредилъ дѣлу, которому сочувствовалъ. Видно, что въ этомъ вопросѣ Великій Князь не очень свѣдущъ и находится подъ вліяніемъ Осинина, отца Васильева и пр. Петербургскихъ мелкихъ богослововъ.

26 Октября. Сегодня вечеромъ у Аксакова читали письмо Ю. Ѳ. Самарина къ Кавелину, по поводу статьи послѣдняго: *Задачи психологіи.* Самаринъ, отдавая полную справедливость Кавелину за его добросовѣстный трудъ, не соглашается съ его положеніями и доказываетъ ему, что та душа, которую авторъ хочетъ представить самостоятельною, есть ничто иное какъ произведеніе той же матеріи, и ея существованіе оканчивается со смертію. Самаринъ оканчиваетъ свое заключеніе слѣдующими замѣчательными словами: «Церковь, опуская человѣка въ могилу, говоритъ: земля еси и въ землю прейдеши, а вы (Кавелинъ) говорите: отъ земли еси ты и съ плотію прейдеши. Это письмо замѣчательно по своей неумолимой логикѣ и по своему блистательному языку; посреди той апатіи, въ которой пребываетъ теперь все Русское общество, такое письмо утѣшительно дѣйствуетъ на душу и вѣетъ свѣжимъ воздухомъ. Къ тому же, при ослабленіи политическихъ и общественныхъ интересовъ, открывается болѣе мѣста для занятій отвлеченныхъ: философическихъ и религіозныхъ.

Два мѣсяца прошло, и я не имѣлъ охоты взяться за перо: такъ все гладко и пусто. Московское общество еще болѣе сократилось; нигдѣ почти нѣтъ собраній, гдѣ бы сходились для разговоровъ; только по Четвергамъ собираются у И. С. Аксакова, гдѣ бываетъ иногда довольно оживлено, по милости князя Черкаскаго и Гилярова-Платонова. Современный городской интересъ—это ссора князя Мещерскаго съ прочими предводителями дворянства, которые, впрочемъ, уже почти всѣ получили свои отставки. Говорятъ, что по поводу этой исторіи князь ** написалъ въ родѣ доноса къ министру внутреннихъ дѣлъ, гдѣ онъ сваливаетъ всю вину на Самарина и князя Черкаскаго, которые будто бы постоянно мутятъ Московское общество и поджигали будто бы уѣздныхъ предводителей противъ князя Мещерскаго, тогда какъ Самаринъ былъ въ это время у себя въ деревнѣ въ Са-

марской губерніи, а князь Черкаскій рѣшительно не вмѣшивался въ эту исторію, и они оба ни тѣломъ, ни душой не виноваты... На сторонѣ Мещерскаго самъ Государь, который сказалъ его тестю графу Строганову: Je sais que votre beau-fils a eu des démêlés avec la noblesse; mais il a parfaitement agi dans cette affaire *).

12 Ноября. Мое знакомство съ графомъ Павломъ Христофоровичемъ Граббе. Пріятное впечатлѣніе произвелъ на меня этотъ старикъ-рыцарь. Онъ воспитанникъ Ермолова и славной эпохи 12-го года. Граббе умѣлъ сохранить свою независимость въ царствованіе Николая, который его любилъ, но часто противъ него и раздражался. Когда Граббе командовалъ драгунской дивизіей въ Курскѣ, Николай Павловичъ пріѣхалъ туда смотрѣть его дивизію и, получивъ передъ выѣздомъ на ученье какія-то непріятныя вѣсти отъ двухъ фельдъегерей, явился на смотръ въ самомъ ужасномъ расположеніи духа, такъ что Граббе, слыша его дикій голосъ, пересталъ даже передавать войску его команду. Вдругъ Государь, посреди ученья, круто повернулъ лошадь и поскакалъ назадъ въ отведенный ему въ городѣ домъ; тогда Граббе тоже поскакалъ за нимъ, взошелъ за Государемъ по лѣстницѣ и прошелъ за нимъ по амфиладѣ растворенныхъ комнатъ до послѣдней стѣны. Тогда Государь, обернувшись къ нему и къ подошедшимъ тутъ полковымъ командирамъ, объявилъ, что онъ въ дивизіи не нашелъ того, чего требуетъ; на это Граббе отвѣчалъ, что въ его дивизіи есть все то, чего Государь требуетъ. На другой день, на вновь назначенномъ смотру, Государь былъ въ восхищеніи и, ставъ передъ дивизіей, закричалъ: *виноватъ*, и расцѣловалъ дивизіоннаго командира. Во время Крымской кампаніи Граббе былъ назначенъ командиромъ войскъ, защищавшихъ Кронштадтъ и Петербургъ съ моря. Когда онъ пріѣхалъ въ Петербургъ въ концѣ Января, Государъ потребовалъ его къ себѣ уже поздно вечеромъ и разсказалъ ему все критическое положеніе нашей Крымской арміи. Тогда Граббе говорилъ ему, что надо дать огромное сраженіе, подобное тѣмъ, которыя прежде давали Русскіе, т. е. побѣдоносное, гдѣ, положивъ половину арміи, можно было уничтожить всѣхъ Англо-Французовъ, и что онъ Граббе берется прискакать въ Севастополь раньше всякаго фельдъегеря. Государь, выслушавъ эту рѣчь привѣтливо, говоритъ Граббе: да вѣдь у меня пороху нѣтъ! Черезъ 18 дней послѣ этого разговора Государь скончался. Эту натуру сгубили тоска и отчаянье.

---

*) Я знаю, что у вашего зятя были непріятности съ дворянствомъ; но въ этомъ дѣлѣ онъ поступалъ отлично.

4 Декабря. На дняхъ пріѣзжали въ Москву Прусскіе гости изъ свиты принца Карла Прусскаго. Эти господа не представляютъ ничего интереснаго; они очень мало развиты умственно. Бёнъ и Притвицъ имѣютъ солдатскій видъ; люди крупные по ихъ сложенію, но не по умственнымъ способностямъ. Изъ разговоровъ съ ними о послѣдней Французской войнѣ видно, что они глубоко презираютъ Французскій народъ. Между прочимъ при маіорѣ Притвицѣ находится въ услуженіи маленькій Французъ, un gamin de Paris, котораго онъ, какъ самъ разсказываетъ, формируетъ и наказываетъ пощечинами и драньемъ за волосы и за уши.

1873-й годъ.

8 Января 1873 года. Сегодня происходилъ въ здѣшнемъ Окружномъ Судѣ давно ожидаемый судъ надъ Нечаевымъ, который произвелъ на меня и на всѣхъ самое возмутительное впечатлѣніе. Этотъ Нечаевъ явился съ такимъ наглымъ видомъ, принималъ такія каррикатурно-величественныя и трагическія позы, что съ перваго раза вселилъ къ себѣ омерзѣніе. При первомъ своемъ появленіи на скамью подсудимыхъ, на вопросъ предсѣдателя Дейера онъ почти закричалъ: Я не считаю себя подсудимымъ вашего Государя и его законовъ не признаю и отвѣчать ни на что не намѣренъ. Когда предсѣдатель его остановилъ, онъ продолжалъ кричать: Я не Русскій подданный, я эмигрантъ. Тогда предсѣдатель велѣлъ его вывести. Во второй разъ, когда онъ появился, онъ тѣмъ же тономъ заговорилъ, что онъ эмигрантъ и законовъ деспотизма не признаётъ. Послѣ первой его выходки въ публики раздались крики: вонъ его мерзавца! Въ слѣдующія его появленія онъ говорилъ, между прочимъ, послѣ окончанія обвинительной рѣчи прокурора, что онъ уже сказалъ графу Левашову въ Петербургѣ, что онъ жизнью своею готовъ жертвовать, но честью никогда. Во время чтенія свидѣтельскихъ показаній онъ сидѣлъ обернувшись спиной къ суду и нагло поглядывалъ на публику. А когда предсѣдатель объявилъ ему приговоръ (двадцать лѣтъ каторжной работы), то онъ воскликнулъ: да здравствуетъ земскій соборъ и долой деспотизмъ! Судъ велъ себя умно и прекрасно. Рѣчь Дейера была замѣчательна по своей логичности, твердости и выражала благородныя мысли. Слава Богу, что это опасное дѣло кончилось такъ удачно, что судъ вышелъ съ торжествомъ изъ справедливо ожидаемыхъ препятствій, и что на него не должно пасть никакихъ нареканій свыше. Странно только и жаль, что, по распоряженію высшей полиціи, не дозволено редакторамъ газетъ сообщать отчетъ и свои впечатлѣнія по этому судебному

дѣлу, а разрѣшено имъ перепечатывать отчетъ изъ «Правительственнаго Вѣстника».

Въ продолженіи лѣта совершилось, для Россіи конечно, великое событіе — это взятіе Хивы и освобожденіе рабства ханомъ. Но и это событіе въ прежнее время, лѣтъ 5 или 6 тому назадъ, произвело бы на публику болѣе живое и радостное впечатлѣніе; а теперь, при умолкнувшихъ политическихъ и общественныхъ вопросахъ, никто и не откликнулся особенно на это событіе. — Вчера Государь, пробывъ здѣсь три дня, отправился въ Кіевъ и потомъ въ Ливадію. На выходѣ Государь очень холодно принялъ хлѣбъ-соль отъ Думы, у которой мало доброжелателей въ Петербургскихъ правительственныхъ сферахъ. Нашъ исправляющій должность президента графъ А. Н. отлично распоряжался: онъ совсѣмъ несуетливъ, держитъ себя почтительно, но весьма прилично и благородно. На мои глаза онъ довольно замѣчательная личность по своей умной распорядительности, твердости характера, толковости, и, главное, относится серьезно къ исполненію вообще своего долга; а какъ частный человѣкъ, онъ всей душой занимается воспитаніемъ своихъ дѣтей, и вообще нравственности безукоризненной. Онъ достоинъ изученія, и впослѣдствіи вѣроятно мнѣ придется не разъ о немъ говорить. При распущенности и легкомысліи нашихъ чиновниковъ и дѣятелей, такіе люди составляютъ исключеніе.

Вечеръ провелъ у графини Блудовой, проѣзжавшей черезъ Москву; тамъ былъ П. И. Бартеневъ; разговоръ о П. А. Вяземскомъ и покойномъ Тютчевѣ, для всѣхъ незабвенномъ.

23 Августа. Вчера у меня были П. Н. Свистуновъ, Андрей Оболенскій съ дочкой и И. С. Аксаковъ. Разговоръ объ апатіи и безучастіи ко всему нынѣшней молодежи. Насталъ вѣкъ экономическихъ интересовъ; они теперь на исторической очереди.

25 Августа. Утромъ былъ на похоронахъ Панина. Вечеромъ у Свистунова, который много вспоминалъ о миссіонерѣ о. Макаріи, объ его дарѣ прозорливости и его глубокой духовности. Онъ находился подъ вліяніемъ того духа, который ходатайствуетъ за насъ воздыханіями неизрѣченными (посл. къ Римлянамъ, глава 8, ст. 26). Макарій очень уважалъ Н. Д. Фонъ-Визину, хотя и зналъ ее мало.

29 Августа. Былъ въ Донскомъ монастырѣ, гдѣ служилъ преосв. Леонидъ заупокойную обѣдню въ 40-й день послѣ смерти графа Александра Петровича Толстаго; проповѣдь сказалъ Греческій архимандритъ Григорій, съ большимъ чувствомъ.—Вечеръ провелъ у Дегая. Что за музыкальная чета! Они меня угостили музыкой. Дегай мнѣ читалъ, между прочимъ, нѣкоторыя мѣста изъ неизданнаго сочиненія его умершаго дяди Игнатьева, объемлющаго почти всѣ отрасли человѣ-

ческаго знанія, но болѣе посвященнаго наукѣ управленія народами. Что-то очень, или даже слишкомъ, оригинально.

1874-й годъ.

Пребываніе въ Москвѣ эрцъ-герцога Альбрехта Австрійскаго съ 5 по 9 Іюля 1874 года Этотъ принцъ произвелъ на всѣхъ самое благопріятное впечатлѣніе своей любезностью, добротой и привѣтливостью; онъ всегда былъ дружески расположенъ къ Россіи, и бывъ въ 1839 году въ лагерѣ подъ Краснымъ Селомъ, купался съ нами, Преображенскими офицерами, въ пруду, похожемъ на лужу; съ нимъ еще тогда сдѣлалась судорога, и Лярскій его вынесъ изъ воды. Эрцъ-герцогъ напомнилъ мнѣ этотъ случай и тутъ меня назвалъ однимъ изъ своизъ избавителей. Его свита состояла изъ людей весьма любезныхъ, но не очень, кажется, просвѣщенныхъ. Вообще же Австрійцы, которые здѣсь перебывали въ послѣдніе два года, отличаются любезностью, веселостью, но болѣе люди поверхностные и мало интересуются Московскими древностями, не такъ какъ Прусаки и Англичане, которые лучше понимаютъ прелесть Москвы. Впрочемъ всѣ эти именитые посѣтители такъ утомляются поминутными поѣздками, обозрѣніями, что по-неволѣ дѣлаются подъ конецъ равнодушными ко всему, чтò имъ показываютъ.

1875-й годъ.

1875 года, 3 Іюня. Проѣзжалъ черезъ Москву изъ Константинополя съ и Востока наслѣдный принцъ Мекленбургъ-Шверинскій Фридрихъ-Францъ-Павелъ, братъ нашей Великой Княгини Марьи Павловны, добрый и милый молодой человѣкъ. При немъ находились два адъютанта, *Шуленбургъ* и баронъ *Мальцанъ*, очень порядочные и любезные господа; Шуленбургъ большой ружейный охотникъ и убилъ крокодила въ Нилѣ.

1875 года, 27 Іюня вечеромъ. Прибылъ въ Москву прямо изъ Риги король Шведскій и Норвежскій Оскаръ II-й, внукъ Бернадота. Онъ произвелъ на всѣхъ самое пріятное впечатлѣніе своимъ любезнымъ, простымъ обращеніемъ; говоритъ онъ хорошо и умно. Сегодня 30 Іюня, за большимъ обѣдомъ у князя Долгорукова, поднявъ бокалъ, онъ обратился ко всѣмъ съ слѣдующею рѣчью: J'admire votre Empereur et félicite le peuple russe d'avoir un Monarque, qui a réalisé de si grandes et belles idées *). Потомъ, въ другой разъ, обращаясь къ хозяину кн. Долго-

*) Восхищаюсь вашимъ Императоромъ и поздравляю народъ Русской съ тѣмъ, что у него Государь, осуществившій столь великія и прекрасныя начàла.

рукову, онъ сказалъ: Je vous remercie, mon prince, de la cordiale hospitalité que j'ai reçue à Moscou, ce berceau des gloires et des traditions du peuple russe [1]). Обѣ рѣчи возбудили въ насъ самый искренній восторгъ и вызвали неумолкаемое «ура».

Осматривая Оружейную Палату и увидавъ носилки Карла XII, онъ обратился къ своей свитѣ и сказалъ: Nous avons été battus par les Russes, ce qui ne nous empêche pas d'etre restés bons amis [2]). Я вспомнилъ, что этотъ Оскаръ былъ въ 1846 году въ Петергофѣ, совершеннымъ юношей, и плѣнялъ всѣхъ своимъ хорошенькимъ лицомъ. Мнѣ теперь приходится видѣть въ Москвѣ много принцевъ и разныхъ знаменитостей, уже устарѣлыхъ, которыхъ я въ моей молодости встрѣчалъ въ Петербургѣ. Въ свитѣ короля мало интересныхъ личностей; всѣ большею частію люди молчаливые, невзрачные и съ затрудненіемъ говорящіе по-французски, исключая посланника Дуè, большаго болтуна и франта. Еще графъ Лагерберкъ имѣетъ хорошую наружность.

17 Іюля. Прибыли въ Москву принцъ Піемонтскій Гумбертъ, съ супругой Маргаритой и принцессой Маріею Савойскою. Пробыли $4^1/_2$ дня, и 21 Іюля отправились черезъ Кіевъ за границу. Принцъ Гумбертъ былъ уже здѣсь въ Москвѣ въ 1867 году. Онъ человѣкъ очень обходительный, но не оживленный и, кажется, мало интересуется тѣмъ чтó видитъ; наружность его очень странная, и глаза его точно дикіе. Но принцесса Маргарита весьма интересная и симпатичная личность; она очень привѣтлива, граціозна и образована; манеры ея только не царскія. Вчера, то-есть, 20 Іюля, я сопровождалъ ее къ Троицѣ, и во время нашего пути, посланникъ Нигра (chevalier Nigra) читалъ намъ великолѣпно свой переводъ Пушкинскаго «Пророка« и «Анчара», и своего собственнаго стихотворенія: «Ночная прогулка Сардинскаго короля Карла Алберта на полѣ сраженія». Хотя и не понимаю я по-итальянски, но Нигра такъ хорошо и пластично читалъ, что я понялъ главный смыслъ стихотворенія. Этотъ Нигра во многихъ отношеніяхъ замѣчательная личность. Прочія лица свиты ничего не представляютъ особеннаго. Маркиза Ментерепа, статсъ-дама, очень добрая и любезная дама; и всѣ кавалеры очень вѣжливые, привѣтливые и скромные люди.

---

[1]) Благодарю васъ, князь, за сердечное гостепріимство, встрѣтившее меня въ Москвѣ, этой колыбелѣ славы и преданій Русскаго народа.

[2]) Мы были побѣждаемы Русскими, чтó не мѣшаетъ намъ оставаться добрыми друзьями.

1876-й годъ.

1 Августа 1876 года. Прибыли въ Москву короли и королевы Датскіе и Греческіе, съ принцессой Тирой, принцемъ Вольдемаромъ и съ Цесаревной Великой Княгиней Маріей Θеодоровной и 3 Августа въ 9½ ч. вечера отправились обратно въ Петербургъ. Всѣ они были очень милы и любезны.

31 Августа. Вся Россія волнуется, негодуетъ на Турокъ за ихъ безчеловѣчную, звѣрскую войну; а особенно негодуетъ противъ нашей безцвѣтной политики, противъ нашего страха передъ Европой, и жаждетъ войны. Любовь и участіе къ Сербамъ, Болгарамъ и Черногорцамъ проявляются безпрестанно въ пожертвованіяхъ денежныхъ, въ отправкѣ волонтеровъ и даже въ манифестаціяхъ на улицѣ. 27 Августа, на Смоленской желѣзной дорогѣ, при отправленіи походной церкви и знамени въ Бѣлградъ, собралось множество народу, до 10.000 человѣкъ, которые, пропѣвъ народный гимнъ и «Спаси Боже люди Твоя» и, проводивъ отъѣзжавшихъ волонтеровъ самыми трогательными напутственными благословеніями, отправились обратно огромной толпой по Тверской, останавливались сперва передъ домомъ губернатора Дурново, потомъ генералъ-губернатора, съ пѣніемъ «Спаси Господи люди Твоя», дальше пошли къ Тверской и, наконецъ, къ монументу Минина и Пожарскаго. Толпа эта двигалась спокойно и весьма прилично; никакого буйства и скандала не происходило. Нашъ генералъ-губернаторъ въ опасеніи какихъ-нибудь безпорядковъ, и вся Московская полиція была въ тревогѣ.

28 Октября 1876 года. Сегодня на выходѣ во дворцѣ, въ Георгіевской залѣ, Государь произнесъ свою замѣчательную политическую рѣчь, которая произвела взрывъ восторга. «Ура» не умолкало, всѣ мы кричали и махали шляпами. Государь произнесъ свою рѣчь громкимъ и твердымъ голосомъ. Императрица стояла рядомъ съ нимъ, выраженіе ея лица было умилительное. Эта рѣчь затронула самыя живыя струны сердца, съ котораго какъ будто свалился тяжелый камень. Сегодня вечеромъ Дума собирается для написанія адреса, а завтра Московское дворянство въ экстра-ординарномъ собраніи.

1877-й годъ.

19 Декабря 1877 года. Государь возвратился въ Петербургъ и съ восторгомъ былъ принятъ. Его видъ произвелъ самое отрадное впечатлѣніе; хотя онъ и похудѣлъ, но бодрый духъ выражается въ его

лицѣ. Всѣ возвратившіеся съ нимъ говорятъ, что онъ былъ Ангеломъ-хранителемъ для арміи. Отзывы о Наслѣдникѣ самые благопріятные. Минута критическая, всѣ ожидаютъ какой-нибудь гадости со стороны Англіи.

20 Декабря. Утромъ участвовалъ въ коммиссіи у графа Ламздорфа на счетъ правильной отчетности въ Дворцовой Конторѣ; обѣдалъ съ братьями у Сушковыхъ, вмѣстѣ съ О. А. Новиковой и И. С. Аксаковымъ. Новикова недавно вернулась изъ Англіи, гдѣ, по ея словамъ, общественное мнѣніе не слишкомъ раздражено противъ Россіи; но придворная партія, съ королевой во главѣ и принцемъ Эдинбургскимъ, страшно озлоблены противъ Россіи. Вечеръ провелъ у княгини Е. А. Черкаской.

21 Декабря. Страшные стоятъ холода. Вечеромъ слушалъ чтеніе Юрьева, который слишкомъ размазываетъ свою лекцію и не мастеръ говорить, но читаетъ съ одушевленіемъ. Вечеромъ былъ у Нейдгардовъ и встрѣтилъ тамъ пріѣхавшаго изъ Малой Азіи, съ театра войны, Сергѣя Сергѣевича Бутурлина, который разсказывалъ, что наша армія сильно терпитъ отъ холоду и отъ недостатка горячей пищи, особенно подъ Эрзерумомъ.

22 Декабря. Сегодня пришла интересная и отрадная вѣсть о переходѣ отряда Гурко черезъ Балканы.

Обѣдалъ у княгини Н. В. Долгорукой; вечеръ провелъ у Аксакова, который теперь ищетъ послать въ Болгарію уполномоченнаго отъ Славянскаго Комитета, но такого не находитъ.

24 Декабря. Сочельникъ. Слушалъ вечерню въ Успенскомъ соборѣ; мною овладѣло отрадное, духовно-радостное чувство; разныя воспоминанія прошедшаго, и особенно о преосвященномъ Леонидѣ, посѣтили мою душу; было свѣтло на душѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и грустно. Служба Рождества Христова всегда производитъ на меня благодатное впечатлѣніе. Сегодня получены хорошія извѣстія изъ отряда г. Гурко; только ужасно то, что въ отрядѣ г. Дандевиля погибло столько людей отъ морозной бури. Что за ужасныя испытанія претерпѣваютъ наши геройскія войска; это истинные мученики!

25 Декабря. Слушалъ обѣдню въ Успенскомъ соборѣ; потомъ дѣлалъ разные визиты и былъ у митрополита Иннокентія. Видъ Троицкаго подворья всегда наводитъ меня на пріятныя воспоминанія. Обѣдалъ у барона Боде, а вечеръ окончилъ у графини Соллогубъ. Нынче пришло извѣстіе о занятіи Софіи. Слава Богу.

26 Декабря. Сегодня пришла телеграмма съ подробностями о переходѣ нашей арміи черезъ Балканы. Это удивительный подвигъ, это была битва Титановъ съ стихіями, съ бурями и со льдами. Преобра-

женскій полкъ отличался, и Николай Николаевичъ Вельяминовъ одержалъ блистательную побѣду. Я очень радъ за него, столь несчастнаго подъ Плевной. Подвигъ нашихъ войскъ можно только сравнить съ переходомъ Суворова черезъ Альпы. Что за герои наши офицеры и солдаты! Слухъ носится, что и дипломатія наша заговорила энергическимъ языкомъ съ Англіей. У Щербатовыхъ на вечерѣ говорили, что Радецкій спустился въ Шипку; все радостныя извѣстія.

27 Декабря. Все утро дѣлалъ визиты. Обѣдалъ у Батюшковыхъ съ Чертковыми, Свѣчиной, Дашковымъ и проч. Вечеръ у Нейдгарда и Шереметевыхъ.

29 Декабря. Радостная вѣсть о плѣненіи Шипкинской Турецкой арміи. Турки толкуютъ о перемиріи. Всѣ въ Москвѣ ликуютъ. Говорятъ, что Наслѣдникъ принимаетъ командованіе надъ Софійской арміей и что будто Обручевъ назначается къ нему въ начальники штаба. Аксаковъ получилъ письмо отъ Алабина изъ Болгаріи, который пишетъ, что, послѣ взятія Плевны, наши солдаты грабили лавки и многіе Болгарскіе дома. Сюда пріѣхалъ изъ Петербурга литераторъ Боборыкинъ и хочетъ прочесть нѣсколько лекцій о Славянскихъ земляхъ, съ цѣлью примирить взглядъ Петербургской интеллигенціи съ Московско-Византійскимъ и Православнымъ взглядомъ; онъ позитивистъ и вѣроятно не найдетъ отголоска въ Московской публикѣ.

30 Декабря. Былъ на молебнѣ въ Успенскомъ соборѣ по случаю разбитія Шипкинской арміи. Вечеромъ у Сушковыхъ, разговоръ М. В. Дурново съ Чичеринымъ о прогрессѣ вообще. Онъ утверждалъ, что не по всѣмъ частямъ человѣческой жизни замѣтенъ прогрессъ; напр. развитіе искусства въ нынѣшнее позитивное время совершенно незамѣтно. Греческому искусству художники не подражаютъ, тогда какъ оно есть достиженіе идеала вѣчной красоты. Впрочемъ, этотъ разговоръ былъ веденъ à bâtons rompus*).

1878-й годъ.

1 Января 1878 года. Годъ начинается подъ пріятнымъ впечатлѣніемъ успѣховъ нашего оружія. Турки всюду бѣгутъ, и Русское войско побѣждаетъ; но зима со всѣми ея ужасами даетъ себя жестоко чувствовать. Сегодня въ Успенскомъ соборѣ говорилъ Михаилъ, ректоръ Московской Духовной Академіи, прекрасную проповѣдь о чистотѣ сердца.

---

*) Изъ пятаго въ десятое.

5 Января. Сочельникъ. Слушалъ въ 12 часовъ обѣдню съ вечерней въ Архангельскомъ соборѣ, гдѣ для меня всегда особенно бываетъ отрадно. Обѣдалъ у гр. Ламздорфа; слушалъ всенощную у Рождества Богородицы и окончилъ вечеръ у Аксакова. Говорили про наши блистательныя дѣла военныя; кажется, что Русское правительство не согласится на перемиріе, а будетъ твердо и рѣшительно въ своихъ требованіяхъ. Сегодня въ «Моск. Вѣд.» напечатанъ замѣчательный рескриптъ Государя на имя Моск. ген.-губернатора кн. Долгорукова, по поводу его поздравленія съ Новымъ годомъ. Тамъ замѣчательно особенно то мѣсто, гдѣ говорится, что Москва, своимъ благимъ примѣромъ, явилась и въ настоящемъ случаѣ во главѣ Русскаго народа, доказавшаго свое сочувствіе къ цѣли *предпринятаго* въ минувшемъ году похода и къ геройскимъ подвигамъ побѣдоноснаго Русскаго воинства. Эти слова показываютъ, что правительство вступаетъ на путь народный и сочувствуетъ теперь тому стремленію народному, которое оно въ прошломъ году, особенно передъ началомъ кампаніи, преслѣдовало, и за какое сочувствіе между прочимъ Аксаковъ получилъ два раза выговоръ. Времена мѣняются и, слава Богу, въ этомъ случаѣ къ лучшему.

6 Января. Слушалъ обѣдню въ Кремлѣ, смотрѣлъ изъ дворца на крестный ходъ. Обѣдалъ у Дурновыхъ; разговоръ коснулся до управленія Краснаго Креста и взгляда правительства на Славянскій вопросъ. Марья Васильевна разсказала, что еще недавно она узнала, что Императрица была недовольна воззваніемъ отъ Московскаго склада къ публикѣ о пособіяхъ въ пользу раненыхъ, написаннымъ Аксаковымъ, такъ какъ тамъ вставлена была фраза политическаго значенія; за это конечно не было никакого выговора, но Исаковъ писалъ къ Марьѣ Вас., чтобы впредъ всякая публикація отъ учрежденія Краснаго Креста была подвергаема цензурѣ мѣстнаго управленія. Вечеромъ былъ на представленіи въ Двор. Клубѣ, въ пользу Краснаго Креста, гдѣ г. Правдинъ читалъ «Записки Сумасшедшаго» Гоголя; онъ былъ одѣтъ въ халатѣ сумасшедшаго и представлялъ эту сцену съ большимъ искусствомъ; только это представленіе произвело на меня самое тяжелое впечатлѣніе: оно слишкомъ реально, и никогда такого рода сцены не должны быть представляемы въ лицахъ.

9 Января. Обѣдня у б. Боде въ день Св. Филиппа. Все вниманіе Россіи обращено теперь на ожидаемый миръ; говорятъ, что Болгарія, хотя и будетъ независимымъ государствомъ, но останется однако вассальнымъ, то-есть какъ бывшая Сербія будетъ платить дань Турціи, что̀ многихъ смущаетъ. Въ настоящую минуту, когда побѣдоносная наша армія не встрѣчаетъ никакихъ препятствій, когда разбросанные Турецкіе отряды бѣгутъ передъ нашими героями, когда Англія изоли-

рована и не можетъ намъ представить какихъ-либо матеріальныхъ препятствій, зачѣмъ бы, кажется, не докончить окончательно Славянскаго дѣла, и не дать полной независимости Болгаріи, разбивъ въ прахъ этотъ кошемаръ, созданный Европой для нашего запугиванья? Конечно Европа, насъ вполнѣ ненавидящая, придетъ въ негодованіе отъ разсѣченія мечемъ Гордіева узла; но для чего же обращать вниманіе на эту ненависть, и для чего заискивать милости Европы въ такую благопріятную для насъ минуту? А эта ненависть вездѣ проявляется. Недавно вышелъ 3-й томъ книги Martin о жизни du Prince-Consort, Альберта, исполненный злобы и негодованія противъ Россіи. Въ Mémoires du prince de Gentz тоже трактуютъ Россію какъ недостойную занимать мѣсто между Европейскими державами. Причина этой ненависти кроется въ антипатіи народовъ къ Славянскому племени и въ какомъ-то роковомъ невѣжествѣ относительно Россіи, которую иныя личности начали серьезно теперь изучать и съ ней примиряться, но какъ только ихъ націи вступаютъ во враждебныя отношенія къ Россіи, такъ и они присоединяются къ общему враждебному хору и забываютъ все то, что̀ пріобрѣли изученіемъ Россіи. А мы, подобострастные поклонники Запада, только расшаркиваемся передъ Европой и желаемъ заслужить ея милости, во зло своей личности, которую отрицаемъ, и дѣлаемся космополитами, дабы прослыть людьми просвѣщенными. Богъ дастъ, эта война насъ отрезвитъ и сдѣлаетъ насъ болѣе самостоятельными.

11 Января. Нынче былъ на молебствіи въ Успенскомъ соборѣ, по случаю побѣды одержанной Гурко. Наше войско идетъ тріумфаторомъ, только не знаемъ, дойдетъ ли оно до Константинополя при общемъ ликованіи; всѣ тревожатся на счетъ условій мира, которыя мы предпишемъ Туркамъ. Вечеромъ у графини М. Ѳ. Соллогубъ говорили, какъ бы было утѣшительно, еслибъ Русскіе въ Константинополѣ водрузили крестъ надъ храмомъ Св. Софіи, но увы! кажется, что эта мысль одна химера. Впрочемъ увидимъ: черезъ нѣсколько дней мы должны узнать о требованіяхъ нашего правительства.

12 Января. Наши войска вступили въ Адріанополь, а главныя наши силы идутъ на Галиполи; кажется, что мы побываемъ и въ Царьградѣ: всѣ препятствія сглаживаются. Англія примирилась съ этою мыслію. Только въ Германіи и Австріи Славяне смотрятъ недоброжелательно на предполагаемое присоединеніе Герцеговины и Босніи къ Австріи; вчера Нилъ Поповъ получилъ письмо отъ профессора изъ Берлина, гдѣ онъ выражаетъ свое негодованіе на то, что Россія допуститъ присоединеніе Босніи и Герцеговины къ Австріи, этихъ двухъ племенъ, которыя начали возстаніе и открыли путь къ освобож-

денію христіанъ.—О. А. Новикова получила письмо отъ Фримана изъ Англіи, гдѣ онъ, выражая свое сочувствіе къ Россіи, надѣется, что она заключитъ самый блистательный миръ и не пожалѣетъ Турокъ.

13 Января. Нынче пріѣхавшіе изъ Петербурга Шиповы сообщили, что наша армія до Галиполи не дойдетъ, а займетъ только узелъ желѣзной дороги, *Демотику*; но рѣшено идти и занять Константинополь. Изъ Петербурга выѣхалъ графъ Игнатьевъ, для веденія переговоровъ и для даванія совѣтовъ. Наша главная квартира не богата умными людьми, и присутствіе Игнатьева тамъ можетъ быть очень полезно. Обѣдалъ сегодня у Дурновыхъ, гдѣ опять нападали на И. С. Аксакова за его рѣчь, сказанную въ Славянскомъ Комитетѣ еще въ Сентябрѣ.—Здѣсь носится слухъ о пріѣздѣ какихъ-то депутатовъ отъ студентовъ Петербургскаго Университета къ Московскимъ студентамъ, приглашающихъ ихъ подписать адресъ или прошеніе къ Государю о помилованіи недавно судимыхъ въ Петербургѣ политическихъ преступниковъ, дѣлавшихъ на судѣ разныя безобразія. Все это дѣло, по отзыву свѣдущихъ людей, было ведено безтолково и неосмотрительно: похватали этихъ безобразниковъ огромное число, продержали три года въ заключеніи, смѣшавъ истинно-виновныхъ съ легко прикосновенными къ дѣлу; потомъ принуждены были выпустить на свободу весьма значительное количество и судили, наконецъ, раздраженную толпу, которая только производила скандалы въ засѣданіяхъ.

15 Января. Общее смущеніе во всемъ обществѣ по поводу слуховъ объ условіяхъ будто нами предложенныхъ Турціи; дай Богъ, чтобъ эти слухи не оправдались! Это будетъ ужасно и унизительно для насъ, если точно эти условія оправдаются.

19 Января. Опять продолжается сбивчивость въ телеграммахъ объ условіяхъ мира; всѣ недоумѣваютъ. Катковъ сегодня, какъ говорятъ, повеселѣлъ и увѣренъ, что Государь не сдѣлаетъ никакихъ уступокъ, особенно въ отношеніи къ Болгаріи. Но Аксаковъ все еще въ мрачномъ настроеніи. Можно только положительно сказать, что въ Англіи и Австріи ведется сильная интрига противъ нашихъ условій мира.

28 Января. Вчера появились въ газетахъ наши условія мира, которыя всѣхъ обрадовали; нѣкоторые только предвидятъ, что на конференціи, на которой представителемъ Россіи будетъ князь Горчаковъ, мы уступимъ; но я надѣюсь и вѣрую въ сердечную мудрость Государя, что дѣло кончится со славою для Россіи.

3 Февраля. Всѣ эти дни ожидали вступленія нашихъ войскъ въ Константинополь; но сегодня пришло извѣстіе, будто Англія воспротивилась этому. Есть слухи изъ Зимняго дворца, что Государь находится въ твердомъ и непреклонномъ настроеніи, и никакія дипломати-

ческія махинаціи не сведутъ его съ пути избавленія христіанъ отъ магометанскаго ига. Надо терпѣливо ожидать*).

13 Февраля. Тревожное политическое положеніе продолжается. Турки, подстрекаемые Англичанами, особенно при видѣ Англійскаго флота, стоящаго въ Босфорѣ, медлятъ подписывать условія мира. Всѣ здѣсь находятся въ ожиданіи и въ тревогѣ. Англичане и Австрія такъ озлоблены противъ Россіи, что хотятъ во всякомъ случаѣ, и въ послѣднюю минуту, вырвать у насъ блескъ нашихъ побѣдъ и стушевать наши успѣхи. Вѣроятно миръ будетъ заключенъ, но не тотъ миръ радостный и славный, котораго мы ожидали.

24 Февраля. Смерть князя Черкаскаго очень печальное событіе.

5 Марта. Сегодня утромъ, въ Славянскомъ Благотворительномъ Обществѣ, И. С. Аксаковъ сказалъ прекрасное слово о князѣ Черкаскомъ, гдѣ онъ весьма разумно объяснялъ между прочимъ тѣ упреки, которые падали на него со всѣхъ сторонъ, въ его честолюбіи, будто единственномъ двигателѣ его государственной и общественной дѣятельности; и двумя крупными обстоятельствами, какъ отказомъ продолжать службу въ Царствѣ Польскомъ и настойчивостью въ подачѣ думскаго адреса, оправдывалъ его отъ этого обвиненія. Главнымъ двигателемъ Черкаскаго была любовь къ Россіи и къ народу Русскому; а увѣренность его въ пользѣ, которую онъ могъ принести своей службой, заставила его называться на службу. Онъ ревновалъ о такой дѣятельности, но вмѣстѣ съ тѣмъ возбуждалъ иронической стороной своего характера зависть и подозрѣніе большей части общества, а своими талантами и откровенностью, всегда иронически выражаемой, кололъ глаза государственнымъ посредственностямъ.—Сегодня утромъ слушалъ обѣдню въ Богоявленскомъ монастырѣ. Амвросій сказалъ прекрасное слово о покаяніи (2. п. къ Коринѳянамъ, глава VII, ст. 9). Потомъ онъ сказалъ нѣсколько сочувственныхъ и разумныхъ словъ въ память покойнаго князя Черкаскаго.

*

Здѣсь, къ сожалѣнію, кончаются любопытныя замѣтки С. М. Сухотина. († 1886). Въ бумагахъ его осталась еще небольшая автобіографическая записка, которую читатели прочтутъ съ удовольствіемъ, такъ какъ они конечно полюбили добраго, честнаго, просвѣщеннаго и отзывчиваго Москвича. П. Б.

---

*) Къ несчастью, у насъ не было прямой проволоки до Санъ-Стефано, и сношенія Петербурга съ главною квартирою нашихъ войскъ происходили через Германскаго посла въ Константинополѣ князя Рейса. А между тѣмъ сокровища султана увозили на Азіатскій берегъ, и Константинопольскія казармы готовились для пріема побѣдителей. П. Б.

АВТОБІОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАПИСКА С. М. СУХОТИНА.

Москва 15 Апрѣля 1875 года.

Родился я въ Москвѣ, 18 Мая 1818 года, на Большой Якиманкѣ, въ домѣ бывшемъ Денисьева, и крещенъ въ приходской церки Іоакима и Анны. Начинаю себя помнить съ 7-ми-лѣтняго возраста, въ 1825 году, когда мы жили въ деревнѣ, въ нашемъ миломъ гнѣздѣ, селѣ Кочетахъ, Новосильскаго уѣзда. Семейство наше было большое, и мы жили въ деревнѣ довольно оживленно. Въ залѣ былъ устроенъ театръ съ декораціями и занавѣсью, гдѣ мы, т. е. дѣти и пріѣзжіе родственники, игрывали, когда приходились торжественные семейные праздники. Въ устройствѣ механизма участвовали нашъ отецъ и нѣкоторые изъ самыхъ ловкихъ дворовыхъ людей. Помню, что пьеса самая модная въ нашемъ невинномъ репертуарѣ была Agar dans le désert, гдѣ Ангелъ спускался на землю въ какой-то люлькѣ, а источникъ воды былъ представленъ посредствомъ самовара, поставленнаго сзади декораціи. Въ одну изъ репетицій театральныхъ, въ концѣ Ноября или началѣ Декабря 1825 года, вечеромъ, мы услыхали звонъ колокольчика и стукъ экипажа, подъѣхавшаго къ крыльцу. Пришли доложить отцу, что пріѣхалъ становой, который привезъ извѣстіе о смерти государя Александра Павловича. Отецъ весь въ слезахъ пришелъ намъ объ этомъ объявить, и мы дѣти, не имѣвшіе понятія о Государѣ, тоже принялись плакать. На эти рыданія прибѣжала мать, и наша театральная зала превратилась въ сцену плача, который конечно недолго продолжался. Помню, что на другой день пріѣхалъ священникъ, и отецъ присягалъ новому государю Константину Павловичу. Вообще жизнь наша въ деревнѣ, въ продолженіи четырехъ лѣтъ сряду, протекала тихо и пріятно. Родители наши любили насъ всей душой и заботились, главное, объ нашемъ благополучіи. У насъ былъ гувернеръ-Французъ, Жераръ (m-r Gérard), большой невѣжда по части педагогіи, но былъ хорошъ тѣмъ, что пріучилъ насъ братьевъ къ Спартанской дисциплинѣ, къ перенесенію усталости, къ прогулкѣ во всякую погоду, къ раннему и быстрому вставанью, къ холодной спальнѣ. Я ему очень благодаренъ за внушеніе такихъ хорошихъ привычекъ, которыя мнѣ облегчили тягости военной дисциплины, въ началѣ моей гвардейской службы.

Этотъ Жераръ, проживъ у насъ два года, отправился на короткое время для свиданія съ родителями къ себѣ на родину, близъ Седана и

Мезьера, откуда вернулся опять къ намъ съ младшимъ своимъ братомъ Гюберъ (Hubert), 15-ти-лѣтнимъ, весьма добрымъ и благороднымъ юношей, но совершенно неотесаннымъ. Хотя мы и всѣ сосѣди наши жили очень скромно и просто, но Гюбера поражала даже и эта скромная обстановка. Помню, что разъ, стоя со мною на балконѣ и увидавъ ѣхавшихъ къ намъ на охотничьихъ старинныхъ дрожкахъ (или въ долгушѣ) сосѣдей нашихъ князей Голицыныхъ, совсѣмъ не щеголеватыхъ, Гюберъ воскликнулъ: Les princes! Mais où est donc leur suite *)? Мы вмѣстѣ учились съ этимъ Гюберомъ и очень подружились.

Изъ родственниковъ нашихъ, верстахъ въ 40, близъ Орла, жило семейство Павловыхъ, веселые, умные и симпатичные люди. Они къ намъ часто ѣзжали, и пріѣздъ ихъ былъ для насъ всегда праздникомъ. Отецъ ихъ, мой дядя, Василій Никитичъ, былъ типъ Русскаго, добраго толковщика, умнаго балагура, котораго всѣ любили, отъ стараго до малаго, и который всѣмъ возрастамъ умѣлъ угождать своими разговорами. Онъ очень любилъ играть въ шашки, и когда живалъ въ Москвѣ, то ходилъ играть съ купцами къ нимъ въ лавки. Жена его, моя тетка, Анна Михайловна Павлова (р. Соковнина), недавно умершая, была женщина особенно добрая, умная, литературно-образованная, и писала премилые стихи. При этомъ оба эти симпатичные супруги были беззаботны на счетъ своихъ дѣлъ, всегда нуждались въ деньгахъ, но не унывали.

Въ нашемъ сосѣдствѣ жилъ одинъ отставной морякъ Алексѣй Ивановичъ Веревкинъ, старый холостякъ и великій чудакъ; онъ былъ большой пріятель моего отца. Это было смѣшеніе самыхъ благородныхъ, высокихъ чувствъ, самоотверженія, независимости, искренней дружбы, съ деспотизмомъ, развратомъ и самодурствомъ помѣщичьей власти. Онъ серьезно хлопоталъ о благосостояніи своихъ крестьянъ, снабжалъ нуждавшихся деньгами и хлѣбомъ, но при этомъ, если замѣчалъ, что облагодѣтельствованный имъ домохозяинъ не поправляется и что не въ пользу ему пошло пособіе барское, онъ его призывалъ, читалъ ему мораль и отдиралъ немилосердно на конюшнѣ. Отецъ мой, человѣкъ очень добрый, которому Веревкинъ былъ душевно преданъ, часто смягчалъ и останавливалъ его въ порывахъ барскаго гнѣва. Какъ старый морякъ, Веревкинъ вводилъ въ своемъ домашнемъ хозяйствѣ корабельный порядокъ, и аккуратности былъ неимовѣрной, доходившей иногда до комизма. Онъ былъ страстный псовый охотникъ и развилъ во мнѣ эту страсть, дарилъ собакъ и вообще воспламенялъ во мнѣ это врожденное чувство. Его пріятель и товарищъ по охотѣ былъ князь Александръ Борисовичъ Голицынъ, который тоже возбуждалъ во мнѣ, съ моего дѣтства, страсть къ псо-

*) Князья! Да гдѣ же ихъ свита?

вой охотѣ, сдѣлавшейся моимъ любимымъ удовольствіемъ, и въ продолженіи моей 10-ти-лѣтней службы въ гвардіи, во времена самыя строгія, при Великомъ Князѣ Михаилѣ Павловичѣ, я находилъ возможность, подъ разными большею частію выдуманными предлогами, выхлопатывать себѣ отпускъ каждогодно осенью. Любовь къ охотѣ усиливалась еще любовью къ тѣмъ мѣстамъ роднаго края, которыя дѣйствовали всегда на мое юношеское поэтическое воображеніе. Счастливые годы моего дѣтства и юношества, проведенные въ деревнѣ, въ дружномъ нашемъ семействѣ, подъ руководствомъ честныхъ, добрыхъ и горячо насъ любившихъ родителей, подѣйствовали благотворно на мой характеръ, развили во мнѣ любовь къ людямъ и къ природѣ и возбудили то стремленіе къ идеаламъ, безъ котораго жизнь теряетъ всякую прелесть.

Тихо и спокойно протекала наша жизнь въ Москвѣ и въ деревнѣ до первой моей поѣздки въ Петербургъ, въ Іюнѣ 1833 года, со всѣмъ семействомъ, для опредѣленія старшаго моего брата Ѳедора въ Юнкерскую школу. Мы отправились въ путь въ своихъ экипажахъ, но на почтовыхъ, и на пути заѣзжали въ Нилову пустынь, близъ Осташкова. Дорога идетъ черезъ дремучіе лѣса, мимо маленькихъ монастырей или пустынь, куда большею частію ссылаютъ на покаяніе разныхъ провинившихся духовныхъ лицъ. Нилова пустынь, по своему благообразію, произвела тогда на насъ самое благопріятное впечатлѣніе. Въ Петербургъ мы ѣхали по прекрасной погодѣ; везли насъ скоро, и ямщики тогда по этому тракту отличались ловкостью и молодечествомъ. Между ними нерѣдко попадались хорошіе пѣсенники. Помню, какъ однажды ночью насъ плѣнялъ ямщикъ своимъ пѣніемъ: *Зима ты моя, зимушка!* Тогда ямщики Русскіе были типичны; ils avaint la figure de l'emploi *).

Въ Петербургъ мы пріѣхали поздно вечеромъ, и признаюсь, что первое впечатлѣніе при въѣздѣ было самое неблагопріятное. Для насъ была нанята квартира на Сергіевской. Вскорѣ возвратились въ Петербургъ наши родные, семейство Фанъ-деръ-Флитъ, и съ этихъ поръ начинается романическая сторона моей жизни. Я былъ восхищенъ моей прелестной кузиной и совершенно ей заполоненъ. Эти три мѣсяца, проведенные мною въ Петербургѣ, въ однихъ развлеченіяхъ, parties de plaisir, въ обществѣ de la dame de mes pensées, прошли для меня какъ очаровательный сонъ, и я тутъ же рѣшился, черезъ два года, поступить также юнкеромъ въ Школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ.

Лѣто было жаркое, и мы съ братомъ часто ходили купаться въ купальню, что́ противъ Лѣтняго сада. Однажды увидѣли мы

---

*) Ихъ внѣшность соотвѣтствовала ихъ должности.—Куда дѣлись эти войлочныя шляпы черепенникомъ? П. Б.

между купавшимися кудрявую черную голову человѣка, который насъ поразилъ своей особенной, замѣчательной физіономіей. Онъ подплылъ къ намъ и сталъ насъ учить плавать по всѣмъ правиламъ искусства *). Это былъ Пушкинъ, имя котораго произнесъ вошедшій въ купальню князь Петръ Андреевичъ Вяземскій. Мы были въ восторгѣ и цѣлый день потомъ говорили объ этомъ счастьи: такое чарующее вліяніе имѣлъ Пушкинъ на молодежь.

Въ это время я познакомился въ Петербургѣ со многими молодыми людьми, пріятелями и товарищами моего двоюроднаго брата Ѳедора Тимоѳѣевича Фанъ-деръ-Флита, весьма образованными и особенно интересующимися литературой. Такъ какъ тогда политика, земское дѣло и внутренняя администрація никого не интересовали, и собственно дѣло просвѣщенія было достояніемъ одного дворянскаго класса, то весьма естественно, что молодежь болѣе или менѣе избранная предавалась всей душой занятіямъ литературнымъ. Изъ Французскихъ писателей болѣе всѣхъ интересовались: Cousin, Guizot и Thiers. Англійская литература не была, какъ теперь, въ большомъ ходу; потому что вообще мало учились Англійскому языку, особенно мущины, а, главное, родители хлопотали о томъ, чтобъ дѣти ихъ бойко говорили по-французски. Многіе, коверкая языкъ, грассировали нарочно, думая черезъ это походить на Французовъ.

Проведя въ Петербургѣ все лѣто 1833 года, послѣ поступленія брата Ѳедора въ Школу подпрапорщиковъ, мы въ Октябрѣ отправились обратно въ Москву и заѣзжали въ гости въ Дмитровскій уѣздъ, с. Храброво, къ нашимъ роднымъ и друзьямъ князьямъ Оболенскимъ; а въ Ноябрѣ поселились опять въ нашемъ домѣ въ Москвѣ, гдѣ я принялся снова за свое ученье, сперва имѣя въ виду приготовленіе къ Университету. Но ученье шло съ грѣхомъ пополамъ, безъ опредѣленной цѣли, и часто нарушалось удовольствіями, театрами и дѣтскими балами, которые тогда въ Московскомъ обществѣ были довольно часты. Сердце у меня было не камень, я былъ очень впечатлителенъ и влюблялся во многихъ тогда изъ моихъ сверстницъ, изъ которыхъ особенно была плѣнительна Варинька Жихарева, вышедшая потомъ замужъ за князя Элима Мещерскаго и надѣлавшая много шуму своими похожденіями; у ея родителей бывали очень милые балы. Изъ плѣнявшихъ меня барышенъ были графиня Любовь Апраксина, теперь старушка, жена князя С. П. Голицына, Настенька Урусова, знаменитая теперь Мальцова. Модными кавалерами были: братья князья Мещерскіе и многочисленные, не переводящіеся въ

*) Разсказъ о томъ помѣщенъ С. М. Сухотинымъ въ «Р. Архивѣ» 1864, стр. 1083. П. Б.

Москвѣ князья Оболенскіе. (Часть этого лѣта 1834 г. описана въ моемъ журналѣ, который я велъ тогда по-французски).

Лѣто 1834 года мы провели по обыкновенію въ милыхъ Кочетахъ. Зиму 1835 года жили мы въ Москвѣ, и тогда рѣшено было для меня готовиться къ поступленію на слѣдующую осень въ Школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ. Изъ учителей, ходившихъ ко мнѣ на домъ, я сохранилъ особенное воспоминаніе о Павлѣ Степановичѣ Щепкинѣ, который училъ меня математикѣ и былъ вмѣстѣ съ тѣмъ самый любезный, остроумный и живой человѣкъ. Бывши домашнимъ человѣкомъ у графа Петра Александровича Толстаго, онъ встрѣчался тамъ съ разными тогда знаменитыми личностями и говорилъ съ восторгомъ о любезности и оживленномъ разговорѣ князя Александра Николаевича Голицына. Моимъ учителемъ Русской граматики и риторики былъ знаменитый Бѣлинскій, біографіи котораго Пыпинъ посвятилъ столько любопытныхъ статей, что мнѣ нечего описывать его характеръ и вліяніе на литературу; но я вспоминаю нѣкоторыя его нравственныя черты и выходки, которыя могутъ имѣть интересъ для его поклонниковъ. Бѣлинскій тогда былъ очень молодъ, пылокъ, какъ всегда нервенъ и не зналъ предѣловъ своимъ умственнымъ и душевнымъ увлеченіямъ. Наши уроки проходили больше въ самыхъ разнообразныхъ, живыхъ разговорахъ и спорахъ, особенно по поводу театра.

Въ этотъ годъ весной пріѣзжалъ въ Москву Каратыгинъ съ своей женой, въ сопровожденіи своего друга Нестора Васильевича Кукольника, и я познакомился съ Каратыгиными у Сарачинскихъ, моихъ пріятелей и сверстниковъ, отецъ которыхъ, Илья Степановичъ, отставной генералъ, былъ великій хлѣбосолъ, самъ любилъ веселиться, былъ игрокъ, ловеласъ, театралъ и конечно поклонникъ старинной Французской драмы 18-го столѣтія. Онъ зналъ наизустъ почти всего Корнеля и Расина и былъ поклонникомъ Каратыгиныхъ, которымъ задавалъ обѣды на славу. Намъ мальчишкамъ было очень пріятно и даже лестно находиться въ обществѣ знаменитостей театральныхъ и слушать послѣ обѣда декламацію г-жи Каратыгиной, которая иногда читала по-французски избранныя мѣста изъ Французскихъ трагиковъ. При этомъ Кукольникъ, всегда ходившій на ходуляхъ, бывалъ даже въ комическомъ паѳосѣ и возбуждалъ еще болѣе нашъ юношескій восторгъ, подогрѣтый и подкупленный всей этой обстановкой; такъ что, при первомъ представленіи Каратыгинымъ короля Лира, мы апплодировали до неистовства. Тогда въ Москвѣ при «Телескопѣ» издавалась «Молва», гдѣ Бѣлинскій писалъ театральную хронику и, какъ цѣнитель-поклонникъ Мочалова, явился ярымъ противникомъ Каратыгина. Во время нашихъ уроковъ онъ преслѣдовалъ и бранилъ меня

за мое поклоненіе Каратыгину и объявилъ мнѣ, что если я съ моими друзьями буду апплодировать Каратыгину въ его бенефисъ въ драмѣ Кукольника «Роксолана», то онъ засвищетъ и зашипитъ на насъ. Такъ и случилось: въ ту минуту когда мы захлопали, восхищаясь какой-то сценой этой безобразной драмы, я, услыхавъ сзади себя свистъ и шипѣнье, обернулся и увидалъ Бѣлинскаго, мечущаго на насъ негодующіе взоры. Потомъ, въ антрактѣ, онъ подошелъ ко мнѣ и говорилъ, что сдержалъ свое слово. Черезъ нѣсколько лѣтъ я самъ понялъ негодованіе Бѣлинскаго противъ сочиненій Кукольника, которыя отличались натянутостью и иногда комическою претензіею на эффектъ. Этотъ минутный восторгъ, или скорѣе какое-то опьяненіе отъ игры Каратыгина, вскорѣ во мнѣ испарилось, и всѣ мои сценическія симпатіи обратились опять къ незабвенному Мочалову, производившему уже однимъ своимъ голосомъ чарующее дѣйствіе на зрителей. До сихъ поръ не могу забыть его игры въ «Гамлетѣ», его глубоко прочувствованныхъ словъ и его лица, проникнутаго грустью, вызывавшаго слезы у зрителей. Въ воспоминаніяхъ о немъ, читанныхъ въ нынѣшнемъ году въ Обществѣ Любителей Русской Словесности Кублицкимъ *), прекрасно выражены достоинства Мочалова и то глубокое впечатлѣніе, которое его игра производила на публику.

Возвращаясь къ Бѣлинскому, съ которымъ мы занимались недолго, я долженъ сказать, что его разговоры и споры, пропитанные искреннею любовью къ искусству и Русской литературѣ, оставили во мнѣ самое живое и благотворное воспоминаніе и посѣяли въ моей душѣ чувство негодованія противъ лжи, претензіи плаксивой сентиментальности въ литературныхъ произведеніяхъ....

Въ Маѣ мѣсяцѣ онъ долженъ былъ, за недосугомъ, отказаться отъ занятій со мной, и мы съ нимъ разстались на нѣсколько лѣтъ; потомъ свидѣлись въ Петербургѣ въ 40-хъ годахъ, въ другихъ обстоятельствахъ, которыя его раздражали, и когда исчезла въ немъ, конечно, его первая юношеская свѣжесть чувствъ и впечатлѣній. Потомъ уже въ 1848 году я свидѣлся съ нимъ въ Петербургѣ у И. И. Панаева, этого диллетанта, у котораго бывали литературные вечера, оживляемые пламенными и нервными рѣчами Бѣлинскаго, игравшаго тамъ роль оракула и пророка и составлявшаго предметъ восторговъ и удивленія молодыхъ нашихъ, начинавшихъ свою карьеру литераторовъ, какъ Тургенева, Григоровича, Гончарова и прочихъ. Въ Бѣлинскомъ было столько жару, столько негодованія противъ лжи, лицемѣрія и сентиментальности въ литературѣ, столько участія къ ду-

---

*) Эта статья о Мочаловѣ напечатана въ „Р. Архивѣ“ 1875, III, 484. П. Б.

ховной и художественной Русской жизни, что нельзя было не увлекаться его разговоромъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ отсутствіе въ немъ образованія, воспитанія и религіознаго чувства часто дѣйствовали на меня непріятнымъ образомъ, особенно когда онъ осмѣивалъ Православіе и глумился надъ Русской Исторіей, представляющей, по его понятіямъ, особенно до Петра, одинъ рядъ безобразій и гнусностей. Молодежь, составлявшая этотъ кружокъ, ему вторила и рукоплескала. Между ними были, какъ всегда водится, своего рода льстецы, хлыщи и шуты, изъ которыхъ отличался между прочимъ одинъ маіоръ Путей Сообщенія Комаровъ, великій болтунъ и либералъ. Эти оживленные вечера оканчивались ужиномъ, къ которому иногда являлся Костя Булгаковъ, всегда почти на веселѣ и съ запасомъ довольно остроумныхъ анекдотовъ.

Въ 1835 году я былъ опредѣленъ въ Школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ и держалъ вступительный экзаменъ вмѣстѣ съ моими Московскими друзьями тремя братьями Сарачинскими, съ Александромъ Егоровичемъ Тимашевымъ, теперешнимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ и Александромъ Львовичемъ Потаповымъ, теперешнимъ шефомъ жандармовъ. Начальникомъ школы тогда былъ генералъ Шлиппенбахъ, отличавшійся своимъ невѣжествомъ и дубоватостью. Присутствуя на экзаменѣ Исторіи, онъ былъ очень скандализированъ, когда я, на доставшійся мнѣ вопросъ объ основаніи Рима, отвѣчалъ съ увѣренностью Московскаго юноши, что вскормленіе Ромула и Рема волчицею можно отнести къ временамъ баснословнымъ и легендарнымъ, и что этому событію нельзя придавать вѣроятія. Тогда учитель-экзаменаторъ, поставившій мнѣ полные балы, замѣтилъ однако, что я напрасно въ этомъ сомнѣваюсь, а ген. Шлиппенбахъ своимъ басовымъ голосомъ, покачивая головой, сказалъ мнѣ: «это не хорошо, молодой человѣкъ, что вы не вѣрите; надо вѣрить въ то что̀ вы учите» и, обращаясь къ присутствовавшему при этомъ моему отцу: «Вашъ сынъ бойко отвѣчалъ, но жаль, что не вѣритъ». Вообще я выдержалъ очень хорошо вступительный экзаменъ и въ Сентябрѣ поступилъ въ Школу, гдѣ первое время, послѣ тихаго, домашняго воспитанія, мнѣ было дико, неудобно и грустно. Но вскорѣ я привыкъ: товарищи были большею частію добрые и хорошіе ребята. Фельдфебелемъ у насъ былъ Василій Ѳедоровичъ Ралль, теперешній дивизіонный командиръ, очень живой человѣкъ, добрый товарищъ и умно воспитанный. Мнѣ самые близкіе товарищи были Сарачинскіе, Василій Ивановичъ Литвиновъ, Александръ Павловичъ Дегай, теперь почетный опекунъ въ Москвѣ, одинъ Живковичъ, объ которомъ и слухъ простылъ, Михаилъ Сумароцкій, Александръ Тимашевъ, мой родственникъ князь Николай Алексѣевичъ Оболенскій, Александръ Ивановичъ Бибиковъ, Лопатинъ и прочіе

(почти всѣ эти лица уже умершія). По праздникамъ, т. е. наканунѣ вечеромъ, насъ отпускали къ родственникамъ со двора, и я ходилъ къ теткѣ своей Татьянѣ Ѳедоровнѣ Фанъ-деръ-Флитъ, куда меня влекла особенно сильная симпатія къ двоюродной моей сестрѣ, прелестной Александрѣ Тимофѣевнѣ (потомъ за мужемъ за Алединскимъ и давно уже умершей). При роспускѣ, всѣ юнкера съ шумной радостью выбѣгали изъ Школы, куда возвращались конечно съ грустью и съ сладкими воспоминаніями о проведенномъ времени дома. Многіе приносили тайкомъ, въ киверѣ или кулькѣ за тесакомъ, разную провизію, лакомства и даже бутылочки съ наливкой или виномъ, что́ считалось конечно сильной контрабандой. Великимъ постомъ, въ Школѣ, насъ кормили постнымъ на первой и страстной недѣляхъ и по Середамъ и Пятницамъ, остальное время давали скоромное. Я же, воспитанный въ старинномъ Московскомъ домѣ, желая соблюдать весь постъ, вмѣстѣ съ моимъ товарищемъ Бибиковымъ, запасался обыкновенно, возвращаясь въ Школу, разными постными снѣдями, которыми мы съ нимъ и питались въ продолженіе недѣли.

Помню, какъ разъ вечеромъ, послѣ ужина, передъ сномъ, когда всѣ мы ходили уже въ растегнутыхъ курткахъ, и фельдфебель нашъ Ралль чѣмъ-то лакомился на своемъ столикѣ, вдругъ входитъ Государь Николай Павловичъ съ веселымъ лицемъ и кричитъ, чтобъ мы всѣ его окружили. Тогда онъ вынулъ изъ кармана и прочелъ письмо отъ Наслѣдника, который писалъ ему о своихъ счастливыхъ впечатлѣніяхъ изъ чужихъ краевъ, гдѣ Наслѣдникъ тогда путешествовалъ. Не припомню только теперь, о чемъ было писано, но помню радостное лице Государя и то, что онъ не обратилъ никакого вниманія на бутылку съ наливкой и разныя съѣстныя контрабанды, стоявшія близъ его на столикѣ. Провожали и встрѣчали мы его, какъ всегда водилось, съ шумомъ и криками радости.

Въ 1837 году, 29 Января, день кончины А. С. Пушкина, мы возвратились въ Школу, какъ обыкновенно, въ 9 часовъ вечера, и тамъ узнали о смерти Пушкина. Это извѣстіе насъ глубоко тронуло, такъ что многіе проливали слезы; вмѣсто того чтобы ложиться въ назначенное время спать, подпрапорщики стали сходиться группами, толковать объ этомъ грустномъ событіи, и къ тому же раздраженные разсказами нашихъ остававшихся дома товарищей о придиркахъ и дерзостяхъ вновь поступившаго дежурнаго офицера Насѣкина еще болѣе заволновались, стали дерзко отвѣчать этому Насѣкину на его увѣщанія успокоиться, и когда легли въ постель, то преслѣдовали криками и свистками проходившаго по спальнямъ дежурнаго офицера. На другой день явился генералъ Шлиппенбахъ, сказалъ намъ

грозную рѣчь и, по докладѣ его Великому Князю объ этомъ событіи, мы были оставлены въ Школѣ на цѣлый мѣсяцъ и лишены права ходить со двора. Такъ мы заплатили за нашъ энтузіазмъ или волненіе, вызванное вѣстью о смерти обожаемаго нами Пушкина.

Курсъ ученья былъ весьма незначительный. Большое вниманіе конечно было обращено на фронтъ, ружейные пріемы и маршировку, въ чемъ я никогда особенно не отличался. На мое и многихъ счастье выпускной смотръ, передъ производствомъ въ офицеры, былъ произведенъ не Великимъ Княземъ Михаиломъ Павловичемъ, находившимся тогда за границей, а добрымъ, храбрымъ Карломъ Ивановичемъ Бистромомъ, который, сдѣлавъ намъ самый легкій смотръ, похвалилъ и поздравилъ насъ офицерами. Мы были въ восторгѣ и вышли изъ Школы прямо въ полки, куда назначились. Въ Преображенскій полкъ со мной поступили три брата Сарачинскіе. До производства въ офицеры мы должны были жить при своихъ полкахъ и учиться службѣ. Мы начали съ того, что представились полковому командиру Василью Яковлевичу Микулину, который насъ принялъ самымъ суровымъ и непривѣтливымъ образомъ и сразу оборвалъ, найдя, что мы скверно одѣты, дурно выправлены и что насъ слѣдуетъ хорошенько учить. Онъ закричалъ своимъ рѣзкимъ голосомъ: позвать Лебедянцева (это былъ полковой закройщикъ), который сейчасъ явился, и ему-то Микулинъ сталъ указывать, что мундиры криво сидятъ и что все гадко. Генералъ Микулинъ произвелъ на меня самое непріятное впечатлѣніе, которое никогда не изгладилось въ тѣ четыре года, которые я служилъ подъ его начальствомъ; онъ былъ впрочемъ всѣмъ извѣстенъ за непріятнаго, бѣшенаго и притомъ мало образованнаго человѣка.

Помѣщеніе намъ дали въ солдатскихъ казармахъ, на Милліонной, одну довольно просторную, грязную комнату въ концѣ покоя, такъ что, возвращаясь поздно вечеромъ домой, надо было проходить мимо храпѣвшихъ солдатъ и зажимать себѣ носъ отъ густаго человѣческаго духа. Начались для насъ всякаго рода ученья и мученья, которыя впрочемъ, въ молодости и при добромъ здоровьи, переносились легко, а послѣ двухлѣтняго заключенія въ Школѣ я ходилъ охотно на ученье и въ караулъ. Къ тому времени, въ Октябрѣ, пріѣхали изъ Москвы мои родители и поселились въ квартирѣ брата и моей на Сергіевской, въ домѣ Болдырева. Я очень счастливъ былъ ихъ видѣть и вспоминаю это время съ великимъ удовольствіемъ. Было какъ-то у насъ, въ нашемъ семейномъ кругу, очень *gemüthlich*. Но съ конца Ноября начались строгіе смотры въ присутствіи Великаго Князя Михаила Павловича, предшествуемые разными репетиціями.....

ПЕРВЫЙ ПРІѢЗДЪ ВИЛЬЯМА ПАЛЬМЕРА ВЪ РОССІЮ.

1840—1841.

Взоры многихъ западныхъ богослововъ обращаются къ нашей церкви съ надеждой въ ней найти примиреніе и разрѣшеніе волнующихъ ихъ душу вопросовъ. Всякая попытка къ соединенію, если она искренна, можетъ возбуждать лишь наше сочувствіе, и потому надѣемся, что нелишнимъ будетъ возобновить въ памяти читателей «Русскаго Архива» знаменитую попытку Пальмера о соединеніи церквей. Нижеслѣдующее извлечено изъ его дневника, который онъ велъ за время перваго своего путешествія въ Россію и который изданъ другомъ его кардиналомъ Ньюманомъ: Notes of a Visit to the Russian Church, by the late William Palmer, M. A. formerly Fellow of Magdalen-College, Oxford. Selected und arranged by Cardinal Newman. London. 1882. мал. 8° XXIV и 572 стр. съ портретомъ Пальмера.

Прежде всего считаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ объ Англиканской церкви и о томъ движеніи, къ которому принадлежалъ Пальмеръ.

Англиканская церковь, первоначально основанная во второмъ вѣкѣ учениками Святаго Поликарпа (ученика Іоанна Богослова), хотя и подпала впослѣдствіи подъ власть папы и даже отличалась особеннымъ рвеніемъ къ «престолу Св. Петра», но всегда имѣла нѣкоторое тяготѣніе къ Востоку. Реформаторскія стремленія рано обнаружились среди Англичанъ; но лишь при королѣ Генрихѣ VIII, въ силу личныхъ и политическихъ причинъ, совершенъ былъ формальный разрывъ ея съ Римской церковью. Отвергнувъ власть Рима, король Англійскій призналъ санъ епископа, что́ и составляетъ характерную особенность англиканства. Нѣсколько времени спустя, при Елисаветѣ (1562 г.) было утверждено ученіе господствующей Англиканской церкви изданіемъ такъ называемыхъ «39 членовъ вѣры» [1]) и «Книги общественнаго богослуженія» [2]);

---

[1]) 39 Articles of religion.

[2]) The book of common prayer and administration of the sacraments and other rites and ceremonies of the Church.

но прочное положеніе не было достигнуто: «Члены вѣры» составлены болѣе въ протестанскомъ духѣ, въ «Книгѣ же богослуженія» болѣе замѣтенъ католическій уклонъ мысли [1]).

Изданіе «39 членовъ» и «Книги общественнаго богослуженія» опредѣлило дальнѣйшія судьбы Англиканской церкви. Ей приходилось избѣгать съ одной стороны захватовъ со стороны Римскаго папы, съ другой крайняго развитія протестантства съ его многочисленными сектами [2]). Неудивительно, что многимъ такое положеніе было невыносимо, и они искали спасенія извнѣ. Въ началѣ прошлаго столѣтія завязались было сношенія о соединеніи съ Русскою церковью, но смерть Петра Перваго помѣшала осуществленію этого дѣла.

1829 г. былъ знаменателенъ въ исторіи Англиканской церкви. Въ этомъ году обнародованъ былъ Roman Catolic Emancipation Act, которымъ Католики допускались въ парламентъ. Начало было положено, и стали говорить о томъ, чтобы вѣроисповѣданіе не было препятствіемъ для принятія въ парламентъ. Хотя и сдѣлана была оговорка, что Католики остаются безъ права голоса въ обсужденіи вопросовъ касающихся Англиканской церкви; но опасность имѣть въ числѣ рѣшителей судебъ церкви не только представителей враждебныхъ направленій, но даже некрещеныхъ и атеистовъ, была слишкомъ очевидна.

Въ это-то время и возникло религіозное движеніе *трактаріанства*, названное такъ потому, что руководители его издавали цѣлый рядъ трактатовъ, касающихся существенныхъ вопросовъ вѣры. Сочиненія эти были направлены какъ противъ Римской церкви, такъ и противъ различныхъ протестантскихъ сектъ. Мѣстомъ собранія для Трактаріанъ служила коллегія Маріи Магдалины при Оксфордскомъ университетѣ. Сущность ученія Трактаріанъ или Пьюзеистовъ (по имени одного изъ главныхъ дѣятелей) состояла въ томъ, что, отвергая мудрствованія своевольнаго протестантства, они стремились къ истинной, Апостольской церкви. Взоры обратились на Востокъ,

---

[1]) Когда, въ нашемъ уже столѣтіи (въ 40 годахъ) въ верхней палатѣ возникъ вопросъ „вѣрилъ ли Англійскій клиръ, подписывая эти акты, въ ихъ церковность“ нѣкоторые изъ присутствующихъ отвѣчали, что не только не вѣрилъ, но и не могъ вѣрить

[2]) Вотъ что писалъ епископъ Кэнтерберійскій въ своемъ посланіи къ Кіевскому митрополиту Платону по поводу 900-лѣтія крещенія Русскаго народа: „И Русская и Англиканская церковь имѣетъ одного общаго врага. И мы, какъ вы, принуждены оберегать свою независимость противъ папскихъ притязаній, стремящихся подчинить всѣ церкви Христовы Римскому престолу. Мы должны одинаково защищать свою паству отъ проповѣди новыхъ и странныхъ ученій, противныхъ святой вѣрѣ, которая предана намъ святыми апостолами и древними отцами Каѳолической церкви.“

и одинъ изъ даровитыхъ и искреннихъ Пьюзеистовъ Вильямъ Пальмеръ (род. 1811) сталъ искать соединенія съ Восточной церковью, для чего предпринялъ путешествіе въ Россію и на Востокъ.

*

Еще 21-го Мая 1839 года, во время посѣщенія Оксфорда Цесаревичемъ Александромъ Николаевичемъ, Пальмеръ обратился къ нему съ такимъ заявленіемъ.

«Ваше Высочество! Не сочтите за дерзость, что я рѣшаюсь представить вамъ слѣдующее прошеніе: благоволите прислать сюда Русскихъ духовныхъ лицъ, которыя могли бы разсмотрѣть богословское ученіе нашей церкви. Они могли бы жить въ Магдалениной коллегіи, и я буду обучать ихъ Англійскому языку; они познакомять Ваше Высочество и епископовъ восточнаго исповѣданія съ содержаніемъ нашихъ лучшихъ богословскихъ сочиненій. Надѣюсь, что съ теченіемъ времени, когда я пріѣду въ Россію для изученія богословія и обрядовой стороны Русской церкви, я найду ваше покровительство. Конечно, если Вселенская церковь должна стремиться къ единству, ничто недостойно въ такой степени благочестія великаго государя, какъ способствовать единенію двухъ исповѣданій, раздѣленныхъ въ силу недоразумѣній и недостатка общенія. Англійская церковь, всегда охранявшая правà христіанскихъ властителей, правà, подвергающіяся нападеніямъ какъ со стороны папскаго престола, такъ и демократическаго буйства, находится въ настоящее время въ большой опасности. Ей, заброшенной въ отдаленный уголъ Запада, грозитъ ненависть многихъ сектъ, которыя соединились съ схизматиками - папистами въ стремленіи сразить ее».

«Если Ваше Высочество благоволите благопріятствовать нашимъ занятіямъ и обратите вниманіе на бѣдствіе нашей церкви, то тѣмъ вы окажете благодѣяніе для общественнаго порядка на Западѣ, въ тоже время облегчите соединеніе церквей и черезъ это порадуете всѣхъ кто молится о водвореніи мира среди христіанъ».

Этому заявленію Пальмера, кажется, вовсе не было дано ходу. (Нашимъ посломъ въ Лондонѣ былъ тогда Лютеранинъ князь Ливенъ).

*

Въ началѣ 1840 года Пальмеръ напечаталъ по-латыни «Введеніе къ 39 членамъ», гдѣ, далеко отступая отъ протестантскаго толкованія, близко подходилъ къ ученію Православной церкви. Онъ формально объявилъ президенту коллегіи доктору Мартину Раусу (Routh) о своемъ желаніи ѣхать въ Россію. Президентъ выразилъ живое участіе и, не смотря на то, что нѣкоторые изъ членовъ Магдалениной коллегіи

были противъ общенія съ *«идолопоклонической»* церковью, далъ Пальмеру слѣдующее рекомендательное письмо.

«Благодать, здравіе и спасеніе всѣмъ вѣрующимъ во Христа, въ рукахъ которыхъ будетъ это письмо. Удостовѣряя, что одинъ изъ нашихъ сочленовъ, Вильямъ Пальмеръ, магистръ и студентъ богословія, дьяконъ, желаетъ ѣхать въ Россію для церковныхъ занятій, я одобряю его желаніе и этимъ письмомъ даю утвержденіе его предпріятію. Желаю, чтобы онъ, испросивъ на то позволеніе благочестиваго Императора, почтительнѣйше предсталъ передъ Русскими епископами и особенно передъ Святѣйшимъ Синодомъ, дабы при благосклонномъ покровительствѣ его онъ могъ познакомиться съ ученіемъ, обрядами и обычаями Русской церкви и научиться Русскому языку проживая въ духовной академіи или гдѣ найдутъ болѣе удобнымъ. Далѣе я прошу и даже заклинаю именемъ Христа всѣхъ епископовъ, особенно же Синодъ, чтобы они благосклонно подвергли испытанію правильность его убѣжденій и если найдутъ въ нихъ все необходимое для полноты истинной и спасительной вѣры, то допустили бы его къ общенію Св. Таинъ».

«Пусть онъ согласуется и покоряется во всемъ правиламъ и наставленіямъ Русскихъ епископовъ, если въ нихъ не заключается чего либо противнаго ученію и вѣрѣ Британской церкви».

Это удостовѣрительное письмо Пальмеръ повезъ къ примасу; но тотъ отказался его подписать, хотя и выразилъ сочувствіе предпріятію.

Британскій посолъ въ Петербургѣ лордъ Клэнрикардъ, въ то время находившійся въ Лондонѣ, далъ Пальмеру нѣсколько рекомендательныхъ писемъ, въ томъ числѣ къ оберъ-прокурору Св. Сѵнода графу Протасову.

*

7-го Августа 1840 г. прибылъ онъ въ Петербургъ. Англійскій священникъ въ Кронштадтѣ, Блекморъ, былъ его первымъ руководителемъ.

27-го Августа произошло первое свиданіе Пальмера съ гр. Протасовымъ, который заявилъ ему, что, судя по письму Англійскаго посла, онъ, Пальмеръ, хочетъ принять Православіе. Пальмеръ разъяснилъ дѣло. Тогда графъ Протасовъ, сказавъ, что онъ не богословъ, а просто солдатъ, сталъ говорить съ нимъ о пресуществленіи, объ иконахъ, о томъ, что всѣ таинства одинаково важны. Затѣмъ онъ спросилъ, многіе ли Англичане держутся одинаковыхъ съ Пальмеромъ взглядовъ и посовѣтовалъ Пальмеру написать письмо къ нему съ изложеніемъ своихъ желаній и цѣлей. Это письмо обѣщался онъ представить Государю.

Въ тотъ же день письмо было написано *). Приводимъ его вполнѣ.

«На вопросъ вашего сіятельства, зачѣмъ пріѣхалъ я въ Россію и какой милости жду отъ Государя, отвѣчаю вамъ такъ. Сдѣлавшись членомъ Магдалениной коллегіи при Оксфордскомъ университетѣ, я рѣшилъ, что лучшій способъ повиноваться уставамъ нашего основателя, сообразоваться съ церковной и академической жизнью и служить нуждамъ Британской церкви, въ которой я крещенъ,—это путешествіе въ чужіе края съ цѣлью старательно изучать тѣ богословскіе вопросы, которые породили столько разрушительныхъ и продолжительныхъ раздѣленій среди Апостольской церкви. Крещенный не въ Англійскую или Римскую, Восточную или Западную, но въ Каѳолическую вѣру и церковь, я вижу, что сіе апостольское и каѳолическое тѣло, понимая его такъ, какъ учитъ меня моя непосредственная мать, Британская церковь, раздѣлено на различныя и (страшно подумать) враждебныя общества. Поэтому мнѣ кажется желательнымъ узнать полную правду относительно тѣхъ обвиненій, которыя обыкновенно возводятся на насъ посторонними людьми и сдѣлать это не черезъ чтеніе полемическихъ книгъ, но прислушиваясь лично къ преніямъ противоположныхъ сторонъ и затѣмъ пріобрѣсти возможно-точныя знанія въ богословіи другихъ апостольскихъ церквей. Такимъ образомъ, съ Божіей помощью, я буду имѣть возможность потомъ, посвятивъ себя изученію книгъ, лучше разбирать спорныя мнѣнія, возникающія въ Оксфордскомъ университетѣ, надѣясь и стремясь къ тому, чтобы, послѣ надлежащаго разъясненія причинъ разногласія и враждебности, взаимныя подозрѣнія и, можетъ быть, ошибки въ мнѣніяхъ относительно второстепенныхъ вопросовъ, могли болѣе легко быть примирены и устранены. Я считаю этотъ способъ наилучшимъ относительно вышеупомянутыхъ вопросовъ, и надѣюсь, что отъ примѣненія его въ наше время или при нашихъ потомкахъ можетъ возникнуть желанное единство Церкви».

«Держась такихъ воззрѣній, начиная съ 1833 г, посѣтилъ я нѣкоторыя Церкви на материкѣ, познакомился на мѣстѣ съ богословіемъ Римскихъ католиковъ, подробно разобралъ мнѣнія Кальвинистовъ и Лютеранъ, а теперь, съ разрѣшенія президента Коллегіи, я отправился къ Восточной, преимущественно Русской, церкви».

«Покорнѣйше прошу благоволѣнія Императора къ моему предпріятію. Да соблаговолитъ онъ рекомендовать меня почтенному духовенству его имперіи, такъ чтобы я, живя въ духовной академіи или въ какомъ либо монастырѣ, или у архіерея, или гдѣ ему покажется удобнымъ, могъ, при помощи и въ сообществѣ духовныхъ лицъ, научиться

*) Въ подлинникѣ оно написано было по-латини.

Русскому языку и заняться ученіемъ, уставами и обрядами Русской церкви».

«Если моя просьба будетъ исполнена, я надѣюсь, благодаря переводу Русскихъ книгъ на Англійскій языкъ, имѣть возможность сдѣлать коечто относительно распространенія въ Англіи, особенно же въ Оксфордскомъ университетѣ, болѣе полныхъ и обстоятельныхъ свѣдѣній относительно Апостольскихъ церквей Востока, черезъ сравненіе съ восточнымъ каѳоличествомъ защитить нашу церковь противъ недавнихъ нападокъ папистовъ и еретиковъ-протестантовъ, наконецъ черезъ смягченіе предразсудковъ и антипатій способствовать исцѣленію настоящаго ужаснаго разъединенія Каѳолической церкви и соединенію во взаимной любви».

«Узнавъ, что въ Петербургской духовной академіи есть люди, читающіе по-англійски, я выбралъ нѣкоторыя изъ произведеній лучшихъ нашихъ духовныхъ писателей съ тѣмъ, чтобы подарить эти книги въ академическую библіотеку. Нѣкоторыя изъ нихъ были пожертвованы самими авторами, которые, зная мое намѣреніе, желали заявить, что они дѣйствуютъ и молятся не только для своего народа, не только для западныхъ, но и для своихъ восточныхъ братьевъ и для всей Каѳолической церкви».

«Что касается меня лично, то я считаю справедливымъ прибавить, что съ того времени, какъ я прибылъ въ эпархію Русскихъ епископовъ, я не признаю иной церкви за истинную и законную въ этой землѣ и принадлежу лишь ея юрисдикціи. А такъ какъ я прихожу не отъ какой либо ереси или раскола,а желаю примириться съ Божіею церковью въ Россіи, и есмь Каѳолическій православный (Catholic orthodox) христіанинъ, какъ я убѣжденъ, и прихожу къ Каѳолической, православной, Апостольской церкви, то и прошу у законныхъ епископовъ страны, въ которой мнѣ приходится быть, права общенія таинствъ».

„Петербургъ, Августа 27 (ст. с.) 1840 г.“

Вскорѣ Пальмеръ познакомился съ А. Н. Муравьевымъ и протоіереемъ Василіемъ Кутневичемъ, членомъ Св. Сѵнода и главнымъ священникомъ арміи и флота.

Вотъ разговоръ Пальмера съ Кутневичемъ.

Кутневичъ прочтя выше помѣщенное письмо, заявилъ, что къ общенію таинствъ можетъ быть допущенъ лишь тотъ, кто будетъ вѣровать во все то, чему вѣритъ Православная Восточная церковь.

Пальмеръ. Всему тому чему вѣритъ Каѳолическая или Экуменическая церковь, но не тому чему требуетъ вѣрить частная западная или восточная или какая-либо другая мѣстная церковь.

Кутнѣвичъ. Онъ долженъ исповѣдывать одинаковую вѣру съ Восточной церковью.

Пальмеръ. Надѣюсь, что я исповѣдую таковую съ Восточной церковью, такъ какъ Каѳолическая вѣра одна, на Востокѣ ли она или на Западѣ. Если нѣтъ согласія между Западной и Восточной церквами касательно существенныхъ вопросовъ вѣры, то или одна или другая должна быть еретическою. Но я убѣжденъ, что я и церковь, которой я принадлежу, ортодоксальны и каѳоличны; вы же предполагаете, что Восточная церковь ортодоксальна и каѳолична. Слѣдовательно Британская церковь предполагаетъ, что нѣтъ разногласія относительно необходимой вѣры между нею и Востокомъ.

Кутневичъ. Если вы держитесь символа Восточной церкви, то можете быть допущены къ общенію. Но прежде всего вѣруете ли вы въ символы Никейскій и Константинопольскій? [1])

Пальмеръ. Конечно.

Кутневичъ. Въ Троицу? Божественность Сына? Въ воплощеніе?

Пальмеръ. Конечно.

Кутневичъ. Но что̀ вы скажете относительно исхожденія Св. Духа? [2])

Пальмеръ. Я принимаю все то, что́ сказали отцы Римской Церкви въ той же степени какъ и сказанное Греческими отцами. Я знаю, что здѣсь было словесное различіе между нѣкоторыми древними отцами, писавшими на двухъ различныхъ языкахъ; но оно касалось одной и той же вѣры. Мы не можемъ рѣшительно (absolutely) осудить словъ *«и сына»*, не осудивъ нѣкоторыхъ отцовъ Латинской церкви; мы рѣшительно не можемъ сдѣлать этого. Мы будемъ вѣрить, что, по существу (virtually) Греки соглашались съ ними, но пользовались иною формою выраженія. Разсматривая далѣе вопросъ о формѣ, мы можемъ согласиться, что Римскій папа не долженъ былъ измѣнять черезъ интерполяцію православныя слова Символа вѣры экуменическихъ соборовъ. Впервыя это сказалъ самъ папа Левъ III, и однако онъ призналъ, что смыслъ словъ православенъ и можетъ быть принятъ. Мы далеки отъ того, чтобы требовать отъ Грековъ принятія Filioque; я же готовъ читать съ ними въ ихъ церквахъ «вѣрую» безъ прибавленія.

Въ скоромъ времени Пальмеръ снова посѣтилъ Кутневича, который уже познакомился съ «Введеніемъ къ 39 членамъ», и разговоръ зашелъ снова объ исхожденіи Св. Духа, о пресуществленіи и о почитаніи иконъ.

Пальмеръ о пресуществленіи говорилъ: Хлѣбъ истинно, но духовно (spiritually) измѣняется въ истинное, но духовное тѣло Господа. Кут-

---

[1]) У Англиканъ принятъ символъ Св. Аѳанасія.

[2]) Въ символѣ у Англиканъ читается: The holes Ghost is of the the Father and of the son: neither made, nor crected, begotren, but proceeding.

невичъ возразилъ было, что эти слова spirituale corpus вполнѣ соотвѣтствуютъ Лютеранскому пониманію, но послѣ разъясненій данныхъ Пальмеромъ призналъ правильность его толкованія. Далѣе Пальмеръ говорилъ о вліяніи Латинства въ Левантѣ и въ Малороссіи, о томъ, что Петръ Могила занимался въ Парижѣ, чѣмъ и объясняется одинаковое съ Римской церковью пониманіе словъ *субстанція* и *акциденція*. Въ общемъ Кутневичъ заявилъ, что Пальмеръ близко подходитъ къ ученію Православной церкви; но желаніе Пальмера вступить въ общеніе таинствъ Кутневичъ нашелъ неудобоисполнимымъ, ссылаясь на то, что въ Петербургѣ есть Англиканская церковь.

Пальмеръ. Какъ можетъ быть въ вашей епархіи Англиканская церковь?

Кутневичъ. На самомъ дѣлѣ у насъ есть таковая; она согласуется съ вашею церковью въ Англіи во всемъ, пользуется тѣми же обрядами и т. д. Такимъ же образомъ существуютъ здѣсь Лютеранская, Кальвинистская, словомъ около 12 церквей и исповѣданій.

Пальмеръ. Я не признаю иныхъ исповѣданій кромѣ одного, выраженнаго въ символѣ вѣры. Такимъ образомъ въ одномъ мѣстѣ de jure не можетъ быть двухъ исповѣданій или двухъ епископовъ. Я—членъ не Англиканской церкви въ Россіи, но Русской церкви по крайней мѣрѣ въ ея стремленіяхъ; и если Англичане въ дѣйствительности произвольно отдѣляются, то я не могу ихъ оправдать, равно какъ и васъ. Вашъ архіерей полагаетъ, что если въ мірѣ церковь не одна, а нѣсколько и въ его эпархіи тоже самое, то ему нечего безпокоиться объ этомъ. Нашъ народъ въ подобныхъ случаяхъ нимало не думаетъ о мѣстномъ епископѣ, но поступаетъ въ томъ предположеніи, что Англія находится на всякомъ Англійскомъ кораблѣ.

Кутневичъ. Конечно въ одномъ мѣстѣ должна быть лишь одна церковь, и мы молимся объ этомъ; но если на этомъ основаніи дать общеніе таинствъ Англичанамъ, хотя они разногласны съ нами въ вопросахъ первѣйшей важности, то это будетъ крайне опасно и смутитъ нашъ народъ сверхъ мѣры. Да и для васъ будетъ тоже самое: вашъ народъ будетъ смущенъ и будетъ думать, что ваши епископы и духовные заключили союзъ съ еретиками и идолопоклонниками.

*

Въ тотъ же день Пальмеръ посѣтилъ Муравьева. Муравьевъ говорилъ съ нимъ по поводу книги Origines liturgicae, о призываніи Святыхъ, которое признавалось въ этой книгѣ излишнимъ. Муравьевъ указывалъ на то, что распространенное мнѣніе, будто бы въ Россіи, равно какъ и въ Англіи, государь есть глава Церкви, есть нелѣпая

клевета: даже Петръ Великій, при всей своей власти, соблюдалъ всѣ необходимыя формы и спрашивалъ совѣта Восточныхъ патріарховъ. Епископъ ставится не императоромъ, но именемъ Христа.

Затѣмъ Муравьевъ заявилъ свою радость, что не только въ Англіи, но и повсюду люди начинаютъ приходитъ въ разумъ, и потокъ протестантства изсякаетъ, но усумнился въ томъ, что Англиканская церковь исповѣдовала Пальмеровъ взглядъ на пресуществленіе. «Для нея это лишь символъ».

Въ слѣдующее свиданіе Муравьевъ заявилъ между прочимъ: «То общеніе, котораго вы домогаетесь, невозможно. Если Русское духовенство допуститъ васъ къ общенію, то Англичане, смотрящіе на Русскихъ и Грековъ, какъ на варваровъ и идолопоклонниковъ, поднимутъ вопль противъ васъ за то, что вы принимаете обычаи Греческой церкви, совершенно такъ же какъ Греки подняли бы вопль противъ насъ, если бы мы примирились съ Армянами. Вы замыслили нѣчто необычайное. Да врядъ ли и вашъ другъ, Кронштадскій священникъ, согласится съ вами; я думаю, что онъ Англиканинъ правильной, старой школы».

*

Между тѣмъ Пальмеръ дѣятельно занимался Русскимъ языкомъ и переводилъ «Православное Исповѣданіе» Петра Могилы, имѣя намѣреніе напечатать всѣ тѣ богословскія сочиненія, которыя пользуются авторитетомъ въ Россіи, при чемъ жаловался на необстоятельность и недостаточность такихъ сочиненій. «Вы, пенялъ онъ графу Протасову, не только избѣгаете въ вашемъ Катехизисѣ Филарета опредѣлить пресуществленіе черезъ *субстанцію* и *акциденцію*, но даже въ печатномъ переводѣ 18 членовъ Виѳлеемскаго собора измѣнили текстъ оригинала, пропустивъ упоминаніе объ акциденціи». Протасовъ заявилъ, что они сильно желаютъ распространить образованіе; но общее невѣжество слишкомъ велико, особенно въ Греціи и Левантѣ, народъ ничего не можетъ различать, слѣпо и упрямо держась того, чтó есть. «Мы печатаемъ все по-славянски и по-гречески и даромъ разсылаемъ по церквамъ Леванта въ надеждѣ, что это подкрѣпитъ ихъ противъ нападеній Латинянъ и Методистовъ».

*

Достопамятенъ разговоръ Пальмера съ священникомъ Исаакіевскаго собора Маловымъ. Въ немъ высказывалъ Пальмеръ свои воззрѣнія на Церковь.

Маловъ. Русское духовенство и общество вѣрятъ, что истинная Церковь строго ограничивается Греками и Русскими, т. е. Востокомъ. Чтó думаете вы объ остальныхъ сектахъ и объ Латинской церкви?

Пальмеръ. Я полагаю, что истинная Каѳолическая церковь въ силу недоразумѣній, раздѣлилась на три части: Восточную, Западную и Британскую.

Маловъ. Всѣ секты произошли или отъ Латинской или отъ Греческой церкви. Русскіе вѣрятъ, что лишь ихъ церковь сохранила правильно всю истину, написты же ввели многія новшества и порчу. Латиняне же смотрятъ на всѣхъ, кромѣ себя, какъ на еретиковъ. По моему, во всѣхъ церквахъ и сектахъ есть христіане; ибо самое главное религія сердца.

Пальмеръ. Прежде всего надо установить и понять опредѣленіе истинной Церкви и видимой Церкви; но какъ мы ничего объ этомъ не знаемъ, то лишь Богъ можетъ быть судьей въ этомъ дѣлѣ. Существуетъ лишь одна истинная Каѳолическая и Апостольская церковь, видимая и невидимая. Недостаточно для насъ быть добродѣтельными, пребывая въ той сектѣ, въ которой намъ пришлось быть: мы должны стремиться быть каѳоликами въ дѣлѣ вѣры и вѣрить въ Каѳолическую церковь, какъ въ единственный путь ко спасенію.

Маловъ. Въ чемъ состоитъ, по вашему, истинная религія? Въ правовѣріи или въ добрыхъ дѣлахъ?

Пальмеръ. И въ томъ, и въ другомъ. Они даже въ мысляхъ не должны быть отдѣляемы. Правовѣріе должно оказывать себя въ высшей добродѣтели и въ высшемъ милосердіи; милосердіе и добродѣтель даже внѣ Церкви стремятся къ правовѣрію. Раздѣльно другъ отъ друга они не достаточны; они должны образовывать настоящее единство съ Церковью черезъ принятіе таинствъ и царство благодати, которое прекращается для того, кто впалъ въ ересь, или схизму, или въ иной смертный грѣхъ. Лютеранство не есть церковь, ибо мнѣніе или исповѣданіе не составляетъ еще церкви. Что же касается сектъ, то основатели ересей и схизмъ—настоящія дѣти діавола. Среди послѣдователей ихъ безъ сомнѣнія есть хорошіе и честные люди (примѣръ Корнилія); но невозможно для Церкви называть ложь истиной, относиться къ ней безразлично и признать ихъ за своихъ учениковъ и братьевъ.

Маловъ много говорилъ о необычайной привязанности Русскаго народа къ внѣшнимъ формамъ (на безбородаго священника будутъ смотрѣть какъ на еретика), о маломъ образованіи духовенства, и выразилъ сомнѣніе въ возможности одному человѣку найти пути къ соединенію.

Въ послѣдующихъ бесѣдахъ графъ Протасовъ предупредилъ Пальмера, что Маловъ не имѣетъ здравыхъ понятій о Церкви, но смыслитъ кое-что по литературѣ и хорошій проповѣдникъ.

25 Сентября вмѣстѣ съ Муравьевымъ Пальмеръ ѣздилъ въ Сергіеву пустынь, гдѣ познакомился съ адмираломъ Рикордомъ и долго бесѣдовалъ

съ архимандритомъ Брянчаниновымъ, съ монахами (особенно съ Михаиломъ Чихачевымъ) и пробылъ тамъ пять дней. По возвращеніи въ Петербургъ онъ сталъ опять просить, чтобы ему позволили жить въ Духовной Академіи; но Муравьевъ, выставляя всѣ неудобства (грязь и неприспособленность помѣщенія), отклонилъ эту просьбу.

Взгляды Павскаго, съ которымъ онъ бесѣдовалъ о пресуществленіи и о видимой церкви, Пальмеръ нашелъ очень протестанскими. Протоіерей Сидонскій прямо заявилъ Пальмеру, что вопросомъ объ единой видимой Церкви онъ никогда не занимался, да и вообще объ этомъ мало думаютъ. Онъ говорилъ, равно какъ и Павскій, о необычайной терпимости Православной церкви.

Пальмеръ. Эта умѣренность жестока относительно другихъ и самоубійственна.

Сидонскій. Извѣстное рвеніе къ религіи вызвало потоки крови.

Пальмеръ. Рвеніе причинявшее кровопролитія есть животное и сатанинское рвеніе; правильное рвеніе должно вызывать молитвы и слезы.

Сидонскій. Я долженъ признать за нами достойную порицанія небрежность; но ничто не побуждаетъ насъ заняться вопросомъ опредѣленія видимой Церкви. Если бы обстоятельства потребовали того, безъ сомнѣнія мы бы разслѣдовали тотъ вопросъ.

Пальмеръ. Свѣтское правительство—очень ненадежная связь единства; теперь Англія можетъ служить этому примѣромъ. Если у васъ будетъ когда нибудь либеральный императоръ, и министрами не Протасовъ съ Муравьевымъ, а кто либо въ родѣ нашего лорда Джона-Росселя и Мельборна, и они позволятъ Раскольникамъ и Католикамъ нападать на вашу церковь, тогда вы, конечно, увидите, что лучше чѣмъ прятаться за самодержавнымъ государемъ, мыслить и дѣйствовать, какъ подобаетъ истымъ Каѳоликамъ, не только исповѣдуя своими устами единство церкви, но вѣруя въ это всѣмъ сердцемъ и проявляя вѣру въ рѣчахъ и дѣлахъ.

*

Между тѣмъ слухъ о Пальмерѣ распространился по Петербургу. Его приглашали въ лучшіе дома и предложили представиться Государю, отъ чего Пальмеръ уклонился, ссылаясь на то, что онъ пріѣхалъ какъ частное лицо.

Часто бывалъ Пальмеръ у Т. Б. Потемкиной, у князя А. Н. Гоицына, Рюмина, познакомился съ В. В. Скрипицинымъ, Войцеховичемъ, княземъ Мещерскимъ (бывшимъ прокуроромъ Св. Синода), священникомъ Стратилатовымъ и славнымъ тогда Павскимъ.

Въ одно изъ свиданій (17 Октября) о. Кутневичъ заявилъ ему: Надо сознаться, судя по всему тому, чтó я слышалъ отъ васъ и прочелъ

въ вашей книгѣ, Англиканская церковь очень мало отличается отъ Восточной. Въ высшей степени жалко, что вы принимаете лютеранскія заблужденія, отвергая призываніе святыхъ и почитаніе иконъ и мощей: нельзя отрицать того, что̀ признается всею Церковью. Папа, признавшій Второй Никейскій соборъ, былъ представителемъ всего Запада, а тѣ епископы, которые не признали его въ это время, находились въ заблужденіи, напр. Аріанскіе, такъ что вы, Англикане, заимствовали свой еретическій предразсудокъ у Лютеранъ.

Пальмеръ отвѣчалъ: Если мы заблуждаемся, пусть истинная церковь пошлетъ миссіонеровъ и обратитъ насъ. Они могли бы легко исправить наши заблужденія, а мы привели бы васъ къ болѣе вѣрному пониманію единства видимой Церкви и къ истинѣ касательно второстепенныхъ вопросовъ.

Мысль послать въ Англію миссіонеровъ очень удивила Кутневича, который сообщалъ Павскому, что ученіе Пальмера очень близко подходитъ къ Православному; того же мнѣнія были Райковскій, профессоръ догматическаго богословія, и Баженовъ. Сей послѣдній однако никакъ не могъ принять его толкованія о пресуществленіи; особенно возмущало его выраженіе «spirituale corpus». «Конечно, говорилъ онъ, мы вѣримъ одинаково съ Латинянами въ то, что послѣ освященія хлѣбъ перестаетъ быть хлѣбомъ, но дѣлается тѣломъ Христовымъ подъ простыми акциденціями или видимостью хлѣба; но мы отличаемся отъ нихъ тѣмъ, что не признаёмъ уничтоженія естественной субстанціи хлѣба: въ данномъ случаѣ акциденціи остаются, субстанція же измѣняется безъ акциденцій.

Относительно измѣненій, сдѣланныхъ Синодомъ въ переводѣ 18 членовъ Виѳлеемскаго синода, Кутневичъ сказалъ: Вамъ надо спросить митрополита Московскаго: онъ все знаетъ.

28 Октября Пальмеръ по рекомендаціи графа Протасова, поселился у Фортунатова, молодаго священника, на Выборгской сторонѣ. Къ этому времени относится любопытный случай. Пальмеръ встрѣтился у Потемкиной съ ея племянникомъ княземъ Михаиломъ Голицынымъ, и тотъ сталъ горько жаловаться на то, что его жена и дочери обращены въ Англиканство Женевскимъ священникомъ. Пальмеръ заявилъ, что это нелѣпость, ибо священникъ не имѣлъ права принимать въ свою церковь членовъ Восточной церкви. Дѣлу этому Пальмеръ далъ ходъ, написалъ письмо къ примасу, и когда много времени спустя новообращенные хотѣли причаститься въ Англиканской церкви, имъ не дали Св. Таинъ и подвергли эпитимьѣ.

Благодаря своему хозяину, Пальмеръ ближе узналъ бытъ нашего духовенства, устройство Духовной Академіи и занятія студентовъ.

9 Ноября Пальмеръ обѣдалъ у княгини Софіи Голицыной; та печаловалась ему, что Русское общество лишено возможности поучаться религіозными бесѣдами съ духовенствомъ, такъ какъ послѣднее держится въ сторонѣ; служба въ церквахъ очень утомительна и мало понятна, особенно во время вечерни и утрени, такъ что къ утрени почти никто изъ высшаго класса и не ходитъ. Пальмеръ возразилъ, что можно раньше прочесть и усвоить службу. И гр. Протасовъ, и Муравьевъ и о. Фортунатовъ жаловались на необычайное распространеніе свободомыслія не только среди свѣтскихъ, но и среди духовныхъ лицъ. По ихъ словамъ, всѣ профессора и студенты университета—вольнодумцы. Фортунатовъ даже не захотѣлъ вѣрить, что въ Англіи докторъ не синонимъ вольнодумца. Въ Петербургѣ, разсказывалъ онъ, хотя по правиламъ всякій обязанъ, подъ страхомъ отлученія, говѣть каждогодно, но доктора никогда не говѣютъ; вообще высшіе классы почти совсѣмъ не соблюдаютъ обычаевъ церкви. Въ Москвѣ живутъ болѣе строго, а въ уѣздныхъ городахъ и деревняхъ всѣ постятся и держатся церковныхъ правилъ. Впрочемъ, какъ на исключеніе Пальмеру, указали на гр. Анну Орлову, которою онъ очень заинтересовался, и на Тучкову.

*

23 Ноября у Потемкиной Пальмеръ познакомился съ о. Іоанномъ Веніаминовымъ (будущимъ митрополитомъ Иннокентіемъ). Его разсказы о Сибирскихъ инородцахъ очень заинтересовали Пальмера, и самъ онъ произвелъ на него очень пріятное впечатлѣніе.

Наконецъ, 27 Ноября графъ Протасовъ повезъ Пальмера къ Филарету.

«Я очень радъ васъ видѣть, обратился къ нему владыка по-латини, и слышать, что ваша церковь склонна къ единенію и почитаетъ старину» и спросилъ объ Англиканской литургіи. «Всѣ наши литургіи очень древни, Латинская же церковь измѣнила свою литургію къ худшему во многихъ отношеніяхъ, напримѣръ, опустивъ призываніе Св. Духа. Мы на Востокѣ слѣдуемъ апостольскимъ указаніямъ и примѣру самого Спасителя, употребляя заквашенное тѣсто (ἄρτος, а не ἄζυμος) и единый хлѣбъ.

Пальмеръ. Въ этомъ мы сходимся съ Востокомъ.

Филаретъ. Я радъ слышать, что вы уважаете старину.

Пальмеръ. Наша церковь всегда предпочитала слѣдовать старинѣ (Antiquitas) и, издавъ 39 членовъ, постановила для всего духовенства правило ничего не проповѣдывать что́ не содержалось бы въ Св. Писаніи и не заключалось въ толкованіяхъ на него у вселенскихъ отцовъ

и древнихъ архіереевъ. Такимъ образомъ мы возстановили призываніе Св. Духа послѣ возглашенія словъ Спасителя.

Графъ Протасовъ. Но вы опустили кое-что изъ того, что̀ было въ вашей литургіи. Вѣдь ваша церковь не допускаетъ молитвъ за умершихъ.

Пальмеръ. Опустили въ литургіи, но эти молитвы не отвергнуты и не осуждены; онѣ отмѣнены потому, что обыкновенно ихъ связываютъ съ ученіемъ о чистилищѣ.

Графъ Протасовъ. Злоупотребленіе хорошею вещью не оправдываетъ ея отрицанія.

Филаретъ и графъ Протасовъ. Теперешняя народная свобода въ Англіи повидимому не очень благопріятствуетъ церковному благочинію (to ecclesiastical humility and discipline).

Пальмеръ. Это діавольская свобода, и политическія неудачи происходятъ отъ корня религіозной смуты. Кто бунтуетъ противъ Бога, тотъ не усумнится бунтовать противъ своего государя.

Протасовъ попросилъ Пальмера изложить причины, которыя побуждаютъ его искать общенія таинствъ.

Пальмеръ. Въ символѣ вѣры мы исповѣдуемъ, что Церковь едина, и мы вѣримъ въ единство Церкви.

Филаретъ. Она *должна* быть единою, но въ дѣйствительности не едина.

Пальмеръ. Существующее раздѣленіе нечестиво и ненавистно.

Филаретъ. Безъ сомнѣнія, единство крайне желательно.

Графъ Протасовъ. Многіе ли изъ Англичанъ думаютъ какъ вы относительно общенія таинствъ?

Пальмеръ. Большинство совсѣмъ объ этомъ не думаетъ, существующее раздѣленіе считая необходимостью; но ученіе нашей церкви и исповѣданіе великихъ духовныхъ лицъ совершенно иное. Наша церковь никогда не отлучала Греческой церкви и Латинской на материкѣ; мы отлучаемъ Латинистовъ въ Англіи, Ирландіи, Греціи и Россіи, какъ схизматиковъ.

Филаретъ. Я этого не понимаю. Они вполнѣ согласуются съ Латинянами на материкѣ; общеніе зависитъ отъ единства вѣры. Если вы состоите въ общеніи съ ними, находящимися внѣ вашей страны, вы должны состоять въ единеніи съ ними и внутри вашей страны. Отлучивъ ихъ у себя, вы должны отлучить ихъ повсюду.

Пальмеръ. Да, если бы они были еретики; но мы отлучаемъ ихъ у себя какъ схизматиковъ. Мірянинъ среди насъ можетъ раздѣлять всѣ ошибки папистовъ какъ богословскія мнѣнія, не будучи отлучаемъ отъ

церкви, если только онъ не будетъ въ своихъ дѣйствіяхъ возставать противъ церкви.

Филаретъ. Не должно быть такой свободы, ибо общеніе требуетъ строгаго единства вѣры.

Пальмеръ. Безъ сомнѣнія, строгое единство вѣры потребно для общенія; но возникаетъ вопросъ, чтó же именно есть вѣра, и наша церковь дѣлаетъ большое различіе между вѣрою, которой всякій долженъ держаться въ ея цѣлости и чистотѣ, и второстепенными богословскими мнѣніями, истинность коихъ не обращаетъ ихъ въ существенные догматы, а ложность не образуетъ ересей.

Филаретъ. Я совсѣмъ не понимаю этого. Церковь должна быть совершенно единою въ дѣлѣ вѣры. Существуютъ различныя исповѣданія, каждое само по себѣ и раздѣльно отъ другихъ; надо разобрать, какое изъ нихъ правильно, какое ложно и въ какой степени правильно.

Пальмеръ. Правильно или ложно, но наша церковь дѣлаетъ таковое различіе. Никогда не обвиняли мы папистовъ въ ереси. Относительно необходимой вѣры мы не должны смотрѣть особенно много на тождество мнѣній, какъ на законность мѣстной каѳедры, но должны различать въ каждой части міра истинную церковь и устанавливать ея единство.

Филаретъ. Я отрицаю это раздѣленіе на существенные догматы и второстепенныя мнѣнія; я полагаю, что оно противно мнѣнію всѣхъ отцовъ.

Графъ Протасовъ. Вы хотите быть универсалистомъ и перемѣнять вашу религію съ перемѣною мѣста жительства. Кромѣ того, кто судья въ томъ, чтó существенно? Это очень трудно и откроетъ дверь безконечнымъ разногласіямъ.

Пальмеръ. Церковь никогда не отрицала этого различенія.

Пальмеръ сталъ приводить доказательства. Филаретъ наконецъ призналъ существованіе таковаго раздѣленія, но оговорился, что и то и другое столь тѣсно соединено и практически нераздѣлимо другъ отъ друга, что допустить его совершенно несогласимо съ единствомъ вѣры и Церкви.

Затѣмъ Пальмеръ такъ опредѣлилъ видимую церковь: Единая видимая Каѳолическая церковь на землѣ, истинно продолжающая и представляющая ту, которая была основана въ Іерусалимѣ, въ силу различія касательно второстепенныхъ вопросовъ, раздѣлена на три мѣстныхъ части, согласныхъ въ необходимой вѣрѣ, а именно Восточную и Западную церкви; послѣдняя подраздѣлилась на Континентальную и Британскую. Въ своихъ епархіяхъ каждая имѣетъ свою самобытную и законную юрисдикцію. Если же, въ силу существующей de facto вражды между ними, какой либо епископъ будетъ отклонять

христіанъ отъ другихъ и стремиться организовать отдѣльныя общества, устанавливая положенія несогласныя съ существенною вѣрою, то мы назовемъ такія новыя общества схизматическими.

Филаретъ. Вы допускаете лишь Восточную, Римско-Католическую и Британскую церкви?

Пальмеръ. Да, каждую въ ея собственной области и не иначе.

Филаретъ. Я не могу понять этого. Многіе изъ васъ держатся этой теоріи?

Пальмеръ. Это не теорія, но то опредѣленіе видимой Церкви, которое имѣется въ молитвенникахъ и формальныхъ актахъ нашей церкви и есть общее утвержденіе нашихъ богослововъ.

Графъ Протасовъ и Филаретъ заявили, что это должно быть предметомъ обсужденія будущаго собора, но не можетъ быть рѣшено частными лицами.

Ваши рѣчи, продолжалъ Филаретъ, подходятъ къ четвертому вѣку; но при настоящемъ состояніи міра они неумѣстны. Всякое желаніе единства въ общеніи таинствъ прекрасно и похвально; надо надѣяться, что подобныя чувства будутъ всеобщи, и со временемъ необходимые шаги къ сему будутъ сдѣланы власть имѣющими людьми; но все это пока не можетъ быть разрѣшено частными лицами.

Пальмеръ. Я не вижу, какъ частное лицо можетъ лишиться обязанностей по отношенію къ мѣстной церкви, въ которой оно находится, или потерять право на таинства.

Филаретъ. Въ случаяхъ необходимости это притязаніе могло бы быть уважено; но у васъ есть Англійская церковь, которую вы можете посѣщать.

Пальмеръ. Я не признаю въ вашихъ епархіяхъ Англійской церкви: въ одномъ мѣстѣ не можетъ быть двухъ правовѣрныхъ церквей.

Филаретъ. Но у васъ есть здѣсь церковь, и г. Лоо (Low) находится подъ властью епископа.

Пальмеръ. Англичане здѣсь и въ Москвѣ не находятся подъ властью нашихъ епископовъ. У нихъ есть свой священникъ; они ему платятъ, и онъ отвѣтственъ передъ ними.

Послѣднія слова очень удивили Филарета. Но ваши епископы, возразилъ онъ, если ваши взгляды на вещи правильны, должны бы были учить свою паству, чтобы она стремилась къ единенію и здѣсь ходила бы въ наши церкви.

Пальмеръ. Они не могутъ ходить въ ваши церкви, если вы не желаете ихъ принимать. Касательно себя скажу, что я говорилъ о своемъ намѣреніи предсѣдателю нашей коллегіи, и онъ, одинъ изъ самыхъ выдающихся современныхъ богослововъ, сердечно одобрилъ меня и далъ

письмо; архіепископъ же лишь потому не далъ письма, что боялся придать тѣмъ общественное значеніе моему предпріятію.

Передъ разставаніемъ Филаретъ снова выразилъ свою радость видѣть Пальмера въ Россіи и надежду, что нѣчто благое выдетъ изъ его стараній.

Между тѣмъ по поводу желанія Пальмера вступить въ общеніе таинствъ Филаретъ высказалъ въ Синодѣ слѣдующее мнѣніе (Собраніе мнѣній Филарета, т. III, стр. 47—248): «Какое же будетъ соединеніе, если будемъ вмѣстѣ пріобщаться, одинъ истиннаго тѣла Христова, какъ вѣруетъ православная церковь, а другой, не отдѣляясь отъ Англиканской церкви, слѣдственно и отъ ея ученія, будетъ пріобщаться только воспоминательнаго символа или знака? Соединеніе будетъ только для тѣлесныхъ глазъ; а въ духѣ—раздѣленіе. И начинается ли соединеніе двухъ церквей черезъ совокупное пріобщеніе святыхъ таинъ епископа одной и діакона другой? Не скажетъ ли напротивъ того Англиканская церковь или большинство членовъ ея: этотъ діаконъ сомнителенъ, потому что вошелъ въ общеніе съ церковью съ которою Англиканская не состоитъ въ общеніи? Не скажетъ ли также Россійская церковь: можетъ ли оставаться въ нашемъ общеніи епископъ, который вошелъ въ общеніе съ членомъ церкви, состоящей внѣ общенія съ нашей православной церковью и содержащей несогласныя съ нею ученія? Такимъ образомъ вмѣсто желаемаго соединенія двухъ церквей окажется на дѣлѣ только то, что каждый изъ мнимо-соединившихся повредитъ своему единству съ своей церковью. Соединеніе раздѣленныхъ церквей не можетъ правильно и благонадежно совершиться частнымъ дѣйствіемъ нѣкоторыхъ лицъ. Для сего нужны правильныя соображенія и дѣйствія іерархіи.»

*

28 Декабря графъ Протасовъ рѣшительно заявилъ Пальмеру, что въ Синодѣ разсматривали письмо доктора Рауса, но допустить къ причастію его, вѣроятно, не будетъ возможно. Пусть онъ поговоритъ съ митрополитомъ Московскимъ, и затѣмъ Протасовъ обратится съ представленіемъ къ Государю.

— Простѣйшій путь, отвѣчалъ Пальмеръ, таковъ: если я Каѳоликъ, дайте мнѣ причастіе; если еретикъ, направьте и обратите меня. Если вы вѣрите въ ваше собственное исключительное понятіе о Церкви и имѣете искру милосердія, то вы должны послать миссіонеровъ въ Англію.

— Мы надѣемся, возразилъ съ улыбкой графъ, обратить васъ и, сдѣлавъ васъ епископомъ, послать въ Англію.

Пальмеръ. Я сначала предложу слѣдующіе вопросы: Англійская церковьне есть ли часть Каѳолической? Если я уже Каѳоликъ, то плохое

дѣло становиться членомъ восточнымъ вмѣсто экуменическаго, частнымъ вмѣсто универсальнаго, и если вся моя вина состоитъ въ томъ, что я пришелъ изъ Западной области (diocese), съ которою вы никогда не имѣли формальнаго раздора, зачѣмъ мнѣ вызывать новую схизму, называя Западное Восточнымъ? Если же я не Каѳоликъ, то обратите меня безотлагательно; я только того и желаю.

*

Между тѣмъ дѣло Пальмера получило огласку, и нѣкоторые Англичане отзывались, что-де онъ не ихней вѣры, но членъ какой-то новой секты.

20 Января 1841 года (н. с.) Пальмеръ съ Муравьевымъ былъ опять у Филарета.

Какъ счастлива наша церковь, сказалъ митрополитъ, что она сохранила безъ измѣненія литургіи Василія Великаго и Іоанна Златоустаго! Ваша церковь, согласно этимъ 39 членамъ, принимаетъ одну изъ нихъ. Филаретъ прочелъ эти члены по Латинскому изданію и началъ подвергать критикѣ пунктъ за пунктомъ. Я прочелъ ваше Введеніе, продолжалъ онъ, и думаю, что оно болѣе православно и болѣе сосласно съ ученіемъ и духомъ Восточной церкви, чѣмъ сами члены. Они же представляютъ столь ложныя положенія, что никакъ съ ними нельзя согласиться.

Пальмеръ отвѣчалъ, что дѣйствительно ихъ можно толковать въ каѳолическомъ и православномъ смыслѣ; но тотъ же соборъ постановилъ правило, чтобы проповѣдывалось лишь согласное съ Св. Писаніемъ и ученіемъ вселенскихъ отцовъ и древнихъ епископовъ.

—Это правило лучше членовъ, и его слѣдовало бы печатать вмѣстѣ съ ними, сказалъ улыбаясь митрополитъ, и выразилъ удивленіе относительно того, что не обратили вниманія на тотъ вопросъ, который болѣе всего способствовалъ раздѣленію церквей—вопросъ объ исхожденіи; а между тѣмъ свидѣтельство отцовъ въ данномъ случаѣ ясно.

Въ заключеніе Филаретъ сказалъ, что частному лицу Церковь не можетъ уступить ни въ чемъ: вступить въ общеніе она можетъ лишь съ тѣмъ, кто безусловно принялъ все ея ученіе и всѣ ея обычаи.

До времени Филаретъ не давалъ формальнаго отвѣта Пальмеру, хотя выказывалъ ему лично ласку и расположеніе; наконецъ, 20 Мая онъ объявилъ рѣшительную невозможность для областнаго епископа исполнить желаніе Пальмера: это-де превосходитъ его власть и требуетъ взаимнаго соглашенія синодовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ возвратилъ книгу съ 39 членами, заложивъ листы на XIX, XXI и XXII членахъ.

XIX членъ читается такъ: О Церкви. Видимая церковь Христова есть союзъ вѣрующихъ людей, въ которомъ проповѣдано чистое слово

Господне и таинства достодолжно совершаются согласно повелѣнію Христа во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда это необходимо для людей. Какъ церкви Іерусалимская, Александрійская и Антіохійская ошибались, также взошла въ заблужденіе и Римская церковь, и не только въ своихъ обрядахъ и обычаяхъ, но и касательно вѣры.

XXI. Объ авторитетѣ общихъ соборовъ.

Соборы не могутъ собираться безъ воли и приказанія государей. Собравшись же (въ силу того, что они собраніе людей, то не всѣ изъ нихъ направляются духомъ и словомъ Божіимъ), они могутъ ошибаться даже въ вопросахъ Божественныхъ. По сему то, что́ предписано ими какъ необходимое ко спасенію, не имѣетъ силы и значенія иначе какъ если можно доказать, что сіи предписанія основаны на Св. Писаніи.

XXII. О чистилищѣ.

Римское ученіе о чистилищѣ, прощеніяхъ и обожаніи, (Pardons, Worshipping and Adoration) равно какъ и объ иконахъ и мощахъ, о призываніи святыхъ, напрасно (vainly) придумано и не имѣетъ основанія въ авторитетѣ писанія, но скорѣе противорѣчитъ слову Божію.

21 Мая Пальмеръ уѣхалъ въ Москву, которая ему очень понравилась. Онъ посѣтилъ Троицкую Лавру, гдѣ его радушно приняли, и много бесѣдовалъ съ архимандритомъ Филаретомъ (впослѣдствіи Черниговскимъ архіепископомъ), особенно о почитаніи иконъ и призываніи святыхъ. Филаретъ доказывалъ, что отсутствіе почитанія иконъ и призыванія святыхъ есть важный нравственный и религіозный недостатокъ, обусловленный гордостью. Пальмеръ готовъ былъ принять и то и другое, но какъ частную практику, а не общій церковный обычай, такъ какъ онъ можетъ повести за собой многія заблужденія.

По поводу разговора съ архим. Филаретомъ Пальмеръ замѣчаетъ: «Я былъ очень удивленъ въ первое время моего пребыванія въ Россіи, насколько значительнѣе народный характеръ носитъ отпечатокъ смиренія, братской доброжелательности, теплаго чувства и почтенія къ святымъ вещамъ и вѣрѣ, чѣмъ у насъ въ Англіи. Я зналъ и прежде, что насъ справедливо обвиняютъ въ гордости и эгоизмѣ, но раньше чѣмъ я увидѣлъ здѣсь противоположное, я не имѣлъ яснаго представленія о степени зла.» Онъ приводитъ слѣдующій разсказъ. Какой-то капитанъ Американской службы рѣшилъ, что несовмѣстно съ достоинствомъ демократическаго гражданина слѣдовать общему обычаю — снимать шляпу передъ императоромъ; но при встрѣчѣ съ нимъ на улицѣ императоръ самъ первый поклонился ему.

3-го Іюня Пальмеръ вернулся въ Москву, гдѣ на слѣдующій день подвергся жестокому нападенію со стороны старой княгини Мещер-

ской [1]). Она, показавъ свое знаніе Англійской церковной исторіи и новѣйшаго религіознаго движенія, заявила, что предпріятіе Пальмера не можетъ имѣть успѣха. 8-го Іюня княгиня опять имѣла жаркій споръ съ Пальмеромъ. Въ послѣдующія свиданія она разсказывала ему много о судьбѣ Библейскаго общества въ Россіи и объ Іезуитахъ.

12 Іюня Пальмеръ ѣздилъ въ Новый Іерусалимъ. Возвратившись оттуда, онъ былъ приглашенъ къ митрополиту Филарету. Говорили о нисхожденіи священнаго огня на гробѣ Господнемъ въ Великую Субботу. 17-го Іюня Пальмеръ былъ уже въ Петербургѣ. Онъ посѣтилъ Потемкину въ ея имѣніи, знаменитыхъ Гостилицахъ, затѣмъ простился съ своими знакомыми и 24 Іюля 1841 г. оставилъ Россію.

Дальнѣйшія дѣянія Пальмера не входятъ въ программу нашей замѣтки, хотя они высоко знаменательны для исторіи. Къ этому времени относится его знакомство съ Хомяковымъ. Поводомъ къ достопамятной ихъ перепискѣ послужили переводъ стихотворенія А. С. Хомякова и книжка Пальмера Short Poems and Hymns, the latter mostly translations. Oxford. 1843. На оберткѣ Русское заглавіе: «Стихотворенія діакона Пальмера» и эпиграфъ по англійски: «О свышнемъ мирѣ и благосостояніи святыхъ Божіихъ церквей и соединеніи всѣхъ Господу помолимся». Далѣе читаемъ слѣдующее: «Эти стихотворенія и гимны посвящаются А. С. Хомякову и прочимъ знакомымъ автора въ Россіи и всѣмъ тѣмъ, которые свѣдущи въ Англійскомъ языкѣ, въ знакъ вѣчнаго воспоминанія и уваженія». На оборотѣ напечатано по славянски: «Богъ идѣже хощетъ, побѣждается естества чинъ». Въ посвященіи помѣщенъ въ видѣ письма къ Хомякову отвѣтъ ему о значеніи молитвы и о возможности соединенія церквей [2]).

Письма Хомякова къ Пальмеру напечатаны во II-мъ томѣ его сочиненій и въ «Русскомъ Архивѣ» за 1892, вып. 3-й, стр. 379. Найдены еще четыре письма Пальмера къ А. С. Хомякову, и мы надѣемся, что они появятся вскорѣ на страницахъ «Русскаго Архива».

---

[1]) Княгиня Софія Сергѣевна Мещерская, рожденная Всеволожская, род. 19 Ноября 1775 г., скончалась 4 Октября 1848 г, была второй супругой князя Ив. Серг. Мещерскаго. Эта достопримѣчательная женщина пользовалась въ свое время значеніемъ при дворѣ и находилась въ перепискѣ съ имп. Александромъ (см. „Р. Архивъ", 1886, III, 403). Филаретъ былъ съ нею друженъ и совершилъ надъ нею чинъ погребенія. Письма къ ней Иннокентія (1817—1818) напечатаны въ „Чтеніяхъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей". 1874 г. кн. 4.

[2]) О томъ, какое воздѣйствіе произвела эта книжка въ Россіи, см. Н. П. Барсукова „Жизнь и труды М. П. Погодина", кн. 8-я, стр. 79.

Въ 1844 г. Пальмеръ предпринялъ вторично путешествіе въ Россію и на Востокъ. Существуетъ, какъ передавали намъ, дневникъ и этого путешествія; но онъ, къ сожалѣнію, доселѣ не издается.

Въ 1855 году Пальмеръ перешелъ въ католичество, (его вѣроисповѣданіе и письмо къ графу А. П. Толстому, объясняющее причины этого перехода, напечатаны въ «Русскомъ Архивѣ» 1894 г., вып. 5-й, стр. 17—24), а въ 1879 году 5 Апрѣля скончался въ Римѣ. До конца не утратилъ онъ живаго сочувствія къ Россіи, и послѣдняя его работа была о патріархѣ Никонѣ.

Дѣло Пальмера не умерло, но самому ему оно оказалось не подъ силу.

Не достигнувъ исполненія своего намѣренія установить между Русскими и Англичанами общеніе таинствъ и единеніе, Пальмеръ небезплодно провелъ время въ Россіи. Онъ съумѣлъ внушить къ себѣ теплое чувство во всѣхъ тѣхъ съ кѣмъ ему приходилось встрѣчаться*); познакомивши же Русскихъ съ Англійскою церковью и распространивъ болѣе правильные взгляды на Россію среди своихъ соотечественниковъ, онъ подвигомъ добрымъ подвизался и значительно облегчилъ трудъ послѣдующимъ ревнителямъ единенія.

Когда въ Кіевѣ праздновалось 900-лѣтіе принятія христіанства изъ Западныхъ церквей одна Англійская церковь обратилась къ намъ съ братскимъ привѣтомъ.

---

*) Даже столь сдержанный обыкновенно митрополитъ Филаретъ Московскій говорилъ о Пальмерѣ съ радостной улыбкой и со слезами на глазахъ.

Библиотека "Руниверс"

Фототипія Шереръ, Набгольцъ и К° въ Москвѣ.

Господь с тобою благо
словение мое над тобою вечно.
друг твой и мать Марфа

ИЗЪ СЕМЕЙНОЙ ПЕРЕПИСКИ СТАРИКОВЪ АКСАКОВЫХЪ.

Письма Тимоѳея Степановича и Марьи Николаевны Аксаковыхъ (1818—1835) съ предисловіемъ и примѣчаніями Н. М. Павлова.

Нѣсколько словъ по поводу „Семейной переписки стариковъ Аксаковыхъ".

Кто изъ читателей и почитателей Сергѣя Тимоѳеевича Аксакова не радъ будетъ вновь встрѣтиться съ „Алексѣемъ Степановичемъ Багровымъ", „Софьей Николаевной Зубиной" и прочими лицами, съ которыми самъ онъ такъ трогательно простился навсегда въ заключеніи „Семейной Хроники"?

„Прощайте мои свѣтлые и темные образы, мои добрые и недобрые люди, или, лучше сказать, образы, въ которыхъ есть и свѣтлыя и темныя стороны, люди, въ которыхъ есть и доброе и худое. Вы не великіе герои, не громкія личности; въ тишинѣ и безвѣстности прошли вы свое земное поприще и давно, очень давно его оставили; но вы были люди, и ваша внѣшняя и внутренняя жизнь исполнена поэзіи, такъ же любопытна и поучительна для насъ, какъ мы и наша жизнь, въ свою очередь, будемъ любопытны и поучительна для потомковъ. Вы были такія же дѣйствующія лица великаго всемірнаго зрѣлища, съ незапамятныхъ временъ представляемаго человѣчествомъ, такъ же добросовѣстно разыгрывали свои роли, какъ и всѣ люди, и также стóите воспоминанія. Могучею силою письма и печати познакомлено теперь съ вами ваше потомство. Оно встрѣтило васъ съ сочувствіемъ и признало въ васъ братьевъ, когда и какъ бы вы ни жили, въ какомъ бы платьѣ ни ходили. Да не оскорбится же никогда память ваша никакимъ пристрастнымъ судомъ, никакимъ легкомысленнымъ словомъ".

Въ „Предувѣдомленіи", приложенномъ Иваномъ Сергѣевичемъ Аксаковымъ къ изданію сочиненій его отца, въ 1870 году, было уже высказано открыто, что „Алексѣй Степановичъ Багровъ" никто другой, какъ Тимоѳей Степановичъ Аксаковъ, т. е. родитель автора „Семейной Хроники", а Софья Николаевна Зубина—родная его мать Марья Николаевна Аксакова, урожденная Зубова. Ихъ-то письма къ „безцѣнному сокровищу, дорогому другу и сыну Сережинькѣ", предлагаются благосклонному вниманію читателей.

Они имѣютъ несомнѣнную важность для біографіи Сергѣя Тимоѳеевича, но и кромѣ того драгоцѣнны во многихъ отношеніяхъ.

Въ этой будничной, чисто-домашней перепискѣ, какъ въ простой фотографической карточкѣ или смутномъ дагерротипѣ, отражается та самая жизнь и проглядываютъ тѣ же черты, которыя такъ полюбились и уже давно знакомы всѣмъ намъ по безсмертному ихъ воспроизведенію въ прославленной книгѣ. Читатели сами замѣтятъ въ каждомъ изъ писемъ Тимоѳея Степановича и Марьи Николаевны разныя характеристическія подробности. Дѣловитый и всегда ровный тонъ одного, а у другой совершенная тому противуположность; мелочи домашнихъ разногласій, то по укладкѣ курительнаго табаку въ одинъ ящикъ съ апельсинами, то по отправкѣ почтой ломбарднаго билета; постоянныя жалобы на распущенность дворни Оренбургскаго имѣнія или, напротивъ, выраженія вѣчной же „по гробъ благодарности свекру" за то, что онъ „для невѣстки построилъ особую комнату" въ Новомъ Аксаковѣ, все это отличатъ сами читатели, какъ вѣрный отзвукъ „Семейной Хроники" и „Дѣтскихъ годовъ Багрова-внука".

Письма эти представляютъ еще любопытную картину тогдашняго общежитія и нравовъ прошлой эпохи, нами уже позабытой.

Драгоцѣнны они и какъ незамѣнимый матеріалъ для біографіи и другаго общественнаго дѣятеля, вѣчно же памятнаго въ исторіи нашей литературы, Константина Сергѣевича Аксакова. Поминаемый въ нихъ „маленькій миленькій Косточка" никто другой, какъ онъ самый.

Наконецъ, къ изданію этихъ писемъ побуждаетъ и еще одно обстоятельство, весьма существенное. Объ этомъ, впрочемъ, предоставляемъ судить самимъ читателямъ.

Когда, слишкомъ тридцать лѣтъ тому назадъ, „Семейная Хроника" и „Дѣтскіе годы Багрова внука" явились въ свѣтъ, всѣ были поражены ими. Неожиданно, какъ съ неба упали, чудныя произведенія! И такой восхитительный талантъ открылся вдругъ—не удивительно ли въ самомъ дѣлѣ?—въ престарѣломъ авторѣ, родившемся еще задолго до Пушкина. Всѣ дивились жребію тогда уже 65-лѣтняго старца и необычайному успѣху его книги.

А самъ онъ весьма скромно относился къ исполненной имъ задачѣ.

Какъ-то разъ, именно около того времени, нижеподписавшійся имѣлъ случай выслушать отъ него слѣдующее: „Сейчасъ былъ у меня Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ и заявилъ мнѣ отъ многихъ здѣшнихъ и Петербургскихъ литераторовъ, что они, видишь ли, считаютъ меня теперь первымъ изъ современныхъ Русскихъ писателей. Разумѣется, это одна только любезность съ его стороны. Захотѣлось ему сказать мнѣ старику, да еще и больному, что нибудь лестное; вотъ онъ и придумалъ. Какой я писатель! Творчества у меня нѣтъ. Изобрѣтеніе—вотъ въ чемъ главная сила первокласныхъ писателей; а оно остается до сихъ поръ и было смолоду камнемъ преткновенія для меня. Я только передатчикъ и простой разсказщикъ: изобрѣтенія у меня нá-волосъ нѣтъ".

Найдутся, можетъ быть, и кромѣ самого автора, не менѣе строгіе судьи его произведеній: „только передатчикъ и только разсказщикъ", скажутъ они его же собственными словами. Но полно, такъ ли это? И намъ ка-

жется, что сами печатаемыя эти письма Тимоѳея Степановича и Марьи Николаевны проливаютъ достаточный свѣтъ въ разъясненіе этой художественной проблемы.

Пусть на нихъ лежитъ яркій отпечатокъ ихъ несомнѣнной подлинности; пускай въ каждомъ изъ нихъ звучатъ характерныя ноты и просвѣчиваютъ индивидуальныя черты: не мы будемъ это оспаривать. Достаточно ли однако этихъ слабыхъ нотъ и довольно ли еще выразительны сами эти черты, чтобы простое ихъ повтореніе, хотя бы совершенно вѣрное, могло дать безсмертіе ихъ случайному передатчику?

Разумѣется, это тѣ самыя ноты, которыми искусно воспользовался художникъ и тѣ же черты, которыя онъ возвелъ въ „перлъ созданія“ въ своей книгѣ. Но вѣдь надо родиться поэтомъ, и требуется именно быть художникомъ для того, чтобы въ *мимотекущей аки паутина* дѣйствительности уловить самую жизнь и въ каждомъ изъ ея явленій уразумѣть чудо Божьяго созданія; а безъ того, малы они или велики, громки или негромки, какъ ихъ и возводить въ перлы? Исторія, какъ простой разсказъ о превратностяхъ міра и передача мимоидущаго, ни въ чемъ и ни подъ какимъ видомъ всесовершенныхъ образцовъ не предоставляетъ. Не видана и не слыхана въ грѣшномъ мірѣ такая дѣйствительность, отъ которой бы рукой подать до идеала.

Пока „негромкія личности, въ тишинѣ и безвѣстности прошедшія свое земное поприще“ не были еще описаны въ „Семейной Хроникѣ“, а жили себѣ на свѣтѣ, то есть „были дѣйствующія лица великаго всемірнаго зрѣлища, съ незапамятныхъ временъ представляемаго человѣчествомъ и разыгрывали свои роли, какъ и всѣ люди“, никому и въ голову не приходило видѣть въ нихъ, ни даже подозрѣвать безсмертныхъ героевъ и поэтизировать ихъ невзрачную дѣятельность. Тѣми самыми простыми смертными и казались они для своихъ современниковъ, какими, судя по этимъ сохранившимся отъ нихъ письмамъ, кажутся теперь намъ. Ни собственною своею персоной, ни всѣмъ окруженіемъ, ни цѣлою изо дня въ день совершавшеюся исторіею своею, ничего не могли они никому представить больше того, что̀ представляютъ эти ихъ собственноручныя письма, которыя теперь на глазахъ читателей.

Мало этого. Сами эти письма и весь отразившійся въ нихъ бытъ, тѣ же люди и нравы, та же семейная обстановка и тѣ же условія тѣхъ временъ, наконецъ Старое и Новое Аксаково, все это составляло достояніе не одного только „безцѣннаго друга и сына Сережиньки“: онъ былъ, какъ свидѣтельствуютъ въ перепискѣ сами родители, однимъ изъ многочисленныхъ членовъ огромной семьи. Почему же только онъ одинъ явился „передатчикомъ и разскащикомъ“ ихъ быта?

Больше того: тысячи помѣщичьихъ дѣтей конца XVIII-го и начала XIX-го вѣка насчитывали такихъ же бабушекъ и дѣдушекъ, были окружены тою же ширью и мощью неизсякнувшей даже до сихъ поръ Русской природы, и.... имѣя очи, не видѣли, имѣя уши, не слышали.

Нѣтъ, не простой передатчикъ и разскащикъ былъ онъ, какъ скромно называлъ самъ себя, а великій художникъ, чья полнѣйшая слава еще впереди. Настоящее его значеніе въ нашей литературѣ (въ этомъ „народномъ самосознаніи", какъ ее называютъ) тогда только и выяснится во всей полнотѣ, какъ наступитъ и самъ желанный лучшій ея періодъ, лишь предвозвѣщенный „Семейною Хроникою" какъ бы зарею передъ не наступившимъ еще днемъ.

И какъ ни скромно относился самъ онъ къ исполненной имъ задачѣ, она была та самая (мы не перестанемъ повторять этого) *), надъ которою изнемогъ Гоголь, преждевременно скончавшійся другъ Сергѣя Тимоѳеевича; самый тотъ „милый другъ Николай Васильевичъ", который постоянно писалъ и жегъ 2-й томъ „Мертвыхъ Душъ", а сокрушавшемуся о томъ, едва ли не больше всѣхъ на свѣтѣ, Сергѣю Тимоѳеевичу, совѣтовалъ скорѣе взяться за собственныя записки и описать въ нихъ все, что̀ сохранилось въ его памяти о родной старинѣ.

Н. М. Павловъ.

ОТЪ МАРЬИ НИКОЛАЕВНЫ АКСАКОВОЙ.

1818 года Іюня 16-го, г. Владиміръ.

Девятый день какъ мы выѣхали изъ Аксакова и только еще во Владимирѣ. Вчера пріѣхали ночью. Сердце мое разрывается, не знавши ничего о васъ, дражайшія мои дѣтушки, Сереженька и Ольга Семеновна [1]). Уладились ли вы съ кормилицами? По счету моему и Рѣпьевскія [2]) бабы должны уже пріѣхать къ вамъ, и воспа привезена. Молю Господа, чтобы Машинька такъ хорошо перенесла ее• какъ маленькій миленькій мой другъ Константинъ [3]). Бога ради подробнѣе, какъ можно подробнѣе, пишите ко мнѣ о нихъ, милые друзья мои. Я пишу къ вамъ не въ почтовый день; не знаю, будетъ ли отправлено вѣрно письмо

---

*) Во всемъ, что̀ было написано авторомъ о С. Т. Аксаковѣ (см. предисловіе къ изданному имъ посмертному сочиненію С-я Т-ча „Исторія моего знакомства съ Гоголемъ"; еще „Гоголь и Славянофилы" въ *Русск. Архивѣ* № 1, годъ 1890; наконецъ „Наше переходное время" (сборникъ статей изъ газетъ *День*, *Москва* и *Русь*), въ статьѣ „О сочиненіяхъ С. Т. Аксакова", вездѣ оцѣнка этого писателя, дѣйствительно, дѣлается въ томъ же духѣ и почти въ тѣхъ же словахъ, какъ здѣсь. П. Б.

[1]) Ольга Семеновна, дочь генерала Екатерининскихъ временъ, Семена Григорьевича Заплатина, вступила вь бракъ съ Сергѣемъ Тимоѳеевичемъ 1816 года въ Іюнѣ мѣсяцѣ. Послѣ свадьбы, сыгранной въ Москвѣ, молодые супруги уѣхали въ Новое Аксаково, гдѣ и прожили пять лѣтъ въ родительскомъ домѣ, то-есть до 1821 года. Объ этомъ селѣ, оно же Знаменское, примѣчаніе помѣщено далѣе, въ своемъ мѣстѣ.

[2]) Рѣпьево, деревня Рѣпьевка, упоминается мелькомъ въ „Дѣтскихъ Годахъ Багрова-внука".

[3]) Константинъ Сергѣевичъ родился въ Новомъ Аксаковѣ 29-го Марта 1817 г.

мое. Почта вчера отошла въ полдни отсюдова. Путешествіе наше достойно удивленія; почтовая ѣзда сдѣлалась невозможною, притѣсненія невѣроятныя. Одинъ день мы проѣхали 17 верстъ только, не хотя нанять. Почтовыя есть, но смотрители ихъ по дворамъ скроютъ, и пріѣзжающіе ихъ же нанимаютъ. Мы за 12 верстъ отъ Владимира стояли сутки слишкомъ, не хотѣвши нанять; однако рѣшились нанять и заплатили 11 рублей за 12 верстъ. Что вамъ сказать, мои друзья милые? Софья *) чрезвычайно дурна была три раза съ отъѣзда изъ Аксакова. . . . . сегодня плакала нѣсколько разъ. Кажется, дорóга и разность предметовъ никакого на нее не дѣлаютъ хорошаго вліянія. Къ лютому моему несчастію, какъ вижу, поѣздка наша ничего не сдѣлаетъ добраго, а на лѣкарства я не надѣюсь,—только на одну милость Божію;

Хотѣли нанять *долгихъ* до Москвы, но просятъ двѣсти рублей, Государь и вся царская фамилія уѣхали. Хлѣбъ подешевѣлъ въ Москвѣ. и думаю все подешевѣетъ. Умоляю васъ, пишите мнѣ больше о Костинькѣ. Говоритъ ли онъ, чтó каковъ цвѣтъ, и вспоминаетъ ли о своей бабѣ, которую онъ такъ много любилъ? Забудетъ ли мой дражайшая крошечка меня? Въ Судогдѣ у хозяйки мальчикъ такъ похожъ на Костиньку, что я нѣсколько разъ со слезами ласкала его: и въ его возрастъ отнятъ отъ груди, пошелъ также рано, какъ и Косточка мой. Софья со слезами проситъ меня написать вамъ ея почитаніе, Костиньку и Машеньку 1.000 разъ цѣлуетъ; разстроенное ея воображеніе все заставляетъ ее плакать. Мнѣ кажется, безпокойство дороги разстроило ея нервы еще больше; ямщики кричатъ на лошадей, хлопаютъ, отъ чего она со страхомъ пробуждается. Изъ Москвы, ежели она и мы будемъ живы, поѣдемъ на своихъ. Купимъ шестую лошадь, а подъ женщинъ наймемъ четверку до Арзамаса; тамъ сами поѣдемъ до Аксакова на почтовыхъ опять, а свои повезутъ кибитку и телѣгу, ибо отъ Арзамаса нигдѣ не будетъ остановки въ почтовыхъ.

Цѣлую васъ всѣхъ вообще тысячу разъ. Господь съ вами! Будьте здоровы и благополучны, наслаждайтесь своимъ счастьемъ и не забывайте друга вашего Марью Аксакову.

Письмо Тимоѳея Степановича Аксакова на томъ же листѣ, того же числа.

Милые друзья мои Ольга Семеновна и Сереженька! Какъ намъ больно, что не можемъ знать о васъ раньше Москвы. Отъ Покрова по всѣмъ станціямъ къ Москвѣ ямщики взяты съ лошадьми для отъѣзда царской фамиліи, и почту возятъ обывателями, а проѣзжающіе нанима-

*) Младшая сестра С—я Т—ча.

ютъ большими цѣнами; не знаю, какъ и доѣхать буде(тъ)? Обозъ нашъ, кажется, не послѣ насъ прiѣдетъ. Почтовая ѣзда до того испортилась, что нѣту возможности ѣздить на почтовыхъ. Всѣ станцiонные начальники за одно плутуютъ съ ямщиками и совершенные разбойники; дорôгой во всемъ дороговизна. Говорятъ проѣзжающiе, будто въ Москвѣ нѣсколько подешевѣло: рубль серебра 3 рубли 80 копеекъ. Жаль, что мы не застали почту здѣсь, а потому скоро письма не получите. За симъ цѣлую васъ и милыхъ малютокъ, Костеньку и Машеньку. Да будетъ благословенье Господне съ вами вѣчно. Другъ вашъ Тимоѳей Аксаковъ.

Отъ Марьи Николаевны Аксаковой.

Москва, 27-го Iюня 1818 г.

Вчера былъ у меня Мудровъ [1]). Я еще продолжительно говорила съ нимъ о дражайшихъ моихъ и вашихъ дѣтушкахъ. Онъ и А. М. Клоусъ [2]) совѣтуетъ не думать о второй кормилицѣ; говоритъ, что ежели бы она имѣла чтò въ сокахъ въ своихъ, то черезъ двѣ недѣли бы желѣзки подъ щеками распухли и между губокъ во рту стало бы бѣло. Какъ трудно найти настоящую кормилицу — опишу вамъ, чтó Рихтеръ [3]) сказывалъ. Было привезено избранныхъ здоровыхъ 80 бабъ для царскаго дитяти [4]). Рихтеръ съ двумя докторами и съ двумя еще акушерками—и разумѣется не по нашему — разбирали; нашлось годныхъ три. Взяли изъ трехъ лучшую, присадили; къ ней прiѣхала мать, которую допустили видѣться съ нею, наговорила ей столько страховъ быть кормилицею и напослѣдокъ сказала, что ей отрубятъ голову, ежели царское дитя умретъ. Та зачала выть, плакать, не ѣстъ. Ее тотчасъ смѣнили, дали сто рублей и выслали; приставили вторую, а третья поѣхала на подставу на случай непредвидѣнный въ дорогѣ. Награжденiе, по выкормленiи сроку, десять тысячъ рублей и каменный домъ. Пища—все чтò она ѣла, ничто не перемѣнили: квасъ, огурцы, капусту, щи, словомъ все, чтò она ѣла дома. Разумѣется, что все теперь лучшее, но все простое: солонины, никакихъ жирныхъ, сдобныхъ кушань-

---

[1]) Мудровъ—медицинская знаменитость того времени.

[2]) Андрѣй Михайловичъ Клоусъ весьма живо обрисованъ въ „Сем. Хр—кѣ" при описанiи рожденiя Сереженьки, то-есть самого автора Хроники. Тамъ же прибавлено: „А. М. Клоусъ, въ томъ же 1817-мъ году, переѣхалъ въ Москву и поступилъ въ Воспитательный Домъ преподавателемъ повивальнаго искусства„.

[3]) Рихтеръ—тогдашнiй спецiалистъ по женскимъ болѣзнямъ.

[4]) Царское дитя — рожденный въ Москвѣ 17 Апрѣля 1818-го года, покойный Государь Александръ Николаевичъ. Его кормилица была крестьянка подмосковнаго села Пушкина, воспѣтая Языковымъ: „Жена, которой бѣлы руки играли будущимъ царемъ".

евъ не давали; ни чаю ни кофе ничего не пила. Бога ради, увѣдомьте меня, какую возьмете кормилицу, и долго ли Косточку кормить намѣрены?

Теперь скажу вамъ, мои други, о моей Софьѣ. Не только ея припадки не прошли, но иной разъ и потяжелѣе какъ были при отъѣздѣ. Мудровъ еще ничего не прописываетъ, и лѣченье ея не начинается. Говоритъ, что, не обдумавши, онъ не можетъ приступить къ лѣченью: я много ужъ обдумалъ, но еще не все; дайте время хотя еще на день; ежели бы я хотѣлъ васъ лѣчить кое-какъ, то давно бы рецепты полетѣли въ аптеку, и я бы бралъ съ васъ деньги, но я хочу истинную сдѣлать пользу, ежели Господь поможетъ.—Дожди залили; вчера ночью была буря съ градомъ, громомъ, точно какъ страшное полотно проходило надъ нами съ шумомъ и трескомъ; около насъ окошки выбиты во многихъ домахъ; признаюсь, мы потрусили. Чѣмъ умеръ Дурасовъ— вчера узнали: настоящая чума; но только немного, во все лѣто 9 человѣкъ умерло. Правда сказать, и эта штука отъ Москвы погонитъ поскорѣе. Я сижу за горломъ и кашлемъ дома и потому ничего не купила и ничего не знаю. Апельсиновъ почти нѣтъ, а ожидаютъ; лимоны есть. Чтó было послать безцѣнному моему? Когда онъ и кладовую помнитъ, гдѣ съ бабой медъ отвѣдывалъ, то надобно же чтó отсюдова покушать: посылаю, чтó въ ящичекъ положилось, сухой ему пастилы. Это ему не вредно моему другу, да изсушила Ницманскаго [1]) хлѣба, тутъ же положила. Простите, мои дражайшія милыя дѣтушки, цѣлую васъ всѣхъ; пожалуста не дайте забыть меня моему маленькому другу. Благословеніе мое съ вами. Другъ вашъ Марья Аксакова.

Отъ Тимоѳея Степановича Аксакова, того же числа.

Милые друзья мои Ольга Семеновна и Сереженька! По запискѣ твоей, мой милый, книгъ въ университетской лавкѣ купилъ и заплатилъ 27 рублей. Сегодня они пошлются. Кремней Аглицкихъ двойныхъ (для ружья) въ магазинахъ и рядахъ Аркадій [2]) не нашелъ, а знакомый купецъ отыскалъ простыхъ по 4 руб. 50 коп. сотню; ежели не найдемъ лучшихъ, то пошлю простыхъ съ будущею почтой. Табаку 10 фунтовъ курительнаго Турецкаго по 2 р. 25 коп. фунтъ куплено; его привеземъ съ собою, или прислать велишь? — Время здѣсь самое худое; третьяго дня была здѣсь вечеромъ страшная туча съ бурею, проливнымъ дождемъ и градомъ; захватила квартиру нашу крыломъ, а въ

---

[1]) Ницманъ — извѣстный въ то время хлѣбный пекарь въ Москвѣ. Далѣе и еще говорится объ отсылкѣ для дѣтей изъ Москвы въ Оренбургское имѣніе Ницманскихъ хлѣбовъ.

[2]) Аркадій Тимоѳеевичъ—младшій братъ Сергѣя Тимоѳеевича.

прочихъ мѣстахъ не оставила ни единаго стекла и что́ можно побить градомъ въ парникахъ огородныхъ—все истреблено, и сегодня сильный дождь льетъ. Прощайте, друзья, цѣлую васъ и милыхъ моихъ малютокъ Костеньку и Машеньку. Да будетъ съ вами благословеніе Божіе вѣчно. Другъ вашъ Тимоѳей Аксаковъ.

Отъ Марьи Николаевны Аксаковой.

11-го Іюля 1818 года. Москва.

Милыя и дражайшія мои дѣти Ольга Семеновна и Сереженька! Сегодня день Ангела вашего, милая и дражайшая моя Ольга Семеновна. Отъ всего моего сердца поздравляю васъ; молю Господа, чтобы Онъ васъ благословилъ великою Своею милостью вкупѣ съ истиннымъ другомъ вашимъ и милыми дѣтушками вашими—до маститой старости; а тебя, безцѣнный и несравненный сынъ мой, съ дорогою твоею имянинницею. Сейчасъ карету запрягаютъ, и я ѣду къ обѣднѣ и къ Иверской служить молебенъ и пролить слезы за здоровье и благополучіе ваше. Отправляю къ вамъ пастилу и хлѣбы; хлѣбы, думаемъ, будутъ пахнуть затхлымъ: жарко изсушила ихъ; я немного послала прежде къ вамъ ихъ сушоныхъ; думаю, вы уже получили; и пастилу сухую послала немного Костинькѣ, какъ знала, что *неизвѣстной* хочетъ покушать пастилы! Пастилы Коломенской красной нѣтъ нигдѣ, вся вышла, сама искала.—Письма ваши вчера получила. Съ совершеннымъ прискорбіемъ вижу, что опять у васъ пошли разстройки съ дѣточками. Выборъ кормилицъ есть дѣло претрудное и опасное; вы прочли уже, что изъ 80-ти сколько можно было избрать, и вѣдь здоровье для всѣхъ равно младенцевъ надобно. Что́ вамъ сказать о нашихъ обстоятельствахъ? Все то же и то же: ни малѣйшаго облегченія Софьѣ нѣтъ; видно это истинно сказано, что нервныя болѣзни есть бичь врачебной наукѣ. Это все такъ убиваетъ меня, что я на себя не похожу и совершенно насилу таскаю ноги, замучалась дрожаніемъ сердца и тоскою, точно задушаюсь поминутно насилу. Мудровъ сказалъ мнѣ, что я имѣю какое-то поврежденіе въ сердцѣ, которое составлялось понемногу отъ великихъ потрясеній, происходящихъ отъ горестей, въ которыхъ, самъ Богъ видитъ, не имѣла я недостатку, благодаря тому, кому судьба меня вручила,—ну что объ этомъ! Ныньче вышли превосходныя сочиненія *о болѣзняхъ сердца отъ продолжительныхъ печалей, несчастныхъ въ жизни присшествіевъ, отъ приключеній, душу потрясающихъ, гдѣ сказано: поврежденія сердца не могутъ быть исправлены, но нужно знать ихъ причины, дабы быть въ состояніи правильно судить о таковомъ положеніи и доставить страждущимъ хотя нѣкоторыя облегченія; въ противномъ слу-*

чаѣ незапная скоропостижная смерти послѣдуетъ. Извѣстны также органическія уклоненія сей весьма важной внутренности, каковы суть уменьшенія или увеличенія существа его, перемѣщеніе или сдвинутіе отъ потрясеніевъ душевныхъ сердца въ правую его полость и слѣдующее за симъ одностороннее онѣмѣніе тѣла и смерть. Книга сія подъ заглавіемъ *Академическія чтенія о хроническихъ болѣзняхъ.* Здѣсь ихъ нѣтъ, пишу въ Петербургъ къ Николушкѣ [1]); письмо отъ него я получила, благодаря Бога здоровъ. Объ Аркадьѣ пишетъ, что въ корпусъ Пажескій принять его нельзя, и совѣтуетъ писать къ Павлу Петровичу [2])—просить объ Аркадьѣ, чтó я исполню, ибо куды же мнѣ дѣвать его? Пока глаза мои глядятъ, сердце непокойно. Вотъ все переговорила съ вами, мои милыя друзья; съ какимъ нетерпѣніемъ буду ждать писемъ вашихъ! Чтó дѣлается у васъ, уладитесь ли вы съ кормилицей? Боже мой, съ какимъ нетерпѣніемъ желаю васъ видѣть всѣхъ. Господь съ вами. Другъ вашъ Марья Аксакова.

Костиньку и Машеньку Софья цѣлуетъ, она бредитъ о нихъ: всякій ребенокъ, который пройдетъ мимо окошекъ, похожъ на Костиньку. Пастилы посылаю 4 фунта, хлѣбовъ высушеныхъ дѣтямъ; тебѣ, мой другъ и сынъ, перчатки тонкія оленьи. Табакъ отецъ въ ящикѣ не хочетъ послать, не слушаетъ.

Отъ Тимоѳея Степановича Аксакова.

Отъ того же числа.

Милые друзья мои Ольга Семеновна и Сереженька! Письмо ваше отъ 21 Іюня мы получили 9-го Іюля. Хотя мы на прошедшей тяжелой почтѣ, посылая къ вамъ посылки, писали и поздравляли именинницу, но сей день есть тотъ самый, съ которымъ васъ, моя милая Ольга Семеновна, поздравляю и душевно желаю до глубокой старости радостно праздновать; также и тебя, мой милый другъ Сереженька, вторично поздравляю съ именинницею. Сердечно жаль, что милыя малютки разстроились здоровьемъ, а кормилицы, какъ нестоялые кони! Безпрестанно перемѣнять должно.... Судья тебѣ сказалъ, мой другъ, что онъ не зналъ, что надобно нарѣзку сдѣлать по пятой, а не по 7-й ревизіи; я съ нимъ много о семъ спорилъ и доказывалъ ему, что всѣмъ коронным дѣлаются нарѣзки по 5-й ревизіи, и это указомъ отъ Сената предписано. Когда посѣютъ яровой хлѣбъ, то непремѣнно прикажи тамъ сдѣлать

---

[1]) Николай Тимоѳеевичъ—братъ Сергѣя Тимоѳеевича.

[2]) Въ разъясненіи этого имени укажемъ строки изъ разсказа С—я Т—ча „Знакомство съ Державинымъ": „Въ 1815 г. пріѣхалъ я въ Петербургъ на короткое время, чтобы взглянуть на брата, котораго я опредѣлилъ въ Измайловскій полкъ. Братъ жилъ у полковника Павла Петровича Мартынова, моего земляка и короткаго пріятеля".

ночной караулъ, чтобы Алпаевскіе не увезли хлѣба. Петръ Петровъ много увелъ время, ему строгій выговоръ написать слѣдуетъ. Привезеннаго изъ Рѣпьевки Спиридона, мельникова брата, отдать къ садовнику въ ученики; онъ долженъ быть смышленый малый и вѣрно выучится садоводству. Чтó у васъ въ саду на парникахъ, есть-ли арбузы и дыни и скоро-ли поспѣютъ, и смотритъ-ли хорошо садовникъ? Сегодня былъ его братъ у меня Илья и ходилъ покупать сѣмена по его запискѣ. Перчатки для выѣзда и курительнаго табаку посылаю; не знаю, каковъ будетъ? На сей почтѣ по именному повелѣнію отъ 26-го Іюня полученъ указъ изъ Сенату, прибавлены прогоны: гдѣ было по 5 копѣекъ, то по 8-ми, а гдѣ по 3, тамъ по 5, а на послѣднихъ станціяхъ къ столицѣ по 10 на каждую версту на лошадь. Да будетъ съ вами благословеніе Божіе вѣчно! Другъ вашъ Тимоѳей Аксаковъ

Табакъ на будущей почтѣ пошлется съ апельсинами.

На первой страницѣ письма приписка Марьи Николаевны: „Послѣ брани и ссоры посылаю табакъ въ ящикѣ!"

Отъ Тимоѳея Степановича Аксакова.

17 Іюля 1818-го года. Москва.

Милые друзья мои Ольга Семеновна и Сереженька! Письмо ваше отъ 29-го Іюня мы получили 16-го Іюля. Благодарю Бога, что вы и милыя дѣтушки, Костенька и Машенька, здоровы. Изъ первыхъ нашихъ писемъ изъ Владимира и Москвы вы получили, кажется, на одной почтѣ, потому что во Владимирѣ почта прошла какъ мы проѣхали, то оно пойдетъ черезъ шесть дней вмѣстѣ съ Московскимъ.... При семъ посылаю ящикъ съ табакомъ курительнымъ, а апельсиновъ послать нельзя: они испортятся. Табаку посылаю въ ящикѣ сколько войти могло, а остальной табакъ курительный привеземъ или при случаѣ пришлемъ. Письмо сіе началъ я приготовлять на тяжелой почтѣ съ посылками; но посылается вмѣсто Четверга въ Середу, то есть черезъ шесть дней, на легкой почтѣ и должно придти въ одно время съ посылками. У васъ съ 29-го Іюня наступило хорошее время, и вы имъ пользуетесь въ мирной тишинѣ и въ спокойной деревенской жизни; будемъ молить Бога, дабы онъ на всю вашу жизнь ниспослалъ вамъ Свою милость. Мы также пользуемся громомъ каретъ, и самъ каждый день два раза съ Софьей выѣзжаю по приказу Мудрова. Марья Николаевна такъ жестоко была больна прежней своей болѣзнью, даже до отчаянія, чтó заставило пригласить Рихтера; теперь, благодареніе Богу, полегче. На сихъ дняхъ съ нами случился странный анекдотъ. Пріѣзжаетъ женщина, проситъ видѣться съ Марьей Николаевной и подаетъ ей записку:

«Прапорщикъ Николай Наркизовичъ Козловскій служитъ въ Московскомъ жандармскомъ дивизіонѣ, жалованья получаетъ 510 рублей въ годъ, имѣетъ имѣніе въ Тульской губерніи, Чернскаго уѣзда, 125 душъ въ одномъ мѣстѣ, да по близости того мѣста 25 душъ крестьянъ». Какъ бы вы думали, это женихъ прислалъ сваху сватать Софью. Вотъ какія странности смѣшныя! Теперь поговоримъ о нашей экономіи. Я хотя не писалъ къ тебѣ, мой другъ, но навѣрно ты уже это сдѣлалъ, плотниковъ распустить слѣдовало для уборки хлѣба, а чего не достроять— придти осенью. Мельница пильная худо пилитъ, видно машину не можетъ уставить Филатка безъ найму машиниста; жаль этого, пилки много будетъ. Въ осень надобно отдѣлать кладовые амбары, по крайней мѣрѣ покрыть и хотя половину амбаровъ сдѣлать. Ежели живописцу нѣту дѣла, то приказать рѣзать капители въ церковь, да и столярамъ приготовлять лѣсъ на иконостасъ. Его привести изъ Надежина [1]), также и для рамъ въ новый домъ дубовый лѣсъ надобно перевезть; жаль, что между парья его не доставили. Посланы-ли подводы съ крупою изъ Надежина на мѣну въ Оренбургъ и сколько-то намъ привезутъ денегъ, да и возвратились ли работники, которые били бересту и сколько дегтю на топоръ пришло ведръ? Каковъ-то хлѣбъ въ Надежинѣ? Подтвердите старостѣ, чтобы работы шли успѣшнѣе. Сосѣдка наша, Воейкова, уѣхала въ Кіевъ молиться Богу и возвратится въ исходѣ Августа; кажется, мы съ нею не увидимся, ибо Марья Николаевна непремѣнно желаетъ выѣхать около 20-го Августа. Здѣсь я покупаю шестую лошадь въ карету; мы поѣдемъ на своихъ, а для людей наймемъ лошадки двѣ въ повозки до Аксакова. На сихъ дняхъ получено именное повелѣніе Тормасовымъ [2]); онъ докладывалъ черезъ министра, что у многихъ здѣсь бояръ люди выходятъ изъ повиновенія и наказываются въ частяхъ на съѣзжихъ; велѣно наказывать таковыхъ публично. Симбирскаго помѣщика Наумова, по доносу Магницкаго, рѣшено дѣло въ Комитетѣ Министровъ; я читалъ рѣшеніе, губернаторъ обвиненъ, и всѣ его предписанія предводителямъ и земскимъ судамъ смотрѣть за помѣщиками, дабы они поступали съ крестьянами безъ отягощенія работами, по прочимъ уничтожены. За симъ цѣлую васъ, Костеньку и Машеньку, моихъ милыхъ. Благословеніе Божіе вѣчно. Другъ вашъ Т. Аксаковъ.

---

[1]) Надежино описано въ „Сем. Х—кѣ" подъ именемъ Парашино, мѣсто злодѣйскаго подвига Куролесова (то-есть Куроѣдова) и мучительной кончины изверга. Жена его, Надежда Ивановна, описывается въ „С—й Х—кѣ" подъ именемъ Прасковьи Ивановны. Это самое имѣніе, Оренб. губ. Белебеевскаго уѣзда, и было выдѣлено С—ю Т—чу его отцемъ въ 1821-мъ году.

[2]) Тормасовъ—тогдашній ген.-губернаторъ Москвы.

Отъ Марьи Николаевны Аксаковой.

Того же числа.

Письмо мое написано въ Воскресенье, а теперь пишу во Вторникъ, желаю еще нѣсколько строкъ послать къ вамъ; ибо сегодня я встала съ постели и имѣю болѣе силъ. Писемъ отъ васъ еще не получала, друзья мои; здоровы ли вы и съ дѣтушками вашими? Я одна, отецъ вашъ съ Софьей пируютъ на рожденьи у Прасковьи Александровны. Сегодня долго сидѣлъ у меня Мудровъ, говорила о дѣтяхъ. Вотъ и письма отъ васъ вечеромъ принесли; спѣшу вамъ, мои дражайшія дѣтушки, отвѣтствовать. Душею моею скорблю, что вы, милая и любезная моя Ольга Семеновна нездоровы. Ознобы значутъ беременность; у меня есть книга славная; тамъ говорятъ, что иная беременность до исхода имѣетъ ознобы, и ничего худаго отъ сего не случится. Мучительныя ваши злыя спазмы! Сколько разъ я говорила о нихъ съ Мудровымъ, говоритъ: что̀ я скажу заочно, а кажется это истерическій припадокъ. Такъ заняты, не хотятъ посидѣть и минуты не теряютъ: больныхъ множество. Молю Господа, чтобы все это миновалось. Мой Костичка восхищаетъ меня и Машурка розовая. Мнѣ кажется, я пѣшкомъ бы дошла къ нимъ. А, ты дражайшій сынъ мой, ни слова о своемъ здоровьѣ; все вижу тебя дурно во снѣ, и сердце кровью обливается. Надежда *) не ближе сюда будетъ какъ дней черезъ десять, ибо 10-го Іюля выѣзжаетъ на своихъ и, можетъ быть, до Москвы поѣдутъ; говоритъ въ послѣднемъ письмѣ, что недѣли три протащатся, а на сей почтѣ писемъ отъ нея нѣтъ... О себѣ скажу вамъ, любезные друзья, я съ 11-го сего мѣсяца лежала въ постели, была больна опять жестокою моею болѣзнью, такъ что въ обморокъ падала; теперь, благодаря Бога, получше другой день, третьяго дня только была лихорадка настоящая. Софьѣ гораздо лучше, конвульсіи прошли почти; боюсь, чтобы моя болѣзнь чего не сдѣлала. Рихтеръ меня осматривалъ, а сегодня простился: ѣдетъ въ деревню. Избави Богъ быть здѣсь больному, не дождешься врача. Мудровъ велѣлъ послать за Рихтеромъ; самъ онъ ѣздилъ черезъ два, а иногда и черезъ три дня; такъ занятъ, что пересказать невозможно, да и Рихтеръ во всю болѣзнь былъ три раза; долго описывать всего! И такъ посылаемъ, посылаемъ за нимъ, да за свои средства примемся. Въ табакъ я положить велѣла Гофманскихъ капель; давно бы я ихъ выписала и послала, но страшная трудность отдать на почту. Костиньку и Машеньку сердечно цѣлую и васъ. Гос-

*) Сестра С. Т—ча Карташевская.

подь съ вами, будьте здоровы и благополучны, сего желаетъ и молитъ о томъ Бога другъ вашъ Марья Аксакова.

Отъ Марьи Николаевны Аксаковой.

31-го Іюля 1818 г. Москва.

Любезныя и дражайшія мои дѣтушки, Сергѣй Тимоѳеевичъ и Ольга Семеновна. Благодарю васъ, милые друзья мои, за ваше ко мнѣ нѣжное чувствованіе по болѣзнямъ моимъ, о которыхъ совершенно не слѣдовало бы и писать мнѣ, ибо разстояніе насъ раздѣляющее таково, что и еще успѣешь полежать. Теперь, благодаря Бога, я здорова по возможности... я хожу и выѣзжаю потихоньку. О Софьѣ вамъ скажу, мои друзья, она опять стала хуже и видно, что мы ни съ чѣмъ возвратимся. Лѣкарства Софьѣ даетъ г. Мудровъ весьма по-моему недѣятельныя. Конечно, ей получше; но нѣтъ того, чтобы совершенно она была здорова, и видно, что ожидать этого — отъ милости Господней, а не отъ врачей; и время, можетъ быть, все перемѣнитъ. Но не меньше же мое мучительное безпокойство и сокрушеніе останутся со мною. Ѣздитъ Мудровъ дня черезъ два, а иногда черезъ три; говоритъ, что лѣкарство мѣнять часто не годится. Мудровъ такъ занятъ и такъ разбогатѣлъ, что на 10 рублей не весьма пріятно взираетъ; но я рѣшилась болѣе не давать. А случилось одинъ день ей дурно, то я сыскать его не могла: пировалъ въ Лафертовскомъ, тамъ и спалъ. Иной день до обѣда спитъ, и у него человѣкъ 20 слугъ дожидаются стоятъ, дабы просить къ отчаяннымъ больнымъ. Словомъ, мнѣ такъ здѣсь жить противно, что не смотря на то, можетъ быть, осенью надобно будетъ ѣхать намъ въ Вятку или Оренбургъ. Въ Октябрѣ мы будемъ ожидать совершенно рѣшенія изъ Вятки... о домѣ, который непремѣнно продадутъ... А ежели бы сносно было здѣсь жить, то конечно здѣсь бы и оставаться. Что-то Надежино? Желала бы купца на него; но врядъ ли найдется въ нашихъ мѣстахъ... Я зачинаю уже посбирываться домой, и мысль, что васъ увижу и вашихъ дражайшихъ дѣтушекъ, меня оживотворяетъ. Бѣзцѣнный Константинъ мой, умный, примѣчательный, розовая Машенька... занимаютъ мое воображеніе. Пошли Господи мнѣ увидѣть ихъ и васъ всѣхъ здоровыхъ. Вы ничего не пишете, мои милыя дѣтушки, о вашемъ батюшкѣ; видно, онъ не пожалуетъ къ вамъ *); какъ мнѣ это жаль... Косточку отнять отъ груди пора, покудова за тепло, чтобы можно было его и на дворѣ потѣшить. Я говорила

*) Отецъ Ольги Семеновны, генералъ Семенъ Григорьевичъ Заплатинъ, хотѣлъ навѣстить своихъ, въ ихъ Оренбургскомъ-Аксаковѣ; но свиданіе не состоялось.

вчера съ Мудровымъ и Андрѣемъ Михайловичемъ; говорятъ оба, что пора отнимать: слабыхъ кормятъ долѣе. Простите, мои безцѣнные друзья, цѣлую васъ и дѣтушекъ вашихъ. Благословеніе Господне надъ всѣми вами, и мое грѣшное. Косточку и Машенку цѣлую особенно. Я на сей недѣли зачинаю говѣть, буду пріобщаться Святыхъ таинъ, ежели Господь сподобитъ меня. Другъ вашъ М. А.

Отъ Тимоѳея Степановича Аксакова.

Милые друзья мои! Письмо ваше отъ 12-го Іюля мы получили 29 числа; душевно обрадованы, что вы и дѣтушки здоровы. Не знаю, когда мы васъ увидимъ. Время наступаетъ осеннее; дни короткіе будутъ; не знаю какъ и дотащиться къ вамъ. Убытки большіе, а пользы ни на волосъ нѣту. Покуда въ разсѣяніи, то кажется и получше, а впрочемъ все тоже.—Весьма хорошо ты, мой другъ, сдѣлалъ, послалъ на своихъ лошадяхъ за тесомъ. Кабы можно покрыть—это всего нужнѣе. Гвозди двутесовые, ежели слишкомъ длинны, то будутъ загибаться и ломаться, когда колотятъ, а притомъ болѣе желѣза и работы. Тесу недостало присланнаго. Какъ видно, что его растащили. Триста бревенъ распилено, изъ каждаго пять тесинъ выходило; а взято 150 въ Надежино для церкви. Не пишете вы: переклали ли печи во флигелѣ, а безъ того тепла не будетъ. По дѣлу Алпаевскому присланый запросъ въ Уѣздный Бугурусланскій Судъ, полагать можно, по предписанію военнаго губернатора. Теперь нужно похлопотать о семъ въ Правленіи, дабы сдѣлали справедливо отнесеніе начальнику; но не меньше просить о семъ Хаменку взойти въ разсмотрѣніе несправедливостей землемѣра и суда. Но какъ это сдѣлать, когда я связанъ по извѣстнымъ тебѣ болѣзнямъ, а къ тому и тебѣ отъѣхать не можно? Вѣрющее письмо я бы и послалъ, но оно вмѣстѣ съ нами дойдетъ къ тебѣ. Ежели отъ тебя не приняли бы нужныхъ просьбъ, то можно за отсутствіемъ моимъ подавать старостѣ. Безграмотный судья только надѣлалъ намъ большихъ хлопотъ, послушался плута Бубнова. Онъ не даромъ былъ въ Алпаевѣ: посмотрите, что возмущалъ мужиковъ, а можетъ и просьбу сочинилъ послать въ высшее правительство. Въ Губернское Правленіе я бы послалъ просьбу по сему дѣлу, но не взялъ съ собою ни одной бумажки, съ чего бы написать можно было. Священника надобно бы пріискать намъ хорошаго; ежели случится тебѣ, милый, узнать, то дай ему одобреніе и отпиши къ преосвященному объ опредѣленіи. Печь въ церкви перекласть понадобится. Московскихъ вѣстей множество, но ничему вѣрить не можно. Прощайте, друзья, цѣлую васъ и милыхъ моихъ Костиньку и Машеньку. Да будетъ съ вами благословеніе Божіе вѣчно. Другъ вашъ Тимоѳей Аксаковъ.

Отъ Тимоѳея Степановича Аксакова.

14 Августа 1818-го года. Москва.

Милые мои друзья Ольга Семеновна и Сереженька. Письмо ваше отъ 17 Іюля мы получили 12-го Августа. Душевно сожалѣю о нездоровьѣ Ольги Семеновны, проклятыя спазмы ее мучаютъ; желаю, чтобы мы нашли васъ всѣхъ здоровыхъ. Что-то Костинька начинаетъ-ли все говорить? А Сашка Надежинъ *) не только все разумѣетъ, но и всякое слово называетъ, какое ему скажутъ, но весьма нездоровъ. Прошедшаго дня въ 5-мъ часу пополудни отправились въ Петербургъ; съ ними отпустили мы и Аркадія. Съ Аркашею отпустили Ваську Башкирца, а мальчикъ изъ Вишинокъ для него взятый что-то вялъ и ненадеженъ. Теперь начинаемъ мы помышлять о дорогѣ; хочу купить шестую лошадь и ѣхать на своихъ... Пришли, мой другъ, къ 15-му числу Сентября въ Аксаково людей и съ ними девять лошадей съ одною кибиткою; съ лошадьми прислать Трофима и еще человѣка два, которые могли бы править на тройкахъ. Здѣсь поговариваютъ, что будетъ съ 250 душъ рекрутъ; но справедливо-ли, подлинно неизвѣстно. Еще забылъ написать: прикажи взять людямъ теплое платье и привезти въ Аксаково; съ нами люди поѣхали безъ теплаго платья. Многіе здѣсь покупаютъ деревни дорогою цѣною: по тысячѣ душу и болѣе. Сосѣдка наша Воейкова возвратилась изъ Кіева и весьма охотно продастъ Аксаково; но боюсь идти въ долгъ, хотя и желалъ бы купить. Здѣсь такая худая погода, дождь и вѣтеръ холодный, похоже на осень; не знаю какъ и ѣхать. Софинькѣ ничего лучше нѣту. Проводя Надежду, опять разстроилась, и все такіе-же припадки; съ чѣмъ пріѣхали, съ тѣмъ и уѣдемъ. Теперь скажу вамъ, друзья: Богъ сподобилъ меня и мать четвертаго дни пріобщиться Святыхъ тайнъ Христовыхъ? Что-то у васъ? Попъ выѣхалъ-ли отъ насъ или нѣтъ? По письму твоему вижу, что Алпаевскіе надоѣдятъ намъ своимъ буйствомъ; къ хлѣбу надобно непремѣнно опредѣлить караулы, когда жать будутъ, или во время жнитвы тамъ и ночевать мужикамъ, покудова уберутъ его; а дабы скорѣе свезти, то класть въ клади подлѣ заселеной деревни и обгородить жердями. За симъ цѣлую васъ и милыхъ моихъ малютокъ, Костиньку и Машеньку. Да будетъ благословеніе Божіе съ вами вѣчно. Другъ вашъ Тимоѳей Аксаковъ.

Ѳедора Михеева отошли въ Надежино со всѣмъ семействомъ и подтверди, чтобы староста велѣлъ ходить ему за лошадьми съ сыномъ и ни до чего не допускалъ и строго содержалъ.

---

*) Т. е. сынъ Надежды Тимоѳеевны—сестры Сергѣя Тимофеевича, которая была замужемъ за Григорьемъ Ивановичемъ Карташевскимъ.

Отъ Марьи Николаевны Аксаковой.

Того же числа.

Милыя и дражайшія мои дѣти Ольга Семеновна и Сергѣй Тимоѳеевичъ. Письмо ваше съ сердечною радостью получила; только не радуетъ меня, а душевно печалитъ нездоровье Ольги Семеновны и дѣтей: непрестанно что-то они прихварываютъ. Молю Господа Бога, чтобы вы всѣ, мои дражайшіе друзья, были здоровы и чтобы я васъ поскорѣе увидала. У насъ были гости: Надежда съ Сашкой своимъ, чуть живущимъ. Пріѣхала сюда 31-го Іюля, а третьяго дня я разсталась съ ними, то есть 12-го Августа. Разсталась съ моимъ Аркадіемъ котораго конечно уже не увижу въ жизни сей. Сердце заливается кровью, и слезы текутъ еще. Онъ далъ силу мнѣ разстаться съ нимъ; его холодность и совершенное ко мнѣ равнодушіе охолодили и мою страстную къ нему привязанность, которую сердце мое къ нему имѣло. Онъ много плакалъ, разставаясь со мною, и я воспоминаю только послѣдніе дни и часы. О, сердце матери, почто оно столь слабо! Господь съ нимъ. Мы увидимся съ нимъ въ лучшемъ мірѣ; ибо знаю, что не дождусь сего счастья, чтобы взглянуть на него пока жива. Надежда также чрезвычайно тяжело разсталась со мной; она, благодаря Бога, здорова. Сашенька не только не поправился, а похудѣлъ и поблѣднѣлъ ужасно; не ходитъ и даже не стоитъ одинъ, личишко крошечное, блѣдно-желтое, а Надежда къ счастью мало сего боится. Мудровъ коечто прописалъ, но стало отъ этого хуже. У него и свои дѣти столько разслабленныя, что Надежда, бывъ у нихъ, ужаснулась: по третьему году дѣвочка съ мѣсяцъ какъ пошла и чуть жива, мальчикъ съ вывихнутой ногою и едва живъ; то не лучше-ли наши средства? Софьѣ моей нимало не помогъ, и такъ возвращаюсь съ тѣмъ же, съ чѣмъ и пріѣхала. Ныньче, проводя сестру, совершенно разстроилась, вотъ и все лѣченье; конечно, Рихтеру надобно-бы лѣчить, но мнѣ кажется, все одно и тоже. Рихтеръ сказалъ мнѣ, чтобы ее оставить совершенно на натуру, и онъ, какъ истинно меня любящій, и по чести своей, мнѣ это совѣтуетъ; только бы ничѣмъ не огорчать ее. Но возможно-ли это?

О себѣ вамъ скажу: я, благодаря Бога, здорова, кромѣ обыкновенныхъ моихъ припадковъ. А здѣсь странные кровавые поносы. На дняхъ умерла богатѣйшая Баташева, болѣвшая поносомъ, въ 5-ть день; малютка за нею же и той же болѣзнью послѣдовала, и тѣмъ кончился родъ Баташева-старика. Вотъ столица, вотъ знаменитые врачи! Такъ-то изряднехонько путаютъ, какъ и мы грѣшные. Говорила вчера съ Мудровымъ о вашей болѣзни, милая моя Ольга Семеновна; велѣлъ

пить ромашку теплую во время спазмовъ, хотѣлъ еще что попридумать. Замучился ты, мой другъ Сергѣй, съ пьяницами; я давно знаю, что такое этотъ обойщикъ; въ другомъ домѣ не потерпѣли бы его давно. Довольно была хороша штучка: грабежъ, кутежи и осмотръ дома нашего! Жену его прикажи немедленно привести, а Прасковью, Ѳедорову супругу, на мѣсто ея туды отвести; тамъ и дочка съ Аннушкой живетъ, да и супруга ея съ сыномъ туда же отправить; но наистрожайше подвердить старостѣ, что ежели онъ допуститъ его до чего нибудь въ деревнѣ и домѣ, кромѣ какъ ходить имъ съ сыномъ за лошадьми. Алексѣя пожалуйста заставляйте работать, и сынокъ по немъ страшный змѣй, плутъ, также, какъ батюшка вертится. У насъ двое больныхъ кровавыми поносами: Александра и Макейчинокъ. Я ѣмъ постное. Пріобщалась Святыхъ и Животворящихъ тайнъ Христовыхъ, и право здоровѣе отъ сего, чѣмъ отъ лекарствъ. Пишите хоть разъ къ Андрею Михайловичу: онъ восхищается отъ Костиньки нашего. Хлѣба пришлю съ будущей почтой; никуда негодные Ницманскіе дали хлѣбы, два раза Надежда на заказъ покупала, и оба раза негодны. У меня сегодня купили также сырые и черные; напишу записочку къ Ницманамъ или попрошу Андрея Михайловича заѣхать и попросить ихъ; разбогатѣлъ слишкомъ! Простите, мои дражайшіе и милые друзья. Молю Господа Бога о здоровьѣ вашемъ и дражайшихъ милыхъ моихъ Костиньки и Машеньки; восхищаюсь, что Костинька меня помнитъ; я не знаю, отчего онъ помнитъ кладовую: я ничего тамъ ему не давала. Что-то его Елисавета? Нѣтъ, матушка, не надѣйтесь на здѣшнихъ нянюшекъ, бродягъ; Андрей Михайловичъ какъ старался ихъ находить! Далеко не ѣдутъ; одну Англичанку было промыслили, просила 800 р., да только надсматривать надъ нянями; напослѣдокъ за 500 р., но какъ узнала; что ѣхать за 1,000 верстъ, то и говорить не хотѣла. Мѣхъ и воротникъ вамъ, милый другъ мой Ольга Семеновна, давно купила и атласъ желала бы, чтобы это все было хорошо. Тафты темной гладкой не возможно купить, прескверная! А мелкополосыхъ совсѣмъ нѣтъ; нашла дикую полосатенькую и что́ было всею взяла по 1 р. 30 к.: такъ все дорого. Повѣрите-ли, Аркашѣ шила тулупъ Русскимъ гарнитуромъ, крыла самой скверной по 3 р. 25 к. за аршинъ, а вы знаете, что я торговаться нескушлива. Мѣхъ бѣличій, самый плохой, 80 р. заплатила ему подъ тулупчикъ. Вотъ, мои друзья, все переговорила съ вами. Буду-ли я такъ счастлива, чтобы увидѣть васъ поскорѣе, милыя мои дѣтушки? Цѣлую безцѣннаго моего Константина и Марію. Господь съ вами со всѣми. Цѣлую и васъ, мои други. Благословеніе мое съ вами на вѣки. Другъ вашъ истинный Марья Аксакова.

Софья цѣлуетъ ваши ручки; она бѣдная вчера ни пила ни ѣла, проплакала весь день и ночь худо чрезвычайно спала. Душевно сожалѣю, что батюшка къ вамъ не будетъ.

Отъ Тимоѳея Степановича Аксакова.

20-го Декабря 1818 года. Москва.

Милые друзья мои, съ наступающимъ праздникомъ Рождествомъ Христа Спасителя нашего поздравляю, душевно желая, чтобы вы какъ сей, такъ и многіе таковые, радостно праздновали и были совершенно здоровы и съ милыми малютками вашими. Мы здѣсь всѣ праздники проводимъ съ большою горестью, потому что розно съ вами и сидимъ въ четырехъ стѣнахъ. Вчерась получили письмо отъ Надежды, пишетъ также, что будетъ къ намъ въ Генварѣ, но едва-ли можетъ пріѣхать: въ Петербургѣ и въ окрестностяхъ онаго снѣгу нѣту ни клочка, обозы идутъ на телѣгахъ. У нихъ проявился пророкъ, что зимы не будетъ нынѣшній годъ, за то посаженъ въ тюрьму. Новости, и говорятъ, вѣрныя: Бонапартъ бѣжалъ съ острова; вотъ тогда опять будетъ новый наборъ рекрутъ, даже и поговариваютъ, будто къ веснѣ съ 500 душъ наборъ будетъ. Нарышкина старшая дочь вышла замужъ за Гурьева и получила съ почтою подарокъ: ящикъ, въ которомъ вексель на 200 тысячъ и портретъ отца и матери, склаважъ и гребенка. Пишетъ о семъ Надежда; также, что бумажки съ новаго года будутъ ходить новыя, уже здѣсь въ банкѣ о семъ получено; также увѣряютъ, что рубль цѣлковый будетъ въ два рубля по новому тарифу. Вчерась я отправлялъ къ вамъ хлѣбы Французскіе на почтѣ, насилу могъ упросить пріемщика, чтобы принялъ; но все вышло 28 фунтовъ. Надежда пишетъ еще: Аркашу представлялъ великому князю Николаю Павловичу, Павелъ Петровичъ [1]), и онъ очень оробѣлъ, забылъ называть ваше высочество и говорилъ просто, но великій князь сказалъ: «хорошій мальчикъ молоденькій». Вотъ вамъ наши новости. Письмо ваше мы получили отъ 30-го Ноября, въ 16 дней, я не успѣлъ писать къ вамъ съ прошедшею почтою; обозу мы по письму вашему ожидаемъ нынѣ или завтра, ежели не попрепятствуетъ худой путь, или по тяжелой клади дошли бы лошади. Я уже жалѣю, что не написалъ послать третью лошадь, потому что телѣгу везти тяжело. Сестра Евгенія Степановна [2]) тоже пишетъ чтó и вы: сестра Александра Степановна

[1]) Павелъ Петровичъ Мартыновъ.

[2]) Александра и Евгенія Степановны—золовки Марьи Николаевны, упоминаемыя въ С-й Х-кѣ подъ собственными именами. (Первая за Кротковымъ, вторая за Угличининымъ.)

жестоко была больна и все еще не выздоровѣла. Увѣдомь меня, мой другъ, есть-ли ей лучше отъ болѣзни. Пріятно мнѣ слышать, что ты, мой другъ, хотѣлъ къ ней побывать; но какъ останется одна Ольга Семеновна? Она въ такомъ положеніи, что ей тягостно будетъ по ночамъ вставать къ милому Костинькѣ. Билетъ я затѣмъ послалъ, что надѣюсь перебиться кое-какъ; ибо расходы наши небольшіе, а между тѣмъ продадутъ хлѣбъ въ Вишенкахъ и доставятъ къ намъ. Увѣренъ въ вашей нѣжной любви къ намъ, что вы ничего не пощадите, даже вашего здоровья, которымъ вы жертвуете нашему спокойствію; да наградитъ васъ Творецъ Небесный, и вы узрите таковую же любовь въ дѣтяхъ вашихъ. Относительно хозяйства, мой другъ, распоряженія твои весьма хороши. Но пшеница наша съ головнею, она много сбавитъ цѣны, потому что безцвѣтна; ежели бы крупою продать можно, то всего лучше. Увѣдомъ, сколько родилось у насъ табаку и есть ли изъ онаго какая выгода? Я также писалъ прежде, каковъ Рѣпьевскій малый, взятый въ садовники? Есть ли въ немъ какой толкъ и какъ ведетъ себя, не лѣнивецъ ли? Также: каково садовникъ смотритъ за аранжереями и не пьянствуетъ ли, и каково въ аранжереѣ? Цвѣты ему отданы ли? Весною съ почтою хочу прислать Шпанской бѣлой клубники, а сѣмянъ не досталъ. Газеты на будущій годъ выписалъ, и они будутъ къ вамъ присылаться въ Бугурусланъ. Марья Николаевна хотя навѣрное не оставляетъ поѣздки своей, но кажется до лѣта ѣхать изъ Москвы не можно: снѣгу здѣсь весьма мало, и обозъ нашъ еще не бывалъ; а вотъ уже 24-е число Декабря. Почему такъ долго изъ Вишенокъ тебя, милый, не увѣдомляютъ?... Въ Уральскѣ макъ едва ли раскупятъ, ибо тамъ берутъ его малыми мѣрками, а гуртовой продажи не бываетъ. Журналъ «Сынъ Отечества» выпишу съ пересылкою въ Бугурусланъ. Не знаю, какъ къ вамъ отправить эфирный элексиръ, ибо жидкости съ почтою не принимаютъ. За симъ желаю душевно всѣмъ вамъ здоровья. Цѣлую васъ и милыхъ моихъ Костиньку и Машеньку. Да будетъ благословеніе Господне съ вами вѣчно. Другъ вашъ Тимоѳей Аксаковъ.

Отъ Марьи Николаевны Аксаковой.

23-го Декабря 1818 года. Москва.

Сію минуту получили письмо ваше, дражайшія дѣти Сереженька и Ольга Семеновна. Не могу довольно начитаться его о дѣтяхъ. Благодарю Всемогущаго Господа, что вы и дѣти ваши здоровы. О мой разумный Костинька! Восхищеніе мое о немъ безпредѣльно. Машенька моя уже переступаетъ. О Боже милосердый, когда я дождусь увидѣть васъ всѣхъ, дражайшія мои сокровища! Вы мучитесь, милая моя, доро-

гая Ольга Семеновна, о моемъ пути зимнемъ; я бы, кажется, перенесла его; но ваше спокойствіе дороже мнѣ моего. Ужасъ Сереженьки—все это соображаю, рѣшусь остаться до весны. Но какъ далеко это еще отложится! По крайней мѣрѣ, ежели буду жива, въ половинѣ Апрѣля надобно будетъ выѣхать. Ахъ, какъ тяжела мнѣ разлука съ вами, и каково ожидать мнѣ родинъ вашихъ, дражайшая моя Ольга Семеновна. Тогда только свободно дохну, когда получу сіе для меня великое и неизреченное счастіе и извѣстіе о благополучномъ разрѣшеніи твоемъ, мой другъ сердечный, милая моя Ольга Семеновна, и когда сынъ мой, мое единственное сокровище, будетъ спокоенъ. Какъ больно мнѣ, мои дражайшіе друзья, что няньки у васъ нѣтъ. Это мучитъ меня. Третьяго дни былъ у меня сводчикъ, хорошій человѣкъ, далъ мнѣ вѣрное слово найти вдову хорошаго поведенія, которая и есть у него на примѣтѣ. Я обѣщала ему 25 рубл. за труды. Надѣюсь, что сыщу къ моему отъѣзду и куплю. Не странно ли: отъ этакой дворни женщины нѣтъ путной ни одной; да чему и быть отъ нашей развращенной дворни? Александра у меня живетъ здѣсь пресмирно и не пьетъ, а Ѳедотъ. . . . . и не видала хуже, и воръ къ тому же. Да, правду сказать, никто на свою руку охулки не кладетъ. Нынче пресмѣшное было: Максимъ купилъ дрова, пришелъ ко мнѣ за деньгами (отца вашего не было дома), говоритъ семь возовъ дровъ, взялъ отъ меня деньги; мнѣ и вздумалось посмотрѣть, каковы воза. Выхожу на крыльцо; вижу, что только пять возовъ; онъ не ожидалъ сего, ибо никогда не ходила смотрѣть и считать, чтó привезется. Но это причислено было къ ошибкѣ, по обыкновенію. Башкиръ былъ при смерти боленъ горячкою и убоемъ: ѣхавши изъ Петербурга, попалъ подъ возъ, и теперь лежитъ, все жаръ по ночамъ; сомнѣваюсь, чтобы остался живъ. Много меня это страшитъ, что больныхъ у васъ столько; какъ вы теперь безъ няньки, не знаю. Косточка мой капризенъ: когда же умные бываютъ слишкомъ покорны? Господь съ нимъ. Выростетъ—не будетъ таковъ. Отецъ его былъ весьма упрямъ; но дай Господи, чтобы онъ былъ такимъ. Марья Аксакова.

Отъ Тимоѳея Степановича Аксакова.

1-го Генваря 1819 года. Москва.

Милые друзья, благодаримъ Господа, что вы и дѣтушки ваши совершенно здоровы. По регестру все получено, чтó послано; въ цѣлости довезено. Жаль только, что не прислали крупы овсяной; видно, мы забыли написать. Здѣсь свѣжей крупы не достанешь. Ты угадалъ, мой другъ, что Трофимъ протащится: болѣе мѣсяца ѣхалъ, и какъ же иначе, когда вездѣ пьянствовалъ и осмѣлился пить въ Бугурусланѣ и въ Со-

ловкѣ; вотъ какая дерзость, но это такъ ему не пройдетъ. Надежинскіе, вмѣсто 80 к., продали овесъ по 60 коп. Этому причиною Петръ Петровъ, что не выслалъ въ свое время, и ежели нѣту справедливой отговорки, то прикажите съ него взять по 20 к. за пудъ, чтобы впредъ исполнялъ что́ приказано будетъ. Хорошо сдѣлалъ, мой другъ, передвоить приказалъ вино; а вышло очень мало. Что же винокуръ говоритъ? Вѣдь онъ и сидѣлъ его—доказательство вѣрное, плохо выгнато. Для дворни надобно нанять дворецкаго строгаго, ежели бы можно найти, а шалуновъ поубавить; также и для крестьянъ трудно отыскать старосту, который бы строгостью и смотрѣніемъ привелъ все въ порядокъ. Ефремъ, конечно, слабый человѣкъ; но по необходимости смотрѣть за мужичьими работами велѣно; ежели бы прикащикъ былъ строгій, тогда и староста былъ бы хорошъ. Ключница пить ходитъ на мельницу къ женѣ мельника Спиридона. Ежели правда, то Спиридонову жену наказать прикажи; а не уймется—отослать ходить за скотиной въ Вишенки. Благодарю васъ, милые друзья, за присланные мнѣ гостинцы; они для меня дороже всѣхъ прочихъ, потому что отъ нѣжности чувствъ вашихъ происходятъ. Посылки Надеждины, узды и шлеи плетеной и ветчины, это все пойдетъ къ нимъ съ обозомъ ихъ; ибо я слышалъ отъ Васьки Башкирца, по возвращеніи его изъ Петербурга что къ нимъ обозъ изъ Пестровки пошлется. А объ вареньѣ мы къ нимъ писали, что̀ дѣлать. Послѣднее письмо ваше восхищаетъ насъ, читавши о миломъ Костенькѣ. Удивительно, что онъ такъ рано зрѣетъ до совершенства; какъ бы не притупилъ свою память. Вотъ и Машенька начинаетъ переступать. Къ пріѣзду нашему будетъ ходить, и насъ выбѣгутъ встрѣчать. . . . . кажется, и дожить до этого нельзя; эти мѣсяцы годами покажутся. Рекрутскіе наборы браковкою насъ разоряютъ. Ни о чемъ не могу совѣтовать тебѣ, мой милый, ибо почти идетъ мѣсяцъ; распоряженія твои весьма хороши, дѣлай такъ, мой другъ какъ тебѣ разсудится. Жаль, что Акимъ такъ долго хворалъ; какъ бы работы въ домѣ не остановились. Нужно бы и амбары дорубить и покрыть. На переводины нельзя ли найти у насъ лѣсу? Но всего бы лучше взять у форшмейстера, заплатя попённыя деньги; хотя потонки взять, но полѣсовщики отпустятъ потолще лѣсъ. . . . . О селѣ Аксаковѣ тебѣ скажу: по пріѣздѣ моемъ въ Москву Воейкова охотно мнѣ его продавала за 80 тысячъ, и я тогда бы его купилъ; но мать не соглашалась отдать свои деньги, а безъ наличныхъ нѣкоторой части матери она не согласилась; я хотѣлъ уже купить самъ непремѣнно и для того посылалъ въ Симбирскъ нарочнаго къ ней человѣка на почтовыхъ. Катушка эта стоитъ 200 рублей, а вышло по пустому. Воейкова пишетъ ко мнѣ, что крестьянъ не продаетъ; купила въ 1.000 рубл. домъ и

строится въ Аксаковѣ, хочетъ сама тамъ жить. Весьма мнѣ жаль, что я упустилъ изъ рукъ эту деревню. Государь пріѣхалъ 23-го вечеру, а поутру офицеры Измайловскаго полка всѣ представлялись Государю, и онъ ихъ благодарилъ: такъ пишетъ Николушка. Прощайте, милые, цѣлую васъ и милыхъ моихъ Костиньку и Машеньку. Да будетъ благословеніе Господне съ вами вѣчно. Другъ вашъ Тимоѳей Аксаковъ.

Отъ Марьи Николаевны Аксаковой.

1-го Генваря 1819 года.

Любезныя и дражайшія мои дѣти! Сегодня наступилъ новый годъ. Поздравляю васъ. Молю Всевысочайшее Существо, да ниспошлетъ Оно на васъ и дѣтей вашихъ великое Свое милосердіе. На другой день праздника, 26-го, пріѣхалъ плутъ Трофимушка. Драгоцѣнныя письма ваши, ваши гостинцы, столь милые сердцу моему, получили всѣ; благодарю васъ за нихъ, милая моя и дражайшая Ольга Семеновна. Вижу, что не въ Аксаковѣ эта прекрасная вишня родилась; да на что же ты, мой другъ, столько прислала ко мнѣ, вѣдь тамъ у васъ негдѣ взять этого. И нитки тонкія, тоже видно не тутошныя. Все это столько для меня дорогія вещи изъ рукъ вашихъ, дѣти мои дражайшія, принимаю со слезами. Восхищеніе мое, слышавши и читавши о Костинькѣ и Машенькѣ, безпредѣльное. О, мой разумный, безцѣнный Костинька, когда тебя увижу! Новый годъ мнѣ здѣсь, въ отдаленіи отъ васъ, тяжелъ, мои други; не могу провести его безъ горчайшихъ слезъ. Описанія ваши, други мои, о дѣточкахъ нашихъ составляютъ утѣху жизни моей. Читаю и перечитываю письма ваши по нѣскольку разъ на день; вечеромъ они, при засыпаньи моемъ, вмѣсто книги утѣшительной успокоиваютъ духъ мой. Только дамъ вамъ совѣтъ мой, какъ истинный другъ вашъ и мать: управить умненько нужно капризнымъ умишкой, какъ пишешь ты, мой другъ Сереженька, Косточкинымъ. Первое правило по моему, чтобы не исполнять всякое его желаніе и не горевать о томъ, что онъ поплачетъ о томъ. Это будетъ въ великую ему пользу въ будущее время, и никогда не давать ему любимой вещи въ то время, когда онъ упрямится и проситъ ея; хоть бы, Богъ знаетъ, какъ онъ о семъ плакалъ, не давать. Покорите непремѣнно его власть вашей, и уже пора это начинать, особенно же потому, что разумъ его слишкомъ превзошелъ его возрастъ; съ нимъ надобно дѣйствовать какъ съ пятилѣтнимъ, по его особенно памяти. Я знаю, что милый другъ мой, дражайшая моя Ольга Семеновна, лучше моего все придумаетъ; но она менѣе имѣетъ опытовъ и, можетъ быть, слишкомъ любитъ много, отчего не въ состояніи дѣлать такія насилія нраву Косточкину,—тогда

отецъ во всемъ смыслитъ. Отецъ разумный долженъ выполнить все, но не вспыльчивостью, а ровнымъ управленіемъ воли дѣтей. Вотъ мнѣ не нравится то, зачѣмъ его закачивать? Дитя не долженъ имѣть такихъ прихотей, которыя ему напослѣдокъ обратятся въ великое горе; всегда онъ долженъ быть положенъ прямо въ кроватку: ежели истинно хочетъ спать, уснетъ безъ всѣхъ пособій, когда здоровъ. Потомъ еще одно слово, дражайшій мой Сереженька! Ты говоришь, что нельзя его обмануть ни въ чемъ, нельзя большой кусокъ сахару подмѣнить маленькимъ. Этого и дѣлать не надобно, а надобно, чтобы воля ваша была для нихъ законъ. Ежели онъ хочетъ имѣть кусокъ большой и съ капризами его требуетъ, тогда взять маленькій и сказать: «вотъ я хочу, чтобы ты этотъ взялъ»; не хочетъ, заплачетъ — не давать, чтобъ онъ вездѣ видѣлъ вашу волю, а не свою. Тогда будетъ таковъ же какъ ты, дражайшій сынъ мой; разольетъ счастіе на васъ, своихъ родителей, и болѣе будетъ любить, нежели родителей слабыхъ, которые покоряются волѣ его. Я не знаю, еще не видала въ 50-ти-лѣтней жизни моей, чтобы дѣти, воспитанныя безъ власти, любили совершенно своихъ родителей. Не посѣтуйте на меня, что я для новаго года даю вамъ дружескія наставленія. Поводомъ къ нимъ были ваши слова, дражайшая моя, милая умница Ольга Семеновна, въ послѣднемъ письмѣ вашемъ, гдѣ вы говорите: *вотъ вамъ описаніе о вашемъ любимцѣ, милая моя; увѣрена, что при васъ онъ не былъ таковъ капризенъ.* Нѣтъ, другъ мой сердечный, это дѣло родителей, а не бабушки отваживать отъ капризовъ. Но что говорить! Онъ, моя лапочка, все способенъ впечатлѣть на умномъ сердцѣ своемъ. А ежели будетъ имѣть капризы, то это будетъ вина ваша, а не его; на немъ теперь что̀ хочешь печатай, лишь бы печать была хороша, въ чемъ и не сомнѣваюсь. Когда вы сами сына своего такъ воспитаете, чтобы онъ былъ самъ себѣ въ тягость! Когда онъ крошечка былъ еще при моемъ отъѣздѣ, ничего не говорилъ и не понималъ, мною и тогда исторія о сахарѣ и сахарницѣ всякій день имъ была вспоминаема, и онъ, милое мое безцѣнное сокровище, не смѣлъ брать самъ сахаръ. Все будетъ хорошо, далъ бы Господь здоровья. Восхищаюсь, что Машечка зачинаетъ ходить. Дай Богъ, чтобы была хорошенькая; не худо это дѣвочкѣ, и Косточку представляю съ разумными проницательными глазами, съ внимательной физіономіей. О Боже всемогущій! Когда увижу васъ всѣхъ! Здоровье мое не позволяетъ мнѣ и думать пускаться въ путь. Я хотѣла было обмануть васъ, оставя здѣсь письма три, сказать, что не поѣду, а самой ѣхать, но теперь не могу: спазмы мои такое раздраженіе оставляютъ во всей моей внутренности, что я тряхнуться не могу иной день. Я пишу къ вамъ, мои други, всю правду; ибо не повѣрите вы, чтобы я была со-

вершенно здорова. Считаю минуты и секунды, которыя приближаютъ меня къ веснѣ. Какъ я рада, что ты, другъ мой Сереженька, бываешь въ моей комнатѣ; много эти стѣны слышали моихъ вздоховъ и страданія. Дай Богъ чтобъ я умерла въ этомъ убѣжищѣ, которое мнѣ покойный мой свекоръ *) далъ въ домѣ своемъ. Эта комната, имъ мнѣ построенная, дворцомъ показалась великолѣпнѣйшимъ. По крайней мѣрѣ я не могла слышать изъ нея всего того, чего не хотѣла знать. Тяжело отзываются здоровью моему прошедшія, настоящія и будущія скорби мои; но живу долго, тѣлосложеніе мое противится ужаснѣйшимъ образомъ или борется съ моими припадками.

Надежда, видно, не можетъ пріѣхать ко мнѣ: отъ Петербурга до Москвы снѣгу нѣтъ ни клока, ѣздятъ на колесахъ. Ключница зачала куликать, пишете вы; я такъ и думала. Надобно бы пугнуть ее, мои други, отставить дня хоть на три, а потомъ можно простить; вотъ она и уймется пить. Вѣдь некѣмъ и подумать перемѣнить; это все воры и грабители, да нѣтъ кого приставить къ погребу и кладовымъ: все разворуютъ и растащутъ. Я такъ думаю, что теперь у насъ такова закваска положена въ домѣ, что кого хочешь новаго хорошаго приведи—не продержится, а пропадетъ: ибо всѣ, до малаго ребенка, въ развращеніи. Я боюсь своего дому, истинно боюсь; да и тебѣ, мой другъ Сереженька, совѣтую остерегаться этихъ обойщиковъ съ прибoромъ... Вѣдь на свадьбу хлѣбца наговорилъ, отъ котораго собака умерла,—это открытое дѣло, и послѣ сего онъ также на ряду съ добрыми остался. Я Трофима, думаю, велю наказать въ полиціи за таковой дерзкій поступокъ; я сносить этого не могу. Придетъ ли жена его—оброкъ; а сынка, пріѣхавши, продамъ непремѣнно; что это такое, изъ предѣлу вонъ все вышло. Пугни, мой другъ Сереженька, хорошенько ключницу, сдѣлай видъ, соберись ее наказать, а Ольга Семеновна пусть тебя упроситъ; повѣрь, что она тотчасъ перестанетъ пить; а друга ея, у которой она пьетъ на мельницѣ, у той самой, которая была у меня въ стряпкахъ, не помню какъ зовутъ ее, накажи хорошенько и хотя на время отправь въ Надежино; вотъ гнѣздо ихъ и разрушится. Сказываютъ, Михайло, какъ и всегда это было, пьетъ; но нынче больше; хорошенько бы ты его проучилъ за это разсчетомъ; думаю, воруетъ безъ милосердія. Замучился ты, другъ мой, съ такимъ развращеннымъ домомъ. Теперь узнаешь лучше, правду ли я говорила, и каково это все сносить. Затѣмъ прощайте, дражайшія и безцѣнныя мои дѣтушки. Другъ вашъ Марья Аксакова.

---

*) Упоминаемый здѣсь свекоръ—дѣдъ С-я Т-ча, самъ Степанъ Михайловичъ, описанный имъ и въ С. Х, и въ Дѣтскихъ годахъ Багрова-внука.

Дражайшія рученки [1]) лежатъ у сердца моего. Косточкина ручка лучше, длинные тонкіе пальчики; мнѣ кажется Машенька толще его, по рукѣ смотря. Когда получится письмо это, тогда наступитъ день ангела Машеньки; поцѣлуйте ее за меня милёхонько, мои други. Я ей дарю дѣвочку мою собственную, Башкирову дочь. Она преумненькая. Прикажите, дражайшія мои дѣти, чтобы она ныньче же была при ней; можно ее чему выучить. Не забудь, моя дражайшая, милая Ольга Семеновна, прикажи матушка, чтобы всѣ дворовыя бабы непремѣнно напряли тонкихъ нитокъ, да и горничныя бы попряли недѣли двѣ. У насъ такъ дошло, что тонкихъ нитокъ, которыми бы можно обрубить кисею или что тонкое другое, совсѣмъ нѣтъ. Холстъ, видно, вы, моя родная, милый другъ мой Ольга Семеновна, прислали свой; мнѣ кажется, что это тканье Журавля-ткача, а онъ вѣдь ткалъ ваши два полотна. Говорятъ, послѣ новаго года всѣ товары вздешевѣютъ: выйдетъ новый тарифъ, гдѣ разрѣшенъ будетъ ввозъ всѣхъ иностранныхъ товаровъ безъ изъятія. Милая Ольга Семеновна, не купить-ли вамъ тафты на шлафорокъ полосатенькой? Но переписываться долго, я куплю; а вы, коли меня любите, то сошьете и будете носить, моя дражайшая. Сереженькѣ куплю полдюжины платковъ полотняныхъ; желаю носить на здоровье. Для того пишу, что сегодня новый годъ. Косточкѣ купила приборъ: ножичекъ и вилочку серебряные, также на новый годъ. Софья цѣлуетъ ваши ручки и препокорно благодаритъ за драгоцѣнные для меня и для нея ваши гостинцы, мои други милые.

Отъ Тимоѳея Степановича Аксакова.

22-го Генваря 1819 года. Москва.

Милые друзья мои, письмо ваше отъ 3-го Генваря мы получили 20-го числа; благодаримъ Господа, что вы и съ малютками здоровы. Поздравляю васъ съ дорогою имянинницею и имянинникомъ, который будетъ вмѣстѣ праздновать сей день съ нами. По письму Надеждиному ей надобно съ Аркашей пріѣхать къ намъ завтра. Весьма больно, что мы не вмѣстѣ съ вами, мои други, будемъ препровождать сей день. Обозъ изъ Надеждиной деревни еще не бывалъ сюда. Хозяйство твое весьма хорошо, мой другъ, что готовятъ лѣсъ и возятъ. Не знаю, какъ ты купилъ его (весьма кòлокъ на срубку) съ мелкимъ лѣсомъ, а чтобы мелкій лѣсъ весь срубить, послѣ въ сажени переклась и сколько то будетъ всего бревенъ строеннаго, прикажи отыскать всѣхъ кто обрубалъ комли, съ тѣхъ взыскать по 50 коп. за бревно или наложить

---

*) Снимки съ дѣтскихъ рукъ были приложены въ одномъ письмѣ къ М—ѣ Н—ѣ.

по скольку бревенъ вывести имъ въ свои дни *); объявить этимъ плутамъ мой приказъ и старостѣ сказать, что съ него взыщутся всѣ безпорядки, для чего онъ ихъ допущаетъ, до самовольства. Въ Уральскѣ хлѣбъ продали весьма дешево, а особливо макъ лучше бы въ Вишенки отослать: тамъ по 28 четверть въ 9 мѣръ. Золото здѣсь ходитъ еще въ той же цѣнѣ и серебро. Рекрутъ, видно, обраковали въ Уфѣ, потому что отдатчики худо старались или имъ не хотѣлось ихъ отдать; военный губернаторъ человѣкъ правдивый, то можетъ быть-бы и принялъ; но все оставляю на твою волю. Лошадь, украденную у Ефимки, ему не отдали; объ ономъ надобно просить въ Уфимскомъ Губернскомъ Правленіи съ приложеніемъ возвращенной просьбы и явочнаго прошенія на судей, которые отпустили крестьянина и отдали лошадь; и ежели сдѣлалъ это Земскій Судъ, то можно и министра полиціи просить. Ежели безъ меня некому будетъ просьбы написать, то оставить до моего возвращенія. Деньги по твоему реестру, что́ слѣдуетъ въ единственный мой приходъ, оставь все у себя на содержаніе дому и на расходы, и ко мнѣ изъ нихъ не посылай. Семенъ Григорьевичъ желаетъ, ежели будетъ у васъ новорожденный сынъ, дать имя Григорій; то и для насъ будетъ пріятно, ежели вамъ кажется хорошо наименовать. Кошма̀, которая была у насъ въ горницѣ, прикажи чтобы непремѣнно была отыскана и скажи, Сереженька, ключницѣ, что я подерусь за нее. Пшеничной пудъ муки прислали: совсѣмъ черная, видно и сѣена рѣдкимъ ситомъ; ежели у ключника вся пшеница вымыта такъ худо, то и онъ отвѣчать будетъ. Колонисту въ Вишенкахъ я велѣлъ отказать; онъ все хозяйство разстроилъ и кромѣ убытку ничего, и пьянствуетъ съ женою. Широкія сѣрыя сукна всѣ отдать на фабрику свалять и окрасить у Кроткова, только бы не линяла краска; буде-же очень дорого просить, то свалять на валюши дома. Изъ узкихъ два сукна, которыя потончѣе сѣрыя, прислать съ Нестеркою - мастеровымъ, на шинели здѣсь. Лисы дешевы; чтобы не везти назадъ, то отдать хотимъ по 15 рублей лису. Архіерей нашъ Уфимскій отставленъ, кто-то на мѣсто его поступитъ; надобно, чтобы пока намъ дали другаго. На сихъ дняхъ пишетъ Надежда, да и курьеръ пріѣхалъ къ Тормасову, что королева наша Екатерина Павловна окончила жизнь; четверо дѣтей осталось. Государь въ величайшей горести, и Государыня также. Пишутъ, что Государь до сего еще подписалъ много бумагъ; а сказываютъ, что перемѣны много будетъ. Прощайте, цѣлую васъ и милыхъ Костеньку и Машеньку. Благословеніе Божіе съ вами вѣчно. Другъ вашъ Т. Аксаковъ.

---

*) Свои дни—свободные отъ барщины.

Отъ Марьи Николаевны Аксаковой.

Того же числа.

Милая моя хозяйка, прикажи, мой другъ, оставить полотны, становятся велики; одному ткачу мои полотна сновать, а другому ваши, а Данилкѣ скатерти и салфетки. Пришлите, други, сундучекъ сюда для салфетокъ, которыя присланы въ машину; здѣсь всякій бездѣльный рублей 7-мь; тамъ есть небольшіе бѣлые, вотъ съ этотъ, въ которомъ свѣчи церковныя лежатъ. Желаю знать, перестала-ли ключница пить. Суконъ въ амбарѣ много; нельзя-ли ихъ продать, мой другъ Сереженька? Колонистъ все разстроилъ, и только на 1000 р. продали масла по 15 р. съ полтиной, и то на серебро; я ихъ немедленно положила въ ломбардъ, и вашъ билетъ въ 1000 р. хранится у меня; хотѣла послать, но отецъ не слушаетъ, не шлетъ. Что-то въ цѣлости ли довезетъ мѣщанинъ къ вамъ хлѣбы, моему безцѣнному ангелу? Только не хвалю васъ, что онъ говоритъ *мама*, *папа*. Этого не надобно. О, мои ангелы, когда увижу ихъ! Надежда пишетъ, что дочь ея и моя крестная удивительной крѣпости ребенокъ. Софья цѣлуетъ ваши ручки и дражайшихъ дѣтей и поздравляетъ Машеньку со днемъ Ангела ея и васъ съ имянинницей.

Отъ Тимоѳея Степановича Аксакова.

4-го Февраля 1819-го года, Москва.

Милые мои друзья, Ольга Семеновна и Сереженька. По письму вашему отъ 9-го Генваря, полученному 29 числа, благодаримъ Господа, что вы и Машенька здоровы, но душевно сожалѣемъ о болѣзни Костеньки; это все скоро поправится, и Богъ насъ успокоитъ его выздоровленіемъ. Это письмо ваше мы получили послѣ почты и при немъ золотомъ и серебромъ 500 рубл., которые тогда-же отданы въ Ломбардъ на имя неизвѣстнаго; билета я къ вамъ не посылаю: заплатить надобно въ шестеро, а билету все равно лежать, привезу съ собою. Ты, мой другъ, напрасно прислалъ серебра и золота на наши расходы здѣшніе; вѣдь и у васъ по дому денегъ надобно много. Спасибо сестрѣ Евгеніи Степановнѣ, что она не забыла 6-го числа къ вамъ пріѣхать; душевно радуюсь, что сестрѣ Александрѣ Степановнѣ отъ болѣзни есть легче. 24-го Генваря мы были обрадованы пріѣздомъ Надеженьки и Аркаши; они доѣхали благополучно въ трое сутокъ по курьерски и ѣдутъ отъ насъ 9-го по утру. Я думаю, разставанье будетъ слезно, а особливо каково-то будетъ для Софьи: какъ бы не разстроилось опять ея здоровье, которое такъ уладилось, и мы успокоились. Снѣгъ и у насъ

выпалъ на сихъ дняхъ большой, и морозы были градусовъ по 17-ти. Получаете-ли вы газеты, не написали. На журналъ *«Сынъ Отечества»* посылаю съ Надеждою деньги въ Петербургъ 50 р. Золото и серебро здѣсь ходитъ въ 4 р. рубль въ рядахъ, а въ прочія мѣста принимаютъ по курсу; въ Петербургѣ 3 р. 70 к. рубль, также и золото и ассигнаціи въ настоящей цѣнѣ; говорятъ, что и здѣсь также ходить будетъ серебро и золото, ассигнаціи новыя выдутъ въ Іюлѣ. Весьма хорошо, что лѣсомъ запаслись. Въ кладкѣ фундаментовъ подъ печами остановки большой быть не можетъ: тутъ можно опредѣлить поболѣе печниковъ, и Горбуну приказать ранѣе пріѣхать изъ Вишенокъ. А затрудненіе сдѣлаетъ насыпка земли; надобно выбрать мѣсто, гдѣ бы брать ее ближе. Я прежде хотѣлъ въ саду рыть прудъ, а теперь бы и кстати вынимать землю и возить подъ полы. Можно также ниже жилаго дому рыть землю въ саду, пониже залы по скату дѣлать уступами и послѣ засадить деревьями; впрочемъ оставляю на твое распоряженіе. Но возить землю скорѣе тележками на одномъ колесѣ; но ихъ надобно приготовить десятка два. Землю можно брать въ саду изъ канавы, чтобы рѣку пропустить черезъ садъ; косяки вставлять можно, поставить стойки и положить переклады, и на нихъ наложить половыя доски и косяки вставлять удобно. Весьма меня удивило пересказанное Васильемъ Борисовичемъ о плутнѣ Александра; я иначе не считаю, что онъ сошелъ съ ума, ибо такой дерзости говорить нельзя небезумному. Отпиши къ нему, мой другъ, и потребуй отвѣту; я пріѣду и крѣпко его накажу. О Самарской землѣ мнѣ бы казалось удобнѣе писать въ Петербургъ и поручить у самого хозяина ее купить всю безъ остатку, сколько имъ по крѣпостямъ слѣдовало. Это скорѣе сдѣлается. Для Костеньки хлѣбовъ Ницманскихъ посылаю съ мѣщаниномъ Бугуруслянскимъ 25-го; ежели бы была оказія, то и еще бы хлѣбовъ послали, но съ почтой всякій хлѣбъ будетъ стоить болѣе рубля, а потому и посылать не можно. Надеждины люди поѣдутъ черезъ Ярославль, и муки прислать не съ кѣмъ. Вамъ бы выписать изъ Казани или изъ Симбирска. Другъ вашъ Тимоѳей Аксаковъ.

Отъ Марьи Николаевны Аксаковой.

Безъ обозначенія числа.

Дражайшія мои дѣти Сереженька и Ольга Семеновна. Я восхищена о дѣтяхъ моихъ въ послѣднемъ письмѣ вашемъ съ людьми Надеждиными о Костенькѣ, а на сей почтѣ писемъ нѣтъ, чѣмъ была весьма испугана. Но билетъ на 500 р, присланный отъ Аничкова, далъ мнѣ мысль, что тутъ съ деньгами положено письмо ваше. Напослѣдокъ обрадовала меня мой другъ Надежда своимъ пріѣздомъ съ Аркадіемъ.

Боже мой, какую она жертву принесла мнѣ! Оставила своихъ крошекъ и Сашеньку не совершенно здороваго. Радость моя велика, но не совершенная, ибо сопряжена съ какимъ-то страхомъ о дѣтяхъ ея. Я трепещу сего, ибо въ Петербургѣ ходитъ корь, много больныхъ скарлатинами. Я прошу ее уѣхать скорѣе. Настанетъ время родинъ вашихъ, дражайшая моя Ольга Семеновна. Моленія мои ко Господу непрестанныя о васъ, мои дражайшіе; сны вижу прекрасные и сегодня видѣла, будто вы прекрасную бѣлую булку подаете Сереженькѣ; видно, дѣвочку родите [1]). Да будетъ воля Господа Бога нашего съ нами отъ нынѣ и до вѣка! Онъ знаетъ, что̀ назначаетъ намъ, чадамъ Своимъ. И дѣвочка иногда болѣе будетъ счастлива, чѣмъ сынъ; а мнѣ кажется родители только и должны думать о ихъ счастіи, а не о своемъ. О себѣ скажу вамъ, мои дражайшія дѣтушки, я благодаря Бога здорова, и Софья совершенно здорова становится, припадки ея совершенно прошли; она весела, спокойна, сонъ имѣетъ совершенно спокойный, крѣпкій. Сестра говоритъ, что она даже и пополнѣла. Григорій Ивановичъ [2]) вчера отъ 24 пишетъ сіи только строки: «*У насъ все еще новаго не выходитъ; но думаю, что это не замедлитъ*».

Слава Богу, что у Машеньки такая здоровая кормилица, какъ сказывала мнѣ Анфисія. Каково же! Я рѣшилась цѣлый часъ разспрашивать Анфисію о васъ и дѣтяхъ, при всемъ моемъ къ ней отвращеніи; восхищалась, плакала, о мои дѣтушки!

Отъ Тимоѳея Степановича Аксакова.

11-го Февраля 1819-го года. Москва.

Надежда съ Аркашей прошедшаго дня обратно поѣхали въ Петербургъ; мать, отпущая ихъ, плакала и весьма разстроилась. Софинька также весьма грустила, и мы опасались худыхъ послѣдствій; но благодаря Господа ничего не послѣдовало: засыпаетъ и просыпается хорошо. Какъ мнѣ досаденъ Ефремъ, что не можетъ отстать отъ пьян-

---

[1]) На этотъ разъ сонъ оправдался, и примѣты не обманули: какъ видно изъ дальнѣйшихъ писемъ, родилась дочь Вѣра Сергѣевна. Объ ней часто упоминается въ сочиненіи С—я Т—ча „Исторія моего знакомства съ Гоголемъ", и тамъ-же приводятся выписки изъ ея замѣтокъ.

[2]) Григорій Ивановичъ Карташевскій, воспитатель С—я Т—ча, описанный имъ въ Воспоминаніяхъ о Казанской гимназіи и Казанскомъ университетѣ. Въ годъ свадьбы самого С—я Т—ча, въ 1816-мъ году, онъ женился на его сестрѣ Надеждѣ Тимоѳеевнѣ. Адъюнктъ-профессоръ математическихъ наукъ, это былъ человѣкъ глубокихъ знаній и рѣдкаго закала. Потомъ онъ занималъ мѣсто въ Комиссіи составленія Законовъ, былъ директоромъ Департамента духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій, а съ 1829 г. по 1835-й г. занималъ должность попечителя Бѣлорусскаго округа, въ 1838-мъ году назначенъ сенаторомъ въ Петербургѣ, гдѣ и скончался въ 1840-мъ году.

ства; отставь его, мой другъ, и не прикажи ни во что входить. Какъ онъ смѣлъ твои приказанія перемѣнять и давать приказанія мужикамъ! Это большая дерзость. О землѣ Алпаевской вторично получилъ я изъ Петербурга увѣдомленіе, что представленія нѣту въ Сенатѣ. Съ Любовью Карловною сдѣлай, мой другъ, разсчетъ, сколько бревенъ вырублено и какая за нихъ плата. Ея письмо лежитъ въ красномъ бюрѣ сверху, въ третьемъ ящикѣ на лѣвой рукѣ. Мнѣ помнится, взято 300 бревенъ. Проценты ею заплачены мнѣ за 1816 годъ; она платитъ по восьми; съ 2500 рубл. процентовъ въ годъ, двѣсти рублей получалось, отъ сего года считать и проценты; весьма бы хорошо, ежели заплатитъ деньги. Но получены-ли тобою обязательства, отъ меня къ тебѣ посланныя? Тысяцкую избу ставить ежели на означенномъ мѣстѣ, то землю надобно выровнять и стопки ставить съ землею наровень; ежели-же мѣсто весьма неспособно, то поставить на томъ же мѣстѣ, гдѣ ткацкая. Жаль, что не успѣли снести погребъ, чтобы на настоящее мѣсто поставить ткацкую избу, а надъ нею сдѣлать выходъ сухой, весьма удобный для всего. Новаго изъ Петербурга еще ничего нѣту; говорятъ, что много подписано, но мы ничего не знаемъ. На будущей недѣлѣ посылаю просьбу къ Николушкѣ подать Государю о землѣ Симбирской, по Аксакову; это содержать надобно въ секретѣ. Сестру Александру Степановну Татары сгоняютъ съ земли, дѣлать нечего: просить Государя. Посмотри, милый, ея всѣ бумаги лежатъ въ шкафѣ.... завязаны въ салфеткѣ, а другія бумаги въ салфеткѣ-же Евгеніи Степановны, отыщи первыя и немедленно къ ней пошли. Цѣлую васъ и милыхъ дѣтушекъ, ожидаю нетерпѣливо разрѣшенія Ольги Семеновны. Другъ вашъ Т. Аксаковъ.

Отъ Марьи Николаевны Аксаковой.

Того же числа.

Съ какимъ ужасомъ прочла я письмо ваше, дражайшія мои дѣти о болѣзни Костиньки: Боже, чтó дѣлать, чтó начать! Пѣшкомъ бы къ вамъ бѣжала, ежели бы знала, что могу дойти. Какое несчастіе столько зубовъ вдругъ! Какое время я не съ вами; ужасно оно, но вы не все написали мнѣ, мои други..... Неизвѣстность ужасна; когда дождусь почты и чтó могу сказать вамъ за 1,000 верстъ, чтó совѣтовать? Какой ужасъ разливается въ груди моей. О мои дѣти дражайшія, чтó вы перенесли и можетъ быть переносите еще. О милосердный Господь Богъ! Чтó дѣлается съ вами смотря на болѣзнь Костиньки, какъ вы, дражайшая Ольга Семеновна, были испуганы смертельно, когда съ нимъ сдѣлалась болѣзнь его жестокая? Представляю обоихъ васъ въ ужасѣ и сама остаюсь въ ужасѣ. Угодно было Провидѣнью, чтобы я терза-

лась день и ночь. Тяжкіе грѣхи мои заслужили это. Скажите мнѣ мои други, чтò мнѣ начать? Костинька, дражайшій мой Костинька, проливаю моленія мои ко Господу. Други мои, руководствуйтесь Буханомъ *), по немъ лечите его, и Отецъ Небесный поможетъ намъ. Чтó это такое сдѣлалось, я не съ вами и не раздѣляю скорбей вашихъ? О, какъ раздѣляю я ихъ здѣсь, ужасны онѣ. Что мнѣ сказать вамъ? Я не знаю чтò дѣлается, и вы не все мнѣ написали; это не правда, что ему легче. О, мои дѣти, чтò это сдѣлалось, я не могу быть вамъ полезна. Милая, дорогая моя Ольга Семеновна, въ положеніи вашемъ сокрушились вы. Несравненный сынъ, въ какомъ ты теперь мученіи! Ужасъ обливаетъ сердце мое. Не могу ничѣмъ себя успокоить. Костинька представляется мнѣ въ различныхъ видахъ. Сердце мое раздирается на части; когда почты дождусь? Скажите, чтò сдѣлалось съ нами? Какъ можно болѣе наказать меня Господу Богу какъ тѣмъ, чтобы быть розно съ вами и дѣтьми вашими, и въ какое время! Пишите о немъ, пишите, все хочу знать; и Машенька не къ зубамъ ли захворала было? Берегите сокровище безцѣнное. Отъ груди конечно пора отнять; но чтò онъ другое кушаетъ? Когда прорѣжутся всѣ зубочки, тогда можно для укрѣпленія его желудочка давать два раза по десертной ложкѣ мадеры по его натурѣ, не склонной къ жару; можно. Какъ же вы не очистили его, когда у него давно жарокъ былъ? Словомъ, чтó скажу заочно; сію минуту ѣхала бы къ вамъ и не подумала бы о больной моей, ежели бы могла доѣхать: такъ мнѣ несносно мое положеніе, дай Богъ пережить его, сердце мое горитъ. О Костинька! Будь здоровъ, ангелъ мой, безцѣнное дитя. Матушка моя, милая Ольга Семеновна, вы о старухѣ Надежинской пишите: кого угодно вамъ, все ваше. Не взять ли вамъ и Ѳеоктисту или Ѳеклу? Первая зла только, а думаю будетъ способна въ няньки: опрятна, попечительна, бездѣтна, вѣчно можетъ быть нянькой. Чтò же дѣлать, гдѣ ихъ взять хорошихъ? Не спрашивайтесь, мои други, и дѣлайте чтó угодно. Проклятая колонистка, а какъ любилъ ее мой ангелъ Костинька! Да хоть и обѣихъ приставьте въ няньки, и старуху, и этихъ. Замучились вы во всѣхъ отношеніяхъ. О себѣ вамъ, мои други, скажу: сила небесная подкрѣпляетъ меня. Что я не лежу въ постели—это чудо. Грудь болитъ, сердце дрожитъ; но я хожу и молюсь, чтобы пережить жестокое мое, ужасное время. Милыя, дражайшія мои дѣти, когда увижу васъ? Когда увижу сокровища мои, единственныя, дражайшія, Костинька и Машинька? Косточка, ты улыбаешься на портретѣ, мое сердце! Чувствуетъ твое, какую любовь къ тебѣ имѣю.

*) Объ этомъ лѣчебникѣ Бухана вотъ выписка изъ разсказа С-я Т-ча „Годъ въ деревнѣ: *Мать моя любила читать медицинскія книги. Домашній лѣчебникъ Бухана былъ ея авторитетомъ.*

Отъ Марьи Николаевны Аксаковой.

Отъ 13-го Февраля 1819 года.

Вотъ уже Вторникъ, а я не получала еще писемъ вашихъ, дражайшіе друзья и дѣти; но я изъ нихъ не узнàю ничего. Вы бережете здоровье мое, несравненныя мои дѣти; но случай открылъ мнѣ великую горесть: ангелъ души моей былъ боленъ золотухою. Прошу васъ уже теперь писать ко мнѣ всю истину и приказываю, какъ мать твоя, мой дражайшій сынъ; ужасъ ре́венъ, а сумнѣніе, подозрѣніе и неизвѣстность измучатъ меня болѣе. Въ Воскресенье, то-есть 9 числа, проводила я моихъ гостей, проводила весьма тяжело, колебалась оставить Аркадія на мѣсяцъ, но побѣдила себя; не въ состояніи была отпустить одну Надежду, пожертвовавшую мнѣ дѣтьми и такимъ великимъ безпокойствомъ. Хотя Аркашенька худой еще провожатый, но все братъ, на всякій случай нездоровья. Аркадій сталъ совсѣмъ иной, и сердце мое сокрушилось, смотря на его молодость; но полно о семъ. Передъ отъѣздомъ Надеждинымъ какъ-то сказали мнѣ, что на почтѣ было письмо отъ васъ къ Андрѣю Михайловичу; а онъ о немъ мнѣ не сказалъ. Это тотчасъ дало мнѣ знать, что есть что нибудь такое, что̀ скрываютъ отъ меня и что Надежда должна это знать; я такъ просила, молила, заклинала, что она должна мнѣ была объявить, что и декохтъ послали къ вамъ. Потомъ Андрѣй Михайловичъ долженъ былъ сказать что́ вы писали къ нему о болѣзни Костенькиной; но какъ онъ человѣкъ крѣпкій (письма не даетъ) и не могъ мнѣ разсказать всего, а говоритъ, что вы пустое думаете, будто у Косточки золотуха, что ея нѣтъ совсѣмъ у него, но такъ болѣло за ушками. Бога ради, друзья мои сердечные, увѣдомьте меня подробно и не утаивая ничего; я уже готова узнать о всемъ и, можетъ быть, больше еще прибавляю въ умѣ моемъ; страшусь, ужасаюсь и грущу. Все, все ко мнѣ напишите, а особенно, каково пищевареніе, о которомъ я всегда подозрѣвала, что оно худое по большому его апетиту. Не сокрушайтесь, мои други; здѣсь врачи золотуху ставятъ ни во что, и у сколькихъ дѣтей она бываетъ. Мудровъ смѣется вашимъ страхамъ. Занденъ, да и всѣ врачи, съ которыми я говорила, говорятъ, что въ дѣтствѣ золотуха такъ рано не бываетъ, и потому вопросъ, золотуха-ли? Я буду ожидать на всякой почтѣ отъ васъ подробнаго описанія всѣхъ перемѣнъ съ моимъ Косточкой. О, колико скорбь моя велика, что я не съ вами! Годъ сей есть эпоха въ жизни моей. Въ вашей любви ко мнѣ, въ вашей нѣжной ко мнѣ великой привязанности благополучіе жизни моей. Вы есть свѣтило мое, солнце ясное, согрѣвающее сердце мое. О, мои други, бла-

гословеніе мое надъ вами отъ нынѣ и до вѣка. Чтó мой Костинька? Да вѣдь я ничего не знаю; тяжело мнѣ это несказанно. Надѣйтесь на Господа Бога, станемъ молить и просить Творца нашего жарчайшими молитвами о скорѣйшемъ выздоровленіи нашего безцѣннаго Костиньки; а я проклятая даю еще совѣты какъ его моего лапиньку не надобно нѣжить, а онъ все боленъ, и я не знаю ничего и за 1,000 верстъ отъ васъ, каково это сердцу моему? Благодарю Бога, что Авдотья у васъ; это меня успокоиваетъ. Молока Костинькѣ не давать совсѣмъ, оно и грудное ему въ прокъ не шло. Пища его должна быть мясная, супы, жареное, говядину сосать сочную, но не жирную, изрѣдка желтки, въ недѣлю раза два по яичку. Съ постнымъ чаемъ сухариковъ или лучше гренковъ противъ печки высушивать тоненькихъ, вина давать раза два по немногу, заставлять или заманивать его больше бѣгать, мыть черезъ день въ теплой водѣ. Вотъ, други мои, чтó совѣтуютъ дѣлать съ моимъ Костинькой. Другъ вашъ Марья Аксакова.

Отъ Марьи Николаевны Аксаковой.

1819 года, Марта 4-го.

Сейчасъ получила письмо ваше, дражайшія мои дѣти. Оно исполнило душу мою совершенною радостью, что вы, милый другъ мой, дражайшая моя Ольга Семеновна, выздоравливаете благополучно. Какъ не любить мнѣ Вѣрочку за ея разумное явленіе въ свѣтъ? Она маменьку свою не измучила и тѣмъ самымъ и папеньку своего успокоила и меня обрадовала неизрѣченно. Но Косточка, вижу, что не совершенно здоровъ; лѣто должно съ помощью Бога нашего поправить его совершенно. Кормить вамъ самимъ, мой другъ Ольга Семеновна, трудно будетъ; развѣ вы будете по нынѣшней методѣ начинать кормить Вѣрочку послѣ шести недѣль сухарями, обливая ихъ чаемъ, а потомъ снятымъ молокомъ. Здѣсь и въ Петербургѣ врачи даютъ сей совѣтъ. Новорожденная будетъ богата, что родилась въ сорочкѣ; почему же мой другъ сердечный Сереженька и не восхищается, что Господь далъ дочь? Всѣ дѣти; для нихъ самихъ больше хлопотъ въ мірѣ. Вотъ теперь у насъ одинъ Косточка. О, други мои берегите его! Милый безцѣнный ангелъ мой помнитъ меня и меня ожидаетъ. Господи, пошли мнѣ увидѣть его совершенно здоровымъ. Завтра здѣсь знаменитое погребеніе Августина, здѣшняго преосвященнаго владыки; онъ въ Чудовѣ монастырѣ поставленъ и открытъ для всѣхъ приходящихъ во всемъ облаченіи, все духовенство будетъ, и великая церемонія. Мудровъ въ горѣ: докторъ извѣстный магнитизеръ, простился съ нами, поѣхалъ въ Петербургъ третьяго дни. Мнѣ Рихтеръ разсказалъ

подробно, онъ магнитизировалъ графиню Разумовскую; она мѣсяца три была въ постели отъ потери мужа, три недѣли слишкомъ не ѣла, дошла до совершенной крайности, конвульсіи были во всемъ тѣлѣ, и словомъ здѣсь былъ консиліумъ, но все было тщетно: она была безъ всякой надежды, всѣ отреклись врачи. Я, говоритъ Рихтеръ, предложилъ всѣмъ, чтобы ее магнитизировать, всѣ были противу меня; но я настоялъ, и такъ въ 6 дней утишилась рвота, конвульсіи и въ 4 недѣли здоровье до того возстановилось, что она поѣхала въ Петербургъ, и съ ней нашъ знаменитый докторъ поѣхалъ ее провожать. Графиня заплатила ему 20 тысячъ рублей. Вотъ, мои други, какія чудесныя леченія, да какія же и лѣта! Ей 50 лѣтъ, натура ослабѣвшая, и тутъ помогло сіе чудесное леченіе. Прощайте, благословеніе мое съ вами вѣчно, дражайшія дѣти. Другъ вашъ Марья Аксакова.

*

На этомъ оканчивается семейная переписка, такъ какъ старики-Аксаковы вскорѣ возвратились въ имѣніе, гдѣ жили вмѣстѣ съ дѣтьми. Въ тридцатыхъ годахъ самъ Сергѣй Тимоѳеевичъ съ своей семьею проживалъ въ Москвѣ, а родители его оставались въ деревнѣ: переписка возобновляется. Вотъ заключительныя письма изъ этой позднѣйшей эпохи. Внукъ Марьи Николаевны поступаетъ въ университетъ и оканчиваетъ курсъ, его бабушка сходитъ въ могилу.

Отъ Марьи Николаевны Аксаковой, не собственноручное, а продиктованное Тимоѳею Степановичу [1]).

9-го Генваря 1830 года. Знаменское [2]).

Любезные друзья Сереженька и Ольга Семеновна. Душевно васъ поздравляю съ дарованною вамъ отъ Бога дочерью. Васъ особенно, милая Ольга Семеновна, поздравляю съ животомъ и съ дочерью. Господь меня обрадовалъ благополучнымъ вашимъ разрѣшеніемъ. Я признаюсь, очень боюсь этихъ экспедиціевъ. Съ великимъ удовольствіемъ моимъ желаю быть заочно крестною матерью милой Анюточки. Цѣлую ее мысленно и молю Бога, чтобы она была здорова и счастлива. Затѣмъ простите, любезные друзья. Я думаю, мой другъ Сере-

---

[1]) Марья Николаевна уже была слѣпа.

[2]) Знаменское, Новое Аксаково тожъ, и есть то самое мѣсто, куда переселился дѣдушка Степанъ Михайловичъ, гнѣздо имъ основанное. Оно звалось Новымъ въ отличіе отъ Симбирскаго Аксакова, откуда выселился Степанъ Михайловичъ. Селомъ Знаменскимъ оно стало прозываться впослѣдствіи, по выстроенной тамъ церкви. Въ разсказѣ С-я Т-ча *Собираніе бабочекъ* упоминается: „мое любимое Аксаково, которое тогда еще не называлось Знаменскимъ,“ и проводится такая паралель: „Скучное, безводное, кругомъ лѣсное, старо-Симбирское Аксаково и милое, дорогое мнѣ, богатое водами, лугами, болотами и отдѣльными рощами Оренбургское Аксаково.“

женька, что вы теперь въ припасахъ терпите величайшую нужду; истинно сердце мое обливается кровью о положеніи вашемъ; писать же я чаще къ вамъ не могу, какъ черезъ двѣ почты: отецъ слѣпнетъ, а я все бываю больна. Замучилъ меня страшный кашель, съ 18-го Декабря, съ болью въ груди, гдѣ я убилась; піявки къ груди ставила; но легче не было, теперь кашель только бьетъ по утру и вечеру, такъ что голова сдѣлается, какъ сумашедшая. Забылъ меня Господь, что я такъ живу долго. Молю Господа, чтобы новый годъ принесъ вамъ и новое счастье. Благословеніе мое съ тобою, дражайшій мой Сереженька. Другъ вашъ Марья Аксакова. Безцѣнный мой Косточка! Прижимаю тебя къ сердцу моему и цѣлую тебя за твою ко мнѣ приписку. Господь съ тобою на всю жизнь твою. Другъ твой бабинька.

Отъ Тимоѳея Степановича Аксакова.

Того же числа.

Милые мои друзья, душевно мы были обрадованы полученнымъ письмомъ вашимъ. Поздравляю васъ съ новымъ годомъ и желаю вамъ новаго и лучшаго счастія. Здѣсь у насъ сняты по городамъ и по селеніямъ всѣ оцѣпленія и караулы, и сдѣлался пропускъ въ другія губерніи, а зараза не прошла; а потому и обозъ Саввѣ Ѳедоровичу идетъ въ Петербургъ завтра съ разною птицею и съ прочимъ, почему я и послалъ вчерась нарочно къ Потапу съ письмомъ: ежели у него обозъ готовъ и отъ тебя нѣту приказанія остановить его и не посылать, то бы онъ его немедленно къ вамъ выслалъ. Да и объ ономъ къ нему писалъ: я посылаю съ крупою въ Уральскъ къ сплошной недѣли, то не пошлетъ ли и онъ съ какимъ хлѣбомъ, потому что много верхоты *) пріѣзжало за рыбой, и она очень дорога, то и цѣны на хлѣбъ не будутъ низки. Болѣзнь, заразительная холера, отъ насъ въ 48-ми въ верстахъ, въ станціи Тересъ-Усмановой, какъ увѣдомляетъ меня третьяго дни изъ Земскаго Суда секретарь, что въ оной кончилась и подлѣ ея въ двухъ деревняхъ въ Кармалѣ Губсивой и Кольшерыновой; но и тамъ съ 24-го Декабря не было умершихъ. Но все это не есть вѣрное, чтобы эта болѣзнь прекратилась. Какъ видимъ мы, что морозы ея не останавливаютъ и что она прилипчива; въ доказательство тому: купецъ Казанскій пріѣхалъ въ Тересъ-Усманову и продавалъ Татаркамъ бахты копекъ по рублю; это дешивизна-то сдѣлала, что покупающіе всѣ заразились, начали умирать, купецъ ускакалъ въ Кольшерыновку, умеръ и заразилъ прочихъ; а двое его сыновей уска-

*) Пріѣзжіе торговцы съ верхняго Поволжья.

кали неизвѣстно куда. Теперь это секретъ еще, сколько холерой умирало народу. Но кажется это вѣрно: въ Оренбургѣ умерло 2,353 человѣка, домовъ 20 затворены на чисто, а въ прочихъ во многихъ домахъ остались малыя сироты, ибо на младенцевъ мору отъ холеры не было. По сей ненадежной увѣренности и мы караулы въ деревнѣ нашей сняли; но не знаю, на долго ли это продолжится. Затѣмъ простите, мои друзья, цѣлую васъ и милыхъ дѣтушекъ вашихъ. Господь съ вами. Другъ вашъ Тимоѳей Аксаковъ.

Мнѣ кажется, мой другъ Сереженька, ежели ты служить хочешь, то поѣздка въ Петербургъ необходима. Но все это видно, что ты себѣ надѣлалъ непріятелей своимъ невоздержаннымъ сочиненіемъ критическимъ, а можетъ быть и другими разговорами.

Отъ Тимоѳея Стапановича Аксакова.

14-го Октября 1832 года. Знаменское.

Милый мой другъ Сереженька и Ольга Семеновна! Отъ 21-го получили мы твою записку, мой другъ, въ письмѣ Аннушкиномъ; сердечно радуюсь и поздравляю васъ, мои друзья, со студентомъ, которому посылаю сто рублей на мундиръ и его сто кратъ цѣлую. Какое несчастіе сдѣлалось съ Аннушкой [1]): должна зазимовать въ Москвѣ, совсѣмъ разорилась; ежели бы не ѣздили въ Москву и не брали бы дѣтей изъ корпусу, то ничего бы этого не было. Мать такъ испугалась, узнавши объ Аннушкѣ, что опять занемогла остановкою сердца, а передъ этимъ была больна рвотою. Я также захворалъ было лихорадкою, вотъ уже другая недѣля; на другой день болѣзни хотѣлъ съ плитки вынуть чайникъ каменный съ варомъ; это было въ четвертомъ часу за полночь, чайникъ уронилъ, и сдѣлался со мною обморокъ, головою видно я упалъ о печь и въ двухъ мѣстахъ разсѣкъ до крови и правой ноги обварилъ колѣнку и плюсну подлѣ пальцевъ, и пузырь былъ не великъ; но такая была нестерпимая боль часа три, что изъ всякаго терпѣнія выбивало. Теперь лучше, а на колѣнкѣ, на самомъ сгибѣ съ боку, рана вершка въ три; лечу бальзамомъ Женевіевымъ; и поясницу разбилъ, не могу шевелиться, пока мать выползла въ дверь, велѣла огня подать и разбудить Аркашу, то и зачали мазать чернилами [2]). Чтó сказать о хлѣбѣ? Здѣсь его такъ мало родилось, въ Бугульмѣ 1 р. 20 к. пудъ аржаной муки, овесъ пудъ 70 к. и 80 коп.,

---

[1]) Анна Тимоѳеевна Аксакова была за Глумилинымъ. Ея дочери: одна за знаменитымъ спиритомъ Юмомъ, другая за Бутлеровымъ (отцомъ извѣстнаго профессора), третья за Россоловскимъ. П. Б.

[2]) При отсутствіи другихъ средствъ употребляютъ отъ обжога и простыя чернила.

и въ Бугурусланѣ тоже. Въ Уральскѣ 2 р. аржаная и овесъ рубль; это оттого, что по дорогѣ нѣтъ сѣна, по рублю продавали пудъ, а нынѣ и того нѣту. Разбойниковъ появилось было много, но нынѣ не слышно. Ожидаю отъ тебя, мой другъ, увѣдомленія о дѣлѣ существенномъ, чѣмъ насъ Богъ обрадуетъ? Прощайте, друзья, цѣлую васъ и милыхъ дѣтушекъ и особенно милую мою крестницу Вѣрушку. Господь съ вами, другъ вашъ Тимоѳей Аксаковъ.

Отошли, мой другъ, Аннушкѣ триста восемь рублей.

Отъ Марьи Николаевны Аксаковой (продиктовано).

От того же числа.

Я цѣлую васъ, любезные мои друзья Сереженька и Ольга Семеновна, и отъ всего моего сердца и души поздравляю васъ съ дражайшимъ и безцѣннымъ вашимъ студентомъ. Сей драгоцѣнный даръ небесъ я первая приняла на мои руки, молилась объ немъ и молюсь непрестанно предъ Всевышнимъ. Болѣзнь Аннушки, къ ея припадкамъ, ужаснула меня. Господи! Любезные друзья напишите мнѣ настоящую правду о моей бѣдняжечкѣ. Вотъ и мы всѣ, всѣмъ домомъ, больны. Дай Господи, чтобы это прошло. А бѣдный нашъ Аркадій замучился, ходя отъ одной кровати къ другой и леча народъ; а въ новенькой деревнѣ начались горячки нервныя; одинъ умеръ, и сынъ его умираетъ и кто обмывалъ умершаго—заразился горячкою. Въ 40 верстахъ отсюда, сказывали, много повальныхъ и умираютъ. Затѣмъ простите, любезные друзья; молю Господа о здоровьѣ всѣхъ васъ, милыхъ моихъ дѣтей вашихъ цѣлую. Благословеніе мое съ тобою, дражайшій сынъ. Другъ вашъ Марья Аксакова.

Дражайшій, безцѣнный другъ мой Костинька, обнимаю тебя и прижимаю къ сердцу моему. Теперь уже ты студентъ, мой другъ. Какая глубокая это для меня радость на закатѣ солнца моего. О, мой благородный юный другъ, да благословитъ тебя Господь Богъ на всѣхъ путяхъ жизни твоей. Прости, мой ангелъ, посылаю тебѣ на шитье къ мундиру сто рублей. Истинно тебя любящая другъ Марья Аксакова

Письма отъ Тимоѳея Степановича Аксакова къ Константину Сергѣевичу Аксакову.

19-го Октября 1833 года. Знаменское.

Милый мой дружочекъ Костинька, юный другъ нѣжнѣйшей твоей бабиньки! Она чувствуетъ твое о ней сожалѣніе и, можетъ, душа ея зритъ съ высоты небесъ, гдѣ она ликуетъ съ ангелами, что ты мой

милый дружочекъ, такъ чувствуешь и сердечно соболѣзнуешь о той, которая при всѣхъ своихъ болѣзняхъ и страданьяхъ никогда изъ мыслей своихъ не выпускала говорить о тебѣ; велика бы была для нея радость слышать о успѣхахъ твоего ученія и о повышеніи степени. Теперь только мнѣ остается одному просить Господа о твоемъ благополучіи и счастіи. Душевныя мои раны не даютъ мнѣ еще радоваться твоимъ успѣхамъ, мой милый. Прости, цѣлую тебя. Другъ твой Тимоѳей Аксаковъ.

*

2-го Марта 1835 года. Келья Александровская.

Милый мой дружочекъ Костинька, сожалѣю, мой другъ, о болѣзни ноги твоей и прошу Господа о скорѣйшемъ выздоровленіи твоемъ. Ежели, по окончаніи курса въ университетѣ, ты пріѣдешь ко мнѣ, мой другъ, какую ты доставишь радость увядающей моей жизни, и я могу обнять тебя. И взглянешь на свою родину, гдѣ ты проводилъ пріятное время въ дѣтскихъ забавахъ. Часы я давно бы послалъ къ тебѣ, но не съ кѣмъ было, а медали получишь отъ Аркадія Тимоѳеевича. Съ Надеждою я послалъ тебѣ, мой другъ, на твои издержки десять монетъ платины Уральскаго хребта, что̀ ей и отдано. По занятіямъ твоимъ, мой милый, я не требую отъ тебя частой переписки, а хотя изрѣдка увѣдомлялъ бы меня о себѣ. Прощай, цѣлую тебя, Господь съ тобою. Другъ твой Тимоѳей Аксаковъ.

*

Къ этимъ письмамъ прилагается геліогравюра съ портрета М. Н. Аксаковой, нынѣ принесеннаго въ даръ Д. А. Хомяковымъ Румянцовскому Музею (см. объ этомъ портретѣ въ „Русскомъ Архивѣ“ нынѣшняго года, стр. 128 и 287). Для читателей подтвердился теперь отзывъ С. Т. Аксакова о письмахъ его матери (см. „Семейную Хронику“ изд. 1856 г., стр. 105 и 145).

Внука Уральскаго урядника Ѳедора Зуба и дочь Уфимскаго прокурора Николая Ѳедоровича Зубова и. супруги его, урожденной купчихи Вѣры Ивановны Кандалинцовой, Марья Николаевна вышла замужъ 19 Мая 1788 года въ Уфѣ и скончалась въ 1833 году. Мужъ ея Тимоѳей Степановичъ Аксаковъ, прокуроръ Уфимскаго Верхняго Земскаго Суда, р. въ 1759 году и былъ единственнымъ сыномъ прапорщика и бывшаго полковаго квартирмейстера Степана Михайловича, родившагося въ 1723 году и съ 1755 года жившаго въ отставкѣ, и супруги его Ирины Васильевны, урожденной Неклюдовой П. Б.

ОТЧЕТЪ О СОСТОЯНІИ АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ИНСТИТУТА

въ 1893—1894 учебномъ году.

На публичномъ актѣ, произведенномъ 8-го числа Мая 1894 года, Совѣтъ Археологическаго Института, состоящаго подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Сергѣя Александровича, представилъ слѣдующій отчетъ, о составѣ и дѣятельности Института за истекшій 1893—1894 учебный годъ.

Составъ института.

Въ составъ Археологическаго Института въ отчетномъ году входили: а) директоръ; б) почетные члены, в) профессора и преподаватели, г) дѣйствительные члены и д) сотрудники.

Директоромъ Института состоялъ Аскалонъ Николаевичъ Труворовъ.

Почетныхъ членовъ Института состояло къ началу учебнаго года 89; въ число ихъ избранъ и утвержденъ г. министромъ народнаго просвѣщенія, Сумскій 1-й гильдіи купецъ Николай Іосифовичъ Лешинскій, изъявившій готовность вносить въ пользу Института ежегодно по 500 рублей.

Профессорами и преподавателями Института состояли: Василій Ивановичъ Сергѣевичъ, по преподаванію юридическихъ древностей; Николай Васильевичъ Покровскій, по церковнымъ древностямъ; Николай Ивановичъ Веселовскій по Археологіи вообще, и по древностямъ, находимыхъ на Югѣ Россіи, въ особенности; Алексѣй Ивановичъ Соболевскій, по Славянорусской Палеографіи; Сергѣй Михайловичъ Середонинъ, по Древней Исторической Географіи, особенно Русской до XVIII вѣка; Аскалонъ Николаевичъ Труворовъ, по Русской Археографіи; Алексѣй Константиновичъ Марковъ, по Греко-Римской Нумизматикѣ, Андрей Петровичъ Вороновъ, по Архивовѣдѣнію, и Сальвіанъ Маврикіевичъ Гольдштейнъ, по Польско-Литовскимъ древностямъ. Въ отчетномъ году избраны Совѣтомъ Института и утверждены г. Министромъ народнаго просвѣщенія въ званіи профессоровъ Института: докторъ Русской исторіи Николай Петровичъ Лихачевъ на каѳедру Русской Дипломатики; магистръ Римской словесности Иванъ Ильичъ Холоднякъ на каѳе-

дру Латинской Палеографіи, и состоящій при С.-Петербургскомъ университетѣ, для приготовленія къ профессорскому званію, Григорій Филимоновичъ Церетелли, на каѳедру Греческой Палеографіи.

Дѣйствительныхъ членовъ къ отчетному году состояло 42; въ число ихъ включены, на основаніи § 7-го Положенія объ Археологическомъ Институтѣ: окончившіе курсъ наукъ въ Институтѣ: статскій совѣтникъ Григорій Александровичъ Де-Волланъ и дѣйствительный студентъ Демидовскаго Юридическаго Лицея Александръ Васильевичъ Георгіевскій.

Сотрудниковъ къ отчетному году состояло 20; въ число ихъ включены, окончившіе нынѣ курсъ наукъ въ Институтѣ: коллежскій ассесоръ Николай Ивановичъ Аѳанасьевъ, подполковникъ Ѳедоръ Ивановичъ Кремковъ и мѣщанинъ Петръ Степановичъ Кроновъ.

Итого въ настоящее время въ Археологическомъ Институтѣ состоитъ: директоръ 1, профессоровъ и преподавателей 12, дѣйствительныхъ членовъ 44 и сотрудниковъ 23.

Всѣ профессора Института входили въ составъ Совѣта Института. Дѣятельное участіе въ занятіяхъ Совѣта принималъ также почетный членъ Института статсъ-секретарь дѣйствительный тайный совѣтникъ Николай Николаевичъ Селифонтовъ.

Хозяйственными дѣлами Института завѣдывало особое правленіе, въ составъ котораго входили: директоръ Института А. Н. Труворовъ, два почетныхъ члена: Николай Николаевичъ Селифонтовъ и Василій Яковлевичъ Яковлевъ, преподаватель Института Алексѣй Константиновичъ Марковъ и секретарь Совѣта, онъ же и правитель дѣлъ Правленія, профессоръ Николай Васильевичъ Покровскій.

Въ числѣ слушателей Института къ концу 1892—1893 учебнаго года, за выбытіемъ окончившихъ курсъ, было 28; къ нимъ зачислены въ слушатели Института въ началѣ 1893—1894 учебнаго года 31 лицо; изъ этого числа состояло слушателей въ отчетномъ году: на 1-мъ курсѣ 31; изъ нихъ 15 дѣйствительныхъ и 16 вольныхъ слушателей; а на 2-мъ курсѣ 12 дѣйствительныхъ и 16 вольныхъ слушателей. Всѣхъ вообще 59 слушателей.

Дѣятельность Института.

Въ отчетномъ году было шесть засѣданій Совѣта Археологическаго Института. Предметами занятій Совѣта была педагогическая и ученая дѣятельность Института, именно: избраніе почетныхъ членовъ и новыхъ профессоровъ, пріемъ въ Институтъ слушателей и испытаніе ихъ при окончаніи курса, пополненіе Археологическаго музея и бибіотеки Института, сношенія съ губернскими учеными архивными коммиссіями, особенно по дѣламъ касающимся описаній и организаціи историческихъ архивовъ, сношенія съ

частными лицами по вопросамъ, касающимся ученой обработки архивныхъ матеріаловъ, командировки профессоровъ на ученые съѣзды (археологическій въ Вильнѣ и художественный въ Москвѣ).

При основаніи Археологическаго Института учредитель онаго Николай Васильевичъ Калачовъ имѣлъ мысль поставить Институтъ въ тѣсную связь съ учеными обществами, учебными заведеніями и съ провинціальными дѣятелями по археологіи. Для осуществленія этой мысли онъ приступилъ къ изданію „Сборника Археологическаго Института", а затѣмъ „Вѣстника Археологіи и Исторіи". Изданія эти продолжаютъ выходить въ свѣтъ по мѣрѣ накопленія для этого денежныхъ средствъ. Для того же, чтобы цѣль Николая Васильевича Калачова осуществилась, по возможности, необходимо, чтобъ въ высшихъ и въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Имперіи находились изданія Института, для предоставленія гг. преподавателямъ и обучающимся, а также мѣстнымъ археологамъ и архивистамъ, возможности пользоваться изданіями для научныхъ цѣлей. Но такъ какъ губернскія гимназіи и духовныя семинаріи не обладаютъ достаточными средствами къ пріобрѣтенію покупкою ученыхъ изданій, то директоръ Института А. Н. Труворовъ нашелъ возможнымъ осуществить мысль и желаніе Н. В. Калачова чрезъ пожертвованіе изданій Института въ высшія и среднія учебныя заведенія во всей Имперіи. Мысль свою А. Н. Труворовъ передалъ Совѣту и Правленію Института, на что и воспослѣдовало съ ихъ стороны полное согласіе, и Институтъ препроводилъ упомянутыя изданія въ полномъ составѣ экземпляровъ, какъ-то: „Сборникъ Археологическаго Института" въ составѣ пяти книгъ и книги пятой половины второй и „Вѣстника Археологіи и Исторіи" въ составѣ девяти выпусковъ, въ слѣдующія учрежденія: въ Императорскую Академію Наукъ, во всѣ университеты, Духовныя Академіи, Археографическую Коммиссію, Филологическій Институтъ, губернскія ученыя архивныя коммиссіи, въ Петербургскія и во всѣ губернскія гимназіи и духовныя семинаріи. Всего въ количествѣ 2325 книгъ.

Дѣятельность Правленія Института обращена была на хозяйственную сторону Института: изысканіе средствъ къ поддержанію Института, расходованіе и повѣрку институтскихъ суммъ. Благодаря нѣкоторымъ мѣропріятіямъ директора Института, принятыхъ Правленіемъ, по сокращенію расходовъ на помѣщеніе Института и Канцелярію, безъ ущерба, однакожъ, главнымъ потребностямъ учрежденія, открылась возможность значительно расширить кругъ преподаванія наукъ въ Институтѣ и увеличить число профессоровъ. Въ отчетномъ году Институтъ пользовался, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, правительственною субсидіею въ размѣрѣ 6000 рубл. въ годъ. Сверхъ того, въ пользу Института поступили взносы почетныхъ членовъ, статскаго совѣтника Михаила Ивановича Любимова 500 рублей и купца 1-й гильдіи Николая Іосифовича Лещинскаго 500 рублей. Къ 1 Января 1894 года (благодаря щедрому пожертвованію М. И. Любимова, въ 1893 году, 2000 рублей) состояло въ Институтѣ наличными деньгами 3841 руб. 18 коп. и %

бумагами 2100 рублей, всего 5941 руб. 18 коп. Къ 1-му же Мая отчетнаго года въ кассѣ Института состоитъ въ процентныхъ бумагахъ 5100 рублей и наличными деньгами 697 рублей 84 копѣйки.

Занятія слушателей Института состояли въ слушаніи лекцій по преподаваемымъ имъ предметамъ, въ наглядномъ ознакомленіи съ памятниками древняго искусства, въ практическомъ изученіи по древней Русской письменности въ археографическомъ и палеографическомъ отношеніяхъ и въ самостоятельныхъ ученыхъ упражненіяхъ.

Въ отчетномъ году, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, происходили въ Институтѣ вечернія собранія, посвященныя чтеніямъ и бесѣдамъ по различнымъ предметамъ древностей. Одни изъ этихъ собраній были публичными, другія частными. Публичныхъ собраній было два. На первомъ изъ нихъ профессоръ Н. Д. Чечулинъ прочелъ сообщеніе „Объ археологическомъ значеніи писцовыхъ книгъ“, изданныхъ учредителемъ Института Н. В. Калачовымъ; въ другомъ же дѣйствительный слушатель Института Н. П. Ретвихъ прочелъ рефератъ подъ заглавіемъ „Матеріалы для объясненія понятія „Огнищанинъ“ и ихъ критическая оцѣнка“. Частныхъ вечернихъ собраній было три; въ нихъ профессоръ Института Н. И. Веселовскій сообщилъ: а) объ археологическомъ съѣздѣ въ Вильнѣ и б) о дешифровкѣ надписей, найденныхъ на Орхонѣ; слушатель Института А. В. Георгіевскій прочелъ рефератъ: „Объ узаконеніяхъ XVIII вѣка, касающихся архивовъ“. Въ библіотеку Института въ отчетномъ году вновь поступило 150 названій книгъ. Число всѣхъ книгъ институтской библіотеки, въ настоящее время, простирается свыше 10000, историческаго, археологическаго, историко-юридическаго и тому подобнаго содержанія.

Въ музей Института вновь поступило въ отчетномъ году нѣсколько предметовъ древности. Изъ числа ихъ обращаютъ на себя вниманіе пожертвованія Императорской Археологической Коммиссіи: 40 бронзовыхъ Пантикапейскихъ монетъ, найденныхъ въ 1892 году въ деревнѣ Келечъ-Мечеть, Таврической губерніи; нѣсколько предметовъ, найденныхъ въ томъ же 1892 году при раскопкѣ кургановъ въ Бердянскомъ и Симферопольскомъ уѣздахъ, золотыя бусы, привѣски, глиняная чашечка и два обломка глиняныхъ кувшинчиковъ, изъ Анапскаго полицейскаго управленія; серебряный монетный слитокъ, найденный близъ города Мглина, 215 серебряныхъ копѣечекъ Петра Великаго, найденныхъ на островѣ р. Оредежи, два серебряныхъ шейныхъ обруча, найденные близъ села Редикора Пермской губ., и серебряный монетный слитокъ, найденный въ Превозипской волости Вятской губерніи. Почетный членъ Института, дѣйствительный статскій совѣтникъ, Василій Яковлевичъ Яковлевъ пожертвовалъ въ музей Института старинные Персидскіе воинскіе доспѣхи, какъ-то два шлема, щитъ, булаву, налокотникъ, кольчугу и ятаганъ. Общее число всѣхъ предметовъ музея простирается до 4000.

Совѣтъ Археологическаго Института въ своемъ послѣднемъ засѣданіи, 3 Мая, разсмотрѣвъ достоинство экзаменаціонныхъ отвѣтовъ лицъ, окончившихъ нынѣ курсъ въ Институтѣ, опредѣлилъ выдать аттестаты на званіе дѣйствительныхъ членовъ Института выдержавшимъ испытанія вполнѣ удовлетворительно, слѣдующимъ лицамъ: а) кандидату Новороссійскаго университета, статскому совѣтнику Григорію Александровичу Де-Воллану и дѣйствительному студенту Демидовскаго Юридическаго Лицея Александру Васильевичу Георгіевскому; б) выдать свидѣтельства объ успѣшномъ окончаніи институтскаго курса слѣдующимъ лицамъ: коллежскому ассесору Николаю Ивановичу Аѳанасьеву, подполковнику Ѳедору Ивановичу Кремкову и мѣщанину Петру Степановичу Кронову. Лица эти включены, на основаніи § 8-го Положенія объ Археологическомъ Институтѣ, въ число сотрудниковъ Института.

Въ отчетномъ году въ жизни Археологическаго Института не произошло никакихъ выдающихся событій. Выполняя нерушимо завѣты учредителя Николая Васильевича Калачова, Институтъ продолжалъ идти неуклонно къ опредѣленной цѣли изученія, распространенія археологическихъ знаній и сохраненія памятниковъ старины. Для успѣшнаго достиженія этой цѣли, очевидно, необходимо прежде всего, чтобы самъ Институтъ имѣлъ въ своемъ составѣ представителей, по возможности, всѣхъ главнѣйшихъ отраслей археологическаго знанія и представлялъ собою вполнѣ компетентное ученое учрежденіе. Исходя изъ этой мысли, Совѣтъ Института, особенно въ послѣднее трехлѣтіе, всегда ставилъ на первомъ планѣ усиленіе профессорскаго персонала, и въ отчетномъ году ему посчастливилось присоединить къ составу профессоровъ еще трехъ почтенныхъ представителей науки: доктора Русской исторіи Николая Петровича Лихачева, магистра Римской словесности Ивана Ильича Холодняка и профессорскаго стипендіата Григорія Филимоновича Церетелли. Такимъ образомъ въ Институтѣ въ настоящее время открыто уже 12 каѳедръ, обнимающихъ собою въ достаточной мѣрѣ всю полноту современнаго археологическаго знанія. Положеніе Института съ этой стороны прочно, и онъ съ полною надеждою смотритъ на свое будущее, если только правительство увеличитъ выдаваемую имъ на содержаніе Института субсидію или, въ крайнемъ случаѣ, благотворительность частныхъ лицъ поддержитъ его существованіе денежными пожертвованіями.

ПИСЬМО Д. В. ДАШКОВА КЪ В. А. ЖУКОВСКОМУ.

Не хочу заснуть, не объяснившись съ другомъ. Хотя мы и крупно говорили между собою, но я надѣюсь, что мы не поссорились. Все то чтó я тебѣ сказалъ, я бы могъ и, можетъ быть, долженъ былъ бы сказать тебѣ иначе; но ты нашелъ меня больнаго, въ дурномъ расположенiи духа и уже разсерженнаго претензiями аристократическими тѣхъ лицъ, за которыхъ ты прiѣзжалъ мнѣ говорить. Я досадовалъ не на тебя, а на тѣхъ, которые вмѣшали твою дружбу въ тяжебное дѣло. Ты знаешь, сердился ли я, когда ты говорилъ мнѣ столько разъ за людей бѣдныхъ, беззащитныхъ, sans faveur de cour et hors du cercle de la soi-disante bonne compagnie *). Тебя оскорбить я не хотѣлъ и не могъ хотѣть, и надѣюсь, что ты меня въ этомъ и не подозрѣваешь. Доставь мнѣ прiятное увѣренiе, что наша столь давнишняя связь и взаимныя чувства остались тѣ же, не смотря на мой ригоризмъ, который я оставляю при себѣ, отдавая его охотно на твое порицанiе.

Прости, старинный и добрый другъ. До свиданiя.

Середа, вечеромъ.

Списано съ своеручнаго подлинника, сохранившагося у сына Жуковскаго, Павла Васильевича; письмо безъ означенiя года.

*

Д. В. Дашковъ, министръ юстицiи (со 2 Февраля 1832 г. по кончину свою, 26 Ноября 1839 г.) памятенъ въ преданiяхъ неуклонностью своихъ правилъ и рѣшительностью нрава. Пушкинъ называлъ его „бронзою". Государь Николай Павловичъ очень цѣнилъ и уважалъ Дашкова, хотя и зналъ, что онъ являлся къ нему съ докладомъ, всякiй разъ имѣя въ карманѣ прошенiе объ отставкѣ. Тѣсная дружба связывала Дашкова съ Жуковскимъ, который, увлекаемый чудеснымъ своимъ сердцемъ, всегда готовъ былъ помочь чужой бѣдѣ. Покойный князь Вяземскiй передавалъ намъ, что однажды Дашковъ, встрѣтивъ Жуковскаго на прогулкѣ по Невскому проспекту объ руку съ однимъ высокопоставленнымъ, но лукавымъ и безнравственнымъ лицомъ, не задумался отвести его въ сторону и громко сказать: „Съ нимъ ты не долженъ показываться вмѣстѣ". Это было въ 1834 году и занесено Пушкинымъ въ его тогдашнiй дневникъ.

Къ сожалѣнiю, мы до сихъ поръ не имѣемъ бiографiи Д. В. Дашкова. П. Б.

---

*) Не пользующихся милостью двора и не принадлежащихъ къ такъ называемому хорошему обществу.

ПИСЬМО БАРОНА ДЕЛЬВИГА КЪ П. А. ОСИПОВОЙ.

1826.

Милостивая государыня Прасковья Александровна.

Плачу добромъ за испугъ. *Александръ былъ представленъ, говорилъ болѣе часу и осыпанъ милостивымъ вниманіемъ*: вотъ что мнѣ пишутъ видѣвшіе его въ Москвѣ. Сергѣй Львовичъ и Надежда Осиповна здѣсь и счастливы какъ нельзя больше. Поздравляю васъ съ общей радостью нашей и цѣлую ваши ручки. У меня есть двѣ просьбы къ вамъ: 1) Напишите Александру и помогите мнѣ уговорить его написать мировое письмо къ своимъ[1]). 2) Позвольте мнѣ посвятить вамъ мои Русскія пѣсни. Вы одолжите человѣка, который ничѣмъ болѣе не можетъ вамъ доказать своего почтенія, любви и благодарности. Позволеніе напишите на особенной бумажкѣ для цензуры, которая не позволяетъ посвящать безъ позволенія тѣхъ, кому посвящаешь. Жена моя вамъ кланяется, она познакомилась съ милой Анной Николаевной[2]); когда-то познакомится съ вами? Прощайте будьте здоровы и увѣрены въ преданности вашего покорнаго слуги барона Дельвига.

1826. 15-го Сентября (С.П.Б).

(Съ подлинника, хранящагося въ селѣ Покровскомъ, Старицкаго уѣзда, у Евпраксіи Степановны Папафидиной, урожденной баронессы Вревской). П. Б.

*

Баронъ Дельвигъ, гостившій у ссыльнаго Пушкина въ 1825 году и принятый какъ нельзя лучше въ селѣ Тригорскомъ, спѣшитъ успокоить П. А. Осипову извѣстіемъ о счастливомъ оборотѣ въ судьбѣ поэта, который внезапно уѣхалъ или скорѣе увезенъ былъ изъ своего Михайловскаго съ фельдъегеремъ въ Москву. Государь Николай Павловичъ 8 Сентября обласкалъ его. Въ Тригорскомъ трепетали за него, такъ какъ не было ничего мудренаго, если бы онъ очутился въ Сибири. П. Б.

---

[1]) Кажется, что примиреніе и свиданіе послѣдовало только лѣтомъ 1827 года. П. Б.

[2]) Дочь П. А. Осиповой. П. Б.

ПОПРАВКА.

Въ 8-й тетради „Русскаго Архива“ сего года, на стр. 599, помѣщена некрологическая замѣтка о Н. Я. Скарятинѣ. Въ ней невѣрно переданъ разсказъ о томъ, какъ было поступлено съ содержателемъ Казанскаго театра. Лицо близкое къ Н. Я. Скарятину пишетъ намъ: „Суфлёръ Ивановъ, замѣнявшій режиссера въ этотъ вечеръ (19 Февраля 1880), былъ вызванъ въ контору театра, и ему сдѣланъ съ глазу на глазъ весьма строгій выговоръ въ очень рѣзкихъ выраженіяхъ. Какъ ни былъ горячъ Н. Я. Скарятинъ, но никогда не позволилъ бы себѣ въ ложѣ, гдѣ сидѣли дамы, ударить кого бы то ни было. Увольненіе его отъ службы послѣдовало по личной его просьбѣ, поданной на высочайше имя въ Ноябрѣ 1880 года“.

Вопросы и отвѣты.

XIV.

Въ № 248 „Гражданина“ за нынѣшній годъ помѣщена замѣтка: „Потомокъ Рюрика“, гдѣ говорится о присоединеніи М. Ф. Пейхеру древней боярской фамилии „*Комлевыхъ*“, происшедшей будто бы отъ Рюрика.

Трудно предположить, чтобы подобная фамилія могла быть неизвѣстною не только теперь, но даже древнимъ родословцамъ. Мы имѣемъ списки родословныхъ, составленные въ XVI и XVII вв., каковы изданные Обществомъ Исторіи и Древностей Россійскихъ („Временникъ“, X) и Новиковымъ („Бархатная Книга“); но въ нихъ не упоминается фамилія Комлевыхъ. Ея нѣтъ ни въ боярскихъ книгахъ, ни въ спискѣ вотчинниковъ 1700; она нигдѣ не встрѣчается, гдѣ должна бы встрѣчаться, если бы принадлежала къ *древнимъ*, *славнымъ* и *боярскимъ* родамъ, да еще происшедшимъ отъ Рюрика.

Любопытно было бы узнать мнѣніе нашихъ генеалоговъ относительно этихъ новыхъ потомковъ Рюрика.

Л. М. Савеловъ.

Отвѣтъ на вопросъ XIII-й.

Записки генералъ-адъютанта князя А. М. Дондукова-Корсакова несомнѣнно существуютъ. Превосходная выдержка изъ нихъ напечатана была еще въ 1876 году въ 1-мъ томѣ „Кавказскаго Сборника,“ на стр. 289—368, подъ заглавіемъ „Воспоминанія о кампаніи 1855 года въ Азіатской Турціи.“

Суворовъ Н. Къ исторіи Спасоприлуцкаго монастыря. Указъ Св. Синода о лишеніи Спасоприлуцкаго архимандрита Гавріила Воронова архимандритства, священства и монашества, 1737 года. **Вологодскія Еп. Вѣд.** № 12.

Сулинъ И. Краткое описаніе станицъ области войска Донскаго. **Донскія Еп. В.** №№ 2—12.

Танковъ А. Гофмаршалъ высочайшаго двора генералъ-лейтенантъ кн. П. В Мещерскій въ Курскомъ Знаменскомъ монастырѣ. **Курскія Еп. Вѣд.** № 27.

Троицкій И. Е. Переписка между преосв. Ѳеофаномъ Владимирскимъ и Аркадіемъ Олонецкимъ. **Христ. Чтеніе,** Іюль—Августъ.

Расколоучитель — Благовѣщенскаго собора діаконъ Ѳедоръ Ивановъ. **Владимірскія Еп. Вѣд.** №№ 10—14.

Историко - статистическое описаніе церквей и приходовъ Волынской епархіи. **Волынскія Еп. Вѣд.** №№ 16—21.

Къ пятидесятилѣтію Глазовскаго духовнаго училища. **Вятскія Еп. Вѣд.** №№ 4, 6, 10.

Верхотурскій монастырь. **Екатеринбургскія Еп. Вѣд.** №№ 17—18, 22.

Къ исторіи Пугачевскаго бунта. **Екатеринбургскія Еп Вѣд** №№ 25—29.

Преподобный Пахомій, Нерехтскій чудотворецъ. **Костромскія Еп. Вѣд.** №№ 13—14.

Къ исторіи города Яблонова, одного изъ городовъ Украинской линіи, конца XVII-го столѣтія. **Курскія Еп. Вѣд.** № 24.

Чарнецкій И. Историческія свѣдѣнія о бывшихъ въ м Шаргородѣ (Могилевскаго уѣзда) духовной семинаріи и духовномъ училищѣ. Подольскія Еп. Вѣд. №№ 9—14.

Щукинъ А. Изъ Рославльской старины. Смоленскія Еп. Вѣд. № 8.

Юницкій А. Исторія церквей и приходовъ Бакинскаго округа Грузинской епархіи. Духовный Вѣстникъ Грузинскаго экзархата № 5.

Ярославскій К. Реэстръ именъ князей и княгинь Угличскихъ и дѣтей ихъ. Яросл. Еп. Вѣд № 16.

Угличскій 1794 г. пожаръ. Яросл. Еп В. № 18.

Къ исторіи разоренія Углича въ 1609 г. Яросл. Еп. В. № 20.

Жизнь и подвиги Глинской пустыни старца **Ѳеодота.** Курскія Еп. Вѣд. № 4, 5, 6.

Документы отъ XVII-го вѣка, касающіеся построенія церквей въ Ярославскомъ Дмитріе-Селунскомъ приходѣ. Яросл. Еп. В. №№ 13, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26.

Изъ исторіи древне-гражданской и умственной жизни Смолянъ. Смоленскія Еп. Вѣд. № 5.

Историко - статистическое описаніе церквей и приходовъ Рижской епархіи. Рижскія Еп. Вѣд. №№ 6—9.

Краткій историческій очеркъ Свято-Троицкаго женскаго монастыря въ селѣ Верхъ-Теченскомъ, Шадринскаго уѣзда. Екатеринбургскія Еп. Вѣд. №№ 5—8.

Краткое историческое описаніе приходовъ и церквей Архангельской епархіи. Архангельскія Еп. Вѣд №№ 1, 2, 4, 5, 9, 10, 14, 15, 16, 18.

Краткое сказаніе о началѣ Астрахани и объясненіе наименованія этого города. Астрах. Еп. В. № 4.

Къ вопросу о мѣстничествѣ между священнослужителями въ XVII вѣкѣ. I. Челобитная ключарей Успенскаго собора царямъ Іоанну и Петру Алексѣевичамъ и патріарху Адріану, II. Отвѣтъ на челобитную. Чтенія Об. Л. Дух. Просв. № 5—6.

Село Гремячее (бывшій городъ-крѣпость) и Гремячевскія церкви до Петра Великаго. Тульскія Еп. Вѣд. №№ 6, 8—9.

Церковно - приходская лѣтопись Рождество-Богородичной церкви села Суража, Кременецкаго уѣзда, Волынской губерніи. Волынскія Еп. Вѣд. №№ 11—13.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1894 года.

(Годъ тридцать второй).

Русскій Архивъ въ 1894 г. издается двѣнадцатью тетрадями, съ приложеніями.

Годовая цѣна „Русскому Архиву“ въ 1894 году съ пересылкою и доставкою — девять рублей. Для чужихъ краевъ—двѣнадцать рублей.

Подписка принимается въ Москвѣ, въ Конторѣ „Русскаго Архива“, близъ Тверской, на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ, на Никольской въ книжномъ магазинѣ Сытина и въ Петровскихъ линіяхъ у Печковской.

Въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“, въ Петербургѣ, Харьковѣ и Одессѣ.

Цѣна отдѣльнымъ книжкамъ: за одну по 1 р. 25 к., за двѣ по рублю, за три по 80 к., за четыре и болѣе по 75 к. каждая.

Перемѣна городскаго адреса на городской и иногородняго на иногородный—30 к.; городскаго на иногородный—90 к., иногородняго на городской—50 к. (по цѣнамъ почтамта).

☛ Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву“, для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владѣльцы получаютъ ихъ обратно. За сохраненіе же статей и современныхъ рукописей, оказавшихся неудобными къ печати, „Русскій Архивъ“ отвѣтственности на себя не принимаетъ.

Контора „Русскаго Архива“ открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 10 до 5 часовъ дня.

Составители и издатели „Русскаго Архива“ Петръ Бартеневъ.
Юрій Бартеневъ.

Роспись содержанію „Русскаго Архива“ за тридцать лѣтъ (1863—1892) на толстой писчей бумагѣ (для отмѣтокъ) поступила въ отдѣльную продажу. Цѣна **ТРИ** рубля.

Годъ тридцать второй.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1894

10.

Стр.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1894.

Указатель историческихъ статей въ повременныхъ изданіяхъ не-историческихъ.

Агнцевъ Д. Историческій очеркъ Рязанской духовной семинаріи. „Рязанскія Еп. Вѣд." №№ 15—16.

Боголюбовъ Я. Патріархъ Гермогенъ и его время. „Новое Слово". Май—Іюнь.

Боголюбскій М. С. Московская іерархія. Митрополиты. „Чтенія въ Общ. Люб. Дух. Просв." № 9.

Годы ученія и учительства (1807—1818 гг.) о. Веніамина Богословскаго въ Ярославской духовной семинаріи. „Ярославскія Еп. Вѣд." № 31.

Письмо въ Ярославль отъ 1795 г. архимандрита Іоасафа Болотова съ острова Кадьяка. „Ярославскія Еп. Вѣд." № 28.

Изъ писемъ о. протоіерея Веніамина Богословскаго къ своему отцу. „Ярославскія Еп. Вѣд." № 32.

Пять писемъ отъ 1786 и 87 гг. діакона Ростовской Введенской церкви Варѳоломея Иванова о школьныхъ успѣхахъ своего сына въ Ростовской семинаріи. „Ярославскія Еп. Вѣд." № 33.

Духовное завѣщаніе отъ 1783 года Аѳанасія, епископа Ростовскаго и Ярославскаго. „Ярославскія Еп. Вѣд." № 28.

Два письма отъ 1797 и 1798 гг. князя Александра Голицына къ церковному старостѣ села Сулости Ростовскаго уѣзда о постройкѣ церковной ограды. „Ярославскія Еп. Вѣд." № 28.

Богоявленскій С. Къ вопросу о столахъ Разряднаго приказа. „Ж. М. Н. Пр." Іюнь.

Браилевскій С. Н. Ѳ. П. Поликарповъ-Орловъ, директоръ Московской типографіи. „Ж. М. Н. Пр." Сентябрь.

Голубинскій Е. Е. Исторія канонизаціи святыхъ въ Русской церкви. „Бог. Вѣстн." Іюнь—Сентябрь.

Голубовскій П. В. Исторія Смоленской земли до начала XV вѣка. „Кіевск. Унив. Изв." Сентябрь.

Доброклонскій А. П. Очерки новѣйшаго (синодальнаго) періода Русской

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА МУРАВЬЕВА-КАРСКАГО.

1834-й годъ *).

Москва, Марта 8-го.

20-го Февраля я выѣхалъ изъ Петербурга, и въ Померанье на станціи нагналъ меня великій князь Михайло Павловичъ, который ѣхалъ на смотръ въ поселенія. Онъ пригласилъ меня чай пить и задержалъ часа два. Я нашелъ его чрезвычайно привѣтливымъ, разговоръ его основательнымъ и совершенно различнымъ отъ того, какъ я его въ Петербургѣ видѣлъ. Онъ отзывался съ большою похвалою о Москвѣ и жителяхъ оной, говоря, что ему всегда казалось, что онъ въѣзжаетъ въ Россію только тогда, когда переѣзжалъ рѣку Шошу, составляющую границу Московской губерніи. «Я тамъ пріятно проводилъ время свое. Скажи всѣмъ, сколько я люблю городъ сей и признателенъ жителямъ за привѣтливость ихъ».

Я сообщилъ ему желаніе мое съѣздить въ Вятку къ брату Александру, и сіе подало поводъ къ разговору о братѣ Михайлѣ и управленіи его Гродненскою губерніею. Онъ оправдывалъ его обхожденіе съ Поляками и обвинялъ тѣхъ, которые осуждали строгость его. «Неосновательныя сужденія о семъ, продолжалъ Михайло Павловичъ, происходятъ отъ людей не постигающихъ дѣла и важности отвѣтственности; а съ Поляками, не имѣющими ни правилъ, ни постоянства, нельзя обходиться слабо: поведеніе такое съ ними можетъ имѣть самыя пагубныя послѣдствія». Разговоръ сей обратился къ приступу Варшавы, о коемъ онъ очень охотно говоритъ со мною: ибо я при семъ случаѣ всегда напоминаю ему о помощи, имъ мнѣ данной въ сей день, и я снова напомнилъ ему различныя обстоятельства того дня, которыя онъ слушалъ съ удовольствіемъ.

Стали говорить о воинскомъ управленіи. Я объяснилъ мысли свои на счетъ парадовъ, которые бы нужно было измѣнить, и начальниковъ штаба, коихъ пользы я не признавалъ, развѣ съ измѣненіями ихъ власти и сношеній; но Великій Князь обратилъ рѣчь на управленіе 1-й арміи.

---

*) См. выше, II, 449.

«Это правда, говорилъ онъ, что фельдмаршалъ Сакенъ весьма умный человѣкъ; но онъ уже изъ лѣтъ выжилъ, и я не вижу надобности имѣть въ мирное время управленіе арміи. Достаточно и гораздо лучше имѣть только корпуса: вся служба тогда исполнялась бы легче и съ меньшею сложностью», и какъ рѣчь зашла о начальникахъ штабовъ, то онъ сказалъ, что Красовскій не на своемъ мѣстѣ. Вступившись за Красовскаго, я отвѣчалъ, что находилъ въ немъ способности и умъ, хотя онъ не имѣлъ никакого образованія. «Красовскій, можетъ быть, служитъ хорошо, и вѣроятно будетъ хорошо и впредъ служить, сказалъ Михайло Павловичъ; но ему приличнѣе быть корпуснымъ командиромъ. Вотъ уже два раза, какъ онъ пріѣзжалъ въ Петербургъ и оба раза, при всемъ умѣ своемъ, велъ себя такъ неосторожно, что и нельзя бы ожидать сего отъ него. Il a de l'esprit, mais pas de l'esprit de conduite *). Напримѣръ, въ прошломъ году онъ безъ всякаго спроса представилъ свои прожекты объ одеждѣ солдата, и Государь ему порядочно за то голову намылилъ; это было въ моемъ присутствіи. Нынѣ, предъ выѣздомъ моимъ, я видѣлъ приказъ по 1-й арміи; въ немъ Сакенъ благодаритъ за смотры Красовскаго полковыхъ командировъ, коихъ полки въ самомъ дурномъ состояніи, чтó мнѣ лично и Государю извѣстно, чтò и самъ Красовскій знаетъ. Ну можно ли такія вещи дѣлать? И ему опять досталось». Я отвѣчалъ, что въ семъ дѣлѣ Красовскій вѣроятно не виноватъ; ибо я передъ отъѣздомъ моимъ изъ Петербурга былъ у него и нашелъ его въ отчаяніи: приказъ сей несогласенъ съ его донесеніемъ, которое онъ мнѣ показывалъ. «Что же это такое? Ему развѣ нарочно штуку сыграли въ Кіевѣ?»—Съ умысломъ или безъ умысла сіе сдѣлано, того не знаю; но знаю, что Красовскій симъ былъ такъ огорченъ, что онъ готовъ былъ и службу оставить. Я полагаю, что онъ въ семъ дѣлѣ правъ, хотя и не оправдываю всѣхъ неосторожностей, сдѣланныхъ имъ въ Петербургѣ; о семъ я ему лично говорилъ изъ участія къ нему, и онъ можетъ быть доволенъ совѣтами моими. «А Ромаринскаго преслѣдованія реляція какъ тебѣ покажется? Да знаешь ли, чтó онъ еще со мною сдѣлалъ подъ Модлинымъ? Я ѣхалъ съ Прусской границы, куда мы преслѣдовали Поляковъ, къ Варшавѣ, и неподалеку отъ Модлина былъ остановленъ посланнымъ отъ Красовскаго; вскорѣ и онъ явился. Какъ и зачѣмъ онъ тутъ очутился, не понимаю; только онъ объявилъ мнѣ, что Поляки хотятъ сдаться, и мнѣ только одному. Я тогда же увидѣлъ цѣль его польстить мнѣ и не довѣрилъ его словамъ. Когда же я его спросилъ: зачѣмъ онъ тутъ находится? то онъ сказалъ мнѣ: для смотра войскъ 6-го корпуса, бывшаго

*) Онъ уменъ, но не умѣетъ держать себя.

Литовскаго, поступившаго въ составъ 1-й арміи (коей онъ былъ начальникомъ штаба) и предложилъ мнѣ осмотрѣть сіи войска; но я не счелъ нужнымъ вмѣшиваться въ дѣло, до меня не касающееся. На другой же день я ему ясно доказалъ, что поданныя мнѣ надежды на счетъ сдачи Модлина были несправедливы; ибо Головинъ, который командовалъ блокирующимъ войскомъ, получилъ отъ начальника гарнизона крѣпости письмо, въ коемъ ему писали, что надѣялись, по случаю присутствія моего, на выгоднѣйшія условія для сдачи. Я немедленно велѣлъ Головину отвѣчать Полякамъ, что я имѣлъ имъ только одинъ совѣтъ дать — сдаться фельдмаршалу безусловно. Красовскій вскорѣ послѣ сего отвѣта уѣхалъ, убѣдившись въ несправедливости имъ сказаннаго, и я не дождался сдачи (ибо сіе мнѣ не было поручено), а крѣпость сдалась Головину или тому начальнику, которому сіе было поручено отъ фельдмаршала». . . . .

Помнится мнѣ, что Великій Князь при семъ съ насмѣшливою улыбкою еще напомнилъ сказанное Красовскимъ Паскевичу вслѣдъ за пріѣздомъ его въ Варшаву. . . Сіе точно было, и Красовскій подобнымъ поведеніемъ своимъ не могъ пріобрѣсти ничьей довѣренности; онъ совершенно уронилъ себя въ общемъ мнѣніи, у Государя и у всѣхъ властей въ Петербургѣ.

Москва, Марта 9-го.

Разговоръ нашъ о дурномъ состояніи нѣкоторыхъ полковъ арміи подалъ поводъ къ общимъ разсужденіямъ о состояніи арміи. Я изобразилъ Великому Князю, какой недостатокъ тамъ въ хорошихъ офицерахъ и въ полковыхъ командирахъ и сказалъ, что для поправленія сего необходимо нужно бы выпускать въ армію въ сіе званіе полковниковъ изъ гвардіи, которые по образованію своему и лучшему понятію о своихъ обязанностяхъ предпочтительнѣе армейскихъ, чтò я имѣлъ случай дознать на опытѣ, и при томъ назвалъ ему гвардейскихъ офицеровъ, прикомандированныхъ ко мнѣ во время Польской войны, и полковника Любавскаго, командовавшаго у меня въ 24-й дивизіи Бѣлостокскимъ пѣхотнымъ полкомъ.—«Я увѣренъ, отвѣчалъ Великій Князь, что гвардейскіе офицеры весьма достойны; но сего сдѣлать никакъ нельзя по недостатку, который въ нихъ имѣется въ гвардіи, гдѣ я также цѣню хорошими офицерами. Кто изъ гвардейскихъ офицеровъ, прикомандированныхъ къ твоей бригадѣ во время Польской войны, былъ лучшій?» — Потуловъ, ваше высочество, и хотя онъ меня однажды огорчилъ, но я долженъ ему отдать сію справедливость. — «Какъ же онъ тебя огорчилъ?» спросилъ Михайло Павловичъ.—Я предлагалъ ему мѣсто адъютанта при мнѣ, но онъ предпочелъ служить во фронтѣ. Сіе

было сказано мною, дабы болѣе расположить Великаго Князя въ пользу сего истинно-достойнаго офицера, и онъ съ удовольствіемъ услышалъ о семъ, чтò я отъ другихъ всегда утаивалъ.

— «Это правда, что въ арміи недостаетъ полковыхъ командировъ, какихъ желательно бы было имѣть. Вотъ ихъ нынѣ много осталось въ Образцовомъ полку, по переформированіи пѣхоты, безъ полковъ; но они ничѣмъ здѣсь не занимаются. Есть однакоже между ними и достойные», и онъ назвалъ одного.—Есть еще полковникъ Ермоловъ, сказалъ я, который также полкомъ командовалъ и очень достойный офицеръ. Съ этимъ онъ согласился.

Послѣ того стали говорить о службѣ въ Петербургѣ, и я сказалъ ему, какъ она мнѣ казалась тягостною по суетливой жизни, съ коей она сопряжена въ столицѣ, съ чѣмъ онъ также согласился, и я ему объяснилъ, что располагалъ въ Москвѣ заняться приготовленіемъ къ изданію моихъ записокъ о послѣдней войнѣ между Турками и Египтянами. Разговоръ сей склонился къ описанію войскъ Египетскихъ и Турецкихъ, чтó его занимало, и за симъ онъ пожелалъ видѣть портретъ султана, который я ему и показалъ.

Говоря о Петербургѣ, онъ выхвалялъ только красоту города и обширность Зимняго дворца, и я ему при семъ случаѣ напомнилъ путешествіе, совершенное нами съ Государемъ по чердакамъ дворца, при чемъ онъ тогда тоже находился. Я напомнилъ ему также о картинѣ Кагульскаго сраженія, которую я тогда рекомендовалъ Государю, которую выписали и которая Его Величеству не понравилась, и я ему назвалъ еще портретъ Петра Великаго, который я въ Кіевѣ видѣлъ у Шіянова. Когда же разговаривали о Москвѣ, то Великій Князь хвалился искусственными водами, коими онъ лѣчился и отъ которыхъ онъ получилъ совершенное облегченіе въ болѣзни своей. Онъ приглашалъ меня также навѣстить въ Москвѣ кадетскій корпусъ, ибо зналъ, что я въ Петербургѣ занимался осмотромъ всѣхъ учебныхъ заведеній, о коихъ онъ также изложилъ нѣсколько сужденій, но касавшихся единственно до наружнаго устройства оныхъ. Я замѣтилъ въ немъ однакоже отеческое попеченіе о дѣтяхъ, коихъ воспитаніе ему было поручено. Говорили о нравственности ихъ, которую недостаточно сберегали при поступленіи сихъ молодыхъ людей въ армію, и онъ показалъ къ нимъ большое участіе; судилъ о Дворянскомъ полку, коего дурное устройство ему по видимому также извѣстно, ибо онъ сказалъ, что въ семъ отношеніи еще очень много дѣла осталось.

Я говорилъ Михаилу Павловичу, что, съ прибытіемъ въ Москву, я немедленно навѣщу своего стараго начальника, А. П. Ермолова. Онъ съ удовольствіемъ вспомнилъ о немъ, приказалъ ему кланяться и спро-

силъ, почему онъ не является къ своей должности въ Совѣтъ? На это я отвѣчалъ, что полагалъ сему причиною болѣзнь его.

Судили также о вновь изобрѣтенномъ ружьѣ Роберта, коему дѣлали нѣсколько опытовъ въ Петербургѣ и признали весьма выгоднымъ для введенія въ пѣхотѣ, потому что изъ него можно гораздо бо́льшее число выстрѣловъ сдѣлать въ короткое время. Онъ желалъ узнать мое мнѣніе. Я сказалъ, что введеніемъ сего ружья сдѣлаютъ совершенно противное тому, что́ надобно (ибо и нынѣ уже пѣхота наша безъ мѣры и надобности стрѣляетъ), что привычку сію надобно бы извести въ войскахъ, а не усиливать оружіемъ, дающимъ способъ къ сему; что у насъ съ симъ ружьемъ войска́ перестанутъ драться, и не достанетъ никогда патроновъ. Онъ улыбнулся, но призналъ мысль сію справедливою. Наконецъ, собираясь на смотръ въ военныя поселенія, онъ всталъ, простился со мною и поѣхалъ; а вслѣдъ за нимъ и я, будучи весьма доволенъ двумя часами, проведенными въ бесѣдѣ Великаго Князя, а еще болѣе тѣмъ, что убѣдился въ добрыхъ свойствахъ его и въ вѣрномъ взглядѣ на предметы, который онъ, можетъ быть, скрываетъ, пребывая въ Петербургѣ.

На слѣдующей станціи я нашелъ Александра Марковича Полторацкаго, коего повезъ въ своей каретѣ до Торжка.

24-го числа я пріѣхалъ въ Москву, гдѣ остановился у батюшки, пріѣхавшаго сюда изъ деревни. Я нашелъ его свѣжимъ и здоровымъ. Пріѣздъ мой его чрезвычайно обрадовалъ, и мы провели здѣсь время вмѣстѣ до вчерашняго дня. Онъ выѣхалъ 8-го числа до разсвѣта въ деревню. Масляницу я провелъ большею частью въ разъѣздахъ и визитахъ, располагая уже заняться записками своими по окончаніи оныхъ, съ наступленіемъ Великаго поста. Когда я былъ въ Собраніи *), общее вниманіе было обращено на меня, и сіе, льстя самолюбію моему, безъ сомнѣнія было однимъ изъ лучшихъ награжденій за труды мои и опасности мною перенесенныя. Но прежде всего я съѣздилъ съ Иваномъ Павловичемъ Шиповымъ, черезъ день послѣ моего пріѣзда сюда, къ Алексѣю Петровичу Ермолову, который жилъ въ деревнѣ. Онъ былъ обрадованъ моему пріѣзду; но мнѣ казалось, что онъ опустился. Между разговорами съ нимъ онъ совѣтовалъ мнѣ продолжать службу. «Государь къ тебѣ милостивъ, сказалъ онъ, и постояненъ въ своемъ расположеніи. Смотри на меня, напримѣръ: сколько времени уже онъ на меня негодуетъ, не перемѣняя своего мнѣнія на мой счетъ!»

А. П. Ермоловъ на дняхъ въ Москвѣ былъ, гдѣ я съ нимъ видѣлся.

---

*) Т. е. Московскомъ Благородномъ Собраніи, на Большой Дмитровкѣ, гдѣ тогда часто бывали оживленные вечера и балы. П. Б.

Съ пріѣздомъ же моимъ, когда я долженъ былъ присутствовать на похоронахъ жены Лукаша, умершей наканунѣ моего прибытія, я также долженъ былъ испытывать и наступательныя дѣйствія семейства М., ищущихъ настоятельнымъ образомъ выдать за меня одну изъ дочерей, чтó и понудило меня отказаться почти явнымъ образомъ отъ нихъ. Безразсудные же поступки въ семъ случаѣ матери расположили меня къ ней совершенно иначе, чѣмъ прежде, и я убѣжденъ, что женщина сія соединяетъ въ себѣ подъ личиною набожности самыя дурныя свойства.

27-го я возвращался отъ вечерни, у коей былъ по случаю тому, что говѣю, какъ получилъ повелѣніе военнаго министра, коимъ онъ увѣдомляетъ меня, что Государь требуетъ сколько можно поспѣшно возвращенія моего въ Петербургъ по надобности службы. Не зная содержанія новаго порученія, которое на меня вѣроятно возложатъ, я немедленно собрался ѣхать и сегодня выѣзжаю отсюда въ Петербургъ.

С.-Петербургъ, Апрѣля 1-го.

Я гналъ и скакалъ безъ остановки, дабы скорѣе поспѣть сюда, куда и пріѣхалъ вчера 31-го Марта въ 2 часа пополудни, пробывъ въ дорогѣ менѣе трехъ сутокъ. Пріѣхавъ прямо къ брату Мордвинову, я спросилъ его, не зналъ ли онъ причинъ, по коимъ меня вытребовали; но онъ ничего не зналъ.

Вчера же я явился къ военному министру ввечеру. Замѣтно было, что онъ еще не забылъ послѣдней встрѣчи нашей, сколько онъ ни старался скрыть своего неудовольствія на меня. Послѣ первыхъ вопросовъ о моей поѣздкѣ, онъ началъ съ того, что сказалъ мнѣ о намѣреніи Государя назначить меня начальникомъ штаба 1-й арміи. Pour le moment c'est une volonté ferme de l'Empereur, сказалъ онъ. Мнѣ ничего не оставалось возражать. Cela vous prouve, продолжалъ онъ, combien l'Empereur est toujours bien disposé à votre égard, et c'est le moyen de parvenir au commandement d'un corps d'armée *). Я спросилъ его только, согласенъ ли самъ фельдм. Сакенъ на сіе назначеніе. —«Согласенъ и желаетъ сего, сказалъ графъ Чернышовъ. Вотъ какъ сіе случилось; я вамъ разскажу все сіе, но прошу никому о семъ не говорить. Красовскій, прибывъ сюда, представляетъ докладною запискою въ званіе генералъ-провіантмейстера полковника Ладинскаго и проситъ производства его по сему случаю въ генералъ-маіоры (тотъ самый Ладинскій, отъ коего я полкъ принималъ....), и записка сія была написана отъ имени фельдмаршала. Фельдмаршалъ же на спросъ отозвался,

---

*) На этотъ разъ такова твердая воля Государя.—Это вамъ доказываетъ, какъ Государь всегда благорасположенъ къ вамъ, и вотъ средство получить въ командованіе армейскій корпусъ.

что онъ никогда не поручалъ сего Красовскому и что, напротивъ того, зная Ладинскаго съ весьма дурной стороны, онъ ему уже давно приказывалъ выйдти въ отставку. Красовскій же утверждаетъ до сихъ поръ, что фельдмаршалъ поручилъ ему сіе сдѣлать въ Петербургѣ, въ чемъ и трудно разобрать ихъ. Но Красовскій уже нѣсколько разъ дѣлалъ подобныя вещи, и такъ какъ ему нельзя было послѣ того оставаться на семъ мѣстѣ, то я и писалъ къ фельдмаршалу отъ имени Государя, увѣдомляя, что Красовскому дано будетъ другое назначеніе, а ему предоставлялось избрать себѣ другаго начальника штаба, что впрочемъ Государь на сіе мѣсто признавалъ только васъ одного способнымъ, на что́ фельдмаршалъ отозвался, что онъ будетъ весьма доволенъ такимъ назначеніемъ. Вы недолго останетесь на семъ мѣстѣ, ибо фельдмаршалъ старъ и со дня на день можетъ умереть». Я изложилъ министру затрудненія, которыя предстоятъ на семъ мѣстѣ, управляемомъ интригами окружающихъ, но въ самыхъ умѣренныхъ и околичныхъ выраженіяхъ. Онъ самъ мнѣ объяснилъ ихъ, но увѣрялъ, что они не будутъ имѣть никакого вліянія на мою службу, и вскорѣ отпустилъ меня, сказавъ, что онъ доложитъ обо мнѣ Государю.

1-го я поѣхалъ являться къ Бенкендорфу, который допрашивалъ меня долго, все что нибудь о причинахъ, по коимъ меня потребовали, сказалъ ли мнѣ что нибудь военный министръ на счетъ моего назначенія, и сталъ мнѣ говорить о мѣстѣ начальника штаба въ 1-й арміи, описывая мнѣ слабости и дряхлость Сакена, который, вопреки многихъ приглашеній и намековъ Государя, непремѣнно хочетъ остаться на своемъ мѣстѣ, въ чемъ, продолжалъ онъ, мы должны видѣть великодушіе Государя, уважающаго старость и заслуги фельдмаршала. «Левашову *) нынѣ поручено было его пригласить въ Петербургъ; но онъ рѣшительно объявилъ, что считаетъ себя обязаннымъ до послѣдней минуты жизни своей служить Государю. Трудно разувѣрить старика въ подобныхъ мысляхъ. Какъ его убѣдишь въ томъ, что онъ болѣе служитъ въ тягость чѣмъ въ пользу службы? А между тѣмъ Государь не знаетъ, какъ ему быть съ нимъ. Вамъ въ такомъ случаѣ надобно будетъ дѣло вести. Красовскій не умѣлъ себя держать: онъ отдавалъ отъ себя приказанія, былъ грубъ съ подчиненными и оскорбилъ Сакена своимъ поведеніемъ. Князь Меншиковъ съ нимъ видѣлся и, услышавъ различные отзывы его о Красовскомъ, пересказалъ о томъ Государю, чего онъ безъ сомнѣнія не долженъ былъ дѣлать; но, послѣ случившагося между ними, Красовскому болѣе оставаться на семъ

*) Графъ Левашовъ былъ въ то время Кіевскимъ генералъ-губернаторомъ.—Князь Сакенъ (гу бернаторъ Парижа въ 1814 г.) скончался только въ 1837 году. П. Б.

мѣстѣ нельзя, и я полагалъ, что васъ для сего назначаютъ. Не знаете ли вы чего инаго о семъ?» Я отвѣчалъ, что полагалъ причиною прiѣзда своего порученiе въ Турцiю или сiе назначенiе. «Не говорилъ ли вамъ чего либо графъ Чернышовъ?»—Онъ сказывалъ мнѣ, что Государь мнѣ лично о семъ объявитъ. И на всѣ вопросы такого рода я все тѣмъ же отвѣчалъ, не имѣя права объявить разговора моего съ министромъ, про который онъ просилъ меня никому не сказывать. Когда же Бенкендорфъ сталъ мнѣ опять говорить о мѣстѣ начальника штаба, говоря, что онъ самъ не считалъ мѣста сего по мнѣ (ибо онъ зналъ склонности мои, призывающiя меня болѣе къ начальствованiю надъ особенною частью), то я сказалъ ему, сколько считалъ подобное мѣсто труднымъ поकознямъ, съ коими оно сопровождалось (также въ самыхъ умѣренныхъ выраженiяхъ), но что я считалъ также обязанностью во всякомъ случаѣ держаться девиза: fais ce que dois, advienne qui pourra *).—«Нѣтъ, сказалъ Бенкендорфъ, сего нельзя здѣсь примѣнить: случай не таковъ». И сталъ опять мнѣ объяснять обстоятельства; но я отвѣчалъ, что первою обязанностью своею всегда считалъ быть преданнымъ своему начальнику и что въ такомъ случаѣ я бы счелъ долгомъ угодить фельдмаршалу. Впрочемъ, продолжалъ я, самыя мѣста начальниковъ штаба признаю я совершенно вредными для службы: ими нарушаются основанiя дисциплины, и продолжалъ изложенiе давнишняго моего мнѣнiя о семъ предметѣ, съ чѣмъ онъ былъ совершенно согласенъ.

Отъ Бенкендорфа я поѣхалъ къ Орлову и, входя, встрѣтилъ выходящаго отъ него Красовскаго. Орловъ удивился моему прiѣзду и сказалъ, что не зналъ причины онаго, что вѣрно бы написалъ мнѣ, еслибы что нибудь узналъ; но что онъ теперь видѣлъ, для чего я призванъ и что мнѣ хотятъ дать мѣсто Красовскаго, который не ужился съ фельдмаршаломъ. Орловъ разсказывалъ мнѣ, какъ фельдмаршала хотѣли сюда заманить; но онъ не подавался. «Хотя бы его сюда къ колоннѣ призвать, да вмѣстѣ съ нею и поднять его», сказалъ Орловъ смѣючись, т. е. къ Августу мѣсяцу при торжественномъ открытiи памятника, воздвигнутаго на дворцовой площади. Я увѣрялъ Орлова, что фельдмаршалъ не прiѣдетъ и что его ничѣмъ не вызовутъ, и замѣтилъ ему, что изъ всѣхъ воинскихъ сановниковъ высшаго званiя онъ только одинъ умѣлъ удержаться на своемъ мѣстѣ въ столь преклонныя лѣта, что̀ означаетъ умъ его. Орловъ находилъ, что мѣсто сiе нисколько не будетъ по мнѣ. Я тоже говорилъ, но не сказывалъ о говоренномъ мнѣ военнымъ министромъ. Впрочемъ, продолжалъ я,

*) Дѣлай что̀ ты долженъ; пусть будетъ что̀ можно.

мнѣ все равно, если я и обрушиться долженъ, лишь бы мнѣ выдти съ званіемъ честнаго человѣка. Я никогда не признавалъ дѣльными мѣста̀ начальниковъ штаба, c'est toujours une fausse position, et tout ce qui en résulte ne peut qu'être faux *). Орловъ совѣтовалъ мнѣ предупредить Государя о мнѣніи моемъ и о всемъ что̀ я предвидѣлъ на семъ мѣстѣ, хотя Государь и самъ знаетъ все сіе. Но я отвѣчалъ, что мое дѣло будетъ повиноваться и что я не считалъ приличнымъ осуждать слабости своего начальника, коему обязанъ былъ преданностію, и предоставилъ ему доложить Государю о семъ, а себѣ только дѣйствовать.

При семъ случаѣ Орловъ разсказалъ мнѣ, какъ Сакенъ, получивши увѣдомленіе Чернышова о смѣнѣ Красовскаго и выборѣ, сдѣланномъ Государемъ касательно меня, объявилъ о семъ въ присутствіи всѣхъ, говоря, что онъ меня желаетъ на сіе мѣсто. Орловъ старался успокоить меня, говоря, что онъ все сообщитъ Государю, хотя я ему ничего не говорилъ, а между тѣмъ просилъ меня не тревожиться, на что́ я ему сказалъ, что меня болѣе ничего не тревожитъ, и показалъ ему совершенное равнодушіе по всякому назначенію, какое бы мнѣ ни дали.

Я былъ также и у Клейнмихеля, который также приступилъ ко мнѣ съ вопросомъ о моемъ назначеніи и о сказанномъ мнѣ военнымъ министромъ, но ничего не узналъ отъ меня; самъ же разсказалъ мнѣ все что́ зналъ о семъ. «Красовскій, говорилъ онъ, не умѣлъ себя вести; онъ и здѣсь надѣлалъ пропасть глупостей, давая обѣды чиновникамъ Военнаго Министерства, чѣмъ и уронилъ себя совершенно. Онъ былъ нескроменъ, говорилъ весьма дурно о фельдмаршалѣ, называя его кускомъ мяса, подавалъ докладныя записки о разныхъ назначеніяхъ и смѣщеніяхъ полковыхъ командировъ по своему произволу и безъ всякаго основанія; наконецъ, завелъ дѣло о Ладинскомъ, отъ коего Сакенъ отказался; бралъ на себя распоряженія, на кои не имѣлъ права, и тому подобное. Государь былъ имъ очень недоволенъ и позволилъ Красовскому отсюда ѣхать, не желая видѣть его; но Красовскій до сихъ поръ остался. По дѣлу, переданному Меншиковымъ, Государь приказалъ спросить Сакена, который . . . отозвался, что онъ ничего не поручалъ Меншикову пересказать Государю, но имѣлъ съ нимъ откровенный разговоръ». Изъ всего разговора съ Клейнмихелемъ я могъ видѣть, сколько не благоволятъ къ Красовскому, и большею частью причиною сему полагаю самого Красовскаго, который уронилъ себя своимъ неосновательнымъ поведеніемъ и неумѣстными происками.

---

*) Это всегда положеніе ложное, и что̀ отъ того происходитъ должно быть ложнымъ.

Возвратившись домой, я получилъ записку отъ военнаго министра, коею онъ увѣдомлялъ меня, что Государь приметъ меня въ теченіе будущаго дня, т. е. сегодня.

Въ ожиданіи назначенія, о коемъ военный министръ мнѣ объявилъ, какъ о непремѣнномъ по твердой волѣ Государя, я остаюсь сегодня дома, считая и самое назначеніе начальникомъ штаба 1-й арміи сноснымъ потому только, что оно не въ Петербургѣ, а въ Кіевѣ, гдѣ жизнь довольно пріятная; но съ поступленіемъ моимъ на сіе мѣсто, я тамъ не располагаю иначе дѣйствовать какъ по правиламъ, предписаннымъ службою и мѣстомъ; ибо трудно и почти невозможно соблюсти и виды, нынѣ предписываемые обстоятельствами, и то уваженіе, коимъ я обязанъ буду своему начальнику.

3-го Апрѣля.

2-го я цѣлый день провелъ дома въ ожиданіи зова къ Государю, но не получилъ онаго. Въ теченіе утра меня навѣстилъ Красовскій, которому я также не открывалъ предположенія о своемъ назначеніи, о чемъ онъ однакоже зналъ. Онъ былъ очень разстроенъ, хотя и старался казаться покойнымъ. Онъ не жаловался на фельдмаршала и объяснилъ мнѣ кое-какіе предметы управленія начальника штаба 1-й арміи.

4 Апрѣля.

3-го поутру военный министръ прислалъ ко мнѣ при письмѣ копію съ указа, подписаннаго Государемъ, о назначеніи меня исправляющимъ должность начальника штаба 2-й арміи. Я поѣхалъ немедленно являться къ Чернышову, но не засталъ его дома. Отъ него поѣхалъ я къ графу Орлову и спросилъ его: какъ бы онъ сдѣлалъ, будучи на моемъ мѣстѣ, еслибы умеръ въ его присутствіи фельдмаршалъ? Отдалъ ли бы онъ управленіе арміи генералу Роту или другому корпусному командиру, который бы въ то время случился въ Кіевѣ, или бы дождался распоряженій по донесеніи о томъ въ Петербургъ? Онъ отвѣчалъ, что никому бы не далъ управленія сего въ такомъ случаѣ до повелѣнія Государя, на основаніи составленнаго на такой случай правила. Правило сіе касается, отвѣчалъ я, только до военнаго времени. «А я и въ мирное такимъ же бы образомъ сдѣлалъ», сказалъ онъ.—Я очень доволенъ слышать мнѣніе ваше, потому что и я также поступлю; но я желалъ бы знать на сей счетъ волю Государя и просилъ бы васъ довести о семъ до свѣдѣнія Его Величества, дабы не причли подобнаго поступка къ честолюбію или кичливости моей. Я не могъ о семъ говорить министру, а вамъ объясняю мысль сію въ надеждѣ, что вы ее сообщите Его Величеству. Орловъ обѣщался сказать сіе Государю и прибавилъ, что безполезно

было бы мнѣ говорить о семъ военному министру, который бы не умѣлъ дать никакого отвѣта, что̀ и совершенно пра̀вда.

Въ теченіе вчерашняго дня меня не звали къ Государю, и я болѣе никого не видалъ изъ дѣйствующихъ лицъ.

5 Апрѣля.

4-го я опять поѣхалъ къ министру и засталъ его въ Министерствѣ. Онъ мнѣ далъ отвѣтъ на счетъ предвидѣнныхъ мною затрудненій въ случаѣ смерти фельдмаршала и сказалъ мнѣ отъ имени Государя, что въ такомъ разѣ я не долженъ никого допущать до командованія арміею и, вступивъ въ управленіе оной, ожидать распоряженій изъ Петербурга. Касательно пріема моего у Государя, онъ сказалъ мнѣ, что Его Величество самъ пошлетъ за мною, на что̀ я спросилъ: не долженъ ли я причесть къ какому либо неудовольствію то, что до сихъ поръ Государь меня не потребовалъ еще къ себѣ? Министръ увѣрилъ меня, что нѣтъ, сказавъ, что причиною сему занятія, встрѣтившіяся Государю. Я съѣздилъ къ великому князю Михайлѣ Павловичу и, явившись, просилъ къ себѣ въ адъютанты штабсъ-капитана Шипова *), Семеновскаго полка; но мнѣ въ томъ отказали, потому что Шиповъ командуетъ ротою, и всѣ мои убѣжденія остались тщетны. Онъ спрашивалъ, справедливы ли оказались похвалы, данныя имъ Москвѣ, о кадетскомъ корпусѣ тамошнемъ и о проч.

Возвратившись домой, я засталъ у себя фельдъ-егеря, посланнаго за мною Государемъ, который меня требовалъ къ часу пополудни, и я къ означенному времени явился во дворецъ. Государь принялъ меня очень ласково. «Я не долго оставлялъ тебя безъ дѣла, сказалъ онъ, и надѣюсь, что ты мѣсто начальника штаба займешь съ пользою для службы. Фельдмаршалъ старъ, тебѣ будетъ много трудовъ, дѣла̀ и затрудненія предстоять; но ты долженъ мнѣ все сказать по истинѣ что̀ ты думаешь о людяхъ, его окружающихъ. Я знаю самъ обстоятельства сіи: тамъ много интригъ, и я слышалъ, что тамъ два лица—Квистъ, правитель канцеляріи фельмаршала, и дежурный генералъ Карповъ, которые много мѣшаютъ».—Съ первымъ я мало знако̀мъ, отвѣчалъ я; а второй будетъ подъ командою моею. Распространяться не считалъ я нужнымъ о семъ предметѣ, коль скоро видѣлъ, что Государь уже обо всемъ былъ предупрежденъ и зналъ о томъ, что̀ тамъ дѣлается; при томъ же онъ прервалъ меня и продолжалъ: «Ты долженъ стараться во всемъ угодить фельдмаршалу и вѣрно достигнешь сего прямымъ обхожденіемъ; не можетъ не понравиться фельдмаршалу, когда ты просто придешь къ нему объявить о козняхъ или безпорядкахъ, тобою замѣченныхъ. Мы съ тобою скоро увидимся: я надѣюсь быть въ Москвѣ

*) Иванъ Павловичъ Шиповъ подозрѣвался въ сочувствіи Декабристамъ. П. Б.

4-го Сентября, дабы смотрѣть 4-й корпусъ; оттуда я поѣду на Казань и потомъ пріѣду смотрѣть 3-й резервный кавалерійскій корпусъ, гдѣ буду, можетъ быть, и маневры дѣлать; пріѣзжай на сіи смотры. Видѣлъ ли ты нынѣ какую нибудь часть войскъ, въ Москвѣ расположенныхъ, каковы они?»—Видѣлъ только людей въ караулѣ; они очень слабы и тощи.—«Такъ мнѣ и адъютантъ мой Грессеръ донесъ. Однакоже они не совсѣмъ дурны, какъ напримѣръ»....—Какъ моя дивизія, когда я имѣлъ счастіе представлять ее на смотръ Вашему Величеству въ Кіевѣ.—«Да, твоя дивизія хороша была».—Въ массѣ, Ваше Величество, она держалась, но къ движенію была мало способна; ибо по одиночкѣ люди были очень мало образованы.—«А какъ была нынѣшняя дивизія твоя въ Турціи?»—Такая же.—«Слѣдственно, она и къ дѣйствію мало могла бы служить?»—Въ дѣлѣ бы люди сіи могли служить хорошо; на мѣстѣ ихъ бы можно одушевить; но при первыхъ усиленныхъ переходахъ я бы растерялъ половину ихъ: люди были слабосильны и очень молоды.—«Это общій недостатокъ во всей арміи послѣ прошедшихъ двухъ войнъ; а вѣдь спорили противъ меня, когда я не хотѣлъ принимать въ службу менѣе 20 лѣтъ! Я согласился принимать дѣтей, и вотъ изъ 93-го набора едва ли нынѣ 2000 человѣкъ во всей арміи осталось: всѣ погибли!»—Много зависитъ и отъ поспѣшности, съ коею готовятъ людей, дабы скорѣе представить ихъ въ массѣ, чѣмъ ихъ совершенно портятъ. Мнѣ случалось находить у себя въ дивизіи людей, которые, будучи по пяти лѣтъ въ службѣ, не умѣли держать ружья порядочно, узнать начальника, потому что ихъ держали все въ серединѣ колонны и не находили надобности заниматься ими какъ слѣдуетъ.—«Такъ, это ложное понятіе: хотятъ угодить тѣмъ, что скорѣе поставили людей, и тѣмъ губятъ ихъ. Но вотъ человѣкъ достойный, дивизіонный генералъ Чаодаевъ; онъ славно ведетъ свою часть».—Генералъ Чаодаевъ достойный человѣкъ; но гибели людей есть еще другая причина: ихъ уже разстраиваютъ во время препровожденія рекрутскихъ партій и приводятъ изнуренными въ полки, и сіе дѣлается, не взирая на рекрутскій уставъ, въ коемъ всѣ случаи предвидѣны. Уставъ хорошъ, и средства для содержанія рекрутъ достаточны.—«Да, это злоупотребленія. Ну вотъ и за этимъ ты можешь присмотрѣть, занимая мѣсто начальника штаба».—Я приложу все стараніе исполнить свою обязанность и заслужить довѣренность Вашего Величества.—«Скоро ли ты думаешь ѣхать?»—Если позволите, то я проведу здѣсь праздники.—«Надобно бы поспѣшить; но праздники-то оставайся», и Государь отпустилъ меня. Въ теченіе разговора сего Государь говорилъ мнѣ и о князѣ Яшвилѣ, какъ о человѣкѣ, управленіемъ коего артилеріею онъ былъ очень доволенъ. Нынѣ занимающій сіе мѣсто г.-л. Хо-

венъ, кажется, не пользуется такою довѣренностью Государя; но онъ хвалилъ Глинку, начальника штаба его, коего называлъ своимъ сослуживцемъ или бывшимъ въ командѣ его. Сими очерками, какъ видно было, Государь хотѣлъ мнѣ указать, въ какого рода сношеніяхъ я долженъ былъ находится съ различными особами штаба 1-й арміи.

Вчера, когда я былъ у министра, онъ предупредилъ меня, дабы я не вѣрилъ всему тому, чтó Красовскій мнѣ будетъ говорить; ибо человѣкъ сей неоснователенъ, и на его слова никакъ положиться нельзя. Тоже самое говорилъ мнѣ и Клейнмихель, который показывался очень откровеннымъ и услужливымъ. Онъ предлагалъ мнѣ даже испросить у Государя для меня пособіе на подъемъ; но я посовѣстился просить сего и рѣшился обойтись, хотя съ крайностью, тѣмъ, чтó имѣю.

Отъ Государя я представлялся Императрицѣ, которая нѣсколько времени занималась мною и показывала сына своего, великаго князя Михаила Николаевича, забавлявшаго ее своими играми. Отъ нея пошелъ я къ Наслѣднику, который меня также принялъ; потомъ я сдѣлалъ визиты князю Волконскому и графу Толстому. Послѣдній очень радовался моему назначенію и находилъ его очень приличнымъ.

С.-Петербургъ, 7-го Апрѣля.

6-го я былъ дежурнымъ и былъ приглашенъ къ обѣду Государя. Государь говорилъ о разныхъ предметахъ; но замѣчательно было то, что во всѣхъ сужденіяхъ своихъ онъ выражался какъ посторонній человѣкъ, нисколько не выставляя своего званія. Онъ и Императрица въ особенности хулили Шатобріана, коего поведеніе и сочиненія заслуживали всякаго порицанія, по мнѣнію ихъ: въ первомъ отношеніи по непостоянству правилъ Шатобріана относительно государя своего, а во второмъ по заманчивому слогу его, ведущему только къ возбужденію страстей. «Такимъ образомъ, разсказывалъ Государь, будучи въ Москвѣ, я зашелъ однажды къ женѣ своей и засталъ ее всю въ слезахъ. Чтó такое это было? Я засталъ у нея въ рукахъ Шатобріана. Съ той минуты Шатобріану дана была пощечина, а женѣ—запрещеніе читать его».

Всѣ великіе князья и княжны находились тутъ во время обѣда и послѣ онаго занимали Государя и Императрицу своими играми. Государь, взявши на плечо великаго князя Николая, сдѣлалъ имъ, какъ ружьемъ, всѣ пріемы и игралъ съ прочими сыновьями своими, сложивъ всю важность царскаго сана.

За обѣдомъ были, кромѣ Государя и Императрицы, графъ Чернышовъ, графъ Бенкендорфъ, графъ Красинскій, Прусскій полковникъ Раухъ, графъ Головинъ, князь Волконскій, я и дежурный флигель-адъютантъ.

С.-Петербургъ, 26-го Апрѣля.

Всѣ дни сіи прошли безъ чего-либо замѣчательнаго касательно службы моей и сношеній съ Государемъ. Я оставался здѣсь на праздникахъ, дабы присутствовать по обязанности своей на торжествахъ присяги Наслѣдника, провелъ время въ досадахъ и суетахъ и собирался выѣхать отсюда во Вторникъ на Ѳоминой недѣлѣ; но военный министръ торопилъ меня, говоря, что дѣла такой поспѣшности меня ожидаютъ въ Кіевѣ, что я долженъ выѣхать непремѣнно въ Четвергъ на Святой, на чтó я и согласился и сталъ готовиться къ скорому выѣзду, полагая, что ничего болѣе мнѣ не препятствуетъ къ сему. Военный министръ назначилъ мнѣ день, въ который онъ хотѣлъ меня снабдить разными наставленіями для исправленія новой должности моей. Я явился въ назначенное время.

Онъ прежде всего спросилъ меня, знаю ли я дислокацію всей арміи?—Имѣю понятіе, но въ подробности не знаю.—«Какъ же это? Да мы вамъ ее тотчасъ сообщимъ (какъ будто бы въ томъ предстояла какая-нибудь надобность теперь; но онъ полагалъ меня ослѣпить симъ блескомъ и, доставши дислокаціонныя карты, продолжалъ): Вотъ видите — это вотъ квартиры 10-й дивизіи, а это—11-й, а это—12-й (и такъ далѣе, перечитывая надписи). Вамъ непремѣнно надобно имѣть сіи свѣдѣнія».—Я ихъ возьму въ штабѣ своемъ, гдѣ они имѣются.— «Я прикажу вамъ ихъ доставить. Ахъ, кстати, посмотрите на эту книжку карманную, какъ она хороша; вамъ непремѣнно надобно такую же имѣть», сказалъ онъ, подавая мнѣ маленькую печатанную книжку, въ коей были выставлены всѣ названія полковъ и командировъ ихъ по дивизіямъ и бригадамъ.—Я возьму такую у дежурнаго генерала, сказалъ я.—«О, онъ не дастъ,—это секретъ».—Такъ я велю у себя въ штабѣ напечатать или буду ихъ наизустъ знать. — Симъ кончилось важное наставленіе, которое онъ мнѣ хотѣлъ дать. Мы встали; онъ сказалъ мнѣ, что Государь поручаетъ мнѣ осмотрѣть въ Москвѣ два полка весьма слабыхъ. Я началъ было ему говорить то, чтó зналъ о сихъ войскахъ и изъяснять причины разстройства оныхъ; но ему не до того было, и мы раскланялись. Я просилъ у него позволенія провести дней десять у отца въ деревнѣ; но онъ находилъ сіе невозможнымъ по дѣламъ, которыя меня призывали въ Кіевъ и, наконецъ, предоставилъ мнѣ самому о семъ просить Государя. Казалось бы, что съ такой поспѣшностью меня не задержатъ здѣсь; но я только вчера представлялся Государю, сегодня только получилъ подорожную и прогоны, о коихъ уже съ недѣлю какъ хлопочу и пишу; сегодня еще не могъ кончить отклонныхъ представленій своихъ и едва только завтра съ ними управлюсь.

Вчера, 25-го числа, я былъ внезапно потребованъ Государемъ къ 8-ми часамъ вечера. Вотъ въ чемъ состоялъ разговоръ нашъ, происходившій сидя. Государь меня посадилъ, тотчасъ по прибытіи, у окна и самъ сѣлъ противъ меня. Началось съ 4-го корпуса, и Государь, сказавъ мнѣ о порученіи осмотрѣть два полка онаго, находящіеся въ Москвѣ, описалъ дурное состояніе ихъ и приказалъ обратить особенное вниманіе на духъ людей и на средства къ пособленію ихъ дурному состоянію, также офицеровъ; предоставилъ мнѣ сообщить военному министру, еслибы я нашелъ, что нѣкоторыхъ изъ нихъ надобно поощрить производствомъ. «Князь Хилковъ прекрасный человѣкъ, продолжалъ онъ; я его очень уважаю, но я боюсь, чтобъ онъ не занялся слишкомъ исправленіемъ подробностей».—Князь Хилковъ безъ сомнѣнія обратитъ вниманіе свое на сбереженіе людей прежде всего, предметъ сей есть самый важный, отвѣчалъ я; ибо люди сіи до крайности изнурены. Сіе просходитъ отъ поспѣшности, съ коею начальники стараются показать свои части; они останавливаютъ черезъ сей успѣхъ и силы, и ростъ, и всѣ способности молодыхъ людей, коими армія нынѣ пополнена; ихъ снoравливаютъ, какъ молодыхъ лошадей, заторапливаютъ и не даютъ времени познать вполнѣ обязанность свою. Государь съ симъ согласился. При томъ же, продолжалъ я, и караулы въ Москвѣ крайне обременительны. Мнѣ военный министръ поручилъ о семъ снестись съ главнокомандующимъ, дабы умѣрить ихъ по возможности. «Нѣтъ, сего сдѣлать нельзя, сказалъ Государь: тогда войска отвыкаютъ отъ гарнизонной службы. Знаешь ты Лукаша, каковъ?» — Я Лукаша давно знаю; онъ служилъ въ генеральномъ штабѣ, командовалъ баталіономъ лейбъ-гренадерскаго полка, былъ дежурнымъ штабъ-офицеромъ въ гвардейскомъ корпусѣ, командовалъ Ряжскимъ полкомъ, а въ Польскую войну Луцкимъ гренадерскимъ подъ моею командою и на штурмѣ Варшавы получилъ Георгіевскій крестъ, человѣкъ отличныхъ свойствъ, дѣятельности и добродѣтелей.—«Такъ, отвѣчалъ Государь; да фронтовый ли?» — Долженъ быть, когда онъ полками командовалъ. — «Да, онъ, можетъ быть, хорошій военный человѣкъ, а не для мирнаго времени?»—Я не понимаю, какъ порядочный начальникъ въ мирное время можетъ быть дуренъ въ военное: одно съ другимъ неразлучно по мнѣнію моему, Ваше Величество.—«Такъ, только я ихъ различаю и хотя предпочитаю военнаго генерала мирному, но нахожу, что качества сіи совершенно разны. Я буду видѣть 4-й корпусъ нынѣ; а ты пріѣзжай ко мнѣ по крайней мѣрѣ за двѣ недѣли и даже за три, дабы ихъ поразбудить и хорошенько приготовить къ смотру. Смотри въ особенности, чтобы занимались жолонерными ученьями дивизіонные начальники. (По выходѣ отъ Государя я немедленно приложилъ все стараніе, спра-

шивалъ у кого только могъ и у Клейнмихеля о жолонерномъ уставѣ, но его не имѣлось еще изданнаго). — Вы пожалуете въ Москву 4-го числа Сентября? — «Вѣрно не прежде сего времени смотръ начнется, даже еслибъ я выѣхалъ отсюда и 31-го Августа въ ночь. Ты обратишь также вниманіе свое на кавалерію, на правильную ѣзду; но я тебѣ еще сообщу мысль мою о драгунахъ, которые меня всего болѣе занимаютъ. Войско сіе должно по нынѣшнему образованію своему дать явный перевѣсъ въ дѣлахъ; я хочу, чтобъ оно было совершенно и чтобы въ день сраженія оно могло очутиться въ видѣ пѣхоты на флангѣ или въ тылу непріятеля и рѣшить участь дня. У нихъ есть все что̀ нужно, чтобы дѣйствовать особо: пикинерные эскадроны, которые составляютъ кавалерію, имѣютъ своихъ конныхъ піонеръ, свою конно-батарейную артилерію; самые полки въ десять эскадроновъ, такъ что еслибы случилось и отдѣлить одинъ полкъ съ прибавленіемъ къ нему нѣсколько казаковъ, то уже это состовляетъ цѣлый отрядъ. Я много на нихъ надѣюсь въ нынѣшнемъ образованіи ихъ и желалъ бы удвоить число ихъ, но на сіе у меня средствъ не достаетъ; остается вселить въ нихъ духъ непобѣдимости и бодрости, чтобы они убѣждены были въ томъ, что выше ихъ нѣтъ войска.

— Сіе много зависитъ, отвѣчалъ я, отъ выбора людей. Если полки сіи будутъ наполняться рекрутами изъ Польскихъ губерній, то нельзя будетъ ничего ожидать: ибо люди сіи совершенно безъ всякаго духа. —«Кажется, ихъ нѣтъ въ драгунскихъ полкахъ.» —Я тоже сіе думаю и сколько мнѣ помнится, люди до сихъ поръ въ нихъ все изъ Великороссійскихъ губерній. Много будетъ также зависѣть отъ выбора офицеровъ.—«Безъ сомнѣнія, и потому-то надобно остерегатся производить во уваженіе покровительства или родственныхъ связей юнкеровъ, которые едва умѣютъ на лошади сидѣть». — Но одно средство, Ваше Величество, которое я бы полагалъ необходимымъ для пріобрѣтенія сего воинскаго духа—употреблять ихъ въ дѣлахъ противъ непріятеля: это лучшее средство возродить въ нихъ духъ сей. — «Это справедливо. Но у насъ теперь войны нѣтъ и не придвидится, да дай Богъ, чтобы не было».—У насъ постоянныя дѣла на Кавказѣ съ горцами, Ваше Величество. Что̀ можетъ быть лучше для образованія войска, для пріобрѣтенія опытности въ воинскомъ дѣлѣ? Полки могли бы смѣняться на сей службѣ и возвращались бы съ воспоминаніями о походахъ своихъ; они бы имѣли въ примѣръ службу линейныхъ казаковъ, которые совершенно того рода, какъ вы желаете.—«Такъ; только служба линейныхъ казаковъ нерегулярная, а въ сихъ войскахъ надобно сохранить регулярство.» —Что касается до конно-батарейныхъ батарей, то это лучшее оружіе въ артилеріи. Я имѣлъ случай употреблять орудія сіи въ

сраженіяхъ при Казимирѣ и въ Любартовѣ и видѣлъ пользу, которую они приносятъ; но дабы ихъ еще улучшить, необходимо имъ имѣть по 8-и лошадей вмѣсто 6-ти; ибо они не могутъ быстро двигаться съ 6 лашадьми по вспаханой землѣ.—«Кажется, они по новому образованію впрягаются 8-ю лошадьми. Я тебѣ назову начальниковъ въ семъ драгункомъ корпусѣ, сказалъ Государь. Потаповъ, корпусный командиръ, человѣкъ, котораго я много уважаю; онъ очень старателенъ и знаетъ свое дѣло, но суетливъ и не полагаю, чтобы онъ въ военное время былъ хорошъ. Дивизіонные начальники Граббе и Гербель, оба служили въ конной артилеріи, совершенству коей я бы желалъ, чтобы и драгуны уподобились. Первый изъ нихъ отличенъ во всѣхъ отношеніяхъ, второй тоже предостойный офицеръ, огонь по горячкѣ. Бригадные у нихъ Анрепъ и Шилингъ, отличные люди; другихъ двухъ я упомнить не могу». (Государь много ошибался; но тамъ, гдѣ касалось личности, я не считалъ обязанностью противорѣчить иначе какъ въ похвалу людей). Я отвѣчалъ, что на сей разъ мнѣ можно будетъ только дѣйствовать въ видахъ Его Величества вѣрною передачею начальникамъ и офицерамъ сего войска словъ Государя, коего надежды имъ представлю. Государь, выхваляя Граббе, говорилъ о книгѣ фланкерной службы, которую онъ сочинилъ и которою онъ очень доволенъ. «Это не философскій трактатъ, сказалъ Государь, но сущее дѣло и хорошо изложенное».

— Ты будешь служить съ фельдмаршаломъ; дѣла у тебя будетъ пропасть, препятствій множество; но приступай ко всему исподволь, и прошу тебя не огорчаться, не отчаеваться, когда увидишь, что оно не идетъ вдругъ по твоему желанію. Ты достигнешь всего съ терпѣніемъ, и возми себѣ за правило—при всякомъ неправильномъ, дурномъ дѣлѣ, прямо иди къ фельдмаршалу, все ему объясни: онъ вѣрно приметъ хорошо твою откровенность. Онъ старъ, слабъ, и многое будетъ на тебѣ лежать. Не пріѣдетъ ли онъ сюда къ освященію монумента покойнаго Императора? Ты можешь ему при случаѣ сказать, что еслибы онъ захотѣлъ успокоиться, то я ему не откажу во всемъ чтó бы ему нужно было».—Не полагаю, Ваше Величество, чтобы онъ на сіе согласился; онъ останется и вѣрно не будетъ.—«Я тоже думаю; предложенія сіи были уже ему сдѣланы черезъ Левашова; но онъ отвѣчалъ, что его единственное желаніе умереть, подписывая бумагу. Сіе самое сказывалъ мнѣ и генералъ Ротъ.»

—«Я хотѣлъ тебѣ сообщить еще одну мысль мою на счетъ исправленія нравственности въ войскахъ, въ коихъ штрафованныхъ людей такъ много, что въ 1-мъ корпусѣ ихъ считалось на все количество пятый человѣкъ, и не знали даже, кого на часы ставить; бѣглыхъ вездѣ непомѣрное число, и вотъ отчего сіе произошло. Ты знаешь, что

покойный Государь издалъ указъ, по коему помѣщики въ правѣ были посылать въ Сибирь на поселеніе людей своихъ за проступки и неповиновеніе. Число ихъ сперва простиралось до 3000 человѣкъ въ годъ; нынѣ, повѣришь ли, что число сіе возрасло до 50.000. Чѣмъ симъ людямъ оставаться на поселеніи, гдѣ они не приносятъ никакой пользы государству, я счелъ лучше принимать ихъ въ военную службу. Кромѣ того и въ острогахъ городскихъ содержится множество людей, коимъ производятся слѣдственныя и продолжительныя справки. Для избѣжанія сей медленности я приказалъ уѣзднымъ стряпчимъ доносить мнѣ въ сроки въ собственныя руки о числѣ ихъ и причинахъ медленности. Я часто получаю сіи донесенія и не далѣе какъ нынче получилъ ихъ отъ 30 до 40. Людей сихъ опредѣляютъ въ войска; сперва наполняли ими 4-й корпусъ, теперь поступаютъ они и въ другія части войскъ; они-то и причиною поселившейся безнравствености. Дабы пособить сему, я хочу устроить исправительные баталіоны, которые будутъ поручены заслуженнымъ штабъ-и оберъ-офицерамъ слабаго здоровья, но испытаннаго поведенія. Люди будутъ имѣть арестанскую одежду, старыя ружья безъ штыковъ, шомполовъ и кремней, и ихъ же будутъ черезъ нѣсколько времени испытанія переводить въ полки, какъ за отличіе, такъ что и самое званіе солдата поднимется и будетъ болѣе уважено. Батальоны же сіе хочу поручить нашему безрукому генералу Скобелеву». (Государь остановился и смотрѣлъ не меня, ожидая отвѣта.)

—Баталіоны сіи, Ваше Величество, отвѣчалъ я, не будутъ соотвѣтствовать цѣли. Служба ихъ будетъ легче полковой; содержаніе людей хорошее, ибо къ нимъ будутъ внимательны; офицеры старые и слабаго здоровья будутъ уже служить поводомъ къ послабленіямъ. При переводѣ людей сихъ на службу въ армію, они будутъ бѣгать, чтобы возвратиться въ исправительные баталіоны, такъ какъ уже сему есть многіе примѣры и въ арестантскихъ ротахъ.—«Да можно будетъ имъ службу и потяжелѣе сдѣлать» (я полагалъ было, что сіе подастъ поводъ къ разговору о тяжести службы въ арміи). Самыя арестантскія роты, продолжалъ я, нынѣ размножились, и я увѣренъ, что бо́льшая часть людей въ нихъ не порочные, а только виновные и тамъ заражаются порокомъ; я сомнѣваюсь, чтобы на исправленіе ихъ обращали должное вниманіе: они только лишены средствъ дѣлать зло. Но пользуются ли они наставленіями образованныхъ духовныхъ особъ, и самые начальники ихъ имѣютъ ли цѣлью исправленіе ихъ?—«Какъ же, сказалъ Государь, къ нимъ ходятъ священники. Ты не видалъ здѣсь арестантскихъ ротъ?»—Видѣлъ ихъ, Ваше Величество, въ Кронштадтѣ, но видѣлъ только устройство ихъ въ казармахъ, гдѣ ихъ хорошо и чисто содержатъ.

—Нравственность людей, продолжалъ я, единственно зависитъ отъ начальниковъ, коимъ они поручены. Они часто бываютъ невнимательны и не обходятся съ должнымъ попеченіемъ съ молодыми людьми, которые требуютъ весьма внимательнаго обхожденія: они попадаются въ проступки, не зная вины своей, ихъ отдаютъ подъ судъ, и тѣмъ навсегда они дѣлаются порочными. Я самъ командовалъ дивизіею, имѣлъ много бѣглыхъ и, дабы дознать причину сего, обходилъ гауптвахты и находилъ молодыхъ рекрутъ, содержащихся съ опредѣленія въ службу подъ арестомъ и слѣдствіемъ, въ рубищѣ, за упускъ арестантовъ. Могли ли они знать, куда ихъ на часы ставятъ и препятствовать сему? Они не понимали и вины своей, и одинъ молодой человѣкъ на спросъ мой: зачѣмъ содержится? отвѣчалъ, что его взяли въ деревнѣ на службу царскую; онъ полагалъ, что долженъ былъ находиться въ такомъ положеніи и едва зналъ по наслышкѣ о томъ, что вина его состояла въ упускѣ арестантовъ. — «Какое невниманіе!» воскликнулъ Государь. — Но вотъ причина зла сего, продолжалъ я, и я достигъ средствъ къ исправленію онаго. Я осмотрѣлъ всѣ роты по-частно и, замѣтивъ, что гренадеры хвалились тѣмъ, что не имѣли бѣглыхъ, я прикомандировалъ къ нимъ изъ прочихъ ротъ самыхъ порочныхъ людей на исправленіе; средство сіе удалось, и побѣги были какъ рукой сняты.—«Это средство хорошее, отвѣчалъ Государь, и я самъ употребилъ оное у Скобелева, отдавъ ему однажды 300 человѣкъ арестантовъ, и какихъ! Такихъ, что нѣсколько дней послѣ того одинъ изъ нихъ зарѣзалъ Жидовку, чтобы ограбить домъ ея; но люди сіи остались служить».—Тоже самое въ другомъ видѣ, продолжалъ я, происходитъ и съ молодыми офицерами, изъ корпусовъ выпущенными. Я былъ во всѣхъ корпусахъ и любовался сею прекрасною молодежью. Многіе же изъ нихъ гибнутъ съ прибытіемъ въ армію, потому что къ нимъ невнимательны; они развращаются при всѣхъ хорошихъ склонностяхъ своихъ, предаются унынію и пропадаютъ.—«Справедливо, что съ ними надобно бережно обходиться на первыхъ порахъ; прошу тебя обратить и на сіе особенное вниманіе твое. Корпуса эти со временемъ наполнятъ армію славными офицерами. Я ихъ люблю какъ дѣтей, какъ ближнихъ своихъ; внушай сіе всѣмъ начальникамъ. И они меня такъ любятъ, что однажды я гдѣ-то въ Москвѣ ѣхалъ и остановился; случился тутъ одинъ молодой офицеръ; я спросилъ его: кто онъ? Въ отвѣтъ бросился онъ ко мнѣ на шею и сказалъ: я вашъ, изъ кадетскаго корпуса».—Вы ихъ хорошо помните, Ваше Величество; вы вспомнили и то, что прапорщикъ Ковалевъ, оставленный мною въ Царьградѣ для обученія Турокъ, изъ кадетскаго корпуса.—«Какъ же не помнить сего, братъ? Каковъ тебѣ показался молебенъ и присяга Наслѣдника? спро-

силъ Государь. Видѣлъ ли ты сіе хорошо?—Я былъ въ толпѣ и не могъ видѣть первой присяги въ церкви; но хорошо видѣлъ военную присягу. — «И та хороша была!»—Прекрасна, Ваше Величество; мы всѣ были тронуты; но еще бы лучше было торжество сіе, еслибъ оно свершилось въ присутствіи цѣлаго народа, 300.000 жителей!—Государь не отвѣчалъ, а кивнулъ головою, какъ будто были причины, по коимъ онъ не могъ сдѣлать сего. — «Но ты читалъ молебенъ?»—Не досталъ еще его.—«Непремѣнно достань и прочти. Ну ты меня понялъ, сказалъ Государь, вставая. Я увѣренъ въ твоемъ усердіи, и ты успѣешь; вспомни, что вся армія лежитъ почти на тебѣ. Прощай, будь счастливъ; поѣзжай!» и, прибавивъ къ сему все, что́ можно было лестнаго, обнялъ меня и отпустилъ. Но я остановилъ Государя и объяснилъ ему, какъ я мало времени оставался съ отцомъ и поспѣшилъ прибыть сюда, не простившись съ нимъ.—«Поѣзжай къ отцу, милый, сказалъ онъ, и оставайся у него, сколько тебѣ угодно. Прощай, милый!»

Въ теченіе разговора сего, продолжавшагося около часа, Государь мнѣ еще сказалъ, что въ Кіевѣ нынѣ будетъ 13-я дивизія, хвалилъ очень начальника оной, генерала Чаодаева, и приказалъ заняться образованіемъ оной.

Вышедши отъ Государя, я хотѣлъ откланяться въ тотъ же день Императрицѣ; но она приказала мнѣ прибыть на другой день въ 12 ч. утра. Въ тотъ же еще день однакоже я съѣздилъ къ военному министру и объявилъ ему о разрѣшеніи, данномъ мнѣ Государемъ, провести сколько хочу времени у отца (онъ же едва на пять дней соглашался и не смѣлъ или не хотѣлъ докладывать о семъ Государю).—«Да, сказалъ онъ, Государь сперва было посердился на васъ, когда вы отказались отъ должности генералъ-квартирмейстера; но теперь онъ опять сталъ къ вамъ милостивъ».

26-го я представился въ 12 ч. Императрицѣ, которая со мною разговаривала близъ получаса. Она поручила мнѣ сказать Левашову, что она не могла, согласситься на представленіе его на отчисленіе въ пользу Кіевскаго заведенія для воспитанія дѣвицъ 19.000 рублей, коими дворянство жертвовало въ пользу таковаго же заведенія, въ Полтавѣ учреждающагося; но что Государь нашелъ средство замѣнить сію сумму другою, взятою отъ другаго заведенія или Воспитательнаго Дома. Она говорила о направленіи, которое должно дать дѣвицамъ Польскихъ губерній въ предположенномъ заведеніи; говорила о митрополитахъ Евгеніи и Филаретѣ *), называя ихъ самыми образованными изъ числа нашихъ духовныхъ; но не находяла, чтобъ первый сохранялъ

*) Т. е. Кіевскомъ. П. Б.

приличное сану своему отдаленіе отъ мірскихъ обычаевъ; говорила объ окрестностяхъ Кіева, о вновь предположенномъ дворцѣ, о садѣ, и наконецъ спросила меня о братѣ, ѣздившемъ въ Іерусалимъ. Я сказалъ, что онъ здѣсь служитъ въ Синодѣ.—«Правда ли, спросила она, что онъ хочетъ сдѣлаться монахомъ?»—Къ чему же? Онъ такъ молодъ, хорошъ собою, ему не надобно быть монахомъ, и я ему всегда отсовѣтываю сіе; по крайней мѣрѣ онъ долженъ подождать нѣсколько лѣтъ; склонности его, можетъ быть, поведутъ къ помышленіямъ другаго рода, и какъ бы онъ былъ несчастливъ, еслибъ, всупивъ прежде времени въ сіе званіе, онъ долженъ былъ всю жизнь свою раскаяваться въ поступкѣ своемъ.—«Да, отвѣчала Императрица, не должно никогда посвящать себя въ сіе званіе безъ сильнаго желанія».

Послѣ сего она стала говорить о Фотіѣ и не хвалила его, находя его лицемѣрнымъ. Она находила также страннымъ, что дѣвица графиня Орлова управляла цѣлымъ мужскимъ монастыремъ.—И на оборотъ, сказалъ я.—«Совершенно». При семъ случаѣ я превознесъ добродѣтели и благотворительность графини, которая не только старалась всѣмъ дѣлать добро, но даже изъявляла признательность свою тѣмъ лицамъ, которыя ей указывали къ тому средства.—«Справедливо, et ce serait ingratitude de ma part de penser autrement sur le compte de la comtesse Orlow [1]). Послѣ того вступили въ сужденія о красотѣ религіи, когда ее не затмѣваютъ умствованія и мудрованія людей, желающихъ выставить себя, а не любящихъ ее въ простотѣ ея. Императрица говорила также о бывшемъ большомъ имѣніи графини Орловой, совершенно расхищенномъ и поступившемъ въ монастырь Фотія. За симъ перебрали все общество Кіева и всѣхъ дамъ тамошнихъ; говорили о фельдмаршалѣ, коего способности и дарованія я выхвалялъ. Она приказала ему кланяться. «Dites lui que la brigadière, comme il m'appellait autrefois, lui fait dire bien des choses» [2]).

Отъ Императрицы я зашелъ къ великому князю Наслѣднику, который, будучи занятъ уроками, не могъ долго говорить со мною; разспросивъ меня объ отъѣздѣ и Кіевѣ, онъ обнялъ и отпустилъ меня.

Оттуда я поѣхалъ къ великому князю Михаилу Павловичу; но такъ какъ уже прошло время представленій къ нему послѣ 12 часовъ, то адъютантъ и не докладывалъ. Я воспользовался симъ случаемъ, чтобы зайти къ великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ, которая занялась со мною съ полчаса. Она много говорила объ Индіи и о предполагаемой экспедиціи для завоеванія сей страны. «Англичане, говорила она,

---

[1]) Съ моей стороны было бы неблагодарностью иначе думать о графинѣ Орловой.
[2]) Скажите ему, что ему кланяется бригадирша, какъ онъ нѣкогда называлъ меня.

столько боятся сего, что они уже заблаговременно располагаютъ подарками въ свою пользу владѣльцевъ Лагора и другихъ сосѣдственныхъ государствъ». Она говорила много о читанномъ ею недавно путешествіи одного Jacquemont на пароходѣ вверхъ по рѣкѣ Индусу и вообще о горахъ и рѣкахъ Индіи, народахъ, вѣрѣ ихъ и вліяніи Англичанъ въ сей странѣ, съ глубокимъ знаніемъ дѣла. Она спрашивала меня о Москвѣ и Алексѣѣ Петровичѣ, объ его болѣзни. Я объяснилъ ей, сколько скорбь замѣтна на лицѣ человѣка сего, хотя онъ не изъявляетъ ея на словахъ; объснилъ ей вкратцѣ гнусный поступокъ съ нимъ сестры его, усугубившей еще его огорченія. Она уже знала о семъ. «Такъ, сказала она: когда уже на него дурно глядятъ, то всѣ на него нападаютъ». Ей пришли доложить, что Государь пріѣхалъ къ великому князю, и она, подождавъ нѣсколько, отпустила меня.

Сегодня, 27-го, я былъ у великаго князя Михаила Павловича, который меня принялъ и отпустилъ ласково, но не входилъ въ разговоры, потому что былъ очень занятъ.

Завтра же располагаю выѣхать отсюда въ 8 часовъ утра въ Москву

3 Мая. Москва.

1-го Мая рано поутру я пріѣхалъ въ Москву, пробывъ менѣе трехъ сутокъ въ дорогѣ, и до сихъ поръ занимаюсь смотромъ войскъ, здѣсь находящихся, дабы по окончаніи оныхъ немедленно ѣхать въ деревню къ батюшкѣ по пути въ Кіевъ.

Кіевъ, 30-е Мая.

Время, протекшее въ послѣдніе два мѣсяца, составляетъ одну изъ важнѣйшихъ эпохъ моей жизни, а потому я изложу здѣсь обстоятельства сіи, чуждыя службѣ и суетамъ двора, а единственно до меня касающіяся.

Въ первую поѣздку мою въ Москву я имѣлъ въ виду жениться. Меня къ сему побуждало и то душевное безпокойство, которое я чувствовалъ въ одиночествѣ, и желаніе имѣть при себѣ дочь мою, испытывающую всю тягость сиротства своего во время всегдашнихъ моихъ путешествій и пользующуюся, такъ сказать, только самыми холодными попеченіями въ домѣ двоюроднаго брата моего Мордвинова, человѣка самаго равнодушнаго въ мірѣ. Я имѣлъ также въ виду принять нѣкоторую осѣдлость и, пріобрѣтши уже бережливостью своею средства, приступить къ сему дѣлу, пріобрѣсти и пріютъ, къ коему мои мысли стремились, дабы не зависѣть совершенно отъ службы и произвола своенравнаго начальника. Но всего болѣе занимала меня дочь моя, которую я считалъ несправедливымъ такимъ образомъ оставить далеко отъ себя; ибо обезпеченіе ея состоянія въ будущемъ было недостаточ-

но, удаленіе же отъ душевныхъ изліяній и дружбы ближнихъ, отъ объятій родительскихъ, могло имѣть вліяніе и на нравъ ея, и на самое счастіе. Съ сими мыслями и съ симъ рѣшеніемъ оставалось мнѣ приступить къ выбору той особы, коей бы качества соотвѣтствовали симъ моимъ цѣлямъ.

Въ бытность мою въ Москвѣ, я не нашелъ въ кругу мною посѣщаемомъ ничего, чтὸ бы могло обратить вниманіе мое. Княгиня М., издавна приступавшая ко мнѣ самымъ нахальнымъ образомъ, дабы женить меня на дочери своей, не переставала утомлять и отвращать меня своими неприличными настояніями; но чѣмъ она болѣе дѣлала усилій, тѣмъ болѣе открывала, сколько подобный союзъ не осотвѣтствовалъ ни видамъ моимъ, ни наклонностямъ, до такой степени, что еслибы дочь ея, извѣстная по своему непріятному нраву, и могла мнѣ понравиться, то достаточно было видѣть намѣренія матери и разстройство, происходящее въ семействѣ отъ ея властолюбиваго нрава, чтобы избѣгать всякаго сближенія съ нею, которое непремѣнно должно было бы обратиться въ самую тягостную зависимость.

Но, познакомившись въ Москвѣ въ домѣ Чернышовыхъ - Кругликовыхъ, я находилъ удовольствіе проводить время свое въ семъ домѣ, въ коемъ простота въ обхожденія и искренняя дружба къ семейству нашему меня привлекали. Квартира ихъ была въ сосѣдствѣ съ занимаемой мною, и я съ удовольствіемъ сиживалъ у нихъ по вечерамъ въ свободные отъ занятій часы. Тутъ я имѣлъ случай видѣться съ одною изъ сестеръ ихъ Натальею, еще незамужнею. Ей было 27 лѣтъ. Не будучи красавицею, она была не дурна собою, но въ особенности привлекательна была своимъ умомъ, о коемъ свидѣтельствовали всѣ знавшіе ее коротко. Я не имѣлъ намѣренія жениться на ней, а обращался мысленно къ младшей сестрѣ ея Надеждѣ, находившейся въ то время въ Петербургѣ, у сестры ихъ графини Паленъ. Много превозносили красоту ея и достоинства души; а, какъ она должна была въ скоромъ времени возвратиться въ деревню, то я и надѣялся съ нею тамъ свидѣться, познакомиться и избрать, еслибы она мнѣ понравилась.

Въ сихъ предположеніяхъ я рѣшительно отозвался на предложенія княгини М., что никогда не вступлю въ бракъ съ ея дочерью, и объяснилъ Лукашу, который по сему дѣлу былъ у нея ходатаемъ, что я находилъ иски княгини неприличными, и вмѣстѣ съ тѣмъ прекратилъ и другіе виды свои въ Москвѣ: ибо отцы и матери, знавши или догадываясь о моихъ намѣреніяхъ, на перерывъ выставляли мнѣ своихъ дочерей.

Между тѣмъ временемъ встрѣтилась надобность Кругликову съ женою ѣхать въ Петербургъ, вскорѣ послѣ того, какъ я получилъ повелѣніе военнаго министра туда же явиться. Выѣхавъ прежде Кругликовыхъ, я взялъ отъ нихъ письмо къ графинѣ Паленъ съ тѣмъ умысломъ, чтобы познакомиться въ домѣ ея съ сестрою ея Надеждою. По прибытіи въ Петербургъ, я явился къ военному министру и, дабы скрыть назначеніе, которое для меня готовили, но которое еще не было гласно, я первые три дня провелъ дома, навѣщая только ближайшихъ родственниковъ моихъ, и не отдалъ письма̀ Паленамъ. Я также имѣлъ въ виду, прежде чѣмъ познакомиться съ ними, переговорить о семъ предварительно съ братомъ Андреемъ и узнать, не имѣетъ ли онъ какихъ либо видовъ женитьбы на Надежду Чернышову: ибо я уже давно слышалъ, а передъ отъѣздомъ мнѣ еще Шаховскіе сказывали, что Андрей былъ въ нее страстно влюбленъ, но не хотѣлъ жениться, посвятивъ себя уединенной жизни; а что онъ желалъ только, чтобъ она еще года три замужъ не выходила, дабы тогда уже жениться, если сіе ему вздумается.

Я ничего не объяснялъ Андрею моихъ намѣреній. Но едва коснулся я сего предмета, какъ онъ догадался и съ жаромъ увѣщевалъ меня не жениться на ней, потому что она ему очень нравилась. «Ты меня сдѣлаешь на всю жизнь несчастнымъ, говорилъ онъ; я сдѣлаю такую вещь, что ты удивишься, если ты на ней женишься». Я совѣтовалъ ему жениться на ней и убѣждалъ его; но онъ никакъ не хотѣлъ сего, говоря, что его единственная цѣль любоваться ею, что онъ имѣетъ вѣрныя доказательства о ея взаимномъ расположеніи къ нему, что если она и согласится по убѣжденію родныхъ за меня идти, то мнѣ бы должно быть совѣстно столь молодую и прекрасную женщину посвятить на воспитаніе моего ребенка; что она хотя и исполнитъ обязанность сію отличнымъ образомъ, но что мнѣ слѣдовало подумать о жертвѣ сей; наконецъ, что онъ не вытерпитъ сего и что, хотя всѣ его цѣли весьма похожи на слова приписанныя въ баснѣ собакѣ, лежащей на сѣнѣ и не позволяющей никому подходить къ оному, но что его уже льстило то, что Надина Чернышова однажды отказала жениху и что причиною сему полагаетъ онъ наклонность ея къ нему.

Сего достаточно было, чтобы отклонить меня отъ всякаго иска; ибо я слишкомъ любилъ брата и не располагалъ жертвовать его благополучіемъ. А потому я успокоилъ его, сказавъ, что я никакихъ видовъ на Надину Чернышову не имѣю и не имѣлъ болѣе намѣренія познакомиться съ нею. Но письмо еще не было отдано; а какъ на другой день мнѣ было офиціально уже сообщено о моемъ назначеніи начальникомъ штаба 1-й арміи, то я сталъ выѣзжать и повезъ письмо

къ Паленымъ, избравъ на сіе третій часъ пополудни, въ надеждѣ не застать Чернышовой дома.

Я отдалъ письмо Палену, который ввелъ меня въ гостиную и познакомилъ съ Надиною, тутъ сидѣвшею. Красота ея, а болѣе всего вѣроятно то высокое мнѣніе, которое во мнѣ уже поселили разсказы о ея достоинствахъ, имѣли на меня необыкновенное вліяніе, какого я не ожидалъ уже въ моемъ возрастѣ. Пробывъ съ нею очень короткое время, я возвратился домой уже внѣ себя отъ видѣннаго.

Въ тотъ же день и вскорѣ послѣ того навѣстилъ меня братъ Андрей, который минутъ пять спустя послѣ меня былъ у Паленыхъ и, огорчившись, что я Паленымъ объявилъ о своемъ назначеніи прежде чѣмъ ему (чего я не могъ сдѣлать, ибо не видѣлъ его до того), сталъ меня упрекать въ недовѣрчивости къ нему. Заведя разговоръ о Чернышовой, сталъ онъ меня просить, чтобы я на ней женился, прося прощенія за все сказанное мнѣ за два дня или наканунѣ и называя рѣчи свои неосновательными, пустыми. «Она одна можетъ сдѣлать твое счастіе» (продолжалъ онъ; не знаю, замѣтилъ ли онъ сколько нибудь смущенія во мнѣ), и къ сему онъ прибавилъ, что сіе послужитъ ему еще поводомъ скорѣе приступить къ давнишнему желанію его удалиться въ монастырь и постричься въ монахи: ибо, при нынѣшнемъ состояніи дѣлъ въ обществѣ, онъ только въ семъ званіи видѣлъ спасеніе и спокойствіе. Я еще колебался; но когда онъ мнѣ сіе послѣднее сказалъ, то я рѣшительно отложилъ всякое намѣреніе женитьбы, не желая нисколько быть орудіемъ или причиною его отшельничества.

Съ тѣхъ поръ я часто видѣлся съ Андреемъ и никогда ему не говорилъ о семъ болѣе; но онъ всегда самъ зачиналъ рѣчь и повторялъ прежнія слова свои, чтò было весьма дурное средство къ склоненію меня, хотя онъ и говорилъ мнѣ, что онъ будетъ счастливъ пріобрѣтеніемъ Надины въ сестры, и чтобъ я не думалъ жениться на старшей Натальѣ, ибо симъ я бы ему сдѣлалъ весьма большое оскорбленіе, потому что лишу тогда его и сестры и средства на ней жениться. Но я никогда болѣе не отвѣчалъ ему и ни слова о семъ не говорилъ, видя, что рѣчи его и мысли неосновательны. А между тѣмъ, рѣшившись не быть поводомъ къ удаленію его отъ свѣта (чтó онъ мнѣ всегда подтверждалъ при увѣщеваніяхъ), я болѣе не былъ у Паленыхъ, дабы не видѣть Надины. Но мысли мои были единственно ею заняты: я не спалъ по ночамъ и слабѣлъ въ силахъ своихъ.

Вскорѣ послѣ того пріѣхалъ въ Петербургъ Кругликовъ съ женою своею и остановился въ томъ же трактирѣ Демута, въ коемъ я стоялъ, и я у нихъ опять увидѣлъ Надину Чернышову. Я видѣлъ ее почти ежедневно и не остался равнодушнымъ; но, помня слова, повто-

ряемыя мнѣ братомъ Андреемъ и приглашенія его, перемогался и воздерживался. Я уважалъ и полюбилъ все семейство Чернышовыхъ, и мнѣ приходила на мысль старшая сестра Наталья; но я не могъ рѣшиться на избраніе ея тѣмъ болѣе, что я ея не зналъ или мало зналъ. Въ сихъ мысляхъ я нѣсколько разъ давалъ Кругликову поводъ завести разговоръ о женитьбѣ моей; но онъ меня не понималъ. Между тѣмъ я вдругъ узнаю отъ брата Андрея, что Надина Чернышова, не дожидаясь имѣвшаго на дняхъ послѣдовать отъѣзда Кругликовыхъ обратно въ Москву, рѣшилась внезапно ѣхать туда со Скарятиными, ихъ родственниками, туда отправлявшимися. Я не могъ объяснить себѣ случая сего и приписывалъ сіе либо тому, что я предложился проводить Кругликовыхъ въ Москву (чему впрочемъ они, казалось, были очень рады) или тому, что неравнодушіе мое къ Надинѣ стало замѣтно, и что какъ расположеніе къ ней брата Андрея было извѣстно, то сіе могло произвести въ обществѣ толки, коихъ она хотѣла избѣжать скорымъ своимъ выѣздомъ.

Я спрашивалъ Кругликовыхъ о семъ внезапномъ рѣшеніи Надины и изъявилъ имъ первое предположеніе мое; но они опровергли его, говоря, что поводомъ къ сему отъѣзду было единственно желаніе ея нѣсколько дней ранѣе увидѣться съ сестрою Натальею, оставшеюся въ Москвѣ. Меня сіе не успокоило, а напротивъ того все безпокоило: мнѣ мнилось видѣть намѣреніе избѣгать меня, и сіе оскорбляло меня.

Незадолго уже передъ отъѣздомъ нашимъ изъ Петербурга проводилъ я однажды вечеръ наединѣ съ Софьею Григорьевною Кругликовою. Она завела разговоръ о будущей жизни моей въ Кіевѣ. «И мы, можетъ, скоро услышимъ, говорила она, что вы женились». Я уже былъ весь встревоженъ, мысли мои устремлены къ одному предмету, неприступному для меня по дружбѣ къ брату.—Нѣтъ, отвѣчалъ я, я болѣе никогда не женюсь; не думаю, чтобы я могъ когда либо жениться.—«Отчего же? Ваши лѣта, и обстоятельства ваши должны бы васъ побудить къ сему».—Требованія мои неумѣренны въ выборѣ супруги: мнѣ надобно совершенство во всѣхъ отношеніяхъ, достоинство въ высочайшей степени, въ каждомъ движеніи, мысли, словѣ той, которую бы я избралъ. Я встрѣтилъ одну женщину съ сими качествами; но по лѣтамъ ея, по красотѣ она можетъ имѣть въ виду союзъ съ человѣкомъ болѣе соотвѣтственнымъ ея наклонностямъ сердца, и я слишкомъ уважаю ее, слишкомъ желаю ей счастья чтобъ пожертвовать имъ для себя, еслибы она и приняла мои предложенія. Я не хотѣлъ бы посвятить ее воспитанію ребенка ей не принадлежащаго, прекратить и погребсти всѣ надежды и виды молодости ея.

Рѣчь сія была произнесена съ жаромъ, который не могъ скрыться отъ Кругликовой, и она спросила меня: кто эта женщина?—Сестра ваша Надина, отвѣчалъ я. Я неравнодушенъ къ ней; но не приступлю къ предложенію себя по объясненнымъ вамъ причинамъ.—«Причины сіи недостаточны, сказала Кругликова, и я не вижу, почему Надина не могла бы быть вашею супругою; что же до дочери вашей касается, то нѣтъ сомнѣнія, что, полюбивъ васъ, она полюбитъ и дочь вашу. Но почему бы вамъ не обратиться къ сестрѣ моей Натальѣ, коей сердце, умъ и наклонности вѣрно бы вамъ понравились?»

Надобно было рѣшиться когда нибудь, и я въ отвѣтъ на сіе, нисколько не останавливаясь, снялъ съ пальца своего обручальное кольцо и отдалъ его Кругликовой. Съ сей минуты, сказалъ я, я обручился съ семействомъ вашимъ, коего вы старшая; примите меня въ кругъ свой и отдайте кольцо сіе той изъ сестеръ вашихъ, которую вы сами изберете.—«И вы оставите такъ легко первую наклонность вашу къ Надинѣ?»—Съ сей минуты я все забылъ, я успокоился и не предложусь ей; я къ сему имѣю сильныя причины. Я не хочу напередъ знать вашего выбора. Избирите сами и скажите мнѣ, когда вы уже дѣло рѣшите; я вамъ даю слово, что не измѣню вашему выбору. А теперь перестанемъ и говорить о семъ: я братъ вашъ. И обнялъ ее.

Вскорѣ возвратился Кругликовъ, и мы сообщили ему о сдѣланномъ между нами условіи. Онъ обрадовался случаю, породнявшему меня съ его семействомъ, но находилъ, что я долженъ былъ самъ избрать изъ двухъ сестеръ, но что жена его въ правѣ была принять рѣшеніе сего обстоятельства на себя. Онъ выхвалялъ мнѣ обѣихъ и не находилъ достаточно причинъ отвергать Надину. Я не хотѣлъ перемѣнить опредѣленія, мною поставленнаго, и какъ жена его была болѣе склонна къ Натальѣ, то, дабы сообразоваться съ ея мнѣніемъ, я объявилъ, что избираю ее, къ чему меня склоняли всего болѣе слова, произнесенныя братомъ Андреемъ, когда онъ приглашалъ меня жениться на Надинѣ.

Тогда Софья Григорьевна, опасаясь, что слишкомъ много взяла на себя, стала уговаривать меня, дабы я не сообразовался съ мнѣніемъ ея. Но я рѣшительно сказалъ, что другаго выбора не сдѣлаю. Не менѣе того, полагая, что, можетъ быть, сестра ея Надина могла имѣть ко мнѣ наклонность, я предложилъ спросить ее о семъ, нисколько не открывая ей моихъ прежнихъ намѣреній. Не измѣняя своихъ, я предоставилъ ей сдѣлать сіе. Надина собиралась на другой день выѣхать въ Москву; а потому, увидѣвши ее передъ отъѣздомъ, она спросила ее наединѣ: желала бы ли она быть за мною замужемъ? Надина съ равнодушіемъ отвѣчала, что она находила слишкомъ большую разность въ лѣтахъ нашихъ, основываясь на примѣрѣ сестры своей Паленой,

которая хотя съ мужемъ жила въ согласіи, но лѣта ихъ не соотвѣтствовали взаимно; во вторыхъ, что ей не нравилась кочующая жизнь, которую я велъ, и наконецъ, что она не желала бы посвятить себя воспитанію ребенка.

Кругликова, зная расположеніе къ ней брата Андрея и слышавши, что Андрей говорилъ давно еще, допредъ сего, что она къ нему также неравнодушна, спросила ее послѣ того: избрала ли бы она себѣ Андрея въ мужья? Надина отвѣчала, что онъ для нея казался слишкомъ молодъ.

Отвѣты сіи были сообщены мнѣ на другой день при Кругликовѣ. Софья Григорьевна утверждала, что ихъ никакъ не должно было брать за основаніе: ибо Надинѣ не было сдѣлано никакого предложенія, что она не подозрѣвала даже ничего, и что при сдѣланіи настоящаго предложенія, она вѣроятно лучше обдумаетъ о своей будущности. Но я не перемѣнилъ намѣренія своего, и по общему совѣту Софья Григорьевна написала сестрѣ своей въ Москву, дабы она выѣхала къ ней на встрѣчу въ Клинъ *). Тамъ долженъ былъ я предложить ей руку свою, ибо мы должны были вмѣстѣ ѣхать; изъ Клина же мнѣ должно было ѣхать въ деревню, куда и все семейство Чернышовыхъ должно было отправиться вслѣдъ затѣмъ изъ Москвы.

Надина уѣхала въ Москву. А черезъ нѣсколько дней полученъ былъ отвѣтъ отъ Натальи, что она не можетъ рѣшиться на сію поѣздку, которую находила неприличною.

Къ тому времени военный миииструъ объявилъ мнѣ волю Государя, дабы я поѣхалъ прежде въ Москву на смотры войскъ 4-го корпуса, тамъ расположенныхъ. День выѣзда моего былъ назначенъ вскорѣ послѣ праздника и какъ Кругликовы не изготовились къ тому времени, то и рѣшились они ѣхать нѣсколько дней спустя послѣ меня.

Помнится мнѣ, что я 1-го Мая пріѣхалъ въ Москву. Скрывая отъ всѣхъ намѣреніе свое, я приступилъ къ смотру немедленно и не ѣздилъ къ Чернышовымъ, какъ потому чтобы не обезпокоить ихъ въ отсутствіи Кругликовой, такъ и потому, чтобы не возбудить какого либо подозрѣнія, особливо въ княгинѣ М., которая всякими происками наблюдала за мною неотступно и навязывала мнѣ свою дочь черезъ Лукаша; но я сказалъ ему рѣшительно, что еслибы дочь ея была ангелъ, то я и тогда не рѣшился бы взять ее во избѣжаніе сближенія съ ма-

*) Тутъ въ подлинной рукописи сдѣлана замѣтка рукою Натальи Григорьевны Муравьевой: „Софья писала Натальѣ только о предложеніи Муравьева, на что Наталья письменно дала свое согласіе и, по возвращеніи Софьи въ Москву, уже послѣ даннаго слова, узнала о всѣхъ бывшихъ переговорахъ“.

терью, коей обхожденія я гнушался, и меня оставили въ покоѣ съ предложеніями. Не менѣе того слухъ распространился по Москвѣ о намѣреніи моемъ жениться на Надинѣ. Откуда слухъ сей произошелъ, того никакъ не могу догодаться, и меня всѣ поздравляли; но я отвергалъ неправильныя поздравленія сіи, говоря, что я удивлялся сему и не рѣшился бы избрать себѣ жену столь молодыхъ лѣтъ.

. . . . 4-го Мая я получилъ приглашеніе отъ Кругликовой къ нимъ прибыть, и я ввечеру отправился. Мнѣ вручили Наталью. Надина вошла, мы назвали другъ друга сестрою и братомъ, и сговоръ мой свершился.

Оставалось мнѣ выѣхать изъ Москвы въ деревню такъ, чтобы слухъ объ обрученіи моемъ еще не распространился по городу. Проведя у Кругликовыхъ вечеръ, я приказалъ въ ночь отправить экипажъ свой въ Всесвятское и послѣ полночи самъ туда же отправился ночевать изъ квартиры Кругликовыхъ.

5-го числа я дождался ихъ въ Всесвятскомъ, и мы поѣхали вмѣстѣ въ деревню.

Дорогою невѣста моя предложила мнѣ съѣздить въ Осиповъ монастырь на могилу покойной жены моей для отслуженія тамъ панихиды. Сіе было желаніе мое, которое она предугадала. Но въ Волоколамскѣ мы разстались: я поѣхалъ къ отцу, а Чернышовы къ себѣ въ Ярополецъ. Батюшка уже прослышалъ о моемъ обрученіи, но съ Надиною и, поздравивъ меня съ онымъ, выхвалялъ долго и выборъ мой, и достоинства будущей жены моей. Я его оставилъ нѣсколько времени въ заблужденіи и когда онъ пересталъ говорить, то я ему сказалъ, что я обручился не съ Надиною, а съ Натальею. Онъ сперва удивился, послѣ смѣялся ошибкѣ своей и не менѣе того изъявилъ удовольствіе свое моему браку.

8-го числа Чернышовы пріѣхали къ батюшкѣ, и того же дня я уѣхалъ съ ними въ Ярополецъ, гдѣ пробылъ до 20-го числа. Въ теченіе сего времени батюшка пріѣзжалъ къ намъ, и я навѣщалъ его.

Предположенное нами посѣщеніе могилы покойной жены моей, въ день рожденія ея, 7-го Мая, не удалось, и мы поѣздку и долгъ сей совершили нѣсколькими днями позже. Мы хотѣли исполнить сіе одни съ невѣстою; но батюшка пожелалъ съ нами ѣхать. Однако, прибывъ въ монастырь, я просилъ его остаться съ Кругликовой на подворьи, а самъ съ невѣстою пошелъ вдвоемъ, и мы отслужили панихиду на могилѣ покойной.

Вслѣдъ за симъ я взялъ всѣ нужныя мѣры, дабы привезти дочь свою изъ Петербурга въ Ярополецъ, откуда располагаю взять ее въ наступающемъ Августѣ мѣсяцѣ, когда женюсь, и писалъ о семъ брату

А. Мордвинову и брату Сергѣю, который долженъ былъ ее привезти въ Ярополецъ.

20-го я выѣхалъ изъ Ярополца и пріѣхалъ ночевать въ Осташово *); а 21-го Мая продолжалъ путь свой черезъ Смоленскъ и, пріѣхавъ въ Кіевъ 26-го числа, вступилъ, по приказу главнокомандующаго, въ тотъ же день въ отправленіе новой должности своей.

Іюня 23, Кіевъ.

До сихъ поръ продолжалъ я съ крайнею дѣятельностію занятія свои по новому званію и въ особенности вникалъ въ дѣла интендантства, о коихъ мнѣ говорили Государь и военный министръ. Фельдмаршалъ съ первыхъ дней самъ просилъ меня вникнуть въ нихъ, предупреждая меня на счетъ многихъ злоупотребленій, въ нихъ происходящихъ. Онъ обратилъ особенное вниманіе мое на правителя канцеляріи своей Квиста, называя его плутомъ и человѣкомъ корыстолюбивымъ. Я не имѣлъ ясныхъ доводовъ, дабы поддержать мнѣніе его; но сего достаточно уже было, чтобы поселить во мнѣ всякую осторожность противъ дѣйствій сего человѣка, пользующагося весьма дурною славою, какъ интригана, владѣющаго умомъ фельдмаршала и участвующаго во всѣхъ торгахъ и плутняхъ коммиссіонеровъ.

Съ прибытіемъ моимъ сюда я засталъ пріѣхавшаго за два дня до меня Красовскаго, который, спустя еще два дня, уѣхалъ въ деревню свою, дабы слѣдовать къ своему корпусу; но онъ уже не занимался болѣе дѣлами....

Фельдмаршалъ, при всей старости своей, имѣетъ вѣрный глазъ и ненавидѣлъ Красовскаго. Послѣдніе поступки его въ Петербургѣ, гдѣ онъ дѣйствовалъ по власти и уполномочію, ему не данными фельдмаршаломъ, уронили его совершенно въ общемъ мнѣніи. Онъ приписывалъ удаленіе свое интригамъ Квиста и Карпова, дежурнаго генерала; но сему былъ онъ болѣе самъ себѣ обязанъ. Фельдмаршалъ же въ мнительности своей приписываетъ ему и самые корыстные поступки, для обвиненія его въ коихъ я не имѣю никакихъ доводовъ, а потому и готовъ сомнѣваться въ истинѣ такихъ обвиненій.

Все управленіе арміи лежало на трехъ лицахъ: Красовскомъ, Квистѣ и Карповѣ. Квистъ владѣлъ умомъ фельдмаршала, оттого что онъ былъ умнѣе и хитрѣе всѣхъ окружающихъ его. Онъ дѣйствовалъ и посредствомъ женщинъ, къ коимъ фельдмаршалъ при старости своей имѣетъ еще непомѣрную слабость; онъ, какъ всѣ говорятъ, черезъ сіе пріобрѣлъ большой вѣсъ, коимъ пользовался, дабы дѣлать самыя важ-

*) Имѣніе Муравьевыхъ, гдѣ нѣкогда проходила лѣтніе мѣсяцѣ славная школа колонновожатыхъ; нынѣ Осташево принадлежитъ г-ну Непокойчицкому. П. Б.

ныя злоупотребленія: ибо въ канцелярію главнокомандующаго, коею онъ правилъ, было привлечнео все теченіе дѣлъ денежныхъ, награжденій, провіантскихъ и тому подобныхъ, такъ что дежурство, коимъ управлялъ Карповъ, осталось почти ни при чемъ. Въ такое же состояніе ничтожества было приведено и управленіе интенданта, коего мѣсто занималъ генералъ-маіоръ Солодѣловъ, избранный Красовскимъ, человѣкъ совершенно пустой, слабый и даже глупый, такъ что у Квиста въ рукахъ было правило всей арміи, даже вся военная часть, ибо всѣ назначенія, переводы, производства, все у него дѣлалось.

Хотя Красовскій и занимался дѣлами по канцеляріи Квиста, но, какъ кажется, весьма поверхностно, особливо въ дѣлахъ интендантства, не желая обременять себя занятіями сложными; не менѣе того онъ видѣлъ поступки Квиста и часто жаловался на нихъ. Квистъ же не упускалъ случая пользоваться своимъ вліяніемъ и въ обхожденіи съ Красовскимъ, какъ и съ другими лицами, былъ, какъ говорятъ, дерзокъ и своенравенъ.

Когда я прибылъ сюда, положеніе и поведеніе Квиста измѣнились: я нашелъ въ немъ покорнаго и послушнаго подчиненнаго, преопытнаго въ своемъ дѣлѣ и измѣряющаго, такъ сказать, лице, съ коимъ онъ дѣло имѣлъ. Мнѣ не нравилось то, что все дѣлопроизводство арміи у него находилось, чтó и не должно было быть, и я не скрылъ желанія своего видѣть въ послѣдствіи времени предметы по своимъ мѣстамъ. Сіе никому не понравилось, ибо Квистъ не могъ съ удовольствіемъ видѣть уменьшеніе власти своей; а Карповъ, излѣнившійся въ покойной жизни, охотно уступалъ другому все чтó могло облегчить его въ занятіяхъ.

Слышавъ отзывъ фельдмаршала о Квистѣ, я убѣдился, что ему болѣе нельзя служить здѣсь: ибо я видѣлъ, что долженъ былъ находиться, такъ сказать, на безсмѣнныхъ часахъ за нимъ, и потому рѣшился при первомъ случаѣ просить фельдмаршала объ удаленіи его, къ чему мнѣ вскорѣ и предсталъ случай.

Я имѣлъ наблюденіе за дѣйствіями Квиста и встрѣтилъ нѣсколько дѣлъ, по коимъ увѣряли меня, что онъ бралъ деньги; но явныхъ уликъ не было, и я не могъ ничего открыть по онымъ. Однажды, разсматривая съ нимъ мѣсячные отчеты о продовольствіи арміи, которые представляются отъ главнокомандующаго Государю, по вѣдомостямъ интенданта, я замѣтилъ, что послѣднія были значительно измѣнены поправками, карандашемъ сдѣланными по полямъ, и писались новыя. Я спросилъ причину сего у Квиста, который отвѣчалъ мнѣ, что сіе дѣлалось по незначительности поставокъ провіанта, заготовленнаго на половину 1835 года въ Остзейскихъ губерніяхъ, о чемъ бы интен-

данту не слѣдовало совсѣмъ и писать. Отзывъ сей былъ неудовлетворителенъ; я навелъ справку въ дѣлахъ интендантства и нашелъ, что поставка сія, преждевременная и сдѣланная вопреки представленію интенданта въ самое дорогое время, простирается на 140.000 слишкомъ рублей. И когда я вторично спросилъ о семъ Квиста, то онъ отвѣчалъ мнѣ, что измѣненія сіи были сдѣланы безъ умысла и единственно по ошибкѣ, которая давно уже продолжалась.

Я докладывалъ фельдмаршалу еще о первомъ отзывѣ Квиста и получилъ приказаніе сдѣлать ему строгій выговоръ; по второму отзыву его, столь противурѣчущему первому и нисколько не удовлетворительному, я опять доложилъ фельдмаршалу, и какъ онъ сталъ называть его плутомъ и мошенникомъ, поручая мнѣ за дѣйствіями его имѣть особый надзоръ и увѣряя меня, что Квистъ никогда не переставалъ обманывать и только думалъ наживаться, водясь съ поставщиками и подрядчиками, то я не отложилъ болѣе намѣренія своего и, исполняя наставленія, данныя мнѣ Государемъ при отъѣздѣ моемъ изъ Петербурга, сказалъ фельдмаршалу, что Государь, отпуская меня, въ первую обязанность вмѣнилъ мнѣ угодить ему, что за симъ приказалъ онъ мнѣ быть откровеннымъ и о всѣхъ безпорядкахъ, которыя бы я замѣтилъ, ему докладывать въ увѣренности, что онъ таковыхъ не потерпитъ, чтобы я съ искренностью излагалъ ему мнѣнія свои; что исполняя наставленія сіи, я рѣшаюсь изложить мнѣніе свое; что человѣка столь порочнаго и не заслуживающаго довѣренности, какъ Квиста, не слѣдовало бы долѣе держать при себѣ. Фельдмаршалъ продолжалъ бранить его, ничего не рѣшая на счетъ удаленія его, и потому я опять началъ и продолжалъ, что я готовъ, во исполненіе желанія его, стеречь его и стану на часахъ при немъ, но что сіе ни къ чему не послужитъ: Квистъ пойдетъ иными путями и достигнетъ цѣли своей, черезъ что я останусь посмѣялищемъ, а дѣло еще хуже пойдетъ; ибо до сихъ поръ ни одного провіантскаго дѣла не поступало еще ко мнѣ безъ запутанностей, которыя хотя и безъ уликъ, а даютъ сильныя подозрѣнія; что еслибы я и успѣлъ присутствіемъ своимъ удержать Квиста, но не могу ручаться за него въ отсутствіе свое, а потому и просилъ убѣдительно объ удаленіи его.

— «Это правда, сказалъ фельдмаршалъ; я знаю давно, что онъ обманщикъ; знаю и то, что никто его никогда не уличитъ, хотя я увѣренъ въ семъ. Что же, я согласенъ его удалить; пущай онъ ѣдетъ. Да куда же отправится?»—Сами вы ему о семъ объявите, или мнѣ прикажете?—«Нѣтъ, ты скажи; а я тебя благодарю за сіе. Всегда такъ поступай со мною».—Я увѣренъ, сказалъ я ему, что Государю мѣра сія не будетъ противна.

Пришедши домой, я послалъ за Квистомъ и, вопреки всякаго ожиданія его, объявилъ ему о томъ, чтобы онъ удалился и просилъ бы сего самъ. Онъ просилъ меня нѣсколько времени, хотя съ недѣлю, дабы подумать; но я ему далъ сроку одинъ день, и онъ на другой день прислалъ мнѣ записку, коею просился въ отпускъ въ Петербургъ, для подписи фельдмаршала и представленіе о себѣ военному министру о причисленіи его къ вѣдомству Путей Сообщенія, а другое къ Толю о принятіи его. Въ обоихъ были въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ изображены усердіе его, умѣніе и особенно безкорыстіе. Ко всѣмъ же получаемымъ имъ окладамъ прибавлялась еще пенсія въ 1.000 р. серебромъ.

Квистъ уже былъ свергнутъ, онъ уже былъ въ слезахъ и покоренъ. Не надобно было усугублять неудовольствія на него фельдмаршала, даже для самой чести старика: ибо всѣ дѣла Квиста были скрѣплены подписью фельдмаршала, все подносилось ему. Я понесъ бумаги сіи къ фельдмаршалу и ходатайствовалъ о доставленіи Квисту просимыхъ ему выгодъ; но онъ на сіе не хотѣлъ согласиться, увѣряя, что у него карманы уже набиты, и приказалъ отнюдь не выставлять его безкорыстія. Я перемѣнилъ бумаги и принесъ ихъ на другой день съ пробѣломъ для пенсіи, которую онъ могъ ограничить сколько хотѣлъ; но онъ и на сіе не согласился, однакоже какъ будто останавливаясь нѣкоторымъ образомъ въ скоромъ отправленіи Квиста, который по видимому былъ у него и проливалъ также у него слезы. Онъ сказалъ, что надобно прежде подождать отвѣта Толя: согласится ли онъ принять его, безъ чего онъ не рѣшался и писать военному министру. Я опасался проволочки времени, а потому перемѣнилъ опять бумаги съ испрошеніемъ только зачислять Квиста по другому вѣдомству и, оставя письмо къ Толю, на слѣдующій день опять понесъ ихъ къ фельдмаршалу и безъ всякаго ходатайства въ пользу Квиста подалъ ихъ къ подписи; фельдмаршалъ подписалъ ихъ, произнеся всякія укоризны на счетъ Квиста, и бумаги отправлены. Въ успокоеніе его сказалъ я ему, что и Государю извѣстно о Квистѣ.

Въ сей разъ отложилъ я всякое ходатайство о Квистѣ, потому что передъ самымъ тѣмъ временемъ, какъ мнѣ идти къ фельдмаршалу, онъ пришелъ ко мнѣ и лукавымъ образомъ осмѣлился спросить меня о причинѣ гоненія его, и не поводомъ ли тому секретная бумага, которая у него имѣлась на счетъ Красовскаго. Эту бумагу онъ мнѣ хотѣлъ показать; она касалась до назначенія Ладинскаго генералъ-провіантмейстеромъ противъ воли фельдмаршала. Поступокъ сей показался мнѣ довольно дерзкимъ и очень гадкимъ, и я, изъ презрѣнія къ Квисту, воздержался отъ поступленія съ нимъ, какъ онъ

сего заслуживалъ, и только сказалъ, что не имѣю надобности видѣть бумагу его. Выходя же отъ фельдмаршала и встрѣтивъ Квиста, я объявилъ ему о рѣшеніи князя и сказалъ, что болѣе не ходатай за него послѣ того, что̀ я отъ него слышалъ; Квистъ выслушалъ сіе съ необыкновеннымъ смиреніемъ. Онъ сталъ плакать, просить прощенія, жаловаться на бѣдность свою и приписывалъ все сіе глупости своей; но я оставилъ его, не внимая ни жалобамъ, ни искамъ сего презрительнаго человѣка.

Онъ приходилъ ко мнѣ откланиваться; фельдмаршалъ же не принялъ его, и старикъ, можетъ быть, не правъ въ семъ отношеніи: достаточно было удаленія Квиста, но безъ явныхъ уликъ не должно было оскорблять его; ибо сіе вредило самому фельдмаршалу, столь долго державшему его при себѣ.

Мысль сія, можетъ быть, теперь и занимаетъ фельдмаршала; о семъ говорилъ ему даже Левашовъ по просьбѣ Квиста, обратившагося къ нему; но старикъ остался непреклоннымъ и твердымъ.

Такимъ образомъ, ко всеобщему удовольствію, удаленъ отсюда человѣкъ, причинившій много безпорядковъ и державшійся здѣсь вопреки дурнаго о немъ мнѣнія всѣхъ и даже фельдмаршала, по способностямъ своимъ, превышающимъ способности всѣхъ сослуживцевъ его. Достигнувъ сего, не трудно уже будетъ достигнуть и другихъ перемѣнъ, необходимыхъ для приведенія въ движимость дѣлъ по управленію арміею.

Первыя дѣйствія должны еще быть направлены на интендантство. Г.-м. Солодиловъ, генералъ-интендантъ, слабъ и простъ. Онъ самъ чувствуетъ недостатки сіи и готовъ оставить должность свою. Подъ нимъ мѣсто генералъ-провіантмейстера занимаетъ полковникъ Ладинскій, извѣстный плутъ, хотя и умный человѣкъ; ихъ обоихъ такъ разумѣетъ и фельдмаршалъ, и къ сему дѣлу предстоитъ мнѣ приступить.

Генералъ-аудиторъ Шмаковъ, человѣкъ насытившійся взятками въ дѣлахъ Польскаго мятежа при обвиненіяхъ, не минуетъ также своей участи. Затѣмъ прочія части управленія будетъ уже легко исправить, какъ менѣе важныя.

Кіевъ, 27 Іюля.

Въ началѣ сего мѣсяца приступилъ я къ смѣнѣ генералъ-интенданта и избралъ на его мѣсто бывшаго губернатора Кіевскаго, что̀ нынѣ въ Каменецъ-Подольскомъ губернаторомъ, Лашкарева. Надобно было склонить его къ принятію сей обязанности. Фельдмаршалъ былъ на сіе согласенъ, и въ Каменецъ былъ отправленъ адъютантъ фельдмаршала Воейковъ съ письмами отъ него и отъ меня для приглашенія

Лашкарева къ принятію сего мѣста. Воейковъ былъ посланъ подъ предлогомъ узнанія цѣнъ провіанта и вскорѣ возвратился съ удовлетворительнымъ отвѣтомъ о согласіи Лашкарева къ принятію сего мѣста, къ чему онъ, какъ кажется, былъ побужденъ неудовольствіями, получаемыми отъ Левашова.

По порученію фельдмаршала я сходилъ къ Левашову и, сказавъ ему о семъ, получилъ его согласіе на сіе представленіе, которое и было немедленно сдѣлано и о которомъ ожидается съ каждою почтою разрѣшеніе.

Удаленіе Шмакова я откладывалъ до осени; но нынѣ встрѣтился сему случай по одному неправильному дѣлу, имъ сдѣланному въ аудиторіатѣ. Какъ человѣка низкаго и презрительнаго, я его сегодня же отдѣлалъ порядкомъ въ присутствіи нѣкоторыхъ лицъ и докладывалъ о немъ фельдмаршалу; но старикъ не могъ порядочно внять дѣлу и при томъ, имѣя самое дурное мнѣніе о Шмаковѣ, привыкъ къ нему, а потому съ трудомъ согласился съ нимъ разстаться.

Дежурный генералъ, присутствовавшій при гонкѣ, данной мною сегодня Шмакову, чувствовалъ себя вѣроятно неправымъ въ послѣднихъ сношеніяхъ его касательно меня; ибо, какъ кажется, онъ жаловался фельдмаршалу на то, что, отъѣзжая отсюда въ Бѣлую Церковь на смотры и нынѣ въ Москву, я слишкомъ много требую свѣдѣній о дѣлахъ. Онъ предложился изгнать Шмакова изъ службы. Я за словомъ остановилъ Карпова и поручилъ ему дѣло сіе, какъ равно и доложить фельдмаршалу о послѣднемъ поступкѣ Шмакова.

Сегодня я прощался съ фельдмаршаломъ, ибо завтра 28-го числа располагаю выѣхать въ Москву. Казалось мнѣ однакоже, что онъ отпустилъ меня не съ обыкновеннымъ дружелюбіемъ и привѣтливостью, хотя и принималъ на себя видъ сей и просилъ меня всегда быть съ нимъ одинаково откровеннымъ.

Москва, 14 Августа.

2-го числа я пріѣхалъ къ отцу въ деревню, гдѣ переночевалъ, а 3-го поѣхалъ въ Ярополецъ, гдѣ засталъ уже пріѣхавшую изъ Петербурга Наташу мою.

8-го я пріѣхалъ сюда и 10-го принялся за смотры, которые и понынѣ продолжаю. Вчера, 13-го, обѣдалъ у Прусскаго принца Адальберта, находящагося здѣсь проѣздомъ изъ Петербурга обратно въ Германію черезъ Москву и Варшаву. Поутру онъ пріѣзжалъ на смотръ 4-й легкой кавалерійской дивизіи, который я дѣлалъ на Ходынскомъ полѣ. Ему немного за 20 лѣтъ отъ роду; онъ очень любопытенъ, но разговоръ его по большей части касается до образованія и занятія войскъ.

Кіевъ, Октября 15-го.

Я продолжалъ смотры свои и 15-го Августа поѣхалъ въ Ярополецъ. 26-го числа я вѣнчался, и въ тотъ же день поѣхалъ съ женою къ отцу въ сопровожденіи всего семейства Чернышовыхъ и гостей ихъ. Они провожали уѣзжавшаго въ Моздокъ къ мѣсту своему брата Захара, который женился за нѣсколько дней до меня на племянницѣ Кругликова, Тепловой.

Отъ батюшки къ вечеру всѣ разъѣхались, и мы съ женою поѣхали въ Ботово, деревню брата Александра; тамъ и прожили до 4-го Сентября, а тогда отправились въ Москву, гдѣ и остановились въ домѣ Черткова *).

Государь пріѣхалъ въ Москву 7-го числа ввечеру и тотчасъ послалъ за мною. Онъ принялъ меня наединѣ въ кабинетѣ своемъ и распрашивалъ меня о состояніи войскъ 4-го корпуса. Я отвѣчалъ, что смотрѣнные мною весною полки сдѣлали нѣсколько успѣховъ по службѣ; но что люди вообще слабы, тощи и унылы; что по виду ихъ во фронтѣ нельзя было о нихъ судить, ибо они тогда возбуждены присутствіемъ начальства; но что, дабы имѣть о нихъ настоящее понятіе, надобно было замѣчать видъ ихъ и осанку при нечаянныхъ встрѣчахъ со смѣняющимися въ городѣ караулами, гдѣ они идутъ уныло, опустя голову, и гдѣ вся слабость ихъ явна. Но сіе мало поразило Государя. Онъ спросилъ меня, какъ было принято въ войскахъ распоряженіе объ увольненіи послѣ 20-ти лѣтняго служенія въ безсрочные отпуски? Я отвѣчалъ, что сіе возродило всеобщую радость въ людяхъ. Но какъ Государь желалъ знать мнѣніе мое о сей мѣрѣ, то я объявилъ ему, что черезъ сіе армія лишается послѣднихъ людей къ службѣ годныхъ, и что, за отпускомъ сихъ послѣднихъ, останутся только одни рекруты и молодые люди, коими полки теперь наполнены. Я не имѣлъ права говорить Государю о неудобствахъ, которыя произойдутъ отъ сего въ самомъ краѣ и деревняхъ, которыя наполнятся людьми безъ дѣла и безъ средствъ къ жизни, отъ чего можно было ожидать большихъ безпорядковъ. Но кажется, что всѣ неудобства, какъ въ войскахъ, такъ и въ деревняхъ, отъ сей ошибочной мѣры происходящія, уже были извѣстны Государю и что онъ втайнѣ признавалъ несообразность мѣры сей, которую исправить уже болѣе не находилъ средствъ.—«Знаешь ли, отвѣчалъ онъ, что въ прошломъ году изъ одного гренадерскаго корпуса вышло 7000 солдатъ въ безсрочный отпускъ, а въ нынѣшнемъ ихъ выходитъ 6000. Но вѣдь ихъ не выпускаютъ безъ повѣрки формуля-

*) Александра Дмитріевича, женатаго на графинѣ Елисаветѣ Григорьевнѣ Чернышовой. П. Б.

ровъ въ Инспекторскомъ Департаментѣ. А знаешь ли, сколько ихъ изъ 6000 повѣрено въ нынѣшнемъ году? Только еще 12».

Меня удивили и сужденіе сіе, и сознаніе, и непрямыя мѣры, которыя Государь, въ успокоеніе свое, употреблялъ противъ своихъ подданныхъ и войскъ. Онъ польстилъ имъ сими отпусками. Мнѣ нечего было на сіе отвѣчать. Государь поздравилъ меня съ женитьбою и, поговоривъ о разныхъ незначущихъ предметахъ, отпустилъ.

Начались смотры, которые продолжались пять дней. Государъ пріѣзжалъ въ 9 и 10 часовъ утра на Ходынское поле и уѣзжалъ въ 2 и 3 часа пополудни. Погода была холодная; но, не взирая на усталость войскъ и тяжкое положеніе ихъ въ столь позднее время года въ лагерѣ, онъ не отмѣнялъ смотровъ своихъ, состоявшихъ все въ маневрахъ, на коихъ онъ тщился научить ихъ разнымъ средствамъ строиться въ боевые порядки и атаковать непріятеля. Все сіе было довольно странно, ибо онъ мало имѣетъ понятія о военномъ дѣлѣ; но обязанность наша была слушать и внимать. Я въ особенности долженъ былъ замѣчать и записывать ошибки и новыя правила, имъ издаваемыя, для распространенія оныхъ въ войскахъ. Мнѣ крайне жалко было войскъ, которыя при всемъ истощеніи силъ своихъ должны были, такъ сказать, перемогать себя для слѣдованія за приказаніями, кои отдавались съ суетливостію, поспѣшностью и нетерпѣніемъ, такъ что никто почти не могъ угадывать мыслей Государя и предполагаемаго непріятеля, котораго онъ со всѣхъ сторонъ видѣлъ.

Нѣсколько разъ онъ выходилъ изъ терпѣнія и говорилъ съ неудовольствіемъ и въ непріятныхъ выраженіяхъ начальникамъ. Желая сколь можно менѣе быть причиною умноженія безпорядка (что̀ неизбѣжно при многихъ распорядителяхъ), я держался сколь можно болѣе въ сторонѣ и иногда только занимался, когда Государь поручалъ мнѣ какую либо часть въ командованіе. Онъ однакоже постоянно былъ мною доволенъ, былъ все время очень ласковъ и разговаривалъ со мною.

Не менѣе того на церемоніальномъ маршѣ онъ былъ весьма недоволенъ полкомъ фельдмаршала Сакена, который истинно лучшій въ корпусѣ во всѣхъ отношеніяхъ. При первомъ моемъ свиданіи съ Государемъ я ему расхвалилъ сей полкъ, и онъ тогда сказывалъ, что не должно было ставить одну какую либо часть столь выше другихъ и доказалъ мнѣ неудовольствіе свое, охуливъ сей полкъ, о коемъ онъ мнѣ нѣсколько разъ говорилъ, отзываясь, что онъ не понимаетъ, что̀ я въ ономъ нашелъ хорошаго. Я видѣлъ полкъ сей въ подробности, отвѣчалъ я, а потому и могу сдѣлать о немъ такое утведительное суж-

деніе въ пользу его. Противурѣчіе сіе не понравилось Государю; онъ прервалъ меня словами: *ну поживете, поживете*! и я замолкъ.

Я нѣсколько разъ обѣдалъ у Государя и однажды, послѣ обѣда, взявъ меня съ корпуснымъ командиромъ, княземъ Хилковымъ, въ сторону, онъ опять началъ говорить о полку семъ.—«Да скажите мнѣ, говорилъ онъ, чтó вы находите въ семъ полку: люди жмутся во фронтѣ, колѣнокъ не сгибаютъ и проч.? Другіе полки несравненно лучше».—Государь, отвѣчалъ я, полкъ сей точно неудачно прошелъ сегодня на церемоніальномъ маршѣ; это несчастный и неожиданный случай, коему причинъ не постигаю; но не менѣе того онъ отлично хорошъ, и я свидѣтельствую сіе тѣмъ, что я осмотрѣлъ его въ подробности: онъ истинно способенъ и къ бою, и къ походу, и къ параду; онъ проченъ и красивъ, въ немъ соблюдены всѣ основанія службы. Возраженіе сіе не могло понравиться Государю, но онъ ничего не отвѣчалъ на оное.

Кіевъ, 18 Октября.

Въ бытность мою въ Кіевѣ, я составилъ записку, въ коей изложилъ горестное состояніе, въ коемъ находятся войска въ нравственномъ отношеніи. Въ запискѣ сей были показаны причины упадка духа въ арміи, побѣговъ, слабости людей, заключающіяся большею частію въ непомѣрныхъ требованіяхъ начальства, частыхъ смотрахъ, поспѣшности, съ коею старались образовать молодыхъ солдатъ и, наконецъ, въ равнодушіи ближайшихъ начальниковъ къ благосостоянію людей имъ ввѣренныхъ. Тутъ же излагалъ я мнѣніе свое о мѣрахъ, которыя бы считалъ нужными для поправленія сего дѣла, погубляющаго войска годъ отъ году. Я предлагалъ не дѣлать смотровъ, коими войска не образуются, не перемѣнять часто начальниковъ, не переводить (какъ нынѣ дѣлается) людей ежечасно изъ одной части въ другую и дать войскамъ нѣсколько покоя.

Записку сію, изготовленную передъ самымъ выѣздомъ моимъ изъ Кіева, я тогда же прочиталъ фельдмаршалу, который по старости своей не могъ вникнуть въ содержаніе оной и войти о семъ съ представленіемъ Государю. Посему я рѣшился подыскать къ сему случай и лично доложить Государю о семъ дѣлѣ, которое считалъ обязанностію своею довести до его свѣдѣнія, дабы онъ не заблуждался на счетъ мнимыхъ силъ его и принялъ бы какія либо мѣры для сбереженія несчастныхъ солдатъ, толпами погибающихъ отъ ошибочныхъ мѣръ, принимаемыхъ въ управленіи арміею.

Въ Августѣ мѣсяцѣ я видѣлся въ Москвѣ съ флигель-адъютантомъ княземъ Долгорукимъ, который уѣзжалъ въ Петербургъ, дабы присутствовать при открытіи монумента 30-го Августа. Я далъ ему

записку свою для прочтенія и просилъ его при случаѣ доложить Государю, что онъ видѣлъ у меня записку сію, дабы Государь самъ меня спросилъ объ оной при свиданіи.

По возвращеніи моемъ изъ деревни въ Москву, я опять видѣлся съ Долгорукимъ, который сказалъ мнѣ, что онъ не имѣлъ случая сказать о семъ Государю, но говорилъ военному министру, который приказалъ сказать мнѣ, что по нѣкоторымъ предметамъ, въ сей запискѣ содержащимся, уже дѣлается исполненіе.

Рѣшившись непремѣнно сложить лежащее у меня на совѣсти бремя, я повидался съ Адлербергомъ, и давъ ему записку сію прочитать, объяснилъ ему причины, побуждающія меня къ сему, и просилъ непремѣнно сказать Государю о желаніи моемъ представить ему оную. Адлербергъ доложилъ о семъ Государю и отвѣчалъ мнѣ, что Государь желаетъ видѣть мою записку. Когда Адлербергъ сталъ ему говорить о духѣ въ войскахъ (le mauvais esprit de la troupe), то Государь удивился и сказалъ, что онъ сего не полагалъ, напротивъ того думалъ, что войска ему были вѣрны. Тогда Адлербергъ объяснилъ ему, что я другое разумѣлъ; что, напротивъ того, войска не имѣли нисколько того воинственнаго духа, который они имѣть должны, а что въ семъ заключается какъ будто зародышъ разрушенія, который я замѣчалъ въ арміи. Сіе повидимому возбуждало любопытство Государя; но онъ вѣрно не полагалъ найти въ сей запискѣ мнѣнія, столь разительно противурѣчащаго его образу мыслей; ибо вслѣдствіе разговора, который онъ имѣлъ съ генераломъ Скобелевымъ (коего онъ назначилъ инспекторомъ всей резервной пѣхоты, о чемъ я упоминалъ въ своей запискѣ, ходатайствуя объ уничтоженіи оной, какъ о величайшемъ злѣ въ арміи, чего Государь не зналъ), онъ послалъ ко мнѣ Скобелева, приказавъ ему поговорить со мною о семъ и вмѣстѣ уже изложить наше мнѣніе.

Въ тотъ самый деня, какъ Скобелевъ ко мнѣ заѣзжалъ, я былъ ввечеру у Государя въ кабинетѣ наединѣ и упомянулъ въ разговорѣ о запискѣ моей.

— «Это хорошо, сказалъ Государь, что ты занялся симъ. Пришли записку сію ко мнѣ; но вели ее переписать такимъ образомъ, чтобы оставалось широкое поле, на которомъ бы я могъ сдѣлать свои отмѣтки». Я исполнилъ приказаніе его и послалъ записку сію къ Адлербергу, который и вручилъ ее Государю; но я въ Москвѣ не имѣлъ никакого отвѣта на оную по случаю скораго выѣзда его въ Орелъ, гдѣ, какъ ниже будетъ видно, я узналъ о мнѣніи Государя на сей предметъ и могъ, не взирая на его привѣтливое обхожденіе, судить, сколько она ему была непріятна.

Кіевъ, 19-го Октября.

На первыхъ дняхъ пребыванія моего въ Москвѣ Государь ѣздилъ въ лагерь, былъ на кухняхъ, пробовалъ пищу людей и, возвращаясь отъ оныхъ къ палаткамъ, передъ коими батаціоны были выведены на линейку, закричалъ имъ, чтобы они къ нему сбѣжались. Въ мигъ толпы людей окружили Государя, сопровождая его съ восторгомъ и съ проявленіемъ радости своей кликами и киданьемъ шапокъ вверхъ. Тутъ исчезла вся принужденность солдатъ, и ура разливалось въ волновавшейся толпѣ, надъ коей возвышалась голова Государя. Сіи знаки преданности солдатъ безъ сомнѣнія не были лживы. Когда люди окружили Государя, то онъ, вѣроятно въ намѣреніи знать, какъ принятъ ими новый указъ о безсрочныхъ отпускахъ, сталъ имъ говорить о семъ.—«Смотрите, ребята, продолжалъ Государь, когда вы будете въ деревняхъ, то ведите себя хорошенько; въ особенности не выдайте меня помѣщикамъ, которые на васъ въ противномъ случаѣ жаловаться будутъ, и я тогда виновныхъ опять потяну на службу». Рѣчи сіи произвели желаемый успѣхъ и сближеніе съ Государемъ людей сихъ, которые какъ будто приняли въ уваженіе желаніе его и согласились не обижать прежнихъ помѣщиковъ своихъ и вести себя хорошо. Отвѣтъ на сіе было громкое ура, которое разлилось въ толпѣ.

Маневры продолжались ежедневно, не взирая на погоду и усталость людей. Построенія боевыхъ порядковъ, по произволу Государя дѣлаемыя, всѣхъ въ толпу сбивали. Трудно и невозможно было угадать мысли Государя, который дѣлалъ сіе для наученія ихъ, какъ онъ говорилъ, дѣйствіямъ противъ непріятеля. Нетерпѣніе его иногда не имѣло мѣры, и онъ сердился на начальниковъ и на самыя войска. По вечерамъ начальники къ нему сбирались, и тутъ онъ проходилъ снова всѣ построенія съ удивительною памятью и замѣчалъ каждому ошибки. Сіе продолжалось иногда близъ часу, но онъ въ сихъ случаяхъ бывалъ очень внятенъ и терпѣливъ.

При всей готовности, которую Государь видѣлъ въ войскахъ и начальникахъ, дабы угодить ему, нѣкоторые не избавились гнусныхъ подозрѣній. Такъ однажды Бенкендорфъ поручилъ мнѣ изъ подъ руки развѣдать о случившемся происшествіи во Владимирскомъ пѣхотномъ полку, гдѣ люди не хотѣли выходить въ строй на маневры. Не находя ни средствъ, ни надобности дѣйствовать изъ-подъ руки въ какомъ бы то ни было дѣлѣ, особливо въ подобномъ, гдѣ все должно быть гласно, я объявилъ о семъ начальнику штаба 4-го корпуса. Сіе было передано Хилкову, и Бенкендорфу сказали, что все сіе было ложно и выдумано. Онъ хотѣлъ было мнѣ прислать записку, коею ему донесли; но вѣрно забылъ, ибо я ея не получалъ.

Князь Хилковъ велъ себя весьма хорошо во все время; онъ говорилъ смѣло съ Государемъ и объяснялъ ему откровенно всѣ свои мысли.

Во все время пребыванія Государя въ Москвѣ народъ толпился передъ окнами дворца и вездѣ сопровождалъ его съ криками ура. Сіе льстило Государю, и всего было занимательнѣе видѣть сіе, когда онъ шелъ изъ дворца въ соборъ: его обступали толпою, такъ что онъ едва могъ пройти. Сіе видѣли съ удивленіемъ Прусскіе генералы, полковники и Австрійскій посланникъ, не привыкшіе видѣть такую преданность народа къ Государю. Ихъ возили все время на ученья и маневры и порядочно поморили холодомъ и скачкою, такъ что они не знали болѣе какъ отдѣлаться, но должны были находиться на маневрахъ поневолѣ.

Когда все сіе кончилось, я надѣялся воспользоваться путешествіемъ Государя въ Казань до пріѣзда его въ Орелъ на смотръ драгунскаго корпуса, дабы переѣхать туда съ семействомъ; но случилось иначе.

По окончаніи смотровъ Государь однажды, пославъ за мною поутру, объявилъ, что онъ перемѣнилъ маршрутъ свой, дабы не опоздать на Орловскіе смотры, которые ему довелось дѣлать въ глубокую почти осень, и приказалъ мнѣ въ тотъ же день ѣхать въ Орелъ, дабы приготовить корпусъ къ смотру неожиданному. Онъ самъ долженъ былъ спустя два дня послѣ меня выѣхать, и я, спѣша отправиться по приказанію его, долженъ былъ оставить жену свою съ дочерью въ Москвѣ, откуда имъ доводилось уже однимъ ѣхать ко мнѣ въ Орелъ.

Кіевъ, 21-го Октября.

Я выѣхалъ въ тотъ же день изъ Москвы въ ночь и пробылъ болѣе четырехъ сутокъ въ пути до Орла, менѣе 400 верстъ. Причиною сему былъ измѣненный маршрутъ Государя, по коему не заготовили лошадей на вновь предположенной дорогѣ, а потому и послали остановить всѣхъ почтовыхъ лошадей на станціяхъ, коихъ никому уже не давали и даже мнѣ, не взирая на званіе мое и порученіе, данное мнѣ Государемъ: потому что я не былъ внесенъ въ списокъ особъ, слѣдующихъ съ Государемъ, коимъ давали лошадей по росписанію номеровъ экипажей, разосланному по станціямъ. Ни угрозы, ни убѣжденія не имѣли успѣха, не взирая на то, что я былъ цѣлыми сутками впереди Государя, и что для меня заготовляли впереди лошадей. Я принужденъ былъ обращаться къ засѣдателямъ и исправникамъ, гдѣ находилъ ихъ, дабы наряжали для меня крестьянскихъ лошадей изъ сосѣднихъ станціямъ деревень. Не доѣзжая Калуги, Госу-

дарь обогналъ меня; но онъ остановился въ Калугѣ болѣе сутокъ, что̀ дало мнѣ средство его опять опередить. Ѣхавшіе по другому тракту черезъ Тулу въ Орелъ встрѣтили также большія препятствія, потому что съ нѣкоторыхъ станцій оттуда вывели всѣхъ лошадей на Калужскія, такъ что сообщеніе на время совсѣмъ было прекратилось. Вотъ распоряженія и слѣдствія проѣзда Государя, не говоря о частныхъ лицахъ, коимъ уже и думать нельзя было и слѣдовать по симъ направленіямъ. Все въ той сторонѣ остановилось, и сіе продолжалось долгое время, пока не узнали навѣрное, по какой дорогѣ онъ назадъ поѣдетъ; и то еще, опасаясь перемѣны, вездѣ оставались въ недоумѣніи, какъ бы не оплошать въ неожиданномъ случаѣ.

Государь пріѣхалъ нѣсколько часовъ послѣ меня въ Орелъ; мы всѣ дожидались его на приготовленной ему квартирѣ. Онъ тотчасъ спросилъ: видѣлъ ли я уже 3-й резервный кавалерійскій корпусъ, не соображая времени, когда я проѣхалъ черезъ Калугу; и я ему сказалъ, что не успѣлъ еще сдѣлать сего.

Смотры начались на другой день. Первый смотръ былъ назначенъ всему корпусу съ церемоніальнымъ маршемъ. Сіе продолжалось часа четыре, ибо драгунскій корпусъ сей, который вновь собранъ Государемъ, въ особенности занимаетъ его: онъ воображаетъ себѣ, что изобрѣлъ драгунскую службу и говоритъ, что еслибы корпусъ сей существовалъ во время Наполеона, то онъ не возвысился бы до такой степени; ибо войско сіе легко могло бы обойти армію его и ударить въ самое неожиданное время въ тылъ и во флангъ непріятелю. При семъ не принимается въ соображеніе ни продовольствіе войска, ни обозы, ни лазареты, ни множество другихъ надобностей, безъ коихъ войско не можетъ двигаться. Такъ какъ сіе дѣлается на смотру, то не принимается въ соображеніе, что надобно имѣть весьма плохаго непріятеля, чтобы скрыть отъ него такое движеніе цѣлаго корпуса; что цѣлый корпусъ спѣшенный доставляетъ только одинъ полкъ пѣхоты съ короткими ружьями и что съ истребленіемъ половины полка сего пропадаетъ и половина корпуса. Не подумали, что, какъ кавалерія, войско сіе очень слабо, ибо не имѣетъ пикъ и только саблю и ружье, которое бьется за плечьми и замкомъ о луку сѣдла; что ядро, пущенное въ коноводовъ, собьетъ цѣлый полкъ и что люди останутся пѣшіе безъ ранцевъ и сухарей. Но Государь думалъ, что уже отвратилъ всѣ неудобства сіи перемѣною цвѣта воротниковъ, частыми размѣнами лошадей по шерстямъ изъ одного полка въ другой, подѣланіемъ драгунамъ цвѣтныхъ поясковъ, какъ у уланъ, усиленіемъ полковъ въ 10 слабыхъ эскадроновъ, чѣмъ одинъ полковникъ никоимъ образомъ командовать не можетъ и, назначивъ въ число сихъ эскадроновъ два

пиканерныхъ, т. е. уланъ въ киверахъ вмѣсто шапокъ. Все преобразованіе прежнихъ драгунъ состояло въ семъ, и Государь, видя себя изобрѣтателемъ новаго оружія, ожидаетъ отъ сего покоренія царствъ.

По мнѣнію моему драгуны въ прежнемъ составѣ своемъ приносили болѣе пользы, чѣмъ полагали; ибо ими можно было всего скорѣе занять переправу, деревню и держать ихъ до прибытія настоящей пѣхоты, но для сего не нужно имѣть подъ ними дорогихъ лошадей и развлекать ихъ службою кавалерійскою, коею они болѣе всего заняты; и такимъ же образомъ можно тоже пѣхоту посадить на подводы или обывательскихъ лошадей для перенесенія оной на нужныя точки съ большею быстротою.

Опытъ долженъ доказать, можетъ ли сей драгунскій корпусъ принесть предполагаемую пользу. Я же по своему опыту полагаю, что нельзя драгунъ употреблять иначе, какъ для означенныхъ предположеній, то есть для атакъ или боя въ линіи. Но я всегда предпочту драться противъ нихъ, чѣмъ съ ними противъ другаго непріятеля: ибо я буду имѣть всегда преимущество истребить слабую пѣхоту сію и ремонтировать свою кавалерію.

На первомъ смотру церемоніальнаго марша полки показались въ весьма хорошемъ состояніи, въ каковомъ въ самомъ дѣлѣ корпусъ сей и находится. Государь смотрѣлъ конный и пѣшій строй и былъ оными доволенъ. Нельзя было однако видѣть безъ сожалѣнія неудовольствіе Государя на народъ, толпившійся, дабы приблизиться къ нему и видѣть войска; его разгоняли жандармы по приказаніямъ Государя. Во время церемоніальнаго марша въ карьеръ было нѣсколько несчастныхъ случаевъ; между прочимъ одно конно-батарейное орудіе, столкнувшись съ эскадрономъ, возвращавшимся въ колонну, опрокинулось и перевернуло съ собою всѣхъ лошадей, и трехъ человѣкъ очень опасно ранило, перебивъ имъ члены; одинъ же оставался почти безъ признаковъ жизни. Государь мало обращалъ на сіе вниманія; но, проѣзжая по окончаніи всего мимо выстроившагося фронта, послалъ спросить о состояніи сего орудія, лежавшаго еще вверхъ колесами, а лошади—вверхъ ногами. Генералъ-адъютантъ Киселевъ возвратился и доложилъ Государю, что одинъ изъ людей сихъ при смерти и врядъ ли очнется; тогда Государь подъѣхалъ къ лежащему орудію, взглянулъ на людей и спросилъ у лѣкаря о состояніи здоровья опаснѣйшаго; лекаря успокоили его. Тогда Государь разсердился на Киселева и съ жаромъ замѣтилъ ему, что не должно было называть ушибленнаго умершимъ, если онъ выздоровѣть долженъ. Мнѣ послѣ говорили, что при семъ случаѣ онъ наговорилъ еще много непріятныхъ вещей Киселеву, чего я не слыхалъ; но готовъ вѣрить сему, ибо за обѣдомъ, куда мы вся-

кій день сбирались къ Государю, Киселевъ, проходя мимо Государя, который уже сидѣлъ, былъ имъ остановленъ за руку, и Государь его съ дружбою поцѣловалъ, какъ будто въ примиреніе послѣ случившагося поутру.

На другой день былъ смотръ 2-й драгунской дивизіи т. е. маневръ. Государь, желая показать, какъ должно употреблять драгунъ, предполагалъ различныя движенія приближающагося непріятеля; но вѣтеръ былъ сильный, холодъ тоже: за 20 шаговъ нельзя было слышать команды; тѣмъ труднѣе можно было слышать оную въ концѣ линіи, гдѣ и въ самую тихую погоду нельзя бы оной слышать при томъ же приказанія слѣдовали одно за другимъ, такъ что не успѣвали ни выслушать, ни исполнить ихъ. Нетерпѣніе Государя всѣхъ съ толку сбило: всѣ смѣшались, и случилось, что бригада генерала Анрепа выстроилась лицемъ назадъ, т. е. къ другой бригадѣ той дивизіи, а фланкеры Анрепа случились за другою бригадою лицемъ къ городу, а тыломъ къ предполагаемому непріятелю, котораго уже и не знали съ которой стороны ожидать. Государь разсердился, наговорилъ непріятностей Анрепу и перевернулъ самъ бригаду лицемъ въ другую сторону; вслѣдъ за симъ онъ приказалъ сдѣлать отступленіе эшелонами и, стоя на флангѣ полка, началъ отступленіе сіе фланговымъ дивизіономъ. Анрепъ, стоя на другомъ флангѣ, не могъ за вѣтромъ слышать команду и тоже началъ отступать. Тогда Государь, подозвавъ его, приказалъ вложить саблю въ ножны и отъѣхать отъ бригады. Анрепъ и оставался все время безъ команды, свидѣтелемъ маневра.

Всякій вечеръ по окончаніи маневровъ Государь сбиралъ къ себѣ всѣхъ генераловъ и замѣчалъ имъ ошибки, случившіяся въ теченіе маневровъ. Въ сей день онъ выразился опять самымъ непріятнымъ образомъ на счетъ Анрепа, который молчалъ. Когда всѣ вышли, онъ оставилъ меня и спросилъ меня, откуда могла произойти столь грубая ошибка, которой онъ удивлялся, ибо всегда слышалъ много хорошаго объ Анрепѣ.—Анрепъ, сказалъ я, отличный офицеръ; я его знаю, потому что онъ служилъ со мною въ Польскую войну и знаю его съ самой лучшей стороны во всѣхъ отношеніяхъ. Отчего же произошла сія ошибка, настоящимъ образомъ я не знаю, а думаю—отъ недоразумѣнія какого-нибудь.

Я въ самомъ дѣлѣ призывалъ Анрепа и спрашивалъ его, но не могъ дознать ничего. По всему казалось, что и до него въ суматохѣ не дошли приказанія или что оныя дошли въ другомъ видѣ. Но офицеръ сей, достойный по правиламъ и заслугамъ своимъ, не могъ снести нанесеннаго ему оскорбленія; онъ рѣшился оставить службу, а

дабы при семъ намѣреніи сколько можно болѣе сохранить приличіе, онъ, не жалуясь на случившееся съ нимъ, сказалъ мнѣ о давнишнемъ желаніи оставить службу и спрашивалъ только, какъ я ему посовѣтую сіе лучше сдѣлать: нынѣ, какъ онъ сіе прежде желалъ, или въ Генварѣ мѣсяцѣ? По званію своему не могъ я ему дать лучшаго совѣта какъ то, что въ теперешнихъ обстоятельствахъ я считалъ приличнѣе какъ можно позже сдѣлать сіе и потому проситься въ отставку не прежде послѣднихъ чиселъ Декабря мѣсяца, если онъ допредъ сего имѣлъ уже намѣреніе оставить службу.

На третій день былъ смотръ конной артиллеріи и стрѣльбы оной въ цѣль. Быстрота и исправность сего оружія по истинѣ заслуживали всякаго вниманія.

На четвертый былъ пѣшій разводъ съ церемоніею и батальонное ученье, которые очень хорошо удались.

На пятый было ученье 1-й драгунской дивизіи, которое также имѣло полный успѣхъ; оно кончилось взятіемъ города приступомъ спѣшившимися драгунами, и надобно сознаться, что правильность и быстрота движеній были замѣчательны. Государь могъ по истинѣ быть доволенъ симъ днемъ.

На шестой день были общіе маневры всѣмъ корпусомъ съ резервною артиллеріею и конно-піонернымъ эскадрономъ. Маневры сіи продолжались часовъ пять. Все почти дѣлалось въ карьеръ, не взирая на пахатную землю, овраги и неровности мѣстоположенія; артиллерія вездѣ проходила безъ остановки; кончилось переправою всего корпуса черезъ понтонный мостъ, въ нѣсколько минутъ построенный черезъ рѣку Орликъ, по которому все перенеслось во весь духъ, несмотря на опасность сего и на то, что лошади при спускѣ и слѣдованіи черезъ мостъ скользили и падали. Государь самъ стоялъ на берегу и поминутно кричалъ: *шпоры!* при малѣйшей остановкѣ лошадей. Въ сей день было тоже нѣсколько ушибленныхъ людей. Подполковникъ Вульфертъ, командиръ одной конной батареи, увѣрялъ меня, что у него отъ сихъ маневровъ пять лошадей совершенно испорчены, а 70-ти пущена кровь. Безъ сомнѣнія, еслибы мы стали дѣлать подобные смотры, то не надолго бы стало войскъ. Прусаки, сопровождавшіе Государя на сихъ смотрахъ, не могли надивиться исправности, силамъ войскъ и опытамъ, которые надъ оными дѣлались; съ другой стороны, имъ повидимому и надоѣли безконечные сіи смотры и маневры, отъ коихъ они отказаться не могли.

Послѣдній день было еще ученье одному драгунскому батальону, коимъ Государь былъ недоволенъ; я не могъ присутствовать на ономъ, потому что чувствовалъ себя нездоровымъ отъ простуды.

На всѣхъ сихъ маневрахъ я игралъ самую отрицательную ролю ибо мнѣ казалось излишнимъ прибавлять суеты тамъ, гдѣ оной уже слишкомъ много было, и я приказывалъ только записывать общія замѣчанія, дѣлаемыя Государемъ, которыя могли служить къ руководству. Замѣчанія сіи, какъ и тѣ, которыя я въ Москвѣ дѣлалъ, были имъ истребованы, и онъ сдѣлалъ на нихъ собственноручныя отмѣтки, приказавъ ихъ отдать въ приказѣ по арміи по возвращеніи моемъ въ Кіевъ

Кіевъ, 23-го Октября.

Во время пребыванія моего въ Орлѣ я искалъ случай просить Государя о братѣ Александрѣ и хотя Государь былъ ко мнѣ милостивъ все время и часто призывалъ меня въ кабинетъ, гдѣ оставался со мною наединѣ, но я никогда не могъ найти случая объясниться съ нимъ на сей счетъ: ибо онъ всякій разъ начнетъ говорить и продолжаетъ рѣчь свою безостановочно, такъ что надобно было почти прерывать его, чтобы отвѣчать или изложить свое мнѣніе о предметахъ, его занимающихъ, т. е. о войскахъ. Но я просилъ о семъ Бенкендорфа, который увѣрилъ меня, что онъ дѣло сіе имѣетъ въ виду, что оно его самого занимаетъ и что онъ не забудетъ онаго и будетъ Государя просить при первомъ случаѣ о назначеніи брата Александра гдѣ-либо губернаторомъ, но что къ сему нынѣ не можетъ приступить, потому что недавно еще случилась ссора, которую братъ Александръ имѣлъ съ генералъ-губернаторомъ Западной Сибири Вельяминовымъ, по коей былъ доносъ на самого А. Мордвинова, будто скрывшаго въ пользу Александра одно донесеніе Вельяминова на него, «такъ, говорилъ Бенкендорфъ, что бѣднаго Мордвинова хотѣли очернить въ глазахъ моихъ; а дѣло все произошло отъ одного чиновника (Кованько), служившаго при Вельяминовѣ, котораго я принужденъ былъ, каналью, изъ Тобольска вызвать, потому что его выслать не хотѣли, не взирая на всѣ повторенныя о семъ приказанія».—Мордвиновъ, отвѣчалъ я, довольно свято чтитъ свои обязанности, чтобы никогда не нарушить ихъ.—«Я въ этомъ не сомнѣваюсь, сказалъ Бенкендорфъ; но по сему случаю нельзя мнѣ теперь о братѣ вашемъ докладывать Государю: надобно дать дѣлу сему нѣсколько затихнуть».—По крайней мѣрѣ возьмите отъ меня записку.—«Это не нужно, сказалъ Бенкендорфъ, я буду помнить, ибо дѣло сіе меня не менѣе занимаетъ, и я имѣю его въ виду; будьте на сей счетъ покойны».

Въ Воскресенье, кажется 23-го числа, Государь былъ на балѣ въ Дворянскомъ Собраніи. Онъ былъ очень веселъ и ласковъ со мною и нѣсколько разъ шутилъ на счетъ дамъ; между прочимъ, замѣтивъ одну лучше другихъ, спросилъ меня, знаю ли я ее? Я сказалъ, что видѣлъ

ее въ день перваго смотра.—«А, такъ ты на дамъ смотришь во время смотровъ войскъ? А я такъ тамъ, гдѣ есть войска, болѣе ничего не вижу».—Она была въ каретѣ, Государь, отвѣчалъ я, и такъ близко за вами и тѣмъ мѣстомъ, гдѣ мы стояли, что нельзя было не замѣтить ея, тѣмъ болѣе, что всѣ на нее указывали.

Всякій день, за исключеніемъ одного, я былъ приглашенъ къ столу Государя, и онъ всякій разъ былъ очень предупредителенъ; нѣсколько разъ послѣ маневровъ призывалъ меня въ кабинетъ и, объясняя всѣ преимущества подобнаго корпуса драгунскаго, спрашивалъ меня, понимаю ли я цѣль его? Я сознавался, что корпусъ сей въ блестящемъ состояніи и безъ сомнѣнія войско сіе очень полезно во многихъ случаяхъ; но сожалѣлъ, что не изобрѣли еще средства спѣшивать большое число людей, ибо весь корпусъ давалъ только одинъ комплектный пѣхотный полкъ. Сіе подавало поводъ къ различнымъ сужденіямъ, по коимъ Государь удостовѣрялся, что сему нельзя было помочь, и онъ всегда подтверждалъ, что драгуны—кавалерія, а не пѣхота и что ихъ надобно только спѣшивать въ самыхъ крайнихъ случаяхъ.

Всякій вечеръ собиралъ онъ всѣхъ начальниковъ къ себѣ и замѣчалъ имъ ошибки, давалъ наставленія военнаго дѣла и какъ употреблять драгунъ, называя ихъ чертями, которые должны вездѣ пройдти и все дѣлать, стараясь словами своими ободрить войско сіе и вселить въ ономъ полную довѣренность къ сему роду оружія. Наставленія сіи продолжались иногда около часа. Чувствуя себя нездоровымъ, я не былъ на послѣднемъ вечерѣ, тѣмъ болѣе, что не былъ приглашенъ къ оному Государемъ и когда онъ на другой день спросилъ меня, зачѣмъ я не былъ, то я сказалъ, что былъ нездоровъ; онъ нашелъ въ самомъ дѣлѣ въ лицѣ моемъ перемѣны и не приказалъ въ тотъ день къ разводу ѣхать.

Кіевъ, 24-го Октября.

Во время пребыванія Государя въ Орлѣ, получилъ онъ письмо отъ князя Паскевича, коимъ онъ увѣдомляетъ его о сдѣланномъ имъ смотрѣ 1-го пѣхотнаго корпуса, прилагая при ономъ записку, составленную начальникомъ главнаго штаба его, княземъ Горчаковымъ, о видѣнныхъ имъ Австрійскихъ войскахъ и о сношеніяхъ съ Австрійскимъ императоромъ въ поѣздку, которую онъ дѣлалъ въ Вѣну. Государь прислалъ мнѣ письмо сіе и записку для прочтенія. Мнѣ уже извѣстны были и слогъ, и правописаніе Паскевича, и потому я не нашелъ ничего новаго... Кромѣ того я безъ удивленія увидѣлъ также въ письмѣ семъ пустыя сужденія о смотрѣнныхъ имъ войскахъ, въ коихъ онъ толку не знаетъ. . . . .

Въ запискѣ заключались нѣкоторыя занимательныя свѣдѣнія о состояніи Австрійской арміи, и я, возвращая оную Государю, сообщилъ ему замѣчанія мои на счетъ оной, что̀ подало поводъ къ разговору. Я имѣлъ при семъ случай замѣтить, сколько Государь цѣнилъ словами Австрійскаго императора, хвалившагося, разумѣется, изъ вѣжливости, союзомъ съ нами и говорившаго, что, въ случаѣ какой-либо войны на Югѣ, онъ будетъ считать Россію своимъ аріергардомъ (ибо онъ, повидимому, не былъ увѣренъ въ преданности къ престолу его Венгріи и Галиціи). Государь нѣсколько разъ повторялъ слова сіи, какъ будто напоминая о собственномъ страхѣ своемъ и показывая не соотвѣтственную силамъ своимъ важность союза съ державою гораздо слабѣйшею и пренебрегающею нами. Сіе свидѣтельствовало какъ будто о ненадѣянности на свои собственныя силы и выставляло слабость нашу.

Однажды, будучи у Государя на обѣдѣ, правящій канцеляріею его, Позенъ, спросилъ у меня, получилъ ли я отвѣты, сдѣланные Государемъ на представленную мною въ Москвѣ записку о состояніи войскъ? И какъ я не получалъ еще отвѣтовъ сихъ, то послѣ обѣда онъ вручилъ мнѣ ихъ запечатанные, сказавъ, что подлинныя отмѣтки, Государемъ своеручно сдѣланныя, отправлены, по приказанію его, къ военному министру. Я не распечаталъ при немъ пакета, дабы не дать повода къ какимъ-либо заключеніямъ при взглядѣ на меня во время чтенія сихъ отвѣтовъ, которые могли быть не въ пользу изложеннаго мною мнѣнія; но онъ сказалъ мнѣ, что Государь былъ многими мнѣніями недоволенъ, а на другія изложилъ свои мысли согласно съ моими.

И записка сія, и отмѣтки, сдѣланныя Государемъ противъ всякаго параграфа, хранятся у меня, а потому считаю излишнимъ здѣсь вписывать оныя. Но представленіемъ сей записки я находилъ, что исполнилъ священную обязанность свою, изложивъ всѣ неудобства и бѣдствія, коимъ подвержены несчастные нижніе чины, на коихъ обрываются всѣ взысканія начальства, и мѣры, онымъ предпринимаемыя для избѣжанія отвѣтственности въ непомѣрныхъ требованіяхъ, наложенныхъ на войска службою. Наконецъ я коснулся самыхъ любимыхъ занятій Государя и предлагалъ умѣрить ихъ или отложить на нѣкоторое время, дабы дать время войску опериться, возстановить въономъ духъ, упадшій отъ непомѣрныхъ трудовъ и частыхъ перемѣнъ, дѣлаемыхъ въ арміи, и множества такихъ предметовъ, въ концѣ коихъ я излагалъ средства къ исправленію всего сего.

Возвратившись домой, я прочелъ отмѣтки, сдѣланныя Государемъ, и нашелъ, что онѣ совершенно ничего не заключали опредѣлительнаго и были сдѣланы какъ бы въ очистку полученной бумаги. Государь хотѣлъ заблуждаться на счетъ войскъ, и трудно бы увѣрить его въ про-

тивномъ, когда онъ самъ, видя войска, какъ бы искалъ утѣшить себя мнимыми совершенствами, упуская изъ вида то, что̀ составляло самое важное. Такъ напримѣръ, въ опроверженіе сказаннаго мною, Государь ставилъ въ примѣръ бодрость и силы 4-го корпуса, имъ въ Москвѣ видѣннаго нынѣ, тогда какъ корпусъ сей не въ состояніи двинуться, что̀ ему было говорено и мною, и корпуснымъ командиромъ княземъ Хилковымъ. Тѣ предметы, которыхъ онъ не опровергаетъ, помѣтилъ онъ какъ уже приведенные въ основаніи; а тамъ, гдѣ я коснулся уничтоженія резервныхъ батальоновъ, какъ одной изъ величайшихъ причинъ гибели войскъ, онъ помѣтилъ, что сіе *не подлежало сужденію моему.*

Кіевъ, 25 Октября.

Я не располагалъ болѣе возражать Государю на счетъ дѣла сего, въ коемъ не могло быть успѣха, потому что въ запискѣ моей противурѣчу всѣмъ склонностямъ и образу мыслей Государя; но не менѣе того замѣтилъ, что мысли мои его тронули и что онъ во многихъ отвѣтахъ своихъ, хотя и съ неудовольствіемъ писанныхъ, какъ будто оправдывалъ себя въ дѣйствіяхъ своихъ. Я надѣялся, что со временемъ онъ обратитъ вниманіе на улучшеніе состоянія солдата и настоящее образованіе арміи.

Въ сихъ мысляхъ однажды онъ меня призвалъ, и мы были наединѣ. Я ему сталъ говорить о запискѣ, сдѣланной мною по приказанію его на смотрахъ, о различныхъ измѣненіяхъ въ построеніяхъ; но едва я упомянулъ слова *записка* и *замѣчанія*, какъ онъ, принявъ сіе за ту *записку*, которую я ему въ Москвѣ представилъ и тѣ *замѣчанія*, которыя онъ на ней сдѣлалъ, прервалъ меня.—«Да, ты читалъ замѣчанія мои на твоей запискѣ?» Я воспользовался симъ случаемъ, дабы выговорить ему все, что̀ мнѣ оставалось сказать.—Я не о той запискѣ хотѣлъ докладывать вамъ, Государь; но если вамъ угодно знать мои мысли объ упоминаемой вами, то я видѣлъ изъ замѣчаній вашихъ неудовольствіе ваше на счетъ нѣкоторыхъ предметовъ, изложенныхъ въ оной. Обязаннымъ считаю себя доложить вамъ касательно уничтоженія резервныхъ батальоновъ, что никогда бы не рѣшился коснуться предмета сего, какъ не входящаго въ составъ арміи, и нѣсколько разъ собирался его вычеркнуть, но рѣшился, наконецъ, оставить по тому убѣжденію, которое я имѣю, что существованіе сихъ отдѣльныхъ батальоновъ есть одна изъ главнѣйшихъ причинъ разстройства самой арміи, и счелъ обязанностію своею не умолчать своего образа мыслей на сей счетъ.—«Я очень доволенъ, что ты сообщаешь мнѣ свой образъ мыслей откровенно, и я тоже сообщу тебѣ свой тѣмъ же образомъ. Я теперь сформировалъ полки въ четыре батальона для того, чтобы имѣть уже

въ полку значительную массу. Чтó ты о семъ думаешь?» —Государь, я никогда не постигалъ удобства и выгодъ сего новаго состава полковъ, но увѣренъ, что вы имѣли на сіе достаточныя причины. Если цѣлью вашею было то, чтобы полки болѣе сохранили свой полковой составъ, то нахожу, что симъ средствомъ вы не оградили войска отъ большихъ потерь; ибо симъ узаконяются ошибочныя и предосудительныя распоряженія полковыхъ камандировъ или высшихъ начальниковъ, губившихъ войска, коихъ поведеніе теперь признается и коимъ нынѣ дается вдвое больше людей на погубленіе, вмѣсто того, чтобы изслѣдовать причины убыли, происшедшей во ввѣренныхъ имъ частяхъ. При словахъ сихъ Государь нахмурился и сказалъ съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ: «Какъ! Потому что одинъ дуракъ губилъ два батальона, такъ онъ теперь будетъ четыре губить?» —Такъ, Ваше Величество; вамъ извѣстно, что люди не въ сраженьяхъ гибнутъ и не на переходахъ, а въ гошпиталяхъ, отъ недостатка хорошихъ распоряженій; сіе довольно ясно было доказано послѣдними двумя войнами въ Турціи и въ Польшѣ. Тутъ Государь сталъ по прежнему говорить и сказалъ: «Это правда, что люди гибнутъ въ гошпиталяхъ, а не въ сраженіяхъ; я самъ сему свидѣтель во время Турецкой войны. Виновники сему безъ сомнѣнія батальонные, полковые и дивизіонные начальники; но первый виновникъ я. Да, я самъ главный виновникъ сей ужасной гибели людей, ибо я былъ старшій. Я сознаюсь въ семъ».

Мнѣ ничего не оставалось говорить послѣ сего; но какъ разговоръ зашелъ о 4-мъ корпусѣ, который Государь выставлялъ какъ исправный корпусъ, вопреки мнѣнія моего о дурномъ состояніи арміи, то я сказалъ ему, что, напротивъ того, корпусъ безсильный и не можетъ двигаться.

Государю, можетъ быть, не случалось слышать такихъ объясненій, совершенно противныхъ его образу мыслей; но мнѣ необходимо было сіе: ибо я считалъ обязанностью мѣста, мною занимаемаго, выразить передъ Государемъ мысли мои о всемъ видѣнномъ мною по ближайшему служенію моему въ арміи столько лѣтъ.

Государь не опровергнулъ рѣчей моихъ; можетъ быть, онъ подумаетъ объ оныхъ въ послѣдствіи времени. Я и самъ бы остался доволенъ, если бы хотя со временемъ ходатайство мое имѣло успѣхъ. Но вслѣдъ за симъ онъ продолжалъ говорить мнѣ о резервной арміи своей и о запасной арміи; послѣдняя составлена изъ отпускныхъ, коими наводнили Россію и коихъ Государь въ ослѣпленіи полагаетъ 78000 уже имѣть въ готовности. Онъ, въ случаѣ надобности, не соберетъ ихъ прежде шести мѣсяцевъ болѣе 15000, нищихъ, оборванныхъ, въ рубищахъ, изнеможенныхъ. А между тѣмъ армія лишается лучшей

и послѣдней опоры своей, ибо, за отпусками 20-ти лѣтнихъ, останутся только рекруты и бродяги; люди же средняго возраста, 10-ти и 15-ти лѣтней службы, всѣ выбыли въ Турецкую и Польскую войны. Надобно сознаться, что правительство никогда не дѣлало такихъ постоянныхъ усилій, дабы уничтожить армію и поразить ее въ самомъ основаніи своемъ—ослабленіемъ духа и тѣлесныхъ силъ людей.

Кіевъ, 26 Октября.

Государь говорилъ мнѣ еще въ Москвѣ о желаніи его, дабы я осмотрѣлъ 6-й пѣхотный корпусъ. Нынѣ онъ въ разговорѣ мнѣ опять упомянулъ о семъ, говоря, что ему желательно имѣть о семъ корпусѣ такія же донесенія, какъ о 4-мъ и 5-мъ, которые я смотрѣлъ. Я отвѣчалъ, что 6-й корпусъ нынѣ не въ сборѣ.—«Какъ не въ сборѣ? Кажется, въ сборѣ».—16-я дивизія стояла въ Тульчинѣ лагеремъ и теперь разошлась уже; 17-я вся по крѣпостямъ содержитъ караулы въ Бессарабіи; а 18-я, собранная лагеремъ около Севастополя, нынѣ должна скоро разойтись.—«Да; однакоже мнѣ все-таки хотѣлось бы, чтобы корпусъ сей былъ осмотрѣнъ.»—Я готовъ ѣхать, Государь; но теперь нужно его собирать по-батальонно съ кантониръ-квартиръ; это займетъ у меня много времени; а я, не будучи давно въ Кіевѣ, встрѣчу тамъ теперь много накопившагося дѣла. Можно будетъ въ такомъ случаѣ генерала Голофѣева послать.—«Да, и въ самомъ дѣлѣ Голофѣева», сказалъ Государь. Дѣло сіе такъ и осталось.

Въ день выѣзда Государя, въ послѣднихъ числахъ Сентября, я былъ у него поутру и просилъ позволенія представить къ награжденіямъ различныхъ чиновниковъ главнаго штаба арміи, отличавшихся постояннымъ усердіемъ своимъ, и Государь мнѣ позволилъ сдѣлать сіе. Между тѣмъ я воспользовался симъ случаемъ, дабы испросить его вниманія къ представленію, которое будетъ сдѣлано о генералѣ Голофѣевѣ, больше всѣхъ трудившемся, на что́ и получилъ благосклонный отвѣтъ. Я по сему и сбирался изъ Кіева сдѣлать представленія сіи; но въ тотъ же самый день ввечеру, послѣ выѣзда уже Государя, я получилъ увѣдомленіе изъ канцеляріи Его Величества съ прописаніемъ всѣхъ награжденій, выданныхъ имъ за сей смотръ; въ числѣ оныхъ былъ помѣщенъ и Голофѣевъ, который получилъ Анну 1-й степени. Хотя всѣхъ наградили, но мнѣ ничего не было. Сіе могъ я приписать только непріятному вліянію, которое сдѣлало на Государя искреннее изложеніе моихъ мыслей о состояніи войскъ. Но я былъ доволенъ тѣмъ, что исполнилъ долгъ свой, объяснилъ Его Величеству предметы сіи, мнѣ болѣе другихъ извѣстные и о коихъ никто вѣроятно не дерзалъ говорить Государю съ такою откровенностію, и мнѣ было достаточно

13*

того уваженія, которое онъ показалъ къ желанію моему видѣть Голофѣева награжденнымъ. Не менѣе того случай сей доказалъ мнѣ, что съ правилами моими я не могъ оставаться въ милости, и я съ удовольствіемъ остался отличеннымъ передъ другими уваженіемъ, отданнымъ мнѣ Государемъ.

По отъѣздѣ Государя я пробылъ еще нѣсколько дней въ Орлѣ, дабы отдохнуть, ибо я былъ нездоровъ отъ полученной мною простуды, и 2-го Октября отправился въ путь съ семействомъ моимъ въ Кіевъ, куда и прибылъ 7-го числа. Время, проведенное мною въ дорогѣ, было изъ самыхъ пріятнѣйшихъ въ жизни моей: я былъ въ совершенной свободѣ, возвращался въ устроенный мною въ Кіевѣ домъ, гдѣ надѣялся уже жить независимо и, главное, у себя.

Кіевъ, 27 Октября.

Фельдмаршалъ принялъ меня съ дружбою по прежнему. Я разсказалъ ему все чтó видѣлъ и слышалъ во время поѣздки моей и о сношеніяхъ моихъ съ Государемъ. Я нашелъ его однакоже огорченнымъ слухами, распространенными Левашовымъ, по возвращеніи его изъ Петербурга, будто бы Государь желалъ, чтобы фельдмаршалъ оставилъ мѣсто свое, ибо онъ весьма стѣсняетъ его въ распоряженіяхъ по войскамъ.—«Я хочу служить до конца дней своихъ, говорилъ фельдмаршалъ; но если меня не хотятъ, то пущай мнѣ сіе объявятъ, а не распространяютъ о семъ слухи.» Обстоятельство сіе справедливо огорчило старика; онъ посылалъ даже на сей счетъ объясняться съ Левашовымъ, который послѣ того лично сказалъ фельдмаршалу, что Государь ему точно говорилъ сіе, но не поручалъ передать ему. Сіе поставило ихъ нѣкоторымъ образомъ въ дурныя сношенія между собою. И въ самомъ дѣлѣ, поведеніе Левашова не можно въ семъ случаѣ похвалить, и такой поступокъ всегда предосудителенъ.

Приступивъ на другой день по прибытіи сюда къ исправленію своей должности, я занялся также и домашнимъ устройствомъ, которое требовало большихъ заботъ; ибо надобно было заводить цѣлый домъ вновь, чтó мнѣ стоило болѣе 15,000 рублей.

Я приступилъ къ продолженію сихъ Записокъ, которыя, доведши до сего мѣста, пріостановлю нынѣ до какого либо замѣчательнаго событія; въ теченіе времени я располагаю вписывать въ оныя только предметы, заслуживающіе особеннаго вниманія.

Ноября 4-го, Кіевъ.

Помня изъявленное мнѣ Государемъ желаніе, дабы осмотрѣть 6-й корпусъ, я, по прибытіи сюда, писалъ къ командиру сего корпуса, генералу Красовскому, прося его прислать мнѣ маршруты на случай слѣдованія моего для смотра, безъ проставленія чиселъ, а съ тѣмъ

только, чтобы можно было видѣть, гдѣ ему удобнѣе будетъ собирать войска и какими частями. Между тѣмъ я на дняхъ доложилъ фельдмаршалу о приказаніи Государя осмотрѣть 6-й корпусъ; но фельдмаршалъ воспротивился сему и сказалъ, что онъ рѣшительно сего не хотѣлъ, что теперь не время производить смотры, что сборы оныхъ въ такое позднее время увеличатъ число больныхъ и что онъ никакъ не согласится на подобную мѣру. Когда я получилъ требованный отъ Красовскаго маршрутъ, то я ему вторично доложилъ о семъ, сказавъ, что я осмотрю 16-ю дивизію, расположенную въ окрестностяхъ Тульчина, что́ не займетъ много времени, между тѣмъ какъ 17-я и 18-я дивизіи, расположенныя въ Бессарабіи и Крыму, могутъ быть осмотрѣны генераломъ Голофѣевымъ. Но фельдмаршалъ не хотѣлъ слышать сего и приказалъ написать отношеніе военному министру, въ коемъ бы изложены были всѣ причины, по коимъ онъ не полагалъ сего смотра теперь возможнымъ, прося доложить о семъ Государю съ тѣмъ, чтобы смотръ сей отложенъ былъ до весны. Я представлялъ, сколько сіе будетъ непріятно и Государю, и что министръ представитъ о семъ въ превратномъ видѣ, дабы повредить мнѣ.—«Да дѣло ли я говорю?» спросилъ фельдмаршалъ.—Безъ сомнѣнія справедливо, отвѣчалъ я.—«Что́ Государь желаетъ: мучить войска, или пользу ихъ?»—Безъ сомнѣнія пользу.—«Такъ зачѣмъ я побоюсь представить Государю мнѣніе свое! Да и какой ты сдѣлаешь смотръ въ теперешнее время? Что́ ты увидишь? Можно ли будетъ сдѣлать основательное заключеніе объ оныхъ по сему смотру? Я знаю министра: онъ готовъ всякому, и въ особенности мнѣ, повредить; но сіе не будетъ служить мнѣ причиною къ сокрытію образа мыслей моихъ отъ Государя».—И какъ я настаивалъ все ѣхать, фельдмаршалъ сказалъ съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ: «Ну, если хочешь, то поѣзжай; я же знаю, что если я подпишу бумагу сію, то у меня ничего на совѣсти не останется». Слова сіи, съ благородствомъ произнесенныя старцемъ, коего я душевно уважалъ, уничтожили во мнѣ всякое колебаніе; я усмотрѣлъ, что мнѣ не слѣдовало жертвовать людьми для избѣжанія неудовольствія, и скорѣе подвергнуть себя оному, чѣмъ солдатъ всѣмъ трудностямъ, предстоящимъ отъ сборовъ въ нынѣшнее время года, и, не дѣлая болѣе никакихъ возраженій, я подложилъ бумагу фельдмаршалу, который подписалъ ее съ удовольствіемъ, сказавъ мнѣ, чтобы я успокоился, что онъ и меня не можетъ отпустить, ибо я ему нуженъ. И бумага сія отправлена къ министру.

Обстоятельство сіе можетъ мнѣ доставить большія неудовольствія; ибо Государь можетъ полагать, что я отклоняюсь отъ исполненія даннаго имъ мнѣ порученія, что̀ министръ вѣрно не упуститъ изъ виду

представить ему въ такомъ образѣ, дабы повредить мнѣ. Но кромѣ занятій по службѣ, препятствующихъ мнѣ на долгое время отлучаться за пустымъ и безполезнымъ дѣломъ, я слишкомъ дорожу обязанностями, совѣстью указываемыми, чтобы пожертвовать для своего собственнаго спокойствія и выгодъ по службѣ, можетъ быть, сотнями больныхъ, которые окажутся въ войскахъ послѣ сего смотра, и съ терпѣніемъ буду ожидать рѣшенія и отвѣта на представленіе фельдмаршала, основанное на самыхъ прямыхъ и благородныхъ правилахъ начальника, заботящаго о благосостояніи своихъ подчиненныхъ.

Кіевъ, Декабря 2-го.

Неудовольствія, возникшія между фельдмаршаломъ и Левашовымъ усиливались день ото дня, по неуваженію, которое онъ оказывалъ во многихъ случаяхъ князю, отказываясь отъ обѣдовъ, на которые его приглашали.

20-го числа Ноября неудовольствія сіи разразились въ самомъ непріятномъ видѣ. День сей, восшествія на престолъ, былъ у фельдмаршала званый обѣдъ, отъ коего Левашовъ отказался, сказавшись больнымъ, что̀ онъ уже въ четвертый разъ сряду дѣлаетъ; въ нынѣшній же фельдмаршалъ не вытерпѣлъ сего и, подозвавъ къ себѣ передъ обѣдомъ адъютанта своего Свенскаго, запретилъ ему громкими словами, при всѣхъ сказанными, когда либо приглашать Левашова къ обѣду.

Во время обѣда я сидѣлъ подлѣ него; онъ былъ задумчивъ и, обратясь ко мнѣ, сталъ говорить о Левашовѣ: «. . . . . отказываться отъ обѣда, и это въ четвертый уже разъ! Ну какъ такого человѣка оставить здѣсь военнымъ губернаторомъ! Забыться до такой степени передо мной! Гдѣ его заслуги? Я 69 лѣтъ служу вѣрно Государю; а онъ что́ дѣлаетъ, рубитъ деревья въ Кіевѣ, да дома ломаетъ, и что̀ онъ больше умѣетъ дѣлать? Пора его отсюда вонъ; онъ . . . . . не радѣетъ объ общемъ благѣ, не имѣетъ понятія о приличіи».

Потомъ, спустя нѣсколько времени, онъ продолжалъ: «Да знаешь ли, зачѣмъ онъ ко мнѣ не ѣздитъ? Онъ боится пріятеля своего министра, который меня не любитъ и который такой же . . . . . какъ и онъ; какъ бишь имя его? Какъ, какъ его имя?» говорилъ старикъ, возвышая голосъ. «Я не могу вспомнить его имени; напо́мните мнѣ имя его» (обратясь ко всемъ). Сидѣвшій противъ фельдмаршала генералъ Гербель, не подозрѣвая лица, на коего обращались сіи рѣчи, желая подслужиться и не вслушавшись порядочно, принялъ слово министръ за директора и, думая, что дѣло идетъ о какомъ либо происшествіи учебнаго округа, назвалъ директора Брадке. «Какой Брадке?»

возразилъ фельдмаршалъ въ горячности. «Вы всѣ боитесь его и не смѣете мнѣ назвать его!» Потомъ, обратясь къ Карпову: «А ты дрожишь, если только имя его произнести при тебѣ!» И, вспомнивъ имя военнаго министра, закричалъ, махая рукою и повторяя нѣсколько разъ такъ, чтобы всѣ слышали: «Слышишь—Чернышова, Чернышова, Чернышова! . . . . . Хороши будутъ дѣла въ государствѣ, когда такому . . . человѣку. . . . безъ заслугъ ввѣряется управленіе министерства столь важнаго». И, вышедши отъ обѣда, онъ опять говорилъ тоже.

Я старался успокоить его, говоря, что обстоятельство сіе не должно было его столько огорчать и что поступки Левашова онъ бы долженъ безъ вниманія оставить; но дѣло сіе его слишкомъ тронуло: онъ часто во снѣ видитъ Левашова приходящаго къ нему съ предложеніями оставить мѣсто его, и всякій разъ, какъ онъ о семъ говоритъ, онъ остается скучнымъ на цѣлый день. На дняхъ еще говорилъ онъ Карпову: «Хоть бы смерть меня скорѣе настигла; я мѣшаю имъ, меня не хотятъ имѣть». Слова сіи трогательны, и не слѣдовало бы огорчать и оскорблять заслуженнаго и почтеннаго старца, коего заслуги и достоинства не умѣютъ цѣнить: ибо, при всей дряхлости его, нѣтъ сомнѣнія, что онъ въ дарованіяхъ и правилахъ своихъ далеко превосходитъ всѣхъ первѣйшихъ людей въ государствѣ; опытность же его является еще во всей силѣ своей въ тѣ часы дня, когда онъ сохраняетъ все присутствіе умственныхъ силъ своихъ.

Кіевъ, Декабря 3-го.

Сегодня Левашовъ былъ у фельдмаршала. Я взошелъ къ нему послѣ ухода Левашова. Старикъ былъ задумчивъ. Онъ сказалъ мнѣ, что Левашовъ у него будетъ обѣдать 6-го числа, въ имянины Государя, и говорилъ съ жалобою о прежнемъ поведеніи его. «Я не люблю браниться, сказалъ онъ; зачѣмъ онъ забывается? Я его не оскорблялъ никогда; я знаю: меня старика хотятъ удалить отсюда для того, что ему хочется здѣсь быть старшимъ». Но фельдмаршалъ былъ уже гораздо покойнѣе. Причины же неудовольствія его на военнаго министра, какъ мнѣ говорилъ Карповъ, заключаются въ томъ, что когда онъ былъ съ корпусомъ во Франціи въ 1815-мъ году и Чернышовъ, занявъ безъ всякаго со стороны непріятеля сопротивленія, городъ Шалонъ, сдѣлалъ донесеніе Государю, коимъ онъ увѣдомлялъ, что взялъ Шалонъ приступомъ (который онъ, кажется, сравнивалъ даже съ приступомъ Сарагоссы), то Сакенъ, на спросъ покойнаго Государя о семъ завоеваніи, объяснилъ дѣло и объявилъ, что никогда никакого приступа не было и что городъ сдался дружелюбно. Чернышовъ тогда впалъ въ немилость, и съ тѣхъ поръ онъ, получивъ мѣсто военнаго министра, не переставалъ уже всячески вредить фельдмаршалу.

Кіевъ, 11-го Декабря.

Третьяго дня фельдмаршалъ заболѣлъ желудкомъ, и такъ какъ въ лѣтахъ его всякія болѣзни опасны, то я по совѣщаніи съ лѣкаремъ отложилъ выѣздъ свой на смотръ 16-й дивизіи, куда я долженъ былъ отправиться вслѣдствіе увѣдомленія, полученнаго отъ военнаго министра, что Государь, по докладѣ ему отношенія фельдмаршала, коимъ испрашивалось отмѣненіе въ нынѣшнемъ году по позднему уже времени смотра 6-го пѣхотнаго корпуса, приказалъ сдѣлать смотры сіи только по мѣстамъ расположенія войскъ въ квартирахъ ихъ.

Фельдмаршалъ былъ очень грустенъ и приписывалъ болѣзнь свою полученнымъ имъ отъ Левашова огорченіямъ, относя оныя въ мысляхъ, какъ видно было, къ военному министру.—«Что я имъ сдѣлалъ, говорилъ, что они меня свергнуть хотятъ? Нѣтъ, я уже не поправлюсь съ этого. Да пора бы и умереть, чтобы ихъ избавить отъ меня». Рѣчи его исполнены были грусти. Онъ просилъ меня отложить на нѣсколько дней еще поѣздку мою до облегченія его; вообще говорилъ много и случайно распространился въ разговорѣ своемъ на счетъ дочери своей Захаровой, которую называлъ кокеткою . . . . ., и вообще вещи такой откровенности, что нельзя было отъ него ожидать.

10-го я засталъ фельдмаршала въ постели; но онъ былъ довольно веселъ, хотя и страдалъ еще.

11-го онъ уже принималъ докладъ; а 12-го числа я выѣхалъ изъ Кіева для осмотра бывшей 24-й дивизіи, моей, нынѣ 16-й пѣхотной.

Кіевъ, 23-го Декабря.

Я выѣхалъ изъ Кіева 12-го числа и на первой станціи встрѣтился съ какою-то графинею Филиппи, ѣхавшею изъ Италіи въ Кіевъ. По свиданіи на другой день утромъ съ Волынскимъ губернаторомъ Корсаковымъ, я узналъ отъ него, что она ѣхала въ Кіевъ для сочетанія бракомъ съ Ростопчинымъ [1]), по давнишнему условію, между ними сдѣланному. Женщина сія казалась весьма странною: она была высокаго роста, лѣтъ подъ сорокъ, весьма дурно одѣта, не имѣла при себѣ ни одной служанки, но экипажъ отлично хорошій. Она должна быть по видимому въ числѣ aventurières [2]) и охотно, какъ мнѣ говорилъ Корсаковъ, разсказываетъ свои происшествія.

13-го числа до разсвѣта я видѣлся съ Корсаковымъ и, продолжая далѣе путь черезъ Бердичевъ, прибылъ на ночлегъ въ мѣстечко Ново-Константиновъ, гдѣ начинался смотръ мой.

---

[1]) Графомъ Сергіемъ Ѳедоровичемъ, старшимъ сыномъ знаменитаго графа Ѳедора Васильевича, не оставившимъ потомства этого имени. П. Б.

[2]) Проходимокъ.

14-го, осматривая Виленскій егерскій полкъ, я прибылъ въ Меджибожъ, штабъ-квартиру полка сего, и въ тотъ же день въ Винницу, гдѣ находился Литовскій егерскій полкъ.

15-го я, проѣхавъ Немировъ и Брацлавъ, пріѣхалъ ночевать въ мѣстечко Тульчинъ, гдѣ меня помѣстили во дворцѣ Потоцкихъ; тутъ была и дивизіонная квартира. Начальникъ дивизіи генералъ-маіоръ Маевскій, встрѣтившій меня въ Брацлавлѣ, самъ тутъ находился.

16-го я проѣхалъ въ Бершадь, гдѣ находился Брестскій полкъ, коимъ командуетъ Сергѣй Николаевичъ Ермоловъ *). Я съ особеннымъ удовольствіемъ обнялъ сего стараго сослуживца и пріятеля моего. Въ Бершадѣ меня помѣстили на квартиру къ помѣщику Юрьевичу, по просьбѣ его. Дѣло сіе слѣдующаго рода. Графъ Мошинскій прежде владѣлъ помѣстьемъ симъ, состоящимъ изъ 7,000 душъ, съ женою своею. Онъ былъ замѣшанъ въ дѣлахъ Польскаго мятежа и сосланъ въ Сибирь; нынѣ же, по ходатайству брата Александра, черезъ Левашова, возвращенъ въ Черниговъ на жительство, куда пріѣхала къ нему и 15-ти лѣтняя дочь его. Но во время его ссылки жена его вышла замужъ за гусарскаго ротмистра Юрьевича, въ коего она влюбилась и который, вышедши въ отставку, живетъ нынѣ съ нею въ имѣніи семъ. Ихъ было не хотѣли вѣнчать; но они выписали изъ Галиціи католическаго священника, коему заплатили 20,000 рублей или злотыхъ и сочетались, а потому кажется и бракъ ихъ не признается родными и дворянствомъ той губерніи законнымъ, и требуютъ, дабы имѣніе было отдано дочери въ той части, какъ сіе слѣдовать будетъ. Юрьевичъ и Мошинская нынѣ были въ Петербургѣ и старались поправить дѣло сіе, говоря, что къ нимъ пристаютъ потому только, что онъ, будучи родомъ изъ Бѣлоруссіи, служилъ въ Русской службѣ; но Бенкендорфъ отказалъ ему въ участіи, и онъ хотѣлъ меня по сему дѣлу просить, а потому и изготовилъ къ пріѣзду моему лучшіе покои свои, убравъ ихъ самымъ богатымъ образомъ. Но я не принялъ сего угощенія и, занявъ небольшія простыя комнаты, переночевалъ въ нихъ и мало съ нимъ видѣлся. Не менѣе того я долженъ былъ изъ вѣжливости провести съ часъ у Мошинской. Женщина сія имѣетъ воспитаніе, но извѣстна по простотѣ своей, коей приписываютъ и поступокъ ея—измѣну мужу, который, какъ говорятъ, обходился съ ней слишкомъ равнодушно. Она недурна собою, но чрезмѣрно тучна и носитъ очки. Разговоръ ея не имѣетъ ничего блистательнаго и довольно обыкновененъ. Юрьевичъ имѣетъ за 30 лѣтъ и недуренъ собою, но не представляетъ ни въ пріемахъ, ни въ разговорахъ своихъ ничего возвышеннаго. Онъ, какъ говорятъ, совершенно владѣетъ женою сво-

*) Двоюродный братъ А. П. Ермолова, отецъ нынѣшняго министра. П. Б.

ею, и при въѣздѣ въ деревню ихъ виситъ узорчатая надпись—вывѣска на воротахъ съ означеніемъ, что имѣніе сіе принадлежитъ братьямъ Юрьевичамъ. Сколько мнѣ ни хотѣлось избѣжать свиданія съ сею женщиною, но я только могъ избѣжать просьбы мужа ея. Мнѣ противно было видѣть женщину, столь нагло поступившую съ мужемъ своимъ и дочерью. Наши Русскія жены иначе поступали въ бѣдственный годъ изгнанія мужей ихъ: онѣ послѣдовали за ними и, раздѣливши участь ихъ, сдѣлались и жертвами преданности своей мужьямъ. Иное было поведеніе Полекъ: ни одна не послѣдовала за мужемъ своимъ; иныя за другихъ замужъ вышли, а всѣ почти ограничили дѣйствія свои однимъ ношеніемъ траура, который долѣе носили тѣ, коимъ онъ къ къ лицу шелъ.

17-го я выѣхалъ изъ Бершади, а 19-го пріѣхалъ сюда и принялся по прежнему за занятія свои.

Во время смотра сего мнѣ пріятно было видѣть, что меня не забыли прежніе сослуживцы мои, которые увидѣли меня съ удовольствіемъ, чему, можетъ быть, отчасти было причиною и то грубое, непріятное обхожденіе, которое имѣетъ съ офицерами начальникъ дивизіи Маевскій, извѣстный безчестными правилами своими и сумасбродными поступками при полномъ невѣжествѣ въ дѣлѣ своемъ.

Мнѣ жаль было, что я не могъ отдать преимущества полку Ермолова; но я долженъ быть безпристрастнымъ судьею: полкъ его сталъ по усовершенствованію своему третьимъ въ дивизіи. Но сіе не попрепятствовало дружбѣ нашей и близкимъ по прежнему сношеніямъ.

Кіевъ, 24-го Декабря.

Сергѣй Николаевичъ въ управленіи полка своего дѣйствуетъ также, какъ и во всѣхъ случаяхъ жизни, до него собственно касающихся: онъ вселитъ высокій и благородный духъ въ подчиненныхъ своихъ, но никогда не поставитъ ихъ на ту степень совершенства въ образованіи, какую нынѣ желаютъ видѣть въ войскахъ. Сомнѣваюсь даже, чтобы полкъ его и по хозяйственной части состоялъ въ хорошемъ видѣ, ибо Сергѣй Николаевичъ никогда не славился порядкомъ.

На обратномъ пути, когда я остановился для перемѣны лошадей на станціи Плесковецкой (чтó въ одномъ переѣздѣ, не доѣзжая Сквиры), станціонный смотритель сказалъ мнѣ, что въ ямской избѣ лежитъ молодая женщина, которая, провожавши на дняхъ мужа своего въ Сквиру, гдѣ его отдали въ рекруты, получивъ квитанцію, на обратномъ пути въ деревню свою, родила на сей станціи мальчика и по бѣдности своей проситъ пособія. Давъ ей оное, я навѣстилъ женщину сію съ младенцемъ и, назвавшись крестнымъ отцемъ, далъ ему имя

Николая, свой крестикъ съ себя и видъ, по коему его можно было окрестить моимъ именемъ, когда мать его прибудетъ съ нимъ въ деревню. Видъ сей слѣдующаго содержанія: «Воспріемникомъ младенца Николая, сына солдатки Ксеніи, Липовецкаго уѣзда, селенія Свинарной, помѣщика Яловецкаго, названъ я, нижеподписавшійся. Декабря 18-го дня».

По прибытіи же моемъ сюда, я получилъ по эстафетѣ письмо отъ нѣкоего Якубовскаго, коимъ онъ увѣдомляетъ меня, что по отзыву моему къ нему (коего я впрочемъ не писалъ) онъ поспѣшилъ исполнить оный окрещеніемъ младенца сего, который съ матерью своею будутъ имѣть пристанище и все нужное въ имѣніи его.

Кіевъ, 26-го Декабря.

На дняхъ получилъ фельдмаршалъ книгу, вновь изданную генераломъ Данилевскимъ «Описаніе похода 1813-го года». Отдавая ее мнѣ на прочтеніе, онъ сказалъ съ огорченнымъ видомъ, ... что онъ не названъ въ числѣ дѣйствующихъ лицъ въ семъ походѣ и что сіе будто сдѣлано ему на зло, какъ и самая книга прислана съ такимъ же дурнымъ умысломъ. Я старался сколько можно болѣе успокоить его и отвратить отъ сей мысли; но онъ былъ неугомоненъ. . . . . . «Да чѣмъ онъ командовалъ и въ прошедшую войну? Какимъ-то партизанскимъ отрядомъ, а его не забыли въ сей книгѣ. Какое это сочиненіе? Лесть, одна лесть! Это гадко, ни на что́ не похоже. Какъ забыть мои заслуги!»

Видя, что его нельзя было успокоить, я обратилъ разговоръ на счетъ собственныхъ его Записокъ и спросилъ его, почему онъ ихъ не издаетъ? «Да, сказалъ онъ, я имѣлъ Записки съ 1799 года, но никогда не располагалъ издавать ихъ».—Дайте мнѣ ихъ посмотрѣть.—«Хорошо, сказалъ онъ, подумавши; я ихъ тебѣ отдамъ, только никому не показывай». Я ему обѣщалъ сіе; но послѣ онъ позволилъ мнѣ и списать, перевести съ Нѣмецкаго и оставить у себя съ оныхъ копію.

На другой день послѣ сего фельдмаршалъ отдалъ мнѣ письмо, полученное имъ отъ Данилевскаго, коимъ онъ извиняется предъ нимъ, что не назвалъ его въ книгѣ своей, потому что описывалъ только дѣйствія главной арміи и мало упоминалъ о движеніяхъ другихъ корпусовъ; что впрочемъ, желая по приказанію Государя, благосклонно принявшаго книгу его, издать и походъ 1814 года, онъ, въ намѣреніи описать Бріенскаго героя (фельдмаршала), проситъ его о доставленіи къ нему Записокъ своихъ. Фельдмаршалъ безъ сомнѣнія не пошлетъ къ нему своихъ Записокъ, ибо онъ, повидимому, давно уже не расположенъ въ пользу Данилевскаго, котораго онъ очень не любитъ; но при

этомъ нельзя было безъ сожалѣнія слышать слова, сказанныя имъ съ глубокимъ вздохомъ:—«Ну что они меня старика не хотятъ въ покоѣ оставить? Это, право, нехорошо! Какъ можно такія вещи дѣлать!» И фельдмаршалъ все остается въ увѣреніи, что книгу сію послали ему въ укоризну, не взирая на всѣ убѣжденія мои не принимать обстоятельства сего въ такомъ видѣ и отнести оное скорѣе къ необдуманности писавшихъ книгу сію.

Кіевъ, 29-го Декабря.

Несогласія между военными и гражданскими чиновниками, здѣсь давно существующія, въ. послѣднее время, кажется, возобновились съ новою силою и, къ сожалѣнію, кажется, подстрекаемы дѣйствіями Левашова, какъ бы въ отмщеніе за произнесенныя, какъ выше сказано, однажды слова фельдмаршаломъ на счетъ его.

Дежурный генералъ Карповъ сталъ заводить благородное собраніе, къ коему онъ пригласилъ въ члены военныхъ, по условію съ уѣзднымъ предводителемъ дворянства Понятовскимъ; члены должны были собраться въ назначенный день въ домѣ собранія для избранія директоровъ. Понятовскій опоздалъ нѣсколькими часами и, наконецъ, пріѣхалъ въ сюртукѣ, какъ и нѣкоторые другіе гражданскіе чиновники. Когда же Карповъ замѣтилъ ему сіе дружескимъ по старому знакомству образомъ, то онъ отозвался неимѣніемъ времени. Когда же Понятовскій показалъ списокъ набранныхъ имъ членовъ съ гражданской стороны (коихъ было только 14), то Карповъ тѣмъ же шуточнымъ образомъ сказалъ ему, что это очень мало и что такъ дѣла дѣлать называлось по-русски—лапти плести. Понятовскій въ отвѣтъ на сіе спросилъ его тѣмъ же выраженіемъ: сколько онъ наплелъ лаптей? И тогда Карповъ показалъ ему списокъ 70-ти членовъ, набранныхъ имъ между военными. Симъ и кончилось; назначили директоровъ и разошлись. Но черезъ четыре дня послѣ сего Карповъ былъ вызванъ Понятовскимъ на поединокъ. Карповъ не принялъ сего и объявилъ о семъ черезъ полицеймейстера графу Левашову. Съ тѣхъ поръ Понятовскій, называвшій все дворянство обиженнымъ въ лицѣ его, не возобновлялъ болѣе сего дѣла; но по замѣчаніямъ, сдѣланнымъ Карповымъ, можно полагать, что къ сему подстрекалъ Понятовскаго самъ Левашовъ: ибо онъ, выходя отъ него, вызывалъ уже Карпова.

Не менѣе того замѣтно участіе Левашова и въ другомъ дѣлѣ подобнаго же рода, случившемся въ собраніи 6-го числа Декабря, при открытіи онаго. Ввечеру, когда уже почти всѣ дамы разъѣхались, но оставалось еще много членовъ и всѣ почти директоры, два чиновника изъ служащихъ при Левашовѣ, Могилянскій, извѣстный по наглой дер-

зости своей и другой, изъ Поляковъ, Любомирскій, вошли въ собраніе въ сюртукахъ съ хлыстиками и, расхаживая по комнатѣ, въ насмѣшливыхъ выраженіяхъ отзывались на счетъ увеселеній собравшихся. Они вскорѣ вышли ненаказанно; но директоръ генералъ Глинка поѣхалъ немедленно къ Левашову и, объяснивъ ему происшедшее, просилъ наказать нарушителей спокойствія. Левашовъ сперва принялъ дѣло какъ должно, но послѣ перемѣнилъ, повидимому, мнѣніе свое; ибо онъ ограничился однимъ словеснымъ выговоромъ виновнымъ, о чемъ и увѣдомилъ Глинку. Такое обхожденіе и неумѣренная или умышленная снисходительность Левашова подали поводъ къ новымъ безпорядкамъ; ибо въ слѣдующее собраніе Могилянскій опять пришелъ и, не снимая шляпы, разговаривалъ съ Глинкою, который его у дверей, спросилъ: «чего онъ хочетъ?» и сталъ объясняться съ нимъ. Дѣло не кончилось бы хорошо для Могилянскаго, еслибы князь Кудашевъ, директоръ со стороны гражданскихъ, не взялъ его за руку и не ввелъ бы въ собраніе. Тогда всѣ дамы перестали танцовать, и собраніе вскорѣ разъѣхалось. Левашову Глинка вторично принесъ жалобу на сей поступокъ Могилянскаго; но, вмѣсто строгаго наказанія виноватыхъ, онъ послалъ Могилянскаго извиняться передъ Глинкою, чего Глинка не принялъ, не принимая на себя обиды, нанесенной всему обществу.

Таковыя потворства со стороны Левашова явно обнаруживаютъ недоброжелательство его и средства, употребляемыя имъ для оскорбленія фельдмаршала въ лицѣ служащихъ при немъ.

Какъ посторонній человѣкъ собранію, въ коемъ я записался членомъ по просьбѣ Карпова съ тѣмъ, чтобы въ оное не ѣздить, и по совершенному неуваженію, которое я имѣю къ большей части членовъ онаго, я не вступался въ дѣла сіи, доходившія ко мнѣ сторонними путями, тѣмъ болѣе, что они были основаны на личностяхъ. Но когда мнѣ о семъ на дняхъ сказалъ Глинка, спрашивая совѣта моего, какъ поступить съ Могилянскимъ, коего хотѣли выключить изъ числа членовъ, то, знавши стороною уже о намѣреніи Могилянскаго извиниться, я предложилъ ему дать знать черезъ другихъ о семъ намѣреніи общества Могилянскому и предложить ему испрошеніе прощенія въ присутствіи всѣхъ директоровъ. Не знаю, чѣмъ сіе кончилось; но фельдмаршалъ сегодня говорилъ мнѣ о семъ и о происшествіи Карпова, обвиняя Левашова въ козняхъ, при чемъ онъ опять повторилъ всѣ неудовольствія свои на него. «Государь, говорилъ онъ, можетъ мнѣ приказать оставить мѣсто мое, и я никогда не буду противорѣчить его желаніямъ; но Левашовъ не долженъ разглашать такихъ вздоровъ; это гадко». Все сіе очень огорчаетъ старика.

Кіевъ, 30 Декабря.

28-го числа пріѣхалъ ко мнѣ князь Бебутовъ, проходящій изъ Грузіи съ мусульманскимъ полкомъ; я его оставилъ на квартирѣ у себя, и сегодня въ ночь онъ долженъ далѣе отправиться съ полкомъ въ Варшаву, куда сей полкъ вытребованъ по представленію Паскевича. Мѣра сія неумѣстная и исполненіе неудачное. Люди сіи набраны безъ всякаго разбора лѣтъ, безъ вниманія къ обычаямъ ихъ, ведутся въ дальній путь и очень недовольны, терпя отъ холода и непривычки къ здѣшнимъ мѣстамъ, кои они совсѣмъ не полагали столь отдаленными. Наконецъ, нововведеніе сіе, не имѣющее никакого основанія, обременитъ только казну большими расходами, безъ всякой пользы; ибо полкъ сей по составу своему удержаться не можетъ въ своемъ видѣ.

Съ симъ полкомъ прибылъ сюда и Татаринъ маіоръ Гассанъ-ага, который со мною служилъ въ Турецкую войну, человѣкъ хорошій и мнѣ преданный. Но всѣ они очень недовольны нынѣшнимъ назначеніемъ своимъ.

Кіевъ, 5-го Генваря.

Въ дополненіе къ помѣщеннымъ здѣсь извѣстіямъ о дѣлѣ Карпова съ Понятовскимъ дознано мною еще слѣдующее. Левашовъ, подстрекавшій, повидимому, Понятовскаго, довелъ его до того, что когда Карповъ послалъ Понятовскому отказъ въ принятіи поединка отъ него, то Понятовскій въ присутствіи нѣкоторыхъ дворянъ Кіевской губерніи объявилъ, что по таковой обидѣ, падающей на все сословіе дворянъ, онъ не можетъ болѣе на себѣ носить званіе предводителя дворянства, и послалъ по тремъ уѣздамъ циркуляры съ приглашеніемъ, дабы всѣ дворяне подали на высочайшее имя прошеніе и, какъ говорятъ, съ предложеніемъ отмстить Карпову по собраніи всѣхъ дворянъ во время контрактовъ. Левашовъ, узнавши о семъ, пришелъ въ опасеніе отъ послѣдствій сего и, позвавъ къ себѣ Понятовскаго, запретилъ ему продолжать искъ сей на Карпова, чѣмъ и дѣло сіе на время остановилось, но, повидимому, не развязалось: ибо подобнаго рода дѣла обыкновенно возобновляются и имѣютъ дурной исходъ, въ чемъ совершенно будетъ виноватъ Левашовъ.

На дняхъ фельдмаршалъ отдалъ мнѣ Записки свои. Адъютантъ мой Лауницъ переписываетъ ихъ для меня, и прочтенное мною сегодня описаніе Цюрихскаго сраженія весьма занимательно. Въ нихъ видны умъ, достоинство и высокія качества души человѣка сего, и при всей старости своей сохранившаго еще тѣ качества, которыя его всегда отличали.

ПИСЬМА БРАТЬЕВЪ КИРѢЕВСКИХЪ.

Эти письма приснопамятныхъ братьевъ Ивана и Петра Васильевичей Кирѣевскихъ писаны почти всѣ изъ заграничнаго путешествія (1829 — 1830) къ матери ихъ Авдотьѣ Петровнѣ и ея второму супругу Алексѣю Андрѣевичу Елагинымъ. За сообщеніе ихъ въ „Русскій Архивъ" обязаны мы благодарностью племянницѣ ихъ, Марьѣ Васильевнѣ Бейеръ (урожденной Елагиной). П. Б.

1.

Петръ Васильевичъ.

15 Мая, Долбино.

Милая маменька!

Ваше послѣднее письмо меня въ тупикъ поставило или огорошило, какъ говоритъ Уткинъ. Я не знаю, какъ согласить противорѣчія. Передъ отъѣздомъ нашимъ сюда, я у васъ спросилъ: отпустите ли вы меня? и вы мнѣ отвѣчали, что ваше благословеніе всегда со мною, куда бы я ни пошелъ; сказали даже, что военная служба мнѣ во многихъ отношеніяхъ будетъ полезна; но что, разумѣется, я долженъ получить еще согласіе папиньки, на что́ я и отвѣчалъ вамъ, что я безъ его согласія не ступлю ни шагу, что въ этомъ и сомнѣваться нечего; что ваше общее благословеніе для меня всегда необходимо. Этого разговора я, разумѣется, не могъ еще считать за формальное благословеніе и отпущеніе; но онъ давалъ мнѣ твердую надежду. Братъ, говоря о моемъ предпріятіи, называлъ его необдуманнымъ потому только, что думалъ, что я не уживусь съ начальниками; это противорѣчіе я хотѣлъ опровергнуть фактомъ. Слѣдовательно, мнѣ оставалось только, думалъ я, убѣдить папиньку; и въ этомъ я былъ увѣренъ. Судите же сами, какъ неожиданно и тяжело мнѣ было узнать, что мое предпріятіе васъ огорчаетъ, что вы никогда меня служить не благословляли! Что я не хотѣлъ васъ огорчать, вы знаете. Но что же можетъ васъ огорчить? Если вы согласились, что военная служба не только не будетъ вредна моему образованію, но будетъ ему полезна, то я не понимаю, чѣмъ она можетъ быть для васъ непріятна. Вы сами сказали, что опасности, съ ней соединенныя, васъ не пугаютъ, что часъ моей смерти записанъ въ книгѣ судебъ. Слѣдовательно, съ этой стороны ничто васъ огорчать

не должно. Тотъ человѣкъ никогда ничего не сдѣлаетъ, у котораго и малѣйшія опасности будутъ входить въ разсчетъ при дѣйствіяхъ; жизнь не должно вѣсить на вѣсахъ аптекарскихъ. Къ тому же я не избиралъ своимъ всегдашнимъ поприщемъ военное; а считаю его нужнымъ и полезнымъ для моего гражданскаго образованія. Короткое время разлуки васъ также огорчать не должно; оно для меня тяжелѣ. Что же касается до моихъ способностей, о которыхъ вы говорите, то я въ этомъ отношеніи не хочу себя обманывать пріятными мечтами; единственное достоинство, которое я въ себѣ цѣню, есть любовь къ хорошему и желаніе бо́льшихъ силъ для достиженія цѣли.

Вы говорите, что мое предпріятіе васъ огорчаетъ, и не говорите причинъ. Не знаю, почему вы говорите, что я *tête baissée вдаюсь въ очевидную и безполезную пагубу*. Во первыхъ, я пускаюсь на это дѣло не съ бухты-барахты, а думалъ объ немъ; во вторыхъ, почему же эта пагуба очевидна? А безполезна она быть не можетъ, если даже будетъ полезна одному моему образованію.

Мое письмо было бы безконечно; но папинька говоритъ, что пора посланному ѣхать въ Бѣлевъ. И такъ я на этотъ разъ долженъ кончить. Вашъ покорный сынъ П.

Обнимаю брата. Извините меня, сдѣлайте милость передъ Машей; къ ней я буду писать на слѣдующей почтѣ; къ Васѣ также.

Еще надобно прибавить NB. о Нью-Іоркѣ. Я не могу приняться за переводъ двутомной книги, покуда не знаю, чѣмъ кончится дѣло, которое теперь разсматривается въ вашемъ государственномъ совѣтѣ.

2.

Иванъ Васильевичъ къ А. А. Елагину.

21 Августа.

Вчера писалъ я къ вамъ въ маминькиномъ письмѣ, милый папинька, теперь пишу особенно, потому что имѣю къ вамъ особенную важную просьбу. То, объ чемъ я хочу просить васъ, не минутный капризъ воображенія, но вещь обдуманная и зрѣлая, которая, по твердому моему убѣжденію, необходима для моего счастія, для моей образованности, и пр. и пр. Эта вещь—*чужіе краи*. Отпустите ли вы меня? Денегъ я много не истрачу, разъѣзжать изъ города въ городъ не буду, но стану жить на одномъ мѣстѣ и надѣюсь употребить на себя не больше того, что́ здѣсь на меня выходитъ. Это возможно, потому что цѣль моя—не *смотрѣть*, а *учиться*. Вотъ разсчетъ, который я сдѣлалъ въ умѣ. Вѣроятно здѣсь тратится на меня, считая верховую лошадь,

театры, балы и пр. и пр. около 4000. Въ четыре года, которые я думаю пробыть внѣ отечества, это составитъ 16000. Вся разница будетъ въ томъ, что я попрошу васъ выдать мнѣ въ первый годъ вдругъ 7 т., а въ остальные три, въ каждый по 3, чтó въ сложности составитъ также 16 т. Изъ 7-ми, полученныхъ мною при отъѣздѣ, я употреблю здѣсь 4, на дорогу 1, и на прожитье въ какомъ нибудь Нѣмецкомъ городѣ 2 т., а можетъ быть и меньше. Во второй годъ я употреблю также 2 т., потому что проведу его также въ Германіи безъ разъѣздовъ. Такимъ образомъ тысяча рублей остается у меня въ экономіи. На третій годъ я поѣду въ Парижъ и употреблю 3 т. Это не только возможно, но еще очень легко; А. Хомяковъ употребилъ на прожитье годá въ Парижѣ менѣе двухъ тысячъ. Я буду жить еще ограниченнѣе, кромѣ университета и профессоровъ не буду видѣть никого и ничего; если будетъ нужно, то я могу отказаться и отъ трубки, не говоря уже о кофе и пр. На четвертый годъ останется у меня отъ экономіи, сдѣланной во второй годъ, лишняя тысяча рублей, и слѣдовательно вмѣсто трехъ—четыре. Изъ нихъ я употреблю три на путешествіе пѣшкомъ по Швейцаріи и Сѣверной Италіи, а съ остальною тысячею возвращусь въ Россію.

Если вы утвердите мой планъ, то изъ него два пункта должны остаться тайными, особенно отъ маминьки: 1) То, что я употреблю здѣсь 4 т. и за границей буду тратить не больше трехъ ежегодно. Если маминька это узнаетъ, то она будетъ думать, что мнѣ мало и пр. и пр. Если можно, то пусть она считаетъ, что я трачу въ годъ 5, 6 тысячъ. 2) Кромѣ васъ никто не долженъ знать, что я намѣренъ остаться за границею не менѣе 4-хъ лѣтъ. Вы знаете, какъ бы такая разлука была тяжела для маминьки, если бы она могла ее предвидѣть вдругъ, между тѣмъ какъ мало по малу она привыкнетъ жить безъ меня и каждый годъ будетъ ждать меня на слѣдующій.

Если вы любите меня, то согласитесь на мою просьбу. Впрочемъ если вы имѣете какія нибудь причины противъ нея и не захотите отпустить меня, то прошу васъ сказать мнѣ просто: останься, и я останусь, не смотря ни на что. Во всякомъ случаѣ прошу васъ отвѣчать мнѣ рѣшительно. Не забудьте однако, что маминька прочтетъ вашъ отвѣтъ, а потому не говорите въ немъ о двухъ тайныхъ пунктахъ.

Если вычтенная мною сумма на прожитье за границей покажется вамъ велика или можетъ сдѣлаетъ вамъ разстройку, то я могу ограничиться меньшею, т. е. на прожитье за границею, а не на единовременное употребленіе здѣсь. Ибо 4 т., о которыхъ я говорилъ для

оставленія здѣсь, есть самое меньшее, что́ я могу употребить, и я *долженъ непремѣнно* употребить ихъ во всякомъ случаѣ, останусь или поѣду.

Надѣюсь на первой почтѣ получить вашъ отвѣтъ; надѣюсь также, что вы не сомнѣваетесь въ томъ, что, каковымъ бы онъ ни былъ, его приметъ съ уваженіемъ и послушаніемъ сынъ вашъ Иванъ.

21-е Августа 1828 года.

3.

Петръ Васильевичъ.

Бреславль, 10/22 Августа (1829) Суббота.

Вотъ уже ровно недѣля, какъ я пребываю въ Бреславлѣ; меня задержали продажа брички, матрасовъ, подушекъ, ковровъ и прочихъ бричешныхъ балластовъ. Наконецъ я продалъ здѣсь всѣ эти камни преткновенія и получилъ за все вмѣстѣ—11 талеровъ! т. е. 6 т. на мою долю за бричку и 5 за матрасъ, коверъ и три подушки. Окончивъ здѣсь такимъ образомъ свои торговыя дѣла, я вчера записался въ дилижансъ, идущій до Гёрлица, т. е. Саксонской границы; въ Воскресенье, т. е. завтра, отправляюсь, а во Вторникъ буду въ Дрезденѣ. Мы разочлись съ Адамъ-Адамишемъ въ дорожныхъ издержкахъ, и всего на все отъ Москвы до Бреславля вышло на мою долю 442 рубля, гораздо меньше, нежели я думалъ; я надѣюсь, что, по пріѣздѣ въ Минхенъ, у меня еще останется около 40 червонцевъ изъ дорожныхъ денегъ, а можетъ быть и больше. Вотъ вамъ подробный отчетъ въ скучныхъ денежныхъ обстоятельствахъ. Денежная номенклатура мнѣ надоѣла пуще горькой рѣдьки; цѣлую дорогу только и слышно было изъ Нѣмецкихъ устъ Адамъ-Адамиша, что ein Rubel 34 Kopeken mit 1 R. 40 K. macht 2 R. 74 Kopeken, и только изрѣдка, когда неровная дорога давала хорошій толчекъ его Нѣмецкимъ костямъ, вырывалось восклицаніе: so genant noch ein Mal! Передъ разлукой съ моей ходячей Ариѳметикой, судьба хотѣла, чтобы я узналъ ее въ полной тяжести: Адамъ-Адамишъ учетверился или, лучше сказать, изъ одного сдѣлалось четыре съ половиною, т. е. къ нему пріѣхали два брата, и одинъ привезъ еще жену и маленькое Нѣмецкое дитятко. Они безпрестанно почти сидятъ въ нашей комнатѣ для бесѣдованія съ Адамъ-Адамишемъ, и Адамъ-Адамишъ кажется среди ихъ истиннымъ геніемъ. Однако довольно объ братіи Адамъ-Адамиша, лучше нѣсколько словъ о пребываніи въ Варшавѣ.

Я писалъ къ вамъ изъ Варшавы, кажется, на другой день послѣ нашего туда пріѣзда. Я ждалъ, что мнѣ должно будетъ представляться

В. К. [1]), но ничего подобнаго не было, и передъ отъѣздомъ уже я узналъ, что пріѣзжающіе въ Варшаву изъ Россіи представляются только по собственному желанію. Мы пробыли въ Варшавѣ пять дней, и я успѣлъ видѣть только слѣдующее: переплеты университетской библіотеки, состоящей, какъ говорятъ, изъ 200.000 томовъ и очень красиво уставленной въ прекрасныхъ комнатахъ; собраніе гипсовъ, въ которомъ есть хорошія вещи, хотя очень немного; сады Красицкій и Саксонскій (единственные внутри города), которые несравненно меньше и хуже нашего Кремлевскаго; прекрасный Ботаническій садъ, прекрасный садъ въ Лаженькахъ и, наконецъ, представленіе Волшебнаго стрѣлка на Польскомъ языкѣ подъ открытымъ небомъ. Ботаническій садъ, не во гнѣвъ будь сказано Максимовичу [2]), несравненно лучше Московскаго. Онъ занимаетъ по крайней мѣрѣ въ десять разъ больше мѣста; половина очень красиво засажена ботаническими растеніями, а другая — прекрасными аллеями изъ различныхъ деревьевъ и кустарниковъ; онъ очень близокъ къ университету, и въ немъ же обсерваторія. Смотря на Варшавскій Ботаническій садъ, я не могъ не пожалѣть, подумавъ, что нашъ Московскій, насаженный руками Петра Великаго и безъ того уже небольшой, скоро уничтожится, а вмѣсто него будетъ огородецъ въ три шага величины и за тридевять земель отъ университета и города. Ботаническій садъ соединяется съ прекраснымъ загороднымъ садомъ въ Лаженькахъ, гдѣ я за день до отъѣзда видѣлъ всю Варшавскую публику и Фрейшица подъ открытымъ небомъ. Вопреки славѣ, которою пользуются Польскія дамы, я не видалъ ни одной красавицы и даже очень мало хорошенькихъ, не смотря на то, что садъ былъ почти полонъ. Впрочемъ должно имъ отдать справедливость: всѣ почти очень стройны и ловки, и изо всѣхъ мною слышанныхъ разговоровъ я не понялъ ни слова, т. е. всѣ говорятъ по-польски. Послѣднее обстоятельство мнѣ завидно было видѣть въ Варшавѣ.

Представленіе подъ открытымъ небомъ было для меня нѣчто совершенно новое. Передъ великолѣпнымъ дворцомъ въ Лаженькахъ разстилается большой и свѣтлый прудъ, котораго берега со всѣхъ сторонъ окружены темной рощею; на одномъ концѣ пруда, недалеко отъ берега, есть небольшой островокъ, также заросшій деревь-

---

[1]) Т. е. великому князю Константину Павловичу. П. Б.

[2]) Михаилу Александровичу, другу Елагиныхъ, славному впослѣдствіи археологу и ректору Кіевскаго Университета. Въ то время онъ читалъ въ Московскомъ университетѣ Ботанику и помѣщался въ ботаническомъ саду, за Сухаревой башней. Елагины жили по близости, въ своемъ домѣ у Красныхъ воротъ. П. Б.

ями, и на этомъ островѣ, противъ берега, выстроена полукруглая сцена, похожая на развалины Греческаго портика; вмѣсто занавѣса вытянуты были ширмы, на которыхъ также очень хорошо былъ нарисованъ рядъ колоннъ; мѣсто для оркестра вѣроятно выстроено на сваяхъ, и оркестръ какъ будто выглядываетъ изъ воды. На берегу, противъ сцены, выстроенъ большой амфитеатръ для публики, и проливъ около сажени шириною отдѣляетъ публику отъ оркестра и сцены. Освѣщеніе сцены было очень удачно, и кулисы состояли частію изъ натуральныхъ деревьевъ, частію изъ настоящихъ кулисъ, хорошо нарисованныхъ и еще больше выигрывавшихъ отъ искуснаго освѣщенія. Такъ какъ должно было дождаться темноты для начатія представленія, то представленіе не могло продолжаться очень долго, и потому Фрейшицъ былъ игранъ не вполнѣ, а только отрывками. Представленіе кончилось той сценой, въ которой отлиты пули, и черти являются на сцену; тогда загорѣлся жаркій фейерверкъ, отъ котораго вся сцена какъ будто вспыхнула, и разноцвѣтные огни бросили яркій свѣтъ на амфитеатръ, который до тѣхъ поръ оставался въ совершенной темнотѣ. Этотъ видъ былъ прекрасенъ. Что касается до актеровъ, то они играютъ нисколько не лучше нашихъ, хотя впрочемъ есть хорошіе голоса. Представленіе это дало мнѣ гораздо живѣйшее понятіе о театрахъ древнихъ Грековъ. Вотъ все мною видѣнное въ Варшавѣ.

Въ Бреславлѣ я существую съ прошедшей Субботы. Городъ вообще очень красивъ и особенно красивъ издали своими старинными Готическими церквами и башнями. Подъѣзжая къ Бреславлю, я въ первый разъ видѣлъ высокія синія горы на горизонтѣ; это былъ der Zobtenberg, часть Riesengebirge. Онѣ прекрасны. Въ самомъ городѣ я два раза былъ въ театрѣ, довольно плохомъ, въ соборной церкви (Dom), гдѣ видѣлъ внутренность прекраснаго Готическаго зданія, все великолѣпіе католической службы, и слышалъ прекрасную музыку, состоявшую изъ органовъ, скрипокъ и голосовъ. О здѣшнемъ университетѣ мнѣ ничего узнать не удалось; знаю только, что здѣсь находится Штеффенсъ; онъ читаетъ Философію.

Теперь должно кончить. Можетъ быть, напишу изъ Дрездена. Всѣхъ крѣпко обнимаю.

4.

Петръ Васильевичъ.

31 Августа (12 Сентября), Дрезденъ.

Вотъ уже семнадцатый день, милая маминька, какъ я въ Дрезденѣ, и сегодня въ 5 часовъ послѣ обѣда отправляюсь въ Минхенъ. До сихъ поръ я не писалъ къ вамъ отсюда, потому что хотѣлось лучше отдать вамъ подробнѣе отчетъ въ своемъ пребываніи здѣсь; а остался я здѣсь

долѣе, нежели думалъ, потому что хотѣлось долѣе побыть съ Рожалинымъ, который меня принялъ, какъ истинный другъ[1]). Но лучше начать съ начала.

Я пріѣхалъ въ Дрезденъ ночью съ 13-го на 14-е Августа нашего стиля, и такъ какъ уже поздно было искать трактира, то остался до утра въ почтовой комнатѣ и переправился въ трактиръ 14-го. Ровно черезъ мѣсяцъ послѣ моего выѣзда изъ Москвы я увидѣлъ Дрезденъ, и только что успѣлъ выбраться изъ почтамта, отправился отыскивать Рожалина; однако такъ какъ я не зналъ не только дома, но даже и улицы, гдѣ онъ живетъ, то это было дѣло довольно трудное. До самаго обѣда я проходилъ понапрасну, справляясь о средствахъ его найти и наконецъ отыскалъ въ полиціи № дôма, въ которомъ живетъ Кирѣевъ[2]). Однако и это было напрасно: мнѣ сказали въ этомъ домѣ, что въ немъ въ самомъ дѣлѣ живетъ Русское семейство, но что никого нѣтъ дóма, а всѣ ушли гулять по городу. По счастью, я не остался дожидаться, а написалъ къ Рожалину записку, въ которой выставилъ свой № и которую просилъ ему отдать. Часа три я сидѣлъ дома и ждалъ Рожалина; наконецъ вышелъ изъ терпѣнія, опять пошелъ въ этотъ домъ и узналъ, что въ немъ живетъ не Кайсарова, а графиня Разумовская, что Кайсарова дѣйствительно прежде въ немъ жила, но давно уже съѣхала, отправилась въ Карлсбадъ и еще не возвращалась. Не можете вообразить, какъ это было досадно. По счастью, моя записка еще не была отдана графинѣ Разумовской. Потерявъ почти надежду отыскать Рожалина въ Дрезденѣ, я возвратился домой, и мнѣ казалось, какъ будто я напился помоевъ. На другой день, уже около вечера, я рѣшился сдѣлать еще одну попытку: справиться объ Рожалинѣ на почтѣ. По счастью, экспедиторъ писемъ его знаетъ и сказалъ мнѣ, что онъ изъ Карлсбада возвратился и живетъ за городомъ въ Plauensche Grund; а на возвратномъ пути съ почты домой встрѣтилъ я на улицѣ и самого Рожалина. Онъ очень мнѣ обрадовался. Онъ шелъ въ театръ, гдѣ давали Фауста; но такъ какъ было еще рано, то мы зашли ко мнѣ и успѣли еще до театра провести часъ вмѣстѣ, а тамъ отправились въ театръ. Послѣ театра Рожалинъ и Кирѣевъ пришли ко мнѣ; на другой день я поѣхалъ къ нимъ въ Плауенъ и съ тѣхъ поръ почти безпрестанно былъ у него. Чтò вамъ сказать о Рожалинѣ? Онъ совершенно почти не перемѣнился; немного похудѣлъ, но почти незамѣтно. Впрочемъ здоровье его теперь совершенно поправилось; онъ дѣлаетъ

---

[1]) Николай Матвѣевичъ Рожалинъ, классикъ, другъ Елагиныхъ, жилъ въ это время за границей наставникомъ въ домѣ извѣстнаго генерала Паисія Сергѣевича Кайсарова. П. Б.

[2]) Отецъ извѣстной писательницы Ольги Алексѣевны Новиковой, человѣкъ отлично образованный. П. Б.

много движенія и сталъ гораздо крѣпче; занимается исключительно Греческими и Римскими древностями, терпѣть не можетъ Нѣмцевъ и еще больше ненавидитъ Англичанъ....

Меня перервали. Н. М. будетъ къ вамъ писать на этой почтѣ; а я сейчасъ сажусь въ карету и допишу все начатое съ продолженіемъ изъ Минхена.

5.

Петръ Васильевичъ.

6 (18) Декабря, Минхенъ 1829.

Милая маминька!

Вчера получилъ я письмо ваше отъ 12-го Ноября. Оно такъ живо представило мнѣ безпокойство, которое могло дать вамъ мое долгое молчаніе, что не могу выразить, какъ мнѣ стало тяжело и стыдно. Отчего я не писалъ такъ долго? Вотъ чего я и самъ себѣ объяснить не могу. И какъ ужасно подумать, что и это письмо вы получите не прежде какъ черезъ мѣсяцъ! Одно чтȯ хотя усиливаетъ тѣ тяжслые упреки, которые я самъ себѣ дѣлаю, но съ другой стороны меня нѣсколько успокоиваетъ—это то, что вы въ продолженіе этого времени имѣли обо мнѣ извѣстія отъ Тютчева и Шереметева *). Прочтя первыя строки вашего письма, я едва вѣрилъ самому себѣ и долго боролся со своею памятью, когда мнѣ представилось, что я въ Минхенѣ уже три мѣсяца и писалъ къ вамъ только два раза!

Время это пролетѣло, хотя не такъ безпечно и ясно, какъ Московское, но такъ дѣятельно и разнообразно, что оно оставило во мнѣ два странно-противорѣчащія впечатлѣнія ужасной продолжительности, и почти безпрестанное чувство разлуки и недостатка всего роднаго дастъ ему вѣсъ нѣсколькихъ долгихъ лѣтъ; живость движенія совершенно закрываетъ отъ памяти счетъ календарный и даетъ ему необыкновенную сжатость. Безпрестанно живя мыслями въ Москвѣ, съ вами, мнѣ казалось, что и вы знаете все меня окружающее, что и вы слѣдовали за всѣмъ ходомъ моихъ впечатлѣній. Мысль, что вы около *двухъ мѣсяцевъ* не получали отъ меня писемъ, ужасно меня разбудила изъ какого-то страннаго сна.

Письмо ваше отъ 8-го Октября пришло ко мнѣ три недѣли тому назадъ. Я спѣшилъ писать къ брату и дать вамъ вѣсть о себѣ; но не скрою причины, почему я вамъ до сихъ поръ на него не отвѣчалъ: это было первое ваше письмо, которое родило во мнѣ чувство истинно-горькое, и я не сомнѣвался, что это письмо было произведе-

*) Алексѣй Васильевичъ Шереметевъ, двоюродный братъ Ѳ. И. Тютчева, отецъ Сергѣя Алексѣевича, нынѣ главнокомандующаго на Кавказѣ. П. Б.

ніемъ минутнаго расположенія духа; не сомнѣваюсь и теперь. *Что́ мы* теперь *для него*? говорите вы. *Какъ я бодро и съ довѣренностью отпускала тебя, такъ съ уныніемъ и безутѣшно разстаюсь съ нимъ.* Сколько невыразимо-горькаго было для меня въ этихъ словахъ! Нѣтъ! Въ любви его, въ его твердости, въ его благородномъ, высокомъ духѣ вы сомнѣваться не можете; и чтобы вы еще *не совершенно* простили ему поступокъ, которому не было другой причины, кромѣ неограниченной довѣренности къ вашей любви,—это не въ натурѣ вещей. Да и въ какую минуту! Вотъ мѣсто изъ его письма, которое передать вамъ я считаю *долгомъ*: «На другой день я разсказалъ все маминькѣ; до тѣхъ поръ я не говорилъ ей ни слова: мнѣ казалось это необходимымъ. Но я ошибался, и сдѣлалъ *дурно*. Мое молчаніе маминька почла за недостатокъ довѣренности, за недостатокъ дружбы. Ты знаешь, люблю ли я ее. Вотъ причины, какія заставляли меня дѣйствовать такъ: 1) Я не могъ сомнѣваться въ согласіи маминьки. Я знаю ея любовь, и она нѣсколько разъ говорила мнѣ, что мое счастіе ей дороже всѣхъ отношеній. Но именно потому, что она такъ любитъ меня, она захотѣла бы помогать мнѣ, дѣйствовать за меня. Можетъ быть, она бы успѣла тамъ, гдѣ я одинъ не успѣлъ, и этотъ успѣхъ уже не былъ бы мнѣ вѣрной порукою счастія: ибо для этого нужно было ихъ свободное *эгоистическое* согласіе, безъ всякихъ убѣжденій, безъ всякихъ отношеній дружбы, безъ всякихъ пожертвованій. 2) Наши семейныя отношенія, основанныя на любви и дружбѣ, не могутъ входить въ сравненіе съ тѣми, которыя управляются свѣтскими приличіями. Еслибы въ письмахъ къ маминькѣ я писалъ *милостивая государыня матушка*, видался съ ней только по праздникамъ и поздравлялъ съ новымъ годомъ, тогда я не могъ бы дѣйствовать, не испросивши прежде торжественно ея согласія. Это было бы необходимо тамъ, гдѣ уваженіе доказывается одними наружными знаками. Но въ моемъ положеніи, я не считалъ возможнымъ, чтобы маминька сомнѣвалась въ моей любви. Вотъ не оправданіе (я вижу теперь, что былъ неправъ), но объясненіе моего поступка. Маминька—ангелъ любви и доброты—простила мнѣ его. Мнѣ тѣмъ тяжелѣе, что я его сдѣлалъ. Пусть это будетъ урокомъ для тебя !!.. Одна дѣятельность, живая, безпрестанная, утомительная, можетъ спасти меня отъ душевнаго упадка. Вотъ почему я думаю ѣхать въ чужіе краи и учиться, утонуть въ ученьи. Возвратившись—опьяниться дѣятельностію..... Теперь я весь принадлежу одной мысли, одному стремленію, одной цѣли. Вся жизнь моя будетъ посвящена литературѣ»... Все его письмо ко мнѣ есть отраженіе горячей, неоцѣнимой дружбы, за которую вся моя жизнь будетъ бѣдной отплатою, и души высокой, полной силы, съ твердостію принявшей этотъ первый тяжелый ударъ судьбы.

Но къ чему это? Вы не можете, вы никогда не могли сомнѣваться въ его любви къ вамъ, въ его высокой, чистой, сильной душѣ. Вы знаете, что *онъ* тотъ перлъ, которымъ вы всего больше можете гордиться; что драгоцѣннѣйшая награда, данная вамъ судьбой за чистую безкорыстность всей вашей жизни, *онъ*—лучшій изъ вашихъ дѣтей! И этому первенству я не завидую, но горжусь тѣмъ, что вижу его высокое мѣсто.

Я вполнѣ чувствую, какъ вамъ трудно будетъ нести двойную тягость: знать его несчастливымъ и съ нимъ разставаться. Но необходимость этой разлуки должна дать вамъ силы; путешествіе — лучшее, вѣрнѣйшее средство облегчить его мучительное чувство или, лучше сказать, дать полнотѣ его чувства другое направленіе. И если бодро, съ довѣренностью отпускали меня, то, разставаясь съ нимъ, можете имѣть непоколебимую *вѣру* въ *его* силы. Его страсть. . . . . не есть чувство его недостойное. Предметъ ея во всякомъ случаѣ былъ высокій, если даже и былъ однимъ обманомъ его воображенія, если онъ былъ и не тотъ, который онъ думалъ видѣть въ дѣйствительности. «Если нѣтъ счастья», говоритъ онъ, «есть *долгъ*», и это высокое слово—вѣрная порука, что онъ найдетъ и счастіе. Онъ твердо рѣшился не питаться ядомъ чувства мучительнаго и безполезнаго, но мужественно идти дорогою долга и блага. Онъ своей цѣли достигнетъ, въ этомъ я не сомнѣваюсь, и будетъ счастливъ, когда ему удастся дать другое направленіе *всѣмъ* силамъ своей души.

Was er als Schönheit jetzt empfunden,
Wird ihm als Wahrheit einst entgegen gehn.

Когда онъ будетъ за границей, отечество будетъ отзываться въ его сердцѣ не только какъ чувство священнаго долга, какъ религія, но и какъ *любовь*, горячая, всеобъемлющая; это чувство займетъ *всю* его душу. Разнообразіе впечатлѣній обогатитъ его, дѣятельность разовьетъ всѣ его силы, и тогда ваши сыновья обоймутъ васъ опять всѣ вмѣстѣ. Какое будетъ свиданіе! Оно вознаградитъ тягость разлуки.

Онъ избралъ Парижъ — и совершенно правъ: нигдѣ онъ не нашелъ бы въ бóльшей степени всего, чтó ему нужно. Но какъ бы я желалъ, чтобы онъ ѣхалъ на Минхенъ! И если онъ еще съ вами, скажите ему, что различіе будетъ очень невелико ни въ разстояніи, ни въ издержкахъ; а еслибы онъ пробылъ здѣсь хотя недѣли двѣ, онъ нашелъ бы много любопытнаго, чтó сильно бы заняло его, кромѣ меня, который выѣдетъ къ нему на встрѣчу, если онъ поѣдетъ и другой дорогой. Изъ Петербурга двѣ дороги: на Берлинъ и на Дрезденъ. Которую онъ выберетъ? Я увѣренъ, что вы тотчасъ напишете.

6.

Петръ Васильевичъ.

2 (14) Февраля 1830. Минхенъ.

Милая маминька!

Вотъ и еще новый мѣсяцъ! Теперь буду акуратенъ, и если въ этомъ письмѣ и не успѣю выговорить всего подробно, то по крайней мѣрѣ оно будетъ предтечею другаго длиннаго, и придетъ во время. Съ нетерпѣніемъ жду отъ васъ письма, въ которомъ должно быть извѣстіе объ отъѣздѣ брата. 7-го, говорите вы, онъ ѣдетъ. Вотъ уже съ тѣхъ поръ скоро мѣсяцъ, и прежде нежели это письмо дойдетъ до васъ, еще пройдетъ около мѣсяца! Во всякомъ случаѣ вы уже испытали горькую минуту разлуки съ нимъ; она вамъ показала все *что́ вы для него*, и въ эту минуту вы не только *вполнѣ* ему простили то, что́ по высшей мѣрѣ было одною *ошибкой ума*, но и перестали сомнѣваться въ его неограниченной любви къ вамъ. Съ какимъ чувствомъ поѣхалъ онъ! Я не сомнѣваюсь, что эта минута, для васъ одна изъ самыхъ тяжелыхъ въ жизни, но еще не выразимѣйшая для него, стерла всѣ сомнѣнія. Она сожгла въ вашемъ сердцѣ всякое другое чувство и оставила одно чувство разлуки, чувство тяжелое, ядовитое, но отъ котораго должно лѣчиться надеждою. Будемъ надѣяться лучшаго, *вѣрить* въ лучшее. Теперь та минута, въ которую вамъ больше всего нужно твердости для возвращенія спокойствія, ясности; не забывайте, что вы основа, связь всего для насъ возможнаго счастія, что первое, необходимѣйшее условіе для возвращенія спокойствія брату есть *ваше* спокойствіе. «Что́ любилъ онъ?», говорите вы, «свою мечту!» Но мечта для мечтающаго отъ дѣйствительности не разнится; и разсѣется ли эта мечта, усмирится ли жестокое чувство перваго тяжелаго удара, если къ нему присоединится еще новое безпокойство, безпокойство объ васъ? Если онъ станетъ еще упрекать себя? Но нѣтъ! Вы подадите ему примѣръ, какъ не должно предаваться тяжелому чувству, какъ должно стараться разсѣять его. Дѣятельность возвратитъ брату спокойствіе; онъ узна̀етъ, что счастье еще для него не закрылось, онъ найдетъ его, въ этомъ я не сомнѣваюсь; и тогда мы опять соберемся всѣ вмѣстѣ, по прежнему, лучше прежняго! Покуда пройдемъ твердымъ шагомъ время разлуки и приготовимъ свиданіе.

Съ какимъ нетерпѣніемъ жду вашего письма, чтобы вѣрнѣе знать время, когда съ нимъ увижусь. Вѣроятно онъ 7-го еще не выѣхалъ: иначе я уже получилъ бы письма и отъ васъ, и отъ него. Во всякомъ

случаѣ надѣюсь встрѣтить 22 Марта съ нимъ вмѣстѣ. Вѣроятно, что и Рожалина мнѣ скоро удастся залучить сюда, и тогда намъ опять можно будетъ хотя на минуту перенестися въ 28-й годъ, вообразить, что Фрауэнкирхскія башни — Иванъ Великій и вы отдѣлены отъ насъ только одною комнатою! Я писалъ уже къ вамъ въ прошедшемъ письмѣ, что Кирѣевъ ѣдетъ въ Россію и что Кайсаровъ предлагаетъ Рожалину либо возвратиться съ нимъ, либо остаться за 1000 р. Рожалину оставаться у нихъ не хочется, и я надѣюсь, что онъ не останется; я недавно писалъ къ нему и скоро жду отвѣта.

Чтó вамъ сказать объ себѣ? Я къ вамъ послалъ планъ своей комнаты съ обыкновеннымъ распредѣленіемъ моего времени, и съ тѣхъ поръ почти ничего не перемѣнилось. Я встаю въ шесть часовъ; всякій день кромѣ Субботы слушаю отъ 11 до 12 часовъ Аста, въ Понедѣльникъ, Вторникъ, Четвергъ и Пятницу отъ 4 до 5—Окена; по тѣмъ же днямъ, съ Середою и безъ Пятницы — Тирша отъ 10 до 11, и по Середамъ Гёрреса. Одинъ занимаюсь Латынью, въ которой беру и уроки по Понед. и Четверг. у Цинкейзена, о которомъ я уже писалъ къ вамъ, а читаю преимущественно Философію, на эту минуту лекціи Кузеня о Философіи 18-го вѣка, которыя беру у Тютчева [1]). Иногда, но однако очень непостоянно, играю на фортепьяно. Я началъ было заниматься языкомъ Итальянскимъ; но уже недѣли три какъ отъ него отсталъ и до сихъ поръ не могъ опять добраться. Вообще я дивлюсь въ себѣ необыкновенной способности быть безпрестанно заняту и, не смотря на то, дѣлать черезвычайно мало. Я бываю иногда по Пятницамъ у Шеллинга, съ которымъ, впрочемъ, мало удается говорить, потому что онъ мало остается на одномъ мѣстѣ, крейсируя по методѣ Карла Ив. [2]), чтобы занимать гостей своихъ; но довольствуюсь его слушаніемъ. Хотя и довольно рѣдко, но завязывается продолжительный и по предмету интересный разговоръ [3]). Я послалъ папинькѣ профиль его, который удалось сдѣлать довольно похоже. Вообразите къ этому профилю лицо круглое, хотя сухое, и большіе голубые и быстрые глаза. Когда я видѣлъ его въ первый разъ, онъ былъ въ сертукѣ, а оттого показался мнѣ выше и крѣпче сложеніемъ, нежели какъ я разсмотрѣлъ

---

[1]) Ѳедоръ Ивановичъ Тютчевъ служилъ тогда въ Минхенѣ при посольствѣ, а посломъ былъ князь Григорій Ивановичъ Гагаринъ, человѣкъ обширнаго ума и многосторонней образованности, женатый на Екатеринѣ Петровнѣ Соймоновой (это родная сестра знаменитой Парижской Свѣчиной). П. Б.

[2]) Геркс, бывшаго наставникомъ у Веневитиновыхъ. П. Б.

[3]) Шеллингъ отзывался съ большимъ сочувствіемъ о Петрѣ Васильевичѣ Кирѣевскомъ и находилъ, что онъ даже умнѣе своего брата Ивана. П. Б.

его послѣ; онъ ростомъ немного поменьше меня, и хотя довольно широкоплечъ, но не крѣпокъ. Лекцій своихъ онъ еще не начиналъ и въ этотъ семестръ врядъ ли начнетъ. У Окена я съ тѣхъ поръ еще не былъ, и до сихъ поръ всякій Четвергъ меня что-нибудь удерживало; надѣюсь, однако, быть у него опять на этой недѣлѣ.

Кромѣ этихъ Минхенскихъ папъ, выходы мои ограничиваются однимъ Тютчевымъ, у котораго бываю раза по два въ недѣлю [1]); изрѣдка хожу къ Цинкейзену, и (какъ теперь идетъ здѣсь карнавалъ, который продолжается отъ 6 Генв. до 23 Февр.) по Субботамъ вечеромъ бываю на Нѣмецкихъ балахъ, которые здѣсь даются всенародно въ Музеѣ, одномъ изъ здѣшнихъ увеселительныхъ заведеній, только танцами отличающемся отъ нашего Англійскаго клуба; туда же я отправляюсь отъ времени до времени для читанія журналовъ. Эти музейскіе балы, хотя очень многолюдны, но довольно скучны; кажется, что объ одномъ изъ нихъ я уже писалъ вамъ. Сегодня я долженъ буду опять быть на балѣ у нашего посланника, и вѣроятно надобно будетъ даже танцовать тамъ, чему я совсѣмъ не радуюсь. Не подумайте однакоже, читая, что я такъ часто бываю на балахъ, что я пустился въ большой Минхенскій свѣтъ, сдѣлался развязенъ, многоглаголенъ и танцующъ; напротивъ: языкъ мой костянъ попрежнему, неловкость таже, и я возвращаюсь съ бала, не произнеся ни одного слова. Они интересны для меня только какъ Нѣмецкія панорамы. Это не значитъ однакоже, чтобы я думалъ, что общество *для общества* и безъ другихъ отношеній ненужно и безполезно; я давно убѣжденъ въ важности *свѣтскихъ* качествъ, и даже до нѣкоторой степени въ ихъ необходимости. Но чѣмъ больше я въ этомъ убѣждаюсь, тѣмъ больше убѣждаюсь и въ своей совершенной къ нимъ неспособности, которая заключается не въ неловкости, не во Французскомъ языкѣ, съ которыми бы можно было сладить, но въ *несообщительности*, которая лежитъ въ характерѣ, которой нельзя помочь наружными средствами и дѣйствія которой идутъ дальше *свѣтскаго* общества.

Вотъ вамъ покуда нѣсколько словъ обо мнѣ. Скоро буду писать больше. Буду писать и къ папинькѣ, и къ Машѣ [2]). Вашъ сынъ П. Кирѣевскій.

---

[1]) Вотъ откуда могли возникнуть у такого Европейца, какимъ съ виду былъ Ѳ. И. Тютчевъ, его глубокія Славянскія сочувствія. П. Б.

[2]) Сестра Кирѣевскихъ дѣвица Марья Васильевна († 1859) вызываетъ святое воспоминаніе въ людяхъ ее знавшихъ. Это была христіанка первыхъ вѣковъ Церкви. Она не одинъ разъ переписала для Алтайскаго миссіонера Макарія весь его Русскій переводъ Библіи, въ то время запрещенный. П. Б.

7.

Петръ Васильевичъ.

22 Марта (3 Апрѣля), Минхенъ (1830).

Во-первыхъ, поздравляю васъ съ имянинникомъ! Сегодня ему 24 года. Я надѣялся встрѣтить этотъ день съ нимъ вмѣстѣ, но покуда его еще здѣсь нѣтъ; онъ писалъ отъ 21 Марта н. ст., что 1 Апр. хотѣлъ быть въ Дрезденѣ, и такъ теперь вѣрно тамъ съ Рожалинымъ вмѣстѣ. Но Святую недѣлю, какъ онъ пишетъ, мы встрѣтимъ вмѣстѣ; а можетъ быть и всѣ трое. Онъ, слава Богу, здоровъ, и чужіе края сильно его занимаютъ; о впечатлѣніи, которое на него произвелъ Берлинъ, онъ уже вѣрно писалъ вамъ. Надѣюсь, что онъ привезетъ съ собою Рожалина. Отъ Рожалина я получилъ письмо отъ 20 Февраля. Ему хочется сюда, но онъ все еще боится меня стѣснить и не рѣшается; авось либо ваше письмо его порѣшитъ.

23 М. (4 Апр.). Вчера я долженъ былъ перерваться, и вотъ вамъ продолженіе сегодня. Я уже недѣли съ полторы тому назадъ хотѣлъ писать къ вамъ; но до сихъ поръ не могъ залучить безперерывочнаго часа, а еслибы писалъ всякій день по нѣскольку строчекъ, то Богъ знаетъ, какая туруса на колесахъ бы вышла. Теперь, наконецъ, кончился здѣшній зимній семестръ, и начались вакаціи дней съ пять тому назадъ, которыя продолжатся около мѣсяца. Шеллингъ въ прошедшій семестръ хотѣлъ читать свои *Weltalter*, но не читалъ, а вмѣсто того ихъ напечаталъ, и они вѣроятно недѣли черезъ двѣ появятся. Такимъ образомъ я въ этотъ разъ до сихъ поръ еще лекцій Шеллинга не слыхалъ; надѣюсь ихъ услышать по крайней мѣрѣ въ будущій семестръ, который начнется около конца Апрѣля и въ который онъ будетъ читать *Einleitung in die Philosophie*. Въ этотъ семестръ, какъ я уже писалъ къ вамъ, я слушалъ только Окена, Тирша и Аста; Гёрресъ сошелся въ одинъ часъ съ Океномъ, а къ Бадеру я опоздалъ записаться. Въ слѣдующій семестръ надѣюсь слышать ихъ обоихъ и вообще узнать весь здѣшній университетъ покороче. Окенъ будетъ читать Натуральную Исторію и Физіологію, а я буду слушать только первую, потому что вторая опять сошлась съ Гёрресомъ, а мнѣ надобно будетъ слышать и Гёрреса, который теперь читаетъ Исторію, уже не допотопную, а древнюю отъ Троянской войны до Р. Х. Потомъ еще буду слушать Фрц. Бадера, человѣка очень интереснаго, котораго вы вѣрно знаете по Шеллинговой Inhalt der Medicin; онъ читаетъ *Speculative Dogmatik*, и въ прошедшій семестръ число его слушателей доходило

до . . . . 6! Я слышалъ только одну изъ его лекцій и, не смотря на то, что онъ неистовый католикъ и мистикъ, въ этой лекціи было столько ума, что непремѣнно хочется узнать его поподробнѣе. Потомъ буду еще слушать Шорна, котораго нѣсколько очень интересныхъ лекцій слышалъ въ прошедшій семестръ, и который въ слѣдующій будетъ читать Исторію новѣйшаго искусства отъ Константина до нашихъ временъ. Это еще молодой человѣкъ, но успѣвшій уже составить себѣ громкое имя. Кромѣ того я намѣренъ, чтобы лучше узнать университетъ вообще, продолжать крейсироваться по лекціямъ тѣхъ профессоровъ, которыхъ нельзя будетъ слушать къ ряду, или которыхъ интересно слышать только *одинъ* разъ. Въ прошедшій семестръ я такимъ образомъ слышалъ 18 профессоровъ, изъ которыхъ только человѣкъ пять были люди въ самомъ дѣлѣ интересные, а большая часть остальныхъ нисколько не выше нашихъ *обыкновенныхъ* Московскихъ. Исторія здѣсь почти совершенно (исключая Гёрреса, который въ прошедшій семестръ читалъ исторію допотопную) не существуетъ. Въ слѣдующій семестръ будутъ два историческихъ профессора: Гёрресъ для Древней Исторіи и Цинкейзенъ для Исторіи 18-го вѣка. Изъ остальныхъ считать совершенно некого, кромѣ, можетъ быть, Дёллингера, читающаго Церковную Исторію, котораго я слышалъ только одинъ разъ. Полный списокъ историческихъ профессоровъ состоитъ изъ слѣдующихъ: Гёрресъ, Бухнеръ, Маннертъ, Дрешъ, Деллингъ и Зёльтль; Церковная Исторія Дёллингера не считается, потому что она причисляется къ отдѣленію богословскому, а Цинкейзенъ еще только въ будущій семестръ начнетъ. О Гёрресѣ я вамъ уже писалъ. Маннертъ въ прошедшій семестръ не читалъ ничего, а въ будущій станетъ читать Статистику Европы; Дрешъ хотѣлъ въ прошедшій семестръ читать Всеобщую Исторію, но не нашелъ слушателей; я слышалъ только нѣсколько изъ его лекцій народнаго права и не жалѣю, что онъ не читалъ лекцій историческихъ: видно, что это человѣкъ со свѣдѣніями, но весьма обыкновенный и только *помнящій.* Деллингъ хотѣлъ читать Исторію Среднихъ вѣковъ, но также не нашелъ слушателей и не читалъ; это человѣкъ совершенно неизвѣстный. Зёлтль читалъ Исторію Германіи; я не слыхалъ его, но по общему голосу это—золотая посредственность. Бухнера, читавшаго Древнюю Исторію и Исторію Баварскую, я слышалъ, и его лекціи даже ниже посредственныхъ: пустое генеалогическо-хронологическое исчисленіе царей и войнъ, въ родѣ Шренковой исторіи, но даже ниже Шренка.—Такимъ образомъ въ слѣдующій семестръ у меня будутъ слѣдующія лекціи: Шеллингъ, Окенъ, Гёрресъ, Бадеръ, Тиршъ и Шорнъ; буду слушать также Цинкейзена, а можетъ быть и Церковную исторію Дёллингера, что́ впрочемъ еще подъ сомнѣніемъ.

Астъ не будетъ въ слѣдующій семестръ читать ничего философскаго, а только однѣ лекціи филологическія, слѣдовательно не для меня. Можетъ быть, я буду слушать также и Вальтера, извѣстнаго вамъ по своей Физіологіи, котораго король выписалъ сюда и котораго скоро сюда ждутъ; впрочемъ, его имени еще нѣтъ въ программѣ лекцій.

Вотъ вамъ здѣшнія университетскія извѣстія. Шеллингу я поклонъ вашъ отдалъ; хотя и не сказалъ, что этотъ поклонъ присланъ отъ васъ, но онъ въ силу философскаго ясновидѣнія долженъ былъ самъ догадаться. Вчера я его видѣлъ въ концертѣ; интересно было видѣть, съ какимъ любопытствомъ всѣ толпились, чтобы смотрѣть на собраніе здѣшнихъ пустоголовыхъ грандовъ и на королеву и какъ *Шеллингъ*, *никѣмъ* не замѣченный, продирался изъ уголка съ своимъ лорнетомъ, чтобы взглянуть на королеву. Невольно вспомнилась сцена *Кенильворта*, въ которой Шекспиръ почтительно представляется Суссексу, и Суссексъ считаетъ себя очень *милостивымъ*, сказавши привѣтное слово Шекспиру. Я у него бываю не всякую Пятницу, но черезъ недѣлю, а иногда черезъ двѣ.

У Окена я послѣ того раза, о которомъ писалъ вамъ, за откладываніемъ и соединеніемъ различныхъ обстоятельствъ, не былъ до прошедшаго Четверга. Я думалъ, что будетъ неловко опять явиться къ нему, не бывши такъ долго, и снова называть свое имя; но онъ однакоже встрѣтилъ меня, назвавши по имени, и сказалъ, что недавно еще посылалъ звать меня къ себѣ, но не могъ найти, потому что въ студентскомъ спискѣ напечатана моя старая квартира. На вечерахъ своихъ, на которые собираются по большей части одни университетскіе, онъ бываетъ очень разговорчивъ и веселъ; тонъ совершенно непринужденный; нѣтъ ни дамъ, ни парада, какъ у Шеллинга; студенты собираются въ сертукахъ, и для всякаго желающаго готова глиняная Голландская трубка; самъ Океnъ въ сертукѣ, безъ галстука и безпрестанно съ глиняной трубочкой въ зубахъ. Вообще онъ истый Нѣмецкій буршъ.

Изо всѣхъ остальныхъ здѣшнихъ профессоровъ хотѣлось бы только познакомиться съ Гёрресомъ, Астомъ и Бадеромъ; но не знаю, какъ до нихъ добраться. Гёрресъ живетъ рядомъ со мною, и теперь, съ тѣхъ поръ какъ здѣсь весна, всякій день приходитъ со всей семьей, состоящей изъ жены лѣтъ 45, сына лѣтъ 22 и дочери лѣтъ 18, работать въ маленькій садикъ подъ моимъ окномъ. Несмотря на то, нельзя познакомиться, не найдя какого нибудь предлога отправиться къ нему. Къ тому же есть и ещё одно мѣшающее обстоятельство. Выходя съ одной изъ его лекцій, я шелъ вмѣстѣ съ однимъ Полякомъ Смачнинскимъ, бывшимъ профессоромъ въ Калишѣ, но впрочемъ человѣкомъ не очень замѣчательнымъ и посланнымъ поѣздить по Германскимъ университетамъ отъ правительства; мы говорили по-французски о

слышанной лекціи, въ которой Гёрресъ выводилъ родоначальниковъ всѣхъ народовъ изъ Ноева ковчега и заставлялъ между прочимъ народы Славянскіе происходить отъ Рифа, потому что Уральскія горы (будто бы лежащія *среди* Славянскихъ народовъ) назывались нѣкогда *Рифейскими*, и я обвинялъ всю лекцію въ излишней *легкости* и въ томъ, что всѣ почти предположенія сказаны наудачу и ни на чемъ не основаны. Говоря такимъ образомъ, я случайно взглянулъ назадъ и увидѣлъ, что Гёрресъ у меня за спиною, и слѣдовательно разговоръ нашъ слышалъ, хотя въ корридорѣ было темно, и онъ не видѣлъ моего лица. Впрочемъ, сказалъ я, чтобы какъ нибудь поправиться, c'est toujours un homme de beaucoup de génie et sans contredit un des premiers hommes de l' Allemagne[1]). Между тѣмъ мы вышли въ другой, свѣтлый корридоръ. Гёрресъ скользнулъ мимо насъ, бѣгомъ пробѣжалъ впередъ, взглянулъ на насъ внимательно и замѣшался между студентами. Не знаю, было ли это случайно, или въ самомъ дѣлѣ онъ нашъ разговоръ замѣтилъ; во всякомъ случаѣ явиться къ нему неловко.

Но довольно о профессорахъ; а то вы говорите, что я все пишу про университетъ, а ничего о себѣ. Что же вамъ сказать о себѣ кромѣ университетскаго? По прежнему встаю въ 6 и ложусь въ 10 ч., читаю, хожу читать журналы въ Музей (заведеніе въ родѣ Англ. клуба) и крейсирую по Минхену, хотя послѣднее до сихъ поръ бывало рѣдко; теперь, съ наступленіемъ весны и ферій, намѣренъ подробнѣе осмотрѣть Минхенъ и его окрестности, а можетъ быть, вмѣстѣ съ братомъ пустимся въ окрестности и подальше. Знакомые мои, не шапочные, а съ которыми я вижусь довольно часто, ограничиваются Цинкейзеномъ и Тютчевымъ; съ ними я вижусь раза по два въ недѣлю. Жена Тютчева [2]) хотѣла и начала было брать у меня уроки Русскаго языка, но послѣ ихъ оставила, сначала за нездоровьемъ, а послѣ за недостаткомъ времени. А вы уже подумали о Сен-Прей-ствѣ!! Нынѣшнимъ лѣтомъ я могу имѣть только одно сходство съ Сен-Прё, а именно то, что буду, можетъ быть, гулять по Швейцаріи; это единственное возможное и самое лучшее. Какъ весело будетъ, если удастся уговорить брата остаться здѣсь на лѣтній семестръ и на вылазки! Въ переселеніи сюда Рожалина я почти не сомнѣваюсь.

Въ прегрѣшеніяхъ своихъ по части финансовой не могу сказать никакого оправданія, кромѣ тысящекратнаго пардона! Въ Шереметевѣ

---

[1]) Все таки это человѣкъ весьма геніальный и безъ сомнѣнія одинъ изъ первыхъ людей въ Германіи.

[2]) Урожденная графиня Бодмеръ, мать Анны Өедоровны Аксаковой. П. Б.

сомнѣваться мнѣ нельзя, а денегъ, отданныхъ Н. Н *)., я никогда не прощу себѣ... Чтó касается до письменнаго обѣщанія впередъ не займодавствовать, то охотно его вамъ посылаю.

Теперь долженъ кончить. Въ слѣдующій разъ буду писать больше. Покуда крѣпко васъ обнимаю. Вашъ сынъ П. Кирѣевскій.

8.

Петръ Васильевичъ къ брату Ивану Васильевичу.

Пассава. (1830).

Вотъ тебѣ письмо, котораго ты навѣрное не ожидалъ: изъ Пассавы! Мы пріѣхали въ Регенсбургъ и, покуда смотрѣли тамошній соборъ, барка успѣла уйдти, не спросившись насъ. Такимъ образомъ мы должны были нанять лонкучера до-сюда, а здѣсь, по единогласному увѣренію всѣхъ, надѣялись найдти прекрасные корабли и барки, ежеминутно отходящіе въ Вѣну. Вмѣсто того, во все время переѣзда отъ Регенсбурга до Пассавы, шелъ безпрестанный проливной дождь, и мы, жестоко просердившись во всю дорогу на погоду и извощика, въ нашей тѣсной повозкѣ, нашли здѣсь Дунай почти поравнявшійся съ мостомъ и корабельщиковъ, совсѣмъ не имѣющихъ желанія ѣхать въ Вѣну по такимъ почтеннымъ волнамъ. Не знаемъ еще, будемъ ли здѣсь дожидаться, покуда сбудетъ вода или поѣдемъ съ почтою; послѣднее однакоже всего вѣроятнѣе и имѣетъ въ свою пользу голосъ Рожалина. Между тѣмъ главное дѣло вотъ въ чемъ: еслибы мы поѣхали изъ Регенсбурга водою, то переѣздъ до Вѣны стоилъ бы гульденовъ по 8 съ человѣка; теперь же, благодаря дешевизнѣ трактировъ и сухопутному вояжу, истратили изъ нашей казны несмѣтныя суммы, и по разсчету, сейчасъ сдѣланному, выходитъ, что по пріѣздѣ въ Вѣну останется намъ на прожитье тамъ и возвратъ 15 гульденовъ! Это насъ сначала такъ испугало, что Рожалинъ совсѣмъ было уперся, чтобы ѣхать назадъ; однако сохраненію казны и это не помогло бы, потому что переѣздъ отсюда до Минхена и до Вѣны почти равенъ. Наконецъ, мы рѣшили такъ, чтобы ты вооружился ключемъ, тебѣ оставленнымъ, и *поскорѣе* выслалъ бы намъ въ Вѣну черезъ банкира 300 гульденовъ, и гульденовъ Баварскихъ, а не Австрійскихъ, потому что Австрійскіе половиною меньше; адресуй *poste restante*.—Что мы поторопилися не кстати, что разсчетъ былъ и дерзкій, и плохой, это все правда; но теперь уже нѣтъ попяту. Впрочемъ, я не жалѣю о крюкѣ: мы видѣли интереснаго много, и много намъ будетъ воспоминаній отъ этой поѣздки. Траты же будетъ возможность вознаградить нѣсколько послѣ экономическими разсчетами.

Покуда прощай и присылай скорѣе денегъ... Обнимаю тебя.

---

*) Надеждѣ Николаевнѣ, матери А. В. Шереметева, урожденной Тютчевой. П. Б.

ПОСЕЛЕНІЕ ГРУЗИНЪ ВЪ МАЛОРОССІИ [1]).

(Историческій очеркъ).

Сношенія Грузіи съ Россіей относятся къ отдаленнымъ временамъ Русской исторіи; такъ, напримѣръ, Юрій, сынъ Андрея Боголюбскаго, былъ

[1]) Главнымъ источникомъ этого очерка служили документы Архива Малороссійской Коллегіи (при Харьковскомъ университетѣ). Весь матеріалъ этихъ документовъ легко распадается на двѣ категоріи: одна часть касается водворенія Грузинъ въ Малороссіи и раздачи имъ дворовъ, а другая рисуетъ намъ взаимныя отношенія мѣстнаго населенія и Грузинъ, какъ поселенцевъ края. Изъ имѣвшихся у меня подъ рукой пособій я считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ только объ одномъ. Въ 1888 году въ „Сборникѣ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа“ въ VII выпускѣ, вышла небольшая „Замѣтка“ о Грузинахъ въ Малороссіи подъ заглавіемъ: „Страничка изъ жизни Грузинъ-поселенцевъ въ Малороссіи“ П. Ѳедоровскаго (учителя Тифлисскаго женскаго учебнаго заведенія Св. Нины). Замѣтка эта по объему небольшая: всего семь страничекъ; составлена она на основаніи того же архивнаго матеріала, надъ которымъ пришлось работать и мнѣ. Для своей замѣтки Ѳедоровскій воспользовался изъ архива только пятью дѣлами; изъ этихъ пяти дѣлъ онъ извлекъ матеріалъ, относящійся ко второй группѣ, т. е. онъ описываетъ жизнь Грузинъ, уже осѣвшихъ на своихъ мѣстахъ. Жаль, что этотъ матеріалъ онъ разработалъ крайне односторонне. Вся его брошюрка сводится къ описанію невзгодъ, которыя будто бы накликали на свою голову поселившіеся въ Малороссіи Грузины; изъ всѣхъ этихъ невзгодъ авторъ описалъ только имущественные захваты, произведенные сосѣдями у Грузинъ. По словамъ автора выходитъ, что Грузины въ этомъ случаѣ играли роль чисто пассивную; въ тоже время изъ дѣлъ Малороссійской Коллегіи видно, что Грузины никогда не играли страдательной роли и очень часто старались не отстать отъ Малороссійскихъ владѣльцевъ на поприщѣ захватовъ, насилій и своеволій, чѣмъ такъ богата исторія землевладѣнія Малороссіи въ XVIII в. (Хар. Ист. Арх. М. К. 7682, 7939, 12559, 20802 и 21952). Дѣло только въ томъ, кто были сосѣдями Грузинъ: если сильнѣйшій, въ родѣ Будлянскаго, то страдалъ Грузинъ; а если слабѣйшій, то дѣйствующимъ лицомъ становился Грузинъ, а страдательнымъ его сосѣдъ; слѣдовательно Грузины не были такъ „злосчастны“ (ст. 7), какими ихъ рисуетъ авторъ. Всѣ же эти захваты и насилія, разъ они и были, чего впрочемъ отрицать нельзя, представляли собой обыкновенное явленіе, такъ что взаимныя отношенія Грузинъ-владѣльцевъ и Малороссіянъ-владѣльцевъ не представляли собой ничего отличнаго отъ взаимныхъ отношеній

женать на Грузинской царицѣ Тамарѣ [2]). Сношенія эти не прерывались и потомъ впродолженіи всей Русской исторіи: Грузія, раздираемая внутренними междоусобіями и тѣснимая внѣшними врагами, не разъ прибѣгала къ покровительству единовѣрной Россіи [3]). Первое посольство съ просьбой о помощи было послано Кахетинскимъ царемъ Александромъ I въ Москву въ 1492 г. [4]) Съ 1653 г. въ Московское государство начинають пріѣзжать Грузинскіе цари и царицы; такъ, въ этомъ году пріѣхалъ восьмилѣтній внукъ Теймураза Николай Давидовичъ, вмѣстѣ съ матерью [5]); въ 1658 г. въ Москвѣ былъ и самъ Теймуразъ. Въ концѣ царствованія Петра Великаго Грузинскій царь Вахтангъ, тѣснимый Турками и Персами, долженъ былъ бѣжать изъ своей родины. Бѣжалъ онъ въ Россію.

Въ Россію Вахтангъ переселился со всей своей семьей [6]), а съ нимъ также нѣкоторые Грузинскіе князья и дворяне. Переселеніе Вахтанга положило собой начало цѣлому ряду переселеній Грузинскихъ князей и дворянъ въ Россію. Всѣ эти князья и дворяне являлись въ Россію обыкновенно съ своими семьями и слугами, „фамиліями", по выраженію документовъ того времени [7]); нѣкоторые же изъ дворянъ приводили съ собой цѣлыя скопища военнаго люда. Такъ, напримѣръ, Борисъ Гамкралидзевъ въ 1740 году привелъ съ собой въ Русское подданство до 150 человѣкъ иностраннаго люда, который онъ собралъ и содержалъ до принятія Русскаго подданства на своемъ собственномъ иждивеніи или „коштѣ" [8]). Всѣ Грузины, прибывшіе съ Вахтангомъ въ Россію, а также и переселившіеся впослѣдствіи, получали отъ Русскаго правительства денежное жалованье, а также муку, овесъ, сѣно и

вообще Малороссійскихъ помѣщиковъ между собой (см. Дневн. записки Марковича, Лазаревскій, Малороссійскіе посполитые крестьяне, Зап. Черн. Губ. Стат. Ком. 1866 г., Семевскій, Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII в. и первой четверти XIX в., т. I). О другихъ погрѣшностяхъ въ этой замѣткѣ, иногда значительныхъ, я не считаю нужнымъ распространяться, такъ какъ они зависятъ отъ незначительности переработаннаго матеріала.

[2]) Смот. подробнѣе Исторія Россіи Д. Иловайскаго, II ч., ст. 232 и 238.

[3]) Земля и люди Э. Реклю, VI т., ст. 150. Краткая исторія Грузинской церкви Іосселіани. Петербургъ 1843 г. ст. 100 и слѣд.

[4]) Истор. Рос. Соловьева, XII т. 267, 268 и 269.

[5]) Истор. Рос. Соловьева, XVIII т. 78. Рус. Ист. Н. Костомарова, II т. XVIII в., ст. 230 и 237.

[6]) По словамъ Якова Марковича, съ Вахтангомъ пріѣхало въ Россію 6 епископовъ, 14 архимандритовъ и прочихъ монаховъ, служителей и женскаго полу 1185 человѣкъ. Днев. зап. Як. Марковича, I ч., ст. 50.

[7]) Хар. Ист. Арх. М. К. № 21000.

[8]) Хар. Ист. Арх. М. К. № 12564 и 12559.

дрова [9]); въ царствованіе же Анны Ивановны, въ 1738 г., они пожелали принять Русское подданство, вступивъ въ военную службу [10]).

Государыня, сочувствуя ихъ желанію, повелѣла учредить особую гусарскую роту изъ Грузинъ. За службу имъ выдавался извѣстный окладъ жалованья; для обезпеченія же какъ въ мирное время, такъ и на случай, если бы кто изъ нихъ служить не могъ, указомъ повелѣно было отвести имъ „для поселенія въ Украйнѣ въ пристойныхъ мѣстахъ деревни и земли изъ отписныхъ или другихъ какихъ казенныхъ деревень и земель въ вѣчное потомственное владѣніе каждому по пропорціи" [11]): такъ князьямъ по 30 дворовъ, дворянамъ по 10, если же у кого изъ князей окажутся малолѣтніе сыновья, то на воспитаніе ихъ отводилось по пяти дворовъ [12]). Въ указѣ не упомянуто, чтобы деревни раздавались не-дворянамъ; изъ дѣлъ же Малороссійской Коллегіи видно, что иногда дворы отводились и не-дворянамъ: такъ смотритель казенныхъ маетностей въ Прилуцкомъ полку доносилъ, что прислала только одна жена Грузина „не изъ дворянъ" Ивана Яковлева для обмѣна четырехъ дворовъ [13]).

Въ 1738 г. 25 Марта былъ изданъ указъ о пожалованіи Грузинамъ въ Малороссіи казенныхъ деревень, а въ 1740 г. 8 Іюня указомъ Правительствующаго Сената разрѣшена была Малороссіянамъ добровольная продажа Грузинамъ частныхъ грунтовъ и всевозможнаго рода угодій; въ указѣ воспрещалась только продажа казачьихъ грунтовъ и самихъ казаковъ [14]).

Итакъ Грузины въ Малороссіи явились, по волѣ Русскаго правительства, въ качествѣ землевладѣльцевъ въ первую половину прошлаго вѣка. Но

---

[9]) Хар. Ист. Арх. М. К. № 21000. По указу отъ 17 Августа 1725 г., Грузинскому царю Вахтангу со всей фамиліей и „прочимъ при немъ будучимъ" опредѣлено давать на содержаніе изъ доходовъ, которые „въ сборѣ быть имѣютъ съ патріаршихъ вотчинъ", именно: 24000 руб. деньгами, муки 4000 четвер., овса 2000 четвер., сѣна на 200 лошадей по 180 пудъ въ годъ на каждую лошадь и дровъ 500 саж.; по указу 12 Января 1726 г. сѣно, овесъ и мука должны были отпускаться по прежнему, деньги въ прежнемъ размѣрѣ 24000 руб. выдавались изъ наличныхъ суммъ, обрѣтающихся въ синодскомъ казенномъ приказѣ, а на покупку дровъ ежемѣсячно выдавалась извѣстная сумма изъ денежныхъ дворовъ. Пол. Соб. Зак. т. VII, № 4818.

[10]) Хар. Ист. Арх. М. К. № 21000. Пол. Соб. Зак. т. X, № 7545.

[11]) Пол. Соб. Зак. т. X, № 7545 (ст. 446—447).

[12]) При чемъ въ указѣ добавлено „а впредь на родящихся деревень не давать".

[13]) Хар. Ист. Арх. М. К. № 21952.

[14]) По рѣшительнымъ пунктамъ 1728 г. продажа угодій иноземцамъ въ Малороссіи была воспрещена (Зап. Черн. Губ. Стат. Ком. 1866 г. кн. I, ст. 108), но затрудненіе это удалялось тѣмъ, что Грузины во-первыхъ служили въ войскахъ Ея Величества, а во-вторыхъ, получивши въ Малороссіи въ силу указа 1738 г. помѣстья, они становились какъ бы туземцами. См. Днев. зап. Якова Марковича, II ч., ст. 117. Объ указѣ 1740 г. см. Хар. Ист. Арх. М. К. № 22780.

есть возможность предположить, что Грузины кромѣ этого проникали въ Малороссію еще съ Юга, изъ предѣловъ Турціи; такъ мы имѣемъ свидѣтельство объ одномъ плѣнномъ Грузинѣ, вышедшемъ изъ Турціи въ 1731 году и скитавшемся по Малороссіи, пока игуменъ Лебединскаго монастыря не направилъ его съ грамотой въ Глуховъ, гдѣ ему (Грузину) выданъ былъ паспортъ до Москвы [15]). Что появленіе этого плѣннаго не единичный случай, подтверждаетъ другой документъ, въ которомъ мы читаемъ, что князю Баратову дано было порученіе навербовать въ Малороссіи, въ украинныхъ мѣстахъ, въ гусарскую Грузинскую роту Грузинцевъ и другихъ націй людей [16]), которые, по словамъ документа, переѣзжаютъ въ Малороссію изъ предѣловъ Турціи [17]). Но все-таки движеніе Грузинъ изъ Турціи въ Малороссію мы должны принять за незначительное и при томъ обставленное иными условіями, главная же масса движенія шла вся изъ Великороссіи [18]).

Русское правительство, поселивъ Грузинъ въ Малороссіи, нѣсколько разъ поднимало вопросъ о переселеніи ихъ въ другія части Россіи; такъ, когда возникъ вопросъ о заселеніи Оренбургскихъ крѣпостей, то правительство рѣшило между прочимъ поселить въ нихъ и Грузинъ: въ указѣ отъ 1742 г. 27 Сентября мы читаемъ: „Малороссійцовъ не набирать, а въ тѣхъ крѣпостяхъ селить Грузинцевъ и Волоховъ, такожъ которымъ Грузинцамъ въ Малой Россіи деревни даны, оныхъ туда же перевесть“ [19]); но

---

[15]) Харьк. Ист. Арх. М. К. № 17070. Типична грамота, выданная этому Грузину она можетъ показать отношеніе Малороссійскаго духовенства вообще къ плѣнникамъ, а въ частности къ плѣнникамъ-Грузинамъ. Вотъ она: „Извѣстно буди всякой отъ Бога учиненной власти, такъ духовной, яко и мирской, что изявитель сего свѣдѣтелного писанія Григорій Грузинской земли питомецъ, попущеніемъ Божіимъ грѣховъ ради нашихъ доставшися въ неволю Агаряномъ, былъ тамъ не малое время, а тепер паки Бжіею благодатіею зъ оной неволѣ въ наши христіянскіе Малороссійскіе украинскіе страны вишовши, похотѣлъ (аще Бгъ ему поспишитъ) въ свою отчину Грузинскую возвратитися, а хощетъ трактовати хрстіянскими Малороссійскими городами, за которимъ то мы, яко страннимъ, а истиннимъ христіяниномъ вносимъ свѣдителство и духовную инстанцію, просячи всякихъ отъ Бга учиненныхъ властей, благоволилъ би оному всякую христіянскую милость и страннолюбіе являти такожде и въ пропускахъ доброволніе прехожденіе, за что отъ Всевидца Христа и Господа всѣмъ благодѣтельствующимъ чаяти би не сумѣнно отъ вѣчнаго воздаянія, още и ми яко веземшіи на себе иго Христово долженствуемъ Его милоствовати. Въ подлинномъ подписано тако: Всѣмъ отъ Бга учиненнимъ властемъ сугубихъ благъ усерднихъ желатель слуга и млтвенникъ іеромонахъ Назарій Тополя, смиренній игуменъ монастыря Лебединского зо Христов Братіею з монастира Лебединского 1732 г. Іануарія 2“.

[16]) Персіянъ Греческаго вѣроисповѣданія, Армянъ и Грековъ вольножелающихъ.

[17]) Хар. Ист. Арх. М. К. № 1979; документъ относится къ 1752 году.

[18]) Хар. Ист. Арх. М. К. № 21000 и др. Кіевская Старина 83 г., т. VI, ст. 328. Дневн. зап. Якова Марковича, II ч., ст. 98.

[19]) Пол. Соб. Зак. XI т., ст. 656.

до окончательнаго рѣшенія вопроса Грузинамъ снова разрѣшена была раздача дворовъ въ Малороссіи попрежнему, и проектъ о переселеніи Грузинъ въ Оренбургскія степи заглохъ [30]). Въ 1743 и 1745 г. снова возникъ проектъ о переселеніи Грузинъ, но уже не въ Оренбургскія степи, а въ Великороссію, гдѣ правительство рѣшило имъ отдать конфискованныя земли; проектъ этотъ долго оставался проектомъ, почему сами Грузины въ 1750 г. обратились къ гетману Разумовскому съ просьбой о ходатайствѣ его предъ правительствомъ о скорѣйшемъ переводѣ ихъ въ Великороссію. Просьба эта, какъ и самый проектъ, остались безъ всякихъ послѣдствій, и Грузины остались навсегда поселенцами Малороссіи [31]).

Для правильнаго веденія раздачи Грузинамъ дворовъ была назначена особая коммиссія подъ названіемъ „Раздаточная Грузинамъ дворовъ коммиссія" [32]). Коммиссія эта сначала была въ вѣдомствѣ войсковой генеральной канцеляріи, а въ 1743 г. въ Августѣ [33]) она поступила въ вѣдомство коммиссіи экономіи описныхъ на Ея Императорское Величество маетностей [34]). При коммиссіи раздачи Грузинамъ дворовъ находились особые чиновники, называемые „раздатчики, обрѣтающіеся у раздачи Грузинамъ дворовъ" [35]). Коммиссія раздачи Грузинамъ дворовъ производила свои операціи по полкамъ: сначала въ одномъ, а потомъ переходила въ другой [36]); дворы раздавались на основаніи указовъ войсковой генеральной и министерской канцелярій и согласно инструкціи данной отъ 1739 г. 3 Іюля генеральной

---

[30]) Хар. Ист. Арх. М. К. № 21952.

[31]) Шафонскій. Описаніе Черниговскаго намѣстничества. Хар. Ист. Арх. М. К. № 15350.

[32]) Хар. Ист. Арх. М. К. №№ 21952, 19378, 9089, 3470 и проч.

[33]) 18 Августа Хар. Ист. Арх. М. К. № 19378.

[34]) Хар. Ист. Арх. М. К. №№ 21952, 19378, 9089 и 3470.

[35]) Для отвода Грузинамъ дворовъ первоначально былъ посланъ капитанъ Глуховскаго гарнизона Протопоповъ; онъ отвелъ Грузинамъ дворы безъ угодьевъ, а въ иныхъ дворахъ были однѣ женщины и при томъ часто увѣчныя, поэтому Грузины просили о смѣнѣ Протопопова; по изслѣдованію дѣла онъ былъ смѣненъ (Хар. Ист. Арх. М. К. № 19378) и вмѣсто него былъ назначенъ маіоръ Труновъ, бунчуковый товарищъ Остроградскій и войсковой канцеляристъ Бразоль; для руководства имъ дана была инструкція, съ которой они должны были соображаться при раздачѣ дворовъ (Хар. Ист. Арх. М. К. № 19378); послѣ Трунова у раздачи состоялъ подполковникъ Зиновьевъ съ товарищи; послѣ нихъ раздатчиками были войсковой товарищъ Веспертинскій и войсковой канцеляристъ Петрашевичъ, которые по просьбѣ Грузинскаго князя Орбеліанова и другихъ Грузинъ, въ числѣ десяти человѣкъ, были отрѣшены отъ должности за взятки и другія неисправности по службѣ (Хар. Ист. Арх. М. К. № 2849), а вмѣсто нихъ были назначены поручикъ Дубасовъ и войсковой канцеляристъ Жуковскій (Хар. Ист. Арх. М. К. № 2849).

[36]) Хар. Ист. Арх. М. К. № 21952 и 19378. Первоначально раздача была въ Полтавскомъ полку, затѣмъ въ Миргородскомъ, въ Лубенскомъ и наконецъ въ Прилуцкомъ.

канцеляріей. Дворы выдавались самолично на руки, а иногда по довѣренности могли получить ихъ и другія лица; такъ за Магабелова по его довѣренности получаетъ Амилохоровъ [27]). При получкѣ дворовъ раздатчиками выдавался на право владѣнія „обыкновенный", сказано въ документахъ, билетъ [28]).

Помѣстья Грузинамъ отдавались во владѣніе послѣ принятія ими присяги и подъ условіемъ, что получившіе ихъ должны стать вѣчно подданными Россійской Имперіи и за границу изъ своихъ помѣстій безъ данныхъ имъ паспортовъ отлучаться не будутъ [29]). Имѣнія отдавались въ вѣчное владѣніе съ правомъ передавать по наслѣдству [30]), а также и продавать; при чемъ, если кто хотѣлъ бы продать полученное помѣстье, то долженъ былъ заявить генеральной войсковой канцеляріи, которая должна была навести справку и если оказывалось, что цѣна, предлагаемая покупщикомъ, не превышала дѣйствительной стоимости имѣнія, то по предписанію указа войсковая канцелярія должна была озаботиться пріобрѣтеніемъ этого помѣстья, употребивъ на покупку онаго деньги изъ казенныхъ доходовъ.

Раздача Грузинамъ дворовъ была въ Полтавскомъ, Миргородскомъ, Лубенскомъ и Прилуцкомъ полкахъ. Относительно числа розданныхъ дворовъ въ архивныхъ документахъ мы не имѣемъ точнаго указанія: вѣдомости, которыя пока находятся въ нашемъ распоряженіи, относятся къ 1743 и 1745 г.; въ тоже время есть возможность утверждать, что дворы раздавались и послѣ 1743 и 1745 г. и даже тогда, когда собственно раздача была окончена; такъ, напримѣръ, князьямъ Амилохоровымъ были розданы дворы въ Лубенскомъ полку по окончаніи раздачи [31]).

Изъ вѣдомости, относящейся къ Сентябрю 1743 г. [32]), мы знаемъ, что въ Полтавскомъ полку было роздано, по указамъ генеральной войсковой канцеляріи, 1070 дворовъ, въ Миргородскомъ 540, въ Лубенскомъ по указу генеральной канцеляріи и указамъ изъ коммиссіи экономіи описныхъ на Ея Императорское Величество маетностей—490 дворовъ [33]). Изъ описи дѣлъ [34]) коммиссіи о раздачѣ Грузинамъ дворовъ видно, что въ Прилуцкомъ полку въ Сребранской сотнѣ было роздано 195 дворовъ и ассигновано для раздачи

---

[27]) Хар. Ист. Арх. М. К. № 21952.

[28]) Хар. Ист. Арх. М. К. № 21952. Билетъ обыкновенно начинался словами: „по указу Ея Императорскаго Величества билетъ" далѣе описывалось подробно: кому и кѣмъ были отданы дворы, сколько и въ какомъ мѣстѣ. Въ концѣ послѣ подробнаго перечня дворовъ слѣдовала подпись раздатчиковъ (Хар. Ист. Арх. М. К. № 3470).

[29]) Пол. Соб. Зак. т. X, № 7545.

[30]) Пол. Соб. Зак. т. X, № 7545. Хар. Ист. Арх. М. К. № 1 2559 и 3065.

[31]) Хар. Истор. Арх. М. К. № 21952.

[32]) Въ оригиналѣ число пропущено.

[33]) Хар. Ист. Арх. М. К. № 19378.

[34]) Опись относится къ 1743 г. Октябрю мѣсяцу Хар. Ист. Арх. М. К. № 2849.

50 дворовъ и въ Варвинской сотнѣ 10 дворовъ; итого въ Прилуцкомъ полку—205 дворовъ. Итакъ, въ четырехъ полкахъ по архивнымъ документамъ розданныхъ дворовъ до 1744 г. мы имѣемъ 2305; а если къ этому прибавить ассигнованные для раздачи дворы [35]), то всѣхъ розданныхъ дворовъ получимъ 2500. На самомъ же дѣлѣ всѣхъ дворовъ было роздано значительно больше; такъ по „прошенію Малороссійскаго шляхетства и старшинъ вмѣстѣ съ гетманомъ о возстановленіи разныхъ старинныхъ правъ Малороссіи, поданному Екатеринѣ II въ 1764 году", оказывается, что Грузинамъ въ Малороссіи было роздано болѣе 5000 дворовъ [36]).

Раздаточная коммиссія прежде всего начала свои операціи въ Полтавскомъ полку [37]); дворы, розданные коммиссіей, оказались, по выраженію того времени, крайне нищетными, т. е. кромѣ хаты и двора не было никакихъ угодій, ни огороду, ни поля. Владѣльцы этихъ дворовъ по большей части были ремесленники и очень часто не имѣли даже своей хаты, а помѣщались въ чужихъ; во многихъ дворахъ мужчинъ совсѣмъ не было, а были однѣ женщины [38]). Такая раздача дворовъ вызвала среди Грузинъ неудовольствіе, и вотъ они обратились къ правительству съ прошеніемъ, въ которомъ просили о перемѣнѣ дворовъ и о смѣнѣ раздатчиковъ.

Генеральная войсковая канцелярія, желая уничтожить недоразумѣнія между Грузинами и раздатчиками, а также предупредить могущіе возникнуть отсюда споры, выдала инструкцію, которой бы руководились раздатчики [39]). Въ этой инструкціи было предписано: во-первыхъ, отдавать въ подданство Грузинамъ посполитыхъ кромѣ мѣщанъ и казаковъ [40]); во-вторыхъ, чтобы въ отведенныхъ дворахъ кромѣ женщинъ были и мужчины, при дворахъ бы были огороды и угодья, и отданные въ подданство посполитые имѣли бы свои собственные дворы и не жили въ чужихъ хатахъ; и наконецъ, всѣ угодья, которыми владѣютъ посполитые, должны быть отданы вмѣстѣ съ дворами во владѣніе Грузинамъ [41]). Нужно замѣтить, что данная инструкція только отчасти помогла, но уладить споровъ не уладила, и часто потомъ возникали неудовольствія на раздатчиковъ со стороны Грузинъ, и появлялись отъ нихъ прошенія о перемѣнѣ дворовъ [42]).

Въ документахъ мы имѣемъ перечень дворовъ, розданныхъ нѣкоторымъ Грузинамъ; вотъ напримѣръ, перечень дворовъ, розданныхъ войсковымъ то-

---

[35]) Хар. Ист. Арх. М. К. № 2849.

[36]) Кіевск. Стар. 83 г. VI т., ст. 328.

[37]) Хар. Ист. Арх. М. К. № 19378.

[38]) Хар. Ист. Арх. М. К. № 19378.

[39]) Хар. Ист. Арх. Мал. Кол. № 19378.

[40]) Казаковъ, которые отъ дѣдовъ и отцевъ казаки. (Хар. Ист. Арх. М. К. № 19378).

[41]) Хар. Ист. Арх. М. К. № 19378. Инструкція была выдана 1739 г. 3 Іюля.

[42]) Хар. Ист. Арх. М. Кол. №№ 19848, 7939, 2834 и пр.

варищемъ Веспертинскимъ и канцеляристомъ Петрашевичемъ князю Шаликову съ обозначеніемъ получаемыхъ съ каждаго двора оброчныхъ денегъ: 1) Иванъ Тумецъ съ снохою Варварою имѣетъ жилой дворъ съ тремя хатами, а другихъ угодій не имѣетъ, оброковъ же никакихъ не платитъ, ибо у него квартируетъ князь Шаликовъ, 2) Василь Куликъ имѣетъ жилой дворъ съ хатою, а другихъ угодій не имѣетъ, оброку платитъ на мѣсяцъ по 30 коп., 3) Пархомъ Пащенко имѣетъ жилой дворъ, а другихъ угодій не имѣетъ, оброку платитъ на мѣсяцъ по 50 коп., 4) Петро Ивановъ имѣетъ жилой дворъ, а другихъ угодій не имѣетъ, оброку платитъ по 50 коп., 5) Павло Дюгтяренко имѣетъ жилой дворъ съ огородомъ, а другихъ угодій нѣтъ, оброку платитъ по 60 коп., 6) Лукьянъ Вербецъ имѣетъ жилой дворъ, а другихъ угодій не имѣетъ, оброку платитъ по 80 коп., 7) Стефанъ Сидоренко имѣетъ жилой дворъ съ огородомъ, а другихъ угодій не имѣетъ, оброку платитъ по 40 коп., 8) Алексѣй Стелмахъ имѣетъ жилой дворъ, а другихъ угодій не имѣетъ, оброку платитъ по 70 коп., 9) Иванъ Сѣреенко имѣетъ жилой дворъ, и пашенной земли засѣву на двѣ четверти, да еще продалъ пашенной земли засѣву на одну четверть Ивану Слѣпенченку Воротиляковому подсусѣдку, а оброку платитъ въ мѣсяцъ по 90 коп., у него братъ Демко. 10) Андрей Кусякъ имѣетъ жилой дворъ съ садомъ, а другихъ угодій не имѣетъ, оброку платитъ по 50 коп., 11) Иванъ Косминенко имѣетъ жилой дворъ, а другихъ угодій не имѣетъ, оброку платитъ по 25 коп., 12) Тишко Кудря съ зятемъ Яковомъ имѣетъ хату одну, а другихъ угодій не имѣетъ, оброку платитъ по 20 коп., 13) Данило Василченко имѣетъ одну хату, а другихъ угодій не имѣетъ, платитъ въ мѣсяцъ по 10 коп., 15) Василь Гавриленко имѣетъ жилой дворъ, а другихъ угодій не имѣетъ, оброку платитъ по 20 коп., 16) Савка Доброхлѣбенко имѣетъ жилой дворъ, а другихъ угодій не имѣетъ, оброку платитъ по 30 коп., 17) Лукьянъ Руденченко имѣетъ жилой дворъ и лѣса небольшую часть, оброку платитъ по 50 коп., 18) Грицко Мироненко имѣетъ жилой дворъ съ огородомъ и садомъ, пашенной земли засѣву на двѣ четверти, оброку платитъ по 80 коп., у него братъ Семенъ, 19) Игнатъ Бондарь имѣетъ жилой дворъ, а другихъ угодій не имѣетъ, оброку платитъ по 20 коп., 20) Иванъ Нижникъ имѣетъ жилой дворъ съ огородомъ, пашенной земли засѣву на двѣ четверти, лѣса часть, оброку платитъ по 25 коп., 21) Вдова Евдокія Савченкова имѣетъ жилой дворъ съ огородомъ и садомъ, пашенной земли засѣву на десять четвертей, сѣнокосу на двадцать возовъ, оброку платитъ по 30 коп., 22) Марія Яковиха Сѣроштанка съ сыновьями Яковомъ, Кирилломъ, Филиппомъ, Никитою и Трофимомъ имѣетъ жилой дворъ, пашенной земли засѣву на двѣ четверти, часть лѣса, оброку платитъ на мѣсяцъ по 50 коп., садъ же ея за долги взялъ значковый товарищъ Иванъ Полетика, 23) Вдова Одарка Ващенкова съ сынами Семеномъ и Олексѣемъ имѣетъ жилой дворъ съ садомъ, а другихъ угодій не имѣетъ, оброку платитъ по 40 коп., 24) Вдова Устихія Савчиха съ сыновьями Грицкомъ и Иваномъ имѣетъ жилой дворъ, а другихъ угодій не имѣетъ, оброку платитъ по 10 коп., 25) Юско Морѣйка имѣетъ жилой дворъ, а другихъ угодій не имѣетъ, оброку

платитъ по 20 коп., 26) Вдова Ганна Кучеренкова имѣетъ одну хату, а другихъ угодій не имѣетъ, оброку платитъ по 10 коп., 27) Савка Туничинъ, зять Колодѣенка, имѣетъ хату, а другихъ угодій не имѣетъ, „оброковъ не платитъ, что старостою", 28) Леско Скляръ сойшолъ, а дворъ его пустъ. 29) Вдова Штуччиха сойшла, а дворъ ея впустѣ, 30) Козма Забара сойшолъ, а дворъ его пустъ [43]).

Изъ этого перечня мы видимъ, что Шаликовъ съ своихъ 30 дворовъ получалъ въ годъ оброку 115 рублей. При этомъ нужно замѣтить, что многіе дворы, какъ видно изъ перечня, были безъ всякихъ угодьевъ, т. е. нищетные, въ виду чего Шаликовъ и просилъ о перемѣнѣ ихъ, и просьба Шаликова, кажется, была уважена [44]). Если мы приемемъ въ разсчетъ, съ одной стороны нищетность нѣкоторыхъ дворовъ, а съ другой—пустоту трехъ дворовъ, то мы должны будемъ увеличить цифру годоваго дохода Грузинскихъ князей съ своихъ помѣстій. И дѣйствительно мы имѣемъ указаніе, что Грузины съ своихъ дворовъ иногда брали по 6 рублей въ годъ и болѣе, а въ годъ слѣдовательно съ 30 дворовъ 180 руб. и болѣе [45]); но послѣдняя цифра оброка считалась въ то время слишкомъ высокой и обременительной, такъ что поднятъ былъ вопросъ объ уменьшеніи оной. Поэтому, если мы возмемъ средину между двумя крайностями, то врядъ-ли погрѣшимъ, опредѣливъ сумму годоваго дохода Грузинскихъ князей въ 150 рублей.

Грузины, принявшіе Русское подданство, должны были представлять изъ себя нѣчто въ родѣ военнаго сословія; такъ, въ указѣ мы читаемъ: „должны они (Грузины) имѣть, какъ въ военное время, такъ и въ мирное въ домахъ своихъ мундиръ, ружье и всякую воинскую аммуницію и лошадей изъ своего собственнаго иждивенія, не требуя изъ казны нашей" [46]), и во время походовъ должны были являться всѣ на службу такъ, что дома оставались только жены да приказчики, управлявшіе помѣстьями [47]). Грузины служили въ гусарской Грузинской ротѣ [48]), но могли служить и въ другихъ армейскихъ полкахъ; напримѣръ, князья Амилохоровы [49]), а иногда, вѣроятно впослѣдствіи, и въ штатской службѣ [50]).

Образованіе дѣти Грузинъ получали: иные въ училищѣ иностранныхъ

---

[43]) Хар. Ист. Арх. М. К. № 19378.
[44]) Хар. Ист. Арх. М. К. № 19378.
[45]) Хар. Ист. Арх. М. К. № 23784.
[46]) Пол. Соб. Зак. X т. № 7545.
[47]) Хар. Ист. Арх. М. К. № 7939.
[48]) Полн. Соб. Зак. X т. № 7545.
[49]) Хар. Ист. Арх. М. К. № 21952.
[50]) Хар. Ист. Арх. М. К. № 21000.

языковъ въ Москвѣ, иные же бывали опредѣляемы указами Правительствующаго Сената въ кадетскіе корпуса [51]).

Говоря объ отношеніи мѣстнаго населенія къ водворенію Грузинъ въ Малороссіи, можно говорить объ отношеніи только владѣльческаго сословія, иначе шляхетства: для крестьянъ помѣщикъ-Грузинъ не представлялъ собой ничего отличнаго отъ другаго пана Малоросса [52]) и, какъ въ отношеніи Малороссійскихъ державцевъ, такъ и въ отношеніи Грузина-владѣльца посполитство могло выразить свое неудовольствіе только правомъ свободнаго перехода, чѣмъ оно въ критическихъ обстоятельствахъ дѣйствительно и пользовалось [53]). Другое дѣло шляхетство: поселеніе Грузинъ въ Малороссіи и отдачу имъ помѣстій оно считало нарушеніемъ своихъ правъ и привиллегій, по которымъ только они имѣли право владѣть землей. Поэтому и понятно, что въ каждомъ полку полковая старшина встрѣчала раздаточную коммиссію крайне недружелюбно, такъ что требовались особые указы для того, чтобы полковая старшина допустила оную коммиссію къ раздачѣ дворовъ [54]). Грузины сами, какъ видно, понимали недружелюбное отношеніе Малороссіянъ; такъ въ своемъ челобитьѣ они просили о назначеніи въ раздатчики кого нибудь изъ Великороссійскихъ офицеровъ.

Малороссійское шляхетство долго не могло забыть поселенія Грузинъ усебя въ Малороссіи, и въ прошеніи къ Екатеринѣ II въ 1764 г. о возстановленіи шляхетныхъ правъ и привиллегій однимъ изъ пунктовъ возстановленія своихъ правъ шляхетство считало удаленіе Грузинъ изъ Малороссіи [55]).

Теперь невольно возникаетъ вопросъ, какимъ образомъ отразилась на благосостояніи края отдача Грузинамъ дворовъ. Въ 1738 г. состоялось постановленіе о раздачѣ въ Малороссіи Грузинамъ дворовъ, а ужъ года черезъ четыре, именно 1742 г. 27 Сентября [56]), вышелъ указъ о переводѣ Грузинъ изъ Малороссіи въ Оренбургскія крѣпости, и хотя потомъ черезъ мѣсяцъ (24 Октября) опять было приказано производить раздачу Грузинамъ дворовъ попрежнему, но указъ 1742 г. 27 Сентября не могъ остаться безъ послѣдствій: онъ показалъ Грузинамъ непрочность владѣнія данными имъ помѣ-

---

[51]) Хар. Ист. Арх. М. К. № 21952. Въ Кадетскій корпусъ принимались съ обязательствомъ остаться вѣчно въ Россіи. Пол. Соб. Зак. X т. № 7560.

[52]) Религіозный вопросъ, создавшій такой антагонизмъ между Малороссійскимъ посполитымъ и Польскимъ паномъ, здѣсь не имѣлъ мѣста.

[53]) Хар. Ист. Арх. М. К. № 7531, 23784, 19378 и пр.

[54]) Хар. Ист. Арх. М. К. № 19378 и 3470.

[55]) Кіевск. Стар. 83 г. VI т., ст. 328.

[56]) Хар. Ист. Арх. М. К. № 21952. Пол. Соб. Зак. XI т., ст. 656.

стьями, и если раньше этого указа Грузины, какъ элементъ пришлый и пока мало связанный съ экономическими интересами края, для обезпеченія себя должны были только и думать какъ бы нажиться отъ своихъ подданныхъ, то послѣ этого указа, т. е. указа 27 Сентября: „не проча себѣ чрезъ долгое время оныхъ подданныхъ во владѣніи“ [57]), они еще болѣе должны были дѣйствовать угнетающимъ образомъ на своихъ крестьянъ, что̀ дѣйствительно и было. Такъ смотритель Лубенскаго полка [58]) Аристовъ доносилъ: „Грузинскіе князья отведенныхъ имъ въ подданство мѣщанъ и простыхъ посполитыхъ немалыми отягощаютъ поборами, побоями и протчими грабительствы“ [59]). Сами же Грузины въ своей челобитной, поданной въ 1750 г. на имя гетмана, признавались: „и мы въ надеждѣ того премѣненія въ деревняхъ чрезъ все прошедшее время въ содержаніи своихъ фамилей безъ всякаго экономическаго призрѣнія продолжаемся“ [60]).

При этомъ еще нужно замѣтить, что управленіе Грузинскими имѣніями находилось большею частью въ рукахъ приказчиковъ [61]), что̀ должно было еще тягостнѣе отозваться на крестьянахъ. И дѣйствительно управленіе Грузинъ ложилось тяжелымъ бременемъ на подданныхъ. Такъ Аристовъ въ своемъ доношеніи говоритъ: „послѣднее ихъ бѣдное имущество почти до послѣдней рубашки поарестовали“; Нѣмчиновъ же, смотритель Прилуцкаго полка, докладывалъ, что Грузины съ своихъ подданныхъ берутъ большіе оброки и непосильными отягощаютъ работами. Крестьяне, не будучи въ состояніи выполнить требованій своихъ господъ-Грузинъ [62]), бросали свои грунты и по праву вольнаго перехода уходили въ другія мѣста. Грузины, потерявъ подданныхъ, старались воспользоваться хотя тѣмъ, что̀ осталось послѣ нихъ: такъ, хату, оставшуюся послѣ посполитаго, тотчасъ же продавали на сносъ [63]), лѣсъ вырубали [64]); однимъ словомъ, въ виду временнаго пребыванія въ Малороссіи, Грузины старались изъ всего извлечь пользу и все обратить въ капиталъ, чѣмъ, конечно, обезцѣняли помѣстья. Въ виду такого хищническаго хозяйничества Грузинъ Нѣмчиновъ просилъ правительство, чтобы имъ было предписано уменьшить окладъ своихъ подданныхъ; а Прилуцкая полковая старшина, чтобы помочь бѣдѣ, щадя свои владѣльческія права, выдвинула вопросъ о запрещеніи вольнаго перехода посполитыхъ, хотя въ сосѣднія мѣста.

---

[57]) Хар. Ист. Арх. М. К. № 21952.

[58]) Смотритель описныхъ на Ея Императорское Величество маетностей.

[59]) Хар. Ист. Арх. М. К. № 21952.

[60]) Хар. Ист. Арх. М. К. № 21000.

[61]) Хар. Ист. Арх. М. К. № 7939 и 21952.

[62]) „Придя въ несостояніе“ по выраженію документа. Х. Ист. Арх. М. К. № 23784.

[63]) Хар. Ист. Арх. М. К. № 23784.

[64]) Хар. Ист. Арх. М. К. № 14883.

Самая раздача Грузинамъ дворовъ сопровождалась неблагопріятными для края условіями. При раздачѣ дворовъ раздатчики между посполитыми, „въ отмѣнность указовъ", отдали въ подданство Грузинамъ мѣщанъ и промышляющихъ, „бавящихся" купечествомъ [65]), а также и другихъ, пользующихся особыми вольностями и привиллегіями, напримѣръ, казаковъ-стрѣльцовъ. Такъ, напримѣръ, въ Лубенскомъ полку въ м. Ромнахъ было отдано 138 мѣщанскихъ и купеческихъ дворовъ, что̀ составитъ процентовъ 40 всего отданнаго въ этомъ мѣстѣ числа дворовъ, и войтъ Роменской ратуши доносилъ, что всѐ болѣе состоятельные мѣщане и купцы отданы во владѣніе Грузинамъ, почему „повинностей городскихъ исполнять некому" и въ ратушу не изъ кого выбрать бурмистра и писаря. Вообще же очень часто случалось, что на 30 дворовъ крестьянъ приходилось по 10 дворовъ мѣщанъ [66]). Этихъ мѣщанъ Грузины отягощали большими поборами; такъ Лукіанъ Вербецъ, Роменскій купецъ, отданный во владѣніе князю Шаликову [67]), въ прошеніи писалъ, что „чрезъ непорядочнія его (Шаликова) у мене съ подневоли взятки деньгами и протчими вещами крайне ужъ отягощенъ и изобиженъ". Это же самое подтверждаетъ и Аристовъ: „оного Вербеца взятками съ подневоли какъ деньгами, такъ и протчими вещами и отягощаетъ сверхъ же того" [68]).

Вернуть изъ подъ владѣнія отданныхъ Грузинамъ мѣщанъ и купцовъ оказалось дѣломъ не такъ скорымъ и легкимъ, какъ ихъ отдать; такъ Вербецъ долженъ былъ три раза подавать прошеніе объ одномъ и томъ же: въ 1745 г. въ Сентябрѣ, другое въ 1746 г. 4 Марта и, наконецъ, третье въ 1748 г. Сентября 23-го, гдѣ онъ упоминаетъ: „хотя по второму моему челобитью и сдѣлано въ коммиссіи экономіи опредѣленіе для представленія моего прошенія въ канцелярію министерскаго правленія по надлежащему порядку", но такъ какъ, добавляетъ онъ далѣе, посланный мой сынъ долженъ былъ вернуться по нѣкоторымъ обстоятельствамъ домой, то „оное было безъ надлежащаго дѣйствія и понынѣ въ продолженіе запущено". И хотя 1748 г. 17 Декабря указомъ Ея Императорскаго Величества предписано было изъять изъ подданства Грузинъ мѣщанъ и купцовъ и замѣнить ихъ посполитыми, но возникло новое затрудненіе: такъ въ Лубенскомъ полку не нашлось достаточнаго числа посполитыхъ для замѣны мѣщанъ и купцовъ, и пока шла отписка и переписка, Грузины, узнавъ о перемѣнѣ мѣщанъ, старались воспользоваться удобнымъ случаемъ взять съ нихъ, что̀ возможно; такъ Аристовъ доносилъ что „сугубыми накладами денежнаго цинша" [69]) не только за прошлое, но и на будущее время притѣсняли до того, что многіе оставляли

---

[65]) Хар. Ист. Арх. М. К. № 21952.

[66]) Хар. Ист. Арх. М. К. № 2108 и 23680.

[67]) Хар. Ист. Арх. М. К. № 21952.

[68]) Хар. Ист. Арх. М. К. № 21952.

[69]) Тамъ же.

свое жилье [70]) и, далѣе: „остальное ихъ бѣдное имущество почти до послѣдней рубашки поарестовали и ежели онымъ Роменскимъ мѣщанамъ другими не послѣдуетъ въ скорости перемѣна, удобно могутъ и остальные уже отъ тѣхъ Грузинскихъ прикащиковъ въ конецъ разориться“ [71]). Къ самой же перемѣнѣ Грузины отнеслись крайне непріязненно. Въ Прилуцкомъ полку, когда полковой смотритель Нѣмчиновъ предписалъ Сребранскому войту приписать къ ратушѣ всѣхъ мѣщанъ, отданныхъ Грузинамъ, то Грузинскій князь Орбеліановъ силою принуждалъ мѣщанъ къ исполненію подданническихъ повинностей“ [72]), держа мѣщанъ подъ арестомъ. Грузинскаго прапорщика Туманова дворецкій Михалка Ивановъ съ толпою Грузинъ, „наведши подводъ, хотѣлъ мѣщанина гвалтомъ со всѣмъ обграбовать“; а Грузинскій князь Иванъ Эристовъ, гвалтомъ напавши на ратушу, избилъ даже самого войта. И хотя Грузины должны были согласиться на перемѣну мѣщанъ и купцовъ, но сдѣлали это все-таки послѣ цѣлаго ряда своеволій, насилій и грабительствъ [73]), что, конечно, не могло отозваться благопріятно на экономическомъ состояніи края.

Если относительно мѣщанъ и купцовъ состоялся указъ о замѣнѣ ихъ посполитыми, то другія части населенія должны были остаться при своей участи, потерявъ свои вольности и привиллегіи; такъ въ сотнѣ Монастырской въ подданство Грузинскаго князя Саакадзева было отдано три стрѣльца-казака [74]) Иванъ Вакула, Семенъ и Омелко Прокопенки и, когда сотникъ Монастырскій доносилъ, что некѣмъ замѣнить оныхъ стрѣльцовъ и просилъ позволенія отобрать ихъ отъ Саакадзева, то отъ гетмана послѣдовалъ указъ, что отнятіемъ упомянутыхъ стрѣльцовъ владѣльцамъ будетъ причиненъ убытокъ, а стрѣльцами можно будетъ воспользоваться и изъ Глуховской сотни [75]).

Вотъ какими неблагопріятными условіями для благосостоянія края сопровождалось поселеніе Грузинъ въ Малороссіи.

Михаилъ Плохинскій.

Харьковъ, 1889 года.

[70]) Хар. Ист. Арх. М. К. № 21952.

[72]) Тамъ же.

[73]) Тамъ же.

[74]) Хар. Ист. Арх. М. К. № 21952, 7939 и пр.

[75]) Стрѣльцы (казаки) охотники, доставлявшіе дичь къ гетманскому столу.

[71] Хар. Ист. Арх. М. К. № 22926.

КТО ВЗЯЛЪ ВЪ ПЛѢНЪ КОСТЮШКУ ВЪ 1794 ГОДУ.

Въ 8-й книгѣ Русскаго Архива за настоящій годъ, на 602-й стр., въ примѣчаніи къ ст. „Изъ воспоминаній Н. Я. Скарятина“ между прочимъ сказано: „Графъ Павелъ Карловичъ Ферзенъ, внукъ перваго графа этого имени, Ивана Евстафіевича, плѣнившаго Костюшку въ 1794 г.“. Но можно ли считать графа Ферзена виновникомъ плѣненія Костюшки?

Адріанъ Карповичъ Денисовъ въ своихъ Запискахъ (Русская Старина 1874 г. № 11, стр. 405—409) весьма подробно разсказываетъ, при какихъ обстоятельствахъ былъ взятъ въ плѣнъ Костюшка. Изъ этого разсказа видно что Костюшку захватили казаки Денисова, по его же распоряженію ему' были перевязаны раны, и на носилкахъ онъ былъ отправленъ въ лагерь подъ конвоемъ изъ казаковъ же, такъ какъ другихъ войскъ при этомъ и не было. На другой день Денисовъ явился и донесъ своимъ ближайшимъ начальникамъ, графу Ѳ. П. Денисову (своему родному дядѣ) и барону Ферзену (въ графское достоинство возведенъ 1 Января 1795 г.). Ферзенъ повидимому остался недоволенъ, что честь плѣненія предводителя Польскихъ конфедератовъ выпала не на его долю, а досталась подчиненному ему, казачьему подполковнику, и въ своихъ представленіяхъ къ наградамъ обошелъ Денисова· Разсказъ Денисова вполнѣ подтверждается и послужнымъ спискомъ его (копія съ послужнаго списка А. К. Денисова имѣется въ числѣ бумагъ, принадлежащихъ его правнуку — Н. А. Егорову; Н. А. Егоровъ—внукъ единственной дочери атамана Денисова Екатерины, вышедшей замужъ за полковника И. А. Егорова. Часть этихъ бумагъ была сообщена мною въ Русскую Старину“ и помѣщена въ 6-й кн. за текущій годъ). Тамъ говорится: „Въ 1794 г. въ Польшѣ, противу Польскихъ мятежниковъ; 20-го Марта при мѣстечкѣ Скальмиржѣ, 24-го при Слонимѣ, гдѣ раненъ саблею въ двухъ мѣстахъ, въ шею и руку; 16-го Апрѣля при рѣкѣ Нѣжицѣ; 29-го Апрѣля и 1-го, 6-го, 7-го, 13-го, 19-го, 20-го Мая въ сраженіяхъ (всѣ поименованы), а 24-го, 25-го и 26-го Мая при Щекочинѣ, при разбитіи непріятельскаго корпуса, бывшаго подъ командою Костюшки; *а 29-го Сентября 1794 г. участвовалъ при взятіи его въ плѣнъ при Маціовицахъ. Въ этомъ сраженіи Денисовъ, командуя казачьими полками, совершенно разбилъ Польскую кавалерію, врѣзался въ пѣхоту и преслѣдовалъ бѣгущаго непріятеля, докол̀ь взять въ плѣнъ Костюшко*“.

Въ своихъ же Запискахъ Денисовъ говоритъ, что у него имѣется пистолетъ Костюшки; къ сожалѣнію онъ не сохранился до настоящаго времени, какъ не сохранилось и богатое собраніе оружія, собранное имъ во время долгой его боевой службы, на поляхъ Италійскихъ и подъ стѣнами Кинбурна, Измаила (гдѣ онъ получилъ Св. Георгія 4 степени) и т. п., такъ какъ вообще у насъ въ Россіи не дорожатъ памятниками старины.

А. К. Денисовъ достаточно пострадалъ при жизни отъ несправедливыхъ гоненій графа (впослѣдствіи князя) А. И. Чернышова, къ которому онъ не желалъ, да по своему характеру и не умѣлъ, подлаживаться, и теперь когда послѣ его кончины († 1841 г.) прошло уже болѣе 50 лѣтъ, пора воздать ему должное, снявъ съ него взведенныя на него обвиненія, и не отнимать у него того, что засвидѣтельствовано оффиціально его послужнымъ спискомъ.

Л. М. Савеловъ.

5 Сентября 1894 г.
Коротоякъ.

ВОЗВРАЩЕНІЕ ФЕЛЬДМАРШАЛОМЪ КУТУЗОВЫМЪ ИЗЪ АРМІИ ВЪ СМОЛЕНСКЪ ИКОНЫ СМОЛЕНСКОЙ БОЖІЕЙ МАТЕРИ.

1.

Старшему духовному чину въ Смоленскѣ. Отъ дежурнаго генерала всѣхъ армій генералъ-лейтенанта Коновницына.

Августа 6 дня сего текущаго года, при оставленіи войсками нашими города Смоленска, святая чудотворная икона Смоленской Божіей Матери взята была артиллерійскою ротою, командуемою полковникомъ Глуховымъ, и съ того времени возима при полкахъ 3 пѣхотной дивизіи, кои во всѣхъ дѣлахъ противу непріятеля охраняли оную въ рядахъ своихъ. Войска съ благоговѣніемъ зрѣли посреди себя образъ сей и считали оный благопріятнымъ залогомъ всевышняго милосердія. При одерживаніи надъ непріятелемъ важныхъ побѣдъ и успѣховъ приносимы были всегда благодарственныя молебствія передъ иконою.

Нынѣ же, когда Всемогущій Богъ благословилъ Россійское оружіе и съ пораженіемъ врага городъ Смоленскъ очищенъ, я, по волѣ главнокомандующаго всѣми арміями его свѣтлости генералъ-фельдмаршала князя Михайла Ларіоновича Голенищева-Кутузова, препровождаю святую икону Смоленской Божіей Матери обратно, да водворится оная на прежнемъ мѣстѣ и прославляется въ ней Русскій Богъ, чудесно карающій наконецъ кичливаго врага, нарушающаго спокойствіе народовъ.

Съ симъ вмѣстѣ слѣдуютъ учиненные образу вклады и приношенія, тысяча восемьсотъ десять рублей ассигнаціями, пять червонныхъ золотомъ и серебра въ лому, отбитаго у непріятеля, одинъ пудъ. Генералъ-лейтенантъ Коновницынъ.

№ 32
Ноября 8 дня 1812 г.
Главная квартира
деревня Добрянка.

2.

Его высокопревосходительству дежурному генералу всѣхъ армій генералъ-лейтенанту, почтеннѣйшему господину Коновницыну.

Репортъ.

Смоленской Духовной Консисторіи отъ присутствующаго Николаевскаго протоіерея Алексѣя Васильева.

Сего 1812 года Ноября противу 10 дня, въ 12 часу, потребованъ я былъ къ Смоленскому коменданту 20 егерскаго полка господину маіору Горихвостову въ квартиру, гдѣ отъ вашего высокопревосходительства вручено мнѣ было письменное отношеніе на имя старшаго духовнаго чина въ Смоленскѣ о томъ, что Августа 6 дня сего текущаго года, при оставленіи войсками нашими города Смоленска, святая чудотворная икона Смоленской Божіей Матери взята была полковникомъ Глуховымъ въ свою роту и съ того времени возима была при полкахъ 3 пѣхотной дивизіи въ арміи, а нынѣ отъ вашего высокопревосходительства конной гвардіи съ поручикомъ Шембелевымъ возвращается обратно въ Смоленскъ, которое въ присутствіи господина коменданта распечаталъ и въ силу онаго, получая таковой неоцѣненный залогъ, сдѣланъ былъ обще нами обрядъ встрѣтить оную икону слѣдующимъ образомъ.

10-го сего Ноября, въ воскресный день, въ оставшемся неразореннымъ врагомъ, по крайней мѣрѣ деревяннаго рѣзнаго иконостаса, а въ вещахъ разграбленномъ и производившемъ во все время бытія Французовъ въ Смоленскѣ богослуженія, отъ оставшагося духовенства, Смоленскомъ Успенскомъ соборѣ, въ 10 часу отправлены были мною съ благовѣстомъ въ большой колоколъ часы, по окончаніи коихъ стекшемуся народу прочтено было оное вашего высокопревосходительства отношеніе и сдѣлано отъ меня публичное приглашеніе къ встрѣчѣ чудотворной иконы Смоленскія Богородицы, которое гражданами выслушано и принято было съ радостными и слезными чувствованіями.

Въ половинѣ 12 часа онаго же дня начался въ ономъ соборѣ въ большой колоколъ благовѣстъ и продолжался около двухъ часовъ; когда же господинъ комендантъ извѣстилъ духовенство, что съ его стороны имѣющееся въ командѣ его Смоленскѣ войско, состоящее изъ пѣхоты и казаковъ, было приготовлено, тогда бывшее въ Смоленскѣ духовенство и пріѣхавшіе за арміею и полковые священники, извѣщенные

мною для встрѣчи изъ означеннаго собора съ народомъ шло крестнымъ ходомъ за городъ вмѣстѣ съ господиномъ комендантомъ, ведущимъ туда же ввѣренныя ему войска. При встрѣчѣ жъ оной святой иконы за Малаховскими воротами начатъ былъ духовенствомъ молебенъ Богородицѣ. Граждане, поднявъ оную святую икону понесли, въ городъ, за коею слѣдовало и войско. При вношеніи въ городъ въ Никольскіе ворота было учинено нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ, а въ городѣ во всѣхъ церквахъ производимъ былъ колокольный звонъ. При Троицкомъ монастырѣ встрѣчена и провожаема была оная архимандритомъ Іосифомъ, находящимся на пенсіи; когда же была принесена икона къ собору, то вбйска онаго офицерами внесена въ соборъ, въ коемъ по отправленіи молебствія, за разореніемъ врагомъ той церкви, гдѣ она прежде находилась, поставлена, и отправлено было молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ, во время же пѣнія многолѣтія всемилостивѣйшему нашему Государю Императору Александру Павловичу и всей высочайшей его фамиліи, всему побѣдоносному Россійскому воинству, была произведена вторично пальба изъ пушекъ и ружей отъ войска, провожавшаго оную святую икону до собора. При семъ граждане, лобызая оную святую икону, со слезами приносили благодарственныя молебствія, воздавая Всевышнему своему милосердному Творцу благодареніе за возвращеніе своей чудотворной Заступницы въ градъ Смоленскъ.

Вмѣстѣ же съ оною получено отбитаго у непріятеля серебра въ лому пудъ за печатью вашего высокопревосходительства и представлено отъ фейерверкера, при ней находящагося, 23 рубля 20 коп. мѣдныхъ денегъ и нѣсколько мелочнаго сбора вкладовъ и около полупуда воска и свѣчей; а денегъ 1810 р. ассигнаціями и 5 золотыхъ червонцевъ еще не доставлено, о чемъ вашему высокопревосходительству съ чувствительнѣйшею и всенижайшею благодарностію города Смоленска отъ всего духовенства и гражданъ всепочтеннѣйше симъ рапортомъ и доношу. 1812 года Ноября 12 дня.

Смоленской Духовной Консисторіи присутствующій Николаевскій протоіерей Алексѣй Васильевъ.

*

P. S. Сіи двѣ бумаги переписывалъ коллежскій ассесоръ и кавалеръ Петръ Алексѣевъ Васильевъ, свидѣтель бомбардированія города Смоленска въ 1812 году, отъ роду 12 лѣтъ, любитель археологическихъ вещей и всего антикварнаго, живущій въ градѣ Смоленскѣ, пострадавшій отъ злодѣйскаго поджога до основанія, съ 4 на 5 Сентября 1868 года, отъ каковаго пожара много истреблено огнемъ разныхъ историческихъ книгъ и вещей до основанія.

О ТАТАРСКИХЪ ПЕРЕВОДАХЪ ХРИСТІАНСКИХЪ КНИГЪ.

Во 2-мъ выпускѣ „Русскаго Архива" за настоящій годъ (стр. 280—284) помѣщена библіографія трудовъ покойнаго профессора А. К. Казембека. Здѣсь поименованы между прочимъ въ числѣ его трудовъ переводы на Татарскій языкъ Литургіи Іоанна Златоустаго съ Чиномъ Обѣдницы (Казань, 1850), Часослова (Казань, 1852), Четырехъ Евангелій (Спб. 1855), Дѣяній и Посланій Апостольскихъ (1860), Пространнаго Катихизиса (Спб. 1862) и Псалтири (1868).

Съ происхожденіемъ этихъ переводовъ мнѣ привелось познакомиться довольно близко при составленіи мною „Исторіи Казанской Духовной Академіи" (Казань, 1891—1892 г., три тома), при участіи которой они выполнялись. Важнѣйшія изъ добытыхъ мною свѣдѣній по этому предмету я уже имѣлъ случай опубликовать печатно въ „Исторіи Казанской Академіи" (т. II, 345 — 356, 409 — 410, 429 и др.) и въ моей книжкѣ: „На память о Н. И. Ильминскомъ" (Каз. 1892), съ указаніемъ документовъ, на которыхъ они основаны. Документы эти, хранящіеся въ архивѣ Казанской Академіи, доказываютъ, что большая часть перечисленныхъ переводовъ принадлежитъ не А. К. Казембеку, а его почтеннымъ академическимъ сотрудникамъ, которымъ и да воздастся подобающая имъ за то честь.

Переводъ на Татарскій языкъ священныхъ и богослужебныхъ книгъ былъ предпринятъ по Высочайшему повелѣнію „съ тѣмъ, чтобы можно было учредить православное на семъ языкѣ богослуженіе для Татаръ, принявшихъ православную вѣру" и, по распоряженію синодальнаго оберъ-прокурора графа Протасова отъ 5 Февраля 1847 г., порученъ былъ Казанской Духовной Академіи, при которой еще раньше, съ 1845 года, введено было преподаваніе Арабскаго и Татарскаго языковъ въ миссіонерскихъ видахъ. Въ Августѣ того же 1847 года при Академіи образованъ былъ для переводовъ означенныхъ книгъ особый комитетъ, въ составъ котораго, по приглашенію Казанскаго епархіальнаго и академическаго начальства, тогда же съ одушевленною и безкорыстною готовностію вступилъ и А. К. Казембекъ. Отъ Академіи членами этого комитета были: ректоръ Академіи архим. Григорій, не знавшій Татарскаго языка и руководившій комитетскими работами только съ богословской ихъ стороны, и профессоры Н. И. Ильминскій и Г. С. Саблу-

ковъ, оба люди съ рѣдкими лингвистическими талантами и знаніями и всей душой преданные высокой идеѣ христіанскаго просвѣщенія Татаръ (Дѣло о Татарскихъ переводахъ находится въ архивѣ внѣшняго акад. правленія 1847 г. за № 27; тамъ же въ дѣлахъ внутренняго правленія за № 120 протоколы засѣданій переводческаго комитета).

Пріобрѣтеніе такого рѣдкаго знатока восточныхъ языковъ, какъ профессоръ Казембекъ, было чрезвычайно важно для комитета и отразилось на всемъ направленіи его работъ. Академическіе спеціалисты Татарскаго и Арабскаго языковъ были совершенно подавлены высокимъ авторитетомъ знаменитаго оріенталиста и работали въ комитетѣ подъ его полнымъ вліяніемъ болѣе 10 лѣтъ до конца 1850-хъ годовъ. Все это время переводческихъ работъ для христіанскаго просвѣщенія Татаръ можно справедливо назвать въ исторіи просвѣтительной миссіи среди Татаръ періодомъ Казембековскимъ. Отличительной чертой переводныхъ работъ этого періода является то, что, подъ вліяніемъ ученаго профессора, въ основу для нихъ взятъ былъ Татарскій языкъ не народный, живой, а ученый или литературный. Съ начала 1860-хъ годовъ, по вчинанію профессора Ильминскаго, такое ученое направленіе Татарскихъ переводовъ было брошено; они стали составляться на народномъ Татарскомъ языкѣ, и наступилъ другой періодъ, который слѣдуетъ обозначить именемъ незабвеннаго для восточнаго края Россіи Н. И. Ильминскаго, періодъ, продолжающійся и до сего времени.

Какъ однако ни высоко въ свое время стоялъ проф. Казембекъ надъ своими сотрудниками въ комитетѣ и какъ ни усердно онъ работалъ, безъ помощи этихъ сотрудниковъ обойтись онъ не могъ. Работа, взятая на себя комитетомъ, была громадная и притомъ совершенно новая, безъ предварительной подготовки. Старые переводы нѣкоторыхъ частей богослуженія, какія комитетъ успѣлъ собрать для своего облегченія въ рукописяхъ, даже переводъ Новаго Завѣта на Татарскомъ языкѣ, напечатанный Библейскимъ Обществомъ, оказались никуда негодными и требовали совершенной переработки. Все нужно было начинать сначала и прежде всего выработать на Татарскомъ языкѣ самую терминологію христіанскихъ понятій, что̀ оказывалось дѣломъ необыкновенно труднымъ, такъ какъ весь литературный Татарскій языкъ насквозь пропитанъ мухамеданскими понятіями. Между тѣмъ профессоръ Казембекъ долженъ былъ сильно стѣсняться еще трудностію для его пониманія самихъ Славянскихъ текстовъ, служившихъ оригиналомъ для переводовъ, особенно текста нашихъ богослужебныхъ книгъ, который часто непонятенъ и для насъ, православныхъ Русскихъ людей, безъ сличенія его съ Греческимъ. (Греческаго языка Александръ Касимовичъ не зналъ. Поэтому) въ комитетѣ, какъ показываютъ протоколы его засѣданій, съ самаго же начала было условлено, чтобы опредѣленіемъ смысла подлинника, подлежащаго переводу, и христіанской терминологіи какъ на Русскомъ, такъ и на Татарскомъ языкѣ, занимались академическіе члены комитета, Ильминскій и Саблуковъ, чтобы они же взяли на себя по частямъ и разные богослужебные

переводы, а профессоръ Казембекъ только провѣрялъ эти переводы со стороны правильности и чистоты ихъ Татарскаго языка. Самъ Александръ Касимовичъ опредѣлялъ свое участіе въ дѣятельности комитета такимъ образомъ: „Зная по собственному опыту, писалъ онъ отъ 8 Октября 1849 г. Казанскому преосвященному Григорію при отъѣздѣ своемъ изъ Казани въ Петербургъ, трудность передавать возвышенныя идеи Славянскихъ богослужебныхъ текстовъ на Татарскій языкъ, я нимало не думаю оскорбить членовъ комитета, если скажу, что ихъ переводы, при всей съ ихъ стороны добросовѣстности и тщательности, не могутъ избѣжать погрѣшности, по крайней мѣрѣ противу восточнаго вкуса. Поэтому работы комитета потребуютъ большей или меньшей литературной отдѣлки. Этотъ-то трудъ я изъявляю готовность принять на себя". Комитетскіе переводы дѣйствительно всѣ до одного переходили черезъ его руки. Онъ былъ ихъ исправителемъ, редакторомъ, но не авторомъ, кромѣ нѣкоторыхъ, принадлежавшихъ его собственному перу. Въ свою очередь, и его собственные переводы точно также проходили чрезъ другихъ членовъ комитета и были тоже ими исправляемы и редактируемы для печати. Это была уже общая, совокупная работа всего комитета.

Для своей частной переводческой работы проф. Казембекъ въ первомъ же засѣданіи комитета выбралъ переводъ Литургіи Іоанна Златоустаго съ Обѣдницею, или послѣдованіемъ изобразительныхъ, и Новаго Завѣта, какъ болѣе для него доступный: литургія, какъ извѣстно, представляетъ собою наиболѣе понятную по языку часть нашего православнаго богослуженія. Переводилось и было издано изъ нея на Татарскомъ языкѣ только то, что читается и поется въ ней во всеуслышаніе, за исключеніемъ тайныхъ молитвъ священнослужителей. Книжка ея была издана съ приложеніемъ канона къ св. причащенію и молитвъ къ причащенію и по причащеніи; все это приложеніе было переведено Н. И. Ильминскимъ. Въ переводѣ Новаго Завѣта проф. Казембекъ могъ довольно благополучно обойтись безъ Греческаго подлинника съ помощію текстовъ на извѣстныхъ ему другихъ языкахъ. Въ упомянутомъ сейчасъ письмѣ къ преосвящ. Григорію онъ писалъ, что „въ основу своего Евангелія онъ вездѣ клалъ Славянскій текстъ, принятый Русскою церковью, а для уясненія себѣ смысла его употреблялъ тексты Русскій, Французскій, Англійскій и Персидскій", и что пересматривалъ этотъ переводъ вмѣстѣ съ Ильминскимъ. Работа эта, по своей важности и трудности, подвигалась у него очень медленно. Въ концѣ 1849 г., когда писано приведенное письмо къ преосвящ. Григорію, переводомъ закончено было только первое Евангеліе отъ Матѳея, а весь переводъ четырехъ Евангелій поспѣлъ только къ 1855 году. Члены комитета разсматривали этотъ переводъ ученаго профессора съ особенной внимательностью, отмѣчая всѣ его неясности, неточности и невѣрности въ особомъ реэстрѣ. Реэстръ этотъ потомъ представлялся ими на разсмотрѣніе А. К. Казембеку и, съ его согласія, употреблялся для исправленія редактируемаго перевода. Изъ Апостола онъ перевелъ около половины.

Только этими переводами (Литургіи, Четырехъ Евангелій и части Апостола), кажется, и ограничилась собственная переводческая дѣятельность проф. Казембека по комитету. Говоримъ: кажется, на всякій случай; потому что изъ перечисленныхъ въ началѣ нашей замѣтки переводовъ не знаемъ ничего опредѣленнаго о происхожденіи перевода Пространнаго Катихизиса (Спб. 1862). Но и онъ едва ли принадлежалъ перу Александра Касимовича. Въ дѣлахъ академической конференціи 1859 года (№ 9) есть любопытное въ настоящемъ случаѣ доношеніе его конференціи съ перечисленіемъ ошибокъ въ разсмотрѣнныхъ имъ переводахъ; въ изданномъ уже Часословѣ найдено до 123 ошибокъ, изъ коихъ 39 важныхъ, а при повѣркѣ вновь переводимаго Катихизиса явились нѣкоторыя неисправности въ переводѣ Символа вѣры. Онъ просилъ исправить указанныя погрѣшности и, кромѣ того, позаботиться о томъ, чтобы Символъ вѣры былъ приведенъ въ однообразный видъ во всѣхъ переводахъ (произведенныхъ, очевидно, разными руками), въ Литургіи, въ Часословѣ и теперь во вновь переводимомъ Катихизисѣ. Конференція поручила это сдѣлать профессору академіи Саблукову, который едва ли и не былъ переводчикомъ Катихизиса. Затѣмъ всѣ остальные Татарскіе переводы уже, несомнѣнно, принадлежали талантливымъ и усерднымъ сотрудникомъ А. К. Казембека, какъ въ этомъ легко можно убѣдиться изъ документовъ цензурнаго комитета при Казанской Академіи, который разсматривалъ издававшіеся въ Казани переводы, изъ протоколовъ переводческаго комитета и изъ разныхъ дѣлъ академическаго правленія (см. наприм. дѣла внутр. правленія 1849 г. № 55; 1850 г. № 52; 1851 г № 4 и 8; 1855 г. № 39; 1857 г. № 50).

Такъ, Часословъ былъ весь переведенъ совокупными силами профессоровъ Ильминскаго и Саблукова; по документамъ академическаго архива можно подробно прослѣдить даже то, какую часть Часослова кто изъ нихъ переводилъ. Изъ Апостола книга Дѣяній Апостольскихъ и соборныя посланія переведены однимъ Г. С. Саблуковымъ; остальная часть Апостола, вѣроятно вся, переводъ проф. Казембека; по крайней мѣрѣ Апокалипсисъ, несомнѣнно, переводилъ онъ. Переводъ Псалтири въ 1855 году былъ представленъ Казанскимъ священникомъ А. Д. Ясницкимъ, воспитанникомъ III курса Казанской Академіи, вмѣстѣ съ новымъ переводомъ наиболѣе нужной для богослужебной практики части Требника съ присовокупленіемъ чиновъ крещенія мусульманъ и принятія въ церковь отпадшихъ. О. Ясницкій здравствуетъ въ Казани и доселѣ. По разсмотрѣніи его переводовъ профессорами Ильминскимъ и Саблуковымъ они найдены удовлетворительными, требующими только нѣкоторыхъ исправленій. Въ 1857 г. ихъ опредѣлено отослать для разсмотрѣнія и изданія въ Петербургъ; въ тоже время правленіе Академіи послало въ Святѣйшій Синодъ донесеніе, въ которомъ, согласно отзыву тѣхъ же профессоровъ, писало, что послѣ изданія переводовъ о. Ясницкаго на Татарскомъ языкѣ будетъ уже все нужное для совершенія необходимыхъ службъ и что профессора Казембека можно и не безпокоить больше

новыми переводами, о чемъ Св. Синодъ спрашивалъ Академію чрезъ Казанскаго преосвященнаго Аѳанасія. Этимъ и закончилось составленіе Татарскихъ переводовъ при участіи А. К. Казембека; позднѣе переведенъ былъ, какъ упомянуто, одинъ только Катихизисъ.

Считаемымъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ о практическомъ значеніи этихъ многолѣтнихъ и многотрудныхъ переводческихъ работъ Казембековскаго періода. Значеніе ихъ оказалось очень печальнымъ. Когда пришло время подумать объ открытіи для крещеныхъ Татаръ самаго богослуженія на Татарскомъ языкѣ, Казанскому преосвященному Григорію пришла въ голову естественная мысль испытать предварительно самую пригодность для того новыхъ переводовъ. Съ этою цѣлью лѣтомъ 1856 года онъ отправилъ Н. И. Ильминскаго въ командировку по Татарскимъ селеніямъ, поручивъ ему испробовать тамъ достоинство уже напечатанныхъ книгъ Татарской литургіи и Часослова посредствомъ чтенія ихъ крещенымъ Татарамъ. Проба закончилась полнымъ разочарованіемъ. Переводы были непонятны для Татаръ. Читая ихъ въ разныхъ селеніяхъ, Н. И. Ильминскій ясно понялъ, какую крупную ошибку допустили переводчики съ проф. Казембекомъ, избравъ для этихъ переводовъ, въ качествѣ болѣе общаго для всѣхъ Татаръ языка, языкъ Татарской письменный, ученый, оказавшійся на дѣлѣ даже еще болѣе чуждымъ народу, чѣмъ, напримѣръ, нашъ Русскій литературный языкъ, полный разноязычныхъ барбаризмовъ, для Русс каго народа;онъ оказался непригоднымъ ни для кого не только изъ крещеныхъ, но даже и изъ некрещеныхъ Татаръ, которые не получили образованія въ мухамеданскихъ медресахъ. Тутъ-то у Н. И. Ильминскаго и явилась свѣтлая мысль передѣлать все сдѣланное дѣло сызнова, взявъ въ основу новыхъ Татарскихъ переводовъ и вообще въ основу всего дѣла христіанскаго просвѣщенія Татаръ языкъ живой, разговорный и притомъ языкъ старокрещенскаго Татарскаго населенія, болѣе народный, чистый отъ примѣси мухамеданской культуры и разныхъ арабизмовъ и парсизмовъ. Развитіе въ немъ этой свѣтлой мысли и благотворное осуществленіе ея на дѣлѣ нами подробно прослѣжено въ упомянутой книжкѣ: „На память о Н. И. Ильминскомъ“. Введеніе Татарскаго богослуженія по переводамъ Казембековскаго направленія такъ и не состоялось, какъ дѣло безполезное. Составленіе этихъ переводовъ еще не кончилось, какъ съ начала 1860-хъ годовъ начался новый періодъ христіанскаго просвѣщенія Татаръ, періода Ильминскаго. Въ половинѣ 1860-хъ годовъ незабвенный Николай Ивановичъ успѣлъ выработать цѣлую систему приложенную въ настоящее время къ дѣлу христіанскаго просвѣщенія всѣхъ вообще инородцевъ восточнаго края имперіи и приносящую богатый плодъ.

Вторая проба перечисленныхъ переводовъ произошла въ 1866 году, во время сильнаго массоваго отпаденія крещеныхъ Татаръ въ Казанской губерніи. Книжки переводовъ разосланы были по Татарскимъ селеніямъ съ цѣлію употреблять ихъ въ качествѣ пособія при увѣщаніяхъ отпадающихъ Татаръ и не принесли никакой пользы. Между тѣмъ новые переводы Ильминскаго,

которыхъ тогда было уже значительное число, написанные на живомъ, старокрещенскомъ Татарскомъ языкѣ, оказали тогда незамѣнимыя услуги въ дѣлѣ ослабленія отступническаго движенія среди Татаръ. Съ 1863 года въ Казани была основана проф. Ильминскимъ Крещено-Татарская школа, въ которой все обученіе велось съ помощію новыхъ книжекъ, на живомъ народномъ языкѣ, и которая была тогда первымъ живымъ выраженіемъ новой системы христіанскаго просвѣщенія нашихъ инородцевъ. Лѣтомъ 1866 года, когда эта школа была отпущена на вакансію и разсѣялась по Татарскимъ селеніямъ, она явилась могущественной силой противъ соблазновъ мухамеданства, несмотря на всю ея молодость и крайнюю бѣдность. Каждый Татарскій мальчикъ и каждая Татарская дѣвочка съ своими увлекательными и для всѣхъ понятными книжками, съ чтеніемъ и пѣніемъ на родномъ языкѣ православныхъ молитвъ и пѣснопѣній и восторженными рѣчами о вновь озарившемъ ихъ свѣтѣ были настоящими апостолами въ своихъ семьяхъ и селеніяхъ. Въ самый разгаръ отступническаго движенія Казанская Татарская школа успѣла увеличить число своихъ учениковъ съ 42 до 65, а затѣмъ до 78 и основала по Татарскимъ селеніямъ три подобныхъ себѣ школы-колоніи. Послѣ такой рѣшительной пробы старые Татарскіе переводы были совершенно покинуты и уступили свое мѣсто новымъ переводамъ профессора Ильминскаго.

До насъ дошли извѣстія, что Александръ Касимовичъ съ неудовольствіемъ встрѣтилъ новое переводческое направленіе, возбудившееся въ Казани. Ученый профессоръ презиралъ народные неписьменные языки и считалъ ихъ неспособными для выраженія христіанскихъ истинъ. Въ слѣдующемъ же 1867 году онъ успѣлъ провести чрезъ вновь основанное Миссіонерское Общество проектъ объ открытіи, помимо миссіонерскихъ отдѣленій при Казанской Академіи, новаго миссіонерскаго отдѣленія для дѣйствованія противъ мусульманъ и буддистовъ Русской Имперіи при восточномъ факультетѣ Петербургскаго университета. Въ основу образованія миссіонеровъ проектъ этотъ полагалъ изученіе, конечно, письменныхъ языковъ, Татарскаго съ Арабскимъ и Монгольскаго. Казанская Академія, которой этотъ проектъ присланъ былъ для обсужденія, рѣшительно его отвергнула (Дѣло академич. конференціи 1867 года, № 14).

Заключимъ нашу замѣтку выдержками изъ одного весьма любопытнаго оффиціальнаго объясненія Н. И. Ильминскаго отъ 1869 года относительно и стараго и новаго направленія Татарскихъ переводовъ. Оно написано было по порученію академическаго правленія на запросъ Св. Синода о томъ, почему находящіяся въ складахъ при академіи книги Татарскихъ переводовъ не идутъ въ продажу (дѣло 1869 г. № 43). По объясненію проф. Ильминскаго оказывалось, что до 1866 года книги эти, имѣвшія исключительно школьное значеніе, еще продавались въ небольшомъ числѣ по семинаріямъ, въ которыхъ преподавался Татарскій языкъ; но въ 1866 году, когда имъ пришлось выдержать испытаніе въ своей практической пригодности, онѣ оказались непригодными: консисторія распорядилась, чтобы онѣ были разо-

сланы по всѣмъ церквамъ Татарскихъ приходовъ, но по полученнымъ оттуда извѣстіямъ, онѣ такъ и остались тамъ лежать въ церковныхъ библіотекахъ, потому что большинство священниковъ оказались не знающими Арабскаго шрифта, которымъ онѣ отпечатаны, крещеные же Татары не покупали ихъ и по ихъ дороговизнѣ (до 5 рубл. за всѣ), и потому, что не понимали ученаго ихъ языка, доступнаго только ученымъ мухамеданамъ. „Мнѣ очень тягостно сознаться, искренно сознавался проф. Ильминскій, но должно сказать, что нами тогда (въ 1840 годахъ) взято было ложное направленіе, такъ сказать, ультра-мухамеданское. Мы приняли за норму языкъ Татарскихъ мухамеданскихъ книгъ, преисполненный Арабскими и Персидскими словами и оборотами, не употребляемыми простымъ народомъ, писали алфавитомъ Арабскимъ, и собственныя имена писали по употребленію такъ же мухамеданскому. Это обусловливалось какъ тогдашнимъ состояніемъ науки, занимавшейся исключительно языкомъ книжнымъ и презрительно смотрѣвшей на языкъ простонародья, какъ ни къ чему не пригодный и для высшихъ истинъ христіанства унизительный, такъ и предшествовавшими примѣрами переводовъ Англійскихъ миссіонеровъ, принятыми Библейскимъ Обществомъ. Послѣ уже, когда я ознакомился ближе съ старокрещеными Татарами, Киргизами и другими некнижными племенами, когда и въ нашей общественной жизни пало крѣпостное право и возвысилось положеніе крестьянина, а въ литературѣ заговорили довольно уважительно о поселянахъ, тогда я, радикально измѣнивъ понятіе о Татарскомъ языкѣ, съ уваженіемъ и исключительностью сталъ смотрѣть на народный Татарскій языкъ. Теперь я перевожу вѣроучительныя христіанскія книги на самый употребительный народный языкъ Татарскій, пишу Русскими буквами, собственныя имена и нѣкоторые церковные термины, не удобные для перевода, пишу по Русскому произношенію. Народность языка дѣлаетъ наши переводы доступными для каждаго, стараго и малаго; наши переводы расходятся въ народѣ по мѣрѣ распространенія грамотности между крещеными Татарами. Они содѣйствуютъ сближенію крещеныхъ Татаръ съ Русскими и облегчаютъ имъ изученіе Русскаго языка и народности. Но идея обрусенія выработалась въ Россіи въ недавніе годы и не могла быть извѣстна тогда, когда мы впервыя въ 1840-хъ годахъ принимались за переводы.“

Въ заключеніе авторъ замѣчаетъ, что старую ошибку не слѣдуетъ поэтому ставить въ счетъ самимъ переводчикамъ; не слѣдуетъ ни винить, ни порицать ихъ: дѣло ихъ—„дѣло того времени“.

Слѣдуетъ согласиться съ этимъ и намъ.

П. Знаменскій.

Казань, 7 Марта 1894 г.

МОЛОДОМУ ДРУГУ.

Стихотвореніе Ѳ. М. Дмитріева.

Когда, въ минуту увлеченья,
Душа забудетъ низкій страхъ,
И съ гнѣвомъ слово обличенья
Зашевелится на устахъ;

—

Въ тотъ часъ, когда мириться съ ложью
Невыносимо тяжело,
И призываешь правду Божью
На торжествующее зло:

—

Остановися въ зломъ припадкѣ,
Смири волненіе ума
И на людскіе недостатки
Ты не клади еще клейма.

—

Пройдетъ правдивый твой припадокъ,—
Привычка вновь заговоритъ,
И вновь общественный порядокъ
Тебя притянетъ, какъ магнитъ.

—

Сумѣй же страждущей душою
Быть безкорыстенъ, обративъ
На судъ жестокій надъ собою
Свой лихорадочный порывъ;

—

И полонъ силы и сознанья,
Когда душа почуетъ сонъ,
Припомни этотъ часъ страданья,
И пусть тебя разбудитъ онъ!

25 Марта 1853.

Сообщено А. Д. Свербеевымъ.

НАБРОСКИ ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ КНЯЗЯ Д. Д. ОБОЛЕНСКАГО.

I.

Время студенчества.

Получивъ домашнее воспитаніе, я 16-ти лѣтъ отъ роду поступилъ въ Московскій университетъ. Это было въ знаменитый 1861 годъ. Трудно передать, что́ дѣлается съ головою юноши, чуть не мальчика, попавшаго изъ скромной семьи, гдѣ еще по Субботамъ слушалъ онъ всенощныя, въ шумный омутъ университетской жизни и такой же молодежи.

Мои опекуны пріучили меня къ полной свободѣ, такъ какъ мнѣ предстояло вступить въ управленіе довольно значительными родовыми имѣніями. За два года, т. е. 14 лѣтъ, я готовился ко вступленію въ университетъ въ самой Москвѣ, гдѣ ко мнѣ были приглашаемы лучшіе учителя. Изъ числа болѣе извѣстныхъ могу назвать Г. Ф. Головачева, И. М. Маракуева, В. Я. Цингера, М. Ѳ. Хандрикова и др., все люди высокаго образованія.

Еще въ 1860 году въ Москвѣ большое распространеніе получили воскресныя школы, и вся университетская молодежь, въ воскресные дни, учила по фабрикамъ, расположеннымъ въ Москвѣ. Пришлось и мнѣ попасть въ общее теченіе, и я, хотя еще не студентъ, по Воскресеньямъ ѣздилъ на Прохоровскую фабрику учить молодыхъ фабричныхъ грамотѣ. Но и тогда уже, даже всякому недальновидному человѣку можно было догадываться, что все это плохо кончится и клонится не къ добру. Студенты стали давать фабричнымъ запрещенныя книги...

Я попалъ въ самый, такъ сказать, демократическій центръ недовольныхъ, и мнѣ до крайности тяжело было бороться противъ либеральнаго теченія. Въ молодыхъ, буйныхъ головахъ моихъ товарищей уже тогда складывались политическіе идеалы, которымъ я не могъ сочувствовать. Хотя мнѣ сперва думалось, что они что-то въ родѣ декабристовъ, но въ этомъ вскорѣ пришлось разочароваться... Положеніе было страшно-тяжелымъ еще и потому, что на людей титулованныхъ

было тогда чистое гоненіе; меня положительно спасали товарищи—красные или демократы, какъ ихъ звали, т. е. спасало то, что я былъ въ кружкѣ самыхъ ярыхъ красныхъ. Не зачѣмъ называть студентовъ, принадлежавшихъ къ партіи красныхъ! Ихъ уже никого нѣтъ въ живыхъ: жизнь, полная волненія, а потомъ и лишеній, свела ихъ въ могилу.

Уже на первыхъ порахъ, въ выборѣ чтенія для воскресныхъ школъ, мы разошлись во мнѣніяхъ. Дѣло было наканунѣ рѣшенія крестьянскаго вопроса; а между тѣмъ студенты стали читать вещи, которыя могли только разжигать простой народъ противъ хозяевъ, крѣпостныхъ противъ господъ своихъ: «Хижину дяди-Тома» и нѣкоторые разсказы Марка-Вовчка, очень бывшіе въ модѣ. Пошла рознь, и я отклонился отъ обученія въ воскресныхъ школахъ; да и надо было готовиться къ экзамену. Но въ 1861 году я открылъ въ двухъ моихъ имѣніяхъ школы для крестьянъ, которые сильно желали учиться и при составленіи уставныхъ грамотъ заявляли объ этомъ неоднократно.

Самый экзаменъ для меня, учившагося дома, представлялъ немало затрудненій: я не привыкъ ни къ публичности отвѣтовъ, ни къ занятіямъ посреди шума и суголоки. Первый экзаменъ былъ изъ Русскаго языка. Объявлено было, что кто напишетъ сочиненіе неудовлетворительно, тотъ не будетъ допущенъ до слѣдующихъ экзаменовъ. Экзамены производились учителями гимназій въ Университетѣ подъ предсѣдательствомъ профессора Тихонравова. Это было началомъ строгостей при вступленіи въ Университетъ. Учителя гимназій мирволили только поступающимъ изъ гимназій, а всѣхъ такъ-называемыхъ вольныхъ, т. е. получившихъ домашнее воспитаніе, проваливали безпардонно, считая ихъ «маменькиными сынками». Такихъ проваливаемыхъ было множество; такъ изъ 450 человѣкъ державшихъ экзаменъ (по одному юридическому факультету) провалилось до 130.

Написалъ я сочиненіе и трепетно ждалъ, допущенъ ли буду до слѣдующихъ экзаменовъ. Прошла недѣля—собираемся. Читаютъ списокъ тѣхъ, кто далѣе не допускается. Моего имени нѣтъ; стало-быть, сочиненіе мое одобрено, и я продолжаю. Изъ Исторіи Русской литературы и проч. получаю удовлетворительные баллы и, къ великой своей радости, благополучно кончаю всѣ экзамены. Это былъ годъ отмѣны форменной одежды въ Университетѣ. Позволено было въ теченіе года донашивать прежнюю форму, такъ что я себѣ купилъ только студенческую фуражку. Но каково было мое разочарованіе, когда, зайдя въ Университетъ, чтобы получить справку о принятіи моемъ и билетъ на жительство, я узналъ, что я не принятъ: изъ Русскаго языка оказывается балъ неудовлетворительный.—«Да это быть не можетъ, это недоразумѣніе?!»

Показываютъ мнѣ списокъ; вижу и не вѣрю глазамъ: Русскій языкъ оказывается съ неудовлетворительной отмѣткой.—«Такъ почему же меня допустили до остальныхъ экзаменовъ?!» — Не знаемъ.—Что̀ дѣлать? Положеніе глупое: всѣмъ я сказалъ, что кончилъ и поступилъ. Лечу къ экзаменатору Русскаго языка. Пріемъ очень холодный. Я объясняю причину моего визита и говорю, что это, должно быть, недоразумѣніе, такъ какъ изъ Русскаго языка я выдержалъ, а изъ Исторіи литературы онъ же мнѣ,—я самъ видѣлъ, — поставилъ удовлетворительную отмѣтку.—«Это вѣрно: я помню васъ на экзаменѣ и ваше сочиненіе; но, одобривъ послѣднее, я провѣрялъ вашу грамотность на экзаменѣ изъ литературы, и въ диктантѣ вы сдѣлали ошибку».—«Да какую?» — «Вы передъ *который* не ставите запятой», съ усмѣшкой сказалъ экзаменаторъ, и изъ горы тетрадей, у него лежавшихъ, вытащилъ мое сочиненіе и диктантъ.»—«Да это описка: всякій гимназистъ 2-го класса знаетъ, что передъ *который* ставятъ запятую.»—«Да, однако, вы не знаете!» — Такъ неужели всѣ труды пропали даромъ (такъ какъ неудовлетворительная отмѣтка по Русскому языку лишала права экзаменоваться изъ другого какого-либо предмета). «Надо передерживать изо всего?» Въ отвѣтъ профессоръ только пожалъ плечами.

Убитый выхожу я изъ квартиры экзаменатора и на счастье встрѣчаю въ дверяхъ одного молодаго студента, очень умнаго, составителя азбуки для народа. Я его зналъ по воскреснымъ школамъ; у него же я взялъ потомъ для моихъ сельскихъ школъ азбуки, имъ составленныя. Онъ поразился моимъ печальнымъ видомъ.—«Что̀ съ вами?» спросилъ онъ меня съ участіемъ. Я ему объяснилъ.—«Ну, это еще полбѣды», сказалъ онъ: «посидите тутъ гдѣ-нибудь въ трактирѣ, а я поговорю съ экзаменаторомъ.» Сказано, сдѣлано. Не прошло полчаса, какъ явился мой знакомый. «Идите смѣлѣе: вамъ въ пользу послужили даваемые вами уроки въ воскресныхъ школахъ и вообще ваши отношенія къ народному образованію».

Я поспѣшилъ вернуться къ экзаменатору. Онъ былъ уже гораздо мягче.—«Я никакъ не ожидалъ, заговорилъ онъ, что въ числѣ титулованныхъ есть люди, думающіе и радѣющіе о народномъ образованіи. Очень радъ, что могу помочь въ происшедшемъ недоразумѣніи». — Да какъ же быть теперь? — «А вмѣстѣ съ Русскимъ языкомъ спрашивается Славянскій. Заявите, что вы, за невыдержаніемъ въ Славянскомъ языкѣ, просите допустить васъ до переэкзаменовки по *Славянскому языку*». Я согласился и отправился въ Университетъ, гдѣ сдѣлалъ заявленіе, что изъ Славянскаго языка прошу мнѣ дать переэкзаменовку.

Такъ и совершилось. Но лѣто было испорчено: надо было переэкзаменовку дѣлать осенью, пріѣзжать для этого въ Москву, а тогда желѣзныхъ дорогъ не было. Къ тому же учителя гимназіи стали еще свирѣпѣе осенью. Вторично выдержавъ экзаменъ изъ Славянскаго языка, я, наконецъ, принятъ былъ студентомъ и поспѣшилъ уѣхать изъ Москвы, такъ какъ вопросы уставныхъ грамотъ, вводимыхъ въ Тульской губерніи, вызывали меня въ деревню. Только въ Октябрѣ пріѣхалъ я на лекціи. Тѣмъ временемъ произошли крупные безпорядки въ Москвѣ.

Безъ меня вотъ чтó случилось. Въ Сентябрѣ началось броженіе. Студенты не хотѣли подчиниться новымъ правиламъ и сожгли на могилѣ Грановскаго выданные имъ матрикулы. Наконецъ, подбитые Поляками, толпы студентовъ отправились къ генералъ-губернатору Тучкову подавать просьбу. Тутъ и произошло такъ-называемое «Дрезденское сраженіе», то есть: около гостиницы «Дрезденъ», противъ генералъ-губернаторскаго дома, на Тверской площади, гдѣ было собрались студенты, разогнали несчастную ихъ толпу, и между ними не оказалось ни единаго изъ Поляковъ, благополучно вернувшихся съ полдороги. А нашихъ добрыхъ Русаковъ избили еще, кромѣ полиціи, разные лавочники, мясники, да мужики, которымъ кто-то шепнулъ, что эти господа пришли просить отмѣны воли. Можно себѣ представить, какъ сочувственно отнеслись мужики къ такому слуху и какъ больно досталось студентамъ...

Пріѣхавъ въ Москву вскорѣ послѣ этой исторіи, я пошелъ разыскивать прежнихъ моихъ товарищей по воскреснымъ школамъ, но— увы, почти всѣ были въ заключеніи, кто на съѣзжей, кто въ какой-либо части... Всѣхъ я засталъ болѣе или менѣе въ удрученномъ состояніи. Виновнѣе другихъ оказался нѣкто студентъ Гижитскій, который былъ главнымъ запѣвалой всего дѣла, но которому уже видимо не хотѣлось отвѣчать—своею шкурою. Въ немъ я разочаровался еще болѣе, чѣмъ въ другихъ.—«Передайте такимъ-то, сказалъ онъ, чтобы не показывали на меня, что слышали отъ меня то-то и тамъ-то». Словомъ, онъ отказался ото всего, чтó дѣлалъ и говорилъ. Впослѣдствіи, когда его ввели въ большую залу, гдѣ возсѣдалъ университетскій судъ (у насъ тогда были и своя полиція, и свой судъ), Гижитскій не снялъ шапки. Одѣтъ онъ былъ во что-то въ родѣ венгерки, костюмъ, многими тогда принятый, особенно между Поляками, послѣ отмѣны формы. Никто изъ профессоровъ не сказалъ ему ни слова, тогда какъ онъ думалъ произвести этимъ эффектъ; а самъ онъ сконфузился въ виду простаго отношенія къ нему профессоровъ и сконфузился до того, что сказалъ: «Я не снимаю шапки, потому что голова болитъ».—«Васъ объ этомъ никто и не спрашиваетъ», холодно замѣтилъ ему профес-

соръ уголовнаго права С. И. Баршевъ. «Причина уважительная; отвѣчайте на тѣ вопросы, которые вамъ дѣлаютъ». А въ залѣ было жарко, и Гижитскій самъ послѣ снялъ шапку.

Судъ длился довольно долго. Ждали, что исключать многихъ, и дѣйствительно, послѣ трехъ мѣсяцевъ, кажется, въ началѣ Февраля 1862 года, вышло рѣшеніе: исключалось нѣсколько десятковъ человѣкъ, въ томъ числѣ почти всѣ мои товарищи по воскресной школѣ. Въ аудиторіяхъ поднялся невообразимый гвалтъ; ничто не помогало. Массы кричали: всѣ виноваты; исключайте всѣхъ, надо протестовать, уходить всѣмъ и т. д. Толпа перевалила во дворъ стараго университета, въ корридорахъ сдѣлалась давка, началъ ходить листъ по рукамъ; подписывались всѣ тѣ, кои желали выйдти изъ университета, такъ какъ считали себя виновными *не менѣе обвиненныхъ.* «Всѣмъ, уходить всѣмъ», сдѣлалось лозунгомъ.

Такой же листъ преподнесли и мнѣ, требуя настойчиво, чтобы я отказался отъ посѣщеній лекцій. Шагъ слишкомъ серьезный, чтобы рѣшиться въ минуту...—«Что̀ мы выиграемъ уходя?»—«Это протестъ»... — «Да вѣдь очень даже рады будутъ, если уйдутъ тѣ, что̀ заварили всю кашу» отвѣчалъ я: вашему уходу только обрадуется университетское начальство. Я не понимаю желанія доставить имъ это удовольствіе. И куда дѣваться?»—«Перейдти въ Петербургъ.»—«Да не все ли равно?»—И такъ я съ трудомъ отказался отъ подписи листа, который, увы, многіе подписали. Nomina odiosa sunt; я не назову ихъ . . . . . Но этотъ шагъ былъ гибеленъ для цѣлаго кружка людей вполнѣ честныхъ.

Кружекъ этотъ перебрался въ Петербургъ и сталъ хлопотать о вступленіи въ Петербургскій университетъ; но многимъ это не удалось. А тутъ начались Петербургскіе безпорядки, Петербургскій университетъ былъ закрытъ, и Московскій кружокъ остался не при чемъ. Но что̀ всего хуже—за ними, какъ за людьми передовыми и безпокойными, давно слѣдила тайная полиція. Къ тому же начались Петербургскіе пожары и, по различнымъ доносамъ, Московскій кружокъ былъ арестованъ по подозрѣнію въ политическихъ происках; всѣ члены этого кружка не миновали Петропавловской крѣпости. Хотя многихъ изъ нихъ потомъ и выпустили, но жизнь ихъ была, если не загублена, то испорчена; большинства же болѣе мы и не видали. На второмъ курсѣ явились студенты изъ Петербурга, по случаю закрытія тамошняго университета, за то многихъ изъ своихъ товарищей мы не досчитывались на этомъ курсѣ. Тяжелое было въ этомъ отношеніи время и вмѣстѣ великое, въ ожиданіи будущаго и тѣхъ идеаловъ, которые насъ оживляли.

Въ 1862 году Императоръ Александръ II посѣтилъ университетъ. Обратившись къ студентамъ 4-го курса, обожаемый Монархъ сказалъ: «Я надѣюсь, господа, что найду въ васъ достойныхъ дѣятелей для моихъ реформъ». Слово царское такъ сильно подѣйствовало на молодежь, слышавшую эти слова, что я знаю многихъ, очень многихъ, которые во всю жизнь не могли этого забыть, во всѣхъ дѣяніяхъ своей службы помнили эти слова и старались быть достойными и другаго, приснопамятнаго изреченія: «правда и милость да царствуютъ въ судахъ», вышедшихъ изъ тѣхъ же устъ!

Немного словъ было высказано, но сильное дѣйствіе произвели они на слышавшихъ. И дѣйствительно, всѣ студенты 60-хъ годовъ, особенно юридическаго факультета, сдѣлались видными дѣятелями по судебной реформѣ; всѣ они сдѣлались достойными сподвижниками этой реформы; они или заняли важныя мѣста въ судахъ и Сенатѣ, или стали знаменитыми адвокатами—имя имъ легіонъ!

Конецъ 1862 года ознаменовался въ Москвѣ пребываніемъ Государя Императора и Наслѣдника-Цесаревича Николая Александровича. Боже мой! Какая это была радость видѣть Императора Александра II ежедневно гуляющимъ по бульварамъ и улицамъ Москвы. Народъ его просто со слезами встрѣчалъ на улицахъ и близко, близко подходилъ, чтобы посмотрѣть на своего освободителя. Всѣ были обворожены добротою Государя; нищимъ на Тверскомъ бульварѣ, по которому онъ прогуливался, онъ подавалъ самъ деньги.

Для Государя-Наслѣдника было дано нѣсколько баловъ, въ томъ числѣ и въ Дворянскомъ Собраніи. Въ свитѣ находилось нѣсколько Гродненскихъ гусаръ, въ томъ числѣ молодой Реймеръ. Кто бы могъ думать, что весною 1863 года юноши эти будутъ убиты въ Польскомъ мятежѣ, и что самъ Цесаревичъ Николай Александровичъ носилъ уже въ себѣ зачатки болѣзни, сведшей его въ могилу въ 1865 году!

Москва веселилась. Въ видѣ исключенія, должно быть, три студента получили приглашеніе на придворные балы, въ томъ числѣ и пишущій эти строки. Первый балъ, на которомъ я присутствовалъ, былъ во Владимирской залѣ. Завѣдывалъ танцами извѣстный въ Москвѣ Ипатъ Бартеневъ, хотя не молодой камеръ-юнкеръ, но знаменитый танцоръ, чрезвычайно свѣтскій и ловкій человѣкъ. Про него ходила тьма анекдотовъ. Онъ былъ человѣкомъ безъ средствъ, а между тѣмъ велъ образъ жизни разгульно-веселый, сорилъ деньгами. Его займы у ростовщиковъ были легендарны; такъ напр. ему пришлось получить по векселю *гробами*, и онъ ими разсчитывался. Онъ самъ, всегда веселый, беззаботный съ виду, шутилъ надъ своимъ кредитомъ, говоря: «если вексельный бланкъ стóитъ пять рублей, то, какъ только я его

подписалъ—ему грошъ цѣна, и того не дадутъ». Про него же говорили, что онъ, во время представленія знаменитой Рашели, въ одной трагедіи, расплакался такъ, что даже Рашель обратила на него вниманіе и послѣ представленія заговорила съ Ипатомъ Бартеневымъ; а онъ пренаивно отвѣчалъ: «Когда такъ задолжаешь, какъ я, то—увы—и въ циркѣ заплачешь».

Балъ при дворѣ, меня, конечно сильно заинтересовалъ. Мнѣ было 17 лѣтъ. Я впервыя такъ близко видѣлъ Императора Александра II, что невольно долго не могъ оторвать отъ него глазъ. Его доброе, часто улыбавшееся лице какъ-то приковывало къ себѣ. Я вспомнилъ слова Наполеона, сказанныя объ Александрѣ I: c'est un charmeur, и я хотѣлъ бы ихъ приложить къ Александру II, къ которому невольно чувствовалъ влеченіе за 19 Февраля 1861 года. Да и въ послѣдствіи, когда въ жизни приходилось встрѣчать Императора Александра II, я невольно убѣждался, что вліяніе В. А. Жуковскаго на немъ осталось навсегда—высокая сердечность и уваженіе къ человѣческой личности каждаго. Прежде всего Александръ II былъ до нельзя человѣколюбивъ. Государь запросто ходилъ по Москвѣ, и многіе пользовались этимъ, чтобы подавать ему прошенія. Даже на представленіи дворянства одинъ дворянинъ, нѣкто Стефани, упалъ къ ногамъ Императора, прося правосудія. Тогда еще суды не были преобразованы.

— Подъ скипетромъ твоимъ, Государь, судьи творятъ неправду, говорилъ Стефани, стоя на колѣнахъ.

Государь приказалъ генералъ-губернатору Тучкову разобрать дѣло.

— Отчего вы безпокоили Императора? Могли бы прямо обратиться ко мнѣ, сказалъ генералъ-губернаторъ.—«Я у васъ былъ пять разъ и не добился толку», отвѣчалъ проситель.

Для Государя устроили охоту, на которой Его Величество убилъ медвѣдя. Въ моментъ отхода поѣзда, не смотря на 15 градусовъ мороза, какая-то барышня подала на вокзалѣ просьбу. Платье у нея было съ открытой шеей и короткими рукавами, какъ бальное (décolleté et manches courtes)—«Вы простудитесь, воскликнулъ Государь: надѣньте шубу».—Я согрѣта присутствіемъ Вашего Императорскаго Величества, наивно отвѣчала барышня.—«Вы навѣрно институтка», улыбаясь сказалъ Императоръ.—Точно такъ, отвѣчала просительница.

Изъ баловъ, данныхъ Государю въ Москвѣ, въ 1862 году, памятенъ балъ у князя С. А. Оболенскаго (впослѣдствіи Оболенскій-Нелединскій). Вся Москва была тамъ; Государь даже вальсировалъ на этомъ балѣ съ г-жею Спасскою, супругою Московскаго губернатора (дочерью министра юстиціи Замятина), и съ княгинею Марьею Александровною Оболенскою, рожденною княжной Львовой, племянницей князя В. А.

Долгорукова. Балъ былъ очень оживленъ. Для меня онъ тѣмъ памятнѣе, что на этомъ балу я познакомился со своею будущею женою, Елисаветою Петровною Вырубовою.

Въ Москвѣ, конечно изъ партіи крѣпостниковъ, многіе были недовольны тѣмъ, что Государь такъ просто себя держалъ. Потомъ, вслѣдствіе бала у князя Оболенскаго, явилась несомнѣнно и зависть; ибо князь Сергѣй Александровичъ былъ въ невысокихъ чинахъ, къ тому же служилъ мировымъ посредникомъ перваго призыва. Государь былъ у него на балу въ уланской формѣ, такъ какъ князь служилъ въ уланахъ. Домъ князя былъ чудесный; онъ и теперь сохранился на Пречистенскомъ бульварѣ, принадлежитъ г-жѣ фонъ-Меккъ. Въ тоже время домъ этотъ только что былъ отдѣланъ заново, и новоселье почти что праздновалось въ присутствіи Государя.

—

Моя жизнь съ 1862 года раздѣлилась какъ бы на двое: часть времени уходила на университетскія занятія; а много времени приходилось удѣлять на устройство отношеній къ крестьянамъ, только что вышедшимъ изъ крѣпостной зависимости. Я долженъ былъ писать уставныя грамоты крестьянъ въ трехъ имѣніяхъ, Богородицкаго, Ефремовскаго и Веневскаго уѣздовъ; хлопотъ было достаточно, надо было разверстываться и проч. Мнѣ, какъ человѣку молодому, легко было устанавливать эти отношенія, такъ какъ я былъ несказанно радъ сбросить и съ себя обузу крѣпостнаго права. Къ этому я былъ уже подготовленъ тою средою, въ которой росъ, имѣя попечителемъ (до 21 лѣтняго возраста) князя В. А. Черкаскаго; наконецъ, самая университетская среда, въ которой я находился, — все это сдѣлало то, что я безъ всякаго сожалѣнія разстался съ крѣпостнымъ правомъ. Къ тому же, съ ужасами этого права я успѣлъ познакомиться еще въ дѣтствѣ. Но, конечно, старые слуги, управляющіе и вся дворня, которой у насъ было множество, все это было недовольно.

Писаніе уставныхъ грамотъ, подъ руководствомъ моего попечителя, князя В. А. Черкаскаго, шло какъ по маслу. Во всѣхъ деревняхъ мы написали уставныя грамоты и разобрались по добровольному соглашенію, за исключеніемъ двухъ деревень Богородицкаго уѣзда. Въ этихъ деревняхъ крестьяне пожелали сохранить «барщину» и десять лѣтъ на ней еще просидѣли, когда всѣ остальные давно вышли на оброки и частью на выкупъ; они вообразили себѣ что-то и заупрямились. А облегчало у насъ добровольное отношеніе то, что крестьяне всѣ были на весьма большомъ, земельномъ надѣлѣ; именно у нихъ было по десятинѣ на душу лишняго противъ высшаго надѣла, указаннаго въ положеніи 19 Февраля 1861 года. Пришлось отрѣзать по од-

ной десятинѣ на душу изъ ихъ дальнихъ полей, чѣмъ крестьяне хотя и не были довольны, но въ виду прямаго закона сами указали, гдѣ отрѣзать излишнюю землю.

Все шло прекрасно первые два-три года. Но затѣмъ къ мировымъ посредникамъ начались всякія придирки со стороны высшей администраціи, вслѣдствіе чего, въ разныхъ мѣстахъ, произошли столкновенія съ губернаторами. Послѣдніе, мнѣ кажется, и были причиною того, что въ Петербургѣ началась реакція, высшія сферы стали противъ мировыхъ посредниковъ и, при поддержкѣ губернаторовъ, свели на нѣтъ самую власть мировыхъ посредниковъ; а это было крайне жаль. Послѣдующіе посредники далеко не были похожи на посредниковъ перваго призыва, которые на своихъ плечахъ вынесли реформу. На смѣну князя Черкаскаго и ему подобныхъ явились люди, или мельче плававшіе, или невысокаго полета. Они воображали, что, популярничая, они и въ самомъ дѣлѣ сдѣлаются популярны, заслужатъ уваженіе; а вышло иначе. Тогда какъ мировые посредники перваго призыва были дѣйствительно люди извѣстные, замѣчательные, заслужившіе всеобщее уваженіе (при нихъ и капризные, высокомѣрные, крупные помѣщики смирялись), второй и третій, призывъ, хотя и не былъ, быть можетъ, подкупенъ, но не стоялъ на высотѣ своего призванія. Онъ размѣнялся на мелкую монету своими дрязгами и ссорами съ высшею губернскою администраціею, которая, подъ вліяніемъ реакціи, круто повернула назадъ.

Въ 1861 году въ Тулѣ были вновь выборы, и состоялся большой обѣдъ въ честь мировыхъ посредниковъ, находившихся на выборахъ. И вотъ, въ той же залѣ, гдѣ такъ недавно Волоцкой и князь Черкаскій поссорились и должны были стрѣляться изъ-за крестьянскаго вопроса, первый Волоцкой выразилъ сочувствіе князю Черкаскому, какъ собрату по службѣ, тоже мировому посреднику... Обѣдъ этотъ мнѣ былъ очень памятенъ. Мой дядя И. А. Раевскій, какъ старшій, предсѣдательствовалъ. На обѣдъ подписались нѣкоторые изъ помѣщиковъ, и я, конечно, въ томъ числѣ. Пришлось мнѣ сидѣть возлѣ графа Льва Николаевича Толстаго, тогда мироваго посредника, съ которымъ уже въ то время я былъ близко знакомъ. Первый тостъ былъ, конечно, за Царя-Освободителя и принятъ съ большимъ энтузіазмомъ.

— «Пью этотъ тостъ съ особеннымъ удовольствіемъ», сказалъ мнѣ графъ Левъ Николаевичъ. «Больше бы и не нужно, такъ какъ въ сущности Государю одному мы обязаны эмансипаціей»...

Но пошли и другіе тосты. Особенно былъ удаченъ тостъ, предложенный П. Ѳ. Самаринымъ, за *Рускій народъ*. Вопросъ тогда весьма щекотливый; но Петръ Ѳедоровичъ провелъ очень ловко въ своей

рѣчи то положеніе, что почти всюду, въ нашей Тульской губерніи, отношенія къ крестьянамъ установились добровольно и хорошо, потому что помѣщики умѣренно пользовались своею властью, такъ что отношенія были добрыя, а теперь сдѣлались еще лучше. И это вѣрно: сравнительно съ другими губерніями у насъ реформа прошла благополучно. Нельзя не сказать, что губернаторъ П. М. Дараганъ былъ человѣкъ очень мягкій и, подъ вліяніемъ князя Черкаскаго, довольно скептически относился къ преувеличеннымъ жалобамъ нѣкоторыхъ крупныхъ помѣщиковъ, не жившихъ въ своихъ имѣніяхъ. Только и были безпорядки въ имѣніяхъ, гдѣ помѣщики сами не жили. Въ Хитровщинѣ Епифанскаго уѣзда творилось Богъ вѣсть что изъ-за глупыхъ слуховъ. Крестьяне были увѣрены, что Измайловъ, умирая, далъ имъ вольную, да и наслѣдника его графа Толстаго никто не зналъ.

За то супруга губернатора была очень энергична; ее даже въ Петербургѣ прозвали, *ураганъ*. Сама Анна Михайловна Дараганъ говорила:

— Если вамъ скажутъ, что вотъ губернаторъ П. М. Дараганъ кого нибудь побилъ—никто не повѣритъ; а скажутъ это про меня— всѣ повѣрятъ. Когда меня покойный императоръ Николай Павловичъ назначалъ директрисою института, я прямо ему сказала: Государь, не гожусь, это будетъ мое Ватерлоо, не назначайте (cela sera mon Waterloo). Ну, конечно, такъ и вышло, я и не выдержала.

Г-жа Дараганъ была очень умная особа, и бывать у нея было очень пріятно. Да и вообще общество было тогда въ Тулѣ отборное. Дочери Анны Михайловны Дараганъ—Елисавета Петровна вышла за В. Н. Веревкина, командира Екатеринбургскаго полка, нынѣ коменданта Петропавловской крѣпости въ Петербургѣ, Александра Петровна за флигель-адъютанта Д. А. Арбузова, бывшаго командира стрѣлковаго батальона Императорской Фамиліи; Евгенія Петровна за банкира Виникена (родственника барону Штиглицу). Всѣ были красавицы.

Къ 1861—1862 году относится и сближеніе мое съ графомъ Л. Н. Толстымъ, котораго я впрочемъ уже зналъ. Въ годъ освобожденія крестьянъ Левъ Николаевичъ завелъ у себя Яснополянскую школу, которая меня очень интересовала. Я сталъ часто посѣщать графа, а затѣмъ иногда осенью ѣздилъ съ нимъ и на охоту, и въ отъѣзжее поле. Чудное время я проводилъ тогда! Кто бы узналъ теперь въ маститомъ философѣ лихаго охотника, которому было ни по чемъ перескакивать рвы и канавы и съ которымъ приходилось полевать цѣлыми днями? Такого собесѣдника представить себѣ трудно... Но мировымъ посредникомъ графъ, думается мнѣ, былъ плохимъ, именно по своей разсѣянности. Я, какъ теперь, помню первую уставную грамоту, поступившую

отъ него. Подпись на ней буквально была слѣдующая: «Къ сей уставной грамотѣ, по просьбѣ такихъ-то, за безграмотностью ихъ, такой-то дворовый человѣкъ руку приложилъ»... Ни единаго имени!.. Какъ графъ диктовалъ, что, молъ, пиши—за такихъ-то такой-то руку приложилъ, такъ дворовый человѣкъ дословно и написалъ, не обозначивъ именъ ни крестьянъ, ни своего собственнаго. А графъ и не прочелъ, чтó тамъ написалъ дворовый человѣкъ, и отослалъ грамоту, скрѣпивъ ее, въ Тульское губернское присутствіе. Грамоту эту получилъ мой вотчимъ, который былъ членомъ губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія и у котораго я жилъ; онъ только пожималъ плечами, получая такія бумаги.

Впрочемъ, графъ Левъ Николаевичъ недолго прослужилъ: ему не по натурѣ было служить. За то Яснополянская школа шла великолѣпно. Но такъ какъ въ ней учили все студенты, то *свыше* не особенно благопріятно смотрѣли на нее и полагали, что непремѣнно есть что нибудь политически неблагонадежное въ Ясной-Полянѣ. Туда являлся даже жандармскій офицеръ, но, конечно, ничего не нашелъ, такъ какъ ничего и не было. Только въ одной изъ комнатъ Яснополянскаго дома, обращеннаго въ школу, вниманіе жандармскаго офицера остановилось на фотографическомъ аппаратѣ. Въ 1862 году это было еще рѣдкостью, особенно въ провинціи, въ деревнѣ. Что это такое? строго спросилъ офицеръ. Кого тутъ снимаютъ?» Студенты, конечно, не были довольны незваному гостю, и одинъ шутникъ быстро отвѣчалъ: *Герцена въ натурѣ*!—«Какъ Герцена?» переспросилъ офицеръ. Но смѣхъ объяснилъ ему шутку, и, кусая губы, офицеръ уѣхалъ.

Впрочемъ, могли бы и найтись запрещенныя книги: у кого ихъ тогда не было? Въ университетѣ, въ то время подъ лѣстницей, явно, на глазахъ у всѣхъ, продавались сочиненія Феербаха, Бюхнера, Прудона, Герцена и проч. Никакой бѣды въ томъ не видѣли, хотя, конечно, эти сочиненія надѣлали впослѣдствіи много бѣдъ: отъ книгъ скоро перешли къ дѣлу. Пропагандистами-Поляками и въ 1863 году почти ежедневно были разбрасываемы прокламаціи отъ Польскаго комитета, и въ пальто у себя мы находили ихъ при выходѣ изъ Университета или изъ театра.

Время въ Университетѣ было крайне тяжелое. Еще съ конца 1862 года множество Поляковъ, подъ различными предлогами, уѣзжали изъ Университета въ западный край. Всѣ они ѣхали непремѣнно на Тулу, гдѣ покупали оружіе, якобы для лѣсной стражи и проч. Никогда Тульскіе оружейники не торговали такъ бойко, какъ въ этомъ году. Тысячами везли оружіе изъ Тулы на глазахъ администраціи.

Съ прокламаціями дошло до того, что, на почтовой станціи, одному моему знакомому проѣзжій господинъ, который впослѣдствіи оказался *Я—нъ*, вынувъ изъ чемодана нѣсколько десятковъ ихъ, предложилъ прочесть эти возмутительныя писанія. Тотъ отказался и посовѣтывалъ ему впредъ не дѣлать этого. Но *Я—нъ* продолжалъ свое дѣло и на одной изъ станцій, близъ Орла, въ эту же поѣздку былъ остановленъ мировымъ посредникомъ, который, вмѣстѣ съ исправникомъ, по какому-то дѣлу случился тутъ. Прокламаціи были напечатаны для войскъ; ихъ отобрали сейчасъ. Относились онѣ всѣ къ Польскому мятежу. Да, свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ, чтó дѣлалось безнаказанно въ 1863 году. Въ концѣ этого года уже многихъ изъ студентовъ везли чрезъ Москву, въ ссылку. Они дѣлали видъ, что не узнаютъ насъ. Нѣкоторые были ранены; одного изъ нихъ я узналъ: у несчастнаго оторвана была рука въ сраженіи.

*

Тульскіе выборы 1861 года были тише, чѣмъ въ 1858 году. Губернскимъ предводителемъ былъ вновь избранъ Василій Петровичъ Мининъ, который, конечно, былъ за помѣщиковъ въ спорныхъ вопросахъ. Онъ отвѣчалъ всегда только одно: помѣщикъ владыка своей земли; чтó хочетъ, то и даетъ. На возраженія или статью Положенія съ надписью «быть по сему»,—онъ говорилъ: *выть по сему* намъ несчастнымъ. Это былъ ярый крѣпостникъ, хотя и предобрый человѣкъ, любившій своихъ крестьянъ. За интересы и права дворянъ онъ стоялъ горой (какъ онъ ихъ понималъ).

На выборахъ 1861 года былъ избранъ кандидатомъ къ Минину графъ В. А. Бобринскій, одинъ изъ самыхъ крупныхъ помѣщиковъ Тульской губерніи, большой оригиналъ. Это было вскорѣ послѣ извѣстной исторіи его съ профессоромъ Шевыревымъ. Ждали, что Государь утвердитъ В. П. Минина, какъ старшаго кандидата, уже три года бывшаго къ тому же губернскимъ предводителемъ. Но на выборахъ Мининъ очень ратовалъ за права дворянъ, а подписанный адресъ о расширеніи политическихъ правъ дворянства не былъ принятъ, и утвержденнымъ губернскимъ предводителемъ оказался, ко всеобщему удивленію, графъ Василій Алексѣевичъ Бобринскій.

Когда-то либералъ, графъ Василій Алексѣевичъ, какъ только заговорили объ эмансипаціи, вдругъ сдѣлался крѣпостникомъ и *объявился*, какъ у насъ говорили, *феодаломъ*. Сынъ перваго Бобринскаго, Алексѣя Григорьевича, графъ былъ полонъ противорѣчій и вообще казался

вполнѣ оригинальнымъ. Въ 1848 году онъ, вмѣстѣ съ княземъ Черкаскимъ и др., состоялъ въ комитетѣ для освобожденія, а съ 1858 года уже всюду говорилъ, что *насъ ограбили*. На одномъ обѣдѣ онъ хотѣлъ предложить тостъ за ограбленныхъ, т. е. дворянъ, но ему въ отвѣтъ хотѣли выпить здоровье его крестьянъ, такъ что тостъ не состоялся.

Мы не были однихъ воззрѣній съ В. П. Мининымъ, но очень уважали его за, хотя крѣпостныя, но твердыя убѣжденія. А про графа Бобринскаго никакъ нельзя было знать, въ извѣстный моментъ, чтò онъ сдѣлаетъ, чтó скажетъ. Графъ В. А. ненавидѣлъ князя Черкаскаго и его партію, но со мною былъ въ хорошихъ отношеніяхъ, такъ какъ былъ другомъ съ моими покойными отцомъ и дѣдомъ.

Послѣ сороковаго года, когда былъ страшный голодъ въ Тульской губерніи, онъ продалъ «на своз» 2000 душъ крестьянъ изъ Епифанскаго уѣзда: два села по тысячѣ душъ, Егорьевское и Ивановское. Двѣ сельскихъ церкви этихъ селъ и доселѣ стоятъ одиноко въ полѣ. Выселеніе этихъ двухъ тысячъ душъ въ Херсонскую губернію изъ родныхъ гнѣздъ было ужасно. За нѣсколько верстъ слышны были плачъ и причитаніе бабъ. И эти двѣ тысячи душъ съ женами и дѣтьми шли въ Херсонскую губернюю, купленные знаменитымъ Бенардаки на пріобрѣтенныя имъ степи, шли безпрекословно, безъ ропота... И что-же? Прошло нѣсколько лѣтъ, поселенцы-крестьяне Епифанскаго уѣзда обжились на новыхъ мѣстахъ, а потомъ стали благодарить судьбу, такъ какъ въ Херсонской губерніи имъ дали значительные надѣлы, а Епифанскіе и Богородицкіе крестьяне графа Бобринскаго получили *очень малый надѣлъ*. На этотъ послѣдній крестьяне давно жалуются, и изъ за него-то были въ Люторцахъ и Бобрикахъ крестьянскія неурядицы.

Сами крестьяне очень наивно говорятъ про эту продажу на свозъ двухъ тысячъ душъ. Какъ-то, проѣзжая мимо одинокой церкви одного изъ выселенныхъ селъ, я, какъ будто не зная, спросилъ мужичка:—Чтò это у васъ церковь одна посреди поля?—Да это Егорьевская степь будетъ; развѣ вы не изволите знать, что графъ тутъ все село продалъ на свозъ?—А кому.—Да Берендякину, въ Херсонскую губернію. У насъ и по сейчасъ есть родственники тамъ.—Что же, плохо живутъ?—Да тогда тужили, а теперь лучше нашего живутъ. — Зачѣмъ же графъ продалъ ихъ?— Да деньги понадобились очень... преспокойно отвѣчалъ мнѣ мужичекъ, какъ о самомъ обыкновенномъ дѣлѣ.

Графъ Василій Алексѣевичъ мнѣ объяснилъ это дѣло иначе. Имѣнія были очень малоземельны. Въ сороковомъ году, во время голода, мужики, бывшіе всѣ на оброкѣ, объявили, что платить нечѣмъ; а чтобы прокормить двѣнадцать тысячъ душъ, нужно было около милліона

ассигнаціями. Графъ долженъ былъ въ милліонѣ заложить имѣнія въ Опекунскомъ Совѣтѣ, для чего и перевелъ крестьянъ съ оброка на барщину и устроилъ хутора. Но такъ какъ земли для надѣла крестьянъ и еще для хуторовъ было мало, то графъ и вынужденъ былъ двѣ тысячи душъ выселить въ Херсонскую губернію, гдѣ, по его словамъ, было имъ лучше, чѣмъ здѣсь.

Потомъ, послѣ эмансипаціи, графъ Василій Алексѣевичъ все болѣе и болѣе сердился на крестьянъ. Когда они приходили просить хлѣба, онъ выслалъ имъ на подносѣ бѣлый хлѣбъ. Въ другое же время онъ готовъ былъ всякому помочь и не разъ помогалъ людямъ въ бѣдѣ. Такъ, однажды ремонтеру, потерявшему казенныя деньги, онъ сунулъ въ карманъ 20000 р. ассигнаціями при прощаніи, незамѣтно для него, а потомъ и слышать не хотѣлъ о благодарности.

Въ Бобрикахъ былъ когда-то государыней Екатериною выстроенъ дворецъ на крутомъ берегу, при впаденіи Бобрика въ Донъ, который и беретъ начало въ Иванъ-озерѣ, въ имѣніи графа Бобринскаго, въ восьми верстахъ отъ Бобриковъ. Дворецъ былъ великолѣпный, крытый мѣдью; о постройкѣ его упоминаетъ въ своихъ Запискахъ Болотовъ, который управлялъ имѣніями, селомъ, а послѣ городомъ Богородицкомъ и Бобриками съ деревнями. Говорятъ, что молодой графъ Василій Алексѣевичъ, начитавшійся за границею мудрыхъ экономическихъ книгъ, велѣлъ сломать дворецъ, продать мѣдную крышу и весь матеріалъ, дабы капиталъ не былъ мертвъ, а приносилъ проценты. Дворецъ сломали и мѣдь раскрали, а на кирпичи изъ него въ г. Епифани возникло много кирпичныхъ домовъ. За сломку дворца подрядчикъ взялъ 20000 ассигнаціями, и ничего не осталось, кромѣ мусора. Графъ не любилъ говорить про сломанный дворецъ, вмѣсто котораго построилъ себѣ небольшой деревянный домъ. Отъ стараго дворца остались лишь службы, то есть помѣщенія людей, прислуги и конюшни, составляющія огромный дворъ и теперь еще похожія на большія казармы: это былъ дворъ дворца. Графъ самъ никогда не говорилъ про исторію дворца, но разъ какъ-то вскользь замѣтилъ, что дворецъ не былъ внутри отдѣланъ и что отдѣлка стоила бы сотни тысячъ, и что все таки не онъ сломалъ дворецъ, а будто, безъ его вѣдома, главноуправляющій Бергольцъ.

Въ г. Богородицкѣ дворецъ сохранился доселѣ, и ясно видно, что самый городъ выстроенъ для дворца. За большимъ, заводскимъ прудомъ, почти озеромъ, городъ раскинутъ вѣеромъ. Въ полукруглой гостиной пять оконъ, и противъ каждаго окна улица расположена такъ, что ее можно видить насквозь до конца, то есть главныя пять улицъ города распланированы соотвѣтственно окнамъ графской гостинной.

Будучи выбранъ губернскимъ предводителемъ, графъ Бобринскій сталъ немедленно чудить и во что бы то ни стало фрондировать противъ всякаго распоряженія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Такъ циркуляръ министерства о томъ, чтобы запасные магазины, въ которые крестьяне ссыпали свой хлѣбъ, были признаны собственностью крестьянъ, выводилъ графа изъ себя. Онъ полетѣлъ къ министру внутреннихъ дѣлъ, которымъ тогда былъ П. А. Валуевъ.

— Какъ назвать портнаго, которому вы дадите сукно, чтобы сшить вамъ сюртукъ, а онъ украдетъ сукно? спросилъ графъ Бобринскій, представляясь Валуеву.

— Какъ же? Ну, воромъ, отвѣтилъ Валуевъ, не зная, къ чему графъ Василій Алексѣевичъ ведетъ рѣчь.

— Такъ позвольте мнѣ вашъ циркуляръ также обозвать. Мы дали магазины для ссыпки въ нихъ хлѣба, а вы ихъ у насъ взяли, отдали мужикамъ чужую вещь. Все дѣло-то было пустое, но графъ Бобринскій изъ за него поднялъ цѣлую бурю.

Ненавидя князя Черкаскаго и Славянофиловъ, почему-то считая ихъ одних виновниками эмансипаціи, графъ сравнивалъ ихъ то съ Фурьеристами, то съ Анабаптистами; это была его излюбленная тема. Представляясь Государю Александру II, по случаю избранія губернскимъ предводителемъ, онъ не утерпѣлъ и началъ цѣлую тираду о Фурьеритахъ, Анабаптистахъ, Славянофилахъ, какъ людяхъ опасныхъ для трона и монархическаго начала. Государь долго слушалъ и подъ конецъ сказалъ: «Il ne faut pas être plus royaliste que le roi» [1]).

Конечно, графъ Бобринскій не могъ долго оставаться на службѣ. Какъ только первая неудача постигла его ходатайство въ Петербургѣ, онъ вышелъ въ отставку. Его замѣнилъ Тульскій уѣздный предводитель дворянства Д. И. Коптевъ, къ великому сожалѣнію всей губерніи.

Послѣ отставки графа Бобринскаго, я довольно часто бывалъ у него въ Бобрикахъ, какъ ближайшій сосѣдъ его. При всѣхъ своихъ странностяхъ и иносказательности въ разговорѣ, онъ много говорилъ замѣчательнаго. Между прочимъ, онъ одинъ изъ первыхъ предрекъ всеобщее оскудѣніе и какъ бы напророчилъ голодъ:

— Въ 90—91 году у васъ, господа, говорилъ графъ, будетъ такой голодъ, что пироги будутъ печь съ человѣческимъ мясомъ! Я основываю на томъ свои сужденія, что исторія вездѣ одна и таже. Неккеръ уничтожилъ *la corvée* [2]) во Франціи и былъ послѣ это голодъ, и вотъ черезъ столько же лѣтъ, какъ во Франціи, будетъ и въ Россіи голодъ; по

---

[1]) Не слѣдуетъ быть монархистомъ больше, чѣмъ самъ монархъ.

[2]) Барщину.

моему разсчету въ 1890—1891 году... Историческіе законы всюду тѣже. И Александра II ждетъ конецъ Людовика XVI-го, постоянно увѣрялъ графъ Бобринскій. Голодъ отгадалъ онъ довольно точно, хотя до человѣческаго мяса не доходило.

Его разсказъ о томъ, какъ онъ былъ въ лейбъ-гусарахъ, довольно комиченъ. Собрались всѣ на парадъ 1 Мая; я въ первый разъ въ строю. Всѣ знаютъ, куда ѣхать, я одинъ не знаю. Командуютъ—*скачите*; всѣ скачутъ; я одинъ не знаю, куда скакать и наталкиваюсь на генерала, который меня ругаетъ на чемъ свѣтъ стоитъ. Поворачиваю отъ него назадъ, натыкаюсь на два полка, которые меня опрокидываютъ, и я падаю... Два полка перескакиваютъ черезъ меня. Это такъ интересно было, что я на другой же день выхожу въ отставку.

Во время вопроса объ освобожденіи крестьянъ онъ носился со своимъ проектомъ и возилъ его по всѣмъ сосѣдямъ, вмѣстѣ со внукомъ Болотова, оставившимъ извѣстныя Записки. Этотъ внукъ Болотова, тоже Болотовъ (Михаилъ Павловичъ) долженъ былъ всѣмъ и каждому объяснять проектъ графа Бобринскаго, такъ какъ у самаго графа не доставало терпѣнія, и онъ говорилъ на половину по русски, на половину по французски. Начиналъ очень горячо самъ авторъ, но потомъ обращался къ Михаилу Павловичу: De grâce, expliquez à ces messieurs*), и Болотовъ продолжалъ твердить проектъ, какъ заученый урокъ. Всѣ слушали и скучали, какъ слушали и другіе проекты, коими въ 1859 и 1860 годахъ можно было хоть прудъ прудить.

Графъ Василій Алексѣевичъ говорилъ всѣмъ своимъ служащимъ *вы*, что́ не мѣшало ему иногда говорить неособенно пріятныя вещи... Когда же онъ вспылитъ, то бывалъ неукротимъ.

Скончался графъ Бобринскій въ 1874 г., слишкомъ 70 лѣтъ отъ роду.

Крестьяне долго не могли забыть, что ихъ съ оброка, то есть изъ вольныхъ, сдѣлали *барщинскими*; поэтому они неоднократно напоминали начальству, что земля когда-то была ихъ вся. Это было поводомъ къ безконечнымъ недоразумѣніямъ. Уже впослѣдствіи, когда я вводилъ всесословную воинскую повинность въ Епифанскомъ уѣздѣ, какъ уѣздный предводитель и предсѣдатель рекрутскаго присутствія, меня поразили вновь начавшіеся между крестьянами разговоры о новой волѣ. Говорили, что землю раздѣлятъ по крестьянамъ, такъ какъ *рекрута* берутъ съ тысячи десятинъ, а поэтому у господъ не хватитъ рекрутовъ: вотъ мужички и получатъ землю всю за то, что за дворянъ будутъ ставить рекрутовъ. Слухи эти были настолько распространены, что я, во время перваго всесословнаго набора, счелъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ старшинамъ, чтобы они позаботились объяс-

*) Пожалуста, объясните этимъ господамъ.

нить на мѣстахъ новое положеніе, и положить конецъ всей этой глупой болтовнѣ, нашедшей пищу въ кабакахъ. Старшины выслушали и сказали—слушаю-съ; а нѣкоторые говорили, что у нихъ нѣтъ такихъ разговоровъ. Откуда что берется, думалъ я и при первомъ удобномъ случаѣ разговорился съ ямщикомъ, меня везшимъ, неглупымъ малымъ.— Ну, кому вы отдали мою землю? спросилъ я, какъ будто не взначай.

— Какъ кому?

— Ну да что̀ ты прикидываешься, что не знаешь? Вѣдь вы весь уѣздъ подѣлили, говорятъ, по случаю рекрутчины новой? Говори!

Ямщикъ не сразу отвѣчалъ, а заговорилъ чрезъ нѣсколько минутъ, какъ бы разсуждая:

— Никому мы не отдавали твоей земли, да и ничьей купленной. Развѣ можемъ у тебя взять? Она у тебя трудовая; у тебя, небойсь, есть купчая. А у насъ толкъ идетъ о жалованной только.

— Какой жалованной?

— Какъ какой? Вотъ что́ графы владѣютъ. Она всегда была казенная, въ нашемъ владѣніи вся была, какъ у Дѣдловскихъ вотъ! А графы ее получили даромъ... Вотъ за нее и обидно: мы ставимъ рекрутовъ столько же, что́ другія села; а земли у насъ всей ничего противъ другихъ. Вотъ за этихъ-то рекрутовъ намъ и хотѣлось отъ графовъ получить землю...

— Да, конечно, прибавилъ онъ: все пустое — брехня, ничего не будетъ; да и почитай ужъ не болтаютъ даже.

Эти самыя причины, какъ я уже сказалъ, были поводомъ къ безпорядкамъ у Люторскихъ и другихъ крестьянъ: при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ крестьяне спѣшили заявлять хотя бы и о давнишнихъ правахъ на землю.

*

Такъ прошли у меня университетскіе годы: зима въ Москвѣ, за лекціями; а лѣто и осень въ деревнѣ, за устройствомъ хозяйства на новый ладъ. Началась въ деревнѣ совсѣмъ новая жизнь. Отношенія наши съ мужичками установились сразу на весьма хорошую ногу. Лишь изрѣдка, и то больше изъ-за господъ-посредниковъ (оговариваюсь, не перваго призыва), выходили недоразумѣнія съ крестьянами; серьезныхъ же столкновеній даже ни разу не было. Жизнь деревенская укладывалась въ извѣстныя рамки, изъ коихъ она было вышла въ 1861 году, и то не надолго.

Бросая взглядъ на прошлое, нельзя, конечно, не удивляться, какъ эта великая реформа, стоившая потоковъ крови въ другихъ странахъ, прошла у насъ мирно, сравнительно, конечно, такъ какъ мѣстами все-

таки не обошлось безъ столкновеній. Но вѣдь эти безпорядки были асто и по винѣ начальства, или уже по совершенной безтолковости крестьянъ, наущаемыхъ кѣмъ-либо изъ злоумышленниковъ (какъ въ Казани бунтъ Антона Петрова и т. п.). Гдѣ мировые посредники были хороши, тамъ все сходило гладко, а отношенія устанавливались благополучно, скоро и мирно. Дольше всѣхъ не вводились грамоты у графа Бобринскаго, такъ какъ графъ Василій Алексѣевичъ не хотѣлъ разверстываться, говоря, что вся земля его. За это, впослѣдствіи, поплатились наслѣдники графа, ибо не вѡ время сдѣланное разверстаніе повлекло за собою, при выкупѣ, множество затрудненій.

Чѣмъ ближе подвигались мы къ концу курса, тѣмъ, конечно, болѣе интересными становились лекціи. Особенно любили мы профессора Н. И. Крылова, который живо интересовалъ насъ своими лекціями по Римскому праву. Очень хорошо читалъ Ѳ. М. Дмитріевъ Иностранное Законовѣдѣніе, а Гражданское Судопроизводство К. П. Побѣдоносцовъ, читавшій въ 1864 году, когда были введены земскія учрежденія. Со дня на день ждала очереди новая реформа судовъ. Старый профессоръ Уголовнаго Права и Судопроизводства, С. И. Баршевъ, вѣчно ратовавшій противъ гласнаго суда, когда сравнивалъ суды Франціи и Англіи съ нашими, вдругъ перемѣнилъ фронтъ и началъ излагать новую реформу готовящагося у насъ судопроизводства. Когда его спросили: какъ же это такъ? Онъ очень хладнокровно отвѣчалъ, что сперва смотрѣлъ съ одной точки зрѣнія, а теперь смотритъ съ другой.

Ждали съ нетерпѣніемъ открытія новыхъ судовъ, ибо (странно сказать) суда въ послѣдніе годы никакого не было. Старые суды на дѣлѣ никого не удовлетворяли, и страна была совсѣмъ безъ суда. Такъ держалось какъ-то само собою. Смѣясь говорили: самодержавная Русь, ибо сама себя держитъ, безъ суда.

Въ Москвѣ, на первомъ опытѣ состязательнаго суда, по дѣлу Волоховой, не было мѣста: такъ интересовались дѣломъ и гласнымъ судомъ, до того еще невѣдомымъ у насъ. Тутъ впервыя появился славный адвокатъ князь А. И. Урусовъ.

Особенно первый курсъ любилъ лекціи Богословія и Церковнаго Права, читанныя профессоромъ и священникомъ университетской нашей церкви Сергіевскимъ. Ему часто апплодировали, чтó было запрещено строго. Разсказывали анекдотъ, будто митрополитъ Филаретъ вызывалъ профессора Сергіевскаго по этому поводу. «Почему это тебѣ хлопаютъ, за твои лекціи?» спросилъ владыка, «вѣдь это запрещено; чѣмъ это ты вызываешь?»—«Да вѣроятно оттого, что хорошо читаю, лекціи мои и нравятся студентамъ», отвѣчалъ отецъ Сергіевскій. «Ну

такъ лучше будетъ, если ты станешь читать хуже», сказалъ будто на это Филаретъ.

Тѣмъ не менѣе оваціи профессору Сергіевскому продолжались и вызывали выговоры студентамъ со стороны инспекціи. За то лекціи Б. Н. Чичерина, читавшаго Государственное Право, въ наше либеральное время вызывали часто неодобреніе студентовъ. Но Чичеринъ продолжалъ свое дѣло серьезно, не гонялся за популярностью и ни единымъ словомъ не обмолвился въ этомъ направленіи. Онъ читалъ твердо и ясно и высказывался безъ оговорокъ за образъ правленія монархическій неограниченный, и ему конечно не аплодировали либеральные студенты.

II.

Изъ временъ предводительства.

1879—1880.

... Я кончалъ уже четвертое трехлѣтіе моего предводительства и твердо рѣшился выйдти въ отставку. Оставалось дослужить мѣсяца два. Собрались мы въ Депутатское Собраніе для разбора довѣренностей, представленныхъ къ дворянскимъ выборамъ на предстоящее трехлѣтіе, когда одинъ изъ предводителей, именно губернскій, П. Ѳ. Самаринъ обратилъ вниманіе на то, что вновь вышедшая книга Дворянскаго Устава существенно разнится отъ прежней. Онъ замѣтилъ, что статья 232-я изложена иначе, чѣмъ прежде, именно: вмѣсто того, что губернаторы утверждаютъ предводителей, если они соотвѣтствуютъ цензу, въ новомъ изданіи двѣ статьи соединены вмѣстѣ, т. е. губернатору предоставляется право утверждать предводителей, какъ исправниковъ и другихъ чиновниковъ, *если они, по его мнѣнію, благонадежны.*

Какъ это въ новомъ изданіи незамѣтно соединились двѣ статьи въ одну, никто не зналъ; но это измѣняло совершенно условія службы и выборнаго начала. Всѣ предводители пришли къ заключенію, что, при такихъ условіяхъ, никто, конечно балотироваться не будетъ: ибо никому не желалось отдавать себя, свою совѣсть, свои убѣжденія на оцѣнку губернатора. (Къ тому же, въ Орлѣ уже возникло дѣло: губернаторъ, безъ всякой видимой причины, не утвердилъ двухъ, только что выбранныхъ, весьма почтенныхъ предводителей). Рѣшено было послать депутацію въ Петербургъ изъ трехъ лицъ, чтобы ходатайствовать объ отмѣнѣ этой статьи, такъ какъ она явно нарушала выборное право дворянства. Въ Сводѣ Законовъ ея не было; наконецъ, какъ и почему она была иначе изложена въ новомъ изданіи, никому не было извѣстно.

Въ депутацію были избраны: князь Е. А. Черкаскій, князь М. Р. Долгорукій и пишущій эти строки. Мы должны были ѣхать въ Петербургъ къ тогдашнему министру внутреннихъ дѣлъ Льву Савичу Макову. Это было въ половинѣ Ноября 1879 года.

18 Ноября Государь Императоръ Александръ II проѣзжалъ чрезъ Тулу, на обратномъ пути изъ Крыма. Губернскій предводитель Самаринъ и я, (Епифанскій уѣздный предводитель, только что пожалованный въ должность шталмейстера) встрѣчали Государя на вокзалѣ. По обыкновенію, привѣтливо поговоривъ съ нѣкоторыми, Государь прослѣдовалъ дальше. Я остался на вокзалѣ дожидаться свитскаго поѣзда, который проходилъ чрезъ 20 минутъ. Дѣло было къ вечеру. Мнѣ хотѣлось поспѣть въ Москву къ царскому выходу, т. е. на другой день 20-го, утромъ. Въ свитѣ мнѣ всѣ были знакомы, я и хотѣлъ просить, чтобы меня взяли до Москвы, такъ какъ во время царскихъ проѣздовъ поссажирскіе обыкновенно очень запаздывали. Пока я ждалъ на вокзалѣ, подошелъ ко мнѣ Тульскій полицеймейстеръ, Тришатный, очень утомленный, но и очень довольный, что царскій поѣздъ прослѣдовалъ благополучно чрезъ Тулу. Ужъ наслушался я отъ него страховъ и что рельсы-то набиты чѣмъ-то, и торпеды готовятъ бросить подъ царскій поѣздъ—просто ужасы!.. Я недовѣрчиво качалъ головою. Подошелъ свитскій поѣздъ, наружностью мало отличавшійся отъ царскаго, развѣ что было много багажныхъ вагоновъ. Я попросилъ коменданта поѣзда позволить мнѣ сѣсть въ помѣщеніе инженеровъ Курской желѣзной дороги, которые любезно уступили мнѣ купе. Получивъ разрѣшеніе, я покатилъ въ Москву.

Всюду оказывались поѣзду царскія почести. Мы шли 20-ю минутами позже и по росписанію, утвержденному собственно для царскаго поѣзда. Въ Симферополь Государь пріѣхалъ получасомъ ранѣе назначеннаго времени, такъ что надо было ждать полчаса отправленія свитскаго поѣзда, который долженъ былъ идти впереди. Желая выиграть время и пріѣхать ранѣе въ Москву, графъ А. В. Адлербергъ предложилъ отправить царскій поѣздъ впередъ, по росписанію свитскаго, а свитскій чтобы шелъ по росписанію царскаго; такъ и было сдѣлано. Мы шли быстро. Я читалъ почти всю дорогу, которая прошла какъ-то даже незамѣтно, и я немного удивился, когда кондукторъ мнѣ сказалъ: сейчасъ Москва, прошли уже товарную станцію. Я сталъ надѣвать шинель, которую мнѣ подалъ кондукторъ, какъ раздался страшный трескъ, и сильнымъ толчкомъ меня отбросило въ дверь вагона... Вагонъ запрыгалъ, закачался! *Крушеніе*! успѣлъ я только крикнуть инженерамъ-сосѣдямъ; а самъ, слыша ломку буферовъ и боясь быть раздавленнымъ надвигавшимся вагономъ, рванулся къ двери и выскочилъ изъ вагона.

вмѣстѣ съ кондукторомъ, въ снѣгъ. Все произошло быстрѣе, чѣмъ это можно разсказать. Было туманно. Выскакивая и запутавшись въ проволокахъ опрокинутаго телеграфнаго столба, я упалъ. Около лежавшаго столба охалъ какой-то сторожъ, котораго зацѣпило столбомъ, и еще, кажется, городовой, котораго оглушило. Мѣсто куда я выскочилъ находилось противъ небольшой ямы, надъ которой еще бѣлѣлъ дымокъ. Пахло динамитомъ—запахъ мнѣ знакомый, такъ какъ у насъ въ каменно-угольныхъ шахтахъ работаютъ съ динамитомъ. Мнѣ вспомнились слова Тульскаго полицеймейстера... Неужели покушеніе?.. Запахъ динамита, упавшій телеграфный столбъ, яма—ясно указывали на это... Тяжелое чувство! Но я невольно перекрестился: слава Богу, миновало! Первое смятеніе прошло...

— Чтó такое? громко окликнулъ я оберъ-кондуктора, который былъ съ Николаевской желѣзной дороги.

— Мостъ провалился, ваше сіятельство, отвѣчалъ онъ.

— Локомотивъ лопнулъ, ваше превосходительство, доложилъ какой-то, какъ изъ земли выросшій полицейскій офицеръ, страшно перепуганный и принявшій меня, по придворной формѣ, за генерала; у офицера дрожала рука, которую онъ держалъ подъ козырекъ.

— Какой вздоръ вы говорите! сказалъ я раздражаясь. Вы лучше бы смотрѣли, чтобы торпеды не подбрасывали подъ поѣздъ.

— Помилуйте, какая торпеда? Чтó вы? говорилъ офицеръ дрожащимъ голосомъ.

— Въ сторонѣ показался огонекъ за линіею, продолжалъ офицеръ, мы всѣ и бросились туда, а пока вотъ...

Въ это время мы подвинулись впередъ и дошли до того мѣста, гдѣ вверхъ колесами лежалъ, взорванный Гартманомъ чрезъ подкопъ, багажный вагонъ; онъ оторвался и перевернулся вверхъ. Будь это съ пассажирскимъ вагономъ, прямо таки мармеладъ человѣческій вышелъ бы. Сомнѣнія не было! Офицеръ такъ и ахнулъ.

— По запаху динамита ясно, что это торпеда, сказалъ я.

Мнѣ и въ голову не приходило, что это, какъ оказалось потомъ, подкопъ—въ Москвѣ, въ Бѣлокаменной! Уже впослѣдствіи это выяснилось. Нашли и депешу Сухорокову изъ Симферополя, гласившую «цѣна пшеницѣ 2 рубля, наша цѣна 4». Это означало—2-й поѣздъ, 4-й вагонъ, въ которомъ, предполагалось, поѣдетъ Государь и который, благодаря измѣненію поѣздовъ, проѣхалъ благополучно. Гартманъ и взорвалъ 4-й, но, къ счастію, багажный вагонъ, да еще съ Крымскими фруктами, такъ что не было человѣческихъ жертвъ; вышелъ, въ самомъ дѣлѣ, мармеладъ, только яблочный, а не человѣческій. А огонёкъ, который видѣла полиція въ сторонѣ и бросилась на него, былъ фальш-

фейеръ, т. е. нѣчто въ родѣ ракеты, которую въ моментъ, когда нашъ поѣздъ вышелъ изъ закругленія, отъ товарной станціи, зажгла Софья Перовская, чтобы дать знать о нашемъ приближеніи: она и тогда, какъ и 1-го Марта 1881 года, исполняла роль махальщицы.

Сбѣжался народъ. Я поспѣшилъ взять извощика, чтобы летѣть во дворецъ. Мнѣ все казалось—могутъ бросить торпеду еще гдѣ нибудь; надо предупредить. Я летѣлъ въ Кремлевскій дворецъ съ мучительными мыслями, а, когда подъѣхалъ къ нему, мнѣ стало еще тяжелѣе... Какой ужасъ привезти подобное извѣстіе!...

Оказалось, что оберъ-полицеймейстеръ и генералъ-губернаторъ уже уѣхали изъ дворца. Государь ложился почивать. Я прошелъ въ апартаменты министра императорскаго двора, къ графу А. В. Адлербергу, моему прямому начальнику. Меня не хотѣлъ пустить камердинеръ, говоря, что графъ ложится спать, усталый отъ двухъ-дневнаго путешествія, такъ какъ графъ дорогою не спитъ. Я вошелъ безъ доклада, чему, конечно, графъ удивился. Я въ короткихъ словахъ разсказалъ, въ чемъ дѣло; но былъ, разумѣется, очень взволнованъ. Графъ слушалъ внимательно, но недовѣрчиво.

— Вы знаете, при крушеніи нервы очень бываютъ разстроены. Вы ложитесь спать и, когда выспитесь, вамъ все иначе покажется.

Мой очередъ былъ удивиться.

— Мнѣ не въ первый разъ, къ несчастію, быть въ поѣздахъ во время крушенія. Могу увѣрить васъ, графъ, что это динамитный взрывъ. Вѣдь отъ мѣста катастрофы верстъ 6—7 до сюда: если бы даже нервы мои расходились, и то можно успокоиться.

Графъ повѣрилъ мнѣ, наконецъ, и побѣжалъ со мною къ генералъ-адъютанту Дрентельну. Тотъ уже совсѣмъ не повѣрилъ.

— Не можетъ быть: у меня нѣтъ депеши! сказалъ онъ, глядя пристально то на меня, то на графа.

— Да и не можетъ быть, ваше высокопревосходительство: все это случилось не болѣе какъ полчаса назадъ. Никто не успѣлъ прибыть на мѣсто; да и депеша нескоро будетъ, такъ какъ телеграфныя проволоки всѣ порваны.

Дрентельнъ тотчасъ собрался туда скакать; но его уговорили тѣмъ, что его присутствіе ничему не поможетъ.—Да и туманъ густой, доложилъ я.

— Поѣзжайте немедленно къ генералъ-губернатору, князю Долгорукову и доложите ему о случившемся, сказалъ мнѣ графъ Александръ Владимировичъ Адлербергъ.

Я поскакалъ на Тверскую площадь. Князь Долгоруковъ только-

что расположился пить чай, въ халатѣ. Мое позднее появленіе его очень озадачило. —Чтò случилось? спросилъ онъ, узнавъ, что я отъ графа Адлерберга.

Я принялся разсказывать все, какъ было, и все твердилъ про торпеды. Я никогда не забуду впечатлѣнія, которое мои слова произвели на князя Владимира Андреевича. Я никогда не видалъ, чтобы человѣкъ могъ такъ испугаться, какъ онъ тогда. Онъ меня перебилъ:

— Покушеніе въ Москвѣ, говорите вы? Никогда, милостивый государь: это вамъ все показалось! И, схвативъ меня за пуговицу мундира, онъ долго тормошилъ ее, приговаривая: никогда, никогда!

Мнѣ стало жаль старика, но я стоялъ на своемъ. Успокоившись, князь началъ при мнѣ молиться и благодарить Бога, что опасность миновала для обожаемаго Монарха.

— Поѣзжайте къ оберъ-полиціймейстеру; а я сдѣлаю свои распоряженія. Прокурора, слѣдователя, сюда! Скорѣй, скорѣй, твердилъ онъ.

Когда я подъѣхалъ къ подъѣзду оберъ-полиціймейстера, туда подлетѣла взмыленная пара: это былъ приставъ Рогожской части, у котораго случилось происшествіе.

— Второй императорскій поѣздъ сошелъ съ рельсовъ, рапортовалъ онъ дежурному чиновнику въ передней. — Нѣтъ, не сошелъ, а взорванъ! перебилъ я. Надо было видѣть удивленіе пристава.

— Этого никто не можетъ доказать. — Да, неизвѣстно, чѣмъ онъ взорванъ; но онъ взорванъ: я былъ въ поѣздѣ...

Приставъ окончательно сконфузился. Утромъ уже выяснилось, что это былъ подкопъ и проч.

На Курскомъ вокзалѣ все еще ждали свитскаго поѣзда. Товарная станція сообщила, что поѣздъ вышелъ; ходу пять минутъ. Ждутъ 10, 15 минутъ—нѣтъ поѣзда. Все начальство на лицо; они только-что получили благодарность за благополучное прослѣдованіе царскаго поѣзда по ихъ дорогѣ. Всѣ начинаютъ безпокоиться.

— Узнайте, не дано ли отправленіе *) раньше времени? говоритъ управляющій дорогою.

А. П. Орловъ бѣжитъ въ телеграфъ. — Спросите, не дала ли знать «товарная Москва», раньше прихода поѣзда? обращается онъ къ телеграфисткѣ. Та стучитъ.—Аппаратъ не дѣйствуетъ, говоритъ она.—Соедините съ другимъ аппаратомъ! Таже исторія: оказывается, ни одинъ изъ 10 не дѣйствуетъ. —Волненіе усиливается.—Подать па-

*) Техническое выраженіе. Передъ отправленіемъ каждаго поѣзда станція запрашиваетъ слѣдующую, свободенъ-ли путь и, получивъ отвѣтъ *да*, сообщаетъ, что номеръ такой-то вышелъ въ путь; но иногда телеграфистъ, для быстроты дѣла, сообщаетъ о выходѣ поѣзда, тогда какъ онъ еще не тронулся.

ровозъ! требуетъ начальникъ дороги. — Прошло уже болѣе получаса; вдругъ видятъ, бѣжитъ дорожный мастеръ. Онъ бѣжалъ отъ мѣста катастрофы, запыхался и такъ взволновался, что не могъ слова вымолвить. Его теребятъ, спрашиваютъ, чтó случилось? Наконецъ, онъ съ трудомъ выговариваетъ: несчастіе — поѣздъ взлетѣлъ на воздухъ... Какъ!?. Весь, отвѣчаетъ онъ... Ему со страха Богъ вѣсть, чтò показалось.

Государю утромъ первый доложилъ о случившемся камердинеръ со словъ стремяннаго государева, который былъ на поѣздѣ. Черезъ нѣсколько времени явились генералъ-губернаторъ и оберъ-полиціймейстеръ; послѣдній съ отставкою, которая не была принята. Государь былъ очень покоенъ. Мы всѣ ждали въ залахъ дворца выхода Его Императорскаго Величества. Меня осаждали вопросами. Наконецъ, вышелъ Императоръ. Въ первой залѣ стояли дамы съ одной, мы придворные—съ другой стороны. Многіе были такъ взволнованы, что еле могли говорить. У меня тоже щемило въ горлѣ, когда я увидалъ Императора. Проходя мимо меня, Государь вдругъ обернулся.

— И ты тамъ былъ? спросилъ онъ.

— Точно такъ, Ваше Императорское Величество.

Я бросился къ Государю и не могъ удержаться, чтобы не поцѣловать протянутую руку, и взволнованно высказалъ, насколько мы счастливы, что Господь сохранилъ его Россіи. Я такъ былъ тогда взволнованъ, что едва разслышалъ, какъ Государь сказалъ: — Я благодарю Бога, что Онъ сохранилъ васъ для семьи. (Я понялъ такъ: т. е. всѣхъ бывшихъ на поѣздѣ). Очень обидно было бы, еслибы порядочные люди гибли отъ такихъ злодѣйствъ... Государь уже на ходу говорилъ, и далѣе я не разслышалъ.

Москва была поражена этимъ происшествіемъ: это было покушеніе въ стѣнахъ ея!.. Народъ собирался разметать въ Рогожской, домъ Сухорукова, т. е. Гартмана, который самъ успѣлъ скрыться.

*

Государь уѣхалъ въ Петербургъ. Все начало приходить въ свою колею. Тульская депутація собралась въ Петербургъ хлопотать объ исправленіи 232-й статьи. Мы втроемъ въ Москвѣ явились къ князю В. А. Долгорукову, такъ какъ онъ расширилъ въ то время свои права по политическимъ дѣламъ и на Тульскую губернію. Князь принялъ насъ любезно; но, когда мы объяснили ему причину нашего визита, онъ поморщился и весьма вѣрно замѣтилъ, что въ Петербургѣ не особенно будутъ довольны нашему пріѣзду.

— Подумаютъ, что вы пользуетесь настоящими затрудненіями, чтобы выхлопотать себѣ разныя права.

— Но вѣдь это не такъ: постановленіе депутатскаго собранія состоялось раньше 14 Ноября?

— Такъ-то такъ, сказалъ князь; а, право, вы лучше пошлите одного князя Оболенскаго съ бумагою въ Петербургъ. Онъ такъ часто ѣздитъ, что его пріѣздъ никакого впечатлѣнія не произведетъ; а для депутаціи неудобное время.

Мы согласились съ мнѣніемъ князя, и я поѣхалъ одинъ. Л. С. Макова я зналъ мало, но за то хорошо зналъ графа П. А. Валуева и поѣхалъ прямо къ нему за совѣтомъ. Я объяснилъ ему, въ чемъ дѣло. Графъ былъ того мнѣнія, что это просто редакціонная ошибка, благодаря которой двѣ статьи соединены въ одну и что дѣло разъяснится въ нашу пользу. Намъ, главнымъ образомъ, нежелательно было, чтобы дѣло было истолковано иначе, чѣмъ оно есть. Мы просили только отложить выборы на столько времени, сколько потребуется, чтобы исправить ошибку. Графъ Валуевъ обѣщалъ переговорить съ Маковымъ. На мое счастье, пока я сидѣлъ у графа, къ нему принесли приглашеніе во дворецъ обѣдать у Государыни.

— Прекрасный случай, сказалъ Валуевъ; я буду за обѣдомъ говорить о вашемъ дѣлѣ.

Поѣхалъ я къ Макову. День оказался непріемный. Швейцаръ и курьеры объявили, что не могутъ даже докладывать. Тогда я, дѣлать нечего, пустился на хитрость, на которую надоумѣлъ меня курьеръ.

— Они (т. е. Маковъ), говорилъ курьеръ, въ часъ идутъ завтракать къ супругѣ, такъ я васъ поставлю на площадкѣ, чтобы вы съ нимъ нечаянно сошлись: вы пойдете, какъ бы съ визитомъ къ ихъ супругѣ.

Такъ и сдѣлали. Л. С. Макову пришлось поневолѣ меня выслушать. Онъ назначилъ мнѣ свиданіе черезъ день, а депешею вызвалъ губернатора. Черезъ день я явился и выяснилъ съ своей стороны, въ чемъ дѣло, которое губернаторъ уже успѣлъ доложить до меня.

Л. С. Маковъ былъ недоволенъ и, конечно, сказалъ, что у правительства и такъ много затрудненій и хлопотъ. Я возражалъ, что мы ихъ и хотѣли избѣжать у себя; что хуже было бы, еслибы эту статью не исправили, а дворяне не выбрали бы ни одного предводителя, а это легко могло случиться; и что поэтому депутатское собраніе проситъ выборы отложить на три мѣсяца (выборы должны быть черезъ недѣлю).

— Все сдѣлалъ губернскій предводитель Самаринъ, вставилъ свое слово губернаторъ: еслибы не онъ, ничего бы не было.

— Нисколько! вмѣшался тутъ я, вынимая изъ кармана постановленіе депутатскаго собранія: тутъ подписи всѣхъ предводителей. ко-

торые просятъ отложить выборы; съ ихъ почина возникло дѣло, и послана депутація, представитель которой въ эту минуту—я.

Маковъ быстро пробѣжалъ бумагу, которую я ему подалъ.

— Это дѣло возникло по постановленію депутатскаго собранія, вы правы, сказалъ онъ. При такихъ условіяхъ я не рѣшусь открыть дворянскаго собранія. Ѣду сейчасъ къ Государю съ докладомъ. Вѣроятно, Его Величество соизволитъ на отсрочку выборовъ.

Я остался очень доволенъ такимъ оборотомъ дѣла. Оказалось, что наканунѣ графъ Валуевъ долго бесѣдовалъ съ Маковымъ, да и при дворѣ подготовилъ почву. Наше ходатайство было принято благосклонно (конечно, относительно) и поступило во II-е Отдѣленіе Собственной Его Величества Канцеляріи, которою управлялъ князь С. Н. Урусовъ. Я поѣхалъ къ нему. Я былъ сосѣдъ князю по его Тульскому имѣнію, Епифанскаго уѣзда. Князь былъ въ своемъ родѣ оригиналъ. Онъ очень низко кланялся и до того былъ вѣжливъ, что можно было думать, что насмѣхается. Такъ и тутъ; князь меня принялъ съ низкими поклонами и, когда я просилъ у него позволенія выяснить дѣло, онъ сказалъ:

— Съ удовольствіемъ, но прошу и у васъ, у своего предводителя, одной милости: позвольте въ вашемъ присутствіи курить. (Я же не курю).

Мнѣ, въ самомъ дѣлѣ, казалась такая утонченная вѣжливость какъ бы насмѣшкою отъ сановника; но оказалось, что это была привычка князя С. Н. Урусова. Князь выслушалъ меня и обѣщалъ свое содѣйствіе.

Мнѣ вспомнился другой случай, когда я былъ у князя С. Н. Урусова. Это было по поводу того, что губернаторъ М. Р. Шидловскій хотѣлъ непремѣнно парализовать дѣятельность мировыхъ съѣздовъ и мировыхъ посредниковъ. По смыслу крестьянскаго положенія 19-го Февраля 1861 года, мировой съѣздъ былъ кассаціонною инстанціею для волостныхъ судовъ; поэтому рѣшенія съѣзда по этимъ дѣламъ были окончательными. Губернаторъ же началъ принимать жалобы на съѣзды, по рѣшенію волостныхъ судовъ и расплодилъ такую массу дѣлъ, что въ уѣздѣ нельзя было привести въ исполненіе ни одного рѣшенія волостнаго суда: всякое было обжаловано. Въ уѣздѣ пошла такая ерунда, что въ дѣлахъ крестьянскихъ выходилъ прямо застой: кто жаловался на мировой съѣздъ въ губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе, кто губернатору, кто министру—словомъ, пошла невообразимая путаница. Благодаря князю С. Н. Урусову, моя докладная записка пошла въ Сенатъ, и Сенатъ, въ концѣ концевъ, согласился съ моимъ толкованіемъ положенія 19-го Февраля. Особымъ указомъ было объяснено, что рѣшенія мировыхъ съѣздовъ, по дѣламъ волостныхъ су-

довъ, суть окончательныя, что двухъ кассацій не можетъ быть. И на этотъ разъ ходатайство увѣнчалось успѣхомъ.

Всякій разъ, какъ являлся я по дѣлу къ князю С. Н. Урусову, онъ вспоминалъ, что зналъ всю мою родню въ Москвѣ, особенно бабушку, Софью Гавриловну Бибикову, и всякій разъ извинялся, что куритъ... Служилъ князь С. Н. Урусовъ за оберъ-прокурорскимъ столомъ въ Москвѣ, въ старомъ Сенатѣ, долго и попалъ туда не по своему желанію. Онъ былъ однимъ изъ главныхъ дѣятелей у графа Блудова въ царствованіе Николая Павловича. Всѣ части Свода Законовъ, по мѣрѣ редакціи ихъ, предъ тѣмъ, какъ выйдти въ свѣтъ, представлялись на Высочайшее благоусмотрѣніе. Какъ-то была допущена слѣдующая ошибка, которую князь Урусовъ просмотрѣлъ; по смерти мужа вдова получаетъ четвертую часть изъ недвижимаго и седьмую изъ движимаго, т. е.—именно наоборотъ того, что̀ слѣдовало. Государь замѣтилъ ошибку и вернулъ Блудову печатные листы съ запросомъ, кто такъ небрежно редактируетъ, и какъ смѣли въ такомъ видѣ представить ему. Графъ Блудовъ, испуганный, пріѣхалъ во дворецъ съ объясненіемъ, что это нечаянная ошибка князя С. Н. Урусова.

— Уволить въ отставку!

— Это мой лучшій чиновникъ, заступился за князя графъ Блудовъ.

— Хороши остальные, если это лучшій!

И графу Блудову съ большимъ трудомъ удалось отстоять князю С. Н. Урусову переводъ въ Москву, гдѣ князь многіе годы служилъ за оберъ-прокурорскимъ столомъ.

Но я отклонился отъ разсказа о моей Петербургской поѣздкѣ. Черезъ день Л. С. Маковъ сообщаетъ мнѣ, что ходатайство Тульскихъ предводителей уважено: выборы отложены. Я, крайне довольный, собрался въ Тулу, поблагодаривъ графа Валуева за участіе. Положительно, его ловкое, дипломатическое вмѣшательство дало нашему ходатайству то направленіе, котораго мы желали.

Статья была измѣнена во II-мъ Отдѣленіи Собственной Его Величества Канцеляріи, и мы ее получили уже въ исправленномъ видѣ, къ выборамъ, которые состоялись въ Февралѣ 1880 года. Права̀ намъ возвращены, и губернаторъ по прежнему долженъ утверждать предводителей, если они по цензу соотвѣтствуютъ требованіямъ закона, не имѣя права разбирать ихъ благонадежность.

Я оставлялъ службу послѣ двѣнадцати лѣтъ, хотя мнѣ предлагали продолжать оную. Да и губернскій предводитель, котораго мы очень уважали, тоже уходилъ. На сцену выступили новые люди. Передъ выходомъ мнѣ пришлось написать записку о дворянскихъ правахъ, которая возбудила интересъ въ другихъ губерніяхъ, но которую

новый губернскій предводитель не нашелъ умѣстнымъ читать. Я послалъ ее многимъ губернскимъ предводителямъ и знаю, что во многихъ собраніяхъ, между прочимъ въ Нижнемъ Новгородѣ, ее читали въ залѣ собранія.

Наши выборы пришлись ко времени празднованія двадцатипятилѣтія царствованія покойнаго Императора Александра II. Я былъ въ коммиссіи, которая писала адресъ Государю и нахожу, что адресъ былъ очень удаченъ.

Когда прочли въ залѣ собранія объ исправленіи 232-й статьи, раздались громкія рукоплесканія. Также адресъ Императору заслужилъ шумное одобреніе *).

---

*) Вотъ этотъ адресъ:

Ваше Императорское Величество!

Тульское Дворянство, собравшись наканунѣ 25-лѣтней годовщины Вашего славнаго царствованія, считаетъ вѣрноподданническимъ долгомъ привѣтствовать Ваше Величество съ этимъ для Васъ и для Россіи достопамятнымъ днемъ. Съ отраднымъ чувствомъ дворянство вспоминаетъ, что, въ теченіе четверти вѣка, оно было взыскано Вами, Государь, дорогóю для каждаго изъ дворянъ милостью быть призваннымъ къ содѣйствію въ великихъ предначертаніяхъ и дѣлахъ, ознаменовавшихъ царствованіе Ваше. И при освобожденіи двадцати милліоннаго населенія отъ крѣпостной зависимости, и при введеніи земскихъ учрежденій, положенныхъ Вами краеугольнымъ камнемъ будущаго общественнаго развитія Россіи, и въ великомъ подвигѣ освобожденія единовѣрцевъ отъ вѣковаго ига невѣрныхъ, настоящему поколѣнію Русскаго дворянства выпало на долю быть посильнымъ участникомъ славныхъ дѣяній Вашего Величества. Мы спокойно празднуемъ эту дорогую для каждаго изъ насъ годовщину, не смотря на то, что на пути мирнаго развитія нашей родной страны, которому Ваше Величество положили начало, зависть внѣшнихъ враговъ и козни внутренней измѣны чинятъ преграды и смуты, дошедшія до крайнихъ предѣловъ гнуснѣйшихъ покушеній. Вознося молитвы предъ алтаремъ Царя царствующихъ за Царя-Освободителя, мы съ твердой вѣрой уповаемъ на будущее, мы глубоко вѣруемъ, Государь, что Всеблагій Промыселъ, столь чудно хранящій Васъ, укажетъ Вамъ и путь къ искорененію крамолы и измѣны и къ прочному установленію мира и благоденствія, какъ указалъ его родоначальнику Вашему, излюбленному избраннику земли Русской, который, говоря словами дорогой для насъ грамоты „промыслилъ общимъ совѣтомъ призванныхъ лучшихъ людей великаго Россійскаго царства, какъ государству стоять крѣпко и непоколебимо.“ Твердо памятуя прошлое нашего отечества, мы знаемъ, что въ самыя тяжкія времена, какъ внутреннихъ смутъ, такъ и вражескихъ погромовъ, только въ тѣсномъ единеніи Самодержца съ народомъ обрѣталось спасеніе и отъ врага, и отъ крамолы. Вотъ почему въ этотъ знаменательный день мы считаемъ долгомъ

На этихъ выборахъ значительно перемѣнился составъ предводителей Тульской губерніи. Умѣнье предсѣдательствовать въ Земскомъ и Дворянскомъ Собраніи было причиною, что П. Ѳ. Самарина выбирали и въ Петербургѣ въ предсѣдатели Общества Взаимнаго Поземельнаго Кредита, послѣ знаменитаго Юхновскаго краха.

Послѣ двѣнадцатилѣтней службы отказался и я отъ предводительства. Я подалъ на губернскій столъ свою записку. Но, какъ никто не пророкъ въ отечествѣ своемъ, то въ Тулѣ мою записку положили подъ сукно. Да и реакція была полная...

Тотъ же П. Ѳ. Самаринъ, которому Тульское дворянское собраніе рукоплескало такъ недавно, какъ представителю лучшаго направленія, какъ дѣятелю по освобожденію крестьянъ, какъ живому земскому дѣятелю и судебной реформы, черезъ 5—6 лѣтъ оказался въ меньшинствѣ при выборѣ въ должность губернскаго предводителя, такъ блестяще исполняемую имъ въ теченіи шести лѣтъ, въ трудное для дворянства время. Невольно приходить на умъ, какъ дешево стóятъ людскія оваціи и какъ мало цѣненъ временный успѣхъ!

—

Мнѣ оставалось дослуживать уже недолго въ должности предводителя. Я сдавалъ квартиру и дѣлалъ распоряженія, необходимыя при оставленіи обязанности, которую выполнялъ 12-й годъ. Какъ-то еще лѣтомъ 1879 года, когда я былъ на мировомъ съѣздѣ въ городѣ, пріѣхалъ непремѣнный членъ съѣзда Е. В. Марковъ и сообщилъ, что въ Люторцахъ, имѣніи графа Бобринскаго, разыгралась непріятная исторія, что тамошніе крестьяне воспротивились описи, такъ что судебный приставъ Тульскаго Окружнаго Суда, начавшій было эту опись, не кончилъ ея и долженъ былъ уѣхать изъ селенія. Какъ предсѣдатель съѣзда, по должности предводителя, я подробно распросилъ непремѣннаго члена Маркова объ этой непріятной исторіи. Для меня не было сомнѣнія, что на сценѣ тотъ же аграрный вопросъ бывшихъ казенныхъ крестьянъ.

Въ данномъ случаѣ дѣло представлялось въ такомъ видѣ. За крестьянами села Люторицъ накопилось много недоимокъ. Такъ какъ взысканіе этихъ недоимокъ административнымъ путемъ сопряжено съ большими оговорками и затрудненіями, то управляющій графа Бобрин-

своимъ заявить Вамъ, Государь, что и мы, какъ предки наши, сумѣемъ достойно отозваться на призывъ Вашъ и какъ они въ ту тяжелую годину испытаній, въ любви, въ совѣтѣ и въ единеніи съ Самодержцемъ своимъ, потрудиться на благо отечества и на упроченіе его развитія на тѣхъ началахъ, которыхъ основу Вы заложили въ первое двадцатипятилѣтіе Вашего славнаго царствованія.

скаго, А. К. Фишеръ, взялъ съ крестьянъ вексель на всю сумму и, вѣроятно, на свое имя, дабы не примѣшивать къ дѣлу, если таковое возникнетъ, имени графа. Крестьяне заартачились платить по этому векселю, увѣряя, что эти 5,000 рублей они уже отработали; между тѣмъ доказательствъ на это у нихъ никакихъ не было.

Я вызвалъ на съѣздъ главныхъ зачинщиковъ этого дѣла, указанныхъ мнѣ непремѣннымъ членомъ и исправникомъ, чтобы объяснить имъ всю незаконность ихъ поступка и то, что они обязаны подчиниться указу Тульскаго Окружнаго Суда, по исполнительному листу коего у нихъ описывалось имущество. Но въ день, въ который я назначилъ явиться только восьми человѣкамъ, предъ окнами моей квартиры въ Епифани появилась толпа въ нѣсколько сотъ мужиковъ и бабъ изъ Люторицъ, находящихся отъ города въ 10 верстахъ. Я вышелъ къ стоявшей предъ окнами толпѣ и удивленно спросилъ: зачѣмъ пришло все село, когда я требовалъ только восемь человѣкъ; въ особенности—зачѣмъ пришли бабы?

— Да мы всѣ желаемъ знать, что́ будетъ, сказала ближе другихъ стоявшая баба; а если только восемь человѣкъ придутъ, ихъ въ острогъ засадятъ.

— Очень глупо сдѣлали, сказалъ я толпѣ, что пришли всѣ. Я не могу говорить со всѣми, и вы только хуже дѣлаете, что затѣваете такой вздоръ. Если начальство потребуетъ, то вѣдь и ваша вся толпа не помѣшаетъ хотя бы въ острогъ взять тѣхъ, кого прикажутъ. Ну, да въ чемъ дѣло?

— Такъ-то такъ, отвѣчалъ мнѣ коноводъ, сейчасъ же объявившійся: мы супротивъ графа ничего не имѣемъ, а Фишеру (т. е. управляющему) денегъ не дадимъ.

— Да васъ объ этомъ никто не спрашиваетъ. А разъ выданъ исполнительный листъ, вы должны подчиниться требованіямъ пристава; иначе вѣдь силою заставятъ.

— Такъ-то такъ, а мы не согласны Фишеру платить, что́ хошь дѣлай!

Тутъ, конечно, опять начался цѣлый разсказъ о томъ, что земли мало, что когда-то она была вся ихъ, что они отъ этого пропадаютъ. Всѣ мои указанія на законность исполнительнаго листа мало, повидимому, дѣйствовали на возбужденную толпу, съ которою я отказался говорить, а вызвалъ въ залу съѣзда лишь нѣсколькихъ. Вся громадная толпа продолжала стоять на улицѣ, и тогда я окончательно заявилъ, что не буду говорить съ толпою.

Между тѣмъ Тульская администрація, извѣщенная юстиціею, что судебнаго пристава Прусакова выгнали изъ Люторицъ, поспѣшила принять мѣры. Рѣшено было послать батальонъ пѣхоты въ Люторицы,

чтобы заставить крестьянъ исполнить предписаніе суда. Самъ исправлявшій должность губернатора *** съ прокуроромъ Н. В. Давыдовымъ и жандармскимъ полковникомъ собрались выѣхать на мѣсто, чтобы еще попробовать образумить крестьянъ. Я въ этотъ день былъ вызванъ въ Тулу на совѣщаніе, которое должно было рѣшить, какъ поступить. *** былъ очень милый и хорошій человѣкъ, но никогда почти не жившій въ Россіи, не знавшій ни быта нашего, ни крестьянъ, тѣмъ паче еще настроенія крестьянъ графа Бобринскаго.

Все губернское начальство собралось изъ Тулы выѣхать на утро, по Ряжско-Вяземской желѣзной дорогѣ, на станцію Узловую, къ которой ближе всего село Люторицы. Исправляющій должность губернатора послалъ телеграмму Епифанскому исправнику, чтобы приготовить экипажи для слѣдованія въ Люторцы. Зная по опыту, до какой степени желѣзнодорожный телеграфъ неисправенъ и что въ городѣ Епифани нѣтъ никакого телеграфа, я послалъ отъ себя, въ свое имѣніе (отстоящее отъ Узловой въ 7 верстахъ) приказъ, чтобы выставить мои экипажи подъ губернское начальство.

Утромъ тронулись мы изъ Тулы: вице-губернаторъ, прокуроръ, жандармскій полковникъ и еще два чиновника. Пріѣхавъ въ Узловую, *** сейчасъ же потребовалъ, чтобы были поданы экипажи, о коихъ онъ телеграфировалъ. Оказалось, что были присланы экипажи отъ управляющаго графа Бобринскаго, А. К. Фишера. *** уже собирался эедиться, но я его остановилъ.

— Не думаю, чтобы удобно было пріѣхать вамъ въ Люторцы въ экипажѣ г. Фишера, противъ котораго, главнымъ образомъ, возмущены крестьяне: экипажи Фишера всякій знаетъ въ селѣ Люторцахъ

— Ахъ, какъ благодаренъ я вамъ за совѣтъ, воскликнулъ ***; но какъ же быть? Исправникъ, въ самомъ дѣлѣ, ничего не сдѣлалъ и, вообразите, не дожидается меня!

— Да онъ ничего и не могъ сдѣлать: онъ врядъ ли и депешу вашу получилъ, такъ какъ телеграфъ отъ города въ 16 верстахъ, и дожидаться васъ онъ не можетъ, ибо Узловая Богородицкаго, а не Епифанскаго уѣзда; въ данномъ случаѣ я беру на себя защиту исправника. А экипажи мои къ вашимъ услугамъ.

*** остался очень доволенъ, и мы разсѣлись въ двухъ моихъ большихъ колякахъ. Тронулись; я ѣхалъ съ *** и прокуроромъ въ одной, жандармскій офицеръ въ другой. *** до смѣшнаго не зналъ деревни. Когда мы подъѣхали къ первому селенію, по дорогѣ въ Люторцы, именно къ селу Каменкѣ, то онъ обратилъ вниманіе

на множество вѣтряныхъ мельницъ на выгонѣ. Онъ слышалъ, что у меня, близъ Узловой, были каменно-угольныя шахты.

— Это, должно быть, ваши шахты, спросилъ онъ, указывая на мельницы, которыя, дѣйствительно, мало походили на тѣ, кои нашъ новый администраторъ видалъ за границей.

— Нѣтъ, это мельницы вѣтряныя, отвѣчалъ я.

*** удивился. Проѣхавъ верстъ 10, мы встрѣтили помощника исправника; депеша губернатора была получена имъ въ городѣ Епифани лишь утромъ и, не зная, какъ и откуда взять экипажей, онъ выѣхалъ къ намъ на встрѣчу самъ. Проѣхали еще верстъ 5 и встрѣтили исправника съ приставомъ, ѣхавшихъ изъ Люторицъ. *** очень строго спросилъ, почему не исполнено приказаніе. На это исправникъ спѣшилъ донести, что онъ съ судебнымъ приставомъ еще разъ были въ Люторцахъ, но что тамъ формальный бунтъ. Они пытались было произвести опись, но ихъ всѣхъ и урядниковъ выгнали изъ села. Ѣхать въ Люторцы опасно: народъ разбилъ кабакъ, массы пьяныхъ; надо ѣхать въ объѣздъ въ городъ, гдѣ и ждать прибытія войскъ. *** многозначительно взглянулъ на меня и на прокурора, не зная что̀ предпринять. Меня, знавшаго близко всѣ эти селенія, гдѣ я чуть не еженедѣльно бывалъ и ѣдучи на съѣзды, и на охотѣ, гдѣ я зналъ лично многихъ крестьянъ, болтовня исправника, ничего не знавшаго, сердила.

—Позвольте мнѣ, ***, сдѣлать нѣсколько вопросовъ г. исправнику.

— Сдѣлайте одолженіе.

— Вы говорите, что народъ разбилъ кабакъ? спросилъ я.

— Да-съ.

— Какъ же могли разбить кабакъ, когда его въ Люторцахъ уже болѣе года нѣтъ?

Исправникъ не зналъ, что̀ отвѣчать, но потомъ оправившись сказалъ:

— Не кабакъ, а бочку, которую везъ въ Бобрики кабатчикъ.

— Такъ это разница, и то мало вѣроятно; а есть мастера чрезъ соломинку тянуть изъ бочки вино—это скорѣе. Я не вѣрю, чтобы днемъ разграбили бочку даже.

Исправникъ сконфузился.

— Да и ѣхать въ объѣздъ—что́ за вздоръ! Если я, предсѣдатель съѣзда, знающій чуть ли не всѣхъ этихъ Люторскихъ мужиковъ, поѣду въ объѣздъ, то послѣ этого мнѣ и служить нельзя. Я не поѣду въ объѣздъ: это можетъ совѣтывать только совсѣмъ не знающій человѣкъ.

Мы тронулись далѣе и доѣхали до Смородинки (7 верстъ отъ Люторицъ). Въ Смородинкѣ—большое село—уже знали о нашемъ пріѣздѣ, и весь сходъ вышелъ къ намъ съ хлѣбомъ-солью на встрѣчу. *** былъ очень удивленъ и доволенъ.

— Il faut que je leur dise quelque chose? *) спросилъ онъ меня. Какъ вы думаете. Что нибудь въ родѣ, что вы вотъ бабы и мужики...

— Ради Бога, ничего не говорите, ничего не нужно.

— Ну, такъ дайте мнѣ руку, и мы пройдемся по толпѣ, чтобы народъ видѣлъ, въ какихъ отличныхъ отношеніяхъ администрація съ вами, предсѣдателемъ съѣзда и предводителемъ, и вообще съ выборными лицами уѣзда.

— Ничего этого они не поймутъ, сказалъ я.

Но *** желалъ поставить на своемъ и, я полагаю, онъ возбуждалъ немалое любопытство въ мужикахъ, такъ какъ былъ въ Парижскомъ, высокомъ цилиндрѣ, въ форменномъ съ золотыми пуговицами фракѣ и съ пледомъ черезъ плечо. Такъ обошли мы сходъ, приняли хлѣбъ-соль и вернулись къ экипажамъ.

— Ну, какъ же быть? продолжалъ ***. Надо ѣхать? Исправникъ настаивалъ—въ объѣздъ.

— Вы довольны пріемомъ здѣсь? сказалъ я.

— Очень! отвѣчалъ князь.

— Ну, такъ пріѣзжайте черезъ полчаса послѣ меня въ Люторцы, и васъ также встрѣтятъ.

— Не можетъ быть! воскликнулъ ***.

Исправникъ только пожалъ плечами, грустно глядя на меня.

— Ничуть не бывало: я вамъ отвѣчаю, что будетъ также мирно, какъ и здѣсь.

*** согласился. Я сѣлъ въ одну изъ своихъ колясокъ. Со мною непремѣнно хотѣлъ ѣхать прокуроръ.

*** долженъ былъ со свитой пріѣхать черезъ полчаса послѣ меня въ Люторцы.

Моя разгонная, сѣрая, неизмѣнная четверка быстро пробѣжала семь верстъ, и мы съ Н. В. Давыдовымъ подкатили къ Люторскому волостному правленію. Видно было, что село неспокойно, ибо около волостнаго правленія торчало нѣсколько зѣвакъ, а на большомъ выгонѣ кой-гдѣ стояли кучки крестьянъ. Обладая громкимъ голосомъ, я моментально собралъ своимъ зовомъ всѣ разсѣянныя кучки, и около коляски въ нѣсколько минутъ собрался цѣлый сходъ. Пришлось говорить круто и не безъ крѣпкихъ словъ. Мужики слушали безъ шапокъ. Я имъ

---

*) Надо, чтобы я имъ сказалъ что нибудь.

объяснилъ опять-таки всю глупость ихъ поведенія. Они, отрицая всякую свою виновность, увѣряли, что вчера было недоразумѣніе между урядниками и *бабъёмъ*, а что мужики были у графа Бобринскаго, въ Бобрикахъ, и что оттуда, дѣйствительно, вернулись выпивши, такъ какъ у графа выпросили *на водку*. Такимъ образомъ, споръ былъ между судебнымъ приставомъ, исправникомъ и бабами!.. Видя, что они начинаютъ молоть вздоръ, я имъ объяснилъ, что сейчасъ будетъ начальникъ губерніи, что своимъ поведеніемъ они и его вызвали и т. д. Моментально явился столъ, хлѣбъ-соль—все, какъ слѣдуетъ для встрѣчи начальства. Пока все это готовили, около коляски болѣе всѣхъ юлилъ и болталъ рыжій мужикъ. Я его шутя взялъ за бороду и сказалъ, обращаясь къ прокурору:

— Вотъ я попрошу губернатора позволить мнѣ его высѣчь, и сейчасъ все успокоится.

Мой рыжій мужикъ засмѣялся.

— За что же это одного? Сѣчь—такъ ужъ всѣхъ.

— Да потому, что ты одинъ все село смутилъ; ты вотъ не работаешь, да по адвокатамъ, по судамъ бѣгаешь, и всю смуту завелъ...

Показался экипажъ *** и его свиты. Народъ вышелъ къ нему навстрѣчу вмѣстѣ со мною и, къ удивленію его, а еще болѣе исправника, просилъ принять хлѣбъ-соль и не считать ихъ бунтовщиками: ибо они, крестьяне, только Фишеру не хотятъ дать денегъ. Къ сожалѣнію, *** не съумѣлъ воспользоваться минутой; что̀ онъ говорилъ крестьянамъ, они положительно не поняли, да и было неудобопонятно. Они же твердили свое: Фишеру денегъ не дадимъ.

На другой день пришелъ батальонъ. Я былъ въ Люторцахъ ранѣе другихъ и обратился къ солдатамъ съ нѣсколькими словами, напоминая, что они не бунтовщиковъ, а дураковъ идутъ усмирять.

Въ присутствіи солдатъ была произведена опись имущества. Народъ (т. е. больше бабьё) ударилъ въ набатъ и кричалъ, что зажжётъ село съ четырехъ концовъ. Но толпу бабъ разогнали, не сдѣлавъ никому вреда.

— Что же дѣлать? спросилъ меня ***, расхаживая между взводами солдатъ въ своемъ высокомъ цилиндрѣ и мундирномъ фракѣ. Что̀ вы сдѣлали бы?

— Да я бы уѣхалъ на вашемъ мѣстѣ, отвѣчалъ я, и предписалъ бы волостному суду разобрать дѣло, то есть—наказать виновныхъ за шумъ, ими произведенный.

— Ну, и-что же?

— Ну, и накажутъ пять, много десять человѣкъ розгами, и всему дѣлу конецъ.

Comment? Vous voulez les faire frapper avec des verges? Que diront les journaux? *) Это ужасно!

— Въ наказаніи волостнымъ судомъ розгами ничего нѣтъ ужаснаго отвѣчалъ я. Это не тяжкое наказаніе; а изгнаніе судебнаго пристава и проч. нельзя оставлять безъ наказанія.

Правитель канцеляріи губернатора такъ же очень боялся, *чтó* скажутъ Петербургскія газеты. Это болѣе всего его безпокоило.

— Мнѣ рѣшительно все равно, чтó они скажутъ, повторилъ я, а по моему гораздо лучше волостнымъ судомъ—наказать 10 человѣкъ 20-ю ударами розогъ; потому что вы гораздо ужаснѣе сдѣлаете.

— Какъ такъ?

— Да непремѣнно. Вы человѣкъ 80 или 100 посадите въ острогъ, который построенъ на 16 человѣкъ. Теперь рабочая пора, крестьяне должны работать въ полѣ. Вы разорите множество народа, а на повѣрку выйдетъ результатъ, что, когда предъ сословнымъ судомъ предстанутъ 70 или 80 человѣкъ, то, несомнѣнно, ни у кого изъ судей не хватитъ духу наказать огуломъ такую громаду. Ихъ всѣхъ оправдаютъ; да иначе и нельзя, ибо они дураки, а не бунтовщики, а васъ, господъ Тульскихъ администраторовъ, съ грязью смѣшаютъ и графа Бобринскаго на судѣ адвокаты такъ отдѣлаютъ, что будете довольны... Крестьянъ же вы разорите въ пухъ и прахъ...

Увы! Мои слова, какъ нельзя хуже, оправдались. Я уѣхалъ изъ Люторицъ. Администрація сдѣлала по своему. Черезъ три дня мнѣ, какъ предсѣдателю мѣстнаго тюремнаго отдѣленія, стало извѣстно, что острогъ переполненъ арестованными за сопротивленіе властямъ крестьянами села Люторицъ. Сажать было некуда. Я поѣхалъ немедленно въ острогъ. Все было полно... Возможно ли, при такихъ условіяхъ, содержать арестованныхъ по категоріямъ? Пришлось переводить часть въ Тулу... Въ числѣ арестованныхъ былъ мой рыжій... Онъ не преминулъ выпросить у меня по знакомству денегъ на чай.

Прошло два года. Въ Московской Судебной Палатѣ слушалось громкое Люторское дѣло. Крестьяне, за исключеніемъ немногихъ, были оправданы. Я уже не служилъ, а жилъ въ Москвѣ. Крестьяне, въ томъ числѣ и рыжій, пришли попросить у меня денегъ на дорогу—изъ Москвы обратно въ Епифань, т. е. въ Люторцы. Я напомнилъ рыжему нашъ разговоръ въ Люторцахъ. Онъ почесалъ себѣ затылокъ.

— А взаправду, лучше было бы, если бы по твоему тогда сдѣлали; а то промаяли въ острогѣ, сколько убытку надѣлали... Бѣда! Когда теперь поправишься?

---

*) Какъ вы хотите, чтобъ ихъ высѣкли розгами? Чтó скажутъ газеты?

— Да, за 5000 рублей, которые я бы у графа для васъ выпросилъ, теперь еще лугъ у васъ отняли.

— Такъ оно и есть: графъ бы, конечно, простилъ, если бы мы послушались тогда.

— Я тогда же напечаталъ обстоятельную статью, въ которой выяснилъ дѣйствительныя причины Люторскихъ безпорядковъ. Одинъ вопросъ аграрный, и другаго нѣтъ. Исторіи, подобныя Люторскимъ безпорядкамъ, возникаютъ и теперь, и не скоро имъ предвидится конецъ.

— Курьезнѣе всего къ этому отнеслась уѣздная администрація: она не вникла въ суть дѣла, а свела все на личные счеты и неудовольствія, чего, по моему, въ дѣлѣ не было.

— Прошло еще 12 лѣтъ, и вотъ, годъ тому назадъ, повторилась приблизительно таже исторія въ другомъ имѣніи графа Бобринскаго. И теперь, я готовъ подтвердить тоже, что только аграрныя отношенія тому причиною, а не намѣренное дѣйствіе управляющаго еще доселѣ имѣніями графовъ Бобринскихъ А. К. Фишера, съ коимъ крестьяне, въ сущности, въ ладу: они не могутъ забыть своего прежняго благополучія, о коемъ теперь большинство знаетъ только по преданію.

Князь Д. Д. Оболенскій.

КНЯЗЬ А. М. ДУНДУКОВЪ-КОРСАКОВЪ О Н. Н. МУРАВЬЕВЪ-КАРСКОМЪ *).

1855.

Съ Столовой горы главнокомандующій въ подзорную трубу слѣдилъ за всѣмъ ходомъ кровавой драмы. Лице его сохраняло обычную твердость и спокойствіе. Когда среди порѣдѣвшаго дыма мнѣ показалось, что наши войска подвигаются впередъ, я сообщилъ главнокомандующему о моемъ предположеніи; онъ отошелъ въ сторону и, отдѣлившись отъ окружающихъ его, спокойно сказалъ мнѣ: «Я много видѣлъ сраженій въ своей жизни. Штурмъ совершенно неудаченъ. Всѣ почти наши резервы истощены. Вы молоды—у васъ много впереди».

Тутъ онъ замолчалъ. На благородныхъ чертахъ его выражалась христіанская покорность опредѣленіямъ судьбы, и вмѣстѣ съ тѣмъ твердая воля его рѣшала будущій образъ дѣйствій. Я ему, какъ помнится, отвѣчалъ: «Отбитый штурмъ—не есть проигранное сраженіе; мы сохраняемъ всѣ наши позиціи для продолженія блокады».

*

Одинъ главнокомандующій оставался непоколебимъ. Здѣсь начиналась упорная борьба его противъ общаго мнѣнія, противъ этого равнодушія къ дѣлу, характеръ котораго опредѣлить можно только Французскимъ выраженіемъ opposition d' inertie. Главнокомандующій вышелъ побѣдителемъ изъ этой борьбы; но сколько дѣятельности стоило ему это тяжкое время! Сдача Карса вполнѣ оправдала его дѣйствія; раздраженное настойчивостію его, общее мнѣніе отряда преклонилось предъ результатами его твердой воли.

*

Подъ суровою оболочкою его скрывалось самое теплое и сострадательное сердце. Въ мѣрахъ взысканія онъ всегда отклонялъ все, что̀ могло уничтожить будущность виновнаго. Въ командованіе свое на

---

*) Извлекаемъ эти отзывы изъ Воспоминаній князя А. М. Дондукова-Корсакова о кампаніи 1855 года въ Азіатской Турціи („Кавказскій Сборникъ". Томъ I-й. Тифлисъ 1876 г., стр. 339 343, 366—368). П. Б.

Кавказѣ, онъ не рѣшился подписать ни одного смертнаго приговора, не сдѣлалъ никого несчастнымъ; но иногда взысканія его носили отпечатокъ оригинальнаго въ нѣкоторомъ отношеніи направленія ума его. Такъ было въ настоящемъ случаѣ. Сердечно разстроенный положеніемъ больныхъ Турокъ, въ справедливомъ гнѣвѣ на Турецкихъ старшинъ, главнокомандующій отправился въ миджилисъ. Самыми строгими выраженіями попрекалъ онъ это собраніе въ равнодушіи къ защитникамъ Карса, напоминалъ имъ, что все богатство, пріобрѣтенное ими въ послѣднее время, составлено отъ тѣхъ же единовѣрческихъ войскъ, которымъ они теперь отказываютъ въ насущномъ пропитаніи. Въ заключеніе велѣлъ онъ слѣдовать за собою предсѣдателю миджилиса, самому почетному и богатому изъ жителей Карса. Главнокомандующій повелъ его въ ближайшее отдѣленіе госпиталя, повторивъ передъ больными Турками свои упреки, немедленно приказалъ положить старшину на свободную койку того же лазарета, съ тѣмъ, чтобы въ продолженіе недѣли заставить его испытать всѣ лишенія, претерпѣваемыя больными отъ равнодушія его къ ихъ положенію. Смѣшно и жалко было видѣть, какъ замѣнили шитую золотомъ одежду старшины грязнымъ лазаретнымъ халатомъ и, на мѣсто богатой чалмы, покрыли голову его госпитальнымъ колпакомъ! Громкій смѣхъ и радость всѣхъ больныхъ служили лучшимъ одобреніемъ этого взысканія. Вмѣстѣ съ тѣмъ тутъ же были приняты главнокомандующимъ мѣры для немедленнаго снабженія Карскихъ госпиталей всѣмъ необходимымъ.

*

Обширное поле военныхъ дѣйствій открывалось Кавказскому корпусу въ слѣдующемъ году, и только тогда оцѣнилась бы вся громадность результатовъ отъ паденія Карса! Ключи этой твердыни открыли намъ двери всей Малой Азіи. Трудно было опредѣлить, гдѣ остановились бы побѣдоносныя знамена наши. Мирный трактатъ, заключенный въ Парижѣ, закрылъ намъ, и на долго, эти двери; но кровь Кавказскихъ воиновъ не безъ пользы пролита была въ Малой Азіи для дорогой отчизны нашей. Противъ неудачъ нашихъ на Дунаѣ и въ Крыму однѣ только трехлѣтнія побѣды и успѣхи наши въ Азіятской Турціи могли быть поставлены на вѣсы на Парижскомъ конгрессѣ, на конгрессѣ, гдѣ такъ страдала вѣковая военная слава и народная гордость Россіи.

✝

Съ общею, глубокою скорбью, въ которую облеклась Россія, сливается горестный плачъ отечественныхъ Музъ.

Почившій Государь Александръ Александровичъ оказывалъ высокое и дѣятельное покровительство наукамъ и искусствамъ въ Россіи. Подъ первымъ впечатлѣніемъ великой утраты трудно перечислить всѣ драгоцѣнныя свидѣтельства Его живой отзывчивости къ успѣхамъ народнаго просвѣщенія: щедроты Эрмитажу и Академіи Художествъ, назначеніе Своего Двоюроднаго брата Президентомъ Академіи Наукъ, милостивое вниманіе къ ученому путешествію Пржевальскаго, Историческій Музей въ Москвѣ (достроенный на Его личныя средства, еще до вступленія на престолъ). Но въ особенности остается на вѣки памятна любовь Его къ Исторіи и Археологіи. Обществу любителей Древней письменности пожаловалъ Онъ имя Императорскаго и посѣщать изволилъ его Музей. Въ 1866 году возникло Русское Историческое Общество. Никогда не забыть имѣющимъ счастіе быть членами этого общества почти ежегодныхъ засѣданій въ Аничковскомъ дворцѣ, подъ Его предсѣдательствомъ.

«Русскій Архивъ» съ давнихъ поръ осчастливленъ былъ Его державною милостью: Ему благоугодно было обнародовать въ немъ письма В. А. Жуковскаго къ Государю Императору Александру Николаевичу.

Да проститъ мнѣ великая, возлюбленная тѣнь Его мое личное заявленіе: для меня это былъ Олицетворитель идеала начертаннаго вѣщимъ поэтомъ:

Въ душѣ любовь, въ десницѣ громъ...

Петръ Бартеневъ.

церкви. Монастыри. „Душеполезное Чтеніе“ № 9.

Колюпановъ Н. П. Очеркъ философской системы Славянофиловъ. „Рус. Обозр.“ Іюнь—Октябрь.

Лебедевъ А. П. Патріархъ Геннадій схоларій. „Бог. Вѣст.“ Сентябрь.

Купчая отъ 1642 г., выданная священникомъ Ростовской Николо-Спольской церкви Лукьяномъ. „Ярославскія Еп. Вѣд.“ № 29.

Майковъ Л. Н. Письма С. Т., К. С. и И. С. Аксаковыхъ къ И. С. Тургеневу. „Р. Обозр.“ Августь — Сентябрь.

Михайловъ А. Умственный взоръ на протекшія лѣта моей жизни отъ колыбели и до гроба (1778 — 1820). „Душеполезное Чтеніе“ № 10.

Марковскій М. Антоній Радивиловскій, Южно - Русскій проповѣдникъ XVII в. „К. Ун. Изв.“ Іюнь.

Царскія грамоты, жалованныя Воскресенскому Обнорскому монастырю. „Ярославскія Еп. Вѣд.“ №№ 31—33.

Оглоблинъ Н. Н. Происхожденіе провинціальныхъ подъячихъ въ XVII в. „Ж. М. Н. Пр.“ Сентябрь.

Жизнь преподобнаго Паисія Угличскаго, изложенная въ стихахъ около образа его. „Ярославскія Еп. Вѣд.“ № 31.

Изъ писемъ Ярославской Димитріевской церкви о. Стефана Поникаровскаго къ протоіерею с. Богословъ Даниловскаго уѣзда о. Алексѣю Никольскому. „Ярославскія Еп. Вѣд.“ №№ 32—33.

Пеллегрини К. Изъ записокъ состоявшаго при ген. М. Д. Скобелевѣ. „Н. Слово“. Іюнь.

Пыпинъ А. Н. Вопросы древне-Русской письменности. I. Іосифъ Волоцкій и Нилъ Сорскій. II. Максимъ Грекъ и князь Курбскій. „Вѣст. Евр.“ Іюнь—Іюль.

— Итоги стараго Московскаго царства. „Вѣстн. Евр.“ 1894. Августъ.

Пѣтуховъ Е. В. М. Н. Муравьевъ, „Ж. М. Н. Пр.“ Августъ.

Суворовъ П. П. Записки о прошломъ. „Р. Обозр.“ Августъ—Сентябрь.

Прощальная отъ 1781 г. съ родиной пѣснь Ростовской епархіи семинаристовъ и другихъ духовнаго званія лицъ, „по разбору“ изъ онаго взятыхъ за излишествомъ въ военную службу. „Ярославскія Еп. Вѣд.“ № 33.

Письмо отъ 1807 года изъ Троице-Лаврской семинаріи Ярославскаго студента П. Туношенскаго къ своему товарищу И. А. Богословскому. „Ярославскія Еп. Вѣд.“ № 33.

Филаретъ, какъ истинный другъ и товарищъ. „Тверскія Еп. Вѣд.“ №№ 6—15.

Чевалковъ М. В. Памятное завѣщаніе. „Томскія Еп. Вѣд.“ №№ 8, 13.

Шенрокъ В. И. Н. В. Гоголь. Пять лѣтъ жизни за границей. 1836—1841. „Вѣст. Евр.“ Іюль—Сентябрь.

Краткая историческая записка о Саратовскомъ епархіальномъ женскомъ училищѣ по поводу исполнившагося двадцатипятилѣтія со времени его открытія. „Саратовскія Еп. Вѣд.“ № 15.

Историческія замѣтки объ Одесской (бывшей Херсонской) духовной семинаріи. „Херсонскія Еп. Вѣд.“ №№ 10, 11.

Духовныя школы Курско - Бѣлоградской епархіи. „Курскія Еп. Вѣд.“ №№ 28—31.

Приходское преданіе. „Курскія Еп. Вѣд.“ № 31.

Годъ тридцать второй.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1894

11.

Стр.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1894.

АРХИВЪ КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА.

ГЛАВНОЕ СОДЕРЖАНІЕ „АРХИВА КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА".

Книга первая. Бумаги императрицы Елисаветы Петровны. Прошенія родственниковъ ея. Письма Шуваловыхъ, князя и княжны Кантемиръ, матери Екатерины Великой. Дѣло о Шетарди. Снимки съ писемъ Елисаветы, Іоанны Елисаветы и князя Кантемира.

Книга вторая. Бумаги гр. М. Л. Воронцова. Письма графа А. П. Бестужева-Рюмина. О Шетарди. Мнѣніе объ отношеніяхъ Россіи къ Пруссіи. Переписка съ гр. Санти. Арестъ Ламберта. Письма гр. М. П. Бестужева - Рюмина. Перлюстрація писемъ касательно заговора маркиза Ботты. Бумаги барона Миниха. Прошенія и письма его и Бирона. Письма С. К. Нарышкина, генерала Кейта. Письма и прошенія къ импер. Елисаветѣ.

Книга третья. Собственноручный служебный журналъ, гр. М. Л. Воронцова. Письма Ѳ. Д. Бехтѣева. Дѣло Каржавина. Арестъ Лестока. Бумаги Елисаветинской Конференціи. Письма Л. М. Бестужева-Рюмина къ барону І. А. Корфу. Письма гр. Санти. Переписка съ графомъ А. Г. Головкинымъ.

Книга четвертая. Мнѣнія графа Бестужева о принятіи Англійскихъ субсидій въ 1747 году. О Московскихъ пожарахъ. Переписка гр. Бестужева съ Апраксинымъ. 1757 г. Доклады графа Воронцова 1758 годъ. Семилѣтняя война. Записка гр. Воронцова о ней. Дѣло Лестока. Переписка съ графомъ К. Г. Разумовскимъ. Письма М. В. Ломоносова.

Книга пятая. Бумаги графа А. Р. Воронцова. Автобіографическое показаніе. Переписка съ гр. М. Л. Воронцовымъ. Письма княг. Дашковой. Письма А. Н. Радищева и Е. В. Рубановской (1782--1800). Разборъ сочиненія Радищева, написанный Екатериной Великой. Повинная его. Допросные пункты. Письма Вольтера.

Книга шестая. Бумаги гр. М. Л. Воронцова. Доклады коллегіи иностранныхъ дѣлъ (1744). Переписка съ Ѳ. Д. Бехтѣевымъ И. М. Шуваловымъ, съ главнокомандующими въ Семилѣтнюю войну. Взятіе Берлина Русскими войсками. О Русскомъ войскѣ въ 1757. Приложенъ планъ взятія Берлина Русскими войсками.

Книга седьмая. Бумаги гр. М. Л. Воронцова. Доклады Елисаветѣ Петровнѣ отъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ (1746—1755) Рапортъ Костюрина о Русской арміи, дѣйствовавшей противъ Пруссаковъ. О перемиріи съ Пруссіей. Дѣло графа Тотлебена. Реляція фельдмаршала графа Бутурлина 21 Августа 1761 года. Проектъ графа П. М. Шувалова о рекрутскихъ наборахъ. Рескрипты гр. Бутурлину (1760—1761). Тайная переписка Елисаветы съ Людовикомъ XV (1758). Доклады Петру III. Переписка съ Екатериною Второю. Замѣчанія княг. Дашковой на книгу Рюльера. Приложены портретъ гр. М. Л. Воронцова и снимокъ съ письма.

Книга восьмая. Автобіографія графа С. Р. Воронцова. Переписка съ гр. Ѳ. В. Ростопчинымъ (1791—1825).

Книга девятая. Письма графа С. Р. Воронцова. Съ гравированнымъ на стали портретомъ.

Книга десятая. Письма гр. С. Р. Воронцова къ гр. А. Р. Воронцову и разнымъ лицамъ въ царствованіе Павла и Александра I. Со снимкомъ.

Книга одиннадцатая. Переписка графа С. Р. Воронцова съ гр. Н. П. Панинымъ и съ Н. Н. Новосельцовымъ въ царствованіе Павла и Александра I. Со снимкомъ.

Книга двѣнадцатая. Письма гр. П. В. Завадовскаго къ братьямъ Воронцовымъ; кн. Е. Р. Дашковой къ гр. А. Р. Воронцову; Д. П. Трощинскаго, А. И. Радищева. Бумаги о разлученіи герцога Виртембергскаго съ его супругою. Письмо гр. А. Р. Воронцова къ князю А. Чарторыжскому. Со снимкомъ съ руки гр. П. В. Завадовскаго.

Книга тринадцатая. Письма князя А. А. Безбородки (1776—1799).

ЧЕЛОБИТНЫЯ ПАТРІАРХУ НИКОНУ СЪ ЕГО СОБСТВЕННОРУЧНЫМИ РѢШЕНІЯМИ [1]).

Въ 3-мъ выпускѣ „Русскаго Архива“ нынѣшняго года помѣщено 37 „Челобитныхъ патріарху Никону“, найденныхъ Митрофаномъ Григорьевичемъ Поповымъ на волнообъятомъ, гранитномъ островѣ Кіѣ, противъ устья рѣки Онеги, на пути въ Соловки, въ знаменитомъ „Ставросѣ“ или Крестномъ монастырѣ (гдѣ сохранились и нѣкоторыя вещи Никона, напр. его деревянныя митры для будничнаго богослуженія). Нынѣ получено нами отъ него же еще 15 этихъ драгоцѣнныхъ памятниковъ до-Петровской старины. Всѣ они относятся къ тому времени, когда Никонъ находился въ размолвкѣ съ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, и на него готовился судъ вселенскихъ патріарховъ. Величавый образъ Никона выступаетъ передъ нами подлинными, живыми и привлекательными чертами. Это лишь случайно уцѣлѣвшіе, мелкіе обрывки, относящіеся до Онежскаго края. А сколько погибло письменныхъ памятниковъ державной дѣятельности этого удивительнаго лица, которое не перестаетъ приковывать къ себѣ вниманіе отдаленнѣйшаго потомства. *П. Б.*

1. Челобитная попенца Федорища Парамонова и дьяченца Елисейки Ларіонова [2]).

Великому господину святѣйшему Никону патріарху бьютъ челомъ и плачутся сироты Воскресенскаго монастыря вотчины, Подпорожской волости, Троецкой попенцо Федорище Парамоновъ да дьяченцо Елисейко Ларіоновъ въ томъ: есть у насъ сиротъ подъ нами церковнаго тяглаго деревнишка осмина съ прибылью; и по той, государь, деревнишкѣ мы сироты робимъ всякое монастырское сдѣлье, а руги, государь, и крестьянъ нѣтъ кромѣ той деревнишки. Милостивый великій господинъ, святѣйшій Никонъ патріархъ, пожалуй, государь, насъ сиротъ своихъ, царскихъ богомольцевъ: не вели, государь, съ того тяглого церковного деревнишка въ монастырь Ставросъ сдѣлья имать. Государь, смилуйся и пожалуй!

Рѣшеніе п. Никона: «*не велѣть тягла на нихъ спрашиватъ, а имъ велѣть по вся субботы по нашихъ родителѣхъ обѣдни служить.*»

---

[1]) См. „Русскій Архивъ“ 1894 г., № 3, стр. 350—368.

[2]) *Рукопись Крестнаго монастыря*, Г.

2. Челобитная Кирши Степанова и Кипріана Иванова Шалавиныхъ [3]).

Великому государю святѣйшему Никону патріарху бьютъ челомъ сирота твоя государева Кирша Степановъ да Кипреянко Ивановъ Шалавины Варзугорцы въ томъ: въ нынѣшнемъ, государь, во ҂рѯн (1660) году Мая въ ѕ (6) день судомъ Божіимъ преставился дядя нашъ Поликарпъ Ништатинъ прозвищемъ Козаринъ, а отъ роду отъ него дѣтей не осталось никого; а владѣютъ, государь, всѣмъ жыботомъ ево и деревнею жена ево Ѳеодора Иванова дочь Савиныхъ да племянникъ ево, меньшого брата сынъ, Лука Ивановъ сынъ Шалавинъ. Только осталась отъ него, дяди моево, у меня Кирилка кабала на Тита Петрова Нименжанина, а взято по той кабалѣ недоплаты три рубля двадцать пять алтынъ. Милостивый и великій государь, святѣйшій Никонъ патріархъ, пожалуй насъ сиротъ своихъ: вели, государь, остатковъ дяди нашего Поликарпа — деревню женѣ ево Ѳеодорѣ и племяннику ево Лукѣ съ нами подѣлить, а въ хлѣбѣ и скотѣ и во всемъ животѣ ево какъ ты, великій государь, укажешь. Государь, смилуйся, пожалуй!

Рѣшеніе п. Никона: «*переписать животы и доложить намъ*».

3. Челобитная попадьи Парасковьицы [4]).

Великому господину святѣйшему Никону патріарху бьетъ челомъ твоя государева сирота, попа Андрея попадья Парасковьица. Въ прошлыхъ, государь, годѣхъ ставилъ мужъ мой попъ Андрей, конецъ острова, на погостѣ избу и дворъ со всѣми хоромы своимъ животомъ, и въ прошломъ, государь, во ҂рѯн (1660) году по твоему святительскому указу велѣно ему, мужу моему попу Андрею, отъ мѣста отказать, а въ ево мѣсто велѣно быть попу Автоному Тарасьеву. А нынѣ онъ, мужъ мой попъ Андрей посланъ на монастырскую службу къ Архангельскому городу, а староста и мірскіе люди не дали за тѣ хоромы ни единыя деньги, а я бѣдная сирота нынѣ съ малыми дѣтишками скитаюся по чужимъ подворьямъ и холодна, и голодна. Милостивый великій господинъ, святѣйшій Никонъ патріархъ, пожалуй меня сироту твою: на комъ ты, государь, за тотъ дворъ деньги взять прикажешь и сколько, государь, укажешь, государь, великій святитель, смилуйся, пожалуй!

Рѣшеніе п. Никона: «*сыскать; буде попъ Андрей собою ставилъ, велѣть по оцѣнкѣ деньги дать*».

---

[3]) *Рукоп. Крестн. мон.*, К.

[4]) *Рукоп. Крестн. мон.*, Л.

4. Челобитная кирпичниковъ Алешки Евтихеева и Аврамки Иванова съ товарищами [5]).

Великому господину святѣйшему Никону патріарху бьютъ челомъ и плачутся сироты твои твоего, великаго государя, строенія Крестнаго монастыря вотчины, Каргопольскаго уѣзду, Нокольской волости крестьянишка кирпишникъ Алешка Евтихеевъ да Аврамко Ивановъ съ товарищи пять человѣкъ. Жалоба, государь, намъ той же Нокольской волости на сосѣдей своихъ семейныхъ людей и на животныхъ *) на Антона Поликарпова, да на Ивана Иванова Капустина, да на Никиту Карпова, да на Льва на Андреева, да на Василія Калинина, да на Митрофана Карпова на шесть семей: что, государь, во ҂зроа (1663) году, по твоему святительскому указу и по памятѣ изъ Крестнаго монастыря архимандрита Сергія да строителя старца Исаіи, велѣно взять въ нашей Нокольской волости пять человѣкъ, которыхъ семейныхъ и животныхъ людей къ тебѣ, святителю, въ кирпишники, и они, государь, семейные люди, заслышавъ твой святительскій указъ и опись въ кирпишники и какъ семьи были большія и тѣ отъ кирпичнова дѣла отходили, а насъ бѣдныхъ сиротъ и маломочныхъ записали. Милостивый великій государь, святѣйшій Никонъ патріархъ, пожалуй насъ бѣдныхъ сиротъ своихъ маломочныхъ, укажи, великій государь, намъ бѣднымъ сиротамъ съ тѣми семьями ходить погодно или поземельно въ кирпищи, или какъ ты государь, изволиши, чтобы намъ сиротамъ въ конецъ не погинуть. Великій государь, смилуйся, пожалуй!

Рѣшеніе п. Никона: «҂зров (1664), *буде дѣлилися на тѣхъ же жеребьяхъ, а тягла на себя не прибавили, и ихъ впредь выслать къ кирпишному дѣлу*».

5. Челобитная Аврамки Ѳомина [6]).

Великому государю святѣйшему Никону патріарху бьетъ челомъ сирота твой, государевъ, Аврамко Ѳоминъ Польской волости. Въ прежніе, государь, годы ималъ я сирота у Василія Аѳанасіева да у Михаила Алексѣева иконника отъ Спаса, конецъ острова, въ соль по алтыну пудъ, а для вѣры давалъ имъ на себя вдвое кабалы по два алтына пудъ, и тотъ Василій да Михайло раздѣлывали въ прежніе годы вправду, а лишнихъ приписныхъ въ кабалахъ на мнѣ денегъ не имали; а нынѣ, государь, есть у нихъ Василья да Михайла на меня

---

[5]) *Рукоп. Крестн. мон.*, Щ.
*) Т. е. зажиточныхъ? П. Б.
[6]) *Рукоп. Крестн. мон.*, П.

осталыя такія же двойныя кабалы, а нынѣ, государь, платить тѣхъ кабалъ для скудости вскорѣ мнѣ-сиротѣ стало нечѣмъ. А они Василій да Михайло тѣхъ кабалъ изъ-двоихъ не переписываютъ, и колько есть платежу, и то на кабалахъ не подписано. Милостивый великій государь, святѣйшій Никонъ патріархъ, пожалуй меня сироту: вели, государь, тому Василію да Михайлу тѣ мои двойныя кабалы переписать въ прямыхъ деньгахъ, и что́ есть платежу моево по счету въ тѣ кабалы, въ уплату написать. Государь, смилуйся!

Рѣшеніе п. Никона: *«сыскать архимандриту и строителю и велѣть по кабалахъ прямыя деньги взять, а ростовъ не имать»*.

6. Челобитная чернеца Еѳросинища съ сынишкою [7]).

Великому государю святѣйшему Никону патріарху бьетъ челомъ Каргополецъ нищей чернецъ скорбной Еѳросинище, что въ мірѣ былъ Дружинка Сорокинъ, и съ сынишкою своимъ скорбнымъ съ Алешкою. Въ прошлыхъ, государь, не въ давныхъ годѣхъ заняли у меня нищего твои, великаго государя, крестьяне Каргопольскаго уѣзду Порожскія и Подпорожскія волости въ кабалы денегъ; взяти, государь, мнѣ Подпорожскія волости на Амосѣ Мишенинѣ, по кабалѣ недоплаты двѣнадцать рублевъ шесть алтынъ, да на Яковѣ Осиповѣ Каменевѣ по кабалѣ сорокъ два алтына двѣ деньги, на Кириллѣ Яковлевѣ съ Порогу по кабалѣ недоплаты двадцать одинъ алтынъ двѣ деньги, на Аврамѣ да на третякѣ Юдиныхъ съ Подпорожья по кабалѣ недоплаты двѣнадцать рублевъ съ полтиною, на Иванѣ Ивановѣ да на Кипріянѣ Андреевѣ Давыдова по кабалѣ семдесятъ одинъ рубль съ полтиною, на Максимѣ да на Иванѣ Ѳеонасьевыхъ съ Порогу по кабалѣ недоплаты четыре рубли съ полтиною, на Филиппѣ Симоновѣ съ Подпорожья по кабалѣ недоплаты два рубли одинъ алтынъ четыре деньги. И въ тѣхъ, государь, деньгахъ иные заимщики подписали собою въ товарыщѣхъ деревенскіе участки и скотъ. И видя, государь, они заимщики меня нищего и сынишка моего скорбныхъ, по тѣмъ кабаламъ мнѣ нищему денегъ не платятъ; и въ нынѣшнемъ, государь, во ро҃ (1662) году билъ челомъ тебѣ, великому государю, а Крестнаго монастыря архимандриту Сергію да строителю старцу Исаію я нищей, челобитную на ихъ посылалъ, и они, государь, мнѣ нищему отказали, безъ твоего святительского благословенія указу не учинили, а я нищей и съ сынишкомъ заскорбѣли немѣрною скорбью и торжишку отбыли и стайки, государь, въ нынѣшную хлѣбную дороговлю съѣли скраю, и тебѣ, великому государю, мое. . . . . [8])

[7]) *Рукоп. Крестн. мон.*, V.

[8]) Конецъ рукописи оторванъ. На оборотной сторонѣ рукописи находится подпись: „Къ сей челобитной старецъ Еѳросинищо руку приложилъ“.

Рѣшеніе п. Никона: «*Никонъ Божіею милостію патріархъ.* **о** (1662) *года мая въ* **ка** (21) *день, по сей челобитной давать судъ — на ково кабалу положатъ*».

7. Челобитная дьякона Досиѳеища [9]).

Великому господину, святѣйшему Никону патріарху бьетъ челомъ богомолецъ твой, государевъ, твоего государева строенія Крестного монастыря дьяконъ Досиѳеище. По твоему святительскому благословенію живу я во твоемъ святительскомъ строеніи три года, а перваго году платьишко все мое, а за жилого мнѣ изъ монастырскія казны ничего не давано; а теперь, государь, у меня мантія худа, а купить мнѣ не на что. Милостивый великій господинъ, святѣйшій Никонъ патріархъ, пожалуй меня богомольца своего: вели, государь, мнѣ изъ казны мантію дать. Великій господинъ, смилуйся, пожалуй!

Рѣшеніе п. Никона: «*дать мандія*».

8. Челобитная лодейныхъ мастеровъ [10]).

Великому господину, святѣйшему Никону патріарху бьютъ челомъ сироты твои государевы вотчины Крестнаго монастыря лодей. . . . . Чекуевской волости Ивашко Евтропьевъ, Ивашко Игнатьевъ, Ѳомка И. . . . . Лазаревъ. Въ прошлыхъ, государь, годѣхъ, и въ нынѣшнемъ во **роѕ** (1664) году Крестно. . . . ря [11]) по властельскому указу мы сироты и которые дóма остаются братья наши дѣлаемъ на монастырь лодьи, и въ которыя времяна на дѣло лодейной лѣсъ сѣчемъ и возимъ, и въ то время насъ сиротъ твоихъ высылаютъ приказщики въ Польское дровъ сѣчь и возить, и мы лодейные лѣсы всегда добываемъ не во время и съ великою нуждою, а иногда дровъ сѣчь и возить не поспѣемъ, и мы сироты наймуемъ на дровосѣчку и на дрововозку большою цѣною; да насъ же сиротъ высылаютъ въ Воскресенской монастырь, всякое монастырское сдѣлье работаемъ съ мірскими людьми врядъ, и отъ того мы сироты въ конецъ обнищали и обсиротали. Милостивый великій господинъ, святѣйшій Никонъ патріархъ, пожалуй насъ сиротъ твоихъ: вели, государь, насъ сиротъ отъ усольскихъ дровъ свободить отъ сѣчки и отъ дрововозки, чтобъ намъ сиротамъ лодейной лѣсъ добывать во время или одно дѣло дѣлать; прикажи, государь, намъ дѣлать либо лодьи шить, или дрова сѣчь, чтобъ

---

9) *Рукоп. Крестн. мон.*, VIII.

10) *Рукоп. Крестн. мон.*, XIV.

11) Въ мѣстахъ, гдѣ поставлены точки, подлинная рукопись изорвана.

намъ сиротамъ отъ усольскихъ дровъ въ конецъ не погинуть. Государь, смилуйся!

Рѣшеніе п. Никона: «. . . . . *Октября въ* ҃к (20) *день, велѣть одно лодейное дѣло дѣлать*».

9. Челобитная кирпичниковъ [12]).

Великому государю, святѣйшему Никону патріарху бьетъ челомъ сирота твой Поморецъ, твоей государевы вотчины Крестнаго монастыря крестьянинецъ кирпитчикъ Варзугорскія волости Якимка Трофимовъ. Есть у меня сироты братишка Исачко Трофимовъ да Васка Трофимовъ, а живутъ, государь, тѣ братья мои отъ меня въ отдѣлѣ всѣ. Милостивый великій государь, святѣйшій Никонъ патріархъ, пожалуй меня сироту, не дай, государь, мнѣ въ конецъ погинуть: вели, государь, той моей братьи Сачку, да Ваской, да Сенкѣ со мною сиротою сюды на свое государево кирпичное дѣло ходить погодно по перемѣнамъ, чтобъ мнѣ бѣдному отъ дальнія волости (?) въ конецъ не погинуть. Великій господинъ святитель, смилуйся, пожалуй!

Рѣшеніе п. Никона: «*буде умѣютъ, велѣть имъ ходить*».

10. Челобитная плотничишки Ивашки Юрьева [13]).

Великому господину, святѣйшему Никону патріарху бьетъ челомъ сирота твоего великого государева строенія Крестнаго монастыря вотчины, Тамицкой волости, плотничишко деревни Гавриловской Ивашка Юрьевъ. Въ прошлыхъ, государь, годѣхъ взялъ у насъ сиротъ за долгъ Устьянской волости крестьянинъ Андрей Михайловъ нашъ деревенской участокъ треть осмака и съ сѣнными покосы да и продалъ тотъ нашъ деревенской участокъ Тамицкой же волости деревни Гавриловской крестьяномъ Бажену да Ѳедору Яковлевымъ, а за нами сиротами осталось тольки треть осмака; да сверхъ, государь, того деревенскаго участка сажень Андрей взялъ за долгъ изъ нашей трети осмака пожню на Великомъ Наволокѣ, а въ межахъ та пожня съ Аѳонасіемъ Ивановымъ, и ту нашу пожню невѣдомо продалъ, невѣдомо заложилъ имъ же Бажену да Ѳедору. И они Баженъ да Ѳедоръ тою пожнею владѣютъ больши тридцати лѣтъ, а съ нами сиротами съ тое пожни въ подмогу оброку не платятъ ни мірскихъ разметовъ, ни монастырского сдѣлья не работаютъ, и мы сироты, спуста платячи, въ конецъ осиротали. Милостивый и великій господинъ, святѣйшій Никонъ

---

[12]) *Рукоп. Крестн. мон.*, XV.
[13]) *Рукоп. Крестн. мон.*, XVI.

патріархъ, пожалуй меня сироту твоего: вели, государь, имъ Бажену съ братомъ ту нашу пожню намъ сиротамъ на выкупъ отдать, чтобы намъ сиротамъ, спуста платячи и работаючи, въ конецъ не обнищать и деревнишка не отбыть. Великій господинъ, смилуйся!

Рѣшеніе п. Никона: «*сыскивъ, дать на выкупъ тому, за кѣмъ въ писцовыхъ книгахъ написана*».

11. Челобитная вдовы Натальицы Стефановской [14]).

Великому господину, святѣйшему Никону патріарху бьетъ челомъ бѣдная сирота твоего великаго государева строенія Крестнаго монасыря вотчины Тамицкой волости вдова Натальица Михаилова дочь Стефановская жена. Мужъ мой Стефанъ преставился тому, государь, лѣтъ пятнатцать, а остался отъ него сынъ, и я бѣдная сирота жила съ деверемъ своимъ Иваномъ Яковлевымъ. И какъ, государь, тое Тамицкую волость отвели за Крестной монастырь и послѣ, государь, отводу, спустя съ года съ три, тотъ деверь мой Иванъ меня-бѣдную сироту отъ себя отдѣлилъ, тому, государь, дѣлу лѣтъ пять. И я бѣдная сирота, живучи съ сыномъ своимъ, на всякое монастырское сдѣлье работныхъ людей наймовала со всякою нуждою; потому, государь, что сынишко мое и нынѣ не въ полномъ возростѣ, работать большія работы не можетъ. А въ прошломъ, государь, во ҏо (1662) году записали Воскресенской монастырь въ плотники того деверя моего Иванова сына Павла, и онъ, Иванъ, вмѣсто сына своего Павла нанялъ человѣка, а рядилъ ему восми рублевъ, а нынѣ онъ, Иванъ, того найму просилъ у меня сироты половины денегъ-четырехъ рублевъ, а тѣ, государь, плотники записываны и семей поголовно, а не по деревенскому тяглу. Милостивый великій господинъ, святѣйшій Никонъ патріархъ, пожалуй меня бѣдную сироту: не вели, государь, ему, Ивану, на мнѣ-сиротѣ тово плотнишьняго найму половины спрашивать, чтобы мнѣ бѣдной сиротѣ съ сынишкомъ моимъ въ конецъ не погинуть. Великій государь, архіерей Божій, смилуйся!

Рѣшеніе п. Никона: «ҏог (1665) *Сентября въ день, не велѣтъ на ней денегъ имать*».

12. Челобитная Сеньки Буриныхъ. [15])

Великому господину, святѣйшему Никону патріарху бьетъ челомъ плачется сирота твоя Поморцкой украины Крестного монастыря вотчины Порожанинъ Сенька Архиповъ Буриныхъ, каменщикъ. Умилости-

---

[14]) *Рукоп. Крестн. мон.* XVII.

[15]) *Рукоп. Крестн. мон.* XVIII.

вися, великій святитель, Никонъ патріархъ, прими у меня батюшка Архипова по обѣщанію постричися въ Крестный монастырь въ больницу, потому что у него положено обѣщаніе постричися въ Крестной монастырь, когда въ прежныхъ временѣхъ по твоему святительскому благословенію зачалося строеніе во островѣ морцкомъ, зовомомъ Кіеостровъ, и на томъ островѣ монастырь глаголемый Крестной монастырь, и ему батюшку моему случилося тогда по своему повытью ходити баркою на Биричево по известь, и известь носячи по грѣшному дѣлу попало извести въ очи и известью выѣло очи, и Божіею волею сталъ увѣченъ слѣпъ. А я у тебя, великій святитель, по вся годы у каменнаго дѣла ходячи, задолжалъ, а два брата есть, да маленьки и третій есть, да увѣченъ Божіею волею въ розслабленіи изъ дѣтства, и деревенскаго участа пахати братья не могутъ и кормити его некому. Умилостивися, государь великій, святитель Никонъ патріархъ, пожалуй меня сироту своего: вели приняти его въ избранное стадо свое въ Крестной монастырь постричися въ больницу безъ кладу, потому что вкладу дати нечего — обнищали. Государь великій святитель, смилуйся, пожалуй!

Рѣшеніе п. Никона: «*постричь*».

13. Челобитная попа Автонома. [16])

Великому государю святѣйшему Никону патріарху бьетъ челомъ твоего государева строенія Крестнаго монастыря вотчины Чекуевскія волости Конецъ-островскаго доходу нищей твой государевъ богомолецъ Преображенской попъ Автономъ. Въ нынѣшнемъ во ҂зрѯи (1660) году въ Февралѣ мѣсяцѣ по твоему государеву указу переѣхалъ язъ служити ко Всемилостиваго Спаса церкви, а въ томъ доходѣ дано намъ нищимъ изстари на кормленіе пашенные земли немного, всего азъ нищей высѣялъ въ нынѣшнемъ году двѣ четверти жита съ полуосминою да на четверть житомъ же посѣяти пару на бѣлыя земли и на тяглыя по полуосмины въ Лукинскія деревни, всего только; аржаного сѣву нѣтъ, государь, нисколько. А другая столько же земли дано дьячку и пономарю, да имъ же, государь, дьячку и пономарю и трапезнику идетъ съ міру хлѣбныя руги по осми четвертей коемуждо, а мнѣ, богомольцу твоему, нѣтъ хлѣбныя руги съ крестьянъ нисколько. А есть, государь, тояже Чекуевскія волости въ Сергіевѣ деревня церковныя земли двѣ осьмины съ шестою дольцею осминною, а владѣютъ ею крестьяне изъ оброку, а оброку платятъ въ церковную казну по два рубли на годъ да по четверти жита, а тоё, государь, деревни и данная есть въ казнѣ.

[16]) *Рукоп. Крестн. мон.*, XIX.

А у меня нищаго велика семья, питатися на старомъ церковномъ деревенскомъ участкѣ нечѣмъ, потому что сѣву мало, а крестьяне приходскіе иные пообсиротали, а иные обжесточали, денежнаго доходу стало мало передъ стариною и подѣловъ нѣтъ же по старинѣ. Милостивый великій государь, святѣйшій Никонъ патріархъ, пожалуй меня нищего своего богомольца, вели, государь, мнѣ владѣти тою церковною землею въ Сергіевы деревни двѣма осминами съ малою дольцею на препитаніе вмѣсто руги, а въ церковномъ оброкѣ и въ монастырскомъ сдѣліи и въ работѣ твоя государева воля въ тѣхъ въ двуосминахъ съ малою дольцею и въ полуосмины, чтó въ Лукинскія деревни. Милости у тебя, великаго господина, прошу. Государь великій святитель, смилуйся, пожалуй!

Рѣшеніе п. Никона: «*противъ иныхъ церквей обълить и монастырьской оброкъ и сдълье снять, а имъ поминать родителей нашихъ, пъть по субботамъ объдни.*»

14. Челобитная холопа Богдашки Константинова [17]).

Великому господину святѣйшему Никону патріарху бьетъ челомъ холопъ твой Богдашко Костянтиновъ: въ нынѣшнемъ, государь, во ҂зрѯи (1660) году по твоему святительскому указу посыланъ я былъ холопъ твой къ Москвѣ къ Великому Государю съ крестьяны и съ бобыли вотчины Ставроса монастыря, еже есть крестъ; а дано мнѣ холопу твоему на дорогу только одинъ рубль, и я холопъ твой и тотъ рубль понаймовалъ до Вологда подъ колодниковъ (?); а тѣмъ же путемъ, государь, послѣ меня посыланъ былъ конюхъ къ Москвѣ Петренка Дементьевъ, и тому, государь, дано пять рублевъ. И я холопъ, живучи на Москвѣ, испроѣлся, сапоженками и рубашенками ободрался и должалъ, а долгу, государь, нажилъ пять рублевъ. Смилуйся, великій господинъ, святѣйшій Никонъ патріархъ, пожалуй меня холопа своего: вели, государь, пожаловать дать мнѣ изъ монастырской казны холста на рубашенка. Великій господинъ, смилуйся!

Рѣшеніе п. Никона: «*дать рубашка да портки*».

15. Челобитная каменьщиковъ [18]).

Великому господину святѣйшему Никону патріарху бьютъ челомъ твоего государева строенія Крестнаго монастыря вотчины, Кушерѣцкого усолья, твои государевы сироты каменьщики Сенька Арефьевъ,

---

[17]) *Рукоп. Крестн. мон.* XX.
[18]) *Рукоп. Крестн. мон.*, XXI.

Васька Өедоровъ, Исайко Корниловъ, Өедотко Романовъ, Елизарко Трифановъ, Петрушка Ивановъ, Өедотко Артемьевъ: ходили мы-сироты на твою святительскую роботу—на каменное дѣло въ Воскресенской монастырь третей годъ, и работы, государь, усольской монастырской у насъ много. Есть четыре црены *) монастырскихъ: соль варятъ, и дрова во все лѣто мечутъ въ рѣку, и плавятъ, и на берегъ сдымаютъ и на трубы, государь, ходятъ, и варницы починиваютъ и црены . . . . . [19]) для ради кузничныя починки; и братья наши всякую монастырскую работуютъ и усольскую, а своихъ участковъ греновныхъ, государь, есть, и братишкамъ нашимъ дровишекъ усѣчь не дойдетъ, впроварь ставимся. А сусѣди, государь, есть семьянистые—Өедька Евстратовъ, Куземка Өедоровъ, Прохорко Ивановъ, Демка Өедоровъ; прикажи, государь, съ ними ходить на каменное дѣло погодно въ Воскресенской монастырь; умилостивися, государь, великій святитель Никонъ патріархъ, пожалуй насъ сиротъ твоихъ; укажи, государь, съ нами, крестьяны, погодно ходить на твою святительскую работу, а мы сироты обнищали и осиротали, стало ходить нечѣмъ, не дай намъ, бѣднымъ, въ конецъ погинуть. Государь великій святитель, смилуйся, пожалуй!

Рѣшеніе п. Никона: *«какъ въ монастырь Воскресенскомъ дѣлаютъ, и ихъ братей на работу не посылать»*.

Сообщилъ **М. Г. Поповъ.**

---

*) Црена—родъ большой сковороды для выварки соли, вообще котелъ (словарь Даля)

[19]) Одно слово не разобрано.

БУМАГИ ОТНОСЯЩІЯСЯ КЪ БУЛАВИНСКОМУ БУНТУ.

Военнымъ Совѣтомъ, нѣсколько лѣтъ назадъ, разрѣшенъ кредитъ на напечатаніе отдѣльнымъ изданіемъ копій съ императорскихъ и царскихъ грамотъ, данныхъ Войску Донскому по разнымъ случаямъ и въ разное время. Копіи эти сняты въ государственныхъ архивахъ генералъ-маіоромъ *Лишинымъ*, командированнымъ туда Главнымъ Управленіемъ Казачьихъ Войскъ для составленія расписанія о пожалованіи Казачьимъ Войскамъ знаменъ и другихъ отличій. Печатаніе этихъ историческихъ матеріаловъ поручено Донскимъ Областнымъ Правленіемъ двумъ членамъ мѣстнаго Статистическаго Комитета. Первая часть грамотъ вышла особою книжкою въ 1891 году; остальныя двѣ части будутъ окончены въ настоящемъ году. Бумаги эти, въ большей своей части, представляютъ значительную важность, освѣщая многія событія изъ исторіи Донскихъ казаковъ и указывая на подробности взаимныхъ отношеній Русскаго правительства съ Войскомъ Донскимъ отъ временъ Іоанна Грознаго до послѣднихъ дней.

Для образчика предлагаются: 1) отписка Булавина о несправедливостяхъ атамана Лукьяна Максимова, извиняющихъ убіеніе его и старшинъ, и также князя Юрія Долгорукова, 2) отписка Донскихъ казаковъ 1708 года (безъ указанія мѣсяца и числа) о мѣрахъ, принятыхъ тогдашнимъ войсковымъ правительствомъ для подавленія Булавинскаго бунта, и 3) вѣдомость о приходѣ къ Азову воровскаго собранія отъ вора Кондрашки Булавина, помѣченная 5 Іюля 1708 года.

А. Карасевъ.

1 *).

Великого государя царя и великого князя Петра Алексѣевича, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержца, его же царского величества, великого государя, въ полки полководцы, Донскіе атаманы и казаки Кондратей Аѳанасьевъ Булавинъ да все войско Донское челомъ бьютъ.

Въ нынѣшнемъ 1708 году, Мая во 2 день, пришедъ мы войскомъ походнымъ въ Черкаской, собрався по Дону, по Донцу, по

*) Выдержки изъ этой отписки Булавина приведены въ „Исторіи Россіи“ С. М. Соловьева, XV, 255.

Хопру, по Бузулуку и по Медвѣдицѣ и со всѣхъ запольныхъ рѣкъ для перемѣны и выбору иныхъ старшинъ, атамана Лукьяна Максимова, Ефрема Петрова съ товарыщи, видя мы войскомъ Донскимъ за ними атаманами и старшинами многія къ намъ неправды, и разореніе, и всякіе нестерпимые налоги, и которое его, великого государя, присылается къ намъ, войску, годовое денежное и хлѣбное жалованье, также и за Астараханскую службу двадцать тысячъ рублевъ, также и въ нынѣшнемъ 1708 году присланныя жъ его, великого государя, съ стольникомъ Матвѣемъ Колычевымъ десять тысячъ рублевъ, и того присланнаго его, великого государя, денежнаго жалованія, намъ они, старшины, въ дуванъ [1]) ничего не давали. Да они жъ, неправые старшины, Лукьянъ Максимовъ съ товарыщи, противъ прежнихъ его, великого государя, указовъ и грамотъ, каковы присланы были къ намъ, войску, въ Черкаской, отъ него, великого государя, съ Москвы, изъ Посольского Приказу о непринимaніи новопришлыхъ съ Руси людей, и они старшины съ Руси людей многое число принимали и о заимкѣ юртовъ безъ нашего войскового вѣдома письма многія давали, и за тѣ писма многія къ себѣ взятки брали. И по его жъ, великого государя, указу и по грамотѣ велѣно новопришлыхъ съ Руси всякихъ чиновъ людей съ 203 года выслать въ Русь по прежнему въ старыя ихъ мѣста, откуда кто пришелъ, и они неправые старшины Лукьянъ Максимовъ съ товарыщи не одних ъ пришлыхъ съ Руси людей, многое число и старожилыхъ казаковъ, которые пришли лѣтъ по двадцати и больше, и тѣхъ всѣхъ неволей въ Русь выслали, и въ воду, ради своихъ взятокъ, сажали и по деревьямъ за ноги вѣшали женска полу и дѣвичья, такоже и младенцевъ межъ колодъ давили и всякое ругательство надъ нашими женами и дѣтьми чинили, и городки многіе огнемъ выжгли, а пожитки наши они старшины на себя отбирали, и то они чинили не противъ его, великого государя, указу.

А присланнаго его, великого государя, полковника князя Юрью Долгорукова [2]) убилъ не одинъ Кондратей Булавинъ, съ вѣдома общего нашего со всѣхъ рѣкъ войскового совѣту; потому что онъ, князь, поступалъ и чинилъ у розыску не противъ его, великого государя, указу. Также мы войскомъ и своихъ старшинъ, за неправду, Лукьяна Максимова съ товарыщи шестью человѣкъ, казнили смертію, а вмѣсто ихъ, по совѣту, всѣмъ войскомъ Дон-

---

[1]) Т. е. въ казачье собраніе. П. Б.

[2]) 9 Октября 1707 г. на рѣкѣ Айдарѣ Булавинъ истребилъ весь царскій отрядъ и его начальника князя Юрія Владимировича Долгорукова. П. Б.

скимъ иного атамана Кондратья Аѳанасьева и старшинъ, кто намъ войску годны и любы, выбрали и по договору, для крѣпкого впредъ постоянства и твердости, въ книгѣ написали. И отъ него, великого государя, мы войскомъ Донскимъ не откладываемся, и его, великого государя, украйнымъ городамъ нашествія и разоренія никакого не чинили, и отнюдь не будемъ, и не помышляемъ, и желаемъ ему, великому государю, служить по прежнему, какъ блаженной и вѣчно достойной памяти дѣду его, великому государю, царю и великому князю Михаилу Ѳеодоровичу, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержцу, такоже блаженной и вѣчно достойной памяти отцу его, великому государю, царю и великому князю Алексѣю Михаиловичу, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержцу, и братьямъ его, великому князю Ѳеодору Алексѣевичу, великому князю Іоанну Алексѣевичу, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержцомъ, такъ и ему, великому государю, всѣмъ войскомъ и всѣми рѣками всеусердно попрежнему непремѣнно служить и всякого добра хотѣть обѣщаемся. И въ томъ мы войскомъ ему, великому государю, въ правдѣ нынѣ цѣловали крестъ и Святое Евангеліе. И межъ себя войскомъ учинили мы, войскомъ, въ любви и въ совѣтѣ за братство попрежнему и чтобъ его, великого государя, назначенные къ намъ войску къ Черкаскому, такоже по Дону, и по Донцу и по Хопру ратные полки вы, полководцы, къ нашимъ городкамъ не водили бъ.

А буде вы, полководцы, преслушавъ его, великого государя, указъ, насильно поступите и какое разореніе учините, и въ томъ воля его, великого государя: мы войскомъ Донскимъ рѣку Донъ и со всѣми запольными рѣками уступимъ и на иную рѣку пойдемъ. А буде мы, войскомъ, ему, великому государю, на рѣкѣ годны, и въ винахъ нашихъ милосердно проститъ, а на рѣкѣ жить по прежнему укажетъ, и о томъ мы, войскомъ, отъ него, великого государя, ожидать премилосердого указа и грамоту желаемъ.

Да послали жъ мы, войскомъ, къ великому государю, къ Москвѣ отписку, подписали въ Посольской Приказъ, а велѣли подать вамъ, полководцамъ; а какъ та отписка будетъ подана, и вамъ бы пожаловать, ту отписку послать отъ себя тотчасъ къ великому государю къ Москвѣ или гдѣ онъ, великій государь, нынѣ обрѣтается; а буде вы той отписки не пошлете, и мы о томъ на васъ будемъ плакаться слезно ему, великому государю.

Такова жъ отписка писана къ великому государю, какъ и сія отписка.

2.

1708 г.... Въ отпискѣ Донскихъ казаковъ написано, что они посланную съ Москвы изъ Посольскаго Приказа со стольникомъ Степаномъ Бахметевымъ великаго государя грамоту получили, по которой они, Донскіе казаки, служа великому государю и радѣя, выбравъ у себя въ Черкаскомъ изъ старшинъ Тимофея Ѳедорова, Матвѣя Матвѣева, со многими изъ Черкаскаго казаками на рѣку Хоперъ, для искорененія воровъ и бунтовщиковъ, воинскимъ поведеніемъ, посылали. И Февраля-де въ 8 день вышеупомянутые, посланные отъ тѣхъ казаковъ, старшины съ походнымъ войскомъ въ Черкаской съ Хопра писали, а въ письмѣ ихъ написано. Милостію Божіею и великаго государя счастьемъ воровъ и отпадчиковъ подъ его, великаго государя, руку подклонили и на смиреніе-де повинныя свои головы и вину свою они ему, великому государю, принесли, и съѣзжались-де изъ верховыхъ городковъ казаки Донскіе и Хоперскіе, Бузулуцкіе и Медвѣдицкіе и цѣловали-де крестъ и Св. Евангеліе, дабы служить имъ всѣмъ вѣрно и безсомнѣнно Богу и ему, великому государю, и учинили-де у себя по всѣмъ рѣкамъ свои войска Донскаго приговоры: если-де послѣ того усмиренія въ которой станицѣ такіе воры впредъ явятся, и такихъ воровъ смертію казнить и въ воду сажать, а буде которою станицею такимъ ворамъ будутъ мотчать [1]), и на той станицѣ, по ихъ, войска Донскаго, приговору войсковая пеня безъ пощады, а станицу ту всю разорить. И они-де, вышеупомянутые отметчики, Ѳедосѣевской станицы, гдѣ у нихъ воровъ пущій совѣтъ надлежалъ, выбравъ между собою трехъ человѣкъ, Ѳедора Дмитріева, Трофима Романова и Ева Никифорова, послали съ тѣми посланными ихъ старшинами въ Черкаской и къ великому государю съ повинною. И Февраля въ 12 день вышепоименованные ихъ старшины съ походнымъ войскомъ и Ѳедосѣевской станицы съ выборными посланными казаками въ Черкаской пріѣхали и о всемъ противъ вышеписаннаго имъ, войску Донскому, сказывали, а про пущаго-де вора и измѣнника Кондрашку Булавина, гдѣ онъ, проклятый, укрываяся, живетъ, о томъ имъ, войску Донскому, невѣдомо и нигдѣ оный не явился. . . . . А на рѣкѣ-де Хопрѣ назывался Кондрашкою Булавинымъ воръ же и измѣнникъ Бѣляевской станицы Кузька Акимовъ, который ушелъ изъ осады съ Айдару, [2]) и тотъ же воръ и бунтовщикъ съ товарыщи пять человѣкъ Января въ 13 день посланы отъ

---

[1]) Медлить, бездѣйствовать.

[2]) Айдаръ—притокъ Донца.

нихъ, войска Донскаго, къ Москвѣ легкой станицы съ атаманомъ Наумомъ Минаевымъ. И Февраля въ 22 день они, войско Донское, выбравъ у себя въ Черкаскомъ легкую станицу изъ старшинъ атамана Тимофея Өедорова съ станичники и съ присланными съ Хопра съ Өедосѣевской станицы съ казаками Өедькою Дмитріевымъ, съ Трушкою Романовымъ, съ Ейкою Никифоровымъ, да пойманныхъ пущихъ бунтовщиковъ и забойцовъ Староайдарской станицы Ивашку Пожара, Святолуцкой станицы звамещика Ивашку Емельянова послали они, войско Донское, къ великому государю къ Москвѣ. И вышеписанный атаманъ, пріѣхавъ къ Москвѣ, въ Посольскомъ Приказѣ явился и тѣхъ присланныхъ съ нимъ казаковъ отдалъ, и оные казаки отосланы изъ Посольскаго Приказу въ Преображенскій Приказъ.

(Госуд. Арх., Мин. Ин. Д., книга о бунтахъ, № 18, стр. 60).

3.

Вѣдомость о приходѣ къ Азову воровскаго собранія отъ вора Кондрашки Булавина.

Сего 708 лѣта, Іюля 5 дня, воръ и измѣнникъ Кондрашка Булавинъ единомышленниковъ своихъ Лупку Хохлача, Карпушку Козанкина, Ивашку Чайкина съ воровскимъ своимъ собраніемъ, конною и судовою, которыхъ было числомъ 5,000 человѣкъ, присылалъ къ Азову, и оные воры, перебрався черезъ рѣку Каланчу, того жъ числа и стали на Каланчѣ воинскимъ ополченіемъ. А въ 6 числѣ Іюля, на 1 часу дня, оные воры конницею и пѣхотою пришли къ Азову и стали близъ дѣловаго двора въ лѣсныхъ припасѣхъ. И противъ тѣхъ воровъ изъ Азова посланъ Азовскія конныя службы полковникъ Николай Васильевъ полку его съ казаками, да съ нимъ же посланы Черкаскіе казаки, за умноженіемъ тѣхъ воровъ изъ лѣсныхъ припасовъ выбить, не осилили, и тѣ воры наступили великою наглостію и пришли къ Матросской слободѣ. И къ нему, Николаю, въ помощь высланы изъ Азова четыре роты солдатскихъ съ офицеры; и какъ оные солдаты съ нимъ, Николаемъ, сошлись, и при помощи Божіей оные солдаты и казаки противъ тѣхъ воровъ стали мужественно и учинили съ ними бой, и милостію Божіею и вашего величества счастіемъ, тѣхъ воровъ отъ Матросской слободы и отъ лѣсныхъ припасовъ отбили и гнали до рѣки Каланчи, которыхъ положено въ трупъ немалое число, а иные отъ страху метались въ Каланчу, и многіе потонули. А во время того боя изъ Азова, съ Алексѣевскаго раскату, и съ Петровскаго, и изъ Сергіева, и отъ морскаго флота съ кораблей по тѣмъ ворамъ была непрестанно пушечная стрѣльба. А именно на томъ бою

воровъ побито 423 чел., потонуло 400 и больше, живыхъ взято 60 человѣкъ. Да у нихъ же, воровъ, воровское ихъ знамя, да ружья, и панцырей и лошадей солдаты и казаки взяли жъ немалое число. А достальные воры ушли къ Лютику. А нашихъ на томъ бою убитъ 1 человѣкъ, Калмыкъ, ранено солдатъ и казаковъ 10 человѣкъ.

11 сего Іюля, въ 7 числѣ, писалъ въ Троицкой изъ Черкаскаго войсковой атаманъ Илья Зерщиковъ съ войскомъ Донскимъ, что-де они сего Іюля вышеписаннаго числа, согласясь съ Рыковскими и съ верховыми казаками и собрався воинскимъ поведеніемъ съ ружьемъ и пришедъ къ куреню, гдѣ живетъ воръ Кондрашка Булавинъ, чтобъ его, вора, поимать, и тотъ воръ въ куренѣ своемъ заперся, и они, войско, по тому куреню изъ пушекъ и изъ ружья стрѣляли, и онъ-де, воръ, убилъ у нихъ, войска, двухъ человѣкъ. И видя-де оный воръ свою погибель, застрѣлилъ себя изъ пистоли до смерти. А совѣтниковъ-де его проклятыхъ многихъ переловили и держатъ на цѣпяхъ, а тѣло его воровское они, войско, посылаютъ въ Азовъ для увѣренія. И Іюля въ 8 день прислано отъ войска, изъ Черкаскаго, вора Булавина мертвое тѣло, а по осмотру у того вора голова прострѣлена, знатно, изъ пистоли въ лѣвой високъ, и отъ тѣла его смердитъ. И у того воровскаго тѣла въ Азовѣ голова отсѣчена, и велѣно лѣкарямъ до указа хранить, а тѣло его повѣшено за ногу у рѣки Каланчи и Дону, гдѣ у присланныхъ его воровъ былъ бой.

Да по сказкѣ Донскихъ казаковъ Кондратья Савельева съ товарыщи, которые то его воровское тѣло привезли въ Азовъ, что-де того вора Булавина братъ, да сынъ, да пущіе его воровскіе заводчики Сеньки Дранаго сынъ, да атаманъ Ивашка Чайкинъ, Лупка Хохлачъ и Мишка Голубятниковъ, Кирюшка Калгановъ съ товарищи, человѣкъ пятьдесятъ, поиманы и сидятъ въ Черкаскѣ на цѣпяхъ, и о присылкѣ въ Азовъ изъ тѣхъ воровъ пущихъ заводчиковъ о Лупкѣ Хохлачѣ и о воровскомъ Кондрашкинѣ сынѣ Булавина съ товарищи посланъ вашего величества указъ въ Черкаской къ атаману Ильѣ Зерщикову, Іюля въ 9 день: велѣно тѣхъ воровъ прислать въ Азовъ за добрымъ охраненіемъ.

Сего жъ 708 лѣта, Мая въ 28 день, которые поиманы Турки и Татары, что́ посланы были съ письмами изъ Черкаскаго отъ вора Булавина въ Ачуевъ *) къ Хасану-пашѣ, да на Кубань къ Сартлану-

*) Ачуевъ ,на восточномъ берегу Азовскаго моря.

мурзѣ, да къ Кубанскимъ казакамъ Савелью Пахомову съ товарищи и о чемъ въ тѣхъ письмахъ отъ него, вора, къ нимъ писано, и о томъ послана вѣдомость Іюня въ 5 день съ господиномъ порутчикомъ Пискорскимъ. И о тѣхъ его воровскихъ замыслахъ и письмахъ писано изъ Азова въ Ачуевъ къ Хасану-пашѣ и къ Махметъ-Алію Мая жъ въ 31 день, что воръ и бунтовщикъ Кондрашка Булавинъ съ единомышленники своими чинятъ шатости на Дону и пишутъ отъ себя въ сторону салтанова величества на Кубань къ Сартлану-мурзѣ и къ ворамъ и измѣнникамъ Окреаномъ, которые живутъ на Кубани, о многихъ возмутительныхъ дѣлахъ къ развращенію мира царскаго пресвѣтлаго величества съ салтановымъ величествомъ. И будетъ отъ тѣхъ воровъ явятся какія возмутительныя письма въ сторонѣ салтанова величества, и тѣмъ бы письмамъ не вѣрить; а кто съ такими письмами въ сторонѣ салтанова величества явятся, и, охраня мирные договоры, такихъ поимавъ, прислать бы въ Азовъ. И сего жъ Іюля, въ 6 день, въ листахъ отъ Хасана-паши и отъ Кипачи-баши Алепъ-ги въ Азовъ писано: присланные-де отъ васъ изъ Азова съ листами два человѣка казаковъ къ нимъ пріѣхали и что-де въ тѣхъ листахъ о Черкаскомъ дѣлѣ писано, и то-де намъ вѣдомо; а что-де отъ вора Булавина пріѣзжали на Кубань съ письмами, и тѣхъ-де присланныхъ его казаковъ выслали они съ Кубани съ безчестіемъ, и что́ къ нимъ отъ него въ листахъ писано, и о томъ они объявили въ Крымъ ханову величеству, чрезъ нарочную посылку, и ханово-де величество въ Крыму и на Кубани учинили заказъ крѣпкій подъ великимъ страхомъ, чтобы Крымцы и Кубанцы съ Азовцами жили смирно и въ дружелюбіи и задоровъ бы никакихъ не чинили, и чтобы въ Черкаскъ къ Булавину никто ни для чего отнюдь не ѣздили и никакимъ словамъ его не вѣрили.

МУЧЕНИЧЕСКАЯ КОНЧИНА ІЕРОМОНАХА КОНСТАНТИНА НЕАПОЛИТАНСКАГО.

(Къ исторіи Русской православной церкви въ Константинополѣ).

Начало Русской православной посольской церкви въ Константинополѣ, какъ начало и вообще нашихъ посольскихъ церквей, должно быть отнесено къ царствованію Петра Великаго. Пребываніе въ Константинополѣ перваго Русскаго посланника графа Петра Андреевича Толстого относится къ 1702—1714 гг.; въ 1711 г., во время войны Турціи съ Россіей, графъ томился въ Семибашенномъ замкѣ (Еди-куле), а въ 1714 г. возвратился въ Россію. Вмѣстѣ съ нимъ прибылъ и священникъ-Грекъ Аѳанасій Кондоиди, который былъ приглашенъ графомъ для требоисправленій. Въ С.-Петербургѣ Кондоиди въ 1721 г. сдѣланъ былъ ассесоромъ Св. Синода и за вѣрную службу при посланникѣ получалъ въ Св. Синодѣ не ассесорское, а совѣтническое жалованье—1000 рублей.

Вторымъ Русскимъ посланникомъ въ Константинополѣ былъ Иванъ Ивановичъ Неплюевъ. При немъ устроена при посольствѣ домовая церковь, при которой упоминаются священнники Андрей Игнатьевъ и Петръ Злотковичъ. Послѣдній изъ нихъ къ 1733 году лишился зрѣнія и возвратился въ Россію. Неплюевъ пригласилъ для временнаго служенія въ церкви священника-Грека и просилъ Св. Синодъ прислать въ Константинополь изъ Кіева вдоваго священника. Просьба его была уважена, и въ Августѣ мѣсяцѣ того же 1733 года поѣхалъ въ Константинополь изъ Кіева іеромонахъ Константинъ Неаполитанскій.

Біографическія свѣдѣнія о немъ очень скудны. Откуда онъ былъ родомъ, гдѣ получилъ образованіе и чѣмъ занимался до постриженія въ монашество, о всемъ этомъ нѣтъ никакихъ свѣдѣній. Одни называютъ его Великороссіяниномъ и, основываясь на переводѣ слова «Неаполитанскій», указываютъ мѣстомъ происхожденія его Новгородъ; другіе считаютъ его сотоварищемъ извѣстнаго паломника В. Г. Бар-

скаго по Кіевскимъ школамъ и называютъ отца Константина Малороссіяниномъ; иные называютъ его «Константіемъ Россіяниномъ»; самъ же онъ подписывался въ письмахъ: «Константинъ Полѣтанскій».

По архивнымъ даннымъ *), отецъ Константинъ былъ человѣкъ «книжнаго званія», жилъ сначала въ Гроднѣ, въ 1730 г. прибылъ въ Виленскій Святодуховъ монастырь и оттуда съ архимандритомъ того монастыря Амвросіемъ Юшкевичемъ отправился въ Кіевъ, и «въ святѣй Софіи (говоритъ онъ о себѣ) монашескому причтохся чину». Послѣ постриженія въ монашество жилъ онъ въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ и въ 1733 г. получилъ назначеніе къ посольской церкви въ Царьградѣ.

За десять лѣтъ пребыванія въ Турціи, отецъ Константинъ служилъ при посольской церкви не болѣе четырехъ лѣтъ. Сначала онъ дѣятельно принялся за изученіе Греческаго языка, но война Турціи съ Австріей и Россіей въ 1735 г. чуть было не прекратила его занятій. Посланникъ Неплюевъ возвращался въ Россію; поѣхалъ съ нимъ и отецъ Константинъ, но изъ Силивріи счелъ за лучшее удалиться на Аѳонскую гору, гдѣ поселился въ уединенномъ скиту и велъ жизнь строгаго аскета, питаясь трудами рукъ своихъ. Въ это военное время отецъ Константинъ посѣтилъ святыя мѣста: въ Іерусалимѣ у Гроба Господня нѣсколько разъ служилъ литургію по-гречески и даже говорилъ проповѣди на Греческомъ языкѣ.

Въ началѣ 1740 г. отецъ Константинъ возвратился въ Царьградъ и представилъ нашему резиденту Алексѣю Андреевичу Вѣшнякову свидѣтельства о поведеніи своемъ за минувшія пять лѣтъ; свидѣтельства были подписаны Іерусалимскимъ, Антіохійскимъ и Константинопольскимъ патріархами и Аѳонскими архимандритами. Вступивъ въ отправленіе обязанностей при посольской церкви, отецъ Константинъ проявилъ особенную заботливость по украшенію церкви, на что̀ давалъ и свои средства; отличался особенною ревностію къ божественной службѣ, почти каждый день служилъ литургію и два раза въ недѣлю велъ бесѣды на Русскомъ и Греческомъ языкахъ. Его набожность и точность въ исполненіи возложенныхъ на него обязанностей привлекали къ нему народъ: онъ былъ любимъ и уважаемъ всѣми, Греки дарили его и вещами, и деньгами, жизнь его текла тихо, спокойно и въ полномъ довольствѣ. Съ посланникомъ отецъ Константинъ былъ въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ и собрался было съ нимъ ѣхать въ Россію; но, по измѣнившимся обстоятельствамъ, оба они остались въ Константинополѣ. Отецъ Константинъ не любилъ

*) Дѣло Архива Св. Синода 1742 г. № 531.

общества и въ послѣднее время вполнѣ отдался своимъ ученымъ занятіямъ; между прочимъ онъ переводилъ катехизисъ на Греческій языкъ.

Въ концѣ 1741 года поѣхалъ въ С.-Петербургъ монахъ Преображенскаго монастыря на Аѳонѣ Ѳеофанъ. Отецъ Константинъ послалъ съ нимъ архіепископу Новгородскому Амвросію Юшкевичу письмо, въ которомъ писалъ: «Объемше вашего преосвященства нозѣ, со слезами молю. Разсуждая архипастырски толикая моя многая лѣта въ Туркіи, гдѣ на всякъ день умираю, зря протчихъ нечаянно умерщвленныхъ отъ смертоносной язвы, а мнѣ утро ожидая того-жъ, какъ прежде, такъ нынѣча благоутробіе архипастырское свое ко мнѣ бѣдному явить и пріяти мя въ благонадежный свой покровъ, яко единаго отъ наемникъ своихъ, и свободити мене отсюду». 25-го Мая 1742 года преосвященный Амвросій предложилъ это письмо Св. Синоду, и 9-го Іюня Св. Синодъ разрѣшилъ отцу Константину возвратиться въ Россію и поселиться въ Кіевѣ. Неизвѣстно, чѣмъ была вызвана такая просьба отца Константина о возвращеніи изъ Константинополя и что это за «смертоносная язва», отъ которой онъ ежедневно ждалъ смерти; извѣстно только, что синодальному опредѣленію о возвращеніи его въ Россію не суждено было исполниться. Съ отцемъ Константиномъ въ Августѣ 1742 года случилось слѣдующее: 8-го Августа онъ принялъ магометанство, а чрезъ нѣсколько дней проклялъ Магомета, исповѣдалъ Христа и былъ убитъ Турками.

Вотъ какъ свидѣтельствуютъ объ этомъ событіи оффиціальныя доношенія резидента А. А. Вѣшнякова архіепископу Кіевскому Рафаилу Заборовскому.

1.

Письмо А. А. Вѣшнякова къ архіепископу Рафаилу.

Получено 7 дня Октября.

Всепочтеннѣйшій и преосвященнѣйшій архипастырь, милостивый государь мой.

Съ прискорбіемъ моимъ ваше преосвященство извѣстить понуждаюсь о посвященномъ вами проклятомъ апостатѣ Константинѣ Наполитанскомъ, имѣвшемъ недостойнѣ толь святый и ко Богу дерзновенный санъ іеромонашества, что минувшаго Августа 8-го дня, къ несказанному удивленію и сожалѣнію всѣхъ христіянъ, прелестію діаволею уловленный, поругавъ истинную православнаго исповѣданія вѣру и отрѣкшись Христа Спасителя своего, къ душевной и тѣлесной пагубѣ своей, богомерзскаго лжепророка Магомета исповѣдалъ, какъ ваше преосвященство въ приложенномъ при семъ вѣдѣніи пространнѣе усмотрѣть изволите. Мнѣ же послѣ того сказано, что оный уже въ раска-

яніе пришелъ и неутѣшно о такомъ своемъ пребеззаконномъ грѣхопаденіи плачется; потому уповательно, что въ скоромъ времени очувствуется и кровію своею надежду спасенія своего улучитъ.

Присланное отъ вашего преосвященства къ оному письмо обратно при семъ вамъ посылаю. И ко извѣстію вашего преосвященства иного донесть не имѣя, точію препоручая мя непрестаннымъ вашимъ ко Богу молитвамъ, съ достодолжнымъ почтеніемъ есмь, милостивый государь мой, вашего преосвященства всепокорнѣйшій и всепослушнѣйшій слуга

А. Вѣшняковъ.

Изъ Терапіи.
14 Сентября 1742 г.

2.

Вѣдѣніе о плутѣ, измѣнникѣ и апостатѣ, ренегатѣ, бывшемъ недостойно іеромонахѣ при дворцовой церкви, Константинѣ Политанскомъ, 8 Августа 1742 г. потурчившемся.

По самой день сего Воскресенія, 8 Августа 1742 г., нимало не примѣчалося въ погибшемъ душею и тѣломъ, проклятомъ, недостойнѣ бывшемъ іеромонахомъ Константинѣ Политанскомъ, мнѣйшаго чего, какъ во мнѣніяхъ, словахъ и житіи, еже-бъ могло подать сумнѣніе не толико къ толь богомерзскому его поступку, но ни къ какой малой слабости склонна; напротиву отъ всѣхъ не толико во дворцѣ живущихъ, но и чужихъ признаваемъ былъ словомъ и дѣломъ за предостойнаго іеромонаха; и по самый день апостасіи почти ежедневно служилъ святую литургію, всякое правило исправляя, какъ отъ всѣхъ видимо было нелицемѣрно, но съ крайнимъ набожествомъ и ревностью.

Но нечаянно того дни, 8 Августа, поутру въ 8-мъ часѣ, прислалъ сказать резиденту, что онъ, за приключившеюся того часа болѣзнію, святыя литургіи служить не можетъ, бывъ къ тому совсѣмъ приготовленъ, а іеромонаху Игнатію-мастеру уже приготовляться некоди. Того-бъ ради резидентъ шелъ ко Греческой тогда начинающейся во дворцовой церквѣ въ храмъ святыхъ верховныхъ апостолъ Петра и Павла литургіи, какъ то резидентъ и учинилъ, пославъ къ нему спросить, чемъ занемогъ, дабы прислать доктора, ежели нужда есть; но понеже сказалъ, что токмо коликою и желудочною тоскою, еже ему часто бывало, то такъ и оставлено было. Въ пятомъ часу по-полудни, какъ многими видимо было, пошелъ разгуливаться, хотя то и рѣдко чинивалъ, но съ часъ потомъ, а имянно въ шестомъ часѣ по-полудни, къ несказанному ужасенію, прибѣгъ къ резиденту отправляющій Греческую службу Греческій іеромонахъ, его сынъ духовный и другъ задушной, человѣкъ житія предобраго, и со слезами тайно сказалъ, что бывшій отецъ Константинъ видимъ былъ въ Бизикташѣ и что въ

салтанскій дворъ загородной на каналѣ, гдѣ тогда самъ салтанъ былъ, вошедъ, діяволомъ возбужденный, низвергъ монашества своего знаки и богомерзскаго Махомѣта лжепророка исповѣдалъ, душу свою и тѣло погубилъ и показался, что былъ діяволъ во ангельскомъ чинѣ. Тогда присутствующіе въ воротѣхъ Турки немедленно его подхватили, внутрь повели. Еже съ сердечнымъ прискорбіемъ резидентъ услыша, немедленно послалъ Нинія, Буйдія и Дандрія въ Бизикташе, къ Портѣ и къ нѣкоторымъ пріятелямъ о семъ извѣдовать и стараться, ежели возможно, препятствовать и не турчить, безъ присутствія Русскаго переводчика, какъ обычай есть, съ наставленіемъ, чтó ему говорить, когда бы увидѣли, и въ тоже время вездѣ разславляли, что онъ—съумасшедшій, яко таковымъ иногда дается два или три дни сроку. Но всуе всѣ движенія были: понеже, вѣдая его злочестивое дѣйство, будучи діяволомъ устремленъ, немедленно похотѣлъ потурчиться и, сколько ни старалися, но видѣть его достигнуть не могли; а колико чего услышали, черезъ надежныхъ пріятелей на утрее сошедшись, единогласно сообщили слѣдующее.

Что внутренные караульные Турки, распрося, кто онъ таковъ, немедленно къ первому салтанскому духовному имаму Перизадѣ-ефендію провели, который, вторично услыша отъ него, кто онъ и изъ проклятыхъ его устъ богомерзское исповѣданіе, несказанно обрадовался и, въ погибельное ихъ общество принявъ, немедленно повелъ предъ самого салтана, который съ неменьшею радостію его принялъ, а того наипаче, когда чрезъ толмача услышалъ, что онъ не отъ нужды какой бѣжалъ, яко сказалъ, что онъ былъ у резидента во всякомъ почтеніи и довольствѣ, съ надеждою епископскаго чина, но, яко будучи человѣкъ книжнаго званія, по многомъ чтеніи, призналъ тотъ богомерзкой законъ якобы за наилучшій ко спасенію души, и для отго къ его величеству въ подданство, яко къ единому правовѣрному государю, прибѣгъ и его высочайшимъ стопамъ съ душею и тѣломъ подвергается. Тогда самъ салтанъ на ноги всталъ, сказавъ, что сей есть Богомъ просвѣщенный человѣкъ, изъ чего признать можно святость ихъ закона, и немедленно приказавъ принесть турбантъ, который своими руками давъ ему, Перизадѣ-ефендію, приказалъ на голову его положить и, обратясь самъ къ Востоку со всѣми присутствующими, возгласилъ хвалу Богу и ихъ богомерзкому пророку. Послѣ чего, по нѣкоторымъ вопросамъ о его состояніи, далъ ему двадцать пять малыхъ червонныхъ Турецкихъ, или съ шестьдесятъ семь левковъ, и наутрее послать къ везирю повелѣлъ съ приказомъ, чтобъ его принять и о прокормленіи его попеченіе имѣть. Который, принявъ его съ ласкою, любопытно спрашивалъ чрезъ толмача, ренегата жъ Грека, бывшаго іеродіакономъ

и въ Россіи бывавшаго: отчего онъ на сію премѣну закона поступилъ, не отъ бѣдства ли какова, не изгоняемъ ли былъ резидентомъ, не былъ ли употребляемъ въ дѣлахъ канцелярскихъ? И на все то будто сказалъ: 1) о законѣ и подвигѣ на премѣну, какъ выше помянуто, самому салтану отвѣтствовалъ; 2) а о прочемъ будто генерально сказалъ, что онъ, по состоянію оставленной имъ жизни, зѣло мало старался о свѣтскихъ дѣлѣхъ вѣдать. Потомъ будто везирь его одѣть приказалъ и, давъ ему сорокъ червонныхъ, или сто десять левковъ, послалъ къ одному зовомому Егъенъ-ефендію изъ дворцовыхъ же духовныхъ, съ приказомъ у себя держать и о наставленіи его въ вѣрѣ попеченіе имѣть; и будто тогда же далъ ему домъ на Скутарѣ и займомъ учинилъ, то есть дачею деревни, съ которой будто будетъ ежегодно по пятисотъ и до осьмисотъ левковъ доходу получать.

Когда Пиній наутрее, въ самое солнечное восхожденіе, паки къ Портѣ явился для исканія препятствовать, но уже отъ Порты былъ усланъ и того дни совсѣмъ потурченъ. Симъ подобіемъ сей проклятый богохульный отступникъ совершилъ свою вѣчную и временную погибель. Какимъ же подобіемъ и отъ чего толь ему гибельный помыслъ пришелъ, есть непонятно. Понеже совершенно засвидѣтельствуется, онъ, будучи при резидентѣ, по тогдашнему его достохвальному житію, былъ толико почтимъ и любимъ отъ всѣхъ генерально, колико нынѣ проклятія и презрѣнія достоинъ. Имѣя же Высочайшую Ея Императорскаго Величества милость, жалованія двѣсти рублевъ, и отъ церкви получалъ доходъ еще того болѣе, понеже Греки часто самопроизвольно ему деньгами и вещами дарили: ибо, какъ самъ онъ резиденту сказалъ въ Іюнѣ, что онъ токмо чрезъ тѣ шесть мѣсяцовъ получилъ было съ двѣсти осмьдесятъ левковъ, или со сто съ семьдесятъ рублевъ, имѣя особливую камору съ кабинетомъ и служителя, столъ особливой же во время и пищею по желанію его, еже сочиняло зѣло покойную жизнь, которою и предоволенъ быть казался; и чрезъ все время никогда мнѣйшаго соблазна ни въ чемъ никому не подалъ, но, вопреки, словомъ и дѣломъ праведнаго и зѣло прилежнаго житія въ ученіи казался, и никакихъ соблазненныхъ не толико компанѣй, ниже читаній не любилъ, и не видано было такихъ, которыя бы ему на такой поступокъ поводъ подать могли. Онъ же всегда показывался правильнаго монашескаго житія, съ крайнею ревностію во нравоученіи и добрыхъ обычаевъ, въ проповѣди православія; началъ было переводить каѳіхізисъ или исповѣданіе православныя каѳолическія восточныя церкви съ Греческаго, творенія славнаго Хрисанѳія, патріарха Іеросалимскаго; и по оной былъ намѣренъ два дни въ недѣлѣ по-русски и по-гречески, по приказу резидентскому, толковать и малыхъ и большихъ незнающихъ

закона наставлять. Прибиралъ всякую церковную утварь и одежды такимъ подобіемъ, чтобы все было пристойно и благочинно, безпрестанно о томъ докладывая резиденту, а многое и отъ своего избытка украшалъ; однимъ словомъ, ничто не показывало изъ его поступковъ такова зломыслія. Такова жъ житія и прежде сего быть казался, донделе въ 1735 году онъ, возвращаясь въ отечество, при бывшемъ здѣсь резидентомъ господинѣ тайномъ совѣтникѣ Неплюевѣ, изъ Силивріи бѣжалъ, и тотъ его побѣгъ явился быть въ добрый и зѣло благочестивый видъ: ибо сначала прибытія его во святую Аѳонскую гору, жилъ въ пустынѣ въ наикрѣпчайшемъ монашескомъ уединенномъ житіи, единымъ рукомесліемъ питаяся, потомъ въ прилежномъ житіи ученія Греческаго простаго, а паче Эллинскаго литеральнаго языка, откуда ѣздилъ по всѣмъ святымъ мѣстамъ, былъ во Іерусалимѣ и тамъ при гробѣ Господни служа, громогласное чинилъ поминовеніе о преставльшихся Россійскихъ монархахъ, явно же моляся о здравіи тогда государствующей блаженныя памяти Государыни Императрицы Анны Іоанновны; а въ одномъ Греческомъ тамо жъ монастырѣ, въ день Ея Императорскаго Величества тезоименитства, публичное по-гречески казаніе и похвалу произгласилъ, еже все знаменовало его набожество и ревность ко отечеству. И возвратясь въ Константинополь въ началѣ 1740 году, явился тогда прибывшему въ Константинополь статскому совѣтнику и резиденту Вѣшнякову, униженно прося извиненія предъ Ея Императорскимъ Величествомъ въ его преступленіи, но что то учинилъ въ тотъ видъ, дабы научиться и тѣ святыя мѣста видѣть, и предъявилъ атестаты и засвидѣтельствованія его жизни достохвальной отъ всѣхъ начальниковъ мѣстъ, гдѣ ни былъ; между прочими отъ архимандритовъ изъ Аѳонской горы, отъ Іерусалимскаго и Антіохійскаго патріарховъ, а потомъ и отъ Константинопольскаго, отъ котораго и отъ всѣхъ лучшихъ духовныхъ былъ здѣсь зѣло знаемъ и почитаемъ. По тому всему тогда резидентъ Вѣшняковъ ему всемилостивѣйшее отпущеніе и прощеніе далъ, и Высочайшимъ указомъ то апробовано было и повелѣно оного паки при дворцовой церкви здѣсь употребить, дондеже будетъ господинъ посолъ, на разсмотрѣніе котораго положено было, онаго здѣсь ли оставить, или во отечество привесть, яко нужнаго изъ такихъ.

И въ то время, когда уже явно было, по учиненнымъ приготовленіямъ статскаго совѣтника Каньонія, что ему здѣсь оставаться было послѣ господина посла резидентомъ, тогда онъ Политанскій зѣло докучно Вѣшнякова просилъ, чтобъ ему съ нимъ въ отечество возвратиться, хотя было еще имѣлъ великую нужду въ бо́льшемъ ученіи Еллинскаго языка и прочаго; но что съ нимъ Каньоніемъ, яко не-рус-

скимъ и иновѣрнымъ, въ такомъ государствѣ, гдѣ начальствуетъ церковь Греческаго исповѣданія, остаться не хочетъ и его довольно не знаетъ. Но когда нашлось быть инаково, и статской совѣтникъ Вѣшняковъ получилъ указъ здѣсь резидентомъ остаться, тогда онъ паки просилъ, чтобъ при немъ быть и его ученіе продолжать. Потому резидентъ и господину послу докладывалъ и представлялъ о оставленіи его здѣсь, яко было оному послѣ опредѣленія за день до отъѣзду посольскаго собраться и ѣхать велѣно было, по нѣкоторымъ постороннимъ причинамъ, а не по какому-либо поводу его Политанскаго житія; и потому господинъ посолъ на оставленіе его, уже будучи въ Кучукъ-Чекмеже, резиденту позволилъ. Можетъ-быть въ тѣхъ его похожденіяхъ какія-либо подобныя зломыслія пріобрѣсть случай имѣлъ, но совѣстно преодолѣвалъ, дондеже діяволъ на конечное его изгубленіе оныя паки въ немъ возбудилъ. И знатно, что сіе было зѣло скоропостижное его вознамѣреніе и предопредѣленіе на такой злочестивой поступокъ, яко совсѣмъ ко служенію приготовился, всенощную и все правило отправилъ, и конечно симъ діявольскимъ искушеніемъ имѣлъ быть внѣ себя и разума его, по его гипохондрическимъ афекціямъ: ибо правда, что по его меланхоличному и холеричному темпераменту, иногда бывалъ сильно гипохондріи подвергнутъ. Въ такомъ, знатно, состояніи будучи, діаволомъ содѣйствующимъ возбудились мысли такія, которыми спасенію своему, вѣчной жизни, святому іеромонашескому сану и всякому благу предпочелъ, его вѣчную и временную погибель, всякое слабострастіе, и студо и злодѣяніе, на чемъ оный богомерзскій законъ основанъ и такимъ слабымъ и неразсудительнымъ людямъ гибельною прелестію служитъ; какъ сей проклятый послѣ самъ чрезъ искусство познаетъ и вяще каяться будетъ, когда болѣе увидитъ, что въ такой богомерзкой законъ и въ проклятое сонмище впалъ, гдѣ ни доброй вѣры, ни добродѣтели, никакихъ началъ честнаго, человѣколюбнаго и добродѣтельнаго житія не находится, каковыя служатъ главными узами всякому честному и Богомъ благословенному обществу. И надежно, что сіе злодѣяніе свое, когда въ нуждѣ, оставленіи и достойномъ презрѣніи будетъ, то, по совѣстному мученію, похощетъ покаяніе принесть и, въ чувствахъ будучи, припомнитъ ему толь вѣдомыя евангельскія Избавителя нашего слова: еще кто отвержется Мене предъ человѣки, и проч.; и потому онъ отвержется новоисповѣданнаго имъ лжепророка, дабы кровію своею искупиться, яко сей токмо единый остается способъ къ чистому покаянію и полученію спасенія своего: ибо, по обыкновенію здѣшнему, по ласканіи первой часъ, всѣ ренегаты въ крайнемъ презрѣніи оставляются, яко сверхъ того, что почти всѣ изъ средняго чина, а паче главные и письменные люди, зная слабость ихъ за-

кона и отъ большей части внутренно никакова не имѣя, только изустно и по сходству счастія ихъ лицемѣрно исповѣдають; потому въ нихъ никогда не бываетъ и нѣтъ истинной ревности къ закону, для того и попеченія ни отъ кого о таковыхъ нѣтъ же, чтобъ какое воздаяніе собою или чрезъ другихъ способствовать, ибо лучше всякой то себѣ пріобщить старается. Но они же Турки знаютъ то, что такіе богопреступники не для сущаго спасенія чинятъ, но либо убѣгая наказанія какого-либо ихъ злодѣянія, или для слабострастія и студодѣянія, какъ-то о немъ сами Турки говорятъ, что-де постомъ скучилъ. И сіе безсумнѣнно есть Божіе предусмотрѣніе и правосудіе, что такъ съ такими плутами чинится, въ наказаніе ихъ злодѣйства и во увѣщеваніе другихъ такихъ слабоумныхъ.

И знатно, что уже и сего богопреступника совѣсть мучить начинаетъ, яко присылалъ къ резиденту Грека сказать, что онъ вѣдаетъ, коль чувственenъ ему, резиденту, его толь нечаянной поступокъ и премѣна, но что до смерти его благодѣянія и милости не забудетъ и можетъ быть когда-либо услужитъ. На то резидентъ иного ничего сказать не приказалъ, что, конечно, ему чувственenъ его поступокъ, но когда самъ себя похотѣлъ погубить душею и тѣломъ, то-бъ діяволъ его взялъ, какъ уже съ нимъ и живетъ и чтобъ болѣе къ нему не присылалъ, ибо объ немъ ниже слышать, не толико вѣдать хочетъ, но чтобъ припомнилъ свое состояніе бывшее и одумался о настоящемъ, что раскается; какъ уже и слышно отъ видящихъ его, что будто уже дневно и нощно плачетъ и кается, яко все и надъ нимъ тоже, какъ и надъ прочими чиниться начинаетъ; ибо увѣряютъ, что заимство или дворянство его не состоялось и отдано другому, также и дача дома; для того что будто не сталъ учиться читать прилежно, и стали примѣчать его раскаяваніе, потому отъ Егьенъ-ефендія изъ дому высланъ въ Скутарь, гдѣ живетъ у одного подлого духовнаго почти подъ карауломъ съ малымъ жалованьемъ, по нѣскольку аспръ на день.

3.

Письмо А. А. Вѣшнякова къ архіепископу Рафаилу.

Получено Октября 23-го дня 1742 года.

Всепочтеннѣйшій и преосвященнѣйшій архипастырь, милостивый государь мой.

При послѣднемъ отпускѣ отъ меня курьера къ Высочайшему Ея Императорскаго Величества двору, я имѣлъ честь съ прискорбіемъ моимъ вашему преосвященству донесть объ апостасіи бывшаго ренегата Константина Наполитанскаго и о поруганіи имъ православныя

христіанскія вѣры исповѣданіемъ богомерзкаго Магомета. А нынѣ же имѣю извѣстить, съ толь наивящшимъ порадованіемъ, ваше преосвященство, коимъ образомъ, содѣйствіемъ Святаго Духа, помянутой Константинъ паки на путь спасенія обратился и Христа Спасителя своего и нашего торжественно предъ всѣмъ міромъ, съ теплымъ усердіемъ и чистымъ покаяніемъ проповѣдавъ, призналъ предъ человѣки, какъ было отвергся; и ту его исповѣдь чистымъ покаяніемъ и кровію своею омылъ, яко преждебывшій христолюбъ, чѣмъ вѣнчалъ славою его прежнюю ангельскую жизнь, то-есть сего утра ему отсѣчена глава, къ чему съ достойнымъ великодушіемъ дался, какъ пространнѣе ваше преосвященство изволите усмотрѣть изъ приложенной при семъ о мученическомъ его страданіи и кончинѣ вѣдомости.

Впрочемъ архипастырскаго вашего благословенія прося, имѣю честь быть съ пресовершеннымъ почтеніемъ, милостивый государь мой, вашего преосвященства всепокорнѣйшій и всепослушнѣйшій слуга

А. Вѣшняковъ.

Изъ Терапіи близъ Константинополя.
6 Октября 1742 г.

4.

Вѣдомость о бывшемъ іеромонахѣ Константинѣ Политанскомъ, отъ 6 Октября 1742 г.

По отпускѣ всенижайшаго моего доношенія отъ 29 Августа о ренегатѣ Политанскомъ, оной, вышедъ изъ мечеты, въ главную таможенную пришедъ, турбантъ скинулъ и дыректору у ногъ положилъ, сказавъ, что онъ, бывъ въ безуміи, сей заблуждшей путь принялъ и Христа Спасителя своего отрекся, а нынѣ онъ паки христіанинъ, какъ былъ, чтобъ съ нимъ дѣлали, что̀ хотѣли; то былъ взятъ, къ Портѣ отведенъ, гдѣ былъ держанъ подъ карауломъ, и всякія употребляли лести оного паки въ богомерзкой ихъ законъ превратить, и неединократно къ нему везирь посылалъ денегъ по дватцети, по тритцети и и по пятидесятъ левковъ; но онъ, пришедъ въ чювство скоро по преступленіи, былъ въ размышленіи, какой путь принять ко спасенію и наконецъ учинилъ, какъ выше, публично отрекся и писалъ тайно прямо Константинопольскому патріарху, дабы его разрѣшилъ и спасъ, ежели можетъ, потомъ покаяніемъ и страданіемъ его преступленію отъ Бога прощеніе получить, или бы совѣтомъ и наставленіемъ своимъ святымъ его гиблющую душу посѣтилъ и утѣшилъ. На то патріархъ словесно ему сказать посылалъ чрезъ того же тайнаго человѣка, что радуется его покаянію и иного совѣту дать не можетъ, какъ онъ самъ искусной и вѣдущій путь спасенія своего, то оное въ рукахъ есть. Съ

того времени былъ веселъ и иного ничего не дѣлалъ, что тайно молился и безъ озлобленія Турокъ говорилъ, что онъ то погрѣшеніе учинилъ въ безуміи, а самъ въ себѣ онъ христіанинъ и бѣжать не думаетъ, но проситъ, чтобъ его отпустить тѣмъ быть, или бы съ нимъ учинили, что́ хотятъ, а онъ не маго́метанинъ и тѣмъ никогда не будетъ и, невѣдомо какъ, нашелъ свою одежду; знатно, еще была у него, и въ ней былъ.

Но по многихъ лестяхъ и стращаній его въ домѣ бѣшеныхъ заточить, и видя, что онъ непоколебимъ и на лжепророка ихъ хулу возлагалъ, то сего утра предъ салтанскимъ дворомъ голову отсѣкли, чѣмъ Божіею всещедрою милостію душу свою спасъ, омывъ кровію своею вся своя грѣхи мученическимъ страданіемъ, къ великому порадованію и утѣшенію всѣхъ православныхъ христіанъ. Только по сейчасъ извѣстно; а впредъ болѣе объ окрестностяхъ и о употребленіи его мученическа тѣла вѣдомо будетъ. Многіе изъ Грековъ къ нему для подкрѣпленія и утѣшенія хаживали. Знатно, даваемыми ему деньгами тюремного стража закупалъ и палача заранѣе удобрилъ, яко далъ ему время молитву покаянную заупокойную прочести по-гречески, какъ слышали предстоящіе; а послѣ единымъ разомъ раздѣлилъ ему голову отъ тѣла и тѣмъ душу въ вѣчно блаженной покой вселилъ. За такое его покаяніе я велѣлъ по немъ панихиду отпѣть. Такое его покаяніе и страданіе не ему единому ко спасенію послужитъ, но многіе безсумнѣнно изъ заблуждшихъ на путь истины возвратятся и отъ помышленій на такой же злоключимой поступокъ отстанутъ, яко узнаютъ Божіе правосудіе.

*

Преосвященный Кіевскій Рафаилъ, 5 Ноября 1742 года, представилъ вышепомѣщенныя сообщенія Св. Синоду на разсмотрѣніе. 15 Ноября того же года состоялось въ Св. Синодѣ слѣдующее по этому поводу журнальное постановленіе: «Доношеніе преосвященнаго Рафаила, архіепископа Кіевскаго, съ пріобщеннымъ вѣдѣніемъ и вѣдомостію о бывшемъ въ Константинополѣ при Россійскомъ резидентѣ статскомъ совѣтникѣ Вѣшняковѣ іеромонахѣ Константинѣ Политанскомъ, потурчившемся и потомъ паки въ православную вѣру обратившемся, сообщить по повытью».

Греческою Константинопольскою церковью отецъ Константинъ причтенъ къ лику святыхъ. Память его пріурочена къ 26 Декабря, а временемъ страданій считается Сентябрь 1742 года.

Такъ-называемые «составители житія» о. Константина кратко передаютъ только объ отрѣченіи и потомъ снова исповѣданіи Хри-

ста *), приравнивая о. Константина къ апостолу Петру, трикраты отвергшемуся Христа и потомъ съ терпѣніемъ принявшему мученіе за Христа. Покойный архимандритъ Леонидъ, передавая со словъ «составителей житія» объ этомъ замѣчательномъ случаѣ мужественнаго исповѣданія Христа, между прочимъ ставитъ такой вопросъ: «если Греческая Константинопольская церковь не усумнилась причесть о. Константина къ лику святыхъ, почему бы и Русской Константинопольской церкви не праздновать мѣстно день памяти одного изъ своихъ предстоятелей, призывая молитвы его, яко священномученика, въ помощь и огражденіе себѣ и своему любезному отечеству»?

Вопросъ этотъ остается открытымъ и до настоящаго времени.

*

Просматривая дѣла Архива Св. Синода о православной церкви въ Константинополѣ, мы видимъ, что основанная посланникомъ И. И. Неплюевымъ домовая церковь во имена преподобн. Антонія и Өеодосія Печерскихъ существовала до 1808 года, причемъ штатъ причта измѣнялся дважды: въ 1743 и 1779 годахъ. Въ 1808 г. посланникъ Андрей Яковлевичъ Италинскій извѣщалъ, что посольскій домъ и помѣщавшаяся въ немъ церковь со всею утварью сгорѣли. Члены причта возвратились въ Россію.

Въ 1816 г. посланникомъ въ Константинополь поѣхалъ графъ Строгановъ. Въ тоже время состоялось Высочайшее повелѣніе, «чтобы въ странѣ, населенной толикимъ множествомъ нашихъ единовѣрцевъ и служившей колыбелью первобытному христіанству, непремѣнно было богослуженіе, причемъ выбирались бы къ такому мѣсту такія духовныя особы, которыя соединяли бы свѣтъ ученія съ примѣромъ христіанскихъ добродѣтелей и оправдали бы благія намѣренія Государя Императора. Въ 1818 г. графомъ Строгановымъ и была устроена первая постоянная церковь въ загородномъ посольскомъ домѣ въ Буюкдере, во имена св. равноап. царей Константина и Елены. Посольство жило въ Буюкдере только лѣтомъ, а зимой нанимало въ Константинополѣ квартиры, сначала въ домѣ Фонтона, а потомъ въ домѣ Франкина. Церкви Русской въ Константинополѣ тогда не было, и члены посольства въ зимнее время ходили въ Греческую церковь Кафійской Божіей Матери. Такъ продолжалось до 1845 года.

---

*) Ср. напр. Аѳон. Патерикъ, ч. II, изд. 4-е, Спб. 1875 г., стр. 131—133. Чтен. въ Импер. Общ. Ист. и Др. Росс. при Моск. унив. 1869 г., ч. I, стр. 23—30, статья архим. Леонида.

Въ 1838 г. въ Константинопольскомъ предмѣстьѣ Перѣ состоялась закладка посольскаго дома для зимняго пребыванія; въ немъ устроена вторая постоянная Русская православная церковь и въ 1845 г., при посланникѣ д. т. с. Титовѣ, освящена.

Среди членовъ причта нашей Константинопольской церкви былъ и второй случай отпаденія отъ православной вѣры: это было въ 1820 г. съ причетникомъ Василіемъ Ивановичемъ Савинымъ. Савинъ перемѣщенъ былъ въ Константинополь въ 1818 г. отъ С.-Петербургской церкви Св. Спиридонія при военносиротскомъ отдѣленіи для благородныхъ дѣвицъ. Неизвѣстно, по какой причинѣ, въ 1820 г. онъ убѣжалъ къ Туркамъ и принялъ магометанство. Четыре года онъ ходилъ въ Турецкомъ платьѣ и покрывался чалмой, а въ 1824 г. возвратился въ православіе. Надъ нимъ былъ совершенъ чинъ присоединенія иновѣрныхъ, наложена на него двѣнадцатилѣтняя эпитимія и самъ онъ исключенъ изъ духовнаго званія.

К. Здравомысловъ.

С.-Петербургъ.
12 Сентября 1894 года.

СЕМЕЙНЫЯ БЕЗОБРАЗІЯ БЫЛАГО ВРЕМЕНИ*).

XI. Двоеженство титулярнаго совѣтника Яворскаго.

1751 года Генваря 11, покойной княжны Прасковьи Михайловны Куракиной бывшаго служителя Николая Яковлева Буланова жена Прасковья Аѳанасьева подала преосвященному Платону (бывшему въ то время въ С.-Петербургѣ для присутствованія въ Св. Синодѣ), прошеніе съ объясненіемъ, что вотчимъ ея титулярный совѣтникъ Димитрій Васильевъ Яворскій имѣетъ законную жену, мать ея родную Елену Васильеву, которую помѣстилъ въ Костромскомъ дѣвичьемъ Анастасьинскомъ монастырѣ, а самъ женился въ 1746 году, а именно взялъ изъ дома генералъ-маіора и Московскаго вице-губернатора Владимира Семеновича Салтыкова дѣвку Екатерину Петрову. И она Буланова подавала доношеніе о томъ 10 Декабря 1750 года, въ Консисторію, но оная того прошенія не приняла, «видно, что дружа и наровя оному Яворскому». Преосвященный 31-го того Декабря предписалъ указомъ Консисторіи: прошеніе Булановой принять и учинить въ силу правилъ св. отецъ и Ея Императорскаго Величества указовъ разсмотрѣніе, а почему не было принято прошеніе Булановой, прислать его преосвященству отвѣтъ. Консисторія донесла, что прошеніе было написано не по силѣ формы и указовъ.

28 Генваря 1751 г., титулярный совѣтникъ Яворскій подалъ прошеніе къ преосвященному, объясняя, что «Буланова въ прошеніи оболгала его Яворскаго, будто-бы происком̆ъ его мать ея имѣетъ жительство въ монастырѣ; но лѣтъ десять тому назадъ, когда онъ Яворскій жилъ въ домѣ княжны Куракиной (которая ему была мать крестная), жена его Елена Васильева взята отъ него по нѣкоторому касающему до нея дѣлу въ Контору канцеляріи тайныхъ розыскныхъ дѣлъ, а изъ той конторы за вины ея отослана неизвѣстно куда въ ссылку; а въ 1745 году секретарь оной Конторы Алексѣй Ѳедотовъ Васильевъ объявилъ ему, что та жена его умерла, и потому, какъ

---

*) См. первые десять случаевъ въ „Русскомъ Архивѣ“ сего года II, 268.

княжна Куракина, такъ и онъ Яворскій, поминали ее за упокой. Онъ женился на дѣвицѣ изъ дома генерала Салтыкова Екатеринѣ Петровой Ешевской, и та свадьба была не утаенно, но въ домѣ его Салтыкова, въ присутствіи многихъ и притомъ знатныхъ персонъ; отцемъ посаженымъ былъ маіоръ полицейской команды Игнатій Андреевъ Соколовъ, а матерью посаженою означеннаго секретаря Тайной Конторы Васильева жена Ѳедосья Аѳанасьева, да и мужъ Булановой съ нею просительницею Булановою. А ежели-бы они вѣдали, что показанная его первая жена жива, то тогда-же бы о томъ извѣстили. Ежели она жена его, паче чаянія, окажется жива, то по указу государя Петра I-го, 1720 г. Августа 16, оставшимся послѣ сосланныхъ въ ссылки вступать въ бракъ дозволено, а тѣхъ ссылочныхъ повелѣно считать яко мертвыхъ».

Преосвященный отослалъ и это прошеніе Яворскаго въ Консисторію, предписавъ поступить въ сущей справедливости.

Консисторія 28 Февраля сообщила въ Костромскую Консисторію дознать: находится-ли въ Анастасьинскомъ монастырѣ жена Яворскаго, и ежели находится, то по какому случаю содержится. Преосвященный Платонъ, находясь въ С.-Петербургѣ, зорко слѣдилъ за этимъ дѣломъ и предписалъ: «вести оное дѣло неукоснительно, не наровя никому, ниже на кого посягая; ибо, ежели оный Яворскій подлинно, оставя первую жену, оженился на другой, то тѣмъ крайнее чинится беззаконіе, которое намъ въ епархіи своей надлежитъ на крѣпко смотрѣть и до таковыхъ беззаконій отнюдь допускать не надлежитъ».

Мая 22-го Московская Консисторія получила увѣдомленіе отъ Костромской Консисторіи, что игуменія Анастасьинскаго монастыря Александра Заворыкина объявила, что «титулярнаго совѣтника Димитрія Яворскаго (бывшаго служителя дому княжны Прасковьи Куракиной) жена Елена Васильева въ тотъ Анастасьинъ монастырь прислана при указѣ изъ Тайной Канцеляріи въ 1744 году, Іюня 1 дня, которая по слѣдствію той Канцеляріи оказалась въ несовершенномъ умѣ, и велѣно ее содержать въ томъ монастырѣ подъ карауломъ и никуда ни для чего не отпускать; и ежели-же она, будучи въ томъ монастырѣ, станетъ непристойно что́ кричать, и ее смирять шелепомъ и класть въ ротъ кляпъ; а какъ она Елена подлинно въ совершенный разумъ придетъ, и о томъ съ яснымъ и достовѣрнымъ свидѣтельствомъ прислать въ Тайную Канцелярію доношеніе. И по силѣ онаго указа она Елена и по нынѣ въ монастырѣ содержится подъ карауломъ, а не въ числѣ монахинь, и пропитаніе она получаетъ отъ монастыря. А во время содержанія ея въ ономъ монастырѣ непристойныхъ словъ никакихъ отъ нея не происходило и ни за что наказывана не бывала;

а въ Тайную Канцелярію о состояніи ея не рапортовано затѣмъ, что она въ совершенство ума своего еще не пришла».

По собраннымъ свѣдѣніямъ оказалось, что Яворскій съ Ешевской вѣнчаны въ Дмитріевской церкви, на Лубянкѣ, по вѣнечной памяти и по обыску 1746 года Октября 10, въ коемъ значится, что онъ Яворскій вдовецъ и женится не отъ живой жены; а поручителями подписались: Тайной Канцеляріи секретарь Алексѣй Васильевъ и секретарь Консисторіи Донской. Вторая жена Яворскаго показала, что она, при выходѣ въ замужство за Яворскаго, о томъ, что первая его жена жива, не знала (сама руку приложила). Бывшій секретарь Тайной Канцеляріи, а во время производства онаго дѣла совѣтникъ Дворцовой Канцеляріи Алексѣй Васильевъ не явился къ допросу, а секретарь Консисторіи Донской показалъ, что онъ къ обыску подписался, довѣря означенному Васильеву, что первая жена Яворскаго сослана и умерла; ибо у него въ производствѣ и дѣло было.

1-го Ноября того 1751 года Консисторія, по выпискѣ изъ законовъ положила: 1) Бракъ Яворскаго со второю женою разлучить неотмѣнно, потому что первая жена его, хотя и въ содержаніе послана, но не вѣчно, а до исправленія ея въ умѣ; а по правилу 15-му Тимоѳея архіепископа Александрійскаго, «имущему жену и бѣснующуюся, якоже и желѣза ей носити, иную понимать запрещено». Почему оному Яворскому съ означенною первою его женою, за изступленіемъ ея въ умѣ, бракъ расторгнуть не должно. А указъ 1720 года Августа 10, что позволено оставшимся послѣ ссыльныхъ, въ оправданіе ему Яворскому не слѣдуетъ, потому что она его жена не точію не въ вѣчную, но и не въ ссылку послана, а до исправленія въ умѣ. 2) Вторую жену Яворскаго обязать подпискою, чтобъ она съ Яворскимъ жительства и къ тому никакого происка не имѣла. О чемъ и представлено преосвященному Платону 18 Ноября.

Преосвященный 2 Декабря утвердилъ прописанное мнѣніе Консисторіи съ тѣмъ, чтобы Яворскому, за то, что женился отъ живой законной своей жены на другой беззаконно, яко прелюбодѣю, наложить эпитимію на урочное время и послать въ монастырь, дабы онъ за толь явный свой грѣхъ могъ способнѣе у Господа Бога испросить прощеніе; и впредъ, ежели онъ не приметъ первой своей жены, никогда въ бракъ ему не вступать; а второй незаконной его женѣ, ежели она подлинно не знала, что Яворскій женился на ней отъ живой жены, позволить вступить во второй бракъ за другого.

Консисторія назначила Яворскаго въ Серпуховскій Владычинъ монастырь съ тѣмъ, чтобы онъ по вся посты исповѣдался, а до причастія допускаемъ не былъ, въ Среды и Пятки, кромѣ сухаго хлѣба

и воды, другой пищи не употреблялъ и въ тѣже дни милостыню давалъ нищимъ по возможности. Яворскій, представляя, что у него находится отъ первой жены дочь Мавра 14 лѣтъ, которая требуетъ присмотру, да и домишко некому поручить, понеже вторая жена, по подпискѣ о несожитіи ему съ нею, изъ онаго дому уже отбыла, просилъ послать его въ какой-либо Московскій монастырь. Консисторія 19 Октября опредѣлила послать его въ Даниловъ монастырь, а преосвященный назначилъ въ Андроньевъ.

22 Генваря 1752 года Яворскій подалъ слезное прошеніе въ Консисторію, объясняя, что первая его жена, какъ онъ услыхалъ, умерла въ монастырѣ прошлаго 1751 года, въ Ноябрѣ мѣсяцѣ, еще до разводу со второю его женою, и просилъ, по случаю крайней его болѣзни и ради поминовенія той умершей первой его жены Елены, изъ-подъ начала освободить. На требованіе Консисторіи Костромская Консисторія 17 Февраля отозвалась, что жена титулярнаго совѣтника Яворскаго Елена Васильева отъ продолжающейся немалое время болѣзни, по исповѣди и пріобщеніи Св. Таинъ и елеосвященіи, Декабря 1 дня 1751 г. умре и въ монастырѣ погребена. Яворскій въ Февралѣ 1752 года подалъ прошеніе пр. Платону о томъ, чтобъ дозволено ему было жить со второю женою, указывая на рѣшеніе Св. Синодомъ дѣла маіора Шамшина, которое рѣшено тѣмъ, что когда первая, да еще самимъ имъ оставленная жена (которая многія лѣта, по женитьбѣ его на другой, находилась въ живыхъ) умре, то безъ всякаго штрафа ему со второю женою жить позволено. Преосвященный 23 Марта написалъ: «Понеже первое его супружество самъ Богъ разрѣшилъ смертію, а за второе незаконное церковную эпитимію принялъ, и при покаяніи (хотя отъ части) со усердіемъ исполнилъ эпитимію; того ради, отъ монастырскаго уволивъ подначальства, позволить ему со второю, бывшею отрѣшенною, уже аки съ законною, отнынѣ жити женою, наипаче потому, что она по дѣлу оному неповинна явилась».

XII. Раздоръ діакона съ женою.

1751 года Августа 5, жена жаловалась на мужа своего Николаевскаго, въ Пыжахъ, діакона «въ пьянствѣ, битьѣ смертно и въ сбитьѣ ея со двора, похвалялся переломить ей руку да ногу, отъ чего - де она скитается межъ дворовъ». Діаконъ въ допросѣ объяснилъ, что она обокрала его и сбѣжала; по поимкѣ онъ билъ ее за утраченіе пожитковъ. Діаконица призналась, что пожитки отвезла къ отцу своему, дьячку села Станиславля Андрею Петрову. Консисторія премудро опредѣлила: «Какъ оному дьячку Андрею, такъ и діакону Алексѣю и

женѣ его Натальѣ, за непорядочные поступки, на страхъ какъ имъ, такъ и прочимъ, чтобъ впредъ непорядочныхъ поступковъ чинить было неповадно, учинить при Консисторіи нещадное плетьми наказаніе».

XIII. Епитимія попу за ненамѣренное убійство сына.

1759 г. Апрѣля 5, Николаевскій, на Борщовкѣ, попъ, пришедъ изъ бани, спросилъ у жены своей другую рубаху. Она отвѣчала ему грубо; попъ сталъ ее бить; 15-тилѣтній сынъ заступился за мать; попъ ударилъ его кулакомъ противъ сердца; мать и сынъ выбѣгли на погостъ, гдѣ сынъ упалъ и оказался мертвымъ. Консисторія по выпискѣ изъ Кормчей книги статьи, запрещающей священному чину вообще бійство и изъ Улож. гл. XII, п. 3, «буде отецъ или мать сына или дочь убіетъ до смерти, за то посадить въ тюрьму на годъ и, сидѣвъ въ тюрьмѣ годъ, приходить имъ къ церкви Божіей, объявлять тотъ свой грѣхъ людѣмъ въ слухъ, а смертію отца и матери за сына и за дочь не казнить», опредѣлила: запретить попу священнослуженіе и послать на покаяніе въ пустынь на годъ, гдѣ и содержать его неисходно въ трудахъ, съ тѣмъ, чтобъ «о упомянутомъ своемъ согрѣшеніи просилъ у Господа Бога съ сокрушеніемъ сердечнымъ прощенія и во вся посты исповѣдывался; до причастія-жъ Св. Таинъ, кромѣ смертнаго случая, его не допущать».

XIV. Тѣлесное наказаніе и епитимія на крестьянина за богохульныя слова.

1760 г. Октября 30, изъ Канцеляріи тайныхъ розыскныхъ дѣлъ присланъ въ Консисторію крестьянинъ Иванъ Варѳоломѣевъ, который, будучи въ домѣ своемъ, поссорился съ женою своею Ѳедосьею Тимоѳеевою за пропалыя деньги, и въ той ссорѣ онъ Варѳоломѣевъ ту жену бранилъ и говорилъ, чтобъ она тѣ пропалыя деньги сыскала и отдала ему; а ежели она не сыщетъ, то онъ отдастъ ее въ розыскъ. И оная Ѳедосья тому мужу своему сказала, что она тѣхъ денегъ не бирывала, и въ томъ должна она поднять Евангеліе; а означенный Варѳоломѣевъ на то выговорилъ по-соромски на нее и на Евангеліе. Варѳоломѣевъ въ Консисторіи показалъ, что отъ роду ему 60 лѣтъ, вѣры православной, на исповѣди и у Св. Причастія бываетъ и раскола никакого не имѣетъ, и сознался, что онъ при пропажѣ у него денегъ 4 рубл., когда жена говорила, что она въ небираніи тѣхъ денегъ должна поднять Евангеліе, выговорилъ по-соромски, ... и то отъ легкомыслія простотою, и противности св. церкви онъ не имѣетъ и въ томъ проситъ прощенія». Консисторія, по выпискѣ изъ Кормчей Василія

Великаго пр. 45, св. Георгія Нисскаго къ Литонію епископу Мелетинскому пр. 1, въ Законѣ Моvсеевомъ отъ Левитика гл. 3, Улож. гл. 1· п. 1, Воен. Артик. гл. 1, ар. 3, 5, 6, Процес. гл. 2, опредѣлила: «означенному крестьянину Варѳоломѣеву за произнесенныя имъ на Св. Евангеліе богопротивныя и тяжко продерзостныя хульныя рѣчи учинить при Консисторіи нещадное плетьми наказаніе и послать подъ началъ на полгода въ Берлюковскую пустынь для содержанія его подъ карауломъ никуда неисходно и употреблять въ монастырскую работу, и для слушанія всякаго церковнаго священнослуженія во св. церковь ходить непремѣнно; и дабы онъ Варѳоломѣевъ о томъ своемъ согрѣшеніи просилъ у Господа Бога прощенія съ сокрушеніемъ сердечнымъ, для того поручить его въ смотрѣніе доброжительному іеромонаху въ наставленіе; во вся же четыре посты каждаго года ему Варѳоломѣеву исповѣдываться, точію, а до причастія Св. Таинъ, кромѣ смертнаго случая его не допускать. Въ Среды же и Пятки, кромѣ праздничныхъ и высокоторжественныхъ дней, въ пищу давать ему точію хлѣбъ съ водою, и то по единожды въ сутки; а въ воскресные дни класть ему при народномъ собраніи въ церкви по 50 поклоновъ земныхъ. Исполнилъ епитимію и отпущенъ».

XV. Связь купчихи Крюковой съ своимъ прикащикомъ.

1761 г. Сентября 14, Московскій 2-й гильдіи купецъ Петръ Алексѣевъ Сидѣльниковъ подалъ Московскому митрополиту Тимоѳею просьбу, объясняя, что «въ 1759 г., Московскій купецъ Григорій Ивановъ Крюковъ умре; а послѣ него осталась жена его Дарья Алексѣева, съ коею онъ по любовному согласію договорился воспріять законное супружество, и положили клятвенное обѣщаніе ему Сидѣльникову мимо ея не жениться, а ей мимо его въ замужство не посягать, и по тому сговору и перстнями помѣнялись. Но братъ ея родной, купецъ Яковъ Алексѣевъ Кафтанниковъ, до исполненія сего ея не допускаетъ и, взявъ въ домъ свой насильно, держитъ ее долгое время подъ карауломъ, желая выдать насильно въ замужество за Калужскаго купца Тимоѳея Ѳедорова Холщевникова; а онъ Сидѣльниковъ съ нею Крюковою впалъ уже въ грѣхъ, и она имѣется чревата»; просилъ не выдавать вѣнечной памяти на бракъ Холщевникова съ нею Крюковою.

Митрополитъ Тимоѳей Сидѣльникова и Холщевникова вытребовалъ къ себѣ, и Сидѣльниковъ по совѣсти объявилъ Холщевникову, что «онъ года уже три какъ знается со вдовою Дарьею Алексѣевною Крюковою, и уже младенца единаго беззаконно съ нею прижилъ (который умре); да и нынѣ-де оная вдова отъ него непраздна». Холщев-

никовъ, выслушавъ сіе, прежнее свое намѣреніе, чтобъ жениться на Крюковой оставилъ, объявляя притомъ, что онъ Холщевниковъ, не вѣдая таковаго ея состоянія, желалъ ее взять, а нынѣ узнавъ, крайне не желаетъ; и получа отъ насъ благословеніе, какъ прибавилъ митрополитъ въ резолюціи, отошелъ».

Купецъ Сидѣльниковъ при допросѣ въ Консисторіи показалъ, что «отъ роду ему 24 года, грамотѣ не умѣетъ, жительство имѣлъ прикащикомъ у купца Крюкова по 100 р. въ годъ, и мѣсяца чрезъ два по смерти Крюкова, жена его Дарья Алексѣева ночнымъ временемъ, будучи въ своей палатѣ, призвавъ его къ себѣ изъ другой палаты, гдѣ жила, говорила, чтобъ онъ съ нею учинилъ прелюбодѣйство, на чтó онъ прежде отговаривался и былъ къ учиненію того прелюбодѣйства несогласнымъ. А потомъ она паки его ко учиненію того прелюбодѣйства уговаривала-жъ, почему онъ и согласился. И то прелюбодѣйство вопервыхъ, будучи въ палатѣ, гдѣ она Дарья жительство имѣетъ, наединѣ по общему согласію учинили, давъ взаимное обѣщаніе брачиться и потомъ же частовременно, будучи въ ономъ домѣ, потому-жъ наединѣ чинили по общему согласію блудное грѣхопаденіе». Дарья Крюкова показала, что отъ роду ей 27 годъ, отецъ ея былъ 1-й гильдіи купецъ Алексѣй Ивановъ Кафтанниковъ, и она 14-ти лѣтъ отъ роду отдана въ замужство за Московскаго купца 1-й гильдіи Григорія Иванова Крюкова, съ коимъ прижила дѣтей мужеска пола двоихъ, и женска одну дочь, кои и понынѣ въ живыхъ имѣются. По смерти онаго мужа въ прикащическую должность приняла она Московскаго 2-й гильдіи купца Петра Андреева Сидѣльникова, который жительство имѣлъ въ собственныхъ ея палатахъ, и по смерти мужа, напримѣръ чрезъ два мѣсяца, она Дарья съ нимъ Петромъ, по общему согласію, будучи въ своихъ палатахъ, учинила блудное грѣхопаденіе, а потомъ и частовременно оное чинили-жъ, и дала обѣщаніе выйдти за него замужъ; родила отъ него младенца мужеска пола, котораго крестилъ Филипповскій въ Мѣщанской священникъ, и младенецъ отданъ былъ для воспитанія матери Сидѣльникова вдовѣ Устиньѣ Ивановой; но оный младенецъ чрезъ 9 недѣль умеръ и погребенъ при церкви Воскресенія Христова въ Гончарахъ. О своемъ грѣхопаденіи объявляла она отцу своему духовному, который наложилъ на нее 50 поклоновъ, которую эпитимію она и по нынѣ исправляетъ, а отъ чинимаго ими блуднаго грѣхопаденія она Дарья имѣется чревата. Братъ ея Яковъ Кафтанниковъ увѣщевалъ ее идти въ замужство за Калужскаго купца Тимоѳея Холщевникова, но она желаетъ въ замужство идти за Сидѣльникова безъ всякой перемѣны.

Братъ Дарьи, купецъ 1-й гильдіи Яковъ Кафтанниковъ, 24 Сентября подалъ просьбу, объясняя, что оная сестра его жила въ домѣ мужа своего, состоящемъ въ приходѣ Николая Чудотворца, на Студенцѣ, съ дѣтьми при свекрови, вдовѣ Авдотьи Ивановой, и бывшимъ при ней работникомъ купцомъ Петромъ Сидѣльниковымъ подговорена и изъ дому увезена, а 21 Сентября представлена къ митрополиту и потомъ въ Консисторію, гдѣ, по наученію Сидѣльникова, въ безчувственности отъ пьянства, показала въ допросѣ желаніе выдти за него въ замужство и отдана на росписку Суднаго Приказа въ должности секретаря протоколисту Ивану Севостьянову сыну Плавильщикову. А онъ Кафтанниковъ, будучи съ Дарьею единоутробный братъ, и какъ фамилія отца ихъ и матери по купечеству не беззнатная, не допуская, чтобъ она была въ замужствѣ «за такимъ самымъ подлымъ своимъ работникомъ», и чтобъ «оставшіеся ей послѣ мужа въ разныхъ рядахъ лавки и капиталъ онъ Сидѣльниковъ не размоталъ», просилъ допросить ее безъ всякаго пристрастія и ухищренія, истребовавъ сестру его отъ Плавильщикова.

25 Сентября вдова Крюкова истребована отъ Плавильщикова и отдана брату.

Митрополитъ велѣлъ присутствующему Консисторіи Златоустовскому архимандриту Іосифу съ актуаріусомъ ѣхать къ купеческой вдовѣ Дарьѣ Крюковой въ домъ и отобрать отъ нея достовѣрное извѣстіе, подлинно-ль она желаетъ вступить въ бракъ за Сидѣльникова? Архимандритъ Іосифъ донесъ, что онъ былъ въ домѣ вдовы Крюковой, и при спросѣ находились: братъ ея 1-й гильдіи купецъ Яковъ Кафтанниковъ, свекровь ея старушка, отъ роду слишкомъ 80 лѣтъ, да дѣти ея Дарьи, прижитые съ покойнымъ мужемъ два сына, изъ коихъ одинъ лѣтъ 11, а другой лѣтъ 7-ми, «которые за пріѣздомъ ихъ находились въ превеликомъ горестномъ состояніи; и какъ услышали только, что оную Дарью стали спрашивать, желаетъ-ли она вступить въ бракъ за Сидѣльникова, то старуха и дѣти не могли съ горести удержаться отъ слезъ; и большой сынъ, на вопросъ дяди, купца Кафтанникова, будетъ-ли онъ звать Петра Сидѣльникова отцомъ, учтиво до матери своей сказалъ, что хотя въ волѣ ея состоитъ, но онъ того Петра отцомъ звать не будетъ, и въ домѣ отцовскомъ къ житію участія не дастъ, потому что онъ Петръ въ домѣ ихъ находился въ работникахъ, а бабка ихъ тоже подтверждала. И оная вдова Дарья, видя дѣтей своихъ слезы, какъ видно пришедъ въ умиленіе, назнаменовавъ себя крестнымъ знаменіемъ, отъ замужства съ онымъ Петромъ Сидѣльниковымъ отказалась, и какъ видно отъ слабости, къ вопроснымъ рѣчамъ едва могла руку приложить». При семъ архимандритъ объяс-

нилъ, что находившійся при семъ повѣренный Крюкова Плавильщиковъ употреблялъ ей Дарьи выговоры съ немалою дерзостію, что ее надо допросить въ Консисторіи... и она Дарья видимо отъ сего робѣла; впрочемъ, подписавъ допросы, залилась слезами, ничего не говоря пошла въ свои покои, а свекровь ея о той невѣсткѣ сказала, что на нее временемъ находитъ скорбь и безумство, и поданнымъ особо прошеніемъ митрополиту то нежеланіе свое идти въ замужество за купца Петра Сидѣльникова подтвердила.

Сидѣльникову въ бракѣ съ Крюковою отказано, а за блудное сожитіе на нихъ возложена 4-хъ лѣтняя эпитимія съ отлученіемъ отъ Св. Причастія подъ смотрѣніемъ духовныхъ ихъ отцевъ. Впрочемъ Дарьѣ Крюковой, дабы она паки не могла впасть въ таковое мерзкое грѣхопаденіе, дозволено, кромѣ упоминаемаго Сидѣльникова, по самопроизвольному избранію, вступить въ бракъ, и о безпрепятственности выдачи ей на то вѣнечной памяти былъ посланъ указъ къ протопресвитеру Большаго Успенскаго собора Өедосу Мартеміанову съ братіею.

XVI. Замѣна эпитиміи тѣлеснымъ наказаніемъ.

1764 г. Февраля 11, солдатъ Невскаго полка Терентій Жупилинъ въ 1758 г. женился на солдатской дочери Степанидѣ Тихоновой и потомъ отправился съ полкомъ въ походъ въ Курляндію. Возвратившись въ Генварѣ 1764 г., онъ узналъ, что жена его Степанида въ 1761 году вышла замужъ за солдата Московскаго шквадрона корчемной роты Өедора Погодулова. Консисторія второй бракъ расторгла съ тѣмъ, чтобы Степанида жила съ первымъ мужемъ; а объ эпитиміи на нее разсуждала: «Хотя и слѣдовало бы ее отъ сообщенія Св. Тайнами, какъ прелюбодѣйцу, отлучить чрезъ семь лѣтъ; однако, дабы она по невѣжеству своему и обыкновенію бываемой во многихъ простолюдинахъ неграмотныхъ къ удостоенію себя къ оной святой и спасительной тайнѣ небрегомости и нечувствительности, не могла придти въ вящее развращеніе, убавить ей оной эпитиміи, а наложить оную только чрезъ два года, въ которой ей Степанидѣ во вся посты исповѣдаться неотмѣнно, точію причащенія Св. Тайнъ кромѣ смертнаго случая отнюдь ея не удостоивать. Вмѣсто же означенной убавки духовной эпитиміи, на страхъ другимъ, наказать ее Степаниду, при собраніи другихъ того-жъ полку солдатскихъ женъ, плетьми; а прижитаго ею съ мнимымъ мужемъ Погодуловымъ сына отдать для воспитанія ему Погодулову».

XVII. Расторженіе брака двороваго человѣка съ женою, вышедшею замужъ отъ живаго мужа.

1765 г. Октября 8, генералъ-аншефа, оберъ-камергера, графа Петра Борисовича Шереметева дворовый человѣкъ Матвѣй Даниловъ объяснялъ въ прошеніи, что сего 1765 г. 17 Сентября вступилъ онъ въ супружество со вдовою Малороссійской націи Марьею Алексѣевою Васильевою по паспорту, данному отъ генералъ-фельдмаршала генералъ-адъютанта Ея Величества, сенатора, дѣйствительнаго камергера, Академіи Наукъ президента, графа Кирилла Григорьевича Разумовскаго; но оказалось, что она Васильева вышла за него отъ живаго мужа, и просилъ бракъ его съ нею расторгнуть и дозволить ему вступить въ законное супружество съ другою. Васильева въ допросѣ показала, что отъ роду ей 26 лѣтъ, купеческая дочь города Воронежа, на 14 году отдана въ томъ же гор. Воронежѣ замужъ за Малороссіянина Василія Иванова, съ которымъ жила лѣтъ семь и прижила съ нимъ троихъ дѣтей, изъ коихъ одинъ умеръ, и оный мужъ ея умеръ; она же поступила въ прачки въ домъ графа Разумовскаго, а дѣти отданы въ чужіе люди; потомъ съ паспортомъ изъ дома графа Разумовскаго отправилась въ Гремячевъ, гдѣ вышла замужъ за Малороссіянина Осипа Михайлова Богдановича, содержателя постоялаго дома, и жила въ его домѣ; но, по пьянству онаго мужа и по нестерпимымъ его побоямъ, съ прежнимъ паспортомъ отъ него въ ночное время бѣжала и прибыла въ Москву, въ домъ графа Разумовскаго; а изъ сего дома опредѣлилась за семь рублей въ годъ къ управляющему сего графа въ работницы и тутъ по паспорту вышла замужъ за просителя, двороваго человѣка Матвѣя Данилова. Между тѣмъ мужъ ея Богдановичъ, провѣдавъ о ней, пріѣхалъ въ село Кусково и сталъ требовать къ себѣ.

Консисторія расторгла бракъ Данилова и обратила Васильеву къ первому мужу Богдановичу съ возложеніемъ на нее за незаконное вступленіе въ бракъ эпитиміи подъ смотрѣніемъ духовника; а Данилову, буде пожелаетъ, дала на вступленіе въ другой бракъ отверстый указъ.

XVIII. Раздоръ канцеляриста Индрикова съ женою.

1765 г. Ноября 12, Мануфактуръ-коллегіи вице-президентъ Ѳедоръ Ивановъ Сукинъ объявилъ коллегіи, что по Генеральному Регламенту 25 п. повелѣно президентамъ и вице-президентамъ смотрѣть, чтобъ служители при коллегіяхъ и канцеляріяхъ до послѣдняго должность свою знали, и чтобъ безбожнаго житія не имѣли, также питія, игры, лжи и обманства удерживались. А имъ дознано, что подканцеляристъ

оной коллегіи Иванъ Индриковъ, будучи женатъ, предается пьянству, картежной игрѣ и согналъ жену свою и дочь со двора, на что́ и приносила ему жалобу оная жена. Посему Индриковъ исключенъ изъ коллегіи, а за раздоры съ женою преданъ суду Консисторіи. Жена Индрикова показала, что она за него выдана въ замужество въ 1753 году и прижила съ нимъ дочь, которой ужъ 12-й годъ, а онъ мужъ ея съ 1758 года сталъ предаваться распутству и имѣлъ блудную связь съ тремя женками, «а ее Индрикову принуждаетъ къ беззаконію и за несогласіе къ тому беззаконію бьетъ смертно». Индриковъ въ допросѣ запирался и объявилъ, что жена его предается пьянству; «пришедъ изъ Коллегіи домой и увидѣвъ жену свою въ постелѣ пьяную, ударилъ за оное въ щеку; тогда она, вставъ съ постели, ударила его въ естество ногою, отъ чего онъ упалъ на землю». Дѣло кончилось мировою.

XIX. Раздоръ коллежскаго асессора Шахова съ женою.

1766 г. Февраля 24-го, коллежскій асессоръ Ѳедоръ Ивановъ Шаховъ подалъ въ Консисторію прошеніе, объясняя, что въ 1760 г. въ Ноябрѣ взялъ за себя въ законную жену покойнаго отставнаго прапорщика Василія Ѳедорова Языкова и съ малолѣтнымъ сыномъ ея Петромъ вдову Матрену Петрову, а въ 1762 г. опредѣленъ онъ по указу Сената Вятской провинціи въ гор. Хлыновъ воеводскимъ товарищемъ, гдѣ и находился по 1764 г., Генваря по 3-е число, и нынѣ состоитъ подъ слѣдствіемъ. Будучи въ городѣ Хлыновѣ, онъ отпустилъ жену свою въ собственную деревню, но она отъѣхала въ свои деревни и къ нему въ сожительство не пріѣзжаетъ, и просилъ «о высылкѣ означенной жены подъ карауломъ въ Москву для отдачи ему въ супружество». Сдѣланы о женѣ Шаховой розыски, но по розыскамъ ея нигдѣ на жительствѣ не оказалось. Чрезъ годъ, а именно 23 Февраля 1767 г., жена Шахова, прибывши въ Москву, подала въ Св. Синодъ прошеніе, объясняя, что она отъ мужа своего удалилась по причинѣ его жестокихъ побоевъ и по принужденію Шахова подписать на имя его нѣкоторыя вотчины его пасынка, а ея сына, и просила о мучительныхъ противъ нея его Шахова поступкахъ изслѣдовать и, до рѣшенія дѣла, ея мужу не отдавать. Св. Синодъ, находившійся тогда въ Москвѣ, просьбу Шаховой и дѣло по просьбѣ Шахова опредѣлилъ отослать къ Казанскому архіерею, въ епархіи коего находились вотчины Шаховой; но Шаховъ подалъ въ Синодъ прошеніе объ отдачѣ дѣла ихъ на разсмотрѣніе Костромскаго архіерея, въ епархіи коего находятся вотчины ихъ обоихъ. Синодъ, на основаніи Духовнаго Регламента, «всякъ коего-либо чина человѣкъ подлежитъ въ духовныхъ дѣлахъ суду того епи-

скопа, въ которой епархіи пребываетъ, пока пребываетъ», препроводилъ дѣло Шаховыхъ на разсмотрѣніе къ Московскому митрополиту. Консисторія 16 Апрѣля положила: вызвавъ Шахову, объявить ей, что ежели имѣетъ къ разводу съ мужемъ какія доказательства, то бы, по силѣ Генеральнаго Регламента 19 гл., представила въ Консисторію формальное челобитье, не включая въ оное никакихъ другихъ къ разводу и разсмотрѣнію духовнаго суда непринадлежащихъ матерій».

Шахова 7 Мая подала въ Консисторію прошеніе, объясняя въ ономъ, что мужъ ея не разъ хотѣлъ заколоть ее шпагою и поручала по болѣзни своей дѣло ея вести дворовому человѣку г-жи Мещерской Соловьеву. Консисторія сообщила въ Медицинскую Контору объ освидѣтельствованіи болѣзни Шаховой; но Шахова сама явилась въ Консисторію, подтвердила свое челобитье и просила допустить ея повѣреннаго. Консисторія положила произвести судъ по формѣ. Шаховъ, явившись въ Консисторію, объявилъ неудовольствіе, объявляя, что онъ сдѣлался отвѣтчикомъ противъ прошенія жены своей, между тѣмъ какъ онъ прежде подалъ прошеніе съ жалобою о самовольной ея отлучкѣ, то ей Шаховой противъ его прошенія слѣдуетъ быть отвѣтчицей; кромѣ того онъ требовалъ самоличнаго съ своею женою суда, а не чрезъ повѣренныхъ, изъясняясь притомъ, что въ томъ дѣлѣ таковыя могутъ произойти обстоятельства, «о которыхъ повѣреннымъ и объяснять непристойно». Консисторія 15-го Іюня представила Св. Синоду съ испрашиваніемъ разрѣшенія: «какъ по предписанному, такъ и по прочимъ таковаго содержанія дѣламъ въ производствѣ суда или слѣдствія, такожъ и по требованіямъ о производствѣ самоличныхъ, а не чрезъ повѣренныхъ судовъ чинить указнаго повелѣнія, по которому и впредъ Консисторія могла бы по таковымъ дѣламъ, безъ нареканія отъ челобитчиковъ и утружденія чрезъ то Св. Синода, поступать».

Св. Синодъ указомъ 6-го Іюля объяснилъ, что 1) Шаховъ принесъ уже жалобу на показанное опредѣленіе Консисторіи, что 2) въ 1729 году Ноября 6-го, посланнымъ изъ Св. Синода въ бывшую Дикастерію указомъ, а въ 1734 г. Марта 14-го дня данною въ тужъ Дикастерію синодальною моморіею именно предписано, что по случающимся, какъ отъ мужа на жену, такъ и отъ жены на мужа прошеніямъ производить судъ чрезъ самоличное другъ на друга показаніе, а постороннихъ повѣренныхъ отнюдь не принимать; посему Консисторіи повѣреннаго отъ жены Шаховой принимать не надлежало, а слѣдовало бы поступить по данному наставленію по дѣлу президента магистрата Серебреникова, и для производства дѣла Шаховыхъ Св. Синодъ назначилъ особыхъ присутствующихъ Консисторіи, а именно каѳедральнаго Чудова монастыря намѣстника архимандрита Паисія и

Срѣтенскаго протопопа Ивана Яковлева, кромѣ прочихъ присутствующихъ, и производить дѣло въ экспедиціи другаго секретаря. Учрежденное присутствіе постановило: 1) объявить Шахову, чтобъ подалъ формальную челобитную о разводѣ съ женою, буде имѣетъ причины; 2) вызвать жену его и сдѣлать имъ увѣщаніе къ примиренію, и буде они не примирятся, тогда оное прошеніе принять, и судъ между ними производить самоперсонально отъ жены, а не чрезъ повѣреннаго ея.

18 Іюля Шаховъ подалъ въ Консисторію прошеніе съ объясненіемъ въ томъ, что жена его несправедливо жалуется на него, что будто бы онъ причиняетъ ей неудовольствія и просилъ не о разводѣ, а чтобъ жену его привести чрезъ надлежащее увѣщаніе въ любовное съ нимъ сожитіе, «безъ чего, какъ онъ писалъ въ прошеніи, я быть не могу, а законопреступленіе сдѣлать совѣсть не допущаетъ, да и самъ Всевысочайшій Судія, взявъ на Себя для избавленія человѣческаго рода отъ вѣчныя погибели плотской нашъ образъ и будучи на землѣ, изволилъ сказать: отпущаяй жену или женяйся съ пущеницею, прелюбодѣй есть, да и разводу брачному иныхъ причинъ не показалъ, какъ только прелюбодѣйство». 18 и 23 Іюля присутствіе дѣлало Шаховымъ увѣщаніе; но Шахова на совокупное жительство съ мужемъ не согласилась. Консисторія положила произвести судъ по формѣ. Пошло судоговореніе. Раздраженные супруги осыпали другъ друга въ Консисторіи упреками. Тщетно Консисторія объявляла имъ законы, которыми возбранено употреблять укорительныя слова; Шаховы подавали другъ на друга новыя челобитья (напр., Шахова, что мужъ назвалъ ее въ секретарской комнатѣ беззаконницею, что когда была у богомолья въ Гостунскомъ соборѣ, то Шаховъ подставилъ ей ногу «и ежели бы не поддержана была сыномъ своимъ, то бъ конечно упала и жестоко ушиблась». Шаховъ, что она его въ подьяческой палатѣ назвала «Голіаѳомъ и Татариномъ»). Консисторія въ теченіе цѣлаго Августа не могла формою суда очистить первые пункты челобитья; а сверхъ того Шаховъ объявилъ подозрѣніе на секретаря Консисторіи Колмовскаго, у котораго производилось дѣло. Консисторія не знала, что̀ дѣлать. Но 22-го Октября Шаховы подали въ Консисторію просьбу, объясняя, что «разобрався совѣстьми своими и поговоря между собою, утвердились»; за имѣющеюся у нея Матрены Шаховой животною болѣзнію, оставить ее нынѣ онъ супружескаго сожитія по той ея болѣзни свободною, пока мы не примиримся, и имѣть жительство ей Матренѣ въ деревняхъ сына своего отставнаго прапорщика Петра Языкова, или гдѣ она пожелаетъ свободно, въ самой чистотѣ христіанской, какъ законъ повелѣваетъ; «на что и я Шаховъ оную жену по вышеписанной ея нынѣ одержимой животной болѣзни отъ супружескаго сожитія, дондеже мы не смиримся, увольняю». Тѣмъ дѣло и кончено.

XX. Любовная связь г-жи В. съ сыномъ діакона.

1766 года Марта 7, у діакона церкви священномученика Антипія, что́ близъ стараго конюшеннаго двора, Аѳанасія Михайлова, былъ сынъ Иванъ, который находился сперва въ пѣвческой капеллѣ преосвященнаго Тимоѳея подъякомъ; потомъ, за случившеюся ему болѣзнію, изъ пѣвчихъ выбылъ и, имѣя 13 л. отъ роду, поступилъ во дьячка къ Знаменской на Знаменкѣ церкви, гдѣ и находился до́ 16-лѣтняго возраста.

Въ 1764 году, онъ Иванъ, послѣ праздника св. Апостоловъ Петра и Павла, въ какой именно день не припомнитъ, находился въ церкви Іоанна Предтечи близъ Арбатскихъ воротъ для пѣнія литургіи, по случаю погребенія жены домоуправителя генералъ-аншефа Толстова, и когда возвратился домой, то прихожанка означенной Предтечевской церкви, жена майора Алексѣя Григорьева В., вдова Анна Ивановна В.....ва прислала за нимъ Предтечевской церкви дьячка Ѳедора Логинова съ тѣмъ, чтобы онъ Иванъ прибылъ къ ней В., а за чѣмъ, Логиновъ не сказалъ. Иванъ тотчасъ къ г-жѣ В . . . . . .й отправился. Когда дворовый человѣкъ В.....вой Ѳедоръ Комаровъ доложилъ о немъ своей госпожѣ, то она приказала ему Ивану «взойти въ покой, называемый залъ, гдѣ, встрѣтивъ его, говорила, чтобъ онъ Иванъ ходилъ къ ней для пѣнія и, давъ ему 50 коп., отпустила домой». Потомъ онъ Иванъ съ мѣсяцъ по присылкамъ дворовыхъ людей ходилъ къ ней госпожѣ часто, иногда въ недѣлѣ по всѣ дни, а иногда чрезъ день или два и обучалъ дочь ея Настастью, имѣвшую отъ рожденія 8 лѣтъ, букварю. По прошествіи мѣсяца г-жа В.....ва, призвавъ его Ивана въ спальню, котораго числа не припомнитъ, по-полудни часу въ седьмомъ, говорила ему Ивану при случившейся тогда мадамѣ Марьѣ Николаевой Дебуа (которая обучаетъ дочь ея по-французски), чтобъ онъ продалъ свое дьяческое мѣсто другому, а самъ переѣхалъ для жительства къ ней въ домъ обучать дочь ея букварю. Иванъ продалъ мѣсто и домъ свой другому, переѣхалъ къ госпожѣ В. и помѣщенъ для жительства съ дѣтьми ея въ называемомъ дѣтскомъ покоѣ. Во время того жительства (до 26 Февраля, 1766 г.), примѣромъ за мѣсяцъ, когда ему Ивану случилось быть ночнымъ временемъ предъ спальнею госпожи, она, призвавъ его Ивана къ себѣ въ спальню, говорила, чтобъ онъ Иванъ чинилъ съ нею плотское сожитіе, на что согласясь съ нею, то сожитіе временно чинили. И жительство онъ Иванъ имѣлъ на ея В. коштѣ, получая въ разныя времена отъ нея самоперсонально по 10 и 25 коп., коихъ онъ получилъ во все его жительство рублей 7, а договора у него съ нею, госпожею, за обученіе дочери не было.

26 Февраля мѣсяца 1766 г., ввечеру, призвавъ его Ивана, мадамъ Дебуа говорила ему, что г-жа В. приказала ему объявить, что-де она госпожа желаетъ за него Ивана выдти въ замужество; на чтò онъ Иванъ ей Дебуа сказалъ, что-де того и статься не можетъ, потому что онъ Иванъ находится дьячкомъ и ей-де госпожѣ за нимъ въ супружествѣ, по его убожеству, быть невозможно. Мадамъ Дебуа того же числа, пришедъ въ спальню къ госпожѣ, о томъ о всемъ ей объявила; и она госпожа, вышедъ изъ спальни, утвердила слова мадамины, говоря, что она не гнушается того, что онъ въ бѣдности, и по обвѣнчаніи ни въ чемъ его не оставитъ; но когда обвѣнчается, до произведенія его Ивана въ офицеры, о обвѣчаніи никому не объявлять и сожитіе плотское съ ней имѣть тайно; ибо прежде производства его въ офицеры объявлять ей родственникамъ будетъ постыдно. На чтò онъ Иванъ и согласился. При семъ объявила, что они повѣнчаны будутъ въ селѣ Звягинѣ (по Троицкой дорогѣ, близъ Пушкина) священникомъ Карпомъ, который обвѣнчаетъ ихъ 26 того Февраля. Потомъ, призвавъ къ себѣ зятя его Ивана той Знаменской церкви, у которой Иванъ былъ дьячкомъ, священника Михаила Егорова, велѣла имъ дожидаться лошадей, которыхъ пришлетъ съ своимъ человѣкомъ Кузьмою Болотниковымъ, а она-де г-жа В. въ то село Звягино будетъ.

26 Февраля отецъ Ивана, Антипіевскій діаконъ Аѳанасій Михайловъ, Знаменскій священникъ Егоровъ и Иванъ, часу въ 12-мъ около полудня, на парѣ лошадей, присланныхъ г-жею В., поѣхали въ село Звягино, и на дорогѣ нагнали г-жу В., ѣдущую по Троицкой дорогѣ въ возкѣ, запряженномъ пятью ямскими лошадьми, при кучерѣ и съ форейторомъ; да два человѣка на запяткахъ, изъ коихъ одинъ былъ Болотниковъ. Г-жа В. была съ мадамою Дебуа. Часа въ три по полудни они пріѣхали въ село Звягино прямо къ церкви. Священникъ Карпъ пришелъ съ ключами къ церкви, и въ нее взошли г-жа В. съ мадамою, онъ Иванъ съ зятемъ-священникомъ; а отецъ остался у лошадей. Дьячекъ Звягинскій посланъ былъ въ Пушкино для покупки вина на рубль. Г-жа В. велѣла запереть двери, чтобъ народъ не сходился. Бракъ началъ вѣнчать священникъ Карпъ; но какъ онъ не имѣлъ съ собою очковъ и читалъ медленно, то г-жа В. попросила вѣнчать ихъ Знаменскаго священника Егорова, который и сталъ совершать вѣнчаніе. Апостолъ читалъ, по приказанію священника Егорова, самъ Иванъ, за дьячка пѣніе отправлялъ Болотниковъ, и подножки постланы были камчатныя имъ-же Болотниковымъ. По обвѣнчаніи служили молебенъ и какъ онъ Иванъ, такъ и г-жа В. прикладывались къ образамъ. По обвѣнчаніи г-жа съ мадамою вышли изъ церкви и сѣли въ возокъ, а Иванъ, отецъ его, и зять священникъ съ людьми пошли къ священнику Карпу вы-

пить по чаркѣ вина. Священнику Карпу за свадьбу дано два рубля. По выходѣ отъ священника Карпа отправились въ Москву. Иванъ сталъ къ возку на запяткахъ; но по отъѣздѣ отъ села съ полверсты, г-жа В. велѣла ему сѣсть въ возокъ, и обще съ нею г-жею В. и мадамою, которая сидѣла напротивъ ихъ, поѣхали въ Москву и, не доѣзжая Сухаревой башни съ четверть версты, г-жа В. говорила Ивану, чтобъ онъ изъ возка вышелъ и ѣхалъ съ отцомъ своимъ и зятемъ, которые ѣхали въ саняхъ за ними, и отправился бы въ домъ зятя, а она поѣдетъ въ гости, и когда пришлетъ за нимъ, то прибылъ-бы къ ней. Въ первомъ часу по-полуночи г-жа В. прислала за нимъ и когда онъ прибылъ, то г-жа В. ему Ивану велѣла идти въ спальню, говоря, что ты мнѣ ужъ законный мужъ, и легъ-бы съ нею на постель, почему онъ Иванъ и легъ съ нею и имѣлъ съ нею плотское сожитіе. А на другой день по приказанію г-жи В—вой надѣлъ сдѣланное для него Черкесское драгетовое, алаго цвѣта платье съ полукафтаньемъ гризетовымъ того-же цвѣту, и ходилъ къ зятю своему. Возвратившись къ г-жѣ В., Иванъ увидалъ у нея тетку ея г-жу Воейкову, которая выговаривала ей В—ой, употребляя бранныя слова за ихъ вѣнчаніе; но В—ва объявила ей, что она съ нимъ не вѣнчана. Онъ Иванъ, слыша такія рѣчи, ушелъ отъ г-жи В. къ зятю, и болѣе съ нею сожитія не имѣлъ; но по ея присыльнымъ письмамъ неоднократно бывалъ у ней и имѣлъ съ нею плотское сожитіе; и она просила его о вѣнчаніи никому не говорить.

7 Марта того 1766 года капитаны Николай Григорьевичъ, да Иванъ Семеновъ В—вы подали митрополиту Тимоѳею просьбу, объясняя, что перваго братъ родной, а второго дядя родной майоръ Алексѣй Григорьевъ В. въ 1762 году помре; послѣ него осталась жена Анна Иванова и дѣти Григорій 13, Василій 12, Настасья 8 и Анна 2 лѣтъ; и за онымъ Алексѣемъ Григорьевымъ В. было въ разныхъ мѣстахъ имѣнія 1200 душъ съ коннымъ и другими заводами, помѣщичьими домами, садами и разнаго рода лѣсами. А 27 минувшаго Февраля дворовый человѣкъ покойнаго майора Алексѣя В—ва Кузма Болотниковъ, пришедъ къ нимъ, объявилъ, что оная вдова Анна Иванова, выѣзжавъ изъ Москвы по Троицкой дорогѣ, взявъ съ собою людей, его Болотникова, да Николая Васильева, и Француженку мадамъ Дебуа, обвѣнчалась въ церкви села Звягина, которое отъ Москвы не менѣе 25 верстъ, съ сыномъ діакона церкви Антипія близъ стараго конюшеннаго двора Иваномъ Аѳанасьевымъ; а какъ помянутая вдова Анна Иванова тѣмъ замужствомъ изъ дворянства исключилась и владѣть таковыми деревнями запрещено, а они подали, куда надлежитъ, просьбу о запрещеніи Аннѣ Ивановой владѣть деревнями и объ опредѣленіи надъ дѣтьми В—выми опекуна, для воспитанія ихъ въ благо-

родствѣ, просили о браковѣнчаніи В—вой съ реченнымъ діаконскимъ сыномъ Иваномъ доставить справки въ Московскую Юстицъ-Коллегію.

21 того-же Марта подала къ митрополиту Тимоѳею покойнаго майора Алексѣя Григорьева, сына В—ва, вдовствующая жена Анна Иванова просьбу, въ коей, объясняя, что «послѣ онаго мужа ея она осталась съ 4 малолѣтними дѣтьми и не имѣя ни откуда себѣ заступленія, многими отъ людей своихъ дворовыхъ, и именно Козмы да Ивана Ѳедорова Болотниковыхъ съ прочими ихъ единомышленниками оскорблена была непослушаніями, и хотя за свои продерзости были они наказаны, но отъ злонравія своего не исправились, и по приласканію къ себѣ отъ родственниковъ покойнаго мужа угрожали отрѣшеніемъ себя изъ ея вѣдомства. Льстясь свои злоумышленныя намѣренія произвесть въ самое дѣло и дѣйствительно избывая отъ холопства, отдались они подъ мнимое покровительство деверю ея, а покойнаго мужа ея брату родному капитану Николаю Григорьеву, да племяннику его капитану Ивану Семенову В—вымъ, которые, какъ видно, желая воспользоваться оставшимся послѣ мужа ея имѣніемъ, подали на нее затѣйной и поклепный доносъ, яко-бы она В—ва 26 Февраля сего года, повѣнчана съ сыномъ діакона церкви Антипія, что́ близъ стараго конюшеннаго двора, Иваномъ Аѳанасьевымъ; при чемъ будто-бы была и мадамъ Французской націи Марья Николаева дочь Дебуа, которая, живши въ домѣ ея для обученія по-французски дочери ея, за нераченіе противъ договора часто была отъ нея въ томъ обличаема и сослана изъ дома отъ нея. Означенные деверь ея Николай Григорьевъ и племянникъ его Иванъ Семеновъ В—вы, въ сходственность прежнихъ своихъ противу нея намѣреній, согласясь съ прописанными ея людьми и присовокупя къ произведенію своего корыстнаго намѣренія объявленныхъ поповъ и діаконова сына, которые между собою состоятъ въ ближайшемъ свойствѣ, взвели на нее, какъ выше значитъ, весьма несправедливое и затѣйное дѣло, а именно потому, 1), что никакого между нею и означеннымъ діаконовымъ сыномъ къ брачному союзу сходствія и нималой препорціи не имѣется, да и склонности ея къ супружеству не только съ нимъ, но и съ достойнѣйшими дворянами, хотя многіе того искали, не было никогда, въ чемъ могутъ засвидѣтельствоватъ посторонніе люди; 2), Февраля-же 26 дня хотя она, по случаю болѣзни своей, горячки, въ безпамятствѣ съ вышеписанными священниками и дьяконскимъ сыномъ и была въ селѣ Звягинѣ въ церкви Божіей, для отправленія молебнаго пѣнія; но и то, какъ видно, по происку помянутаго деверя ея съ племянникомъ и означенными людьми чрезъ произведенное тѣми попами и діаконовымъ сыномъ въ горячкѣ ея, будто-бъ по исполненіи тамъ молебствія скорую

получить можно отъ болѣзни своей свободу, ей внушеніе и растверженіе; и чтобъ злоумышленное ихъ дѣло не всѣмъ было свѣдомо, дьячковъ сельскихъ они выгнали и, запершись умышленно, начали молебенъ, а какія читали молитвы, того разслышать за болѣзнію не могла; а потомъ пришедъ въ обморокъ, не помнитъ, что человѣкъ ея показанный Козма Ѳедоровъ съ тѣми попами и съ дьяконовымъ сыномъ надъ нею дѣлали, и совершали-ль какой бракъ, того ничего она не помнитъ». Потомъ В. съ подробнымъ изложеніемъ существующихъ узаконеній доказывала, что хотя-бы бракъ ея и въ самомъ дѣлѣ совершенъ былъ, оный за дѣйствительный признанъ быть не можетъ.

24 Марта Юстицъ-Коллегія потребовала отъ Консисторіи извѣстія, подлинно-ли В—ва 26 Февраля вышла въ замужство за діаконова сына Ивана Аѳанасьева. При произведенномъ изслѣдованіи все г-жу В—ву уличило, что она вѣнчалась съ діаконовымъ сыномъ Иваномъ Аѳанасьевымъ въ селѣ Звягинѣ въ здоровомъ умѣ и при свидѣтеляхъ, о чемъ и сообщено въ Юстицъ-Коллегію.

8 Маія того 1766 года, Московскаго Воспитательнаго Дома Опекунскій совѣтъ въ отношеніи объяснилъ, что церкви св. Антипія чудотворца, чтò подлѣ каменнаго Колымажнаго двора, діакона Аѳанасія Михайлова сынъ, бывшій въ Чудовѣ монастырѣ пѣвчимъ, Иванъ Аѳанасьевъ въ Воспитательный Домъ даетъ тысячу рублей, и за то въ силу апробованнаго о Воспитательномъ Домѣ плана проситъ о награжденіи его рангомъ. Посему совѣтъ просилъ извѣстія, не положенъ-ли онъ Иванъ въ подушной окладъ и пѣвчимъ былъ-ли. Маія 11 Консисторія поспѣшила доставить совѣту справку, что означенный Иванъ Аѳанасьевъ дѣйствительно сынъ діакона, служилъ въ пѣвческой капеллѣ, да и во исправленіи дьяческой должности находился безъ указа.

Не знаемъ, получилъ-ли себѣ Иванъ Аѳанасьевъ рангъ, и чтò стало съ дѣломъ его по отношенію къ г-жѣ В.; потому что дѣло это, по отправкѣ свѣдѣнія въ Опекунскій Совѣтъ, оставлено безъ дальнѣйшаго производства; но 23 Марта, когда Иванъ вытребованъ былъ для допроса, составленъ въ Консисторіи журналъ, что онъ Иванъ находился въ великомъ трясеніи и лихорадкѣ, такъ, что отвѣчать не могъ и потому отданъ отцу съ обязательствомъ «содержать его въ домѣ своемъ неисходно и хмѣльнаго питія ему не давать, и чрезъ три дня представить въ Консисторію». При семъ посланъ въ домъ діакона консисторскій солдатъ съ тѣмъ, чтобъ находился при Иванѣ безотлучно и имѣлъ крѣпкое смотрѣніе, дабы онъ ни подъ какимъ видомъ хмѣльнаго питія употреблять не могъ; а Ивану въ это время было не болѣе 17 лѣтъ.

Сообщено Н. П. Розоновымъ.

КЪ ЖИЗНЕОПИСАНІЮ СВѢТЛѢЙШАГО КНЯЗЯ Д. В. ГОЛИЦЫНА.

Въ 7-й тетради «Русскаго Архива» нынѣшняго года помѣщена краткая біографія бывшаго Московскаго генералъ-губернатора князя Д. В. Голицына, по поводу исполнившагося пятидесятилѣтія со времени его кончины. Дополненіемъ къ ней можетъ служить эпизодъ, относящійся къ 1834 году, когда Московское купечество чествовало князя Голицына особымъ праздникомъ, переданный тогдашнимъ Московскимъ почтдиректоромъ А. Я. Булгаковымъ въ письмѣ къ великому князю Михаилу Павловичу.

I.

Monseigneur!

J'ai eu le bonheur d'adresser à Votre Altesse Impériale une bien longue lettre le 18 de ce mois. Je sens que c'est abuser de sa patience en lui enlevant le peu des momens de repos que lui laissent des occupations si graves et si multipliées; mais *le jeune et coupable étourdi Bachiloff* m'ayant prié de mettre à vos pieds son épitre justificative, je ne saurais vous la transmettre sans dire à Votre Altesse Impériale quelques mots sur la solemnité dont nous avons été, le Dimanche passé, les témoins et le prince Dmitri Gallitzine le héros. Le corps des marchands d'ici ayant obtenu au préalable l'assentiment de Sa Majesté l'Empereur, a offert au prince un monument pour perpétuer le souvenir de leur reconnaissance pour les soins qu'il a donnés à notre ancienne capitale à l'époque du choléra. Un dîné splendide fut donné dans la salle de l'hôtel des marchands à la Ильинка; plus de 300 personnes y furent invitées. On porta d'abord la santé de l'Empereur et de l'Impératrice, le prince et tous les convives se levèrent, on chanta l'hymne Боже, Царя Храни, ce même chant fut ensuite répété avec le toast pour Monseigneur l'Héritier et la Famille Impériale. Ensuite le prévôt des marchands, qui etait assis en face du prince, se leva et lui adressa un discours. A un signal donné, le voile en taffetas vert qui couvrait le monument placé à une des extrémités de la salle disparut tout d'un coup, et laissa paraître le buste du prince en marbre blanc, placé

sur un superbe piédestal de malachyte orné de différens emblêmes en argent massif; aux quatre faces se trouvaient des inscriptions analogues à la circonstance, le tout exécuté par des ouvriers russes.

La santé du prince fut portée avec de bruyans applaudissemens, aux cris de ypa! et avec beaucoup d'enthousiasme; les choeurs exécutèrent des couplets en l'honneur de notre gouverneur-militaire-général, qui se leva de sa chaise et remercia le corps des marchands par un discours très éloquent et dans lequel il prouvait que son zèle n'avait été qu'une suite de l'exemple que lui donnait la conduite admirable de notre bien-aimé Souverain, qui quitta sa famille et sacrifia l'amour si connu qu'il 'portait à son auguste épouse et à ses enfans pour voler au secours de l'ancienne capitale en proie au plus horrible fléau. L'émotion du prince fut si grande, que deux fois il dut la dérober aux yeux qui étaient fixés sur lui, en se cachant le visage avec le pàpier qu'il tenait dans la main. Cet attendrissement se communiqua à toute l'assemblée, et personne ne chercha à la maîtriser: les larmes coulèrent avec abondance.

Ce fut véritablement un spectacle touchant, et chacun de nous avait l'air de se transporter à l'époque fatale et de rendre au Ciel des actions de grâce de l'avoir préšérvé de l'horrible fléau, mais surtout d'avoir conservé les jours précieux d'un Souverain aussi bon, aussi humain et aussi magnanime.

Le corps des marchands de Moscou ne constitue sûrement pas la patrie entière, ni la totalité des habitans de notre bonne ville de Moscou; mais il est toujours doux et flatteur pour le prince Gallitzine d'obtenir de son vivant un monument que Yéropkine et Rostopchine sont encore à attendre et qui n'a été décerné même à Minine et Pojarsky que plus de deux siècles après leur mort.

Votre Altesse Impériale trouvera ci-joins les couplets chantés, le discours du s-r Kolessoff qui, si j'ose vous parler franchement, m'a paru bien inférieur à la circonstance et ne rend pas aux habitans de Moscou la justice qui leur est due. Ils ont fait preuve d'un courage, d'une patience et surtout d'une abnégation d'égoïsme admirables, et d'ailleurs comment aurions-nous pensé et agi autrement que n'a pensé et agi notre bien aimé Souverain dans cette grande et importante circonstance? Je joins ci-près également la réponse du prince Gallitzine et des vers du prince Chalikoff.

J'ai le bonheur de me dire, Monseigneur, de Votre Altesse Impériale le très humble et très soumis serviteur Alexandre Bulgakow.

Moscou. Le 22 May 1834.

Переводъ.

Ваше Высочество!

Я имѣлъ счастіе отправить къ Вашему Императорскому Высочеству очень длинное письмо отъ 18 числа сего мѣсяца. Знаю, что я злоупотребляю вашимъ терпѣніемъ, отнимая у васъ немногія минуты покоя, остающіяся отъ важныхъ и разностороннихъ занятій; но *юный и виновный вѣтренникъ Башиловъ* проситъ меня повергнуть къ вашимъ стопамъ его оправдательное письмо, и я пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы сказать нѣсколько словъ о торжествѣ, въ которомъ мы, прошлое Воскресенье, чествовали князя Дмитрія Голицына. Общество купцовъ, испросивъ предварительное согласіе у его величества, поднесло князю памятникъ, дабы продолжить память ихъ благодарности за заботы, которыя оказаны имъ нашей древней столицѣ во время холеры. Великолѣпный обѣдъ былъ данъ въ залѣ купеческаго собранія на Ильинкѣ; приглашенныхъ было болѣе 300 человѣкъ. Прежде всего провозгласили здравіе Государя и Государыни, князь и всѣ сотрапезники встали, пропѣли гимнъ „Боже, Царя храни", при тостѣ за Наслѣдника и царскую фамилію его повторили.

Затѣмъ купеческій старшина, сидѣвшій противъ князя, поднялся и обратился къ нему съ рѣчью.

По данному знаку занавѣсъ изъ зеленой тафты, покрывавшій памятникъ, что̀ стоялъ въ концѣ залы, мгновенно поднялся, и явился бюстъ князя изъ бѣлаго мрамора, поставленный на прекрасный малахитовый пьедесталъ, украшенный различными эмблемами изъ массивнаго серебра; со всѣхъ сторонъ были соотвѣтствующія обстоятельствамъ надписи. Все было сдѣлано Русскими мастерами.

Здравіе князя было провозглашено при шумныхъ рукоплесканіяхъ, крикахъ „ура" и великомъ воодушевленіи; хоры исполнили куплеты въ честь его. Князь поднялся и поблагодарилъ купечество въ краснорѣчивомъ обращеніи; онъ доказывалъ, что его рвеніе являлось лишь слѣдствіемъ примѣра, преподаннаго удивительнымъ образомъ дѣйствій нашего возлюбленнаго Государя, который покинулъ свою семью, принесъ въ жертву столь извѣстную свою любовь къ августѣйшей супругѣ, дѣтямъ своимъ, чтобы полетѣть на помощь древней столицѣ, находившейся въ величайшемъ несчастіи. Волненіе князя было столь велико, что два раза онъ принужденъ былъ закрываться отъ взоровъ, на него устремленныхъ, бумагою, что̀ держалъ въ рукѣ. Это волненіе сообщилось всему собранію, и никто не желалъ сдерживаться. Слезы проливались въ изобиліи.

Это было по истинѣ трогательное зрѣлище: повидимому каждый изъ насъ переносился къ той ужасной годинѣ и воздавалъ Небу благодарность за сохраненіе отъ сего ужаснаго бича, особенно же за сохраненіе драгоцѣнныхъ дней столь милостиваго, великодушнаго и добраго Государя.

Конечно Московское купечество не все отечество, даже не все населеніе нашей доброй Москвы, но все же пріятно и лестно для князя Голицына, еще будучи живымъ, получить памятникъ, тогда какъ Еропкинъ и Ростопчинъ еще не дождались его, и даже Мининъ и Пожарскій получили его лишь два столѣтія послѣ своей смерти.

Посылаю при семъ Вашему Императорскому Высочеству куплеты, пѣтые при семъ случаѣ, и рѣчь Колесова, которая, говоря откровенно, по моему оказалась очень неподходящею къ даннымъ обстоятельствамъ и не воздаетъ достодолжнаго уваженія Московскимъ жителямъ. Они показали храбрость, терпѣніе, отсутствіе эгоизма изумительныя; да и могли ли мы думать и дѣйствовать иначе въ этихъ трудныхъ и многозначительныхъ обстоятельствахъ, какъ думалъ и дѣйствовалъ нашъ возлюбленный Государь? Посылаю также отвѣтъ князя Голицына и стихи князя Шаликова. Имѣю счастіе именоваться Вашего Императорскаго Величества покорнѣйшимъ и послушнѣйшимъ слугою. Александръ Булгаковъ. Москва, 24 Мая 1834.

II.

Рѣчь, произнесенная градскимъ головою Колесовымъ.

Сіятельный князь!

Радостно торжествуя день изъявленія благодарныхъ чувствованій Московскаго купечества, должны ли мы забыть прошедшее? Конечно не должны! Итакъ, воспомянемъ теперь то, что нѣкогда Москву посѣтило несчастіе, извѣстное подъ грознымъ названіемъ эпидемической холеры. Воспомянемъ ваши подвиги, съ благодарностію къ Богу за прекращеніемъ бѣдствія, съ благодарностію къ Царю за его милости, съ благодарностію къ вамъ за ваши попеченія и труды.

Мы также знали всю важность тогдашняго бѣдствія, сострадали о похищенныхъ жертвахъ, нерѣдко близкихъ намъ по родству и по пріязни. Но сколь ни горестно было знать происходившее, сіи чувствованія горести смѣнялись у насъ чувствомъ личной опасности. Итакъ, мы тогда думали болѣе о себѣ самихъ.

Сіятельный князь! Ваши чувствованія, какъ человѣка и гражданина, были сходны съ нашими. Но чтó чувствовали вы какъ начальникъ, коему Монархъ ввѣрилъ благосостояніе и безопасность жителей первопрестольной своей столицы? Чтó чувствовали вы, какъ государственный сановникъ, дѣянія коего запишетъ исторія на судъ грядущему потомству? Скажу еще болѣе, чтó должны были вы чувствовать,

когда долгъ повелѣвалъ донести Царю о появленіи въ Москвѣ болѣзни, которая, сдѣлавшись извѣстною еще изъ отдаленныхъ странъ, казалась ужасомъ вселенной?

Величіе державнаго Монарха, совокупясь съ любовію его къ подданнымъ, явилось тогда свѣту во всемъ блескѣ. Получивъ печальное извѣстіе, Государь, для блага любимыхъ имъ Россіянъ, самъ благоволилъ изъявить желаніе пріѣхать въ Москву, чтобы наравнѣ съ подданными раздѣлить опасности и труды. Вамъ, сіятельный князь, назначила судьба быть тогда первымъ сподвижникомъ великому Царю въ дѣлѣ спасенія человѣчества. Вы сдѣлали для жителей все, что̀ указалъ Монархъ и что̀ обстоятельства тогдашняго времени дозволяли сдѣлать благодѣтельному начальнику. И вообще и въ частности вы были благотворителемъ столицы. Жители Москвы не могутъ забыть вашихъ попеченій и вашего предстательства у престола Самодержца Россіи.

Наименовать всѣхъ вашихъ добрыхъ дѣяній нѣтъ возможности. Здѣсь я только упомяну, что Московское купеческое общество, чувствуя цѣну добра, положило: ознаменовать предъ вами чѣмъ либо благодарныя свои чувствованія. Въ семъ намѣреніи, мы дерзнули испросить у Его Императорскаго Величества дозволеніе соорудить бюстъ вашего сіятельства, съ присовокупленіемъ согласныхъ съ нашими ощущеніями изваяній. Представляя сіи изваянія благосклонному воззрѣнію вашему, мы просимъ принять ихъ, какъ доказательство благодарныхъ чувствованій, могущее ко славѣ вашей и нашему утѣшенію, сохраняться на всегда въ благородной вашей фамиліи и засвидѣтельствовать грядущему потомству о признательности Московскаго купечества.

III.

Рѣчь князя Д. В. Голицына.

Милостивые государи!

Позвольте мнѣ видѣть въ выраженіи вашихъ чувствованій не награду за слабыя мои усилія въ трудное время бѣдствія, а потребность благородныхъ вашихъ сердецъ воздавать тѣми же чувствами за искреннія чувства любви, которыя я не перестаю питать къ вамъ и ко всѣмъ гражданамъ нашей древней и несокрушимой столицы. Въ годину общаго злополучія вы превзошли меня и усердіемъ, и самоотверженіемъ. Но какого удивленія достоинъ, какъ сами вы говорите, подвигъ нашего возлюбленнаго Государя, который покидаетъ свое августѣйшее семейство, приноситъ въ жертву счастіе супруга и отца, забываетъ

даже и то, что съ высокою особою его связана высокая судьба его государства и спѣшитъ въ наши стѣны, дѣлитъ наши труды, оживляетъ нашу бодрость. Вы помните еще, какъ въ одно и тоже время съ отрадою услышали мы: Государь выѣзжаетъ изъ Петербурга! Государь въ Москвѣ! Быстрота его соотвѣтствовала чувству его любви къ своимъ подданнымъ, къ своимъ дѣтямъ. Согласимся, милостивые государи, что послѣ такого примѣра намъ легко было одушевиться тѣмъ же рвенiемъ къ спасенiю нашей столицы.

Ничѣмъ инымъ не могу я выразить вамъ, милостивые государи, чувствъ, наполняющихъ меня въ сiю минуту, какъ слѣдующимъ желанiемъ, которое я вручаю Всевышнему. Я желалъ бы, чтобъ этотъ мраморъ, служащiй мнѣ трогательнымъ изъявленiемъ вашей любви, напоминалъ всегда въ моемъ семействѣ благородныя дѣйствiя именитаго купеческаго сословiя, которое за малѣйшее усердiе къ общественному благу всегда отвѣчаетъ готовымъ воздаянiемъ. Наше Отечество издавна славилось оружiемъ; но нынѣ, благодаря вашей дѣятельности, Россiя удивляетъ Европу на поприщѣ промышленномъ и торговомъ, и должно надѣяться, что скоро изъ соперницы сдѣлается она для другихъ державъ образцомъ, достойнымъ подражанiя и достойнымъ вашихъ усилiй.

IV.

Куплеты пѣтые г. Лавровымъ. Слова г. Ленскаго, музыка А. Н. Верстовскаго.

Пусть вездѣ гремитъ молва,
Какъ любимъ онъ нами;
Какъ гордится вся Москва
Этими чертами!

* * *

Пусть гремятъ уста молвы,
Будетъ свѣтъ свидѣтель,
Какъ въ немъ граждане Москвы
Цѣнятъ добродѣтель!

* * *

И въ исторiи родной
Онъ займетъ страницы,
Какъ вельможа, какъ герой,
Какъ отецъ столицы!

(Сообщено господиномъ директоромъ Таганрогской гимназiи Александромъ Лукичемъ Громачевскимъ).

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА МУРАВЬЕВА-КАРСКАГО.

1835-й годъ *).

Кіевъ 7-го.

6-го, въ день Крещенія, была церемонія водосвятія на Днѣпрѣ, на коей былъ самъ митрополитъ **) и присутствовалъ Левашовъ. Послѣ сего были всѣ приглашены на обѣдъ, который городъ давалъ въ контрактовой залѣ, при чемъ находилась также оставленная по привилегіи, данной Кіеву, парадная дружина, состоящая изъ нѣсколькихъ всадниковъ въ Польскихъ старинныхъ кафтанахъ, и нѣсколькихъ гражданъ, вооруженныхъ старыми ружьями, а также и орудіе съ прислугою, отъ гражданъ. За сіе мнимое войско жители Кіева освобождены отъ рекрутской повинности, почему они и соблюдаютъ обычай, состоящій въ томъ, что они по цехамъ собираются такимъ образомъ два раза въ годъ, въ Крещеніе и въ Спасъ, въ Августѣ мѣсяцѣ. Милиція сія не есть войско и не можетъ онымъ быть; однакоже говорятъ, что въ 1812 году и во время Польской войны она содержала въ городѣ караулы.

Митрополитъ и мы всѣ дожидались близъ часа Левашова къ обѣду. Обѣдъ былъ очень дуренъ и скученъ; граждане, представлявшіе слугъ, были съ нахмуренными лицами, чему причиною полагать можно сборъ денегъ, который съ нихъ дѣлаютъ для сего празднества: ибо, какъ мнѣ сказывалъ митрополитъ, старшины градскіе обыкновенно еще три дня празднуютъ на сіи деньги, что́ довольно накладно для гражданъ, между коими нѣтъ богатыхъ.

За обѣдомъ пили за здоровье Государя, митрополита и Левашова. Послѣ втораго тоста, сидя подлѣ митрополита, я просилъ его позволенія провозгласить тостъ за фельдмаршала; но онъ, вѣроятно изъ осторожности, не допустилъ сего и отвѣчалъ мнѣ: *отсутствующій*, ибо онъ по душѣ своей дружески расположенъ къ фельдмаршалу.

Послѣ обѣда Левашовъ занялся съ кѣмъ-то разговоромъ, а митрополитъ немедленно уѣхалъ, не простившись ни съ кѣмъ. Вслѣдъ за

---

*) См. выше, стр. 145.

**) Славный Евгеній Болховитиновъ. П. Б.

нимъ и я уѣхалъ, и за мною послѣдовали всѣ военные, оставя Левашова съ его служащими, чего онъ совершенно заслуживалъ по невѣжливости, оказанной имъ предъ обѣдомъ, когда его такъ долго ждали. Самъ я показалъ ему, что если я дожидался, то не его лица, а не хотѣвъ оставить митрополита одного въ залѣ.

Во время церемоніи я замѣтилъ Левашову, что собралось довольно значительное число граждапъ и въ вооруженіи.

— Да, отвѣчалъ онъ, сіе отъ того произошло въ нынѣшній разъ, что они себѣ было завели совершенные мундиры со своею формою, и какъ я хотѣлъ уничтожить сіе, то разрѣшилъ всѣмъ быть кто хочетъ. Они слишкомъ дорожатъ данною городу привилегіею не ставить рекрутъ, и потому охотно собираются два раза въ годъ, и какъ нынѣ мундиры съ нихъ не требуются, то и пришло ихъ болѣе, чѣмъ въ прошлые годы.

Я узналъ однакоже послѣ, что, въ теченіе прошлаго года, Левашовъ поощрилъ ихъ самъ сдѣлать себѣ мундиры, что они изобрѣли ихъ съ генералъ-адъютантскимъ шитьемъ на воротникѣ, и что Левашовъ самъ принималъ ихъ и представлялъ фельдмаршалу въ такомъ видѣ; когда же Государь узналъ о семъ, то онъ былъ симъ недоволенъ и приказалъ о семъ спросить его, вслѣдствіе сего Левашовъ письменнымъ повелѣніемъ спросилъ старшину города, съ какого повода и разрѣшенія они изобрѣли и завели сіи мундиры? Не знаю, какой былъ отвѣтъ и конецъ дѣла сего, совершенно соотвѣтствующій неосновательнымъ поступкамъ Левашова во многихъ случаяхъ.

Кіевъ, 13 Генваря.

Побочный сынъ фельдмаршала, генералъ-маіоръ Гостомиловъ, былъ нѣсколько разъ представляемъ имъ состоять при немъ; но Государь, вѣроятно зная о развратномъ поведеніи, дурныхъ правилахъ, малоспособности и безпечности сего человѣка, довольно извѣстнаго въ арміи по дурной службѣ его и въ военное время, отказывалъ фельдмаршалу въ семъ, а назначилъ его, болѣе года тому назадъ, состоять при Кавказскомъ корпусѣ, дабы удалить его. Гостомиловъ былъ уже женатъ и отправлялся къ своему мѣсту; но, пробывши тамъ нѣсколько времени, уѣхалъ въ отпускъ въ Курскъ и Кіевъ и прибылъ недавно сюда, не располагая болѣе возвращаться въ Грузію, куда и жену не отпустили родители ея, вѣроятно знавши о его неблагонадежности.

Фельдмаршалъ много заботился о возвращеніи сына своего и хотѣлъ возобновить ходатайство свое объ оставленіи его при себѣ, но былъ отклоняемъ отъ сего Карповымъ и мною; наконецъ, по желанію его, я написалъ письмо къ начальнику штаба Кавказскаго корпуса,

коимъ просилъ увѣдомить о занятіяхъ Гостомилова и имѣется-ли для него въ виду какое либо мѣсто. Между тѣмъ фельдмаршалъ ежедневно почти повторялъ мнѣ о желаніи своемъ, дабы просить опять Государя о назначеніи Гостомилова къ нему и, наконецъ, написалъ своеручную записку, которую передалъ мнѣ съ порученіемъ написать по сему письмо къ графу Чернышову. Склонившись на настоятельныя убѣжденія старца, повторяющаго сколько ему было-бы усладительно въ преклонныхъ лѣтахъ имѣть при себѣ сына своего, и въ надеждѣ, что уважутъ слабости его, наконецъ, что въ случаѣ отказа соблюдутъ все уваженіе къ лицу его, я написалъ отъ него письмо къ военному министру, въ коемъ, излагая просьбу его къ Государю, въ исполненіи коей онъ бы призналъ особенную милость Императора къ нему, я употребилъ собственныя выраженія фельдмаршала, помѣщенныя въ запискѣ его, въ коей онъ изъявлялъ сіе желаніе какъ *близкое къ сердцу его*. Я подалъ письмо къ подпису его и отправилъ, какъ партикулярное, къ военному министру безъ номера.

Третьяго дня полученъ отъ военнаго министра отвѣтъ въ весьма оскорбительныхъ выраженіяхъ: ибо онъ пишетъ форменною бумагою съ номеромъ, что докладывалъ Государю о просьбѣ фельдмаршала и что Его Величество изволилъ отозваться, что военные чиновники въ генеральскихъ чинахъ назначаются только состоять при лицѣ Императора и при государяхъ великихъ князьяхъ, а потому, прежде принятія какой либо мѣры для сего, Государю угодно знать, какимъ порученіемъ фельдмаршалъ располагаетъ занять генералъ-маіора Гостомилова?

Бумага сія была подписана въ собственныя руки фельдмаршалу, и онъ, по вскрытіи оной, не могъ скрыть своего огорченія, при чемъ повторилъ опять всѣ поступки Левашова относительно его, . . . и сказалъ въ заключеніе: «Пущай они не безпокоятся, я скоро умру, не долго имъ терпѣть; мнѣ и жизнь уже въ тягость, я чувствую, что я скоро умру, не хотятъ мнѣ, на концѣ дней моихъ, покою дать». Слова сіи, сказанныя заслуженнымъ старцемъ, были трогательны, и въ самомъ дѣлѣ я не вижу надобности, если отказъ уже необходимъ, отвѣчать на партикулярное письмо офиціальною бумагою въ насмѣшливыхъ выраженіяхъ. Къ счастью еще, что онъ не замѣтилъ сравненія съ государями великими князьями, что̀ его бы еще болѣе огорчило.

Вмѣстѣ съ симъ отзывомъ полученъ мною и отвѣтъ отъ Вальховскаго, начальника штаба Кавказскаго корпуса, коимъ ничего опредѣлительнаго не пишутъ, но увѣдомляютъ о данныхъ порученіяхъ Гостомилову и обнадеживаютъ, что при усердіи къ службѣ въ краю семъ всегда представляются случаи отличиться.

Фельдмаршалъ приказалъ ничего не писать къ графу Чернышову въ отвѣтъ на бумагу его, и точно по содержанію оной нельзя инаго рѣшенія положить сему дѣлу.

Кіевъ, 14 Генваря.

Фельдмаршалъ пробѣжалъ книгу Данилевскаго о походѣ 1812 года, о коей было вышеупомянуто и надписалъ въ оной собственноручно слѣдующее:

«Ежели кто хочетъ имѣть совершенно ложное понятіе о послѣдней войнѣ Россіянъ съ Французами, къ стыду человѣческаго ума и сердца, тотъ читай только партизанскія стихотворенія Чернышова или записки его друга Данилевскаго».

Вчера былъ у меня проѣзжающій изъ Петербурга для слѣдованія въ кирасирскій полкъ принца Альберта Прусскаго, въ который онъ назначенъ командиромъ, флигель-адъютантъ полковникъ графъ Ржеуцкій. Человѣкъ сей, родомъ Полякъ, служилъ въ послѣднюю войну противъ соотчичей своихъ. Еслибы онъ сіе сдѣлалъ съ убѣжденіемъ въ правильности поведенія своего и для сохраненія присяги, то сіе бы ему извинительно было; но онъ дѣлалъ сіе съ наглостью, служа болѣе лазутчикомъ чѣмъ военнымъ человѣкомъ и продавая, можетъ быть, обѣ стороны; ибо онъ до сихъ поръ, пользуясь всѣми преимуществами Россійской службы, не перестаетъ относиться съ порицаніями о Русскихъ и въ семъ отношеніи ведетъ себя самымъ презрительнымъ образомъ. Не знаю, можно-ли дать полную вѣру словамъ его; но онъ увѣрялъ меня, что былъ самъ очевидцемъ въ прошломъ году слѣдующихъ двухъ случаевъ.

На маневрахъ Государь командовалъ одною частью гвардіи, а великій князь, командовавшій другою, обошелъ Государя и отрѣзалъ его отъ Царскаго Села. Тогда Государь, обратясь къ войску, закричалъ людямъ: «Ну, ребята, теперь мы всѣ пропали. Спасайте меня и всю армію», перекрестился, «и съ Богомъ ура!» закричалъ самъ ура и, бросившись съ полкомъ, пробился сквозь непріятеля къ Царскому Селу.

6-го Декабря былъ маскарадъ во дворцѣ въ костюмахъ Павловскаго времени; великій князь Константинъ Николаевичъ былъ одѣтъ Павломъ Петровичемъ, Государь самъ одѣлся какимъ-то лицомъ изъ тогдашнихъ придворныхъ, и всѣ члены императорской фамиліи и многіе придворные также надѣли костюмы того времени, подражая лицамъ, которыхъ они представляли. 3-го числа Декабря была еще предварительная репетиція сему маскараду.

Кіевъ, 17 Генваря.

На дняхъ фельдмаршалъ отдалъ мнѣ грамоты, полученныя имъ на ордена, письма отъ королей Прусскаго и Французскаго, разновременно имъ полученныя, и разныя бумаги, полученныя имъ отъ Фран-

цузскаго правительства во время пребыванія его въ Парижѣ военнымъ губернаторомъ для внесенія нѣкоторыхъ изъ нихъ въ формулярный его списокъ. Бумаги сіи я списалъ для себя и храню съ своими Записками. Между оными нашелъ я одно письмо, писанное собственноручно нынѣ царствующимъ Государемъ по окончаніи Польской войны. Списокъ здѣсь прилагаю:

«Mon cher maréchal».

«Une époque de pénibles épreuves, une époque critique vient de passer; elle est remplacée par des souvenirs immortels d'une nouvelle gloire acquise par nos braves armées.»

«Si votre âge, mon cher maréchal, ne vous a pas appellé sur les champs de bataille pour recueillir de nouveaux lauriers, vos sages dispositions et votre constante activité a sû arrêter le feu de la rébellion qui menaçait si gravement les derrières de notre armée; surtout dans tout ce qui fut confié à vos soins, vous avez sû porter même sollicitude. Vous ne serez donc point surpris, si, privé du plaisir de vous le dire de vive voix, je le fais par écrit dans ce moment. Je désire vous persuader de ma vive et sincère reconnaissance; recevez là au nom de la Patrie que nous servons et à laquelle le service présentement rendu n'est pas le moindre de votre longue et glorieuse carrière».

«Croyez à la sincérité du motif qui me dicte ces lignes, ainsi qu'à l'inaltérable estime et amitié que vous porte votre sincèrement affectionné Nicolas»

Moscou, le 29 Octobre 1831. *)

---

*) Мой дорогой фельдмаршалъ!

Эпоха тяжелыхъ испытаній, критическая эпоха, только что миновала и смѣнилась безсмертными воспоминаніями новой славы, добытой нашими храбрыми войсками. И если вашъ возрастъ, дорогой фельдмаршалъ, не позволилъ вамъ быть на поляхъ брани и пожать новыя лавры, то ваши мудрыя распоряженія, ваша неустанная дѣятельность съумѣли погасить огнь возстанія, столь рѣшительно угрожавшаго нашимъ войскамъ, находившимся въ тылу; вообще во всемъ томъ, чтó было поручено вашимъ стараніямъ, вы съумѣли выказать туже заботливость. Такимъ образомъ вамъ не будетъ удивительно, что въ настоящее время, лишенный удовольствія передать о томъ вамъ лично, я дѣлаю это письменно. Я желаю увѣрить васъ въ своей живой и искренной благодарности. Примите ее во имя Отечества, которому мы служимъ; заслуга, оказанная ему вами въ настоящее время, выдается на продолжительномъ и славномъ пути, пройденномъ вами. Вѣрьте искренности чувства, внушившаго сіи строки, равно какъ и неизмѣняемому уваженію и дружбѣ къ вамъ искренно расположеннаго Николая. Москва, 29 Октября 1831 г.

Когда я, на спросъ фельдмаршала отвѣчалъ, что прочелъ письмо сіе, то онъ сказалъ, что должно бы показать оное нынѣ графу Чернышову. Онъ очень чувствителенъ къ оскорбленіямъ, которыя ему дѣлалъ Чернышовъ, и втайнѣ признаетъ ихъ вѣроятно происходящими отъ воли Государя, но не говоритъ сего.

Кіевъ, 19 Генваря.

17-го пріѣхалъ сюда фельдмаршалъ графъ Витгенштейнъ и остановился въ домѣ у нашего фельдмаршала. Такъ какъ онъ старѣе нашего, то и были ему отданы всѣ военныя почести, а за обѣдомъ у нашего фельдмаршала ему уступлено первое мѣсто: зрѣлище довольно странное видѣть кого-либо старѣе званіемъ князя Сакена.

20-го числа, въ день имянинъ фельдмаршала и въ день Бріенскаго сраженія, данъ балъ по складкѣ, сдѣланной генералами главнаго штаба и адъютантами главнокомандующаго, обѣдъ, на коемъ присутствовали митрополитъ, Витгенштейнъ, Левашовъ; всего 110 особъ какъ военнаго, такъ и гражданскаго званія. Для торжествованія же Бріенскаго сраженія, въ коемъ побѣду одержалъ нашъ фельдмаршалъ въ 1814 году надъ Наполеономъ, я отыскалъ четверыхъ солдатъ, служившихъ тогда и находившихся въ семъ сраженіи и, одѣвши ихъ въ мундиры того времени, поставилъ къ себѣ ко входу у дома и къ бюсту фельдмаршала, украшенному военнымъ арматуромъ.

Во время тостовъ нашъ фельдмаршалъ, обратившись ко всѣмъ, возгласилъ здравіе первой арміи. Левашовъ, который подлѣ него сидѣлъ, обратился тогда ко мнѣ и также провозгласилъ мое здоровье. Поступокъ сей былъ неправиленъ, и тѣмъ болѣе въ присутствіи фельдмаршаловъ. Я не принялъ сего тоста и знаками головы обратилъ Левашова къ фельдмаршалу.

Ввечеру былъ у Левашова балъ...

Кіевъ, 26 Генваря.

24-го я заходилъ къ Левашову, дабы показать ему полученное мною письмо отъ брата Александра, коимъ онъ изъявляетъ ему признательность свою за участіе, принятое въ положеніи одного ссыльнаго Поляка. Окончивъ дѣло свое, я хотѣлъ идти, какъ онъ началъ меня разспрашивать о неудовольствіяхъ фельдмаршала на Чернышова, говоря, что фельдмаршалъ самъ просилъ его ходатайствовать въ Петербургѣ о назначеніи Гостомилова къ нему. Такъ какъ фельдмаршалъ самъ говорилъ мнѣ нѣсколько дней тому назадъ, что Левашовъ предлагалъ себя на сіе ходатайство и спрашивалъ даже совѣта моего, какъ поступить, принять ли его предложеніе или самому писать къ военному министру: то я могъ видѣть, что Левашовъ говорилъ неправду, будто фельдмаршалъ его о семъ просилъ. Я далъ ему разсказать все, что́ онъ хотѣлъ,

выслушавъ предложеніе его, но не принялъ онаго и не обѣщался даже сообщить слышаннаго фельдмаршалу, а разсказалъ ему, въ чемъ дѣло состояло. «Я это все обработаю, сказалъ Левашовъ, своимъ хвастливымъ тономъ, не пишите болѣе ничего». Слова его однакоже не могли никакъ служить мнѣ основаніемъ.

За симъ Левашовъ сталъ мнѣ разсказывать происшествіе его съ фельдмаршаломъ, случившееся весною, за которое они поссорились. «Дежурный генералъ, говорилъ онъ, былъ присланъ ко мнѣ фельдмаршаломъ, дабы объясниться на счетъ слуховъ о затрудненіяхъ, встрѣчающихся въ преобразованіи арміи, по случаю тому, что фельдмаршалъ службы не хочетъ оставить. Я пріѣхалъ, продолжалъ онъ, къ фельдмаршалу и объяснилъ ему о томъ, что̀ слышалъ отъ Государя на сей счетъ, и по отвѣту имъ мнѣ данному я предложилъ ему тогда же написать къ Государю письмо съ изложеніемъ отвѣта его. Я хотѣлъ письмо сіе при немъ же написать и прочесть ему для повѣрки, и я писалъ письмо сіе къ Государю; вотъ оно». И доставъ письмо сіе изъ подъ бумагъ, передъ нимъ лежавшихъ, онъ прочиталъ мнѣ оное. Въ письмѣ семъ, по-французски писанномъ, какъ видно съ умысломъ, чтобы предупредить всякія извѣстія, которыя бы могли дойти къ Государю о его нескромномъ поступкѣ относительно фельдмаршала, были совершенно скрыты причины, возродившія всѣ сіи толки, а только было сказано, что фельдмаршалъ, не считая себя не въ состояніи служить, хотѣлъ продолжать службу до конца дней своихъ; но что еслибы Государю угодно было сдѣлать какія-либо преобразованія въ арміи, то онъ бы весьма сожалѣлъ быть препятствіемъ исполнить волю Его Величества. «Я послалъ письмо сіе тогда же, сказалъ Левашовъ, и оно много послужило въ пользу фельдмаршалу; ибо Государь увидѣлъ готовность его оставить мѣсто сіе по желанію его. Но Государь положительно сказалъ, и то будетъ сохраняемо, что пока сей старецъ живъ, то его не оскорбятъ удаленіемъ отъ мѣста». Все сіе было сказано съ грубоскрытымъ умысломъ польстить намъ и поправить свои сношенія съ нами, къ чему его, можетъ быть, понуждали какія-либо замѣчанія, полученныя отъ Государя на счетъ его поступковъ.

— Показывали ли вы письмо сіе фельдмаршалу? спросилъ я.— «Показывалъ», отвѣчалъ Левашовъ. Но фельдмаршалъ мнѣ вчера сказывалъ, что онъ ему никогда не показывалъ письма и что онъ ничего не знаетъ объ ономъ, какъ равно никогда не просилъ его ходатайства по дѣлу о Гостомиловѣ, и только сообщилъ ему оное въ разговорѣ.

Левашовъ говорилъ мнѣ, что не должно было принимать фельдмаршалу столь къ сердцу отзывъ военнаго министра, происшедшій не отъ Государя, но вѣроятно отъ министра; ибо все безъ сомнѣнія за-

висѣло отъ того, какъ дѣло было представлено Государю. Я заключилъ изъ сего, что его собственныя сношенія съ министромъ должны были находиться въ дурномъ положеніи, и сіе подтвердилось еще полученнымъ мною вчера напечатаннымъ и циркулярно разосланнымъ отношеніемъ военнаго министра къ нему, въ коемъ излагался родъ замѣчанія, сдѣланнаго Государемъ по случаю самопроизвольнаго смѣщенія Левашовымъ Кіевскаго полицеймейстера, и отказъ на назначеніе по особымъ порученіямъ къ военному губернатору.

Я сказалъ Левашову, что меня безпокоила мысль, что неудовольствіямъ, получаемымъ отъ министра, можетъ быть, я причиною; что сіе не попрепятствуетъ мнѣ исполнять обязанность свою и, по приказанію лично мнѣ отданному Государемъ, я буду всегда стараться угодить ему, но что съ концемъ его вѣроятно и я кончу службу и, наконецъ, что оскорбленія, получаемыя фельдмаршаломъ, я не могу не принимать къ сердцу, какъ по душевному уваженію, которое я къ нему имѣю, такъ и по званію его, какъ начальника, которое привыкъ уважать, а потому и останусь ему всегда вѣрнымъ.

Можетъ быть, память измѣнила фельдмаршалу; но онъ утвердительно отвергъ слова Левашова и сказалъ, что не видѣлъ писаннаго имъ письма къ Государю и не просилъ ходатайства его о Гостомиловѣ.

Я не совѣтовалъ ему принять ходатайство Левашова. «Ты мнѣ зла не желаешь, сказалъ онъ; мнѣ все равно, какъ бы сіе ни случилось. Я старъ, слабъ, мнѣ Гостомиловъ нуженъ передъ концомъ моимъ, и я желаю только сего назначенія». Онъ подписалъ изготовленное по приказанію его формальное представленіе о назначеніи Гостомилова къ состоянію при арміи; въ представленіи семъ давалось безъ упрека чувствовать поступокъ Чернышова и неумѣстный отзывъ его. «По крайней мѣрѣ, сказалъ онъ, подписавъ бумагу сію, не моя вина будетъ; я все сдѣлалъ, что́ могъ, и ему послѣ сего останется только выдти въ отставку».

26-го ввечеру пріѣхалъ сюда Дмитрій Ерофѣевичъ Сакенъ съ сыномъ своимъ, для опредѣленія его въ Университетъ, и остановился на квартирѣ у меня.

30-го числа выѣхалъ отсюда Корсаковъ, губернаторъ Волынскій, квартировавшій у меня въ домѣ, а 31-го выѣхалъ Сакенъ.

7-го проѣздомъ черезъ Кіевъ въ Петербургъ былъ у меня генералъ-адъютантъ Киселевъ, который въ тотъ же день поѣхалъ далѣе. Надобно полагать, что онъ призванъ Государемъ для занятія какой-либо важной должности, и что онъ уже примирился съ происшествіемъ, которое съ нимъ въ Орлѣ случилось. Онъ теперь все хвалится пріятностію, съ коею онъ провелъ четыре мѣсяца въ деревнѣ, и будто

устранилъ отъ себя совершенно всѣ виды честолюбія; но при всемъ умѣ его видны тайныя удовольствія и надежды. Такъ и должно дѣйствовать человѣку, чувствующему свои достоинства для достиженія видовъ своихъ.

Кіевъ 18 Марта.

Въ теченіи сего времени не произошло ничего особеннаго. Замѣчено мною только то, что фельдмаршалъ ежедневно возрасталъ въ умственныхъ силахъ своихъ, въ коихъ онъ было ослабъ зимою. Онъ нынѣ обращаетъ вниманіе на подписываемыя имъ бумаги болѣе чѣмъ когда либо, со времени поступленія моего въ должность начальника штаба, и уже не такъ часто и не съ такимъ жаромъ отзывается на счетъ военнаго министра Чернышова и графа Левашова. Разговоръ его чрезвычайно занимателенъ, и онъ сталъ гораздо бодрѣе и веселѣе. Ему недостаетъ только ногъ, чтобы въ полнотѣ соотвѣтствовать званію своему и обязанностямъ, на немъ возлегающимъ.

23-го, около четырехъ часовъ пополудни, графъ Левашовъ послалъ просить меня къ себѣ. Когда я прибылъ къ нему, онъ показалъ мнѣ полученное имъ отъ военнаго министра письмо, въ коемъ тотъ излагаетъ волю Государя, дабы онъ по совѣщаніи со мною избралъ лучшія средства для объявленія фельдмаршалу о сдѣланныхъ Государемъ распоряженіяхъ для упраздненія первой арміи, въ намѣреніи сократить симъ государственные расходы, при чемъ поручено ему въ семъ случаѣ поступить съ самою большою осторожностью, и приложена копія съ рескрипта на имя фельдмаршала, въ коемъ его приглашаютъ прибыть въ Петербургъ, гдѣ для него будетъ приготовлено помѣщеніе въ одномъ изъ дворцовъ. Рескриптъ сей написанъ въ весьма лестныхъ выраженіяхъ.

Сколько такая мѣра ни справедлива (ибо штабъ сей арміи стоитъ весьма дорого и совершенно излишенъ въ мирное время), но не менѣе того должно-бы сохранить болѣе приличія въ изъявленіи воли Государя и не мѣшать никого постороннихъ въ отношеніяхъ Государя къ фельдмаршалу, и отнюдь не Левашова, извѣстнаго врага князю.

По прочтеніи мною сихъ бумагъ, Левашовъ позвалъ фельдъегеря. Тотъ вручилъ мнѣ точно такое же письмо отъ военнаго министра, коимъ мнѣ предложено также переговорить сперва съ Левашовымъ о лучшихъ средствахъ для доклада фельдмаршалу объ уничтоженіи арміи; при ономъ была копія съ рескрипта, и сверхъ того копія съ рапорта военнаго министра въ собственныя руки (фельдъегерю, какъ я послѣ узналъ, было приказано отъ военнаго министра такимъ образомъ вручить бумаги).

Рапортъ сей заключалъ подробности касательно расформированія арміи, и въ немъ было сказано, что фельдмаршалъ остается въ своемъ званіи до перваго Сентября, съ котораго времени расформировывается армія.

По совѣщаніи съ Левашовымъ, я просилъ его оставить оное до вечера, дабы имѣть время подумать. Ввечеру же, пріѣхавъ къ нему опять, я изложилъ мнѣніе свое, что такъ какъ фельдмаршалъ на него былъ въ неудовольствіи (чтò и самъ Левашовъ говорилъ), то я полагалъ бы всего приличнѣе, чтобы я на себя взялъ объявленіе ему рескрипта, ибо присутствіе Левашова могло-бы только причинить ему вящее огорченіе. На это Левашовъ согласился, и какъ онъ меня спрашивалъ о подробностяхъ, съ коими я приступлю къ исполненію сего, то я сказалъ ему, что передамъ все какъ было и упомяну о полученныхъ нами письмахъ. Съ этимъ я и вышелъ.

Во все время разговора сего Левашовъ не успѣлъ скрыть радости, которая блистала на лицѣ его, и свидѣтельствовала въ немъ, какъ и въ разговорахъ его, чувства, не дѣлающія ему чести, ибо онъ хвалился нѣсколько разъ какими-то важными одолженіями, которыя онъ оказывалъ фельдмаршалу. Я ему сказалъ наконецъ: Mais vous devriez faire valoir vos services auprès du maréchal.--Non, je ne voudrais pas les faire valoir. Je ne sais pas vraiment pourquoi il m'en veut.—La raison en est celle que vous connaissez bien, ce sont les bruits que vous avez répandus cet automne sur sa prochaine déchéance [1]).

Тутъ онъ сталъ оправдываться и между прочимъ сказалъ мнѣ, что я не долженъ представлять дѣла сего фельдмаршалу въ видѣ немилости. Le maréchal n'a pas de disgrâce à craindre, отвѣчалъ я ему, il n'a que la mort devant lui, et sa réputation est au-dessus de toute atteinte [2]).

Возвратившись домой, я послалъ за Карповымъ и сообщилъ ему извѣстія мною полученныя, поручивъ ему на другой день, т. е. сегодня, сходить къ фельдмаршалу поранѣе и предупредить его, что пріѣхалъ ночью фельдъегерь, который привезъ бумаги въ штабъ, и что въ сихъ бумагахъ замѣтны распоряженія, какъ-бы относящіяся къ расформированію арміи, давно ожидаемому (какъ ему самому то было извѣстно,

---

[1]) Но вамъ слѣдовало бы заявить о вашихъ услугахъ фельдмаршалу.—Нѣтъ, я этого не хотѣлъ бы. По истинѣ я не знаю, отчего онъ на меня дуется.—Причину вы знаете хорошо: это слухи, которые шли отъ васъ прошлую осень о его близкомъ паденіи.

[2]) Фельдмаршалу нечего бояться немилости; ему осталась одна смерть, репутація же его выше всякихъ нападковъ.

ибо въ бумагахъ сихъ всё ссылаются на какой-то рапортъ, который вѣроятно я уже получилъ). Приготовительную мѣру сію считалъ я необходимою, дабы не поразить вдругъ старика, и Карповъ принялъ на себя порученіе сіе, но просилъ меня не сообщать ему подробностей о мѣрахъ предписанныхъ министромъ для объявленія ему рескрипта; ибо фельдмаршалъ, по мнѣнію его, приметъ съ благоговѣніемъ всякое повелѣніе Государя, лично къ нему обращенное, но оскорбится какимъ либо участіемъ въ семъ дѣлѣ, особливо Левашова и министра. Сіе призналъ я справедливымъ, а потому и отправился часу уже въ 12-мъ ночи къ Левашову, дабы объявить ему объ измѣненіяхъ, которыя я положилъ сдѣлать въ условленномъ нами обрядѣ объявленія фельдмаршалу объ уничтоженіи арміи. Я засталъ его уже спящимъ, а потому отложилъ сіе до будущаго дня.

Кіевъ, 25 Марта.

24-го поутру я отправился къ Левашову и сообщилъ ему мысли мои. Онъ противился имъ, говоря, что надобно непремѣнно сообщить фельдмаршалу предписанныя намъ мѣры, дабы онъ видѣлъ, сколь великодушенъ Государь, предвидѣвшій, какъ подобныя мѣры могли тронуть фельдмаршала. Но я не согласился на сіе и, напротивъ того, говорилъ, что Государь никакой не имѣлъ надобности выставлять сего великодушія, знаменующагося въ другихъ поступкахъ его, и что именно благотворность сей цѣли не была бы достигнута, если-бы ему сообщить обстоятельства сіи, которыя бы онъ принялъ за оскорбленіе, какъ участіе стороннихъ лицъ въ дѣлѣ ему столь близкомъ. Я просилъ его еще сверхъ того не ѣздить въ тотъ-же день къ фельдмаршалу, и онъ согласился отложить посѣщеніе свое до другаго дня; насчетъ перваго-же сказалъ, что поступитъ смотря по тому, въ какомъ найдетъ фельдмаршала расположеніи духа. Я хотѣлъ даже, чтобы онъ и совсѣмъ не ходилъ къ нему; но онъ не согласился на сіе, говоря, что ему надобно же отвѣчать министру, и что онъ не можетъ сего сдѣлать, не видѣвъ самъ фельдмаршала, причемъ онъ мнѣ совѣтовалъ писать къ министру. Я сказалъ ему, что мнѣ нечего писать, ибо меня ни о чемъ не спрашиваютъ, а только поручаютъ дѣло, которое я и исполнилъ. «Но изъ вѣжливости надобно-бы сдѣлать сіе, сказалъ онъ, и дать отвѣтъ на письмо съ отчетомъ».—Отчетомъ я обязанъ только словесно Государю, сказалъ я, ибо и приказанія я получилъ отъ него изустно. Отвѣтъ сей пріостановилъ его.

Тутъ онъ сталъ опять распространяться на счетъ дѣланныхъ имъ угожденій фельдмаршалу. «Я выхлопоталъ ему назначеніе сына его Гостомилова,» который точно былъ назначенъ, вопреки перваго отзыва министра, состоять при фельдмаршалѣ (о чемъ почти въ одно время

получены были высочайшій приказъ и письмо Левашова, съ мѣсяцъ тому назадъ, когда Левашовъ ѣздилъ въ Петербургъ). Но фельдмаршалъ тогда же замѣтилъ, что Левашовъ напрасно къ себѣ относилъ сію заслугу, тогда какъ все было сдѣлано по собственному ходатайству фельдмаршала. Я сказалъ Левашову, что сіе назначеніе послѣдовало по представленію фельдмаршала.—«Фельдмаршалу отказали, сказалъ онъ (не знавши, что было вторичное представленіе). Я четыре раза просилъ Государя, и Государь сказалъ мнѣ, что онъ собственно для меня исполняетъ желаніе». Я тогда объявилъ Левашову, что князь входилъ съ вторичнымъ представленіемъ и полагаетъ, что его именно Государь уважилъ.

Въ то время Карповъ проѣхалъ мимо окна Левашова, который, увидя сіе, нѣсколько встревожился. Онъ ѣдетъ къ фельдмаршалу, сказалъ я, для предваренія его о полученныхъ бумагахъ. Я возвратился домой; а за тѣмъ вслѣдъ пріѣхалъ ко мнѣ Карповъ и сказалъ, что онъ предварилъ князя о какихъ-то полученныхъ бумагахъ, въ коихъ ссылались на рескриптъ, вѣроятно мною полученный, и въ коемъ, какъ можно было полагать, содержались распоряженія для упраздненія арміи. Фельдмаршалъ принялъ сіе равнодушно и сказалъ, что сія цѣль Государя еще вѣроятно съ давняго времени и со времени его свиданія съ Австрійскимъ императоромъ, и сталъ говорить о политикѣ. Когда же Карповъ спросилъ его, не угодно-ли ему, чтобы я тотчасъ пришелъ, то онъ отвѣчалъ: «когда ему будетъ угодно», весьма хладнокровно.

Я не замедлилъ къ нему явиться.

«Фельдъегеръ пріѣхалъ, сказалъ онъ, какія новости?»—Васъ уже предупредилъ дежурный генералъ о полученныхъ бумагахъ. Я получилъ такія-же и полагаю, что рескриптъ сей заключаетъ что либо о расформированіи арміи.—Онъ не взялъ его въ руки и приказалъ распечатать и прочитать. Когда я дошелъ до мѣста, гдѣ его приглашаютъ въ Петербургъ въ одинъ изъ дворцовъ Государя, дабы пользоваться его совѣтами и опытностью, онъ улыбнулся и сказалъ: «Гутъ моргенъ!» (обыкновенная его поговорка въ случаяхъ противурѣчащихъ его видамъ). Потомъ я вынулъ рапортъ военнаго министра въ собственныя руки его. Онъ тоже велѣлъ мнѣ его распечатать и прочесть. Когда же я дошелъ до мѣста, гдѣ сказано, что первая армія остается въ составѣ своемъ до перваго Сентября подъ его начальствомъ, то онъ съ сожалѣніемъ сказалъ, что надѣялся завтра выѣхать. Дошедши до мѣста, гдѣ меня назначали начальникомъ комитета, послѣ перваго Сентября учреждающагося, для окончанія передачи интендантства и Тульчинской коммиссіи, онъ сказалъ:—«Ну, я тебя съ симъ не поздравляю».—Я не останусь здѣсь послѣ вашего сіятельства, сказалъ я.—«Нѣтъ, братъ,

на что это? отвѣчалъ онъ. «Ты продолжай служить». Потомъ онъ нѣсколько задумался, но вообще показывалъ много твердости духа при выслушаніи чтенія и нисколько не измѣнился въ лицѣ. Я старался всячески убѣдить его, что перемѣна сія нисколько не относилась къ лицу его, чтó доказывалось тѣмъ, что армія остается въ своемъ составѣ до перваго Сентября, а что сіе было только исполненіе давнишней цѣли Государя, чтó доказывалось и тѣмъ, что армія сія сохранила номеръ свой, тогда какъ другая называлась дѣйствующею; что предположеніе сіе давно ему самому было извѣстно, и тому подобное. Онъ на все отвѣчалъ со спокойствіемъ духа, не изъявлялъ ничего опредѣлительнаго, но спросилъ однакоже, куда дѣнутся его адъютанты?—Вѣроятно при васъ останутся тѣ, которыхъ вы пожелаете имѣть.—«Нѣтъ, я не хочу сего, если сего не должно быть» сказалъ онъ. «Пущай они къ своимъ мѣстамъ отправляются въ такомъ случаѣ». Когда я уходилъ отъ него, онъ приказалъ мнѣ списать копію съ рапорта военнаго министра и доставить ему оную, но спросилъ меня (какъ-то было въ Воскресеніе), былъ-ли я уже у обѣдни?—Нѣтъ.—«Да ты уже ѣздилъ со двора сегодня?»—Я не былъ у обѣдни. «Да гдѣ-жъ ты былъ?»—Я былъ у Левашова. И онъ болѣе ничего не спрашивалъ. Не знаю, кто ему сообщилъ сіе извѣстіе; можетъ быть люди, можетъ быть Карповъ, который, проѣзжая мимо Левашова, видѣлъ дрожки мои у дверей его; но Карповъ увѣрялъ меня, что онъ ему не говорилъ.

Мнѣ послѣ сказывали, что фельдмаршалъ выходилъ къ собравшимся чиновникамъ штаба и, прощаясь съ ними, объявилъ, что армія расформировывается. Онъ былъ нѣсколько встревоженъ, но крѣпился. Онъ также говорилъ наединѣ Карпову, что поѣдетъ въ Митаву.

Я остался обѣдать у него. Онъ былъ по обыкновенному и скрывалъ, какъ видно, огорченіе свое. Человѣкъ сей, высокихъ качествъ и дарованій, замѣчателенъ въ сіи минуты скорби.

Если нужно было уничтожить армію, то должно бы исполнить сіе съ бóльшимъ уваженіемъ къ лѣтамъ и недугамъ его.

25-го фельдмаршалъ изъявилъ желаніе написать письмо къ Государю и потому поручилъ мнѣ составить оное. Я изготовилъ ихъ пять различнаго содержанія, съ тѣмъ, чтобы онъ могъ избрать лучшее, и притомъ пригласилъ его самому переписать письмо, на что онъ и согласился. Но письмо сіе не поспѣло вчера по утру, почему я отложилъ дѣло сіе до сегодняшняго дня. Я предупредилъ фельдмаршала, что Левашовъ хотѣлъ у него быть, на что онъ сказалъ: «Какъ онъ хочетъ, это отъ него зависитъ».

Оттуда я поѣхалъ къ Левашову и повторилъ ему опять просьбу мою не упоминать при свиданіи съ княземъ о письмахъ военнаго ми-

нистра, и нашелъ его совершенно инымъ: онъ на все соглашался и былъ очень предупредителенъ; согласился даже сказать, что фельдъегерь къ нему являлся только по званію его генералъ-губернатора, но что онъ былъ адресованъ въ штабъ арміи. Но сего не было, ибо фельдмаршалъ вскорѣ узна́етъ черезъ приближенныхъ своихъ вѣроятно, что фельдъегеръ былъ адресованъ къ Левашову, а не къ нему, что́ и было причиною тому, что когда я спросилъ его, угодно-ли ему будетъ видѣть фельдъегеря при отправленіи, то онъ сказалъ, что нѣтъ, потому что фельдъегерь не къ нему, а къ Левашову посланъ.

Часу въ 12 утра Левашовъ пошелъ къ фельдмаршалу. Мнѣ тотчасъ дали знать о семъ (о чемъ я прежде приказывалъ, дабы присутствовать при ихъ разговорѣ, съ тою цѣлью, чтобы Левашовъ не оскорбилъ старика какими либо нескромными рѣчами, похвалою, отъ чего могла произойти непріятная встрѣча; ибо старикъ при всей слабости своей не вытерпѣлъ бы сего и попралъ-бы Левашова). Я ихъ засталъ уже вмѣстѣ разговаривавшими скромно и о постороннихъ предметахъ. Князь первый началъ тѣмъ, что объявилъ Левашову о расформированіи арміи, и Левашовъ не сообщилъ ему ничего о полученныхъ имъ письмахъ. Когда Левашовъ уѣхалъ, фельдмаршалъ сталъ говорить объ Австрійскомъ императорѣ. Странно, сказалъ я, видѣть народъ подобно Австрійскому любящій Государя своего и ненавидящій правленіе. Наслѣдникъ его Фердинандъ, продолжалъ я, не взирая на ограниченность его дарованій, останется на престолѣ и будетъ царствовать. Фельдмаршалъ, промолчавъ нѣсколько, сказалъ: «При семъ случаѣ я не могу не вспомнить двухъ стиховъ, найденныхъ мною въ одной Французской книгѣ:

Si l'homme veut régner, il faut que l'homme expire;
Au dela du tombeau est placé son empire [1]).

«И я, сказалъ онъ, надписалъ сіи стихи на вышинѣ этой картины, изображающей монументъ, поставленный въ Петербургѣ въ память покойнаго императора Александра».—Я всталъ и, обернувъ картину, нашелъ сію надпись, сдѣланную карандашомъ его собственною рукою 20 Сентября 1834 года. Надпись сію, сказалъ я, должно бы написать спереди картины. Ce serait trop d'affectation [2]), отвѣчалъ старикъ.

Въ теченіе дня сего всѣ умственныя и тѣлесныя силы его были напряжены, отчего онъ былъ очень бодръ; но огорченіе замѣтно было сквозь притворно-веселый видъ его.

---

[1]) Если человѣкъ хочетъ властвовать, ему надобно умереть; за предѣлами могилы находится его власть.

[2]) Это было бы слишкомъ изысканно.

Левашовъ ознаменовалъ день сей нескромностію, ибо онъ поѣхалъ къ князю Яшвилю и объявилъ о полученныхъ имъ бумагахъ и копіи съ рескрипта. Извѣстіе сіе вскорѣ и по всему городу разошлось, съ различными несносными слухами, объ изгнаніи отсюда главной квартиры по ходатайству Левашова. Между тѣмъ самое упраздненіе штаба погрузило въ уныніе всѣхъ чиновниковъ онаго, давно уже поселившихся здѣсь и принявшихъ осѣдлость.

Такъ какъ письмо къ Государю не поспѣло, то я посылалъ адъютанта просить Левашова, чтобы задержать нѣсколько фельдъегеря, на что онъ тотчасъ согласился, сказавъ, что фельдъегерь сей въ совершенномъ моемъ распоряженіи.

Кіевъ, 27 Марта.

26-го я отнесъ фельдмаршалу пять писемъ къ Государю на выборъ и прочиталъ ихъ. Онъ отбросилъ изъ нихъ одно за сухостью слога, три за узорливостью онаго, а одно избралъ и самъ переписалъ оное рукою своею, хотя съ большимъ трудомъ, но съ помощью моею (ибо ему надобно было указывать почти каждую букву въ словахъ длинныхъ). По окончаніи письма онъ велѣлъ мнѣ прочесть оное и посмотрѣть, нѣтъ ли ошибокъ, сказавъ обыкновеннымъ своимъ жалобнымъ въ такомъ случаѣ голосомъ: «Ему бѣдному трудно будетъ разбирать мое писаніе». Я замѣтилъ только, что въ первыхъ словахъ письма сего (писанныхъ безъ меня, пока я въ штабъ ходилъ) онъ написалъ всевысочайшій рескриптъ вмѣсто высочайшій.—«Ну, братъ», сказалъ онъ улыбнувшись, «это не замай, такъ останется; въ этомъ бѣды нѣтъ; за это ничего не будетъ, это никогда не лишнее». Вотъ содержаніе письма сего.

Всемилостивѣйшій Государь! Всевысочайшій рескриптъ, которымъ Вашему Императорскому Величеству благоугодно было меня удостоить 17-го сего Марта, принялъ я со всегдашнимъ моимъ безпредѣльнымъ благоговѣніемъ къ священной монаршей волѣ. Къ точному оной выполненію я немедленно сдѣлаю всѣ нужныя распоряженія.

Примите, Ваше Императорское Величество, изліяніе чувствъ благодарности за всемилостивѣйшее вниманіе къ моей службѣ, дарованіемъ при концѣ дней моихъ пріюта.

Чувствую, что скоро долженъ буду окончить поприще долголѣтней жизни моей. Мнѣ остается только просить Ваше Императорское Величество удостоить милостиваго воззрѣнія Вашего тѣхъ изъ моихъ сотрудниковъ, кои наиболѣе облегчали заботы мои по управленію арміею.

Съ чувствами вѣрноподданнической преданности имѣю счастіе пребыть Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйшій князь Сакенъ. 1835 года 26 Марта. Г. Кіевъ.

Отъ князя пошелъ я къ Левашову и сказалъ ему, что такъ какъ фельдмаршалъ разсудилъ писать къ Государю, то и я рѣшился писать къ военному министру, и отозвался, что дабы онъ видѣлъ, что̀ я пишу, я принесъ ему письмо сіе для прочтенія, и прочиталъ слѣдующее:

Ваше сіятельство, милостивый государь!

Я имѣлъ честь получить письмо вашего сіятельства отъ 19 Марта за № 1093-мъ съ приложеннымъ при ономъ высочайшимъ рескриптомъ на имя господина главнокомандующаго арміею и донесеніемъ вашимъ его сіятельству, 23-го числа сего мѣсяца. По совѣщаніи съ генералъ-адъютантомъ графомъ Левашовымъ, признавъ всякое постороннее въ семъ дѣлѣ участіе и предварительное сообщеніе воли Государя Императора оскорбительнымъ для чувствъ князя Фабіана Вильгельмовича и зная твердость его характера и безпредѣльную покорность велѣніямъ Государя Императора, мы со взаимнаго согласія положили вручить прямо высочайшій рескриптъ Его Императорскаго Величества, возобновивъ только въ памяти господина генералъ-фельдмаршала давно извѣстное по слухамъ предположеніе о преобразованіи арміи, что́ и было мною исполнено. Онъ прочиталъ рескриптъ съ совершеннымъ спокойствіемъ духа, слѣдствіе благоговѣнія къ священной для него волѣ Монаршей. Вѣсть сія не имѣла явнаго вліянія на его здоровье, находящееся въ желаемомъ состояніи. Его сіятельство нынѣ же приказать мнѣ изволилъ заняться приведеніемъ въ исполненіе основаній, на коихъ Государю Императору благоугодно было указать упраздненіе главнаго штаба первой арміи. Съ истиннымъ высокопочитаніемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть вашего сіятельства покорнѣйшимъ слугою. 26 Марта.

Левашовъ отвѣчалъ, что это сущность дѣла, какъ оно происходило, и что онъ въ письмѣ своемъ къ военному министру только увѣдомляетъ его, что извѣстіе сіе не имѣло вліянія на здоровье фельдмаршала, не объясняя подробностей; что онъ хотѣлъ бы мнѣ показать письмо сіе, которое впрочемъ уже запечатано. Я отказался отъ прочтенія онаго, говоря, что не имѣю въ семъ надобности, но предложилъ свое письмо въ другой разъ прочесть, дабы болѣе вникнуть въ содержаніе онаго; но Левашовъ сказалъ, что онъ его хорошо понялъ, и что оно совершенно сообразно съ дѣломъ.

Тогда я ему сказалъ, сколько мнѣ прискорбно было узнать отъ самого фельдмармала, что копія съ рескрипта была прежде доставлена къ нему; ибо сіе очень огорчило князя. Левашовъ смѣшался, сталъ оправдываться, что не онъ довелъ сіе до свѣдѣнія князя, и разсказалъ мнѣ все говоренное имъ съ княземъ наканунѣ, до моего прибытія. Я отвѣчалъ, что вѣрилъ ему и что полагалъ въ семъ виновными людей фельдмаршала или самыхъ близкихъ его; но что если я услышу отъ князя, что онъ знаетъ и о письмахъ, написанныхъ министромъ къ нему,

Левашову и ко мнѣ, то разскажу все, какъ было, и доложу сей отвѣтъ министру.

Тутъ Левашовъ, чувствуя себя виновнымъ въ нескромномъ, съ торжественнымъ видомъ, разглашеніи полученныхъ имъ бумагъ, сказалъ мнѣ съ изумленіемъ, что онъ однакоже не хотѣлъ скрывать отъ меня, что онъ говорилъ о семъ наканунѣ князю Яшвилю (что́ мнѣ было извѣстно...)

Возвратившись домой, я отправилъ фельдъегеря, вручилъ ему письмо фельдмаршала къ Государю и мое къ министру и приказалъ ему на вопросы Его Величества или министра о состояніи фельдмаршала сказать, что его сіятельство остался въ добромъ здоровьи.

Кіевъ, 28-го Марта.

27-го. Вышедши во время доклада отъ фельдмаршала, я былъ отозванъ живущею у него гувернанкою при его дочери. Мадамъ Метель, иностранка, женщина очень умная и имѣющая вліяніе на образъ мыслей фельдмаршала. Она сообщила мнѣ, что попечитель здѣшняго университета графъ Ильинскій, по наущенію Левашова, просилъ ея увѣдомленія, приметъ ли князь депутацію отъ Польскаго дворянства, коего цѣлью было бы пригласить его остаться на жительствѣ въ Кіевѣ; что Левашовъ хотѣлъ озаботиться исправленіемъ дома для князя и попеченіями свои́ми пріобрѣсти званіе пріемнаго сына его, какъ человѣка, къ коему онъ питаетъ безпредѣльную преданность; но что, не желая получить отказъ, дворянство поручило ему развѣдать, какъ князь приметъ подобное предложеніе, о чемъ онъ убѣдительнѣйше и просилъ мадамъ Метель, а она въ отвѣтъ ему сказала, что не вмѣшивается въ подобнаго рода дѣла, и сообщила мнѣ о семъ.

Видя, что въ несообразномъ со здравымъ разсудкомъ дѣлѣ семъ является какой-либо другой умыселъ, вѣроятно стараніе развѣдать, куда фельдмаршалъ располагаетъ ѣхать по упраздненіи арміи, или происки Левашова, устрашившагося послѣдствій отъ нескромнаго своего поведенія и надѣющагося сими нелѣпыми средствами понравиться фельдмаршалу, я отвѣчалъ, что такъ какъ князь никогда со мною не говорилъ о домашнихъ дѣлахъ своихъ, то онъ, вѣроятно, и въ семъ случаѣ не спроситъ ни моего, ни чьего совѣта, а поступитъ какъ заблагоразсудится; а что ей я совѣтовалъ сдѣлать такой же отзывъ графу Ильинскому, сказавъ ему, что дѣло сіе до нея не касается. А какъ она спрашивала моего мнѣнія на счетъ того, чтобы фельдмаршалу здѣсь оставаться, то я отвѣчалъ ей, что не вижу препятствій къ тому, если онъ сего пожелаетъ...

28-го фельдмаршалъ былъ въ бодромъ духѣ, веселъ и не говорилъ о случившейся перемѣнѣ. Только когда я ему подалъ къ подписанію одну бумагу къ военному министру, то, прочитавъ конецъ, въ коемъ было сказано: съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностію, онъ не хотѣлъ было подписывать ее. «Какъ я подпишу сіе, говорилъ онъ, когда я не имѣю къ нему сихъ чувствъ и всего менѣе преданности? Это нелѣпо!» Я едва уговорилъ его подписать сію бумагу, представляя ему, что и выраженіе «покорнаго слуги» не имѣетъ никакого смысла, и что вѣроятно со временемъ пустословныя выраженія сіи отбросятся въ обществѣ, но что теперь перемѣнить сіе въ бумагахъ его къ военному министру было-бы слишкомъ замѣтно. Онъ, подписавъ бумагу, сказалъ въ шутку, что возлагаетъ сіе на мою совѣсть, и приказалъ подумать, какъ бы сіе перемѣнить.

Кіевъ, 5 Апрѣля.

Недавно полученъ былъ отъ военнаго министра рапортъ, коимъ онъ, по волѣ Государя, увѣдомлялъ фельдмаршала о дошедшихъ слухахъ, будто нижніе чины, ходящіе здѣсь въ караулъ, вдаются въ побѣги съ тою цѣлю, чтобы попасть послѣ въ арестантскія роты, и что они къ сему побуждены дурнымъ содержаніемъ получаемымъ ими въ Кіевѣ, коего жители не даютъ приварка; а потому и спрашивалось мнѣнія фельдмаршала, какъ поступить въ такомъ случаѣ для улучшенія содержанія нижнихъ чиновъ, ходящихъ въ караулъ, и на счетъ какого вѣдомства отнести расходъ сей.

Прежде сего спрашивали отзыва Левашова, могутъ ли жители Кіева давать приварокъ солдатамъ, и не имѣетъ ли онъ на сіе какихъ либо средствъ, на что Левашовъ и отозвался, что нѣтъ правила или закона давать приварокъ постояльцамъ, что жители слишкомъ бѣдны для сего, и что онъ не имѣетъ никакихъ на сіе средствъ.

Сіе было представлено министру, и испрашивалось отпуска круглый годъ караульнымъ по 10 копѣекъ въ день изъ казны, какъ сіе дѣлается нынѣ только въ осенніе и весенніе мѣсяцы, съ отнесеніемъ сего расхода на счетъ того вѣдомства, которое признается къ сему подлежащимъ отъ военнаго министра.

Дня три тому назадъ полученъ рапортъ военнаго министра, при коемъ приложена копія съ рапорта полученнаго имъ отъ Левашова по сему случаю. Левашовъ въ рапортѣ своемъ излагаетъ тѣже причины къ отпуску, которыя были имъ представлены фельдмаршалу, съ прибавленіемъ, что городъ и безъ того отягощенъ уже постоемъ, въ особенности по случаю пребыванія здѣсь главной квартиры арміи, и въ концѣ рапорта говоритъ, что доноситъ о семъ на случай, еслибъ

фельдмаршалъ вошелъ съ представленіемъ о семъ. Преждевременное донесеніе сіе, котораго отъ него не требовали, и предосторожность были совершенно неумѣстны; но почему военный министръ сообщилъ ихъ фельдмаршалу, тоже трудно было опредѣлить.

По докладѣ мною сего князю, онъ засмѣялся и нашелъ, что донесеніе Левашова не основательно: ибо главная квартира не только не обременяетъ города, но, напротивъ того, служитъ къ обогащенію его, ибо чиновники издерживаютъ здѣсь до милліона рублей ежегодно, и квартиры всѣ наемныя, а не отводныя; что-же касается до причинъ, по коимъ министръ ему сообщилъ рапортъ Левашова, то онъ сказалъ, что министру хотѣлось, чтобы онъ побранился съ Левашовымъ, но что ему въ семъ не удастся, и приказалъ оставить дѣло сіе безъ вниманія. Однимъ презрѣніемъ можно достойно отвѣчать на подобные поступки.

Завтра, 14-го, я отправлюсь въ Харьковъ для осмотра полковъ 13-й пѣхотной дивизіи.

Харьковъ, 17 Апрѣля.

16-го я прибылъ сюда и сего числа приступилъ къ смотрамъ. Здѣсь я нашелъ изъ прежнихъ знакомыхъ губернатора князя Трубецкаго, у коего сегодня обѣдалъ, Розена, коего я зналъ въ Грузіи разжалованнымъ, Распопова, губернскаго почтмейстера, и прокурора Гриневича.

8 Мая, Кіевъ.

Окончивъ смотръ 13 дивизіи и навѣстивъ въ городѣ Кобелякахъ больныхъ Томскаго егерскаго полка, я возвратился чрезъ Кременчугъ 25 числа Апрѣля въ Кіевъ.

На дняхъ было у насъ здѣсь одно забавное происшествіе, ясно показывающее поведеніе Левашова относительно фельдмаршала.

Фельдмаршалъ приказалъ по вечерамъ играть полковой музыкѣ, и для сего назначено ей было то мѣсто, гдѣ она собиралась въ прошломъ году, на берегу Днѣпра, не подалеку отъ гауптвахты (гдѣ ее нельзя было ставить, потому что музыканты задыхались отъ пыли). На другой день Левашовъ, проѣзжая мимо музыки, приказалъ находившемуся при музыкѣ плацъ-адъютанту главной квартиры переставить музыку къ гауптвахтѣ или въ казенный садъ; но плацъ-адъютантъ, не исполнивъ сего, доложилъ мнѣ о семъ по командѣ. На другой день я сказалъ о семъ фельдмаршалу и спросилъ его, какъ онъ прикажетъ сіе сдѣлать; что мѣсто при гауптвахтѣ неудобно при чрезмѣрной пыли, почему князь и не приказалъ туда выводить музыку, а оставить ее гдѣ прежде было назначено. Когда же я спросилъ на счетъ помѣщенія ея въ саду, то князь сказалъ, что такъ какъ тамъ

никто не бываетъ, то и нѣтъ надобности туда посылать музыку. Если Левашовъ будетъ отъ меня требовать перемѣщенія музыки, спросилъ я, то какъ прикажете поступить?—«Тогда скажи ему, чтобы онъ мнѣ о семъ доложилъ». Посему я приказалъ коменданту главной квартиры маіору Габелю поставить на другой день музыку на томъ-же мѣстѣ и если-бы Левашовъ спросилъ у него, за чѣмъ она не переведена, то отвѣчать, что ему такъ отъ начальства приказано, въ томъ предположеніи, что Левашовъ обратится съ симъ дѣломъ ко мнѣ.

Все сіе было исполнено, и когда Левашовъ, проѣзжая ввечеру мимо музыки съ женою своею въ кабріолетѣ, спросилъ Габеля, за чѣмъ музыка не переставлена по его приказанію, то Габель отвѣчалъ ему, что ему такъ отъ начальства приказано. Левашовъ настаивалъ, но Габель не исполнялъ, не взирая на угрозы его, произнесенныя съ запальчивостію, съ хлыстикомъ въ рукахъ.—«Я васъ заставлю повиноваться, кричалъ онъ на Габеля. Какъ вы смѣете не слушаться? Я вамъ приказываю переставить музыку», и Габель, наконецъ, устрашенный сими угрозами, оробѣлъ и велѣлъ музыкѣ перейти къ гауптвахтѣ, а самъ прибѣжалъ ко мнѣ совсѣмъ смущенный и объявилъ о семъ происшествіи.

Такой грубый и неумѣстный поступокъ Левашова не могъ мнѣ понравиться; но дабы пріостановить дальнѣйшій шумъ на сей день, я приказалъ музыку отпустить домой, а Габеля послалъ къ Левашову сказать, что я ее сегодня отпустилъ во избѣжаніе дальнѣйшихъ неудовольствій, но что она тутъ была поставлена по приказанію фельдмаршала и завтра также будетъ поставлена; а что если ему сіе не угодно, то онъ можетъ о семъ доложить князю. Между тѣмъ самъ я отправился въ садъ, въ надеждѣ его тамъ найти, но уже не засталъ его. Возвратившись домой, я переодѣлся и поѣхалъ въ концертъ, въ тотъ вечеръ даваемый, въ строеніи близъ сада; но какъ улица перемащивалась, то не могъ я прямою дорогою туда попасть и поѣхалъ кругомъ мимо квартиры Левашова. Тутъ меня встрѣтилъ дежурный генералъ и сказалъ, что нельзя было и тамъ проѣхать по той же причинѣ, почему я приказалъ повернуть карету. Но Карповъ слѣзъ съ дрожекъ и подошелъ къ каретѣ доложить мнѣ о случившемся съ музыкою. Къ тому-же времени подошелъ и Габель, который ходилъ къ Левашову и не засталъ его дома, и я повторилъ Карпову тоже приказаніе, которое отдалъ за полчаса Габелю, что́ слышали люди Левашова, стоявшіе въ то время на крыльцѣ.

Ввечеру Габель возвратился ко мнѣ съ отвѣтомъ отъ Левашова, что онъ, какъ военный губернаторъ города—начальникъ всего гарнизона и можетъ располагать музыкою, какъ хочетъ, а потому и требовалъ,

чтобы она была на назначенномъ имъ мѣстѣ; что онъ завтра пошлетъ коменданта крѣпости генерала Трузсона повѣрить, исполнено-ли его приказаніе и самъ будетъ при музыкѣ, и что если фельдмаршалу сіе неугодно, то-бы его сіятельство написалъ ему повелѣніе, которое онъ исполнитъ и донесетъ о томъ военному министру для доклада Государю. Получивъ отвѣтъ сей, я принялъ намѣреніе самъ отправиться къ музыкѣ на другой день, дабы не допустить его никоимъ образомъ къ такому явному нарушенію всѣхъ правилъ благочинія и изъявленію столь грубаго неуваженія къ приказаніямъ фельдмаршала.

Въ слѣдующее утро пріѣхалъ ко мнѣ комендантъ генералъ-маіоръ Трузсонъ съ объявленіемъ отъ имени военнаго губернатора, дабы музыка была на назначенномъ имъ мѣстѣ, прося отвѣта. Я отвѣчалъ, что сему не бывать, пока фельдмаршалъ не прикажетъ, и поручилъ ему передать сіе графу Левашову. Доложивши же о томъ фельдмаршалу, я опять спросилъ, не прикажетъ ли онъ музыкѣ собираться въ саду. Но князь рѣшительно не хотѣлъ сего и приказалъ музыкѣ быть на назначенномъ имъ мѣстѣ, самъ поѣхалъ посмотрѣть избираемое Левашовымъ и нашелъ его пыльнымъ и неудобнымъ, а потому, вызвавъ съ гауптвахты караульнаго офицера, лично велѣлъ ему, чтобы музыка была на указанномъ имъ мѣстѣ, приказалъ сіе еще лично самъ Габелю и послалъ его къ Левашову сказать, что онъ не находитъ его мѣсто удобнымъ. Левашовъ отвѣчалъ, что онъ велѣлъ поправить сіе мѣсто и приготовить его со всѣми удобствами для помѣщенія музыки, а потому и проситъ, чтобы ее поставить по его желанію; но фельдмаршалъ, отдавшій уже съ твердостію приказанія свои, соблюлъ при семъ самую ловкую вѣжливость: онъ велѣлъ сказать Левашову, что онъ *проситъ* его о семъ. Левашову ничего не оставалось болѣе какъ смириться, и онъ отвѣчалъ, что просьба фельдмаршала для него приказаніе, и не мѣшался болѣе въ сіе дѣло. Онъ поручилъ нашему коменданту Габелю съѣздить къ Трузсону и сообщить ему сіе; но я не велѣлъ ему дѣлать сего, ибо Трузсонъ отъ насъ былъ независимъ, и Левашовъ не долженъ былъ и въ семъ случаѣ принимать на себя сего повелительнаго обхожденія. Музыка въ тотъ вечеръ пришла куда ей было назначено, тамъ играла безпрепятственно и продолжаетъ до сихъ поръ играть всякій вечеръ тамъ-же.

Не менѣе того въ то самое утро Левашовъ пріѣзжалъ къ фельдмаршалу и жаловался, что будто Карповъ наканунѣ подъ окошками его шумѣлъ на улицѣ; но ничего не говорилъ о перемѣщеніи музыки. Мнѣ сіе самъ говорилъ фельдмаршалъ, и я объяснилъ ему все дѣло, какъ оно случилось.

Кіевъ, 20 Мая.

Левашовъ увидѣлъ изъ сего происшествія, что усилія его къ показанію власти своей были тщетны. Онъ посрамилъ себя въ глазахъ всѣхъ и своихъ, и постороннихъ, но . . . . не переставалъ дѣйствовать въ такомъ же родѣ. Напримѣръ, онъ рапортомъ жаловался фельдмаршалу, что дивизіонный начальникъ Шульгинъ подъ разными предлогами уклоняется отъ вывода изъ города одного полка по его требованію въ селенія. Ему отвѣтствовали, что Шульгинъ на сіе не имѣлъ права безъ распоряженія своего начальства.

На дняхъ полученъ мною былъ рапортъ Левашова съ испрошеніемъ назначить людей для прислуги въ госпиталь и лекарей. Рапортъ былъ доложенъ фельдмаршалу, и по немъ уже дѣлались исполненія, какъ я получилъ на мое имя письменное отношеніе отъ Левашова, въ коемъ онъ увѣдомляетъ объ отправленіи того рапорта и данной писаремъ Михайловымъ распискѣ въ полученіи. Нынѣ же, говоритъ онъ, рапортъ сей поднятъ на улицѣ противъ моей квартиры, а потому препровождаетъ его ко мнѣ для доклада фельдмаршалу!

Я удивился, ибо уже исполненіе было сдѣлано по первому его требованію; но, посмотрѣвъ рапортъ, имъ будто вторично препровожденный, увидѣлъ, что онъ прислалъ только одинъ распечатанный кувертъ, который вѣроятно брошенъ безъ вниманія и нечаянно попался ему на улицѣ, а онъ, не разглядѣвши, послалъ его ко мнѣ для упреку. Я возвратилъ ему тотъ-же кувертъ съ объясненіемъ дѣла. Такимъ образомъ онъ часто накупается на неудовольствія по . . . . . своей торопливости.

Кіевъ, 21 Мая.

Фельдмаршалъ скрываетъ съ твердостью, сколько его огорчаетъ уничтоженіе арміи и поступокъ противъ него въ семъ отношеніи сдѣланный; но не всегда онъ въ силахъ утмить огорченіе свое. Такъ, напримѣръ, на дняхъ пилъ онъ за обѣдомъ за здоровье всѣхъ Россіянъ, по обыкновенію своему, и къ сему присовокупилъ: «И врагу моему Чернышову желаю по возможности быть полезнымъ отечеству нашему». На дняхъ также, пришедши къ нему съ докладомъ, я засталъ его сидящимъ подъ окномъ въ адъютантской комнатѣ. «Мнѣ здѣсь пріятно, сказалъ онъ, я люблю смотрѣть на рабочихъ» (у него въ то время перестраивали ворота на̀ ново съ улицы на дворъ) и, пославши рабочимъ пять рублей, онъ присовокупилъ: «Скажи мнѣ, Николай Николаевичъ, не удивительно ли это въ самомъ дѣлѣ? Другимъ строятъ тріумфальные ворота при торжественномъ въѣздѣ ихъ, а мнѣ для выѣзда!» Дня три тому онъ былъ за обѣдомъ въ мундирѣ полка своего, и князь Горчаковъ, сидѣвшій подлѣ него, сказалъ ему, что онъ его въ

первый разъ видитъ въ семъ мундирѣ. «Да, отвѣчалъ князь, полка у меня не отняли».

Но вчера его истинно огорчилъ адъютантъ его Бларамбергъ, пришедшій къ нему просить рекомендательнаго письма къ Левашову для помѣщенія его къ нему въ адъютанты. Когда я къ нему пришелъ, то онъ сказалъ мнѣ: «Развѣ не могу я оставить адъютантовъ при себѣ до послѣдняго времени? Я всегда могу еще успѣть въ мѣрахъ нужныхъ для размѣщенія ихъ. Зачѣмъ они торопятся? Развѣ не могутъ они дождаться, пока я умру?» Я изъяснилъ ему, сколько Бларамбергъ заслуживаетъ удаленія отъ него безотлагательно; но князь по великодушію своему тутъ же приказалъ мнѣ оставить случай сей и не говорить о немъ.

31 Мая съ почтой полученъ на имя фельдмаршала рапортъ отъ Адлерберга, слѣдующаго содержанія.

Кіевскій военный губернаторъ, генералъ-адъютантъ Левашовъ донесъ господину военному министру, что онъ, объѣзжая 29 Апрѣля караулы по городу, нашелъ при главной гауптвахтѣ, предъ вечернею зорею, музыку, поставленную въ дали отъ фронта, близъ отхожихъ мѣстъ гауптвахты. Находя помѣщеніе сіе неприличнымъ, тѣмъ болѣе, что музыка сія привлекала стеченіе публики, графъ Левашовъ приказалъ переставить оную передъ гауптвахтою, на мѣстѣ нарочно для сего спланированномъ. Вслѣдъ за симъ дежурный генералъ 1-й арміи, генералъ-маіоръ Карповъ, прибылъ туда, и хотя ему было объявлено, что измѣненіе сдѣлано по личному распоряженію военнаго губернатора, но онъ, при немъ же, забывъ всякое чинопочитаніе и уваженіе, приказалъ оную немедля переставить на прежнее мѣсто. По всеподданнѣйшему докладу о семъ Государь Императоръ изволилъ признать сей поступокъ генералъ-маіора Карпова совершенно противнымъ всякому порядку службы: ибо, по уставу о гарнизонной службѣ, послѣ пробитія сбора, всѣ караулы поступаютъ въ вѣдѣніе военнаго губернатора или коменданта, которые одни могутъ оными распоряжаться. Сообразно съ уставомъ, слѣдуя сему, генералъ-адъютантъ графъ Левашовъ имѣлъ полное право перемѣстить музыку, и генералъ-маіору Карпову не только не надлежало измѣнять распоряженіе старшаго генерала и главнаго начальника карауловъ, но, по званію дежурнаго генерала, онъ обязанъ наблюдать, дабы подобнаго нарушенія дисциплины и порядка нигдѣ не было допускаемо. По сему Его Величество высочайше повелѣть соизволилъ генералъ-маіора Карпова за таковой поступокъ арестовать на двадцать четыре часа. О таковой высочайшей волѣ имѣю честь донести вашему сіятельству къ зависящему распоряженію. Москва, 17 Мая, № 162.

Такое ложное изложеніе обстоятельствъ не могло остаться безъ отвѣта, и Карпова нельзя было арестовать, когда дѣло было представлено въ такомъ превратномъ видѣ. Фельдмаршалъ очень огорчился

симъ случаемъ и приказалъ приготовить письмо къ Государю. Сего числа подписалъ онъ письмо сіе слѣдующаго содержанія:

Sir. L'aide-de-camp-général Adlerberg m'a communiqué l'ordre de Votre Majesté de mettre aux arrêts pour vingt quatre heures le général de service Karpow, pour avoir entravé, comme il est dit dans son rapport, les dispositions du gouverneur-général, comte Lewachoff, concernant l'emplacement désigné pour la musique.

Considérant que l'accusation portée par le comte Lewachow au sujet du général Karpow est inexacte, j'ai cru de mon devoir de soumettre à Votre Majesté l'affaire mentionnée dans son véritable jour et de suspendre attendant jusqu'à nouvel ordre l'arrestation prescrite.

J'ai longtemps et soignesement évité d'importuner Votre Majesté Impériale par la relation des mortifications que j'essuie au déclin de mes jours, et que le comte Lewachow se plait à accumuler, sans regarder ni à mon âge, ni au poste dont j'ai été honoré par Votre Majesté Impériale et dont je garderai l'intégrité tant que je l'occuperai. Mais aujourd'hui, obligé de m'expliquer par la manière peu véridique dont cette affaire est parvenue à Votre Majesté Imperiale, j'ai cru devoir exposer, comme un exemple de la conduite peu conséquente du comte Lewachoff le [1]) dans un office que j'adresse en même temps au ministre de la guerre pour être soumis à Votre Majesté Impériale, en la suppliant de daigner porter son attention à cette affaire, toute puérille qu'elle est. J'ai l'honneur d'être de Votre Majesté Impériale le très soumis sujet prince Sacken.

Kiew, le 2 juin [2]).

---

[1]) Одно слово не разобрано. П. Б.

[2]) Государь! Генералъ-адъютантъ Адлербергъ сообщилъ мнѣ повелѣніе Вашего Величества арестовать на 24 часа дежурнаго генерала Карпова за то, что (какъ сказано въ рапортѣ Адлерберга) онъ помѣшалъ распоряженію генералъ-губернатора графа Левашова относительно помѣщенія назначеннаго для музыки. Такъ какъ обвиненіе, взведенное графомъ Левашовымъ на дежурнаго генерала Карпова, не точно, то я счелъ моею обязанностью представить Вашему Величеству это дѣло въ его истинномъ видѣ и пріостановилъ предписанное арестованіе до новаго повелѣнія. Давно и тщательно избѣгалъ я безпокоить Ваше Императорское Величество заявленіемъ обидъ, которыя мнѣ наносятся на склонѣ дней моихъ и которыя графу Левашову угодно умножать, вопреки моему возрасту и мѣсту, которымъ почтили Вы меня, Государь, и значеніе котораго я соблюду пока его занимаю. Но теперь, когда упомянутое обстоятельство доложено Вашему Величеству въ несправедливомъ видѣ, я вынужденъ, въ образчикъ неосновательныхъ поступковъ графа Левашова, послать отношеніе къ военному министру для доклада Вашему Императорскому Величеству. Благоволите обратить вниманіе на это дѣло, хотя оно вполнѣ ребяческое. Имѣю честь быть Вашего Императорскаго Величества покорнѣйшій подданный князь Сакенъ. Кіевъ, 2 Іюня.

Отношеніе къ военному министру заключало въ подробности происшествіе *).

И все сіе отправлено 2-го числа съ адъютантомъ фельдмаршала Рудзевичемъ въ Петербургъ.

Кіевъ, 5-го Іюня.

Всѣ эти дни фельдмаршалъ не перестаетъ упоминать о поступкахъ противъ него Левашова. Когда я ему принесъ письмо къ Государю, онъ долго перечитывалъ его, и не хотѣлъ подписывать, желая перемѣнить выраженія inexacte, peu véridique и говоря, что надобно написать fausse, mensongière, и я съ трудомъ убѣдилъ его умѣриться въ выраженіи, дабы не показать пристрастія, потому что самое описаніе происшествія, приложенное къ письму, уже объясняло все.

Вотъ еще одно происшествіе, случившееся на дняхъ, въ коемъ Левашовъ равнымъ образомъ вышелъ изъ границъ своей власти. При началѣ весны былъ назначенъ, по повелѣнію Государя, для произведенія городскихъ работъ, одинъ полкъ, который долженъ былъ выдѣлять сто человѣкъ рабочихъ въ распоряженіе Левашова. Левашовъ просилъ фельдмаршала ускорить нѣсколько начало работъ; фельдмаршалъ уважилъ просьбу его и приказалъ преждевременно 12-ю днями выслать въ Кіевъ одинъ полкъ, который Левашовъ обѣщалъ беречь и размѣстить на квартиры въ городѣ, чтó имъ и сдѣлано. Когда же прибыла сюда дивизія для лагеря, то, за размѣщеніемъ части войскъ въ палаткахъ, а части въ баракахъ еще неоконченныхъ, вышеозначенный полкъ остался на нѣсколько дней на квартирахъ, до окончанія бараковъ его, еще непокрытыхъ. Левашовъ сталъ требовать отъ дивизіоннаго начальника Шульгина, чтобы онъ его вывелъ, хотя онъ и зналъ, что полка сего помѣстить негдѣ и что черезъ нѣсколько дней его бы и безъ того вывели. Шульгинъ представилъ о невозможности исполнить сего. Левашовъ предложилъ ему окрестныя деревни, изъ коихъ многія отстоятъ въ 20 и 30 верстахъ отъ Кіева, и требовалъ настоятельно вывода полка. Шульгинъ отвѣчалъ, что онъ не смѣлъ сдѣлать сего безъ воли своего начальства. Тогда Левашовъ донесъ фельдмаршалу, что полкъ сей стѣсняетъ обывателей, по случаю прибытія богомольцевъ (чтó совершенно несправедливо, ибо полкъ сей былъ расположенъ тогда за городомъ на Кореневкѣ, гдѣ не бываетъ никакихъ богомольцевъ), и жаловался, что Шульгинъ подъ различными предлогами уклоняется отъ исполненія его требованій. По изслѣдованіи обстоятельства сего ока-

---

*) Опускаемъ это большое отношеніе князя Сакена къ графу Чернышову, такъ какъ содержаніе его уже извѣстно читателю по предъидущему изложенію Н. Н. Муравьева. П. Б.

залось все вышеприписанное, и фельдмаршалъ отвѣчалъ Левашову, что онъ черезъ день по окончаніи бараковъ приказалъ вывести полкъ, но что Шульгинъ не имѣлъ права сдѣлать сего безъ воли своего начальства, что̀ и было исполнено при первой возможности, какъ скоро только успѣли накрыть часть бараковъ, еще и до сихъ поръ неоконченныхъ. Такимъ образомъ Левашовъ накликивается самъ на непріятные отзывы своими неосновательными донесеніями.

На дняхъ получено мною увѣдомленіе отъ Клейнмихеля, коимъ онъ извѣщаетъ меня, что Левашовъ донесъ военному министру, что въ Кіевскій госпиталь поступилъ одинъ больной съ знаками побоевъ на спинѣ, что онъ послѣ поступленія спустя 12-ть часовъ умеръ, и что по сему дѣлу наряжено отъ штаба слѣдствіе; а потому Государь, желая знать что̀ по сему дѣлу оказалось, требовалъ, чтобъ представлено было слѣдствіе по окончаніи.

Слѣдствіе было въ самомъ дѣлѣ представлено мнѣ въ самое время полученія сего отзыва, и оно препровождено въ аудиторіатъ на разсмотрѣніе, о чемъ увѣдомленъ и генералъ Клейнмихель; но, дабы скорѣе удостовѣриться въ семъ дѣлѣ, я собралъ безъ предваренія роту Камчатскаго полка, въ коей находился сей рядовой, и опросилъ всѣхъ людей вмѣстѣ и многихъ по одиночкѣ. Оказалось, что рядовой сей за воровство былъ наказанъ во время слѣдованія полка сего въ Кіевъ ста ударами розогъ, поведенія былъ дурнаго и послѣ наказанія прошелъ еще одинъ переходъ съ ружьемъ и аммуниціею, потомъ заболѣлъ, такъ какъ онъ былъ слабаго сложенія, везенъ два перехода на повозкѣ, и по прибытіи полка въ Кіевъ сданъ въ госпиталь, гдѣ и умеръ отъ болѣзни. Жестокихъ наказаній въ ротѣ сей и во всемъ полку не бывало, и начальники сихъ частей болѣе признаются людьми кроткими, чѣмъ строгими. Сіе было немедленно сообщено Клейнмихелю для доклада черезъ военнаго министра Государю....

Кіевъ, 10-го Іюня.

5-го числа пріѣхалъ ко мнѣ Кругликовъ съ женою и сестрою Надеждою.

7-го числа былъ смотръ всѣмъ войскамъ, здѣсь находящимся. Фельдмаршалъ выѣхалъ верхомъ и объѣхалъ обѣ линіи, но чрезвычайно ослабъ и едва усидѣлъ на лошади. Величественное зрѣлище почти столѣтняго старца, объѣзжающаго войска, въ коихъ формированіе полковъ даже моложе его. Его, подобно священной хоругви, провезли шагомъ мимо полковъ, принявшихъ его съ крикомъ ура. Послѣ того онъ пропустилъ всѣ войска мимо себя церемоніальнымъ маршемъ, а самъ стоялъ поддерживаемый съ обѣихъ сторонъ. Онъ благодарилъ каждый батальонъ особо и остался очень доволенъ смотромъ, что̀ и велѣлъ

объявить въ приказѣ по арміи. Я полагалъ, что онъ ослабнетъ отъ сего усилія, но напротивъ сего видъ войскъ возобновилъ въ немъ воспоминаніе прежнихъ годовъ, и онъ какъ бы ожилъ послѣ смотра, и самъ хвалится, что чувствуетъ себя сильнѣе и здоровѣе.

Кіевъ, 11-го Іюня.

Дня четыре тому пріѣхалъ къ намъ фельдъегерь съ повелѣніемъ, дабы части войска, коимъ назначены лагерные сборы, позже собирались и позже въ оныхъ оставались, дабы Государь, имѣющій возвращаться изъ Калиша черезъ расположеніе первой арміи, въ Октябрѣ мѣсяцѣ, могъ бы видѣть ихъ. Фельдъегерь сей соскочилъ прямо у штаба, откуда и препровожденъ ко мнѣ. По раскрытіи привезенныхъ имъ бумагъ я спросилъ его, не имѣетъ ли онъ чего къ Левашову. Онъ мнѣ показалъ одинъ кувертъ, съ коимъ я его и отправилъ къ Левашову, приказавъ по отданіи тотчасъ явиться къ фельдмаршалу, что́ онъ и исполнилъ. Фельдмаршалъ съ нимъ поговорилъ, а я послѣ того отпустилъ его отдыхать. На другой день Кругликовъ обѣдалъ у Левашова, который хвалился ему, что къ нему пріѣхалъ фельдъегерь, коего онъ отправилъ къ фельдмаршалу для отдачи привезенныхъ имъ бумагъ и передалъ его для отправленія въ Петербургъ уже въ совершенное распоряженіе наше....

13-го, въ 10 часовъ вечера, жена разрѣшилась отъ бремени дѣвочкою, которую назвали, по имени святой того дня, Антониною; но ребенокъ родился почти мертвый, и его съ трудомъ привели въ чувство. Съ тѣхъ поръ здоровье жены моей поправляется, но ребенокъ слабъ и мало подаетъ надежды къ жизни.

17-го. Назначивъ день къ отъѣзду моему въ Петербургъ, 20-го числа, я доложилъ о томъ фельдмаршалу. «Да, сказалъ онъ, поѣзжай; твое присутствіе тамъ нужно». Послѣ того, вздохнувъ, онъ прибавилъ: «Ты меня оставляешь въ минуту, когда одинъ Богъ только можетъ разсудить меня». Я успокоилъ его, сколько могъ, на счетъ дѣла съ Левашовымъ, и представилъ все случившееся какъ неизбѣжное отъ обстоятельствъ, что́ и онъ въ томъ же видѣ принимаетъ. Потомъ я сказалъ ему слышанное мною недавно, что проѣзжавшій здѣсь оберъ-шталмейстеръ Опочининъ излагалъ мнѣніе свое одному изъ знакомыхъ своихъ, что слѣдовало бы прежде, во исполненіе воли Государя, арестовать Карпова и уже послѣ объяснить обстоятельства. «Какъ, возразилъ фельдмаршалъ, я такъ давно и вѣрно служу Государю и попущу, чтобы по ложному донесенію ввели Государя въ несправедливый поступокъ? Никогда я не сдѣлаю этого. Пущай со мною будетъ,

чтó ему угодно. Теперь прикажутъ, то арестую Карпова; но по совѣсти и преданности моей къ Государю я не могъ сіе сдѣлать».

Я взялъ у него ящикъ съ бриліантовой шпагой, карабиномъ и пистолетами, поднесенными ему жителями Парижа въ 1814 году въ знакъ благодарности, когда онъ тамъ былъ военнымъ губернаторомъ. Онъ отправляетъ нынѣ вещи сіи при письмѣ къ Государю, которое онъ написалъ своеручно, прося его отдать ихъ для храненія въ Московскій арсеналъ въ память добраго поведенія воиновъ въ столицѣ Французовъ и находя, что памятникъ сей принадлежитъ не лицу, а государству. Письмо сіе было у него въ чернѣ написано уже семь лѣтъ тому назадъ; онъ забылъ его тогда отправить, а нынѣ нашелъ черновое въ бумагахъ своихъ нечаянно.

Князь приказалъ мнѣ остановить на дорогѣ адъютанта его Рудзевича, посланнаго съ письмомъ къ Государю, если его встрѣчу. «Ты знаешь, говорилъ онъ, что я ничего отъ тебя не скрывалъ; распечатай, если будетъ чтó ко мнѣ и въ собственныя руки; ты все долженъ знать».

Третьяго дня послалъ онъ ко мнѣ Карпова сказать, что я о всѣхъ заботился, а самъ себя не представилъ, и чтобы я написалъ о себѣ, чтó мнѣ нужно будетъ, отъ него къ Государю. Я пошелъ къ князю и сказалъ ему, что мнѣ ничего не нужно, что я доволенъ его расположеніемъ, и не для того говорю сіе, дабы болѣе цѣнить собою, но потому что я такъ чувствую. «Все таки я не знаю, чтó тебѣ пріятно; скажи и напиши».—Мнѣ очередной орденъ Бѣлаго Орла, сказалъ я.—«Ну чтó тебѣ въ этомъ?»—Состоянія никакого не имѣю, но получаю достаточно, чтобы жить внѣ столицы, и рѣшительно ничего не желаю. Буду съ удовольствіемъ продолжать службу, если получу назначеніе пріятное, но оставлю ее въ противномъ случаѣ.—«Такъ напиши письмо къ Государю, сказалъ князь, въ которомъ скажи, что я тобою доволенъ и поручаю тебя въ милостивое распоряженіе его. Это всего лучше будетъ, я думаю». Я благодарилъ его и велѣлъ написать сіе письмо.

Кіевъ, 19 Іюня.

18-го поутру фельдмаршалъ былъ нездоровъ, однакоже принялъ докладъ и жаловался все на Левашова.

Послѣ обѣда возвратился изъ Петербурга адъютантъ Рудзевичъ и привезъ письмо отъ Государя къ фельдмаршалу и рапортъ отъ военнаго министра къ нему въ собственныя руки. Тутъ же были доставлены рапортъ отъ графа Чернышова о назначеніи Карпова бригаднымъ командиромъ, съ тѣмъ, чтобы онъ оставался здѣсь до возвращенія моего изъ Петербурга, и высочайшій приказъ о назначеніи вмѣсто Левашова военнымъ губернаторомъ въ Кіевъ генералъ-лейтенанта

Гурьева. У Рудзевича было два пакета къ Левашову, которые я велѣлъ ему доставить. Фельдмаршалъ спалъ, а потому я и не безпокоилъ его; когда же онъ проснулся, я пошелъ къ нему и объявилъ о смѣщеніи Левашова. Онъ сіе принялъ хладнокровно. Потомъ я показалъ ему письмо Государя, которое онъ приказалъ мнѣ распечатать и прочесть. Оно было слѣдующаго содержанія:

C'est avec une bien pénible surprise, mon cher maréchal, que j'ai lu votre lettre en date du 2 de ce mois. L'impression que son contenu a produit sur moi vous sera expliquée par la démission immédiate que j'ai donnée au général Levacheff de ses fonctions du gouverneur-général.

Ayant ainsi satisfait, comme je le ferai toujours, à la base de tout ordre, à la discipline, souffrez, cher maréchal, que je vous fasse quelques observations.

Je dois croire aux expressions de votre lettre, et cependant j'ai peine à comprendre, comment vous avez pu prendre sur vous de me laisser ignorer les griefs multipliés que vous avez eu contre le général Levacheff. En ne les portant pas à ma connaissance en son temps, vous avez vous-même, mon cher maréchal, porté atteinte à ce qui vous est dû, non seulement comme individu, mais au poste que vous remplissez. Par là même vous m'avez mis dans le cas de sévir à tort contre le général Karpoff, tandis que, d'après votre assurance, ce général se trouve avoir été complétement étranger à cette malheureuse affaire.

Vous sentirez vous-même, cher maréchal, combien il est urgent et indispensable que vous hâtiez de me soumettre les éclaircissemens que j'exige sur vos griefs contre le général Levacheff; car, si je l'ai déjà puni sur une simple plainte de votre part, il est juste que je lui demande raison de ce dont il est accusé, soit pour lui donner le moyen d'expliquer son inconcevable conduite, soit pour sévir contre lui d'après toute la vigueur des lois.

Recevez l'assurance de toute mon amitié. Nicolas.

Alexandria.
le 12 Juin 1835 *).

---

*) Мой дорогой фельдмаршалъ.

Письмо ваше отъ 2-го числа сего мѣсяца было для меня очень тяжелою неожиданностью. Впечатлѣніе, произведенное его содержаніемъ, будетъ вамъ понятно изъ того, что я немедленно уволилъ генерала Левашова отъ его должности генерала-губернатора. Удовлетворивъ такимъ образомъ (какъ я

Рапортъ военнаго министра былъ почти того же содержанія.

— «Я бы никогда не хотѣлъ писать о такихъ вещахъ, сказалъ фельдмаршалъ; но если сего требуютъ, то напиши все и правду сущую, а въ концѣ прибавь мое ходатайство, дабы сіе было, какъ прошлое, предано забвенію». Онъ былъ довольно равнодушенъ, но сказалъ, что былъ доволенъ отрѣшеніемъ Левашова. По возвращеніи домой я принялся писать и изготовилъ три письма къ Государю, которыя и понесъ ему къ подписи. Въ первыхъ двухъ заключалось главное неудовольствіе, говоренныя Левашовымъ рѣчи за столомъ прошедшею осенью о препятствіяхъ, встрѣчаемыхъ Государемъ въ распоряженіи арміею, по случаю пребыванія его въ службѣ, и сверхъ того въ первомъ приложены были подробности о несоблюденіи Левашовымъ формы, въ праздничные и торжественные дни, и о томъ, что онъ вмѣшивается въ распоряженія, не подлежащія его управленію. Въ концѣ обоихъ писемъ было приложено ходатайство, а третье заключало только одно ходатайство о преданіи дѣла сего забвенію. Фельдмаршалу не понравилось первое письмо по подробностямъ, въ немъ заключавшимся. Онъ подписалъ второе письмо слѣдующаго содержанія.

Sire!

Honoré par la gracieuse lettre de V. M. I., j'aborde avec un sentiment bien douloureux l'exposé des griefs contre le comte Levacheff que je suis réduit aujourd'hui de soumettre à V. M. I.

всегда буду поступать) основанію всякаго порядка, т. е. дисциплинѣ, прошу васъ, мой дорогой фельдмаршалъ, выслушать нѣкоторыя замѣчанія съ моей стороны. Я долженъ вѣрить вашему письму, но въ тоже время съ трудомъ понимаю, какъ вы могли рѣшиться скрывать отъ меня многочисленныя обиды со стороны графа Левашова. Не доводя ихъ своевременно до моего свѣдѣнія, вы сами, дорогой фельдмаршалъ, посягнули на то, что подобаетъ и вамъ, и мѣсту вами занимаемому. Этимъ вы заставили меня отнестись съ напрасною строгостью къ генералу Карпову, тогда какъ по вашему увѣренію этотъ генералъ совсѣмъ чуждъ этой жалкой исторіи. Вы понимаете сами, дорогой фельдмаршалъ, сколь настоятельно вамъ необходимо поспѣшить разъясненіями, которыя должны быть мнѣ представлены по поводу вашего неудовольствія на генерала Левашова. Ибо если я уже наказалъ его по простой жалобѣ вашей, то согласно съ справедливостью мнѣ надо спросить у него разъясненія того, въ чемъ онъ обвиненъ, или для того, чтобъ онъ имѣлъ возможность объяснить свое непонятное поведеніе, или чтобъ я поступилъ съ нимъ по всей строгости законовъ. Примите увѣреніе въ моей полной дружбѣ. Николай.

Александрія.
12 Іюня 1835 г.

Il circulait ici depuis deux ans le bruit, que ma présence au service embarassait V. M. I. pour les réformes, qu'elle se proposait de faire dans l'armée. Ces bruits derechef produits me parvinrent enfin l'automne dernier à l'occasion de propos semblables tenus par le comte Levacheff à son retour de St.-Pétersbourg, en pleine table, en présence de plusieurs généraux.

Désirant les vérifier et en connaître la source, j'envoyai aussitôt le général Karpoff pour lui en demander des éclaircissements. Le comte Levacheff renia d'abord ses paroles, mais après en avoir entendu nommer les témoins, il en convient. Quelques jours après il vient s'expliquer et me communiquer, qu'il avait effectivement entendu plusieurs fois dire par V. M. I. que ma présence au service l'embarassait et qu'elle désirait me voir en retraite, mais que néanmoins V. M. I. ne l'avait pas chargé de me le faire parvenir.

Je répondis alors au comte Levacheff que je ne me propose pas de quitter le service sur des clameurs publiques de ce genre et que j'y resterai jusqu'à ce qu'il plairait à V. M. I. de me signifier sa volonté sur cet article.

Je pensai que si V. M. I. avait jugé à propos de ne plus me garder, ou bien d'abolir l'état-major de l'armée, dont la dépense pouvait être sensible à l'état, elle ne douterait jamais après mes longs services, combien je serais prêt à seconder ses veux. Je considérai que si Votre Majesté Impériale avait effectivement énoncé à ce sujet quelques idées au comte Levacheff pour lui donner l'ordre de me les communiquer, d'autant plus n'avait-elle jamais pu l'autoriser à répandre des entretiens confidentiels en public d'une manière si offensante.

Je vis donc dans ce procédé du comte Levacheff beaucoup d'indiscrétion, une absence totale d'égards pour le poste que j'occupe et de l'animosité pour ma personne, dont la présence lui semblait être à charge. Ces bruits indifféremment répandus parmi mes subordonnés ne convenaient pas sous le rapport des égards qu'on doit aux supérieurs; ils convenaient encore moins parmi les habitans d'ici trop portés par leurs dispositions malveillantes à se rejouir de tout mésentendu entre les autorités et du discrédit des fonctionnaires apostés par la volonté de V. M. I. Je m'abstenais alors de le soumettre à V. M. I. dans l'espérance qu' une conduite plus réservée de la part du comte Levacheff mettrait fin à ces dissensions d'un résultat toujours désagréable.

J'ai exposé mes principaux griefs contre le comte Levacheff. Je conviens du tort que j'ai eu de n'en avoir pas prévenu à tems V. M. I.; mais qu'il me soit permis de vous supplier, Sire, en considération de mes soixante-dix années de service et de mes chevaux blancs, de ne

donner aucune suite à cette malheureuse affaire et de livrer à l'oubli le cri d'indignation qui m'a été arraché par les circonstances et le procédé du comte Levacheff envers moi dans la personne du général Karpoff,—procédé, dont je ne me croyais plus en droit de faire les détails devant V. M. I. Au terme de ma carrière et au bord du tombeau je ne désirerais pas mourrir avec le regret de n'avoir pu éviter à V. M. I. les soucis d'un cas imprévu. Je désirerais que le pardon et non la justice accompagne mes derniers pas et marque ma retraite du service et de la vie.

J'ai l'honneur d'être avec le plus profond respect et une entière soumission, Sire, de V. M. I.

Kieff, ce 19 Juin 1835 *).

---

*) Государь! Удостоенный милостивымъ письмомъ В. И. В., я съ весьма горестнымъ чувствомъ приступаю къ изложенію оскорбленій, нанесенныхъ мнѣ графомъ Левашовымъ, которыя я принужденъ нынѣ представить В. И. В. Въ продолженіе двухъ лѣтъ здѣсь носился слухъ, что присутствіе мое на службѣ стѣсняетъ В. И. В. въ преобразованіяхъ, которыя Вы предполагали произвести въ арміи. Эти слухи, снова распущенные, дошли наконецъ до меня прошлой осенью по случаю подобныхъ же предположеній, высказанныхъ графомъ Левашовымъ, по возвращеніи его изъ Петербурга, за столомъ, въ присутствіи многихъ генераловъ. Желая ихъ провѣрить и опредѣлить откуда они идутъ, я тотчасъ послалъ къ нему генерала Карпова за разъясненіями. Графъ Левашовъ сперва отказался отъ своихъ словъ; но потомъ, когда ему назвали свидѣтелей, онъ сознался. Нѣсколько дней спустя, онъ пришелъ ко мнѣ объясниться и сообщилъ, что дѣйствительно слышалъ нѣсколько разъ, какъ В. И. В. говорили, что мое присутствіе на службѣ Васъ стѣсняетъ, что Вы желали бы видѣть меня въ отставкѣ; но тѣмъ не менѣе В. И. В. не уполномочивали его передавать мнѣ объ этомъ. Я отвѣчалъ тогда графу Левашову, что не предполагаю оставлять службы изъ-за такого рода общественныхъ слуховъ, и что останусь на своемъ мѣстѣ до тѣхъ поръ, пока В. И. В. угодно будетъ изъявить мнѣ на то Вашу волю. Я думалъ, что если В. И. В. разсудили или не держать меня болѣе, или уничтожить генеральный штабъ въ войскахъ, такъ какъ расходъ на него чувствителенъ для государства, то послѣ стольких лѣтъ моей службы, вы не можете сомнѣваться въ томъ, на сколько я всегда готовъ исполнить ваши желанія. Я предполагалъ, что если В. И. В. дѣйствительно высказали по этому поводу нѣкоторыя свои мысли графу Левашову, съ приказаніемъ ему сообщить мнѣ о нихъ, то отнюдь никогда не уполномочили бы вы его разглашать такимъ обиднымъ для меня способомъ о секретныхъ разговорахъ. И такъ, въ этомъ поступкѣ графа Левашова, я вижу много нескромности, полнѣйшее отсутствіе уваженія къ мѣсту, мною занимаемому, и не-

Письмо сіе я беру съ собою, и въ случаѣ если бы меня спросили, то фельдмаршалъ приказалъ все объяснить касательно поступковъ Левашова.

Сегодня я у него обѣдалъ. Въ ту самую минуту какъ онъ пожелалъ мнѣ съ рюмкою Шампанскаго счастливаго пути, вдругъ полилъ проливной дождь изъ набѣжавшей тучи. Сіе было замѣчено какъ благопріятный признакъ. Я также всталъ и въ сопровожденіи всѣхъ присутствующихъ выпилъ за его здоровье, при общемъ крикѣ ура! Послѣ обѣда онъ долго обнималъ меня, прижимаясь, и пожелалъ счастья и скораго возвращенія.

И такъ завтрашняго дня я расположенъ выѣхать отсюда въ восемь часовъ утра.

Петербургъ, 27 Іюня.

26-го числа, въ 7 часовъ вечера, я пріѣхалъ сюда. Въ Царскомъ Селѣ заѣхалъ я къ Прасковьѣ Николаевнѣ Ахвердовой, которая сказала мнѣ о носившихся слухахъ, что Государь, по полученіи письма фельдмаршала, очень разсердился на Левашова и закричалъ: *вонъ*!

навистъ ко мнѣ лично, такъ какъ присутствіе мое ему кажется стѣснительнымъ. Слухи эти, распространяемые безъ разбору между моими подчиненными, были неприличны по отношенію къ почтенію, которое слѣдуетъ оказывать старшимъ; они были еще болѣе неприличны среди здѣшнихъ жителей, очень склонныхъ, по своимъ недоброжелательнымъ отношеніямъ, радоваться всякому недоразумѣнію между властями и униженію достоинства сановниковъ, назначенныхъ волею В. И. В. Тогда я воздерживался излагать все это В. И. В. въ надеждѣ, что болѣе скромное поведеніе графа Левашова положитъ конецъ этому разладу, имѣющему всегда непріятныя послѣдствія. Я изложилъ главныя оскорбленія, нанесенныя мнѣ гр. Левашовымъ. Я сознаю свою ошибку, что во̀ время не предупредилъ В. И. В. Но да позволено мнѣ будетъ умолять Васъ, Государь, во вниманіе къ моей 70-тилѣтней службѣ и моимъ сѣдинамъ, не давать никакого хода этому жалкому дѣлу и предать забвенію вопль негодованія, вырвавшійся у меня вслѣдствіе обстоятельствъ и поступковъ графа Левашова, дѣйствовавшаго противъ меня въ лицѣ генерала Карпова. Распространяться передъ В. И. В. о подробностяхъ сихъ поступковъ я не считалъ себя болѣе въ правѣ. Къ концу моего поприща и на краю могилы, я не хотѣлъ бы умереть съ чувствомъ сожалѣнія, что не могъ избѣжать, чтобы не причинить В. И. В. заботы о такомъ непредвидѣнномъ случаѣ. Хотѣлось бы мнѣ, чтобы прощеніе, а не судебный процессъ сопровождало мои послѣдніе шаги и отмѣтило удаленіе мое со службы и изъ жизни. Имѣю честь быть съ глубочайшимъ почтеніемъ и полнѣйшей покорностью, Государь, В. И. В.

Кіевъ, 19 Іюня 1835.

. . . и приказалъ его отставить отъ службы, съ тѣмъ чтобы никуда болѣе не опредѣлять, но что Чернышовъ просилъ его ослабить взысканіе сіе, удалить его только отъ должности, въ томъ вниманіи, что какъ онъ Чернышовъ въ дурныхъ сношеніяхъ съ фельдмаршаломъ, то всѣ будутъ полагать, что онъ былъ причиною сего.

27-го числа я ѣздилъ являться и былъ у военнаго генералъ-губернатора графа Эссена. Послѣ первыхъ привѣтствій онъ тотчасъ обратился къ распросамъ о дѣлѣ графа Левашова съ фельдмаршаломъ, которое повидимому здѣсь много надѣлало шуму. Видя въ немъ человѣка, какъ мнѣ казалось, расположеннаго къ фельдмаршалу, съ коимъ онъ служилъ еще въ сраженіи подъ Цюрихомъ, я ему разсказалъ въ краткихъ словахъ происшествіе съ музыкой, о которомъ онъ зналъ, какъ равно и о несправедливомъ донесеніи графа Левашова, коего неуважительный поступокъ его крайне удивлялъ. Когда же онъ старался узнать о причинахъ неудовольствія между фельдмаршаломъ и Левашовымъ, я ему отвѣчалъ, что напередъ сего Левашовъ относился нескромными рѣчами на счетъ князя и распространялъ въ обществѣ невыгодные на счетъ его слухи.

Я былъ въ теченіе того утра три раза у дежурнаго генерала и столько же разъ въ Военномъ Министерствѣ, дабы явиться; но въ смутное лѣтнее время въ С.-Петербургѣ трудно кого либо застать: ибо всѣ должностные, пользуясь отсутствіемъ Государя изъ столицы, проводятъ большую часть времени на дачахъ и едва взглядываютъ изрѣдка въ дѣла, коими правятъ исключительно дѣятельнѣйшіе изъ младшихъ чиновниковъ канцелярій. Такъ напримѣръ, всѣмъ Военнымъ Министерствомъ правитъ чиновникъ ***, родомъ изъ Евреевъ, имѣющій свой участокъ въ винномъ откупѣ по С.-Петербургу, но человѣкъ одаренный большими способностями. Когда Государь бываетъ въ поѣздкѣ, то хотя Адлербергъ и замѣняетъ временно при Его Величествѣ лице военнаго министра, но *** не менѣе того сопутствуетъ Государю и постоянно тоже имѣетъ вліяніе на дѣла. Увѣряютъ, что Адлербергъ также участникъ въ семъ винномъ откупѣ, что̀ однакожъ несообразно съ благородными правилами сего человѣка.

Графъ Чернышовъ, по носящимся слухамъ, по видимому не твердъ на своемъ мѣстѣ и, будучи мало увѣренъ въ себѣ, какъ будто снискиваетъ себѣ приверженцевъ. Дежурный генералъ Клейнмихель, коего голова устроена лучше всѣхъ другихъ, предоставилъ министру доклады Государю и почести, принадлежащія его мѣсту; но между тѣмъ постепенно прибираетъ болѣе и болѣе частей управленія Военнаго Министерства въ свои руки, и вліяніе его въ дѣлахъ (коимъ онъ мало хвалится) уже такого рода, что военный министръ ѣздитъ къ нему для

принятія доклада. По неудовольствіямъ, существующимъ между великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ и графомъ Чернышовымъ и по всему вышеписанному, полагаютъ, что его свергнутъ съ занимаемаго имъ мѣста.

Вотъ краткое изложеніе первыхъ свѣдѣній, мною собранныхъ, о взаимныхъ связяхъ лицъ, съ коими я долженъ находиться въ сношеніяхъ. Графъ Левашовъ имѣетъ много изъ первѣйшихъ сановниковъ на своей сторонѣ. Многіе принимаютъ въ немъ участіе, но никто не умѣетъ ничего сказать въ оправданіе его. Гнѣвъ Государя на него силенъ, и въ такихъ обстоятельствахъ военный министръ ничего не предприметъ въ его пользу, тѣмъ болѣе когда онъ потеряетъ надежду мнѣ повредить и отмстить какъ за происшествіе прошедшаго года, такъ и за брачную связь съ Чернышовыми. Дѣло Левашова, которое мнѣ при нынѣшней поѣздкѣ довелось обнаружить, и всѣ вышеписанныя отношенія лицъ возлагали на меня обязанности несходныя съ правилами моими и родомъ службы, которую я до сихъ поръ велъ. Я бы не хотѣлъ быть орудіемъ гибели Левашова; но по совѣсти, обязанностямъ мѣста своего и преданности моей къ фельдмаршалу, удостоившему меня своей довѣренности, я не могъ равнодушно допустить. . . . неосновательныхъ оправданій Левашова, покрывающихъ завѣсою великодушные поступки фельдмаршала относительно его и какъ бы обвиняющихъ князя въ строптивости, необдуманности и клеветѣ. Въ семъ положеніи дѣла и съ людьми вышеписаннаго рода мнѣ нынѣ болѣе чѣмъ когда либо слѣдовало принять за правило избѣгать съ ними, сколь можно, всякихъ сношеній и стараться по возможности объяснить дѣло самому Государю, не взирая на то, что поведеніе сіе уже навсегда упрочитъ ненависть ко мнѣ царедворцевъ.

Петербургъ, 29 Іюня.

Не заставши ни военнаго министра, ни дежурнаго генерала, я въ Министерствѣ вошелъ въ кабинетъ графа Чернышова, дабы узнать, гдѣ его могу найти, и встрѣтилъ Позена, съ коимъ я между прочимъ вступилъ въ разговоръ на счетъ представленныхъ проектовъ объ упраздненіи 1-й арміи. Онъ сказалъ мнѣ, что проекты сіи были разсматриваемы предварительно въ собраніи директоровъ департаментовъ Военнаго Министерства, при чемъ нашли нужнымъ сдѣлать нѣкоторыя измѣненія, которыя касались, сколько я могъ заключить, до предметовъ, относящихся къ необходимому усиленію занятій департамента, по уничтоженіи штаба арміи. Занятія сіи, хотя нисколько независимыя отъ имѣющей учредиться въ Кіевѣ Счетной Коммисіи, хотятъ на нее возложить, не взирая на то, что симъ продлится и суще-

ствованіе ея, вопреки желанію Государя, дабы она сколь можно скорѣе упразднилась. Проекты сіи не были даже еще въ докладѣ у военнаго министра подъ тѣмъ предлогомъ, что меня ожидали, тогда какъ мнѣ не подлежитъ соглашаться на измѣненія въ проектѣ, который подписанъ фельдмаршаломъ.

Позенъ любопытенъ былъ знать о дѣлѣ Левашова, и мнѣ хотѣлось также узнать о направленіи его, почему разговоръ нашъ обратился къ сему предмету. Онъ затверженными, какъ замѣтно было, словами сказалъ мнѣ, что противорѣчіе между отношеніемъ фельдмаршала и донесеніемъ Левашова было ни для кого непонятно; но между тѣмъ, по разспросамъ, сдѣланнымъ здѣсь адъютанту фельдмаршала Рудзевичу, узнали, что бумаги были ему вручены мною лично, а потому и заключили, что содержаніе должно быть мнѣ извѣстно. Вслѣдствіе сего, зная слабость фельдмаршала, полагали облечь меня въ отвѣтственность относительно содержанія сихъ бумагъ.

— Безъ сомнѣнія, отвѣчалъ я, знаю я содержаніе и утверждаю справедливость ихъ.—«Удивительно однакожъ, отвѣчалъ Позенъ, что графъ Левашовъ въ присланномъ недавно донесеніи своемъ опять подтверждаетъ сказанное имъ».—Ктожъ сему виноватъ? возразилъ я. Объясненія его вѣроятно его же и обвинятъ.—«Я думаю, что онъ написалъ неправду», сказалъ Позенъ. Какъ вы думаете?»—Я съ жаромъ отвѣчалъ: Когда его донесенія противорѣчатъ фельдмаршальскимъ, то нѣтъ никакого сомнѣнія въ несправедливости ихъ.—«Да, такъ точно; они несправедливы, сказалъ Позенъ; но онъ въ послѣднемъ рапортѣ своемъ вину происшествія сего слагаетъ на главный штабъ арміи».—Это окажется, ежели справедливо, сказалъ я ему, и мы разошлись.

Я поѣхалъ къ военному министру на квартиру, куда онъ долженъ былъ прибыть съ дачи, до отъѣзда въ Красное Село. Я тамъ нѣсколько обождалъ и по пріѣздѣ министра былъ имъ скоро принятъ. Первый спросъ его былъ о состояніи здоровья жены моей, и потомъ мы сѣли. Я хотѣлъ было начать врученіемъ ему привезенныхъ мною бумагъ съ росписаніемъ чиновниковъ, поступающихъ на штатныя мѣста въ Коммисію и остающихся до упраздненія арміи, полагая, что онъ вникнетъ въ дѣла сіи и выслушаетъ о ходатайствѣ фельдмаршала касательно нѣкоторыхъ; но военный министръ мало занимается выслушиваніемъ и, какъ извѣстно, охотнѣе самъ говоритъ то что́ знаетъ о дѣлахъ, а потому и не можетъ съ первой руки получить о нихъ свѣдѣнія, безъ посторонняго вліянія. Онъ прервалъ меня спросомъ, везу ли я съ собою отвѣтъ фельдмаршала на письмо Государя. Я показалъ ему кувертъ надписанный въ собственныя руки Его Величества и другой съ представленіемъ Государю бриліантовой шпаги и оружія,

поднесенныхъ фельдмаршалу жителями Парижа, едва успѣвъ вкратцѣ сказать, что письмо сіе писано генералъ-фельдмаршаломъ по черновому еще за семь лѣтъ до сего писанному собственною его рукою, и что онъ еще изъ Могилева располагалъ было представить сіи вещи Государю. Министръ сказалъ мнѣ, что письма сіи приличнѣе мнѣ лично вручить Его Величеству. Послѣ сего я отдалъ ему двѣ докладныя записки отъ фельдмаршала Государю, съ ходатайствомъ о дежурномъ генералѣ Карповѣ и генералъ-интендантѣ Лашкаревѣ, принадлежащія къ спискамъ о чиновникахъ упраздняемаго штаба, объяснивъ ему содержаніе и прося распечатать; но онъ, посмотрѣвъ надписи, сказалъ съ видимымъ неудовольствіемъ, что раскрываетъ бумаги на имя Государя только съ номерами и что какъ на сихъ не было номеровъ, то предоставляетъ мнѣ самому представить ихъ Его Величеству. Хотя я ему и объяснилъ, что номера не выставлены по ошибкѣ, но онъ не хотѣлъ раскрыть ихъ. За симъ онъ сталъ распрашивать меня объ обстоятельствахъ происшествія съ музыкою и показалъ мнѣ первое письмо о семъ фельдмаршала Государю, какъ бы желая уловить меня въ семъ дѣлѣ. Узнавъ почеркъ письма, я не взялъ онаго, сказавъ утвердительно, что содержаніе его мнѣ извѣстно. Тогда онъ раскрылъ отношеніе фельдмаршала о семъ происшествіи и оправдательный рапортъ Левашова, полученный на дняхъ съ адъютантомъ его Ленковскимъ, нарочно сюда изъ Кіева посланнымъ и уже отъѣхавшимъ обратно. Пробѣгая первыя двѣ страницы сего рапорта, онъ сличалъ ихъ со словами, помѣщенными въ отношеніи фельдмаршала и спрашивалъ у меня объясненія на счетъ противорѣчій: ибо графъ Левашовъ, подтверждая справедливость своего перваго донесенія, возражалъ на отношеніе фельдмаршала (копію котораго онъ, кажется, получилъ съ Рудзевичемъ), но какъ видно было болѣе запутывалъ только объясненія свои, не касаясь главнаго, т. е. присутствія Карпова при семъ дѣлѣ, чего я не могъ замѣтить въ семъ послѣднемъ донесеніи, въ коемъ онъ только опровергалъ слова фельдмаршала, будто онъ не караулы осматривалъ, а былъ съ семействомъ на прогулкѣ во время сего происшествія, говоря, что въ первый день, когда отдавалъ приказаніе музыкѣ, былъ верхомъ, о прочемъ же умалчиваетъ. Въ другомъ мѣстѣ онъ утверждаетъ, что музыка точно была поставлена близъ отхожихъ мѣстъ, что̀ составляло непріятный видъ для публики, что мѣсто сіе было тѣсно для прогулки и что вновь имъ назначенное было обширно и весьма выгодно. На сіе я отвѣчалъ министру, что въ несправедливости показаній графа Левашова можно свидѣтельствоваться всѣмъ городомъ, въ присутствіи котораго происшествіе случилось; что отхожія мѣста въ прошломъ году точно были позади гауптвахты, но

и тогда не мѣшали публикѣ собираться, а что въ нынѣшнемъ году и отхожія мѣста сіи переставлены. «Такъ я не понимаю сего объясненія», сказалъ министръ. «Вы подтверждаете справедливость отношенія фельдмаршала?» — Подтверждаю, отвѣчалъ я, вполнѣ. Въ отношеніи семъ не помѣщено еще только то, что въ то время, когда ко мнѣ пріѣзжалъ генералъ Трузсонъ, графъ Левашовъ ѣздилъ къ фельдмаршалу съ жалобою на Карпова, и когда я отпустилъ Трузсона съ отвѣтомъ и доложилъ фельдмаршалу (какъ видно изъ отношенія), то фельдмаршалъ сказалъ мнѣ о пріѣздѣ къ нему Левашова и о жалобѣ его на Карпова. Я спросилъ его сіятельство, въ чемъ жалоба сія состояла и получилъ въ отвѣтъ, что онъ о музыкѣ ничего не говорилъ, а жаловался, что̀ будто Карповъ пріѣзжалъ шумѣть къ нему подъ окно, на что ему князь отвѣчалъ, что о семъ скажетъ Карпову; при каковомъ случаѣ я и объяснилъ фельдмаршалу встрѣчу мою съ Карповымъ послѣ возвращенія музыки въ лагерь, что̀ случилось противъ дома Левашова, когда его въономъ не было, при чемъ Карповъ не произнесъ почти ни одного слова (какъ сіе выше показано въ сихъ Запискахъ).

«Постойте», сказалъ министръ. «Вотъ онъ еще что̀ пишетъ: что доказательство справедливости его жалобы на Карпова онъ свидѣтельствуетъ тѣмъ, что фельдмаршалъ обѣщалъ ему лично строго взыскать съ Карпова». Я хотѣлъ объяснить министру, что если Левашовъ справедливо говоритъ, то казалось не было бы ему надобности болѣе жаловаться по дѣлу уже конченному; но онъ, по привычкѣ своей, не выслушавъ, прервалъ меня и, закрывъ рапортъ Левашова, сказалъ, что далѣе онъ объясняетъ, съ какою особенною преданностію онъ въ четырехлѣтнее пребываніе свое въ Кіевѣ относился всегда къ фельдмаршалу и старался ему угождать, показывая во всемъ душевное свое уваженіе. И не давъ мнѣ на сіе отвѣчать, графъ Чернышовъ продолжалъ: «Теперь оставимъ это дѣло, а будемъ говорить о другомъ. Фельдмаршалъ въ письмѣ своемъ упоминаетъ о какихъ-то важныхъ оскорбленіяхъ, нанесенныхъ ему графомъ Левашовымъ (при этомъ графъ Чернышовъ повторилъ наизусть выраженія письма сего: J'ai longtems et soigneusement évité и далѣе).

«Выраженія сіи, сказалъ онъ, очень сильны. Они свидѣтельствуютъ о какихъ-то прежде существовавшихъ неудовольствіяхъ. Вы, можетъ быть, знаете, что предъ симъ до свѣдѣнія Государя Императора дошло, что будто графъ Левашовъ ѣздитъ по городу въ венгеркѣ, не соблюдаетъ формы и даже въ торжественный царскій день явился къ фельдмаршалу въ вицмундирѣ, тогда какъ всѣ были въ парадныхъ мундирахъ. Фельдмаршалу не могло быть сіе пріятно и, когда Левашовъ

пріѣзжалъ сюда въ Петербургъ, Государь восемь дней не принималъ его. Графъ Левашовъ былъ въ отчаяніи, оправдывался письменно, не признавая за собой вины и просилъ моего предстательства у Государя, въ чемъ я ему тогда и помогъ. Неужели онъ продолжаетъ по прежнему вести себя въ семъ направленіи?»—Я сего не зналъ, отвѣчалъ я; но оно точно справедливо было и донынѣ продолжается, только я его въ венгеркѣ болѣе не видалъ.—«Какъ, спросилъ онъ, до сихъ поръ продолжается?»—Продолжается, отвѣчалъ я; но фельдмаршалъ мало обращаетъ на сіе вниманія и никогда не хотѣлъ утруждать о таковомъ предметѣ Его Величество. Онъ сперва приказалъ было все помѣстить въ письмѣ своемъ Государю, а послѣ не велѣлъ включать въ оное постороннихъ обстоятельствъ, коихъ много, и съ душевнымъ сожалѣніемъ рѣшился исполнить высочайшую волю изложеніемъ главныхъ оскорбленій, нанесенныхъ ему графомъ Левашовымъ, чтó и объяснено въ письмѣ семъ, адресованномъ въ собственныя руки Его Величества.—«Можете ли вы мнѣ сказать, въ чемъ они состоятъ?» спросилъ министръ съ нѣкоторою осторожностью и замѣтнымъ опасеніемъ. Я тогда ему разсказалъ содержаніе письма. Когда я кончилъ, казалось мнѣ, что лицо министра прояснилось, и я заключилъ, что онъ опасался быть названнымъ въ письмѣ семъ, въ видѣ участника оскорбленій, наносимыхъ фельдмаршалу. Онъ отвѣчалъ, что обстоятельства, въ письмѣ описанныя, совершенно не въ пользу графа Левашова, и что Государь не потерпитъ, дабы фельдмаршала кто либо оскорблялъ. Послѣ того онъ не спрашивалъ болѣе подробностей, а я, избѣгая дальнѣйшихъ запутанностей, болѣе не объяснялъ поступковъ Левашова и спросилъ, когда могу представиться Государю.—«Дѣло такого рода, что не нужно предварительно докладывать о васъ Государю, и такъ какъ вы имѣете письмо въ собственныя руки Его Величества, то я совѣтовалъ бы вамъ немедленно ѣхать въ Красное Село, куда Государь будетъ сегодня въ 5 часовъ пополудни на артиллерійское ученье, и, дождавшись Государя у крыльца, явиться къ нему и вручить бумаги».

Того же 27 числа я прибылъ въ исходѣ пятаго часа въ Красное Село, не болѣе какъ за четверть часа до пріѣзда Государя Императора. До прибытія его я встрѣтился съ графомъ Бенкендорфомъ и съ нимъ объяснился между прочимъ на счетъ просьбы брата, котораго назначали въ Симферополь и который просилъ о перемѣнѣ назначенія ему сдѣланнаго на другое, по близости Москвы, и денежнаго пособія на предстоящій путь. Графъ Бенкендорфъ справедливо находилъ первое невозможнымъ, о второмъ же хотѣлъ еще посмотрѣть. Вскорѣ прибылъ и графъ Чернышовъ, который объяснилъ графу Бенкендорфу содержаніе письма, которое я везъ Государю, прибавивъ (какъ я ему и

самъ сказывалъ еще въ городѣ), что все сіе случилось во время отсутствія моего, когда я былъ съ Государемъ на смотрахъ въ Москвѣ и Орлѣ, и что фельдмаршалъ не принималъ къ сердцу неуваженія, оказываемаго графомъ Левашовымъ чрезъ несоблюденіе формы (кажется, что къ одному сему относили здѣсь выраженія перваго письма фельдмаршала). «Кто же бы не принялъ къ сердцу такого оскорбленія?» сказалъ Бенкендорфъ. «Я первый бы не перенесъ, если бы на мой счетъ распространяли слухи, что меня хотятъ выжить изъ службы». Послѣ сего онъ просилъ меня объяснить обстоятельства происшествія съ музыкой. Я повторилъ ему вкратцѣ содержаніе отношенія фельдмаршала и прибавилъ къ сему жалобу, принесенную графомъ Левашовымъ фельдмаршалу съ объясненіями содержанія оной. Когда же я сказалъ, что комендантъ Габель былъ посылаемъ въ квартиру графа Левашова для объясненія ему воли фельдмаршала, то Бенкендорфъ прервалъ меня и сказалъ: «Сіе уже довольно обвиняетъ его; ибо симъ доказывается, что ему было извѣстно желаніе князя».

Вслѣдъ за симъ пріѣхалъ Государь. Вышедши изъ коляски, онъ обнялъ меня, ласково сказалъ, что очень радъ видѣть и спросилъ шуткою два раза: «Что̀ брюшко?» Не зная опредѣлительно, на чей счетъ сей вопросъ, я осмотрѣлся и сказалъ, что, слава Богу, здоровъ. Тогда Государь сказалъ, что я точно похудѣлъ, что онъ радъ меня видѣть и что я пріѣхалъ вслѣдъ по полученіи имъ письма фельдмаршала (вѣроятно обо мнѣ). Принявъ отъ меня рапортъ о состояніи арміи, онъ приказалъ мнѣ переодѣться и ожидать его возвращенія изъ лагеря, куда онъ ѣхалъ на ученье, присовокупивъ, что онъ тогда приметъ и привезенныя мною бумаги.

Военный министръ, по отходѣ Государя, предложилъ мнѣ тотчасъ квартиру свою, чтобы переодѣться и, не выслушавъ даннаго мнѣ приказанія ожидать возвращенія Его Величества, сказалъ, что приказалъ приготовить мнѣ лошадь, дабы ѣхать на ученье. Я благодарилъ его и, объяснивъ волю Государя, остался.

До девяти часовъ вечера я дожидался возвращенія Государя, и тогда пріѣхалъ фельдъегерь съ приказаніемъ мнѣ ѣхать въ лагерь, гдѣ Государь остался ночевать. По прибытіи моемъ въ лагерь Государь былъ у зори. Я дожидался еще около часу близъ палатки его. По пробитіи вечерней зори возвратился прежде Наслѣдникъ, который, обнявъ меня, сказалъ нѣсколько словъ и ушелъ; потомъ возвратился Государь, вошелъ въ палатку свою и велѣлъ меня позвать къ себѣ. Государь сѣлъ къ столу и посадилъ меня противъ себя.

Онъ спросилъ прежде всего о здоровьѣ фельдмаршала и какъ онъ принялъ извѣстіе объ упраздненіи главнаго штаба арміи?—Здоровье

фельдмаршала въ хорошемъ состояніи, отвѣчалъ я; онъ былъ нѣсколько слабъ прошедшую осень, но съ новаго года силы его какъ бы посвѣжѣли; послѣднее же извѣстіе объ упраздненіи штаба, хотя и много огорчило его, но оно произвело сотрясеніе и въ физическихъ силахъ его, и князь и до сихъ поръ пользуется добрымъ здоровьемъ, исключая ногъ, коими почти не владѣетъ. Но онъ крѣпится и съ духомъ переноситъ положеніе свое. Касательно же упраздненія штаба я отъ него часто слышалъ, что онъ никогда не имѣлъ въ мысляхъ препятствовать своимъ присутствіемъ распоряженіямъ Вашего Величества, постигалъ, что для него лично нельзя было держать арміи и что онъ ожидалъ на сей счетъ изъявленія воли вашей.—«Такъ», отвѣчалъ Государь, «я всегда уважалъ почтеннаго фельдмаршала, но не могъ оставить на семъ мѣстѣ, требующемъ большой дѣятельности, человѣка, хотя съ отличными дарованіями, но лишеннаго уже физическихъ силъ. Въ проѣздъ мой чрезъ Кіевъ я нѣсколько разъ наводилъ рѣчь на сей предметъ; но никогда не случалось мнѣ слышать отъ него о готовности оставить свое мѣсто, и потому я былъ въ затрудненіи. Но что́ у тебя тутъ еще есть, показывай!»

Я подалъ Государю письмо въ собственныя руки. Читая начало онаго, Государь кивалъ головою, подходя же къ концу, онъ разгнѣвался и, привставая съ мѣста, поднялъ руку и съ жаромъ сказалъ: «Нѣтъ, это непростительно! Ему ли молокососу Левашову забыться до такой степени передъ фельдмаршаломъ? Я не позволю ему оскорблять сего почтеннаго старца. Подъ судъ его, подъ судъ его!» закричалъ Государь. Дочитавъ же письмо до конца, онъ его подалъ мнѣ. Я сказалъ, что я письмо сіе читалъ.—«Чего фельдмаршалъ проситъ?» продолжалъ Государь съ жаромъ. «Чтобъ я его простилъ? Никакія уваженія, ничто на свѣтѣ не заставитъ меня сего сдѣлать; для роднаго брата не сдѣлаю сего и съ нимъ также поступилъ бы. Мѣсто мною занимаемое не позволяетъ мнѣ снисходить въ таковыхъ случаяхъ. Левашовъ нарушилъ законы и уваженіе, которымъ онъ обязанъ былъ къ лѣтамъ фельдмаршала и званію его. Пускай же законы и осудятъ его! Я бы на мѣстѣ Левашова самъ просилъ суда: ибо въ такихъ обстоятельствахъ одинъ только судъ можетъ оправдать невиннаго; но онъ еще опровергаетъ первое донесеніе фельдмаршала о происшествіи, случившемся отъ музыки. Скажи пожалуста, ты знаешь первое отношеніе фельдмаршала къ министру? Оно совершенно справедливо?»—Знаю, отвѣчалъ я, и безъ всякаго сомнѣнія, оно справедливо. Иначе не можетъ быть, Государь. Въ отношеніи фельдмаршала умолчено только обстоятельство о принесенной Левашовымъ на Карпова жалобѣ, какъ

совершенно посторонней и также несправедливой; при семъ я разсказалъ и содержаніе оной.

«Все сіе откроется, сказалъ Государь; но вотъ новое затрудненіе: надобно теперь опять въ Кіевъ писать, чтобы знать, кто были свидѣтели говоренныхъ Левашовымъ за обѣдомъ рѣчей. Не знаешь ли ты ихъ?» — Репнинскій и Кайсаровъ. Когда фельдмаршалъ получилъ письмо Ваше, онъ былъ очень обрадованъ довѣренностью Вами ему оказанною. — «Какъ же было мнѣ иначе сдѣлать? прервалъ Государь. Я сдѣлалъ было неправильное взысканіе по донесенію Левашова; не долженъ ли я былъ такимъ образомъ поступить и въ отношеніи къ фельдмаршалу?» Я продолжалъ: Но когда онъ увидѣлъ требованіе Вашего Величества, дабы онъ объяснилъ вамъ неудовольствія свои на графа Левашова, то сказалъ, что онъ желалъ бы избѣгнуть подобнаго донесенія; а приказавъ вторично прочитать себѣ письмо Ваше, онъ сказалъ, что сіе неминуемо должно сдѣлать и велѣлъ мнѣ изготовить письмо къ Вамъ, со внесеніемъ въ оное всего касательно графа Левашова, но съ присовокупленіемъ въ концѣ письма просьбы его, дабы Вы предали дѣло сіе, какъ уже прошедшее, забвенію. Онъ говорилъ, что уже слишкомъ долго живетъ на свѣтѣ и что желалъ бы умереть, дабы избавиться терпимыхъ имъ огорченій; когда же я, изготовивъ письмо, на другой день разсказалъ содержаніе онаго, то онъ велѣлъ вымарать все постороннее, не касающееся до извѣстнаго Вамъ нынѣ поступка графа Левашова, сказавъ мнѣ, что я могу объяснить прочее, ежели меня спрашивать будутъ.

Государь слышалъ слова сіи и ничего не спросилъ, а желалъ узнать только, кто таковъ Репнинскій, о которомъ онъ забылъ.—«Я никогда не любилъ Левашова, продолжалъ Государь, но держалъ его на мѣстѣ, потому что полагалъ его полезнымъ для края, и въ прошломъ году, когда я узналъ, что онъ забывался передъ фельдмаршаломъ въ торжественные дни, не соблюдая должной одежды, я его десять дней къ себѣ не пускалъ. Впрочемъ, онъ, казалось, былъ въ хорошихъ сношеніяхъ съ фельдмаршаломъ, такъ что князь однажды даже поручилъ ему просить у меня денегъ, и я ему тогда же немедленно выслалъ сто тысячъ рублей. Не ссорилъ ли ихъ кто-нибудь между собою?»—Я прежде не замѣчалъ, отвѣчалъ я, ни вражды, ни дружбы между ими. Описанное происшествіе случилось во время отсутствія моего, когда я былъ на смотрахъ съ Вашимъ Величествомъ въ Москвѣ и въ Орлѣ. Когда я пріѣхалъ, то фельдмаршалъ разсказалъ мнѣ оное и всякій день твердилъ его. При отправленіи же меня нынѣ сюда, подписывая письмо къ Вамъ, сказалъ, что сего уже достаточно и что за симъ оставалось графу Левашову отрубить только ему голову. Это были собственныя

его выраженія. «И все написанное справедливо?» спросилъ Государь. —Я не былъ свидѣтелемъ; но когда фельдмаршалъ приказалъ мнѣ писать письмо, то онъ велѣлъ позвать Карпова и переспросить его обстоятельно о семъ дѣлѣ, что̀ я и сдѣлалъ и, написавши, прочиталъ письмо Карпову, который подтвердилъ его.—«Не должно было фельдмаршалу посылать Карпова къ Левашову; да и въ семъ случаѣ какъ основаться на показаніи Карпова, который въ семъ дѣлѣ участникъ и судья?»—Другаго свидѣтельства не было, Ваше Величество. Карповъ будетъ отвѣчать за сіе и, вѣроятно, окажется правымъ. Могъ ли онъ на себя взять такое ложное свидѣтельство?—«Да не онъ ли ссорилъ, спросилъ Государь, фельдмаршала съ Левашовымъ?»—Не знаю, Государь, но не полагаю: Карповъ довольно остороженъ для сего. Онъ бываетъ всякое утро у фельдмаршала наединѣ; но я не имѣю никакого повода думать, чтобы онъ дѣйствовалъ такимъ образомъ. «Какой онъ человѣкъ?» спросилъ Государь,—Умный, отвѣчалъ я, и въ дѣлахъ опытный; офицеръ способный, но безъ всякаго образованія. Если онъ и имѣлъ сначала прибытія моего замыслы интриговать противъ меня, то онъ не могъ сего сдѣлать, потому что я въ точности слѣдовалъ данному мнѣ предъ отправленіемъ въ Кіевъ наставленію Вашего Величества дѣйствовать всегда открыто съ фельдмаршаломъ, и я, слѣдуя симъ правиламъ, устранилъ Квиста, потому что онъ лишился всякой довѣренности фельдмаршала и что Ваше Величество отозвались о немъ съ дурной стороны. Такимъ же образомъ удалилъ я и генералъ-аудитора Шмакова и, какъ Вы мнѣ изволили съ такой же стороны говорить и о Карповѣ, то я бы со временемъ и его удалилъ, еслибы замѣтилъ малѣйшее что̀ дурнаго съ его стороны.—«Да, я говорилъ тебѣ о нихъ; но какъ бы ты удалилъ Карпова, который пользовался такою довѣренностію фельдмаршала?»—О волѣ Вашего Величества касательно Квиста я доложилъ князю уже по удаленіи его; касательно же Карпова я бы сказалъ ему самому, что Вы не желаете его имѣть на семъ мѣстѣ. Онъ довольно уменъ, чтобы постичь то, что̀ ему предстояло, и удалился бы безъ шуму. Для замѣщенія его имѣлъ я въ виду Ивана Шипова, который командовалъ Лейбъ-гренадерскимъ полкомъ и коего я уже пригласилъ, по согласію фельдмаршала, принять упразднившееся мѣсто генералъ-маіора Голофѣева, но къ тому времени случилось упраздненіе штаба, а Шиповъ получилъ порученіе, и дѣло такъ осталось; но я Вамъ опять доложу, что я не имѣлъ во все время служенія моего съ Карповымъ повода быть имъ недовольнымъ. — «Такъ; я слышалъ, что онъ офицеръ расторопный и хорошій кавалеристъ, человѣкъ способный; но сердце у него каково?»—Кто проникнетъ въ сердце его? отвѣчалъ я Государю. Пріятелемъ онъ мнѣ никогда не былъ и не бу-

детъ; службой же его я былъ доволенъ.—«Въ какихъ ты былъ сношеніяхъ съ Левашовымъ?»—Дружбы между нами не было, Государь, но въ сношеніяхъ мы были хорошихъ; мы изрѣдка ѣздили другъ къ другу, и онъ былъ ко мнѣ всегда привѣтливъ. Я даже былъ у него на балу послѣ происшествія съ музыкой, какъ вдругъ неожиданнымъ образомъ полученъ былъ рапортъ генералъ-адъютанта Адлерберга объ арестованіи Карпова, по дѣлу, которое казалось уже конченнымъ. Признаюсь Вамъ, Государь, что, видя начальника своего въ преклонныхъ лѣтахъ оскорбленнаго графомъ Левашовымъ, слыша его призывающимъ смерть на избавленіе свое и питая душевное уваженіе къ князю Сакену, удостоивавшему меня своею довѣренностію, я не могъ остаться равнодушнымъ къ поступкамъ графа Левашова и нынѣ принялъ въ нихъ то сердечное участіе, которое возлегало на мнѣ по обязанности и по совѣсти.

— «Кто можетъ остаться равнодушнымъ въ такомъ случаѣ?» возразилъ Государь съ жаромъ. «Я самъ не могу слышать сего равнодушно и не потерплю сего. Я знаю фельдмаршала, у него сердце горячее, и онъ при старости сохранилъ всѣ силы души своей».—Фельдмаршалъ имѣетъ сердце молодое, продолжалъ я; онъ былъ очень чувствителенъ къ симъ огорченіямъ и съ самаго прибытія моего изъ Орла, всякій день повторяя происшествіе свое съ Левашовымъ, спрашивалъ меня нѣсколько разъ, не слыхалъ ли я чего подобнаго отъ Васъ; но я отвѣчалъ ему, что при первомъ отъѣздѣ моемъ изъ С.-Петербурга Вы прежде всего приказывали мнѣ угодить ему и быть ему пріятнымъ.— «Да, я тебѣ приказывалъ это», сказалъ Государь, «сіе и должно было быть такъ».

— «Скажи мнѣ еще, что̀ за женщина графиня Левашова?» — Добрая и хорошая женщина, отвѣчалъ я.—«Полно, такъ ли?»—Ее такъ разумѣютъ въ Кіевѣ и вообще любятъ.—«Но она, кажется, спѣсива, сказалъ Государь, и много беретъ на себя чванства».—Можетъ быть съ тѣми, которые ей сіе позволяютъ, возразилъ я.—«Это справедливо», сказалъ Государь, улыбаясь.—И потому виноваты тѣ, которые сіе допускаютъ, сказалъ я; но я не имѣлъ причины жаловаться на нее въ семъ отношеніи.—«Да съ тобой она не будетъ показывать себя, но съ другими могла ставить себя на такую ногу». — Этого не знаю, Ваше Величество.—«Да умна ли она?»—Сколько для женщины нужно ума, есть. — Государь улыбнулся. «Конечно есть мѣра ума у нихъ, отвѣчалъ онъ, но чванство не доказываетъ его. Но оставимъ разговоръ сей», сказалъ Государь, махнувъ рукою. «Скажи, каковы войска?»—11 и 12 дивизіи полагаю я лучшими въ арміи; я ихъ смотрѣлъ особенно и былъ ими доволенъ. Охотскій полкъ, можно сказать, въ

блистательномъ видѣ. Послѣ моего смотра фельдмаршалъ самъ смотрѣлъ войска.—«Неужели самъ?» спрашивалъ Государь.—Самъ, отвѣчалъ я, и былъ верхомъ, со всѣми здоровался и всѣхъ благодарилъ. Смотръ сей оживилъ его, присутствіе войскъ придало ему силъ. Ему сіе понравилось, и онъ въ слѣдующее Воскресенье приказалъ вывести церковный парадъ, на коемъ самъ находился и пѣшкомъ прошелъ по фронту, не позволяя никому поддерживать себя. -- «Ты ѣздилъ въ Харьковъ и видѣлъ также десятую дивизію?»—Видѣлъ, Государь; она слабѣе другихъ.—«Это не можетъ иначе быть, сказалъ Государь; назначая Ѳеодаева, я ему сказалъ, что даю пять лѣтъ на сформированіе дивизіи: ибо она была дурно составлена; но Томскій полкъ, о которомъ я вчера только получилъ донесеніе твое, хорошъ въ основаніи своемъ?»—Очень хорошъ, отвѣчалъ я; я его осмотрѣлъ въ подробности. Худшее все вымерло, и надобно надѣяться, что полкъ сей будетъ со временемъ въ отличномъ состояніи. Ваше Величество изволили замѣтить изъ приложенной при донесеніи моемъ таблицы, что со времени сформированія полка сего перебывало въ немъ болѣе пяти тысячъ человѣкъ.—«Я таблицъ сихъ не видалъ еще, сказалъ Государь, и это общій недостатокъ нынѣ у насъ во всей арміи, который, надѣюсь, со временемъ исчезнетъ; но пѣхотные полки, какъ я замѣтилъ, очень отстали отъ егерскихъ». — Отстали, Государь, и къ сожалѣнію дивизія сія нынѣ имѣетъ еще мало средствъ поправиться, ибо ее послали на работы въ военное поселеніе. - «Работы въ поселеніи не изнурятъ войскъ, послѣ сдѣланнаго нынѣ распоряженія, дабы на нихъ выходила только третья часть наличныхъ людей».—Работы не изнурятъ, Государь; но они занимаются жженіемъ извести и кромѣ того заняли караулы въ поселеніи.—«Я этого не зналъ; объ этомъ я прикажу справиться у дежурнаго генерала; но кажется, известковая работа вредна для однихъ только глазъ».—Известковая пыль, Государь, садится, можетъ быть, и на грудь, что̀ особенно можетъ быть вредно для сей дивизіи, въ коей много молодыхъ людей. — «Этому надо пособить».—Генералъ Кайсаровъ, Государь, поѣхалъ нынѣ въ поселеніе для осмотра дивизіи и донесетъ о семъ.—«Я до сего еще донесенія возьму свои мѣры», сказалъ Государь.

Касательно больныхъ въ сей дивизіи фельдмаршалъ рѣшился отдать пять человѣкъ въ Харьковскую клинику на испытаніе. «Мнѣ извѣстна Харьковская клиника», сказалъ Государь; въ университетѣ семъ всѣ части въ упадкѣ, но клиника въ отличномъ состояніи и считается лучшею.—«Ну что̀ ты еще видѣлъ въ Харьковѣ?»—Я видѣлъ, Государь, богоугодныя заведенія; они въ отличномъ положеніи и лучше всѣхъ, какія мнѣ когда-либо случалось видѣть. — «Они хороши»,

сказалъ Государь, но Орловскія лучше. — «Кого ты видѣлъ въ Полтавѣ? Чтó, городъ хорошъ?—Я его прежде не видалъ, Государь; теперь же ничего особеннаго въ немъ не замѣтно.—«А замѣтилъ ты, что сегодня день Полтавскаго сраженія? Но кого же ты видѣлъ въ Полтавѣ»?—Видѣлъ генерала Кайсарова. — «Какъ, развѣ онъ не при войскахъ своихъ?»—Онъ жаловался глазною болѣзнію, но теперь имѣлъ ѣхать въ Чугуевское поселеніе.—«Еще кого?»—Губернатора Могилевскаго.—«А ты почему его знаешь?»—Онъ былъ правителемъ канцеляріи у Алексѣя Петровича Ермолова въ Грузіи, человѣкъ умный и способный.—«Да, я его знаю; онъ очень хорошій человѣкъ, но теперь уже очень состарился. Видѣлъ ли ты кавалерію? — Никакой не видалъ, Государь.—«А артиллерію?»—Также не видалъ, Государь; ее поѣхалъ осматривать генералъ Глинка.—«Видѣлъ ли ты сводный кавалерійскій корпусъ?»—Не видалъ; онъ не принадлежитъ къ арміи.—«Да, вѣдь онъ отдѣленъ! Я буду нынѣ смотрѣть 11 и 12 пѣхотныя дивизіи съ одною кавалерійскою.—Будутъ ли маневры, Государь?—«Будутъ».—Такъ около Кіева будетъ тѣсно.—«Ты думаешь? Я потому велѣлъ собрать войска сіи въ Бѣлую Церковь, гдѣ мѣсто гораздо удобнѣе. Чтó имъ! Тридцать верстъ переходу только будетъ».—Восемьдесятъ верстъ, Государь.—«Ну, вѣдь четыре перехода не изнурятъ ихъ?»—Безъ сомнѣнія не изнурятъ.—«А какъ бы ты думалъ сдѣлать маневры въ Кіевѣ?»—Иначе нельзя какъ на Днѣпрѣ, по обѣимъ сторонамъ рѣки, введя переправу въ самые маневры.—«Да, можно бы; только куда забиваться въ лѣса Черниговской губерніи! Я ужъ буду смотрѣть войска въ Бѣлой Церкви. Такъ ты надѣешься, что я буду доволенъ войсками?»—Надѣюсь, Государь; въ сихъ дивизіяхъ и начальники весьма заботливы.—«Кто такіе?»—Шульгинъ и князь Горчаковъ.—«Да, князь Горчаковъ хорошій офицеръ, и Шульгинъ въ мирное время хорошъ; каковъ же въ военное, не знаю. А Ѳеодаевымъ ты недоволенъ?»—Очень доволенъ, Государь; у него дѣло подвигается не такъ успѣшно, чему есть и извѣстныя Вамъ причины; но онъ человѣкъ весьма усердный, заботливый и попечительный; его очень любятъ и уважаютъ въ дивизіи.—«То-то, это предубѣжденіе, ежели полагаютъ, что занятія изнуряютъ войско. Вотъ князь Хилковъ зараженъ имъ. Онъ попечителенъ о людяхъ, но упрямъ въ мнѣніяхъ своихъ, и его никакъ не разувѣришь, что ему не предстоитъ другихъ обязанностей, какъ только откармливать людей, и отъ того корпусъ его пришелъ въ большой упадокъ. Ты его видѣлъ въ прошломъ году?»—Видѣлъ, Государь; онъ былъ слабъ; но Вамъ угодно было ободрить его похвалою своею.—«Онъ былъ порядоченъ, но нынче я не могъ сего сказать и остался очень недоволенъ. Князь Хилковъ до такой степени заблуж-

дается, что хотя начальникъ штаба его Лукашъ нѣсколько разъ представлялъ ему о необходимости занимать войска, но онъ не согласился на его представленіе. Вотъ я еще тебѣ скажу о графѣ Толстомъ. Онъ человѣкъ весьма хорошій и въ военное время, какъ я слышалъ, храбрый и отличный офицеръ; но онъ какъ-то медленъ и нерѣшителенъ, что̀ я замѣтилъ на смотру прошлаго года; а качества сіи въ особенности нужны при такомъ начальникѣ, каковъ командиръ 3-го резервнаго кавалерійскаго корпуса, генералъ Потаповъ. У нихъ теперь между собою неладица, и Толстой, кажется, хочетъ въ отставку проситься. У меня правило никого не удерживать въ службѣ. Богъ съ нимъ, пускай идетъ! Но кого бы назначить на его мѣсто? Скажи мнѣ: ты лучше меня знаешь генераловъ въ арміи.»—Ваше Величество взяли у насъ одного изъ отличнѣйшихъ, Голофѣева, котораго опредѣлили начальникомъ штаба въ Сибирскій корпусъ.—«Да развѣ ты думаешь, что мнѣ тамъ не нужны хорошіе люди? Посмотри-ка, у меня тамъ въ нихъ недостатокъ. Кого бы ты еще назвалъ?»—Опять Шипова, Государь.—«Шиповъ очень достойный офицеръ, но я ему уже сдѣлалъ порученіе. А каковы драгуны?»—Отличны во всѣхъ отношеніяхъ, Государь.—«Не сглазь ты мнѣ ихъ, сказалъ Государь, отплевываясь. Какое тамъ нынѣ случилось происшествіе? продолжалъ Государь. Офицеръ, который вошелъ въ алтарь чрезъ царскія двери; судъ его въ 17 часовъ оконченъ, и я его не пощажу».—Онъ вѣрно сумасшедшій, сказалъ я.—«То будетъ его счастіе, ежели онъ сумасшедшій. Какъ у васъ нынче урожаи?, спросилъ Государь.—Въ южныхъ краяхъ хороши, отвѣчалъ я, и интендантство могло бы сдѣлать большое сбереженіе.—«Да надобно нынѣ экономіею заняться. Я управился по другимъ частямъ въ семъ отношеніи; но въ военномъ бюджетѣ на 9 милліоновъ необходимо, чтобы не выйти изъ предположенія. Уже я упраздняю для сбереженія расходовъ 19 пѣхотную дивизію въ Финляндіи, которую переформировываютъ на линейные батальоны». Ваше Величество изволили видѣть сокращеніе отъ упраздненія штаба?—«Нѣтъ, еще не видалъ; а сколько его будетъ?»—До 360000 ежегоднаго расхода менѣе.—«Какъ только? А мы считали, что будетъ полмилліона». — Потребны, Государь, расходы на содержаніе счетной коммиссіи.—«Да вѣдь она временная. Долго ли ты предполагаешь держать эту коммиссію?»—До двухъ лѣтъ необходимо, Государь.—«Что́ такъ долго? Я надѣялся гораздо меньше; надобно бы сократить время». Украшается ли у васъ Кіевъ?» спросилъ Государь.—Есть новыя строенія; но за то лучшее украшеніе города, цѣлые ряды тополей, срубаются.—«Зачѣмъ это? Гдѣ эти тополи были? Я ихъ не помню».—Тополи были по улицамъ около домовъ, а рубятъ ихъ, чтобы спрямить улицы.—«Гдѣ ихъ спрямляютъ?»—

Въ разныхъ мѣстахъ и между прочимъ близъ сада, гдѣ часть горы отрыли, а къ другой части присыпали землю.—«Какъ торговля въ Кіевѣ? Улучшается ли?»—Не полагаю, Ваше Величество; купцы тамъ болѣе пріѣзжіе, а съ уничтоженіемъ главной квартиры они очень обѣдняютъ: ибо мы тамъ издерживали до милліона рублей въ годъ.—«Если перевести въ Кіевъ Бердичевскую ярмарку? Но я полагаю сіе невозможнымъ. Какъ ты думаешь о семъ?»—Я думаю Государь, что ярмарки учреждаются безусловно по обстоятельствамъ и надобностямъ народа, а потому и полагаю, что правительство не можетъ назначать и переводить ихъ, какъ равно и торговыя дороги.—«На счетъ ярмарокъ я согласенъ, сказалъ онъ; но на счетъ торговыхъ дорогъ нахожу, что правительство, имѣя болѣе средствъ къ исправленію ихъ, должно указывать и направленіе торговли. Подвигаются ли крѣпостныя работы?»—Подвигаются, и отдѣлка каменныхъ стѣнъ очень чистая.—«Какъ идетъ университетъ?»—Это одно изъ лучшихъ заведеній въ Кіевѣ.—«Тамъ Брадке управляетъ имъ; онъ человѣкъ знающій».—Брадке имѣетъ отличныя достоинства, Государь; онъ любитъ свою часть и занимается ею.—«А каково общество? Чтó дѣлаютъ Поляки?»—Поляки ко мнѣ въ домъ не ходятъ, Государь; они никогда не могутъ составить моего общества.—«Вотъ за это спасибо, Муравьевъ; такъ и должно съ ними. Чтó это за народъ! Дай мнѣ руку за это.» Я руки не подавалъ, и Государь, отнявъ свою, сказалъ: «Точно, за это благодарить нечего; это такъ должно быть.» — Они негодяи, Государь, я съ ними мало знаюсь; но они къ сожалѣнію часто имѣютъ шагъ передъ нашими, и отъ того поселились раздоры.—«Истинно негодяи, сказалъ Государь. Такъ военные съ ними не знаются?»—Не только не знаются, а напротивъ того должно смотрѣть, чтобы не произошло ссоръ. Недавно встрѣтились такія происшествія съ Карповымъ и Глинкою.—«Съ кѣмъ это они поссорились? Съ Поляками?»—Ваше Величество вѣрно уже изволили о семъ слышать. — «Вѣрно съ тамошними жителями? Да съ такими подлецами не стоитъ на поединокъ выходить; довольно ихъ и палками откатать. Скажи, будетъ ли сюда фельдмаршалъ ко мнѣ? Я ему приготовилъ дворецъ».—Я спрашивалъ о семъ князя передъ отъѣздомъ; но онъ ничего опредѣлительно не сказалъ, а поручилъ мнѣ доложить Вашему Величеству, что здоровье его такъ слабо, что онъ самъ не знаетъ, въ состояніи ли будетъ предпринять сей путь.—«Я бы очень желалъ, чтобы онъ сюда пріѣхалъ. Совѣтъ его безъ сомнѣнія можетъ быть полезенъ, ибо онъ человѣкъ умный и опытный. Такому почтенному старцу прилично было бы во время поѣздокъ моихъ занимать мѣсто мое въ Петербургѣ, и я располагалъ сдѣлать ему такого рода назначеніе. Думаешь ли ты, что онъ сюда

пріѣдетъ?›—Фельдмаршалъ всегда готовъ исполнить волю Вашего Величества. Государь! Я имѣю порученіе отъ князя сказалъ я; онъ мнѣ не приказывалъ безпокоить Васъ сею просьбою, но просилъ меня развѣдать, удобно-ли ходатайство объ одномъ дѣлѣ весьма близкомъ его сердцу; я же не имѣю здѣсь знакомыхъ, у коихъ могъ бы о семъ развѣдать, а потому и остается мнѣ обратиться къ Вамъ.—«Говори, что̀ такое? Я все готовъ для него сдѣлать».—У фельдмаршала есть побочный сынъ, котораго онъ хотѣлъ узаконить въ службѣ. Я совѣтовалъ князю отдать его въ солдаты, дабы онъ выслужился. . . . . ‹Нѣтъ, нѣтъ›, прервалъ Государь, это не годится; и я не могу ему дать титулъ князя›.—Этого и не проситъ фельдмаршалъ; лишь бы ему дать ходъ въ службѣ на правахъ дворянъ, ибо его не принимаютъ ни въ какое учебное заведеніе.—«Такъ я его опредѣлю въ инженерное или артиллерійское училище, гдѣ принимаютъ на правахъ вольноопредѣляющихся и если выдержитъ экзаменъ, то будетъ офицеромъ. Каковъ мальчикъ? Хорошъ?›—Мальчикъ хорошъ, но особенно ничего не являетъ. Фельдмаршалъ имѣетъ еще просьбу къ Вашему Величеству, которую онъ не смѣлъ изложить, а именно объ одномъ изъ адъютантовъ своихъ, Воейковѣ. Онъ въ представленныхъ спискахъ поручаетъ его милостивому вниманію Вашего Величества и желалъ бы, дабы Вы приняли его къ себѣ. Онъ человѣкъ отличный, съ большими достоинствами, и я увѣренъ, что Ваше Величество остались бы имъ довольны.—‹Не проныра ли онъ какой?›—Объ этомъ, Ваше Величество можете справиться, и я бы не рѣшился рекомендовать его въ такомъ случаѣ.—‹Мнѣ довольно твоей рекомендаціи, я тебѣ вѣрю. Каковы его другіе адъютанты, и кого онъ съ собой изъ нихъ беретъ?›—Въ нихъ ничего особеннаго нѣтъ, отвѣчалъ я; беретъ же онъ съ собою Свенске, человѣка ему близкаго по родству и душевно преданнаго, а другаго Лопухина.—‹Какой это Лопухинъ?›—Это изъ тѣхъ Лопухиныхъ, которые вели процессъ съ своею матерью и коихъ два брата женаты на двухъ родныхъ сестрахъ. Ваше Величество по сему, можетъ, припомните ихъ.—‹Два брата на двухъ родныхъ сестрахъ? Нѣтъ не помню. У него еще есть адъютантъ Любомирскій, этого я помню›.—Добрый малый, отвѣчалъ я.

Тогда я подалъ Государю два письма фельдмаршала; при нихъ представлялись бриліантовая шпага и оружіе, поднесенныя городомъ Парижемъ. Письмо сіе было слѣдующаго содержанія и все писано рукою фельдмаршала:

‹Всеподданнѣйше подношу къ стопамъ Вашего Величества шпагу, алмазами украшенную, карабинъ и пистолеты и грамоту города Парижа въ подлинникѣ. Всенижайше прошу, Всемилостивѣйшій Госу-

дарь, приказать сохранить сей даръ въ Московскомъ Арсеналѣ, въ память поведенія нашихъ войскъ во Французской столицѣ и признательности къ нимъ ея жителей».

—«Ахъ, старикъ!» сказалъ Государь, «за чѣмъ же онъ это прислалъ до своей смерти?»—Онъ располагалъ сіе сдѣлать еще изъ Могилева въ 1824 году, и нынѣ, отыскивая духовную свою, онъ нашелъ нечаянно черновое письмо своею рукою писанное, а потому, переписавъ его, отправилъ нынѣ вещи сіи къ Вашему Величеству.—«Я черновое письмо сіе сохраняю у себя. Это очень лестный памятникъ, сказалъ Государь, и порученіе фельдмаршала будетъ въ точности исполнено; но зачѣмъ онъ хочетъ вещи сіи отдать въ Арсеналъ? Имъ бы слѣдовало быть въ Грановитой Палатѣ». Фельдмаршалъ вѣрно описался; но это будетъ настоящее его желаніе.—«Я туда ихъ и отправлю сказалъ Государь».

За симъ я подалъ Государю двѣ докладныя записки фельдмаршала о назначеніи Карпова дивизіоннымъ начальникомъ, а Лашкарева сенаторомъ, съ производствомъ въ тайные совѣтники, объяснивъ, почему военный министръ ихъ не принялъ. «Это у насъ такъ водится», сказалъ Государь, что безъ нумера бумагу на мое имя онъ не распечатываетъ» и, прочитавъ ихъ, сказалъ, что Карпову дается дивизія, когда откроется вакансія и старшинство его дозволитъ сіе. Взявши списокъ генеральскій, Государь отыскалъ Карпова и замѣтилъ, что онъ еще не изъ старшихъ генералъ-маіоровъ на сей линіи. Касательно же Лашкарева Государь отозвался, что онъ молодъ еще въ чинѣ, разспросилъ о службѣ его и сказалъ, что его надобно назначить губернаторомъ, потому что въ сихъ званіяхъ нужны хорошіе люди.

Послѣ сего я внесъ въ палатку Государя ящикъ съ оружіемъ. «Я его два раза видѣлъ», сказалъ Государь. «Фельдмаршалъ самъ показывалъ мнѣ его въ Полтавѣ, но я еще посмотрю его». Онъ открылъ ящикъ, осмотрѣлъ вещи и прочиталъ грамоту города Парижа, которой онъ прежде не видалъ. «Желаніе фельдмаршала будетъ исполнено, повторилъ онъ; оставь этотъ ящикъ у меня. Прощай, любезный Муравьевъ! Я очень радъ, что опять видѣлъ тебя здѣсь».

Вышедши изъ палатки Государя, я пошелъ къ военному министру, коего вслѣдъ за симъ Государь къ себѣ позвалъ. Онъ пробылъ тамъ около часу и, возвратившись, приглашалъ меня ужинать и сталъ распрашивать меня. «Государь, сказалъ онъ, съ нѣкотораго времени замѣтилъ, что графъ Левашовъ представленія свои дѣлаетъ въ пользу Поляковъ и желалъ бы знать, что̀ сему служитъ поводомъ?»—Я обязанъ объяснить вашему сіятельству, сказалъ я, то что̀ мнѣ фельдмаршалъ поручилъ сказать, не называя кому. У меня уже были лошади

заложены, когда фельдмаршалъ прислалъ за мною и сказалъ, что однажды, разговаривая съ Левашовымъ о ссорѣ случившейся между Русскими и Поляками, къ прекращенію коей онъ находилъ нужнымъ принять нѣкоторыя мѣры, онъ получилъ въ отвѣтъ отъ графа Левашова, что какія бы мѣры ни предприняли, спокойствіе никогда не возвратится, пока не возстановятъ Польши, и что это его крайне удивило. Я не говорилъ сего Государю, какъ о предметѣ, въ коемъ не полагалъ особенной важности и вамъ нынѣ передаю собственныя слова фельдмаршала. Не знаю, какая это была ссора и не относилось ли сіе къ происшествіямъ, случившимся съ Карповымъ и Глинкою въ собраніи.—«А какія это происшествія?» спросилъ министръ.—Я подробно не знаю о нихъ, отвѣчалъ я; ибо случились не въ моемъ присутствіи. Говорили, что графъ Левашовъ принялъ какое-то участіе въ семъ дѣлѣ; но не знаю, справедливо ли сіе. Мое же участіе состояло въ томъ, что я ихъ старался примирить. Дѣло шло довольно успѣшно, и оно прекратилось уничтоженіемъ собранія въ одну изъ моихъ поѣздокъ; въ другое же я не мѣшался.—«Правда ли, спросилъ министръ, что Глинка строптиваго нрава? Впрочемъ это сказалъ Левашовъ», продолжалъ онъ съ улыбкою.—Я не замѣтилъ, ваше сіятельство; онъ такимъ не слыветъ; его знаютъ за человѣка дѣльнаго и основательнаго, по службѣ онъ всегда былъ исправенъ.— «Впрочемъ, продолжалъ министръ, чтò вы полагаете было поводомъ подобнаго отзыва графа Левашова фельдмаршалу на счетъ Поляковъ? Я не полагаю, чтобы онъ имѣлъ какіе либо замыслы».—Я также въ томъ увѣренъ, отвѣчалъ я; онъ никакихъ замысловъ имѣть не можетъ; но сіе было сказано необдуманно, и всѣ поступки въ пользу Поляковъ происходятъ не отъ чего инаго, какъ отъ желанія имъ понравиться и пріобрѣсть себѣ приверженцевъ. Говорятъ также, что много дѣлаетъ зла и вредитъ ему въ семъ отношеніи дежурный штабъ офицеръ его подполковникъ Кирѣевъ, человѣкъ дурныхъ правилъ, котораго мало гдѣ и видятъ. «Это точно такъ, сказалъ министръ. Я знаю Левашова, продолжалъ онъ. C'est un orgueilleux, un homme vaniteux, les Polonais l'encensent. Il sont forts pour cela; quant à lui, il se laissait aller, et c'est par là qu'il s'est attiré toutes ces mauvaises affaires. L'Empereur veut le mettre absolument sous jugement. Cher général, je n'ai jamais desservi personne, et je m'en suis bien trouvé; je tâcherai d'arranger l'affaire aussi bien que je pourrais*). Знаете ли вы, что графъ Левашовъ въ

---

*) Это гордецъ, человѣкъ суетный, Поляки кадятъ ему. Они на это мастера, а онъ увлекся и тѣмъ навлекъ себѣ всѣ эти дурныя исторіи. Государь хочетъ непремѣнно отдать его подъ судъ. Любезный генералъ, я ни-

рапортѣ своемъ пишетъ, что онъ всегда былъ въ хорошихъ сношеніяхъ съ фельдмаршаломъ, но что все сіе произошло по интригамъ штаба, коему присутствіе его въ Кіевѣ препятствовало брать деньги?»

Когда мнѣ сіе сказалъ министръ, то я увидѣлъ, что нельзя было болѣе щадить графа Левашова. Я отвѣчалъ ему, что если и были прежде злоупотребленія, то они были до моего прибытія и что по сему случаю съ пріѣздомъ моимъ въ Кіевъ немедленно удаленъ Квистъ, а вслѣдъ затѣмъ и генералъ-аудиторъ Шмаковъ, который казался мнѣ нечистымъ въ дѣлѣ Шарамовича и о коемъ неслась напередъ сего дурная слава.—«Да, сказалъ министръ, дѣло Шарамовича было ведено не въ должномъ видѣ; злоупотребленія же могутъ всегда скрываться, и гдѣ ихъ нѣтъ? Я не поручусь, чтобъ они не дѣлались и подъ моимъ начальствомъ.»—Въ такомъ случаѣ, сказалъ я, не лучше ли бы сдѣлалъ графъ Левашовъ, объяснивъ ихъ фельдмаршалу, который бы былъ ему за сіе благодаренъ? Теперь же онъ долженъ доказать извѣтъ свой. Я теперь долженъ объяснить вашему сіятельству всѣ поступки графа Левашова, по крайней мѣрѣ тѣ, кои основаны на документахъ, не касаясь тѣхъ, кои не могу сейчасъ доказать. Не онъ ли доносилъ вамъ о пятнадцати рядовыхъ, поступившихъ въ трудномъ положеніи въ Могилевскій или Каменецъ-Подольскій госпиталь? Не онъ ли доносилъ вамъ о засѣченномъ будто бы рядовомъ Камчатскаго полка Кулаковѣ, что́, какъ вамъ извѣстно, оказалось несправедливо, и не лучше ли бы онъ сдѣлалъ, если бы донесъ онъ о семъ фельдмаршалу?—«Это все справедливо», отвѣчалъ министръ.—Онъ вамъ же доносилъ, когда дѣло шло о назначеніи порцій караульнымъ нижнимъ чинамъ въ Кіевѣ, въ предупрежденіе предполагаемаго имъ отзыва фельдмаршала, что жители не въ состояніи дать приварка войскамъ, потому что городъ стѣсненъ постоемъ главной квартиры, что́ было несправедливо: ибо городъ обогащался отъ главной квартиры, которая не занимала постоевъ, а нанимала дома. Содержаніе штаба могло быть обременительно для казны, но не для Кіева.—«Все сіе совершенно справедливо», сказалъ министръ.—Не доказываютъ ли сіи донесенія, сколько онъ не благоволилъ къ главной квартирѣ?—«Я понимаю сіе, сказалъ министръ; ему присутствіе фельдмаршала было въ тягость, потому что онъ вездѣ хотѣлъ играть роль старшаго».—Наконецъ, сказалъ я, дѣло о выводѣ Камчатскаго полка въ окрестныя селенія и жалобы его на дивизіоннаго начальника Шульгина за неисполненіе его требованій, ясно показываютъ, сколько онъ на себя бралъ. Онъ точно забылся предъ

когда никого не губилъ по службѣ, и мнѣ отъ этого хорошо. Я постараюсь уладить дѣло какъ могу лучше.

фельдмаршаломъ и не пріѣхалъ даже на послѣдній смотръ его сіятельства, не взирая на то, что былъ за два дни о семъ увѣдомленъ по приказанію князя письменно. Когда онъ приглашалъ фельдмаршала и весь штабъ къ обѣду, то исключалъ изъ приглашеніи Карпова, чтó явно оскорбляло князя. Я ничего не докладывалъ сего Государю Императору, а нахожусь принужденнымъ только теперь передать вашему сіятельству.

Министръ удивлялся, или показывалъ видъ удивленнаго.

За симъ я сообщилъ ему о просьбѣ фельдмаршала касательно сына его и адъютанта Воейкова, о коихъ доложилъ, мимо его, прямо Его Величеству, потому что не имѣлъ случая предупредить о семъ министра и не хотѣлъ упустить случая, представшаго мнѣ въ разговорѣ съ Государемъ.

Министръ сказалъ мнѣ, что я хорошо сдѣлалъ и велѣлъ подать записку о сынѣ фельдмаршала; касательно же Карпова и Лашкарева повторилъ мнѣ почти тѣже слова, чтó и Государь. Онъ спрашивалъ еще меня, чрезъ кого могли доходить до фельдмаршала слухи, разстроивавшіе его? Я отвѣчалъ, что вѣроятно отъ женщинъ, коими онъ окруженъ; но что въ послѣднемъ случаѣ, когда графъ Левашовъ получилъ фельдъегеря съ бумагами объ упраздненіи арміи, то онъ не принялъ никакихъ мѣръ для сокрытія путей сихъ отъ фельдмаршала, а напротивъ того, на другой же день вездѣ показывалъ бумаги сіи. Фельдмаршалъ, продолжалъ я, никогда бы не оскорбился, еслибъ фельдъегерь былъ къ нему присланъ; но онъ не хотѣлъ и видѣть его при отъѣздѣ, потому что онъ былъ посланъ къ Левашову.—«Чтó же было дѣлать? сказалъ министръ. Мы не знали сихъ непріязненныхъ сношеній, и умыселъ Государя былъ сколь можно болѣе поберечь фельдмаршала. Теперь туда поѣхалъ Гурьевъ; онъ иначе поведетъ себя съ полками. Касательно васъ скажу вамъ, что, за встрѣтившимися нынѣ торжествами и маневрами, нельзя намъ будетъ заняться представленными проектами; но по окончаніи оныхъ я васъ приглашу въ комитетъ, нарочно учрежденный для упраздненія первой арміи, и дѣло кончится въ два или три засѣданія».

Я просилъ у министра позволенія возвратиться въ С.-Петербургъ. Онъ сказалъ мнѣ, что Государю пріятно будетъ видѣть меня на другой день на смотрѣ Калишскаго отряда, имѣющемъ быть въ 8 часовъ утра, и предложилъ мнѣ свою квартиру для ночлега.

28-го числа, въ 4-мъ часу утра, сдѣлана была въ лагерѣ тревога. Всѣ войска выстроились, и Государь повелъ ихъ на маневры, которые продолжались около пяти часовъ. Я также присутствовалъ на нихъ, Государь во все время нѣсколько разъ обращался ко мнѣ съ разгово-

ромъ и былъ очень милостивъ. Во время маневровъ сихъ произошло два несчастія: сгорѣло одно селеніе и одинъ кавалерійскій офицеръ опасно ушибся. Когда загорѣлось селеніе, то Государь сказалъ: «Вотъ неудобство соломенныхъ крышъ; нельзя сдѣлать одного выстрѣла, и селеніе загорается». Огороды и часть полей были вытоптаны, но жители смотрѣли на сіе равнодушно, потому что ихъ за то въ три-дорога вознаграждаютъ. Мнѣ говорили даже, что, наученные опытами прошлыхъ годовъ, они едва засѣваютъ огороды свои, въ той увѣренности, что они будутъ вытоптаны и что за сіе они собирутъ тройную жатву.

Тутъ я познакомился и съ прибывшими принцами; тутъ находился также извѣстный Французскій генералъ Донадіё, и многіе офицеры разныхъ державъ.

Замѣтивъ правильность движеній и совершенное образованіе гвардейскихъ войскъ, я поспѣшилъ предупредить Государя, что онъ не найдетъ сего въ армейскихъ войскахъ на предположенномъ смотрѣ въ Бѣлой Церкви.—«Какъ»? сказалъ Государь, улыбаясь, «развѣ не знаютъ боевыхъ порядковъ? Развѣ жалонеры не умѣютъ брать дистанціи, развѣ батальонные командиры не умѣютъ находить мѣстъ своихъ? Въ этомъ и состоитъ только вся хитрость. Впрочемъ ужъ мы сами распоряжаемся, назначая движенія».

По окончаніи маневровъ, я возвратился въ С.-Петербургъ, и такъ какъ въ тотъ день отправлялась почта въ Кіевъ, то я едва успѣлъ написать краткое письмо фельдмаршалу, увѣдомляя его объ исполненіи части его порученій.

29 числа я видѣлся съ братомъ Мордвиновымъ, который, говоря о дѣлѣ Левашова, сказалъ, что они удивляются, что не получаютъ изъ Кіева извѣстій отъ жандармскаго полковника Дохтурова, который весьма хорошій человѣкъ, но ничего не дѣлаетъ. Я отвѣчалъ ему, что Дохтуровъ человѣкъ весьма дѣльный и хорошій, но что у насъ было слышно, будто ему не велѣно входить съ какими либо представленіями, потому что всѣ дѣла такого рода были возложены на Левашова. Мордвиновъ отвѣчалъ мнѣ, что это сущій вздоръ и . . . . .

Я былъ также у князя Меньшикова и просилъ его о назначеніи генералъ-маіора Вейрауха вторымъ комендантомъ въ Выборгъ; но онъ не изъявилъ на сіе согласія, отзываясь большимъ излишествомъ чиновниковъ. По дѣлу Левашова онъ сообщилъ мнѣ вещь довольно вѣроятную и именно, что онъ первый разъ писалъ къ министру о Карповѣ неофиціально, а письмомъ или запискою, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы подъ рукою повредить, не полагая, что послѣдствія будутъ столь важны. И въ самомъ дѣлѣ, могъ ли графъ Левашовъ писать рапортъ

по дѣлу уже конченному, и рѣшился ли бы онъ такъ писать въ офиціальной бумагѣ, за которую онъ подлежалъ отвѣтственности?

Цѣлый день я занимался записываніемъ слышаннаго мною наканунѣ и изготовилъ къ фельдмаршалу письмо, которое отсылаю съ фельдъегеремъ.

30-го Іюня ввечеру я прибылъ въ Петергофъ и по пріѣздѣ моемъ былъ встрѣченъ фельдъегеремъ, который вручилъ мнѣ знаки ордена Бѣлаго Орла, копію съ грамоты и письменное поздравленіе военнаго министра, при коемъ онъ препровождаетъ все сіе. Я долженъ былъ немедленно одѣваться, дабы поспѣть къ Императрицѣ поздравлять ее съ днемъ ея рожденія, что́ дворъ дѣлаетъ наканунѣ; тутъ же мнѣ надобно было вмѣстѣ и представиться. Я отправился и, какъ мнѣ не было времени пригнать новую ленту и звѣзду, то я надѣлъ Аннинскую. Представленіе уже началось, то было въ девять часовъ вечера. Военный министръ, увидѣвъ меня, совѣтовалъ надѣть синюю ленту, потому что сіе Государю не понравится и сколько я ни говорилъ, что не поспѣю, онъ находилъ необходимымъ для меня надѣть новую ленту, почему я, возвратясь, надѣлъ её и въ 11-мъ часу явился на балъ, въ теченіе коего военный министръ представилъ меня Императрицѣ. Послѣ полуночи балъ кончился. Въ продолженіи сего времени военный министръ отвелъ меня и сказалъ по секрету, что Государь желаетъ дать мнѣ въ командованіе корпусъ и что сіе послѣдуетъ до окончанія занятій моихъ по временной счетной коммиссіи, учреждающейся въ Кіевѣ, такъ чтобы я могъ въ одно время заняться и тѣмъ, и другимъ. Клейнмихель мнѣ также сказалъ на сторонѣ, что въ оправдательномъ рапортѣ своемъ Левашовъ... упоминаетъ о слезахъ своихъ, которыя утираетъ и т. п.

1-го числа Іюля началось разводомъ. Позенъ спросилъ меня отъ имени министра, какое фельдмаршалу угодно дать назначеніе сыну его, коего Государь намѣревался опредѣлить въ Артиллерійское или Инженерное училище. Я отвѣчалъ, что мнѣ сіе неизвѣстно; что если меня о семъ спросятъ письменно, то я обращусь съ тѣмъ же вопросомъ къ фельдмаршалу, почему мнѣ и была прислана о томъ записка.

На выходѣ послѣ развода Государь поздравилъ меня съ новымъ орденомъ и сказалъ, что сіе въ задатокъ и что онъ надѣется, что будущая служба моя будетъ соотвѣтствовать предшествовавшей, къ чему онъ, награждая меня за прошедшую, желалъ поощрить.

Послѣ выхода я зашелъ къ Клейнмихилю. Онъ говорилъ мнѣ опять о донесеніи Левашова.... Въ словахъ своихъ Клейнмихель не могъ скрыть злобы своей на военнаго министра, для сверженія коего онъ, какъ говорятъ, принимаетъ всякія мѣры, надѣясь поступить на его мѣсто. Я приступилъ къ ходатайству о размѣщеніи главныхъ чи-

новниковъ штаба арміи. Онъ сказалъ мнѣ, что Государь приказалъ имѣть Севастьянова въ виду для производства въ генералы и назначенія бригаднымъ командиромъ. Я ему сказывалъ также, какой я получилъ неудовлетворительный отвѣтъ отъ князя Меньшикова на счетъ Вейрауха. «Это ничего, сказалъ онъ: Государь приказалъ имѣть генерала Вейрауха въ виду на вакансію для занятія мѣста Выборгскаго коменданта, по смерти генерала Берга, который скоро по старости своей умретъ, а до тѣхъ поръ считаться ему прикомандированнымъ къ департаменту генеральнаго штаба». Въ теченіе сего дня многіе любопытные разспрашивали меня о происшествіи съ Левашовымъ; но я всѣмъ дѣлалъ уклончивые отвѣты, и какъ они видѣли, что я не расположенъ имъ отвѣчать въ подробности, то и оставили меня въ покоѣ. Одному только князю Петру Михаиловичу Волконскому я нѣсколько объяснилъ, и то не открывалъ всѣхъ подробностей дѣла.

Поутру было представленіе Императрицѣ. Государь обѣдалъ въ семейномъ кругу своемъ; всѣ прочіе за особеннымъ столомъ въ залахъ дворца. Подлѣ меня сидѣлъ генералъ Каццевичъ, который между прочимъ сказывалъ мнѣ, что упраздненіе штаба составляетъ семь милліоновъ рублей экономіи государству въ годъ. По разсчету сдѣланному нами и представленному Государю фельдмаршаломъ, выходитъ только триста шестьдесятъ пять тысячъ рублей экономіи; но я вскорѣ узналъ о причинѣ сихъ нелѣпыхъ слуховъ, какъ сіе ниже видно будетъ.

Послѣ обѣда пришелъ ко мнѣ Иванъ Шиповъ, который имѣетъ порученіе въ Черноморію, и онъ мнѣ разсказалъ слѣдующее.

Когда Левашовъ пріѣзжалъ въ прошедшемъ году въ Петербургъ, то ему Государь говорилъ, что онъ желалъ бы изъ Кіева сдѣлать третью столицу *). Сіе было ему лично сказано Государемъ, или чрезъ военнаго министра. На это Левашовъ отвѣчалъ, что сіе бы можно, но что присутствіе главной квартиры, стѣсняющей городъ, постоянно ему въ томъ препятствовало. — «Чего же откладывать? сказалъ министръ. При первомъ случаѣ, какъ вамъ будетъ о семъ говорить Государь, скажите сіе, и я васъ поддержу и представлю значительность расходовъ, обременяющихъ казну по случаю существованія главной квартиры». Такъ и случилось: Левашовъ свое сказалъ Государю и когда министръ о семъ былъ спрошенъ, то онъ отвѣчалъ, что точно расходы

---

*) Новое доказательство прозорливости Государя. Извѣстно, что о перенесеніи столицы въ Кіевъ представлялъ Николаю Павловичу князь М. С. Воронцовъ, а Александру Николаевичу князь А. И. Барятинскій, который на возраженіе относительно праха предковъ, отвѣчалъ, что перевозъ гробницъ изъ Петропавловской крѣпости въ Кіевъ не сопряженъ съ особыми затрудненіями. П. Б.

очень велики, что министръ финансовъ на нынѣшній годъ отдалъ ему только $^2/_3$ положеннаго бюджета расходовъ по Военному Министерству и что потому онъ точно полагалъ необходимымъ уничтожить главный штабъ арміи, и представилъ Государю записку, составленную по всѣмъ департаментамъ своего министерства, въ коей были показаны огромные расходы, употребляемые на содержаніе главнаго штаба арміи, и уничтоженіе его въ мигъ было рѣшено; а министръ получилъ въ командованіе свое два корпуса, чего онъ домогался.

Все сіе противорѣчило однако словамъ министра, соглашавшагося со мною, что главная квартира не могла обременить города, а напротивъ того умножала благоденствіе онаго, по большему количеству денегъ, нами тамъ расходуемому; ибо всѣ квартиры наши въ Кіевѣ наемныя, а не отводныя и не составляютъ никакой повинности для города.

Ввечеру былъ балъ. Государь, отведя меня въ сторону, велѣлъ остаться всѣ слѣдующіе дни при немъ, дабы присутствовать на всѣхъ ученьяхъ и маневрахъ, и объявилъ мнѣ, что я назначаюсь на сихъ послѣднихъ быть посредникомъ. Я отвѣчалъ, что, не будучи никогда на маневрахъ, боюсь ошибаться; но Государь не принялъ сего извиненія, и 2-го числа по утру военный министръ объявилъ мнѣ, что Государь назначаетъ меня начальствовать Петербургскимъ отрядомъ на маневрахъ, имѣющихъ быть 9-го и 10-го чиселъ, при чемъ далъ повелѣніе, диспозицію и карту. Военный министръ сказывалъ мнѣ еще, что командиръ 6-го пѣхотнаго корпуса князь Хилковъ, коимъ Государь остался очень недоволенъ, располагаетъ выйти въ отставку, что его замѣнитъ командиръ 1-го корпуса Нейдгардъ, коего домашнія дѣла призывали въ Москву; что мнѣ бы дали 1-й корпусъ, но что во вниманіе къ неудовольствіямъ, которыя были между мною и фельдмаршаломъ Паскевичемъ, Государь не рѣшился мнѣ дать сего корпуса, а назначаетъ въ оный генерала Гейсмара, а меня на мѣсто Гейсмара въ пятый корпусъ, по окончаніи дѣлъ счетной коммиссіи; что Государь полагаетъ мнѣ приличнѣе командовать на Турецкой границѣ, гдѣ мнѣ дѣла были извѣстны и гдѣ я могъ быть полезенъ въ первой войнѣ, которая бы открылась въ той сторонѣ. Онъ поручилъ мнѣ держать сіе въ тайнѣ. Я благодарилъ его за довѣренность и отвѣчалъ, что назначеніе такого рода для меня, конечно, весьма лестно; но что старше меня князь Горчаковъ, весьма достойный дивизіонный начальникъ. «Государь не хочетъ ему давать корпуса, отвѣчалъ министръ; впрочемъ Государь самъ отъ себя назначаетъ корпусныхъ командировъ, не смотря на старшинство. Прежде, продолжалъ онъ, Государь располагалъ было призвать васъ, по закрытіи счетной коммиссіи, въ

С.-Петербургъ и помѣстить въ Военный Совѣтъ, гдѣ бы вы были подъ рукою, но нынѣ вамъ корпусъ назначаетъ, по случаю открывающейся вакансіи». Словамъ министра не должно много вѣрить; при томъ же онъ прежде говорилъ о таковомъ назначеніи до окончанія счетной коммиссіи; нынѣ онъ переноситъ уже его послѣ закрытія оной. И я показалъ наименованіемъ князя Горчакова, сколь мало я добиваюсь новыхъ назначеній.

Пробывъ сей день у развода, я послѣ обѣда отправился въ Петербургъ, дабы заказать себѣ платье и нѣсколько осмотрѣться: ибо съ самаго пріѣзда моего я еще не осмотрѣлся. Я возвратился въ Петергофъ 3-го числа въ 3-мъ часу утра, и засталъ, что только еще разъѣзжались съ бала, который опять былъ у Императрицы.

3-го числа мнѣ приказано было быть на смотру флота, который долженъ былъ начаться въ десять часовъ утра. Въ назначенное время я явился къ пристани, гдѣ дожидался до 12 часовъ; когда же Государь пріѣхалъ со дворомъ, то всѣ отправились на пароходъ, на коемъ слѣдовали къ флоту. Государь былъ на двухъ корабляхъ: «Александрѣ» и «Полтавѣ». Во время пребыванія нашего на пароходѣ, Государь долго разговаривалъ со мною о предполагаемыхъ маневрахъ и состояніи войскъ въ арміи. Я предупреждалъ его о неопытности моей въ семъ родѣ искусства, въ коемъ я никогда не упражнялся; но Государь изъявлялъ надежду свою видѣть весьма занимательные маневры. Ему сказали, что я желалъ знать, можно ли посылать шпіоновъ въ непріятельскій лагерь. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что я могу дѣлать сіе, но что онъ будетъ вѣшать моихъ шпіоновъ.

3-го же числа поутру приступила ко мнѣ Хитрова *) съ сильнымъ заступленіемъ за Левашова, обвиняя фельдмаршала въ несправедливости. Я далъ ей почувствовать, что Левашова никто не трогалъ и что онъ одинъ впутался въ такое дѣло; но она не переставала кричать. Я тогда ей сказалъ, что Государь въ семъ дѣлѣ судья. «Бѣдные цари, отвѣчала она: они видятъ чужими глазами». Такая дерзость при дворѣ удивила меня; но съ женщиной не для чего было связываться. Я отвѣчалъ, что судъ Государевъ вѣрно основанъ на чемъ-нибудь и долженъ быть правъ, и перевелъ разговоръ на другой предметъ.

3-го ввечеру я отправился въ Красное Село, куда прибылъ въ десять часовъ.

4-го я былъ на кавалерійскомъ ученьи, которое Государь дѣлалъ. За обѣдомъ я сидѣлъ подлѣ Адлерберга, который любопытствовалъ

---

*) Знаменитая дочь князя Кутузова, Елисавета Михаиловна, мать недавно скончавшейся графини Е. Ѳ. Тизенгаузенъ. П. Б.

узнать о дѣлѣ Левашова. Я ему разсказалъ нѣсколько обстоятельствъ онаго. Онъ же... сказалъ мнѣ на вопросъ мой, что Левашовъ о происшествіи семъ доносилъ не рапортомъ, а запискою. И такъ указаніе князя Меншикова было справедливо, и сіе было сдѣлано въ надеждѣ, что записка сія не доложится формальнымъ образомъ Государю, а послужитъ только къ тому, чтобы повредить Карпову. Адлербергъ говорилъ мнѣ еще, что дѣло о смѣщеніи фельдмаршала было передано къ исполненію графу Левашову, потому что онъ увѣрилъ Государя о тѣсной связи, въ коей онъ находился съ фельдмаршаломъ. Я разсказалъ ему происшествіе и о письмѣ, писанномъ въ Сентябрѣ мѣсяцѣ Левашовымъ къ Государю, которое онъ будто показывалъ тогда князю и отъ коего князь отказался, сказавъ мнѣ, что онъ никогда не видалъ сего письма, какъ описано выше.

5-го было ученье всему гвардейскому корпусу, на коемъ присутствовала подъ конецъ Императрица; оно продолжалось близъ семи часовъ. Ввечеру генералы гвардейскаго корпуса и военный дворъ были приглашены въ Дудергофскую мызу Императрицы.

6-го поутру было ученье отряду, отправляющемуся въ Калишъ, послѣ чего Государь уѣхалъ въ Гатчину, а я съѣздилъ осмотрѣть мѣста, назначенныя для маневровъ.

Цѣль маневровъ была слѣдующая. Бѣлорусскій корпусъ, состоявшій изъ 30 батальоновъ пѣхоты, 40 эскадроновъ кавалеріи и 50-ти орудій, шелъ на Петербургъ, обезпеченный отъ внезапнаго нападенія. При семъ корпусѣ былъ начальникомъ штаба Государь, который и располагалъ всѣми движеніями онаго. Я командовалъ Петербургскимъ корпусомъ, который могъ оставить свою операціонную линію. Корпусъ сей состоялъ изъ 17 батальоновъ, 14 эскадроновъ и 30 орудій. Генералъ Шильдеръ былъ назначенъ командовать Лифляндскимъ корпусомъ, шедшимъ на подкрѣпленіе мое, и имѣлъ 10 батальоновъ пѣхоты, 6 эскадроновъ кавалеріи и отъ 10 до 12-ти орудій. Слѣдовательно обѣ соединенныя силы наши составляли гораздо менѣе войска, чѣмъ у Государя. Намъ должно было соединиться, а Государь долженъ былъ препятствовать сему соединенію и отбросить насъ къ морю.

Въ предположеніи, данномъ мнѣ письменно отъ военнаго министра, предоставлялось мнѣ избрать Большое Пулково или Лигово для собранія своего корпуса. Шильдеру назначено было село Виттино, верстахъ въ 40 отъ первыхъ двухъ пунктовъ; но село Виттино было написано на подскобленномъ, потому что въ первомъ предположеніи Государя, отправленномъ въ гвардейскій корпусъ, назначено было село Кипень, лежащее ближе къ моему сборному мѣсту. Корпусъ Ушакова, въ коемъ Государь былъ начальникомъ штаба, имѣлъ собраться въ

Гатчинѣ. Корпусъ сей, названный Бѣлорусскимъ, какъ равно и мой, начинали дѣйствія свои 9-го числа, въ 4 часа по полуночи, и въ томъ же повелѣніи военнаго министра было написано, что Лифляндскій корпусъ Шильдера начиналъ свои дѣйствія 9-го же числа послѣ полуночи. И какъ послѣднее распоряженіе сіе не согласовалось съ написанною диспозиціею, то я и располагалъ спросить у министра опредѣлительнаго назначенія времени къ выступленію Лифляндскаго корпуса. По пріѣздѣ моемъ въ Красное Село мнѣ доставлена была отъ гвардейскаго корпуса первая диспозиція, напечатанная, въ коей значилась Кипень сборнымъ мѣстомъ, а не Виттино; почему я спросилъ на ученьи министра, которому изъ сихъ двухъ распоряженій должно было слѣдовать. Онъ мнѣ отвѣчалъ съ неудовольствіемъ, что я не долженъ сомнѣваться въ томъ, чтобъ онъ передавалъ мнѣ неправильно приказанія Государя; на счетъ же времени начатія дѣйствій Лифляндскому корпусу отвѣчалъ, что въ повелѣніи означено весьма ясно: 9-го числа послѣ полночи, что̀ значило по истеченіи 9-го числа, т. е. 10-го; почему я и отмѣтилъ толкованіе сіе на данномъ имъ повелѣніи.

Изъ сего явствовало, сколько мнѣ противуставляли препятствій для соединенія съ Лифляндскимъ корпусомъ, который оставляли все 9-е число въ бездѣйствіи, тогда какъ я одинъ съ малыми силами долженъ былъ бороться противъ всего Бѣлорусскаго корпуса и слѣдовательно быть разбитымъ того же дня, а Шильдеръ слѣдующаго. Дабы болѣе удостовѣриться въ справедливости сего предположенія, я при удобномъ случаѣ спросилъ о семъ Государя, который мнѣ подтвердилъ, что Шильдера 9-го числа безпокоить не будутъ; притомъ Государь сказалъ мнѣ, что надобно опредѣлить театръ военныхъ дѣйствій, дабы я не могъ идти далѣе Царскаго Села. Государь всякій день напоминалъ мнѣ о сихъ маневрахъ и говорилъ при иностранцахъ шутя: «Celui-là nous donnera du fil à retordre» *); тоже самое говорила мнѣ Императрица. Я же постоянно отвѣчалъ всѣмъ, что буду жертвою, но постараюсь погибнуть со славою. Графъ Орловъ, принимая во мнѣ участіе, совѣтовалъ мнѣ отступить на Бабій Гонъ (что́ близъ моря), гдѣ была крѣпкая позиція, по примѣру какъ сіе сдѣлалъ князь Меньшиковъ на маневрахъ, и удовольствоваться, если мнѣ удастся отбить нѣсколько батальоновъ; потому что Государь часто заносился съ малою частію въ преслѣдованіи. Князь Волконскій мнѣ также совѣтовалъ идти къ Бабьему Гону. Но планъ дѣйствій моихъ уже былъ рѣшенъ:— я располагалъ 9-е число провести въ фальшивыхъ атакахъ, дабы заманить Бѣлорусскій корпусъ къ сторонѣ моря, а въ ночи съ 9-го на

---

*) Этотъ надѣлаетъ намъ много затрудненій.

10-е пройти въ тылу того корпуса, гдѣ и соединиться съ Шильдеромъ около Дудергофа. Посему я и далъ приказанія свои Шильдеру и нашелъ его готовымъ къ сему предпріятію, предпочитая въ случаѣ неудачи быть разбитымъ за Краснымъ Селомъ, чѣмъ быть приперту къ морю. Шильдеръ опасался только симъ дѣйствіемъ поперечить желаніямъ Государя, располагавшаго собрать всѣ войска въ окрестностяхъ Петергофа 11-го числа къ готовящимся празднествамъ и дать Императрицѣ, пріѣзжимъ принцамъ и иностранцамъ зрѣлище сраженія въ окрестностяхъ Петергофа; но я, видя желаніе Государя испытать меня, не рѣшался въ семъ случаѣ поступить противъ моего начертанія, а потому и сказалъ Шильдеру, дабы онъ сослался на мое приказаніе, въ случаѣ еслибы на него стали негодовать, и взялъ съ него обѣщаніе никому не говорить о семъ предположеніи: ибо здѣсь нѣтъ тайны, и служащіе вообще, пренебрегая обязанностями своими, занимаются большею частію развѣдываніемъ и переносомъ слышаннаго, какого бы то содержанія ни было.

Желая употребить въ пользу такое расположеніе людей, среди коихъ я былъ совершенно чуждъ, какъ по малому знакомству, такъ и по различію въ понятіяхъ о вещахъ, я передалъ многимъ по секрету, что полагаю позицію Бабьяго Гона весьма выгодною и называлъ отдаленнѣйшія обходныя дороги, ведущія къ ней отъ мѣста расположенія какъ моего корпуса, такъ и Лифляндскаго, отклоняя всячески мысль о возможности соединиться въ тылу Бѣлорусскаго корпуса. Военный министръ съ самою неловкою коварностію спросилъ меня, какой у меня былъ планъ дѣйствій, прибавивъ, что я не долженъ сомнѣваться, что онъ сохранитъ сіе въ тайнѣ, но что впрочемъ онъ у меня не требовалъ сообщенія мыслей моихъ. Я отвѣчалъ, что признавалъ положеніе села Копорскаго, лежащаго по дорогѣ къ Бабьему Гону, весьма выгоднымъ и что при ономъ вѣроятно могла быть сильная встрѣча. «Не правда ли? сказалъ онъ улыбаясь. Вы видите, какъ это мѣсто важно; я также думаю и потому совѣтовалъ бы вамъ осмотрѣть мѣста сіи». Я сказалъ ему, что осмотрю ихъ, посылалъ туда офицеровъ и наконецъ самъ ѣздилъ по всѣмъ симъ мѣстамъ, дабы болѣе направить вниманіе въ ту сторону; изъ предоставленныхъ же мнѣ къ избранію двухъ сборныхъ мѣстъ я назначилъ ближайшее къ морю Лигово (ибо Пулково, лежащее позади, могло слишкомъ обнаружить намѣреніе мое).

7-го къ вечеру я прибылъ въ Лигово, гдѣ и войска собрались. 8-го числа былъ отдыхъ. Въ теченіи сего дня я долженъ былъ уклониться отъ нескромныхъ вопросовъ подчиненныхъ мнѣ генераловъ, которые настоятельно и наглымъ образомъ просили объявить имъ намѣ-

реніе мое и докучали совѣтами. Въ другомъ случаѣ я бы прекратилъ такого рода обращеніе; но тутъ, имѣя ихъ только временно подъ начальствомъ и потворствуя невѣжеству ихъ, какъ равно и тому, что они многими годами ведены были къ такому обхожденію, я отвѣчалъ имъ двусмысленно; когда же я передъ вечеромъ объявилъ нѣкоторымъ по секрету первую диспозицію мою, изъ коей они увидѣли, что я направлялся къ Бабьему Гону, но не доходя его остановлюсь въ разныхъ пунктахъ и въ случаѣ напора располагалъ отступить назадъ въ Лигово, то они не могли сообразить намѣренія моего и, не догадываясь о настоящемъ, приписывали сіе распоряженіе, какъ казалось, моему незнанію, и я принужденъ былъ увѣрить ихъ, что я въ случаѣ отступленія пойду на слѣдующій день къ Стрѣльнѣ, дабы соединиться съ Шильдеромъ около Петергофа. «Какъ можно! говорили они съ удивленіемъ. Васъ предупредятъ въ Петергофѣ, и вы не соединитесь».— Тогда, отвѣчалъ я, исполнится по диспозиціи: меня отбросятъ въ море, и я прокрадусь за садами дачъ водою; ибо по распросамъ, сдѣланнымъ мною въ Петергофѣ, отмель далеко продолжается въ море.—«Да развѣ можно по водѣ ходить?» проговорили они.—Вы ходите по болотамъ съ пѣхотою, проговорилъ я, а по водѣ ходить легче. Они нашли сіе правильнымъ и успокоились.

9-го числа, въ четыре часа утромъ, началось движеніе. Оставивъ главныя силы на Стрѣленскомъ шоссе и занявъ сильными пѣхотными постами нагорный берегъ, прикрывающій движеніе мое долиною, я пришелъ за авангардомъ моимъ въ Копорское, откуда вывели передовые посты, съ коими прибылъ Государь. Съ высоты сей видны были всѣ окрестности, и въ семъ отношеніи пунктъ сей былъ весьма важенъ. Государь расположился противъ него въ селѣ Хейдемяки съ дивизіею легкой кавалеріи, и цѣлый день прошелъ между сими двумя селеніями въ стычкахъ, при коихъ нарушены были съ противной стороны предписанныя правила, дабы не топтать хлѣба и принимать засѣянныя поля за непроходимыя мѣста; но все сіе ни къ чему не повело. Я опасался атаки; ибо я неминуемо бы лишился Копорскаго, чѣмъ бы и подалъ подозрѣніе въ своемъ намѣреніи. Но сего не случилось, и отдѣльный отрядъ, состоящій изъ четырехъ эскадроновъ спѣшенныхъ драгунъ съ двумя пушками, посланный къ Разбѣгаеву (что еще дальше къ Бабьему Гону) отвлекъ шесть батальоновъ и полкъ кавалеріи къ сторонѣ моря.

Я съ удовольствіемъ видѣлъ, что вся пѣхота Бѣлорусскаго корпуса тянулась въ другую сторону, что разъѣзды производились оплошно до такой степени, что въ теченіи цѣлаго дня я получалъ извѣстіе о дѣйствіяхъ противной стороны чрезъ казачью заставу, поставленную

почти съ непріятельской стороны и совершенно позади всѣхъ ихъ передовыхъ постовъ.

Я не долженъ былъ въ тотъ день отважиться къ бою, и потому, избѣжавъ онаго до вечера, какъ только смерклось, отступилъ съ горы и въ ту минуту только объявилъ генераламъ намѣреніе свое; а на горѣ оставилъ четыре эскадрона, коимъ приказалъ держаться до двухъ часовъ утра, а къ тому времени, если бы ихъ стали тѣснить, броситься въ разныя стороны и болѣе къ Разбѣгаеву, дабы туда заманить преслѣдующихъ.

Такъ и случилось. 10-го числа, въ исходѣ 2-го часа утра, конница моя была вытѣснена, и часть ея преслѣдуема къ сторонѣ Бабьяго Гона, гдѣ она присоединилась къ летучему отряду, въ коемъ предполагали пѣхоту, потому что я приказалъ драгунамъ бить въ барабаны по лѣсамъ, а Государю донесли, что я потянулся къ морю. Между тѣмъ я совершилъ безъ всякаго препятствія, въ теченіе ночи, обратно движеніе свое, переходъ чрезъ большую дорогу въ Павловскомъ, что́ близъ Краснаго Села, и наступательный маршъ чрезъ большой гвардейскій лагерь за Дудергофскую гору, куда и прибылъ въ три часа утра. О прибытіи моемъ на сіе мѣсто Государь узналъ только въ пять часовъ, когда войска мои, отдохнувъ, готовились къ дальнѣйшему слѣдованію на встрѣчу Шильдеру чрезъ Гатчинскую дорогу.

На здѣшнихъ маневрахъ обыкновенно назначаются посредники изъ старшихъ генераловъ. Они отличаются отъ прочихъ тѣмъ, что носятъ шляпы въ метелкѣ. Обязанность ихъ состоитъ въ томъ, чтобы смотрѣть, дабы кавалерійскія атаки останавливались на пятидесяти шагахъ отъ предполагаемаго непріятеля, дабы не топтали засѣянныхъ полей; они же рѣшаютъ по числу дѣйствующихъ войскъ, которая сторона слабѣе и потому отступить должна. Ко мнѣ былъ назначенъ генералъ Депрерадовичъ, человѣкъ старый, честный, но довольно извѣстный по ограниченности способностей. Онъ вездѣ ѣхалъ со мною и сначала предупредилъ меня, что не будетъ ни во что́ вмѣшиваться и препятствовать моимъ распоряженіямъ; но между тѣмъ на всякомъ шагу любопытствовалъ узнать о моихъ намѣреніяхъ и удивлялся, почему я не спѣшилъ идти къ Бабьему Гону. Бездѣйствіе мое въ Копорскомъ казалось ему непонятнымъ. Я никому ничего не говорилъ и тѣмъ менѣе расположенъ былъ открыться Депрерадовичу, который до такой степени глухъ, что ему надобно по нѣскольку разъ на ухо кричать всякое слово, при чемъ онъ переспрашиваетъ слова по своему. Сего достаточно было, дабы ему ничего не говорить. И всѣ окружающіе меня также любопытствовали узнать мою цѣль и все подслушивали. Депрерадовичъ, какъ и прочіе находившіеся со мною,

простояли все 9-е число безъ пищи и безъ сна, къ чему они не привыкли. Ропотъ былъ всеобщій, и всѣ говорили, что подобныхъ маневровъ никогда не видали. Передъ выступленіемъ съ горы Депрерадовичъ исчезъ. Опасаясь, что онъ останется на горѣ одинъ, я сталъ его искать по всѣмъ сараямъ, дабы увидѣть, не заснулъ ли онъ и наконецъ нашелъ его передъ пѣхотною колонною, шедшаго пѣшкомъ. Я тогда сказалъ ему, что мы идемъ на деревню Пески, лежащую по дорогѣ нашей. Онъ спросилъ, тамъ ли будетъ ночлегъ; я отвѣчалъ, что не могъ опредѣлить сего, и продолжалъ идти далѣе, а онъ наконецъ очутился со мной за Дудергофскою горою. Отъѣхавши для отдыха въ ближайшее селеніе, онъ прислалъ мнѣ сказать, что ѣдетъ къ Государю и потому желаетъ знать, не имѣю ли я какихъ донесеній къ Его Величеству. Я пошелъ къ нему самъ, и онъ объявилъ мнѣ о своемъ намѣреніи; причиной же сему ставилъ то, что онъ находилъ свое присутствіе излишнимъ, потому что я нарушилъ данную мнѣ Государемъ диспозицію. Я просилъ его объяснить мнѣ, въ чемъ я ее нарушилъ. «Развѣ вы не получили ничего на мой счетъ?» спросилъ онъ.—Получилъ, отвѣчалъ я ему, что вы назначены посредникомъ.—«И больше ничего?»—Ничего.—«Читайте же чтó мнѣ написано», сказалъ онъ, подавая повелѣніе, имъ полученное. Я ожидалъ найти что нибудь необыкновенное, отъ меня скрытое, но увидѣлъ, что оно было такого содержанія, какъ и мнѣ данное; но Депрерадовичъ все опирался на помѣщенныя слова, что ему поручено наблюдать за исполненіемъ диспозиціи. Я опять спросилъ его, въ чемъ я ее нарушалъ?—Вамъ велѣно стараться соединиться съ Шильдеромъ, сказалъ онъ; такъ зачѣмъ же вы ушли?»—Я не ушелъ, а иду на соединеніе съ Шильдеромъ.—«Гдѣ же вы съ нимъ соединитесь, когда онъ теперь близъ Петергофа?»—Развѣ вы о томъ имѣете извѣстіе? Я же полагаю, что онъ здѣсь вблизи.—«Вамъ надобно было идти къ Петергофу. Государь туда же потянулся, а здѣсь онъ васъ не найдетъ, и вы симъ нарушили диспозицію». Я всячески старался убѣдить его, что диспозиція ни въ какомъ случаѣ не нарушена: ибо точка соединеній не была опредѣлена и что, напротивъ того, Государь предоставлялъ мнѣ двигаться даже до Царскаго Села; что если мнѣ удастся соединеніе, гдѣ бы то ни было, то я выигралъ; въ другомъ же случаѣ выиграла бы противная сторона разбитіемъ насъ порознь. Но онъ никакъ не могъ понять сего и все спрашивалъ: когда же будутъ маневры, говоря, что онъ уже пятнадцать лѣтъ исправляетъ должность посредника и никогда не видалъ подобныхъ, что маневры всегда заключаются въ пальбѣ и непремѣнно въ сраженіи. «Если бы вы, продолжалъ онъ, спросили меня, куда вамъ идти изъ Копорскаго, или открыли бы мнѣ свое

намѣреніе, то я бы по дружбѣ отсовѣтовалъ вамъ сіе: ибо цѣль Государя состояла въ томъ, чтобы дать красивое зрѣлище для Императрицы и собранныхъ принцевъ и иностранцевъ. Въ Петергофѣ готовились праздники для всей гвардіи, и вы этимъ движеніемъ разрушили всѣ предположенія Государя».—Цѣль и намѣреніе Государя, отвѣчалъ я, объяснены достаточно въ предположеніи маневровъ. Маневры почти уже кончены: ибо я сейчасъ отправляюсь далѣе на соединеніе съ Шильдеромъ, слѣдующимъ сюда съ 12 часовъ ночи. Тогда Депрерадовичъ началъ постигать движеніе сіе, находилъ его весьма искуснымъ, поздравлялъ съ успѣхомъ, но опасался гнѣва Государева. Я увѣрялъ, что Государь будетъ симъ доволенъ, и онъ рѣшился, прежде отъѣзда своего (отъ котораго я его впрочемъ не удерживалъ), посмотрѣть на сіе чудесное для него соединеніе съ отрядомъ, который онъ все еще полагалъ направлявшимся къ Петергофу.

Въ ту самую минуту, какъ я хотѣлъ подыматься, дабы идти далѣе, прискакалъ ко мнѣ офицеръ отъ Шильдера съ извѣстіемъ, что онъ въ шести верстахъ и пробрался ночью мимо всѣхъ войскъ непріятельскихъ, не замѣтившихъ его движенія. Самъ офицеръ проскакалъ чрезъ непріятельскіе кавалерійскіе посты, открывшіе меня и окружившіе Дудергофскую гору. При семъ извѣстіи ропотъ прекратился и замѣнился всеобщимъ изумленіемъ. Я рѣшился остаться въ Дудергофской позиціи, которая была весьма выгодна для ожиданія Бѣлорусскаго корпуса, и послалъ на встрѣчу Шильдера небольшой отрядъ, который и соединился съ нимъ въ виду нашемъ, а корпусъ Шильдера, никѣмъ не тревоженный, вступилъ за Дудергофскую гору, мѣсто весьма крѣпкое, гдѣ можно съ выгодою принять бой противъ двойныхъ и даже тройныхъ силъ.

Дѣйствія Шильдера были слѣдующія. 9-го числа его окружили двадцатью батальонами пѣхоты и цѣлою дивизіею кавалеріи, но по условіямъ диспозиціи не могли атаковать и располагали, 10-го, съ разсвѣтомъ его разбить. Шильдера же окружили людьми, которые также старались вывѣдать его намѣренія. Онъ также воспользовался симъ, дабы направить вниманіе всѣхъ по окружной дорогѣ, ведущей чрезъ Гостилицу въ Петергофъ, и въ полночь, когда ему разрѣшено было начать дѣйствія, приказалъ $^1/_2$ эскадрону атаковать противный лагерь, что́ и было сдѣлано къ самой квартирѣ Государя. Во всеобщей тревогѣ все войско поднялось и погналось за симъ полуэскадрономъ по направленію къ Гостилицѣ, очистивъ Шильдеру нужную дорогу къ Дудергофу, по коей онъ и пошелъ безъ препятствія. Разъѣзды противной стороны, основываясь на разныхъ ложныхъ извѣстіяхъ, донесли даже, что они видѣли пѣхоту въ Гостилицахъ, и движеніе тѣмъ силь-

нѣе продолжалось въ ту сторону, чтó и дало Шильдеру средство исполнить мое предназначеніе.

Цѣль была достигнута, и маневръ конченъ. Утомленный трудами двухъ сутокъ, я уснулъ подъ кустомъ. Никто не видалъ сего, и съ трудомъ могли меня найти, когда пріѣхалъ военный министръ, дожидавшійся меня около часу. Онъ встрѣтилъ меня съ обыкновеннымъ недовѣрчивымъ взглядомъ своимъ и, съ видомъ оскорбленнаго неудачею человѣка, сказалъ мнѣ, что Государь былъ очень доволенъ моимъ маневромъ, но что теперь нужно было сдѣлать развязку и показать ожидаемое зрѣлище для Императрицы и иностранцевъ, а потому совѣтовалъ мнѣ далѣе не уходить. Я отвѣчалъ, что не уходилъ, а шелъ на соединеніе съ Шильдеромъ и давно уже занялъ позицію въ Дудергофѣ, въ которой и ожидаю Бѣлорусскій корпусъ. Тутъ онъ мнѣ далъ почувствовать, что надобно было уступить мѣсто. Я отвѣчалъ, что готовъ на сіе и исполню и спросилъ, нѣтъ ли препятствія оставаться мнѣ въ Дудергофѣ.—«Нѣтъ», сказалъ онъ колеблясь. Но, видя желаніе его, дабы все происходило на открытомъ мѣстѣ и не въ столь крѣпкой позиціи, я предупредилъ министра, спросивъ: не будетъ ли препятствовать садъ Государевъ, находящійся въ семъ мѣстѣ? Онъ съ удовольствіемъ принялъ мысль сію, нашелъ ее правильною и приказалъ вывести войска на равнину противъ большаго лагеря, гдѣ меня Государь будетъ атаковать, сказавъ, что кирасирская дивизія будетъ обходить мой правый флангъ. Я объяснилъ министру, что не могу въ скорости сдѣлать сего движенія и что прежде двухъ часовъ времени затруднялся собрать двадцати-тысячное войско, разставленное по лѣсамъ въ разныхъ мѣстахъ. «Какъ хотите, сдѣлайте: ибо Государь сейчасъ будетъ». Послѣ сего министръ отвелъ меня въ сторону и объявилъ, что Государь назначилъ меня наканунѣ командиромъ пятаго пѣхотнаго корпуса и что симъ назначеніемъ могъ я быть особенно счастливъ въ нѣсколькихъ отношеніяхъ: 1-е) потому что оно само по себѣ лестно, 2-е) потому что я не подъ командою фельдмаршала или другаго генералъ-аншефа и 3-е) и самое важное, что я буду зависѣть отъ него собственно и отъ лица Государя. Я не нашелся отвѣчать ему на столь высокомѣрныя рѣчи, и трудно было что либо отвѣчать; но слова сіи напомнили мнѣ, сколь мало слѣдовало мнѣ дорожить назначеніемъ, объявленнымъ съ такимъ мрачнымъ предзнаменованіемъ. Онъ еще сказалъ мнѣ, что имѣетъ со мною переговорить о нѣкоторыхъ дѣлахъ наединѣ касательно графа Левашова, который донесъ на сдѣланный ему вопросъ о сказанныхъ имъ за обѣдомъ нескромныхъ рѣчахъ на счетъ фельдмаршала, якобы онъ никогда не говорилъ сего

и въ доказательство ссылался на данное ему нынѣ честное слово генераломъ Кайсаровымъ, что онъ будто не слыхалъ сего.

Я видѣлъ изъ сказаннаго министромъ о маневрахъ, что дѣло заключалось уже въ другомъ смыслѣ и что сіе послѣднее дѣйствіе необходимое не могло имѣть связи съ предположенными маневрами, кончившимися соединеніемъ двухъ отрядовъ, и потому я приказалъ офицеру генеральнаго штаба Фролову вывести жалонеровъ и разбить мѣста для постановленія войскъ на новой позиціи, ему болѣе извѣстной, назначилъ начальниковъ различныхъ частей и сказалъ ему, дабы онъ передалъ имъ приказаніе мое выступить на новую позицію по разстановленіи жалонеровъ, а самъ остался въ избѣ, гдѣ еще передавалъ нѣкоторыя распоряженія частнымъ начальникамъ. Вскорѣ однакожъ послѣ сего я услышалъ усилившуюся пальбу, и ко мнѣ съ аванпостовъ прискакали съ извѣстіемъ, что Государь съ большими силами уже атакуетъ новую мою позицію. Полагая, что войска уже собрались на оную, я поспѣшилъ сѣсть верхомъ, но къ удивленію моему увидѣлъ, что еще никто не трогался изъ-за Дудергофской горы и вслѣдъ за симъ узналъ, что никому не было дано никакого приказанія; потому что капитанъ Фроловъ со всѣми жалонерами былъ захваченъ въ плѣнъ Черкесами по приказанію Государя, съ замѣчаніемъ, что никогда не должно предъ непріятелемъ занимать линію жалонерами.

Я приказалъ немедленно всѣмъ войскамъ выступать какъ ни попало. Тутъ случилась на пути ихъ болотистая рѣчка, чрезъ которую артиллерія съ большимъ трудомъ переходила, почему первые восемь батальоновъ, поспѣвшіе на позицію, вступили въ дѣло до моего прибытія безъ артиллеріи. Когда же всѣ собрались, то сдѣлалась большая суматоха, такъ что я съ трудомъ могъ разставить линіи пѣхоты и артиллеріи, что̀ однакожъ я успѣлъ сдѣлать. Сперва я подкрѣпилъ было передовые батальоны, но послѣ уступилъ переправы передо мной находившіяся и нѣсколько отвелъ линію назадъ. Между тѣмъ кавалерія тѣснила мой правый флангъ, и подчиненные мнѣ генералы, затрудняясь на каждомъ шагу въ дѣйствіяхъ своихъ, ничего не предпринимали, а только приказывали стрѣлять изъ пушекъ тамъ, гдѣ я ихъ ставилъ. Я тогда взялъ четыре батальона изъ отряда Шильдера, остававшагося въ резервѣ, и атаковалъ кавалерію, которую и погналъ назадъ, припирая къ рѣчкѣ и переправѣ, при чемъ сдѣлался у нихъ такой безпорядокъ, что все перемѣшалось: кирасиры съ легкою кавалеріею и съ артиллеріею. Я, забывши въ эту минуту цѣль, для которой я вывелъ войска съ Дудергофской горы, едва не вогналъ ихъ всѣхъ въ болото. Въ эту минуту Государь самъ выѣхалъ къ нимъ и, приказавъ ударить отбой, подозвалъ меня къ себѣ. Онъ благодарилъ

меня за всѣ мои дѣйствія, но замѣтилъ, что не должно выставлять жалонеровъ передъ непріятелемъ, не должно посылать войска въ бой безъ артиллеріи, и приказалъ отослать всѣхъ въ лагерь для отдохновенія, объявивъ, что маневры кончены.

За симъ послѣдовали поздравленія Наслѣдника, Нѣмецкихъ принцевъ, всѣхъ иностранцевъ, генералъ-адъютантовъ и всѣхъ окружавшихъ Государя. Выставляли дѣйствія мои превыше всѣхъ ожиданій, и многіе говорили, что они предвидѣли сіе и что имъ вѣрить не хотѣли. Отъ другихъ же я узналъ, что въ теченіи сихъ двухъ дней войска противнаго отряда не переставали двигаться усиленнымъ образомъ во всѣ стороны, по всѣмъ неосновательнымъ извѣстіямъ, доставляемымъ разъѣздами. Войска сіи были до крайности утомлены; многіе не успѣли даже придти къ третьему часу, когда сдѣлалась сія послѣдняя развязка. Изъ штабныхъ многіе упрекали другъ друга въ ошибкахъ, вообще складывали вину на подчиненныхъ. Флигель-адъютанты жаловались на утомленіе свое и лошадей, такъ что иные проѣздили до семидесяти верстъ въ сутки, а войска сдѣлали по пятидесяти и опоздали, тогда какъ мой отрядъ сдѣлалъ въ первый день до пятнадцати, а во второй до двадцати верстъ. Иные находили, что я поступилъ въ первый день какъ искусный полководецъ, а во второй какъ тонкій политикъ. Находя, что дѣло при Красносельскомъ лагерѣ было проиграно мною, спрашивали, точно ли я съ намѣреніемъ уступить оставилъ Дудергофскую крѣпкую позицію, на что̀ я имъ отвѣчалъ, что я оставилъ ее точно съ намѣреніемъ, дабы не попортить дорожекъ въ саду государевомъ. Вообще же большая часть радовалась моему успѣху, исключая военнаго министра, на лицѣ коего подъ горькою улыбкою скрывалось негодованіе.

Пріемъ Государя однакожъ успокоилъ меня, и онъ, хотя и былъ огорченъ неудачею, какъ мнѣ говорили, но показалъ въ семъ случаѣ то великодушіе, которое ему приличествовало. Онъ остановилъ еще артиллерію и кирасиръ и, приказавъ первой стрѣлять, велѣлъ кирасирамъ идти на встрѣчу и проходить сквозь орудія, дабы показать иностранцамъ, какъ кавалерія была пріучена къ огню.

По окончаніи онъ приказалъ мнѣ пріѣхать къ нему на квартиру въ Красное Село. Какъ я входилъ къ Государю, то встрѣтился съ Императрицею, которая поздравила меня побѣдителемъ. Я располагалъ было благодарить ее, но она приказала мнѣ спѣшить къ Государю, ожидавшему меня. Его Величество принялъ меня въ кабинетѣ, посадилъ, поблагодаря еще разъ, разсказалъ мнѣ со всею подробностію все движеніе мое, послѣ чего замѣтилъ опять ошибку въ высылкѣ жалонеровъ. Я отвѣчалъ, что сдѣлалъ сіе только съ умысломъ, дабы чище вы-

строиться и потому что ожидалъ его прибытія и что чрезъ захваченіе въ плѣнъ капитана Фролова съ жалонерами пріостановлено было движеніе войскъ, не получившихъ отданныхъ мною приказаній.—«Это твоя же ошибка, сказалъ Государь: надобно было тебѣ самому сіе видѣть». Онъ опять повторилъ мнѣ, что не должно было вводить въ дѣло восемь батальоновъ безъ артиллеріи. Я отвѣчалъ, что сіе было исполнено до моего прибытія, что я таковой ошибки не сдѣлалъ бы и что настоящая моя позиція была въ Дудергофѣ, а сію занялъ я по приказанію военнаго министра и не успѣлъ изготовиться къ прибытію Его Величества.—«Я знаю, что ты бы не сдѣлалъ сего, сказалъ Государь; но все таки ты виноватъ, что не былъ самъ при томъ».—У Вашего Величества, сказалъ я, было очень мало войскъ въ дѣлѣ, какъ я замѣтилъ.—«Я успѣлъ привести только 18 батальоновъ, отвѣчалъ Государь; прочіе же оставались въ Гостилицахъ». Вставая, я благодарилъ Государя за назначеніе меня корпуснымъ командиромъ.—«Это должное, сказалъ Государь: оно тебѣ слѣдуетъ. Я увѣренъ, что ты хорошо поведешь корпусъ. Принимаешь ли ты его?»—Я очень счастливъ оказанною мнѣ милостію, отвѣчалъ я и вышелъ.

По выходѣ моемъ отъ Государя остановилъ меня князь Волконскій и поздравилъ также съ успѣхомъ, но замѣтилъ тоже плѣненіе квартиргеровъ Черкесами, которое, повидимому, принимается дворомъ за настоящую побѣду. Потомъ я сходилъ къ военному министру, дабы просить позволенія ѣхать въ С.-Петербургъ, и засталъ у него за обѣдомъ Московскаго военнаго генералъ-губернатора князя Голицына, пріѣхавшаго незадолго предъ тѣмъ и ночевавшаго въ Красномъ Селѣ, въ ту самую ночь, какъ я проходилъ мимо. Министръ повидимому не простилъ мнѣ малой довѣренности ему оказанной въ семъ случаѣ. «Vous êtes rusé, général», сказалъ онъ мнѣ улыбаясь.—J'ai été discret, отвѣчалъ я, c'était indispensable *). Онъ отпустилъ меня и я, переночевавши тотъ день въ Красномъ Селѣ, поспѣшилъ на другой въ С.-Петербургъ, дабы укрыться отъ дальнѣйшихъ поздравленій и пересудовъ въ дѣлѣ слишкомъ щекотливомъ и въ коемъ я съ неудовольствіемъ долженъ былъ исполнить обязанность несогласную съ моимъ желаніемъ.

Отъѣздъ мой тѣмъ былъ необходимѣе, что Государь строго выговаривалъ многимъ изъ начальниковъ Бѣлорусскаго корпуса оплошность ихъ и неумѣніе, что весь дворъ собирался въ Петергофъ для довершенія части предположенныхъ увеселеній, что всей гвардіи, противъ прежнихъ предположеній, велѣно было внезапно выступить изъ

*) Вы хитрецъ, генералъ.—Я былъ сдержанъ; это было необходимо.

лагеря и возвратиться въ Петербургъ и что между молодыми офицерами происходили всякіе толки. Такъ кончились маневры. Ихъ успѣхъ, какъ и неудача должны были имѣть для меня непріятныя послѣдствія, коихъ я нынѣ могу избѣжать отъ военнаго министра только въ присутствіи Государя.

Петербургъ, 12 Іюля.

Сего числа я былъ у Клейнмихеля, дабы переговорить съ нимъ о дѣлахъ, по коимъ я сюда вытребованъ. Онъ мнѣ обѣщалъ успѣхъ во всѣхъ моихъ ходатайствахъ; между прочимъ предупредилъ меня, что я буду призванъ въ скоромъ времени въ комитетъ, составленный для упраздненія главнаго штаба арміи, и что цѣль ихъ состояла въ томъ, чтобы преобразовать счетную коммисію обѣихъ армій въ особенный департаментъ Военнаго Министерства, который будетъ находиться въ Кіевѣ, съ уничтоженіемъ сдѣланнаго уже предположенія объ учрежденіи канцеляріи военнаго генерала, имѣющаго управлять сею коммисіею.

Онъ говорилъ также о дѣлѣ Левашова и сказывалъ, что графиня [1]) пріѣхала сюда въ С.-Петербургъ; спрашивалъ, какимъ образомъ фельдмаршалъ принялъ извѣстіе объ устраненіи его отъ командованія арміею. Я ему отвѣчалъ, что онъ скрылъ на первыхъ порахъ огорченіе свое, но что впослѣдствіи не переставалъ жаловаться, какъ и прежде того, на поступокъ графа Левашова противъ него, говоря, что все сіе произошло отъ сложныхъ интригъ всякаго рода. Клейнмихель понялъ сіе и, не упуская случая указать на военнаго министра, отвѣчалъ, что сіе справедливо и что начало всего кроется въ интригахъ.

Сего же числа я получилъ отъ фельдмаршала собственноручное письмо слѣдующаго содержанія. Recevez, mon général, mes sincères remercîmens pour vos aimables lettres et pour toutes les choses gracieuses qu'elles contiennent. Je suis touché des bontés de l'Empereur et j'en conserverai le souvenir jusqu'à la fin de mes jours. Salut et amitié. Prince Sacken [2]).

14-го я ѣздилъ въ Петергофъ по случаю воскреснаго дня, вслѣдствіе приглашенія, которое на сіи дни имѣется для генералъ-адъютантовъ. Государь былъ въ Ораніенбаумѣ для посаженія на суда отряда, отправляющагося въ Калишъ и не желалъ, дабы кто либо, кромѣ дежурныхъ, при немъ находился. Онъ цѣлый день не возвращался въ Петергофъ, и говорили, что онъ воротится не прежде 15 числа вве-

---

[1]) Графиня Евдокія Васильевна, ур. Пашкова (1796—1868). П. Б.

[2]) Примите, мой генералъ, искреннюю мою благодарность за ваши любезныя письма и за пріятнѣйшее ихъ содержаніе. Я тронутъ милостями Государя и буду ихъ помнить до конца дней моихъ. Привѣтъ и дружба. Князь Сакенъ.

черу; но весь дворъ оставался въ Петергофѣ, и Императрица принимала пріѣзжающихъ послѣ обѣдни. Потомъ былъ обѣдъ, а ввечеру балъ.

О прошедшихъ маневрахъ многіе еще говорили мнѣ, поздравляя съ успѣхомъ. Всѣ знали, что послѣднее дѣйствіе противъ Красносельскаго лагеря было условленное и мнѣ приказано. Я тщетно отклонялъ разговоры сего рода, говоря всѣмъ, что не домогался никакого рода славы на сихъ маневрахъ. Императрица опять называла меня побѣдителемъ, а взятіе подъ конецъ въ плѣнъ капитана Фролова съ жалонерами шуточно обманомъ и измѣною, противъ меня сдѣланною военнымъ министромъ. Вообще полоненіе жалонеровъ принималось всѣми за искусную военную хитрость, коей изобрѣтеніе приписывали Государю; но по настоящимъ свѣдѣніямъ, до меня дошедшимъ, я узналъ, что Государь точно былъ доволенъ дѣйствіями моими въ сіи два дни.

Сего числа, на обратномъ пути, я заѣзжалъ на дачу графа Орлова, который сказывалъ мнѣ, что графъ Левашовъ въ оправданіяхъ своихъ писалъ, будто онъ всегда былъ въ хорошихъ сношеніяхъ съ фельдмаршаломъ, но что всѣмъ непріятностямъ, случившимся между ними, были причиною постороннія лица, какъ бы указывая на меня.

Петербургъ, 20-го Іюля.

Сего числа я былъ призванъ въ комитетъ, учрежденный для разсмотрѣнія проекта объ упраздненіи главнаго штаба арміи. Пріѣхавъ въ Военное Министерство, я засталъ тамъ военнаго министра, который отдавалъ приказанія начальникамъ департаментовъ, дабы они распорядились объ исполненіи воли Государя собрать къ пріѣзду его въ Кіевъ и Бѣлую Церковь безсрочныхъ отпускныхъ, находящихся въ Кіевской и Волынской губерніяхъ, и сформировать изъ нихъ два батальона, которые и представить въ началѣ Октября мѣсяца. Сіе дѣлается какъ опытъ утвержденнаго положенія о сформированіи изъ сихъ отпускныхъ въ военное время запасныхъ войскъ; и какъ дѣло сіе поручается мнѣ, то я представилъ, что, кромѣ обмундированія предполагаемаго симъ людямъ, они будутъ нуждаться въ артеляхъ, котлахъ и тому подобномъ. Предметы сіи совершенно упустили было изъ виду, какъ и всю хозяйственную часть батальоновъ, полагая, что можно будетъ ограничиться одною постройкою мундировъ для сформированія оныхъ.

По уходѣ военнаго министра началось засѣданіе комитета, въ коемъ присутствовали: дежурный генералъ, директоръ канцеляріи Военнаго Министерства Позенъ, генералъ-аудиторъ и генералъ-провіантмейстеръ. Засѣданіе открылось чтеніемъ новаго проекта, составленнаго въ министерствѣ, по коему учреждается совѣтъ изъ членовъ, предсѣ-

дателя и контролера. Я оспаривалъ сію мѣру; но они возразили, что сіе дѣлается по примѣру учрежденія департаментовъ. За симъ они дѣлили всю коммисію на два отдѣленія: одно военное, а другое счетное. Я представилъ несообразность сего, потому что военное отдѣленіе только кратковременное, которое должно прекратиться чрезъ два или три мѣсяца, а счетное продолжительное:—потому и выйдетъ, что вся счетная коммиссія въ самое короткое время будетъ состоять изъ одного отдѣленія, въ которое они располагали смѣшать дѣла интендантства первой и второй армій. Когда же я увидѣлъ по штатамъ, что они располагали управиться всѣмъ дѣломъ 20-ю чиновниками, то я объявилъ, что сіе рѣшительно невозможно и что если они думаютъ выиграть 38 тысячъ рублей ежегодно убавленіемъ штата, предположеннаго фельдмаршаломъ, то потеряютъ въ замѣнъ того время и впослѣдствіи переплатятъ лишнее. Тогда предложили мнѣ сіи 38 тысячъ рублей въ собственное мое распоряженіе, для усиленія чиновниками тѣхъ частей, которыя потребуютъ большаго числа оныхъ. Требовали, чтобы я представилъ имъ на семъ основаніи предположеніе свое, во сколько времени могутъ окончиться дѣла, и спрашивали, согласенъ ли я буду на такія мѣры. Я отвѣчалъ, что не имѣю права на какое либо мнѣніе, которое бы отступило въ чемъ либо отъ мнѣнія фельдмаршала, а потому и не могу ничего изъявить на сей счетъ. «Но главный штабъ, сказали они, упраздняется съ перваго Сентября».—Тогда я объявлю мнѣніе свое, отвѣчалъ я; сказать же теперь, во сколько времени счетная коммисія можетъ окончить занятія свои считаю невозможнымъ; ибо удобства предположеній какъ фельдмаршала, такъ и ими составленныхъ должны оказаться на опытѣ. Тогда Позенъ возразилъ, что въ такомъ случаѣ всего лучше было просто приказать дѣйствовать по предначертанію сдѣланному въ министерствѣ. Это всего лучше, сказалъ я, коль скоро вы измѣняете предположенія фельдмаршала, и тогда я буду работать данными мнѣ орудіями, нисколько не отвѣчая за успѣхъ дѣла.—«Но вы говорите, сказалъ Позенъ, что успѣхъ обоихъ предположеній гадательный?»—Они гадательны, отвѣчалъ я; но предположеніе фельдмаршала имѣетъ то въ свою пользу, что оно составлено на самомъ мѣстѣ людьми управляющими частями, входящими въ составъ счетной коммисіи, и принаровлено какъ къ самому ходу дѣлъ, такъ и къ лицамъ, которыя займутъ мѣста сіи. Засѣданіе кончилось симъ послѣднимъ объясненіемъ, и я требовалъ еще, что ежели уже они измѣняютъ предположеніе, то помѣстили бы въ своемъ раздѣленіе занятій по столамъ, какъ сіе сдѣлано въ проектѣ фельдмаршала. Хотя они говорили, что не хотѣли симъ стѣснять меня, но я не располагалъ входить въ какія либо частныя распоряженія по положенію ими дѣ-

лаемому. Они хотѣли передѣлать весь проектъ свой по возраженіямъ, сдѣланнымъ мною въ засѣданіи и поднести Государю на утвержденіе, и я снова подтвердилъ имъ, что буду исполнять по оному, но что согласія своего не изъявляю и изъявить не могу.

21 Іюля я обѣдалъ у дежурнаго генерала Клейнмихеля. Онъ сообщилъ мнѣ, по приказанію военнаго министра, желаніе Государя, дабы къ пріѣзду Его Величества въ Кіевъ тамъ уже не было фельдмаршала, а дабы къ тому времени онъ былъ въ Санктпетербургѣ. На меня возлагали исполнить сіе осторожнымъ образомъ; но я не взялъ на себя сего порученія, говоря, что его можно возложить на кого-либо другаго, а что я, съ своей стороны, не приму его иначе, какъ съ тѣмъ, чтобы прямо сообщить фельдмаршалу волю Государя открытымъ образомъ. На сіе Клейнмихель сказалъ, что такимъ образомъ не согласятся сдѣлать, ибо сіе произведетъ новую исторію. Измѣнивши оборотъ предложенія своего, онъ продолжалъ, что зналъ напередъ, что я не приму на себя такого рода порученія.—Порученіе такого рода, отвѣчалъ я, могъ бы исполнить одинъ только Карповъ, который умѣетъ лучше убѣдить фельдмаршала.—«Но Карпову сего поручить нельзя, сказалъ Клейнмихель: онъ продастъ».—Продастъ и правильно сдѣлаетъ, отвѣчалъ я, потому что онъ фельдмаршалу близокъ какъ сынъ; но зачѣмъ Государь не хочетъ видѣть фельдмаршала? Онъ ему не будетъ мѣшать, не будетъ жаловаться, и дѣло обойдется однимъ обѣдомъ.—«Я не говорю, сказалъ Клейнмихель, чтобы Государь избѣгалъ свиданія съ фельдмаршаломъ по происшествію съ Левашовымъ. Государь, можетъ быть, не желаетъ только, чтобы фельдмаршалъ безъ званія и должности присутствовалъ на смотрахъ войскъ бывшей его арміи. Кстати, продолжалъ Клейнмихель, знаете ли, что Государь назначаетъ васъ исправляющимъ должность начальника штаба при войскахъ 4-го и 5-го корпусовъ, имѣющихъ собраться къ смотру Его Величества, до окончанія онаго, для приготовленія и представленія ихъ къ смотру?»—Дѣла у меня будетъ много, отвѣчалъ я, а потому не задерживайте меня здѣсь и испросите мнѣ позволеніе откланяться Государю. Онъ обѣщалъ мнѣ доставить въ скорости всѣ бумаги къ моему отправленію и доложить военному министру, дабы я могъ имѣть время побывать въ деревнѣ у отца.

22-го числа, будучи на парадѣ учебныхъ заведеній, я просилъ военнаго министра доложить Государю о желаніи моемъ воспользоваться временемъ, пока изготовляются бумаги, дабы побывать въ Москвѣ у отца.

23-го числа, въ десять часовъ утра, Государь потребовалъ меня къ себѣ. Отъ него вскорѣ вышли военный министръ и дежурный ге-

нералъ, которые предупредили меня, что Государю угодно было сдѣлать измѣненіе въ собираніи отпускныхъ нижнихъ чиновъ, изъ коихъ мнѣ было приказано сформировать два батальона. По входѣ въ кабинетъ, Государь обнялъ меня и началъ говорить о сихъ отпускныхъ. «Я самъ установилъ правила, сказалъ онъ, на коихъ должно собирать людей сихъ и упустилъ изъ виду, что въ губерніяхъ Кіевской и Волынской не положено собирать ихъ въ отдѣльные батальоны, а прикомандировывать, въ случаѣ надобности, къ полкамъ квартирующимъ въ губерніяхъ, и какъ я не для того издаю законы, чтобы измѣнять ихъ, и первый долженъ подавать примѣръ къ сохраненію оныхъ, то я отмѣнилъ формированіе батальоновъ и назначилъ людей сихъ къ прикомандированію въ полки 11-й, 12-й и 13-й пѣхотныхъ дивизій, имѣющіе собраться къ смотру: ихъ достанетъ болѣе ста человѣкъ на каждый полкъ. Я велѣлъ отпустить имъ сапоги, которые имъ подарятся, а полки найдутъ средство снабдить ихъ заручною аммуниціею; ежели же недостанетъ, то я готовъ заплатить прогоны за провозъ таковой изъ штабъ-квартиръ полковъ въ лагерь. Впрочемъ я заплачу полкамъ все, чтó ими будетъ издержано по сему предмету». Я обнадежилъ, что полки найдутъ средство управиться. Если же Вашему Величеству угодно будетъ собрать ихъ вмѣстѣ, продолжалъ я, то я хотѣлъ просить у Васъ позволенія употребить на то саперныхъ офицеровъ.—«Я не буду смотрѣть ихъ вмѣстѣ, сказалъ Государь, а если вздумаю, то выведу ихъ изъ фронта; что же касается до кавалеристовъ, то хотя они и принадлежатъ къ войскамъ разнаго рода, какъ гусарамъ, драгунамъ, кирасирамъ и пр., но всѣ они умѣютъ верхомъ ѣздить и носили при себѣ саблю или пику, а потому и могутъ быть представлены на конѣ съ кавалеріею».

— «Дѣло о драгунскомъ офицерѣ Прокторѣ, который вошелъ въ алтарь въ царскія двери во время богослуженія, представлено мнѣ, продолжалъ Государь; но рѣшеніе очень слабо. Видѣлъ ли ты его?»— Видѣлъ, Государь, и нахожу, что оно слабо.—«Отчего это? На какихъ правахъ оно рѣшено, на Лютеранскихъ развѣ?»—Оно рѣшено въ мое отсутствіе, и рѣшеніе сіе основано, кажется, на мнѣніи корпуснаго командира.—«Я его послалъ назадъ, чтобы передѣлали», сказалъ Государь.—Ваше Величество изволили приказать также пересмотрѣть дѣло рядоваго Кулакова, о коемъ донесли Вамъ, что онъ умеръ будто отъ побоевъ. — «Да, я приказалъ переслѣдовать его, отвѣчалъ Государь, обрати на него вниманіе».—Развѣ открылись по сему дѣлу какія новыя обстоятельства? продолжалъ я. Но кромѣ законнаго слѣдствія, я самъ лично изслѣдовалъ, сзывалъ роту и спрашивалъ людей всѣхъ вмѣстѣ и по одиночкѣ и увѣренъ совершенно, что онъ умеръ не отъ

побоевъ, о чемъ я тогда же доносилъ, до представленія еще настоящаго слѣдственнаго дѣла.—«Это до меня не доходило», отвѣчалъ Государь съ удивленнымъ видомъ. «Въ какомъ видѣ надѣешься ты мнѣ представить войска?» спросилъ Государь.—Я надѣюсь, что Вы будете довольны 11 и 12 дивизіями; но 13-я будетъ слабѣе. — «Ты вѣрно представишь мнѣ войска своего корпуса въ хорошемъ видѣ?»—Развѣ на будущій годъ, Государь; въ нынѣшнемъ же я не успѣю ничего сдѣлать; но и въ 13-й дивизіи есть одинъ полкъ весьма хорошій.—«Который?»—Бѣлостоцкій пѣхотный.—«Кто имъ командуетъ?»—Полковникъ Любавскій, служившій въ гвардіи.—«Помню», сказалъ Государь. «Смотри же, ты будешь командовать корпусомъ; держи его въ такой готовности, что если я пришлю фельдъегеря съ приказаніемъ выступить, то бы всѣ войска могли немедленно сѣсть на суда и отправиться въ Дарданеллы». — Войска собрать недолго, отвѣчалъ я; но къ сему нужно имѣть изготовленное заблаговременно продовольствіе.—«Но на судахъ они найдутъ морскіе запасы».—Ихъ не будетъ достаточно на мѣстѣ.—«На пять, на шесть дней всегда есть при войскахъ хлѣба, а тамъ надобно довольствоваться мѣстными способами. Намъ бы только захватить Дарданеллы, если Англичане, которые со своею системою все вздоръ затѣваютъ, захотятъ завладѣть симъ мѣстомъ. Лишь бы намъ высадить туда Русскіе штыки: ими все возмемъ, и тамъ найдемъ чѣмъ продовольствовать. Впрочемъ это все надо заготовлять исподоволь и въ тихомолку».—Въ такомъ случаѣ нужны будутъ артиллерійскій паркъ, инженерный паркъ.—«Это все будетъ».—Гарнизонная артиллерія, госпитали и много подобныхъ вещей.—«Это все тебѣ дадутъ. Нынѣ Англичане претендуютъ, чтобы мы не посылали своихъ судовъ за Дарданеллы. Я съ ними сдѣлаю договоръ, по коему не велю судамъ своимъ ходить туда; но и они не должны переходить на нашу сторону. Они теперь посылаютъ къ намъ лорда Дургама чрезъ Константинополь. Онъ будетъ проѣзжать чрезъ твои квартиры; соблюди противъ него всю вѣжливость, давай караулы и оказывай должныя почести, но болѣе ничего. Я для того тебя назначилъ въ сей корпусъ, чтобы ты былъ у меня въ готовности на всякій случай въ той сторонѣ».—Но Государь, сказалъ я, въ такихъ обстоятельствахъ мнѣ всего нужнѣе будутъ люди. Я недавно говорилъ съ графомъ Орловымъ о семъ предметѣ, и онъ сказалъ мнѣ, что въ такомъ случаѣ съ десантнымъ войскомъ не я пойду, а кто-либо другой; и потому мнѣ доведется, можетъ быть, идти сухимъ путемъ, десанта же поручить будетъ не на кого.—«А Лазаревъ? возразилъ Государь; чего же лучше?»—Лазаревъ командуетъ судами, а не высадными войсками. — «Да неужели изъ дивизіонныхъ начальниковъ никого нельзя

употребить въ сіе дѣло?» —Нельзя, Ваше Величество; я ихъ знаю; я даже хотѣлъ просить военнаго министра о перемѣнѣ одного изъ нихъ.— «Кого это?»—Маевскаго.—«Да, онъ записывается въ приказахъ, сказалъ Государь, и дѣйствуетъ болѣе по-аудиторски; но я его полагалъ хорошимъ фронтовымъ офицеромъ, и онъ прежде представлялъ мнѣ части свои всегда въ исправности».—Онъ человѣкъ умный отъ природы, сказалъ я, но фронтовую службу мало знаетъ, и приказы его очень странны. «Ну, кланяйся же фельдмаршалу», сказалъ мнѣ Государь, обнимая меня. Въ это время Польскій крестъ мой зацѣпился за петлицу Государя, и онъ, отцѣпляя его, сказалъ шутя: «Видишь ли, какъ мы другъ къ другу привязаны. Скажи фельдмаршалу, что я весьма желаю, чтобъ онъ сюда прибылъ». — Сколь можно поспѣшнѣе, Государь?— «Да, мнѣ хочется, отвѣчалъ онъ, дабы онъ здѣсь совсѣмъ успокоился и водворился». Послѣ сего онъ меня отпустилъ и сѣлъ; но я, возвратившись отъ дверей, подошелъ къ нему и сказалъ, что имѣю еще милости просить у него.—«Чтó такое? спросилъ Государь. — Позвольте мнѣ, Ваше Величество, поручить милостивому вниманію Вашему брата моего Александра, возвратившагося нынѣ изъ Сибири. Государь отвѣчалъ мнѣ съ пріятною улыбкою и, какъ замѣтить можно было, съ сердечнымъ удовольствіемъ, что онъ его нынѣ перевелъ въ Симферополь. «Повремени, повремени, сказалъ онъ, весьма ласково: все обойдется, все поправится. Я очень доволенъ твоимъ братомъ, который въ Курскѣ [1])».

По выходѣ отъ Государя меня дожидался военный министръ, который передалъ мнѣ порученіе Государя уговорить фельдмаршала пріѣхать въ Петербургъ поскорѣе. Когда же онъ увидѣлъ, что я колебался въ принятіи порученія такого рода, для исполненія его скрытнымъ образомъ, то онъ сказалъ мнѣ, что я могу приступить къ сему явными средствами и сказать фельдмаршалу, что присутствіе его во время смотровъ войскъ, вышедшихъ уже изъ его команды и въ присутствіи фельдмаршала Паскевича, который, можетъ быть, пріѣдетъ съ Государемъ, могло бы быть для него оскорбительно, и потому ему лучше бы было къ тому времени уѣхать въ Петербургъ. — Я сообщилъ Клейнмихелю сказанное мнѣ Государемъ на счетъ фельдмаршала и объявилъ ему, что все сказанное мнѣ имъ Клейнмихелемъ по сему дѣлу считаю comme non-avenu [2]), съ чѣмъ и онъ согласился.

Оттуда поѣхалъ я на Елагинъ островъ откланяться Императрицѣ и Наслѣднику. Я дожидался близъ двухъ часовъ, въ теченіи которыхъ видѣлъ два раза Наслѣдника, который, по спросѣ, простился со мною

---

[1]) Т. е. Михаиломъ Николаевичемъ. П. Б. [2]) Какъ не-бывшее.

и поручилъ кланяться фельдмаршалу. Императрица вышла въ пріемную и собиралась ѣхать въ городъ. Она много разспрашивала меня о семейныхъ дѣлахъ моихъ, о женитьбѣ и сестрахъ жены и заключила порученіемъ упрекнуть фельдмаршала въ томъ, что онъ ее забылъ и просить благословенія у митрополита Евгенія.

На другой день послѣ сего разговора, т. е. 24-го числа, я былъ у графа Орлова и предупредилъ его о затрудненіяхъ, которыя я встрѣчу, если меня бы отправили безъ хлѣба съ отрядомъ въ Турцію; ибо пятидневное продовольствіе, о которомъ сказывалъ Государь, скоро истощится; а затѣмъ нѣтъ никакого поручительства, чтобы я могъ достать хлѣба у Турокъ, особливо въ такое смутное время, какъ тогда будетъ. Орловъ меня увѣрялъ, что онъ о семъ уже нѣсколько разъ говорилъ Государю и что будетъ настаивать, дабы заблаговременно были сдѣланы всѣ нужныя приготовленія. Онъ совѣтовалъ мнѣ поговорить о семъ съ военнымъ министромъ. Я видѣлся съ графомъ Чернышовымъ; но онъ по обыкновенію своему ничего не выслушалъ, а только сталъ говорить самъ о семъ дѣлѣ и сказалъ, что все у нихъ готово къ отправленію войскъ, раскланялся и отпустилъ меня. Я сказалъ ему однакоже, что считаю себя обязаннымъ прислать записку о надобностяхъ, которыя встрѣтятся въ такомъ случаѣ, что́ и располагаю исполнить: ибо если на нихъ положиться, то они въ состояніи отправить одни войска безъ всякихъ средствъ продовольственныхъ и другаго рода.

26-го я выѣхалъ изъ Петербурга и ночевалъ сію ночь у Прасковьи Николаевны Ахвердовой, въ Царскомъ Селѣ, откуда продолжалъ далѣе путь свой. Я продолжалъ далѣе путь свой 27-го числа и 30-го пріѣхалъ во Всесвятское село, гдѣ оставилъ карету свою и въѣхалъ въ Москву для свиданія съ Чертковымъ и Шаховскимъ. 30-го же я выѣхалъ къ брату Александру въ Ботово, съ коимъ и свидѣлся послѣ 15-лѣтней разлуки. 1-го Августа я пріѣхалъ къ батюшкѣ въ деревню, а 2-го отъ него выѣхалъ и 5-го числа пріѣхалъ ночевать къ Кругликову въ Чечерскъ. 7-го я возвратился въ Кіевъ.

8-го я былъ у фельдмаршала. Онъ много обрадовался моему пріѣзду, благодарилъ за извѣстія, которыя я ему сообщилъ, но между прочимъ жаловался на поступокъ Государя противъ него. Я его успокоивалъ, говоря, что, если Государь, положившись на ложное донесеніе Левашова, и оскорбилъ его, то оскорбленіе сіе было совершенно заглажено послѣдовавшими поступками Государя; онъ на сіе согласился. Я ему говорилъ о желаніи Государя, дабы онъ ѣхалъ въ Петербургъ. Сіе его безпокоило. «Меня не хотятъ здѣсь оставить, сказалъ онъ; имъ домъ мой нуженъ для помѣщенія Государя, я имъ его очищу. Это все ин-

триги Чернышова, который не хочетъ допустить, чтобы я здѣсь съ Государемъ видѣлся». Я сказалъ ему о слышанномъ мною отъ Государя, что онъ располагаетъ назначить его для заступленія его мѣста во время отсутствія, но просилъ его держать сіе въ тайнѣ, нисколько не обнадеживая въ семъ и не представляя ему о семъ съ тою цѣлью, дабы его заманить въ Петербургъ. Онъ обѣщался мнѣ содержать сіе въ тайнѣ и сказалъ, что поѣдетъ. Сперва онъ хотѣлъ ѣхать въ Ревель, ибо онъ, кажется, затрудняется присутствіемъ семейства своего; но теперь онъ рѣшился ѣхать прямо въ Петербургъ и приказалъ все изготовить къ выѣзду своему къ 10-му Сентября. Не менѣе того ему не хочется ѣхать, и онъ всякій день жалуется на свое положеніе.

Кіевъ, 3-го Сентября.

1-го числа фельдмаршалъ оставилъ командованіе свое арміею. По сообщенному ему мною и нѣсколько разъ повторяемому желанію Государя, дабы онъ поѣхалъ въ Петербургъ, онъ было совсѣмъ собрался ѣхать и велѣлъ все изготовить къ своему отъѣзду, а мнѣ увѣдомить о семъ Адлерберга, что́ я и сдѣлалъ; но 2-го числа онъ рѣшительно объявилъ мнѣ, что не въ силахъ совершить пути сего, и что если бы онъ и предпринялъ его, то не надѣется довершить его, а умретъ дорогою. Видя опасенія его, я не рѣшался болѣе настаивать, дабы онъ съѣхалъ, и по приказанію его отправилъ по эстафетѣ подписанный имъ рапортъ на имя Государя о сдачѣ имъ командованія арміею съ изложеніемъ причинъ, препятствующихъ ему исполнить волю Государя, и испрошеніемъ разрѣшенія остаться до выздоровленія въ Кіевѣ. Я изложилъ обстоятельста сіи и въ письмѣ къ Адлербергу.

1-го числа фельдмаршалъ, по приглашенію моему, обѣдалъ у меня со всѣмъ семействомъ своимъ и ближними, былъ веселъ и, какъ кажется, признателенъ къ сему знаку преданности, оказанной ему уже по увольненіи его отъ должности.

11-го я поѣхалъ въ Бѣлую Церковь, для осмотра своей дивизіи, и сдѣлалъ всѣ нужныя распоряженія по возложенной на меня обязанности начальника штаба войскъ бывшей 1-й арміи, представляющейся на смотръ, при чемъ встрѣчалъ частыя мелочныя сопротивленія со стороны Кайсарова, который однакоже всякій разъ подавался на попятный дворъ, какъ только увидитъ, что я не расположенъ уступать.

13-го я возвратился и получилъ вчера отношеніе Адлерберга, который увѣдомляетъ меня, что Государь назначилъ графа Витта для представленія ему войскъ, собранныхъ въ Бѣлой Церкви на смотръ. Посему я и донесъ графу Витту о всѣхъ сдѣланныхъ мною распоряженіяхъ по хозяйственной части для сего сбора войскъ и увѣдомилъ

о семъ Кайсарова и своего дивизіоннаго начальника, о чемъ и доношу военному министру. Положеніе, въ которое нынѣ поставлены всѣ начальники въ Бѣлой Церкви, довольно затруднительно; мнѣ въ особенности надоѣло вести себя слишкомъ осторожно, дабы не оскорбить самолюбіе старшихъ, а между тѣмъ исполнить и многосложныя обязанности на меня возложенныя. Вмѣстѣ съ симъ получилъ я и отвѣтъ Адлерберга на письмо мое, коимъ Государь позволяетъ фельдмаршалу остаться въ Кіевѣ во уваженіе болѣзненности и слабости его здоровья. Фельдмаршалъ получилъ также рапортъ отъ Адлерберга, коимъ онъ ему доноситъ, что Государь надѣется, что весною, когда поправится здоровье его, онъ прибудетъ въ Петербургъ и тѣмъ дастъ случай ему пользоваться опытностью его, пріобрѣтенною долговременною службою.

15-го былъ званый обѣдъ у графа Гурьева, гдѣ находился и фельдмаршалъ.

27-го я пріѣхалъ въ Бѣлую Церковь и рѣшился здѣсь остаться до 4-го Октября, а въ то время ѣхать въ Кіевъ для встрѣчи Государя.

30-го Сентября пріѣхалъ въ Бѣлую Церковь графъ Виттъ. За день или два до прибытія его назначенъ былъ начальникомъ штаба собранныхъ войскъ начальникъ штаба 5-го корпуса генералъ-лейтенантъ Крузе. Сіе было сдѣлано, кажется, по проискамъ генерала Кайсарова; ибо, по прибытіи моемъ въ Бѣлую Церковь, я получилъ отъ него отношеніе, коимъ онъ увѣдомляетъ меня, что по полученному имъ повелѣнію отъ графа Витта назначить въ сіе званіе одного изъ старшихъ начальниковъ штаба обоихъ корпусовъ, онъ назначилъ имъ старшаго своего. Распоряженіе сіе было неумѣстное, ибо моего начальника штаба, находившагося тутъ случайно, онъ не имѣлъ права назначать въ сію должность; но не менѣе того оно мнѣ пришлось кстати, ибо меня уже избавляло отъ сего званія при графѣ Виттѣ. Я явился къ нему тотчасъ по прибытіи его и на другой день представлялъ ему своихъ генераловъ и полковыхъ командировъ. Онъ просилъ меня продолжать занятія по-прежнему, потому что видѣлъ сдѣланную имъ ошибку. Я ему отвѣчалъ, что назначеніе Крузе начальникомъ штаба мнѣ въ семъ не препятствуетъ; ибо, занимаясь хозяйственными устройствами, по высочайшему повелѣнію, я, по званію и правамъ начальника главнаго штаба арміи, считалъ себя обязаннымъ продолжать занятія свои. Онъ мнѣ написалъ полуофиціальное письмо съ тѣмъ же приглашеніемъ, но я ему отвѣчалъ рапортомъ тоже самое, прибавивъ, что я считалъ обязанностью своею исполнять и тѣ требованія, которыя онъ сдѣлалъ по предметамъ моихъ занятій. Я на словахъ подтвердилъ ему сіе и прибавилъ, что, при многоразличныхъ занятіяхъ моихъ, я не имѣлъ бы и времени исполнять новое званіе имъ предлагаемое, и

дѣло тѣмъ покончилось. Интрига Кайсарова, хотѣвшаго симъ случаемъ меня огорчить, ему не удалась.

4-го числа я пріѣхалъ въ Кіевъ.

Бѣлая Церковь, 12 Октября.

Ожидали прибытія Государя въ Кіевъ 10 числа въ 3 часа пополудни; но въ тотъ самый день, въ 5 часу утра, прискакалъ къ графу Гурьеву фельдъегерь съ извѣстіемъ, что Государь прибудетъ въ 10 часовъ утра; почему и разослано было приказаніе, дабы всѣ собрались къ 9 часамъ въ Софійскій соборъ для встрѣчи Государя въ полной парадной формѣ. День былъ холодный, и потому всѣ собрались въ домъ митрополита, гдѣ и остались въ тщетномъ ожиданіи до 6 часовъ вечера, въ томъ числѣ и дамы, которыхъ собрала туда графиня Гурьева, по своему собственному произволу; я же провелъ цѣлый день за Житомирскою заставою, въ небольшомъ домѣ, приготовленномъ для перваго пріема Государя.

Такъ какъ наканунѣ еще было прислано приказаніе Государя, дабы въ случаѣ онъ не прибудетъ къ ночи, то никому не дожидаться, а всѣмъ разъѣхаться по домамъ и Государь хотѣлъ остановиться у Гурьева, гдѣ бы никого не было постороннихъ, то я уѣхалъ домой.

Государь пріѣхалъ въ 9 часовъ вечера и отправился прямо въ Лавру, гдѣ не засталъ никого; подождавъ нѣсколько времени, пока отперли ворота собора, онъ пробылъ тамъ около ¼ часа съ однимъ Бенкендорфомъ, и оттуда пріѣхалъ въ квартиру графа Гурьева. Въ 11 часовъ вечера я поѣхалъ къ графу Гурьеву, котораго засталъ въ большихъ суетахъ. Государь былъ очень недоволенъ тѣмъ, что поставленные къ нему часовые отдали честь, когда сего не должно было дѣлать послѣ захожденія солнца; а потому приказалъ на другой день въ 11-ть часовъ утра собрать всѣ 3 батальона саперовъ, находившіеся въ Кіевѣ, съ 2 эскадронами жандармовъ, не взирая на то, что батальоны сіи занимали караулы по всему городу, пространствомъ на 12 верстъ и что ихъ некѣмъ было смѣнить. Отъ Гурьева я пошелъ къ Бенкендорфу, который приказалъ доложить обо мнѣ Государю, и Государь приказалъ прибыть къ нему черезъ часъ. Часъ сей провелъ я съ Бенкендорфомъ. Тутъ присутствовалъ и Гурьевъ, который тщетно просилъ, чтобы его хотя на короткое время выслушали; ибо онъ хотѣлъ много кое-чего спросить насчетъ ввѣренныхъ управленію его трехъ губерній; но Бенкендорфъ не переставалъ разсказывать о вліяніи, сдѣланномъ послѣднею внезапною поѣздкою Государя въ Вѣну, гдѣ будто военный министръ и Меттернихъ ходили къ нему съ докладомъ о дѣлахъ государственныхъ. Зная, сколько всѣ Европейскіе дворы дорожатъ своею независимостью и опасаются вліянія Россіи, трудно повѣрить,

чтобы сіе было справедливо, а скорѣе можно подумать, что они хотѣли польстить привѣтливостью. Но Бенкендорфъ утверждалъ, что весь народъ въ Вѣнѣ, какъ и первые сановники государства, видѣли въ Государѣ покровителя, при извѣстной неспособности къ дѣламъ настоящаго своего императора. А потому и все сказанное Бенкендорфомъ казалось болѣе заблужденіемъ. Изъ занимательнаго разговора съ Бенкендорфомъ я замѣтилъ только, что Государь располагалъ принять прибывшаго въ Кіевъ Англійскаго посла лорда Дургама совершенно иначе, чѣмъ онъ располагалъ, когда отправлялъ меня изъ Петербурга: по всему пути его черезъ Москву въ Петербургъ, велѣно ему на ночлегахъ отводить лучшія квартиры и представлять почетные караулы. Сіе подтвердилось словами Государя сегодня за обѣдомъ, что Дургамъ умный человѣкъ, пріѣхалъ въ Россію съ миролюбивыми видами и, напротивъ того, былъ осужденъ въ Англіи, по возвращеніи его изъ перваго посольства въ Россію, за то, что выразился съ выгодной стороны о насъ, почему и полагали его подкупленнымъ. Изъ сихъ словъ можно заключить, что войны у насъ не предвидится.

Въ полночь Государь меня принялъ. Онъ спрашивалъ о состояніи войскъ. Я объяснилъ, что 11-я дивизія въ хорошемъ состояніи, а 13-я моего корпуса въ весьма слабомъ. «Ты это отъ того говоришь, сказалъ Государь, что она твоя».—Не отъ того, отвѣчалъ я, а потому именно, что она въ слабомъ положеніи; ежели же она и представится хорошо на смотръ, то заслуга сія будетъ не моя: ибо я недавно вступилъ въ командованіе корпусомъ.—«Каковъ Маевскій?»—Таковъ, какъ и прежде былъ, Государь.—«Что̀ же, все записывается въ приказахъ?»—Не то главное, Государь; онъ исполненъ усердія, проводитъ цѣлый день въ лагерѣ, но отъ того пользы мало, потому что онъ не знаетъ службы и не умѣетъ ничего сдѣлать. Онъ, говорятъ, человѣкъ честный и безкорыстный, но дивизіи не поправитъ; по сей причинѣ и прошу васъ перевести его въ другую, гдѣ бы не нужно столько устройства.—«Почему-же въ другой дивизіи не нужно устройства? Всѣ должны быть равны».—Онъ могъ бы командовать дивизіей, въ которой болѣе порядка, чѣмъ въ 13-й, разстроенной отъ частыхъ движеній и недавняго еще похода въ княжества.—«А бригадные каковы?»—Плохи, Ваше Величество. Потемкинъ служилъ въ артиллеріи, онъ недавно прибылъ, да и мало знаетъ пѣхотную службу.—«Линденъ отъ чего-же не хорошъ? Онъ всегда былъ исправенъ».—Линденъ человѣкъ болѣзненный.—«Да, онъ человѣкъ израненный и изъ первыхъ попался въ плѣнъ въ Польскую войну». Государь въ семъ случаѣ смѣшалъ его съ генераломъ Левандовскимъ и, не давши времени мнѣ возразить, онъ сталъ называть полковыхъ командировъ всѣхъ войскъ,

собранныхъ въ Бѣлой Церкви, по чертежу, который я ему представилъ и на коемъ были прописаны имена ихъ, говоря о каждомъ почти (какъ и о прочихъ генералахъ, находившихся въ Бѣлой Церкви), мнѣніе свое, частію ошибочное, такъ что я не иначе, какъ прерывая его рѣчь, могъ выразиться насчетъ иныхъ, въ томъ числѣ насчетъ генерала Соболевскаго, о коемъ я отозвался какъ объ отличномъ офицерѣ. Государь сдѣлалъ нѣкоторыя измѣненія въ чертежѣ общаго смотра, представленномъ отъ графа Витта черезъ меня, и отдалъ всѣ приказанія насчетъ смотра въ Бѣлой Церкви; почему и просилъ я у него позволенія отправиться на другой день, чтò Государь мнѣ разрѣшилъ. По приказанію фельдмаршала я доложилъ Государю о худомъ состояніи его здоровья, которое не позволяло ему лично явиться къ Его Величеству, на чтò получилъ отвѣтъ, что онъ заблаговременно не приказалъ фельдмаршалу дѣлать сего и что самъ будетъ къ нему на другой день. Государь спрашивалъ, отъѣхалъ ли генералъ Карповъ къ своей бригадѣ, и когда я сказалъ, что нѣтъ, потому что долженъ остаться здѣсь до 1-го Ноября для сдачи дѣлъ, то онъ съ неудовольствіемъ отвѣчалъ, что бригада его безъ командира и что ему надобно поспѣшить къ ней, «лишь бы онъ ее только не испортилъ, потому что бригада хороша». Я доложилъ, что по случаю отъѣзда моего буду просить военнаго губернатора о представленіи ему на другой день генераловъ главнаго штаба. Государь отвѣчалъ, что онъ ихъ приметъ, но только на смотру и не можетъ сдѣлать сего у себя въ кабинетѣ, потому что это слишкомъ развлекаетъ отъ дѣла, и показалъ мнѣ на большую кучу бумагъ, предъ нимъ лежавшую. Я пробылъ у Государя около получаса и могъ замѣтить только, что онъ очень спѣшилъ и имѣлъ непріятныя воспоминанія о бывшемъ главномъ штабѣ арміи.

Бѣлая Церковь, 15 Октября.

11-го числа поутру я выѣхалъ изъ Кіева въ Бѣлую Церковь въ то самое время, какъ саперные батальоны и жандармскій дивизіонъ собирались на смотръ, въ самую ненастную погоду. Я узналъ впослѣдствіи, что Государь остался недоволенъ, потому что войска кричали ура! на церемоніальномъ маршѣ. Впрочемъ настоящіе недостатки въ сихъ батальонахъ покрылись непогодою, воспрепятствовавшею Государю замѣтить ихъ. Послѣ сего Государь былъ въ пещерахъ, осмотрѣлъ крѣпость, учебныя заведенія, арсеналъ и городъ и на все сіе употребилъ только нѣсколько часовъ; въ томъ числѣ посѣщеніе его фельдмаршалу продолжалось болѣе $^1/_2$ часа. Онъ остался доволенъ арсеналомъ и до такой степени хвалилъ его, что начальникъ арсенала генералъ-маіоръ Скордулли, родомъ Грекъ, коему, какъ кажется, угро-

жало скорое паденіе, по неудовольствіямъ начальства или неисправностямъ, въ минуту восторга бросился на колѣна въ присутствіи всѣхъ благодарить Государя. Въ арсеналъ пріѣхалъ также для свиданія съ Государемъ фельдмаршалъ Паскевичъ, котораго Государь называлъ отцомъ-командиромъ. Графъ Гурьевъ до такой степени засуетился, что не нашелъ случая представить Государю собранныхъ генераловъ бывшаго главнаго штаба арміи.

12-го числа въ 1 часу пополуночи пріѣхалъ Государь въ Бѣлую Церковь и остановился въ Александріи. Онъ принялъ меня и спросилъ, терпятъ ли войска отъ холода и будетъ ли 12-й часъ на другой день самый удобный для перваго смотра. При томъ приказалъ собираться имъ къ назначенному времени противъ Александріи; въ случаѣ же дурной погоды отложить смотръ до 12 часовъ, а ежели и къ тому времени погода не поправится, то и совсѣмъ отложить его до другаго дня. Я отвѣчалъ, что люди въ лагеряхъ точно терпятъ отъ холода; но что къ доставленію имъ выгодъ приняты всѣ средства, а отложить смотръ не полагалъ нужнымъ, въ какую бы то погоду ни было: ибо люди давно уже съ нетерпѣніемъ ожидаютъ его пріѣзда и будутъ во всякую погоду тянуться, дабы представиться въ лучшемъ видѣ. Сіе сказалъ я какъ потому, что оно было справедливо, такъ и потому, что всякая отсрочка или промедленіе смотровъ были затруднительны войскамъ, остающимся въ лагеряхъ, и для здоровья которыхъ необходимо было отпустить ихъ на квартиры: ибо погода стояла холодная и вовсе неудобная для лагеря. По выходѣ отъ Государя мы рѣшили съ графомъ Виттомъ опредѣлительно собрать войска къ смотру, не смотря на погоду.

12 числа, въ 11 часовъ утра, начался Высочайшій смотръ тремъ дивизіямъ пѣхоты и двумъ кавалеріи. Смотръ сей продолжался 3 часа. Пѣхота прошла довольно дурно, что̀ случилось противу всякаго моего чаянія и съ 11-ю пѣхотною дивизіею, лучшею во всей бывшей 1-й арміи и по истиннѣ хорошею. Государю понравился только одинъ полкъ; а прочіе, за исключеніемъ еще одного (моей дивизіи, который онъ назвалъ порядочнымъ) нашелъ онъ всѣ очень дурными и отозвался, что войска сіи гораздо ниже того, какъ онъ ожидалъ, при чемъ онъ не обратилъ никакого вниманія собственно на тѣ предметы, которые могли свидѣтельствовать объ устройствѣ полковъ. Отъѣзжая отъ колоннъ, онъ подозвалъ меня и сказалъ, что болѣе чѣмъ когда доволенъ уничтоженіемъ состава 1-й арміи, въ коей не могло быть устройства, потому что главнокомандующій по слабости не въ состояніи былъ распоряжаться войскомъ. Сіе было сказано какъ будто въ тайное оправданіе себя относительно поступка его противъ князя, котораго

онъ удалилъ отъ командованія, вопреки даннаго имъ обѣщанія оставить его на семъ мѣстѣ до смерти, и мысль сія не могла скрыться въ словахъ Государя.

Причины неудачи церемоніальнаго марша были слѣдующія. Накапунѣ смотра, вмѣсто того, чтобы дать отдыхъ войскамъ, генералъ Кайсаровъ вздумалъ собирать ихъ для повторенія боевыхъ порядковъ, къ чему пригласилъ и начальника моей дивизіи. Войска собрались и по случаю ненастья возвратились безъ всякаго упражненія, отъ чего люди вымокли, перепортили изготовленную аммуницію и изнурились безъ всякой надобности. Ночью было очень холодно, люди не могли ни отдохнуть, ни высушиться, а до свѣта поднялись, дабы поспѣть вó время на сборное мѣсто къ Высочайшему смотру, отъ чего и выбились изъ силъ и на смотру были вялы. Сверхъ того съ Государемъ прибылъ главный капельмейстеръ гвардейскаго корпуса Газе, коему велѣно было показывать музыкѣ мѣру. Войска привыкли ходить быстрымъ шагомъ, который напредъ сего требовался; на семъ смотру его уменьшили неожиданно 12 шагами, отчего люди стали сбиваться съ ноги.

По окончаніи смотра Государь собралъ къ себѣ всѣхъ генераловъ и, обратясь къ Кайсарову, сказалъ ему, что дивизіи его въ самомъ дурномъ положеніи и съ гнѣвомъ объявилъ, что если онъ располагаетъ такъ вести свой корпусъ и не захочетъ оставить командованіе онымъ, то онъ его принудитъ къ сему и отниметъ корпусъ; потомъ замѣтилъ съ бóльшимъ спокойствіемъ ошибки, сдѣланныя въ кавалеріи и артиллеріи. Обратясь къ фельдмаршалу Паскевичу, онъ сказалъ, что весьма доволенъ тѣмъ, что онъ присутствовалъ на семъ смотру и могъ видѣть, въ какомъ запущенномъ состояніи находится корпусъ Кайсарова, поступающій въ его вѣдѣніе, и не сомнѣвается, что онъ его исправитъ въ короткое время. Сужденія сіи показывали явное пристрастіе противъ князя Сакена; ибо, какъ ни плохъ Кайсаровъ въ дѣйствіяхъ своихъ, но дивизіи его (коими онъ мало и занимался, по всегдашнему отсутствію въ отпускахъ) въ хорошемъ состояніи, а 11-я въ отличномъ, чтó извѣстно и самому Государю. Государь сказалъ, что онъ «ѣхалъ сюда въ ожиданіи радоваться устройству войскъ; но къ сожалѣнію нашелъ противное и для того не выговорилъ сего на самомъ смотру, что не любитъ ругаться во фронтѣ, а любитъ говорить правду». Въ замѣчаніяхъ сдѣланныхъ о кавалеріи онъ сказалъ генералу Герштенцвейгу, что люди у него сидятъ не какъ должно. . . . . Когда мы стали выходить, онъ обратился ко мнѣ и сказалъ: «Ты видѣлъ, чего я требую отъ генерала Кайсарова; ты еще не могъ приняться за устройство своего корпуса, но надѣюсь, поведешь его такъ, какъ я желаю».

Въ тотъ день корпусные и дивизіонные командиры были приглашены къ обѣду. Я сидѣлъ за круглымъ столомъ противъ Государя. Онъ много говорилъ во время обѣда. Замѣчательнѣе всего было сказанное имъ на счетъ учебныхъ заведеній въ Кіевѣ: «Отъ меня требуютъ 8 милліоновъ на построеніе зданій для Университета. Не знаю, что́ они хотятъ строить на эти деньги; я у нихъ видѣлъ только нѣсколько учащихся мальчишекъ и, не располагая жертвовать на сіе такой суммы, отказалъ имъ въ деньгахъ». Потомъ говорилъ онъ о новыхъ строеніяхъ Кіевскихъ, выхваляя новую улицу, построенную графомъ Левашовымъ. Во все время показывалъ онъ очень мало вниманія къ графинѣ Браницкой и послѣ обѣда ушелъ. Въ ночь, когда я уже легъ въ постель, пріѣхалъ ко мнѣ фельдъегерь отъ Государя съ кувертомъ, надписаннымъ на мое имя. По вскрытіи сего я тотчасъ увидѣлъ, что онъ былъ присланъ ко мнѣ по ошибкѣ и запечатавъ отправилъ къ Адлербергу. Бумаги въ ономъ находившіяся состояли изъ разныхъ представленій графа Гурьева, изъ коихъ по одному былъ написанъ на черно карандашемъ собственною рукою Государя цѣлый указъ Сенату. Тутъ же было и представленіе къ наградамъ, сдѣланное Гурьевымъ, въ коемъ, между прочимъ, онъ удостоивалъ правителя своей канцеляріи къ какому-то важному награжденію (арендѣ или пожалованію земель); рукою Государя на немъ написано было карандашемъ: «*дичь*» (подчеркнуто), 4.000 рублей.

Въ сей день мнѣ удалось предварить Бенкендорфа и просить его запискою о разрѣшенія на вывозъ изъ Сибири тѣла умершей Муравьевой, бывшей графини Чернышовой. Онъ обѣщалъ мнѣ сдѣлать сіе, и такъ какъ я въ Кіевѣ спрашивалъ, сдѣлалъ ли онъ что либо въ пользу брата моего Александра, и онъ тогда отвѣчалъ мнѣ, что нѣтъ, то нынѣ объявилъ мнѣ, что братъ будетъ назначенъ губернаторомъ въ Кіевъ или Каменецъ-Подольскъ. О первомъ дѣлѣ я опять спрашивалъ вчера Бенкендорфа, и онъ сказалъ, что будетъ исполнено.

Кіевъ, 20 Октября.

13-го числа Государь дѣлалъ смотръ собраннымъ безсрочнымъ отпускнымъ нижнимъ чинамъ двухъ губерній и остался ими очень доволенъ, за что́ и изъявилъ мнѣ свою благодарность. Оттуда поѣхалъ онъ смотрѣть госпиталь, коимъ также остался доволенъ. Въ сіе же посѣщеніе госпиталя онъ отдѣлилъ нѣсколько нижнихъ чиновъ изъ числа больныхъ, которыхъ находилъ слабыми, и приказалъ мнѣ отправить ихъ въ домовые отпуски на различные сроки, для поправленія здоровья. До сихъ поръ онъ былъ всѣмъ доволенъ и поѣхалъ въ лагерь моей дивизіи. Въ приказаніи отданномъ наканунѣ о семъ посѣщеніи сказано было, чтобы до прибытія Государя въ лагери не выводить людей

на линейки до приказанія, но не было опредѣлено, гдѣ имъ находиться до того времени; а потому начальникъ дивизіи Маевскій и начальникъ штаба моего Гасфортъ, котораго я послалъ заблаговременно въ лагерь для наблюденія за порядкомъ, затрудняясь назначеніемъ мѣстъ для людей до вывода ихъ и принимая въ соображеніе, что нѣтъ правила, по коему бы встрѣчался начальникъ въ лагеряхъ иначе какъ на линейкахъ, приказалъ людямъ не выходить изъ палатокъ, а ожидать приказанія выдти впередъ. Подъѣхавъ къ лагерю, Государь встрѣченъ былъ начальниками и дежурнымъ; но изъ солдатъ никого не было наружи, что́ и было причиною тому, что Государь разсердился и съ жаромъ замѣтилъ дивизіонному начальнику, что распоряженіе сіе глупо и что начальники обязаны пріучать людей къ присутствію Государя, а не прятать ихъ. Ясно было однакоже, что сіе было не съ тѣмъ умысломъ сдѣлано, а единственно отъ недоумѣнія. Но тутъ случилась новая бѣда: люди по приказанію выбѣжали изъ палатокъ, и съ большимъ трудомъ могли имъ помѣшать выстроиться, устанавливая ихъ кучками; но такъ какъ при представленіи людей въ лагеряхъ на линейкахъ не должно скидывать фуражныхъ шапокъ, а случай сей былъ новъ, то нижніе чины, при всемъ желаніи раскрыться въ присутствіи Государя, не смѣли снимать шапокъ. Государь съ гнѣвомъ приказалъ имъ скинуть ихъ и, разсѣкая толпы людей, останавливался и говорилъ съ солдатами. Всѣ перезябли до крайности; но до такой степени велика привязанность Русскаго солдата къ своему Государю, что они при видѣ его забыли труды и усталость и въ восторгѣ своемъ оживились новыми силами. Однакоже вышеписанныя два обстоятельства измѣнили расположеніе Государя, который выѣхалъ недовольный.

Того же дня всѣ генералы, полковые и артиллерійскіе бригадные командиры были призваны къ столу Государя. Онъ былъ нездоровъ, какъ кажется, отъ простуды и поручилъ фельдмаршалу Паскевичу принимать вмѣсто себя. Въ теченіи сего утра я нѣсколько разъ видѣлся съ графомъ Виттомъ, который сказалъ мнѣ, что князь Паскевичъ, говоря о назначеніи 4-го корпуса въ дѣйствующую армію, отозвался, что сожалѣетъ, что командиромъ онаго былъ Кайсаровъ, а не я. Паскевичъ, продолжалъ Виттъ, видно позналъ ничтожность и пустословіе Кайсарова. Я же, съ своей стороны, въ семъ случаѣ еще болѣе удостовѣрился въ лицемѣрствѣ и ничтожности самого графа Витта, казавшагося передъ тѣмъ самымъ близкимъ пріятелемъ Кайсарову и еще наканунѣ дѣйствовавшаго по наущенію его, вопреки всякаго порядка службы и противъ распоряженій зависѣвшихъ отъ моихъ обязанностей.

Въ 7 часовъ вечера Государь призвалъ меня съ графомъ Виттомъ къ себѣ. Онъ началъ благодареніемъ меня за сборъ отпускныхъ и,

пожавъ мнѣ руку, сказалъ: «Видишь, Муравьевъ, что это дѣло удалось; а вѣдь никто не ожидалъ успѣха». — Государь, я самъ не ожидалъ онаго, отвѣчалъ я, и собралось ихъ болѣе предположеннаго числа; но сіе удалось въ первые два года; въ какомъ же видѣ люди сіи будутъ на третій и четвертый годы ихъ отпуска, можетъ показать одинъ только опытъ. За симъ Государь сталъ говорить о смотрѣ, безъ всякаго неудовольствія, и жаловался на дурное состояніе пѣхотныхъ дивизій. Я утверждалъ, что дивизіи корпуса Кайсарова и въ особенности генерала Шульгина, въ хорошемъ положеніи. Графъ Виттъ говорилъ тоже самое о всѣхъ трехъ и выхвалялъ начальниковъ дивизій. Тогда Государь сталъ судить о нихъ и сказалъ графу Витту: «Воля твоя, я въ Горчаковѣ никакого толка не вижу; онъ человѣкъ пустой и гдѣ я его ни встрѣчалъ, то кромѣ безпорядка ничего не видалъ у него. Онъ былъ генералъ-квартирмейстеромъ въ Турецкую войну и ничего путнаго не сдѣлалъ». Когда Государь началъ говорить о Маевскомъ, то я счелъ обязанностью своею въ третій разъ сказать тоже, что́ говорилъ о немъ, представивъ его какъ человѣка усерднаго, но не знающаго службы и не могущаго потому съ пользою командовать дивизіею, и какъ Государь утвердился въ выгодномъ мнѣніи на счетъ Маевскаго, то я рѣшился сказать, что онъ даже лишился уваженія между своими подчиненными. «А! Когда уваженія лишился, отвѣчалъ Государь, тогда дѣло уже плохо, и не ему командовать дивизіей».

Послѣ того Государь отдалъ намъ обоимъ приказанія насчетъ маневровъ будущаго дня и, назвавъ меня начальникомъ штаба при себѣ, а генерала Глинку начальникомъ артиллеріи, вручилъ диспозицію, написанную имъ карандашомъ, въ коей показано было и мое назначеніе, и велѣлъ мнѣ по сему отдать приказаніе.

Вышедши отъ Государя, мы пошли съ графомъ Виттомъ къ нему на квартиру и отдали вмѣстѣ приказанія на слѣдующій день. Въ сей день я записалъ у Адлерберга названія трехъ генераловъ, изъ которыхъ предполагалъ одного на мѣсто Маевскаго, и просилъ Адлерберга доложить о семъ Государю, какъ и о нѣкоторыхъ другихъ назначеніяхъ, также отдалъ графу Витту представленіе о награжденіи нѣкоторыхъ чиновниковъ бывшаго главнаго штаба арміи, участвовавшихъ въ распоряженіяхъ по сбору войскъ въ Бѣлой Церкви и разныхъ хозяйственныхъ учрежденіяхъ въ семъ мѣстѣ.

14-го числа войска собрались къ 10 часамъ утра, близъ с. Пологъ, извѣстнаго по разбитію близъ онаго въ 1825 году батальона Черниговскаго полка, подъ начальствомъ Сергѣя Муравьева. Въ строю было три дивизіи пѣхоты, двѣ кавалерійскія и 160 орудій, что́ составляло около 49.000 человѣкъ. По дорогамъ, по коимъ пѣхота слѣдовала

на сборное мѣсто, оставалось довольное число отсталыхъ людей. Государь прибылъ въ 11 часовъ и былъ уже въ дурномъ расположенiи духа. Я представилъ ему изготовленный чертежъ порядка, въ коемъ войска стояли; но онъ не принялъ его, сказавъ, что не нужно, и проѣхавъ чрезъ интервалы средней дивизiи, замѣтилъ неправильное равненiе заднихъ взводовъ батальоновъ и выговорилъ сiе съ гнѣвомъ князю Горчакову. Предполагая, что непрiятель въ Бѣлой Церкви, онъ немедленно отдѣлилъ въ авангардъ, подъ начальствомъ генерала Герштенцвейга, одну дивизiю кавалерiи и 13-ю пѣхотную; но едва войска тронулись, какъ онъ поскакалъ съ кавалерiею впередъ на разстоянiе пяти верстъ и вскорѣ потребовалъ изъ резерва конную артиллерiю, которая также поскакала во весь духъ, при чемъ въ одной изъ конныхъ батарей пало при семъ движенiи пять лошадей, а на другой день еще 4, той же батареи. Артиллерiя сiя не могла прибыть въ порядкѣ; но Государь сказалъ, что онъ сдѣлалъ это, чтобы показать, какъ она двигаться должна и что въ подобныхъ случаяхъ дѣла нѣтъ, хотя бы половина орудiй отстала назади. 13-я дивизiя вскорѣ отдѣлена была вправо для занятiя лѣса. Государь лично командовалъ кавалерiею, такъ что начальникъ авангарда давно уже былъ устраненъ отъ своего званiя. Голосъ Государя, при всей его ясности, не могъ достигать на все пространство, безъ повторенiя, и, въ намѣренiи избѣжать могущихъ произойти отъ того медленности и неудовольствiй, графъ Виттъ приказалъ трубачу, ѣхавшему съ Государемъ, протрубить рысь, которую уже Государь два раза повторилъ, но которая не исполнялась по вышесказанной причинѣ. Государь разсердился и съ жаромъ замѣтилъ Витту, что онъ не въ свое дѣло мѣшается, а трубача выбранилъ за то, что послушался. При движенiи кавалерiи, Государь обратился къ Англiйскому полковнику, тутъ находившемуся, и предупредилъ его быть снисходительнымъ: ибо войско сiе было недовольно образовано. За симъ Государь поскакалъ къ 13-й дивизiи, коей приказалъ въ присутствiи своемъ построить боевой порядокъ, что́ было исполнено съ большою точностiю. Дивизiя сiя аттаковала лѣсъ лежавшiй на правомъ флангѣ и исполнила сiе къ удовольствiю Государя и славѣ начальника оной генерала Маевскаго. Между тѣмъ Кайсарову съ остальными войсками велѣно было двигаться прямо на Бѣлую Церковь, и какъ скоро онъ началъ движенiе, Государь приказалъ мнѣ послать офицера къ симъ войскамъ, который бы наблюдалъ время приближенiя ихъ на высоту 13-й дивизiи и прискакалъ бы съ извѣстiемъ о прибытiи къ назначенному мѣсту. Посланному мною офицеру велѣно было именно не отдавать никакихъ приказанiй генералу Кайсарову, а собственно наблюдать за его движенiемъ; но Кайсаровъ, тревожимый при-

бытіемъ сего лица, сталъ разспрашивать офицера, который по неопытности сообщилъ ему свое мнѣніе, и Кайсаровъ, послушавшись, повернулъ направо и смѣшался съ тыломъ 13-й дивизіи.

Пока сіе происходило, Государь, ошибясь направленіемъ, отвелъ кавалерію совершенно влѣво, такъ что центръ остался совсѣмъ открытымъ и; не видя приближенія пѣхоты Кайсарова, которая должна была занять сіе мѣсто, онъ послалъ возвратить ее и строго замѣтилъ ошибку Кайсарову, а какъ Кайсаровъ въ оправданіе свое (ложно) отвѣчалъ, что ему привезено было на то приказаніе артиллерійскимъ офицеромъ, то Государь съ гнѣвомъ сказалъ, что приказанія свои онъ посылаетъ чрезъ своихъ же адъютантовъ, и что ему, корпусному командиру, не слѣдовало слушаться мальчишки.

Послѣ того Государь выдвинулъ всю массу артиллеріи на рысяхъ въ одну линію впередъ и, остановивъ ее на большой пушечный выстрѣлъ отъ Бѣлой Церкви, приказалъ открыть огонь изъ всѣхъ орудій. Государь былъ самъ на бугрѣ, находившемся противъ центра всей артиллеріи, и съ радостною улыбкою обращался ко всѣмъ, въ особенности ко мнѣ, какъ бы испрашивая одобренія сему распоряженію. Всѣ молчали, и я удивился, когда Паскевичъ, у котораго Государь спросилъ, похоже ли это на настоящее дѣло, отвернувшись сказалъ: C'est une illusion [1]), чего однакожъ Государь не могъ слышать. Обратившись къ Прусскому генералу Цитену, Государь сказалъ ему: Je suis obligé de faire cela pour mes généraux; car la plupart de ces messieurs n'a peut-être pas vu le feu [2]). И въ самомъ дѣлѣ, дѣйствіе сіе казалось всѣмъ страннымъ: ибо пѣхота отстала болѣе чѣмъ на версту, и изъ артиллеристовъ было прислуги при каждомъ орудіи не болѣе трехъ человѣкъ, которые и продолжали пальбу; нѣсколько орудій не попали въ свои мѣста и были вытѣснены изъ общей линіи. Государь симъ не довольствовался и, не дождавшись прикрытія и прислуги, приказалъ взять на передки и опять идти впередъ. Тогда начальникъ резервной артиллеріи, генералъ Самойловъ, подъѣхавъ къ Государю, сказалъ, что сего сдѣлать нельзя, потому что прислуги нѣтъ и некому взять орудія на передки. Когда же подошла прислуга, то артиллерія опять двинулась впередъ; а пѣхотѣ, далеко отставшей, приказано было перестроиться такъ, чтобы задніе резервные полки перешли въ первую линію, черезъ что движеніе ихъ опять замедлилось. «Вотъ какая пѣхота! сказалъ Государь. Оставляетъ артиллерію безъ прикрытія; ежелибъ я былъ на мѣстѣ непріятеля, я бы давно уже атаковалъ эту артиллерію и взялъ ее всю». При семъ онъ послалъ меня, чтобы подвинуть 11-ю

---

[1]) Это обманъ чувствъ. [2]) Я долженъ это сдѣлать для моихъ генераловъ, такъ какъ эти господа, въ большинствѣ, не видали, можетъ быть, огня.

дивизію, которая перестроилась по его приказанію. Между тѣмъ съ подоспѣвшими батальонами Государь аттаковалъ мѣстечко Бѣлую Церковь и занялъ оное съ барабаннымъ боемъ, чѣмъ и кончились маневры.

Съ того времени, какъ войска поднялись, они были подъ ружьемъ 11 часовъ; но люди, ободренные похвалою Государя, не жаловались на усталость. Генераловъ Государь собралъ предъ войсками и сдѣлалъ имъ нѣсколько замѣчаній, но весьма хладнокровно. Онъ, кажется, не могъ быть недоволенъ въ сей день, хотя и сердился нѣсколько разъ. Послѣ того онъ возвратился въ Александрію, отобѣдалъ наединѣ съ генераломъ Цитеномъ и въ 5 часовъ по полудни выѣхалъ въ Новую Прагу для осмотра собраннаго тамъ кавалерійскаго корпуса. Когда онъ садился въ коляску, то сказалъ мнѣ, чтобы я занялся своимъ корпусомъ и поставилъ его на ту ногу, какъ онъ его видѣть желаетъ.

14-го же Адлербергъ сообщилъ мнѣ отъ имени Государя, что Его Величество не соизволяетъ на назначеніе начальникомъ дивизіи, на мѣсто Маевскаго, одного изъ названныхъ мною трехъ генераловъ (Голофѣева, Соболевскаго и Гасфорта), но предоставляетъ мнѣ избрать изъ трехъ: Линдена, Данненберга или Варпаховскаго. Я отвѣчалъ, что по разнымъ причинамъ не могу избрать ни одного изъ нихъ. Сіе рѣшеніе Государя было еще сдѣлано наканунѣ. Повидимому, Государь, оставшись доволенъ движеніями Маевскаго во время маневровъ, кажется, перемѣнилъ свое мнѣніе; потому что, когда я 15-го числа послалъ въ Новую Прагу адъютанта своего къ Адлербергу съ разными бумагами, отъ меня требованными, и между прочимъ, измѣнивъ рѣшеніе свое, просилъ назначенія Данненберга, то Государь отказалъ мнѣ въ томъ, и Адлербергъ отвѣчалъ, что сего нельзя было Государю нынѣ сдѣлать, потому что онъ остался доволенъ Маевскимъ на маневрахъ.

Такъ кончились смотры въ Бѣлой Церкви. Вообще замѣтно было неудовольствіе Государя во многихъ случаяхъ; но причиною сему, какъ кажется, было не дурное состояніе пѣхоты, въ какомъ она отъ поздняго осенняго времени представилась, но дурное впечатлѣніе, съ коимъ Государь прибылъ уже въ здѣшнюю сторону. При свиданіи его съ фельдмаршаломъ въ Кіевѣ, онъ провелъ болѣе получаса съ нимъ, но не далъ ему случая выговорить ни одного слова, а все разсказывалъ о поѣздкѣ своей въ Вѣну *). Фельдмаршалъ и безъ того не располагалъ приносить ему никакой жалобы; но мысль объ оскорбленномъ старцѣ не могла не безпокоить Государя, и онъ, въ охуленіи войскъ подъ его командою состоявшихъ, искалъ какъ бы оправданія своему поступку.

---

*) Въ Фаллѣ случилось намъ видѣть литографію съ портрета Государя, сдѣланнаго тогда въ Вѣнѣ: онъ во фракѣ. П. Б.

ПИСЬМО ПАЛЬМЕРА КЪ А. С. ХОМЯКОВУ.

1845.

Діаконъ Англиканской церкви, Вилліамъ Пальмеръ извѣстенъ многимъ образованнымъ людямъ въ Россіи, какъ то лицо, стремленіе котораго къ Православію вызвало цѣлый рядъ богословскихъ къ нему писемъ А. С. Хомякова. Читателямъ „Русскаго Архива“ онъ также знакомъ, потому что на страницахъ его напечатано два письма Хомякова къ Пальмеру, не вошедшія въ собраніе сочиненій Хомякова, а также и по выдержкамъ изъ дневника веденнаго Пальмеромъ за время перваго посѣщенія Россіи въ 1841 году.

Къ жизни и дѣятельности Пальмера нельзя относиться иначе какъ съ глубочайшимъ сочувствіемъ. Для уразумѣнія какъ направленія его, такъ особенно тѣхъ недоразумѣній и препятствій, которыя лежатъ на пути возсоединенія Западныхъ Христіанъ съ Восточными и практическое значеніе которыхъ столь велико, что ихъ не возмогли преодолѣть ни богословская глубина Хомякова, ни искреннее къ Православію стремленіе самого Пальмера, весьма важно было имѣть въ рукахъ отвѣтныя письма его къ Хомякову, излагавшему православное воззрѣніе на спорные между Церквами вопросы. Благодаря пріѣзду въ Россію одного изъ достойныхъ преемниковъ Пальмера по расположенію къ Православію, г. Биркбека, удалось узнать, что первое отвѣтное письмо Пальмера къ Хомякову было имъ напечатано, какъ предисловіе къ сборнику оригинальныхъ и переводныхъ религіозныхъ стихотвореній Пальмера (сборникъ посвященъ Алексѣю Степановичу). Эту рѣдкую въ настоящее время книгу любезно доставилъ чрезъ посредство г. Биркбека братъ Пальмера, лордъ Сельборнъ*. Въ то время, какъ это письмо переводилось съ Англійскаго, другія три письма Пальмера были доставлены намъ Марьею Алексѣевной Хомяковою съ разрѣшеніемъ перевести и напечатать ихъ.

Для полной оцѣнки этихъ писемъ необходимо снабдить ихъ предисловіемъ, въ которомъ были бы изложены какъ первые шаги Пальмера къ соединенію съ Православной Церковью, такъ и тѣ условія въ жизни самой Англиканской Церкви, которыя подали ему мысль искать таковаго соединенія. Мы надѣемся вскорѣ напечатать переводы этихъ трехъ рукописныхъ писемъ съ должными къ нимъ поясненіями; теперь же печатаемъ письмо переведенное изъ упомянутой книжки, сообщенной лордомъ Сельборномъ, прося нашихъ читателей, въ случаѣ какихъ либо неясностей въ ономъ, искать разрѣшенія таковыхъ въ тѣхъ поясненіяхъ, которыми мы надѣемся снабдить переводъ слѣдующихъ писемъ.

*) Лордъ Сельборнъ извѣстенъ въ политической исторіи Англіи послѣднихъ десятилѣтій подъ именемъ сёръ Роундель-Пальмеръ.

Дорогой сёръ. Благодаря васъ за письмо отъ 10 Декабря и за стихотворенія Языкова, приложенныя къ нему, прошу позволенія предложить вамъ малую отплату въ томъ же родѣ на слѣдующихъ за симъ страницахъ *) и прибавить нѣсколько размышленій о церковныхъ вопросахъ, вызванныхъ отчасти тѣмъ, что̀ вамъ угодно было написать мнѣ.

1) Вы говорите, что сочувствіе Англиканца къ тому, чѣмъ внушено вамъ ваше стихотвореніе, мною переведенное и снова здѣсь на стр. 6-й отпечатанное, «было для васъ въ нѣкоторомъ отношеніи удовольствіемъ нечаяннымъ, такъ какъ знаменіе Креста и вѣра въ молитвенное общеніе живыхъ и мертвыхъ, почти совершенно отвергаются излишне-осторожнымъ духомъ Реформаціи; вы же, думается (такъ продолжаете вы), совершенно правы, одобряя и то, и другое. Признающіе въ Святомъ Крестѣ дѣйствительное орудіе спасенія нашего не могутъ не почитать его за естественный знакъ христіанской любви; и отвергая, изъ опасенія идолослуженія, такой естественный и святой знакъ, они являются почти столь же непослѣдовательными, какъ тотъ, кто, боясь празднословія, осудилъ бы себя на добровольную нѣмоту. Также я почитаю разумнымъ вѣрить, что смерть не можетъ прервать христіанской любви въ томъ духовномъ мірѣ, коего единственный законъ—любовь. Епископальная Церковь въ Англіи въ наше время какъ будто бы признала это начало».

Мнѣ не приходится прибавлять что либо отъ себя къ этой выдержкѣ, такъ какъ слѣдующія страницы достаточно покажутъ, какъ я сердечно раздѣляю ваши вѣрованія и чувства. Мнѣ хочется обратить ваше вниманіе на подробность, имѣющую исключительно интересъ и важность по отношенію къ характеру Англиканской или Британской (British) Церкви, къ которой я принадлежу. Слишкомъ, къ несчастію, извѣстно, что Англиканцы на дѣлѣ оставили спасительное употребленіе знаменія Креста, которымъ христіане искони отличали себя отъ Іудеевъ и язычниковъ; равно и то, что они теперь не обращаются съ молитвами къ Богоматери и Святымъ въ общественныхъ богослуженіяхъ своей Церкви; въ своихъ же частныхъ мнѣніяхъ они по большей части отвергаютъ оба эти обычая, какъ направляемые къ тому, чтобы отлучить насъ отъ Христа, въ Которомъ одномъ, а не внѣ Котораго эти обычаи могутъ быть правильно оцѣнены и поняты.

---

*) Страницы, слѣдующія за этимъ письмомъ, заключаютъ въ себѣ стихотворенія самого Пальмера, и между ними переводъ его извѣстныхъ стиховъ А. С. Хомякова „Къ дѣтямъ“ („Бывало“).

Но вы, можетъ быть, не знаете и рады конечно будете узнать, что сама Англиканская Церковь далеко не такъ заблуждается по этимъ вопросамъ, какъ многіе изъ ея членовъ, и такимъ образомъ вполнѣ способна на всяческое исправленіе, если Господу угодно будетъ обратить сердца наши къ Себѣ, отвративъ ихъ отъ нашихъ собственныхъ глубочайшихъ духовныхъ и умственныхъ идолослуженій. Она (т. е. Церковь) положительно требуетъ знака Креста при крещеніи; вы же согласитесь со мной, что здѣсь корень и зародышъ всякаго послѣдующаго употребленія этого знака, какъ въ церковномъ богослуженіи, такъ и въ ежедневной жизни. Въ одномъ изъ своихъ каноновъ она пространно отстаиваетъ частое употребленіе знаменія Креста при всякомъ случаѣ, вопреки мнѣнію Пуританъ или Кальвинистовъ, и выражаетъ свое сочувствіе древней Церкви, смотрѣвшей на поносящихъ это священнѣйшее знаменіе какъ на враговъ самого Креста и Христа распятаго.

2) Относительно другаго вопроса (объ обращеніи къ духамъ и душамъ усопшихъ) я замѣчу здѣсь только, что даже тѣ Англиканскіе епископы, которые наименѣе наклонны сочувствовать духовному движенію называемому Пюзеизмомъ, соглашаются, что ихъ Церковь никогда и никакъ не осуждала «воззваній» (apostrophes) и «поэтическихъ обращеній» къ святымъ и Ангеламъ. Дѣйствительно, нелѣпо было бы сохранять псалмы и гимны Ветхозавѣтные, въ которыхъ пр. Давидъ и другіе обращаются духовно (spiritually) какъ къ Ангеламъ, такъ и къ душамъ праведныхъ и къ своей душѣ, въ томъ числѣ и къ другимъ всяческимъ предметамъ наличнымъ или заочнымъ, одушевленнымъ или неодушевленнымъ, напоминая Богу объ Его усопшихъ рабахъ съ тѣмъ, чтобы придать силу собственнымъ молитвамъ; было бы, говорю я, весьма нелѣпо удержать всѣ эти обращенія отъ Ветхозавѣтной Церкви, какъ мы это до сихъ поръ дѣлаемъ въ службахъ Англиканской Церкви, отказывая Церкви Новаго Завѣта въ одинаковой свободѣ духовнаго обращенія, и притомъ во Христѣ, къ Ангеламъ и духамъ, къ лицамъ и предметамъ въ формѣ подходящей и приличествующей новому откровенію (dispensation). Но, по правдѣ сказать, возраженіе толковыхъ и благорасположенныхъ Англиканцевъ направлено въ сущности не противъ такихъ поэтическихъ обращеній, какія встрѣчаются въ стихахъ вашихъ или въ гимнахъ вашей Церкви, или въ тѣхъ, которые я теперь посылаю вамъ и которые по большей части переводы, но противъ молитвъ въ прозѣ, настоятельно обращаемыхъ къ духамъ или душамъ не во плоти пребывающимъ, какъ выраженіе почитанія и поклоненія (homage & devotion). Этого предмета я теперь не затрону; да оно и ненужно: ибо если мы, Англикан-

цы, только допустимъ на дѣлѣ и оцѣнимъ ту чудесную и трогательную священную поэзію, которая обща Греческой и Латинской Церквамъ, и даже давно отдѣлившимся Несторіанскимъ и Евтихіанскимъ общинамъ и которую наша собственная Англиканская Церковь никогда не осуждала, тогда нечего будетъ опасаться большихъ затрудненій по этому поводу на пути къ примиренію.

Вы сѣтуете на нѣкоторые лживые росказни, почерпнутые, по словамъ вашимъ, изъ писаній нѣкоего Ораторіанца Тейнера и повторяемые Іезуитами, которыхъ вы, пожалуй не безъ основанія, обвиняете въ глубокой и непримиримой ненависти къ Россіи и къ Восточной Церкви. Ясно конечно, что почти все относящееся до Россіи доходитъ къ намъ съ двойной окраской религіозной и политической злобы Поляковъ и Нѣмецкихъ и Французскихъ демократовъ. Но, оставляя однако, политику въ сторонѣ, я долженъ признаться, что по моему и мы въ Англіи, и вы въ Россіи, хорошо сдѣлаемъ, какъ можно менѣе упирая на погрѣшности Римскихъ Католиковъ, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока сами не начнемъ давать имъ лучшихъ примѣровъ, либо всеобщимъ настроеніемъ молитвы и ходатайства объ ихъ улучшеніи и «примиреніи», либо, если подлинно считаемъ ихъ стоящими внѣ ограды истинной Церкви, «дѣйственной заботою объ ихъ обращеніи».

Намекая на то, что́ я писалъ про обязанность молиться объ единеніи, вы говорите мнѣ, что вы «убѣждены, что въ Россіи многіе, повторяютъ слова церковной службы, о которыхъ я говорилъ («и о соединеніи всѣхъ») не одними устами, но и изъ глубины сердца и души. Вы говорите про себя, что вы были научены искренне присоединяться къ этой чудной молитвѣ церковной; и что даже въ молодости, еще почти ребенкомъ, вы въ воображеніи восхищались надеждой увидѣть весь христіанскій міръ соединеннымъ подъ знаменемъ истины; что, позже, эти надежды стали менѣе ярки по мѣрѣ того, какъ препятствія становились все замѣтнѣе. «Наконецъ, заключаете вы, я долженъ сознаться, что то, что̀ было надеждой, поблекло до степени простаго желанія, не лишеннаго упованія лишь вслѣдствіе слабаго мерцанія возможности успѣха по истеченіи многихъ и многихъ вѣковъ. Южная Европа въ своемъ темномъ невѣжествѣ надолго внѣ вопроса. Германія въ дѣйствительности не имѣетъ другой религіи кромѣ идолослуженія наукѣ. Франція не имѣетъ настоятельнаго алканія истины и мало искренна. Англія съ ея скромной (?)*) наукой и

*) Этотъ знакъ вопроса поставленъ самимъ Пальмеромъ. Ему, видимо, осталось непонятнымъ лестное значеніе этого выраженія (modest) въ устахъ Хомякова и, можетъ быть, онъ нѣсколько оскорбился эпитетомъ *скромный*, принявъ его въ умалительномъ смыслѣ. Въ мысли Хомякова эпитетъ этотъ, данный Англійской наукѣ, служитъ для противоположенія ея «кичливой наукѣ Нѣмецкой».

съ ея искренней любовью къ религіозной истинѣ, могла бы дать нѣкоторыя надежды; но, простите мою откровенность, Англія скована желѣзными путами традиціоннаго обычая» (traditionary custom).

Въ отвѣтъ на это я долженъ сказать, что ничто не можетъ быть принято нами съ большей благодарностью, ничто не можетъ быть для насъ утѣшительнѣе и ободрительнѣе (refreshing) увѣренности, что въ Восточной Церкви есть нѣсколько, по крайней мѣрѣ, сердецъ, которыя жаждутъ единства и мира; нѣсколько, по крайней мѣрѣ, которыя молятся не поверхностно и формально, но разумно и горячо за возсоединеніе Запада. Когда бы угодно было Богу сдѣлать это болѣе общеизвѣстнымъ и ощутимымъ между нами здѣсь въ Англіи! Когда бы угодно было Богу, чтобы вы въ Россіи знали и чувствовали болѣе ясно, какъ много тысячъ мірянъ и духовныхъ имѣется въ Англіи, которые денно и нощно искреннѣйше молятъ Бога о замиреніи христіанства! Такое взаимное освѣдомленіе могло бы содѣйствовать къ возгрѣванію нашего усердія и къ устраненію того сомнѣнія, которое, сознайтесь въ этомъ, овладѣло многими. Я, конечно, знаю, что есть затрудненіе на пути ко всеобщему примиренію; что эти трудности болѣе и болѣе обрисовываются и угрожаютъ непреодолимостью по мѣрѣ накопленія въ насъ годовъ и опытности. Это вовсе не удивительно. Но, тѣмъ не менѣе, дорогой сёръ, вы все-таки мнѣ позволите сказать, что даже если бы не было никакого проявленія ободряющихъ обстоятельствъ, каковыя, я думаю, имѣются въ наши дни, я счелъ бы все таки долгомъ убѣждать васъ никогда не поддаваться, пока живы, тому злому отчаянію, о которомъ вы упоминаете. Хотя бы желаемое и казалось невозможнымъ, тѣмъ не менѣе «у Бога нѣтъ невозможнаго». «Если имѣете вѣры съ горчичное сѣмя», говоритъ Спаситель нашъ, «вы можете двигать горами», и «о чемъ вы согласитесь вдвоемъ просить здѣсь на землѣ, то будетъ сдѣлано для васъ на небѣ». «О чемъ вы вдвоемъ», говоритъ Онъ: во сколько же болѣе, если многіе изъ насъ согласятся вмѣстѣ просить на землѣ того, о чемъ Спаситель нашъ самъ просилъ заблаговременно для насъ такъ настоятельно, въ ночь Своего страданія? Одна мысль о возможности христіанамъ отчаяваться въ такомъ дѣлѣ должна быть невыносимымъ терніемъ для христіанскихъ душъ.

Я говорю это даже въ предположеніи, что все кажется безусловно мертвымъ и окоченѣлымъ; что возбудить христіанъ въ раздѣленныхъ Церквахъ къ обычаю искренней молитвы о возсоединеніи столь же, по человѣческому пониманію, безнадежно, какъ покушаться воскрешать мертвыхъ,—а однако даже мертвые могли бы быть воскрешаемы вѣрою. Но въ дѣйствительности дѣло обстоитъ не такъ: есть

немало основаній (several plain grounds for hope) для надежды на достиженіе предлежащей намъ цѣли. Упомяну объ одномъ или двухъ, съ разныхъ сторонъ взятыхъ. Вопервыхъ, если вы въ Россіи искренно и издавна вѣрите, что Восточная Каѳолическая, или Православная, или Греческая церковь въ дѣйствительности, (какъ она сама себя почитала со временъ схизмы), составляетъ «всю истинную Церковь»; что она одна и исключительно есть хранительница «истиннаго ученія», ковчегъ спасенія — этого одного довольно было бы всегда и при всѣхъ возможныхъ трудностяхъ для достаточнаго побужденія къ самой неусыпной энергіи, въ молитвѣ и дѣйствіи, и къ самой твердой и безустанной надеждѣ на успѣхъ въ благовѣствованіи невѣрнымъ и на возвращеніе въ свое лоно всѣхъ еретиковъ, схизматиковъ, будь они Римско-Католики, Англиканцы, Лютеране или Кальвинисты. Съ другой стороны, если вы не очень увѣрены въ такомъ теоретическомъ значеніи Восточной Церкви или если вамъ ваши чувства говорятъ, что какъ бы она на бумагѣ ни расписывалась сама, но практически не вѣритъ въ свои притязанія: тогда я допускаю, что вы на первыхъ порахъ можете быть нѣсколько смущены и подавлены духомъ. Но и тутъ самыя условія спора въ нашъ вѣкъ, условія ежедневно болѣе и болѣе приводящія людей къ близкимъ сношеніямъ, популяризирующія всяческіе вопросы и всяческое знаніе, расхристіанивающія (unchristianizing) и развращающія всѣ правительства и народы, въ особенности же высшіе классы; это гигантское развитіе, говорю я, всеобщей чувственности и невѣрія, какъ бы оно ни было страшнымъ какъ несомнѣннымъ признакомъ «послѣднихъ дней», все таки заключаетъ въ себѣ элементъ надежды для тѣхъ, сердца коихъ ищутъ Христа и единенія Церкви Его. «Возведите очи ваши», говоритъ онъ Самъ, «ибо избавленіе ваше близится». И дѣйствительно, это можетъ быть вѣрно въ извѣстномъ смыслѣ, даже передъ кончиной, даже въ наше время. Если паровыя сообщенія и желѣзныя дороги размножаются, если то, что́ называется цивилизація и образованіе, а съ ними чувственность жизни и либерализмъ въ вѣрованіяхъ, все болѣе распространяется по всѣмъ странамъ, начиная съ высшихъ классовъ до низшихъ: тогда ни въ Англіи, ни въ Римѣ, ни въ Россіи не возможетъ сохранить своего теперешняго положенія благонамѣренное меньшинство. Все, что̀ было утверждено и кристализовано вѣками, частью вслѣдствіе политическихъ, а частью и религіозныхъ причинъ, теперь размыкается. А что̀ касается до васъ въ Россіи, либо Восточная Церковь выработаетъ себѣ новый духъ, чтобы противустоять потоку зла, устремляющемуся на нее съ Запада, чтобы обратить и излечить не однихъ «еретическихъ» и «схизматическихъ» Латинянъ, «внѣ сущихъ», но зачастую

и своихъ членовъ внутри ея сущихъ; либо она должна подчиниться Риму или, наконецъ (только три возможныхъ исхода), она должна подумать объ откровенномъ примиреніи на какихъ угодно условіяхъ.

Такимъ образомъ самое развитіе зла въ окружающемъ насъ обществѣ подаетъ поводъ къ надеждѣ и представляетъ немало удобствъ для соединенія и слитія разсѣянныхъ элементовъ добра.

Что́ касается Англіи въ частности, то въ настоящее время она подаетъ особую надежду на добро въ будущемъ. Развитіе зла нигдѣ не достигало, можетъ быть, болѣе ужасающихъ размѣровъ какъ въ религіозномъ, такъ и въ соціальномъ отношеніи, и однако нигдѣ нѣтъ столько основаній для надежды. Мы можемъ только опасаться, какъ бы въ то время, когда весь міръ начинаетъ интересоваться религіознымъ движеніемъ въ Англіи, называемымъ Пюзеизмомъ, Восточная Церковь не представила бы ничего привлекающаго къ ней симпатіи Англичанъ, все болѣе и болѣе обращающихся по направленію Рима [1]). Сравнительно не важенъ вопросъ о томъ, желаете ли вы «обращенія» нашего какъ еретиковъ или схизматиковъ, или нашего примиренія какъ братій, которые, можетъ быть, будутъ въ состояніи объяснить свои кажущіяся ереси и показать, что они никогда вполнѣ не отпадали отъ Православной вѣры. Не важно, говорю я, какую изъ этихъ точекъ зрѣнія вы изберете по отношенію къ Англиканамъ или Римско - Католикамъ; только, пожалуйста, либо одно, либо другое: проявите что нибудь въ родѣ христіанской ревности и энергіи. Если вы «вся» Церковь, то подобаютъ ей таковыя [2]); если вы «часть» ея, то опять таки соотвѣтственно этому условію. Только, пожалуйста, либо одно, либо другое, и тогда исчезнетъ то «гордое презрѣніе», въ которомъ вы обвиняете насъ. Насъ привлечетъ къ вамъ всякое проявленіе жизни, хотя бы первый порывъ ея энергіи былъ, повидимому, направленъ противъ насъ самихъ. Не только Франція, но Сѣверная Америка и Англія вполнѣ доступны для всѣхъ религій; отчего же одна истинная Православная Греческая Церковь не посылаетъ по крайней мѣрѣ хоть одного миссіонера въ Англію, въ Оксфордъ, который, какъ весь міръ теперь знаетъ, есть центръ великаго религіознаго движенія. Ищите такимъ образомъ либо, повторяю, нашего обращенія, либо нашего примиренія; но дѣлайте либо одно, либо другое; не продолжайте всегда оставаться въ воз-

[1]) Пальмеръ видно почувствовалъ угрожавшую опасность; но только послѣ личнаго многолѣтняго опыта онъ понялъ всю мѣру этой опасности и оцѣнилъ ее, когда самъ обратился къ Риму по причинамъ, изложеннымъ въ письмѣ его къ графу А. П. Толстому. См. „Русскій Архивъ“ 1894 г., вып. 5-й. Ю. Б.

[2]) Т. е. ревность и энергія.

мутительномъ (shocking) самодовленіи, проявляя внѣшнимъ образомъ не только терпимость, но даже нѣчто въ родѣ братскаго признанія къ еретикамъ, худшимъ чѣмъ Латиняне или Англиканцы, въ то время какъ про себя вы думаете: мы одни истинная Церковь, а *они* всѣ еретики, на пути мрака и погибели стоящіе; *они*, для приведенія коихъ въ вашъ «Ковчегъ Спасенія» вы и пальцемъ не хотите пошевельнуть!

Вы говорите, что вамъ кажется вполнѣ естественнымъ, что серьозныя силы въ Англіи думаютъ объ Уніи только съ Римомъ: ибо «Унія» не можетъ быть понятна Православнымъ христіанамъ (т. е. христіанамъ Греческой или Восточной Церкви) иначе какъ послѣдствіе совершеннаго согласія или полнаго «единства ученія» (вы оговариваетесь на счетъ обрядовъ, на сколько они не выражаютъ какого нибудь догмата). Истинная Церковь ничего государственнаго въ себѣ не имѣетъ и не можетъ допустить условнаго союза*). Совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло въ церкви Римской. Эта Церковь—государство. Она допускаетъ охотно возможность союза даже при глубокомъ различіи въ ученіи. Велика разница между послѣдовательнымъ рабствомъ Ультрамонтанства и непослѣдовательной полусвободой Галликанства, и однако оба стоятъ подъ однимъ знаменемъ и одной главой. Единеніе Никейскаго Символа съ подчиненіемъ Риму—вещь вполнѣ нелѣпая въ Уніатской Церкви Польскихъ странъ, и однако эта Церковь была допущена къ ограду Рима безъ затрудненія, потому что Церковь Рима есть государство и имѣетъ право дѣйствовать какъ таковое. Унія возможна съ Римомъ; съ Православіемъ возможно только единство.

На это я долженъ замѣтить, что какъ мы въ Англіи, такъ и Папа и всѣ Римскіе богословы вполнѣ сходимся съ вами и съ Восточною Церковью въ томъ, что истинная Церковь никогда не можетъ допустить никакой политической или условной Уніи, ничего иного, кромѣ полнаго единства въ ученіи; но Римскіе Католики почтутъ ваши замѣчанія о признаніи Уніатовъ и о терпимости къ Галликанству несправедливыми. Уніаты, общаяся съ Папой и его Церквами, въ которыхъ Символъ произносится съ прибавкой, на положеніи не равныхъ съ равными, а низшихъ съ высшими, тѣмъ самымъ подчиняются Латинскому ученію, хотя Папа и снисходитъ къ ихъ предразсудкамъ и немощи (смотря по тому, какъ онъ на это смотритъ), только съ внѣшней стороны одной формы. Что до Галликанства, на него смотрятъ такъ же, какъ на вредное направленіе въ мѣстной подчиненной Церкви, никоимъ

*) Отличительная черта двухъ Церквей въ этомъ отношеніи наглядно выражена объясненіемъ Пальмера объ условіяхъ его присоединенія къ Риму, изложеннымъ въ томъ же письмѣ его къ графу А. П. Толстому. Ю. Б.

образомъ не признаваемое за законъ, явно осужденное высшею властью и только «de facto» терпимое въ извѣстныхъ границахъ, до тѣхъ поръ, пока оно не доразвилось до своихъ крайнихъ предѣловъ. Такъ бываетъ во всѣхъ обществахъ, и въ самой Восточной Церкви не менѣе чѣмъ въ другихъ: многія частныя мнѣнія, противныя господствующему духу, всегда бывали и всегда будутъ терпимы, пока они не разовьются и не достигнутъ такого практическаго значенія, что, наконецъ, заставятъ высшую власть издать новые обязательные законы или потребовать подчиненія болѣе точнаго и полнаго законамъ уже существующимъ. Такъ въ Восточной Церкви одно время вольно было епископу, скажемъ Епифанію, отвергать священныя изображенія; но когда, позднѣе, споръ объ иконахъ обострился, такое снисхожденіе уже не могло имѣть мѣста. И теперь въ Латинской Церкви позволительно отвергать непорочное зачатіе Приснодѣвы Маріи [1]), тогда какъ въ Восточной вольно утверждать противуположный взглядъ, хотя общее настроеніе Латинской Церкви въ пользу этого ученія, а Восточной, пожалуй, противно таковому. Но, чтобы не останавливаться далѣе на этомъ, достаточно сказать, что вы весьма ошибаетесь на счетъ современнаго религіознаго движенія въ Англіи, почитая его за желаніе пустой, политической, условной Уніи, или думая, что подобное что-либо способствовало настроенію, которое проявляется теперь относительно Рима. Движеніе это началось въ духѣ самаго строгаго Англиканства, вслѣдствіе усиленныхъ нападокъ на Установленную Церковь [2]) протестантскихъ сектантовъ и Римскихъ Католиковъ, поддержанныхъ либеральнымъ правительствомъ. Оно заключалось до извѣстнаго момента въ духѣ совершенно-враждебномъ какъ папизму, такъ и сектаторству, и только когда умноженіемъ знанія, непрестанныхъ усилій къ самоусовершенствованію и проявленіемъ разныхъ печальныхъ признаковъ господства между нами злыхъ началъ открывалась все болѣе и болѣе невообразимая масса тѣхъ наслѣдственныхъ предразсудковъ и невѣжествъ, подъ которыми мы были похоронены, нѣкоторые изъ искренних и вліятельныхъ умовъ начали сомнѣваться въ самомъ духовномъ существованіи Англиканской Церкви и стали искать примиренія съ Римомъ не условно, а по простотѣ, съ чувствомъ самаго полнаго самоуничиженія и самоотреченія.

Чтó до меня, то я не заявляю своего согласія идти до конца по пути простаго и полнаго подчиненія Риму. Это не потому, чтобы я

---

[1]) Это писано до изданія папскаго (соборнаго) декрета о Непорочномъ Зачатіи въ 1849 году. Ю. Б.

[2]) Established Church—оффиціальное наименованіе Государственной Церкви въ Англіи.

затруднялся признать себя и Церковь свою еретической или схизматической, если бы правда того потребовала; но я просто не убѣжденъ въ томъ, что Англиканская Церковь утратила непрерывность своей духовной жизни, и что простое и полное подчиненіе Риму въ настоящее время возможно или желательно для нея, какъ Церкви. Мои изслѣдованія привели меня къ убѣжденію, что въ настоящее время признаніе единства съ Восточной Церковью, а не исканіе политической или условной Уніи съ нею, гораздо возможнѣе и желательнѣе, нежели съ Римской. Но да избавитъ меня Богъ отъ того, чтобы думать или говорить когда либо о такомъ дѣлѣ иначе, какъ о ступени къ окончательному соединенію и насъ и Восточныхъ съ Римомъ. Повторяю, я считаю единеніе (не Унію) съ Восточной Церковью дѣломъ и желательнымъ, и возможнымъ для Церкви Англиканской. Конечно, это можетъ состояться не тотчасъ и даже не скоро, но въ будущемъ совершиться это должно, не органическимъ и сильнымъ переворотомъ въ обѣихъ Церквахъ, но естественнымъ и постепеннымъ развитіемъ того, что̀ уже теперь есть. Я не думаю, чтобы Восточная Церковь должна была либо теперь, либо позже, измѣнить что либо въ своемъ ученіи въ угоду предразсудкамъ Англиканскихъ епископовъ, ни чтобы она должна была допустить Англиканскую Церковь или ея членовъ къ общенію въ таинствахъ, при настоящемъ положеніи. Это было бы лишь введеніемъ у себя анархіи и права признавать или отвергать по личному усмотрѣнію бо́льшую часть или по крайней мѣрѣ бо́льшую часть того, что́ правильно почитается за священное и непоколебимое преданіе. Еще менѣе думаю я, что Англиканская Церковь или ея члены когда либо получатъ пользу отъ превращенія въ профессоровъ Греко-Руссицизма или Оріентализма—и это не потому, чтобы имъ помѣшало чувство гордости и презрѣнія, но потому, что невозможно человѣку ученому и понимающему обратиться къ Восточной Церкви на почвѣ Каѳоличности, каково бы ни было его мнѣніе объ частномъ характерѣ этой частной Церкви. Не увлекаясь пустымъ гаданіемъ, я положительно утверждаю передъ вами, какъ человѣкъ проведшій годы въ богословскихъ занятіяхъ, что я вполнѣ увѣренъ въ существованіи въ Англиканской Церкви элемента вѣры и ученія не только похожаго, но совершенно тождественнаго съ вѣрою и ученіемъ Восточной Церкви. Такимъ образомъ, хотя единеніе съ Англиканской Церковью въ настоящую минуту совершенно внѣ вопроса, такъ какъ она состоитъ изъ элементовъ противуположныхъ и изъ недовыработанныхъ стремленій, частью православныхъ, частью еретическихъ; тѣмъ не менѣе, единеніе съ православнымъ элементомъ Англиканской Церкви, когда онъ окончательно одолѣетъ и изгонитъ своего еретическаго противника, будетъ совершено естественно и легко и едва ли будетъ нуждаться въ какихъ либо перего-

ворахъ и конференціяхъ, только развѣ по второстепеннымъ вопросамъ дисциплины и обряда. Чтобы пояснить мои слова, я укажу на Армянскую Церковь, которая, подобно Англиканской, имѣетъ какъ бы двойственное существованіе съ давнихъ временъ. Съ Армянами единеніе безъ объясненія или измѣненія съ ихъ стороны было бы единеніемъ съ ересью; тѣмъ не менѣе, еслибъ эта церковь сдѣлала то, что́ дѣлала уже не разъ, т. е. объяснила бы свои еретическія выраженія въ православномъ смыслѣ и на будущее время отвергла бы и выраженія и сущность ереси—единеніе съ нею было бы возможно, такъ какъ единство было бы такимъ образомъ объявлено и принято.

Но сказанное здѣсь мною требуетъ нѣкоторой оговорки. Есть несомнѣнно одинъ пунктъ, на счетъ котораго я не могу говорить съ такою полною увѣренностю какъ о вопросахъ, касающихся моей личной вѣры или вѣры моей Церкви, которую я знаю изнутри ея, тогда какъ я знаю Восточную Церковь только по ея внѣшнему проявленію, хотя на счетъ его лично думаю, что наша вѣра и ваша сходны. Это приводитъ меня къ послѣдней части вашего письма, въ которомъ вы говорите о трехъ великихъ различіяхъ между Западной и Восточной Церквами—къ вопросу о прибавленіи словъ «filioque» къ Символу. Это различіе вы почитаете величайшимъ препятствіемъ не только къ единенію, но даже къ самой мысли о таковомъ. Я совершенно соглашаюсь съ вами и не только не приглашаю члена Восточной Церкви умалить значеніе этого препятствія, но соглашаюсь съ тѣмъ, что вполнѣ естественно, даже обязательно, должно почитать на первыхъ порахъ (in the first instance) Латинянъ еретиками (не только схизматиками) по этому вопросу, точно такъ же какъ и съ нашей стороны естественно и законно на первыхъ же порахъ почитать Грековъ по крайней мѣрѣ схизматиками или точнѣе еретиками по тому же вопросу. Тѣмъ не менѣе не должно съ обѣихъ сторонъ дѣлать это на основаніи невѣжественной и суевѣрной практики, которая не старается усвоить себѣ свою собственную вѣру, нижѐ обсудить правильно заблужденія еретиковъ, не вздыхаетъ съ любовью о возвращеніи ихъ къ истинѣ и не старается устранить ненужныя препятствія, на чьей бы они ни лежали сторонѣ. Мнѣ скорѣе кажется, что если вопросъ о «filioque» есть дѣйствительно то средостѣніе, изъ за котораго Христіанскія церкви взаимно себя считаютъ еретическими, то что умы именитыхъ христіанъ обоихъ лагерей должны помнить всю важность постоянно возвращаться къ этому вопросу и искать разъясненія онаго не отъ конференцій и соборовъ, но отъ Самаго Духа Святаго, Который есть связь между Отцемъ и Сыномъ въ Святой Троицѣ и Податель всякой истины, мира и спасенія на земли, прося Его, да даруетъ Онъ намъ разъясненіе сей тайны. Мы должны постоянно стараться преуспѣвать въ постиженіи и оцѣнкѣ

нашей собственной вѣры въ этомъ отношеніи, постоянно стремясь отыскать, какой камень претыканія можетъ находиться на пути отдѣлившихся отъ насъ братій, мѣшая имъ сочувствовать съ нами; съ другой же стороны мы должны быть до щепетильности искренними и любовными по отношенію къ тому, чтобы не искажать ихъ ученія и не клеветать на оное, сомнѣваясь и дѣлая различіе тамъ, гдѣ для этого нѣтъ повода, или гдѣ есть таковой, дѣлать его бо́льшимъ, чѣмъ онъ есть въ дѣйствительности. Писано, что архангелъ Михаилъ не дерзнулъ произнести рѣшительнаго осужденія даже на діавола; во сколько-же мы должны быть осторожнѣе, дабы не говорить язвительно даже о еретикахъ? Если даже гражданскіе суды осторожны въ нелишеніи обвиняемыхъ всѣхъ средствъ къ защитѣ и всякой возможности къ оправданію себя; во сколько кратъ болѣе должны члены Христовы быть осторожными въ осужденіи двухъ третей Христіанскаго міра и перваго епископа, какъ дѣлаете вы, осуждая Латинянъ, или одну треть Христіанскаго міра съ пятью патріархами, какъ дѣлаютъ они, осуждая васъ?

Но я теперь не буду пытаться идти въ глубь этого вопроса. Я не хочу, еслибы даже могъ, подать поводъ думать, что всѣ затрудненія могутъ быть устранены немедля, хотя-бы въ теоріи. Я хотѣлъ бы упросить васъ сочувствовать и убѣдить другихъ сочувствовать тому нравственному и духовному алканію единенія, которое, не смотря на всѣ наши слабости, теперь несомнѣнно до извѣстной степени проявляется въ Англиканской церкви. Будь оно и у васъ, рано или поздно оно получило бы отъ Бога все, что̀ потребно для достиженія желаннаго конца. Въ настоящее время достаточно, если вы, съ своей стороны, будете ежедневно стараться осуществить въ себѣ самихъ все болѣе и болѣе ту вѣру, которая несомнѣнно всегда жила въ Церкви вашей, что «Святой Духъ предвѣчно, истинно и дѣйствительно есть Духъ Сына, подобно какъ Онъ есть и Духъ Отца», тогда какъ ересь говоритъ, что Сынъ есть Сынъ Духа. Въ виду того, что есть между нами въ Англіи многіе, искренне желающіе единенія, а вы увѣряете, что между вами, Восточными, есть тоже нѣкоторые желающіе того же, давайте впредъ соревновать другъ другу въ молитвахъ, прося какъ для себя, такъ для другихъ вящаго укрѣпленія въ вѣрѣ, нами уже держимой, и восполненія того, что̀ можетъ быть съ обѣихъ сторонъ неполнаго въ оной.

Кончаю этимъ письмо мое, прося васъ считать меня, любезный сѣръ, вашимъ и пр. В. Пальмеръ (діаконъ), членъ Коллегіи Св. Маріи Магдалины въ Оксфордскомъ университетѣ.

Оксфордъ, 4 Іюня (н. с.) 1845.

ИЗЪ ПИСЕМЪ КЪ МИТРОПОЛИТУ МАКАРІЮ.

А. Митрополита Платона *).

Преосвященнѣйшій владыко, возлюбленный о Господѣ братъ!

Примите искреннюю мою благодарность и за *третій* томъ прекраснаго Богословія вашего, присланный мнѣ въ даръ съ о. инспекторомъ Рижской Семинаріи, и за сего инспектора, вашего воспитанника, а моего земляка, который мнѣ очень нравится, и за пріятное для меня письмо ваше отъ 28 Сентября, и за желаніе ваше помѣщать мои издѣлія въ «Христіанскомъ Чтеніи», и за милостивое вниманіе ваше къ моему брату, студенту Городецкому, а паче всего за братскую любовь вашу ко мнѣ.

Изъ письма вашего ко мнѣ видно, что извѣстная рѣчь моя подверглась мытарствамъ. Пусть ее хорошенько потрутъ, а если хотятъ, то и автора ея вмѣстѣ! Но я недоразумѣваю, для чего совѣтовали вашему преосвященству представить эту рѣчь мою въ Св. Синодъ? Ужели для того, чтобы оффиціально и указомъ сдѣлать мнѣ за нее какое-либо замѣчаніе?... Впрочемъ, я такъ много видѣлъ и испыталъ въ жизнь свою горькаго и сладкаго, дружелюбнаго и непріязненнаго, праведнаго и несправедливаго, что, право, теперь ничему не удивлюсь и ничего не устрашусь. Пусть дѣлаютъ, что̀ угодно, не только съ рѣчью моею, но и со мною самимъ!

Я слышалъ отъ разныхъ лицъ, будто бывшій воспитанникъ С.-Пб. Духовной Академіи, изъявившій нынѣ желаніе поступить на священническое мѣсто въ Лифляндіи, извѣстный вамъ Чечель, имѣетъ неспокойный и заносчивый характеръ. Если это правда, то благоволите, преосвященнѣйшій владыко, вразумить его, какъ бывшаго воспитанника вашего, и научить, какъ онъ долженъ вести себя въ Лифляндіи. Скромность и трезвость, благоразумная осторожность во всѣхъ дѣлахъ, особенно въ сношеніяхъ съ иновѣрцами, великодушное перенесеніе непріятностей и совершенная благопокорность начальству: вотъ необходимыя условія для тѣхъ, которые желаютъ быть священниками въ Лифляндіи. Въ противномъ случаѣ житье ихъ въ ней будетъ нехорошо...

Съ чувствами истиннаго уваженія, совершенной преданности и нелицемѣрной любви, честь имѣю всегда быть вашего преосвященства покорнѣйшимъ слугою. Платонъ архіепископъ Рижскій и Митавскій.

12-го Октября 1851. Г. Рига.

Примите на себя трудъ передать мой поклонъ вашему о. инспектору, а вмѣстѣ и благодарность за его поклонъ мнѣ, присланный чрезъ моего брата.

---

*) Письмо это писано, когда преосвященный Макарій былъ епископомъ Винницкимъ и ректоромъ С.-Петербургской Духовной Академіи.

Б. Митрополита Исидора *).

1.

Высокопреосвященнѣйшій владыко, милостивый архипастырь!

Примите искреннюю мою благодарность за изданные вами, еще не дошедшіе до меня, два тома Исторіи Русской Церкви. Труды ваши не могутъ не радовать всѣхъ, съ сочувствіемъ наблюдающихъ судьбы нашей Православной Церкви. Желать надобно, чтобы нашелся добрый человѣкъ, который согласился бы заняться переводомъ сей Исторіи на Англійскій языкъ. При извѣстномъ движеніи въ Англіи и Америкѣ въ пользу Православія, это было бы весьма полезно. Я намѣренъ послать въ Нью-Іоркъ вашу Догматику на Французскомъ языкѣ. Хотя немного тамъ знатоковъ сего языка, но сколько-нибудь найдется. Не примите ли вы на себя трудъ написать православное обозрѣніе 39-ти пунктовъ символическихъ въ Англиканской и Американской церквахъ? Они напечатаны въ журналѣ «Православное Обозрѣніе» за 1860 годъ.

Прося вашихъ святыхъ молитвъ, съ совершеннымъ почтеніемъ и братскою о Христѣ любовію честь имѣю быть вашего высокопреосвященства покорнѣйшимъ слугою. Исидоръ м. Новгородскій и С.-Петербургскій.

Января 2-го 1866.

2.

Высокопреосвященнѣйшій владыко, милостивый архипастырь!

Положеніе Св. Синода объ учрежденіи викаріатства въ Харьковѣ на дняхъ Высочайше утверждено. Избранія кандидатовъ еще не было. Готовъ рекомендовать, а. Германа, хотя онъ мнѣ нуженъ въ Новгородѣ. Я перемѣстилъ его изъ намѣстниковъ Лавры въ Юрьевъ монастырь, потому что находилъ его способнымъ для дѣлъ въ Консисторіи, въ которой Юрьевскому архимандриту усвоено первое мѣсто. Нелегко отыскать изъ архимандритовъ способнаго замѣнить Германа; но если со стороны Св. Синода не будетъ возраженія, я отпущу его къ вамъ.

Очень жаль, что ректоръ Семинаріи вашей не оправдалъ выбора вашего. Помнится, что онъ опредѣленъ по желанію вашему. Скоро не изъ кого будетъ и выбирать ректоровъ. Инспекторскія должности въ большей половинѣ Семинарій уже заняты свѣтскими профессорами. Ежели ректоръ и инспекторъ у васъ не соотвѣтствуютъ своему назначенію, по той же причинѣ они не годятся и для другой Семинаріи. Впрочемъ посмотримъ, можетъ быть, найдемъ возможность развести ихъ.

Братъ вашъ очень хорошо служитъ, и я представляю его къ ордену. Перемѣщеніе на лучшее мѣсто не всегда зависитъ отъ нашей воли. Онъ проситъ мѣста у Вознесенья; но нашлись соперники, также магистры, одинъ служившій 34 года въ Технологическомъ Институтѣ, другой служившій 25 лѣтъ при Министерствѣ Путей Сообщенія, и

*) Оба письма писаны въ Харьковъ, гдѣ преосвященный Макарій былъ тогда архіепископомъ.

много другихъ. Чтобъ избавиться отъ вмѣшательства непрошеныхъ ходатаевъ, остается опираться только на справедливость и право. Если найду возможность сдѣлать что-нибудь для вашего брата, съ радостію это исполню.

Поручая себѣ святымъ молитвамъ вашимъ, съ совершеннымъ почтеніемъ и братскою о Христѣ любовію честь имѣю быть вашего высокопреосвященства покорнѣйшимъ слугою. Исидоръ м. Новгородскій и С.-Петербургскій.

Ноября 22-го 1866.

В. Митрополита Леонтія.

Высокопреосвященнѣйшій владыко, милостивѣйшій архипастырь и отецъ!

При отношеніи вашего высокопреосвященства я имѣлъ честь получить портретъ покойнаго митрополита Іосифа, 7-го Февраля. Усопшій владыка былъ въ числѣ моихъ рукоположителей въ санъ епископа, и потому мнѣ особенно пріятно видѣть у себя его изображеніе.

Приношу вашему высокопреосвященству мою усерднѣйшую благодарность за оказанное мнѣ вниманіе присылкою портрета и пользуюсь случаемъ выразить предъ вами чувства своей искренней признательности къ вамъ, какъ приснопамятному моему наставнику и руководителю по Академіи.

Привѣтствую васъ, владыко святый, съ новымъ мѣстомъ служенія Св. Церкви. Господь да укрѣпитъ ваши силы къ ношенію труднаго бремени, и да благопоспѣшитъ всѣмъ вашимъ трудамъ и предпріятіямъ на пользу Литовской церкви! По собственному опыту знаю я, какого самоотверженія требуетъ управленіе въ Западныхъ епархіяхъ, гдѣ хитрая пропаганда ксендзовъ оставила свои глубокіе слѣды. Я отъ души порадовался вашему назначенію. *Таковъ подобаетъ для Вильны архіерей.* И по Св. Синоду теперь дѣла вамъ много, думаю. Но мы радуемся, что теперь Уставъ Академіи въ добрыхъ рукахъ....

Поручая себя вашимъ святымъ молитвамъ и благорасположенію, съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть вашего высокопреосвященства милостивѣйшаго архипастыря покорнѣйшимъ слугою. Леонтій епископъ Подольскій.

10-го Февраля 1869.

P. S. Весьма желалъ-бы я имѣть фотографическую карточку вашего высокопреосвященства.

(*Сообщено С. А. Булгаковымъ, племянникомъ митрополита Макарія*).

ОБЫДЕННЫЯ ЦЕРКВИ НА РУСИ.

Къ пятисотлѣтію открытія святыхъ мощей Сергія Радонежскаго, Миротворца и Избавителя отъ смутъ.

1. *С. А. Бѣлокурова.* О доставленіи свѣдѣній, касающихся обыденныхъ церквей и житія преподобнаго Сергія Радонежскаго.
2. Его же. Запросъ Рижскому Археологическому Съѣзду 1896 года.
3. Les épidémies psychiques et la foule criminelle. Revue des revues. 1894. № 1.

—

И для всякаго предъидущаго археологическаго съѣзда Уваровскій вопросъ, предложенный г. Бѣлокуровымъ: «было ли что либо сходное съ нашими обыденными храмами на Западѣ и не оттуда ли оно заимствовано, или же обычай строенія такихъ церквей въ годины бѣдствій есть самородное явленіе», имѣлъ бы важное значеніе; но особенно умѣстенъ онъ для того съѣзда, который соберется въ Ригѣ, на рубежѣ Россіи съ Западомъ, гдѣ, повидимому, соединены будутъ всѣ условія для всесторонняго обсужденія дѣла, гдѣ могутъ въ рѣшеніи его принять участіе и западные ученые, духовные и свѣтскіе *). Рига находится въ сосѣдствѣ съ Псковомъ и Новгородомъ, въ которыхъ, какъ и на всемъ лѣсномъ Сѣверѣ Россіи, а по всей вѣроятности и Сибири, наичаще созидались обыденные храмы.

Обыденные храмы, т. е. храмы созидаемые по обѣту совокупными усиліями въ одинъ день, это памятники единодушія и согласія въ молитвѣ и трудѣ, въ мысли и дѣлѣ, согласія столь рѣдкаго на землѣ вообще, а въ особенности на Руси, исторія которой началась признаніемъ въ себѣ порока розни и этимъ какъ бы указала и на конечную свою цѣль —согласіе и единодушіе. Для устраненія внѣшней розни Русь призываетъ иностранца, а для внутренняго примиренія принимаетъ Христіанство, подъ вліяніемъ котораго рознь обращается въ согласіе, такъ что построеніе обыденныхъ храмовъ даже въ такихъ классическихъ мѣстахъ раздора, какъ Новгородъ и Псковъ, напоминающихъ по оживленной (истребительной) борьбѣ западные города, свидѣтельствуетъ

---

*) Комитету Археологическаго Съѣзда надлежало бы перевести данный вопросъ на иностранные языки и разослать по всѣмъ археологическимъ обществамъ Европы и Америки.

о глубокой внутренней потребности согласія, хотя бы оно было непродолжительно въ дѣйствительности. На вѣчахъ, обыкновенно бурныхъ и шумныхъ, нерѣдко переходившихъ въ побоища, водворялась тишина, и вопросъ о построеніи обыденныхъ церквей рѣшался мгновенно, единодушно, безъ преній.

Обыкновенно единогласіе (не говоря уже объ единодушіи) считается невозможнымъ, и даже нежелательнымъ. На единогласіе въ учрежденіи смотрятъ какъ на порокъ приводящій къ гибели; а между тѣмъ построеніе обыденныхъ храмовъ—святое дѣло, не находило ни одного противника. Отсюда и можно заключить, что главная причина розни скрывается не въ людяхъ, а въ отсутствіи дѣла безусловно благаго и святаго, дѣла, которое было бы одинаково дорого для всѣхъ. Храмъ воздвигнутый въ одинъ день, какъ бы малъ онъ ни былъ, есть чудо и тѣмъ болѣе дивное, что онъ воздвигался трудомъ безденежнымъ, («работающіи народи мзды не взимаху») и всенароднымъ: «овіи древіе употребляху и назидаху; а инніи на основаніе полагаху, а инніи изъ разныхъ мѣстъ древіе везяху, *не бяше бо тогда на сооруженіе храма въ готовности ничтоже*, но вся изъ разныхъ мѣстъ приношахуся», т. е. требовалось, чтобы все было трудовое и ничего дароваго.

Это были свѣтлыя минуты въ нашей жизни: «не бяше бо тогда видѣти, или слышати во градѣ и въ весѣхъ татьбы, и разбоя, лжи, и клеветы, гнѣва, ярости и обиды, и всякія злобы; но бяше любовь велія». Въ эти минуты нашъ народъ былъ истинно-христіанскимъ, ибо въ единодушномъ, беззавѣтномъ трудѣ на пользу общаго, святаго дѣла и раскрывается нравственное значеніе высочайшаго догмата христіанства, догмата о Святой Троицѣ неслiянной и нераздѣльной, гдѣ единство не есть подчиненіе, а неслiянность не есть рознь.

Въ этомъ-то единодушіи, соединяющемъ многихъ на единое дѣло, и заключается, быть можетъ, разгадка того, что́ такое Русь, въ чемъ ея самобытность и на что она способна. Въ этой странѣ рѣдкихъ минутъ согласія, за то согласія не только внѣшняго, но и внутренняго, т. е. единодушія, Преподобн. Сергій и воздвигнулъ храмъ Пресвятой Троицѣ, какъ образцу величайшей добродѣтели единодушія, не минутнаго, а вѣчнаго, конечно для того, чтобы эти рѣдкія минуты согласія въ народѣ обратить въ постоянное состояніе, въ неразрывное единство, и тѣмъ начать осуществленіе той конечной цѣли, которая крылась въ самомъ признаніи въ себѣ порока и грѣха розни. Храмъ Пресвятой Троицы въ обители Сергія былъ «аки зерцало». Потому-то обитель Св. Троицы служила и обличеніемъ розни, и призывомъ къ соединенію. Воззрѣніе на этотъ образъ единодушія и согласія не допустило погибнуть государство Московское отъ Шемякинской усобицы и утратить единство именно

тогда, когда появились новыя враждебныя Пр. Троицѣ орды Казанская, Крымская, и особенно Османская, сокрушившая Константинополь, чтó сдѣлало Москву послѣднимъ убѣжищемъ Православія, и она вмѣстѣ съ именемъ Третьяго Рима приняла на себя новый долгъ, стала понимать свое назначеніе во всемірной исторіи. Послѣ паденія Втораго Рима, Старый Римъ, въ лицѣ папъ и преданной имъ Польши, пользуясь нашими раздорами, задумалъ поразить Православіе въ его послѣднемъ убѣжищѣ и обратить насъ въ орудіе своего властолюбія для подавленія протестантскаго возстанія, чтò и могло бы быть исполнено въ Тридцатилѣтнюю войну, если бы папство успѣло поработит Московское государство; но взятіе Москвы Поляками показало только, что истинною столицею была Свято-Троицкая обитель Пр. Сергія. Она-то и соединила весь народъ «какъ одного человѣка» и спасла не Россію только, но и Западъ: ибо исключительное господство Католицизма, т. е. духовнаго ига безъ всякаго протеста, было бы такимъ же зломъ какъ и исключительное господство протестантской розни, не сдерживаемой никакимъ авторитетомъ; совмѣстное же ихъ существованіе ясно указываетъ, что благо заключается въ Царствѣ Живоначальной Троицы, гдѣ единство не есть иго, а самостоятельность не есть рознь.

Такова логическая связь между вопросомъ о построеніи обыденныхъ церквей, какъ памятниковъ единодушія, и дѣломъ житія Чтителя Пресвятой Троицы, Сергія Радонежскаго, Миротворца и Избавителя отъ смутъ. Это именно тотъ святой, какой нуженъ въ переживаемую нами эпоху, такъ что вполнѣ правъ г. Бѣлокуровъ, соединивъ ихъ въ своемъ воззваніи о доставленіи свѣдѣній по этому предмету. Воззваніе это было разослано ко всѣмъ редакціямъ Епархіальныхъ Вѣдомостей, архивнымъ коммиссіямъ и т. п. учрежденіямъ. Пользуемся случаемъ огласить его и среди читателей «Русскаго Архива». Вотъ оно.

«Несмотря на всю важность вопроса о построеніи обыденныхъ церквей, онъ мало изслѣдованъ. Въ виду этого весьма желательнымъ является собраніе по возможности всего, чтó *извѣстно о построеніи на Руси обыденныхъ храмовъ*, какъ особыхъ сказаній о семъ, такъ и всѣхъ мелкихъ извѣстій и указаній только на самый фактъ. Построеніе обыденныхъ церквей по условіямъ освященія въ нѣкоторыхъ мѣстахъ могло быть замѣняемо построеніемъ тѣмъ же способомъ, т. е. участіемъ наибольшаго числа и въ наименьшій срокъ большихъ часовенъ для совершенія богослуженія. Желательно имѣть свѣдѣнія о построеніи и ихъ».

«Къ предстоящему пятисотлѣтію открытія мощей Преподобнаго Сергія игумена Радонежскаго желательно также привести въ возможнополную извѣстность: 1) все, чтò написано и напечатано, особенно въ мѣстныхъ изданіяхъ, о Преп. Сергіи, списки житія его, сказанія объ открытіи его мощей и посмертныхъ чудесахъ; и 2) исторію распространенія почитанія сего святаго мужа, т. е. гдѣ существуютъ храмы

или предѣлы въ нихъ, посвященные преп. Сергію, равно какъ насколько распространено въ той или другой мѣстности паломничество въ Троице-Сергіеву Лавру для поклоненія гробу Преподобнаго.

«Опытъ указателя того, что было напечатано у насъ на Руси о Сергіи былъ помѣщенъ въ 10 и 12 №№ «Библіографическихъ Записокъ» 1892 года. Желательно имѣть свѣдѣнія, пропущенныя здѣсь или исправляющія какія-либо ошибки.

«Лицъ, желающихъ помочь въ этомъ дѣлѣ, просятъ присылать свои сообщенія въ Москву, Садовники, д. № 8, С. А. Бѣлокурову. Имена доставившихъ свѣдѣнія будутъ помѣщены на заглавномъ листѣ сборника этихъ свѣдѣній и будутъ свидѣтельствовать, что духъ создавшій обыденные храмы еще живъ на Руси».

*

Несмотря на важность приведеннаго воззванія, нѣкоторыя Епархіальныя Вѣдомости отказались его напечатать. Къ счастью, единомышленниковъ въ таковомъ полномъ нежеланіи оказать хотя слабую помощь въ благомъ дѣлѣ, было мало; но за то и дѣятельныхъ помощниковъ, какъ намъ передавали, явилось немного, и тѣмъ болѣе нужно быть благодарными къ этимъ немногимъ отзывчивымъ людямъ. Мы съ особымъ удовольствіемъ помѣщаемъ ихъ имена въ нашемъ изданіи и съ своей стороны присоединяемъ искреннюю благодарность за помощь оказанную ими въ дѣлѣ одинаково-дорогомъ для всѣхъ Русскихъ, въ дѣлѣ приготовленія къ единодушному празднованію всею Россіей (т. е. Великой и Малой, Бѣлой, Новой Россіей, не только Восточной и Сѣверной, но и Западной и Южной) 500лѣтія открытія святыхъ мощей Сергія, т. е. его *мощи*, проявлявшейся еще съ большей силой по смерти, чѣмъ при жизни, мощи, спасавшей наше отечество и отъ Восточныхъ и отъ Западныхъ нашествій, творившей чудеса и внѣ его, въ Латынѣхъ, для спасенія Православія отъ подчиненія его игу папскому *). Но Спасавшій отъ подчиненія, отъ розни, онъ, дерзаемъ вѣрить, явится «скорымъ помощникомъ» и въ дѣлѣ нашего примиренія съ Западомъ, примиренія не исключающаго, а предполагающаго нашу самобытность; въ обыденныхъ же храмахъ, надо полагать, и заключается она: ибо у Западныхъ народовъ мы не встрѣчаемъ даже слова «обыденный».

Въ отвѣтъ на воззваніе С. А. Бѣлокурова, сколько намъ извѣстно, получены съ двухъ сторонъ Россіи свѣдѣнія о почитаніи Сергія. Эти свѣдѣнія могутъ считаться типичными для двухъ краевъ Россіи— Сѣверо-Восточной и Юго-Западной. Первая оказывается ревностною чтительницей Сергія, другая еще мало или вовсе не слыхала о великомъ подвижникѣ Сѣвера, защитникѣ и кормильцѣ Русскаго народа.

*) Мы слышали, что задумано изданіе Сборника, въ которомъ должны быть собраны всѣ извѣстія объ открытіи мощей Преподобнаго и особенно всѣ посмертныя чудеса историческаго характера. Лѣтопись посмертныхъ чудесъ еще, конечно, не окончена.

Одно извѣстіе идетъ изъ Лукояновскаго уѣзда, Нижегородской губерніи, изъ села Старо-Рождествена (или Староселья, Тагаева тожъ) и Шишардеева. Самыя названія селъ указываютъ на инородческое ихъ происхожденіе, а свѣдѣнія сообщаемыя изъ нихъ свидѣтельствуютъ о полномъ ихъ обрусѣніи. Изъ сообщеній священника этихъ селъ, отца Іоанна Лаврова узнаёмъ, что хотя въ сказанныхъ селахъ нѣтъ ни храмовъ, ни придѣловъ имени Сергія, тѣмъ не менѣе день 25 Сентября почитается какъ храмовой праздникъ. Просматривая календарь Нижегородской епархіи, мы съ удивленіемъ замѣчаемъ въ этомъ краѣ, проявившемъ столько любви къ отечеству, почти полное отсутствіе храмовъ посвященныхъ памяти Пр. Сергія, съ именемъ котораго неразрывно связана любовь къ отечеству. Потому-то сообщенія отца Іоанна и драгоцѣнны для насъ, и весьма было бы желательно, чтобы и другіе священники послѣдовали примѣру досточтимаго пастыря Старо-Рождествена. Они доказываютъ, что имена носимыя церквами не всегда указываютъ на тѣхъ святыхъ, которые пользуются наибольшимъ почитаніемъ населенія; потому-то и нужны живыя, мѣстныя сообщенія: по нимъ лишь можно составить себѣ полное представленіе о почитаніи Преподобнаго въ предѣлахъ Россіи. Родители часто, пишетъ отецъ Іоаннъ, просятъ дать ихъ дѣтямъ имя Сергія; въ очень многихъ домахъ есть его иконы. Паломничество очень развито, и есть повидимому ежегодныя посѣтительницы Лавры, смотрящія на нее какъ на свой приходскій храмъ, куда и отправляются для говѣнья *).

Совершенно иныя свѣдѣнія идутъ изъ другаго конца Россіи, отъ преподавателя Каменецъ-Подольской Духовной Семинаріи Осипа Ивановича Ѳедорова. Обыденныхъ храмовъ въ Подоліи нѣтъ и никогда не существовало. Объ обыденныхъ церквахъ говоритъ въ письмѣ своемъ священникъ г. Сольвычегодска отецъ Тихонъ Чулковъ. Всѣ эти свѣдѣнія будутъ полностію помѣщены въ книгѣ г. Бѣлокурова, которой мы съ нетерпѣніемъ ожидаемъ.

Принося глубокую благодарность всѣмъ, кто отозвался на воззваніе г. Бѣлокурова, мы должны указать, что въ сущности таковой же запросъ идетъ и съ Запада отъ представителей вновь возникшей науки «Коллективной Психологіи». Эта наука, изучающая психологію толпы, почти единогласно, устами всѣхъ своихъ Западныхъ адептовъ,

*) Но не крестьянки только; а изъ крестьянъ были такіе, которые присутствіе на юбилейномъ празднествѣ считали какъ бы высшею цѣлью своей жизни—видѣть этотъ праздникъ и умереть и быть похороненными на этомъ святомъ мѣстѣ! И они видѣли и умерли: одинъ въ самой Лаврѣ, другой на пути изъ нея. Нѣкоторыя семьи являютъ особое почитаніе Преподобнаго. Надо полагать, что для многихъ жителей Понизовья Лавра почти тоже что Іерусалимъ.

утверждаетъ, что стеченіе народа, толпа даетъ въ результатѣ нѣчто много худшее, чѣмъ могли бы дать единицы ее составляющія. «Пусть мнѣ укажутъ армію, какъ бы она ни была хорошо составлена, которая могла бы по своему почину (spontanement) дѣйствовать лучше, чѣмъ по плану составленному самымъ посредственнымъ штабнымъ офицеромъ»[1]). Словомъ, среди западныхъ ученыхъ (Сигели, Барбаста, Тарда, Ферри, Нордау) распространено мнѣніе о томъ, что толпа дѣйствуетъ на отдѣльныхъ единицъ понижающимъ образомъ, совокупная дѣятельность собранія людей уподобляется психическимъ эпидеміямъ, собраніе людей есть толпа, гдѣ всегда преобладаютъ низшіе инстинкты и страсти[2]).

Но построеніе обыденныхъ храмовъ ясно опровергаетъ это мнѣніе. Оказывается болѣе справедливымъ убѣжденіе нашего народа, что совокупность людей образуетъ не толпу съ разнузданными, грубыми стремленіями, въ которой благоразумный среднiй человѣкъ обращается въ дикаря, звѣря, но «міръ», т. е. общество, въ которомъ царятъ согласіе и единеніе, для единаго дѣла, въ которомъ отметается грѣховный элементъ частныхъ составныхъ единицъ, и человѣкъ отъ святости общаго дѣла очищается и достигаетъ небывалой духовной высоты.

Такимъ образомъ исторія обыденныхъ церквей необычайно важна и для Запада. Но чтобы рѣшить вопросъ о нихъ, необходимо проникать въ глубину народной души, а между тѣмъ даже для знатоковъ Русской жизни, какъ напр. В. И. Даль, обыденные храмы являлись какъ преданіе, т. е. миѳъ, хотя построеніе такого храма въ Вологдѣ относится уже къ царствованію Алексѣя Михайловича. Надѣемся, что обсуждаемый вопросъ найдетъ должный отвѣтъ на Рижскомъ съѣздѣ, а затѣмъ, что могло бы быть лучше какъ къ 500-лѣтію празднованія открытія мощей Пр. Сергія, т. е. въ 1922 году, дать тому же вопросу отвѣтъ дѣломъ, оказывающимъ, что духъ, создававшій обыденные храмы, еще не угасъ на Руси, чѣмъ мы и явили бы себя истинными чтителями Животворящей Троицы, соединяющей всѣхъ сыновъ у памятника всѣхъ умершихъ отцовъ.

---

[1]) Примѣръ при Горномъ Дубнякѣ совершенно опровергаетъ приведенную ссылку. Первоначальный же планъ взятія Дубняка составленъ такимъ выдающимъ стратегомъ какъ Гурко.

[2]) Изъ Русскихъ ученыхъ А. А. Токарскій рѣшительно отказывается принять это мнѣніе.

СПРАВКА О КНЯЗѢ САКЕНѢ.

(Въ дополненіе къ Запискамъ Н. Н. Муравьева-Карскаго).

Князь Фабіанъ Вильгельмовичъ Фонъ-деръ-Остенъ-Сакенъ, сынъ барона Вильгельма Остенъ-Саксна, родился въ Ревелѣ 20 Октября 1752 года и началъ военную службу въ 1769 г., сражался подъ знаменами Суворова съ Польскими конфедератами, а въ 1786 году состоялъ при Сухопутномъ Кадетскомъ корпусѣ. Во вторую Турецкую войну Суворовъ уже отдавалъ справедливость его мужеству. Въ 1794 г. за ревностныя и храбрыя дѣйствія въ Польшѣ онъ получилъ золотую шпагу. Въ Итальянскомъ походѣ Сакенъ находился въ корпусѣ Римскаго-Корсакова. При Цюрихѣ, будучи раненъ пулею въ голову, онъ былъ взятъ въ плѣнъ и отправленъ въ Нанси. Передъ войною съ Англіею въ 1801 году, будучи начальникомъ дивизіи въ Ревелѣ, онъ охранялъ берега Эстляндіи; въ 1806 и 1807 годахъ принялъ участіе въ битвахъ подъ Пултускомъ и Прейсишъ-Эйлау. Но тутъ его постигло несчастіе: генералъ Беннигсенъ обвинилъ его въ ослушаніи, слѣдствіемъ чего была неудача нападенія на корпусъ Нея. Сакенъ былъ отданъ подъ судъ и пять лѣтъ влачилъ горестную жизнь въ Петербургѣ, претерпѣвая крайній недостатокъ. Въ 1812 г. императоръ Александръ велѣлъ прекратить слѣдствіе и отправилъ Сакена въ армію Тормасова, а потомъ въ армію Чичагова, гдѣ онъ командовалъ резервнымъ корпусомъ и, наблюдая за дѣйствіями Поляковъ у Брестъ-Литовскаго, разсѣялъ разныя скопища Литовскихъ повстанцевъ. Въ Ноябрѣ 1812 году Сакенъ былъ оставленъ на Волыни, чтобы удерживать Австрійцевъ и Саксонцевъ. Узнавъ, что кн. Шварценбергъ потянулся за Чичаговымъ, Сакенъ устремился на Ренье, гналъ его до Волковиска и нападеніями своими принудилъ Австрійцевъ возвратиться, что́ имѣло рѣшительное дѣйствіе на весь ходъ войны. Въ 1813 г. Сакенъ вступилъ въ составъ Силезской арміи Блюхера и уже тогда пожалованъ чиномъ генерала отъ инфантеріи. 7 Октября онъ взялъ Гальское предмѣстіе Лейпцига, за что получилъ Георгія 2-й степени. За переходъ черезъ Рейнъ у Мангейма Государь пожаловалъ ему 50 т. рублей.

Въ 1814 году Сакенъ получилъ знаки Андрея Первозваннаго и вазу съ изображеніемъ Бріенскаго сраженія. 31-го Января Сакенъ одинъ выдержалъ у Монъ-Мираля нападеніе всей арміи Наполеона. 26 Февраля при Краонѣ поддержалъ геройскій отпоръ Воронцова, а 26 при Лаонѣ способствовалъ разбитію маршала Мармона. 19 Марта онъ былъ назначенъ генералъ-губернаторомъ Парижа. Въ 1818 году онъ вступилъ въ командованіе 1-ой арміи съ назначеніемъ членомъ Государственнаго Совѣта. Съ 1821 года онъ графъ Россійской имперіи. Николай Павловичъ 22 Августа 1826 г. возвелъ его въ чинъ фельдмаршала, а 2 Ноября 1832 года въ княжеское достоинство. Скончался Сакенъ 7 Апрѣля 1837 года въ Кіевѣ.

(Извлечено изъ Военно-энциклопедическаго Лексикона. Спб. 1847).

ПИСЬМО В. Д. СОЛОМИРСКАГО КЪ А. С. ПУШКИНУ.

Въ числѣ друзей Пушкина не упоминается имени Владимира Дмитріевича Соломирскаго; но изъ любопытнаго письма, печатаемаго ниже, обнаруживается, что между Соломирскимъ и Пушкинымъ существовали довольно короткія отношенія.

В. Д. Соломирской родился въ первыхъ годахъ текущаго столѣтія и былъ сыномъ извѣстнаго дипломата, графа Дмитрія Павловича Татищева, который далъ ему возможность получить хорошее образованіе, обезпечилъ его состояніе и ввелъ его въ Петербургское свѣтское общество. Владиміръ Дмитріевичъ получилъ званіе камеръ-юнкера и вступилъ въ бракъ съ графиней Маріей Петровной Апраксиной (род. 6-го Декабря 1811 г., ум. 15-го Августа 1859), тою самою особой, которой Лермонтовъ посвятилъ извѣстное стихотвореніе: „Надъ бездной адскою блуждая“.... написанное въ 1840 г., когда онъ сидѣлъ подъ арестомъ за дуэль съ Барантомъ. В. Д Соломирской почти всю свою жизнь прожилъ частнымъ человѣкомъ и умеръ въ 1884 году. Ему не чужды были литературные интересы; онъ писалъ стихи, но, кажется, ничего не печаталъ. Въ половинѣ тридцатыхъ годовъ онъ провелъ нѣкоторое время въ Сибири. Къ этой-то порѣ его жизни относится печатаемое письмо, писанное изъ Тобольска, гдѣ Соломирской имѣлъ случай сойтись съ Петромъ Андреевичемъ Словцовымъ, даровитымъ авторомъ „Историческаго Обозрѣнія Сибири“ (двѣ части, М. 1837—1844) и другихъ сочиненій, однимъ изъ замѣчательныхъ Русскихъ людей, котораго жизнь и труды заслуживали бы подробнаго описанія. Словцовъ въ то время, когда познакомился съ нимъ Соломирской, былъ уже старикъ и жилъ на покоѣ, пользуясь общимъ уваженіемъ и большою популярностью среди своихъ земляковъ.

Письмо В. Д. Соломирскаго печатается съ находящаго въ нашихъ рукахъ подлинника.

Леонидъ Майковъ.

Ты просилъ меня писать тебѣ о Ермакѣ. Предметъ, конечно, любопытный; но, помышляя о поѣздкѣ для розысковъ слѣдовъ сего воителя, я досель сижу дома; однакоже могу доставить тебѣ свѣдѣніе не менѣе занимательное, и это о тебѣ самомъ.

На дняхъ у меня обѣдало человѣкъ пять моихъ пріятелей. Въ числѣ гостей былъ Петръ Андреевичъ Словцовъ, старецъ знаменитый, сынъ Сибири; онъ соученикъ и бывшій другъ Сперанскаго; богатый умомъ, познаніями, правдолюбіемъ и несчастіями, Словцовъ долженъ

жить въ памяти Русскихъ или, лучше, человѣчества, зане жизнь одного мудреца несравненно поучительнѣе жизни сотни воиновъ. Другой гость (ибо должно тебя съ нимъ познакомить) человѣкъ, достигшій богатства и чиновъ собственнымъ умомъ и дѣльностью, образованный старинной школой и твердый въ своихъ правилахъ. Меня же ты знаешь. Говоря о словесности, заговорили о тебѣ, и мой богатый гость старинной школы возсталъ на тя со всею силою классицизма и педантизма. Я, вопреки моимъ мнѣніямъ, взялъ твою сторону, и дѣло пошлò на голоса. Словцовъ сказалъ: «Сочиненія Пушкина должно читать для роскоши ума; вездѣ, гдѣ я встрѣчаю произведенія его пера, я ихъ пробѣгаю съ жадностью». Полагая, что таковой отзывъ человѣка подобнаго Словцову для тебя пріятнѣе и занимательнѣе мнѣнія нашихъ полусловесниковъ, я поставилъ себѣ пріятною обязанностью сообщить тебѣ оное. Преніе продолжалось. Словцовъ согласился, что родъ твоихъ сочиненій могъ бы быть возвышеннѣе [1]), но—говорилъ онъ—геніи своевольны. Наконецъ, такъ какъ общее мнѣніе было на твоей сторонѣ, я, чтобъ совершенно побѣдить сопротивника, предложилъ тостъ за твое здоровье, съ тѣмъ чтобъ всякій сказалъ какое-нибудь желаніе. Очередь пала на младшаго: это былъ учитель Русскаго языка; онъ пожелалъ тебѣ привыкнуть пить воду, съ тѣмъ однакоже условіемъ, чтобы ты доказалъ que l'esprit qui règne dans tes vers n'est pas l'esprit du vin [2]). Словцовъ пожелалъ богачу - антагонисту, чтобы его дѣти съ тобою сравнялись; одинъ изъ гостей—чтобъ ты вѣчно писалъ; другой—долгой жизни. Словцовъ замѣтилъ, что долгая жизнь великимъ умамъ несвойственна:—имъ надо желать благодарнаго потомства. Наконецъ, классикъ пожелалъ, чтобъ всѣ тебя уважали, но по справедливости цѣнили твои сочиненія. Итакъ мы всѣ пили за здоровье генія-писателя, даже я, пьющій одну воду.

Это письмо—какъ доказательство не токмо того, что и въ глубинѣ Россіи, на границахъ Европы съ Азіей, есть просвѣщеніе, но и того, что степень сего просвѣщенія довольно значительна, чтобы люди могли и умѣли цѣнить таланты,—должно быть для тебя и для всякаго Русскаго занимательно.

Прощай! Пиши, ежели тебѣ твоя разсѣянность оставляетъ довольно времени для написанія нѣсколькихъ строкъ человѣку, тебя уважающему.

В. Соломирскій.

17 Іюля.

---

[1]) Это напоминаетъ намъ слышанное отъ А. С. Хомякова. Восхищаясь стихами Пушкина, онъ находилъ однако, что въ этой чудной музыкѣ недостаетъ иногда басовой струны. П. Б.

[2]) Что духъ, преобладающій въ твоихъ стихахъ, не духъ винный.

П. А. МУХАНОВА.

(Род. 23 Ноября 1811 года).

Въ одномъ изъ тихихъ уголковъ Москвы, во 2-мъ Ильинскомъ переулкѣ на Остоженкѣ, 6 Октября нынѣшняго года, угасла прекрасная жизнь *Прасковьи Алексѣевны Мухановой.* Ея имя принадлежитъ Москвѣ: она была истиннымъ украшеніемъ Московскаго общества. Не даромъ по долгу съ нею бесѣдовалъ и переписывался митрополитъ Филаретъ, цѣнившій душевную красоту благочестивой дѣвицы. Благочестіе П. А. Мухановой было искреннее, живое и дѣятельное. Отъ нея вѣяло добромъ и умною тишиною. Глубокая цѣльность души ея чуждалась всякой внѣшней изъявительности, и непрестанныя въ теченіе долгихъ лѣтъ ея благотворенія совершались безъ малѣйшей огласки. Съ отличнымъ образованіемъ и обширною начитанностью соединяла она всегдашнюю самобытность и свѣжесть сужденій. Молитвенность и постоянное чтеніе духовныхъ книгъ не мѣшали ей, даже и въ послѣдній годъ жизни, наслаждаться поэзіею Пушкина. Гоголь былъ другомъ ея и ея братьевъ и сестеръ. Въ ней развито было тонкое художественное чувство; въ молодости и въ зрѣлыхъ лѣтахъ она много и успѣшно занималась живописью. Птички пѣвчія и живые цвѣты составляли единственную роскошь ея обстановки. Переживъ братьевъ и сестеръ, оставалась она одна, съ книгами и цвѣтами, окруженная любовью и уваженіемъ. Событія текущей дѣйствительности постоянно занимали ее: еще не давно она заботливо узнавала о болѣзни Государя, объ его будущей Невѣсткѣ. Тяжкія страданія предсмертной болѣзни не омрачали ея кротости и не вызывали къ раздраженію. Лишившись въ послѣднія недѣли употребленія ногъ, сиживала она въ одной изъ укромныхъ своихъ комнатокъ, въ окна которой прямо глядѣла великолѣпная золотая глава Храма Христа Спасителя. Въ образномъ поставцѣ находилась у нея икона Тихвинской Божіей Матери, пожалованная Петромъ Великимъ ея родному прадѣду, Ипату Калинычу, любимцу и домашнему его человѣку, который сопровождалъ его въ морскихъ походахъ и носилъ титулъ «командоръ флота». Этотъ Ипатъ Калинычъ Мухановъ уже былъ женатъ

на княжнѣ Шаховской, а мать П. А. Мухановой была княжна Варвара Николаевна Трубецкая. Ея отецъ, сенаторъ и почетный опекунъ Алексѣй Ильичъ, строитель Маріинской больницы въ Москвѣ, памятенъ своею правдивостью *). Навѣщая въ Петербургѣ братьевъ своихъ (друзей А. С. Хомякова), изъ которыхъ Николай Алексѣевичъ занималъ высокія государственныя должности, Прасковья Алексѣевна по долгу живала въ самомъ знатномъ обществѣ. Ее любили не только тамъ, но и въ хижинахъ, монастыряхъ и богадѣльняхъ. Она была благодѣтельницею своихъ бывшихъ крестьянъ. Умилительно бывало слышать, съ какою заботливою любовью относились къ ней престарѣлые ея слуги. Можно бы написать книгу о многочисленныхъ ея благотвореніяхъ. Сгоритъ ли гдѣ церковь, она пошлетъ денегъ на построеніе новой; заболѣетъ ли отецъ семейства, нужно ли кого выручить изъ бѣды, обращаются къ Прасковьѣ Алексѣевнѣ. Дошло до нея стороною, что въ садикѣ у вновь назначеннаго священника, предшественникомъ его вырыты и увезены лучшія деревья; она немедленно распорядилась посадкою новыхъ. Понадобились деньги на изданіе сборника въ память столѣтней годовщины митрополита Филарета, и на ея деньги отпечатаны двѣ большія, превосходныя книги.

Это было существо умное, идеально-чистое, отзывчивое на все человѣческое, вѣрная дочь Православной церкви, высоко - просвѣщенная, крѣпкая духомъ, кристально-непорочная сердцемъ. Было счастіемъ узнавать ее ближе. Послѣ бесѣды съ нею оставалась въ посѣтителѣ какая-то просвѣтительная тишина, и вспоминалась старинная поговорка: «гдѣ просто, тамъ ангеловъ сô сто». Въ самомъ лицѣ ея были черты вполнѣ Русскія. Иногда, какъ будто невзначай, изумляла она всегда благоволительною, но необычайно-мѣткою оцѣнкою людей и событій.

Вѣчная память истинно-Русской женщинѣ! П. Б.

---

*) Письма къ нему императрицы Маріи Θеодоровны изданы въ особой книгѣ Б. А. Нейдгардомъ.

Книга четырнадцатая. Письма кн. Кочубея (1792 — 1812), гр А. И. Маркова (1782 — 1805), кн. А. И. Вяземскаго (1795 — 1804), П. А. Левашова (1786—1791) И. П. Страхова (1785—1801).

Книга пятнадцатая. Письма А. Я. Протасова (1783—1798). Переписка гр. С. Р. Воронцова съ кн. А. Чарторыжскимъ (1803—1807). Записка отъ С. Р. Воронцова о внутреннемъ управленіи въ Россіи. Записка о жизни и дѣятельности Питта младшаго.

Книга шестнадцатая. Письма гр. С. Р. Воронцова къ его отцу (1759—1789), къ П. В. Завадовскому, гр. А. А. Безбородку. Переписка съ Екатериной Второй для предотвращенія войны съ Англіею (1788—9), письма къ гр. Остерману, М. К. Макарову, Павлу Петровичу, К. С. Рындину и другимъ.

Книга семнадцатая. Письма гр. С. Р. Воронцова къ его сыну (1798—1830).

Книга осмнадцатая. Письма кн. В. П. Кочубея къ гр. С. Р. Воронцову (1791—1805). Д. И. Татищева къ гр. А. Р. и С. Р. Воронцовымъ (1794 1804). Н. Н. Новосильцова (1801—1805).

Книга девятнадцатая. Переписка гр. С. Р. и А. Р. Воронцовыхъ съ П. В. Чичаговымъ (1796—1805) и С. К. Грейгомъ. (1786—1826).

Книга двадцатая. Письма гр. А. И. Моркова къ гр. С. Р. Воронцову (1786—1816), В. С. Тамары (1775—1803), А. Я. Италинскаго (1787—1806), барона Грима (1793—1804), В. Г. Лизакевича, св. Я. И. Смирнова (1800—20). Моск. оберъ-полиц. П. Н. Каверина. Мысли о родѣ занятій Русскаго министра въ Римѣ.

Книга двадцать первая. Автобіографія кн. Е. Р. Дашковой. Бумаги по управленію Академіи Наукъ. Письмо гр. А. Г Орлова къ Екатеринѣ о кончинѣ Петра III-го. Письма кн. Е. Р. Дашковой къ А. Р. Воронцову. Письмо Е. Р. Полянской къ гр. С. Р. Воронцову (1783—7).

Книга двадцать вторая. Переписка гр. С. Р. и Л. Р. Воронцовыхъ съ бар. А. Л. и П. А. Николаи (1796—1816).

Книга двадцать третья. Письма Н. М. Лонгинова къ гр. С. Р. Воронцову (1803—1823).

Книга двадцать четвертая. Записка объ управленіи Россіи гр. А. И. Остермана. Автобіографическая записка Бирона. Записка канцлера Бестужева о Лестокѣ. Мать и братъ Екатерины въ Семилѣтнюю войну. Сношенія съ Франціей при Елисаветѣ. Послѣдніе дни Елисаветы. Записка объ Индіи. Письма къ гр. А. Р. Воронцову, И. И. Голикова, А. В. Храповицкаго къ гр. С Р. Воронцову, гр П. А Зубова, П. И. Измайлова. А. В. Гудовича (объ отношеніяхъ къ Павлу Петровичу). Письмо Костюшки къ Павлу Петровичу.

Книга двадцать пятая. Основательно изслѣдованныя и изысканныя причины перемѣнъ правленія въ домѣ Романова. О царствованіи Іоанна III, регентство герцога Курляндскаго, о Аннѣ Леопольдовнѣ и восшествіи на престолъ Елисаветы. Etat de la famille du duc de Brunswic (1748) La cour de Russie vis-à-vis des puissances étrangères. L'arrêt du comte de L'Estoq. Мать Екатерины Великой Гр. Разумовскій и А. В. Олсуфьевъ о Малороссійскихъ дѣлахъ (1754—1755). Relation de la Révolution arrivée en Russie le 6 Juillet (1762). Записка о Россіи въ первый годъ царствованія Екатерины. Записка о Малороссіи. Письма Екатерины къ Понятовскому Изъ Записокъ Понятовскаго. Письма Екатерины къ гр. А. В. Браницкой

Книга двадцать шестая. Изъ бумагъ гр. П. В. Завадовскаго и гр. П. И. Панина. Письма кн. Потемкина къ гр. Суворову. Донесенія гр. З. Г. Чернышова Екатеринѣ Второй объ открытіи Московской губерніи. Переписка Саксонскаго резидента Гельбига съ Лоссомъ. Дѣло барона Армфельда.

Цѣна каждой книгѣ „Архива Князя Воронцова“ съ пересылкой ДВА рубля. Выписывающіе не менѣе 10 книгъ пользуются уступкою 10%.

Годъ тридцать второй.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1894

12.

Стр.

ПРИЛОЖЕНЪ ПОРТРЕТЪ Г. Р. РЕЙТЕРНА.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1894.

Указатель исторических статей въ повременныхъ изданіяхъ не-исторических.

Аквилоновъ Н. П. Алексій, митрополитъ всея Россіи. „Странникъ“ № 10.

Резолюціи Арсенія II, епископа Воронежскаго и Черкасскаго (1800—1810 гг.). „Воронежскія Еп. Вѣд.“ №№ 17—18.

Аскоченскій И. Разсказы изъ исторіи духовнаго просвѣщенія Руси. „Воронежскія Еп. Вѣд.“ № 19.

Боголюбовъ Ѳ. Взглядъ генералиссимуса А. В. Суворова на религію въ дѣлѣ воспитанія солдата. „Вѣстникъ военнаго духовенства“. № 4.

Архимандритъ Спасо-Ярославскаго монастыря Варѳоломей Любарскій. „Ярославскія Еп. Вѣд.“ №№ 37, 38, 40.

Браиловскій С. Н. Ѳ. П. Поликарповъ-Орловъ, директоръ Московской типографіи. „Ж. М. Н. Пр.“ Октябрь—Ноябрь.

Голубовскій П. В. Исторія Смоленской земли до начала XV вѣка, „Кіев. Унив. Изв.“ Октябрь.

Голубинскій Е. Е. Исторія канонизаціи святыхъ въ Русской церкви. „Бог. Вѣст.“ Октябрь.

Дмитріевскій А. А. Русскіе на Аѳонѣ. Послѣдніе годы жизни старца Макарія. „Странникъ“ № 10.

Израилевъ А. Усыпальница внизу Ярославской градской Ильинской церкви (1647). „Ярославскія Еп. Вѣд.“ № 39.

Архимандритъ Спасо-Ярославскаго монастыря Иларіонъ Завалевичъ (1758 г.). „Ярославскія Еп. Вѣд.“ №№ 36, 41.

Иркутскій архіепископъ Ириней. 1783 — 1864. „Иркутскія Еп. Вѣд.“ № 36.

Кирилловъ А. Матеріалы для исторіи Камчатской епархіи. „Камчатскія Еп. Вѣд.“ №№ 12—13.

Уніатскій митрополитъ Левъ Кишка и его значеніе въ исторіи Уніи. „Литовскія Еп. Вѣд.“ №№ 23, 28 — 29, 37, 39.

Первый Ярославскій семинаристъ (Андрей Ѳедоровъ Малицкій), изъ Ярославской духовной семинаріи въ 1756-мъ году вышедшій въ медицинскую науку. „Ярославскія Еп. Вѣд.“ № 37.

Письма А. Н. Муравьева къ Иннокентію, архіепископу Камчатскому. „Богословскій Вѣстникъ“, Ноябрь.

Памяти профессора - расколовѣда И. Ѳ. Нильскаго. „Странникъ“ № 10.

Колюпановъ Н. П. Очеркъ философской системы славянофиловъ (окончаніе). „Рус. Обоз.“ Ноябрь.

Марковскаго М. Антоній Радивиловскій, Южно - Русскій проповѣдникъ XVII в. „Кіев. Унив. Изв.“ Октябрь.

Мартенсъ Ѳ. Ѳ. Россія и Англія въ началѣ XIX столѣтія. „Вѣст. Евр.“ Октябрь—Ноябрь.

Оглоблинъ Н. И. Происхожденіе провинціальныхъ подьячихъ XVII в. „Ж. М. Н. Пр.“ Октябрь.

ИЗЪ ПАМЯТНЫХЪ ЗАМѢТОКЪ АРХЕОЛОГА А. А. МАРТЫНОВА.

I. Передѣлка урочищъ.

Въ старинныхъ рукописныхъ и печатныхъ документахъ встрѣчаются Московскія урочища: Вшивая Горка, Ѣхалово, Кобыльское, Блинники; наши-же газеты передѣлываютъ ихъ во Швивую Горку, въ Елохово, въ Ковыльское, въ Кленники. Петербургъ бережетъ свои урочища и мѣстность свою подъ названіемъ «Вшивая Биржа» не передѣлываетъ во Швивую Биржу.

При этомъ случаѣ намъ припомнились слѣдующія слова Михайла Петровича Погодина: «Городъ есть книга, въ коей всякая улица занимаетъ страницу. Будемъ прибавлять новые листы, но не станемъ вырывать старыхъ».

11-го Октября 1894 г.

II. Дворецъ въ подмосковномъ селѣ Братовщинѣ.

Въ селѣ Братовщинѣ (по Троицкой дорогѣ) былъ деревянный дворецъ на каменномъ фундаментѣ, окрашенъ желтою краскою, крыша тесовая краснаго цвѣта; имѣлъ болѣе двадцати комнатъ, въ томъ числѣ богато убранныя и обитыя парчами. Во дворцѣ была церковь въ честь Святителя Николая; въ ней происходила служба въ храмовыя и другіе большіе праздники и отправлялась сельскимъ священникомъ. У самаго дворца были садъ съ прудомъ и большой проспектъ; близъ него находился Соколиный корпусъ, а передъ дворцомъ на полянѣ, довольно на далекомъ разстояніи, сосна, на которую выпускали соколовъ. За ветхостію дворецъ сломанъ въ 1819 г.; матеріалъ купила сельская церковь, потому что въ Братовщинѣ предполагали строить храмъ новый вмѣсто древняго деревяннаго, на мѣстѣ, назначенномъ самимъ митрополитомъ Платономъ Въ нынѣшней церкви находятся иконы изъ придворной церкви, и между ними большія и неподновленныя: образъ Страшнаго Суда и Ѳедора Стратилата, обѣ кисти Рублева. Сюда перенесенъ и придѣлъ Св. Николая. Въ часовнѣ церковной есть дворцовая икона Знаменія Божія Матеря и другія, а также превосходнѣйшей работы рѣзной деревянный трехчетвертной крестъ.

До сломки стараго дворца сдѣлана была закладка новому дворцу и уже выведенъ былъ фундаментъ и нѣсколько рядовъ кирпича въ стѣны; но какъ впослѣдствіи эта постройка была отложена, то кирпичъ проданъ помѣщику Собакину, а фундаментъ купила сельская церковь. Мебель дворцовая, проданная въ то время съ аукціоннаго торга, и доселѣ находится у нѣкоторыхъ старожиловъ села Братовщины.

(Сообщено мнѣ въ 1849 году старцемъ при часовнѣ церкви села Братовщины, очевидцемъ вышеписаннаго).

ОТПОВѢДЬ МАРТЬЯНОВУ.

Прочелъ я въ Августовской книжкѣ „Историческаго Вѣстника“ разборъ бумагъ покойнаго Н. С. Мартынова, касающихся кончины Лермонтова и себѣ—нотацію. Меня къ отвѣту вынуждаетъ безцеремонное обращеніе Мартьянова, который называетъ меня поклонникомъ Н. С. Мартынова или Мартыновцемъ (точно это секта какая) и затѣмъ спрашиваетъ, къ чему мнѣ понадобилось писать о князѣ Васильчиковѣ. Скорѣе можно этотъ вопросъ задать Мартынову: зачѣмъ онъ нашелъ нужнымъ бросать грязью въ людей, ни въ чемъ неповинныхъ и на основаніи *своихъ справокъ*, нигдѣ и никѣмъ не подтверждаемыхъ, дѣлать этихъ людей соучастниками не только дуэли, но какого-то преднамѣреннаго убійства Лермонтова? Ни одному порядочному Русскому человѣку не придетъ въ голову умалять славу своего любимаго поэта: его слава есть слава каждаго Русскаго человѣка, и всякое новое свѣдѣніе, касающееся поэта, есть *драгоцѣнный* вкладъ въ сокровищницу нашего самопознанія. Но къ такимъ вкладамъ нельзя отнести путаныя справки Мартьянова, которые клонятся къ тому, чтобъ очернить такихъ людей, какъ князь Васильчиковъ, въ преднамѣренномъ убійствѣ Лермонтова, въ силу темныхъ интригъ, или его же невѣроятные разсказы. Такъ напр. Мартьяновъ пишетъ, будто князь Васильчиковъ былъ секундантомъ Мартынова, а не Лермонтова, тогда какъ офиціальный документъ ясно указываетъ, что именно князь Васильчиковъ былъ секундантомъ Лермонтова, а не Глѣбовъ, которому будто Лермонтовъ сказалъ: „Миша, умираю“. Изъ переписки Н. С. Мартынова ясно, что Глѣбовъ былъ у него секундантомъ, такъ что Лермонтовъ, падая раненый, не могъ съ нимъ говорить. Но Мартьяновъ стоитъ на своемъ! Двоюродный братъ Лермонтова, другой его секундантъ, А. А. Столыпинъ, остался при упавшемъ, раненомъ поэтѣ, пока послано было за помощью въ Пятигорскъ. А. А. Столыпинъ все время былъ при Лермонтовѣ и держалъ въ рукахъ своихъ голову поэта; а между тѣмъ г. Мартьяновъ описываетъ, *какъ Лермонтовъ былъ одинъ брошенъ послѣ дуэли*. Къ чему мнѣ понадобилось говорить о князѣ Васильчиковѣ, спрашиваетъ Мартьяновъ? Да просто потому, что на обязанности всякаго порядочнаго человѣка выяснить то, что̀ онъ знаетъ по дѣлу, по которому падаетъ незаслуженное обвиненіе на людей *неповинныхъ*. Это тѣмъ обязательнѣе сдѣлать теперь, пока есть еще живые свидѣтели событія. А то пройдутъ года, и читавшій литературныя произведенія въ родѣ Мартьяновскихъ, пожалуй, повѣритъ ихъ содержанію, тогда какъ теперь мы еще видимъ ихъ *невѣрное освѣщеніе* и прямо говоримъ: *извините, это не совсѣмъ такъ!* Мы никогда не были ни поклонниками, ни сторонниками Н. С. Мартынова, котораго встрѣчали лишь мимоходомъ; считаемъ дуэль его и смерть Лермонтова великимъ несчастіемъ для всѣхъ Русскихъ, не исключая и Н. С. Мартынова; но когда, спустя 50 лѣтъ, является писаніе въ родѣ романа, гдѣ описываются балы, гулянья, разговоры, затѣваемые какъ бы съ цѣлью извести поэта, когда въ этихъ писаніяхъ клевещутъ на людей, какъ князь Васильчиковъ, извѣстный всей Россіи своею безупречною честностью, когда эти люди выставляются преднамѣренными убійцами Лермонтова, гнусно интригующими противъ него, тогда невольно приходится сказать: *нѣтъ, извините, это не такъ*, и высказываешь все что̀ знаешь, безъ всякихъ поклоненій кому бы то ни было, безъ всякихъ заднихъ мыслей.

Князь Д. Оболенскій.

Москва. Октябрь 1894 г.

КЪ ИСТОРІИ МЕДИЦИНЫ ВЪ РОССІИ.

Въ „Описаніи Успенскаго женскаго монастыря въ г. Александровѣ, Владим. губ.“ (М. 1891 изд. 2-е) извѣстный знатокъ нашей древней письменности отецъ архимандритъ Леонидъ, на 165 стр. дѣлаетъ такое примѣчаніе къ письму царевны Мароы Алексѣевны († 1707 г.), въ которомъ она проситъ прислать ей „дохтура Лаврентія молодова“: „Здѣсь рѣчь идетъ о сынѣ доктора *Лаврентія Рунеберга*“. Далѣе сказано, будто-бы этотъ Лаврентій изъ Вѣны былъ въ Москвѣ два раза и остался въ третій разъ (1676) навсегда въ Россіи переводчикомъ; сынъ же его будто былъ врачемъ при дворѣ и для отличія отъ отца назывался *Лаврентіемъ молодымъ*.

Покойный отецъ Леонидъ слишкомъ положился на сказанія Адольфа Лизека (о посольствѣ Римскаго кесаря Леопольда въ Московію 1675 г.). Съ фамиліей Рунеберга врача при Русскомъ дворѣ никогда не было. Близкіе къ нему по имени были:

Ив. Костеръ, пожалованный королемъ Шведскимъ въ дворяне съ титуломъ фонъ-Розенбургъ (съ 1667 г. въ Россіи). У него былъ сынъ д-ръ Бернгардтъ фонъ-Розенбургъ (съ 1674 г. въ Рос.) младшій.

Д-ръ *Лаврентій Рингуберъ*, не разъ бывшій посланникомъ герцога Саксонскаго въ Россіи. Врачемъ онъ остался въ Россіи съ 1674 г.; но у него не было сына.

Д-ръ *Лаврентій Блюментростъ* изъ Мюльгаузена. У него было 4 сына: 1-й остался въ Мюльгаузенѣ, 2-й Лаврентій Христіанъ, 1687 г., принятъ въ Русскую службу врачемъ, потомъ назначенъ лейбъ-медикомъ царевенъ. Умеръ онъ въ С.-Петербургѣ. О немъ-то и писала царевна Мароа, такъ какъ во время Полоцкаго похода (т. е. путешествія) о которомъ говоритъ въ отвѣтномъ письмѣ царевна Наталія, онъ былъ еще живъ. 3-й сынъ Иванъ Деодатъ, учившійся на деньги Петра, въ службѣ съ 1702 г., былъ придворнымъ врачемъ, а въ 1722 архіатеромъ.

4-й сынъ, Лаврентій младшій, родился въ Россіи 1672 г., въ 1713 докторъ медицины, съ 1719 г. личнымъ лейбъ-медикомъ Петра; основатель Академіи Наукъ; удаленный отъ двора при имп. Аннѣ главнымъ врачемъ Московской гофшпитали (1738—1755), онъ былъ назначенъ куриторомъ новаго Московскаго Университета и въ томъ же 1755 году 27 Марта умеръ въ С.-Петербургѣ. Но къ нему, уже по времени, не могло относиться письмо царевны, хотя онъ, до смерти отца, и писался „Лаврентій Младшій".

Бывшій преподаватель Исторіи Медицины въ Россіи **Л. Ѳ. Змѣевъ.**

КТО ВЗЯЛЪ ВЪ ПЛѢНЪ КОСТЮШКУ?

Въ 10-й книжкѣ „Русскаго Архива" напечатана замѣтка Л. М. Савелова подъ заглавіемъ „Кто взялъ въ плѣнъ Костюшку". Основываясь на Запискахъ атамана Денисова, помѣщенныхъ въ „Русской Старинѣ" 1874 г., Л. М. Савеловъ утверждаетъ, что Костюшко взятъ въ плѣнъ именно Денисовымъ. Но къ Запискамъ Денисова, какъ историческому источнику, слѣдуетъ относиться съ большою осторожностью: онѣ наполнены самохваленіемъ и совершенно извращаютъ многіе факты и событія. Къ числу такихъ извращеній должно отнести и увѣреніе Денисова, будто онъ взялъ въ плѣнъ Костюшку. Г-ну Савелову, очевидно, неизвѣстна статья С. А. Адріанова „Забытый герой", напечатаная въ Ноябрьской книжкѣ „Историческаго Вѣстника" 1893 г., гдѣ, на основаніи документальныхъ данныхъ, опровергается показаніе Денисова и несомнѣнно доказывается, что плѣнителемъ Костюшки былъ корнетъ Харьковскаго легко-коннаго полка Лысенко.

С. Шубинскій.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА МУРАВЬЕВА-КАРСКАГО.

1835—1837 г. *).

Кіевъ, 22 Октября (1835).

15 числа я еще оставался въ Бѣлой Церкви для окончательныхъ распоряженій по госпиталю, а 16-го возвратился въ Кіевъ.

Во время поѣздки въ Крымъ я получилъ пріятное для меня извѣстіе о назначеніи Соболевскаго вмѣсто Маевскаго для командованія 13-ю дивизіею, вопреки сдѣланнаго мнѣ отказа; съ другой стороны, я получилъ оффиціальный отказъ отъ Бенкендорфа, по волѣ Государя, въ просимомъ дозволеніи перевезти тѣло Муравьевой изъ Сибири въ Россію.

Кіевъ, 11-го Ноября.

8-го числа къ вечеру братъ Александръ пріѣхалъ къ берегу Днѣпра, черезъ который онъ не могъ въ тотъ вечеръ переправиться, потому что ледъ на рѣкѣ не былъ еще твердъ. 9-го поутру я поѣхалъ къ нему, и онъ переправился со всѣмъ семействомъ на правый берегъ и остановился у меня. Сегодня получилъ я увѣдомленіе Клейнмихеля о томъ, что Государь, по ходатайству моему, наградилъ нѣкоторыхъ военныхъ чиновниковъ, представленныхъ мною послѣ Бѣло-церковнаго смотра.

Станція Каиры, 28 Ноября.

17 числа я выѣхалъ изъ Кіева со всемъ семействомъ, сдѣлавъ нужныя распоряженія, дабы братъ Александръ, имѣвшій выѣхать послѣ меня, встрѣтилъ всѣ возможныя пособія, какъ въ Кіевѣ, такъ и по пути.

20-го я прибылъ въ Елисаветградъ, гдѣ былъ дружески принятъ Сакеномъ. 22-го въ Николаевъ, гдѣ я ночевалъ у адмирала Лазарева, а 24-го въ Одессу, гдѣ семейство мое, по приглашенію, остановилось въ домѣ Пуля, а я въ трактирѣ.

25-го я былъ у графа Воронцова и Витта, и отъ сего послѣдняго, къ крайнему удовольствію моему, узналъ, что Маевскаго, началь-

---

*) См. выше, стр. 343.

ника моей 13-й дивизіи, коего Государь обѣщалъ мнѣ смѣнить, наконецъ, перевели въ другой корпусъ, а мнѣ на его мѣсто дали генерала Соболевскаго, человѣка весьма достойнаго, котораго я просилъ у Государя, но въ коемъ мнѣ было отказано, потому что онъ еще былъ далеко не изъ старшихъ генераловъ. Безпорядки, допущенные Маевскимъ въ послѣднее время въ Бѣлой Церкви въ призрѣніи больныхъ, коихъ онъ большое число поморилъ, ставили меня въ обязанность, вопреки отказа Государя, войти о смѣщеніи его съ представленіемъ по командѣ; но сею перемѣною мѣра сія, всегда непріятная, отмѣнилась. По моему же ходатайству перемѣнили въ сей дивизіи одного бригаднаго и одного полковаго командира, такъ что съ сими средствами я могу надѣяться привести дивизію сію въ устройство. Сіи новыя назначенія показали мнѣ болѣе всего, что Государь, вникая въ мои представленія, уважаетъ ихъ, и много поощрили меня къ предстоящимъ мнѣ занятіямъ.

26-го я оставилъ въ Одессѣ семейство свое и отправился въ Крымъ по возложенному на меня Государемъ порученію изслѣдовать на самомъ мѣстѣ, возможно ли построить близъ Севастополя землянки на 15-ю дивизію, приходящую туда ежегодно изъ дальнихъ квартиръ для работы новой крѣпости.

На второй станціи отъ Одессы я встрѣтилъ брата Александра, оставившаго семейство свое на пути въ Береславѣ и слѣдовавшаго въ Одессу, дабы явиться къ графу Воронцову.

27-го я прибылъ въ Береславъ, гдѣ видѣлся съ семействомъ брата, ожидавшимъ его возвращенія, и смотрѣлъ роту Пражскаго полка, тутъ квартировавшую.

27-го я поѣхалъ далѣе; но дабы видѣть хоть часть Люблинскаго полка, пришедшаго уже на квартиры свои въ Орѣховъ и Александровъ, я, по переправѣ черезъ Днѣпръ, поворотилъ налѣво, чтобы нагнать и осмотрѣть батальонъ сего полка, запоздавшаго противъ маршрута выступленіемъ своимъ изъ Крыма, и засталъ его въ двухъ переходахъ отъ переправы.

Сегодня, 28-го, я осмотрѣлъ батальонъ сей и пустился обратно; но по чрезвычайно дурному состоянію дорогъ, дурной погодѣ и темнотѣ, застигшей меня ночью, остановился здѣсь на ночлегъ.

Севастополь, 3-го Декабря.

За дурнымъ состояніемъ дорогъ, я не могъ пріѣхать въ Симферополь прежде 1-го Декабря, 2-го поѣхалъ въ Севастополь, куда прибылъ вчера же поздно ввечеру, осмотрѣлъ войска въ казармахъ, а сегодня осмотрѣлъ ихъ во фронтѣ и, собравъ всѣ нужныя свѣдѣнія, ка-

сающіяся до порученія на меня возложеннаго, располагаю выѣхать завтра обратно въ Симферополь.

Симферополь, 7-го Декабря.

4-го я переѣхалъ на сѣверный берегъ, гдѣ осмотрѣлъ 2-й батальонъ Люблинскаго полка и въ тотъ же день прибылъ въ Бахчисарай, гдѣ остановился ночевать. 5-го прибылъ въ Симферополь и отправился въ тотъ же день въ Карасубазаръ на ночлегъ; вчера, осмотрѣвъ тамъ 4-й батальонъ Замостскаго полка, возвратился сюда и засталъ брата Александра, пріѣхавшаго за полчаса до меня, почему и остаюсь здѣсь сегодня, дабы провести съ нимъ время, располагая завтра выѣхать обратно.

Одесса, 14 Декабря.

8-го я выѣхалъ изъ Симферополя и прибылъ сюда 12-го ввечеру, а завтра 15-го располагаю выѣхать въ свою корпусную квартиру, Могилевъ на Днѣстрѣ.

Бѣльцы, 23-го Декабря.

15-го я не могъ выѣхать изъ Одессы за сильнымъ холодомъ и вьюгою, а 16-го отправился изъ Одессы и прибылъ на ночлегъ въ Бендеры, гдѣ сдѣлалъ 17-го числа смотръ находившимся тамъ войскамъ, и прибылъ къ вечеру въ Кишиневъ. Тамъ я нашелъ и съ удовольствіемъ обнялъ архіерея Армянина Нерсеса, стараго моего знакомаго въ Грузіи, человѣка отличнаго по уму и правиламъ своимъ и пострадавшаго отъ гоненій Паскевича. Я нашелъ его еще бодрымъ, какъ въ прежніе года знакомства нашего.

18-го я сдѣлалъ смотры въ Кишиневѣ и 19-го прибылъ въ Каларашъ. 20-го я отправился въ Бѣльцы, но ночь застала насъ не доѣзжая сего города, и мы остановились на ночлегъ. 21-го я отправился въ Бѣльцы. Было 23° мороза при сильномъ вѣтрѣ; глубокіе снѣга, дурныя лошади, открытая безпріютная степь въ гористыхъ мѣстахъ, были причиною, что мы цѣлый день тащились сію станцію, и передъ вечеромъ, не доѣзжая 4-хъ верстъ до Бѣльцевъ, завязли со своими тяжелыми экипажами въ снѣгу. При сильномъ холодѣ, который мы ощущали, можетъ быть и подверглись бы мы какому либо непріятному случаю, еслибъ намъ не выслали на встрѣчу саней, на которыхъ мы пріѣхали въ Бѣльцы, и все дѣло кончилось обмороженьемъ моихъ ушей и ногъ. 22-го я занялся здѣсь смотрами, и, поставивъ экипажи свои на полозья, выѣхалъ въ путь сегодня, но, отъѣхавъ съ версту отъ города, принужденъ былъ возвратиться сюда на ночлегъ, потому что полозья сломались, и располагаю завтра, 24-го, опять выѣхать отсюда.

Могилевъ, 27-го.

25-го я прибылъ сюда, а 26-го принялъ всѣхъ чиновниковъ штаба.....

1836-й годъ.

Фокшаны, 3-го Апрѣля.

1-го Апрѣля я дѣлалъ въ Бѣльцахъ смотръ баталіону Подольскаго полка, коимъ остался доволенъ и, выѣхавъ послѣ того, прибылъ въ тотъ же вечеръ въ Яссы. При переѣздѣ черезъ границу въ Скулянахъ меня встрѣтилъ на переправѣ высланный отъ Молдаванскаго князя Стурдзы флигель-адъютантъ его полковникъ Богданъ, человѣкъ весьма ограниченный, но имѣющій нѣсколько наружнаго образованія, коимъ хвалятся Молдаване. Въ Яссахъ меня помѣстили на квартиру къ генералу Бальшу, командиру всего Молдаванскаго войска, состоящаго изъ одного батальона пѣхоты и одного эскадрона кавалеріи. Мнѣ былъ выставленъ почетный кораулъ и даны всѣ военныя почести; но глупость и докучливость Молдаванскихъ военныхъ офицеровъ превосходили всякое терпѣніе. Я не замѣтилъ въ ихъ пріемахъ ни малѣйшаго гостепріимства, но много тщеславія, чтó всего болѣе тяготитъ человѣка имѣющаго надобность во времени для занятій и въ спокойствіи для отдохновенія.

Въ тотъ же вечеръ 1-го числа я съѣздилъ къ господарю Стурдзѣ и нашелъ въ немъ человѣка неглупаго, но совершенно потеряннаго по послѣднимъ неудовольствіямъ, происшедшимъ между нимъ и боярами. Его обвиняютъ въ лихоимствѣ, и иностранные журналы разглашаютъ на его счетъ самыя оскорбительныя сужденія; кажется, что поступки его дурно приняты и у нашего двора, и я слыхалъ до предъ сего отъ пріѣзжихъ, что онъ не показываетъ должной преданности къ нашему двору. Я не могъ сего однакоже замѣтить. Разговоръ его все клонился къ происшествію его съ боярами, о коемъ я не имѣю довольно понятія, чтобъ судить основательно.

Я также былъ и у жены его дочери драгомана Вогориди, Грека, извѣстнаго по дипломатическимъ дѣламъ съ Портою; я ее видѣлъ еще въ дѣвицахъ въ Царьградѣ, она очень хороша собой.

Бузео, 4-го Апрѣля.

2-го числа я ѣздилъ, по приглашенію Бальша, смотрѣть всѣ воинскія заведенія ихъ, и кромѣ того что нашелъ ихъ въ совершенномъ младенчествѣ, имѣлъ еще случай удивляться, что устройство ихъ не имѣетъ никакого прочнаго основанія: они болѣе смѣшны и похожи на полубоярскія затѣи.

По возвращеніи съ сего смотра князь Стурдза пріѣзжалъ ко мнѣ и не могъ не попасть опять на разговоръ о предметѣ его столь занимающемъ. Онъ говорилъ мнѣ, что ждетъ къ себѣ барона Рикмана, нашего

генеральнаго консула въ княжествахъ, съ представленіемъ отъ нашего двора, жаловался на своевольство бояръ и говорилъ, что не согласенъ управлять Молдавіею, если онъ долженъ быть подверженъ ихъ технамъ.

2-го я выѣхалъ изъ Яссъ и прибылъ 3-го въ Фокшаны, гдѣ расположена штабъ-квартира полка, принадлежащаго къ Силистрійскому отряду. Тутъ начинается Валахія, и меня встрѣтилъ съ письмомъ отъ господаря князя Гики полковникъ Одобеско, служившій въ гусарахъ подполковникомъ и нынѣ занимающій должность начальника штаба Валахскихъ войскъ, коихъ шесть батальоновъ пѣхоты и два эскадрона кавалеріи. Онъ мнѣ представилъ ординарцевъ и привѣтствовалъ отъ имени князя, коему я отвѣчалъ письмомъ.

Какъ до границы Валахіи провожалъ меня Молдаванскій полковникъ Богданъ, такъ и здѣсь меня провожаетъ Одобеско, который однако совсѣмъ другаго рода: это человѣкъ умный и ловкій; вездѣ у него замѣтна исправность, и услужливость его нисколько не обременительна.

4-го я смотрѣлъ Житомирскаго полка два батальона, въ Рымникѣ артиллерійскую батарею и прибылъ сюда на ночлегъ.

Вся страна, по коей я ѣхалъ, весьма замѣчательна по красотѣ своей. Вправо видны Карпатскія горы, коихъ отрасли пересѣкаютъ въ иныхъ мѣстахъ дорогу. Природа здѣсь оживляется лѣсами и плодовитыми деревьями, населеніе довольно большое, особливо въ городахъ, но живутъ дурно, и хорошихъ строеній вовсе почти не видно.

12-го, Фальчи.

5-го ввечеру я прибылъ въ Калarашъ, что на лѣвомъ берегу Дуная противъ Силистріи, въ 12-ти верстахъ отъ сей крѣпости. Тутъ меня встрѣтилъ полковникъ Олеиско, начальникъ Силистрійскаго отряда. Въ Калaрашѣ имѣется этапъ и Валахскій карантинъ, воспрещающій всякое сообщеніе съ живущими за Дунаемъ; почему я и не касался Олеискиныхъ бумагъ иначе какъ черезъ окурку. Осмотрѣвъ же всѣ войска находившіяся по военно-этапной дорогѣ, мнѣ предстояло еще посвятить три дня смотрамъ въ Силистріи, куда мы условились всякій день ѣздить подъ присмотромъ карантиннаго чиновника. Мнѣ весьма хотѣлось ближе узнать Олеиска, человѣка извѣстнаго по своей дѣятельности; но по первымъ пріемамъ его, я имѣлъ случай замѣтить, что у него совѣсть не чиста: онъ такъ обробѣлъ, что принялъ адъютанта моего за меня и рапортовалъ ему. Во время разговора онъ ежечасно давалъ ему оборотъ оправданія въ томъ, что онъ ничѣмъ не пользовался, такъ что я наконецъ замѣтилъ ему, что я его никогда не обвинялъ въ мошенничествѣ, а потому онъ и напрасно оправдывается.

Не менѣе того, при всѣхъ его природныхъ способностяхъ, я нашелъ въ немъ человѣка необразованнаго, но знающаго дѣло, толстаго, тяжелаго, но дѣятельнаго, какъ казалось мнѣ склоннаго къ пріобрѣтенію, но не корыстолюбиваго, пристрастнаго въ дѣлахъ до него касающихся, но отъ природы незлаго. И при всемъ желаніи моемъ смѣнить его другимъ человѣкомъ, я не находилъ средствъ сего сдѣлать, по сложности и запутанности счетовъ въ продовольственныхъ поставкахъ отъ княжествъ и растратамъ сдѣланнымъ и допущеннымъ коммисіонерами и невниманіемъ Киселева, пренебрегшаго повидимому во время управленія своего всѣмъ чтó не служило къ гласности его дѣяній и къ утѣшенію его несоразмѣрнаго самолюбія и честолюбія. Онъ оставилъ всю хозяйственную часть управленія сего на одной бумагѣ, такъ какъ наличнаго мало оказалось. Олеиско былъ имъ назначенъ въ Силистрію, и онъ одинъ можетъ только довершить и привести въ ясность дѣлà; но онъ не упущаетъ въ семъ случаѣ и своихъ личныхъ выгодъ, и я готовъ не слѣдить за ними, лишь бы дѣло шло порядочно.

Карантинъ Леовскій, 13-го.

6-го я ѣздилъ въ Силистрію и осмотрѣлъ всѣ хозяйственныя и внутреннія заведенія крѣпости, а къ вечеру возвратился ночевать въ Калорашъ. 7-го я опять поѣхалъ и осмотрѣлъ войска, а 8-го, переправясь въ третій разъ на правый берегъ рѣки, объѣхалъ часть демаркаціонной линіи, на коей видѣлся съ выѣхавшимъ ко мнѣ Турецкимъ сеяномъ: это откупщикъ и вмѣстѣ управляющій нѣсколькими деревнями у Турокъ. Я распросилъ его о нѣкоторыхъ знакомыхъ Турецкихъ начальникахъ и нашелъ, судя по словамъ его, человѣка совершенно дружески расположеннаго къ намъ. Турки вообще угодливы и свято соблюдаютъ миръ и тишину, выдавая намъ часто и бѣглыхъ нашихъ; когда я ему сказалъ, что за выдачу бѣглыхъ платятся имъ деньги, то онъ отвѣчалъ, что они за симъ не гонятся и дѣлаютъ сіе по дружбѣ и согласію, существующему между двумя державами.

Въ Силистрійскомъ округѣ имѣется довольно большое населеніе Булгаръ, привлеченныхъ изъ разныхъ сторонъ льготами, предоставленными имъ со времени завладѣнія нами Силистріею, такъ что теперь не имѣютъ болѣе и мѣстъ для поселенія просящихся къ намъ. Надъ сими жителями устроено Киселевымъ особое правленіе, изложенное въ подробности и исполняющееся подъ надзоромъ военно-начальными лицами, избранными самимъ народомъ. Въ деревняхъ меня встрѣчали съ хлѣбомъ и солью и казались вездѣ довольными. Они имѣютъ своего митрополита, пребывающаго въ Силистріи и встрѣтившаго меня въ первый день на переправѣ съ Евангеліемъ. Онъ имѣлъ прежде

большую епархію; но такъ какъ онъ показываетъ болѣе усердія къ намъ, чѣмъ къ Туркамъ, то Турецкое правительство устранило его отъ управленія, и онъ остался при деревняхъ, внутри демаркаціонной линіи находящихся, а съ выступленіемъ нашимъ долженъ будетъ также выѣхать въ Россію, куда вѣроятно переселятся и Булгары сіи.

Могилевъ, 23-го Апрѣля.

Между сими Болгарскими деревнями находится и одно селеніе Некрасовцевъ, закоснѣлыхъ враговъ Россіи, хотя они и сохранили всѣ коренные обычаи нашихъ соотечественниковъ и старообрядческій законъ своихъ предковъ. Они служатъ противъ насъ и обращаются съ нашими плѣнными съ утонченнымъ злодѣйствомъ. Здѣсь они занимаются рыболовствомъ, и ихъ подозрѣваютъ въ способствованіи нашимъ бѣглымъ солдатамъ къ укрывательству. Я былъ у нихъ въ деревнѣ; они меня встрѣтили съ хлѣбомъ и солью, но я погрозился имъ зажечь деревню, если только узнаю, что они способствуютъ бѣглымъ солдатамъ.

Окружности Силистріи за двѣ версты отъ крѣпости были прежде покрыты лѣсами; нынѣ лѣса сіи совсѣмъ почти вырублены, и сіе сдѣлано по распоряженію полковника Олеиска, который повидимому извлекалъ изъ сего большія выгоды; между тѣмъ какъ онъ въ отношеніи служебныхъ обязанностей допустилъ много безпорядковъ, не обращая вниманія на распоряженія подвѣдомственныхъ ему военныхъ начальниковъ, а напротивъ того служа имъ для сего лично примѣромъ.

Пребываніе мое въ Силистріи напомнило мнѣ времена войны въ Турціи. Минареты, избитые ядрами при осадѣ ея, зачиненныя брики, мечети, въ коихъ теперь находятся наши склады, все сіе привело мнѣ на память осады и приступы Турецкихъ крѣпостей, въ коихъ я присутствовалъ; а поѣздка по демаркаціонной линіи напомнила мнѣ лагерную жизнь, которую я долгое время велъ въ походахъ.

9-го числа поутру, по окончаніи бумагъ, накопившихся съ вечера, я былъ навѣщенъ Мавросомъ, инспекторомъ Валахскихъ карантиновъ. Ловкій и хитрый Грекъ сей сказывалъ мнѣ, что въ Бухарестѣ получено было офиціальное извѣстіе отъ нашего посланника въ Царьградѣ Бутенева къ консулу Рикману о скоромъ упраздненіи нами Силистріи и отдачѣ сей крѣпости Туркамъ обратно, по случаю тому, что они, по сдѣланному договору съ Бутеневымъ, въ силу воли Государя, обязались заплатить должныя намъ деньги. Я въ тотъ же день 9-го пріѣхалъ ввечеру въ Бухарестъ, гдѣ былъ принятъ со всевозможными почестями и встрѣчами и помѣщенъ на квартиру къ старшему

брату владѣтельнаго князя Гики. (Хозяйка была въ любовной связи съ Киселевымъ).

9-го же ввечеру я былъ у князя. Онъ гораздо проще Молдавскаго и менѣе его образованъ; но всѣ устройства его въ княжествѣ хотя тоже поверхностныя, имѣютъ лучшій видъ, чѣмъ у князя Стурдзы, и онъ лучше его управляетъ мнимыми своими подданными и слѣдственно довольнѣе того. Вліяніе нашего консула въ дѣлахъ княжествъ весьма большое, но и оно утратится по проискамъ Англичанъ, коимъ уже удалось отобрать у насъ Силистрію вопреки всѣхъ угрозъ нашихъ. Извѣстіе сіе было точно справедливо, и Рикманъ показывалъ мнѣ подлинное увѣдомленіе Бутенева, по коему я увидѣлъ, что мы уступили Туркамъ до 2.000.000 червонцевъ и принимаемъ отъ нихъ только 3.000.000, которыя, какъ говорятъ, Англичане обѣщались уплатить намъ.

10-го числа я долженъ былъ принять всѣхъ бояръ и главныхъ начальниковъ княжества. Нѣкоторые изъ нихъ сохранили еще одежду свою, но большая часть уже переодѣлась по европейскому. Новый нарядъ сей нисколько не идетъ ни къ наружности ихъ, ни къ полуобразованію, скрытому подъ личиною обычаевъ нашихъ.

Послѣ того пріѣхалъ ко мнѣ князь съ приглашеніемъ на ученье, приготовленное для меня. Въ строю были батальонъ пѣхоты и два эскадрона кавалеріи. Люди были видные и порядочно одѣтые, но офицеры совершенные невѣжды и мало, какъ видно, занимались своимъ дѣломъ. Правила затвержены, но никто ни знаетъ ни цѣли, ни употребленія построеній, которыя они дѣлали. Я замѣтилъ нѣкоторыя маловажныя ошибки, чѣмъ они были очень довольны.

Обѣдъ былъ у князя. Первые чины правительства были собраны; разговора немного, обѣдъ дурной, провизія негодная.

Ввечеру князь заѣхалъ за мной и повезъ меня въ театръ. Играли Фигаро и довольно порядочно: затѣмъ былъ водевиль на Валахскомъ языкѣ. Послѣ того я уже простился съ княземъ и хозяйкою своею и

11-го числа выѣхалъ изъ Бухареста, гдѣ я провелъ утомительный день по тщеславному гостепріимству сихъ людей, не столько заботящихся о спокойствіи своихъ гостей, какъ о томъ, чтобы показать подражательную пышность свою, вездѣ являющуюся и не впопадъ, но все-таки порядочнѣе Молдавской.

Я располагалъ отдохнуть на Фокшанахъ, а оттуда уже далѣе продолжать смотръ свой въ Бессарабіи; но на первомъ перегонѣ меня остановилъ встрѣтившійся фельдъегерь съ повелѣніемъ отъ военнаго министра объ отправленіи 13-й дивизіи въ Крымъ на Севастопольскія адмиралтейскія работы и съ предварительнымъ увѣдомленіемъ о имѣю-

щемъ въ скорости послѣдовать упраздненіи Силистріи. Я долженъ былъ отложить поѣздку свою въ Бессарабію; но такъ какъ приказаніе объ облегченіи меня въ карантинѣ дано было графомъ Воронцовымъ въ Леовѣ, то я и принужденъ былъ ѣхать къ границѣ на Леово. Въ Фокшанахъ я провелъ ночь въ занятіяхъ и послалъ эстафету въ Могилевъ съ полученными бумагами для исполненія по движенію 13-й дивизіи, а 12 пріѣхалъ въ Леово, гдѣ пробылъ одни сутки въ карантинѣ.

13-го я пріѣхалъ въ Кишиневъ, гдѣ также занимался, а 14 послѣ смотра войскъ поѣхалъ черезъ квартиры 14-й артиллерійской бригады на Оргей и Сороки и смотрѣлъ батареи сей бригады, въ теченіи 14 и 15 чиселъ. 16-го ввечеру возвратился въ Могилевъ.

17-го прибылъ ко мнѣ отъ военнаго министра другой фельдъегерь съ повелѣніемъ опредѣлительно приготовить Силистрію къ сдачѣ въ теченіи лѣта и пріостановить смѣну полковъ въ княжествахъ, къ коей уже приступили. Я сего не сдѣлалъ по первому увѣдомленію министра, потому что упраздненіе не было еще рѣшительно объявлено и потому что я во всякомъ случаѣ находилъ выгоднѣе допустить смѣну полковъ, отправившихъ уже свои тяжести впередъ, и удовольствовался тогда только выводомъ одного батальона изъ княжествъ для занятія карауловъ въ Хотинѣ на мѣсто батальоновъ 13-й дивизіи, выступающей въ Крымъ. По полученіи же новаго распоряженія сего я принужденъ былъ уже совсѣмъ перемѣнить направленіе войскъ, что̀ сопряжено съ большими для нихъ неудобствами.

Нельзя не замѣтить при семъ случаѣ, съ какою вредною для войскъ торопливостью все сіе было сдѣлано. Въ первомъ повелѣніи не было ничего сказано о томъ, чтобъ не смѣнять полковъ въ княжествахъ (отъ забывчивости); я же, находя, что мѣра сія хорошая, не стѣснялъ ихъ, а допустилъ продолженіе начатаго уже движенія, о коемъ было извѣстно въ Военномъ Министерствѣ. Другимъ повелѣніемъ, черезъ пять дней полученнымъ, смѣна отмѣнялась, и назначались самыя мелочныя распоряженія, изъ коихъ невозможно было ни одного исполнить; ибо войска, занимающія караулы, назначены были въ лагерные сборы; находящіяся въ княжествахъ предполагались уже выведенными; инвалидныя роты при госпиталяхъ, находящіяся въ Силистріи и въ княжествахъ, назначались къ отправленію въ Россію, тогда какъ госпитали должны были оставаться; транспорты назначались уже къ продажѣ, тогда какъ на нихъ надобно было перевозить тяжести и т. п.

Внезапное движеніе 13-й дивизіи, еще не оправившейся отъ прошлогодняго поздняго смотра въ Бѣлой Церкви, не было предвидѣно въ прошломъ году, и дивизіи сей назначено придти къ 20 Мая, тогда какъ головной баталіонъ ея можетъ только прибыть туда 2-го Іюля, а

прочіе должны 18-го Іюня, и дивизія сія, проработавши три мѣсяца, должна возвратиться за 800 верстъ въ свои квартиры. Довольно страненъ и поводъ, послужившій къ сему внезапному движенію. Меня министръ недавно спрашивалъ, могу ли я удѣлить еще 2.000 рабочихъ изъ 15-й дивизіи, находящейся въ Крыму и дающей по крайности (какъ ему извѣстно) 2.500 рабочихъ, ежедневно исполняющихъ работы? Отвѣтъ мой соотвѣтствовалъ спросу, т. е. былъ отказъ; ибо самая численность людей, разбитыхъ на три смѣны, сего не допускала, а я находилъ возможнымъ удѣлить еще до 800 человѣкъ, если смѣнятся остальныя части ея съ карауловъ ею занимаемыхъ. И потому я отправилъ вдругъ цѣлую дивизію изъ Подольской губерніи въ Крымъ, тогда какъ и сія дивизія не можетъ дать болѣе 2.700 чел. ежедневно. Я предвижу болѣзни на лѣто, и войска крайне разстроятся, при такихъ распоряженіяхъ начальства. И не приберешь ума, какъ сохранить войска, противъ благосостоянія и устройства коихъ принимаются самыя дѣятельныя мѣры.

22-го Мая. Для окончанія смотра 14-й дивизіи, прерваннаго на обратномъ пути моемъ изъ княжествъ внезапнымъ прибытіемъ фельдъегерей, я отправился въ Бессарабію 8 числа сего мѣсяца, 9-го пріѣхалъ въ Кишиневъ, 10-го въ Бендеры, 11-го въ Акерманъ, 12-го въ Килію, 13-го въ Измаилъ, 14-го въ Рени, 15-го въ Скуляны и 16-го возвратился въ Могилевъ. Во всѣхъ сихъ мѣстахъ я смотрѣлъ войска, и какъ я еще страдалъ болѣзнью, постигшею меня по возвращеніи изъ Силистріи, то мнѣ путь сей показался труднымъ. Дорогою болѣзнь моя усилилась и заболѣли адъютантъ мой и слуга.....

Кіевъ, 7-го Іюня.

30-го Мая я выѣхалъ изъ Могилева и, проѣзжая черезъ квартиры 13-й артиллерійской бригады, смотрѣлъ батареи ея. Я выѣхалъ на большую дорогу въ Летичевѣ, откуда прибылъ сюда 4 числа....

Никополь, 1-го Іюля.

28-го я пріѣхалъ въ Екатеринославъ, 29-го ѣздилъ смотрѣть работы, производящіяся на Днѣпровскихъ порогахъ и, выѣхавъ 30-го, пріѣхалъ сюда ночью очень поздно.

4-го Іюля я пріѣхалъ въ Симферополь, 11-го ѣздилъ смотрѣть войска въ Севастополь и, возвратившись сюда 14-го, выѣзжаю сего числа въ Евпаторію, гдѣ я назначилъ себѣ пребываніе въ корпусной квартирѣ.

Евпаторія, 25-го Августа.

Располагая съѣздить въ Кіевъ, дабы видѣться съ Государемъ, я думалъ по возвращеніи оттуда приступить къ общимъ смотрамъ войскъ, въ Севастополѣ собранныхъ. Пріѣздъ Государя въ Кіевъ предполагался

ко 2-му числу Сентября мѣсяца; но послѣ, по измѣнившимся маршрутамъ Государя, слухъ пронесся, что онъ опоздаетъ пріѣздомъ своимъ туда, и сіе вышло отъ графа Воронцова, который располагалъ съѣздить въ Чугуевъ для свиданія съ Государемъ. Я старался узнать о семъ вѣрнѣе черезъ губернатора Казначеева, но изъ неосновательныхъ свѣдѣній его нельзя было ничего узнать, почему я и рѣшился послать къ графу Воронцову, пребывавшему на Южномъ берегу Крыма, своего адъютанта Лауница съ письмомъ къ графу съ цѣлью освѣдомиться обстоятельно о пріѣздѣ и Государя и графа въ Симферополь или Севастополь, гдѣ бы я могъ переговорить съ нимъ о неудовольствіяхъ, возродившихся между войсками и гражданскими чиновниками, которыя подстрекаются самимъ гражданскимъ губернаторомъ Казначеевымъ, человѣкомъ совершенно пустымъ. Отвѣтъ былъ, что графъ Воронцовъ не знаетъ еще ничего вѣрнаго о семъ, ожидаетъ возвращенія посланной имъ эстафеты, а между тѣмъ приглашаетъ меня пріѣхать къ нему въ Алупку на Южный берегъ. Мнѣ нужно было побывать тамъ для осмотра батальона, занимавшагося работою дороги на Южномъ берегу, а потому я отправился туда и, выѣхавъ изъ Евпаторіи 19-го числа, прибылъ въ тотъ же день на ночлегъ въ Симферополь.

20-го я поѣхалъ на перекладныхъ въ Алушту, гдѣ остановился на короткое время у Шаховскихъ, провождающихъ тамъ лѣто, и при выѣздѣ изъ Алушты меня опрокинули съ повозкой и ушибли. Я сперва не чувствовалъ боли. На другой и въ слѣдующіе дни у меня разболѣлись бокъ и ушибленные члены, но я продолжалъ свое путешествіе. 20-го же ввечеру меня застигла буря, продолжавшаяся до самой ночи. Въ сумерки я прибылъ къ одной изъ ротъ батальона. Спустившись по тропинкѣ внизъ въ самое селеніе, я расположился ночевать у батальоннаго командира маіора Окорокова.

Разработка дороги сей производится на счетъ казны, по настоянію графа Воронцова, коего занятія и помышленія обращены только на устроеніе Южнаго берега Крыма, и дорога сія проводится мимо его собственной деревни Алупки. Южный берегъ, весьма пріятный для препровожденія времени людямъ не имѣющимъ занятій и попеченій, не только не приноситъ никакой пользы Россіи, но, напротивъ того, служитъ пристанищемъ контробандистамъ, мѣстомъ укрывательства бѣглымъ и, поглощая всѣ помышленія и время мѣстныхъ властей, отвлекаетъ ихъ отъ прямыхъ обязанностей и причиняетъ постоянный ущербъ казнѣ, по происками, которыя графъ Воронцовъ дѣлаетъ въ пользу иностранцевъ, промышляющихъ торговлею по всему берегу, заведеніемъ цѣнныхъ устроеній и предоставленіемъ имъ значительныхъ выгодъ и преимуществъ. По сему уголъ сей, хотя прелестный по

мѣстоположенію своему, всегда будетъ непріятенъ для каждаго Русскаго любящаго свое отечество и гнушающагося явнаго предпочтенія, которымъ пользуются иностранцы въ удѣлѣ графа Воронцова, гдѣ настоящая служба до крайности послаблена и гдѣ слабость и козни составляютъ главную черту, тогда какъ Воронцовъ самъ, хотя и благомысленный человѣкъ, но по природной слабости своего характера всегда дѣйствуетъ подъ вліяніемъ окружающихъ его, совершенно пренебрегая своими обязанностями.

21-го поутру я осмотрѣлъ близъ Юрсуфа двѣ роты батальона и поѣхалъ далѣе. Въ Ялтѣ я узналъ отъ Исленьева, что графъ въ тотъ же день обѣщался пріѣхать въ Массандру для свиданія съ дѣтьми своими; Исленьевъ приглашалъ меня отобѣдать вмѣстѣ съ Воронцовымъ, но я отказался и поѣхалъ далѣе. Не доѣзжая 5-ти верстъ до Алупки, я его встрѣтилъ. Мы обнялись, но онъ тотчасъ опомнился и, какъ видно было, предаваясь впечатлѣніямъ, сдѣланнымъ на него Казначеевымъ, остановился въ первомъ восторгѣ своемъ, ибо пріѣздъ мой былъ для него непріятенъ. «Еслибъ я зналъ», сказалъ онъ, «что вы будете сегодня, я бы не выѣхалъ изъ Алупки»; но потомъ, одумавшись, продолжалъ: «Впрочемъ нѣтъ, я бы не могъ остаться сегодня въ Алупкѣ». Я видѣлъ, что онъ не знаетъ на что̀ рѣшиться: продолжать ли путь свой или возвратиться. Мы оба стояли другъ передъ другомъ на дорогѣ, и дабы достичь цѣли своей съ нимъ объясниться, я не стѣснялъ его, а предложилъ ему дождаться его въ Алупкѣ, если онъ располагалъ въ тотъ же вечеръ возвратиться, тѣмъ болѣе, что мнѣ нужно было отдохнуть отъ ушиба своего. Онъ хотѣлъ было отложить свиданіе до другаго дня; но я сказалъ, что не могу долѣе замедлить моего пребыванія на Южномъ берегу, и мы условились свидѣться ввечеру въ 9-мъ часу въ Алупкѣ. Онъ просилъ меня остановиться у него въ домѣ и располагать какъ мнѣ будетъ угодно; хотѣлъ было послать проводить меня, но я отвѣчалъ, что самъ все найду что̀ нужно, принялъ его предложеніе, и мы поѣхали въ противныя стороны.

По дорогѣ я заѣхалъ къ княгинѣ Голицыной и провелъ съ нею около часу. Изъ словъ ея могъ я замѣтить, что о неудовольствіяхъ между нами происшедшихъ было ей и, стало быть, многимъ и всѣмъ извѣстно; она по видимому полагала, что я ѣхалъ на ссору съ графомъ, но я отвѣчалъ ей, что имѣю только переговорить съ нимъ о нѣкоторыхъ дѣлахъ.

Евпаторія, 20-го Августа.

Пріѣхавъ въ Алупку, я помѣстился въ домѣ графа и, отдохнувъ, осмотрѣлъ садъ и строющійся домъ его, замѣчательный по размѣрамъ своимъ, архитектурѣ, чистотѣ отдѣлки и матеріалу, изъ коего дворецъ

сей сооружается, во свидѣтельство пышности Русскаго барина, когда безподобныя развалины его на Южномъ берегу Крыма будутъ вскорѣ посѣщаемы учеными изыскателями памятниковъ.

Воронцовъ пріѣхалъ, какъ обѣщался, къ 9-ти часамъ вечера и повелъ меня въ кабинетъ. Зная, о чемъ я располагалъ ему говорить, онъ не рѣшился начать, какъ бы избѣгая сего разговора и, устремивъ глаза въ землю, остался нѣсколько времени въ молчаніи. Я тогда началъ изложеніемъ одного случая, въ коемъ гражданскіе чиновники хотя и оказались людьми безпокойными и подлыми, но по дѣлу остались правыми, именно по дѣлу артиллерійскаго офицера Свиньина, побившаго двухъ чиновниковъ, котораго по Высочайшему повелѣнію судятъ. Дѣло сіе производится уже съ давняго времени, и презусомъ сей коммиссіи назначенъ бывшій адъютантъ генерала Отрощенки, нынѣ полковникъ Гирждеу, человѣкъ извѣстный по корыстолюбію своему и старавшійся по скрытнымъ какимъ-то причинамъ оправдать виновнаго. Замѣтивъ сіе, я смѣнилъ Гирждеу другимъ и, подавъ о семъ дѣлѣ рапортъ графу Воронцову, увѣрилъ его, что я дѣло сіе имѣю въ особенномъ вниманіи.

Воронцовъ съ удовольствіемъ подхватилъ разговоръ сей и, жалуясь на обращеніе военныхъ, съ жаромъ сказалъ, что мы въ 1813 и 1814-го годахъ не дѣлали болѣе обидъ въ Германіи и Франціи жителямъ и что войска здѣсь себя такъ дурно ведутъ, что онъ, можетъ быть, по этой причинѣ оставитъ мундиръ. Давши ему все выговорить, я отвѣчалъ ему тѣмъ же образомъ, что, напротивъ того, мы имѣли поводъ жаловаться на неблагопріятное къ намъ расположеніе мѣстнаго начальства; что частныя неудовольствія между жителями и войсками нельзя относить къ общему враждебному взаимному расположенію, но что мѣстныя власти, вмѣсто того чтобы прекращать сіи случаи и водворять согласіе, старались поддержать сіе и пустыми представленіями ему Воронцову, обезображивая самыя незначительныя происшествія, стараются возбудить въ немъ негодованіе къ войскамъ, и потому мы можемъ скорѣе полагать, что насъ принимаютъ какъ непріятельское войско; что сіи самыя войска, квартируя въ другихъ губерніяхъ, не оставляли послѣ нигдѣ неудовольствій, оттого что и губернаторы тамъ были порядочные люди, но что въ Таврической губерніи мы встрѣтили совершенно другое; что не менѣе того я буду взыскивать строго со своихъ подчиненныхъ за малѣйшую неисправность, но также прошу и его взыскивать равнымъ образомъ со своихъ, когда они окажутся виновными, и сверхъ того съ тѣхъ, которые себѣ ставятъ въ удовольствіе доводить до него дѣла, которыя бы должны покончиться между низшими властями, и въ такомъ увеличенномъ видѣ.

— «Я самъ давно служу въ военномъ званіи и не допущу, чтобъ войска гдѣ-либо терпѣли», отвѣчалъ онъ тихо. «Можете ли вы назвать случаи, которые бы доказали сказанное вами?» — Могу, сказалъ я и вынулъ приготовленную записку, перечисля ему до 15 случаевъ, доведенныхъ до его свѣдѣнія въ такомъ видѣ, и по нѣкоторымъ изъ коихъ я долженъ былъ вступить съ нимъ въ непріятную переписку. Онъ призналъ ихъ совершенно справедливыми съ моей стороны. Тогда, сказалъ я ему, я обязанъ еще сказать вамъ, что тѣ, которые искали такимъ образомъ васъ разстроить съ нами, могутъ быть только люди неблагонамѣренные.—«Мнѣ о семъ представлялъ Казначеевъ», сказалъ онъ.—Не знаю кто, отвѣчалъ я, и надобности не имѣлъ знать сего; но это долженъ быть человѣкъ вздорный и вредный.—«Я дознаю все сіе», сказалъ графъ, «но впрочемъ я никакихъ не имѣю болѣе неудовольствій на войска какъ по дѣлу Свиньина» (насчетъ котораго я его успокоилъ). Я тогда ему поставилъ на видъ другія упущенія мѣстнаго правительства и нашелъ въ немъ то, что̀ и прежде думалъ—человѣка слабаго, пустаго, завлеченнаго совершенно увеселеніями Южнаго берега и не знающаго, что́ ему къ подпису подносятъ. Если онъ самъ и благонамѣренный человѣкъ, то сіе ни къ чему не служитъ по вліянію, которое на него имѣютъ иностранцы и всѣ люди расположенные къ безпорядку и ябедамъ.

Разговоръ нашъ продолжался довольно долго и хотя Воронцовъ во всемъ согласился, но я мало надѣялся на успѣхъ. Онъ просилъ меня, чтобъ я ему отдалъ записку мою о правильныхъ неудовольствіяхъ войскъ и прислалъ ко мнѣ секретаря своего для списанія ея.

Послѣ сего мы перестали говорить о дѣлахъ службы и занялись разговоромъ о постороннихъ предметахъ. Онъ мнѣ сказалъ, что въ недавнемъ времени мы построили укрѣпленіе на восточномъ берегу Каспійскаго моря. Родофиникинъ *) увѣдомлялъ его о семъ съ приложеніемъ плана сего, налитографированнаго на камнѣ, и просилъ его держать сіе въ тайнѣ. «Но какая это можетъ быть тайна, сказалъ графъ, когда первое извѣстіе о семъ я слышалъ отъ иноземцевъ, что̀ меня и побудило спросить о семъ Родофиникина, для повѣрки сего слуха? Я не знаю, говорилъ онъ, только, гдѣ оно находится, и прошу васъ, прочитавъ сію записку, возвратить ее мнѣ, сказавъ мнѣ ваше мнѣніе». Въ запискѣ я нашелъ, что укрѣпленіе построено по распоряженію Оренбургскаго военнаго губернатора вслѣдствіе Высочайшаго повелѣнія, съ намѣреніемъ подвинуть нашу линію до Сыръ-Дарьи. Оно лежитъ болѣе къ сѣверо-восточному берегу моря, въ трехъ дняхъ плаванія отъ Гурь-

*) Директоръ Азіатскаго департамента въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ. П. Б.

ева городка. Англичане и Персіяне претендовали за распространеніе границъ нашихъ; но мы отвѣчали имъ, что укрѣпленіе сіе построено въ нашихъ границахъ. Не менѣе того, дабы не обратить болѣе вниманія ихъ на сіе мѣсто, коменданты и прочіе чины сей крѣпости назначаются не Высочайшими приказами, а особенными повелѣніями.

Сказанныя мнѣ графомъ Воронцовымъ обстоятельства даютъ поводъ къ заключенію, что онъ въ семъ случаѣ служитъ орудіемъ Англичанъ, желающихъ развѣдать и удостовѣриться въ истинѣ дошедшихъ до нихъ свѣдѣній, что́ кажется весьма правдоподобно.

22-го я выѣхалъ изъ Алупки, разставшись очень дружелюбно съ графомъ Воронцовымъ, и поѣхалъ верхомъ на Байдары черезъ лѣстницу. Она довольно извѣстна. Я удивлялся, какъ человѣку могла придти первая мысль устроить дорогу черезъ высокую отвѣсную скалу, такъ какъ не видно даже снаружи возможности проникнуть черезъ сіе мѣсто на сѣверную покатость горы.

Въ Байдарахъ меня ожидала коляска, въ коей я пріѣхалъ въ Севастополь, а 23-го пріѣхалъ сюда.

При выступленіи 13-й дивизіи встрѣчались затрудненія въ размѣщеніи больныхъ, по предположеніямъ (еще сдѣланнымъ въ началѣ весны) занять для сего Бахчисарайскія казармы. Имѣя уже на это согласіе губернатора, я просилъ графа Воронцова о переводѣ туда отдѣленія госпиталя; но онъ сталъ противиться сему, говоря, что черезъ сіе лишается онъ довѣренности между жителями, построившими сіи казармы по приглашенію его для войскъ, а не для больныхъ, не взирая на то, что больныхъ совершенно негдѣ было помѣстить. Онъ согласился на сіе только, когда я ему объявилъ о согласіи губернатора, и обѣщался сдѣлать всѣ нужныя къ тому распоряженія.

По прибытіи моемъ сюда я получилъ отношеніе отъ Казначеева, коимъ онъ увѣдомляетъ меня, что все къ прибытію больныхъ уже было готово въ Бахчисараѣ. Зная неосновательность его увѣдомленій изъ прежнихъ опытовъ, я усомнился въ справедливости сего и послалъ адъютанта своего Лауница въ Симферополь и Бахчисарай, дабы удостовѣриться въ семъ. Увѣдомленіе Казначеева оказалось ложнымъ и хотя его лично увѣрялъ Казначеевъ въ готовности всего, но Лауницъ отвѣчалъ, что въ однѣхъ стѣнахъ нельзя помѣстить больныхъ, и пошелъ къ Воронцову, который въ то время находился проѣздомъ въ Симферополѣ. Воронцовъ былъ очень недоволенъ симъ требованіемъ, ибо воображалъ себѣ, что онъ уже все сдѣлалъ; но Лауницъ настоялъ и, отыскавъ у него въ дѣлахъ мой рапортъ, приготовилъ по немъ исполненія и доставилъ ихъ къ Воронцову чрезъ состоявшаго при немъ дивизіоннаго доктора къ подпису. И этими усиленными мѣрами только

можно было достигнуть призрѣнія больныхъ, коихъ совершенно некуда было помѣстить. Самъ Воронцовъ и въ особенности Казначеевъ, не только не прилагаютъ никакого старанія для успокоенія войскъ, но напротивъ того употребляютъ всѣ средства для возрожденія сколько можно болѣе препятствій къ сему, и самаго исполненія Высочайшей воли должно достигать не иначе какъ посредствомъ усиленныхъ мѣръ и настояній.

31-го. Я сѣлъ на корветъ «Мессемврія» и поплылъ въ Одессу, откуда располагаю съѣздить въ Бендеры и Кіевъ.

Одесса, 2-го Сентября.

31-го Августа и 1-го Сентября продолжались штили въ морѣ, отъ чего мы весьма мало подвинулись; но съ полночи на 2-е поднялся очень сильный N 0, съ коимъ насъ принесло сего числа въ 2 часа пополудни къ Одессѣ, послѣ благополучнаго и утомительнаго отъ сильной зыби и волненія плаванія.

Кіевъ 7-го.

Изъ Одессы я располагалъ проѣхать въ Кіевъ черезъ Бендеры, гдѣ я хотѣлъ осмотрѣть войска, но получилъ извѣстіе, что 2-го ввечеру пріѣхалъ изъ Харькова отъ графа Витта курьеръ къ графу Воронцову съ увѣдомленіемъ о третьей перемѣнѣ въ маршрутѣ Государя, по коей онъ ускоряетъ пріѣздомъ своимъ. Я немедленно 3-го же числа ввечеру отправился прямо въ Кіевъ. Дорогой я узналъ на станціяхъ, что выставка лошадей на Житомирской трактъ была остановлена и что Государь не поѣдетъ болѣе въ Кіевъ и въ Польшу, какъ сіе прежде предполагалось; а въ Бѣлой Церкви я узналъ, что Государя опрокинуло въ Пензенской губерніи и что онъ остался въ городѣ Чембарѣ лечиться отъ вывиха руки. Слухи сіи подтвердились по пріѣздѣ моемъ вчера въ Кіевъ, и я рѣшился ожидать здѣсь возвращенія полковника Звегинцова, посланнаго графомъ Гурьевымъ въ Чембаръ для узнанія опредѣлительно о состояніи и пріѣздѣ Государя.

11-го ночью пріѣхалъ Звегинцовъ и такъ какъ Государь опредѣлительно отмѣнилъ свой пріѣздъ сюда, и отъѣзжаетъ 12-го въ Петербургъ, то и я выѣзжаю сего числа обратно въ Крымъ черезъ Бендеры, гдѣ я располагаю осмотрѣть лагерь 14-й дивизіи.

Съ 12-го на 13-е я ночевалъ въ Ольгополѣ; 13-го дѣлалъ въ Балтѣ смотръ двухъ ротъ Виленскаго полка и пріѣхалъ ночью на 14 число въ селеніе Мелаешты, а 14 въ Бендеры, гдѣ въ тотъ же день осмотрѣлъ 1-ю бригаду 14-й дивизіи, коей остался доволенъ. Переночевавъ въ Бендерахъ, я смотрѣлъ 15-го въ Тирасполѣ двѣ парковыя батареи и на ночь того же дня пріѣхалъ въ Одессу, гдѣ получилъ

увѣдомленіе Адлерберга объ отправленіи 13-й дивизіи изъ Севастополя моремъ чрезъ Одессу на зимнія квартиры. Я поспѣшилъ возвратиться и, сѣвъ на корветъ 16-го, въ тотъ же вечеръ снялся съ якоря, а 18-го поутру вышелъ на берегъ въ Евпаторіи.

27-го я выѣхалъ изъ Евпаторіи, ночевалъ въ Симферополѣ и 28-го пріѣхавъ въ Севастополь, немедленно объѣхалъ всѣ суда эскадры, на которую уже были посажены войска 2-й бригады 13-й дивизіи.

Евпаторія 6-го.

30-го Сентября эскадра отправилась въ море, и сегодня получено мною донесеніе о благополучномъ прибытіи ея. 30-го же я возвратился въ Симферополь и пробылъ у брата 1-го Октября, а 3-го Ноября прибылъ со всѣмъ семействомъ благополучно въ Могилевъ.

31-го Декабря.

Въ проѣздъ мой черезъ Николаевъ въ Октябрѣ мѣсяцѣ я узналъ, что всѣ обозы 13-й дивизіи осматривались на заставѣ коммисіею, наряженною по распоряженію морскаго начальства для отысканія въ нихъ металлическихъ припасовъ казеннаго вѣдомства. Поводъ къ сему былъ слѣдующій. Командиръ нестроевой роты Виленскаго егерскаго полка поручикъ Ульяновскій былъ удаленъ отъ командованія, передъ выступленіемъ обозовъ изъ подъ Севастополя, когда полки отправились на свои квартиры моремъ черезъ Одессу. Опередивъ обозы, съ коими онъ слѣдовалъ, онъ пріѣхалъ на Николаевскую заставу и объявилъ смотрителю, что въ 11 фурахъ Виленскаго полка везлось казенное имущество, купленное въ Севастополѣ. Смотритель передалъ сіе начальнику штаба Черноморскаго флота контръ-адміралу Авинову, который за кратковременнымъ отсутствіемъ Лазарева донесъ о семъ остававшемуся старшему въ Николаевѣ генералъ-лейтенанту Тулубьеву. Тулубьевъ, безъизвѣстное лице, человѣкъ старый и доживающій на службѣ года свои въ маломъ занимаемомъ имъ мѣстѣ въ Николаевѣ и, дѣйствуя по наущенію Авинова, нарядилъ коммисію для освидѣтельствованія всѣхъ обозовъ 13-й дивизіи, проходившихъ черезъ Николаевъ и, найдя въ фурахъ Виленскаго полка желѣзо и мѣдь, послалъ съ нарочнымъ курьеромъ донесеніе о семъ въ Петербургъ. Освидѣтельствованіе Виленскихъ фуръ было правильно; касаться же прочихъ обозовъ по одному подозрѣнію казалось бы не должно. Но главное дѣйствующее въ семъ случаѣ лице, Авиновъ поступилъ еще хуже: онъ помѣстилъ въ донесеніи Тулубьева, что желѣзо сіе и мѣдь были куплены для перепродажи ихъ съ выгодою въ Польшѣ, говоря, что сіе показалъ Ульяновскій. Въ фурахъ прочихъ полковъ не было ничего найдено.

Такое происшествіе было для меня очень непріятно. Лазарева опять не было въ Николаевѣ (онъ наканунѣ уѣхалъ въ Очаковъ, гдѣ спускался новой фрегатъ). Я послалъ плацъ-маіора Николаевскаго къ Тулубьеву, чтобы отмѣнить обыскъ имѣвшихъ проходить на другой день солдатскихъ обозовъ Бѣлостоцкаго полка, что́ и было сдѣлано по моему требованію. Узнавши однакоже, что Лазаревъ увѣдомлялъ меня о случившемся и что бумага была послана ко мнѣ въ Одессу, я потребовалъ изъ канцеляріи его копію и тогда же написалъ ему отвѣтъ, коимъ просилъ его доставить мнѣ вѣдомость о найденныхъ матеріалахъ, дабы я могъ съ бо̀льшею основательностію раскрыть виновныхъ и просилъ его о томъ же увѣдомить меня, какіе онъ имѣлъ достаточные поводы обыскивать обозы другихъ полковъ, дабы по тѣмъ же причинамъ и я могъ продолжать въ нихъ свои розысканія, и сообщить мнѣ, съ какого повода онъ просилъ моего покровительства Ульяновскому: ибо я черезъ сіе могъ заключать, что дивизіонный и бригадный командиры подвергались подозрѣнію. Между тѣмъ я предписалъ дивизіонному г.-м. Соболевскому разузнать сіе дѣло и донести мнѣ о томъ что̀ окажется. Отвѣтъ Лазарева былъ довольно страненъ. Онъ оправдывался сомнѣніемъ наведеннымъ на другіе полки и, выставляя мнѣ какъ благородныхъ людей командировъ полковъ 1-й бригады, дивизіоннаго начальника и бригаднаго командира, полагалъ, что симъ обыскомъ онъ уже снялъ всякое подозрѣніе съ первыхъ. Отвѣтъ сей былъ не складенъ и болѣе всего показывалъ, что Лазаревъ завлеченъ былъ въ сіе дѣло предшествовавшимъ донесеніемъ Государю, сдѣланнымъ въ его отсутствіе; ибо обстоятельства сіи должны были кончиться между Лазаревымъ и мною, и никто бы изъ насъ не упустилъ въ семъ случаѣ исполнить свою обязанность. Я получилъ сей отвѣтъ уже здѣсь, Лазарева же не видѣлъ въ Николаевѣ, хотя я тамъ и ночевалъ (онъ возвратился на другой день послѣ выѣзда моего).

Вскорѣ по пріѣздѣ моемъ въ Могилевъ пріѣхалъ сюда флигель-адъютантъ Фонъ-Моллеръ съ порученіемъ отъ Государя изслѣдовать дѣло сіе какъ въ корпусѣ, такъ и во флотѣ. Онъ привезъ ко мнѣ два повелѣнія отъ военнаго министра. Въ первомъ видно было, сколько непріятно было сіе происшествіе Государю; и на Моллера, и на меня возлагали разслѣдованіе дѣла (на меня въ корпусѣ); вывозъ же запасовъ для перепродажи ихъ въ Польшѣ съ барышемъ называли (словами Тулубьева) обиднымъ выраженіемъ «похищенія казеннаго имущества». Второе повелѣніе меня еще болѣе огорчило. Дѣйствіе командира Виленскаго полка называли постыднымъ, дерзкимъ, преступнымъ, и въ предположеніи, что въ такихъ поступкахъ можетъ быть замѣшана не только дивизія, но и весь корпусъ, возлагали на мою отвѣтствен-

ность раскрытіе сихъ важныхъ обстоятельствъ въ корпусѣ и поручили всѣми мѣрами способствовать къ тому же Фонъ-Моллеру.

Моллеръ говорилъ мнѣ, что, возвратившись изъ чужихъ краевъ (куда онъ ѣздилъ по своей надобности), онъ едва успѣлъ показаться въ Петербургѣ и былъ у развода, когда Государь, получивъ донесеніе, посланное съ курьеромъ отъ Тулубьева, въ туже минуту приказалъ ему ѣхать на слѣдствіе. Государь былъ очень разгнѣванъ симъ обстоятельствомъ, тѣмъ болѣе что по доносу видѣлъ въ семъ корыстолюбивый умыселъ продать сіи вещи съ барышемъ. Моллеръ уже собрался выѣхать изъ Петербурга, когда онъ получилъ приказаніе остановиться, и ему вручили другое повелѣніе ко мнѣ отъ министра съ выраженіями вышеназванными. Онъ не знаетъ чтó сему служило поводомъ; но я полагаю, что Лазаревъ, получивъ отношеніе мое и опасаясь послѣдствій отъ неправильнаго обыска всѣхъ обозовъ 13-й дивизіи и наводимаго имъ безъ основанія нареканія на другія части войскъ, поспѣшилъ о томъ донести, и какъ морской министръ, князь Меншиковъ, хотѣлъ заблаговременно оправдать своихъ, то онъ представилъ отношеніе мое Лазареву въ видѣ заступничества за своихъ. Впрочемъ сіе только предположеніе мое, а настоящихъ причинъ я не знаю.

Сими распоряженіями меня совершенно связали; ибо дѣло, которое я бы самъ розыскалъ, затрудняло меня, коль скоро лишали меня довѣренности, и сіе положеніе мое еще усилилось, когда вскорѣ послѣ того я увидѣлъ въ приказахъ, что Ульяновскій былъ переведенъ въ другой корпусъ.

Все дѣло было похоже на интригу контръ-адмирала Авинова; или онъ ее велъ противъ своего начальника, съ коимъ, какъ слышно, онъ не совсѣмъ въ ладахъ, или же противъ насъ за то, что, пославъ весною по Высочайшему повелѣнію депутата для изслѣдованія дѣла о взрывѣ, случившемся въ Симферополѣ, при коемъ убито было 4 рядовыхъ, мы открыли свободную продажу матросскими женами мѣди и желѣза въ Севастополѣ.

Моллеръ пожелалъ видѣть здѣсь лица участвовавшія въ дѣлѣ, и я позвалъ сюда Ульяновскаго, полковаго казначея, и наконецъ самого полковника Фонъ-Бринка, коего мнѣ надобно было видѣть.

Для раскрытія дѣла я учредилъ здѣсь слѣдственную коммисію подъ предсѣдательствомъ начальника корпуснаго штаба, поручивъ ей сообщать все требуемое Моллеромъ, а Моллеру предоставилъ въ ней присутствовать, если онъ того желаетъ. Но скоро получено было донесеніе Фонъ-Бринка, коимъ онъ, объясняя все обстоятельство въ подробности, говорилъ, что онъ поручилъ покупку сію унтеръ-офицеру, а

самъ рѣшительно не знаетъ, у кого оно было пріобрѣтено, но представляетъ самого унтеръ-офицера, который хотѣлъ открыть самихъ продавцевъ, узнавая ихъ въ лице. Онъ писалъ, что, слѣдуя съ полкомъ въ Севастополь, онъ съ самого Херсона началъ замѣчать, что металлическіе припасы дешевѣли, по мѣрѣ того какъ приближались къ Севастополю, и потому купили нѣсколько ихъ въ городахъ по пути лежавшихъ въ лавкахъ, а въ Севастополѣ на площади и въ лагерѣ отъ приходившихъ къ нимъ продавцевъ, всего было около 50 пудъ желѣза и нѣсколько пудъ мѣди, часть же матеріаловъ была куплена еще въ Кіевѣ; часть купленнаго въ Севастополѣ желѣза была въ подковахъ, въ какомъ видѣ матросы продавали ихъ. Послѣ того онъ показалъ, на какія надобности онъ покупалъ эти матеріалы для постройки казеннаго обоза, а свинецъ для обученія людей цѣльной стрѣльбѣ, и въ концѣ рапорта, сознаваясь въ винѣ своей, говорилъ, что онъ не долженъ былъ и сего дѣлать, и прибѣгалъ къ великодушію Государя. Донесеніе сіе я послалъ въ копіи къ Моллеру, который видѣлся со всѣми причастными къ сему дѣлу лицами и переспрашивалъ ихъ лично.

Такъ какъ объясненіе сіе казалось мнѣ удовлетворительнымъ, то я предложилъ слѣдственной коммисіи прекратить по сему дѣлу розысканія и заняться единственно поясненіемъ обстоятельства объ удаленіи Ульяновскаго отъ командованія нестроевою ротою, для дознанія, по какимъ причинамъ онъ былъ удаленъ: потому ли что онъ, какъ показывалъ, не хотѣлъ везти казенныхъ запрещенныхъ вещей, или потому что у него рота была неисправна, и донесъ объ открывшемся уже къ тому времени военному министру.

Въ донесеніи семъ излагалъ я, что Ульяновскій отрекся отъ сказаннаго Тулубьевымъ, что матеріалы сіи были куплены для перепродажи. Онъ лично передо мною открылся въ семъ, говоря, что онъ сего никогда не показывалъ и на слѣдствіи послѣ разныхъ двусмысленностей также объявилъ, что онъ сего не показывалъ въ Николаевѣ; а при семъ я присовокупилъ, что я не дѣлалъ дальнѣйшаго розысканія для повѣрки его словъ, но могъ свидѣтельствовать о правилахъ полковника Бринка извѣстнаго мнѣ по своему безкорыстію, что я не сомнѣваюсь въ томъ, что онъ покупку сію дѣлалъ для починки обоза, и что со времени вступленія его въ командованіе полкомъ онъ всего менѣе заботился о личныхъ своихъ выгодахъ. Я прилагалъ въ копіи самый рапортъ Фонъ-Бринка, въ коемъ онъ себя обвинялъ и спрашивалъ какъ поступить съ нимъ. Рапортъ сей былъ отправленъ 22 Ноября, и до сего времени я не имѣю на него еще отвѣта. Я приложилъ при немъ и вѣдомость, доставленную Фонъ-Бриномъ, изъ коей видно

было чтó и откуда имъ было пріобрѣтено; покупка Севастопольская была малозначущая.

Моллерово розысканіе открыло тоже самое, чтò и мое. Я отослалъ къ нему унт.-офицера, дѣлавшаго покупки, и онъ долженъ въ Севастополь взять его съ собою. Передъ отъѣздомъ онъ послалъ къ военному министру рапортъ, въ коемъ изложилъ тѣже свѣдѣнія, какъ и я.

Но такъ какъ мнѣ предписано было дать Фонъ-Моллеру всѣ средства къ открытію виновныхъ, то я счелъ нужнымъ передать ему представленное ко мнѣ въ копіи дѣло о взрывѣ, по коему открыта была въ прошедшее лѣто продажа пороха, желѣза и мѣди матросскими женами, по коему онъ могъ скорѣе открыть слѣды сего торга, и донесъ о семъ также военному министру. Между тѣмъ я предписалъ дивизіоннымъ начальникамъ 13-й и 15-й дивизій разъяснить, не было ли такихъ же покупковъ и въ другихъ полкахъ.

Слѣдствіе при корпусной квартирѣ продолжалось. Хотя Ульяновскій и утверждалъ, что его отрѣшили отъ командованія нестроевою ротою за то, что онъ не хотѣлъ вести казеннаго имущества морскаго вѣдомства, но самое дѣло и противорѣчивыя показанія его доказывали противное; онъ былъ смѣненъ по приказанію дивизіоннаго начальника послѣ смотра команды его, по неисправному состоянію, въ коемъ ее нашли. Дабы болѣе запутать начальниковъ своихъ, онъ сталъ на нихъ дѣлать самые нелѣпые доносы. Такъ какъ не оставалось болѣе ничего къ открытію, я приказалъ прекратить дѣло и представилъ о томъ по начальству, а Ульяновскаго отправилъ въ дивизію съ тѣмъ, чтобы онъ сдалъ свою роту и чтобъ всѣ неисправности оной были отнесены на счетъ полковника Фонъ-Бринка; если же окажется, что онъ дѣлалъ недопускъ нижнимъ чинамъ, то въ такомъ бы случаѣ представили дѣло къ дивизіонному начальнику, для опредѣленія на чью отвѣтственность сіе должно пасть, а затѣмъ, чтобы его отправили къ новому мѣсту служенія въ Кременчугскій полкъ.

Но ни сей, ни первый рапортъ мой не были еще получены въ Петербургѣ, какъ полковникъ Фонъ-Бринкъ былъ отрѣшенъ отъ командованія полкомъ безъ всякаго разслѣдованія дѣла, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ приказахъ объявлены почти всѣмъ полковымъ командирамъ моего корпуса высочайшіе выговоры за несоразмѣрное число умершихъ и бѣжавшихъ.

Причины сихъ побѣговъ, вкоренившихся въ семъ корпусѣ съ давняго времени, заключались сперва въ маломъ вниманіи, обращаемомъ ближними начальниками на состояніе людей и ихъ нравственность, и въ частыхъ перемѣнахъ, переводахъ и переформировкахъ, дѣлаемыхъ высшими распоряженіями, отъ коихъ никто не успѣвалъ узнать своихъ

подчиненныхъ. Зло сіе надобно было искоренить дѣятельнымъ и постояннымъ вниманіемъ. Скоро и легко сего нельзя было достигнуть, но едва успѣлъ я приняться за сіе дѣло какъ ко мнѣ стали переводить большими массами людей, штрафованныхъ въ другихъ войскахъ. Рекруты не бѣгали, но побѣги дѣлались все преступниками, которые наполняли мои полки, такъ что въ теченіе года ихъ прибыло около 800 человѣкъ, и число порочныхъ людей значительно увеличилось.

Наблюденія мои по сему предмету были съ подробностью изложены въ донесеніи, сдѣланномъ военному министру сего года передъ выѣздомъ моимъ изъ Крыма.

Не взирая на сіе, не приняли мѣръ мною предложенныхъ, до сихъ поръ по крайней мѣрѣ не отвѣчали, а объявили выговоръ полковымъ командирамъ за побѣги людей закоренѣвшихъ въ другихъ войскахъ въ порчѣ и коихъ нигдѣ не могли удержать, которые по нѣскольку разъ уже бывали въ бѣгахъ, или приняты въ службу за бродяжничество.

Вмѣстѣ съ симъ приказомъ, получилъ я повелѣніе отъ министра, коимъ поручалось мнѣ разслѣдовать причины сихъ побѣговъ, какъ бы я никогда не вникалъ въ нихъ, и тутъ же спрашивали, кого я располагалъ назначить на мѣсто полковника Фонъ-Бринка командиромъ полка.

Касательно смертности, за которую полковые командиры также получили выговоръ, я не находилъ, чтобъ она была чрезмѣрно велика и послѣдняя смертность болѣе случалась въ самомъ началѣ командованія моего, вслѣдъ послѣ прошлогодняго смотра, дѣланнаго Государемъ въ Бѣлой Церкви, гдѣ войска были задержаны въ лагерѣ въ самую позднюю осень и дурную погоду, такъ что она была неизбѣжна, и мы лишились не менѣе 300 человѣкъ, отъ того что люди стояли въ лагерѣ въ снѣгъ и морозы долгое время.

Посему я приказалъ дивизіоннымъ начальникамъ сдѣлать слѣдствіе для узнанія причинъ побѣговъ и смертности и донести о томъ, изложивъ въ рапортѣ своемъ настоящія причины побѣговъ прежде сего уже мною дознанныя и сославшись на прежнія представленія по сему предмету; касательно же назначенія командира въ Виленскій полкъ на мѣсто Фонъ-Бринка, то я отозвался что Фонъ-Бринкъ, недавно поступившій на сіе мѣсто, не успѣлъ еще привести въ порядокъ сего полка, разстроеннаго предмѣстникомъ его полковникомъ Кузовлевымъ; что хотя я имѣлъ въ своемъ корпусѣ штабъ-офицера достойнаго сего званія, но что желая дабы въ семъ полку могла утвердиться съ успѣхомъ служба по примѣру существующей въ отборныхъ войскахъ подъ глазами высшаго начальства, я просилъ о назначеніи полковника изъ гвардейскаго или гренадерскаго корпуса и назвалъ полковника Львова изъ Павловскаго полка, или подполковника Лилье, одного изъ грена-

дерскихъ полковъ. О первомъ я зналъ съ хорошей стороны по рекомендаціи Дуббельта, начальника штаба Бекендорфа и по отзывамъ многихъ другихъ лицъ; а втораго я лично зналъ въ Польскую войну, когда онъ служилъ подъ моимъ начальствомъ. Но едва я успѣлъ послать свой рапортъ о семъ, какъ увидѣлъ изъ присланныхъ высочайшихъ приказовъ, что въ Виленской полкъ былъ уже назначенъ полковникъ Губаревъ, человѣкъ не пользующійся хорошимъ именемъ. Такое поспѣшное назначеніе не могу я отнести къ чему либо другому какъ къ тому, что въ Петербургѣ, по полученіи перваго рапорта моего, въ коемъ я объяснялъ обстоятельство о покупкѣ желѣза, опасались, дабы я не представилъ опять Фонъ-Бринка къ командованію тѣмъ же полкомъ послѣ отрѣшенія его. Между тѣмъ по разсмотрѣніи слѣдственнаго дѣла о взрывѣ, случившемся въ Симферополѣ, въ прошедшемъ году, по коему открыта торговля, производимая морскими казенными матеріалами, я представилъ его къ министру, и показалъ, какъ я три раза настаивалъ у графа Воронцова о возобновленіи сего дѣла. И наконецъ по открытіи того, что̀ можно было, передано было морскому вѣдомству, гдѣ виновныхъ отдали у нихъ же подъ судъ, а дѣло о продавцахъ пороха поступило въ гражданское вѣдомство.

Вскорѣ за симъ по открывшемуся обстоятельству въ Литовскомъ полку, также по покупкѣ желѣза и мѣди въ Севастополѣ, я сдѣлалъ другое донесеніе министру, въ коемъ излагалъ дознанное: въ Литовскомъ полку было также куплено нѣсколько сихъ матеріаловъ и когда фуры подходили къ Николаеву, то офицеръ, везшій ихъ, узнавши объ обыскѣ Виленскаго обоза, осмотрѣлъ свои фуры и, выбросивъ нѣсколько мѣди и желѣза у него находившагося, зарылъ ихъ въ песокъ; вещи сіи были найдены и такъ какъ унтеръ-офицеръ зналъ поименно матросовъ, приносившихъ матеріалы сіи для продажи, то я приказалъ его немедленно отправить въ Севастополь, къ Фонъ-Моллеру.

На семъ теперь остановилось дѣло. Отвѣтовъ изъ Петербурга я не имѣю; между тѣмъ, находя, что всѣ сіи поступки были слишкомъ тяжки для меня и не располагая служить тогда какъ я лишенъ довѣренности Государя (чего и не должно дѣлать, для пользы самой службы и своихъ подчиненныхъ), мнѣ пришла мысль удалиться. Но такъ какъ рѣшеніе такого рода не должно исполнять необдуманно и не оцѣнивъ въ точности настоящаго положенія дѣла, то я просилъ позволенія пріѣхать въ Петербургъ въ отпускъ, а дабы не дать въ Петербургѣ повода къ тому, чтобъ говорили, что я ѣду оправдываться, я послалъ письмо къ Клейнмихелю, въ коемъ предварялъ о желаніи моемъ представиться Государю и о надобности, которую я встрѣчалъ доложить военному министру о состояніи корпуса, чего я не могъ исполнить съ самаго

начала поступленія моего въ званіе командира онаго. Отвѣтовъ еще никакихъ не имѣю, и потому я полагаю, что объясненія мною посланныя были уважены, и не полагаю, чтобъ они могли долгое время еще остаться безъ отзыва. Желая съ моей стороны не оправданія своего, ибо я себя не нахожу ни въ чемъ виновнымъ, а только скорѣйшаго окончанія дѣла, дабы я могъ взять свои мѣры и удалиться отъ службы, если такое состояніе дѣла продолжится, и оправдать подчиненныхъ своихъ, коихъ вина не была основана на корыстолюбіи, какъ о томъ было донесено Государю морскимъ начальствомъ.

Надобно полагать, что все дѣло не приняло бы никакого важнаго вида, если бы не вкрались въ оное личности, которыя, можетъ быть, продолжаются и въ самомъ Петербургѣ; ибо дѣло сіе касается двухъ министерствъ, коихъ начальники въ соперничествѣ, и оно по роду своему казалось бы должно обратиться на морское вѣдомство, у коего злоупотребленія сего рода и вліянія другія происходятъ въ большомъ множествѣ въ Севастополѣ, корнѣ давнишняго зла и безпорядка, кото́рыхъ не Лазаревъ будетъ въ сотояніи прекратить: ибо Лазаревъ дѣйствуетъ слишкомъ подъ вліяніемъ другихъ и едва ли можетъ обнять такое обширное и сложное управленіе.

1837-й годъ.

Могилевъ, 10-го Генваря.

Третьяго дня получены были Высочайшіе приказы, изъ коихъ видно, что представленія мои къ наградамъ, объявленныя по корпусу, были уважены; вышли уже производства за отличія, ордена, и другія награжденія должны получиться со слѣдующею почтою. Но награжденія сіи касаются только половины корпуса или тѣхъ полковъ, коимъ не было объявлено въ приказѣ выговора за бѣжавшихъ и умершихъ. Другое ходатайство мое о трехъ бригадныхъ командирахъ, которыхъ перевели въ другія бригады и изъ коихъ двое хотѣли потому оставить службу, тоже уважено, и ихъ опять перевели по моему представленію; одному дали на переѣздъ денегъ болѣе чѣмъ просимое мною количество, а третьяго, по старости лѣтъ, какъ я просилъ, перевели по арміи съ зачисленіемъ въ списокъ кандидатовъ. Я тѣмъ менѣе могъ надѣяться на сіе, что писалъ о семъ частное письмо къ министру и вмѣстѣ съ тѣмъ послалъ прошеніе одного изъ генераловъ къ увольненію его въ отставку, что́ было отмѣнено. Изъ сихъ обстоятельствъ я могъ дѣлать заключеніе, что дѣла мои принимаютъ другой оборотъ въ Петербургѣ, что только дѣло о желѣзѣ было обезображено, но что не получено еще отвѣта моего насчетъ причины побѣговъ, или, не желая противорѣчить недавно сдѣланному по арміи выговору, не наградили никого изъ сихъ шести полковъ безъ разбора невинныхъ съ виновными.

Витебскъ, 4-го Февраля.

29 Генваря я выѣхалъ изъ Могилева по полученному мною разрѣшенію пріѣхать въ Петербургъ, но по дурному состоянію дорогъ не могъ прежде сего дня доѣхать до Витебска.

Петербургъ, 9-го Февраля.

Я прибылъ сюда 7-го числа ввечеру, 8-го являлся къ военному министру и Клейнмихелю. Оба увѣряли меня, что дѣло о желѣзѣ представлено Государю въ настоящемъ своемъ видѣ, т. е. что въ хищничествѣ обвиняется морское вѣдомство, а не сухопутное. Министръ предоставилъ мнѣ даже объяснить Государю лично о состояніи сего дѣла и просить въ пользу полковника Фонъ-Бринка. Мнѣ казалось, что Клейнмихель въ семъ дѣлѣ дѣйствовалъ противъ меня, и хотя онъ мнѣ и объяснялъ, что причиною всему былъ князь Меньшиковъ, не смѣвшій доложить Государю даже и въ докладной день о семъ извѣстіи, полученномъ имъ съ курьеромъ изъ Николаева, но можно было видѣть, что Клейнмихель воспользовался симъ случаемъ, дабы отомстить мнѣ за смѣщеніе изъ 13-й дивизіи въ прошломъ году генерала Маевскаго, котораго онъ поддерживаетъ, для чего онъ и постарался о доставленіи всѣмъ полковымъ командирамъ сей дивизіи Высочайшаго выговора за бѣжавшихъ и умершихъ, и вычеркнулъ полки ихъ изъ представленій къ наградамъ; для прикрытія же сего помѣстилъ въ сей же списокъ неудостоенныхъ два полка другихъ двухъ дивизій. Нынѣ, чтобъ успокоить меня, онъ показалъ мнѣ собственноручныя отмѣтки Государя о исходатайствованныхъ вѣроятно такихъ же выговорахъ командирамъ полковъ въ дѣйствующей арміи. Впрочемъ, показывая большую готовность уважить меня, онъ принялъ на себя ходатайство о награжденіи нѣкоторыхъ офицеровъ 13-й дивизіи, которую обидѣли въ общемъ назначеніи наградъ. Не было сомнѣнія, что все дѣло велось по интригамъ, и нынѣ я въ семъ еще болѣе удостовѣрился. Все же должно объясниться по представленіи моемъ къ Государю.

9-го Февраля, въ $12^1/_2$ часу, я былъ у Государя. Его Величество встрѣтилъ меня съ обыкновеннымъ привѣтливымъ видомъ; но подошедши поклонился въ поясъ и долго оставался въ такомъ положеніи, какъ бы отнимая у меня средство угадать расположеніе его взгляда. Послѣ того, выпрямившись, онъ подошелъ ко мнѣ, принялъ рапортъ, пожалъ руку и обнялъ меня. «Я очень радъ видѣть тебя», сказалъ онъ съ улыбкою, «представителя 5-го пѣхотнаго корпуса. Все ли у тебя благополучно? Какъ больные?» —Больные меня не безпокоятъ, Ваше Величество; ихъ не такъ много, а если Вы изволили замѣтить большое число ихъ въ донесеніяхъ моихъ, то сіе произошло отъ того, что всѣ

глазные и слабые въ ротахъ не задерживаются, чѣмъ избѣгаются несчастные случаи смертности, встрѣчающіеся въ войскахъ внѣ лазаретовъ. Одинъ полкъ у меня только можетъ назваться больнымъ, это Житомирскій полкъ, вышедшій изъ княжествъ: люди въ немъ тощіе, и я опасаюсь, чтобы весною въ немъ не открылись болѣзни.—«Мнѣ уже объ этомъ говорилъ графъ Александръ Ивановичъ, и этому надобно пособить; одинъ батальонъ въ Измаилѣ, и еще двѣ роты туда пошло, а въ Измаилѣ непремѣнно откроются болѣзни. Гдѣ другіе батальоны этого полка?»—Одинъ въ Хотинѣ, одинъ въ Могилевѣ, а двѣ роты на квартирахъ, и не только этотъ полкъ, но всѣ полки 14-й дивизіи до такой степени обременены караулами, что въ случаѣ какой-либо командировки я не имѣю ни одной роты свободною.—«Я приказалъ на такой случай командировать въ Бессарабію войска изъ 8-й дивизіи; у меня во всѣхъ корпусахъ обходятся, исключая 1-го и 5-го, въ которыхъ вѣчные недостатки въ людяхъ для занятія карауловъ».—Кромѣ обширной линіи карауловъ, занимаемыхъ 14-ю дивизіею, она занимаетъ еще караулы по уѣзднымъ городамъ въ Акерманѣ и Рени, что̀ въ никакой губерніи не дѣлается, исключая Бессарабіи. Я многократно просилъ графа Воронцова о смѣнѣ въ сихъ двухъ мѣстахъ войскъ ввѣреннаго мнѣ корпуса, но безуспѣшно. Въ Акерманѣ должны были по Вашему повелѣнію насъ смѣнить Дунайскіе казаки, но и сего не сдѣлали.—«Дунайскіе казаки не могутъ сего сдѣлать, ибо они употреблены на кордонной линіи противъ чумы; а ты знаешь, что чума важнѣе всего и что нельзя довольно отъ нея остерегаться. Ну, какъ идетъ у васъ дѣло о кражѣ казеннаго имущества въ Севастополѣ, вотъ что̀ желѣзо ваши воровали?» спросилъ Государь, устремивъ на меня глаза, какъ бы въ подтвержденіе выраженія о хищничествѣ, употребленнаго въ первыхъ бумагахъ военнаго министра по сему дѣлу.—Мы ничего не украли, Ваше Величество, а сдѣлали то, что̀ всѣ дѣлали издавна въ Севастополѣ, т. е. покупали на рынкѣ публично желѣзо и мѣдь, которыя приносили на продажу, и въ числѣ сихъ покупокъ оказалось въ одномъ полку около 50 пудъ желѣзнаго лому казенными...—«Да, въ числѣ ихъ было нѣсколько мѣдныхъ листовъ съ клеймами; а кто скупаетъ краденное, тотъ по законамъ принимается за участника въ воровствѣ, и хотя полковникъ этотъ и не былъ полиціймейстеромъ, хотя онъ и не покупалъ матеріаловъ для чего другаго какъ для исправленія казеннаго обоза, но покупка сія не законная, и онъ обязанъ былъ по сему дѣлу донести по начальству».—Справедливо, Государь; онъ въ семъ отношеніи виноватъ, подвергся уже гнѣву Вашему и подвергнется всей строгости законовъ по мѣрѣ вины своей; но примите въ уваженіе безкорыстіе полковника Фонъ-Бринка и усердіе его къ службѣ.

Онъ послѣ сего случая совершенно потерялся и проситъ одной милости, чтобъ ему доставить случай ѣхать на Кавказъ и умереть на службѣ; онъ ищетъ быть убитымъ и не поправится болѣе отъ постигшаго его несчастія.—«Хорошо! Это можно будетъ сдѣлать; да судъ развѣ ужъ конченъ надъ нимъ? Это можно будетъ сдѣлать по разсмотрѣніи дѣла. Чтò онъ за человѣкъ?»—Онъ человѣкъ самый безкорыстный и честнѣйшихъ правилъ, никогда не имѣлъ другихъ помышленій кромѣ пользы службы Вашего Величества, служилъ прежде въ арміи, послѣ въ гвардіи и назначенъ командиромъ Виленскаго полка, гдѣ въ особенности нуженъ былъ заботливый начальникъ. Онъ совершенно голъ, ничего не имѣетъ и все чтò имѣлъ всегда отдавалъ на улучшеніе состоянія солдатъ и лазарета.—«Ну а полкъ каковъ?»—Полкъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ былъ въ Силистріи; былъ очень разстроенъ, теперь еще слабъ, но начинаетъ поправляться.—«Такъ стало быть онъ хорошо занимался?»—Онъ былъ очень усерденъ, но полкъ болѣе исправлялся бдительнымъ наблюденіемъ генерала Дометы, коему я его поручилъ.—«А каковы офицеры въ полку?»—Плохихъ и ненадежныхъ я много выгналъ и еще буду гнать. Полкъ поправится; но одно обстоятельство, важнѣе всего и касающееся до всего корпуса, болѣе меня озабочиваетъ—это побѣги. Причины сему то неумѣренное число бродягъ и преступниковъ, которыхъ опредѣляютъ ко мнѣ въ корпусъ; число ихъ ежегодно увеличивается, и по мѣрѣ прибытія ихъ они немедленно бѣгутъ, увлекая съ собою иногда и молодыхъ людей.—«Эти причины конечно ѳсновательны и при такомъ числѣ порочныхъ людей нельзя требовать, чтобы умѣрились побѣги; но и сему можно пособить. У меня на то есть два средства: одно то, которое я завелъ уже въ дѣйствующей арміи—не опредѣлять больше преступниковъ въ войска, а отправлять ихъ въ два исправительные батальона, которые у меня сформированы; а другое—преступниковъ изъ 5-го корпуса всѣхъ выслать. Но я думаю, что скорѣе исполню первое, ежели уже никакихъ средствъ нѣтъ справиться съ ними въ полкахъ; ибо число не можетъ быть такъ велико, какъ напримѣръ: если не больше 200 въ дивизіи или отъ 3-хъ до 4-хъ въ ротѣ?»—Ихъ около 1.000 въ каждой дивизіи, Государь, и я уже давно сдѣлалъ распоряженіе, чтобы они поровну были раздѣлены по десяткамъ. Въ послѣдніе 11 мѣсяцевъ ихъ поступило въ корпусъ 1663 человѣка, и я составилъ сравнительную таблицу по годамъ о поступленіи сихъ людей, изъ которой видно, въ какомъ значительномъ количествѣ число ихъ увеличивается.—«А! въ такомъ случаѣ надобно взять мѣры. Это можетъ влечь дурныя послѣдствія за собою. Я прикажу Чернышову. Каковъ духъ въ войскѣ?—Хорошъ, Государь.—«Хорошъ?»—Отлично хорошъ. — «Надежны ли

эти войска?»—Боевыя, и на чтò угодно надежныя войска, Государь. Они способны къ дѣйствію и къ походу во всякое время, и уже не тѣ войска изнуренныя и слабыя, какъ прежде были.—«Существуетъ ли въ нихъ настоящая дисциплина?»—Существуетъ, и я въ особенности настоялъ, чтобы десяточная служба отправлялась по всей строгости. Можетъ быть, и сіе отчасти было причиною побѣговъ, потому что при семъ порядкѣ ни одинъ порочный или лѣнивый не могъ ускользнуть отъ надзора начальства.—«Это мѣра очень хорошая и необходимая и можетъ быть причиною значительныхъ побѣговъ; но ее надобно поддержать и утвердить. Нѣтъ-ли Польскаго духа въ войскахъ?»—Нисколько, Государь.—«Да вѣдь есть же офицеры изъ Поляковъ».—Перевелись, Государь. Духъ совершенно Русскій, и въ этомъ отношеніи опасаться нечего. Одно только зло—бродяги и преступники.

Послѣ сего Государь распространялся въ распросахъ насчетъ рекрутъ, поступающихъ въ полки кадетъ, состояніи полковъ по порядку ихъ; распрашивалъ о полковыхъ командирахъ и обо всѣхъ генералахъ въ особенности. Первая бригада 14-й дивизіи была представлена мною лучшею въ корпусѣ, Житомирскій полкъ слабѣйшимъ. Распросы его о начальникѣ 13-й дивизіи Соболевскомъ были кратки; замѣтно было неудовольствіе Государя, хотя онъ и ничего не сказалъ на его счетъ. О Ширманѣ спрашивалъ онъ, покинулъ ли онъ прежнія привычки свои строптивости въ обращеніи съ офицерами; сіе было сказано съ нѣкоторымъ видомъ строгости и повторенія. Я отвѣчалъ, что генералъ Ширманъ отъ природы нѣсколько вспыльчивъ, но что свойство сіе никогда не имѣло какихъ либо непріятныхъ послѣдствій, и что я находилъ его весьма полезнымъ для службы и знающимъ свое дѣло. Отрощенку Государь уже полагалъ нѣсколько слабѣйшимъ по старости его лѣтъ, чтó я подтвердилъ въ мнѣніи Государя, изобразивъ Отрощенку, какъ человѣка заслуженнаго, но временемъ своенравнаго и временемъ слабаго, чтó обыкновенно бываетъ со стариками. Государь спрашивалъ, не имѣю ли я надобности перемѣнить кого либо изъ полковыхъ командировъ или другихъ начальниковъ; но я отозвался, что со всѣми наличными можно продолжать службу, лучшими назвалъ командировъ полковъ первой бригады 14-й пѣхотной дивизіи. Разбирая бригадныхъ командировъ, онъ относился съ большою похвалою въ отношеніи познаній по службѣ генераловъ Линдена и Унгебауера и когда я, выхваляя достоинство обоихъ, показалъ въ легкихъ чертахъ различіе ихъ добрыхъ качествъ, то онъ настоятельно подтвердилъ, что знаетъ Унгебауера какъ человѣка весьма опытнаго по фронту. Государь отзывался такимъ же образомъ на счетъ г.-м. Байбекова. О Даненбергѣ говорилъ онъ какъ объ офицерѣ весьма достойномъ, но

сомнѣвался нѣсколько въ знаніи его фронтовой части, при чемъ Государь объяснилъ мнѣ, что онъ былъ имъ недоволенъ за то, что въ нѣкоторыхъ дѣлахъ касательно Поляковъ, въ Варшавѣ случившихся, Даненбергъ показалъ пристрастіе въ пользу ихъ, что́ онъ относитъ ко вліянію на него жены, которая Полька. Государь любопытствовалъ узнать о состояніи артиллеріи и входилъ во многія подробности; когда же я ему сказалъ, что па̀рочныя батареи довольно слабы, то онъ отвѣчалъ, что сіе можно исправить отправленіемъ туда одного изъ адъютантовъ Михаила Павловича.

Послѣ того Государь предупредилъ меня, что пріѣдетъ въ Сентябрѣ мѣсяцѣ въ Севастополь моремъ и, разговаривая о предположеніяхъ для смотра въ Вознесенскѣ кавалеріи, сказалъ, что тамъ будутъ собраны резервные и запасные батальоны моего корпуса, которые онъ назвалъ 5 и 6; говорилъ, что, хотя они теперь и отдѣлены отъ меня, но что мнѣ должно было ихъ разумѣть своими резервами: ибо при первомъ случаѣ войны они ко мнѣ поступятъ, а потому приказалъ мнѣ прибыть въ Вознесенскъ къ его пріѣзду туда. Я отказывался потому, что въ такомъ случаѣ не успѣю встрѣтить Его Величество въ Севастополѣ; но Государь повторилъ, что онъ поѣдетъ въ Севастополь чрезъ Одессу и что я потому успѣю возвратиться къ тому времени въ Севастополь.

Въ теченіе разговора сего, продолжавшагося довольно долго, я обратилъ вниманіе Государя на добрую службу Польскихъ рекрутъ и Латышей, также и кадетъ выпускныхъ изъ корпусовъ. Ему сіе было пріятно; касательно же Латышей я просилъ его о назначеніи Лютеранскаго пастора въ корпусъ, на что́ онъ и согласился, приказавъ мнѣ о томъ доложить министру. Во все время разговора онъ былъ очень внимателенъ, болѣе слушалъ и ограничивался почти одними вопросами.

За симъ Государь обратился къ объясненіямъ о состояніи политическихъ дѣлъ нашихъ и уже самъ сталъ говорить.—«Тебѣ извѣстно, сказалъ онъ, объ Англійскомъ суднѣ, хотѣвшемъ доставить на берега Абхазіи воинскіе снаряды. Оно было схвачено и конфисковано нами. Они теперь претендуютъ за сіе и какъ бы грозятся разрывомъ. Я не полагаю, чтобъ они были столь глупы, чтобы начать войну изъ сего дѣла; но если бы они ее затѣяли, то тебя я перваго пошлю съ войскомъ въ проливы, почему и надо́бно держаться въ такой готовности, чтобъ можно было выступить въ 24 часа. Все зависитъ отъ быстроты. Ты пойдешь моремъ, а между тѣмъ часть твоего корпуса двинется сухимъ путемъ, и мы эту часть усилимъ твоими резервами и запасными батальонами. Еслиже бы они вздумали сюда показаться, то я

ручаюсь, что ни одинъ изъ вышедшихъ на берегъ не сядетъ обратно на суда. Вотъ вамъ будетъ случай заслужить Георгіевскихъ крестовъ и офицерамъ, и нижнимъ чинамъ».—Государь, какъ я, такъ и всѣ подчиненные мои въ такомъ случаѣ будутъ побуждены единственно службою Вашею.—«Тебѣ надобно будетъ дѣйствовать вмѣстѣ съ Лазаревымъ душа въ душу, чтобы частныя неудовольствія не повредили успѣху сего дѣла. Я надѣюсь, что между вами ничего нѣтъ?».—Я съ нимъ всегда былъ друженъ и въ такомъ случаѣ личныя неудовольствія должны конечно уступить службѣ Вашей, Государь; но я его не видалъ съ несчастнаго происшествія, случившагося въ моихъ войскахъ по вывозѣ желѣза и мѣди и по сему дѣлу еще не объяснялся съ нимъ, а потому и не знаю, чтó могло побудить морское вѣдомство къ представленію Вашему Величеству въ такомъ безобразномъ видѣ самаго ничтожнаго обстоятельства, которое мы могли кончить и равно открыть виновныхъ и преслѣдовать зло, тогда какъ дѣло единственно въ томъ состояло, что на базарѣ, на общемъ торжищѣ, въ присутствіи всего морского начальства, среди дня, куплено 50 пудъ желѣзнаго лома для починки обозовъ. И къ тому присовокупили еще, будто-бы матеріалы сіи покупались для перепродажи въ Польшѣ. «Да вѣдь это было такъ донесено офицеромъ?»—Но представлено въ такомъ видѣ Вашему Величеству морскимъ вѣдомствомъ. Не менѣе того обстоятельства сіи не будутъ имѣть вліянія на пользу службы Вашей, и обязанность моя всегда будетъ имѣть преимущество передъ личностями. «А надежны ли у тебя войска?»—Надежны, прочны и способны къ походу, Государь, исключая преступниковъ, которые не только не увеличиваютъ числа ихъ, но уменьшаютъ ихъ и нынѣ подвергли начальниковъ гнѣву Вашего Величества частыми побѣгами. При первомъ шагѣ за границу они всѣ разбѣгутся, и потому я прошу Васъ объ убавленіи числа ихъ и полагалъ бы полезнымъ отправить до 3-хъ тысячъ ихъ на судахъ въ Редутъ-Куле.—«Въ дѣло пойдутъ, такъ съ ними тогда не управиться. Впрочемъ, обстоятельству сему будетъ пособлено. Ну, каково войскамъ въ Новороссійскомъ краѣ? Хорошо ли имъ тамъ и какъ они уживаются съ гражданскими? Я слышалъ не совсѣмъ хорошо», спросилъ Государь.—Тѣже самыя войска, тоже количество, которыя уживаются въ Подольской губерніи и Бессарабіи съ переходомъ въ Таврическую губернію во всемъ встрѣчаютъ препятствія и недостатки; намъ тоже съ трудомъ было дано помѣщеніе для больныхъ.—«Какая же этому причина?»—Непріятность мѣстнаго гражданскаго начальства и нерасположеніе жителей; тамъ не терпятъ войскъ.—«А! Они войскъ не любятъ? Такъ я же имъ вдвое больше поставлю, чтобъ они ознакомились съ ними. Говорилъ ли ты объ этомъ графу Воронцову и чтó онъ на сіе

говоритъ?»—Я нѣсколько разъ докладывалъ о томъ графу Воронцову, и онъ всегда могъ изъ донесеній моихъ видѣть, въ какомъ преувеличенномъ и несправедливомъ видѣ ему представляли о самыхъ ничтожныхъ происшествіяхъ неизбѣжныхъ между войсками и жителями, которые не должны бы были идти далѣе рѣшенія полковаго командира. По такимъ представленіямъ графъ Воронцовъ вступалъ со мною въ переписки; но когда я объяснялъ ему дѣло въ настоящемъ его видѣ и представлялъ, что донесенія сіи могли только произойти отъ людей неблагонамѣренныхъ, то онъ соглашался съ моимъ мнѣніемъ и давалъ повелѣніе по тому исполнить.—«Ну что же?»—Повелѣнія его не исполнялись, почему объ нѣкоторыхъ дѣлахъ я вынужденъ былъ представлять министру.—«Я уже располагалъ написать по сему случаю письмо графу Воронцову, но пріостановился и хотѣлъ съ тобой о томъ переговорить. Полагаешь ли ты, что письмо сіе принесетъ какую либо пользу. Нѣтъ?»—Не полагаю Государь, ибо графъ Воронцовъ, при желаніи его сдѣлать должное, всегда предписывалъ исполнять по моимъ представленіямъ, но предписанія его не исполнялись. При семъ случаѣ я разсказалъ Государю происшествіе о сокращеніи маршрута однимъ переходомъ, которое сдѣлалъ подъ Севастополемъ дивизіонный начальникъ, и которое отнесено было на первыхъ порахъ къ отступленію отъ порядка службы. —«Такъ это долженъ быть у него Казначеевъ, который такъ распоряжается. Да его ужъ нѣтъ тамъ; я его смѣнилъ, по представленію графа же Воронцова, который самъ имъ недоволенъ. Казначеевъ этотъ самъ служилъ въ военной службѣ; удивительно, что онъ не любитъ военныхъ. Впрочемъ, когда онъ и здѣсь служилъ, то и здѣсь имъ были недовольны».—Точно Казначеевъ виною сему, Государь; упущенія его до такой степени велики, что пристанодержательство бѣглыхъ теперь еще продолжается въ Крыму на Южномъ берегу, отъ чего имъ и удержу нѣтъ.—«Такъ, такъ это ихъ дѣло!»—А нелюбовь его къ войскамъ извѣстна мнѣ еще съ 1833 года, когда я возвратился изъ Турціи съ десантнымъ отрядомъ въ Ѳеодосійскій карантинъ, гдѣ Казначеевъ много поморилъ народу, отказавъ намъ даже въ отводѣ достаточнаго мѣста въ самой степи, гдѣ онъ насъ оставилъ въ знойные дни безъ воды, такъ что я бы долженъ былъ назадъ сѣсть на суда, если бы не выпросилъ у Лазарева съ судовъ воды на человѣка. Казначеевъ тогда еще войска сіи называлъ папскими, потому что я просилъ у него нѣсколько вѣтвей для прикрытія его отъ солнечныхъ лучей, и не далъ намъ никакого пособія.

—«Тамъ у васъ еще какое-то дѣло было? Брестскаго полка люди напали и разбили какіе-то хутора помѣщичьи? Преувеличено?»—Ложно и преувеличено, Государь. Брестскаго полка команда пустила воловъ

своихъ на пастбище; помѣщикъ-Грекъ требовалъ съ нихъ за то денегъ, и какъ солдаты не имѣли чѣмъ уплатить, то у нихъ захватили лошадь. Они пошли выручать ее, на нихъ напали, сдѣлалась драка, и солдата же одного крѣпко ранили, почему и повезли помѣщика къ полковому командиру и вскорѣ отпустили. Дѣло сіе было доведено до свѣдѣнія Вашего Величества также въ безобразномъ видѣ; оно самое пустое.

Сей послѣдній спросъ Государя подалъ мнѣ однако же поводъ къ заключенію, что многія дѣла были доведены до свѣдѣнія Его Величества по случаю прибытія моего въ Петербургъ: ибо Клейнмихель наканунѣ говорилъ мнѣ, что дѣло сіе не было доложено Государю и предоставлено собственному моему рѣшенію.

Государь кончилъ пріемъ меня обыкновеннымъ привѣтствіемъ, что онъ очень доволенъ меня видѣть; но когда онъ сталъ отходить, я обратился къ нему и просилъ пощадить 13-ю дивизію, коей отказали въ награжденіяхъ, тогда какъ другія части моего корпуса оныя получили. «Но справедливо отказано» возразилъ Государь?»—Гнѣвъ Вашъ всегда справедливъ, Государь; но если нѣкоторые начальники въ сей дивизіи отчасти и виновны, то не менѣе того есть другіе, которые совершенно правы, тѣ, напримѣръ, кои оставались на квартирахъ дивизіи и занимались образованіемъ рекрутъ; да и въ полкахъ были весьма достойные люди. Не откажите мнѣ въ награжденіи оныхъ, хотя бы для поощренія прочихъ, ибо послѣ случившагося въ сей дивизіи, духъ совершенно упалъ. Я буду умѣренъ въ своемъ представленіи и ограничусь самымъ малымъ числомъ.—«Ну хорошо, представь и скажи о томъ Чернышову».

Хотя во все время разговора Государь и былъ очень привѣтливъ, но лицо его часто измѣнялось, и замѣтно было внутреннее неудовольствіе.

13 Февраля.

9-го числа я былъ у Клейнмихеля и отдалъ ему записки о разныхъ предметахъ, по коимъ не дѣлалось исполненія. Онъ охотно за все принялся; когда же я ему сказалъ о соизволеніи Государя уважить представленія мои, то онъ, разсмотрѣвъ ихъ, сказалъ, что число представленныхъ слишкомъ мало, говоря, что ихъ надобно увеличить; но я не воспользовался позволеніемъ симъ и не перемѣнилъ списковъ. Замѣтно было и въ послѣдующіе дни по разнымъ свѣдѣніямъ, отъ меня требованнымъ, что въ Министерствѣ получены были настоятельныя приказанія по всѣмъ моимъ представленіямъ. Я замѣтилъ ему, что Государь былъ уже извѣстенъ по дѣлу Брестскаго полка, которое, по словамъ его, будто не было доложено Государю. Клейнмихель показывалъ удивленнаго; нѣтъ сомнѣнія, что оно было доложено предъ самымъ моимъ представленіемъ Государю.

10-го числа я былъ у графа Орлова. Онъ мнѣ много говорилъ о предполагаемой войнѣ съ Англичанами и читалъ, какъ видно, записку, которую я послалъ ему по сему предмету въ 1835 году. Онъ сожалѣлъ, какъ видно было, о сдачѣ Силистріи и оправдывался, что онъ не участвовалъ въ рѣшеніи сего дѣла, находясь въ то время въ отсутствіи. Ожидали на-дняхъ рѣшенія Англичанъ по конфискованному судну, дабы знать, чего держаться и во вся́комъ случаѣ располагали приготовиться къ войнѣ.

Я ему объяснилъ дѣло о вывозѣ желѣза и мѣди, о коемъ онъ не слыхалъ. Онъ находилъ рѣшеніе весьма скорымъ. Когда же я спросилъ у него, что́ могло побудить князя Менщикова къ такому глупому и неоснованному донесенію, коего послѣдствія должны были неминуемо пасть на морское вѣдомство, то онъ отвѣчалъ, что здѣсь каждый старается выслужиться какою нибудь новостію у Государя, тѣмъ болѣе, когда она можетъ послужить во вредъ другому, и что въ семъ случаѣ цѣль Менщикова была направлена на Чернышова.

Это сущая справедливость и причина тому, что военный министръ дѣйствуетъ въ пользу мою; ибо всякое донесеніе мое по сему предмету есть оружіе для него. Клейнмихель же воспользовался первымъ гнѣвомъ Государя, дабы выместить на 13-й дивизіи неудовольствіе свое за смѣщеніе генерала Маевскаго. Я замѣтилъ ему въ разговорахъ, что онъ могъ бы доложить Государю о причинахъ побѣговъ и тѣмъ предупредить выговоры, данные полковымъ командирамъ.

10-го же числа я былъ у Бенкендорфа. Всѣ говорятъ о войнѣ; но между прочимъ онъ сказалъ мнѣ, что Государь приказалъ ему написать письмо графу Воронцову, дабы склонить его къ большему расположенію въ пользу войскъ. Я отвѣчалъ, что главныя препятствія встрѣчались только въ Таврической губерніи, и что, напротивъ того, въ Одессѣ, при возвращеніи 13-й дивизіи изъ Крыма, были даны имъ всевозможныя пособія. Но онъ сказалъ, что въ письмѣ семъ не будетъ упомянуто о моемъ имени, дабы не произвести ссоры. Я замѣтилъ, что доложенное мною по сему предмету не было тайною; ибо по симъ дѣламъ были сдѣланы разновременно мною представленія военному министру. Бенкендорфъ просилъ меня сообщить сіи свѣдѣнія Мордвинову, коему поручалось написать письмо.

Бывши съ докладомъ у военнаго министра, я нашелъ его весьма готовымъ исполнить просимое мною. Онъ также говорилъ мнѣ о предполагаемой войнѣ съ Англіею и сказалъ, что ожидаетъ возвращенія нѣкоторыхъ бумагъ отъ Государя для передачи ихъ мнѣ, дабы составить новый проектъ экспедиціи въ Царьградъ, а вчера прислалъ ко мнѣ и самыя бумаги сіи при письмѣ, въ коемъ проситъ о доставленіи

ему подробныхъ свѣдѣній касательно движенія корпуса за границу,— предметъ неудобный къ исполненію здѣсь, такъ какъ свѣдѣнія о состояніи корпуса находятся въ Могилевѣ. Между тѣмъ мнѣ приказано прибыть сего дня къ министру по сему случаю.

С. П. Б. 20 Февраля.

15-го числа я представилъ военному министру проектъ, составленный по возможности, и просилъ его объ исходатайствованіи мнѣ позволенія возвратиться къ корпусу, такъ какъ уже всѣ дѣла, призывавшія меня сюда, были совершенно кончены съ полнымъ успѣхомъ, при чемъ я сказалъ министру о семейныхъ причинахъ (беременности жены), требующихъ моего скораго возвращенія. Онъ приказалъ мнѣ пріѣхать черезъ день. Я пріѣхалъ 17-го въ министерство; его тамъ не было за болѣзнію. Я обратился къ Клейнмихелю, который обѣщался мнѣ довести о надобностяхъ моихъ до свѣдѣнія Государя.

Въ тотъ же самый день я былъ дежурнымъ и встрѣтился на смотру съ Клейнмихелемъ. Онъ предупредилъ меня о жалобѣ вновь принесенной графомъ Воронцовымъ по случаю происшествія, случившагося недавно въ Таврической губерніи. Вотъ какъ оно было.

Въ началѣ Генваря мѣсяца пріѣхалъ ко мнѣ отъ графа Воронцова нарочный курьеръ съ отношеніемъ, въ коемъ онъ просилъ меня назначить опытнаго штабъ-офицера депутатомъ въ производимое адъютантомъ его слѣдствіе по разоренному и разграбленному селенію, сожженіемъ обывательскаго сѣна однимъ офицеромъ Люблинскаго полка. Я тогда же видѣлъ неосновательность сего извѣстія, дошедшаго до него по жалобамъ Казначеева, исполнилъ требованіе его отправленіемъ адъютанта своего Воейкова, которому и приказалъ явиться за приказаніемъ къ графу Воронцову, но для предосторожности донесъ тогда же военному министру. Нынѣ же графъ Воронцовъ въ письмѣ своемъ къ военному министру, излагая обстоятельства сіи въ безобразномъ видѣ, проситъ, дабы офицеръ сей былъ отданъ подъ судъ: ибо онъ увѣренъ, что проступокъ его останется безъ наказанія. Наканунѣ я получилъ изъ Могилева выписку изъ сего дѣла, по коей видно было только, что офицеръ сей далъ нѣсколько ударовъ старостѣ и одному мужику, отказавшимся выслать крестьянъ для поимки бѣжавшаго арестанта. Я послалъ выписку сію съ объясненіемъ къ Клейнмихелю и въ тотъ же день вечеромъ получилъ письмо отъ Воейкова, который, на обратномъ пути, въ Одессѣ заѣзжалъ къ графу Воронцову и получилъ отъ него порученіе мнѣ кланяться и сказать, что онъ не замедлитъ меня увѣдомить о рѣшеніи своемъ по сему дѣлу. Воейковъ между прочимъ писалъ, что графъ Воронцовъ остался очень недоволенъ доносомъ, сдѣлан-

нымъ ему по сему случаю Казначеевымъ и поставившимъ его въ такое косвенное положеніе....

17-го числа я, какъ дежурный, былъ приглашенъ на балъ къ Французскому послу, гдѣ Государь нѣсколько разъ обращался ко мнѣ съ разговоромъ. Во время ужина я сидѣлъ въ особой комнатѣ съ нимъ, графомъ Орловымъ и Блудовымъ. Государь разговаривалъ о различныхъ предметахъ и между прочимъ обвинялъ покойнаго императора Павла 1-го въ утвержденіи линіи старшинства на наслѣдство, къ чему Государь относилъ несчастное происшествіе случившееся при восшествіи его на престолъ. Такъ по крайней мѣрѣ я могъ понять сказанное Государемъ не совершенно ясно, при чемъ Орловъ напоминалъ ему, что и онъ самъ приносилъ присягу Константину Павловичу по смерти Александра. Государь говорилъ также о расколахъ и, обратясь ко мнѣ, осуждалъ дѣйствія брата моего, губернатора Курскаго, обратившаго будто нѣсколько раскольниковъ въ единовѣрчество безъ убѣжденія. «Надобно, говорилъ Государь, избѣгать принужденія, и напротивъ того дѣло такъ вести, чтобъ раскольники сами домогались дозволенія правительства для допущенія къ единовѣрству».

18-го числа я получилъ приглашеніе Государя остаться здѣсь, дабы присутствовать на дѣлаемыхъ Его Величествомъ смотрахъ. По приказанію отданному мнѣ Государемъ наканунѣ я ѣздилъ въ Царское Село для смотра команды образцоваго полка. Спѣша возвратиться, я просилъ Мордвинова довести о моей надобности до свѣдѣнія Государя чрезъ Бенкендорфа и 19-го числа по сему же предмету поѣхалъ въ Военное Министерство и просилъ самъ Адлерберга, заступавшаго мѣсто Чернышова по болѣзни его; ибо Адлербергъ, докладывавшій обо мнѣ Государю прежде, не зналъ о причинахъ побуждавшихъ меня къ скорому отъѣзду. Онъ обѣщался мнѣ исполнить сіе.

Сегодня получено мною разрѣшеніе ѣхать съ тѣмъ, чтобы прежде присутствовать на смотру, а послѣ дождаться приглашенія Государя на аудіенцію.

Среди бывшаго смотра Государь подозвалъ меня и отпустилъ, изъявивъ, что ему извѣстны мои причины. Отпускъ сей всѣхъ удивилъ; ибо никто не зналъ, что я такъ скоро сбирался уѣхать, и не понимали, какъ можно было оставаться такъ мало времени въ Петербургѣ. При томъ же увольненіе, сдѣланное на смотру, а не въ кабинетѣ, считали за немилость, и Чечеринъ упорно совѣтовалъ мнѣ не довольствоваться симъ, а черезъ Бенкендорфа просить аудіенціи настоятельно. Я увѣрялъ его, что сего не нужно; но онъ, не зная сношеній моихъ, не понималъ меня. Удивительнѣе еще было для нихъ, когда Государь

послѣ ученья сталъ опять говорить со мною; ибо они по сему судятъ о степени довѣренности каждаго лица.

Переодѣвшись, я отправился во дворецъ откланяться Императрицѣ, которую нельзя было видѣть, потому что она отдыхала. Я рѣшился дождаться, ожидалъ болѣе часа, пока Государь, возвращаясь домой, прошелъ мимо меня. Онъ удивился меня тутъ найдти и спросилъ, какое я имѣю до него дѣло и что̀ скажу?—«Я не къ Вамъ пришелъ, а дабы имѣть счастіе откланяться Императрицѣ, которая почиваетъ». Государь повелъ меня въ половину Государыни и, поговоривъ о войскѣ и сегодняшнемъ смотрѣ, обратился къ другимъ предметамъ. «Что̀, сказалъ онъ улыбаясь, вотъ у васъ опять новая ссора съ Воронцовымъ? Какое это дѣло Лаврова?»—Ссоры, Государь, у меня нѣтъ съ графомъ Воронцовымъ, я съ нимъ объяснюсь; а я только не понимаю, почему до свѣдѣнія Вашего Величества и даже высшаго начальства доведено самое пустое происшествіе, которое не должно бы было и до меня дойдти. Для меня сіе тѣмъ болѣе странно, что я на дняхъ получилъ письмо, въ коемъ меня увѣдомляютъ, что графъ Воронцовъ о рѣшеніи своемъ по этому дѣлу меня извѣстилъ и, казалось, былъ очень недоволенъ ложнымъ доносомъ, сдѣланнымъ ему по сему случаю.—«То-то онъ удивится, когда узнаетъ настоящее! сказалъ Государь. Я самъ не могу полагать, чтобъ оно было такъ ужасно, какъ онъ пишетъ и не понимаю, почему господинъ Воронцовъ принимаетъ вещи въ такомъ видѣ и пишетъ о нихъ. Не менѣе того офицера надобно будетъ отдать подъ судъ. Если и половина того что̀ Воронцовъ пишетъ справедливо, такъ и того много: нельзя допускать нашего брата военнаго до самоуправія, и Лавровъ не долженъ былъ ни въ какомъ случаѣ мужиковъ бить (слова Александра Мордвинова, переданныя Бенкендорфу). Да кто это все заводитъ? спросилъ Государь».—Я знаю, Ваше Величество, что о семъ писалъ Казначеевъ графу Воронцову и писалъ въ томъ видѣ, какъ представлено.—«Такъ я и самъ думалъ, что онъ тутъ мутитъ; но его уже больше нѣтъ, ужъ это кончено. И такъ прощай, любезный Муравьевъ; желаю тебѣ счастія какъ въ семейныхъ дѣлахъ, такъ и въ служебныхъ».

Я воспользовался симъ случаемъ, чтобъ благодарить Государя за утвержденіе представленія моего и всего о чемъ ходатайствовалъ; ибо нѣтъ ни одного предмета, по коему бы я не получилъ полнаго удовлетворенія въ теченіе кратковременнаго моего пребыванія въ Петербургѣ.

На сихъ дняхъ я также видѣлся съ княземъ Меншиковымъ, который всячески избѣгалъ разговора о Севастопольскихъ происшествіяхъ; но я самъ завелъ о семъ рѣчь и высказалъ все что̀ мнѣ было нужно.

Онъ обвинялъ своихъ въ воровствѣ и ссылался на подобное происшествіе въ Петербургѣ въ *Новой Голландіи*, откуда вывезено было среди дня нѣсколько повозокъ желѣза и мѣди, которыя продали на рынкѣ.

На дняхъ возвратился также изъ Севастополя Фонъ-Моллеръ, кончившій слѣдствіе. Его по пріѣздѣ немедленно потребовали къ Бенкендорфу и представили Государю для того вѣроятно, чтобъ онъ не успѣлъ ни съ кѣмъ видѣться. Онъ былъ у меня по выходѣ отъ Государя, коему доложилъ о ходѣ всего дѣла въ настоящемъ видѣ, и кажется, что происшествіе сіе, столь дурно начавшееся для насъ, обрушится единственно на морскомъ вѣдомствѣ.

Могилевъ, 5-го Марта.

3-го Марта я возвратился сюда. По пути заѣзжалъ я въ Кіевъ и видѣлся съ фельдмаршаломъ Сакеномъ, который по старости уже совсѣмъ упалъ какъ въ физическомъ, такъ и въ моральномъ отношеніяхъ, но сохранилъ тѣже чувства расположенія и довѣренности ко мнѣ, которыя онъ прежде имѣлъ. Для окружающихъ его онъ сталъ несносенъ, сердитъ и своенравенъ до крайности.

Могилевъ, 13-го Апрѣля.

12 числа, въ 2 часа безъ 10 минутъ по полуночи, жена благополучно родила дочь, которую назвали Александрою. Ребенокъ силенъ и здоровъ.

Манзыръ, въ Бессарабіи, 23-го Мая.

13-го Мая я выѣхалъ изъ Могилева и, проѣзжая черезъ Бѣльцы, Каларашъ, Кишиневъ и Бендеры, смотрѣлъ по пути находившіяся войска моего корпуса. Желая видѣть старую Измаильскую дорогу, я поѣхалъ отъ Бендеръ въ имѣніе графини Эдлингъ Манзыръ, гдѣ оставилъ семейство, продолжалъ путь свой, пріѣхалъ 19-го въ Измаилъ, и въ тотъ же день, переѣхавъ черезъ противулежащій островъ, остановился ночевать на одномъ изъ караульныхъ строеній пограничной стражи, занимающей нынѣ лѣвый берегъ Сулинскаго рукава Дуная по случаю чумной заразы, существующей въ Турціи. Я ночевалъ на кордонѣ № 7 противъ Турецкаго города Тульчи, лежащаго на противуположномъ берегу. Лѣвый берегъ низменъ и болотистъ, правый же гористъ, населенъ и красивъ. Когда же я отплылъ на другой день изъ 7-го номера внизъ по Дунаю, то вскорѣ открылся у насъ въ правой рукѣ островъ, раздѣляющій Сулинскій рукавъ отъ Георгіевскаго. Мѣстоположеніе на семъ острову такое плоское и болотистое, какъ и нашего острова.

Я плылъ съ утра до самаго вечера до Сулина по теченію и, проплывъ 80 верстъ, встрѣчалъ много иностранныхъ купеческихъ судовъ и Австрійскій пароходъ, поднимающійся отъ устья вверхъ. Судамъ

симъ запрещено приставать къ нашему берегу по случаю чумы; но они пристаютъ насильно, и постамъ, занимающимъ сіи линіи, приказано строго беречься отъ чумы и вмѣстѣ съ тѣмъ остерегаться, дабы не сдѣлать проходящимъ судамъ оскорбленія. Я объѣзжалъ посты сіи, занимаемые отчасти людьми Волынскаго полка вмѣстѣ съ казаками.

Въ Сулинѣ, при устьяхъ Дуная, имѣется только нѣсколько карантинныхъ строеній, и на Турецкомъ берегу построено нѣсколько магазиновъ принадлежащихъ частнымъ людямъ; со временемъ, можетъ быть, построится тутъ городокъ. Мѣсто сіе занимательно по спорамъ происшедшимъ между нами и Англичанами, оспаривающими у насъ занятіе Сулина, на которое мы имѣемъ право по Адріанопольскому трактату. Суда иностранныя опрашиваются нашею брандвахтою, и опросъ сей, по послѣднимъ распоряженіямъ правительства, не долженъ продолжаться болѣе четверти часа; но иностранныя суда часто не повинуются и проходятъ, не отдавая никакого отчета. Предметъ сей когда нибудь послужитъ поводомъ къ спорамъ, а можетъ быть и другимъ послѣдствіямъ, ибо нынѣ направляется черезъ Сулинское гирло новый торговый путь, проложенный Англичанами и Австрійцами. Турки, кажется, всегда равнодушны къ распрямъ Европейцовъ, въ ихъ почти границахъ происходящимъ.

Изъ Сулина поѣхалъ я ночью на телѣжкѣ въ штабъ-квартиру казачьяго Бўдорова полка. Меня провожалъ полковникъ, и я ночевалъ у него на лѣвомъ уже берегу сѣвернаго рукава Дуная, называемаго Кимикушъ. Во всѣхъ мѣстахъ Дуная, заросшихъ повсюду камышемъ, воздухъ наполненъ комарами, отъ коихъ нельзя имѣть никакого покоя: это совершенная туча, которую разгоняетъ только вѣтръ, и войска, содержащія на кордонахъ караулы, много отъ того страждутъ.

21-го я пріѣхалъ въ Килію, гдѣ продолжалъ смотры, оттуда прибылъ ночевать въ Болгарскую колонію Эни-Кёвъ, а 22-го возвратился сюда. Но пути семъ еще замѣчательны Нѣмецкія и Болгарскія колоніи по благосостоянію ихъ.

Пароходъ „Метеоръ“, 31-го Мая

23-го я дневалъ въ имѣніи графини Эдлингъ и занимался разсмотрѣніемъ нѣкоторыхъ дѣлъ, которыхъ не успѣлъ кончить передъ отъѣздомъ моимъ изъ Могилева. 24-го я пріѣхалъ въ Аккерманъ, гдѣ принужденъ былъ ждать 25-го, по случаю стоявшей цѣлый день сильной погоды, препятствовавшей переправѣ черезъ Днѣстровскій лиманъ. 26-го я пріѣхалъ въ Одессу, гдѣ былъ принятъ съ почестями, которыхъ не видалъ въ прошедшій проѣздъ мой черезъ сей городъ. Графъ Воронцовъ уѣхалъ за два дня въ Петербургъ для объясненія съ Государемъ по случаю увольненія губернатора Крымскаго Казначеева,

безъ его представленія, и по случаю разныхъ неудовольствій имъ полученныхъ вслѣдствіе разныхъ безпорядковъ, доведенныхъ до свѣдѣнія Государя графомъ Виттомъ. Все сіе произвело большую тревогу въ Одессѣ; ибо неудовольствія сіи возвѣщали служащимъ при графѣ Воронцовѣ какую нибудь большую перемѣну, которая могла имѣть вліяніе на всю ихъ службу, коей преимуществами они пользуются, не неся никакихъ обязанностей.

29-го я пріѣхалъ въ Николаевъ. Происходившихъ съ адмираломъ неудовольствій не оставалось болѣе слѣдовъ, и я, слѣдуя приказаніямъ Государя, встрѣтилъ его дружески и даже остановился у него въ домѣ.

30-го я смотрѣлъ войска, а сегодня 31-го выѣхалъ на пароходѣ «Метеорѣ» въ Очаковъ для осмотра войскъ.

Симферополь, 6 Іюня.

31-го уже я прибылъ въ Херсонъ, 1-го Іюня вышелъ на берегъ, а 2-го, осмотрѣвъ войска, поѣхалъ далѣе. 4-го я прибылъ ночевать на станцію Трехъ-Обломы, куда выѣхалъ ко мнѣ братъ Александръ, а 5-го пріѣхалъ сюда.

Севастополь, 25-го.

17-го я поѣхалъ на Южный берегъ черезъ Байдары и ночевалъ въ селеніи Варнуткёвъ, гдѣ расположена команда выздоравливающихъ 13-й дивизіи, 18-го прибылъ въ Ялту, 19-го осмотрѣлъ батальонъ и поѣхалъ далѣе. Сопровождавшій меня дивизіонный начальникъ Даненбергъ наканунѣ зашибъ себѣ ногу; это задержало меня въ дорогѣ, и я только 21-го возвратился сюда.

Вознесенскъ, 20 Августа.

13-го я выѣхалъ изъ Евпаторіи. Государь пріѣхалъ въ Вознесенскъ 17-го и даже собирался до пріѣзда Императрицы еще пріѣхать въ Николаевъ, но предположеніе сіе было отмѣнено. Я пріѣхалъ туда того же дня передъ вечеромъ. Приготовленія сдѣланныя для пріема царской фамиліи, множество иностранцевъ и военныхъ особъ, заслуживаютъ вниманія. Болѣе года какъ здѣсь трудились надъ построеніемъ дворца и многихъ другихъ зданій въ большомъ размѣрѣ. Заготовленіе продовольствія для 4-хъ кавалерійскихъ корпусовъ и прочихъ войскъ требовало также большихъ усилій и издержекъ. Первыя пали на военныхъ поселянъ, коихъ обременяли нарядами и повинностями, въ теченіи цѣлаго года, такъ что хлѣбъ до сихъ поръ остается на поляхъ неснятый. Для покрытія денежныхъ расходовъ суммы, употребляемыя на содержаніе сихъ войскъ, были назначены въ распоряженіе графа Витта, предложившаго и завѣдывающаго всѣмъ дѣломъ; но вмѣсто того, чтобъ деньги сіи могли обратиться на улучшеніе быта поселянъ,

они употребились на предметы роскоши, составлявшей главную цѣль графа Витта.

17-го и 18-го чиселъ Государь дѣлалъ смотры кавалеріи и пѣхотѣ, коими остался очень доволенъ. Преждевременные смотры сіи суть только приготовительные, настоящіе же должны начаться съ 23-го числа, по прибытіи Императрицы.

Вознесенскъ, 21-го Августа.

19-го числа я поѣхалъ къ графу Орлову, дабы о мнѣ доложили Государю, и такъ какъ въ тотъ день нельзя было представляться, то мнѣ сказано было на другой день представиться на смотру. Графъ Орловъ, занимающій временно мѣсто Бенкендорфа, объяснилъ мнѣ, что онъ тщательно отклонилъ, принявъ званіе сіе, всѣ дѣла, касающіяся до занятій собственно принадлежащихъ шефу жандармовъ; по части же военной предоставилъ мнѣ обратиться къ Адлербергу. Не менѣе того я просилъ его принять участіе въ положеніи брата доставленіемъ ему мѣста губернаторскаго или аренды для поправленія разстроенныхъ дѣлъ его. Онъ обѣщался принять участіе въ семъ дѣлѣ, но сказалъ, что для лучшаго успѣха должно бы имѣть въ виду представленіе прямаго его начальства, которое онъ поддержитъ. Почему я просилъ его поговорить о семъ съ графомъ Воронцовымъ въ томъ убѣжденіи, что Воронцовъ сдѣлаетъ сіе безъ затрудненія. Орловъ казался готовымъ къ содѣйствію въ семъ дѣлѣ.

Говоря о политическихъ дѣлахъ, онъ сказывалъ, что не предвидѣлъ на долгое время никакихъ военныхъ дѣйствій. Ему сіе должно быть извѣстно, ибо онъ только что возвратился изъ Англіи, куда ѣздилъ для поздравленія новой королевы. А. П. Ермоловъ, пріѣхавшій сюда, по словамъ графа Орлова, не имѣетъ въ виду никакого назначенія и находится здѣсь по собственному своему желанію. Графа Орлова мнѣніе, что войска мои не представятся въ выгодномъ видѣ, и мнѣніе сіе есть общее. Оно происходитъ отъ самаго Государя и, кажется, основано на донесеніи моемъ, въ коемъ я предупреждалъ о семъ въ началѣ лѣта, по случаю обременительныхъ работъ, предстоявшихъ въ Севастополѣ.

Въ тотъ же вечеръ былъ я у графа Витта, какъ хозяина въ нынѣшнемъ случаѣ. Я нашелъ у него собранными всѣхъ иностранцевъ. Онъ не помнитъ себя отъ почестей, на него сыплющихся, но сохранилъ по прежнему привѣтливую наружность и фальшивую живость въ рѣчахъ. Устроенныя имъ огромныя залы, среди коихъ онъ живетъ, точно великолѣпны по убранству своему; въ нихъ будутъ даваться балы по пріѣздѣ Императрицы.

Тутъ же я являлся дежурному генералу *** и болѣе чѣмъ когда либо замѣтилъ лукавую злонамѣренность, скрывающуюся подъ личиною всякой угодливости.

Въ тотъ же вечеръ навѣстилъ я А. П. Ермолова, котораго засталъ уже въ постелѣ. Онъ былъ душевно обрадованъ пріѣзду моему. Прибытіе его сюда повидимому не имѣетъ никакихъ отвлеченныхъ причинъ; по крайней мѣрѣ если онъ имѣетъ какія либо намѣренія, то незамѣтно, чтобъ ему соотвѣтствовали свыше. Въ рѣчахъ своихъ онъ старается быть весьма остороженъ; но у него часто вырываются ироническія выходки на счетъ другихъ, надъ коими онъ чувствуетъ свое превосходство. Видно однакоже, что онъ отсталъ отъ сношеній съ главными лицами и какъ будто щупаетъ положеніе каждаго для измѣренія шаговъ своихъ. Онъ весьма часто обращается на старыя дѣла, причинившія удаленіе его изъ Грузіи, жалуясь на притѣснителей своихъ и разсуждая о людяхъ нынѣ болѣе недѣйствующихъ, какъ человѣкъ выбившійся изъ нынѣшнихъ путей: признакъ старости, противъ которой бореніе его становится замѣтно, хотя онъ и сохранилъ быстроту ума своего. Онъ съ любопытствомъ выслушивалъ предположенія мои на счетъ будущихъ назначеній для него и, кажется, даже съ удовольствіемъ принялъ бы управленіе Грузіи по прежнему.

20 числа на смотрѣ было выведено 43.500 человѣкъ на конѣ и 144 конныхъ орудій. Необъятность такого большаго числа всадниковъ, собранныхъ въ одномъ мѣстѣ, поражаетъ воображеніе. Все сіе двигалось въ теченіе 5 час. сряду по мановенію Государя съ необыкновенною быстротою; но во всѣхъ движеніяхъ происходила суета: ибо никто не зналъ, гдѣ предполагался непріятель, и отъ того дивизіи и корпусà поворачивались во всѣ стороны по разсылаемымъ приказаніямъ, и часто случалось, что одна часть обращалась лицомъ къ другой. Не менѣе того зрѣлище было грозное. На первомъ смотру Государь началъ съ молебствія, которое было отслужено въ головѣ войскъ, и онъ самъ становился на колѣна; нынѣшній же разъ замѣтилъ я, что онъ, садясь верхомъ, перекрестился.

Государь, увидя меня, сначала поздоровался и пожалъ руку, спросилъ о состояніи здоровья въ корпусѣ и въ особенности о страждущихъ глазами. Я сказалъ, что больныхъ было весьма мало въ нынѣшнемъ году, но что число глазныхъ было довольно значительно, что впрочемъ половина ихъ могла стать во фронтъ. Когда же онъ спросилъ о числѣ людей выходящихъ въ строй, то я сказалъ, что самый сильный полкъ выводитъ отъ 24 до 25 рядовъ; онъ нашелъ сіе достаточнымъ. По сдѣланнымъ мною распросамъ въ смотрѣнныхъ имъ войскахъ другихъ корпусовъ, выводилось только отъ 22 до 23 рядовъ.

Смотръ продолжался очень долго; во все время Государь былъ весьма занятъ и казался довольнымъ.

Я былъ приглашенъ къ обѣду и пришелъ во дворецъ за полчаса до обѣда. Государь позвалъ меня къ себѣ въ кабинетъ. Онъ лежалъ на кушеткѣ на спинѣ, жалуясь на усталость, просилъ извиненія, что такъ принимаетъ и приказалъ садиться подлѣ него на стулѣ.

Первый его спросъ былъ о состояніи полковъ. Я отвѣчалъ, что полки неровны, что нѣкоторые порядочны, но другіе очень слабы.— «Очень слабы», повторилъ Государь раза два съ удивленіемъ. «Напримѣръ какіе?» — Пражскій очень порядоченъ, отвѣчалъ я, а Люблинскій слабъ.— «Отъ чего же онъ слабъ? Кто имъ командуетъ?» — Теперь никто, Государь: командиръ полка, недавно его принявшій, устраненъ мною по слабости здоровья; вновь назначенный еще не прибылъ, а потому я и нашелся вынужденнымъ поручить хозяйственную часть управленію бригаднаго командира генерала Романовича, а по наружности командуетъ старшій штабъ-офицеръ по полковомъ командирѣ. —«Кто же старый командиръ полка?» спросилъ Государь.—Кононовъ, Государь; онъ недавно назначенъ.—«Какая же его слабость?»—Здоровьемъ слабъ и управлять не можетъ, ничего не знаетъ.—«Да какой это Кононовъ, спросилъ Государь, гдѣ онъ служилъ?» — Въ гвардейскихъ сапёрахъ, Ваше Величество.—«А, теперь я его помню; существенная дрянь! Ну а каковъ Врангель, знаешь Врангель?» (бригадный командиръ, чтò произведенъ недавно; Государь видно помнилъ, что онъ командовалъ полкомъ симъ). Я счелъ обязанностію сказать, что его запустилъ Врангель.— «Ну а есть еще слабые полки?»—Есть, Можайскій, Государь.—«Кто имъ командовалъ?» — Командовалъ Дюнкеръ, который нынче произведенъ вмѣстѣ съ Врангелемъ въ генералы, а нынѣ командиръ вновь назначенный полковникъ Бурковскій, человѣкъ весьма порядочный.—«Каковы бригадные?» спросилъ Государь.— Генералъ Романовичъ, который управлялъ Люблинскимъ полкомъ; но онъ отъ меня взятъ и назначенъ въ резервную дивизію. Это потеря очень чувствительная; мы едва только съ нимъ ознакомились, какъ его взяли. «Что же дѣлать! сказалъ Государь. Мнѣ въ резервахъ нужны хорошіе люди; посмотри эти резервы, какіе славные, это основаніе арміи; они васъ снабжаютъ хорошими людьми и образованными солдатами». Я смолчалъ и не повторилъ Государю моего мнѣнія, основаннаго на опытѣ, о томъ неотвратимомъ вредѣ, который происходилъ отъ сихъ резервовъ для арміи; потому что мнѣніе сіе было представлено мною въ 1834 году письменно и возбудило только неудовольствіе его безъ всякой пользы. Но я при семъ случаѣ сказалъ Государю, что у меня есть три бригадные командира старѣе Ро-

мановича, также заслуживающіе быть начальниками дивизій и, на спросъ Государя, назвалъ Верпаховскаго, Дометти и Линдена. «Я слышалъ о Верпаховскомъ какъ объ заслуженномъ человѣкѣ, онъ израненъ крѣпко. Дометти я зналъ, когда онъ въ гвардіи служилъ; онъ тогда былъ слабъ». — Тогда не знаю, Государь; нынѣ же онъ у меня на счету лучшихъ и вѣрно можетъ быть отличнымъ дивизіоннымъ начальникомъ. «О Линденѣ я также слыхалъ, онъ изъ бывшаго Литовскаго корпуса.» — Линденъ очень хорошъ и дѣло свое знаетъ; одинъ только недостатокъ, что онъ долги имѣетъ.—«Это нехорошо, отвѣчалъ Государь, только не хапаетъ ли онъ въ полкахъ?»—Нѣтъ, Ваше Величество, этого нѣтъ нисколько; но присылаютъ росписки изъ прежнихъ мѣстъ, гдѣ онъ служилъ; впрочемъ, онъ всѣмъ хорошъ.—«Ну вотъ на мѣсто Романовича я тебѣ дамъ Ахлестышева», продолжалъ Государь.— Знаю Ваше Величество, отвѣчалъ я съ недовольнымъ видомъ. «Что же, Ахлестышевъ славный человѣкъ; онъ въ гвардіи служилъ; я его самъ знаю и рекомендую тебѣ его; онъ даже былъ теперь правителемъ Имеретіи, да барону Розену что-то не понравился», сказалъ Государь съ неудовольствіемъ на Розена. «Онъ не хотѣлъ его имѣть; ты имъ будешь доволенъ. Ну, а каковы дивизіонные? Я слышалъ, что ты очень доволенъ Даненбергомъ; онъ офицеръ весьма хорошій».—Я имъ весьма доволенъ, Ваше Величество, и ему обязанъ уже многимъ: онъ занимается упроченіемъ дисциплины и приноситъ большую пользу, и отъ того меня опечалило, когда я увидѣлъ, что онъ былъ обойденъ въ послѣднее производство такимъ множествомъ сослуживцевъ моложе его; онъ перенесъ сіе съ приличною твердостію. Меня тогда еще не было въ Севастополѣ, и командованіе обѣими дивизіями было поручено ему, какъ старшему, когда Соболевскій, произведенный въ генералъ-лейтенанты, сталъ старше его; оба они себя хорошо повели въ этомъ случаѣ: Даненбергъ немедленно пошелъ являться къ Соболевскому, который не принялъ командованія до моего прибытія къ войскамъ, и моя обязанность ходатайствовать у Вашего Величества о производствѣ Даненберга въ генералъ-лейтенанты съ отданіемъ старшинства надъ Соболевскимъ. Сіе было непріятно Государю.—«Знаешь ли ты, сказалъ онъ, что Даненбергъ заслужилъ сіе? Я прощаю всѣ ошибки, исключая тѣхъ, которыя противъ чести. Онъ былъ въ Польшѣ и тамъ, благодаря Полькѣ, на которой онъ женился, подавалъ странныя мнѣнія, совсѣмъ неумѣстныя; послѣ того не хотѣлъ ничего дѣлать и оставался по арміи безъ всякой должности цѣлыя пять лѣтъ, тогда какъ Соболевскій хорошій человѣкъ и постоянно продолжаетъ службу, не отлучаясь отъ мѣста. Зачѣмъ же я буду его обижать?» И, не останавливаясь, Государь спросилъ о Ширманѣ, говоря, что онъ бывалъ хорошъ, но только имѣлъ при-

вычку быть дерзкимъ съ офицерами. Видно было, что Государь предупрежденъ былъ противъ Даненберга, но не зналъ настоящимъ образомъ, въ чемъ его обвиняли.

— Я очень доволенъ Ширманомъ, отвѣчалъ я. Вы изволите его увидѣть въ Николаевѣ; онъ ведетъ себя весьма прилично съ подчиненными и помнитъ наставленіе, сдѣланное Вашимъ Величествомъ.— «Это хорошо! А кого я найду въ Одессѣ?»—Подольскій полкъ. Позвольте мнѣ не провожать Васъ въ Одессу, а изъ Николаева ѣхать прямо въ Севастополь, дабы я могъ встрѣтить тамъ Ваше Величество.—«Разумѣется. Чтó тебѣ при одномъ полку дѣлать? Лучше тебѣ быть на своемъ мѣстѣ и похозяйничать тамъ, гдѣ всѣ войска собраны. Мнѣ, впрочемъ, нельзя будетъ много вами заняться. Одинъ церемоніальный маршъ, и больше ничего. Посуди, что мнѣ надо и васъ посмотрѣть, и флотъ посмотрѣть; а время очень коротко. Когда я это все успѣю сдѣлать! Да чтó вы показать можете? У васъ больныхъ много». Говоря о больныхъ, Государь отдалъ различныя приказанія на счетъ предосторожностей противъ глазной болѣзни и сказалъ, чтобы до зимы дѣло сіе совсѣмъ кончить, т. е. вывести болѣзнь совершенно; но я возразилъ, что сіе невозможно кончить такъ скоро, что впрочемъ болѣзнь сія свирѣпствуетъ во всей арміи. Съ этимъ Государь согласился, но говорилъ, что тамъ она въ меньшей степени и что первоначально привезъ ее въ Россію графъ Воронцовъ при возвращеніи изъ Франціи. Удостойте посмотрѣть, Ваше Величество: мы постараемся, чтобы Вы были довольны; посмотрите боевые порядки наши и покажите намъ, чтó Вамъ угодно. — «Этотъ смотръ я сдѣлаю въ корпусѣ *), котораго я еще никогда не видалъ. Я хочу опредѣлить первоначальную степень образованія его и видѣть, чего въ немъ недостаетъ. Да тамъ мѣста нѣтъ для боевыхъ порядковъ?»—Мѣсто есть, Ваше Величество, и я съ собою привезъ карту окрестностей Севастополя; не угодно ли ее посмотрѣть? — Не теперь; это мы ужо ввечеру посмотримъ. Каково идутъ работы?» Я объяснилъ о состояніи инженерныхъ работъ, про морскія же упомянулъ только о сносѣ горы, находя, что работа сія очень продолжительна; но Государь сказалъ, что она необходима для очищенія мѣста, дабы начать адмиралтейскія строенія. Онъ спросилъ о докахъ, но я не могъ дать подробнаго отчета о сихъ работахъ. «Ты вѣрно не любопытствовалъ ихъ видѣть?» сказалъ онъ улыбаясь.—Тамъ не наши работаютъ, отвѣчалъ я, а вольные каменьщики.—«Какъ у васъ идетъ съ морскими? спросилъ Государь. Дружно? Ссоръ нѣтъ?»—Никакихъ не было, В. В., и мы тщательно избѣгаемъ всякаго столкновенія, которое бы могло произвести ихъ.

*) Т. е. 5-го пѣхотнаго корпуса, которымъ командовалъ тогда Н. Н. Муравьевъ. П. Б.

Въ это время вошелъ Адлербергъ съ бумагами, говоря, что отъ барона Розена получены донесенія. «Чтó тамъ такое случилось?» спросилъ Государь, вскочивъ съ постели съ видомъ безпокойства, и поклонился мнѣ. Я вышелъ.

Вскорѣ послѣ того Государь вышелъ къ обѣду, къ коему были созваны корпусные командиры. Онъ началъ разговоръ съ похвалы дѣйствію конной артиллеріи на смотру и, обратившись къ Капцевичу, сказалъ, что устройство сихъ 144 орудій, видѣнныхъ поутру, имѣетъ начало свое въ тѣхъ двухъ Гатчинскихъ орудіяхъ, коими Капцевичъ командовалъ во время покойнаго императора Павла Петровича и которыя тогда въ первый разъ были заведены въ Россіи. «Не потому, продолжалъ онъ, что я батюшкинъ сынокъ, но по истинѣ сказать должно, что онъ много трудился и хотѣлъ ввести полезныя вещи. Какъ бы онъ порадовался, еслибъ теперь, послѣ 40 лѣтъ, онъ могъ бы воскреснуть и видѣть успѣхи положенныхъ имъ началъ!» Послѣ того Государь говорилъ о Наслѣдникѣ, выхваляя охоту, которую онъ показывалъ къ упражненіямъ войскъ и основательность, съ какою онъ давалъ Государю отчетъ въ манёврахъ имъ видѣнныхъ. Потомъ во все продолженіе обѣда онъ разъяснялъ кавалерійскимъ корпуснымъ командирамъ утренніе манёвры, выхваляя устройство войскъ и дѣйствія начальниковъ.

Сегодня было ученье драгунскому корпусу, коимъ Государь также остался доволенъ.

22-го, день коронаціи, былъ церковный парадъ пѣхотѣ и обѣдня въ лагерѣ, гдѣ присутствовалъ Государь, а послѣ того лагерный разводъ. Государь, осматривая безсрочно-отпускныхъ людей, нашелъ солдатъ моего полка, подозвалъ меня и, показывая мнѣ ихъ, распрашивалъ о нихъ. Я не видалъ, но говорятъ, что онъ тоже самое сдѣлалъ съ А. П. Ермоловымъ, который будто обнялъ одного изъ нихъ въ присутствіи всѣхъ.

При осмотрѣ конныхъ ординарцевъ всѣхъ полковъ Государь пересказывалъ названія полковъ, къ коимъ они принадлежатъ, прибывшему сюда съ прочими иностранцами Австрійскому генералу. Случаи сіи не обходятся безъ несчастій: вчера на всемъ скаку упалъ съ лошади и расшибся одинъ уланскій офицеръ, третьяго дни на ученьи нечаянно застрѣлили одного драгуна. Говорятъ, что на бывшихъ ученьяхъ уже довольно много случилось подобныхъ несчастій.

Графъ Виттъ служилъ вчера забавою. Ему велѣно было командовать всѣми поворотами ординарцевъ, на что у него не доставало ни силъ, ни голосу, ни знанія. Старикъ былъ пѣшкомъ. Онъ бросился впередъ бѣгомъ, но не могъ отойти дальше ста шаговъ, какъ у него

замерли и слова, и голосъ, и слухъ. Никто не смѣлъ явно смѣяться. Государь сказалъ, что графъ Виттъ по старости начинаетъ уже глохнуть, а онъ остался одинъ въ полѣ, навлекая на себя всеобщее вниманіе странными тѣлодвиженіями и всякими кривляньями, имѣющими цѣль выразить принимаемое имъ участіе въ успѣхѣ.

Вчера пріѣхалъ великій князь Михаилъ Павловичъ. Онъ принялъ меня съ необыкновенною ласкою и предупредительностію, говорилъ много о полкахъ бывшей Литовской гренадерской бригады и объ участіи, которое онъ принималъ для отысканія и возобновленія сдѣланнаго мною представленія о пожалованіи симъ полкамъ Георгіевскихъ знаменъ за Казимирское сраженіе. Говорилъ онъ много о штурмѣ Варшавскомъ, выставляя отличіе моихъ войскъ. Я всегда признавалъ, что онъ въ успѣхѣ сего штурма принялъ болѣе многихъ участія другихъ, но находилъ, что скромность его, а всего болѣе малая увѣренность въ себѣ, укрывали много достоинствъ его.

Вчера поутру графъ Виттъ отвелъ меня въ сторону и сказалъ, что наканунѣ Государь спрашивалъ его, справедливы ли доходящіе до него слухи о распущенномъ состояніи, въ коемъ находился мой корпусъ; графъ Виттъ будто опровергнулъ сіе мнѣніе (наведенное графомъ Воронцовымъ), говоря, что, напротивъ того, въ наилучшемъ порядкѣ, и что во всѣхъ встрѣтившихся съ гражданскими властями неудовольствіяхъ единственными виновными были мѣстныя власти. Я бы никогда не повѣрилъ справедливости словъ графа Витта, если бы въ семъ случаѣ не имѣлъ въ виду каверзы его противъ Воронцова, коего мѣста онъ домогается.

Я узналъ однакоже вчера отъ Бибикова, что графъ Виттъ, сдѣлавши, въ поѣздку свою въ Петербургъ, разные доносы на графа Воронцова относительно покровительства даваемаго имъ Полякамъ, и всякой безчинности, производящейся между его окружающими, увѣрилъ Воронцова, что все сіе было доведено до свѣдѣнія Государя мною. По пріѣздѣ въ Петербургъ, графъ Воронцовъ былъ принятъ весьма дурно. Имѣя тѣсную связь съ Бенкендорфомъ, основанную даже на видахъ корыстолюбія послѣдняго, онъ ѣздилъ послѣ того къ нему въ Ревель и привезъ оттуда предлинное письмо Государю, по прочтеніи коего Государь помирился съ Воронцовымъ и объявилъ ему, что впередъ будетъ вѣрить только его однимъ словомъ, а меня будто побранить, при чемъ Бибиковъ предостерегалъ меня, что въ случаѣ если Государь мнѣ объ этомъ здѣсь ничего еще не говорилъ, то могъ нанести мнѣ неудовольствіе при осмотрѣ войскъ (такъ какъ законныхъ къ тому причинъ никакихъ не имѣлось).

Сказанное Бибиковымъ о поступкахъ Витта, Воронцова и Бенкендорфа справедливо; въ предположеніяхъ же онъ могъ ошибаться: ибо невѣроятно, чтобы Государь не видѣлъ истины, и не усматривается, какую бы онъ могъ имѣть надобность скрывать свое неудовольствіе противъ меня ласковымъ обхожденіемъ. Войска мои безъ сомнѣнія лучше видѣнныхъ мною здѣсь; но еслибы захотѣли въ нихъ искать недостатковъ, то сему пособить я не въ силахъ.

Съ пріѣздомъ въ Кіевъ Государь былъ очень недоволенъ графомъ Гурьевымъ, коему и наговорилъ много непріятныхъ вещей при первомъ свиданіи за то, что Гурьевъ встрѣтилъ его не въ соборѣ, а у крыльца дома. Гурьевъ въ оправданіе свое показалъ отношеніе Бенкендорфа, коимъ ему предписывалось такъ поступить; но Государь отозвался, что сіе распоряженіе годится при возвращеніи изъ за границы, а не въ этомъ случаѣ. Въ послѣдствіи своего пребыванія въ Кіевѣ онъ всѣмъ остался очень доволенъ и за все благодарилъ Гурьева, но Гурьевъ просилъ своего увольненія отъ службы.

Полагаютъ, что цѣль пріѣзда сюда А. П. Ермолова состоитъ въ помѣщеніи незаконнорожденныхъ дѣтей его. Онъ будто, выходя отъ Михаила Павловича, говорилъ ему: «Сдѣлайте сіе для меня, ваше высочество; я вамъ скажу *благодарю васъ, Константинъ Павловичъ*», на что будто великій князь въ шутку погрозился ему.

Вчера, 23-го, была сдѣлана Государемъ тревога въ лагерѣ. Всѣ войска собрались очень скоро, и начались для кавалеріи манёвры. День былъ жаркій, всѣ движенія дѣлались рысью и вскачь, отъ чего лошади, изнуренныя уже прежними смотрами, много пострадали. Поле позади войскъ было похоже болѣе на поле сраженія: падшія лошади, разбитые и больные люди, возвращающіеся въ лагерь во множествѣ; всего подохло, вчера только, 140 лошадей и 8 человѣкъ ушиблено.

Вознесенскъ, 25-го.

Лошади все еще дохнутъ отъ послѣдней тревоги; въ теченіи 23 и 24-го числа въ одномъ Тверскомъ драгунскомъ полку пало 60 лошадей; поле маневровъ падшими лошадьми усѣяно, какъ поле сраженія; множество ихъ лежитъ около водопоя. Изъ лагеря высылаются команды, зарывающія падшихъ лошадей. Говорятъ, что между подавленными есть одинъ офицеръ сильно пострадавшій.

Иностранцы, коихъ множество, не ошибаются на счетъ всего сего, но видятъ дѣло съ настоящей его стороны. Вчера, познакомившись съ однимъ маіоромъ Австрійской службы, состоящимъ при дѣтяхъ эрцгерцога Карла, я изъявилъ сожалѣніе свое, что мы военные лишены чести видѣть знаменитаго воина какъ Карлъ. «Хотя онъ и очень

свѣжъ еще при 66 лѣтнемъ возрастѣ своемъ, сказалъ маіоръ, но онъ не въ состояніи перенести трудовъ предстоящихъ на вашихъ смотрахъ. Наши смотры гораздо въ меньшемъ масштабѣ, и войскъ не держатъ на ученьи долѣе 1½ или двухъ часовъ». Говорятъ здѣсь, что большіе смотры сіи дѣлаются для избѣжанія войны; но масса конницы, здѣсь представляющаяся, никого изъ иностранцевъ не ослѣпитъ, и напряженія, съ коими она здѣсь представлена, не укрываются отъ глазъ наблюдателей. Между тѣмъ здѣсь есть нѣкоторые пріемы истинно-волшебные; напримѣръ вчера, по пріѣздѣ сюда Императрицы, было собрано на площадь противъ дворца для вечерней зари 1.000 музыкантовъ и 3.000 кантонистовъ, которые пѣли молитву.

Вчера графъ Орловъ отозвалъ меня на сторону сказать, что онъ уже приступилъ къ дѣлу о братѣ и, проѣзжая въ коляскѣ съ Государемъ, началъ предупрежденіемъ о немъ. Государь, отзываясь весьма хорошо о братѣ, говорилъ, что онъ никакого участія почти въ дѣлахъ 1825 года не имѣлъ и извѣстенъ ему за человѣка хорошаго и благомыслящаго, послѣ чего спросилъ, гдѣ онъ теперь находится, на что Орловъ и отозвался, что онъ въ Крыму занимаетъ мѣсто въ палатѣ. «Это начало», сказалъ Орловъ, и онъ располагалъ вести дѣло далѣе. Онъ помнитъ брата и пожелалъ его видѣть въ проѣздъ свой через Симферополь.

Тревога 23 числа, кажется, стоила до 700 лошадей, павшихъ отъ жару и усталости.

25-го числа былъ общій смотръ всей кавалеріи, 26-го всей пѣхотѣ. Я былъ дежурнымъ при Государѣ. Онъ былъ очень доволенъ пѣхотою, указывалъ мнѣ нѣсколько разъ на устройство ея и между тѣмъ отозвался недовольнымъ присланными ему двумя музыками, назвавъ ихъ «погаными» и худшими во всей арміи. Кажется, что отзывъ сей основанъ на словахъ другихъ и, вѣроподобно, графа Витта, ибо музыки сіи играютъ марши очень порядочно.

Сегодня было ученье двумъ кавалерійскимъ корпусамъ, весьма порядочное: не было ни суеты, ни безпутной скачки, которую называютъ травлею.

30-го Августа.

29-го поутру былъ церковный парадъ въ пѣхотѣ, а вечеромъ сожженіе городка. Сегодня я получилъ позволеніе ѣхать и приказаніе быть у Государя послѣ церковнаго парада. Я повторилъ Орлову, что братъ мой къ нему явится по его желанію, что́ онъ и утвердилъ согласіемъ.

Послѣ обѣдни я былъ у Государя. Хотя на нѣкоторыхъ изъ прошедшихъ смотровъ Государь и обращался ко мнѣ, но замѣтно было

во взглядѣ его какое-то неудовольствіе, коего причины могутъ только заключаться въ какихъ либо наговорахъ на меня. Онъ принялъ меня очень ласково и посадилъ къ столу, у коего самъ сидѣлъ. Онъ внимательно разсматривалъ представленныя ему мною карты окрестностей Севастополя и маршрутъ оттуда до Симферополя; спрашивалъ, есть ли слѣды храма Ифигеніи, можно ли поручиться за справедливость сказанія сего, и говорилъ, что, будучи великимъ княземъ, самъ объѣзжалъ мѣста сіи и видѣлъ основаніе Греческаго храма; спрашивалъ о свойствахъ Крымскихъ Татаръ и о другихъ предметахъ подобнаго рода, какъ бы усиливаясь поддерживать разговоръ не касающійся до войскъ, но послѣ обратился къ нимъ и спрашивалъ объ офицерахъ. Я отвѣчалъ, что съ людьми развратными я уже раздѣлался еще въ прошедшемъ году и что впредь мнѣ остается только удалить людей слабыхъ по своимъ обязанностямъ. Онъ выхвалялъ мнѣ резервные и запасные батальоны и спрашивалъ сравненія съ нашими. Я отвѣчалъ, что родъ людей нашихъ гораздо хуже, что у насъ есть разрядъ преступниковъ, которыхъ нѣтъ въ резервахъ, что у насъ въ корпусѣ ежедневно выходитъ 4.300 человѣкъ въ разводъ, и что нѣкоторые полки въ теченіи года по пяти недѣль только бываютъ на квартирахъ, отчего въ фрунтовомъ образованіи и покажемся, можетъ быть, слабѣе резервовъ, но что люди одѣты чисто, и какъ Государь выхвалялъ устройство ихъ, говоря, что они могутъ ежегодно каждый полкъ снабжать 1.000 хорошо образованными рекрутами, то я отвѣчалъ, что они сами лучше своихъ рекрутъ. Такъ какъ о семъ предметѣ я уже однажды докладывалъ Государю письменно и представлялъ, сколько резервы приносятъ вреда для арміи, но записка моя тогда не имѣла дѣйствія: то я не счелъ болѣе нужнымъ настаивать на семъ предметѣ, а жаловался только на то большое число развратныхъ офицеровъ, коими насъ резервъ снабжалъ и которые проходили чрезъ дѣйствующія войска, какъ черезъ какое нибудь чистилище. «Да теперь ужъ они, кажется, отъ всѣхъ дурныхъ отдѣлались; теперь ихъ больше ужъ не будетъ».—Не менѣе того, Ваше Величество, всякій изъ нихъ перебывалъ у насъ и, прежде чѣмъ его выпустили, онъ насрамилъ въ полку. Сверхъ того насъ еще снабжаетъ офицерами вся кавалерія, сбывая отъ себя подъ разными предлогами людей ко всему безполезныхъ.

Государя повидимому заботили преступники. Онъ сперва сказалъ, что ихъ теперь нѣтъ болѣе, полагая, что, съ изданіемъ указа о назначеніи въ другія мѣста, родъ людей сихъ перевелся въ корпусѣ; но я объяснилъ ему, что, кромѣ людей присылаемыхъ намъ по мѣстности, доставляютъ также тѣхъ, которые назначались въ прежнія дивизіи, имѣвшія тѣже номера, которые наши получили послѣ переформирова-

нія. Онъ тогда сталъ предлагать нѣсколько средствъ, какъ отъ нихѣ избавиться, но говорилъ о семъ поверхностно.

Говоря о войскахъ, я нашелъ случай упомянуть о томъ, что у многихъ батальоновъ нашихъ нѣтъ знаменъ. Онъ показалъ сперва видъ удивленнаго, потомъ сказалъ, что онъ не могъ ихъ дать подъ Бѣлой Церковью. Богъ дастъ, заслужимъ ихъ, отвѣчалъ я. «Я увѣренъ, сказалъ Государь; но не дай Богъ войны», продолжалъ онъ крестясь и отплевываясь.—Войска желаютъ войны, Ваше Величество, и эти батальоны пойдутъ въ первый огонь. «Да, сказалъ Государь, не въ нынѣшнемъ году, а въ будущемъ мнѣ нужно будетъ послать изъ твоего корпуса часть войскъ на Кавказъ для того, чтобы разомъ подвинуться впередъ и потомъ возвратить ихъ назадъ; тогда и пошлемъ эти батальоны чтó безъ знаменъ».

На счетъ занятій въ Севастополѣ я приглашалъ Государя сдѣлать маневры; но онъ отозвался, что ему времени не будетъ, ибо онъ останется только двое сутокъ съ половиной. «Въ первый день пріѣзда, сказалъ онъ, я осмотрю все чтò успѣю, лагери, госпитали, строенія; во второй день займусь флотомъ, а въ третій войсками. Развѣ вмѣстѣ тутъ и маневры сдѣлать, такъ это чтó же будетъ?» Послѣ того пожелалъ онъ мнѣ много успѣха на смотру, говоря, что должно надѣяться на Бога, на Царя, на Святаго Николая и прочее и, передразнивая съ насмѣшкой голосомъ и выговоромъ какого-то стараго солдата, который когда-то живалъ во дворцѣ и такъ говорилъ. Онъ обѣщался быть въ Николаевъ 4 числа къ вечеру и, въ случаѣ если онъ прибудетъ послѣ вечерней зори, не приказалъ выводить почетнаго караула, а на другой день, 5-го, приказалъ вывести два батальона Минскаго полка къ смотру тотчасъ послѣ обѣдни. Великая княжна Марія Николаевна прервала разговоръ нашъ. Государь во все время показывалъ видъ веселый, но во взглядѣ его я не замѣтилъ искренности.

Послѣ того я былъ у великаго князя Михаила Павловича и опять радовался видѣть въ немъ тѣже чувства, тоже прямодушіе, которое и прежде замѣтилъ; онъ увѣрялъ меня, что смотры кончатся успѣшно, распрашивалъ обо всѣхъ съ большимъ участіемъ и въ особенности о Даненбергѣ. «Это человѣкъ отличный, говорилъ онъ, и кромѣ того былъ любимъ покойнымъ братомъ моимъ. Онъ былъ несчастливъ; но скажи ему отъ меня, что еслибы ему опять не повезло, то ему всегда готова въ Павловскѣ, гдѣ его родина, таже самая квартира, на которой онъ жилъ, чтó подлѣ моей любимой рощи. Я не люблю, продолжалъ онъ, столицъ и здѣсь, въ Вознесенскѣ, гораздо охотнѣе бы ужился, чѣмъ въ Петербургѣ, а Павловскъ всего больше люблю, но Павловскъ съ Образцовымъ полкомъ. Вотъ какъ тебѣ смотръ удастся, такъ ты

скажи, какъ А. П. Ермоловъ: «Богъ помогъ нашей простотѣ».—Напротивъ того, отвѣчалъ я, Ваше Высочество, если смотръ мнѣ удастся, то я буду молчать. Графъ Виттъ прервалъ нашъ разговоръ: онъ вошелъ, хвалясь даннымъ ему порученіемъ выписать чрезъ два дня изъ Одессы какое-то платье для Маріи Николаевны.

Я былъ также у Клейнмихеля. Человѣкъ сей знаетъ много того, что̀ дѣлается; но ни одному его слову вѣрить нельзя. Онъ описалъ мнѣ всѣ безпорядки морскаго вѣдомства въ Севастополѣ; но кто угадаетъ, въ какомъ онъ видѣ докладываетъ Государю о нихъ.

Я видѣлся также съ графомъ Воронцовымъ, дабы узнать, гдѣ Государь приметъ караулъ на Южномъ берегу. Онъ говорилъ, что Государь приказывалъ, чтобы роты остались на своихъ мѣстахъ для встрѣчи Его Величества, и что особеннаго почетнаго караула тамъ принимать не будетъ; впрочемъ, подробнѣйшее свѣдѣніе о семъ я долженъ получить въ Севастополѣ.

Во время разговора моего съ Его Величествомъ, Государь говорилъ мнѣ опять о музыкахъ, находя ихъ весьма дурными. Онъ спрашивалъ, куда дѣвалась та музыка, которую онъ мнѣ прислалъ, и хороша ли она? Я отвѣчалъ, что люди вте молодые и нѣсколько маршей умѣли играть. «Какъ! Я самъ ее слышалъ, сказалъ онъ съ удивленіемъ; она была очень хороша». Но я утвердительно отвѣчалъ, что музыка сія подавала надежду, но многаго еще не знала (полагаю, что музыкантовъ перемѣнили передъ отправленіемъ ихъ ко мнѣ).

Севастополь, 8-го Сентября.

1-го Сентября въ Николаевѣ я дѣлалъ смотръ двумъ батальонамъ Минскаго полка, имѣющимъ представиться Государю, видѣлъ ихъ по фронту и по внутреннему устройству и нашелъ въ хорошемъ порядкѣ. Въ слѣдующіе дни я смотрѣлъ двѣ роты приготовленныя для Государя и нашелъ ихъ въ отличномъ видѣ. Я не воздержался изъявленіемъ справедливой моей признательности всѣмъ офицерамъ и полковому командиру, которыхъ собралъ для того у себя. 4-го числа Государя ожидали съ самаго утра. Рота почетнаго караула была одѣта въ 4 часа пополудни. Я предписалъ людямъ скинуть ранцы въ ожиданіи прибытія Государя; но, одушевленные рвеніемъ и желаніемъ лучше показаться, они просили у меня позволенія оставаться въ ранцахъ, дабы не запятнать бѣлья; когда же они простояли три часа въ такомъ положеніи съ полною ношею, я приказалъ имъ сбросить ранцы. Пошелъ проливной дождь, но всѣ оставались съ неизмѣнною бодростью и къ исходу девятаго часа вечера опять выстроились. Такой же духъ одушевлялъ весь полкъ, съ нетерпѣніемъ ожидавшій счастія представиться Государю.

Было совершенно темно, когда Государь пріѣхалъ. Онъ прошелъ по фронту, всматриваясь въ людей, спросилъ имя капитана, командою былъ доволенъ и приказалъ отпустить караулъ. Сіе было исполнено съ тишиною и приличіемъ; но онъ замѣтилъ мнѣ, что при маршировкѣ люди топаютъ слишкомъ крѣпко ногою, а при становленіи ружья къ ногѣ стучатъ: все что можно найдти дурнаго однимъ слухомъ.

Смотръ двумъ батальонамъ былъ назначенъ къ другому дню у Херсонской заставы, на просторномъ ровномъ мѣстѣ, развернутымъ фронтомъ. Государь приказалъ поставить батальоны въ колонну, дабы болѣе выиграть времени въ церемоніальномъ маршѣ.

Пріѣзжіе съ Государемъ графъ Орловъ, Адлербергъ, Клейнмихель, Кавелинъ и самъ кн. Меншиковъ, который долженъ былъ проводить на другой день Государя по морскимъ заведеніямъ, изъявляли желаніе, дабы не отводить Государя за 4 версты къ Херсонской заставѣ на смотръ, опасаясь дали и потери времени въ ѣздѣ. Нѣкоторые изъ нихъ уговаривали меня поставить батальоны на площади, находящейся противъ квартиры Государя. Видя, что и самъ Государь спѣшилъ, я согласился, основываясь на томъ, что дивизіонный начальникъ, за нѣсколько дней передъ тѣмъ, сдѣлалъ репетицію церемоніальнаго марша на томъ же мѣстѣ.

Меншиковъ немедленно о томъ доложилъ Государю, который, обратившись ко мнѣ, спросилъ, можно ли это сдѣлать; ибо черезъ сіе выиграется много времени. Я отвѣчалъ, что можно, но что будетъ очень тѣсно, потому что взводы имѣли по 26 рядовъ, и слѣдственно въ дивизіонахъ будетъ ихъ 52, и захожденіе придется сдѣлать почти на самомъ мѣстѣ прохожденія. «Да напримѣръ сколько же мѣста?» спросилъ Государь.—Квадратъ, имѣющій 50 сажень въ боку, отвѣчалъ я. —«Можно, отвѣчалъ Государь; я посмотрю тебя завтра на этой площади послѣ обѣдни», и поклонившись пошелъ ложиться спать.

Ночь была лунная. Я сходилъ на площадь и нашелъ средство увеличить пространство ея снятіемъ съ двухъ сторонъ небольшой изгороди, отдѣлявшей ее отъ улицы, и опять побывалъ у князя Меншикова, прося, если возможно, доложить Государю, что мѣсто это очень тѣсно; но онъ отвѣчалъ, что этого теперь перемѣнить нельзя было и приказалъ отъ своего имени полиціи, дабы изгородь была немедленно снята. У Меншикова были Орловъ и Клейнмихель, и первый изъ нихъ шутками успокоивалъ меня на счетъ смотра, говоря, что все кончится благополучно, а что ежели я отведу ихъ къ Херсонской заставѣ, то, какъ бы ни былъ хорошъ смотръ, онъ будетъ подговаривать, что смотръ дуренъ.

Приказаніе было немедленно отдано полиціи; но ничего не было исполнено; почему и нашлись мы вынужденными употребить на то людей, которые ночью сняли изгородь, зарыли ямки и нѣсколько подровняли мѣсто.

Замѣчательно было, что графъ Орловъ, въ тотъ же вечеръ, съ самаго пріѣзда Государя, говорилъ мнѣ, что на другой день будутъ приглашены къ обѣду я, дивизіонный начальникъ, бригадный и полковой командиры. Я предупредилъ графа Орлова, что дивизіонный начальникъ послѣ смотра немедленно поскачетъ въ Одессу, для встрѣчи тамъ Государя, а что мнѣ надо будетъ ѣхать немедленно въ Севастополь, дабы не опоздать тамъ къ встрѣчѣ Государя, имѣющаго отправиться изъ Одессы моремъ. Онъ обѣщался доложить о томъ Государю и чрезъ полчаса отвѣчалъ мнѣ, отъ имени Его Величества, что Государь приглашеніе сдѣлаетъ, а каждому изъ насъ предоставляетъ поступить какъ лучше придется. Сіе было сказано безъ малѣйшаго неудовольствія; но графъ Орловъ прибавилъ отъ себя въ предупрежденіе, что въ случаѣ если Государь былъ бы недоволенъ смотромъ, то полковникъ не будетъ приглашенъ къ обѣду; впрочемъ, просилъ меня не разглашать сего, какъ и о самомъ приглашеніи, которое воспослѣдуетъ на другой день.

Въ теченіе всего вечера Государь нѣсколько разъ обращался ко мнѣ съ вопросами, но говорилъ мало, и въ обхожденіи его со мною хотя и не было ничего непріятнаго, но не замѣтно было того расположенія, которое онъ мнѣ прежде оказывалъ. Предупрежденіе на счетъ неприглашенія полковнику къ обѣду подавало поводъ къ заключенію, что смотръ не кончится благополучно.

5-го числа поутру, въ 8 часовъ, я вышелъ на площадь и началъ выставлять унтеръ-офицеровъ. Погода была холодная, и сильный вѣтеръ перемежался съ дождемъ. Къ 9-ти часамъ батальоны были выстроены, и Государь, возвращаясь изъ церкви, подошелъ къ войскамъ. Люди были одѣты отлично хорошо, равненіе какъ нельзя лучше; встрѣча сдѣлана въ порядкѣ. Государь поздоровался съ людьми и былъ принятъ съ громкими криками «ура», произносимыми каждымъ отъ души. Онъ въ первый разъ видѣлъ войско сіе, которое также его никогда не видало. Прошедши къ лѣвому флангу 3-го батальона, онъ обернулся ко мнѣ и съ улыбкою, которую я принялъ какъ изъявленіе удовольствія, сказалъ мнѣ:—«Муравьевъ, это хорошо, хорошо»; но далѣе не смотрѣлъ колоннъ и не прошелъ по флангамъ, дабы видѣть равненіе взводовъ. Потомъ, ставши на срединѣ площади, онъ приказалъ сдѣлать перемѣну дирекціи налѣво. Движеніе сіе было сдѣлано не совершенно чисто, но порядочно; нѣсколько унтеръ-офицеровъ лѣваго фланга не-

много замялись при становленіи взводовъ, что̀ вмигъ поправилось. Государь началъ сердиться. «Смотри», сказалъ онъ мнѣ, «какая стойка въ 3-мъ батальонѣ», показывая на первую шеренгу гренадерскаго взвода. «Видишь ли, какъ дурно держатся», повторялъ онъ, и по мѣрѣ, какъ онъ говорилъ, гнѣвъ его усиливался; всѣ черты лица перемѣнились, и взглядъ его принялъ тотъ грозный видъ, коего предзнаменованіе замѣтно было въ пріемахъ прежняго обхожденія его со мною. — «Ручаюсь тебѣ», продолжалъ онъ съ жаромъ, «что нѣтъ ни одного гарнизоннаго батальона, въ которомъ было бы такъ мало устройства, какъ въ этихъ войскахъ», и все повторялъ сіе, усиливая голосъ. Я всматривался. Казалось, что мы стояли довольно далеко, чтобы замѣтить такую большую неправильность въ стойкѣ, ибо батальоны были уже къ намъ обращены флангомъ. Все стояло смирно, замѣтно было маленькое шевеленіе султановъ, и я полагалъ, что число 26 рядовъ во взводѣ необыкновенно въ арміи, а благополучное состояніе здоровья въ полку семъ (въ коемъ было 56 больныхъ) прикроетъ нѣкоторые недостатки въ одиночномъ образованіи рекрутъ, коихъ во фронтѣ было 200 человѣкъ.

Скомандовали построеніе дивизіоновъ, которое было сдѣлано также порядочно; но Государь повторялъ мнѣ тѣже замѣчанія свои. Наконецъ прошли церемоніальнымъ маршемъ. Длинные дивизіоны были стѣснены еще на правомъ флангѣ народомъ, столпившимся на улицахъ, и сдѣлали цѣлое захожденіе кругомъ передъ самимъ Государемъ, такъ что лѣвый флангъ почти не сходилъ съ своего мѣста, когда правый уже подходилъ къ Государю. Равненіе утратилось. Дивизіоны стали волноваться, и люди, отыскивая линію равненія, потеряли на походѣ и выправку, которую имѣли на мѣстѣ; словомъ, прошли дурно. Къ тому еще, когда, по командѣ церемоніальнаго марша, вызваны были жалонеры, то Государь, не допустивъ ихъ до линіи, отослалъ назадъ въ батальоны, взялъ изъ стоявшихъ адъютантовъ и офицеровъ четырехъ и самъ поставилъ двухъ направо, а двухъ налѣво отъ себя.

Я самъ не замѣтилъ, но увѣряютъ меня, что линія сія была поставлена угломъ къ Государю, что̀ могло весьма легко случиться, и правые фланги дивизіоновъ не попали на нее.

Во время сего неудачнаго марша Государь былъ очень сердитъ, замѣчалъ мнѣ все сіе съ гнѣвомъ и сказалъ мнѣ, наконецъ, что не умѣютъ даже держаться дирекціональной линіи. Когда же всѣ прошли, то онъ не хотѣлъ болѣе видѣть сихъ батальоновъ въ колонномъ строю, велѣлъ ихъ отослать домой и сказалъ мнѣ, что моя обязанность была предупредить его, что сихъ войскъ нельзя было ему представлять. Потомъ спросилъ: «Кто полковникъ?» — Писаржевскій. — «Гдѣ онъ слу-

жилъ?»—Былъ адъютантомъ у графа Куруты. — «Позовите его сюда! Полкъ вашъ не дуренъ», сказалъ Государь и замолкъ на короткое время. «Нѣтъ, нельзя сказать, чтобъ онъ былъ дуренъ», и опять замолкъ. Лицо его казалось покойнымъ, и я начиналъ думать, что Государь, замѣтивъ ошибки, выставитъ то, что́ ему понравилось; но вдругъ, возвыся голосъ, онъ продолжалъ: «Полкъ вашъ не дуренъ, а гадокъ, скверенъ, какъ я въ жизни моей не видалъ хуже; хуже самаго послѣдняго гарнизоннаго батальона» (при самомъ началѣ смотра онъ меня еще спрашивалъ, имѣетъ ли полкъ сей какія-либо отличія; не догадываясь, къ чему клонился спросъ сей, я тогда же сказалъ, что Минскій полкъ имѣетъ Георгіевскія знамена и трубы за Французскую войну).

Послѣ смотра Государь возвратился домой и велѣлъ меня позвать къ себѣ въ кабинетъ. Губы его дрожали отъ гнѣва. Онъ не замѣчалъ мнѣ сдѣланныхъ ошибокъ, но просто разбранилъ тѣми же словами полкъ, прибавивъ къ тому, что относитъ сіе къ моей недѣятельности, что я много пишу, много говорю, а ничего не дѣлаю; наконецъ, что онъ не посмотритъ ни на мое званіе корпуснаго командира, ни на званіе генералъ-адъютанта, и докажетъ мнѣ, что онъ мой Государь. Упреки сіи продолжались близъ пяти минутъ. Я все время молчалъ и не опускалъ глазъ и, когда все кончилось, вышелъ.

Вскорѣ послѣ того Адлербергъ, бывшій у Государя, вышелъ отъ него и сказалъ, что Государь приказалъ арестовать полковника Писаржевскаго домашнимъ арестомъ. И съ посаженіемъ на гауптвахту? спросилъ я. — «Съ посаженіемъ на гауптвахту», отвѣчалъ онъ съ изумленнымъ видомъ. Здѣсь никого нѣтъ, кому передать сіе, то прошу васъ о семъ отдать приказаніе». Я вышелъ, приказалъ исполнить сіе и, возвратившись въ залу, опять встрѣтилъ Адлерберга, который сказалъ мнѣ: «Это не все. Государь приказалъ полкъ отнять у Писаржевскаго, и вы получите о томъ распоряженіе. «Есть ли другой на его мѣсто, спросилъ онъ, чтобы не оставить полка безъ хозяина?— Пока никого нѣтъ.» Симъ и кончилось.

Симъ повѣрилось и сказанное мнѣ въ Вознесенскѣ Бибиковымъ, положительно предварявшимъ меня о такомъ происшествіи; и я одну только минуту разувѣрился было въ справедливости сего, когда Государь, обошедши батальоны, съ улыбкою похвалилъ ихъ. Неужели въ улыбкѣ сей заключался умыселъ ввести въ бо́льшее заблужденіе?

Причины неудовольствія Государя относили къ различнымъ случаямъ. Иные говорили, что онъ былъ разгнѣванъ въ церкви, гдѣ во время обѣдни шумѣли; говорили, что предъ самымъ начатіемъ церемоніальнаго марша какая-то Гречанка подавала прошеніе съ жалобою на Отоманскую Порту; что Наслѣдникъ, замѣтивъ это, отвелъ ее прочь,

но что она, вырвавшись, подбѣжала къ Государю и вручила ему просьбу. Занимаясь войскомъ, я не могъ замѣтить сего, и послѣдствія доказали мнѣ, что причины неудовольствія крылись совершенно въ иныхъ началахъ. Я спросилъ Орлова, могу ли я уѣхать въ Севастополь; онъ сказалъ, что я очень хорошо сдѣлаю, ежели поѣду, но, остановивъ меня, сказалъ, что Государь будетъ смотрѣть военные лазареты и что потому мнѣ надо дожидаться сего смотра. Такъ какъ Государь, водимый княземъ Меншиковымъ, объѣзжалъ всѣ казенныя заведенія морскаго вѣдомства, то я нѣсколько разъ обращался къ нему и спрашивалъ, когда и съ какого мѣста Государь поѣдетъ въ лазаретъ (ибо у меня было два лазарета на двухъ разныхъ концахъ города). Меншиковъ говорилъ, что онъ о семъ ничего не слыхалъ. Когда же я ему, наконецъ, сказалъ, что мнѣ о томъ говорилъ графъ Орловъ, то онъ, подошедъ къ нему, спросилъ его, говорилъ ли онъ мнѣ это. Орловъ отперся. Когда я его увѣрялъ, что я за этимъ только остался въ Николаевѣ, ибо я безъ того бы уѣхалъ уже, онъ поклялся, что онъ мнѣ никогда не говорилъ сего. Дѣло въ томъ состояло, что Орловъ смѣшалъ госпитали съ лазаретами, коихъ разницу онъ не знаетъ. Между тѣмъ сіе было причиною, что я все время ѣздилъ за свитою Государя по всему городу, дабы не пропустить представленіемъ своихъ лазаретовъ, и ходилъ по всѣмъ казеннымъ заведеніямъ. Государь вездѣ отворачивался отъ меня и одинъ разъ только позвалъ меня въ камору дѣтей Штурманскаго училища, дабы сказать мнѣ, въ присутствіи всѣхъ, чтобы я посылалъ своихъ батальонныхъ и ротныхъ командировъ учиться у сихъ мальчиковъ стойкѣ и выправкѣ. Я поѣхалъ къ Адлербергу, дабы узнать, будетъ ли, наконецъ, Государь въ лазаретахъ и узналъ отъ него опредѣлительно, что Государь хотѣлъ посѣтить полковой лазаретъ. Я опять поскакалъ къ тому мѣсту, гдѣ Государь находился, и сказалъ сіе Орлову и Меншикову. Орловъ въ разсѣянности полагалъ, что я ошибкою отнесъ къ нему слова Адлерберга, а Меншиковъ тогда о томъ спросилъ Государя и получилъ въ отвѣтъ, что лазаретовъ смотрѣть не будетъ. Я опять ѣздилъ къ Адлербергу, дабы спросить, могу ли я ѣхать въ Севастополь; онъ совѣтовалъ мнѣ оставаться въ городѣ до послѣдней минуты выѣзда Государя и, принимая участіе въ случившемся съ Минскимъ полкомъ, просилъ меня объяснить, по какой причинѣ люди, какъ замѣтилъ Государь, не имѣютъ хорошей выправки. Я объяснилъ ему хорошее состояніе, въ которомъ полкъ находился и сказалъ, что причиною сего ранцы, нагруженные всѣмъ слѣдующимъ, чего не соблюдаютъ ни во всей арміи, ни въ гвардіи, прибавивъ къ тому, что если бы мнѣ впрочемъ и пятнадцать разъ случилось имѣть отъ того неудачу при смотрахъ, то я никогда не измѣню

правилъ своихъ и не дозволю никогда ни себѣ представлять войскъ, ни представлять самому Государю обманчиво, съ одними признаками военныхъ людей готовыхъ къ походу, и что войска моего корпуса, не имѣющія блеску другихъ, не менѣе того одѣты прочно, содержаны хорошо и способны ко всякому движенію и къ перенесенію трудовъ.

Государь выѣхалъ изъ Николаева въ Одессу въ 5-мъ часу пополудни, и вслѣдъ за нимъ и я выѣхалъ и прибылъ въ Севастополь 7-го числа въ вечеру.

14 Сентября, Севастополь.

9-го числа мы ожидали прибытія Государя. Въ ночи на 10-е пришелъ пароходъ изъ Одессы, на коемъ были Адлербергъ и Орловъ. Я вскорѣ узналъ, что смотръ двумъ батальонамъ Подольскаго полка въ Одессѣ также былъ неудаченъ, и черезъ нѣсколько времени получилъ письменное свѣдѣніе отъ генерала Ширмана съ подробностями сего обстоятельства. Государь былъ недоволенъ церемоніальнымъ маршемъ обоихъ батальоновъ и съ угрозами сказалъ Ширману, что онъ его осрамитъ передъ цѣлой арміей, отказавъ ему отъ дивизіи. Между прочимъ онъ тутъ же на площади приказалъ Ширману для образованія войскъ снимать примѣръ со вновь формированныхъ Дунайскихъ казаковъ, коихъ команда тутъ находилась. Государь сердился за то, что изъ уборныхъ двухъ часовыхъ одинъ былъ ниже ростомъ другаго, за то, что одинъ изъ часовыхъ (присланный изъ Образцоваго полка) заторопѣвши отдалъ честь, тогда какъ уже поданы были свѣчи. По первому случаю Ширманъ объяснилъ, что часовой малаго росту попался отъ того, что другаго отпустили за нуждою. Во все время пребыванія Государя въ Одессѣ онъ былъ очень сердитъ и нѣсколько разъ жаловался на войска.

10-го числа въ полдень пароходъ «Сѣверная Звѣзда», на коемъ находились Государь, Государыня и Наслѣдникъ, бросилъ якорь въ Севастополѣ подлѣ Графской пристани. Всѣ приготовленія къ пріѣзду Государя были сдѣланы по возможности; но здѣсь не было ни того простору, ни той роскоши, какъ въ Вознесенскѣ. Всѣ экипажи для двора и верховыя лошади были даны отъ войскъ. Морскія же власти, хотя и мѣстныя, но повидимому воздержались отъ принятія въ семъ дѣлѣ участія. Съ 8 часовъ утра всѣ уже дожидались Государя. Много было пріѣзжихъ придворныхъ, и всѣ толпились около пристани. Рота почетнаго караула Брестскаго полка съ утра стояла въ готовности противу дворца, находящагося въ нѣкоторомъ разстояніи отъ пристани. Другая рота почетнаго караула поставлена была у квартиры приготовленной для эрцгерцога Іоанна, противъ самой пристани.

По правиламъ гарнизонной службы мѣсто мое было на правомъ флангѣ царскаго караула; но Государь съ выходомъ на берегъ долженъ былъ, по всему правдоподобію, подойти къ первымъ встрѣтившимся ему войскамъ караула эрцгерцога Іоанна, гдѣ мнѣ также надо было встрѣтить Его Величество, а потому я избралъ себѣ мѣсто на послѣднихъ ступеняхъ самой пристани, гдѣ и полагалъ встрѣтить Государя.

Вскорѣ съѣхалъ на берегъ адъютантъ князя Меншикова, капитанъ-лейтенантъ Васильевъ, который, суетливо бѣгая взадъ и впередъ по берегу, сказалъ мимоходомъ стоявшему подлѣ меня коменданту барону Розену: «Не угодно ли вашему превосходительству ѣхать на пароходъ Государя?», не удостоивъ его даже взгляда. Комендантъ отправился. Ко мнѣ не было ни слова. Я спросилъ Васильева, скоро ли Государь съѣдетъ на берегъ. — «Не знаю-съ», было отвѣтомъ. Оскорбленіе сіе было для меня чувствительно и какъ мнѣ тутъ болѣе ничего не оставалось дѣлать, то я взбѣжалъ на лѣстницу назадъ и сталъ у караула эрцгерцога. Народъ, столпившійся въ семъ мѣстѣ, раздался, и мнѣ казалось видѣть въ глазахъ каждаго свои заключенія.

Вскорѣ пришло извѣстіе, что Государь останется обѣдать на пароходѣ, а почетнымъ карауламъ велѣно было скинуть ранцы. Люди стояли одѣтыми, и мы всѣ съ ними съ 8 часовъ утра по 4-й часъ пополудни; но я уже не сходилъ къ берегу, а оставался у караула эрцгерцога.

Въ 4-мъ часу Императорская фамилія съѣхала на берегъ, и Государь, увидѣвъ меня, не подошелъ къ караулу, а проѣхалъ мимо къ своему караулу, гдѣ я его нагналъ тогда, когда онъ прошелъ уже до половины роты. По осмотрѣ всей роты онъ обернулся ко мнѣ, принялъ рапортъ и похвалилъ караулъ, но прибавилъ: «Все-таки у нихъ что-то въ стойкѣ есть». Потомъ онъ позвалъ меня къ себѣ въ комнату, приказалъ представить караулъ эрцгерцогу и возвратиться къ нему. Онъ опять похвалилъ свой караулъ, замѣтилъ ошибку сдѣланную въ командныхъ словахъ капитана, жаловался на Одесскій смотръ, упомянулъ объ отданной ему чести при свѣчахъ, о неравенствѣ роста часовыхъ, говорилъ о генералѣ Унгебаурѣ, какъ о человѣкѣ прежде больше способномъ къ службѣ, но нынѣ ослабшемъ, чтó можно видѣть взглянувши на него, «но я, продолжалъ онъ, перевелъ его на службу въ Московскій корпусъ, гдѣ его поразбудятъ».

Видно было неудовольствіе Государя, но рѣчь его была умѣренна и выговорена съ спокойствіемъ. Онъ отдалъ приказаніе для смотра на другой день и съ улыбкой спросилъ: «Хорошъ ли будетъ?» Я сперва замолчалъ, не рѣшаясь произнести мнѣніе свое въ пользу войскъ, дабы не повредить имъ; но когда онъ повторилъ свой вопросъ, то я

отвѣчалъ, что мы надѣемся представиться порядочно Его Величеству. Во время разговора сего онъ жаловался на незнаніе наше гарнизонной службы и на ошибки, происходившія на прежнихъ смотрахъ, на неправильную стойку замѣченную имъ въ войскахъ, и т. п. Я сослался на усиленныя работы, коими занимались здѣсь и отъ которыхъ у насъ оставалось очень мало времени для обученія людей. Онъ спрашивалъ, подмазывалъ ли я войска къ пріѣзду его; но я отвѣчалъ, что не могъ сего сдѣлать.

Приказаніе мною было отдано, и 11-го числа было выведено къ 10 часамъ въ строй 28 батальоновъ и 32 орудія. Государь пріѣхалъ въ назначенный часъ и приказалъ мнѣ отдать рапортъ эрцгерцогу, который съ нимъ ѣхалъ. Его Величество объѣхалъ всѣ три линіи и съ сердцемъ замѣтилъ мнѣ, что въ одномъ батальонѣ Бѣлостоцкаго полка знаменщикъ держалъ знамя обѣими руками передъ собою, что барабанщики были построены въ двѣ шеренги, тогда какъ ихъ надо строить въ три, когда ихъ больше 9-ти. Другихъ замѣчаній не было. Войска имѣли очень хорошій видъ. Знаменщикъ подхватилъ знамя другою рукою вѣроятно отъ того, что тогда дулъ сильный вѣтеръ, который рвалъ у него знамя съ плеча; сказанное же правило о барабанщикахъ, сколько мнѣ помнится, въ уставѣ относится только къ построенію карауловъ. Изъ сего начала можно было предвидѣть, что конецъ не будетъ хорошъ.

Начался церемоніальный маршъ, все происходило въ порядкѣ и тишинѣ, безъ всякой суеты прошли подивизіонно и сомкнутыми полковыми колоннами. Я съ удовольствіемъ видѣлъ успѣхи сдѣланные войсками со времени отъѣзда моего въ Вознесенскъ: люди были бодрые съ духомъ, равнялись хорошо, ошибокъ не было ни въ построеніяхъ, ни въ массахъ; но были нѣкоторые небольшіе недостатки, которые вездѣ случаются, а еще болѣе въ войскѣ, которое все лѣто занимается почти безсмѣнно работами. Бѣлостоцкій полкъ прошелъ даже отлично хорошо; но не суждено было намъ понравиться. Государь сталъ сердиться уже съ появленіемъ перваго полка, говоря, что шагъ коротокъ, и показывалъ рукою знакъ, дабы подвигались быстрѣе; но шагъ былъ законной мѣры и длины, и нельзя было подъ шумъ музыки и барабановъ вдругъ перемѣнить въ цѣломъ полку размѣръ шага, а еслибы и удалось сіе сдѣлать въ иныхъ частяхъ, то могъ отъ того послѣдовать безпорядокъ. Въ одномъ изъ полковъ свалилась съ солдата каска и осталась на самомъ мѣстѣ прохожденія. Я радовался, видя сіе: ибо бѣда небольшая была, что каска свалилась, а инструментъ сей свидѣтельствовалъ передъ Государемъ, что мы его носимъ тогда, какъ сего не дѣлается во всей арміи; но Государь, замѣтивши на другомъ солдатѣ, что черенокъ лопатки отвалился отъ плеча, сказалъ мнѣ съ гнѣ-

вомъ: «Даже и этого не умѣютъ пригнать порядочно. Смотри!» сказалъ онъ, показывая на лежавшую каску. Я вспомнилъ, что на Вознесенскомъ смотру мѣсто прохожденія было покрыто свалившимися котлами, помпонами и другими вещами, между коими лежала и одна офицерская шляпа, на которую фыркали всѣ лошади; нестроевые бросались подбирать ихъ, флигель-адъютанты разгоняли ихъ. Но Государь тогда не сердился за растерянныя вещи, а только на нестроевыхъ.

Въ числѣ ошибокъ было то, что нѣсколько дивизіоновъ утратили дистанціи, и что одинъ батальонный адъютантъ отбѣжалъ далеко отъ музыкантовъ. Приказано было арестовать одного изъ ротныхъ командировъ. Впрочемъ подивизіонно прошли почти всѣ хорошо, и Государь многихъ благодарилъ. Полковыми колоннами также прошли хорошо, исключая Люблинскаго полка, который ослабъ отъ большаго числа лихорадочныхъ, вдругъ появившихся въ немъ вслѣдствіе пребыванія полка сего на работахъ въ нездоровомъ мѣстѣ, въ Инкерманѣ. Государь замѣтилъ только, что у нихъ болѣзнь написана на лицахъ; я отвѣчалъ, что полкъ больной.

При построеніи по второму прохожденію полковыхъ колоннъ, онъ приказалъ мнѣ вывести 13-ю дивизію на новую линію и остановиться, чтó и было сдѣлано; между тѣмъ 15-я строила свои колонны, а за нею строилась артиллерія. Все сіе происходило въ порядкѣ и тишинѣ, но ко мнѣ прискакалъ отъ Государя Адлербергъ сказать, что Его Величество недоволенъ безпорядкомъ происходившимъ въ 15-й дивизіи. Я взглянулъ въ ту сторону; все исполнялось какъ должно, и я отвѣчалъ, что не замѣчаю безпорядка никакого. «Да они не построены еще въ колонны», сказалъ онъ.—Строятся, отвѣчалъ я и сейчасъ кончатъ построеніе.—«А артиллерія?»—Артиллерія строится, а если прежде окончанія тронуть съ мѣста, то построится и рысью.—«Слѣдовательно у васъ все готово?» — Готово, отвѣчалъ я. И все было въ наилучшемъ видѣ на своемъ мѣстѣ.

Говорятъ, что Государь крикнулъ, не сходя съ своего мѣста, на 15-ю дивизію: «Скоты! Колоннъ не умѣютъ построить!» Но я не слыхалъ сего и не знаю, чтó къ тому могло служить поводомъ.

Во время смотра Государь сидѣлъ все время верхомъ, отвернувшись отъ меня. Онъ подзывалъ къ себѣ дивизіонныхъ начальниковъ и командировъ Бѣлостоцкаго и Литовскаго полковъ, съ коими говорилъ, казалось, безъ угрозъ. Полковниковъ онъ благодарилъ. Даненбергу сказалъ, что онъ офицеръ старой школы и все̂ это знаетъ, а потому и учить его нечего, что войска его отчасти порядочны, впрочемъ очень плохи. Кажется, что почти тоже самое сказано было и Соболевскому. Такъ какъ Государь благодарилъ многіе дивизіоны и полки по оди-

ночкѣ, то я полагалъ, что смотръ былъ довольно удаченъ, но разувѣрился въ томъ, когда Государь, отъѣзжая, сказалъ мнѣ съ сердцемъ, что гаже этихъ войскъ нѣтъ во всей Русской арміи. Впрочемъ, во все время проѣзда Государя по мѣстамъ расположенія корпуса, онъ разно говорилъ о войскахъ: иногда сказывалъ, что онъ зналъ о слабомъ состояніи войскъ 5-го пѣхотнаго корпуса, но не полагалъ ихъ найдти разстроенными до такой степени; другой разъ говорилъ онъ, что находитъ войска сіи въ лучшемъ видѣ, нежели онъ ожидалъ.

Послѣ обѣда Государь поѣхалъ осматривать батареи, морскіе арсеналы и госпиталь. Онъ также хотѣлъ побывать въ баракахъ Пражскаго полка и въ сухопутномъ госпиталѣ.

Симферополь, 17 Сентября.

Не зная съ точностію времени, когда онъ посѣтитъ сухопутныя заведенія, я поѣхалъ на Александровскую батарею, которую онъ осматривалъ, дабы не упустить его, когда онъ поѣдетъ въ лагерь, и пробылъ съ полчаса на сей батареѣ. Государь со всѣми занимался и былъ со всѣми ласковъ и привѣтливъ; но, увидя меня, принялъ грозный видъ и все время отъ меня отворачивался, когда встрѣчался. Окружавшіе его какъ бы опасались подойти ко мнѣ, какъ къ преступнику; но я въ присутствіи Государя подошелъ къ Адлербергу и къ Орлову и спросилъ ихъ порознь, можно ли войти съ представленіемъ къ наградамъ. Каждый изъ нихъ отвѣчалъ, что объ этомъ и думать нельзя, что Государь очень недоволенъ и что они не совѣтуютъ мнѣ даже просить о томъ Государя. Я отвѣчалъ, что я не располагалъ просить о томъ, но только ихъ спрашивалъ, можно ли это сдѣлать. Я спросилъ ихъ, будутъ ли по крайней мѣрѣ генералы и полковые командиры представляться Государю, Наслѣднику и принцамъ. Никакихъ представленій не будетъ, отвѣчали они съ видомъ испуганнымъ, котораго я никакъ не понимаю. Одинъ только Наслѣдникъ показывалъ участіе ко мнѣ. Еще въ Николаевѣ, по выходѣ моемъ изъ кабинета Государя, онъ бралъ меня за руку и какъ будто старался успокоить меня привѣтливостію своею. Когда Государь отъѣхалъ послѣ смотра, онъ подъѣхалъ ко мнѣ и похвалилъ полки двухъ дивизій. Вы очень милостивы, Ваше Высочество, отвѣчалъ я; мы видимъ недостатки свои, но утѣшались тѣмъ, что, превозмогая всѣ предстоящія намъ затрудненія къ усовершенствованію, подвигались хоть понемногу впередъ. Во всѣхъ случаяхъ онъ велъ себя такимъ же образомъ и тутъ же на баттареѣ нѣсколько разъ обращался ко мнѣ съ разсужденіемъ на счетъ дѣйствій орудій, говоря, что есть чѣмъ принять непріятеля. Я отвѣчалъ, что са-

мое вѣрное средство было бы его пустить на берегъ; онъ понялъ мысль мою и продолжалъ съ улыбкою: «И уже тутъ принять ихъ на берегу!»

Мнѣ неловко было выдти изъ батареи бѣглецомъ, а потому я рѣшился стать посреди ея одинъ съ адъютантомъ, явно пренебрегая уклончивостію прочихъ; но когда Государь поѣхалъ на другую батарею, то я самъ уклонился отъ подобнаго оскорбительнаго для меня обхожденія и остался на высотахъ, наблюдая за направленіемъ Государя; а когда Его Величество сѣлъ въ лодку и поѣхалъ къ сухимъ докамъ, то я объѣхалъ гору и остановился на возвышеніи Морскаго госпиталя, гдѣ около часа ожидалъ прибытія Государя; но Государь, обошедъ гору, направился отъ доковъ обратно къ Морскому арсеналу, куда и я поѣхалъ отнюдь не съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы показаться, но съ тѣмъ, чтобы не упустить случая проводить его по мѣстамъ мнѣ подвѣдомственнымъ. Я остановился у самаго выхода съ генераломъ Романовичемъ, пріѣхавшимъ ко мнѣ. Государь прошелъ мимо насъ и, обратившись къ Романовичу, говорилъ съ нимъ, велѣлъ ему отправиться къ мѣсту своего новаго назначенія, а мнѣ, отъ коего сіе зависѣло, не сказалъ ни слова. Было уже поздно, Государь, осмотрѣвъ часть морскихъ казармъ, возвратился. Я остановился дожидаться его у находившагося тутъ баталіона Замосцькаго полка на пересыпи; но онъ, не доѣхавъ до сего мѣста, сѣлъ въ лодку и поѣхалъ въ городъ.

Въ тотъ же вечеръ я зашелъ къ графу Орлову и на свободѣ объяснилъ ему всѣ обстоятельства корпуса и затрудненія, предстоявшія къ скорому образованію его, изобразилъ ему трудность производившихся нами работъ, малое время остающееся намъ для фронтовыхъ занятій, сбродъ преступниковъ, ссылаемыхъ ко мнѣ со всей Россіи, коихъ число превышало 4 тыс. человѣкъ, переводы большаго числа офицеровъ изъ кавалеріи, по неспособности, ко мнѣ, недостатокъ въ помѣщеніи, такъ что мы должны сами строиться, дабы пріобрѣсти себѣ кровъ, чему не подвержены другіе корпуса; неблагопріятство мѣстнаго начальства, отказывающаго намъ во всѣхъ законныхъ пособіяхъ даже для помѣщенія больныхъ; глазную болѣзнь, свирѣпствовавшую все лѣто и непрекращаемую неусыпнымъ попеченіемъ своихъ начальниковъ; наконецъ сказалъ ему, что, при всѣхъ сихъ неудобствахъ и препятствіяхъ, войска, которыя были чрезвычайно разстроены, пріобрѣли теперь уже правильное управленіе по части хозяйственной, военно - судной и въ отношеніи къ дисциплинѣ, предметы всѣ весьма важные, безъ коихъ не могла никакимъ образомъ успѣвать фронтовая часть; что, не взирая на безпрерывныя движенія, въ коихъ полки сіи находились, такъ что иные въ теченіе 15 мѣсяцевъ провели только по 6 недѣль на своихъ квартирахъ, они являютъ первую красу войскъ: большое число рядовъ

во фронтѣ, совершенную гласность всѣхъ людей, ихъ собственности, переносятъ хорошо труды, на переходахъ не оставляютъ усталыхъ, исполнены духа, прочны къ дѣйствію и что я, трудясь надъ образованіемъ ихъ съ совѣстливостію, отъучилъ ихъ отъ обманчивыхъ пріемовъ введенныхъ во всей арміи, даже въ гвардіи, что люди мои выходятъ на ученье не иначе какъ въ ранцахъ съ полною уклажею, чего нигдѣ не дѣлается и отъ чего люди теряютъ тотъ осанистый видъ, который имъ дается при первомъ образованіи, что я на себя никогда не принималъ обязанности промышленниковъ, представляющихъ все въ ложномъ видѣ; не умѣя иначе дѣлать, не ручаюсь за быстрые успѣхи при нынѣшнихъ трудахъ, а всегда буду основываться на тѣхъ же правилахъ. Графъ Орловъ, казалось, въ мои мысли вникъ,. но раздѣлялъ предубѣжденіе о наружномъ состояніи сихъ войскъ, которыя далеко не были такъ дурны, какъ то находили.

По возвращеніи домой я почувствовалъ лихорадочный припадокъ, а потому и рѣшился не выходить на другой день, въ который Государь располагалъ осмотрѣть сухопутныя заведенія.

12-го числа Государь взошелъ въ нѣсколько палатъ Сухопутнаго госпиталя, входилъ также въ три флигеля Пражскихъ казармъ, находившихся съ краю. Я надѣялся, что онъ обратитъ вниманіе на сіи обширныя каменныя строенія, воздвигнутыя войскомъ безплатно и внѣ счета государственныхъ работъ и что зданія сіи оправдаютъ тѣ недостатки, которые замѣчены были по фронтовому образованію; но сего не было. Государь посмотрѣлъ больныхъ и ни слова не сказалъ о строеніи. Князь же Меншиковъ замѣтилъ, что строенія сіи сложены не на известкѣ, а на глинѣ (какъ строятся всѣ дома въ Севастополѣ).

Въ лагеряхъ, изготовленныхъ къ встрѣчѣ Государя, онъ не былъ и болѣе ничего не видалъ сухопутнаго вѣдомства.

Но сей день назначенъ былъ для новыхъ огорченій, коихъ я избѣгнулъ. Проходя мимо лагерей Пражскаго полка, Государь приказалъ спустить лагерные караулы. Старый и хорошій ефрейторъ, взявъ ружье, пошелъ по цѣпи снять часовыхъ, но оробѣвши отъ присутствія Государя, котораго войска сіи никогда еще не видали, или не понявши даннаго ему приказанія, потерялся, подошелъ къ часовому, сдѣлалъ на караулъ и всталъ какъ вкопанный. Случай сей, какъ мнѣ говорили, послужилъ поводомъ ко многимъ упрекамъ въ незнаніи службы и нерадѣніи начальниковъ. При осмотрѣ Морскаго госпиталя Государемъ морское начальство, встрѣтивши вдругъ надобность поставить одного вѣстоваго для отпиранія дверей у арестантской каморы, схватило внезапно изъ находившейся тутъ гауптвахты одного солдата и приказало

ему стать у дверей; солдатъ сей, стоявшій въ караулѣ цѣлый день и ночь въ дождь, не былъ одѣтъ опрятно. Новые упреки.

Почетные караулы, содержимые нами у двора, у принцевъ въ теченіе трехъ сутокъ, выдержали сей опытъ во все время безукоризненно, ни одинъ часовой, ни одинъ ефрейторъ не подвергся замѣчанію; но въ сей день Государь, подошедъ къ одному унтеръ-офицеру и найдя, что онъ дурно держится, вскрикнулъ на него: «Держись порядочно!» Солдатъ встрепенулся.—«А такъ ты зналъ, какъ должно держаться, не хотѣлъ дѣлать этого!» сказалъ ему Государь съ сердцемъ. «Шевроны долой!» И человѣкъ сей былъ лишенъ навсегда преимуществъ безпорочнаго служиваго и права выходить въ отставку.

Вскорѣ за этимъ фл.-ад. капитанъ Астафьевъ былъ назначенъ для обученія въ теченіе 6 мѣсяцевъ 5-го корпуса службѣ. Я узналъ, что когда Государь его назначалъ для сего, то онъ спросилъ его, какъ онъ къ сему дѣлу приступитъ. «Повѣрю сперва знаніе людей присланныхъ изъ Образцоваго полка», отвѣчалъ Астафьевъ.—«А потомъ?» спросилъ Государь.—Потомъ повѣрю людей учебныхъ командъ. «А потомъ что́?» А тамъ не знаю что́ дѣлать, ибо некому передавать правилъ сихъ: люди всѣ на работѣ. Говорятъ, что Государь на сей отвѣтъ призадумался. Астафьевъ являлся ко мнѣ и сказывалъ, что Государь его спрашивалъ о видѣнномъ имъ до пріѣзда Его Величества и когда онъ сказалъ, что видѣлъ почетный караулъ, то Государь спросилъ, каковъ онъ былъ?—Хорошъ, отвѣчалъ Астафьевъ, все было въ порядкѣ, люди дѣло свое знали; нѣсколько человѣкъ только, держа ружья на плечѣ, понизили немного приклады, что́ тутъ же и было имъ исправлено. «Чай корпусный командиръ на тебя посердился за это?» сказалъ Государь. — Напротивъ того, генералъ Муравьевъ самъ просилъ меня поправить ошибки, которыя я замѣчу.

Астафьевъ и приступилъ на другой день къ возложенной на него обязанности и нашелъ образцовыхъ людей въ порядкѣ. Ему поручено, какъ онъ мнѣ говорилъ, произвести родъ слѣдствія для открытія причинъ, по коимъ правила Образцоваго полка не переданы въ войска этого корпуса. Но изо всѣхъ вышеписанныхъ обстоятельствъ ясно видно, что не войска были причиной гнѣва Государя: ибо замѣченныя имъ ошибки были частныя и могли случиться въ самыхъ блестящихъ по наружности войскахъ, гдѣ они даже часто и случаются и въ бо́льшемъ количествѣ, чѣмъ въ эти три дня у насъ было. О терпимыхъ нами недостаткахъ и преодолѣваемыхъ нами затрудненіяхъ было нѣсколько разъ доводимо письменно до свѣдѣнія военнаго министра, и однажды было получено повелѣніе усиливать работы, хотя бы чрезъ то мало оставалось времени для занятій по фронту. Я лично докладывалъ о

всѣхъ сихъ обстоятельствахъ Государю, говорилъ его окружающимъ; но тогда это не было принято во вниманіе, ничего знать не хотѣли, и мнѣ же сказано было въ Николаевѣ, что я много пишу, много говорю, а мало дѣлаю. Хотѣли оскорбить меня и коснулись самой чувствительной струны: моихъ подчиненныхъ, въ лицѣ коихъ наказывали меня за преступленія мнѣ неизвѣстныя.

Неудовольствія сіи обнаруживались еще отчасти въ Вознесенскѣ въ недовѣрчивомъ взглядѣ Государя и въ томъ, что послѣднее время меня не приглашали болѣе къ собственному столу Его Величества, куда собирались корпусные командиры. Я не могъ узнать, кто настоящій виновникъ сему, но слышалъ, что фельдмаршалъ Паскевичъ въ Одессѣ, говоря Государю обо мнѣ, произнесъ: Je Vous avais dit, Sire, que ce n'est qu' un pédant incapable de rien commander *).

12-го же числа Государь уѣхалъ въ Бахчисарай къ Императрицѣ, а 13-го возвратился въ Севастополь для осмотра флота. Онъ не въѣзжалъ въ городъ. Я не выходилъ съ квартиры, но въ лагерѣ готовы были встрѣтить Его Величество. Государь осматривалъ почти всѣ крѣпости и корабли и, плывя мимо мыса, на которомъ стоитъ лагерь 13-й дивизіи въ близкомъ разстояніи, поздоровался съ матросами сосѣдственнаго корабля. Солдаты, услышавъ привѣтствіе съ берега, приняли его на свой счетъ, отвѣчали и съ крикомъ «ура» бросились изъ лагеря къ самому берегу со своими начальниками. Толпа сія долго стояла на берегу, кричала «ура», кидая шапками вверхъ. Бывшіе на суднѣ съ Государемъ говорили, что онъ при видѣ сего улыбнулся, съ трудомъ могъ знаками и рукою привести людей въ молчаніе и, удаляясь отъ мыса, будто отвернулся и утеръ слезы. Государь безъ сомнѣнія ошибочно предполагалъ духъ непріязни къ себѣ въ сихъ войскахъ. Злонамѣренные люди тщились убѣждать Государя въ семъ мнѣніи о войскахъ преданныхъ ему всѣмъ сердцемъ. Можетъ быть, при семъ случаѣ замѣтилъ онъ ошибку свою.

Не взирая на всѣ неустройства флота и злоупотребленія, на коихъ основаны приморскіе города наши въ семъ краю, Государь остался очень доволенъ флотомъ и тутъ же послалъ вице-адмиралу Лазареву Александровскую ленту, переступивъ очередную Бѣлаго Орла. Вслѣдъ за этимъ Государь уѣхалъ въ Бахчисарай.

14 и 15-го я оставался дома. Мнѣ извѣстно, что графъ Орловъ на отзывъ Меншикова, сказавшаго, что въ войскахъ сихъ нѣтъ сноровки, возразилъ слышанными отъ меня выраженіями, что пріемовъ сихъ отъ меня никогда ожидать не должно, что они противны моему

---

*) Я Вамъ говорилъ, Государь, что это педантъ неспособный чѣмъ либо управлять.

образу мыслей и что я въ правилахъ имѣю показывать вещи въ настоящемъ ихъ видѣ, не скрывая истины. Астафьевъ также говорилъ мнѣ, что когда Государь замѣчалъ ему недостаточную выправку людей, то онъ отозвался, что причиною сему полная ноша, въ которую люди одѣвались въ семъ корпусѣ, безъ всякой уклончивости «Я сего желаю», отвѣчалъ Государь.—Но того не дѣлается, Ваше Величество, нигдѣ ни въ арміи, ни въ гвардіи; въ ранцахъ никогда не кладется ни сухарей, ни полныхъ вещей. На это Государь ничего не отвѣчалъ.

15-го я переѣхалъ въ Сѣверное укрѣпленіе ночевать. Князь Меншиковъ навѣстилъ меня передъ отъѣздомъ и между разговорами спрашивалъ меня, не полагаю ли я чьихъ либо происковъ причиною полученныхъ мною неудовольствій. Я отвѣчалъ, что не могу подозрѣвать въ томъ графа Воронцова виновнымъ, потому что мнѣ Государь ни слова не говорилъ о взаимныхъ сношеніяхъ нашихъ; что графъ Воронцовъ, руководимый въ мнѣніяхъ своихъ другими, самъ никогда не зналъ, что́ подписывалъ, а потому и затруднился бы объяснять, въ чемъ состоятъ его неудовольствія на меня. Я продолжалъ, что, хотя я никогда не удостоивалъ графа Витта согласіемъ къ изложенію передъ мною своихъ тайнъ, но послѣднее объясненіе его въ Вознесенскѣ, коимъ онъ хотѣлъ увѣрить меня въ томъ, что онъ опровергъ предъ Государемъ взведенныя на меня клеветы графомъ Воронцовымъ, подаютъ мнѣ поводъ къ предположенію, что онъ, напротивъ того, говорилъ противъ меня; что впрочемъ дѣло сіе такъ черно и я столь мало уважаю ябедниковъ, что не располагаю и отыскивать ихъ, и симъ прекратилъ разговоръ о семъ дѣлѣ. Князь Меншиковъ повидимому старался развѣдать о моихъ будущихъ намѣреніяхъ; говорилъ, что, не взирая на многія ошибки, Государь остался доволенъ флотомъ. «Ужъ дослужить, говорилъ онъ, какъ нибудь этотъ послѣдній годъ, а тамъ и оставить службу». Но я ему ничего на это не отвѣчалъ, а только показалъ нѣкоторыя бумаги, полученныя мною въ недавнемъ времени, о придержательствѣ морскими чиновниками бѣглыхъ солдатъ.

Весьма легко статься можетъ, что онъ также способствовалъ стороною къ симъ неудовольствіямъ, доведя до свѣдѣнія Государя о нѣкоторыхъ частныхъ безпорядкахъ, замѣченныхъ въ войскахъ, между коими находится нѣсколько тысячъ бродягъ и преступниковъ. Отъ нихъ сіе легко можетъ случиться, и ему, какъ всему флотскому начальству, должно быть непріятно всякое столкновеніе съ порядочнымъ управленіемъ, какъ наше сухопутное. Въ прошедшемъ году еще входили они съ доносами на насъ на счетъ вывоза казеннаго желѣза; но дѣло сіе тогда же на нихъ обратилось, и сіе не могло быть пріятно для морскаго начальства. Впрочемъ, нѣсколько дней тому назадъ Меншиковъ

самъ говорилъ своему адъютанту: «Подмазали какъ будто бы и флотъ».

16-го я пріѣхалъ въ Симферополь, дабы съѣздить въ Керчь, гдѣ стоитъ у меня рота, и откланяться тамъ Государю, располагавшему прибыть туда 20-го числа; но, заставъ здѣсь Адлерберга, узналъ отъ него, что маршрутъ Государя перемѣненъ и что онъ прибудетъ только 22 числа въ Керчь.

Я имѣлъ долгій разговоръ съ Адлербергомъ и какъ я передъ выѣздомъ своимъ изъ Севастополя изготовилъ подробную записку съ объясненіемъ всѣхъ недостатковъ, терпимыхъ нами здѣсь и причинъ, замедляющихъ наше фрунтовое образованіе, то я ему прочиталъ записку сію и объяснилъ, что, не взирая на всѣ сіи затрудненія, я радовался еще, что войска подвигались хотя нѣсколько впередъ по образованію своему. Онъ просилъ у меня сей записки, дабы, перечитавши ее нѣсколько разъ, затвердить предметы и доложить объ нихъ при случаѣ Государю; но такъ какъ уже я принялъ намѣреніе удалиться (чего ему однакоже не говорилъ), то я ему не отдалъ сей записки, прося его не отнести сего къ недовѣрчивости моей къ нему, по причинамъ мнѣ одному извѣстнымъ. Государь — судья, сказалъ я ему, и оправдываться мнѣ не слѣдъ. Я въ самомъ дѣлѣ полагалъ, что мѣра сія была бы излишняя, когда, вопреки всѣхъ предварительныхъ объясненій, письменныхъ и словесныхъ, меня непремѣнно хотѣли обвинить. Адлербергъ сказывалъ, что онъ готовъ объяснить Государю все сіе и даже сказать, что въ 5-мъ корпусѣ ранцы грузятся сухарями и всею укладкою, отъ чего солдатъ теряетъ осанку, но что онъ не рѣшится довести до свѣдѣнія Государя, что сего не дѣлается во всей арміи и гвардіи. Я отвѣчалъ, что и не прошу его о семъ, а только буду такъ себя вести, пока служить буду и т. п. «Мы впрочемъ съ графомъ Орловымъ все это говорили Государю; но онъ не уважилъ нашихъ представленій и полагаетъ причиною то, что вы сами мало свѣдущи по фронту, что ваши дивизіонные начальники также неопытны, какъ наприм. Даненбергъ, обращавшійся больше съ бумагами, и Ширманъ, бывшій до того комендантомъ; да и начальникъ штаба у васъ по этой части не помощникъ».—Гасфортъ, отвѣчалъ я, офицеръ достойный уваженія во многихъ отношеніяхъ; по фронту онъ болѣе теоретикъ, нежели практикъ. Ширманъ зубы съѣлъ на фронтѣ и въ семъ отношеніи съ отличіемъ служилъ въ гренадерскомъ корпусѣ и кромѣ того военный офицеръ: онъ весь израненъ. Соболевскій дѣло свое знаетъ хорошо; а Даненбергъ имѣетъ другія достоинства, заслуживающія большаго уваженія. Что же до меня касается, то если я не изъ первыхъ мастеровъ сего дѣла, то безъ сомнѣнія знаю сколько нужно по званію моему; кромѣ дивизіонныхъ начальниковъ я имѣю хорошихъ помощниковъ въ

бригадныхъ и многихъ полковыхъ командирахъ, имѣю по сей части молодцевъ и между батальонными и ротными командирами и, наконецъ, унтеръ-офицеровъ и ефрейторовъ совершенно знающихъ свое дѣло, и охотно сознаюсь въ томъ, что при обширномъ кругѣ важнѣйшихъ занятій я не могъ себя посвятить исключительно сей части, съ чѣмъ и Адлербергъ согласился. При семъ случаѣ я спросилъ его, полагаютъ ли они, чтобы другіе корпусные командиры были въ семъ отношеніи опытнѣе меня, и корпуса ихъ лучше моего, какъ наприм. Крейцъ и Гейсмаръ (которые о семъ дѣлѣ никакого понятія не имѣютъ). — «Крейцъ точно не знаетъ, сказалъ Адлербергъ, а Гейсмаръ очень свѣдущъ по фронтовой части». Я не выводилъ его изъ заблужденія; ибо люди, какъ Адлербергъ, при всѣхъ добрыхъ качествахъ, не имѣютъ независимаго мнѣнія и, надумавъ что-нибудь несообразное, сами, наконецъ, повѣрятъ мнимому.

При семъ случаѣ онъ, опустивъ глаза, съ запинаніями сказалъ мнѣ, что мнѣ объявлено въ Высочайшихъ приказахъ замѣчаніе, т. е., сказалъ онъ, «на видъ поставлено дурное состояніе войскъ. Государь сказывалъ, что если онъ хвалитъ хорошее, то долженъ выставлять и дурное». Я спросилъ его, нисколько не смущаясь, занесется ли это мнѣ въ формуляръ?» — «По закону должно, отвѣчалъ онъ; но это можно будетъ передѣлать, какъ будетъ сказано».

Итакъ со мною обошлись какъ съ преступникомъ и запятнали свыше 25-ти-лѣтнюю безпорочную службу мою, а можетъ быть лишатъ и пенсіона въ отставкѣ, заслуженнаго мною трудами и опасностями.

Я показалъ Адлербергу подозрѣніе, что меня очернили передъ Государемъ. — «Вы, можетъ быть, подозрѣваете графа Воронцова въ томъ, сказалъ Адлербергъ; но я могу васъ увѣрить, что это не онъ; напротивъ того, я самъ былъ свидѣтель, какъ Государь разсердился въ Одессѣ за то, что народъ толпился, закрывая войска, стоявшія подъ ружьемъ. Онъ при этомъ замѣтилъ графу Воронцову, что неуваженіе войскъ народомъ наравнѣ съ его лицомъ дѣлаетъ дурное впечатлѣніе на войскà, отъ чего они теряютъ и духъ, и бодрость. Но вы знаете, продолжалъ Адлербергъ, что фельдмаршалъ Паскевичъ не благоволитъ къ вамъ, и чуть ли не онъ повредилъ вамъ».

Я изобразилъ Адлербергу всю нескладность представленій графа Воронцова, сказалъ, что впрочемъ не подозрѣваю его въ семъ дѣлѣ, превышающемъ силы, умѣніе и правила его; сказалъ, что пренебрегаю ябедниками и не намѣренъ разыскивать ихъ; но, въ случаѣ еслибы когда-либо они открылись, то просилъ его помнить то, чѣмъ графъ Виттъ мнѣ хвалился въ Вознесенскѣ (чтò я ему разсказалъ и повторилъ).

Адлербергъ удивился. «Неужели, сказалъ онъ, могъ бы онъ такъ сдѣлать, чтобы Государю сказать одно, а вамъ другое? Это было бы уже очень черно».—Я никого не обвиняю, отвѣчалъ я, но прошу васъ помнить сіе. Симъ прекратился разговоръ нашъ.

Въ самомъ дѣлѣ, по обстоятельствамъ кажется, какъ будто графъ Виттъ, выставившій, въ поѣздку свою въ Петербургъ, управленіе и поступки графа Воронцова, у коего онъ въ домѣ принятъ дружески, распустилъ послѣ слухъ, что графъ Воронцовъ получилъ неудовольствія черезъ меня. Графъ Виттъ, думалъ я, искалъ свергнуть меня, какъ свидѣтеля собственныхъ поступковъ его и старался сбросить вину сію на Воронцова; но справедливость сего предоставлено только знать одному Сердцевѣдцу.

Графъ Орловъ, въ проѣздъ свой черезъ Симферополь, принялъ брата моего очень дружественно, обѣщался быть всегда отъ души ходатаемъ за него, но сказалъ, что нынѣ, по случаю неудачнаго смотра сего, не можетъ еще приступить къ сему дѣлу. Графъ Воронцовъ не имѣлъ болѣе никакихъ неудовольствій на брата и желалъ ему даже успѣха, дабы его не могли подозрѣвать въ гоненіи брата, но не желалъ только повышенія его званія въ губерніяхъ его управленія.

Даненбергъ, отправленный мною изъ Севастополя на Южный берегъ, дабы находиться тамъ при проѣздѣ Государя, по случаю нахожденія на Южномъ берегу батальона для разработки дорогъ, сейчасъ возвратился оттуда и привезъ слѣдующія извѣстія.

Батальонъ сей находился все время на работахъ безсмѣнно и во все лѣто не занимался ученьемъ, чтó было сдѣлано по настоянію графа Воронцова; ибо дороги сіи въ послѣднее дождливое время пришли было въ совершенное разрушеніе, о чемъ всѣ были предупреждены, и я самъ, сколько мнѣ помнится, предупреждалъ лично Государя. Съ самаго Вознесенска было отдано приказаніе, что батальона сего Государь смотрѣть не будетъ и что роты, расположенныя въ горахъ лагеремъ, отдѣльно по всей дорогѣ, останутся на своихъ мѣстахъ и представятся на линейкахъ безъ амуниціи, по мѣрѣ того какъ Государь будетъ проѣзжать мимо ихъ.

Съ пріѣздомъ въ Алупку Государь потребовалъ весь батальонъ подъ ружьемъ на смотръ. Съ трудомъ нашли мѣсто, гдѣ его можно было поставить. Графъ Воронцовъ, обнадеживая Даненберга въ успѣхѣ, увѣрялъ его, что все кончится къ лучшему, говоря, что тѣ войска, которыя меньше учатся, лучше проходятъ церемоніальнымъ маршемъ (мнѣніе которое онъ мнѣ и прежде сообщалъ въ разговорахъ). Государь самъ командовалъ. Когда батальонъ взялъ на плечо, то графъ Воронцовъ, сзади стоявшій, вскрикнулъ: «хорошо!» Государь съ стро-

гимъ видомъ оглянулся на него. Приказано было сдѣлать захожденіе, и едва кончили сіе построеніе, какъ Государь, подозвавши Даненберга, сказалъ ему съ гнѣвомъ: «Гадко, я никогда въ жизнь свою ничего хуже этого не видалъ; люди не имѣютъ никакого шага» (чего, въ прочемъ, казалось, нельзя бы замѣтить при захожденіи). За симъ онъ продолжалъ Даненбергу: «Неужели вы думаете, что я буду этихъ дураковъ смотрѣть?» и не продолжалъ больше смотра. Даненбергъ отвѣчалъ, что весь батальонъ безсмѣнно все лѣто былъ на работѣ. «Знаете ли, продолжалъ Государь, что если вы черезъ мѣсяцъ не исправите сего батальона, то я могу васъ отдать подъ судъ?» И тѣмъ все кончилось *).

Государь выѣхалъ изъ Ялты въ Геленджикъ съ Наслѣдникомъ 19-го послѣ полудни. Графъ Воронцовъ говорилъ Даненбергу, что, разговаривая съ графомъ Орловымъ о семъ происшествіи, онъ замѣтилъ, что мнѣ могли быть неизвѣстны новыя перемѣны происшедшія въ Петербургѣ, но будто графъ Орловъ отвѣчалъ ему, что перемѣны сіи должны быть мнѣ извѣстны, потому что я недавно былъ два раза въ Петербургѣ. Не полагаю, чтобъ графъ Орловъ могъ сдѣлать какой нибудь низкій поступокъ и скорѣе готовъ думать, что онъ сказалъ сіе съ добрыми намѣреніями, желая только обнаружить для бо̀льшаго успѣха, что онъ нисколько не заступается за меня лично.

Общій голосъ былъ за меня, хотя нѣкоторые и обвиняли меня въ расположеніи къ интригамъ. Говорили, что все сіе было приготовлено еще въ Іюлѣ мѣсяцѣ.

Когда я видѣлся съ Адлербергомъ въ Симферополѣ, то дѣло шло только объ отданіи мнѣ въ Высочайшемъ приказѣ замѣчанія, что̀ было, кажется, рѣшено въ Бахчисараѣ. Адлербергъ тогда точно болѣе ничего не зналъ. По пріѣздѣ же Государя въ Артекъ (первый ночлегъ на Южномъ берегу), еще до смотра батальона тамъ находящагося, я былъ уже отрѣшенъ отъ командованія корпусомъ съ назначеніемъ на мѣсто мое генералъ-лейтенанта Лидерса. Ни повода, ни причины сего мнѣ не извѣстно.

Общее мнѣніе въ Севастополѣ между флотскими офицерами, что причиною всего князь Меншиковъ. Все не онъ сдѣлалъ, но въ участіи его можно почти не сомнѣваться, и къ сему мнѣнію служитъ слѣдующее. Когда я былъ у него въ Николаевѣ, то онъ говорилъ мнѣ,

*) Живучи въ только что тогда отстроенномъ Алупкинскомъ дворцѣ, Николай Павловичъ однажды такъ прогнѣвался на графа М. С. Воронцова за встрѣченныя имъ въ солдатахъ небрежности, что на нѣсколько часовъ заперся въ своемъ кабинетѣ и не хотѣлъ говорить съ нимъ (Слышано отъ А. П. Петерсона, бывшаго наставникомъ при сынѣ графа Воронцова). П. Б.

что узналъ отъ служащаго въ свитѣ Государя контръ-адмирала Корсакова, что солдаты Минскаго полка ходятъ по міру и что одинъ часовой просилъ у Корсакова хлѣба. Я спросилъ его, не можетъ ли Корсаковъ мнѣ указать солдата сего, и, по сдѣланной мною наканунѣ повѣркѣ хозяйственной части полка, я нашелъ всѣ части въ совершенномъ порядкѣ, полную гласность солдатской собственности и изобиліе по всѣмъ предметамъ; а потому и полагалъ, что часовой сей долженъ быть матросъ ластоваго экипажа, котораго Корсаковъ не узналъ, а что у насъ сего случиться не могло. «Если бы онъ былъ морской, отвѣчалъ Меншиковъ, то бы его Корсаковъ истребилъ; а могло случиться, что это былъ какой нибудь бродяга, или опредѣленный изъ преступниковъ, который сіе нарочно сдѣлалъ».—Въ такомъ случаѣ, отвѣчалъ я, Корсаковъ бы лучше сдѣлалъ, если бы онъ записалъ его имя и довелъ бы до свѣдѣнія начальства виновнаго для изслѣдованія и прекращенія подобныхъ случаевъ.—«Онъ не имѣлъ надобности вмѣшиваться въ чужія дѣла», сказалъ Меншиковъ и, дабы не подать мнѣ повода къ подозрѣнію его, тутъ же спросилъ меня, каковъ у меня Люблинской полкъ, который онъ года три тому назадъ видѣлъ въ Севастополѣ. «Правда, продолжалъ онъ, я тогда довелъ до свѣдѣнія Государя, въ какомъ онъ былъ дурномъ положеніи». Я сказалъ, что полкъ сей съ тѣхъ поръ прошелъ чрезъ многія переобразованія и нынѣ со всѣмъ перемѣнился.

По пріѣздѣ моемъ въ Севастополь, когда я предварительно осматривалъ почетный караулъ, изготовленный для Государя, находились при семъ всѣ сухопутные и морскіе начальники около дворца. Подошедъ къ Корсакову, я спросилъ, не можетъ ли онъ мнѣ указать солдата, просившаго у него милостыни. Его удивилъ сей вопросъ.—«Отъ кого вы это знаете?» спросилъ онъ.—Отъ князя Меншикова.—«Я никакъ не говорилъ этого князю Меншикову съ намѣреніемъ произвести исторію, а, зная его дружеское съ вами сношеніе, полагалъ, что онъ вамъ сіе скажетъ частнымъ образомъ».—Вы во всякомъ случаѣ бы лучше сдѣлали, если бы сообщили сіе мнѣ или кому нибудь изъ ближайшихъ начальниковъ; я имѣлъ право ожидать сего отъ васъ по дружескимъ сношеніямъ, въ коихъ я нахожусь съ вашимъ братомъ. Корсаковъ говорилъ, что онъ это сдѣлалъ безъ дурнаго умысла, и приходилъ ко мнѣ съ тѣмъ же объясненіемъ на домъ.

Нѣтъ почти никакого сомнѣнія, что прошлогоднее происшествіе о вывозѣ желѣза, обратившееся на морское вѣдомство, и всегдашнее столкновеніе управленія нашего съ морскимъ безпокоили Меншикова; ибо безпорядки морскаго вѣдомства открывались чрезъ взаимныя сношенія наши, и онъ опасался могущихъ отъ того произойти послѣдствій.

Если отыскивать всѣ причины, побудившія Государя къ такому обхожденію, то можно принять еще и всегдашнее опасеніе, въ коемъ находились относительно Литовскаго корпуса. Адлербергъ самъ говорилъ мнѣ, что Государь находитъ въ сихъ войскахъ еще остатки Польскаго духа, и мнѣ положительно извѣстно, что ложное мнѣніе сіе было распространяемо Меншиковымъ и Лазаревымъ.

Сомнѣнія мои на графа Витта по нѣкоторымъ причинамъ кажутся справедливыми. Когда графъ Воронцовъ прибылъ на пароходѣ въ Севастополь, за нѣсколько часовъ до Государя, онъ сошелъ на берегъ съ Нарышкиной; графъ же Виттъ, съ нимъ пріѣхавшій, не сходилъ съ парохода, на коемъ остался съ графиней Воронцовой, и отплылъ съ нею на Южный берегъ. Когда нынѣ Даненбергъ представлялъ на Южномъ берегу батальонъ, графъ Виттъ нигдѣ не показывался въ присутствіи Даненберга. Избѣгаетъ же онъ показываться намъ, чувствуя за собою поступокъ, обнаруживающій черную душу.

Наслѣдникъ, ѣздившій съ Государемъ въ Геленджикъ, возвратился черезъ Керчь, вчера пріѣхалъ въ Симферополь, а сегодня выѣхалъ отсюда. Неподвержено болѣе сомнѣнію, что я смѣщенъ отъ командованія корпусомъ съ назначеніемъ на мѣсто меня генерала Лидерса и что мнѣ есть въ приказахъ выговоръ. Все сіе получится вѣроятно изъ Петербурга законными путями.

Государь въ Геленджикѣ остался всѣмъ доволенъ; при осмотрѣ войскъ онъ напередъ объявилъ Вельяминову и всѣмъ присутствовавшимъ, что не пріѣхалъ съ тѣмъ, чтобъ что-либо смотрѣть или что-либо хулить, а пріѣхалъ съ тѣмъ, чтобы всѣхъ благодарить, называлъ всѣхъ молодцами, солдатъ всѣхъ богатырями и даже нѣсколькихъ самъ поцѣловалъ. Войска Кавказскаго корпуса, тамъ собранныя, проходили церемоніальнымъ маршемъ повидимому, нехорошо (какъ иначе не можетъ быть), но все было похвалено. При отданіи чести люди выставляли ноги впередъ; сіе было отнесено къ порывистому вѣтру, принудившему ихъ взять такое положеніе, дабы удержаться на ногахъ. Замѣчено даже было, что отъ порывовъ бури перегибались цѣлые взводы, которые шатались и отрывались, какъ стѣны не могущія устоять противъ стихіи. Что замѣчанія сіи были сдѣланы, то истинно, и они были переданы здѣшнему губернатору Муромцову Кавелинымъ, бывшимъ свидѣтелемъ сего. Сіе оправдывалось даже тѣмъ, что Государь самъ не могъ удержать фуражки на головѣ отъ сильнаго вѣтра.

Наслѣдникъ говорилъ, вѣроятно по слышаннымъ словамъ отъ Государя, что онъ весьма сожалѣлъ о случившемся со мною, какъ съ человѣкомъ, коего военныя достоинства признаны; что я лично впро-

чемъ тому не виноватъ, а виноваты полковые командиры, не хотѣвшіе вникнуть въ свои обязанности.

Симферополь, 8-го Октября.

На дняхъ проѣзжали здѣсь Императрица и великая княгиня Елена Павловна; съ ними были здѣсь графъ Воронцовъ и графъ Виттъ. Оба они много безпокоятся о случившемся со мною. Первый настоятельно хочетъ, чтобы до меня дошло, что онъ не виноватъ въ сихъ происшествіяхъ; послѣдній разсыпается въ совѣтахъ насчетъ того, что̀ мнѣ дѣлать надобно, и увѣряетъ, что онъ всегда вступался за меня у Государя, приводя во свидѣтели справедливости своихъ словъ всѣхъ членовъ царской фамиліи, у которыхъ, разумѣется, нельзя и сдѣлать никакой повѣрки. По всему уже видно, что они были сильные участники въ семъ случаѣ, но сами не ожидали такихъ послѣдствій и опасаются, дабы поступки ихъ не были раскрыты, приводя на себя пословицу: *на ворѣ шапка горитъ*.

Они безъ сомнѣнія участвовали въ семъ дѣлѣ; извѣстно также навѣрное, что фельдмаршалъ Паскевичъ много къ тому способствовалъ. Но начало дѣла кроется въ другихъ причинахъ, которыя останутся раскрыты только для тѣхъ, которые внимательно разсудятъ всѣ обстоятельства дѣла. Все случившееся со мною было *лицемѣрно*.

Кіевъ, 20-го Октября.

10-го я выѣхалъ изъ Симферополя. Изъ Берислава я направился черезъ военныя поселенія Херсонской губерніи и ѣхалъ черезъ Давыдовъ Бродъ, Шемерино, Казанскую и Каменскую въ Елисаветградъ, гдѣ видѣлся съ Сакеномъ, который, судя по нерасположенію къ нему Паскевича, можетъ со дня на день ожидать таковой же участи въ службѣ, какая меня постигла.

19-го я пріѣхалъ въ Кіевъ и получилъ приказъ, по коему на мое мѣсто назначенъ командующимъ 5-мъ корпусомъ начальникъ штаба 2-го корпуса г.-л. Лидерсъ. Кромѣ того въ предшествовавшихъ приказахъ сдѣлано строгое замѣчаніе мнѣ, дивизіоннымъ начальникамъ, бригаднымъ и полковымъ командирамъ за дурное состояніе войскъ.

Вчера видѣлъ я командира 3-го корпуса генерала Ридигера, дѣлавшаго ученіе одному батальону своего корпуса; безъ сомнѣнія во всемъ бывшемъ моемъ корпусѣ нѣтъ ни одного батальона столь плохаго, какъ тотъ, который я вчера видѣлъ.

Кіевъ, 24-го Ноября.

На дняхъ получилъ я разрѣшеніе ѣхать въ отпускъ, съ оставленіемъ мнѣ содержанія по званію генералъ-адъютанта, чего я не просилъ.

Вчера былъ у меня Ридигеръ и сказывалъ, что когда Государь выговаривалъ графу Воронцову недостатки и притѣсненія, которыя войска терпятъ въ его управленіи, то онъ отвѣчалъ, что не находилъ нужнымъ снабжать войска положеннымъ отъ земства, потому что видѣлъ, какъ до нихъ не доходитъ даже то, чтó отъ Государя положено. Мнѣ сказывали, что графъ Орловъ сильно вступался за меня и говорилъ Государю, что онъ ошибался въ мнѣніи своемъ на мой счетъ; но представленія его остались отвергнутыми.

Ридигеръ сказывалъ мнѣ также, что графъ Воронцовъ сѣтовалъ на меня за то, что Ѳедоровъ, губернаторъ Бессарабіи, получилъ будто по моему представленію Анну 1-й степени. Какое же Воронцовъ имѣетъ поверхностное понятіе о дѣлахъ, если онъ могъ полагать, что корпусной командиръ можетъ представить къ награжденію губернатора. Я даже на словахъ не ходатайствовалъ о награжденіи Ѳедорова и не думалъ никогда о томъ, и какъ ему дана лента, того совершенно не знаю.

Вчера, 10-го, отправилъ я отсюда обозъ свой въ Чечерскъ*). Я слышалъ, что изъ гвардіи послано по одному офицеру и по нѣсколько нижнихъ чиновъ въ каждый полкъ 5-го корпуса для обученія службѣ, и сіе кажется справедливо. Въ такомъ случаѣ гоненія на меня и моихъ подчиненныхъ продолжаются; ибо чему въ состояніи научить нѣсколько человѣкъ цѣлый корпусъ, когда сами начальники не могли (какъ предполагаютъ) сего сдѣлать? Явно, что сіе дѣлается единственно въ укоръ, ибо сею мѣрою не прибавятся средства, то есть, времени для занятій по фронту.

Чечерскъ, 25-го Декабря.

19-го числа я выѣхалъ изъ Кіева со всѣмъ семействомъ и прибылъ сюда вчера послѣ полудня. 19-го же числа отправилъ я прошеніе свое въ отставку, на которое разрѣшеніе желательно было бы мнѣ здѣсь дождаться.

---

*) Городъ Чечерскъ, унаслѣдованный незадолго передъ тѣмъ сестрою супруги Н. Н. Муравьева, графинею Софьею Григорьевной Чернышовой-Кругликовой, отъ престарѣлой графини Анны Родіоновны Чернышовой. *П. Б.*

СЕМЕЙНЫЯ БЕЗОБРАЗІЯ БЫЛАГО ВРЕМЕНИ*).

I. Расторженіе брака адъютанта Казаринова съ княжною Барятинскою.

1769 г., Августа 7, закащикъ Замоскворѣцкаго сорока церкви Ризъ-Положенія, что у Донскаго монастыря, священникъ Василій Филипповъ донесъ пр—му Амвросію, что по порученію преосвященнаго въ Ноябрѣ 1768 г. онъ посыланъ былъ къ духовной его священника дочери, дочери дѣйствительнаго статскаго совѣтника князя Ѳедора Андреева Барятинскаго Авдотьѣ Ѳедоровой для увѣщанія, чтобъ она отъ учинившагося его преосвященству извѣстнымъ намѣренія своего ко вступленію въ бракъ съ отставнымъ адъютантомъ Иваномъ Ивановымъ Казариновымъ, яко ближайшимъ своимъ родственникомъ, отстала, которую онъ и увѣщевалъ, изъясняя, что таковой бракъ крайне церковными узаконеніями запрещенъ, и вступать въ оной Греко-Россійскому благочестію весьма противно. Однако оная княжна Барятинская съ нимъ Казариновымъ, съѣхавъ изъ Москвы въ Переяславскую епархію, въ вотчинѣ Казаринова, а гдѣ точно неизвѣстно, обвѣнчалась.

Амвросій пригласилъ къ себѣ брата роднаго княжны князя Николая Ѳедоровича Барятинскаго (коллежскій асессоръ и членъ Канцеляріи Конфискаціи), который при присутствующемъ Консисторіи Антоніи и секретарѣ консисторскомъ объяснилъ, что: 1) другой братъ его князя, князь Владиміръ Барятинскій, съ 1768 г. женатъ на дочери отставнаго полковника Ивана Алексѣева Казаринова, вдовѣ (бывшей въ замужествѣ за Сабуровымъ) Марьѣ Ивановой; а адъютантъ Иванъ Ивановъ Казариновъ, сего 1769 г. Генваря 7, женился на показанной родной сестрѣ ихъ Барятинскихъ Авдотьѣ Ѳедоровой; что 2) отецъ Казаринова (какъ слухъ есть отъ людей) самъ держалъ вѣнецъ жениховъ во время вѣнчанія; 3) бракъ сей вѣнчанъ Переяслаского уѣзда, по Володимирской дорогѣ, близъ синодальнаго села Покрова, въ селѣ Воскресенскомъ, священникомъ Василіемъ Григорьевымъ, и 4) новобрачные Казариновы живутъ Московскаго уѣзда, въ вотчинѣ отца, полковника Казаринова, въ деревнѣ Битрюкахъ.

---

*) См. выше, стр. 319.

Амвросій и Консисторія, разсуждая, что сей бракъ есть не токмо изъ числа запрещенныхъ законами, но въ сущемъ состоящій кровосмѣшеніи, положили «о семъ дѣлѣ до точнаго освѣдомленія содержать въ секретѣ», а въ Московскую Губернскую Канцелярію сообщить о взятьѣ Ивана Казаринова и жены его княжны Барятинской, жительствующихъ у отца Казаринова, чрезъ нарочно опредѣленную команду, и о присылкѣ немедленно въ Консисторію для представленія его преосвященству; а отца Казаринова обязать подпискою, чтобъ онъ по тому же дѣлу явился въ Консисторію немедленно. Священника села Воскресенскаго, вѣнчавшаго бракъ, также немедленно истребовать чрезъ Сѵнодальную Контору.

10 Августа штатной роты Московской Губернской Канцеляріи капитанъ Ѳедоръ Андреевъ рапортовалъ, что, по приказу оной Канцеляріи, сына отставнаго полковника Ивана Алексѣева Казаринова, Ивана Казаринова, съ женою его Авдотьею Ѳедоровою «по немаловажному секретному духовному дѣлу», изъ деревни Битрюки онъ взялъ и представляетъ ихъ въ Консисторію, причемъ приложилъ и росписку полковника Казаринова, данную 8 Августа, что онъ явится въ Консисторію 14 сего Августа. Жена Казаринова, по причинѣ слабости ея, отправлена была въ томъ же экипажѣ, въ которомъ привезена, въ Вознесенскій монастырь для содержанія въ пристайной келіи, по назначенію игуменіи; а адъютантъ Казариновъ того-жъ 10 Августа допрашиванъ былъ въ Консисторіи и въ допросѣ показалъ, что отъ роду ему 27 лѣтъ, отецъ его отставной полковникъ Казариновъ и мать Екатерина Никитина въ живыхъ, сестра его родная Марья Иванова прежде была въ замужествѣ за капитаномъ-поручикомъ Петромъ Петровымъ Долгово-Сабуровымъ, а по смерти его вышла замужъ въ 1767 г., 19 Августа за титулярнаго совѣтника князя Владимира Барятинскаго; онъ, Казариновъ, вѣнчанъ 7 Генваря на сестрѣ его кн. Барятинскаго, Переяславской епархіи въ вотчинѣ отца его Казаринова, въ селѣ Воскресенскомъ; но не мѣстнымъ священникомъ того села Воскресенскаго, а, за отлучкою его, священникомъ церкви, отстоящей отъ села Воскресенскаго въ 10-ти верстахъ; какъ церковь и попа зовутъ, онъ не знаетъ; церковь онъ, Казариновъ, отперъ самъ взятымъ крестьяниномъ его старостою церковнымъ ключемъ, а служитель его Казаринова Савелій Тимоѳеевъ пѣлъ на клиросѣ вмѣсто дьячка, а болѣе никого не было; родители же его о томъ бракѣ не знали, а жена его за мѣсяцъ до брака пріѣхала къ родителямъ его Казаринова въ гости. Что бракъ ихъ состоитъ въ ближнемъ свойствѣ и есть богопротивенъ и кровосмѣсительной, онъ, Казариновъ, зналъ; но по слабости своей,

будучи не въ силахъ преодолѣть склонности своей къ помянутой княжнѣ Барятинской, по взаимному ихъ согласію, въ то супружеское сожитіе вступили, котораго однакожъ до вѣнчанія не имѣлъ; и въ такомъ своемъ противъ церковныхъ и гражданскихъ законовъ преступленіи, безъ всякаго себѣ оправданія и закрытія, признаетъ себя виновнымъ, повинуясь за то, какое отъ св. церкви будетъ опредѣлено покаяніе нести безотрицательно. Жилъ съ женою у отца Московскаго уѣзда по Звенигородской дорогѣ въ приходѣ церкви св. апостолъ Петра и Павла въ селѣ Лужкахъ, въ деревнѣ не Битрюкахъ, а Соколы.—Казариновъ помѣщенъ для содержанія въ Чудовѣ монастырѣ.

Барятинская по болѣзни не могла явиться въ Консисторію, посему для допроса къ ней посланы были присутствующій и секретарь Консисторіи. Въ показаніи она объяснила, что отъ роду ей 27 лѣтъ, родители ея скончались назадъ тому лѣтъ 9, имѣетъ въ живыхъ родныхъ братьевъ: Николая, Владиміра, Сергія и Петра князей Барятинскихъ, и сестеръ Елисавету вдову, по мужѣ Бѣльскую, Анну въ замужствѣ за дворяниномъ Неѣловымъ, Прасковью за дворяниномъ Ливеномъ, Настасью за дворяниномъ Кондыревымъ, дѣвицу княжну Авдотью, находящуюся, по ея желанію, въ искусѣ въ Александровской Слободѣ. Изъ показанныхъ братьевъ Владиміръ женатъ на дочери отставнаго полковника Ивана Алексѣева Казаринова, вдовѣ бывшей въ замужствѣ за дворяниномъ Долгово-Сабуровымъ Марьѣ; посему она часто у полковника Казаринова съ сестрой гащивала, и, по взаимному согласію съ сыномъ его Казариновымъ, въ отсутствіи родителей его, въ селѣ Воскресенскомъ 7 Генваря обвѣнчалась; а когда возвратились въ домъ его родителей, то въ поступкѣ своемъ они испросили у нихъ прощеніе и жили въ ихъ домѣ. Теперь она находится въ беременномъ положеніи. О томъ, что бракъ сей противенъ церкви, она знала, но вступила, не могши противиться непреодолимой склонности и любви къ оному Казаринову, и свой проступокъ предаетъ въ разсмотрѣніе духовнаго правительства.

По распоряженію Синодальной Конторы взяты были и представлены въ Консисторію: 1) Переяславскаго уѣзда, села Воскресенскаго священникъ Василій Григорьевъ 42 лѣтъ, который въ присутствіи Консисторіи 17 Августа показалъ, что онъ того 1769 года Генваря 6-го, въ день Богоявленія Господня, по обѣщанію ѣздилъ съ дьячкомъ того-жъ села для отправленія молебна Владимирской епархіи въ село Крутцы, отстоящее отъ села Воскресенскаго верстахъ въ 30, и 7 Генваря служилъ тамъ молебенъ предъ образомъ Казанскія Богородицы, а потомъ

былъ въ Введенской пустынѣ также для богомолья, и возвратившись домой, услыхалъ отъ жены, что сынъ помѣщика Иванъ Ивановъ Казариновъ, взявъ изъ его священникова дома церковные ключи, обвѣнчался въ церкви съ бывшею въ гостяхъ у помѣщика дѣвицею Авдотьею Ѳедоровою, и вѣнчаны призваннымъ той-же Переяславской епархіи села Овчинина, которое отстоитъ въ 10 верстахъ, священникомъ Иваномъ Іевлевымъ; а пріѣхалъ помѣщикъ его полковникъ Казариновъ съ семействомъ въ то село Воскресенское 1 Генваря. 2) Села Овчинина священникъ Иванъ Іевлевъ (7 Сентября) показалъ, что отъ роду ему 70 лѣтъ, 7 Генваря того 1769 года прибылъ къ нему отставнаго адъютанта Ивана Иванова Казаринова дворовый человѣкъ и пригласилъ его въ село Воскресенское для исправленія молебна, объявляя, что помѣщикъ ихъ въ тотъ день именинникъ, а приходскій попъ того села Василій отлучился; посему онъ Іевлевъ пріѣхалъ въ то село Воскресенское за часъ до вечерень прямо въ церковь, которая была уже отперта, и въ церкви былъ уже адъютантъ Казариновъ съ неизвѣстною дѣвицею, и Казариновъ просилъ отслужить молебенъ Іоанну Крестителю; а по окончаніи молебна просилъ его обвѣнчать съ показанною дѣвицею, объясняя, что она княжна дѣвица Авдотья Ѳедорова Барятинская; при чемъ они оба дали росписку, что между собою не состоятъ въ родствѣ и въ томъ поцѣловали крестъ и Евангеліе; посему онъ и обвѣнчалъ ихъ. Вѣнцы держали надъ Казариновымъ дворовый его человѣкъ, а надъ невѣстою какая-то женщина. За свадьбу дали ему денегъ два рубли и въ трапезѣ поднесли чарку вина. Новобрачные пошли въ хоромы, а онъ попъ возвратился домой.

Между тѣмъ сдана въ Консисторію отъ пр. Амвросія записка отъ содержащагося въ Чудовѣ монастырѣ адъютанта Казаринова, 4-го числа Сентября, въ которой онъ объяснилъ, что онъ просилъ консисторскихъ присутствующихъ дозволить ему, хотя за карауломъ, видѣться съ женой, потому что она умираетъ, и ежели преосвященный не позволитъ, то онъ Казариновъ жить не будетъ. Амвросій приказалъ объявить Казаринову, чтобъ онъ впредъ княжны Барятинской женою себѣ не именовалъ и непристойныхъ записокъ не посылалъ, о чемъ Консисторія и объявила Казаринову.

Требованъ для допроса по дѣлу въ Консисторію отецъ Казаринова, полковникъ Казариновъ, который 16 Сентября далъ подписку, что онъ по болѣзни явиться въ Консисторію не можетъ. Консисторія посему составила было вопросные пункты ему, для отобранія показанія чрезъ присутствующаго Консисторіи на дому; но полковникъ Ка-

зариновъ прислалъ въ Консисторію 6 Октября съ дворовымъ человѣкомъ собственноручное объясненіе по сему дѣлу, въ коемъ излагалъ, что: 1) Августа 9 того 1769 года, въ домъ его Московскаго уѣзда, въ сельцо Сокольское присланъ былъ изъ Московской Губернской Канцеляріи капитанъ Өедоръ Андреевъ и при немъ поручикъ, рядовыхъ 9, да понятыхъ крестьянъ человѣкъ 50 или больше, и, окружа домъ его карауломъ, оной капитанъ съ поручикомъ вошелъ въ хоромы и объявилъ указъ Ея Императорскаго Величества, по которому велѣно ему, якобы по великоважному секретному дѣлу, взявъ живущихъ при немъ сына адъютанта Ивана Казаринова и жену его Авдотью Өедорову дочь Барятинскую, отвезть въ Моск. Духовную Консисторію. Отъ чрезвычайнаго страха и внезапно присланной команды показанная сноха его, будучи беременная, упала замертво и едва пришла въ чувство; но капитанъ, не смотря на сіе, сына его и невѣстку, какъ бы явившихся въ великоважномъ секретномъ дѣлѣ государственныхъ преступниковъ, въ самую темную ночную пору, приставя къ нимъ караулъ, повезъ въ Москву и отдалъ въ Д. Консисторію, гдѣ они и были допрашиваны въ полуночное время; но допросъ былъ только о женитьбѣ въ сватовствѣ, о великоважномъ же секретномъ дѣлѣ ни за сыномъ Казариновымъ, ни за нимъ полковникомъ Казариновымъ не объявлено; 2) что касается до женитьбы сына его Казаринова на княжнѣ Барятинской, то сіе относится до собственнаго отвѣта ихъ; а чтобы на сына по духовному дѣлу ему полковнику быть доносщикомъ, или-бы сослать его изъ дому съ женою, на то закону никакого нѣтъ; и въ Моѵсейской пятой книгѣ, во главѣ 24, свидѣтельствуется, что ни отецъ за сына, ни сынъ за отца не отвѣчаетъ, но каждый отвѣчаетъ за свой грѣхъ; и 3) о бракѣ сына своего съ княжною Барятинской высокоповелительной духовной власти находитъ себѣ должнымъ объяснить: а) Дочь его полковника Казаринова Марья за князя Барятинскаго шла не дѣвкою, но вдовою, бывши уже въ замужествѣ въ другомъ родѣ за Сабуровымъ; и второе дочери его замужество равнымъ ли почитается съ первымъ ея замужествомъ, онъ полковникъ Казариновъ о томъ правъ духовныхъ не читалъ; да и сынъ его Казариновъ не отъ одной крови съ своею женою происходитъ, а совсѣмъ отъ разныхъ родовъ. Въ большомъ Наказѣ проэкта новаго уложенія, въ п. 289, напечатано, что въ разсужденіи браковъ весьма бы нужно и важно было сдѣлать единожды извѣстное и ясное положеніе, въ какомъ степени родства бракъ дозволенъ и въ какомъ степени бракъ запрещенъ, то, ежели самой Государынѣ, премудрой, всепредвидящей, не ясны видятся законы о бракахъ, то они подданные рабы Ея Величества едва ли могутъ имѣть точныя понятія о томъ, какіе браки дозволены. б) Хотя бы

высокоповелительнымъ разсмотрѣніемъ духовной власти повелѣно бракъ сына его съ женою развесть, но въ такомъ случаѣ онъ полковникъ Казариновъ опасается, чтобъ оный сынъ его не впалъ въ душевную погибель, и не вышли-бъ изъ того единаго грѣха другіе многіе; а жена его съ имѣющимся въ утробѣ ея младенцемъ, который ни отеческой, ни матерней фамиліи имѣть не будетъ, останется безъ пропитанія, и называючись родомъ княжна и притомъ генералитецкая дочь принуждена будетъ скитаться по міру; ибо она и въ дѣвкахъ отъ братьевъ никакова пропитанія не имѣла, впредъ же и паче надежды въ томъ на нихъ никакой не имѣетъ. При такомъ бѣдственномъ положеніи сынъ его съ женою не могли-ль бы впасть въ отчаяніе и въ тягчайшіе грѣхи, паче же, какъ видно изъ ихъ крайняго между собою согласія, не могли ли бъ одинъ безъ другаго и жизни своей лишиться; да и нынѣ сноха его, отъ претерпѣннаго ею чрезвычайнаго, якобы по великоважному секретному дѣлу, страху, отъ мучительнаго пути, самымъ темнымъ ночнымъ временемъ болѣе 40 верстъ везенія, и отъ продолжительныхъ въ тѣсныхъ и вредныхъ мѣстахъ содержанія имѣетъ, по беременности своей, смертные и болѣзненные припадки, также и сынъ его въ совершенномъ отчаяніи. Посему полковникъ Казариновъ сноху свою и сына, содержащихся долгое время подъ карауломъ, просилъ впредъ до рѣшенія дѣла освободить, а объ объявленномъ ему полковнику чрезъ капитана Андреева великоважномъ секретномъ дѣлѣ, есть ли оное за кѣмъ изъ нихъ имѣется, или только въ страхъ написано, объявить; и онъ полковникъ, будучи столь старой человѣкъ, что удостоился самолично быть въ службѣ вѣчно достойной памяти Государю Петру Великому, и въ знакъ безпорочной службы своей имѣетъ патенты за руками блаженныя памяти разныхъ государей, такое безчестіе почитаетъ за жестокое себѣ оскорбленіе и тягчаѣ всякаго штрафу, и по чьему доносу, или только по чьимъ словамъ оное произошло, повелѣно-бъ было учинить рѣшеніе, и съ онаго, въ силу указовъ, дать копію, дабы на обидчиковъ въ надлежащихъ мѣстахъ просить было свободно.

Адъютантъ Казариновъ въ тоже время прислалъ съ человѣкомъ въ Консисторію объясненіе, а именно, что 1) онъ взятъ якобы по великоважному секретному дѣлу и допрашиванъ якобы великой злодѣй не въ указные часы и, видѣвши столь жестокой надъ собою поступокъ, страхъ и поношеніе, былъ почти тогда лишенный ума, и что́ показывалъ, ничего не помнитъ и на томъ допросѣ не утверждается. Нынѣ извѣстно ему стало дѣло, которое состоитъ въ супружествѣ его въ сватовствѣ; то ежели и сыщется въономъ супружествѣ просту-

покъ, онъ Казариновъ и тогда долженъ ожидать исправленія, по словамъ апостола Павла, духомъ кротости; а онъ еще не осужденный уже наказанъ и не духомъ кротости, но безчестіемъ, страхомъ, поношеніемъ и нестерпимымъ заключеніемъ, и они оба содержатся подъ крѣпкимъ карауломъ седьмую недѣлю; притомъ онъ, адъютантъ Казариновъ, и не арестованный, а по правиламъ воинскимъ не токмо оберъ-офицера, ниже рядоваго солдата дозволяется посадить подъ караулъ не арестовавши, и онъ Казариновъ по сіе время не разумѣетъ, по какимъ законамъ судится. При чемъ представлялъ на благоусмотрѣніе Консисторіи самыя близкія отношенія къ княжнѣ Барятинской, а именно, что а) она Барятинская, будучи дочь знатныхъ родителей, оставшись послѣ ихъ смерти и имѣя четырехъ братьевъ, ни у одного не имѣла пристанища, а братъ Владимиръ, взявши принадлежащую ей сумму денегъ подъ видомъ займа, уже третій годъ не возвращаетъ; б) онъ Казариновъ, будучи арміи Ея И. В. оберъ-офицеръ 15 лѣтъ, въ 1763 г. былъ адъютантомъ при генералъ-маіорѣ Кречетниковѣ, имѣлъ отъ него нѣкоторыя обиды и, будучи въ отставкѣ 6 лѣтъ, находился въ праздности, и по молодости своей пришелъ въ невоздержное житіе и потому лишенъ былъ милости родителя своего; узнавши же жену свою, что она добродѣтельна, клялся ей оставить всѣ свои пороки и приступилъ къ хорошей жизни; а она, надѣючись на защищеніе Божіе, рисковала избавить его отъ угнетающихъ пороковъ и привести его въ послушаніе родителю, и для того склонилась ко вступленію въ бракъ съ нимъ Казариновымъ. А когда онъ имѣлъ ее себѣ женою, то дѣйствительно изъятъ былъ изъ глубины невоздежности и нечувствительнымъ образомъ лишился непостоянной жизни, пришелъ подъ кровъ родителя своего, сталъ быть ему послушенъ и, по милости родителя, велъ жизнь покойно, уповая всегда на Господа Бога, Иже, по неложному Евангельскому обѣщанію, не хочетъ смерти грѣшника, что грѣхъ сей будетъ прощенъ, и бракъ ихъ навсегда состоится, какъ заключенный только въ сватовствѣ, а не въ другомъ кровномъ родствѣ.

Консисторія разсуждала, что прописанныя въ оныхъ прошеніяхъ обстоятельства, яко то о скудости, неимѣніи пристанища, обидѣ отъ братьевъ, до разсмотрѣнія консисторскаго не принадлежатъ, какъ и то, что ко взятію ихъ употреблена посланнымъ изъ Губернской Канцеляріи строгость; а ссылку полковника Казаринова на Наказъ о уложеніи признавала весьма дерзкою, потому что оной Наказъ не токмо приватнымъ людямъ подводить въ своихъ дѣлахъ не позволено, но и въ судебныхъ мѣстахъ велѣно оной содержать въ секретѣ; а разлученія адъютанта Казаринова съ мнимою женою требовали самыя обстоятельства, и онъ Казариновъ помѣщенъ въ Чудовѣ монастырѣ съ при-

внушеніемъ ему, чтобъ онъ, по удобности мѣста, приносилъ бы въ преступленіи своемъ предъ Богомъ покаяніе хожденіемъ на церковное пѣніе. И хотя слѣдовало бы отдать оныя прошенія съ надписаніемъ, но какъ за прописанными въ прошеніяхъ безстрашно, дерзко и страстолюбиво употребленными, при таковомъ непристойномъ поступкѣ Казаринова, о провидѣніи Божіемъ и о своемъ душепагубномъ отчаяніи объясненіями, изъ судебнаго и притомъ духовнаго мѣста выпускаемымъ быть не должно, чтобъ оныя и другимъ не могли быть соблазнительною причиною: положила пріобщить оба донесенія къ дѣлу.

Преосвященный Амвросій велѣлъ Консисторіи княжну Барятинскую отдать роднымъ ея на поруки съ тѣмъ, чтобъ она съ адъютантомъ Казариновымъ не точію плотскаго сожитія, но и свиданія не имѣла. Родные княжны Барятинской не согласились взять ее на такомъ условіи. Консисторія принуждена была отдать Барятинскую полковнику Каразинову, разсуждая, что «хотя онъ сыну своему въ помянутомъ беззаконномъ его поступкѣ не токмо должнаго, какъ родитель, отвращенія, не чинилъ, но и потатчикомъ чрезъ допущеніе къ сожитію въ такомъ ближайшемъ родствѣ оказуется, но какъ родственники ея Авдотьи отъ взятья на росписку отказались, въ монастырѣ же ей, яко беременной женщинѣ, болѣе жительства продолжать неспособно: по таковой необходимости, отдать реченному свекру ея полковнику Казаринову; а мнимаго ея мужа адъютанта Казаринова, яко свой бракъ законопротивнымъ не признавающаго, содержать по прежнему въ Чудовѣ монастырѣ».

Консисторія 9 Ноября того же года опредѣлила «оной бракъ яко крайне беззаконно учиненный, расторгнуть вовсе и оныхъ брачившихся, чтобъ они другъ друга,—Барятинская Казаринова мужемъ, а Казариновъ Барятинскую женою, не токмо не признавали, но и жительства въ одномъ домѣ и свиданія и къ плотскому сожитію происка ни подъ какимъ видомъ отнюдь не имѣли, обязать съ крѣпкимъ подтвержденіемъ подписками; а сверхъ того наложить имъ обоимъ, такожъ и отцу онаго адъютанта Казаринова, отставному полковнику Ивану Алексѣеву Казаринову, яко въ томъ беззаконномъ бракѣ сыну своему изобличенному потатчику и сообщнику, епитимію на 7 лѣтъ отлученіемъ отъ пріобщенія Св. Таинъ; а какъ они всѣ того своего брака за беззаконный не признаютъ и тѣмъ рѣшеніямъ объ нихъ не повинуются, то о семъ представить на разрѣшеніе Св. Сѵноду. Донесено отъ пр-го Амвросія Св. Сѵноду 25 Ноября съ приложеніемъ экстракта.

28 Ноября адъютантъ Казариновъ изъ подъ стражи въ Чудовѣ монастырѣ бѣжалъ, а именно, какъ объяснялъ Консисторіи разсыльной Ми-

хайла Алексѣевъ, что онъ того «28 Ноября пополуночи въ 12 часу былъ на караулѣ въ тюрьмѣ у содержащихся при Консисторіи колодниковъ, то сержантъ Александръ Скорняковъ приказалъ ему идти къ содержащемуся въ томъ же Чудовѣ монастырѣ въ кельи іеродіакона Іуста адъютанту Ивану Казаринову для караула, и пополудни часу въ 3-мъ пошелъ для взятья себѣ хлѣба въ тюрьму, то увидя онъ Михаилъ, что тотъ Казариновъ бѣжитъ съ монастыря, за коимъ и онъ Михайла бѣжалъ, точію за неимѣніемъ тогда у воротъ людей не догналъ, понеже оной Казариновъ, выбѣжавъ изъ воротъ, сѣлъ въ сани, запряженныя парою, и уѣхалъ». Іеродіаконъ Іустъ доносилъ Консисторіи, что 2 Декабря онъ былъ въ домѣ полковника Казаринова, и въ ономъ увидя адъютанта Казаринова, уговаривалъ его возвратиться въ монастырь, но онъ отвѣтствовалъ, что якобы онъ боленъ, а когда-де отъ болѣзни освободится, то-де тогда въ Консисторію явится. Консисторія сообщила въ Полиціймейстерскую Канцелярію о взятіи адъютанта Казаринова изъ квартиры отца его (жилъ въ приходѣ Іоанна Предтечи, у Никитскихъ воротъ, въ домѣ генералъ-поручика Александра Петровича Соловова) и о представленіи его Казаринова въ Консисторію. Донесено о семъ и Св. Сѵноду. Полиціймейстерская Канцелярія увѣдомила Консисторію, что адъютантъ Казариновъ боленъ и представилъ о болѣзни своей свидѣтельство доктора Моута.

1770 г., Мая 15, полученъ въ Консисторіи указъ Св. Сѵнода. Изъ указа видно, что 8 Генваря того 1770 г. полковникъ Казариновъ подавалъ прошеніе въ Св. Сѵнодъ съ объясненіемъ, что 1) дѣло о женитьбѣ сына его Казаринова на княжнѣ Барятинской до разсмотрѣнія Московской Консисторіи не принадлежало, ибо сынъ его въ тотъ бракъ вступилъ и вѣнчанъ былъ не въ Московской, но въ Переяславской епархіи, что 2) оное дѣло началось не по формальному въ силу законовъ доносу, но по партикулярной отъ брата Барятинской запискѣ, что 3) какъ онъ полковникъ, такъ и сынъ его и княжна Барятинская въ Консисторію сысканы были подъ именемъ великоважнаго секретнаго дѣла, и тотъ его сынъ въ Чудовѣ, а княжна въ Вознесенскомъ монастырѣ съ крайними изнуреніями и строгостію подъ крѣпкимъ карауломъ содержаны, и допросы ихъ съ крайнимъ принужденіемъ, въ томъ числѣ сыну его въ полунощное время, чинены были, а къ экстракту, который представленъ Св. Сѵноду, не дали никому изъ нихъ руку приложить. Сѵнодъ указомъ своимъ утвердилъ опредѣленіе Московскаго епархіальнаго начальства о расторженіи брака адъютанта Казаринова съ княжною Барятинскою, яко точно правиламъ святымъ противнаго и соблазнительнаго; только возлагаемую на нихъ епитимію, по усмот-

рѣнію ихъ раскаянія, предписалъ уменьшить; полковника Казаринова отъ присуждаемой епитиміи велѣлъ освободить, объясняя посему, что онъ яко-бы былъ потатчикомъ сыну своему, въ томъ не изобличенъ. Священникъ, вѣнчавшій Казаринова съ Барятинскою, лишенъ священства съ опредѣленіемъ его на дьяческое мѣсто. Адъютантъ Казариновъ и княжна Барятинская были вызываемы въ Консисторію для объявленія имъ рѣшенія по дѣлу; но полковникъ Казариновъ явился въ Консисторію и объявилъ, что княжна Барятинская, по причинѣ безвременнаго ею рожденія младенца, коего она выкинула, находится въ болѣзни; а сынъ его уѣхалъ въ С.-Петербургъ. 9 Іюня адъютантъ Казариновъ и княжна Барятинская прибыли въ Консисторію и обязаны подпискою «чтобъ они другъ друга, Казариновъ княжну Авдотью своею женою, а она Авдотья его Казаринова себѣ мужемъ не называли и не признавали, сожитія плотскаго между собою не имѣли-бъ». При семъ Казариновъ и Барятинская объявили, что они жить будутъ—первый при отцѣ своемъ Загородской десятины въ селѣ Лужкахъ, гдѣ отецъ его Казаринова духовный, священникъ Алексѣй Ивановъ; а Барятинская будетъ жить въ собственной своей вотчинѣ въ Переяславскомъ уѣздѣ, въ селѣ Воскресенскомъ, коего села священникъ Григорій Алексѣевъ отецъ ея духовный.

II. Многоженство кадета Филиппова.

1777 г. Ноября 14, началось производствомъ въ Консисторіи дѣло о кадетѣ Иванѣ Филипповѣ, женившемся на пяти женахъ. Дѣло довольно сложное. Изъ дѣла видно, что Филипповъ, сынъ Галицкаго помѣщика Дмитрія Артамонова Филиппова (проживавшаго съ женою своею въ вотчинѣ, усадьбѣ Ѳоминской), по смерти отца въ 1773 г., въ Маѣ опредѣлился въ С.-Петербургѣ, въ лейбъ-гвардіи Измайловскій полкъ, а въ 1774 году, по смерти матери, продавъ оставшееся ему отъ родителей имѣніе дядямъ своимъ генералъ-поручику С. В. Перфильеву и прапорщику Н. К. Травину за 1400 р., впалъ въ мотовство и изъ полка своего бѣжалъ въ Москву, гдѣ остановился въ Тверской ямской слободѣ на постояломъ дворѣ и познакомился съ бѣглымъ солдатомъ Иваномъ Коровинымъ, который написалъ Филиппову фальшивый билетъ на имя недоросля Ивана Коровина, и согласились они нанять квартиру вмѣстѣ, съ тѣмъ, чтобъ солдату Коровину называться его человѣкомъ. Наняли квартиру у экономическаго казначейскаго помощника Дмитрія Мухина и, проживши у него съ мѣсяцъ, въ небытность Мухина, разломали сундукъ его и покрали серебро и разное платье. Филипповъ одинъ нанялъ себѣ квартиру у дьячка Покровской, въ

Левшинѣ, церкви Ѳедора Андреева, подъ именемъ придворнаго лакея Ивана Дмитріева Филиппова; но его отъ дьячка перезвалъ къ себѣ жить діаконъ той церкви Василій Петровъ, который сосваталъ Филиппова съ внучкою вдовы флота-лейтенанта Волкова, дочерью умершаго канцеляриста Никиты Петрова Никифорова дѣвицею Марѳою Никитиною (18 лѣтъ), съ которою и вѣнчанъ Филипповъ въ Левшинской церкви 5 Іюня 1775 года, и молодые жили въ домѣ діакона недѣли съ двѣ. Тутъ Филипповъ заложилъ магистратскому секретарю Макарову въ 300 рубл. деревню Мельгунову помѣщика Зубова въ Галицкомъ уѣздѣ, якобы принадлежащую ему Филиппову. Поруками подписались означенная Волкова и одинъ изъ ея родственниковъ. Потомъ Филипповъ, оставивъ жену, поѣхалъ въ Серпуховъ, якобы для опредѣленія въ полкъ; но оттуда возвратился въ Москву и нанялъ одинъ квартиру въ Рогожской на постояломъ дворѣ. Здѣсь нашелъ его діаконъ Петровъ и представилъ на съѣзжій дворъ; но оттуда Филипповъ бѣжалъ и уѣхалъ въ городъ Романовъ.

Въ Романовѣ, подъ именемъ сержанта Ивана Дмитріева Травина, въ Октябрѣ 1775 г., Филипповъ сосватался съ капитанскою дочерью Марьею Осиповою Селунскою (21 г.) и вѣнчанъ въ имѣніи матери ея. Поживъ съ этою женою мѣсяца съ три, онъ объявилъ, что ему надобно ѣхать въ Москву для опредѣленія въ полкъ. Жена проводила его до Ярославля и возвратилась къ матери.

Въ Москвѣ онъ занимался воровствомъ, фальшивымъ залогомъ имѣній; а въ Генварѣ 1776 г. отправился въ Тулу, гдѣ, называя себя недорослемъ Михайломъ Григорьевымъ Черевинымъ, сосватался съ купеческою вдовою Екатериною Ивановой Лучининой (21 года) и вѣнчался съ ней въ сельской церкви; но проживъ съ нею мѣсяца съ два, взявъ денегъ и экипажъ, отправился въ Москву, якобы для опредѣленія въ полкъ. Эта жена отправила съ нимъ своего человѣка; но Филипповъ, прибывъ въ Серпуховъ, продалъ экипажъ, отпустилъ человѣка домой, а самъ, прибывъ въ Москву, остановился у Серпуховскихъ воротъ на постояломъ дворѣ. Здѣсь бѣглый солдатъ написалъ ему фальшивый билетъ на имя подпоручика Захара Семенова Кадникова.

Подъ именемъ Кадникова Филипповъ отправился въ Калугу и тамъ сосватался съ дочерью уѣзднаго секретаря Ивана Панкова Анною Ивановою (24 л.) и женился на ней въ Іюнѣ того 1776 г., объявивъ, что у него имѣніе въ Галицкомъ уѣздѣ; тесть взялъ съ него два векселя, одинъ въ 1000 р., другой въ 500 р. Съ этою женою Филипповъ по подорожной (которую выхлопоталъ тесть) отправился чрезъ Москву

по Галицкой дорогѣ въ Кострому. Здѣсь остановились; и, когда жена была въ церкви, онъ, забравъ имѣніе, уѣхалъ было въ Романовъ; но на дорогѣ посланными женою въ погоню пойманъ и представленъ въ Костромскую канцелярію; здѣсь изъ подъ караула бѣжалъ, прибылъ въ Суздаль, гдѣ объявилъ, что онъ поручикъ Иванъ Никитинъ Кадниковъ и въ дорогѣ ограбленъ воровскими людьми и выпросилъ себѣ билетъ для проѣзда въ Москву.

Прибывъ въ Москву и живя у сторожа церкви Всѣхъ Скорбящихъ; Филипповъ вступилъ въ сватовство съ дочерью коммисара Воспитательнаго Дома Василія Васильева Еленою Петровою; но за нѣсколько дней до свадьбы, въ бытность на обѣдѣ у невѣсты, жившій у Филиппова въ услуженіи крестьянинъ извѣстилъ его, что пріѣхала къ нему изъ Тулы жена и расказываетъ о его поведеніи. Филипповъ, нанявъ лошадей, уѣхалъ въ Коломну. Тамъ, назвавъ себя поручикомъ Александромъ Волжинскимъ, въ Сентябрѣ того-же 1776 года женился на дочери поручика Петра Родивонова Грибовскаго Анисьѣ Петровой (18 л.); проживъ съ нею мѣсяца съ два, поѣхалъ вмѣстѣ съ женою въ Москву; но эта жена на дорогѣ померла и погребена въ селѣ Жилинѣ. Онъ прибылъ въ Москву, остановился на квартирѣ въ Мѣщанской у псаломщика, дня черезъ два пошелъ въ городъ, тамъ встрѣтился съ копіистомъ Зиновьевымъ, знакомымъ ему по первой женѣ. Копіистъ представилъ его въ полицію, гдѣ Филипповъ сознался во всѣхъ своихъ похожденіяхъ. Полиція прислала Филиппова въ Консисторію.

Огорчился пр. Платонъ этимъ дѣломъ и велѣлъ «о беззаконныхъ бракахъ, совершенныхъ въ Московской епархіи, Консисторіи учинить немедленное изслѣдованіе, а которые изъ тѣхъ браковъ совершены въ другихъ епархіяхъ, о тѣхъ дать знать полиціи, чтобъ сообщила въ тѣ епархіи, и отослать въ полицію всѣхъ тѣхъ, кои показаннаго злодѣя у себя держали, съ тѣмъ, что естьли они его держали безъ объявленія въ съѣзжемъ дворѣ, тѣ-бы употреблены были въ работу по распоряженію полиціи.»

Филипповъ обратно отосланъ изъ Консисторіи въ полицію, яко приличившійся въ разныхъ воровствахъ и фальшивостяхъ. Консисторія производила слѣдствіе только о повѣнчаніи Филиппова съ первою женою въ Покровской, въ Левшинѣ, церкви. Но оказалось, что діаконъ Василій Петровъ умеръ въ Генварѣ 1776 г., дьячекъ Ѳедоръ Андреевъ, за принятіе къ себѣ въ домъ воровскихъ пожитковъ, въ томъ же году тоосланъ въ военную службу. Замѣчательно показаніе Левшинскаго священника Алексѣя Кириллова, что кадетъ Филипповъ, «живя у діакона, въ церковь по часту къ заутрени, литургіи и вечернямъ ха-

живалъ, и подозрѣнія въ немъ примѣтить было не можно». Почему онъ священникъ, и особенно по рекомендаціи объявленнаго діакона и тестя діаконова, находящагося въ Донскомъ монастырѣ священника, по учиненіи надлежащей публикаціи и по взятіи съ поручителей обыска, Филиппова и вѣнчалъ. Полиціймейстерская Канцелярія увѣдомила Консисторію, что кадетъ Филипповъ по дѣлу въ женитьбѣ на пяти женахъ и въ сговореніи на шестой женѣ, за именованіе себя разными именами и оберъ-офицерскими чинами, въ имѣніи при себѣ фальшивыхъ билетовъ, за подложную продажу и закладъ чужаго недвижимаго имѣнія, по изслѣдованіи, въ 1777 году Апрѣля 13, отосланъ въ контору Военной Коллегіи.

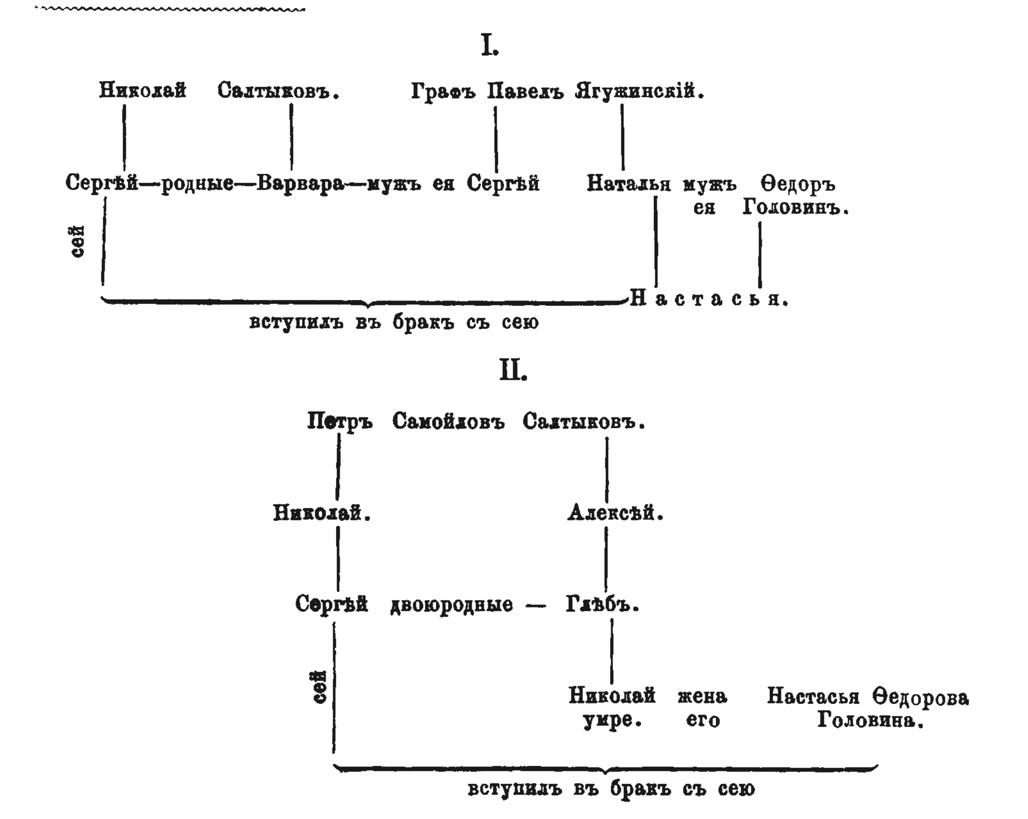
По дѣлу видно, что несчастныя жены Филиппова входили съ прошеніями о дозволеніи имъ вступать въ бракъ съ другими, чтó имъ, по опредѣленіямъ Консисторіи, и разрѣшалось; а на прошеніи о семъ первой жены Филиппова Мареы Никитиной пр. Платонъ прямо написалъ, что «бракъ просительницы не токмо по силѣ правилъ расторженію подлежитъ, но яко обманомъ совершившійся и бракомъ почесться не можетъ.»

III. Бракъ флигель-адъютанта Салтыкова со вдовою Головиною.

1777 г., Октября 6 священникъ города Москвы Предтечевской на Лубянкѣ церкви Сергѣй Игнатьевъ донесъ пр. Платону, что священникъ Московскаго уѣзда Николаевской, села Савелокъ, церкви Иванъ Осиповъ, 26 Іюля того 1777 г., повѣнчалъ прихожанина означенной Предтечевской церкви флигель-адъютанта Сергѣя Николаева Салтыкова *) съ женою умершаго помѣщика Николая Глѣбова Головина. Настасьею Ѳедоровою, состоящихъ между собою въ близкомъ родствѣ. Священникъ Осиповъ въ допросѣ показалъ, что село Савелки вотчина полковника князя Александра Николаевича Голицына и надъ сею вотчиною состоялъ опекуномъ адъютантъ Сергѣй Николаевъ Салтыковъ. Онъ 26 Іюля, пріѣхавъ въ село Савелки съ князьями Михаиломъ Сергѣевичемъ Волконскимъ и Александромъ Васильевичемъ Хованскимъ, принудилъ священника повѣнчать его адъютанта Салтыкова со вдовою Настасьею Головиною. «Знаешь ли-де ты, говорилъ священнику Салтыковъ, что я вашъ господинъ, то потому, что мнѣ приказана отъ вотчиника вашего вотчина и тебѣ священнику онъ ругу выдаетъ»; а указные обыски онъ обѣщалъ прислать послѣ, почему онъ священникъ 26 Іюля его Салтыкова со вдовою Головиною и повѣнчалъ. Много

*) Этому Салтыкову принадлежалъ домъ на углу Мясницкой и Фуркасовскаго переулка, гдѣ нынѣ магазинъ Салаева. П. Б.

разъ Консисторія вызывала къ себѣ флигель-адъютанта Рязанскаго карабинернаго полка полковника Сергѣя Николаева Салтыкова для допроса; но онъ въ Консисторію не являлся. Въ 1778 г. Августа 9 флигель-адъютантъ Салтыковъ подалъ пр. Платону прошеніе съ объясненіемъ, что вступилъ онъ въ бракъ съ Настасьею Θедоровою Головиною въ свойствѣ по неизвѣстности; а въ какомъ родствѣ, представилъ поколѣнное росписаніе, засвидѣтельствованное свойственниками его генералъ-маіоромъ Иваномъ Игнатьевичемъ Поливановымъ и лейбъ-гвардіи коннаго полка ротмистромъ княземъ Яковомъ Александровичемъ Голицинымъ *). Платонъ велѣлъ прошеніе принять вмѣсто допроса. Консисторія положила: по 1-й росписи Настасья Θедорова бракчившагося Сергѣя Салтыкова сестрѣ родной по мужѣ имѣется родная племянница, и потому состоитъ съ нимъ въ пятой степени; по 2-й оная же Настасья по первомъ своемъ мужѣ ему Салтыкову имѣется родная племянница въ пятой степени. Но Платонъ находилъ, что по второй росписи по племянникѣ Сергѣя Салтыкова не родномъ, а двоюродномъ Николаѣ Салтыковѣ (за которымъ Настасья прежде была въ замужествѣ) въ шестой, а не въ пятой степени. Представлено о семъ Св. Сvноду, который 19 Сентября 1778 г. въ разрѣшеніе предписалъ:



«Хотя М. Консисторія и почитаетъ показаннаго адъютанта Салтыкова жену Настасью Өедорову по 1-й росписи сестрѣ его Салтыкова Варварѣ по мужѣ родною племянницею, и по 2-й роднаго племянника женою; но все ихъ свойство состоитъ не отъ крови, а по присвоенію отъ другихъ родовъ, и по 1-й росписи ему Сергѣю Салтыкову не только нынѣшняя его жена Настасья, но и мать ея Наталья, яко зятя его сестра, состоитъ въ сватовствѣ, и по этому сватовству онъ Салтыковъ съ Настасьею въ пятой степени; по 2-й же росписи она Настасья первѣе въ замужествѣ была не за роднымъ, а за двоюроднымъ его Сергѣя Салтыкова племянникомъ; и какъ въ росписяхъ о бракахъ въ Кормчей Книгѣ на листу 538 на оборотѣ написано: «инъ родъ есмь азъ и инъ моя жена»; а о сочтеніи степеней на листахъ 565 и 566 точно изъяснено: «елико рожденій, толико и степеней», то свойство ей и должно почитаемо быть въ шестомъ степени. А хотя таковые браки въ Кормчей какъ за преступны положены, а разрѣшаются нѣкоторые браки отъ двухъ родовъ въ 6 степени, и между оными брачившимися одной степени недостаетъ, почему если бы тотъ Салтыкова бракъ не былъ еще совершенъ, и дозволенія на оной давать имъ не слѣдовало; но когда оной уже совершенъ, а по установленію церковному, въ той же Кормчей Книгѣ на листу 563 изображенному, таковыхъ, коимъ запрещается въ бракъ вступать отъ крови до осьми степеней, ежели кто въ седьмой степени вступитъ, разлучать не велѣно, а назначена епитимія, слѣдовательно и въ одной степени и изъ древнихъ временъ; а потому и отъ Св. Сѵнода въ подобныхъ случаяхъ снисхожденіе было оказывано. По такимъ резонамъ и онаго брака флигель-адъютанта Салтыкова съ женою Настасьею Өедоровою, яко и между ими, какъ выше значитъ, одной только степени не достаетъ, отъ сожитія не расторгать и оставить ихъ въ супружествѣ неразлучно. Но за повѣнчаніе въ чужомъ приходѣ и дабы другіе съ ихъ поступка примѣровъ не предпринимали, подлежали бы они отсылкѣ для церковной епитиміи въ монастырь; но дабы онъ Салтыковъ не отвлеченъ былъ отъ службы, то исправлять имъ оную чрезъ годъ подъ смотрѣніемъ духовника ихъ съ наблюденіемъ поста, молитвы и милостыни.

IV. Мнѣніе С.-Петербургскаго митрополита Гавріила по дѣлу о двоеженствѣ бригадира Игнатьева.

1797 г., Мая 31, Государь Павелъ Петровичъ повелѣлъ С.-Петербургскому митрополиту Гавріилу произвести въ Консисторіи, подъ особеннымъ его надзираніемъ, изслѣдованіе объ отставномъ бригадирѣ Аѳанасьѣ Ивановѣ Игнатьевѣ, женившемся при жизни первой жены на дочери генералъ-лейтенанта Нилуса, и о послѣдующемъ представить свое мнѣніе.

Митрополитъ не замедлилъ представить Государю по сему дѣлу мнѣніе слѣдующаго содержанія. «Какъ 1) по Евангелію Матѳ. гл. 19, ст 9 «иже аще пуститъ жену свою, развѣ словеса прелюбодѣйна, и оженится иною, прелюбы творитъ: то, онаго Игнатьева, яко вѣнчавшагося отъ первой жены на другой, дочери генералъ-лейтенанта Нилуса, съ оною развести и подвергнуть семилѣтней епитиміи подъ наблюденіемъ духовника, чтобъ ему на всякое церковное пѣніе приходить и полагать поклоны съ произношеніемъ своего преступленія предъ Богомъ и во вся посты исповѣдаться, не пріобщаясь Св. Таинъ, кромѣ смертнаго случая; но когда усмотрѣны будутъ плоды покаянія, то епархіальный архіерей время запрещенія можетъ сократить; 2) второй его женѣ дочери генералъ-лейтенанта Нилуса, яко неповинному лицу, дать свободу выдти за другаго; 3) какъ оный бригадиръ изъясняетъ, что причиной его разлуки есть виновна его жена, то, поелику она живетъ въ Москвѣ, поручить пр. митрополиту Московскому увѣщевать оную и соглашать чрезъ посредство духовника и сродниковъ, дабы она законное сожитіе съ нимъ имѣла; 4) когда она не будетъ соглашаться, бригадиръ Игнатьевъ уличитъ ее законнымъ порядкомъ, то оную приводить силою законовъ къ сожительству; 5) есть-ли не докажетъ, то дать ей свободу выдти за другаго, а ему остаться по смерть ея безбрачнымъ; 6) дѣтей же, какъ воспитаніе ихъ принялъ на себя, оставить при немъ; 7) что же надлежитъ до священника Ильинской церкви, чтó на Подолѣ (въ Кіевѣ), вѣнчавшаго оный бракъ безъ указа Консисторіи, поелику генералъ-лейтенанта Нилуса дочь другаго закона, безъ обыска, безъ поручителей, не своего прихода, Сѵнодъ предпишетъ Кіевскому митрополиту строго его, въ страхъ другимъ, судить. Государь 4 Іюля того же года повелѣлъ мнѣніе митрополита Гавріила привести въ исполненіе.(Извлечено изъ указа Сѵнода отъ 10 Августа 1797 г.)

V. Расторженіе брака Василія Львовича Пушкина.

1802 г., Августа 13, жена коллежскаго ассесора Василія Пушкина Капитолина Михайловна (рожденная Вышеславцева) подала прошеніе о расторженіи брака ея съ онымъ мужемъ за прелюбодѣйную его связь съ вольно-отпущенною дѣвкою. По производствѣ о семъ продолжительное время дѣла Московское епархіальное начальство постановило слѣдующее опредѣленіе. Какъ истица ассесорша Капитолина Пушкина, по многократно чинимымъ ей увѣщаніямъ и совѣтамъ, примириться съ мужемъ своимъ не согласилась и въ томъ оказалась совсѣмъ непреклонною; а поелику и Пушкинъ, сколько ему отъ духовнаго начальства ни дѣлано было пособія, чтобы онъ съ своей стороны

всѣ средства употребилъ на примиреніе жены своей къ сожитію съ нимъ, но о томъ и отзыва къ ней не имѣлъ и лично предъ собраніемъ Консисторіи показалъ, что онъ съ самаго обвѣнчанія съ истицею супружеской вѣрности не хранилъ и съ отпущенною на волю дѣвкою Аграфеною Ивановою прелюбодѣйство подлинно чинитъ и съ нею въ Парижъ и прочіе Нѣмецкіе города ѣздилъ, также и представленное отъ жены письмо, въ разсужденіи связи его Пушкина съ оною дѣвкою, подлинно-ли писано его рукою въ цѣломъ умѣ и по его собственному чувствію къ невинности и честности же его, а не по чьему либо другому, что́ (а равно и всѣ показанія жены его въ разсужденіи сего поступка) утвердилъ во всемъ за точныя и справедливыя, и жить онъ съ нею впредъ въ законномъ супружествѣ, по причинѣ паденія своего, и могущей быть посему отъ нея всегда недовѣрчивости, не пожелалъ: за каковымъ собственнымъ его Пушкина и учиненнымъ предъ судомъ лично признаніемъ, по силѣ Воинскихъ Процессовъ 2 главы п. 1, 2 и 3, показалъ себя въ нарушеніи брачнаго союза и впредъ къ тому неблагонадежнымъ, для того его Пушкина бракъ съ истицою Капитолиною, урожденною Вышеславцевою, за прелюбодѣйство его Пушкина, по силѣ Евангелиста Матѳея гл. 19 стиха 9 и Василія В. 21 гл. пр. 9, расторгнуть, и чтобъ онъ ту Вышеславцову впредъ женою своею, а она его своимъ мужемъ не почитала и нигдѣ не писала, въ томъ обязать ихъ подпискою, съ такимъ подвержденіемъ, чтобы онъ по силѣ 9 пр. Василія Великаго оставался навсегда безбрачнымъ и въ другой бракъ вступать ни съ кѣмъ не дерзалъ. Женѣ же его Вышеславцевой, яко лицу невинному, во второй съ свободнымъ лицемъ бракъ, когда пожелаетъ, вступить дозволить и въ томъ дать ей свидѣтельство; а его Пушкина за прелюбодѣйство отъ жены, по силѣ Анкирскаго собора 20 пр., подвергнуть семилѣтней церковной епитиміи, съ отправленіемъ оной чрезъ шесть мѣсяцевъ въ монастырѣ, а прочее время подъ смотрѣніемъ духовнаго его отца, съ тѣмъ, что оный, смотря на плоды его покаянія, можетъ ему возложенную епитимію и умалить. Сѵнодъ утвердилъ опредѣленіе епархіальнаго начальства (Извлечено изъ указа Сѵнода 1806 г., Іюня 22, а дѣла не сохранилось).

VI. Отказъ женѣ въ просьбѣ объ освобожденіи содержащагося подъ епитиміею въ монастырѣ мужа ея для супружескаго съ нею сожитія.

1806 г. Іюля 17, изъ Московскаго Губернскаго Правленія присланъ въ Консисторію бывшій ротмистръ Алексѣй Николаевъ Чихачевъ, согласно указу Правительствующаго Сената 6-го депар., по объявленіи ему Высочайшей конфермаціи о лишеніи его, за безчеловѣчные

съ людми своими поступки, чиновъ и дворянства, для отдачи въ монастырь по жизнь его на церковное покаяніе. Чихачевъ 2 Августа того же года помѣщенъ былъ Консисторіею въ подмосковный Николаевскій Угрѣшскій монастырь, а 3 Генваря 1807 перемѣщенъ въ Московскій Покровскій монастырь. Въ томъ-же 1807 г. жена Чихачева просила митрополита Платона объ освобожденіи мужа ея изъ монастыря для сожительства съ нею. Митрополитъ донесъ Св. Сѵноду, что Чихачевъ живетъ въ монастырѣ честно, всегда находится на службѣ Божіей и приноситъ въ грѣхахъ своихъ раскаяніе; а жена его письменно проситъ изъ монастыря его выпустить для законнаго къ супружескому долгу сожитія, объясняя, что она съ мужемъ не разведена и состоятъ оба, особливо она жена, въ молодыхъ лѣтахъ; но какъ Чихачевъ присланъ въ монастырь для содержанія по жизнь, то ни его отпустить изъ монастыря, ни ей въ монастырѣ жить съ нимъ не можно. Сѵнодъ, указомъ 13 Іюня 1807 года, далъ знать, что такъ какъ Чихачевъ отданъ въ монастырь по жизнь его на церковное покаяніе, согласно Высочайшей волѣ, то за силою оной резолюціи удовлетворить просьбу жены Чихачевой объ освобожденіи мужа ея изъ монастыря, для супружескаго съ нимъ сожитія, Сѵнодъ не можетъ.

VII. Расторженіе брака Симбирскаго помѣщика Тургенева за связь жены его съ Симбирскимъ вице-губернаторомъ Чириковымъ.

Симбирскій помѣщикъ коллежскій ассесоръ Петръ Тургеневъ въ 1791 году, вступилъ въ бракъ съ дѣвицею Екатериною Ѳедоровою, урожденною Матюшкиною. Послѣ девятилѣтняго супружества, приживъ съ Тургеневымъ пятерыхъ дѣтей, жена во время отсутствія мужа въ 1800 года изъ Симбирска, ушла изъ дома его въ домъ Симбирскаго вице-губернатора Чирикова и повѣнчалась съ нимъ. Незаконное сожительство Тургеневой съ Чириковымъ сдѣлалось гласнымъ и, хотя Симбирскій протоіерей неоднократно увѣщевалъ Тургеневу оставить такое сожительство, но она не соглашалась и прижила съ Чириковымъ четверыхъ дѣтей. О семъ, вслѣдствіе именнаго указа 20 Декабря 1804 г., возникло въ Казанской Консисторіи дѣло. При производствѣ дѣла священникъ, вѣнчавшій оба брака, показалъ, что при вѣнчаніи въ 1791 г. Екатерины Ѳедоровой Матюшкиной съ Тургеневымъ, на вопросъ о согласіи ея къ сему браку, сдѣлался съ нею сильный обморокъ, въ коемъ она осталась безъ чувствъ, и онъ священникъ, остановясь вѣнчаніемъ, вышелъ изъ церкви вонъ, что̀ подтвердилъ и дьячекъ бывшій при вѣнчаніи. Но по ссылкѣ Турге-

нева свидѣтели, бывшіе при вѣнчаніи его въ церкви, показали, что во время вѣнчанія Тургенева съ Ѳедоровою никакого сопротивленія и отрицанія ея они не видали и не слыхали, обморока съ нею нималѣйшаго не было, бракъ совершенъ былъ священникомъ безостановочно, и по окончаніи вѣнчанія, она въ совершенной памяти приложилась къ образамъ. Казанская Консисторія, основываясь на показаніи священника, опредѣлила не признавать вѣнчанія Тургенева съ Ѳедоровою совершеннымъ, а признать бракъ ея дѣйствительнымъ съ Чириковымъ, о дѣйствительности вѣнчанія коего съ Ѳедоровою показали, какъ священникъ такъ и весь причтъ, вѣнчавшій сей бракъ. Но два члена Консисторіи по сему дѣлу представили свое особое мнѣніе съ объясненіемъ, что 1) ежели бы въ самомъ дѣлѣ священникомъ, по причинѣ обморока случившагося съ невѣстою, не было совершено вѣнчаніе, то онъ, на основаніи 23 п. благочиннической инструкціи, долженъ былъ въ тоже самое время объявить о томъ благочинному, чтó однако имъ при вѣнчаніи Тургеневыхъ не учинено; и 2) по словамъ Христа Спасителя у Евангелиста Матѳея въ гл. 18 ст. 16 «да при устѣхъ двою или тріехъ свидѣтелей станетъ всякъ глаголъ», а о обвѣнчаніи священникомъ Екатерины Ѳедоровой съ Тургеневымъ утверждаютъ пять свидѣтелей; по сему полагаютъ: 1) бракъ Тургенева съ Екатериною Ѳедоровою признать дѣйствительнымъ, а бракъ ея съ Чуриковымъ любодѣйнымъ сопряженіемъ по словамъ 1-го посланія къ Коринѳянамъ гл. 7, ст. 89 «жена мужу привязана есть закономъ, во елико время живетъ мужъ ея», и 2) за прелюбодѣйную связь Ѳедоровой съ Чириковымъ, бракъ ея съ Тургеневымъ расторгнувъ, дозволить ему, яко невинному лицу, вступить во второй бракъ и пр. По представленіи дѣла въ Св. Сѵнодъ означенное мнѣніе двухъ членовъ «яко на словѣ Божіемъ основанное», Сѵнодомъ признано соотвѣтствующимъ обстоятельствамъ дѣла и правильнымъ, а вышеизложенное опредѣленіе Консисторіи о признаніи дѣйствительности брака Ѳедоровой съ Чириковымъ найдено съ законами несогласнымъ и пристрастнымъ; за что и положено членовъ Консисторіи и секретаря, подписавшихъ опредѣленіе, отрѣшить отъ должности и на мѣста ихъ избрать другихъ; а за несогласное сужденіе съ законами отрѣшенныхъ члена и секретаря, на основаніи именнаго указа 1797 г. Генваря 23, опубликовать во всѣ подчиненныя Св. Сѵноду мѣста указами. О семъ чрезъ оберъ-прокурора доложено Государю, который и утвердилъ постановленіе Св. Синода (Извлечено изъ циркулярнаго указа Св. Сѵнода 1807 Августа 29 дня).

VIII. Домогательство тайной совѣтницы Страховой расторгнуть свой бракъ.

1809 г., Октября 4, тайнаго совѣтника Ивана Варѳоломѣевича Страхова жена Аграфена Александровна подала просьбу митрополиту Платону, объясняя, что за означеннаго Страхова въ замужество вышла по волѣ покойныхъ родителей ея и вѣнчана съ нимъ первымъ бракомъ въ Москвѣ 1782 г. Іюля 17, въ церкви Благовѣщенія Пр. Богородицы, что̀ на Тверской; но оный мужъ, къ общему несчастію, оказался неспособнымъ къ супружескому сожитію, и онаго съ нею чрезъ все время пребыванія ея за нимъ, не имѣлъ (чему уже наступилъ 27-й годъ) и имѣть не можетъ, и она съ нимъ болѣе уже 7 лѣтъ вообще не живетъ, съ согласія его, но помня Законъ Божій, страшится впасть въ какое-либо по сему прегрѣшеніе, а потому просила, по освидѣтельствованіи мужа ея чрезъ кого слѣдуетъ въ неспособности къ супружескому сожитію, бракъ ея съ нимъ, по силѣ Св. Отецъ правилъ, расторгнуть, и ей для вступленія во второй бракъ, естьли пожелаетъ, дать свидѣтельство. Консисторія требовала мужа къ допросу; но онъ вмѣсто того подалъ 14 Ноября просьбу къ преосвященному Платону, объясняя, что просьба жены его не заключаетъ въ себѣ ни одного слова правды, и она составлена или будучи въ горячкѣ, или въ изступленіи разсудка; потому что, будучи въ полномъ умѣ, имѣя отъ рода почти 47 лѣтъ, бывъ въ бракѣ 27 лѣтъ, невозможно женѣ, хотя искру здраваго разсудка имѣющей, на мужа удрученнаго уже лѣтами и 48-лѣтнею службою и помышляющаго только о спокойствіи душевномъ, при слабомъ своемъ здоровьѣ, взвести столь гнусную, скаредную и отвратительную клевету, не позабывъ страха Божія и не покрывъ себя стыдомъ и позоромъ, да и совершеннымъ презрѣніемъ отъ всѣхъ здравомыслящихъ и честныхъ людей. А особливо удивленія достойно то, какъ могла поселиться въ голову жены его столь странная и безразсудная нелѣпость, чтобы просить освидѣтельствовать его въ престарѣлыхъ лѣтахъ въ неспособности къ брачному сожитію, а для сего уже не лучше ли ея самое, къ удостовѣренію въ томъ, что она еще находится непорочною отроковицею!... А онъ по чистой христіанской совѣсти удостовѣряетъ, что бракъ его съ женою, послѣ обыкновенныхъ обрядовъ Божіей Церкви, исполненъ былъ въ первую ночь совершенно, не смотря на чинимыя женою его показанія, что онъ къ брачному сожитію неспособенъ; въ чемъ онъ и можетъ сослаться, если нужно, на почтенныхъ особъ при бракосочетаніи ихъ, которыя и теперь находятся еще въ живыхъ. Въ любви они между собою жили 18 лѣтъ, чему

приводилъ примѣры: 1) въ 1788 г. жена сама ему предложила, такъ какъ у нихъ дѣтей не было, сдѣлать взаимный актъ, чтобъ имѣніе ихъ, въ случаѣ смерти, осталось во владѣніи другаго по жизнь его, что̀ и разрѣшено Государынею Екатериною II; 2) въ 1798 г., когда онъ ѣхалъ изъ Москвы въ С.-Петербургъ для займа въ 25-ти-лѣтнемъ банкѣ денегъ, жена провожала его нѣсколько верстъ и до того растрогана была разставаніемъ его съ нею, что занемогла, въ чемъ можетъ засвидѣтельствовать хранящимися у него собственноручными ея письмами. Но возвратившись изъ С.-Петербурга, гдѣ пробылъ болѣе шести мѣсяцевъ, въ Москву, онъ нашелъ жену, къ общему ихъ взаимному несчастію, въ весьма холодныхъ къ нему расположеніяхъ, и началъ отъ нея часто слышать упреки, что жизнь ей съ нимъ становится въ тягость. Онъ старался всячески, самъ и посредствомъ разныхъ достойныхъ особъ и даже свойственниковъ ея, вывести ее изъ заблужденія; но всѣ старанія были тщетны. Она переѣхала отъ него въ другой домъ и написала къ нему письмо, что должна съ нимъ разстаться; и онъ принужденъ былъ, отступая отъ зла, сотворить благо. И сдѣлали они особенный актъ въ Московскомъ Совѣстномъ судѣ, который и утвержденъ печатію онаго суда въ 1801 году, по которому она должна, сверхъ разныхъ въ ономъ обязательствъ, платить ему ежегодно по тысячѣ рублей изъ доходовъ отданной ей отъ него во владѣніе ея Владимирской его деревни; но слишкомъ 9 лѣтъ прошло, и она денегъ не платитъ. А въ 1802 г. она уѣхала въ С.-Петербургъ, вдалась въ щегольство и рѣшилась позволить себѣ вставить фальшивый глазъ, заплатя за то немалую сумму, чего никогда въ отечествѣ Россійскомъ, славящемся православіемъ, слыхано не было. Проживъ въ С.-Петербургѣ нѣсколько лѣтъ, она задолжала до того, что не можно было оттуда выѣхать, еслибы дядя ея родной, отставной майоръ Дмитрій Ивановъ Зыбинъ, видя ее въ такомъ положеніи, не заплатилъ за нее 23 тысячъ рублей и не привезъ въ Москву. Будучи въ С.-Петербургѣ, она дала на себя заемное письмо иностранцу Мусару въ 30 тысячахъ рубляхъ, не получа отъ него денегъ ни копѣйки, которое заемное письмо предъявлено ко взысканію. По пріѣздѣ ея въ Москву, хотѣлъ онъ Страховъ съ женою видѣться и ѣздилъ нѣсколько разъ въ домъ ея; но она его не пускаетъ къ себѣ и не устыдилась даже просить начальство, чтобъ оно запретило ему къ ней ѣздить. Къ роднымъ своимъ ни къ кому не ѣздитъ, а ѣздитъ только къ отставному генералъ-лейтенанту Сергѣю Андреевичу Фаминцыну, который не устыдился ему мужу лично сказать, чтобъ онъ не ѣздилъ въ домъ жены своей. Она, когда бываетъ дома, всегда окружена праздношатающимися подъячими, которые берутъ съ нея деньги и пишутъ ей недѣльныя

просьбы. Страховъ просилъ, дабы духовное правительство, войдя во всѣ сіи, крайне горестныя для него обстоятельства, повелѣло совратившуюся съ пути истиннаго жену его привесть въ христіанское раскаяніе и совѣсть. Митрополитъ написалъ: «Всѣ прописанныя обстоятельства стоятъ того, чтобъ ихъ апробовать, и потому Консисторіи объ немъ и женѣ его учинить опредѣленіе и представить». Консисторія опредѣлила, по силѣ 1-го посланія къ Коринѳянамъ св. ап. Павла, ст. 10 и 11, помѣстнаго Карѳагенскаго собора. прав. 102, «малженица распущающаяся, аще не смирится, да пребываетъ тако, аще-ли ни, къ покаянію да понуждена будетъ»—ей Страховой въ просьбѣ отказать, а предписать духовникамъ ихъ, чтобъ они старались ихъ примирить. Митрополитъ написалъ: «По вышепрописаннымъ резонамъ, какъ они, бывъ въ супружествѣ уже 27 лѣтъ, о семъ никогда не просили, то учинить по опредѣленію Консисторіи». Опредѣленіе объявлено повѣренному просительницы Января 31, а мужу ея Февраля 14-го 1810 г., въ Консисторіи. Жена въ аппелляціонной просьбѣ, поданной въ Св. Сѵнодъ 21 Марта, принесла жалобу, что Консисторія въ рѣшеніи основывалась только на словахъ мужа ея, а доказательства отъ него и изысканія, способенъ ли онъ къ сожитію съ нею или нѣтъ, никакого не учинила, въ противность Кормчей Книги 2 ч., 3 отвѣта, Уложенія 10, гл. 158 п., Генер. Регламента 19 гл., ук. 7205 г., Февраля 11 дня и Воинскихъ Процессовъ гл. 2 п. 2., отдѣленія 5, коими велѣно дѣла̀ вершить по свидѣтельскимъ сказкамъ; а чтобъ отказывать въ просьбѣ о разводѣ, кто не проситъ 27 лѣтъ, на то узаконенія нѣтъ. Она же, имѣя лѣта еще не престарѣлыя, почитаетъ за лучшее, по неспособности мужа ея, вступить во второй бракъ, нежели иногда впасть въ прегрѣшеніе, и въ силу 51 главы Кормчей Книги о тайнѣ супружества, такъ какъ бракъ установленъ въ умноженіе рода человѣческаго и въ воспитаніе чадъ и къ славѣ Божіей, просила разсмотрѣть, чтобы дѣло о неспособности мужа ея къ супружескому сожитію произведено было, какъ законы повелѣваютъ.

Св. Сѵнодъ 20 Октября сообщилъ въ Московскій департаментъ Правит. Сената о припечатаніи въ вѣдомостяхъ, дабы она Страхова, на основаніи именнаго 1764 г., Мая 20 Высочайшаго указа, явилась сама или представила бы отъ себя съ узаконенною довѣренностію повѣреннаго въ Канцелярію Св. Сѵнода для рукоприкладства къ экстракту; но она 29 Октября прислала въ Сѵнодъ прошеніе, что во всемъ отдается на правосудіе Св. Сѵнода и просила рѣшить дѣло безъ нея. Потому экстрактъ слушанъ былъ безъ рукоприкладства. Сѵнодъ въ опредѣленіи объяснилъ, что дѣло сіе, за несоблюденіемъ по оному всего

судопроизводства, слѣдовало бы обратить и произвесть узаконеннымъ порядкомъ, т.-е. отобрать отъ тайнаго совѣтника Страхова противъ просьбы жены его объясненіе на оное отъ нея доказательство, а отъ него оправданіе; поелику послѣ всего того къ открытію истины необходимо слѣдовать будетъ для освидѣтельствованія просительницу въ дѣвствѣ, а отвѣтчика въ неспособности его къ супружескому сожитію, препроводить въ Московскую Медицинскую Контору, что́ неминуемо можетъ навесть на нихъ явный позоръ, судя по 27-ми лѣтнему пребыванію ихъ въ супружествѣ: то, во избѣжаніе сего и во уваженіе 48-ми-лѣтней службы мужа ея, въ кои годы онъ могъ достигнуть до глубокой старости, женѣ его въ просьбѣ ея о расторженіи съ нимъ брака, яко въ противность слова Божія у Евангелиста Матѳея въ 19 гл., гдѣ изображено: «еже Богъ сочета, человѣкъ да не разлучаетъ» отказать; а утвердить рѣшеніе Московскаго епархіальнаго начальства. Но какъ дѣло сіе произведено несогласно узаконенному порядку, то, не чиня исполненія, Сѵнодъ доложить Его Императорскому Величеству предоставилъ своему оберъ-прокурору князю А. Н. Голицыну, который 7 Февраля докладывалъ, и Государь велѣлъ утвердить опредѣленіе Св. Сѵнода, а просительницѣ объявить, что ежели впредъ утруждать будетъ Его Величество просьбою о семъ дѣлѣ, то заключена будетъ въ монастырь.

IX. Безуспѣшная просьба генералъ-майора Чесменскаго о разводѣ брака его *).

1815 г. Марта 9, отставной генералъ-майоръ Александръ Алексѣевичъ Чесменскій въ прошеніи объяснялъ о расторженіи брака его съ дочерью Польскаго дворянина Николая Роженовича, Анною Николаевою, съ коею, какъ писалъ въ прошеніи, въ 1797 г., въ бытность его въ г. Дрезденѣ, сочетался въ Грекороссійской церкви при Россійскомъ посольствѣ, и по выходѣ изъ церкви жена его сдѣлалась такъ больна, что онъ съ нею брачнаго плотскаго сожитія не возъимѣлъ. Врачи пользовали ее въ Москвѣ надворный совѣтникъ Иванъ Крестьяновичъ Цемшъ и статскій совѣтникъ Лодеръ. Въ Медицинской Конторѣ отвѣтчицу свидѣтельствовалъ Московскій акушеръ, профессоръ и докторъ надворный совѣтникъ Гаврило Поповъ. Контора отобрала показаніе отъ доктора Цемша (онъ былъ инспекторомъ Конторы). Цемшъ отозвался, что онъ издавна пользовалъ Чесменскую и, по предложенію его, на консиліумѣ были бывшіе въ Москвѣ доктора Метивье, Фрезе,

*) См. объ этомъ бракѣ въ „Русскомъ Архивѣ“ 1891, III, 262. П. Б.

Керрестури и Политковскій, и экзаменованная повивальная бабка Анна Иванова Зельтманъ (умерла 1812 г.). Лодеръ отозвался, что онъ хотя и помнитъ нѣкоторыя обстоятельства болѣзни Чесменской, но бумаги его въ 1812 г. сгорѣли и потому не можетъ дать утвердительнаго свѣдѣнія, тѣмъ болѣе, что тому уже прошло нѣсколько лѣтъ. На основаніи свидѣтельства врачей, пользовавшихъ Чесменскую, Медицинская Контора признала ее къ супружескому сожитію неспособною. По сему Консисторія 17 Августа 1815 г. опредѣлила: бракъ генералъ-майора Чесменскаго съ женою его Анною Николаевою расторгнуть, и ему Чесменскому съ свободнымъ лицемъ, по желанію, въ другой бракъ вступить дозволить, на что и дать ему свидѣтельство; а ей Николаевой оставаться въ единствѣ безбрачною. Пр. Августинъ не утвердилъ сего опредѣленія, а написалъ резолюцію: «По слову Господню бракъ расторгается только словесе ради прелюбодѣйнаго. А ежели уважить и то правило, которое Консисторія взяла за основаніе развода г. Чесменскаго съ женою его, то въ такомъ только случаѣ могло бы оно быть уважительнымъ, когда бы жена г. Чесменскаго отъ рожденія была неспособна къ супружеству; напротивъ, она не дѣвицею, а разводною женою за него вышла, слѣдовательно находила себя способною, о чемъ г. Чесменскій умолчалъ въ своей просьбѣ, а Консисторія не взошла о томъ въ разсмотрѣніе; и такъ, по приключившейся болѣзни женѣ, разводить ее съ мужемъ не слѣдуетъ. Ежели разводы будутъ по болѣзни, то ничего не будетъ слабѣе, какъ брачные узы, которые напротивъ должны быть всего крѣпче; ибо по слову Господню «оставитъ человѣкъ отца и матерь и прилѣпится къ женѣ своей», и паки «Богъ сочета, человѣкъ да не разлучаетъ». Г. Чесменскій женился въ 1797 г., и такъ въ супружествѣ они 17 лѣтъ; почему поздно уже думать о разводѣ.»

Св. Сѵнодъ резолюцію Августина, какъ основанную на Словѣ Божіемъ, утвердилъ во всей ея силѣ, т. е. бракъ Чесменскаго оставилъ безъ расторженія.

X. Тщетное домогательство Лютеранина дозволить ему вступленіе въ третій бракъ съ Православною.

1815 года Марта 24, Комисаріатскій чиновникъ 7 класса Иванъ Лаврентьевъ Бужебицкій, Лютеранскаго исповѣданія, сперва просилъ вступить въ бракъ съ пансіонеркою Екатерининскаго института дочерью умершаго полковника Саввы Антонова Римско-Корсакова, Варварою, Православнаго исповѣданія. Бужебицкій показалъ, что отъ роду себѣ имѣетъ 45 лѣтъ; отъ первой жены имѣетъ дочь 16 лѣтъ; отъ второй

сына 10-ти лѣтъ и дочь $1\frac{1}{2}$ года, всѣ дѣти Православнаго исповѣданія и находятся при немъ. Консисторія, по выпискѣ правилъ изъ Кормчей Книги 2 части, «Воспоминаніе церковнаго соединенія» въ гл. 52 (гдѣ третій бракъ называется скверненіемъ), опредѣлила, по силѣ церковныхъ правилъ, отказать Бужебицкому въ третьемъ бракѣ. Августинъ далъ резолюцію: Консисторія опредѣлила согласно съ правилами церковными; но мы по власти архіерейской разрѣшаемъ совершать этотъ бракъ, слѣдуя словамъ св. Апостола Павла «кійждо да имать жену блудодѣянія ради», и «лучше женитися, нежели разжизатися». На бѣду, эта жена Бужебицкаго чрезъ годъ послѣ брака умерла, оставивъ новорожденную дочь. Бужебицкій, имѣя кучу дѣтей, проситъ дозволить ему, для призрѣнія дѣтей и дабы не впасть самому въ беззаконное сожитіе, вступить въ законный бракъ по обоюдному согласію со вдовою Православнаго исповѣданія, женою умершаго профессора надворнаго совѣтника Павла Аѳанасьевича Сохацкаго Натальею Ѳедоровною. Консисторія, по выпискѣ изъ Кормчей Книги «Воспоминаніе церковнаго соединенія» 52 главы («четвертому браку никакоже дерзновенія имѣть» и пр.), опредѣлила отказать Бужебицкому въ четвертомъ бракѣ, что̀ преосвященный Августинъ утвердилъ.

XI. Епитимія на крестьянина за ненамѣренное убійство мнимаго колдуна.

1819 г. Августа 2, Московская Палата уголовнаго суда прислала въ Консисторію дѣло для преданія покаянію Подольской округи села Данилова крестьянина Николая Матвѣева за ненамѣренное убійство крестьянина деревни Судаковой Гавріила Алексѣева. Изъ приговора Палаты видно, что во время свадебнаго пиршества крестьянинъ Алексѣевъ, считавшійся колдуномъ, увѣрялъ, что ружье онъ заворожилъ, и Матвѣевъ не выстрѣлитъ. Дѣло было при народѣ, и оба они находились не совсѣмъ трезвыми. Крестьянинъ Матвѣевъ пять разъ пробовалъ стрѣлять, ружье осѣкалось. Когда онъ перемѣнилъ кремень, то, не смотря на увѣренія Алексѣева, что ружье не выстрѣлитъ, выстрѣлилъ. Крестьянинъ Алексѣевъ сталъ похваляться, что посредствомъ своего волшебства онъ искоренитъ домъ Матвѣева, прорветъ его мельницу и пр. Крестьянинъ Матвѣевъ ударилъ его кулакомъ по уху; колдунъ упалъ и умеръ.

По приговору Палаты Матвѣевъ наказанъ въ селеніи 40 ударами плетьми и преданъ церковному покаянію. Консисторія положила на него епитимію на пять лѣтъ, съ тѣмъ, чтобы содержать его въ Екатерининской пустынѣ полгода, въ Среды и Пятки употреблять ему

пищу сухоядомую подъ смотрѣніемъ честнаго іеромонаха; въ церковь ходить на всякой Божественной службѣ, и, полагая каждодневно по 50 поклоновъ земныхъ, умилостивлять благость Божію въ содѣянномъ имъ прегрѣшеніи; между службой употреблять его въ монастырскую работу, а до св. причастія, кромѣ смертнаго случая, не допускать. Прочее же время жить ему подъ смотрѣніемъ духовнаго отца. Митрополитъ Серафимъ на опредѣленіи Консисторіи написалъ: «Какъ крестьянинъ наказанъ за свое преступленіе тѣлесно, то, въ уваженіе сего, возложить на него епитимію только на два года съ половиною».

XII. Епитимія на мужа, намѣревавшагося лишить себя жизни изъ ревности къ женѣ.

1820 г. Февраля 20, присланъ былъ изъ Московской Уголовной Палаты цеховой Иванъ Аѳанасьевъ для возложенія на него епитиміи. Изъ приговора Палаты видно, что Аѳанасьевъ страстно любилъ свою жену и ревновалъ ее, а она не хотѣла съ мужемъ жить и ушла къ сестрѣ своей. Мужъ, положа за сапогъ ножъ, поѣхалъ къ женѣ съ тѣмъ, чтобы, если она не будетъ согласна съ нимъ жить, то въ глазахъ ея лишить себя жизни. Пріѣхавъ къ женѣ, мужъ сталъ уговаривать жену, при сестрѣ ея и при прочихъ людяхъ, живущихъ въ домѣ, возвратиться домой; она не соглашалась. Мужъ вынулъ изъ сапога ножъ и хотѣлъ нанести себѣ ударъ, но въ тоже время былъ схваченъ.

Палата разсудила, что «изъ таковаго его открывшаго поступка показываетъ болѣе изступленіе ума, нежели злое и ухищренное на жизнь свою намѣреніе», и предала его церковному покаянію. Консисторія опредѣлила: какъ вѣчно цеховой Иванъ Аѳанасьевъ предполагалъ лишить себя жизни отъ тоски и мученія по ревности къ женѣ своей, то за сіе преступленіе, по рѣшенію Уголовной Палаты и въ сходственность Кормчей Книги, помѣстнаго собора иже въ Лаодикіи, гл. 10, пр. 2 и указа Св. Синода 1780 г., Марта 21-го, содержать его въ Покровскомъ монастырѣ полгода. Митрополитъ велѣлъ исполнять ему епитимію подъ смотрѣніемъ отца духовнаго.

Сообщено Николаемъ Павловичемъ Розановымъ, бывшимъ секретаремъ Московской Духовной Консисторіи.

ПИСЬМО ФИЛАРЕТА МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКАГО КЪ ЕКАТЕРИНѢ АЛЕКСѢЕВНѢ ТОЛСТОЙ *).

†

Ваше превосходительство, милостивая государыня!

Какъ бываютъ и печальныя вѣсти нѣкоторыя лучше печальной неизвѣстности: то примите благодарность мою за извѣстіе о возлюбленныхъ царственныхъ душахъ. Извѣстіе сіе съ новою силою возбуждаетъ чувство печали, но вмѣстѣ и умягчаетъ оное.

Чѣмъ болѣе привыкли мы смотрѣть на царскій домъ какъ на прекрасный цвѣтникъ, какъ на плодотворный садъ: тѣмъ поразительнѣе видѣть внезапно сокрушившуюся цвѣтущую вѣтвь, и все покрытое облакомъ печали. Кто постигнетъ судьбы Господни? Надобно же было, чтобы и недавняя радость брачная, и радость рожденія новой царственной отрасли блеснули, какъ молнія, чтобы оставить по себѣ сугубый смертный мракъ. Надобно же было и намъ Московскимъ увидѣть высокую невѣсту, чтобы сіе послѣднее видѣніе предстояло въ памяти и воображеніи, когда надлежитъ ее оплакивать.

Избранная душа ея, безъ сомнѣнія, блаженна; но сія свѣтлая мысль довольно ли видима въ темнотѣ печали? Что̀ происходитъ съ сильно любящимъ сердцемъ Августѣйшаго Родителя? Что̀ происходитъ съ нѣжно

---

*) Екатерина Алексѣевна Толстая, ур. Хитрова († 1851), супруга Николая Матвѣевича Толстаго († 1879), который былъ родной внукъ свѣтлѣйшаго князя Кутузова и племянникъ Елисаветы Михаиловны Хитровой (въ первомъ бракѣ графини Тизенгаузенъ), находившейся въ дружескихъ отношеніяхъ къ митрополиту Филарету. Еще будучи архимандритомъ, Филаретъ нѣкогда, въ 1813 году, произнесъ въ Казанскомъ соборѣ свое надгробное слово при погребеніи князя Кутузова, семейство котораго съ тѣхъ поръ ближе узнало его и питало къ нему особенное уваженіе. Письмо это писано по случаю великой скорби, постигшей въ то время нашъ царскій домъ: 29 Іюля 1844 года скончалась, 19-ти лѣтъ отъ роду, младшая дочь императора Николая Павловича, принцесса Кассельская Александра Николаевна (о ней см. въ „Русскомъ Архивѣ“ 1889, I, 405). Читатели наши припомнятъ превосходныя письма о ея кончинѣ изъ Франкфурта отъ В. А. Жуковскаго къ старшему Брату почившей и къ А. О. Смирновой („Русскій Архивъ“ 1883, вып. 2-й и 4-й).

любящимъ сердцемъ Августѣйшей Родительницы и съ ея нѣжнымъ здоровьемъ? Не только съ печалью, но и съ трепетомъ о семъ думаю.

Утѣшаюсь мыслью, что Государь Императоръ являетъ то великодушіе, съ какимъ всегда являлся въ труднѣйшихъ для духа обстоятельствахъ. Утѣшаюсь мыслію, что Государыня Императрица поспѣшаетъ искать утѣшенія и подкрѣпленія въ источникѣ Божественномъ. Богъ утѣшенія да поможетъ имъ благодатію Своею, послушнымъ сердцемъ отдать Ему возлюбленную жертву, которой Онъ отъ нихъ востребовалъ и, тѣмъ бывъ благоугожденъ, да умножитъ милости Свои надъ тѣмъ, чтó Онъ имъ дарованное сохраняетъ.

Меня печальное извѣстіе нашло въ Виѳанскомъ монастырѣ, куда я удалился для подкрѣпленія себя отдыхомъ послѣ болѣзни. Это было въ навечеріи праздника Преображенія Господня, который есть праздникъ сего монастыря. Свершивъ праздничную службу, я отправился въ Москву съ малою надеждою на свои силы, но чувствуя душевную нужду раздѣлить общую печаль съ соборомъ служителей вѣры и вѣрноподданныхъ, чтó и исполнилось 7-го дня.

Графинѣ Екатеринѣ Ѳеодоровнѣ *) прошу свидѣтельствовать мое усердное желаніе Божія благословенія. Молю Бога, чтобы наставилъ ее во всемъ, чѣмъ она можетъ послужить спокойствію и утѣшенію Государыни Императрицы.

Призывая вамъ благословеніе Божіе, съ истиннымъ почтеніемъ пребываю вашего превосходительства покорнѣйшій слуга

Филаретъ м. Московскій.

Москва, 11-го Августа 1844 года.

Сообщено въ подлинникѣ внукомъ Е. А. Толстой, отцомъ іереемъ Николаемъ Алексѣевичемъ Толстымъ).

---

*) Скончавшаяся недавно внука князя Кутузова, графиня Е. Ѳ. Тизенгаузенъ, дочь вышепомянутой Е. М. Хитровой отъ перваго ея брака († 1838) и любимая фрейлина императрицы Александры Ѳеодоровны. П. Б.

Приложеніе къ „Русскому Архиву“ 1894.

Гергардъ Романовичъ
РЕЙТЕРНЪ.

Г. Р. РЕЙТЕРНЪ.

Gergardt von Reutern. Ein Lebensbild, dargestellt von seinen Kindern und als Manuskript gedruckt zur hundertjährigen Gedächniss-feier seines Geburtstags. (Гергардъ фонъ-Рейтернъ. Жизнеописаніе, составленное его дѣтьми и напечатанное въ видѣ рукописи къ столѣтнему воспоминанію дня, когда онъ родился). Спб. 1894. б. 8-ка. VI и 176 стр. *).

Г. Р. Рейтернъ, тесть В. А. Жуковскаго и дядя покойнаго министра финансовъ, родился въ 1794 году въ Лифляндской губерніи и учился въ Петербургской школѣ при Петровской церкви вмѣстѣ съ будущимъ фельдмаршаломъ Ѳ. Ѳ. Бергомъ. Былъ онъ потомъ въ Дерптскомъ университетѣ, въ 1811 году поступилъ въ Александрійскій гусарскій полкъ, находившійся въ Подольской губерніи, оттуда переведенъ въ Дворянскій кавалерійскій эскадронъ въ Петербургъ и за тѣмъ перешелъ въ славный лейбъ-гусарскій полкъ. На балу, въ залѣ Петербургскаго дворянскаго собранія, произошелъ съ нимъ загадочный и таинственный случай. Онъ внезапно почувствовалъ, что правое плечо у него чѣмъ-то придавлено. Глядитъ вверхъ, думая, что съ галлереи не упало ли что-нибудь; но ничего подобнаго не было. Подходитъ къ зеркалу и видитъ на правомъ эполетѣ своего мундира черное пятно, а на бѣлой перчаткѣ, которою онъ сталъ вытирать это пятно, оказалась кровь. Это было въ 1812 г., передъ самымъ отъѣздомъ его на войну. Находясь подъ покровительствомъ Барклая-де-Толли (супруга котораго была ему сродни), онъ участвовалъ во многихъ сраженіяхъ (подъ Дрезденомъ, Кульмомъ и др.), а 4 Октября 1813 подъ Лейпцигомъ былъ почти замертво раненъ. Его воспоминанія о Лейпцигскомъ сраженіи и о гибели его товарища Бакаева написаны имъ очень тепло и трогательно. Ему отрѣзали правую руку. Онъ перенесъ операцію съ отличною бодростью духа и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ началъ не только писать, но и

*) Приносимъ сердечную нашу благодарность Василію Евграфовичу Фонъ-Рейтерну за доставленіе намъ этой рѣдкой, прекрасно изданной книги и за дозволеніе сдѣлать изъ нея извлеченіе и снять снимокъ съ приложеннаго къ ней гравированнаго портрета (кисть Гильдебранта, работа Боброва). П. Б.

рисовать лѣвою рукою. Даже и военная служба его по прежнему продолжалась; въ 1815 г. онъ поступилъ въ адъютанты къ Барклаю-де-Толли и получилъ возможность побывать въ Парижѣ, гдѣ тогда собраны были чудеса живописи, къ которой имѣлъ онъ врожденную склонность.

Въ 1819 году Рейтернъ покинулъ военную службу въ чинѣ подполковника съ сохраненіемъ полнаго жалованья 900 р. сер. и пенсіею въ 300 р. сер. и посвятилъ себя живописному искусству, изучая произведенія его и занимаясь относящимися къ нему науками. Много раньше нашего Жуковскаго (котораго онъ былъ на 11 лѣтъ моложе годами), передавалъ онъ въ частномъ письмѣ впечатлѣнія Сикстинской Мадонны. «Общій тонъ этой чудесной картины отличается отъ нашихъ земныхъ, свѣтовыхъ и воздушныхъ тоновъ. Тутъ какой-то холодъ и рѣзкость; видишь какъ будто новое, неизвѣстное, воздушное пространство, по которому спокойно возносится Мадонна. Чистымъ холоднымъ эфиромъ отвѣвается ея одежда и подъемлются волосы на головѣ Младенца. На лицахъ тоже вѣяніе чистаго небеснаго воздуха». Уже однѣ эти строки свидѣтельствують о высокой художественности писавшаго.

Знакомство и сближеніе съ Гёте сильно подѣйствовали на Рейтерна. Онъ прекрасно описываетъ свою первую бесѣду съ нимъ въ Гейдельбергѣ. Поѣздка въ Италію завершила его художественное воспитаніе.

Въ 1820 году безрукій красавецъ женился на Шарлотѣ Шмерцель и поселился въ Лифляндскомъ имѣніи своемъ Аяшѣ, гдѣ 19 Іюня 1821 года родилась его дочь Елисавета (впослѣдствіи супруга нашего В. А. Жуковскаго). Но вскорѣ, ради здоровья, потрясеннаго тяжкою Лейпцигскою раною, онъ долженъ былъ снова переселиться въ чужіе края, гдѣ и прожилъ почти всю остальную жизнь свою, украшенную семейнымъ счастіемъ, крѣпкою пріязнію избранныхъ людей, художественнымъ творчествомъ. Это былъ человѣкъ золотаго сердца и высокихъ помысловъ, истинный художникъ, незабвенный каждому, кто зналъ его.

На водахъ въ Эмсѣ, въ 1826 году, началась дружба Рейтерна съ Жуковскимъ, который познакомилъ съ его рисунками свою бывшую ученицу Императрицу Александру Ѳеодоровну, особенно любившую этотъ родъ живописи. Жуковскій устроилъ Рейтерну, заслужившему похвалы великаго Гёте, особую пенсію отъ Государыни за доставленныя живописныя работы. Осенью 1827 года оба они про-

вели четверо сутокъ въ Веймарѣ, у Гёте [1]). Великій поэтъ полюбилъ обоихъ, а съ Рейтерномъ находился въ перепискѣ и написалъ ему стихи въ его альбомъ.

Подобно Гёте, Жуковскій, самъ занимавшійся живописью, высоко цѣнилъ акварельные очерки Рейтерна. «Скажу тебѣ прямо (писалъ онъ ему 7-го Іюля 1830 года изъ Петергофа), эти прелестные рисунки для меня несравненны какъ правдивостью, такъ и замысломъ. Въ нихъ ничего нѣтъ для обольщенія глазъ. Фигуры не идеальны, костюмы скорѣе даже странны, ничего живописнаго въ положеніяхъ, и при всемъ этомъ чудесная привлекательность. Откуда она? Отъ правдивости. Да! Каждый поэтъ, каждый живописецъ долженъ приносить такую же присягу, какой требуютъ отъ свидѣтелей во Французскихъ судахъ [2]); онъ долженъ стать передъ судилищемъ натуры и, поднявъ руку, изъ глубины души произнести: правда, полная правда и ничего кромѣ правды! Тогда произведенія его будутъ непремѣнно чистыми свидѣтельскими показаніями натуры. Теперь, словно заточенный въ Виллинсгаузенѣ [3]), гдѣ кругозоръ твой ограниченъ нѣсколькими десятинами, ты работаешь всесовершенно, и такое же совершенство окажется въ твоихъ произведеніяхъ повсюду, и въ великолѣпной Италіи, и посреди прекрасныхъ развалинъ древности, и въ нашихъ однообразныхъ и болотныхъ равнинахъ, гдѣ вмѣсто живописной одежды Итальянца передъ тобою будетъ сѣверная одежда мужика. Вездѣ почувствуется прелесть правды; вездѣ скажется человѣкъ, какой онъ есть и въ какой обстановкѣ онъ застигнутъ. Вотъ истинная красота! Желаніе убирать и украшать природу есть святотатство. Мнѣ кажется, что древніе плохо поняты. Они держались правды и ничего не украшали; сама природа у нихъ прекрасна. Мы смѣнили ихъ и вообразили себѣ, будто нѣтъ другой природы кромѣ той, которая ихъ вдохновляла. Мы захотѣли придать насильственно нашей природѣ древній обликъ, и мы ее искалѣчили подобно Прокрусту, который вытягивалъ и укорачивалъ приходившихъ къ нему, примѣряя ихъ къ своему ложу. Прекрасно только то что̀ истинно. «Одна истина привлекательна», сказалъ Буало, не понимая смысла этихъ прекрасныхъ словъ: ибо самъ онъ—сухой рабъ прекрасной и свободной древности. Не надо подражать ни Рафаэлю, ни Ванъ-Дику, ни Мурильо; надо изучать

---

[1]) О знакомствѣ Жуковскаго съ Гёте см. Ludwig Geiger, Göthe-Jahrbuch, Band IV (1883).

[2]) Жуковскій въ 1827 г., живя въ Парижѣ, посѣщалъ общественныя судбища. П. Б.

[3]) Родовое помѣстье Шмерцелей, въ графствѣ Цигенгайнѣ (бывшее Гессенское курфиршество) близъ Марбурга, находящееся въ ихъ владѣніи со временъ Фридриха-Барбароссы. П. Б.

природу, покорливо воспринимать что̀ она представляетъ и тогда станешь богатъ: ибо природа не скупа и даетъ пригоршнею. Вычурности уже не будетъ. По моему, всякая вычурность есть недостатокъ. Это правда, что личность живописца всегда сказывается въ его произведеніяхъ, такъ какъ онъ созерцаетъ природу собственными глазами, схватываетъ ее собственными чувствами, и къ полученному отъ нея прибавляетъ то что̀ у него въ душѣ. Но эта личность выдетъ человѣческою душею въ душѣ природы; она для насъ будетъ голосомъ, раздающимся въ пустынѣ, ее оживляющимъ и дающимъ ей красоту. Напримѣръ, развалина прекрасна сама по себѣ; но воспоминаніе о человѣкѣ, который посреди нея жилъ, это воспоминаніе, ею намекаемое, придаетъ ей неописуемую прелесть; если же эта развалина придумана, картина останется таже, но прелести уже не будетъ. И такъ повсюду пріятно намъ обрѣтать душу; гдѣ ея больше, тамъ привлекательность для насъ сильнѣе. Все это приложимо къ твоимъ рисункамъ, мой милый другъ. Эти пять рисунковъ «Schwälmerleute [1]), ваша дѣтская комната, вашъ семейный уголъ, суть произведенія образцовыя. Еслибы меня спросили, какой рисунокъ лучшій, я затруднился бы отвѣтомъ. Я не могу судить какъ художникъ; но мое чувство влечетъ меня всего болѣе въ семейный уголъ и къ кладбищу, гдѣ вся семья горюетъ о недавней утратѣ. Въ особенности послѣдній рисунокъ есть цѣлая поэма [2]). Дѣти, сказалъ отецъ рано поутру, сегодня мы пойдемъ къ нашей Маргаритѣ. Это была старшая дочь, которую такъ любили въ семьѣ, которая, бывало, такъ весело играла съ младшими, которая была ближайшимъ другомъ сестры своей, правою рукою матери и радостью отца. Дѣти видѣли, какъ опускали ее въ могилу. Они всѣ пріуныли, когда отецъ позвалъ ихъ на кладбище. Они идутъ молча, въ ожиданіи увидать вновь что либо относящееся къ любезной имъ покойницѣ. Они тихи и печальны, кромѣ самаго старшаго, уже подростка и потому болѣе шаловливаго. Но старшая сестра понимаетъ что̀ такое смерть; она думаетъ, скорбитъ и молится. Отецъ ступаетъ твердо, скрывая слезы. Но мать! Легко догадаться, что̀ у нея на лицѣ подъ вуалью, которою она закрылась. Мысль эта, скрыть лицо матери, есть черта высокая. И все тихо вокругъ нихъ. Небо ясное, деревья въ цвѣту; солнце, какъ всегда, свѣтитъ и радуетъ; словомъ, это совершенство. И ничего вычурнаго. Все наивно, прав-

---

[1]) Швальмъ — общее названіе мѣстности, гдѣ находится Виллингсгаузенъ; Schwälmerleute — люди Швальма, тамошнее простонародье. Рейтернъ изображалъ ихъ въ своихъ первоначальныхъ рисункахъ. П. Б.

[2]) Этотъ превосходный акварельный рисунокъ принадлежитъ нынѣ внуку Рейтерна Павлу Васильевичу Жуковскому. П. Б.

диво: лица дѣйствительныя, а не выдуманныя. Тутъ человѣкъ, и не видать ни художества, ни художника, ни тѣхъ и того, съ кого и съ чего онъ списывалъ. Видимъ передъ собою живую дѣйствительность, которая ничѣмъ не раздражаетъ воображенія, и все прямо трогаетъ душу. Я могъ бы написать цѣлую книгу объ этихъ рисункахъ. Мы вмѣстѣ ими насладимся. Теперь прощай! Во всякомъ случаѣ прошу тебя пріѣхать въ Царское Село къ 10-му или къ 12-му Августа».

Отвѣтъ Рейтерна на это письмо Жуковскаго исполненъ самаго высокаго, благороднаго чувства любви къ ихъ общему отечеству. Оба они были поклонниками Карамзина. «Наша древняя Россія—пишетъ Рейтернъ—это живописная исторія героевъ. Я часто думалъ, что, живи я въ Россіи, я точно также рисовалъ бы предметы отечественные, какъ теперь чужіе; избирая предметомъ событіе историческое, я точно также, съ тою же подлинностью воспроизводилъ бы лица и образы чисто-народные, какъ теперь изображаю иноземную природу и чужестранцевъ». Художникъ мечтаетъ о возникновеніи народнаго Русскаго искусства, чуждаго подражаній. «Если я буду присылать даже и хорошія мои работы изъ Швейцаріи или Италіи, то они помѣстятся рядомъ со многими другими и пойдутъ за урядъ. Но если эти работы возникнутъ на родной почвѣ и выразятъ собою наше собственное, намъ милое, то они возымѣютъ дѣйствіе, какъ портреты дорогихъ нашихъ родственниковъ. Тогда бы я понялъ, зачѣмъ не умеръ отъ моей раны и созналъ бы, что моя жизнь можетъ быть полезна отечеству. Я поселился бы въ Крыму или въ южной Россіи, а безконечнымъ предметомъ изученія была бы мнѣ вся родина. У насъ съ тобою одна страсть—искусство, и одна любовь—Россія!»

Въ Царскомъ Селѣ Государыня Александра Ѳеодоровна милостиво отнеслась къ Рейтерну, и ему прибавлена была пенсія на пять лѣтъ. Онъ гостилъ въ Лемзалѣ, у своихъ родныхъ, когда гвардейскій Семеновскій полкъ, въ которомъ служилъ его двоюродный братъ Александръ Гельмерсенъ *), возвращался въ Петербургъ изъ Польскихъ губерній. Рейтернъ написалъ портреты пятерыхъ Семеновскихъ солдатъ, родомъ изъ разныхъ губерній, и эти портреты послалъ въ Петербургъ для представленія Государю, вмѣстѣ съ другими своими рисунками.

Жуковскій писалъ ему: «Милый другъ! Я получилъ твои превосходные рисунки, числомъ 69, а посылаю назадъ только 41; все

*) На него впослѣдствіи указывалъ Жуковскій Александру Николаевичу, какъ на воспитателя для его сыновей. См. „Русскій Архивъ“ 1883, письмо 79-е.

остальное взято Государемъ и Государыней. Радостно мнѣ было на вечерѣ у Государыни показывать всему обществу твои работы. Онѣ заслужили одобреніе, и доказательствомъ тому уменьшеніе числа ихъ. Уполномоченный тобою, я просилъ Ихъ Величества выбрать и взять чтó имъ понравится; самъ видишь, что они не скупы. Государь восхищался характерными головами солдатъ; онъ всѣхъ ихъ узналъ. Павловскій гренадеръ отданъ мною шефу этого полка, Великому Князю Наслѣднику. Словомъ, успѣхъ твой полный, и я увѣренъ, что ты не пожалѣешь о твоихъ рисункахъ. У Государыни будетъ особый альбомъ, наполненный произведеніями Рейтерна. Я воспользовался этимъ случаемъ, чтобы объяснить причины твоего долгаго пребыванія въ Лифляндіи *), которое отнюдь не было помѣхою твоимъ занятіямъ; напротивъ, ты работалъ еще съ бóльшимъ, чѣмъ когда-либо усердіемъ. Я еще сказалъ, что въ Маѣ мѣсяцѣ ты поѣдешь къ женѣ и потомъ въ Берлинъ. Ошибся я или нѣтъ? Какъ бы то ни было, скажу тебѣ, что, по моему мнѣнію, ты сдѣлалъ большіе успѣхи, не въ манерѣ (у тебя нѣтъ ея, и тѣмъ лучше), но въ правдивости, благодаря которой всѣ твои рисунки восхитительны. Они въ этомъ отношеніи единственны, и я ни съ чѣмъ не могу сравнить ихъ: всѣ наши рисовальщики, на первый взглядъ болѣе казистые, далеки отъ такого совершенства. Жалѣю объ одномъ: отчего до твоего отъѣзда не можешь ты побывать здѣсь. Отчего ты не подумалъ объ этомъ впередъ? Апрѣль могъ бы ты провести въ Петербургѣ и написать много портретовъ. Мнѣ же лично очень жаль, что ты не сдѣлалъ какъ слѣдуетъ моего портрета, а теперь у тебя что-то въ родѣ каррикатуры. Богъ знаетъ, застанешь ли ты меня по возвращеніи твоемъ. Во всякомъ случаѣ, передъ тобою прекрасная художническая будущность. Ты уже вполнѣ усвоилъ себѣ природу, и какое будетъ счастіе, когда ты начнешь творить самъ! Подъ твоею кистью поэзія сдѣлается дѣйствительностью, а простая природа опоэтизируется, не утрачивая правды, которая есть поэзія по преимуществу. Я думаю даже, что теперь ты не нуждаешься въ Италіи. Въ Берлинѣ у тебя будетъ довольно прекрасныхъ произведеній искусства. А душа Радовица получше Италіи. Сначала ты будешь брать предметы изъ произведеній Нѣмецкой поэзіи, а потомъ, вернувшись сюда, создашь Русскую живопись, заимствуя у нашихъ поэтовъ, у нашей исторіи, у нашей дѣйствительности. Я въ самомъ дѣлѣ думаю, что Берлина для тебя вполнѣ достаточно. Оставаясь тамъ, ты еще крѣпче свяжешься съ Россіею. Радовицъ введетъ тебя къ наслѣдному принцу, который, конечно, весьма способенъ почув-

*) Холера, слабость здоровья и кончина матери. П. Б.

ствовать что̀ есть прекраснаго въ твоемъ дарованіи. Тебя окружитъ сонмъ друзей, и ты будешь имѣть то что̀ тебѣ нужно, какъ человѣкъ и какъ художникъ. Прошу сообщить мнѣ твои намѣренія. Тебя постигла великая утрата: Гёте больше нѣтъ на свѣтѣ! Ты уже не можешь надѣяться на его одобреніе. Это несчастіе непоправимое!»

Лѣтомъ 1832 года ослабленное трудами здоровье Жуковскаго потребовало снова водянаго лѣченія въ Эмсѣ и Вейльбахѣ, затѣмъ винограднаго въ Веве и теплаго климата въ Верне. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ жилъ онъ съ Рейтерномъ и его семействомъ, и тутъ окрѣпла ихъ дружба. Въ Апрѣлѣ 1833 года оба они поѣхали въ Марсель и оттуда моремъ на два мѣсяца въ Неаполь. Въ Римѣ Прусскій посланникъ Бунзенъ сблизилъ ихъ съ Овербекомъ, Тордвальсеномъ и Корнеліусомъ.

Въ Іюнѣ 1835 г. Рейтернъ поселился въ Дюссельдорфѣ, знаменитомъ тогда сосредоточіи живописцевъ. Отсюда посылалъ онъ въ Петербургъ свои картины, писанныя уже масляными красками.

5 Января 1837 г. Жуковскій писалъ ему: «Не могу тебѣ выразить, милый другъ, какъ я обрадовался прибытію твоихъ картинъ, такъ давно возвѣщенныхъ и такъ долго и нетерпѣливо ожиданныхъ. Наконецъ, онѣ здѣсь. Разскажу хронологически исторію ихъ прибытія. Помнится, 17 Декабря, сидѣлъ я дома. Вдругъ приходитъ ко мнѣ отъ Великаго Князя полковникъ Назимовъ по одному дѣлу и между прочимъ говоритъ: «Какія прекрасныя картины получены Великимъ Княземъ! Но онъ не знаетъ, отъ кого онѣ». Я догадался и попросилъ полковника тотчасъ же идти къ Великому Князю и сказать ему, чтобы онъ не показывалъ картинъ Императрицѣ и даже не говорилъ, что ихъ къ нему доставили. Въ нетерпѣніи одѣваюсь и спѣшу туда же. Вотъ онѣ передо мною, эти драгоцѣнныя картины! Ожиданіе мое удовлетворено вполнѣ. Передо мною правда, простая природа во всей чистой ея наивности, во всей неописуемой ея прелести. Хочется дольше смотрѣть, испытываешь внутреннее удовлетвореніе, и приходишь смотрѣть опять съ неослабѣвающимъ удовольствіемъ, потому что правда въ искусствѣ имѣетъ свойство всегда быть новою, никогда не истощаться и никогда не утомлять. Ты началъ двумя превосходными вещами. Къ великому моему удовольствію Великій Князь какъ слѣдуетъ восхищался прекрасною простотою твоей живописи, и это чувство въ немъ не было ничѣмъ подготовлено или направлено, такъ какъ твои картины прибыли къ нему невзначай, безъ рамъ и прикрасъ. Ты добродушно позабылъ написать, чтобы онѣ были доставлены ко мнѣ. Ихъ раскрыли, и Великій Князь увидалъ ихъ въ самый

неудобный часъ, и тѣмъ не менѣе онѣ произвели на него такое впечатлѣніе, что родительское твое сердце можетъ радоваться. Я прежде всего позаботился, чтобы ихъ перенесли ко мнѣ, побѣжалъ покупать рамы, послалъ къ аптекарю, чтобы приготовили лаку. По неисправности нашихъ рабочихъ, рамы заставили ждать себя почти недѣлю и принесены ко мнѣ поутру 24-го; тогда же получилъ я и лакъ. Я позвалъ друга нашего Клару, чтобы онъ покрылъ ихъ лакомъ. Онъ отъ нихъ въ восторгѣ и на другой день прибѣгалъ посмотрѣть еще. Вечеромъ 24-го была елка для царскихъ дѣтей. Сначала мнѣ пришло въ голову поставить твои картины на столъ къ Государынѣ, какъ Рождественское приношеніе отъ тебя; но я оставилъ эту мысль, потому что картины очутились бы посреди множества другихъ, болѣе бросающихся въ глаза предметовъ, и не имѣли бы выгоднаго освѣщенія. Къ тому же собравшимся было бы тогда не до картинъ. На другой день большое торжество. Государыня принимала поздравленія и утомилась. Пришлось отложить до 26-го, и вышло какъ нельзя лучше. Я помѣстилъ картины въ библіотекѣ Государыни, вполнѣ особнякомъ. Онѣ были отлично освѣщены, и когда все было готово, я послалъ сказать Ея Величеству, что я ожидаю ее съ моимъ товаромъ. Съ нею были только великія княжны, которыя и пришли впередъ и начали кричать отъ восхищенія. Потомъ пришла Государыня, на которую картины произвели тоже впечатлѣніе, какъ на ея дѣтей. Она воскликнула: «Какъ это прекрасно, какъ это вѣрно!» За тѣмъ она долго и внимательно глядѣла и выразила удивленіе сдѣланнымъ тобою успѣхамъ; она уже думала, что ты отказался отъ живописи масляными красками. Приходитъ Великій Князь, и цѣлымъ хоромъ раздаются похвалы твоимъ чадамъ. Можешь судить, какъ это было пріятно мнѣ! Позднѣе я узналъ отъ Великаго Князя, что и Государь также доволенъ, какъ и его семейство. Словомъ, начало удалось тебѣ вполнѣ. Картины теперь у меня».

«Благодарю тебя за драгоцѣнные очерки. Въ нихъ полный журналъ нашего путешествія. Они размѣщены въ порядкѣ, наклеены на желтоватой бумагѣ и обведены каймами. Цѣлую любезную мою Елисавету за то, что она потрудилась сдѣлать для меня вторичные снимки съ этихъ набросковъ. По истинѣ это подарокъ неоцѣнимый! Благодарю также за двѣ картины, написанныя для меня. Онѣ удивительны по вѣрности и исполненію. Но прошу объясненія на счетъ головы ребенка. Какъ ты ее писалъ? Списокъ ли это съ картины «Больнаго Совѣтника» (Kranker Rathsherr), или написано съ самаго ребенка, который послужилъ моделью для той картины? Голова, по истинѣ, плѣнительна. Ты меня обогатилъ. Теперь у меня много твоего, и вполнѣ драгоцѣннаго».

«Скажи, какія у тебя дальнѣйшія намѣренія по части живописи. Мнѣ мечтается, что ты напишешь для Государыни Мадонну. Но не подражай, а слѣдуй собственной мысли. Только пора къ твоимъ снимкамъ съ природы прибавлять созданія собственныя. По этой части отсылаю тебя къ Радовицу; теперь его чередъ. Слушайся его, онъ тебя наставитъ. Но, покорливо выслушивая, слушайся себя одного. Твой геній долженъ быть тебѣ единственнымъ руководцемъ и владыкою. Во всякомъ случаѣ сообщи мнѣ о твоихъ замыслахъ; они останутся между нами тайною, и мнѣ будетъ такъ сладко пожить твоимъ будущимъ. Позабылъ сказать, что Государыня поручила мнѣ выразить тебѣ удовольствіе и благодарность за твой прекрасный подарокъ. Прошу обнять отъ меня твою жену и твоихъ дѣтей, извѣстныхъ мнѣ и неизвѣстныхъ. Скажи Елисаветѣ, что она восхитительна тѣмъ что такъ хорошо поработала для своего Вернейскаго друга. Радовицу отдай мое сердце въ твоемъ; онъ знаетъ, что я весь его и останусь такимъ до смерти, конечно и по смерти! Прости. Твой Жуковскій. P. S. Имѣю честь представить всему почтенному семейству мои поздравленія съ Новымъ годомъ. Помнишь нашу елку въ Верне!»

По представленію Жуковскаго Рейтернъ назначенъ былъ «Живописцемъ Императорской Фамиліи», съ прибавкой къ его пенсіи 8 т. р. асс. и съ правомъ воспитывать дѣтей за границей. Вотъ чтò писалъ ему о томъ Жуковскій, 12 Мая 1837 г., т. е. передъ своимъ отъѣздомъ въ продолжительное путешествіе по Россіи съ Наслѣдникомъ-Цесаревичемъ: «Мнѣ кажется, что наше дѣло приходитъ къ концу. Пишу тебѣ немного, но содержаніе письма будетъ для тебя полновѣсно. Я пришелъ отъ Государыни, и любопытно, что все происходило также точно, какъ и въ первый разъ. Помнишь, какъ это было тогда, въ Царскомъ Селѣ. Я иду къ Государынѣ и говорю ей про тебя; въ это самое время входитъ Государь. Она его спрашиваетъ, желаетъ ли онъ сдѣлать для Рейтерна то чтó онъ ему обѣщалъ. «Да!»—Желаешь ли, чтобъ я о томъ сказала Волконскому?—«Да!» И этими двумя словами рѣшилась твоя судьба. Вотъ какъ чудотворно самодержавіе! Теперь точнехонько тоже. Я прихожу къ Государынѣ и отдаю ей краткую записку о тебѣ. Входитъ Государь. Она обращается къ нему съ тѣмъ же вопросомъ и слышитъ отъ него тотъ же отвѣтъ. Указъ будетъ данъ Волконскому, и подпись на бумагѣ не замедлится. Вотъ ты теперь одаренъ царскимъ семействомъ. Геній искусства и геній признательности будутъ вдохновлять тебя. Отнынѣ ты можешь свободно предаваться внушеніямъ твоего дарованія, и спутникомъ твоего вдохновленія будетъ чувство сладкое и возвышенное. А вѣдь сладко любить и уважать людей, осыпающихъ насъ благодѣяніями.

Ты въ этомъ положенiи. Счастiе двойное! Отсутствiе заботъ о будущемъ, свободное и полное вдохновенiе въ настоящемъ, соединенное съ несказаннымъ благополучiемъ, каковое даетъ работа сама по себѣ. Прибавь сюда и благородство цѣли: работая для Государя и его семейства, ты будешь работать въ тоже время для твоего отечества и для славы. Заботитъ меня только твое здоровье. Господь да сохранитъ его тебѣ! Если оно тебѣ не измѣнитъ, ты сдѣлаешь много. По моему мнѣнiю, твое дарованiе предпочтительнѣе всякаго другаго, потому что свойство его—правда, правда простая и при этой простотѣ правда поэтическая. Начинай же создавать и производить то, что̀ доселѣ существовало лишь внутри души твоей. Внѣшность, т. е природа видимая, тебѣ знакома, и твоя кисть умѣетъ выражать ее. Давай намъ теперь внутреннее, т. е. природу невидимую, великую! И если стяжаешь успѣхи и въ этой области, то настоящая цѣль искусства будетъ тобою достигнута».

Жуковскiй былъ гораздо глубже, нежели обыкновенно думаютъ у насъ. Внѣшнiя обстоятельства не давали ему возможности вполнѣ высказываться, и лишь много лѣтъ послѣ его кончины начинаютъ появляться въ печати отрывки изъ его не назначавшихся къ оглашенiю бумагъ, дневниковъ и замѣтокъ (таковы его мысли о самодержавiи, недавно напечатанныя въ «Отчетѣ Императорской Публичной Библiотеки за 1891 годъ». Въ исторiи просвѣщенiя значенiе Жуковскаго обнаруживалось доселѣ лишь немногими чертами; но придетъ время, когда имя его засiяетъ неугасимыми лучами добра и красоты для отдаленнѣйшаго потомства. Это былъ, по истинѣ, избранникъ Неба. Чѣмъ ближе узнаёшь его, тѣмъ больше его любишь, тѣмъ разнообразнѣе являются его достоинства. Таковъ же былъ и другъ его Рейтернъ. Онъ на всю остальную жизнь исполнился чувствомъ благодарности за доставленную ему возможность независимо работать для искусства. «Я высоко цѣню счастiе, писалъ онъ, еще потрудиться для моего Государя лѣвою рукою, послѣ того, какъ правая сдѣлала свое дѣло», и съ тѣхъ поръ до конца жизни никогда не принималъ частныхъ заказовъ, а всѣ свои картины отсылалъ въ Петербургъ, гдѣ нынѣ украшены ими дворцы и Императорскiй Эрмитажъ, и гдѣ недавно, въ память столѣтiя, протекшаго со дня его рожденiя, устроена была выставка ихъ. Обстоятельства не дозволили намъ полюбоваться этою выставкою. Здѣсь въ Москвѣ, въ Третьяковской галлереѣ, въ первой комнатѣ, нельзя довольно насмотрѣться на портретъ Жуковскаго, написанный Рейтерномъ и пожертвованный Москвѣ сыномъ поэта Павломъ Васильевичемъ. Чѣмъ дольше смотришь, тѣмъ чаще смотрѣть хочется. Это какое-то, смѣемъ выразиться, необычайно-привлекательное цѣломудрiе кисти.

Вся остальная жизнь Рейтерна была посвящена живописи, которою занимался онъ съ великою добросовѣстностью, изучая анатомію, усовершенствуя себя въ такъ называемой техникѣ. Главныя, большія картины его суть: «Жертвоприношеніе Авраама», находящееся въ Императорскомъ Эрмитажѣ, и «Георгій Побѣдоносецъ» въ Мраморномъ дворцѣ.

Въ 1838 году, въ Эмсѣ, написалъ онъ портретъ съ находившагося тамъ на водахъ Наслѣдника Русскаго престола, а за тѣмъ въ Веймарѣ обласкали его Императоръ Николай Павловичъ и Императрица Александра Ѳеодоровна. Указывая на него, Государь выразился: «Это старый, храбрый воинъ», а самому Рейтерну сказалъ: «Ты одною рукою работаешь, словно у тебя ихъ нѣсколько». Наслѣдникъ Цесаревичъ пригласилъ его съ собою въ Россію. Рейтернъ сопровождалъ его на военномъ пароходѣ «Богатырь» и пробылъ въ Россіи два мѣсяца.

21 Мая 1841 года Жуковскій женился на старшей дочери Рейтерна Елисаветѣ Алексѣевнѣ. Кроткимъ сіяніемъ озарила она послѣдніе одинадцать лѣтъ жизни нашего поэта. Въ тишинѣ домашней жизни получилъ онъ возможность снова посвятить себя занятіямъ словесностью и, подобно другу своему князю Вяземскому, проявилъ на склонѣ лѣтъ дѣятельность изумительную: достаточно сказать, что въ это время написаны имъ «Наль и Дамаянти», «Рустемъ и Зорабъ», «Вѣчный Жидъ», переведена вся Одиссея, часть Иліады и весь Новый Завѣтъ *). Семейное тихое счастіе было наградою Жуковскому за долгіе годы труженическаго поприща, а дружба съ Рейтерномъ облегчала ему жизненныя невзгоды. На святки 1851 года Рейтернъ послалъ ему свой рисунокъ одной Швейцарской хижины, и вотъ что писалъ ему въ отвѣтъ нашъ поэтъ, которому тогда оставалось прожить еще нѣсколько мѣсяцевъ на свѣтѣ.

«Милый другъ! Ты поступилъ со мною какъ Крезъ: ты одарилъ меня и милымъ письмомъ, и неоцѣнимымъ твоимъ рисункомъ. Знаешь ли, что это одно изъ лучшихъ произведеній твоей кисти? Какая правда! Какая свѣжесть! Глядя на эту живопись, дышешь воздухомъ горъ. И знаешь ли, отъ чего это такъ? Оттого, что ты захотѣлъ передать мнѣ красками то что́ происходило у тебя въ душѣ. Ты захотѣлъ мнѣ нарисовать твою дружбу ко мнѣ и мою къ тебѣ. И это сдѣлалось безъ усилія, само собою. Твоя милая, добрая, нѣжная и поэтическая душа перенеслась на полотно и на немъ останется, изобразивъ это голубое

*) Этотъ послѣдній трудъ В. А. Жуковскаго, къ сожалѣнію, еще не изданъ. П. Б.

небо, эти дымныя облака на скалахъ, эту влажную зелень луга и въ особенности этотъ свѣтъ, всюду разливающійся такъ чудно и образующій пятна тѣней, которыя прекрасно перемежаются съ блескомъ солнечныхъ лучей, и все это въ гармоніи! Словомъ, прекрасный пейзажъ этотъ служитъ отличнымъ коментаріемъ и добавленіемъ милаго письма твоего, которое меня съ Елисаветой умилило до слезъ и наполнило счастливымъ сознаніемъ того, что есть на свѣтѣ такой человѣкъ, каковъ ты, и что этотъ человѣкъ—мой другъ, а ея отецъ. Спасибо, спасибо за дорогой твой подарокъ!... Твой товарищъ до гроба Жуковскій. 25 Декабря 1851. Слава въ вышнихъ Богу, и на землѣ миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе!»*)

Оба они, и Жуковскій, и Рейтернъ были людьми благоволенія. Біографіи ихъ нераздѣльны, и вотъ почему сочли мы своею обязанностью познакомить съ Рейтерномъ читателей «Русскаго Архива», многія страницы котораго уже столько лѣтъ посвящаемы памяти Жуковскаго. Напрасно К. К. Зейдлицъ въ извѣстной книжкѣ своей о Жуковскомъ ревниво обвиняетъ Рейтерновъ въ томъ, будто они завлекли его къ себѣ и не пускали домой въ Россію. Живя въ Дюссельдорфѣ, Франкфуртѣ и Баденъ-Баденѣ, Жуковскій конечно сдѣлалъ для Русской словесности болѣе, нежели оставаясь въ Петербургѣ, при дворѣ. Также и Рейтернъ, хотя и былъ Нѣмецъ и жилъ въ Германіи, но принадлежалъ душою Русскому своему отечеству и художественными своими произведеніями честно служилъ ему.

22 Марта н. ст. 1865 года Рейтернъ скончался во Франкфуртѣ на Майнѣ. На его могильномъ камнѣ любимые его четыре первые стиха 103-го псалма: «Благослови, душе моя, Господа»...

П. Б.

---

*) Это и предъидущія письма въ подлинникахъ писаны по французски. П. Б.

ИЗЪ ПАМЯТНЫХЪ ЗАМѢТОКЪ АРХЕОЛОГА А. А. МАРТЫНОВА.

III [1]).

Архіерейская шапочка въ Стокгольмѣ.

Въ бытность мою въ 1862 г. въ Стокгольмѣ я видѣлъ въ тамошнемъ Музеѣ архіерейскую шапочку съ такою надписью: «159 [2]) Ноября въ 17 день сию шапку святительскую дала вкладу въ Чудовъ монастырь въ домъ Чюдотворцу Алексѣю думнаго дьяка Михайловскаго жена Данилова вдова Ульяна Васильева дочь по муже своемъ по Михайле Даниловиче по схимнике Михаилѣ да по дочери Ксеніи и по своей душе». На шапкѣ образа: Знаменіе Пречистыя Богородицы, Іоаннъ Предтеча, Гавріилъ Архангелъ, Св. Михаилъ, Св. митрополиты Петръ и Алексій. Шапочка шелковая, шита золотомъ съ блестками и каменьями.

IV.

Одна изъ мѣръ къ укрощенію стрѣльцовъ.

Въ библіотекѣ Саввы-Сторожевскаго монастыря находится столбецъ слѣдующаго содержанія.

«Отъ великаго Государя царя и великого князя Петра Алексѣевича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца. Въ монастырь Рожества Пресвятыя Богородицы и Великого Чюдотворца Саввы Сторожевскаго богомольцамъ нашимъ архимандриту Селивестру съ братьею.

Въ нынѣшнемъ въ 207 (1699) году Декабря въ 10 день въ нашемъ великого Государя указѣ въ нашъ государственной посолской приказъ изъ стрѣлецкого приказу писано: Указали мы великій Государь Московскихъ стрѣльцовъ, которые въ прошломъ въ 206 году были подъ Воскресенскимъ монастыремъ и посланы на Бѣлоозеро въ Кириловъ монастырь,

---

[1]) См. Р. А. 1894 г. III, 459.

[2]) Т. е. въ 1651 году.

а изъ Кирилова монастыря взяты въ Москвѣ, послать къ вамъ въ Савинъ монастырь сто человѣкъ съ начальнымъ человѣкомъ съ Иваномъ Непейцынымъ и держать ихъ у васъ въ монастырѣ въ тюрмахъ скованыхъ и связаныхъ, и на тюрьмы очистить имъ кельи, и никого къ нимъ не подпущать и чернилъ и бумаги имъ же не давать. Да у нихъ же быть для караулу съ ружьемъ по монастырскому служкѣ у всякаго стрѣльца, и о пріемѣ тѣхъ стрѣльцовъ послать къ вамъ нашу великого Государя грамоту изъ посолскаго приказу, а изъ иноземскаго приказу о томъ къ вамъ въ монастырь нашъ великаго Государя указъ посланъ.

И какъ къ вамъ ся наша великого Государя грамота придетъ, и вы бъ о пріемѣ въ Савинъ монастырь присланныхъ съ Москвы ста человѣкъ стрѣльцовъ и о держаніи ихъ въ тюрмахъ скованыхъ и связаныхъ и для того на тюрмы объ очисткѣ келей и осторожности, чтобъ никого къ нимъ не подпущать и чернилъ и бумаги не давать и о поставкѣ для караулу съ ружьемъ по монастырскому служкѣ у всякаго стрѣльца и о семъ чинили бъ вы по сему нашему великаго Государя указу, какъ писано выше сего, по посланному въ томъ къ вамъ въ монастырь нашему великого Государя указу изъ иноземскаго приказу. Писанъ на Москвѣ лѣта 7207 году Декабря въ 10 день».

НАБРОСКИ ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ КНЯЗЯ Д. Д. ОБОЛЕНСКАГО.

III *).

Я кончилъ курсъ въ Московскомъ университетѣ, въ 1865 году, по юридическому факультету, 20 лѣтъ отъ роду, и намѣтилъ себѣ понемногу свое будущее, насколько человѣкъ это можетъ сдѣлать. Еще студентомъ я былъ женихомъ Елисаветы Петровны Вырубовой, чрезъ нѣсколько дней по окончаніи выпускныхъ экзаменовъ женился, затѣмъ уѣхалъ въ деревню заниматься дѣлами своихъ и жениныхъ имѣній. Состояніе у насъ было большое: было къ чему приложить руки.

Для полученія чина, безъ котораго и ученая степень не даетъ права участія въ дворянскихъ собраніяхъ, я записался служить въ канцелярію Звенигородскаго уѣзднаго предводителя дворянства Дмитрія Дмитріевича Голохвастова. Это былъ второй сынъ когда-то знаменитаго попечителя Московскаго Университета Дмитрія Павловича Голохвастова. Въ концѣ 1865 года я впервые участвовалъ въ собраніи Московскаго дворянства, гдѣ Д. Д. Голохвастовъ отказался отъ должности предводителя, которую исполнялъ въ теченіе 9 лѣтъ блестяще. Дворяне пожелали поднести ему на память какую нибудь вещь. Случайно мы узнали, что у А. И. Хлудова есть икона, до-Никоновскаго письма, бывшая нѣсколько сотъ лѣтъ въ роду Голохвастовыхъ и какъ-то случайно попавшая къ Хлудову. Послѣ продолжительныхъ просьбъ Хлудовъ уступилъ этотъ образъ за 800 рублей дворянству, которое и поднесло его разстроганному Д. Д. Голохвастову.

По моему мнѣнію дворянство многимъ обязано Д. Д. Голохвастову. Онъ въ сущности первый, послѣ 1861 года, *открыто* и *громко* заговорилъ въ общественныхъ засѣданіяхъ и собраніяхъ о правахъ дворянства и о значеніи его въ землевладѣніи. До этого дворяне, выбитые изъ колеи Положеніемъ 19 Февраля 1861 года, какъ-то смутно, въ отдѣльныхъ личностяхъ, быть можетъ и кружкахъ, понимали, что, утративъ права свои на крестьянъ, они не потеряли своихъ полити-

*) См. „Русскій Архивъ“ 1894 года, выпускъ X-й, стр. 251—286.

ческихъ правъ и преимуществъ въ Имперіи, и что въ экономическомъ отношеніи дворянское сословіе, какъ передовое въ то время и какъ самое образованное, не должно терять значенія своего и обязано удержать подобающее ему положеніе для поддержанія какъ порядка, такъ и развитія страны. Блестящія рѣчи Голохвастова въ Московскомъ дворянскомъ собраніи сразу подняли его на степень первокласнаго и даровитаго оратора, и это въ то время когда вообще на Руси публичныя рѣчи были въ диковинку. Д. Д. Голохвастовъ въ своихъ рѣчахъ ярко обрисовалъ значеніе дворянства, какъ начала живого и въ земствѣ, которое признало первенство дворянства всюду *по праву выбора*. Не менѣе талантливо обрисовалъ онъ и мертвящее значеніе чиновничества, назвавъ его современною опричиной, которая не допускаетъ до царя живаго слова правды; между тѣмъ на обязанности дворянства, передоваго сословія, сдѣлать такъ, чтобы слово правды до царя всегда доходило. Сословіе дворянское одно облечено правомъ обращаться съ своими заявленіями на Высочайшее имя, и это разъ въ три года, и право это должно быть расширено... Вотъ смыслъ рѣчей Голохвастова. Дворянство, по его почину, сразу и дружно заговорило о представительствѣ, что́ конечно не понравилось въ высшихъ сферахъ, и Московское Дворянское Собраніе 1864—1865 года было закрыто по приказанію министра внутреннихъ дѣлъ П. А. Валуева.

Генералъ-губернаторъ Михаилъ Александровичъ Офросимовъ медлилъ закрытіемъ собранія, будучи дворяниномъ въ душѣ и сочувствуя вполнѣ идеямъ высказаннымъ въ собраніи. Взбѣшенный сравненіемъ чиновничества съ опричиной, Петербургъ, напротивъ, страшно негодовалъ на Московское дворянство и особенно на Д. Д. Голохвастова. Министръ внутреннихъ дѣлъ требовалъ даже смѣны генералъ-губернатора за неисполненіе его приказаній. М. А. Офросимовъ, послѣ чуть ли не третьяго подтвержденія, наконецъ, закрылъ собраніе, и самъ былъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ замѣненъ княземъ Владиміромъ Андреевичемъ Долгорукимъ, какъ говорили, именно за послабленіе дворянству.

Какъ я уже сказалъ, черезъ годъ, въ концѣ 1865 года, при состоявшихся выборахъ, Д. Д. Голохвастовъ вышелъ изъ предводителей и никакой службы болѣе не несъ. Правительство ни при какихъ условіяхъ не хотѣло ему ввѣрять какое-либо служебное мѣсто. Это выраженіе «опричина» ему никогда не было прощено. Его выставляли всегда за революціонера: онъ говорилъ публично за представительство! Весною 1865 г., т. е. уже послѣ выборовъ, былъ приглашенъ Д. Д. Голохвастовъ въ Ильинское. Государь Александръ Николаевичъ принялъ

его весьма милостиво и, представляя его Императрицѣ Маріи Александровнѣ, сказалъ: «представляю *нашего* предводителя дворянства».

Село Ильинское, передъ тѣмъ пріобрѣтенное у князей Голицыныхъ *) находится въ Звенигородскомъ уѣздѣ, коего Голохвастовъ былъ предводителемъ. Голохвастовъ обѣдалъ въ Ильинскомъ и долго бесѣдовалъ съ Государемъ, который ему между прочимъ сказалъ, что не слѣдуетъ въ рѣчахъ бить на популярность. На это Дмитрій Дмитріевичъ отвѣчалъ: «Если бы дѣло шло о популярности, то мнѣ довольно было бы въ своихъ рѣчахъ упомянуть имя Александра, чтобы стать популярнымъ и вызвать рукоплесканія, такъ какъ популярнѣе Александра II-го никого нѣтъ въ Россіи». Говорятъ, этотъ отвѣтъ не понравился, и Голохвастовъ былъ вычеркнутъ изъ кандидатовъ на какую либо служебную должность. Онъ продолжалъ посѣщать дворянскія и земскія собранія и также Общество Сельскаго Хозяйства, слушавшее много разъ его блестящія рѣчи и покрывавшее ихъ громомъ рукоплесканій. Но все же Голохвастовъ оставался безъ дѣятельности.

Бѣдный Д. Д. Голохвастовъ поплатился за свое горячее заступничество правъ дворянства. Не имѣя службы, онъ еще нестарымъ человѣкомъ зажилъ въ своемъ селѣ Покровскомъ, гдѣ и кончилъ жизнь, разбитый параличомъ.

*

Въ томъ же Московскомъ собраніи мнѣ удалось слышать другаго оратора, извѣстнаго не только Россіи, но и Европѣ, автора Окраинъ, Ю. Ѳ. Самарина. Насколько Д. Д. Голохвастовъ говорилъ горячо и увлекательно, на столько Ю. Ѳ. Самаринъ холодно, убѣдительно и неумолимо-логично. Самая наружность его, громкій голосъ, заставляли какъ-то невольно подчиняться его могучему слову. При мнѣ онъ говорилъ въ 1866 году о необходимости просить правительство, чтобы ни одинъ дворянинъ не могъ быть взятъ подъ стражу административнымъ порядкомъ и сосланъ безъ суда по политическимъ преступленіямъ. Рѣчь эта была, по моему, намѣренно раздута и объяснена реакціонной печатью, какъ будто Ю. Ѳ. Самаринъ говорилъ въ пользу нигилизма и т. д. Нѣтъ, это было совершенно не такъ. Ю. Ѳ. Самаринъ негодовалъ только на тотъ произволъ, съ какимъ обращались съ якобы «политическими преступниками», чѣмъ страшно возбуждали молодежь, иной разъ даже неповинную. Вскорѣ послѣ описаннаго произошелъ еще случай въ Московскомъ земскомъ собраніи. Калужскій губернаторъ Николай

*) Въ Ильинскомъ когда-то князь Леонидъ Михайловичъ Голицынъ давалъ праздникъ, удостоенный Высочайшаго присутствія; на этомъ праздникѣ нѣсколько десятковъ паръ мальчиковъ и крестьянскихъ дѣвочекъ танцовали польку, обученные танцмейстеромъ!

Михайловичъ Смирновъ, какъ гласный, возбудилъ вопросъ о пьянствѣ и безпутствѣ крестьянъ послѣ 1861 года. Записка его и рѣчь были чисто-обвинительнымъ актомъ, и онъ требовалъ рѣшительныхъ мѣръ. Тогда Ю. Ѳ. Самаринъ отвѣчалъ Смирнову, указывая, что это не дѣло всесословнаго земства. Если требовать опеки и строгости для крестьянъ, то онъ, Самаринъ, предложитъ для дворянъ тоже самое, такъ какъ въ дворянскомъ сословіи есть отдѣльные случаи, гдѣ, быть можетъ, опека была бы полезна и вмѣшательство предводителя въ семейныя дѣла, какъ это было раньше, болѣе нужно, чѣмъ нѣчто подобное у крестьянъ. Онъ же Самаринъ, однако, этого не желаетъ, какъ не желаетъ и не считаетъ нужнымъ позорить цѣлое крестьянское сословіе изъ-за отдѣльныхъ случаевъ. Рѣчи Смирнова и Самарина вызвали бурю. Губернскій предводитель дворянства, князь Левъ Николаевичъ Гагаринъ, громко зазвонилъ въ тяжелый колоколъ, поднесенный ему за безпристрастное предсѣдательствованіе въ собраніяхъ. Всегда спокойный, невозмутимый князь на этотъ разъ гнѣвно и громко, ударяя кулакомъ по столу, не проговорилъ, а скорѣе прокричалъ: «Я разъ на всегда прошу не возбуждать здѣсь въ земскомъ собраніи сословныхъ вопросовъ и не допускаю дальнѣйшаго обсужденія возбужденнаго вопроса»... Первые встали губернскіе гласные крестьяне и зааплодировали, что́ высказало большой тактъ съ ихъ стороны. Къ нимъ присоединилось почти все собраніе, и возбужденный Смирновымъ вопросъ самъ собою палъ.

Вечеромъ того же дня въ Московскомъ Англійскомъ клубѣ я былъ свидѣтелемъ, какъ маститый, нынѣ почти столѣтній, Геннадій Владимировичъ Грудевъ, въ комнатѣ клуба, называемой чернокнижной, нападалъ на Н. М. Смирнова за его выходку, называя ее въ высшей степени безтактною. Смирновъ оправдывался, какъ могъ, указывая на то, что народъ, т. е. крестьяне, брошены на произволъ судьбы и что пьянство развелось невообразимое. Противоположность двухъ произнесенныхъ въ собраніи рѣчей Самарина и Смирнова взволновала Московское Общество надолго.

Въ Москвѣ, въ Обществѣ Сельскаго Хозяйства, которое я тогда посѣщалъ, Голохвастовъ часто говорилъ по экономическимъ вопросамъ. Особенно интересенъ былъ диспутъ по вопросу общиннаго владѣнія въ Россіи. Спорили Д. Ѳ. Самаринъ и И. С. Аксаковъ съ одной стороны *за* и Д. Д. Голохвастовъ (какъ западникъ, сторонникъ парламентаризма)—*противъ*. Голохвастовъ ссылался на Псковскую судную грамоту и утверждалъ, что общинное владѣніе не есть вѣковое явленіе на Руси, а результатъ уродливаго крѣпостнаго права, какъ способъ легчайшаго сношенія помѣщика-боярина съ общиною, которая

существовала, какъ и городская община, помимо всякаго земельнаго устройства. Онъ доказывалъ, что общинное владѣніе мѣшаетъ развитію сельскаго хозяйства, такъ какъ прогрессъ зарождается въ отдѣльныхъ личностяхъ, а не въ массахъ и не сразу, что починъ немыслимъ въ цѣлой общинѣ, а всегда является въ отдѣльныхъ личностяхъ. «Попробуй крестьянинъ посѣять что либо въ пару для себя, хотя бы кормовую траву», говорилъ онъ: «общественный скотъ немедленно все вытравитъ». Примѣръ былъ остроуменъ. Сочувствіе и рукоплесканія были на сторонѣ Д. Д. Голохвастова, не смотря на талантливую защиту общиннаго владѣнія его противниками.

*

Въ 1867 году съ женою мы уѣхали за границу. Жена была больна. Увѣряли, что ей необходимо лѣченіе минеральными водами, и вотъ впервыя пришлось мнѣ ознакомиться съ медицинскими знаменитостями Запада. Время было не особенно покойное: еще не прошло и года послѣ Прусско-Австрійской войны, и нѣкоторыя провинціи, присоединенныя къ Пруссіи, были прямо возбуждены и недовольны. Этому я былъ невольнымъ свидѣтелемъ, живя въ Нассаускомъ герцогствѣ, въ Висбаденѣ, и въ этомъ убѣдился, путешествуя по Германіи. Весьма интересны были разсказы народа про ихъ владѣтельныхъ князей, чистыхъ феодаловъ, съ дикими инстинктами, не далеко ушедшихъ отъ нашихъ крѣпостниковъ. Разсказы про ихъ продѣлки просто изумительны. Особенно интересенъ былъ разсказъ про послѣдняго Нассаусскаго герцога. Народъ былъ въ сущности радъ отдѣлаться отъ нихъ; но высшіе классы ненавидѣли новые порядки (особенно въ Ганноверѣ) и въ частности графа Бисмарка и Пруссію. По рукахъ ходило много каррикатуръ на короля и на Бисмарка. Такъ изображенъ былъ напавшій на Бисмарка убійца (фамилію не помню) въ Лейпцигѣ, промахнувшійся изъ револьвера въ графа. Занесенную руку останавливаетъ Мефистофель, говоря: «Стой, онъ мой (Halt, der ist mein»). Я самъ слышалъ въ вагонахъ разговоръ Ганноверцевъ, что благословенна будетъ пуля, которая поразитъ короля и Бисмарка. Славное время было, говорили крестьяне, въ окрестностяхъ Висбадена, про недавнюю войну.—А что?—Мы охотились повсюду и даже въ герцогскомъ паркѣ, близъ Висбадена, били козъ... А когда дождешься такого времени?

Мы жили въ Швальбахѣ. Жена пила воды, но послѣ шести недѣль воды оказались для нея вредными, какъ заявилъ мнѣ въ Швальбахѣ врачъ, къ которому насъ изъ Берлина послалъ знаменитый Фрёрихъ. А прислалъ онъ насъ потому, что въ другія мѣста, Эмсъ и пр., онъ уже распредѣлилъ Русскихъ въ достаточномъ количествѣ, тогда

какъ въ Швальбахѣ одинъ другъ его, докторъ, остался безъ кліентовъ въ 1867 году; вотъ Фрёрихъ, не долго думая, и послалъ насъ къ нему, мало заботясь о томъ, полезны или нѣтъ Швальбахскія воды. Добрыхъ Нѣмцевъ это мало тревожитъ. Такъ какъ въ то время господствовала идея, что Русскіе вообще малокровны, и желѣзо имъ полезно, то насъ, а за нами еще нѣсколько Русскихъ семействъ, послали въ Швальбахъ,—и это знаменитый врачъ Фрёрихъ! Съ теткой моей Бибиковой онъ сдѣлалъ еще хуже; онъ далъ письмо къ своему тоже пріятелю-доктору, въ которомъ писалъ: «Посылаю вамъ старую Русскую дуру; дѣлайте съ ней что́ хотите». Письмо нечаянно распечаталось, и тетушка прочла это милое посланіе. Мы сами, да уже поздно, догадались обо всемъ этомъ, просидѣвъ болѣе мѣсяца и проскучавъ въ такой ямѣ, какъ Швальбахъ. Одно утѣшеніе было: близость Висбадена и Франкфурта.

Испытавъ вредъ отъ Швальбахскихъ водъ, мы поѣхали въ Швейцарію; но и тамъ оказалось мало пользы.

Въ Швейцаріи, живя въ Интерлакенѣ, я попалъ въ очень интересное общество Нѣмцевъ—кружокъ туристовъ. Во главѣ его стоялъ Гласбреннеръ, редакторъ Берлинской газеты «Montags Zeitung». Это были все люди 1848-го года, которые вслѣдствіе революціи должны были оставить Пруссію. Они составляли тогда, въ 1867 г., полнѣйшую оппозицію Бисмарку и были очень раздражены противъ его системы и войны 1866 года, называя ее братоубійственною. Я тогда же удивлялся, какъ они, т. е. Нѣмцы слѣдятъ за всѣмъ, что́ дѣлается у насъ, въ Россіи. Однажды утромъ прибѣгаетъ ко мнѣ Глазбреннеръ съ своею же газетою въ рукахъ, и уже издали кричитъ: Читали вы про великій подвигъ вашего Царя?—Нѣтъ, а что́?—Да помилуйте, съ Лютера такого удара не насено папѣ и Католицизму, какой нанесъ имъ вашъ императоръ Александръ II-й! Онъ разорвалъ конкордатъ съ папою; конецъ католическимъ попамъ у васъ и ксензамъ въ Польшѣ! Гласбреннеръ, какъ свободомыслящій протестантъ ненавидѣлъ католиковъ, и весь день только и былъ въ кружкѣ разговоръ про этотъ великій шагъ. А въ Россіи, думаемъ мы, врядъ ли кто и прочелъ объ уничтоженіи конкордата; во всякомъ случаѣ большинство отнеслось индифферентно къ акту, который между Нѣмцами вызвалъ оживленныя пренія, разговоры и множество статей въ печати. Культурный народъ, отзывчивый!

Изъ Швейцаріи мы поѣхали въ Парижъ, гдѣ въ томъ 1867 году была всемірная выставка.

Я пріѣхалъ въ Парижъ на всемірную выставку, когда все еще было свѣжо и подъ впечатлѣніемъ посѣщенія выставки нашимъ государемъ Александромъ II, королемъ Прусскимъ и другими коронованными

особами. Наполеонъ былъ на высотѣ своей славы. Парижъ блисталъ изяществомъ и роскошью. Ко всякому слову Наполеона прислушивались, и ждали его рѣчей, какъ впослѣдствіи Бисмарковскихъ. Въ Парижѣ, наполненномъ нашими соотечественниками, только и было разговору, что о бывшемъ посягательствѣ на жизнь Александра Втораго, но настроеніе Французовъ было тогда далеко не въ нашу пользу. Императрица Евгенія, послѣ Австро-Прусской войны опасавшаяся за короля Прусскаго, какъ бы его не оскорбила Французская толпа, ошиблась: король, всюду гулявшій одинъ, своей благодушной наружностью завоевалъ симпатіи Французовъ и сдѣлался популяренъ, тогда какъ нашъ Александръ II-й напротивъ. Оваціи ему начались лишь послѣ выстрѣла Бржезовскаго. Не шло нашему Государю и штатское платье, какъ-то нескладно сидѣвшее на немъ, сшитое партикулярнымъ портнымъ въ Петербургѣ. Для бала въ Тюльери, согласно Французскому этикету, пришлось Государю надѣвать фракъ, чулки и башмаки. Все это сердило Александра II. Въ Тюльери пріѣхалъ онъ не въ духѣ, былъ сдержанъ и необходителенъ. Одѣяніе это, неловко пригнанное, при военной осанкѣ Императора, прямо таки стѣсняло его и вовсе не шло къ нему. И случилось, что именно на Парижанъ, которые такъ цѣнятъ обходительность и ласку, онъ не производилъ своего, всѣми признаннаго, чарующаго впечатлѣнія. На этомъ балу въ Тюльери, Государь, вслѣдствіе своей военной привычки и выправки, въ отвѣтъ на оказываемые ему знаки уваженія и поклоны кивалъ лишь головой и то очень незамѣтно, такъ какъ накрахмаленный воротничекъ мѣшалъ ему. Французамъ это не понравилось. Всѣ обратили вниманіе на то, что Наполеонъ, напротивъ, никогда такъ низко всѣмъ не кланялся, особенно дамамъ, какъ въ этотъ разъ, точно нарочно. Оба Императора сходили съ большой лѣстницы Тюльери въ садъ вмѣстѣ съ супругой Голландскаго посланника, и Наполеонъ передъ нею шелъ à reculon, т. е. обращаясь назадъ, чтобы не говорить съ дамой даже въ полоборота. Обхожденіе и манеры Наполеона на балу еще усилили нехорошее расположеніе духа Государя, и онъ скоро уѣхалъ. За то императрица Евгенія особенно была любезна и слѣдила за каждымъ шагомъ нашего Государя. Много было толковъ о томъ, что она тотчасъ послѣ выстрѣла Бржезовскаго въ извощичьей каретѣ поспѣшила къ императору Александру въ Елисейскій дворецъ и въ избыткѣ чувствъ при всѣхъ бросилась ему на шею, поздравляя съ избавленіемъ отъ опасности. Наслѣдникъ Цесаревичъ, Александръ Александровичъ и Августѣйшій братъ его послѣ выстрѣла были обрызганы кровью; думали, что они ранены, но то была кровь изъ прострѣленныхъ ноздрей лошади шталмейстера Шамбо, который движе-

ніемъ впередъ заслонилъ императоровъ и ослабилъ тѣмъ пулю Бржезовскаго.

Изъ Петербурга были приведены и верховыя лошади для прогулокъ нашему Государю, и онъ на нихъ катался по окрестностямъ Парижа. Какъ-то онъ вышелъ никѣмъ не замѣченный изъ Елисейскаго дворца и въ извощичьей каретѣ поѣхалъ въ Булонскій лѣсъ, гдѣ ожидала его верховая лошадь и его рейтъ-кнехтъ. Вышелъ цѣлый переполохъ, такъ какъ не знали, куда Императоръ изволилъ поѣхать. Императрица Евгенія послала за знаменитымъ тогда Пьетри, чтобы немедленно узнать, гдѣ Государь, но и Пьетри этого не зналъ; только черезъ полтора часа Пьетри донесъ, что Государь Александръ Николаевичъ преспокойно прогуливался верхомъ въ аллеяхъ Булонскаго лѣса.

Еще болѣе остались недовольны члены жокей-клуба, устроившіе овацію Александру II, когда онъ мимо ихъ ѣхалъ изъ Елисейскаго дворца въ Грандъ-отель къ великой княгинѣ Марьѣ Николаевнѣ: на ихъ привѣтствіе Государь кивнулъ головой, тогда какъ Наполеонъ всегда приподнималъ шляпу.

Тогдашняя нелюбезность Французовъ и ихъ Императора къ нашему Государю въ Парижѣ имѣла значительныя послѣдствія; черезъ три года, во время Франко-Прусскаго столкновенія Александръ II-й ничего не пожелалъ сдѣлать для Наполеонидовъ, хотя симпатіи его къ Франціи были весьма сильны: такъ въ 1874 году, когда Пруссія хотѣла вторично броситься на Францію, озабоченная ея быстрымъ возрожденіемъ и удивленная досрочною уплатою пяти милліардовъ контрибуціи, одного слова Александра II-го было достаточно, чтобы остановить и обуздать Пруссію, уже готовую къ походу. Про это очень подробно говорилъ князю В. А. Черкасскому самъ Тьеръ, который называлъ Александра II-го спасителемъ Франціи отъ второго разгрома. Я слышалъ этотъ разсказъ отъ самаго князя В. А. Черкасскаго.

Я оставался въ Парижѣ недолго; но, какъ на всякаго, впервые посѣщающаго этотъ современный Вавилонъ, онъ не могъ не произвести на меня сильнаго впечатлѣнія. Я старался увидать, чтó могъ. Посѣщалъ я и выставку, и Русскій отдѣлъ, который, кромѣ развѣ конскаго, былъ довольно плохъ. Еще неудачнѣе былъ Русскій ресторанъ съ его прославленой якобы Русской красавицей. Я какъ-то зашелъ въ него и удивился безвкусію: за чайнымъ буфетомъ сидѣла толстая, деревенская и къ тому же еще неуклюжая баба. Оказалась она Тульской губерніи, Веневскаго уѣзда, стало-быть мнѣ землячка. Я пожалѣлъ, что не нашли болѣе опрятной и красивой, такъ какъ эту выставленную Французы награждали весьма нелестными эпитетами.

За то, какъ охотнику и коннозаводчику, мнѣ крайне любопытно было увидѣть нашихъ Русскихъ лошадей въ Парижѣ, и Русское самолюбіе мое было вполнѣ удовлетворено. Лошади находились тамъ подъ главнымъ надзоромъ генерала Петра Карловича Мердера. Помѣщеніе ихъ было лучшее на выставкѣ, можно сказать, самое модное мѣсто. Французы, Англичане, Американцы вѣчно толкались въ Русской конюшнѣ и по долгу любовались нашими чудными лошадьми. Рысаки Боткина, Энгельгардта и др. производили фуроръ.

Много, впрочемъ, я наслышался курьезовъ во время выставки. Въ Русскомъ конскомъ отдѣлѣ завѣдывали рысистыми лошадьми два, довольно извѣстныхъ въ Россіи охотника: писатель В. И. Коптевъ и конный заводчикъ Левъ Ивановичъ Сенявинъ. Отличался въ особенности послѣдній. Онъ вымѣрилъ кругъ трехверстный для рысистаго гипподрома, и самъ перекладывалъ аршины на метры. Ухитрились такъ устроить, что наши рысаки приходили, въ самомъ дѣлѣ, съ неимовѣрною быстротою. Былъ ли уменьшенъ кругъ, преданіе молчитъ; но злые языки говорили, что *да*. «Бедуинъ» Д. П. Боткина, одинъ изъ самыхъ лучшихъ рысаковъ на выставкѣ, государственнаго Хрѣновскаго завода, проходившій въ Россіи не рѣзвѣе 5 м. 10 с. три версты, въ Парижѣ проходилъ ихъ въ 4 минуты 48 секундъ?! Наѣздникъ мой, Ефимъ Ивановъ, впослѣдствіи говорилъ, что кругъ былъ сдѣланъ великолѣпно, выстланъ макадамомъ, отчего и «Бедуинъ» шелъ быстрѣе, чѣмъ въ Россіи; кромѣ того сбои какъ-то не считались, и отъ этого можно было проѣхать какъ угодно. Будемъ вѣрить, что это такъ. Тогда не было еще Франко-русской дружбы, напротивъ; но все же должны были дать первую золотую медаль за выставленныхъ лошадей *Россіи*, а не *Англіи*. Великолѣпная медаль была вручена Русскому представителю для доставленія Государю Императору Александру Второму.

Бисмаркъ, тогда еще графъ, посѣтивъ выставку и оставшись доволенъ, прислалъ на другой день свою фотографическую карточку тому, кто показывалъ ему Русскій отдѣлъ. В. И. Коптевъ взялъ было эту карточку, но Французскій коммисаръ оттягалъ ее у него, и Василью Ивановичу пришлось удовольствоваться меньшимъ: онъ положилъ подъ стеклянный колпакъ въ своемъ кабинетѣ (въ Тульской губерни, селѣ Острогахъ) свою собственную перчатку, въ которой графъ Бисмаркъ пожалъ ему руку, съ надписью о томъ, что въ сей перчаткѣ владѣлецъ ея имѣлъ счастье жать руку графу Бисмарку. Вообще про Коптева много ходило разсказовъ за то время, когда онъ служилъ въ коннозаводскомъ вѣдомствѣ.

ГРАФЪ П. А. КЛЕЙНМИХЕЛЬ.

(† 3-го Февраля 1869 года.)

10-го Ноября нынѣшняго года исполнилось сто лѣтъ со дня рожденія графа Петра Андреевича Клейнмихеля. При этомъ имени возникаетъ цѣлый рой воспоминаній о славномъ царствованіи Николая Павловича. Клейнмихель былъ однимъ изъ самыхъ приближенныхъ къ нему лицъ и самыхъ вѣрныхъ его слугъ. Читатели «Русскаго Архива» по Запискамъ Н. Н. Муравьева знаютъ, какъ еще въ 1834 и 1835 годахъ первымъ сановникамъ государства приходилось считаться съ Клейнмихелемъ. Онъ былъ тогда дежурнымъ генераломъ, а позднѣе, когда князь Чернышовъ уѣзжалъ на Кавказъ, управлялъ Военнымъ Министерствомъ. Въ 1839 году онъ пожалованъ графскимъ титуломъ, а по кончинѣ графа Толя, сдѣлавшись министромъ путей сообщенія, пріобрѣлъ первенствующее значеніе. Имя его было грозно на всю Россію. Когда онъ пріѣзжалъ отдыхать къ себѣ въ Почепъ, то и губернаторъ мѣстный, и правители сосѣднихъ губерній по цѣлымъ часамъ дожидались въ его саду, пока онъ удостоитъ ихъ приглашенія къ себѣ. Шведъ происхожденіемъ, сынъ директора Втораго Кадетскаго Корпуса и Софьи Францовны Ришаръ, Клейнмихель, можетъ быть, отъ матери унаслѣдовалъ свойственную Французамъ способность преслѣдовать во всякомъ дѣлѣ опредѣлительную и ясную цѣль. Тутъ, подъ часъ, могло не быть глубины; но всякій, имѣвшій дѣло съ Клейнмихелемъ, зналъ точно къ чему идти. Эта прямолинейность, сопряженная иной разъ съ великими невзгодами, имѣетъ однако свои неоспоримыя преимущества. Все царствованіе Николая Павловича было прямолинейно. Дорога, соединившая двѣ его столицы, служитъ вѣковѣчнымъ памятникомъ ему и графу Клейнмихелю. Эта дорога царственная и въ строительномъ искусствѣ имѣющая значеніе всемірное. Толки о томъ, что на нее очень много истрачено, опровергаются несмѣтными тратами, сопровождавшими такъ называемое второе нашествіе Французовъ въ лицѣ Колиньона. Одинъ изъ Московскихъ поэтовъ привѣтствовалъ государственное начинаніе 1842 года:

Думой сильнаго владыки,
Волей рока самаго,
Совершайся трудъ великій,
Свѣта знаній торжество.
Лягте горы, встаньте бездны,
Покоряйся намъ земля,
И катися путь желѣзный
Отъ Невы и до Кремля!

Русская пословица гласитъ, что при всякой стройкѣ летятъ щепки, и конечно въ управленіе путями сообщенія при Клейнмихелѣ были злоупотребленія. Они раздувались завистью и клеветою, всегдашними спутницами большой извѣстности; но никто изъ многочисленныхъ его враговъ не могъ попрекнуть его въ личномъ корыстолюбіи. Ему даже некогда было заниматься собственными дѣлами, а богатъ онъ былъ отъ щедротъ Государя, который умѣлъ награждать, и отъ обширныхъ Курскихъ имѣній своей супруги. Николаю Павловичу, несытому желаніемъ во всѣ дѣла входить самому, были дóроги именно такіе безпрекословные, неукоснительные и, подобно ему, неутомимые исполнители его воли, какъ графъ Клейнмихель, въ рукахъ котораго дѣло закипало немедленно и велось вопреки всѣмъ препятствіямъ. Природный умъ восполнялъ ему недостаточность техническихъ знаній, и усвоенное оставалось въ немъ крѣпко.

Государь узналъ Клейнмихеля еще въ ранней своей молодости, въ 1814 г., ѣдучи въ покоренный Парижъ; тогда Клейнмихелю посчастливилось прогнать непріятельскій отрядъ, угрожавшій молодымъ великимъ князьямъ, и за это онъ былъ назначенъ флигель-адъютантомъ. Въ Александровское царствованіе Клейнмихель выдержалъ строгую школу трудолюбія и покорливости, служа при своемъ благодѣтелѣ графѣ Аракчеевѣ, другѣ его отца. Въ частыхъ путешествіяхъ Николая Павловича по Россіи нагляднѣе являлась потребность въ усовершенствованіи нашихъ путей сообщенія. Вспомнимъ, что въ предъидущее царствованіе была только одна каменная дорога отъ Москвы до Петербурга. Въ управленіе Клейнмихеля выстроено ихъ нѣсколько. Клейнмихель лично наблюдалъ за работами, и когда дорóга бывала готова, свидѣтельствовалъ ее нарочно при захожденіи солнца, чтобы замѣтнѣе выказывались шороховатости щебёнки. Множество анекдотовъ, большею частью вымышленныхъ, ходило про него; но всего вѣрнѣе изображенъ онъ въ неизданныхъ доселѣ Запискахъ барона Андрея Ивановича Дельвига.

Время есть лучшій оцѣнщикъ, и мы увѣрены, что потомство вспомянетъ добромъ графа Петра Андреевича.

П. Б.

ВОПРОСЪ XV-й.

Въ приложеніяхъ къ Камеръ-Фурьерскому журналу за 1794 годъ на стр. 78 значится подъ *5-мъ числомъ Мая*. „Высочайше повелѣно находящагося при *малолѣтнемъ Денисѣ* истопника Якова Григорьева произвести лакеемъ по комнатамъ Е. И. В. Государя В. Кн. Александра Павловича (подписалъ: кн. Федоръ Барятинской)". Кто могъ-бы быть этотъ: „малолѣтній Денисъ?"

Замѣтки, дополненія и поправки.

Къ статьямъ: „Кто взялъ Костюшку?" (см. выше, стр. 238 и 462). Въ Приложеніяхъ къ Камерфурьерскому Журналу 1794 года, на стр. 105-й, значится:

„13 Ноября Всемилостивѣйше пожаловано генералъ-поручику барону Ферзену три тысячи червонныхъ, генералъ-маіору Хрущову тысячу, полковнику Муромцову тысячу, *двумъ офицерамъ, взявшимъ Костюшку* 450, *да бывшимъ съ ними двумъ казакамъ* 50, всего-же 5.500 червонцевъ изъ кабинета".

*

Къ примѣчанію на 134 стр. II-й кн. „Русскаго Архива" сего года. *Софія* (а не *Анна*) Тимофеевна Аксакова (род. 1806, сконч. 1866) была замужемъ за Уфимскимъ помѣщикомъ Михаиломъ Васильевичемъ Глумилинымъ. Дѣти ихъ: два сына Василій и Михаилъ и четыре дочери. Старшая, Марья Михаиловна за С. Ф. Россоловскимъ, Надежда Михайловна за Александромъ Михаиловичемъ Бутлеровымъ (извѣстнымъ академикомъ и профессоромъ химіи), Екатерина Михайловна за Николаемъ Александровичемъ Аристовымъ и Юлія Михайловна за Д. В. Дугласъ-Юмомъ (извѣстнымъ спиритомъ). Анна Тимофеевна Аксакова (род. 1799) была за Владиміромъ Ивановичемъ Воейковымъ; ихъ сынъ служилъ жандармскимъ полковникомъ въ Москвѣ.

Къ некрологу П. А. Мухановой (см. выше стр. 457).

Въ ней ничего не было мелкаго, того что̀ называютъ ханжествомъ: ни постовъ до голоданія, ни молитвенныхъ стояній долгими часами со вздохами и жестами. Ея благочестіе отличалось величавою сосредоточенностію. Томикъ Пушкина всегда лежалъ возлѣ нея въ корзиночкѣ съ флакономъ, и тутъ же портмоне. Не проходило получаса, чтобы не входила служанка со словами „бѣдный пришелъ", и портмоне, полный утромъ, къ вечеру пустѣлъ.

Въ монастыряхъ ее называли „свѣтской игуменьей" и когда она была еще въ силахъ, приглашали ее на обѣды съ митрополитомъ или архіереями, чтобы бесѣдовать съ ними. Когда вскрыли ея завѣщаніе оказалось, что она пожертвовала: по 50 тысячъ Маріинской больницѣ, Московской Духовной Академіи и Московской Духовной Семинаріи; по 20-ти тысячъ Московской Глазной больницѣ, Общинѣ „Утоли моя печали", Братолюбивому Обществу, Женскому Филаретовскому училищу и Обществу распространенія книгъ духовнаго содержанія.

АЗБУЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

РУССКАГО АРХИВА

1894 года.

СОДЕРЖАНІЕ

ТРЕТЬЕЙ КНИГИ

«РУССКАГО АРХИВА»

1894 года

(выпуски 9, 10, 11 и 12).

Приложены портреты М. Н. Аксаковой.—Г. Р. Рейтерна.

Орловскій П. Для біографіи Кіевскаго митрополита Арсенія Могилянскаго. „Труды Кіевской Дух. Академіи" № 10.

Петровъ Н. Посланіе Леонтія Карповича къ Аѳонскимъ подвижникамъ, 1619 года. „Литовскія Еп. Вѣд." № 26.

Къ исторіи Пугачевскаго бунта. „Екатеринбургскія Еп. Вѣд." №№ 30—41.

Пясецкій Г. Преосвященный Тихонъ, первый епископъ Сѣвскій и Брянскій, и его время. 1764—1768. „Орловскія Еп. Вѣд." №№ 19, 22, 25, 36, 38.

Пыпинъ А. Н. Послѣднія Времена Московской Россіи. I Отношенія къ Западному образованію. Кіевская школа. Симеонъ Полоцкій. II. Сильвестръ Медвѣдевъ и Латинская часть. Патріархъ Іоакимъ. Св. Димитрій Ростовскій. „Вѣст. Евр." Октябрь—Ноябрь.

Романскій М. О Крымской войнѣ (изъ воспоминаній священника). „Вѣстникъ военнаго духовенства" № 11.

Толстой графъ М. В. Воспоминанія о моей жизни и ученіи въ Сергіевомъ посадѣ (1825 — 1830). „Богословскій Вѣстникъ", Ноябрь.

Холостова Ю. Изъ воспоминаній о духовныхъ лицахъ. „Странникъ" № 10.

Галичская десятина. „Костромскія Еп. Вѣд." №№ 7, 8.

Костромской Богоявленско-Анастасіинъ монастырь. „Костромск. Еп. В." №№ 2, 4, 6.

Ростовско - Ярославскіе іерархи. „Ярославскія Еп. Вѣд." №№ 12, 13, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26.

Николо-Боевской монастырь и его вотчина въ 1629—1631 гг. „Яросл. Еп. Вѣд." №№ 14, 15.

Историческія свѣдѣнія изъ церковно-религіознаго быта г. Архангельска въ XVII и первой половинѣ XVIII в. „Архангельскія Еп. Вѣд." №№ 1—2.

Историко-статистическое описаніе церквей и приходовъ Волынской епархіи. „Волынскія Еп. Вѣд." №№ 22—28.

Изъ прошлаго Волыни. Участіе Волынскаго духовенства въ судьбахъ 1812 года. „Волынскія Еп. Вѣд." № 27.

Исторія Новгородской духовной семинаріи. „Новгородскія Еп. Вѣд." № 17.

Вознесенскій Обнорскій монастырь, въ 1764 г. упраздненный. „Ярославскія Еп. Вѣд." № 34.

Древніе документы Ростовской Николоспольской церкви. „Ярославскія Еп. Вѣд. № 36.

Бѣглые Ярославской семинаріи въ 1754 г. „Ярославскія Еп. Вѣд." № 41.

Шенрокъ В. И. Н. В. Гоголь. Пять лѣтъ жизни за границей (1836—1841). „Вѣст. Евр." Октябрь.
